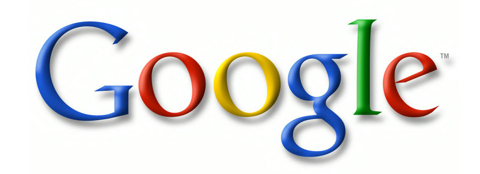
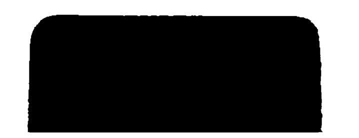




ГРАФИНЯ АННА ПОТОЦКАЯ.

Съ портрета Анжелики Кауфманъ.

Дозв. ценз. 28 іюня 1897 г. спб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

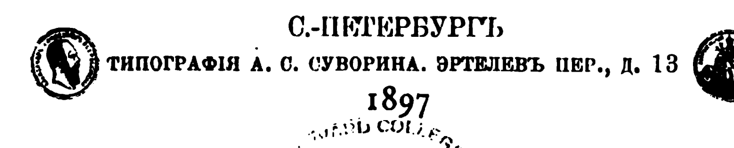
ВѢСТНИКЪ

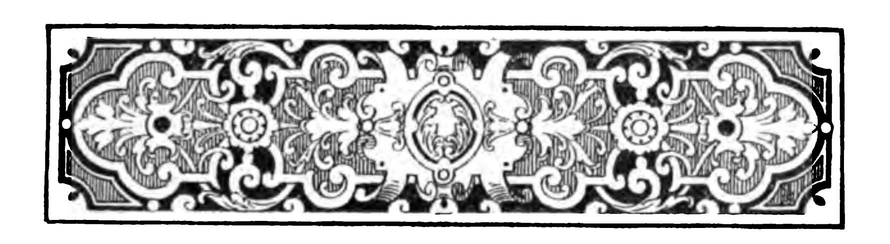
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXIX

1897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1897





СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ [1]).

X.

ѢКОТОРЫЕ изъ гостей, бывшихъ на свадьбѣ, разъѣхались только утромъ, когда начало свѣтать. Всѣ рѣшительно признали, что это была одна изъ самыхъ веселыхъ свадебъ. Что всего удивительнѣе, такъ это то, что даже отецъ Мемнонъ, прощаясь съ отцомъ Гуріемъ, повидимому, вполнѣ искренно заявилъ:

— Ну, отецъ Гурій, то есть такъ повеселился, какъ даже не запомню. Жаль, что хоръ мой не въ полномъ составѣ пріѣхалъ, а то бы непремѣнно спѣли.

И затѣмъ онъ отвелъ отца Гурія въ сторону и еще разъ напомнилъ ему: — Смотрите же, отецъ Гурій, когда будетъ случай... Вы понимаете? Такъ ужъ не проѣзжайте мимо моей хаты.

— Постараюсь, постараюсь, отецъ Мемнонъ!—промолвилъ отецъ Гурій и тутъ же въ душѣ рѣшилъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ нибудь услужить отцу Мемнону. Что изъ того, что онъ человѣкъ плутоватый? Не онъ плутуетъ, а положеніе его. Можетъ, будь отецъ Гурій на его мѣстѣ, будь у него столь же многочисленное семейство да мѣсто не въ соборной церкви уѣзднаго города, а гдѣ нибудь въ деревнѣ, такъ, чего добраго, не такъ бы еще плутовалъ.

Хозяева совсѣмъ не ложились спать. Какъ только показались на востокѣ первые предвѣстники солнечнаго восхода, тотчасъ же

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 665.

Вѣра и Надя принялись возиться въ палисадникѣ съ чайнымъ столомъ. Ужъ онѣ теперь не обращали вниманія на безпорядокъ въ домѣ и остатки отъ ночного свадебнаго пиршества. Все это было отложено напослѣ, а теперь надо было собраться въ тѣсномъ домашнемъ кругу, отдохнуть и поговорить о предстоящихъ дѣлахъ.

— Охъ, ты Господи!—воскликнулъ Парменъ, какъ-то комически оглядывая себя самого.—Можете себѣ представить: дьякъ Парменъ такъ захлопотался, что даже забылъ подвыпить... На свадьбѣ и вдругъ не подвыпилъ...

И въ самомъ дѣлѣ Парменъ такъ былъ занятъ распорядительскою частью, что ни разу въ эту ночь не приложился къ вишневкѣ. Случалось ему разъ другой отхлебнуть какихъ-то напитковъ, которые ему подносили въ качествѣ крестнаго отца невѣсты. Но напитки все были несущественные, въ родѣ пива и слабенькаго вина. Они совсѣмъ не дѣйствовали на Парменову голову. Онъ признавалъ только настойку.

Усѣлись за столъ. Отецъ Гурій вдыхалъ полною грудью свѣжій утренній воздухъ и говорилъ, что хорошо жить въ деревнѣ.

— Чтожъ теперь дѣлать, отецъ Гурій?—спросилъ Егоръ, когда всѣ были въ сборѣ.

— А теперь? Теперь, братецъ ты мой, надо готовиться къ архіерейскому пріѣзду. Вѣдь всего-на-всего два дня осталось. Послѣзавтра и преосвященнѣйшій владыка пожалуетъ.

— Такъ какъ же это будетъ, отецъ Гурій? вѣдь у меня ни кафтана, ни рясы нѣтъ.

— А ужъ не знаю, какъ это будетъ. Вѣдь вотъ доѣздился ты до самаго послѣдняго дня. Еще хорошо, что жену подхватилъ, а то прямо скандалиссимусъ вышелъ бы...

— Да, подхватилъ!—ухмыляясь произнесъ Егоръ и при этомъ съ блаженною улыбкой посмотрѣлъ на Вѣру.

— А насчетъ кафтана и рясы, братецъ ты мой,—промолвилъ отецъ Гурій,—ничего не могу тебѣ посовѣтовать. За такой короткій срокъ никакой тебѣ портной не сдѣлаетъ. Даже, я думаю, самъ Моисейка откажется. Да ты вотъ что: можетъ, у тестя найдется запасный кафтанъ.

— Гдѣ тамъ...—откликнулся Евтихій.—У меня одинъ вотъ этотъ самый, что на мнѣ, да и длиненъ будетъ ему.

Парменъ, даже не дожидаясь, пока о немъ заговорятъ, махнулъ рукой:—А ужъ обо мнѣ и говорить нечего. Этотъ мой кафтанъ на мнѣ все равно, что шкура, онъ какъ бы приросъ... А другого и въ заводѣ нѣтъ.. Да, притомъ, кафтана мало, отецъ Гурій, главное-то ряса.

— Гм... Не могу же я тебѣ свою рясу дать. Тебя въ нее можно два раза закутать...

— Такъ надо въ городъ ѣхать,—сказалъ Егоръ.—Можетъ быть, какъ нибудь и устроимъ. Только денегъ-то вовсе нѣтъ у меня.

— У меня двухъ копеекъ не осталось!—сказалъ Евтихій,—все на свадьбу ушло.

— А у меня ихъ и не бывало,—замѣтилъ Парменъ.—Развѣ вотъ что: корову продать...

Отецъ Гурій слушалъ этотъ разговоръ и покачалъ головой.

— Ну, народъ—наше духовенство!—промолвилъ онъ полуукоризненно, полушутя.—Нечего сказать, богачи... Выходитъ, что ни тотъ, ни другой, на черный день и ста рублей не припасъ. А?

— Гдѣ тамъ, отецъ Гуій? Чего тутъ припасешь!—сказалъ Парменъ.

— Ну, такъ ужъ, видно, придется отцу Гурію раскошеливаться!—промолвилъ отецъ Гурій такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что онъ расчувствовался.

И правда, онъ таки дѣйствительно расчувствовался. Первое было то, что наконецъ эти скитанія кончились. Хотя кончились они не совсѣмъ такъ, какъ желалъ отецъ Гурій, но, слава Богу, цѣль достигнута, а это главное. А то вѣдь ему уже начало казаться, что на его репутаціи опытнаго свата можетъ появиться пятно. Второе, нельзя было не принять въ расчетъ, что новобрачный приходится ему родней. Хотя никакимъ образомъ нельзя было опредѣлить, въ какомъ колѣнѣ и съ какой стороны считать его родней, но все же онъ—Маккавеевъ, почему нибудь да получилъ онъ эту фамилію. А третье—какъ же иначе? Если ни у Евтихія, ни у Пармена, а тѣмъ болѣе ни у Егора, денегъ нѣтъ, а черезъ два дня архіерей пріѣдетъ и посвящать его будетъ, то какъ никакъ, а рясу и кафтанъ пріобрѣсти надобно. Нельзя же допустить, чтобъ изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, изъ-за двухъ тряпокъ, человѣкъ пропустилъ архіерейскій пріѣздъ и не получилъ сана. Это ужъ было бы слишкомъ жестоко.

— Ну, такъ вотъ, значитъ, ѣдемъ... И ужъ тогда, Егоръ Трофимовичъ, нечего мѣшкать. Надо скорѣй собираться... А то вѣдь исторія-то вотъ какая. Сегодня, потому что уже день начинается, пріѣдемъ въ городъ, къ вечеру, конечно, едва успѣемъ матерію набрать... Моисейка будетъ отнѣкиваться. Ну, да я его приструню; для меня онъ не посмѣетъ отказаться... Всю ночь заставлю работать... А завтра... завтра уже и преосвященный пріѣдетъ, и вся эта пѣвчая братія понаѣдетъ. Значитъ, времени-то немного. Ну, такъ живо, живо...

— Ужъ если вы, отецъ Гурій, такой добрый...—сильно смутившись, сказалъ Егоръ,—такъ за мной остановки не будетъ.

— Отецъ Гурій,—нерѣшительно промолвила Вѣра,—а меня возьмете съ собой?

— А тебѣ что тамъ дѣлаать? Э, да ну... Ладно... Ну, конечно, я понимаю. Молодожены... Безъ году недѣлю женаты... Поѣзжай и ты... Ты мнѣ нравишься...

Парменъ мигомъ скомандовалъ кучеру запрягать, и черезъ нѣсколько минутъ экипажъ стоялъ уже у порога. Вѣра наскоро накинула на голову платокъ, и они усѣлись.

— А я на приступкѣ постою,—сказалъ Парменъ,—меня до Окуневки довезете.

— Ладно. И въ Окуневку заѣдемъ. Я загляну въ церковный домъ. Посмотрю на комнаты, въ которыхъ мой сродственникъ будетъ жить...

И они поѣхали. На минуту завернули въ Окуневку въ церковный домъ, оставили тамъ Пармена и покатили дальше. Отецъ Гурій торопилъ кучера.

Дорога была длинная, но они проѣхали ее совсѣмъ незамѣтно. Вѣра оказалась хорошей разсказчицей. Она вспоминала разные смѣшные эпизоды изъ своей жизни и такъ потѣшно передавала ихъ, что отецъ Гурій всю дорогу надрывался. Ему ни разу не пришлось прибѣгнуть къ своему обычному способу сокращать время—дорожной дремѣ. Къ его удивленію, и Егоръ разошелся; у него тоже оказался даръ слова. Онъ въ свою очередь вспоминалъ кое-что изъ семинарской жизни и недурно разсказывалъ.

Такимъ образомъ они и не замѣтили, какъ солнце перешло зенитъ и довольно низко спустилось къ западу. Они пріѣхали въ городъ часовъ въ пять. Отецъ Гурій тотчасъ же познакомилъ молодыхъ съ своей женой и скомандовалъ ей обѣдъ. Вѣра очень скоро сошлась съ нею, и у нихъ, гдѣ-то въ дальней комнатѣ, завязались какіе-то чисто женскіе разговоры.

— Ну, вотъ,—сказалъ отецъ Гурій послѣ обѣда,—видно, и теперь не придется мнѣ поспать, надо идти къ Моисейкѣ...

Они отправились къ Моисейкѣ. Это былъ самый главный духовный портной въ городѣ. Надъ его мастерской красовалась длинная и широкая вывѣска, на которой были нарисованы ножницы и что-то похожее на кафтанъ.

Моисейка встрѣтилъ отца Гурія радостнымъ восклицаніемъ. Отецъ Гурій былъ хорошій заказчикъ. Но главное его достоинство состояло въ томъ, что онъ всѣмъ рекомендовалъ Моисейку.

Моисейка былъ самый маленькій еврей во всемъ городѣ. Тоненькій, худенькій, блѣднолицый, красноглазый, онъ напоминалъ общипаннаго цыпленка. Тѣмъ не менѣе это нисколько не мѣшало ему прекрасно владѣть большими портняжными ножницами и отлично обшивать всѣхъ духовныхъ лицъ города и даже всего уѣзда. Работы у него было всегда по горло. Онъ работалъ день и ночь, и неизвѣстно, когда онъ спалъ и ѣлъ. Неизвѣстно даже, былъ ли у него капиталъ. Судя по работѣ, долженъ бы быть. А между тѣмъ жилъ онъ со своимъ необыкновенно многочисленнымъ семействомъ въ двухъ маленькихъ комнатахъ, гдѣ ютились и его дѣти, постоянно бѣгавшія хвостомъ за его женой, Рахилью, и за нимъ самимъ, и подмастерья, тутъ же кроившіе, примѣрявшіе и шившіе.

— А, отецъ Гурій! —восторженно воскликнулъ Моисейка и при этомъ положилъ на столъ ножницы, которыми выкраивалъ сѣрый полотняный кафтанъ.

— Ну, да, отецъ Гурій и есть! А ты что подѣлываешь, Моисейка? Вотъ я тебѣ привелъ заказчика.

— Да ужъ я, отецъ Гурій, вамъ такъ благодаренъ, такъ благодаренъ...

— Ну, вотъ и отлично, что ты благодаренъ. По этому самому ты и обязанъ сшить моему родственнику полукафтанье и рясу и чтобы завтра къ полудню были готовы.

— Что вы, отецъ Гурій! Развѣ же это возможно! Развѣ жъ полукафтанье и ряса это какіе нибудь пирожки, которые можно испечь въ какіе нибудь два часа?

— Знаю, что это не пирожки,—промолвилъ отецъ Гурій,—а все же ты долженъ сшить.

— Да когда же, отецъ Гурій? Работы очень много. Сами знаете, какъ я заваленъ...

— Послушай, Моисейка,—строго промолвилъ отецъ Гурій, дѣлая при этомъ кулакомъ внушительный жестъ.—Ты у меня не вертись. Я знаю, что отцу благочинному ты въ одну ночь двѣ рясы сдѣлалъ, когда онъ съ преосвященнымъ по епархіи собирался ѣхать...

— Отецъ Гурій, такъ развѣ же я для васъ...

— Ну, вотъ то-то и есть, что для меня. Для меня ты и долженъ сдѣлать, и никакихъ разговоровъ слушать не желаю...

Моисейка глубоко вздохнулъ.— Ну, что жъ дѣлать... Не буду спать всю ночь, а ужъ для отца Гурія надо сдѣлать. Сдѣлаю, отецъ Гурій. А только пусть они выберутъ матеріалъ...

— Ну, что тамъ матеріалъ! Матеріалъ какой нибудь. Показывай, что у тебя есть.

Моисейка показалъ имъ образчики. Егоръ предоставилъ отцу Гурію сдѣлать выборъ по его вкусу... Дѣло это было слажено очень скоро. Моисейка снялъ мѣрку и чуть ли не въ ту же минуту принялся кроить и шить.

Добросовѣстно просидѣлъ первый духовный портной уѣзднаго города всю ночь надъ работой, памятуя, что дѣлаетъ онъ это для отца Гурія. Отецъ Гурій былъ золотой человѣкъ. Отецъ Гурій женилъ всѣхъ, кто только ни былъ назначенъ въ уѣздъ на духовное мѣсто, а, женивши, обязательно велъ его къ Моисейкѣ, чтобы сдѣлать заказъ. Такъ ужъ понятно, для отца Гурія Моисейка готовъ былъ просидѣть не одну ночь, а хоть и двѣ.

И сидѣлъ Моисейка не одинъ, а всю свою мастерскую засадилъ и всѣ работы отложилъ. А на утро работа была готова.

Въ девять часовъ утра самый маленькій человѣкъ во всемъ уѣздномъ городѣ, неся подъ мышкой нарядный узелокъ, быстрыми и чрезвычайно мелкими шагами направлялся въ церковный домъ.

Здѣсь произошла примѣрка. Кафтанъ сидѣлъ довольно скверно, а ряса была нѣсколько коротка. Но тутъ ужъ разбирать было нечего.

— Скверно, Моисейка, ты сшилъ, отвратительно ты сшилъ, Моисейка!—сказалъ отецъ Гурій,—а все-таки тебѣ спасибо, потому другой портной за такое короткое время и скверно не сшилъ бы.

Къ полудню начали появляться предвѣстники архіерейскаго пріѣзда. Пріѣхали изъ губернскаго города архіерейскіе пѣвчіе. Они едва только успѣли передохнуть и ужъ начали собираться дальше въ Вознесенскій монастырь. Пріѣхалъ и благочинный и протодіаконъ и два иподіакона и еще кое-кто изъ архіерейской свиты. И всѣ они должны были въ двѣнадцать часовъ выѣхать изъ города. А тутъ принесли и отцу Гурію бумагу, изъ которой онъ узналъ, что и онъ назначенъ участвовать въ архіерейскомъ служеніи.

— Ну, братецъ ты мой, судьба! Выходитъ, что намъ съ тобой не суждено разлучиться. Ѣдемъ вмѣстѣ.

Взятъ былъ тотъ самый извозчикъ, который возилъ ихъ по свадебнымъ дѣламъ. Онъ, конечно, былъ замѣченъ въ вѣроломствѣ, такъ какъ отецъ Гурій нисколько не сомнѣвался въ томъ, что отецъ Мемнонъ купилъ его за небольшую сумму; но все-жъ таки онъ былъ хорошій извозчикъ; главное же зналъ мѣста, а, кромѣ того, съ двухъ словъ понималъ отца Гурія.

Они выѣхали одновременно съ пѣвчими и дьяконами. И это былъ длинный поѣздъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ экипажей, нагруженныхъ всякимъ людомъ.

Въ первое время ѣхали тихо и громко вели общій разговоръ, перебрасываясь фразами съ одного экипажа на другой. Но затѣмъ отцу Гурію пришла въ голову очень важная мысль.

— Вотъ она штука-то! — сказалъ онъ Егору уже негромко, а такъ, чтобы въ другихъ экипажахъ не могли этого слышать.—Въ монастырѣ-то мѣста мало. Для такой компаніи придется и монашекъ выгонять изъ келій. Гдѣ помѣстить такую ораву? А въ гостиницѣ монастырской, которая за монастыремъ стоитъ, — я знаю ее очень хорошо,—всего только и есть одна комната порядочная, въ которой можно жить. А въ остальныхъ полы дырявые и потолки сквозные... Такъ, полагаю я, что надобно занять эту комнату.

— А если другіе займутъ?—спросилъ Егоръ.

— Въ томъ-то и дѣло, что другіе тоже могутъ занять. Тутъ, я полагаю, кто палку взялъ, тотъ и капралъ... А мы штуку удеремъ. Они дороги-то не знаютъ... Кучера у нихъ неопытные... А нашъ дока... Онъ тутъ всѣ переулочки и поселочки наизусть знаетъ. Слышь ты,—сказалъ онъ не особенно громко кучеру.—Ты тутъ сверни на Донауровку, а потомъ окольной дорогой... Чтобъ раньше поспѣть, понимаешь?

— Понимаю, отецъ дьяконъ...—пробурчалъ себѣ подъ носъ ку-

черъ. И сталъ тихонько сворачивать направо по узенькой дорогѣ, которая отдѣлялась отъ большой.

— Куда это вы, отецъ дьяконъ?—спросили его пѣвчіе.

— А я тутъ на минутку къ одному знакомому попику заѣду; тутъ сельцо есть такое.

— Глядите, не опоздайте! — рявкнулъ ему громовымъ басомъ протодіаконъ.

— Нѣтъ, ничего, я догоню васъ... Мы васъ догонимъ!..— и онъ прибавилъ, тихо обращаясь къ кучеру:—а, ну-ка, дерни по лошадямъ! Кучеръ хлестнулъ лошадей, и онѣ быстро помчались по узкой дорожкѣ и скоро скрылись за пригоркомъ. А тутъ ужъ было дѣломъ довольно простымъ—окольными путями обогнать весь пѣвческій поѣздъ, что они и сдѣлали. Черезъ полчаса они опять выѣхали на ту же самую большую дорогу, но только далеко впереди всѣхъ остальныхъ.

— Ну, теперь имъ за нами не угнаться! — сказалъ отецъ Гурій,—а ты все-таки поѣзжай живѣй, потому надо номерокъ занять и обосноваться, чтобъ уже выхода никакого не было.

И въ самомъ дѣлѣ они пріѣхали въ монастырь гораздо раньше другихъ и, остановившись въ гостиницѣ, заняли тамъ единственную комнату.

Вѣра въ этомъ монастырѣ, который былъ недалеко отъ Окуневки, обладала обширными знакомствами и тотчасъ устроилась у какой-то знакомой монахини въ келіи.

Отецъ Гурій сейчасъ расположился въ комнатѣ, какъ дома. Онъ снялъ не только рясу, но и кафтанъ; попросилъ себѣ самоваръ, вынулъ запасный сахаръ и чай. Пригласилъ и Егора снять сюртукъ, и они начали распивать чай.

Солнце уже было низко, когда къ гостиницѣ подъѣхалъ свитскій поѣздъ. Комната, которую занимали отецъ Гурій съ Егоромъ, была во второмъ этажѣ, и они слышали, какъ по деревянной лѣстницѣ раздавался топотъ многочисленныхъ ногъ, а затѣмъ кто-то грузными шагами шелъ по коридору и около ихъ двери остановился.

— Я вотъ оснуюсь въ этой комнатѣ... — проревѣлъ очевидно протодіаконъ и отворилъ дверь.

— Тутъ занято!—промолвилъ, приподнявшись съ дивана, на которомъ онъ уже успѣлъ расположиться, отецъ Гурій; при этомъ его басу было, конечно, далеко до громоваго голоса протодіакона, но все же до извѣстной степени, принимая разность ступеней ихъ сана, онъ могъ поспорить.

Не взирая на этотъ откликъ, протодіаконъ все-таки всей своей толстою фигурой протискался въ дверь и, остановившись на порогѣ, опустилъ на землю чемоданъ.

— То-есть какъ же это? Почему же это то-есть занято?—спросилъ протодіаконъ, любившій вставлять въ свою рѣчь «то-есть» безъ всякой надобности.

— А такъ,—отвѣтилъ отецъ Гурій,—потому занято... Заняли, оттого и занято, отецъ протодіаконъ!

— Такъ это же не надлежитъ... То-есть, я говорю, мнѣ обѣщано...

— Кѣмъ же это обѣщано, отецъ протодіаконъ? Мы пріѣхали раньше, вотъ и того... и помѣстились себѣ... А вы тоже помѣститесь... Гостиница большая, тутъ комнатъ восемь, либо десять; всѣмъ найдется; а то и въ самомъ монастырѣ, должно быть, келій пять очищено...

— Покорно васъ благодарю, отецъ Гурій. Это уже не угодно ли вамъ въ монастырѣ жить!—Эй, кто тамъ?—рявкнулъ онъ, обратившись лицомъ къ коридору,—какъ же это такъ?.. Взяли и заняли...

Въ коридорѣ послышались мягко шлепающіе шаги; прибѣжала надзирательница гостиницы, старая-престарая монахиня.

— Заняли, отецъ протодіаконъ, заняли!—начала она необыкновенно убѣдительнымъ тономъ.—Вотъ пріѣхали и заняли. Я не виновата... Жалуйтесь настоятельницѣ, а я не виновата...

— Да хоть самому архіерею жалуйтесь!—довольно равнодушно сказалъ отецъ Гурій,—а ужъ я отсюда не двинусь.

— Фу ты!—плюнулъ протодіаконъ и махнулъ рукой:—вотъ еще, стану я ябеду тутъ разводить. Давайте мнѣ тамъ какую ни на есть комнату! не вѣкъ тутъ жить съ вами... Ну, и хитрый же вы, отецъ Гурій... А сказалъ—къ попу какому-то заѣду... Это была штука! Ну, то-есть, и хитрый же вы, отецъ Гурій...

— Ха, ха, ха!—весело разсмѣялся отецъ Гурій,—да вѣдь тутъ безъ хитрости нельзя, отецъ протодіаконъ. Не пріѣхалъ бы я раньше, вы бы заняли, а не пріѣхали бы мы съ вами оба раньше, какой нибудь иподіаконъ засѣлъ бы тутъ. Тутъ, кто палку взялъ, тотъ и капралъ, отецъ протодіаконъ. Въ церкви вы на первомъ мѣстѣ служите, потому вы протодіаконъ, а я на второмъ, потому я просто діаконъ, а ужъ тутъ, кто похитрѣе, тотъ и верхъ беретъ... Комната, знаете, ужъ больно хороша. Вотъ въ окошко видъ какой!—говорилъ отецъ Гурій, точно подзадоривая протодіакона.—Глядите, вонъ рѣчка, камыши, вербы, воздухъ оттуда идетъ свѣжій, а тутъ безъ свѣжаго воздуха хоть пропадай; тамъ въ монастырѣ монашки весь воздухъ испортили! — прибавилъ онъ и разсмѣялся своей остротѣ.— Да вы, отецъ протодіаконъ, снимайте-ка рясу и кафтанъ и присаживайтесь къ намъ; гостемъ будете, чайку попьете. Спать-то вы будете тамъ гдѣ нибудь, а воздухомъ можете дышать и у насъ сколько угодно.

— И то правда!—отвѣтилъ протодіаконъ и, передавъ свой чемоданъ старухѣ, чтобы она устроила его въ другой комнатѣ, началъ снимать рясу и кафтанъ. Егоръ въ это время съ сконфуженнымъ видомъ сидѣлъ за столомъ и все порывался протянуть руку къ сюртуку и одѣться. Ему казалось неприличнымъ передъ почтеннымъ духовнымъ лицомъ сидѣть безъ сюртука. Но когда онъ уви-

дѣлъ, что и протодіаконъ разоблачается, то счелъ себя въ правѣ продолжать свое сидѣніе.

Черезъ минуту протодіаконъ засѣлъ за столъ, отецъ Гурій наливалъ ему чай, шла дружеская бесѣда, было совершенно забыто недавнее препирательство; протодіаконъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ свои гигантскія легкія свѣжій воздухъ, который подымался снизу отъ рѣки, и разсуждалъ на тему о томъ, что въ деревнѣ жить хорошо, а въ городѣ плохо.

Пѣвчіе размѣстились по разнымъ комнатамъ гостиницы. Двумъ иподіаконамъ не хватило мѣста. Гостиница была невелика, и пришлаго народа въ этотъ день въ нее совсѣмъ не принимали. Вся она была отведена подъ архіерейскую свиту.

Иподіаконовъ пришлось помѣстить въ самомъ монастырѣ, вытѣснивъ изъ келіи двухъ монахинь, которыя перешли къ другимъ.

— Ну, и штука же выйдетъ, ежели наши иподіаконы свой нравъ проявятъ!—сказалъ протодіаконъ, обращаясь къ отцу Гурію и подмигивая ему лѣвымъ глазомъ.

— А что такое?—спросилъ отецъ Гурій.

— Да это первые пьяницы во всемъ губернскомъ городѣ... Какъ выпьютъ, сейчасъ начнутъ вдвоемъ «благослови, душе моя, Господа» пѣть...

— Ну, я думаю, тутъ-то они поудержатся!—предположилъ отецъ Гурій.

— Почемъ знать... Не особенно они удержчивы...

Скоро явились депутатки въ длинныхъ, черныхъ платьяхъ, въ остроконечныхъ шапкахъ и пригласили всѣхъ пріѣзжихъ въ трапезную вечерять.

Отецъ Гурій и Егоръ не были голодны. Отецъ Гурій прихватилъ съ собой изъ дому пироговъ и еще кое-чего съѣстнаго, и вмѣстѣ съ чаемъ они плотно закусили. Но они все же не отказались. Съ одной стороны имъ было любопытно побывать въ монастырской трапезной, съ другой же стороны оно какъ-то было и неловко отказаться—монахини, пожалуй, обидятся.

И они пошли. Отправился съ ними и протодіаконъ, который былъ голоденъ. Трапезная уже была полна народу, пѣвчіе, какъ мальчики, такъ и взрослые, иподіаконы, носители дикирій и трикирій и всякіе чины архіерейской свиты занимали мѣста за длиннымъ столомъ. Послушницы изъ молодыхъ монахинь прислуживали. На столѣ стояли миски съ варениками, съ творогомъ, свѣжая сметана подавалась въ особыхъ чашкахъ. Вечеря, очевидно, была приготовлена наскоро. Въ большихъ кувшинахъ подавали квасъ. Все это было очень скромно, и скоро обнаружилось, что свита не можетъ удовлетвориться столь незначительною трапезой.

— Да неужто у васъ рыбнаго ничего нѣтъ? — промолвилъ пер-

вый протодіаконъ, который былъ страстнымъ охотникомъ до рыбы.— Какой же это монастырь безъ рыбы?

— Оно есть! какъ не быть рыбѣ!—отвѣтила монахиня, начальствовавшая надъ трапезой,—да только не собрались, не поспѣли...

— Вотъ-те и на... А вы поспѣвайте; мы и подождать можемъ! Преосвященный еще не скоро пріѣдетъ, прямо ко всенощной.

— Да оно можно, отчего не поспѣть?.. Можно...

И монахиня отправилась дѣлать приказанія на счетъ рыбы.

— Да что же это, братцы мои,—возгласилъ старшій иподіаконъ, у котораго тоже былъ басъ, но не важный. — Что же это, братцы мои, ни вина ни сикеры не видно?

— Вотъ именно!—отозвался второй иподіаконъ чрезвычайно тонкимъ теноровымъ голосомъ.

— Ишь чего захотѣли!—промолвилъ протодіаконъ.—Я полагаю, что вамъ сикеры и нюхать нельзя.

— Отчего это?

— А оттого самаго, что безобразничать начнете... Вѣдь вы мѣры не знаете, а черезъ часъ служба...

— Мы сегодня не служимъ,—отозвались дуэтомъ оба иподіакона.

— Завтра служите... А ужъ вы, ежели начнете сегодня, такъ Богъ знаетъ, когда кончите.

— Мы порядокъ знаемъ...

— Разсказывайте... Знаемъ мы вашъ порядокъ... По полштофу въ день, вотъ какой вашъ порядокъ.

— А вы, отецъ протодіаконъ, не путайтесь; вы намъ не начальство...

— Да я не путаюсь; сами вы напутаете изрядно...

— Ладно... Эй, сестра,—промолвилъ старшій иподіаконъ, обращаясь къ прислуживавшей монахинѣ.—Нѣтъ ли у васъ сикеры?

Монахиня смотрѣла на него вопрошающими глазами; она очевидно не понимала этого слова.

— Да попросту водки!—объяснилъ второй иподіаконъ.

— Водки? А я спрошу у настоятельницы, можетъ, и есть.

— Э, что тамъ! Еще у настоятельницы! За каждой мелочью къ настоятельницѣ ходить. Какъ же это трапеза и безъ сикеры...

— Пребезобразнѣйшій народъ!—воскликнулъ протодіаконъ,—никакого приличія не понимаютъ...

Тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько минутъ появилась на столѣ и сикера. Къ иподіаконамъ присоединилось нѣсколько басовъ и теноровъ изъ пѣвчихъ; принесли стаканчики, и началось выпиваніе.

— И что вы дѣлаете, безбожный вы народъ!—говорилъ протодіаконъ, очевидно, имѣвшій большую склонность къ морали. — И какъ же это можно пьянствомъ осквернять монашескую трапезу? Вѣдь тутъ, я думаю, водки никогда еще въ жизни не бывало...

— Не бывало, такъ побываетъ... Мы не монахи, отецъ прото-

діаконъ, мы пѣвчіе. Пѣвчему безъ водки никакъ не возможно, особливо басамъ...

Солнце спустилось очень низко, когда раздался на колокольнѣ монастырской энергичный трезвонъ. Протодіаконъ, отецъ Гурій, иподіаконы и пѣвчіе бросили недоконченную трапезу и всѣ выскочили въ монастырскій дворъ. Они привели въ порядокъ свои кафтаны и рясы, быстро дошли до церкви, вошли въ нее и начали облачаться. Скоро и архіерейская карета въѣхала во дворъ и остановилась около церкви. На церковной паперти раздался привѣтственный хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а ему отвѣтилъ дѣвическій хоръ съ клироса,—то пѣли монашки. Въ нѣсколько минутъ весь монастырь собрался около церкви. Настоятельница, въ высокомъ клобукѣ съ большимъ крестомъ на груди, повела всѣхъ монашекъ къ архіерею, чтобы взять у него благословеніе. Потомъ неизвѣстно откуда набрался посторонній народъ, и всѣ толкались, протискиваясь къ архіерейской рукѣ. Архіерей всѣхъ благословлялъ, но потомъ, видя, что толпа слишкомъ велика, осѣнилъ всѣхъ общимъ крестомъ и отправился въ алтарь.

Началась всенощная. Служилъ ее отецъ Гурій, а протодіаконъ присутствовалъ въ алтарѣ съ лѣвой стороны. Преосвященный же занималъ почетное мѣсто съ правой стороны престола, гдѣ ему былъ постланъ коврикъ и поставленъ аналой для молитвенника.

Егоръ стоялъ въ церкви позади праваго клироса. Къ началу всенощной явилась и Вѣра и стала неподалеку отъ него. Она не рѣшилась стать рядомъ съ нимъ, такъ какъ онъ въ эти минуты казался ей какъ бы уже до извѣстной степени посвященнымъ. По ея мнѣнію, его нельзя было тревожить мірскими разговорами и мыслями. Онъ долженъ былъ думать о завтрашнемъ актѣ рукоположенія.

Но Егоръ видѣлъ ее, и ему было очень пріятно сознавать, что она пришла, что она думаетъ о немъ, и что она его жена. «Какъ это хорошо, однако, вышло, что я нигдѣ не женился раньше... А вѣдь могъ бы, могъ бы и у отца Пафнутія жениться, и у отца Софронія, чего добраго—и у отца Мемнона».

И холодная дрожь пробѣжала у него по спинѣ, когда онъ только представилъ на минуту, что на мѣстѣ Вѣры здѣсь въ качествѣ его жены могла бы стоять Леонила или Муша или какая нибудь другая изъ дѣвицъ, съ которыми онъ въ теченіе послѣдней недѣли встрѣчался во время своего путешествія съ отцомъ Гуріемъ.

Когда уже отошла вечерня, и началась утреня, архіерей что-то вспомнилъ и подозвалъ къ себѣ протодіакона.

— Кажется,—промолвилъ онъ,—здѣсь назначено рукоположеніе?

— Назначено, ваше преосвященство,—низкой октавой, замѣнявшей у него шопотъ, отвѣтилъ протодіаконъ.

— А гдѣ же ставленникъ?

— Онъ здѣсь, ваше преосвященство, въ церкви.

— Позвать его ко мнѣ...

И тотчасъ же изъ алтаря былъ посланъ пономарь въ качествѣ депутата къ Егору.

Вѣра внимательно смотрѣла на него въ это время и очень ясно видѣла, что у Егора въ лицѣ что-то дрогнуло. Онъ вообще былъ не трусъ, но боялся всякаго новаго непривычнаго для него дѣла. А представляться архіерею ему казалось дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Въ духовныхъ сферахъ архіерей является лицомъ недосягаемо высокимъ, въ его рукахъ находится вся судьба духовенства своей епархіи. При томъ же онъ слышалъ, что съ архіереями надобно и разговаривать и держаться какъ-то особенно, и очень мало разсчитывалъ на свои способности.

А пономарь между тѣмъ сообщилъ ему тѣмъ же повелительнымъ тономъ, какимъ ему сказалъ протодіаконъ, который съ своей стороны усвоилъ этотъ тонъ непосредственно отъ архіерея.

— Васъ преосвященнѣйшій владыка требуетъ...

— Меня?—какъ бы съ недовѣріемъ спросилъ Егоръ.

— Вы ставленникъ?

— Я.

— Ну, такъ слѣдственно васъ...

— Что же мнѣ дѣлать тамъ?..

— Представляться...

— То-есть какъ представляться?

— А такъ вотъ: подойдете и представитесь.

И пономарь ушелъ обратно въ алтарь, а Егоръ остался въ крайней нерѣшительности. Онъ какимъ-то безпомощнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Вѣру, а та сейчасъ же поняла, что ему трудно. Она поощрила его ободряющимъ взглядомъ. Егоръ направился въ алтарь. Онъ взялъ направленіе въ правую боковую дверь. Въ это время отецъ Гурій какъ разъ стоялъ у царскихъ вратъ, кончая эктенію. Увидѣвъ растерянную фигуру Егора, онъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло, и, быстро докончивъ эктенію, тоже направился къ правой двери и остановилъ Егора.

— Представляться?—наскоро спросилъ онъ.

— Позвали!—отвѣтилъ Егоръ.

— Такъ ты того... Сперва низкій поклонъ отвѣсь, а потомъ подойди подъ благословеніе... А отвѣты давай краткіе... Много не болтай.

И, сказавъ это, отецъ Гурій пропустилъ Егора впередъ, а самъ тихонько пошелъ позади его, наблюдая за его поведеніемъ.

Но когда Егоръ вошелъ въ алтарь, то услышалъ позади себя осторожный шопотъ: «перекрестись, перекрестись!»—напомнилъ ему отецъ Гурій, очевидно, забывшій дать ему это наставленіе.

Егоръ остановился и осѣнилъ себя крестомъ; затѣмъ онъ взглянулъ налѣво и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя величественную фигуру архіерея. Онъ зналъ его въ лицо, такъ какъ, будучи еще

въ семинаріи, часто видѣлъ и въ соборной церкви во время служенія да и въ самой семинаріи на экзаменахъ. Не разъ случалось и ему самому держать экзаменъ въ присутствіи архіерея и отвѣчать на его вопросы.

Архіерей былъ очень высокаго роста сѣдой старикъ, съ длинною бѣлою бородой, съ суровымъ лицомъ, которому придавали какую-то особенную строгость густыя нависшія брови. Средняя полнота, манера держаться прямо, придавали ему и бодрость и величіе.

Егоръ увидѣлъ себя въ совершенной необходимости, не отступая ни на шагъ, тотчасъ же начать представленіе. Онъ приблизился къ архіерею и, согласно внушенію отца Гурія, отвѣсилъ низкій поклонъ, а потомъ, положивъ руку на руку, подставилъ свои ладони для принятія благословенія.

— А, это ты ставленникъ?—спросилъ архіерей, хмуря свои густыя брови.

— Я ставленникъ, ваше преосвященство,—отвѣтилъ Егоръ.

— Ты изъ семинаристовъ?

— Изъ семинаристовъ.

— Богословъ?

— Въ этомъ году кончилъ, ваше преосвященство.

— По какому разряду?

— По второму рязряду, ваше преосвященство.

— Когда же ты успѣлъ жениться?

— Едва успѣлъ, ваше преосвященство.

— А кто-жъ тебя женилъ?

— Отецъ Гурій.

— Дьяконъ?

— Дьяконъ. Отецъ Гурій Маккавеевъ.

— Онъ тебѣ родственникъ?

— Родственникъ. Я тоже Маккавеевъ.

— Ахъ, Маккавеевъ... Помню, помню... Ты сирота! Помню... Мнѣ говорилъ отецъ ректоръ... Ты въ Окуневку назначенъ... Такъ, такъ... На комъ же тебя женилъ отецъ Гурій? Небойсь, на богатой?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, она бѣдная...

— Чья дочь?

— Она дочь дьячка, ваше преосвященство, изъ села Богоявленскаго.

— А, вотъ это хорошо. Это мнѣ нравится, что ты себѣ небогатую жену выбралъ... Вотъ за это тебѣ и приходъ хорошій достался... Вотъ вы и разбогатѣете съ женой... Ну, такъ завтра значитъ тебя во діаконы рукоположимъ, а черезъ три дня я буду служить въ уѣздномъ городѣ въ купеческой церкви, такъ тогда тебя іереемъ сдѣлаемъ; а теперь ступай и молись. Къ сану надо готовиться съ молитвой; помни, что большую отвѣтственность на себя принимаешь, пасти стадо будешь, стадо Христово пасти; дѣло это не легкое... Ну, ступай съ Богомъ.

Архіерей опять далъ ему благословеніе и доброжелательно отпустилъ его.

Егоръ съ великою радостью въ сердцѣ, такъ какъ не ожидалъ столь благополучнаго пріема, пошелъ на свое мѣсто, и Вѣра тотчасъ же по глазамъ его поняла, что все сошло какъ нельзя лучше. Она набожно перекрестилась и ударила земной поклонъ въ знакъ благодарности.

Послѣ всенощной Егоръ вышелъ на церковную паперть и остановился въ ожиданіи. Онъ настолько былъ ненаблюдателенъ, что не замѣтилъ даже хорошенько дороги въ монастырскую гостиницу. Поэтому онъ рѣшился дождаться отца Гурія, когда тотъ разоблачится въ алтарѣ и выйдетъ.

— Егоръ Трофимовичъ! Егоръ...—окликнулъ его кто-то тихимъ голосомъ, и чья-то нѣжная рука прикоснулась къ его рукѣ. Онъ обернулся. На него смотрѣли улыбающіеся глаза Вѣры. Монахини проходили мимо, выходя изъ церкви и направляясь въ свои кельи.

— Ахъ, Вѣра! вотъ хорошо!—съ искренней радостью воскликнулъ Егоръ.—Это ты! А я такъ хотѣлъ повидаться съ тобой.

— И я тоже! Ты теперь въ гостиницу?

— Въ гостиницу, надо спать ложиться, потому завтра рукополагать будутъ. Архіерею представлялся!—прибавилъ онъ.

— Ну, что-жъ онъ?

— Ничего, благосклоненъ. Спрашивалъ: на богатой, говоритъ, женился? Я говорю: нѣтъ, на бѣдной. А онъ говоритъ: это, говоритъ, хорошо; за это тебѣ Окуневка; вотъ и разбогатѣете.

Вѣра тихонько пожала ему руку.—Ну, такъ прощай! вотъ и отецъ Гурій идетъ.

— Прощай, Вѣра...

Вѣра отошла отъ него и, присоединившись къ монашкамъ, удалилась.

— А, богословъ!—воскликнулъ отецъ Гурій, взявъ его подъ руку, и потащилъ его внизъ.—Ну, пойдемъ домой. Ну, что-жъ, преосвященнѣйшій владыка не скушалъ тебя?

— Нѣтъ, не скушалъ... А очень даже благосклоненъ былъ.

И Егоръ разсказалъ отцу Гурію весь свой разговоръ съ преосвященнымъ.

— А это правда,—сказалъ отецъ Гурій,—оно дѣйствительно лучше духовному лицу на бѣдной, да которая по сердцу, жениться; вѣдь на всю жизнь это; вѣдь никакъ перемѣнить невозможно. И это я тебѣ прямо скажу, Егоръ, это тебя самъ Господь Богъ спасъ. Особенно какъ вспомню эту Голопузовскую дѣвицу, такъ даже страхъ беретъ.

Они пришли въ гостиницу и опять сняли верхнія одежды. Духота стояла въ комнатѣ страшная. Отецъ Гурій распахнулъ окно и жадно вдыхалъ въ себя влажный рѣчной воздухъ.

— Ну, братецъ ты мой, теперь я тебѣ сдѣлаю напутствіе,—сказалъ онъ Егору.

— Какое напутствіе, отецъ Гурій?

— А такое. Завтра тебя рукополагать будутъ, а послѣ обѣдни начнется дневной грабежъ...

— Какой это грабежъ?

— А очень просто какой... Какъ ты ставленникъ, такъ къ тебѣ будутъ подходить, всякій кто хочетъ, и будутъ у тебя клянчить...

— Да за что же?

— А именно за то, что ты ставленникъ... Во-первыхъ, отецъ протодіаконъ потребуетъ. Ему необходимо синенькую дать... Потомъ иподіаконы прилѣзутъ, имъ по трешницѣ выдашь... Засимъ явится регентъ, ему придется на хоръ десять рублей дать да особо ему лично меньше трехъ рублей никакъ нельзя; а потомъ еще мальчики придутъ и будутъ клянчить на мальчиковъ, потому взрослые имъ полтинникъ на всѣхъ даютъ. Ну, и этимъ рубля два надо дать, да еще трикирники и разный народъ, и пономарь, и сторожъ церковный...

— Да гдѣ же я имъ возьму? у меня же нѣтъ денегъ?

— А ужъ это, братъ, гдѣ хочешь, тамъ и возьми, а только это обязательно.

— Да не могу же я, отецъ Гурій,—испуганнымъ голосомъ говорилъ Егоръ, которому уже казалось, что онъ въ безвыходномъ положеніи.

— А ты у тестя возьми.

— Отецъ Гурій, да что это вы, точно не знаете, что у тестя моего ничего нѣтъ.

— Хе, хе, хе! нѣтъ, я пошутилъ. Я знаю, что у твоего тестя нѣтъ ни копейки. Ну, ужъ такъ и быть, придется мнѣ раскошелиться; только ты не забудь отдать потомъ, когда на приходѣ заработаешь, а то, знаешь, я хоть и родственникъ тебѣ, ну, а все же лишнихъ денегъ не имѣю.

— Отецъ Гурій! — глубоко смущеннымъ голосомъ промолвилъ Егоръ. — Какъ же я могу забыть? Вѣдь вы столько для меня сдѣлали, сколько родной отецъ для сына не сдѣлаетъ.

— Ну, что тамъ я сдѣлалъ! Ничего не сдѣлалъ!—скромничалъ отецъ Гурій.—Ну, такъ вотъ: слѣдственно я тебѣ дамъ теперь двадцать пять рублей. Ты разсчитай, такъ, чтобы всѣмъ хватило, потому я больше не могу; я и то захватилъ ихъ нарочно, потому что зналъ, что тебѣ понадобится. Ужъ надо тебя доводить до конца. Ну, вотъ тебѣ...

— Спасибо вамъ, отецъ Гурій! Знаете, нѣтъ даже такого слова, чтобъ поблагодарить васъ, какъ слѣдуетъ.

Отецъ Гурій вынулъ деньги и вручилъ Егору, а Егоръ положилъ ихъ въ карманъ штановъ.

Въ это время послышался легкій осторожный стукъ въ дверь.

— Это, должно быть, монашка что нибудь сказать хочетъ,—предположилъ отецъ Гурій.

Но Егору почему-то показалось, или, лучше сказать, почувствовалось, что это не монашка. Онъ самъ подошелъ къ двери и пріотворилъ ее.

— Егоръ, выйди на минутку! — промолвила Вѣра, которая уже нѣсколько минутъ стояла у двери и все не рѣшалась войти.

Егоръ смутился.

— Кто тамъ?— спросилъ отецъ Гурій.

— Да это... это Вѣра, отецъ Гурій...

— А, ха, ха, ха!.. Тайное свиданіе!.. Ну, народъ... Ну, что-жъ ты? Одѣнься, выйди, что-жъ такое... Не любовники какіе нибудь, а мужъ и жена, я думаю, и въ монастырѣ законъ не препятствуетъ повидаться.

Егоръ быстро натянулъ на себя сюртукъ и вышелъ. Они спустились по лѣстницѣ внизъ, вышли на обширную площадку, потомъ по узенькой тропинкѣ пошли къ рѣкѣ.

— Что ты?— спросилъ Егоръ.

— Да такъ, повидать захотѣла...

— Ну, повидай!—промолвилъ Егоръ и разсмѣялся. Вѣра тоже начала смѣяться, и имъ обоимъ стало весело, такъ, безъ всякой причины. Они молча постояли надъ рѣкой минутъ пять, тихонько пожимая другъ другу руки. На нихъ смотрѣло звѣздное лѣтнее небо.

— Такъ бы всю ночь простояла вотъ здѣсь!—промолвила Вѣра,— а нельзя.

— Нельзя,— отвѣтилъ Егоръ. — Надо спать ложиться... Завтра такое дѣло предстоитъ! Архіерей сказалъ... Ну, да я уже забылъ, что онъ сказалъ. Пойдемъ, и отецъ Гурій будетъ ждать, неловко...

— Ну, иди, Егоръ. Только...

Онъ посмотрѣлъ на нее и въ ея смущенномъ лицѣ очень явственно прочиталъ, что слѣдовало за этимъ «только». Онъ обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ своей груди; потомъ они расцѣловались; онъ проводилъ ее до монастырскихъ воротъ и еще разъ пожалъ ей руку и пошелъ наверхъ.

— Ну, что?— шутливо спросилъ его отецъ Гурій,— небойсь, всю бы ночь просидѣлъ съ молодой женой?..

— Просидѣлъ бы, отецъ Гурій.

— Ха, ха! еще бы... И вѣдь вотъ таки нашелъ свою пару. Скажите, пожалуйста... А я думалъ, что онъ такъ сдуру перебираетъ... А онъ не сдуру. Да ты скажи, она, Вѣра-то, давно у тебя въ головѣ сидѣла?

— Давно, отецъ Гурій. Съ того самаго дня, какъ на пароходѣ мы ѣхали.

— Что-жъ ты молчалъ?

— Да я и самъ не зналъ, отецъ Гурій. Я только тогда и узналъ, когда попалъ въ Богоявленское.

— Ну, богословъ!.. Такого смѣшного богослова никогда я еще не видалъ. Ну, давай же, будемъ спать ложиться. А преосвященный не сказалъ тебѣ, когда въ іереи будетъ посвящать?

— Какъ не сказалъ! Черезъ три дня, говоритъ, въ уѣздномъ городѣ, въ купеческой церкви служить будетъ, вотъ тогда и въ іереи.

— Ага!.. Даже черезъ три дня! Ну, братецъ, и везетъ же тебѣ. Архіерей явно къ тебѣ благосклоненъ. И за что только, не понимаю. Должно быть, за то, что ты круглый сирота.

— Должно быть, что за то, отецъ Гурій.

— А жена у тебя хорошая, Егоръ, это я тебѣ прямо говорю!— молвилъ отецъ Гурій, уже совершенно раздѣвшись и прикрываясь одѣяломъ. Егоръ въ это время примащивался на диванѣ. Трудно ему было улечься съ его длинными ногами. Но кое-какъ онъ все же приладился. Отецъ Гурій продолжалъ.—Да, говорю тебѣ, что хорошая жена у тебя будетъ. Это сейчасъ видно, по глазамъ видно. Дѣйствительно, Богъ тебя уберегъ... А что, братецъ, не очень-то удобно на диванѣ? Небойсь, у отца Мемнона на мягкой перинѣ удобнѣй было, ха, ха, ха!

И отецъ Гурій разсмѣялся настоящимъ мефистофельскимъ смѣхомъ.

Весело было на душѣ у Егора, когда онъ, наконецъ, приладился какъ слѣдуетъ на диванѣ и приготовился отойти ко сну. Чувствовалъ онъ, что крѣпко любитъ свою жену Вѣру, и что она его любитъ всей душой. И видѣлъ онъ, что люди къ нему необыкновенно добры и притомъ безъ всякой корысти. Потому, что какая же корысть можетъ быть отъ него, ну, хотя бы архіерею или даже отцу Гурію? И думалъ онъ, засыпая, что на свѣтѣ жить вовсе не такъ плохо, какъ это ему казалось, когда онъ въ качествѣ круглаго сироты жилъ въ семинаріи.

На утро Егоръ проснулся рано и сразу ощутилъ какое-то необычное, еще никогда неиспытанное имъ волненіе. Отецъ Гурій еще досыпалъ сладкій утренній сонъ, а онъ уже всталъ и въ послѣдній разъ облачился въ сюртукъ. Солнце уже взошло; но отъ рѣки еще вѣяло прохладой. Жаркій день еще не начался.

Егоръ, не дожидаясь, пока встанетъ отецъ Гурій, вышелъ изъ гостиницы. Въ это утро ему не полагалось принимать ни чаю ни какой бы то ни было пищи, такъ какъ предстояло участвовать въ первой обѣднѣ. Онъ вышелъ на крыльцо, и глазамъ его представилось зрѣлище, которое, по всей вѣроятности, было и вчера послѣ всенощной, но, благодаря темнотѣ ночи, онъ его не замѣтилъ.

Вся обширная поляна была занята множествомъ мужицкихъ возовъ и телѣгъ, съ стоявшими тутъ же распряженными лошадьми

и волами. Тысячи народа съѣхались изъ окрестныхъ селъ, чтобы присутствовать при столь рѣдкомъ въ этихъ мѣстахъ явленіи, какъ архіерейская служба. Пріѣхали цѣлыми семьями; бабы укачивали грудныхъ младенцевъ, держа ихъ на рукахъ, люди лежали на землѣ, подмостивъ подъ головы сѣно, солому, нѣкоторые сидѣли небольшими группами и, развернувъ узелки, захваченные изъ дому, преломляли хлѣбъ и завтракали.

«Весь этотъ народъ будетъ глядѣть, какъ меня рукополагать будутъ», подумалъ Егоръ, и ему почему-то захотѣлось спуститься къ рѣкѣ, именно къ тому мѣсту, гдѣ онъ вчера встрѣтился съ Вѣрой. Вѣра, конечно, спитъ еще, въ этомъ онъ не сомнѣвался. Ему просто хотѣлось посидѣть тамъ, на небольшомъ камешкѣ и подышать влажнымъ рѣчнымъ воздухомъ.

Но едва только онъ завернулъ за уголъ гостиницы, какъ на встрѣчу ему, точно изъ-подъ земли, выросла высокая, тонкая фигура въ длинномъ засаленномъ кафтанѣ, съ жиденькою косичкой на затылкѣ, въ страшно измятой поярковой шляпѣ, давно порыжѣвшей отъ времени.

— Не пугайтесь, не пугайтесь, Егоръ Трофимовичъ!—промолвилъ хриплымъ голосомъ Парменъ, такъ какъ это былъ именно онъ.— Это не тѣнь моя, а я самъ.

— Да гдѣ же вы спали?—спросилъ его Егоръ, съ величайшимъ удовольствіемъ здороваясь съ нимъ. Пріятно было увидѣть знакомаго человѣка, да еще столь расположеннаго къ нему, какъ дьякъ Парменъ.

— А я тутъ, на землѣ... Думалъ, было, въ гостиницѣ пристроиться, да мнѣ сказали, что тамъ полнымъ-полно. Архіерейская свита все заняла... Да мнѣ что-жъ, мнѣ и тутъ было хорошо. Оно, знаете, даже лучше,— на вольномъ воздухѣ, прохлада. Пришелъ, знаете, посмотрѣть, какъ нашему приходу настоятеля будутъ дѣлать.

— А Евтихія Павловича нѣтъ? — спросилъ Егоръ.

— Нѣту... Я и къ нему забѣгалъ вчера, да нельзя ему, знаете... У него своя служба... Однако, онъ сказалъ, что, можетъ, у нихъ раньше обѣдня отойдетъ, такъ тогда прибѣжитъ... Пробовалъ отпроситься у настоятеля, такъ невозможно. Не съ кѣмъ, говоритъ, служить... Такъ и пришлось ему остаться... Просилъ Надю захватить, да я не захотѣлъ; куда-жъ я ее возьму? Гдѣ я ее тутъ дѣну?.. Вѣра-то съ монашками, а той, можетъ, и мѣста не хватило бы... Ну, да я думаю, что она сама прибѣжитъ, не утерпитъ... Ну, что-жъ, трусите, Егоръ Трофимовичъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же трусить?—сказалъ Егоръ.— Все равно, этого никакъ обойти нельзя... Притомъ же ничего страшнаго и нѣтъ. Къ тому и готовился. Сколько лѣтъ въ семинаріи обучался, все къ этому.

— А преосвященный владыка... Ничего? Не строгъ?

— Нѣтъ, не строгъ, а даже очень благосклоненъ. Вчера призывалъ меня въ алтарь и такъ доброжелательно говорилъ, что я даже и не ожидалъ. Спрашивалъ тоже, на богатой женился или на бѣдной.

— Ага, скажите, пожалуйста!.. Вникаетъ, значитъ...

— Да, я и говорю: на бѣдной. А чья дочь? говоритъ. Я говорю — дьячковская...

— Ну, ну, и что-жъ онъ?—съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Парменъ.

— Похвалилъ. Вотъ это, говоритъ, хорошо, что ты на бѣдной женился...

— Вотъ какъ! вотъ какъ! — съ умиленіемъ воскликнулъ Парменъ,— значитъ, онъ понимаетъ, преосвященнѣйшій владыка.

— Да, и говоритъ, должно быть, вотъ за это самое тебѣ и приходъ хорошій достался.

— Ахъ, какъ хорошо!.. Хорошо это, что владыка такъ говоритъ. Значитъ, онъ понимаетъ, да, да, вникаетъ, значитъ, въ нашу жизнь... А что же, рясу-то поспѣли сдѣлать? Мы все съ Евтихіемъ безпокоились, что не поспѣете.

— Поспѣлъ... Отецъ Гурій такъ приструнилъ Моисейку, что онъ всю ночь сидѣлъ...

— Ну, отецъ Гурій!—съ восхищеніемъ воскликнулъ Парменъ,— вотъ ужъ поистинѣ добрый родственникъ.

— Много я ему обязанъ. Ужъ не знаю, какъ и отплачу. Вотъ и вчера еще денегъ мнѣ выдалъ.

— А для чего же вамъ деньги теперь?

— Да онъ говоритъ, что всѣмъ придется давать послѣ рукоположенія... и пѣвчимъ, и дьяконамъ, и всей свитѣ... Всѣ будутъ приходить, и всѣмъ надо давать. Потому что ставленникъ...

— Ахъ, грабители! Вотъ ужъ поистинѣ грабительскій народъ. За что-жъ имъ давать-то? Я думаю, они не даромъ же поютъ...

— Такой обычай... А я не могу нарушать обычай. Отецъ Гурій далъ мнѣ денегъ и велѣлъ раздать.

Скоро начали благовѣстить къ обѣднѣ, Парменъ взволновался:— ну, идите же, идите, Егоръ Трофимовичъ, должно быть, уже и отецъ Гурій всталъ. Идите, я задерживать васъ не смѣю... Скоро уже Егора Трофимовича не будетъ на свѣтѣ, а будетъ отецъ Егоръ. А я, знаете, въ монастырь пойду, да Вѣру сыщу, да мы съ нею вмѣстѣ и будемъ стоять въ церкви. Какъ бы только поближе протиснуться, чтобы все видѣть...

Егоръ отправился наверхъ. Отецъ Гурій уже одѣлся и теперь большимъ гребнемъ расчесывалъ свои волосы и свою шелковистую бороду.

— Ага, небойсь, жутко?..—воскликнулъ онъ, когда Егоръ вошелъ въ комнату.

— Нѣтъ, отецъ Гурій, ничего... Я вотъ сейчасъ Пармена встрѣтилъ.

— А, дьякъ Парменъ!.. Пришелъ посмотрѣть на тебя... Ну, отлично. Вотъ я готовъ, а ты захвати узелокъ — кафтанъ и рясу, и пойдемъ. Да теперь прямо въ алтарь пойдемъ...

И они очень скоро направились черезъ монастырскія ворота прямо въ церковь.

Народъ тоже покидалъ свои возы и медленно двигался къ церкви. Теперь уже весь монастырскій дворъ наполнился богомольцами. Церковь давно была полна, и только, можетъ быть, десятая часть всѣхъ пріѣхавшихъ могла попасть въ нее. Монастырская церковь была невелика. Монашки занимали половину ея, а другая половина была предоставлена народу.

Съ полчаса продолжался медленный торжественный звонъ большого колокола, а затѣмъ раздался трезвонъ; всѣ заволновались, и въ церкви и во дворѣ произошло сильное движеніе. Архіерей въ сопровожденіи настоятельницы и другихъ высшихъ органовъ монастыря, въ длинныхъ клобукахъ, съ четками въ рукахъ, шелъ изъ своей временной квартиры къ церкви. На церковной паперти его встрѣтилъ хоръ. Протодіаконъ и отецъ Гурій съ кадилами въ рукахъ, въ полномъ облаченіи, встрѣтили его возгласами, и затѣмъ водворился порядокъ, и скоро началось архіерейское облаченіе на амвонѣ, посрединѣ церкви.

Вѣра стояла на своемъ вчерашнемъ мѣстѣ, позади праваго клироса; а рядомъ съ нею красовалась тонкая фигура Пармена, на полъ-головы выдѣлявшаяся изъ всей толпы. Они помѣстились очень удобно, и имъ было видно все. Еще во время архіерейскаго облаченія, до начала обѣдни, они видѣли, какъ вывели изъ алтаря Егора, уже въ стихарѣ, какъ подводили его къ архіерею и читали надъ нимъ какую-то тихую молитву; а затѣмъ началась обѣдня. Когда старшій иподіаконъ, вслѣдъ за нимъ отецъ Гурій, а потомъ и протодіаконъ громко воскликнули: «повелите! повелите! повели, просвященнѣйшій владыко!» и все духовенство, какое было въ алтарѣ въ сослуженіи съ архіереемъ, громко запѣло тропарь, а вслѣдъ затѣмъ тропарь этотъ повторили оба хора на правомъ и на лѣвомъ клиросѣ, а Егора повели въ царскія врата, и тамъ самъ архіерей совершилъ надъ нимъ таинство, которое сразу превратило его въ духовную особу,—сердце у Вѣры затрепетало.

Вѣра чувствовала себя такъ, какъ будто и надъ нею совершается что-то торжественное, что-то такое, что мѣняетъ ея судьбу и къ чему-то на вѣки вѣчные обязываетъ ее.

А Парменъ стоялъ рядомъ съ ней, умиленный и восхищенный тѣмъ, что ему довелось видѣть собственными глазами, какъ рукополагали настоятеля для его прихода, и тѣмъ, что этотъ настоятель не кто иной, какъ мужъ его крестницы Вѣры.

А потомъ они уже съ радостнымъ чувствомъ облегченія видѣли, какъ передъ концомъ обѣдни Егоръ вышелъ уже въ качествѣ дьякона, опоясанный ораремъ, и нерѣшительнымъ, несмѣлымъ голосомъ, какъ-то невнятно, какъ человѣкъ, дѣлающій первые шаги, проговорилъ краткую эктенію. Это какъ бы было сдѣлано для того, чтобы они и весь народъ убѣдились, что онъ дѣйствительно уже дьяконъ, и что нѣтъ ему никакого поворота изъ этого званія.

Послѣ обѣдни архіерей вышелъ изъ алтаря, и народъ сталъ подходить къ нему, желая получить отъ него благословеніе. Это длилось безконечно. Всякому хотѣлось дойти до архіерея, и преосвященный стоялъ на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока окончательно не утомился и больше уже не могъ.

Въ это самое время въ алтарѣ, въ правомъ уголкѣ, около окна, Егоръ снималъ съ себя знаки своего новаго достоинства и, будучи уже въ подрясникѣ, надѣвалъ на себя рясу съ широкими рукавами, нѣсколько короткую, такъ что изъ-подъ нея выглядывали полы кафтана.

Къ нему подошелъ еще въ облаченіи протодіаконъ и молвилъ густымъ и низкимъ басомъ.— Ну, поздравляю... Ставленника поздравляю...

Егоръ посмотрѣлъ на него, какъ бы желая прочитать въ его лицѣ нѣчто болѣе опредѣленное. Протодіаконъ улыбался и вообще имѣлъ видъ человѣка, желающаго добра. Тогда Егоръ опустилъ руку въ карманъ брюкъ и нащупалъ тамъ пятирублевку. Онъ уже заранѣе приготовилъ кредитки, распредѣливъ всю сумму, данную отцомъ Гуріемъ, по его указанію.

— Покорно васъ благодарю, отецъ протодіаконъ,— сказалъ онъ и при этомъ всучилъ ему синюю бумажку.

— А-а, ну, вотъ прекрасно, спасибо,— пробасилъ протодіаконъ.— Желаю того... То-есть... Ну, да, всего хорошаго...

Но замѣчательнѣе всего, что при этой операціи сконфуженъ былъ не протодіаконъ, а именно Егоръ. Протодіаконъ сунулъ кредитку въ карманъ и какъ ни въ чемъ не бывало отправился на другую сторону алтаря тоже очевидно разоблачаться. Затѣмъ появился регентъ, высокій рыжій мужчина и тоже съ своей стороны сказалъ: — ну, поздравляю васъ, ставленникъ...

Егоръ, уже ни слова не говоря, прямо вынулъ деньги и передалъ ему. Вслѣдъ за регентомъ пришли басы и тенора, а затѣмъ явились два мальчика, очевидно, въ качествѣ представителей всего дѣтскаго хора. Потомъ приходили дикирщики и трикирщики, наконецъ явилась и монахиня и заявила, что она тоже поздравляетъ и желаетъ получить на украшеніе храма монастырскаго. Ей Егоръ отдалъ послѣднюю рублевую бумажку, какая была у него въ карманѣ.

Послѣ раздачи онъ почувствовалъ себя гораздо больше утомлен-

нымъ, чѣмъ послѣ цѣлой обѣдни. Лицо его вспотѣло, онъ вынулъ платокъ и вытерся.

Тутъ къ нему подошелъ отецъ Гурій.

— Ну, что, ограбили?—спросилъ онъ его тихонько.

— Все какъ есть, отецъ Гурій, даже ни одного рубля не оставили.

— Ну, братецъ ты мой, за то ты теперь уже духовная особа... Поздравляю. Только ты мнѣ не давай рублевки... Я такъ ужъ, даромъ... А то вѣдь съ другого и я беру; всѣ беремъ, милый мой. Тѣмъ и живемъ... Ну, поздравляю...

И отецъ Гурій обнялъ Егора и трижды облобызалъ его.

— Теперь ты бери съ собой жену и отправляйся къ тестю и отдохни тамъ дозавтра. А завтра пріѣзжай въ городъ и будешь готовиться къ рукоположенію въ іереи... Ты смотри, не засидись, а то, чего добраго, еще заспишься тамъ и забудешь; съ тебя станется...

— А вы, отецъ Гурій, домой?

— А я думаю—домой... Пора, полагаю, и мнѣ отдохнуть, а то вѣдь я все въ чужомъ пиру похмелье испытывалъ. Вотъ сейчасъ послѣ обѣдни надо быть у настоятельницы,—должно быть, закуска будетъ,—а тамъ и въ городъ. А ты все-таки долженъ представиться архіерею... Впрочемъ, я думаю, у него столько теперь заботъ, что онъ и забылъ о тебѣ... Ну, съ Богомъ.

Егоръ вышелъ изъ алтаря, обвелъ глазами всю церковь, гдѣ уже значительно порѣдѣлъ народъ, такъ какъ архіерей въ это время уже перестадъ благословлять и удалился къ настоятельницѣ. Онъ не замѣтилъ ни Вѣры, ни Пармена. Вѣра еще могла смѣшаться съ толпой, но Пармена-то онъ узналъ бы навѣрное.

— Должно быть, они вышли изъ церкви, — подумалъ Егоръ и направился во дворъ.

Тутъ дѣйствительно неподалеку отъ правой двери стояли Вѣра и Парменъ, а рядомъ съ ними только что прибывшіе и опоздавшіе къ рукоположенію Евтихій, державшій за руку Надю. Егоръ подошелъ къ нимъ и перецѣловалъ всѣхъ. У всѣхъ были радостныя лица, всѣ были чрезвычайно довольны, что это наконецъ совершилось.

— А знаешь, Егоръ,—сказала Вѣра,—тебѣ въ рясѣ лучше, чѣмъ въ сюртукѣ... По крайней мѣрѣ, сверху до низу все закрыто. И ужъ какъ сидитъ, все равно. А въ сюртукѣ ты былъ такой смѣшной, что даже странно смотрѣть было...

— Теперь, Егоръ Трофимовичъ,—молвилъ весело Парменъ,—сюртукъ вашъ можете подарить моему работнику; онъ большой охотникъ до благородныхъ платьевъ...

— Какъ же теперь быть?—спросилъ Евтихій.—Я думаю, можно и домой ѣхать...

— Отецъ Гурій сказалъ, что надобно архіерею представляться, да я думаю, ему не до меня. Полагаю, ужъ онъ проститъ. Все равно въ городѣ представлюсь.

— А вдругъ вспомнитъ?—сказалъ Парменъ.

— Э, нѣтъ, куда ему вспомнить!..

— Это правда,—подтвердилъ Евтихій,—теперь его монахини, какъ мухи сахаръ облѣпили... Гдѣ ужъ ему... А если и вспомнитъ, такъ ничего... Онъ знаетъ, что времени мало; надо же человѣку и съ родными повидаться...

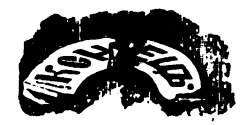
И на общемъ семейномъ совѣтѣ было рѣшено обойти представленіе архіерею и ѣхать прямо въ Богоявленское. Такъ и сдѣлали. Всѣ помѣстились въ повозкѣ Евтихія Павловича, и одна лошаденка потрясла ихъ прямо въ Богоявленское. Оказалось, что тамъ Дарья возилась у печки и изготовила уже обѣдъ. Послѣ обѣда отдыхали до самаго вечера. Только теперь Егоръ почувствовалъ, до какой степени утомили его всѣ приготовленія къ принятію сана и самое посвященіе. Онъ какъ легъ въ постель, да такъ и заснулъ, какъ убитый.

Въ городѣ, когда онъ поѣхалъ туда къ архіерейской службѣ въ купеческой церкви, не произошло ничего замѣчательнаго; ужъ онъ не испыталъ никакихъ новыхъ ощущеній; его благополучно рукоположили, онъ отслужилъ дня три въ соборной церкви, замѣняя очередного священника, подъ руководствомъ отца Гурія, чтобы хорошенько научиться службѣ. Архіерей въ тотъ же день, какъ отслужилъ обѣдню въ купеческой церкви, поѣхалъ дальше, а Егоръ, напутствуемый отцомъ Гуріемъ, отправился на свой приходъ.

Вошли они съ Вѣрой въ совершенно пустую квартиру. Но потребности ихъ были незначительны, и они довольствовались самыми неизбѣжными вещами, чтобы только было гдѣ спать да ѣсть. Но мало-по-малу имущество ихъ увеличивалось, заводилось хозяйство, которое возростало. Отецъ Гурій, когда ему хотѣлось отдохнуть отъ городскихъ заботъ, бралъ вѣроломнаго кучера и ѣхалъ въ Окуневку. Евтихій Павловичъ сдѣлался его пріятелемъ. А Парменъ какъ-то держался слегка въ почтительномъ разстояніи отъ него, чувствуя свою грѣховность, потому что по мѣрѣ того, какъ сѣдѣла его борода, онъ все больше и больше пристращался къ настойкѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; у Вѣры появились дѣти. Егоръ работалъ; въ домѣ ихъ было довольство и благодать. И, можетъ быть, во всей губерніи не было такого счастливаго іерея, какимъ былъ настоятель Окуневскаго прихода, отецъ Егоръ Маккавеевъ.

И. Потапенко.



ЗАПИСКИ ГРАФА Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО [1]).

I.

Наша семья. — Мое сиротство. — Добрыя отношенія ко мнѣ зятя моего А. Н. Астафьева. — Зачисленіе меня въ л.-гв. Измайловскій полкъ. — Мое ученье. — Назначеніе курьеромъ къ графу Безбородкѣ. — Путешествіе Екатерины II на югъ. — Посылка въ Парижъ съ подарками. — Приключеніе въ дорогѣ. — Пребываніе въ Парижѣ. — Графъ Бобринскій. — Обрѣзковъ и его лакей. — Праздникъ въ Кусковѣ. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Посылка курьеромъ въ Лондонъ. — Морское путешествіе. — Встрѣча съ ворами. — Лондонская жизнь. — Г. А. Сенявинъ. — Возвращеніе въ Петербургъ.

РОДИЛСЯ 1769 года 18 ноября, въ Петербургѣ, на Пескахъ. Батюшка мой Ѳедотъ Аѳанасьевичъ служилъ тогда въ Дворцовой канцеляріи; начальникомъ оной былъ сенаторъ Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ; сынъ его, Александръ Матвѣевичъ, бывшій потомъ фаворитомъ императрицы Екатерины II, съ сестрою моею Дарьею Ѳедотовною были моими воспріемниками. Батюшка скоро потомъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Ухотскую волость, гдѣ онъ купилъ до 100 душъ крестьянъ [2]). Матушка моя, Іуліана Ивановна, урожденная Зиновьева, скончалась

---

[1]) Любопытныя записки генералъ-адъютанта графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго, обнимающія четыре царствованія: императрицы Екатерины II и императоровъ Павла, Александра I и Николая I, уже были напечатаны, но съ значительными пропусками, въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года и въ первомъ томѣ сборника «XVIII вѣкъ». Мы печатаемъ ихъ теперь полностью, въ послѣдовательномъ порядкѣ, по рукописи, сообщенной намъ сыномъ автора записокъ, графомъ Алексѣемъ Евграфовичемъ Комаровскимъ. Ред.

[2]) Батюшка устроилъ на рѣкѣ Ухтѣ винокуренный заводъ и имѣлъ еще въ

въ 1770 году, августа 17-го, 38-ми лѣтъ, и похоронена подлѣ соборной церкви въ городѣ Каргополѣ, въ 50-ти верстахъ отъ Ухотской волости. Я остался послѣ моей моей родительницы 10-ти мѣсяцевъ. Черезъ два года, сестра моя, Дарья Ѳедотовна, вышла замужъ за Алексѣя Николаевича Астафьева и уѣхала въ Петербургъ; батюшка отпустилъ съ нею и сестру мою Анну Ѳедотовну. Первый мой учитель былъ упраздненный священникъ, а второй—отставной офицеръ. Батюшка ѣздилъ для свиданія съ сестрами моими и бралъ меня съ собою. Зять мой, А. Н. Астафьевъ, служилъ тогда въ г. Нарвѣ цолнеромъ. По возвращеніи въ Ухотскую волость, куда пріѣхала съ нами и сестра Анна Ѳедотовна, батюшка женился на Дарьѣ Степановнѣ Рындиной, отъ которой имѣлъ дочь Софью; но она скоро умерла. 1776 года ноября 26-го, скончался мой родитель 48-ми лѣтъ отъ роду, и я остался круглымъ сиротою по 8-му году. Батюшка погребенъ подъ церковью во имя Спаса въ Ухотской волости.

Послѣ батюшкиной кончины учреждена была опека—изъ родного дяди моего, Ивана Аѳанасьевича Комаровскаго, брата мачихи, Димитрія Степановича Рындина, и зятя моего А. Н. Астафьева, который пріѣхалъ въ Ухотскую волость, узнавши о смерти батюшки, чтобы отвезти сестру мою Анну Ѳедотовну и меня въ Петербургъ [1]). А. Н. имѣлъ обо мнѣ попеченіе самаго нѣжнаго отца; онъ немедленно занялся тѣмъ, чтобы отдать меня въ лучшій тогда въ Петербургѣ пансіонъ г-на Девильневъ, и записалъ меня, по тогдашнему обыкновенію, въ службу, и я записанъ былъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ сверхъ комплекта; потомъ, по связямъ его съ Ѳ. Я. Олсуфьевымъ [2]), я переведенъ былъ въ Измайловскій полкъ тѣмъ же чиномъ въ комплектъ. Послѣ смерти Девильнева перевели меня въ пансіонъ г-жи Ленкъ, потомъ къ г-ну Массону. Въ первомъ и въ послѣднемъ изъ сихъ пансіоновъ я имѣлъ товарищемъ гр. В. П. Кочубея. Сіе случилось отъ того, что старшій братъ зятя моего служилъ при фельдмаршалѣ гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ вмѣстѣ съ гр. Безбородкой и былъ съ нимъ весьма друженъ, а по брату своему и А. Н. въ короткомъ знакомствѣ съ нимъ находился. Насъ привезли почти въ одно время—меня изъ Ухотской волости къ зятю моему, а Кочубея изъ Малороссіи къ родному дядѣ его гр. Безбородкѣ. Они оба уговорились, чтобы отдать питомцевъ своихъ въ лучшіе пансіоны. Я поступилъ отъ Массона

другихъ мѣстахъ до 120 душъ крестьянъ, которые отданы были потомъ моимъ двумъ сестрамъ. Наслѣдственныя мои деревни въ Ухотской волости я подарилъ племянницѣ моей А. А. Щулепниковой.

[1]) Это было въ 1777 году. Я помню, что меня возили смотрѣть илюминацію въ день рожденія императора Александра Павловича.

[2]) Онъ былъ преміеръ-маіоромъ Измайловскаго полка и командиромъ онаго.

въ кадетскую роту Измайловскаго полка. Въ 1786 году, я имѣлъ несчастіе лишиться сестры моей Дарьи Ѳедотовны.

Въ 1787 году, назначенъ я былъ находиться при графѣ Безбородкѣ для курьерскихъ посылокъ въ чужіе края во время путешествія императрицы Екатерины въ Кіевъ и Крымъ. Въ числѣ чиновниковъ, составлявшихъ свиту ея величества, находился совѣтникъ придворной конторы В. П. Головцынъ; онъ былъ весьма друженъ съ батюшкой и любилъ меня, какъ сына. Въ предстоящій путь онъ взялъ меня съ собою въ кибитку, и я сдѣлалъ путешествіе отъ Царскаго Села до Кіева самымъ пріятнымъ образомъ. Вояжъ сей императрицею Екатериною предпринятъ былъ для обозрѣнія присоединеннаго полуострова Крыма и Тавриды къ Россіи кн. Потемкинымъ, которому и данъ былъ титулъ Таврическаго. Назначено было также имѣть свиданіе съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II во время плаванія ея величества на галерахъ по Днѣпру, по случаю предполагаемой тогда войны у обѣихъ имперій противъ Порты Оттоманской. Императоръ Іосифъ пріѣхалъ подъ именемъ графа Фалькенштейна [1]). Сей вояжъ по Днѣпру и по Крыму описанъ принцемъ Делинемъ и графомъ Сегюромъ. Въ свитѣ императрицы Екатерины отъ Царскаго Села до Кіева, а потомъ и по Днѣпру, находились иностранные министры: графъ Кобенцель—посолъ римскаго императора, Фицъ-Гербертъ—англійскаго, и графъ Сегюръ — французскаго двора и другія знатныя особы. Путешествіе представляло торжественное шествіе. Во время ночи по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли смоленыя бочки. Во всѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ ея величество останавливалась, были балы, и всѣ улицы и дома иллюминованы. На границахъ намѣстничествъ встрѣчали государыню ея намѣстники или генералъ-губернаторы. На границѣ Новгородской губерніи встрѣтилъ Архаровъ, намѣстникъ новгородскій и тверской; на границѣ Псковской губерніи—намѣстникъ князь Репнинъ, псковскій и смоленскій, на границѣ Бѣлоруссіи—Пассекъ, намѣстникъ полоцкій и могилевскій, а на границѣ Черниговской губерніи—генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, генералъ-губернаторъ и намѣстникъ всей Малороссіи. Въ Кіевъ пріѣхало множество разныхъ вельможъ, а болѣе поляковъ, и дворъ былъ весьма великолѣпенъ, особливо у заутрени, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ Печерской лаврѣ. Къ вечернѣ императрица поѣхала въ Софійскій монастырь; послѣ оной посѣтила митрополита Самуила въ его кельѣ, больнаго, который сказалъ ей рѣчь и уподобилъ ее Христу, явившемуся послѣ Воскресенія ученикамъ. Тогда былъ фаворитомъ крестный мой отецъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, получившій скоро потомъ графское достоинство; всѣ мои домогательства, чтобы дойти до него, были тщетны.

---

[1]) Станиславъ, король польскій, находился тогда въ мѣстечкѣ Каневѣ, на берегу Днѣпра. Онъ имѣлъ свиданіе съ императрицею на ея галерѣ.

Изъ Кіева въ концѣ марта мѣсяца того же года отправленъ я былъ курьеромъ въ Парижъ съ подарками къ министрамъ французскаго двора: Монморену (иностранныхъ дѣлъ) перстень съ прекрупнымъ солитеромъ, наслѣдникамъ Верженя—полная коллекція золотыхъ россійскихъ медалей, графу Сегюру (сухопутныхъ силъ)—соболій мѣхъ и фельдмаршалу де-Кастри—перстень съ солитеромъ. Подарки сіи уложены были въ двухъ ящикахъ и посланы по случаю заключеннаго съ Франціей перваго торговаго трактата; я поѣхалъ въ перекладной повозкѣ. Не доѣзжая до первой станціи Василькова, я сбился съ дороги, ибо уже смеркалось; повозка моя завязла и съ лошадьми въ большую лужу. Къ несчастью моему, ямщикомъ былъ со мною мальчикъ, который въ первый разъ, по словамъ его, ѣхалъ по этой дорогѣ. На силу могли мы вытащить одну изъ пристяжныхъ лошадей. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, послать ли ямщика на слѣдующую станцію, но онъ говорилъ, что его тамъ не послушаютъ, ибо никто его на почтѣ не знаетъ, или самому ѣхать. Я рѣшился на послѣднее; вооруживъ ямщика моими двумя пистолетами и саблей, сѣлъ верхомъ на отпряженную лошадь и поѣхалъ, самъ не зная, куда. Къ счастію, я выбрался на большую дорогу и пріѣхалъ на станцію. Тотчасъ была заложена повозка, въ которой я поскакалъ отыскивать завязшую въ грязи. Я имѣлъ предосторожность, однако же, спросить имя прежняго ямщика. Проѣхавши столько верстъ, сколько, мнѣ показалось, я сдѣлалъ верхомъ, началъ я и новый мой ямщикъ изо всей силы кликать по имени прежняго моего проводника, но было тщетно; проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, остановились, повторяли то же самое и не имѣли бо̀льшаго успѣха. Каково же было мое положеніе, я зналъ, что со мной отправлено на нѣсколько сотъ тысячъ рублей драгоцѣнныхъ вещей, и что сіе непремѣнно дойдетъ до свѣдѣнія императрицы, и, сверхъ того, первое сдѣланное мнѣ порученіе оказалось бы такъ неудачно, за что бы я могъ подвергнуться строгой отвѣтственности. Я пришелъ въ такое отчаяніе, что ямщикъ, сжалившись надо мной, началъ меня уговаривать и просить быть спокойнѣе, что, пріѣхавъ на станцію, какъ разсвѣтаетъ, смотритель пошлетъ тотчасъ нѣсколько ямщиковъ, которые непремѣнно отыщутъ завязшую мою повозку. Сіе дѣйствительно меня немного успокоило. Проѣхавъ нѣсколько верстъ назадъ, я увидѣлъ влѣво небольшую дорогу и приказалъ ямщику туда повернуть, но онъ мнѣ сказалъ:

— Тамъ, баринъ, не проѣдешь, тамъ топь ужасная.

— Да, можетъ быть, тамъ-то мы и увязли,—отвѣчалъ я ему.

И точно, сдѣлавши версты съ полторы, я громко назвалъ по имени прежняго ямщика, и онъ мнѣ откликнулся. Я не могу изъяснить тогдашней моей радости; я выскочилъ изъ повозки, началъ ямщика обнимать и, наградивъ его щедро, переложилъ свои ящики

въ новую повозку и отправился на станцію. Я нашелъ на оной курьера, ѣдущаго въ Кіевъ изъ Франкфурта на Майнѣ отъ графа Н. П. Румянцева, бывшаго тогда министромъ при нѣсколькихъ нѣмецкихъ округахъ. Курьеръ этотъ былъ его камердинеръ Мишинъ; онъ имѣлъ прекрасную коляску; я убѣдительно началъ его просить, чтобы мнѣ оную продать, ибо я не могъ себѣ представить, какимъ образомъ въ перекладныхъ повозкахъ довезу до Парижа мои посылки; къ совершенному моему успокоенію и удовольствію, Мишинъ мнѣ коляску свою уступилъ, и я всегда за эту услугу былъ ему признателенъ.

Я проѣзжалъ черезъ всю Польшу, Шлезію, Саксонію, города Люблинъ, Бреславль, Наумбургъ, Дрезденъ, Мейсенъ [1]), Лейпцигъ, Гельнгаузенъ, Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ гр. Н. П. Румянцова, который послѣ такъ много меня любилъ и столь много мнѣ благодѣтельствовалъ, потомъ черезъ Мецъ въ Парижъ. Я адресованъ былъ къ пребывавшему у французскаго двора министру нашему Симолину и къ министру герцога Готскаго, барону Гримму. Сей послѣдній всегда находился въ партикулярной перепискѣ съ императрицей Екатериной и былъ, такъ сказать, ея комиссіонеромъ въ Парижѣ. Барону Гримму поручено было тогда отъ императрицы купить кабинетъ герцога Орлеанскаго гравированныхъ камней, который составляетъ теперь одну изъ первыхъ достопамятностей Эрмитажа. Я остановился въ Парижѣ, Rue Traversière, hôtel des Trois Mylords. Въ семъ домѣ останавливались всѣ русскіе курьеры потому, что въ ономъ жилъ почтенный г. Добровскій, служившій прежде совѣтникомъ посольства при нашей миссіи, и, находясь въ отставкѣ, онъ былъ покровителемъ всѣхъ молодыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Россіи курьерами въ Парижъ [2]). Я не могъ воспользоваться его благосклонностями, потому что онъ былъ тогда боленъ и жилъ въ деревнѣ Пасси, близъ Парижа, гдѣ, однако же, я его посѣтилъ [3]). Въ день моего пріѣзда король Людовикъ XVI дѣлалъ смотръ, на которомъ я находился, à la plaine de Sablon, своей французской и швейцарской гвардіи. Сею послѣднею командовалъ тогда графъ d'Artois, теперешній король Карлъ

---

[1]) Въ Мейсенѣ находится славная фарфоровая фабрика, которой масса, изъ чего приготовляютъ фарфоръ, есть лучшая изъ всѣхъ извѣстныхъ. Недалеко оттуда, въ почтовомъ домѣ на станціи Росбахъ, мнѣ показывали стулъ, на которомъ Фридрихъ Великій провелъ ночь наканунѣ сей знаменитѣйшей баталіи.

[2]) Въ царствованіе императрицы Екатерины II другихъ курьеровъ не посылали въ чужіе края, какъ служащихъ въ гвардіи дворянъ сержантами. Насъ всегда нѣсколько находилось для сего предмета при иностранной коллегіи. Сіе постановленіе было самое благодѣтельное, ибо оно доставляло небогатымъ дворянамъ случай видѣть чужіе края на казенный счетъ.

[3]) Господинъ Добровскій оставилъ послѣ смерти своей драгоцѣнный манускриптъ, который находится теперь, кажется, въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

X-й. Швейцарская гвардія имѣла мундиръ красный съ серебромъ. Находившійся тогда въ Парижѣ А. П. Ермоловъ [1]), бывшій фаворитъ императрицы Екатерины, вздумалъ надѣть для сего случая нашъ инженерный тогдашній мундиръ, который тоже былъ красный съ серебромъ, и голубую польскую ленту, и въ такомъ нарядѣ пріѣхалъ верхомъ на то мѣсто, гдѣ собрано было войско; всѣ приняли его за графа d'Artois, войска построились и хотѣли отдать честь; но, увидѣвши свою ошибку, начали дѣлать разныя на сей счетъ насмѣшки до того, что Ермоловъ принужденъ былъ уѣхать. Король объѣзжалъ ряды солдатъ въ каретѣ, не выходилъ изъ оной и во время церемоніальнаго марша.

Г-нъ Симолинъ велъ жизнь весьма уединенную, даже во многихъ отношеніяхъ несоотвѣтственную званію россійскаго посланника. Совѣтникомъ посольства былъ П. А. Обрѣзковъ, первымъ секретаремъ г. Мошковъ, а вторымъ г. Павловъ [2]). Они оба оказывали мнѣ большія услуги. Г. Мошковъ ѣздилъ со мною въ Версаль въ день сошествія Св. Духа. Я былъ въ придворной церкви и видѣлъ процессію сего ордена, которая была едва ли не послѣдняя до революціи. Г. Мошковъ испросилъ позволеніе у королевы осмотрѣть Маленькій Тріанонъ, любимое ея тогда мѣстопребываніе. Король и королева обѣдали въ сей день au petit couvert, т. е. за столомъ сидѣлъ одинъ король и королева тоже одна, но въ разныхъ комнатахъ. Вся публика могла проходить мимо ихъ величествъ. Г. Павловъ показывалъ мнѣ все, что было любопытнаго въ Парижѣ, и ходилъ со мной въ театръ сей столицы. Первый спектакль я видѣлъ «Mérope» aux Français; сію роль представляла m-lle Rocourt въ большомъ совершенствѣ. Тогда лучшій трагическій актеръ былъ Larive; онъ игралъ превосходно въ сочиненной для него трагедіи роль «Hercule sur le mont Entna». Я пріѣхалъ въ Парижъ скоро послѣ того, какъ распущены были les Notables и собирались les Etats Généraux, стало быть, революція уже приготовлялась. Бомарше незадолго передъ тѣмъ сочинилъ свою комедію «Фигарова женитьба». Когда ее представляли, то зрители доходили почти до изступленія, и всякій разъ, какъ занавѣсь опускалась, весь партеръ кричалъ à demain [3]). Сія комедія дана была 130 разъ сряду. Это правда, что въ ней играли самые лучшіе того времени актеры: Molé, Dazincourt, Dugazon, m-lle Contat, Olivier, m-me Vieumenille и прочіе. Въ мое время въ театрѣ Большой оперы было первое представленіе «Тарары», оперы сочиненія тоже Бомарше. Стеченіе зрителей было неимовѣрное, но сія опера не имѣла такого успѣха, какъ «Фигарова

[1]) Онъ былъ флигель-адъютантомъ императрицы, которые могли носить мундиры всѣхъ войскъ, кромѣ гвардейскихъ, съ особливымъ только шитьемъ.

[2]) Священникомъ при посольствѣ былъ іерей Криницынъ, теперешній придворный духовникъ.

[3]) — До завтра!

женитьба». Я долженъ признаться, что любимый мой театръ былъ тогда les Variétés amusantes; зала была въ самомъ Palais Royal и близко отъ моей квартиры. Мнѣ случалось иногда цѣлый день провести въ семъ единственномъ мѣстѣ въ свѣтѣ. Поутру ходилъ я завтракать au Café de Foi, бывшемъ тогда въ большой модѣ, или въ другой кофейный домъ. Въ полдень почти весь Парижъ съѣзжался гулять подъ аркадами или въ саду; тогда на дворѣ были прекрасныя аллеи, которыя истреблены во время революціи. Потомъ ходилъ обѣдать или «à la grotte flamande», или въ другую какую ресторацію, ибо ихъ тогда было нѣсколько въ Palais Royal. Послѣ обѣда кофе пить я ходилъ au Café méchanique[1]), гдѣ изъ-подъ полу, посредствомъ машинъ, доставлялось все, чего пожелаешь; а за буфетомъ сидѣла женщина для полученія денегъ. Оттуда, погулявши до 6-ти часовъ aux Variétés, гдѣ по большей части давались комедіи сочиненія Du Maniant, который былъ тутъ же актеромъ, — шелъ опять гулять подъ аркады. Всѣ лавки всякій вечеръ были превосходно освѣщены воскомъ, ибо кенкетовъ тогда еще не знали. Вся лучшая парижская публика туда съѣзжалась, и гулянье продолжалось до 11-ти часовъ вечера, по пробитіи коихъ свистъ солдатъ швейцарской гвардіи былъ сигналомъ гасить свѣчи и разъѣзда публики. Я часто ѣздилъ гулять aux bois de Boulogne ходилъ завтракать aux Champs Elysées; всякое воскресеніе было гуляніе aux boulevards, гдѣ видны были прекраснѣйшіе экипажи, равно какъ и à Longchamps. Сіе гуляніе состояло въ томъ, что отъ заставы до bois de Boulogne тянулись въ два ряда кареты, одна за другой.

Въ Парижѣ были тогда изъ русскихъ княгиня Н. П. Голицына съ мужемъ и со всѣмъ ея семействомъ,—я у нея нѣсколько разъ обѣдалъ,—Р. А. Кошелевъ съ женою, В. Н. Зиновьевъ, А. П. Ермоловъ, бывшій фаворитъ, и графъ Бобринскій; сей послѣдній велъ жизнь развратную, проигрывалъ цѣлыя ночи въ карты и надѣлалъ множество долговъ. Онъ находился подъ присмотромъ нашего посланника и барона Гримма. Графъ Бобринскій, у котораго я иногда бывалъ,—не иначе, какъ когда онъ самъ заходилъ за мной, и я не въ состояніи былъ отъ него отговориться,—не могъ понять, что я по 18-му году не находилъ удовольствія въ его обществѣ, и называлъ меня за то «le tres sage m-r Komarovsky»[2]). Послѣ трехмѣсячнаго моего пребыванія въ Па-

---

[1]) На этотъ кофейный домъ сдѣланы были тогда куплеты на голосъ: «cœurs sensibles, cœurs fidéles» и проч.

Par un art presque magique
Dans ce pays enchanté
Est un café mécanique
Dont on vante la beauté,
Un ressort suit la parole,
Chacun y prend son régal:
Ce n'est qu'au Palais Royal (bis).

[2]) Благонравнѣйшій г. Комаровскій.

рижѣ дано мнѣ было знать отъ посольства, чтобы я готовился къ отъѣзду въ Россію. П. А. Обрѣзковъ, о которомъ я говорилъ выше, получилъ тогда отпускъ; онъ желалъ ѣхать со мной въ Россію, на что я согласился, но такъ какъ онъ имѣлъ долги, то надлежало выѣхать ему такимъ образомъ, чтобы заимодавцы его не остановили. Я, получивъ депеши отъ посланника Симолина и отъ барона Гримма, который послалъ со мною къ императрицѣ нѣсколько вещей изъ купленнаго кабинета гравированныхъ камней у герцога Орлеанскаго,— долженъ былъ за заставой остановиться, пока Обрѣзковъ подъ чужимъ именемъ выѣзжалъ изъ города въ фіакрѣ.. У него былъ слуга Михайло, который непремѣнно хотѣлъ возвратиться въ Россію. Дорогою у него сдѣлалась бѣлая горячка, и въ бѣшенствѣ онъ едва насъ обоихъ въ одну ночь не зарѣзалъ имѣвшимся у него ножомъ; кончилось тѣмъ, что онъ соскочилъ съ козелъ и ушелъ въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Михайло явился къ своему господину. Онъ завербованъ былъ нѣсколько разъ въ Пруссіи въ солдаты и все спасался бѣгствомъ.

По возвращеніи моемъ въ Россію я нашелъ дворъ въ Москвѣ, гдѣ мнѣ случилось видѣть великолѣпный праздникъ, который данъ былъ императрицѣ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ въ селѣ его Кусковѣ. Что болѣе всего меня удивило, это плато, которое поставлено было передъ императрицею за ужиномъ. Оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, и на возвышеніи томъ былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ бриллiантовъ. Сверхъ того, графиня С. О. Разумовская, жена графа Петра Кирилловича, просила меня отвезти отъ нея изъ Парижа подарки къ фельдмаршалу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. По пріѣздѣ моемъ въ Москву я узналъ, что фельдмаршалъ живетъ въ своемъ загородномъ домѣ Петровскомъ. Онъ меня очень обласкалъ и пригласилъ къ обѣду, что для меня было весьма лестно, ибо онъ былъ и подполковникомъ Измайловскаго полка, въ которомъ я служилъ тогда сержантомъ. За обѣдъ фельдмаршалъ вышелъ, украшенный подарками, привезенными мною, какъ-то: косынкой на шеѣ, жилетомъ и пуговицами на кафтанѣ. Графъ Разумовскій публично благодарилъ меня за доставленіе ему такихъ пріятныхъ подарковъ отъ любезной его невѣстушки. Пробывши въ Москвѣ нѣсколько дней, я отправленъ былъ въ Петербургъ съ депешами къ вице-канцлеру, графу Остерману.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1787 года, я посланъ былъ курьеромъ въ Лондонъ, и, не доѣзжая сыпучихъ песковъ Куришъ-Гафа, на первой прусской станціи Иммерзатъ, я долженъ былъ оставить мою коляску, которая мнѣ такъ хорошо служила, и ѣхать въ перекладныхъ повозкахъ. На трактѣ моемъ были города: Мемель, Кенигсбергъ, Берлинъ, гдѣ я нашелъ посланникомъ двора нашего графа С. П. Румянцева и съ нимъ познакомился,—Оснабрюкъ, Гарлемъ,

Роттердамъ и Голтвотъ-Шлёсъ. Здѣсь я долженъ былъ сѣсть на пакетъ-ботъ и отправиться въ англійскій портъ Гарвичъ. Проѣзжая Голландію, я не могъ довольно налюбоваться той чистотой и опрятностью, которая видна не только въ домахъ, но и на улицахъ, и тѣми каналами, помощью которыхъ доставляются всѣ припасы изъ одного мѣста въ другое; лодку, довольно нагруженную, одинъ человѣкъ ведетъ деревяннымъ правиломъ очень свободно. Въ Голтвотъ-Шлёсѣ я нашелъ много пассажировъ. Въ тотъ самый день вѣтеръ былъ попутный, и мы сѣли на пакетъ-ботъ къ вечеру и пустились въ море. Ночью сдѣлался такой сильный штормъ, что мы едва могли опять попасть въ гавань, и всѣ увѣряли, что если бы штормъ этотъ нашелъ насъ въ открытомъ морѣ, то мы бы непремѣнно погибли. Противный вѣтеръ дулъ семь дней, потомъ повѣялъ попутный, и мы пустились опять въ море; когда мы проѣхали 24 часа, сдѣлался совершенный штиль, и зыбь, продолжавшаяся нѣсколько часовъ, была несносна; ни одного не было пассажира, который бы не страдалъ отъ оной. Наконецъ, съ довольно свѣжимъ вѣтромъ мы прибыли въ Гарвичъ. Я странное испыталъ чувство, когда вышелъ на твердую землю; мнѣ казалось, что всѣ предметы, которые я вижу, находятся въ безпрестанномъ движеніи, и земля подо мною ходитъ, такъ что нѣсколько минутъ я не могъ шагу сдѣлать впередъ. Нигдѣ такъ хорошо не устроены дороги, какъ въ Англіи: одна половина укатывается катками и насыпается хрящомъ, а по другой ѣздятъ, и содержатся онѣ точно такъ, какъ дорожки въ англійскихъ садахъ. Почтовыхъ станцій, какъ въ прочихъ государствахъ, тамъ не учреждено, но во многихъ деревняхъ по большой дорогѣ есть содержатель лошадей и постъ-шезовъ, т.-е. весьма легкихъ двухмѣстныхъ каретъ, которыя за извѣстную цѣну возятъ проѣзжающихъ отъ одного мѣста до другаго. Почта въ Англіи, однако же, дороже, нежели гдѣ нибудь. Въ Гарвичѣ явился ко мнѣ одинъ итальянецъ и просилъ меня довезти его до Лондона, а взамѣнъ того онъ обѣщался служить мнѣ переводчикомъ, а такъ какъ онъ много ѣзжалъ по дорогамъ и могъ нанимать для меня лошадей по выгоднѣйшимъ цѣнамъ, я на предложеніе его согласился. Отъ Гарвича до Лондона 75 миль, или 100 верстъ; мы выѣхали часовъ въ 10 утра. Я долженъ сказать, что никогда такъ пріятно, покойно и скоро не ѣхалъ, и мой итальянецъ мнѣ былъ очень полезенъ. Пріѣхавши на послѣднюю перемѣну до Лондона, на воротахъ того трактира, гдѣ мы должны были остановиться, я увидѣлъ надпись прекрупными словами и спросилъ у итальянца, что это значитъ; онъ мнѣ сказалъ, что предупреждаютъ всѣхъ проѣзжающихъ, чтобы они берегли свои чемоданы и сундуки, находящіеся сзади каретъ, ибо въ окрестностяхъ Лондона находится множество пѣшихъ и конныхъ воровъ [1]).

---

[1]) Сказываютъ, что генералъ Уваровъ,—всѣмъ извѣстно, какъ онъ говорилъ

Ночь была лунная. Итальянецъ мнѣ сказалъ, чтобы я на всякій случай приготовилъ нѣсколько гиней, а содержатель лошадей велѣлъ мнѣ сказать, что если на насъ нападетъ дорогой конный воръ и закричитъ кучеру: stop, то онъ остановится, ибо не обязанъ за насъ жертвовать своею жизнью. Отъѣхавши нѣсколько миль, кучеръ сказалъ намъ, что онъ видитъ двухъ конныхъ воровъ, ѣдущихъ къ намъ на встрѣчу. Итальянецъ мнѣ говоритъ:

— Держите въ рукѣ вашей гинеи.

Одинъ изъ воровъ, подъѣзжая, закричалъ stop, и карета наша остановилась, а другой стоялъ поодаль; воръ подъѣхалъ къ той сторонѣ, гдѣ сидѣлъ итальянецъ, и, въ спущенное стекло протянувъ руку съ пистолетомъ, требовалъ денегъ; товарищъ мой сказалъ ему, что онъ слуга, и ничего дать ему не можетъ; впрочемъ мы оба недостаточные люди и едва имѣемъ, чѣмъ доѣхать до Лондона, но готовы, однако же, дать, что имѣемъ. Тогда воръ подъѣхалъ къ моей сторонѣ, и я далъ ему четыре гинеи, послѣ чего онъ приказалъ кучеру нашему ѣхать. Симъ окончилось трагическое сіе происшествіе. Когда воры мимо насъ проѣхали, итальянецъ мой посмотрѣлъ въ окошко, и когда ужъ ихъ не было въ виду, онъ выстрѣлилъ имъ вслѣдъ изъ моего пистолета, сказавъ мнѣ:

— Это нужно, чтобы дать острастку другимъ ворамъ.

Мнѣ сказывали потомъ въ Лондонѣ, что сіи воры имѣютъ свое общество и клубъ, въ которомъ они собираются, что правительству извѣстны даже всѣхъ ихъ имена, и когда на которыхъ изъ нихъ есть явная улика въ ихъ грабежахъ, тогда полицейскіе чиновники приходятъ въ ихъ клубъ и берутъ уличенныхъ безъ сопротивленія и предаютъ въ руки правительства.

Я пріѣхалъ въ Лондонъ прямо къ нашему министру, графу С. Р. Воронцову; сверхъ депешъ я привезъ къ нему партикулярное письмо отъ графа Безбородки, въ которомъ онъ просилъ посланника принять меня подъ свое покровительство. На другой день мнѣ сказывали чиновники посольства, что когда графъ Воронцовъ прочиталъ привезенныя мною депеши, то сказалъ:

— Комаровскій привезъ старыя газеты, видно, гр. Безбородкѣ хотѣлось познакомить его съ Лондономъ.

Какую я нашелъ разницу между Парижемъ и Лондономъ! Тамъ, кажется, всякій день праздникъ, а здѣсь никогда; тамъ по улицамъ ходя поютъ и веселятся, а здѣсь ходятъ въ глубокомъ молчаніи; это правда, что я въ Парижѣ былъ лѣтомъ, а въ Лондонъ пріѣхалъ въ глубокую осень; тамъ я видѣлъ за то всякій день солнце, а здѣсь отъ каминовъ, въ которыхъ горитъ каменный уголь, образуется премрачный туманъ, такъ что иногда въ полдень должно

пофранцузски,—узнавши сіе, ѣдучи въ Лондонъ, сказалъ своему камердинеру: Charles, prends garde à mon mal de derrière.

зажигать свѣчи, и бѣлье дѣлается чернымъ. Вѣроятно, сей мракъ производитъ въ Англіи сплинъ,—болѣзнь, въ другихъ земляхъ, кажется, неизвѣстную,—и очень часто въ газетахъ читаешь о самоубійствахъ. Молодому человѣку особливо должно, по мнѣнію моему, побывать прежде въ Лондонѣ и потомъ уже ѣхать въ Парижъ, ибо сравненіе всегда будетъ въ пользу послѣдняго. Лондонъ имѣетъ большее преимущество противъ Парижа въ разсужденіи чистоты улицъ; тамъ прекрасные тротуары передъ каждымъ домомъ, кои обливаютъ водою ежедневно, и потому грязи на нихъ никогда не бываетъ; для пѣшеходовъ это великое удобство. Въ Парижѣ напротивъ, какъ извѣстно, улицы узкія и прегрязныя, а высота домовъ дѣлаетъ, что въ нѣкоторые солнце вовсе не проникаетъ. Въ Лондонѣ есть обыкновеніе очень покойное: черезъ объявленіе въ газетахъ можно все получить, что ни пожелаешь, даже нѣкоторые находили себѣ невѣстъ и жениховъ. Мнѣ хотѣлось употребить время пребыванія моего въ Лондонѣ, чтобы выучиться поанглійски. Я воспользовался симъ посредствомъ газетъ, вызывая желающихъ принять меня къ себѣ въ пансіонъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ множество записокъ. Я рѣшился войти въ домъ къ одному лингвисту, жившему въ Нюманъ-стритъ, Оксфортродъ, подъ № 38. Онъ былъ родомъ французъ, фамилія его Тогажо, но съ малолѣтства жилъ въ Лондонѣ. Я предпочелъ его потому, что онъ удобнѣе могъ мнѣ объяснить правила языка, но я ошибся: въ англійской фамиліи я бы гораздо болѣе успѣлъ. Я платилъ двѣ гинеи въ недѣлю и двѣ гинеи заплатилъ единовременно, какъ называется d'entrée; я имѣлъ особливую комнату, общій завтракъ и обѣдъ. Скоро послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ было открытіе парламента. Я видѣлъ короля Георга III, ѣдущаго въ восьмистекольной раззолоченной каретѣ, заложенной въ восемь изабелловыхъ лошадей. Напротивъ его сидѣлъ первый министръ Питтъ. Впереди и сзади кареты ѣхалъ конвой конной гвардіи, но сіе не мѣшало, однако же, нѣсколькимъ мальчишкамъ изъ многочисленной толпы людей, бѣгущей за каретою, бросать иногда грязью въ оную. Засѣданія парламента были тогда весьма интересны, и стеченіе зрителей всегда чрезвычайное. Онѣ открылись процессомъ, дѣлаемымъ Гастингсу, бывшему вице-роемъ въ Индіи, за жестокости и употребленіе во зло его тамъ власти. Знаменитые ораторы оппозиціи: Фоксъ, Боргъ и Шериданъ, истощили все свое краснорѣчіе на обвиненіе Гастингса, но онъ былъ оправданъ. Я ходилъ смотрѣть въ Вестминстерскомъ аббатствѣ монументъ лорда Чатама, отца Питта, который представленъ говорящимъ рѣчь въ парламентѣ противъ войны съ Соединенными Штатами. Мнѣ случалось быть нѣсколько разъ въ Ольдбели, такъ называется уголовный судъ, гдѣ судятся всѣ преступники; сей судъ открывается три раза въ годъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока есть подсудимые. Посреди присутственной комнаты находится родъ

амвона, на которомъ становятся подсудимые; на столбикахъ, прикрѣпленныхъ къ амвону, утверждено зеркало, обращенное къ свѣту оконъ такимъ образомъ, что лучи свѣта, падающіе на зеркало, отражаются на лицѣ подсудимыхъ, стоящихъ лицомъ къ судьямъ; симъ способомъ они видятъ всѣ измѣненія, въ чертахъ подсудимыхъ происходящія. Чтобы обвинить, необходимо нужно показаніе трехъ свидѣтелей; судья дѣлается тогда, такъ сказать, адвокатомъ подсудимыхъ, ибо онъ старается разбить въ словахъ свидѣтелей. Когда же доказательства такъ ясны, что сдѣланныя преступленія не подлежатъ никакому сомнѣнію, тогда отдается дѣло на заключеніе присяжныхъ. Они уходятъ въ другую комнату. Эта минута самая интересная: когда отворяются двери, присяжные входятъ въ присутствіе, и приговоръ состоитъ въ одномъ словѣ «виноватъ» или «невиноватъ».

Я нашелъ въ Лондонѣ изъ русскихъ графа Ф. В. Ростопчина, имѣвшаго тогда чинъ поручика Преображенскаго полка, П. А. Левашева, бывшаго кавалеромъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ, Г. А. Синявина и графа Бобринскаго, пріѣхавшаго незадолго передо мною изъ Парижа; въ его обществѣ находился маркизъ Вертильякъ, подобный ему игрокъ, уѣхавшій тайнымъ образомъ изъ Парижа, дабы избѣгнуть заключенія въ Бастиліи, на что отцомъ его испрошены были lettres de cachet. Вотъ доказательство той народной ненависти, которая существовала тогда у англичанъ противъ французовъ. Мы трое шли вмѣстѣ на улицѣ—графъ Бобринской, Вертильякъ и я. На мнѣ съ графомъ Бобринскимъ былъ фракъ англійскаго покроя и круглыя шляпы, а на французѣ парижскій полосатый фракъ и треугольная шляпа; мы примѣчаемъ, что за нами множество бѣжитъ мальчишекъ и поднимаютъ грязь съ улицы; одинъ изъ нихъ закричалъ: french dog [1]), и вдругъ посыпался градъ комьевъ грязи на бѣднаго Вертильяка, и онъ насилу скрылся въ одну кондитерскую лавку, случившуюся на дорогѣ; мы же двое шли тихимъ шагомъ, и ни одного кусочка грязи на насъ не попало. При Лондонской нашей миссіи изъ всѣхъ чиновниковъ одинъ только замѣчательный человѣкъ находился—это священникъ нашей церкви, Яковъ Ивановичъ Смирновъ, который употреблялся и по дипломатической части. Изъ нашихъ русскихъ я болѣе всѣхъ видѣлся съ графомъ Ростопчинымъ; мы съ нимъ вмѣстѣ ходили смотрѣть битву пѣтуховъ, ученаго гуся и ѣздили за нѣсколько лишь отъ Лондона верстъ смотрѣть кулачныхъ бойцевъ, знаменитыхъ въ тогдашнее время: Жаксона англичанина и Рейна ирландца. Пари были ужасныя; англичане парировали за Жаксона, а ирландцы за Рейна. Парламентъ, узнавши о приготовленіи сего боя, запретилъ всякое сборище подобнаго рода въ го-

---

[1]) Французская собака.

родахъ и селеніяхъ, а потому мѣсто выбрано было въ полѣ, на открытомъ воздухѣ. Въ назначенный день тысячи каретъ изъ Лондона туда отправились, и мы наняли постъ-шезъ. Сдѣланъ былъ большой помостъ для бойцовъ, а зрители взлѣзали на имперіалы каретъ, чтобы лучше можно было видѣть сей спектакль. Бойцы были полунагіе, и за каждымъ изъ нихъ находились секундантъ и держатель бутылки съ какимъ-то напиткомъ. При началѣ боя они дали другъ другу руку въ знакъ того, что они между собою вражды не имѣютъ, и если бы случилось одному быть убиту, то другаго не преслѣдовать, какъ смертоубійцу, по законамъ. Бой начался, и нѣсколько разъ тотъ и другой были повержены на полъ: тогда секундантъ подходитъ, протягиваетъ шею, за которую боецъ долженъ ухватиться обѣими руками, и секундантъ такимъ образомъ его поднимаетъ; дабы въ бойцѣ сохранить силы, держащій бутылку даетъ ему изъ оной пить и считаетъ протяжно, начиная съ одного до того числа, какъ былъ уговоръ, и если боецъ, лежащій на полу, до сочтенія положеннаго числа разъ, не встанетъ, то признаетъ себя побѣжденнымъ. Зрѣлище звѣрское; удивительно, какъ просвѣщенные люди могутъ находить въ ономъ удовольствіе; между тѣмъ крикъ отъ держащихъ пари ужасный, и смотря потому, какъ одинъ изъ бойцевъ ослабѣваетъ, держащая за него сторона пари свои уменьшаетъ, а другая прибавляетъ, такъ что противъ одного держитъ пять, десять и такъ далѣе. Наконецъ Рейнъ, получивъ сильный ударъ отъ Жаксона, сказалъ: «довольно». Надобно было видѣть тогда, съ какимъ торжествомъ Жаксонъ поклонился тѣмъ, которые за него парировали, и съ какимъ восторгомъ выигравшіе вскочили на помостъ, который покрытъ кровью побѣдителя и побѣжденнаго, подняли его на руки и носили въ тріумфѣ нѣсколько времени. Возвращаясь въ Лондонъ, мы проѣзжали черезъ одну деревню и замѣтили множество каретъ у трактира. Мы изъ любопытства остановились, вошли въ комнату, которая была полна людьми; видимъ человѣка, лежащаго на канапе,— у него все лицо обвязано чѣмъ-то бѣлымъ,— а другаго стоящаго подлѣ него и прикладывающаго припарки. Мы узнали, что это былъ побѣжденный Рейнъ. На другой день въ газетахъ было подробное описаніе сего кулачнаго боя, и всякій день выходилъ бюллетень о состояніи здоровья, въ которомъ находились бойцы, ибо и Жаксонъ недешево купилъ свою побѣду; была минута, что считали даже его побѣжденнымъ. Когда изъ газетъ извѣстно стало, что Рейнъ совершенно выздоровѣлъ, Ростопчину вздумалось брать у него уроки; онъ нашелъ, что битва на кулакахъ такая же наука, какъ и бой на рапирахъ. Потомъ я ѣздилъ верхомъ съ Ростопчинымъ въ Гренвичъ, знаменитый инвалидный домъ для моряковъ, гдѣ, какъ извѣстно, находится и славная обсерваторія; это было накапунѣ нашего Рождества, и по дорогѣ мы нашли луга такъ зелены, какъ у насъ лѣтомъ. Въ Лон-

донѣ было тогда три главныхъ театра: итальянская опера, въ которой должно было быть въ башмакахъ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и съ треугольной шляпой; два англійскіе: Дрюриленъ и Ковенъ Гарденъ. Въ первомъ славилась своимъ превосходнымъ голосомъ и пѣніемъ дѣвица Белингтонъ, а во второмъ была знаменитая трагическая актриса, госпожа Сидонсъ. На семъ послѣднемъ театрѣ, во время святокъ, представляемы были пантомимы, въ которыхъ арлекинъ игралъ первую роль, и механизмъ былъ доведенъ до такого совершенства, что всякій разъ, какъ арлекинъ ударитъ по кулисамъ своею деревянною шпагою, декораціи перемѣнялись мгновенно, подобно какому-то волшебству. На святки распускаются студенты изъ всѣхъ университетовъ, и сіи представленія наполнены были этими молодыми людьми. Однажды я сидѣлъ въ ложѣ съ Ростопчинымъ, въ которой находилось и нѣсколько студентовъ; мы нарочно говорили между собой порусски, чтобы возбудить ихъ любопытство. Сначала они долго прислушивались, потомъ начался между ними споръ: кто утверждалъ, что мы говорили попольски, иные — повенгерски; наконецъ мы слышимъ, что они начали другъ другу предлагать пари, къ чему англичане имѣютъ врожденную склонность; мы будто ничего не понимаемъ, все продолжаемъ между собою разговаривать. Одинъ изъ студентовъ рѣшился у насъ спросить, на какомъ мы языкѣ говоримъ. Ростопчинъ ему отвѣчалъ:

— На такомъ, какой никому изъ васъ въ голову не пришелъ; мы говоримъ порусски, стало быть, никто изъ васъ пари не проигралъ и не выигралъ.

Синявинъ [1]) служилъ тогда въ англійскомъ флотѣ и только что возвратился изъ Индіи; онъ пригласилъ меня однажды ѣхать съ нимъ и съ секретаремъ графа Воронцова Жоли отыскивать корабль, на которомъ онъ прежде находился. Мы взяли фіакръ, чтобы доѣхать до Темзы. Тутъ сѣли на одну лодку и поплыли въ прегустѣйшій лѣсъ мачтъ. Я никогда не видывалъ такого множества кораблей вмѣстѣ. Гребцы у насъ были одинъ старикъ, а другой мальчикъ; Синявинъ оттолкнулъ ихъ обоихъ, снялъ съ себя фракъ и началъ самъ грести; между тѣмъ пошелъ проливной дождь, корабля мы не нашли, а промокли, какъ говорится, до послѣдней нитки, особливо Синявинъ, который былъ въ одной рубашкѣ. Онъ предложилъ намъ заѣхать въ Орендчь, кафегаузъ, гдѣ собираются большею частью морскіе офицеры, велѣлъ себѣ подать пуншу гафъ-эндъ-гафъ, то-есть половина рому и половина французской водки, выпилъ онаго пребольшую кружку и какъ ни въ чемъ не бывало. Синявинъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ отличный морской офицеръ

---

[1]) Его звали Григоріемъ Алексѣевичемъ; его родная сестра была замужемъ за графомъ С. Р. Воронцовымъ.

и любимъ въ англійскомъ флотѣ. Въ одинъ день рано по утру пришелъ ко мнѣ графъ Бобринскій; я, видя его весьма встревоженное лицо, спросилъ его о причинѣ такого ранняго ко мнѣ прихода. Онъ бросился мнѣ на шею и почти со слезами сталъ убѣдительно меня просить ѣхать съ нимъ въ Парижъ на нѣсколько дней, ибо знакомая ему одна особа уѣхала туда внезапно, и онъ безъ нея жить не можетъ. Я ему сказалъ, что я охотно бы сіе сдѣлалъ, но онъ знаетъ, что я не завишу отъ себя и безъ позволенія министра никуда отлучиться не могу; онъ былъ въ такомъ изступленіи, что почти ничего не понималъ, что я ему говорилъ, и твердилъ только одно, чтобы я съ нимъ непремѣнно ѣхалъ. Къ счастію моему, въ сію минуту пришелъ ко мнѣ Левашевъ, котораго графъ Бобринскій нѣсколько уважалъ, и на силу вразумилъ его, что онъ не въ правѣ такой жертвы отъ меня требовать. Изъ Лондона выѣзжать можно когда угодно, только стоитъ послать за постъ-шезомъ, что графъ Бобринскій и сдѣлалъ; черезъ часъ его уже въ Лондонѣ не было. Онъ дѣйствительно возвратился въ Лондонъ дней черезъ десять. Извѣстно сдѣлалось, что съ Швеціей у насъ началась война, а турецкая еще продолжалась. Графъ Бобринскій былъ ротмистромъ конной гвардіи; онъ написалъ въ Петербургъ и просилъ, чтобы, по случаю войны, позволено ему было возвратиться въ Россію и служить въ полкахъ, употребленныхъ противъ непріятеля; сему предложенію были рады, ибо давно желали его имѣть въ Россіи. Онъ опять сталъ меня просить, чтобы ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, и даже объяснялся на сей счетъ съ графомъ Воронцовымъ. Мнѣ самому этого хотѣлось, но, къ счастію моему, случилась нужда послать изъ Лондона курьера въ Россію, и меня отправили; ибо едва графъ Бобринскій пріѣхалъ на нашу границу, какъ тамъ приказано было отвезти его въ Ревель и оставаться въ семъ городѣ впредь до повелѣнія, гдѣ онъ и прожилъ до восшествія императора Павла на престолъ. Что же бы тогда со мной случилось, какъ съ его сопутникомъ? Графъ Ростопчинъ оставилъ Лондонъ прежде меня, но я нагналъ его на дорогѣ, и до Берлина мы ѣхали вмѣстѣ; я находилъ большое удовольствіе быть въ его обществѣ: онъ былъ чрезвычайно забавенъ и любезенъ. Послѣ шестимѣсячнаго моего отсутствія я пріѣхалъ въ Петербургъ. Меня видѣли мои знакомые одѣтымъ прежде совершенно на французскій манеръ, а теперь на англійскій. Я въ полку на лицо не служилъ, а считался при графѣ Безбородкѣ, почему и щеголять могъ въ моихъ французскихъ и англійскихъ фракахъ.

II.

Посылка курьеромъ въ Вѣну.—Князь Д. М. Голицынъ.—Жизнь въ Вѣнѣ.—Чудакъ Зыбинъ.—Французскіе эмигранты.—Принцъ Нассау-Зигенъ.—Князь Н. В. Репнинъ.—Отправленіе курьеромъ къ принцу Нассау.—Коронованіе римскаго императора.—Поѣздка въ Майнцъ.—Карлсруэ.—Обѣдъ у маркграфа Баденскаго.—Княгиня Д. А. Шаховская.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Производство мое въ прапорщики.—Представленіе императрицѣ.—Л. А. Нарышкинъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ принцессы Баденской.—Назначеніе мое полковымъ адъютантомъ.—Княгиня К. Ѳ. Долгорукова.—Любительскій спектакль.—Поѣздка въ Москву.—Графъ А. А. Безбородко.—Праздникъ офицеровъ Измайловскаго полка.—Кончина императрицы Екатерины II.

Я прожилъ покойно до 1790 года, въ началѣ котораго я посланъ былъ курьеромъ въ Вѣну, къ послу нашему, князю Д. М. Голицыну. Я нашелъ сію столицу въ торжествѣ и печали. Въ тотъ самый день присягали Леопольду, какъ эрцъ-герцогу австрійскому, и оплакивали кончину императора Іосифа II, а болѣе—смерть эрцъ-герцогини Елисаветы, первой жены нынѣшняго императора Франца, родной сестры императрицы Маріи Ѳеодоровны; она была чрезвычайно любима. Князь Д. М. Голицынъ былъ препочтенный вельможа [1]), но странно было его слышать, когда начнетъ говорить о Петербургѣ, въ которомъ оно около 40 лѣтъ не бывалъ; онъ никакъ иначе не могъ себѣ представить сей столицы, какъ въ томъ положеніи, въ которомъ оставилъ оную. Я видѣлъ въ Вѣнѣ знаменитаго канцлера, князя Кауница,—съ которымъ посолъ нашъ жилъ въ большой дружбѣ,—фельдмаршаловъ Лассія и Лаудона. Въ Вѣнѣ всякій офицеръ въ мундирѣ въ праздничные дни имѣлъ входъ во дворецъ; а такъ какъ намъ позволено было за границей носить офицерскіе мундиры армейскихъ полковъ, то и я, пользуясь симъ правомъ, сдѣлалъ себѣ карабинерный мундиръ, синій съ красными обшлагами и воротникомъ, и видѣлъ всѣ придворныя церемоніи по случаю похоронъ императора Іосифа и эрцъ-герцогини. По причинѣ траура никакихъ публичныхъ увеселеній не было, а только ежедневное почти гулянье въ прелестномъ Пратерѣ и Аугартенѣ. Князь Д. М. Голицынъ получилъ въ подарокъ отъ императрицы Маріи-Терезіи, которая къ нему была очень милостива, одну изъ окружавшихъ Вѣну горъ, называемую «Предихъ-Штуль» [2]); онъ выстроилъ на оной прекрасный загородный домъ, куда часто любилъ ѣздить и меня нѣсколько разъ туда приглашалъ [3]). По старости его лѣтъ и дряхлости назначенъ былъ

---

[1]) Онъ оставилъ по себѣ незабвенный памятникъ христіанской добродѣтели учрежденіемъ въ Москвѣ знаменитой Голицынской больницы.

[2]) Сказываютъ, что на сей горѣ въ началѣ христіанства проповѣдуемо было слово Христа Спасителя.

[3]) Сей загородный домъ князь Голицынъ послѣ смерти отказалъ графу Н. П. Румянцеву.

ему въ помощники, а потомъ въ преемники, графъ А. К. Разумовскій; онъ женился на графинѣ Тунъ, и я слышалъ ея прелестный голосъ въ одной ораторіи, которая составлена была изъ знатныхъ вѣнскихъ особъ въ каѳедральной церкви св. Стефана. Въ Вѣнѣ русскихъ никого въ то время не было, кромѣ чудака Зыбина, пріѣхавшаго туда изъ Англіи; онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ и притворялся, будто забылъ говорить порусски, напримѣръ, въ Петербургѣ, выходя изъ театра, онъ кричалъ: «Зыбинъ каретъ». Тогда была мода имѣть превысокіе фаэтоны для гулянья. Зыбинъ въ этомъ уродскомъ экипажѣ сдѣлалъ дорогу изъ Петербурга въ Москву. На станціяхъ всѣ на него, какъ на шута, смотрѣли, а мальчишки за нимъ съ крикомъ вслѣдъ бѣжали. Зыбинъ самъ это разсказывалъ, относя сіе къ невѣжеству нашего народа.

Пробывъ въ Вѣнѣ около трехъ мѣсяцевъ, я отправленъ былъ въ Петербургъ съ депешами. Въ 1791 году, пріѣхалъ въ Петербургъ графъ д'Артуа, нынѣшній французскій король Карлъ X, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы склонить императрицу Екатерину принять дѣятельное участіе въ ихъ дѣлахъ. Онъ принятъ былъ со всевозможною почестью, давали ему много праздниковъ, но возвратился, кажется, съ одними пустыми обѣщаніями; а такъ какъ оба брата несчастнаго короля Людовика XVI основали временное свое пребываніе на берегахъ Рейна, то императрица аккредитовала при нихъ графа Н. П. Румянцева, съ сохраненіемъ прежняго поста его министра въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Принцъ Нассау-Зигенъ былъ принятъ въ нашу службу адмираломъ во время Очаковской кампаніи; извѣстно, что онъ пловучими батареями нанесъ большой вредъ турецкому флоту, потомъ служилъ противъ шведовъ, командовалъ галернымъ флотомъ и имѣлъ одно счастливое, а другое неудачное сраженіе. Какъ рыцарь, ищущій вездѣ славы, едва узналъ онъ, что вокругъ французскихъ принцевъ собирается армія изъ эмигрантовъ, просилъ императрицу позволить ему ѣхать и быть въ числѣ защитниковъ трона Бурбоновъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я два раза былъ посланъ курьеромъ съ депешами къ графу Румянцеву и принцу Нассау, имѣвшимъ пребываніе свое тогда въ Кобленцѣ, гдѣ находились и французскіе принцы. Я останавливался всегда въ домѣ принца Нассау, который меня очень полюбилъ; онъ жилъ чрезвычайно открыто, и я имѣлъ случай познакомиться со многими весьма умными эмигрантами, какъ-то графомъ Бретелемъ, г. Калонномъ, графомъ Сомбрелемъ, герцогомъ де-Гишемъ, аббатомъ Мори и проч. Потомъ принцъ Нассау пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ говорили, съ порученіемъ отъ французскихъ принцевъ къ императрицѣ, просить вспомогательныхъ для нихъ войскъ. Я тотчасъ къ нему явился. Онъ осыпалъ меня милостями, обѣщалъ просить князя Зубова, бывшаго тогда фаворитомъ, чтобы мнѣ исходатайствовать гвардіи офицерскій

чинъ и позволеніе взять меня съ собой для предстоящей кампаніи противъ республиканцевъ. Графъ Н. П. Румянцевъ, всякій разъ, какъ я возвращался въ Петербургъ, давалъ мнѣ порученіе къ брату его Сергѣю Петровичу и въ письмахъ своихъ къ нему всегда отзывался обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ. Поэтому не только графъ С. П. былъ весьма хорошо расположенъ ко мнѣ, но познакомилъ меня съ Настасьею Николаевною Нелединскою, съ которою онъ жилъ въ одномъ домѣ, и у коей воспитывалась одна дѣвица, какъ говорили, близко принадлежавшая князю Н. В. Репнину [1]). Князь случился тогда въ Петербургѣ; онъ былъ подполковникомъ Измайловскаго полка. По имѣемымъ ли на меня какимъ видамъ, въ разсужденіи той дѣвицы, или просто по хорошей рекомендаціи меня Н. Н. Нелединской князю Репнину, только вдругъ я получаю приказъ отъ полка [2]), чтобы на другой день, рано по утру, явиться къ его сіятельству. Но какъ я былъ удивленъ! Когда пріѣзжаю къ князю съ сержантскомъ моемъ мундирѣ, встрѣчаетъ меня Ф. И. Энгель, который служилъ тогда при немъ и имѣлъ маіорскій чинъ, спрашиваетъ мое имя и вводитъ меня прямо въ кабинетъ князя. Я нашелъ его за уборнымъ столикомъ, и едва онъ меня увидѣлъ, сказалъ мнѣ:

— Здравствуй, мой другъ, садись.

Я сталъ было отговариваться, но онъ рѣшительно приказалъ мнѣ сѣсть.

— Я слышалъ о тебѣ много хорошаго,—продолжалъ князь,—что ты употребленъ былъ нѣсколько разъ въ курьерскихъ посылкахъ за границу. Скажи мнѣ, какія твои теперь намѣренія?

Я отвѣчалъ ему, что я просился было въ армію, въ капитаны, но меня не выпустили; потомъ пересказалъ ему обѣщанія, сдѣланныя мнѣ принцомъ Нассау; онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Желаю, чтобы онъ ихъ исполнилъ; я увижусь съ нимъ сегодня во дворцѣ и узнаю, чего тебѣ ожидать можно.

Я пробылъ у князя Репнина до тѣхъ поръ, пока тотъ же Ф. И. Энгель вошелъ доложить ему, что генералъ Арбеневъ пріѣхалъ съ рапортомъ.

Между тѣмъ принцъ Нассау не переставалъ меня увѣрять, что я непремѣнно произведенъ буду въ офицеры, и я рѣшился заказать себѣ мундиръ. Послѣ пребыванія нѣсколькихъ недѣль въ Петербургѣ, принцу данъ былъ фрегатъ, на которомъ онъ отправился до Эльзенера; ему сказано было, что, пріѣхавши въ сію гавань, онъ узнаетъ отъ курьера, который за нимъ вслѣдъ посланъ будетъ,

---

[1]) На вечерахъ Н. Н. Нелединской часто играли «Провербы», сочиненныя графомъ Румянцевымъ. Онъ писалъ прекрасно и съ большимъ умомъ, и я въ сихъ представленіяхъ участвовалъ.

[2]) Мы жили тогда въ купленномъ нами домѣ въ Измайловскомъ полку, въ 10-й ротѣ.

волю императрицы на сдѣланныя французскими принцами ея величеству предложенія. Принцъ Нассау просилъ князя Зубова, чтобы курьеромъ отправить къ нему меня. Сія просьба была исполнена; я дѣйствительно былъ посланъ курьеромъ съ депешами и къ графу Н. П. Румянцеву, но не скоро послѣ отъѣзда принца. Не доѣзжая до Эльзенера, я узналъ, что принцъ давно уже оттуда отправился въ Кобленцъ. Я пріѣхалъ въ Франкфуртъ на Майнѣ въ самую интересную эпоху. Императоръ Леопольдъ царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, и послѣ его смерти старшій сынъ его эрцъ-герцогъ Францъ былъ его преемникомъ. Извѣстно, что римскіе императоры были избираемы всѣми имперскими владѣтельными князьями и курфюрстами римско-католическаго вѣроисповѣданія: въ числѣ сихъ послѣднихъ находились три духовные—Майнцкій, Кельнскій[1]) и Трирскій. Сіе важное происшествіе начиналось тѣмъ, что въ назначенное время должны съѣхаться въ Франкфуртъ на Майнѣ сами принцы-избиратели или уполномоченные отъ нихъ послы; при семъ долженъ находиться и представитель будущаго императора, какъ короля богемскаго и венгерскаго. Нѣсколько столѣтій римскіе императоры-избиратели были изъ Габсбургскаго дома, потомъ сіе достоинство перешло въ домъ Лотарингскій, нынѣ царствующій въ Австріи, и сынъ императора Леопольда не могъ быть неизбранъ въ сіе достоинство. Эрцъ-герцогъ Францъ, въ то самое время, какъ избиратели съѣзжались въ Франкфуртъ, выѣхалъ изъ Вѣны и остановился въ одномъ замкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Франкфурта издревле для того назначенномъ. Нѣкоторые изъ принцевъ-избирателей и посолъ королевствъ Богемскаго и Венгерскаго выѣхали на встрѣчу къ эрцъ-герцогу въ видѣ депутатовъ объявить ему, что онъ избранъ въ императоры, и пригласить въ Франкфуртъ на коронованіе. Со мной прислано было къ графу Н. П. Румянцеву повелѣніе отъ императрицы, чтобы онъ находился полномочнымъ отъ нея министромъ при священномъ семъ обрядѣ. Графъ принялъ меня, какъ отецъ, приказалъ отвести для житья моего свою библіотеку, ибо другой комнаты по малому пространству занимаемаго имъ дома не было; а дабы доставить мнѣ способъ видѣть всю коронацію, онъ послалъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ привезенныя мною депеши къ принцу Нассау въ Кобленцъ и въ партикулярномъ своемъ письмѣ увѣдомилъ принца, что онъ не могъ меня къ нему отправить, потому что получилъ отъ императрицы порученія, для исполненія которыхъ я ему нуженъ. Я видѣлся послѣ съ принцемъ Нассау, и онъ былъ столько же благосклоненъ ко мнѣ, какъ и прежде, и обѣщалъ писать обо мнѣ князю Зубову, что и исполнилъ[2]). Вшествіе

[1]) Кельнскимъ курфюрстомъ тогда былъ Максимиліанъ, сынъ Маріи-Терезіи и братъ императоровъ Іосифа II и Леопольда II.

[2]) Сіе происходило въ началѣ іюня мѣсяца 1792 г.

избраннаго императора было превеликолѣпное. Всѣ принцы, послы встрѣтили его у ратуши, онъ окруженъ былъ своими вельможами и единственною, можно сказать, въ свѣтѣ своею венгерскою гвардіею. Потомъ онъ поѣхалъ во дворецъ. Нунціемъ отъ папы, на случай коронаціи, былъ назначенъ славный аббатъ Мори, съ которымъ я уже былъ знакомъ. Насталъ день коронаціи, которая совершилась въ каѳедральной Франкфуртской церкви тремя духовными курфюрстами. Процессія, идущая въ церковь по мосткамъ, покрытымъ сукномъ, была премноголюдная. Всѣ германскіе принцы и курфюрсты, бывшіе при коронаціи, участвовали въ процессіи, а отсутствующихъ замѣняли послы; каждаго изъ нихъ гвардія шла передъ ними, а сзади придворные ихъ чины и пажи. Ничего не было богатѣе и великолѣпнѣе одеждою, какъ гвардія и свита князя Эстергази, посла императора, какъ короля богемскаго и венгерскаго [1]). По окончаніи священнаго обряда коронованія процессія шла тѣмъ же порядкомъ, а императоръ — уже въ коронѣ и порфирѣ. По прибытіи во дворецъ, онъ тотчасъ показался на балконѣ, и въ то время бросали въ народъ серебряные жетоны. Послѣ того начались праздники, состоящіе изъ обѣдовъ и баловъ; обѣды великолѣпнѣе всѣхъ были у нашего посланника, а вечера и балы у князя Эстергази; аббатъ Мори тоже далъ одинъ обѣдъ, онъ занималъ небольшой домъ, и столы накрыты были въ разныхъ комнатахъ; онъ сказалъ, увидя насъ, русскихъ [2]): «Quant à la jeunesse russe je la ferai diner avec moi» [3]). Аббатъ Мори чрезвычайно превозносилъ императрицу Екатерину. Онъ говорилъ однажды, что письма ея величества гораздо лучше написаны, нежели Вольтеровы. Послѣ императоръ поѣхалъ въ городъ Майнцъ, гдѣ назначено было свиданіе съ прусскимъ королемъ. Большая часть особъ, бывшихъ въ Франкфуртѣ, туда же отправились, и потому не было возможности имѣть почтовыхъ лошадей. Графъ Николай Петровичъ нанялъ прекрасную барку, взялъ меня съ собой и одного изъ чиновниковъ своего посольства, и мы поплыли по Майну. Ничего нѣтъ живописнѣе въ свѣтѣ береговъ этой рѣки и Рейна, въ который Майнъ впадаетъ. Безпрестанно видны развалины древнихъ замковъ, обширные виноградные сады и множество селеній. Городъ Майнцъ былъ столицей курфюрста сего имени: онъ далъ прекраснѣйшій праздникъ въ загородномъ своемъ домѣ,

[1]) Пажи его одѣты были въ голубыхъ бархатныхъ кафтанахъ, по всѣмъ швамъ вышитыхъ серебряными блестками. Князь Эстергази считается первымъ магнатомъ и богачомъ венгерскимъ. Онъ имѣетъ право содержать нѣкоторое число войскъ конныхъ и пѣшихъ на своемъ иждивеніи.

[2]) Которые были тоже на коронаціи: камергеръ Колычевъ, графъ Витгенштейнъ — онъ былъ поручикомъ конной гвардіи, — князь Егоръ Голицынъ — прапорщикомъ Преображенскаго полка, — нѣсколько чиновниковъ посольства и я.

[3]) А русскую молодежь я посажу обѣдать съ собою.

называемомъ «La favorite», что заставило сказать одного француза: «le prêtre a une bien jolie favorite» [1]). Свиданіе императора съ королемъ прусскимъ имѣло цѣлью, чтобы соединить ихъ арміи, уже собранныя подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, для предстоящей войны противъ французскихъ республиканцевъ. Изъ Майнца императоръ поѣхалъ въ свои владѣнія, а король прусскій въ г. Кобленцъ, въ окрестностяхъ коего собрана была его армія. Мы въ прежней нашей баркѣ поплыли и до Кобленца. Французскіе принцы находились тогда въ Бингенѣ, маленькомъ городкѣ на берегу Рейна. Король прусскій имѣлъ тутъ съ ними свиданіе. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ столько войскъ, вмѣстѣ соединенныхъ, когда король собралъ свою прусскую армію для смотра и маневровъ. Она мнѣ показалась прекрасною; особливо понравилась мнѣ точность, съ которою исполнялись всѣ ея движенія; но знатоки утверждали, что прусская армія въ большой пришла упадокъ противъ того, какъ она была во времена Фридриха II. Можно себѣ представить, какое множество было военныхъ чиновниковъ, ибо они съѣхались почти изо всѣхъ государствъ. Мнѣ случилось тутъ видѣть нынѣ царствующаго короля, онъ былъ тогда кронпринцемъ [2]). Сей смотръ продолжался нѣсколько дней, и прусская армія пошла въ соединеніи съ австрійскою. Герцогъ Брауншвейгскій принялъ главное начальство надъ обѣими арміями. Онъ публиковалъ извѣстную всѣмъ прокламацію, которая, какъ говорили, соединяла всѣ партіи во Франціи и была пагубною причиною сей кампаніи.

Графъ Николай Петровичъ съ своею маленькою свитою, въ которой находился и я, возвратился въ Франкфуртъ. Онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ ѣхать въ Карлсруэ къ маркграфу Баденскому, при которомъ онъ также былъ акредитованъ и который, бывши на коронаціи, будто приглашалъ его къ себѣ пріѣхать, и что онъ возьметъ меня съ собой. Графъ сіе говорилъ для того, чтобы не дать мнѣ ни малѣйшаго подозрѣнія о настоящей причинѣ его поѣздки. Я послѣ узналъ, что императрица Екатерина, когда вознамѣрилась женить великаго князя Александра Павловича, поручила графу Н. П. Румянцеву, какъ бывшему въ сношеніи со многими маленькими имперскихъ князей дворами, объѣхать оные и доставить ея величеству свѣдѣнія о всѣхъ принцессахъ, бывшихъ тогда въ лѣтахъ для бракосочетанія. Выборъ императрицы палъ на Баденскій дворъ. Со мной было прислано графу повелѣніе отправиться въ Карлсруэ, сдѣлать маркграфу предложеніе: выдать одну изъ принцессъ его дома въ замужество за великаго князя Александра Павловича, и когда получено будетъ согласіе, прислать портреты принцессъ къ императрицѣ. Во исполненіе сего повелѣнія ея величе-

---

[1]) У этого прелата очень недурненькая фаворитка.

[2]) Это писано въ 1830 году. Ред.

ства, графъ отправился въ Карлсруэ тотчасъ по возвращеніи его въ Франкфуртъ въ одной четвероместной каретѣ. Онъ не взялъ съ собой ни одного изъ своихъ чиновниковъ. Въ каретѣ сидѣли графъ, я и его камердинеръ, и, сверхъ того, были при немъ два лакея. Едва мы пріѣхали въ Карлсруэ и остановились въ трактирѣ, какъ маркграфъ прислалъ своего камергера спросить о здоровьѣ графа и поздравить съ пріѣздомъ. На отвѣтъ графа, что онъ тотчасъ будетъ имѣть честь представиться его свѣтлости, пріѣхала за нимъ придворная карета. По возвращеніи графа изъ дворца тотъ же камергеръ присланъ былъ пригласить его на обѣдъ къ маркграфу и съ той особой, которая при немъ находится. При дворахъ владѣтельныхъ князей былъ этикетъ: что должно имѣть по крайней мѣрѣ чинъ штабъ-офицера, чтобы обѣдать за столомъ принца, и посему графъ Н. П. поручилъ благодарить маркграфа за сдѣланную честь его спутнику, но что чинъ его не позволяетъ воспользоваться оною. Камергеръ немедленно возвратился съ повтореніемъ приглашенія, и что его свѣтлость никакихъ этикетовъ соблюдать не намѣренъ, изъ уваженія его къ особѣ графа и наиболѣе ко двору, которымъ онъ аккредитованъ. Въ назначенный часъ для обѣда пріѣхала за нами придворная карета. При въѣздѣ нашемъ на дворцовый дворъ, стоявшій наономъ караулъ гвардейскихъ кирасиръ вошелъ въ ружье и отдалъ честь. У маркграфа всего войска было: кавалеріи одинъ эскадронъ и батальонъ пѣхоты. Графъ Николай Петровичъ принятъ былъ со всевозможною почестью: оберъ-камергеръ вышелъ его встрѣтить, маркграфъ, наслѣдный принцъ и принцесса и принцъ Фредерикъ, второй сынъ маркграфа, обошлись съ нимъ весьма ласково. Графъ меня представилъ всему двору. Маркграфъ былъ женатъ на графинѣ Гохбергъ, но она была, какъ партикулярная дама; это была, какъ называется, морганатическая свадьба. Дѣти, родившіяся отъ сего брака, впослѣдствіи были признаны законными, и владѣтельный нынѣ великій герцогъ Баденскій есть одинъ изъ сыновей маркграфа. Принцессъ въ первый день я не видалъ: онѣ были въ загородномъ домѣ. За обѣдомъ было особъ 20; послѣ стола былъ концертъ, въ которомъ прекрасно пѣла одна благородная дѣвица, принадлежащая ко двору. На другой день принцъ Фредерикъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ въ Дурлахъ. Аллея, ведущая изъ Карлсруэ къ сему замку, считается единственною въ Европѣ; дорога на разстояніи $2^1/_2$ нѣмецкихъ миль, или 18 верстъ нашихъ, обсажена по обѣимъ сторонамъ въ два ряда вѣковѣчными, величественными пирамидальными тополями. Мы обѣдали на открытомъ воздухѣ, въ саду. Мужчинамъ позволено было находиться во фракахъ, а за столомъ сидѣть въ шляпахъ на головахъ. На семъ обѣдѣ находились и обѣ принцессы: Луиза и Фредерика. У принца Фредерика жилъ одинъ французъ, котораго имени я теперь не помню; онъ затѣялъ играть шарады на

театрѣ, сдѣланномъ на воздухѣ; кулисы онаго были изъ стриженныхъ шпалеръ, и день кончился маленькими играми. Мнѣ случилось хоронить папу съ принцессою Луизою; я ничего не видывалъ прелестнѣе и воздушнѣе ея таліи, ловкости и пріятности въ манерахъ. Маркграфъ, дѣдъ сихъ принцессъ, былъ добродѣтельнѣйшій и почтеннѣйшій изъ всѣхъ германскихъ принцевъ. Когда мы въѣхали въ границы его владѣній и, поднимаясь на одну высокую гору, вышли изъ кареты, мы увидѣли нѣсколько мужиковъ, пахавшихъ въ полѣ землю. Графъ мнѣ сказалъ: «спроси у нихъ, кто ихъ владѣтель». Они мнѣ отвѣчали: «у насъ нѣтъ владѣтеля, а мы имѣемъ отца, маркграфа Баденскаго». Вѣроятно, по сей причинѣ императрица Екатерина и предпочла женить своего внука на одной изъ принцессъ сего благословеннаго дома.

Въ сіе время въ Карлсруэ находилась княгиня В. А. Шаховская съ своею дочерью. Княгиня, будучи въ Парижѣ, выдала свою дочь за князя д'Аренберга, который былъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ нидерландской революціи. Графъ Кобенцель, бывшій тогда при дворѣ нашемъ посломъ римскаго императора, довелъ сіе до свѣдѣнія императрицы Екатерины. Государыня въ первую минуту своего гнѣва издала указъ, чтобы княгиня Шаховская возвратилась немедленно въ Россію, въ противномъ случаѣ лишена будетъ своего имѣнія, и дѣти, рожденныя отъ ея дочери, не могутъ быть ея наслѣдниками, ибо имѣніе княгини состоитъ въ желѣзныхъ рудникахъ и соляныхъ варницахъ, а по закону Петра Великаго имѣнія такого рода не могутъ принадлежать иначе, какъ россійскимъ подданнымъ. Сіе извѣстіе столь сильно поразило кн. Шаховскую, что у нея отнялась одна нога; не взирая на сіе, она была на пути въ Россію и остановилась на нѣсколько дней въ Карлсруэ, потому что супруга наслѣднаго принца ее весьма любила. Узнавъ о пріѣздѣ графа Николая Петровича, княгиня Шаховская просила его навѣстить ее; она убѣждала графа донести императрицѣ о болѣзненномъ ея состояніи и желала бы сама писать къ ея величеству, но не имѣла никого, кто бы могъ сіе сдѣлать. Графъ послалъ къ ней меня, и съ сего времени началось мое знакомство съ кн. Шаховской.

Проводя самымъ пріятнымъ образомъ всякій день въ обществѣ прелестныхъ принцессъ и августѣйшихъ и почтеннѣйшихъ ихъ родителей съ небольшимъ три недѣли, графъ Николай Петровичъ у котораго я исправлялъ иногда и должность секретаря, отправилъ меня съ депешами къ императрицѣ въ Петербургъ. Княгиня Шаховская просила меня развести письма ея къ своимъ роднымъ, которыхъ тамъ было много, между прочими, и къ Катеринѣ Ивановнѣ Вадковской. Нетерпѣніе императрицы видѣть великаго князя Александра Павловича женатымъ было такъ велико, что, прежде чѣмъ были ей доставлены портреты принцессъ Луизы и Фредерики, которая

потомъ была шведской королевой,—ибо оные со мной были отправлены,—на дорогѣ, проѣхавъ Майнцъ, я встрѣтилъ большую четвероместную карету, которая, поѣхавъ немного, остановилась, увидя, вѣроятно, во мнѣ курьера. Я слышалъ голосъ, кричавшій, чтобы и я остановился, потомъ подходитъ лакей въ придворной нашей ливреѣ и спрашиваетъ, не курьеръ ли я, не ѣду ли отъ графа Румянцева, и гдѣ онъ теперь находится. Я отвѣчалъ, что я посланъ онъ него къ императрицѣ, и что онъ изъ Карлсруэ, откуда я былъ отправленъ, на другой день долженъ былъ выѣхать въ Франкфуртъ на Майнѣ. Я узналъ отъ лакея, что въ каретѣ ѣхали графиня Шувалова и Стрекаловъ, которые и привезли потомъ въ Петербургъ обѣихъ баденскихъ принцессъ. Пріѣхавъ на станцію, называемую Кипень, по Нарвской дорогѣ, я узналъ, что императрица въ Царскомъ Селѣ, куда прямо и отправился, не заѣзжая въ Петербургъ. Тогда иностранная часть поручена была князю Зубову. Графъ Безбородко по заключеніи имъ мира съ Портою сдѣланъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, Андреевскимъ кавалеромъ и оставленъ 2-мъ присутствующимъ членомъ въ иностранной коллегіи, но все имѣлъ отъ императрицы разныя порученія. Графъ Румянцевъ, отправляя меня, приказалъ депеши вручить князю Зубову, что я и исполнилъ; онъ обошелся со мной весьма ласково; я воспользовался симъ случаемъ, чтобы поднести ему золотой жетонъ, выбитый на коронацію императора Франца въ Франкфуртѣ. Я замѣтилъ, что ему это было пріятно; довольно долго разспрашивалъ меня о всемъ томъ, что я видѣлъ, спрашивалъ также, не встрѣтилъ ли я его брата, графа Валеріана Александровича, поѣхавшаго служить волонтеромъ въ австрійскую армію, но я съ нимъ не видался; прочитавъ наскоро партикулярныя къ нему письма отъ принца Нассау и графа Румянцева, онъ сказалъ мнѣ: «принцъ Нассау и гр. Румянцевъ васъ очень хвалятъ», и отпустилъ меня [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія въ Петербургъ получается высочайшее повелѣніе въ Измайловскій полкъ изъ дежурства при ея величествѣ, что я пожалованъ въ сей полкъ прапорщикомъ. Я не въ состояніи изъяснить моей радости, а особливо мнѣ пріятно было видѣть, сколько чинъ мой обрадовалъ моего зятя Алексѣя Николаевича и сестрицу мою Анну Ѳедотовну, съ которыми я жилъ вмѣстѣ. Мое удовольствіе еще болѣе увеличилось, когда черезъ нѣсколько часовъ пришелъ ко мнѣ фельдфебель 10-й роты, въ которую я былъ написанъ, и въ которой мы жили, и съ

---

[1]) Князь Зубовъ оказалъ мнѣ впослѣдствіи большое благодѣяніе. Зять мой А. Н. Астафьевъ невиннымъ образомъ былъ отрѣшенъ отъ должности совѣтника петербургскаго губернскаго правленія и находился нѣсколько лѣтъ подъ судомъ оттого только, что докладъ о немъ лежалъ у генералъ-рекетмейстера Терскаго. Но по просьбѣ моей князь Зубовъ послалъ къ нему записку, и дѣло зятя моего на другой же день было доложено и рѣшено императрицею.

поданной рапортичкой привелъ рядоваго для посылокъ. А такъ какъ мундиръ офицерскій уже былъ у меня готовъ, то я на другой день поѣхалъ явиться къ командовавшему тогда Измайловскимъ полкомъ, премьеръ-маіору Іосафу Іевлевичу Арбеневу. Это было въ четвергъ, а въ воскресенье 15-го августа онъ приказалъ мнѣ ѣхать въ Царское Село благодарить императрицу. Командовавшіе гвардейскими полками всякое воскресенье и праздники ѣздили съ рапортомъ къ императрицѣ во время пребыванія ея въ Царскомъ Селѣ. Пріѣхавши туда, я тотчасъ пошелъ къ князю Зубову благодарить его за полученный мною чинъ. Онъ мнѣ сказалъ, что послѣ обѣдни самъ представитъ меня, какъ дежурный генералъ-адъютантъ, императрицѣ; потомъ онъ прислалъ сказать, чтобы я былъ представленъ дежурнымъ камергеромъ, которымъ былъ тогда В. Н. Зиновьевъ. Во время обѣдни многіе изъ знатныхъ особъ меня обступили, узнавши, что я пріѣхалъ съ Рейна, и осыпали разными вопросами, какъ-то: началась ли война противъ республиканцевъ, были ли уже сраженія, что говорятъ о королѣ французскомъ, и множество другихъ. Императрицѣ въ Царскомъ Селѣ представлялись послѣ обѣдни въ билліардной комнатѣ, что подлѣ большой раззолоченной залы, гдѣ стоятъ горы съ японскимъ фарфоромъ. Мнѣ велѣно было тамъ дожидаться. Когда ея величество благодарили за какую нибудь милость, то можно было становиться и не становиться на колѣно, но я предпочелъ сдѣлать первое. Когда камергеръ меня назвалъ, и государыня пожаловала мнѣ руку, чтобы ее поцѣловать, признаюсь, что я крѣпко прижалъ ее къ моимъ губамъ. Императрица въ то время, оборотясь къ гр. Безбородкѣ, сказала ему съ небесною ея улыбкою:

— Какъ онъ скоро пріѣхалъ!

Сіи слова глубоко врѣзались въ мое сердце. Послѣ того подошелъ ко мнѣ гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій и сказалъ мнѣ:

— Вы можете остаться обѣдать за столомъ императрицы.

Сіе мнѣ было очень пріятно. Какой шагъ давалъ въ царствованіе императрицы чинъ гвардіи офицера! Я былъ тогда наравнѣ со всѣми, и мой полковой командиръ І. І. Арбеневъ, который въ сержантскомъ моемъ чинѣ не хотѣлъ и знать меня, теперь обѣдаетъ за однимъ со мной столомъ и у кого же, у россійской императрицы. Послѣ обѣда онъ первый подошелъ ко мнѣ и просилъ меня ѣздить къ нему запросто на обѣдъ или на вечеръ, какъ я хочу. Я признаюсь въ моемъ молодушіи, мнѣ хотѣлось въ полномъ мундирѣ показаться публикѣ, и я прямо изъ Царскаго Села проѣхалъ на извѣстную дачу по Петергофской дорогѣ—А. А. Нарышкина, куда по праздникамъ съѣзжался почти весь Петербургъ; я увѣренъ былъ, сверхъ того, что хорошо принятъ буду хозяевами оной, ибо жена А. А., Анна Никитишна, была родная тетка графа Н. П. Румянцева, и которой я нѣсколько разъ привозилъ отъ него письма. Въ

ожиданіи моемъ не ошибся: я былъ чрезвычайно ими обласканъ и обратилъ многихъ тутъ бывшихъ гостей на себя вниманіе; нѣсколько разъ я долженъ былъ въ тотъ же день удовлетворять на тѣ же вопросы. Въ это время, когда Россія славилась своимъ гостепріимствомъ, А. А. и А. Н. Нарышкины могли служить примѣромъ онаго. Всякое воскресенье и праздникъ, во все лѣто, на дачѣ ихъ было гулянье, и всѣ пріѣзжающіе знакомые и незнакомые были потчеваемы даромъ чаемъ, фруктами, конфетами, лимонадомъ и аршадомъ...

Принцессы Баденскія скоро послѣ того пріѣхали въ Петербургъ, и принцесса Луиза, нареченная въ святомъ миропомазаніи Елисаветою Алексѣевною, избрана была въ супруги великому князю Александру Павловичу. Его высочество, извѣстясь, что я привезъ портретъ нареченной его невѣсты, желалъ меня узнать, хотя съ виду и всякій разъ, какъ мнѣ удавалось съ нимъ встрѣчаться, онъ отличалъ меня поклономъ съ ласковымъ взглядомъ или съ улыбкою. Послѣ обрученія было поздравленіе, на коемъ находились всѣ гвардейскіе офицеры. Когда пришла моя очередь подходить, великій князь, увидя меня, сказалъ что-то своей невѣстѣ, и когда мнѣ должно было поцѣловать ея руку, она, подавая мнѣ оную, съ пріятною улыбкою сказала: Comment, c'est vous, monsieur? [1]). Вѣроятно, она не узнала меня вдругъ, въ новомъ моемъ одѣяніи. Скоро послѣ сего нашъ полкъ былъ въ парадѣ, какъ и вся гвардія, по случаю въѣзда турецкаго посла въ Петербургъ, а второй парадъ былъ въ день свадьбы великаго князя Александра Павловича. Въ слѣдующее лѣто, то-есть, въ 1793 году, пріѣхалъ въ Петербургъ князь Н. В. Репнинъ; онъ вступилъ въ командованіе Измайловскаго полка и сдѣлалъ смотръ оному. Князь нашелъ полкъ такъ запущеннымъ, что приказалъ составить образцовую команду, въ которую назначилъ и меня; онъ сію команду смотрѣлъ и былъ очень доволенъ, приказалъ мнѣ къ себѣ пріѣхать, обласкалъ меня чрезвычайно, сказалъ мнѣ, что ему отзывался весьма милостиво обо мнѣ великій князь Александръ Павловичъ, и поручилъ мнѣ пригласить къ нему на обѣдъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ образцовой командѣ,— въ томъ числѣ и я былъ приглашенъ; сіе отличіе, сдѣланное мнѣ княземъ, возбудило зависть въ моихъ товарищахъ. Одинъ изъ полковыхъ адъютантовъ уволенъ былъ въ отпускъ; князь назначилъ меня исправлять его должность. При полку находилась нормальная школа, составленная изъ солдатскихъ дѣтей Измайловскаго полка. Въ ней обучали русской грамотѣ, ариѳметикѣ и военной экзерциціи; главная цѣль сей школы была, чтобы образовать въ ней для полка хорошихъ унтеръ-офицеровъ... Школьники одѣты были по-егерски и учились всѣмъ эволюціямъ сего войска. Князь Репнинъ

---

[1]) Какъ, это вы, сударь?

сдѣлалъ меня начальникомъ сей школы, онъ поручилъ было мнѣ и полковую музыку, но старшій адъютантъ, Александръ Яковлевичъ Сукинъ, который былъ на время въ отпуску, такъ этимъ обидѣлся, что хотѣлъ выйти въ отставку. Получивъ порученіе отъ императрицы, князь Репнинъ оставилъ Петербургъ въ концѣ года, приказавъ оставшемуся послѣ него командовавшему полкомъ І. І. Арбеневу внести меня въ докладъ къ 1-му января 1794 года на вакансію въ полковые адъютанты, съ заслугою одного года за подпоручичій чинъ. Во всей гвардіи производство было одинъ только разъ въ годъ 1-го января [1]; я былъ изъ младшихъ прапорщиковъ,— примѣръ рѣдкій по всей гвардіи,— а такъ какъ была еще одна адъютантская вакансія, то Арбеневъ упросилъ князя помѣстить на оную своего младшаго сына, который былъ подпоручикомъ, но, по производству въ поручики, ему еще не доставалось. Едва докладъ вышелъ, и я произведенъ былъ въ полковые адъютанты, какъ написалъ къ князю Репнину благодарное письмо, на которое онъ мнѣ немедленно отвѣчалъ собственноручно. Я священною обязанностью считаю для себя сохранять сей памятникъ, свидѣтельствующій объ оказанныхъ мнѣ благодѣяніяхъ столь знаменитымъ вельможею.

Я велъ жизнь чрезвычайно пріятную и былъ принятъ въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ. Княгиня Наталья Петровна Голицына, возвратившаяся изъ чужихъ краевъ, открыла свой домъ, а всякую среду у нея были балы, а у сестры ея графини Дарьи Петровны Салтыковой — по воскресеньямъ [2]. Въ Измайловскомъ полку служилъ тогда штабсъ-кабитаномъ П. А. Талызинъ. Я съ нимъ былъ очень друженъ; онъ находился въ родствѣ со многими знатными фамиліями, между прочимъ, съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ; онъ меня съ нимъ познакомилъ. Я встрѣчался тамъ съ княгинею К. Ф. Долгорукой; она была тогда изъ первыхъ между молодыми дамами въ Петербургѣ, какъ по красотѣ своей, такъ и по пріятному ея обращенію. Я часто у нея бывалъ. Тогда въ большомъ обыкновеніи были спектакли, изъ лицъ общества составленные. Посолъ римскаго императора, графъ Кобенцель, извѣстный своею любезностью, былъ изъ числа обожателей княгини Долгорукой; онъ имѣлъ большой талантъ для театра, и часто они играли вмѣстѣ; однажды, между прочимъ, они представляли

---

[1]) Въ этотъ день на балѣ во дворцѣ полковыми командирами всѣ вновь и въ слѣдующіе чины произведенные гвардіи офицеры представляемы были публично императрицѣ, которымъ она жаловала цѣловать свою руку.

[2]) Въ то время были прекрасные публичные балы подъ названіемъ дворянскихъ; число членовъ было ограничено, и лучшая публика на оные съѣзжалась. Такъ же были балы, называемые англійскими; въ нихъ участвовали и иностранные негоціанты.

итальянскую оперу «Служанка-госпожа» превосходно [1]). Не знаю, по какому-то случаю графъ Кобенцель давалъ большой балъ, но я, съ нимъ не бывъ знакомъ, не былъ приглашенъ на оный, и уже наканунѣ того дня я случился вмѣстѣ съ княгиней Долгорукой у князя Куракина; онъ спрашиваетъ у меня, буду ли я на другой день у посла на балѣ. Я ему отвѣчалъ, что я не приглашенъ; онъ оборотился къ княгинѣ К. Ф. и говоритъ:

— Королева, пошли къ своему подданному повелѣніе сейчасъ, чтобы онъ прислалъ зовъ сему молодому человѣку.

Она написала на лоскуткѣ бумажки нѣсколько словъ, и я съ тѣмъ же посланнымъ получилъ билетъ приглашенія. Тогда въ обществѣ составились двѣ партіи. Графиня Головкина завидовала преимуществамъ, которыми пользовалась княгиня Долгорукая предъ прочими дамами и въ томъ числѣ и предъ нею, вздумала собрать свою труппу актеровъ, въ числѣ коихъ былъ и я. Выбрали двѣ комедіи: «La seconde surprise de l'amour» par Marivaux и «l'Impatient». Въ первой играли: графиня Головкина, дѣвица Каноръ, теперешняя m-me Meilhan, Ростопчинъ, баронъ А. С. Строгановъ, князь П. М. Волконскій, Окуловъ и я; во второй—графиня Головкина, графъ П. А. Шуваловъ и баронъ Строгановъ. Можетъ быть, и еще кто участвовалъ въ семъ представленіи, но я теперь не помню. Театръ былъ поставленъ въ домѣ баронессы Н. М. Строгановой, на Дворцовой набережной.

Главная наша аткриса не имѣла большого успѣха, и тѣмъ соперничество ея съ княгиней Долгорукой окончилось. Большую часть моего времени я проводилъ тогда у Екатерины Ивановны Вадковской; она лѣтомъ живала на Каменномъ островѣ, въ домѣ своего отца графа Ивана Григорьевича Чернышева, и общество ея тогда, въ которомъ я находилъ большую пріятность, имѣло свой мундиръ.

Я долженъ сказать, однако же, что Екатерина Ивановна была причиною, что у меня едва не было дуэли съ княземъ Б. В. Голицынымъ. Въ числѣ молодыхъ людей, съ которыми я наиболѣе связанъ былъ дружбою, находился князь Павелъ Михайловичъ Волконскій; онъ служилъ при дворѣ камергеромъ, вышелъ въ отставку и переѣхалъ жить въ Москву.

Во время свадьбы великаго князя Константина Павловича князь Волконскій пригласилъ меня пріѣхать въ Москву и остановиться въ его домѣ, чтобы быть свидѣтелемъ, какимъ образомъ древняя

[1]) Тогда говорили, что посолъ, послѣ одной роли, очень уставши, поѣхалъ домой и легъ въ постель; едва онъ заснулъ, какъ камердинеръ его будитъ и вводитъ къ нему курьера, пріѣхавшаго отъ императора съ нужными депешами. Графъ Кобенцель вскочилъ съ постели, курьеръ, увидя его съ насурмленными бровями, нарумяненнымъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, сказалъ: «это не посолъ, а какой-то шутъ».

столица будетъ праздновать сіе радостное происшествіе, тѣмъ болѣе, писалъ князь, что мнѣ уже извѣстны петербургскія празднества, по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича бывшія. Я получилъ отпускъ и тотчасъ отправился въ Москву. Князь П. М. познакомилъ меня съ лучшими тамъ домами; и такъ какъ въ мужчинахъ всегда бываетъ въ Москвѣ недостатокъ, то я приглашаемъ былъ на нѣсколько обѣдовъ и баловъ въ одинъ и тотъ же день. Лучшіе балы были у князя Михаила Михаиловича Голицына и у князя Щербатова, отца красавицъ, вышедшихъ потомъ замужъ за графа Шувалова, за Скарятина и за Соловова. Онѣ составляли лучшее украшеніе тѣхъ баловъ. Меня находили похожимъ лицомъ на старшаго ихъ брата, князя Алексѣя Григорьевича, и потому я принятъ былъ въ домѣ какъ нельзя лучше. Я былъ приглашаемъ и на большіе обѣды. Великолѣпнѣйшіе обѣды были у оберъ-камергера князя А. М. Голицына, у графа А. Г. Орлова и у графа Остермана. Повеселившись въ Москвѣ мѣсяца два, я возвратился въ Петербургъ [1]). Скоро послѣ того я познакомился съ княземъ А. М. Бѣлосѣльскимъ; онъ тогда женился на дѣвицѣ Казицкой и, какъ извѣстно, взялъ за нею большое богатство.

Отъѣзжая въ Москву, онъ совѣтовалъ мнѣ туда пріѣхать, говоря, что у жены его большое родство, въ числѣ котораго есть невѣсты богатыя. Я рѣшился послѣдовать его совѣту, списавшись съ княземъ. П. М. Волконскимъ, который всегда радъ былъ со мной видѣться, а потому и пригласилъ меня въѣхать опять прямо къ нему въ домъ. Князь Бѣлосельскій жилъ въ Москвѣ великолѣпно; я былъ у него почти всякій день. Онъ любилъ играть комедіи и, можно сказать, былъ мастеръ сего дѣла; особливо онъ игралъ въ совершенствѣ роль игрока въ комедіи Реньяра. По нѣкоторомъ моемъ пребываніи въ Москвѣ онъ предложилъ мнѣ въ невѣсты дѣвицу Бекетову, бывшую послѣ женою Сергѣя Сергѣевича Кушникова, и дабы познакомить меня съ сею дѣвицею и съ ея родственниками, князь пригласилъ всѣхъ ихъ и меня къ себѣ на обѣдъ. Вскорѣ потомъ разнесся слухъ въ Москвѣ, что у насъ война съ Швеціею; всѣ гвардейскіе офицеры, въ числѣ коихъ и я, находившіеся тамъ, поспѣшили отправиться къ своимъ полкамъ. Слухъ этотъ оказался неосновательнымъ, и предположенія князя Бѣлосельскаго женить меня на дѣвицѣ Бекетовой не имѣли болѣе никакого послѣдствія.

Зять мой Алексѣй Николаевичъ служилъ тогда при графѣ Безбородкѣ и имѣлъ казенную квартиру въ почтовомъ домѣ. Я получилъ приглашеніе отъ графа ходить къ нему обѣдать, когда ни пожелаю. Кромѣ званыхъ обѣдовъ, обыкновенное общество состояло изъ живущихъ особъ у графа и нѣсколькихъ человѣкъ коротко зна-

---

[1]) Сіе происходило въ началѣ 1795 года.

комыхъ. Ничего не было пріятнѣе, какъ слышать разговоръ графа Безбородки; онъ одаренъ былъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разсказывать, особливо о фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ, при которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ. Бѣглость, съ которою онъ читавши схватывалъ, такъ сказать, смыслъ всякой рѣчи, почти невѣроятна; мнѣ случалось видѣть, что привезутъ къ нему отъ императрицы преогромный пакетъ бумагъ; онъ послѣ обѣда обыкновенно садился на диванъ и всегда просилъ, чтобы для него не безпокоились, а продолжали бы между собою разговаривать, и онъ только переворачивалъ листы и иногда еще вмѣшивался и въ разговоръ своихъ гостей, не переставая между тѣмъ переворачивать листы читаемыхъ имъ бумагъ. Если то, что онъ читалъ, не заключало въ себѣ государственнаго секрета, то онъ пересказывалъ онаго содержаніе [1]). Я слышалъ отъ графа Моркова, что онъ никогда не могъ довольно надивиться сей рѣдкой способности графа Безбородки читать самыя важнѣйшія бумаги съ такою бѣглостью и постигать оныхъ смыслъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1796 года вздумалось офицерамъ нашего полка дать праздникъ своимъ знакомымъ, и для того наняли дачу по Петергофской дорогѣ, принадлежавшую тогда князю С. Ф. Голицыну на 6-й верстѣ. Она построена была по образцу залы Таврическаго дворца. Барону Г. А. Строганову поручено было украшеніе залы и ужинъ. На меня возложили полицейскую часть на счетъ пріѣзда и разъѣзда экипажей. Нѣсколько офицеровъ назначены были для пріема гостей, коихъ было до 150 особъ; вся дача была иллюминована, и въ заключеніи праздника сожженъ былъ огромный фейерверкъ, и когда въ щитѣ загорѣлся вензель императрицы, со всего полка собранные барабанщики били походъ, и полковая музыка играла. Праздникъ вообще былъ прекрасный, и долго о немъ говорили. Петербургъ готовился къ большимъ празднествамъ, которыхъ конецъ долженствовалъ быть ужаснѣйшимъ происшествіемъ, погрузившимъ всю Россію въ печаль и уныніе. Ожидали короля шведскаго, и бракъ его съ великою княжною Александрою Павловною казался достовѣрнымъ. Онъ пріѣхалъ, и послѣ всѣхъ угощеній, сему молодому королю дѣланныхъ, послѣ всѣхъ ласкъ, императрицею Екатериною ему оказанныхъ, и когда уже всѣ священнослужители въ придворной церкви, въ полномъ облаченіи готовы были совершать бракосочетаніе, король подъ разными предлогами отъ онаго уклонился и на другой день отправился въ свое государство [2]).

---

[1]) Графъ Безбородко отъ природы былъ лѣнивъ и откладывалъ писать часто нужныя бумаги до послѣдней минуты. Во время своего туалета, передъ тѣмъ, какъ ему ѣхать во дворецъ къ императрицѣ, карандашемъ писалъ проекты именныхъ указовъ и проч. и посылалъ переписывать ихъ въ свою канцелярію.

[2]) Великолѣпнѣйшіе изъ праздниковъ, данныхъ шведскому королю нашими вельможами, были у графа Безбородки, у графа Остермана и у графа Самойлова: всѣ сіи праздники удостоены были присутствія императрицы Екатерины.

Такой неожиданный поступокъ противъ великой государыни, привыкшей видѣть все покорнымъ своей волѣ, произвелъ на ея здоровье, какъ говорили тогда, весьма вредное вліяніе. Императрица Екатерина черезъ шесть недѣль послѣ отъѣзда короля шведскаго изъ Петербурга скончалась отъ апоплектическаго удара [1]).

Графъ Е. Комаровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Сіе несчастіе для всѣхъ подданныхъ великой Екатерины случилось 6-го ноября 1796 года.

„НЕПРИСТОЙНЫЯ РѢЧИ".

(Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи, XVIII вѣка).

БСТАНОВКА, при которой производились допросы въ Преображенскомъ приказѣ и Тайной канцеляріи, способъ доискиваться истины и юридическія понятія того времени уже достаточно извѣстны всякому, слѣдящему за историческою литературою, а потому повторять все это оказывается лишнимъ. Въ 1881 году въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ напечатанъ рядъ нашихъ очерковъ изъ подобнаго рода дѣлъ и тамъ же былъ помѣщенъ краткій обзоръ возникновенія и конца двухъ названныхъ сыскныхъ учрежденій.

Въ бурную эпоху второй и третьей четверти XVIII столѣтія, когда безпрерывно созрѣвали заговоры о сверженіи съ престоловъ, и подбирались партіи отчаянныхъ людей для пособничества въ разныхъ переворотахъ, правительство ревниво, хотя не всегда зорко, слѣдило за малѣйшимъ слухомъ въ народѣ, за всякимъ словомъ, гдѣ упоминалась царствующая особа или близкія къ ней лица. Наполняя тюрьмы вольноязычными людьми и допрашивая ихъ на дыбѣ, правительство главнымъ образомъ добивалось узнать: съ кѣмъ обвиняемый говорилъ? кто его научилъ? нѣтъ ли ему въ тѣхъ злодѣйскихъ словахъ единомышленниковъ? не собиралъ ли партіи? и такъ далѣе. Въ протоколахъ допросовъ эти фразы сдѣлались стереотипными.

Для русскаго народа, привыкшаго къ вѣковой незыблемости царской власти, частыя смѣны царствующаго лица, появленіе на престолѣ женщинъ-иностранокъ—были удивительною вещью, неслыханнымъ безпорядкомъ, и общественное негодованіе выражалось въ «вольныхъ разговорахъ», «непристойныхъ, воровскихъ рѣчахъ», за которыя приходилось жестоко расплачиваться въ Тайной канцеляріи.

Предлагаемые нынѣ читателямъ «Историческаго Вѣстника» разсказы заимствованы нами изъ подлинныхъ дѣлъ, при чемъ мы только группировали факты, придерживаясь почти буквально допросныхъ рѣчей.

I.

Мишка-серебряникъ, хулитель Никона.

(1701 г.).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1701 года, въ митрополичій разрядъ Иверскаго монастыря пришелъ старецъ Іоасафъ и донесъ словесно:

— Тому нынѣ третій годъ разговаривалъ я съ нашимъ монастырскимъ серебряникомъ Мишкой у себя въ кельѣ, и онъ явился въ весьма супротивныхъ и вымышленныхъ словахъ.

— Какихъ же?

— Между прочими разговорами сказалъ я ему, что меня постригалъ самъ святѣйшій патріархъ Никонъ, а оный Мишка, лаяся на пресвятую церковь, сказалъ, что де Никонъ-патріархъ былъ еретикъ!.. Онъ книги божественныя еретически переправилъ, и теперь у васъ, въ Иверскомъ монастырѣ, и по всей землѣ по тѣмъ еретическимъ книгамъ служатъ. И отъ того учинились «капитоны» [1]), а которые хотятъ себѣ вѣчнаго спасенія, тѣ сожигаютъ себя сами.

— На кого шлешься ты, Іоасафъ, въ этомъ разговорѣ?

— Шлюсь на ученика моего, Ивашку Андреева, онъ слышалъ это.

— А еще какія супротивныя рѣчи говорилъ Мишка?

— Говорилъ еще въ другое время касательное до превысокой персоны царской.

Дѣло стало принимать серьезный оборотъ и уже выходило изъ юрисдикціи митрополичьяго разряда. Допросчики навострили уши и выслали всѣхъ постороннихъ.

— Какія же такія слова о царской персонѣ?

---

[1]) Монахъ Капитонъ былъ современникъ протопопа Аввакума и другихъ первыхъ противниковъ Никона. Онъ не признавалъ священства, и по его ученію возникъ расколъ безпоповщины. «Капитонами» прежде называли вообще всѣхъ противниковъ господствующей церкви—старообрядцевъ.

— А говорилъ Мишка о взятіи Азова и черкасахъ — я говорю ему единожды: «Великому государю поручилъ Богъ взять городъ Азовъ».—Не онъ, великій государь, Азовъ взялъ,—отвѣчалъ Мишка,— взялъ де Азовъ донской казакъ, и если бы де не донскіе казаки, то и вся бы свято-русская земля погибла!..

— А послухъ этому разговору у тебя есть?

— Послухъ у меня есть: нашъ монастырскій кузнецъ Тимошка Осиповъ.

— Ну, такъ мы васъ всѣхъ и отправимъ въ Москву, въ Преображенскій приказъ — тамъ васъ разберутъ!—отвѣтили Іоасафу въ митрополичьемъ приказѣ и велѣли, сковавъ, посадить его за караулъ, а за Мишкой-серебряникомъ и свидѣтелями послать тотчасъ же команду въ Иверскій монастырь.

Не ожидалъ такого оборота старецъ Іоасафъ, донесшій на Мишку изъ мести: онъ думалъ, что погубитъ только его, а самъ останется цѣлъ, да еще, пожалуй, награду получитъ. Однако обстановка допросовъ въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа, передъ неумолимымъ княземъ Ромодановскимъ, была достаточно извѣстна всѣмъ въ то время, да и родившаяся въ томъ же приказѣ пословица «доносчику—первый кнутъ», могла испугать мстительнаго монаха. Загрустилъ старецъ въ ожиданіи отправки въ Москву и даже занемогъ отъ страха, а когда наконецъ ихъ всѣхъ за крѣпкимъ карауломъ повезли въ Москву, то Іоасафъ въ дорогѣ окончательно разнемогся и въ селѣ Выдропускѣ умеръ, не доѣхавъ до Москвы.

Въ Преображенскомъ приказѣ на первомъ допросѣ Мишка-серебряникъ показалъ о себѣ:

— Про Никона-патріарха говорилъ я спьяна и еретикомъ его не называлъ, а говорилъ только, что при немъ вышли новоисправленныя книги, и тѣхъ книгъ капитоны не взлюбили и жгутся сами. А клеплетъ тѣми словами на меня Іоасафъ со злобы, потому какъ разъ онъ хотѣлъ мою жену обезчестить, а я его за это билъ полѣномъ.

— На мертваго-то все сказать можно!—отвѣтили ему въ приказѣ.

— Шлюсь въ этомъ на его же послуха Иванку Андреева—онъ видѣлъ!

— А касательно взятія Азова какъ ты говорилъ?

— Я говорилъ Іоасафу: въ первомъ де походѣ Азова не взяли потому, знатно силы было мало, а какъ пошла вдругорядь побольше государева сила, да къ тому донскіе казаки да черкасы,— и великому государю Азовъ Богъ поручилъ.

Стали допрашивать свидѣтелей.

Иванка Андреевъ, ученикъ покойнаго Іоасафа, сказалъ:

— Разговаривалъ Мишка съ Іоасафомъ пьяный и говорилъ: «я де слышалъ, что Никонъ-патріархъ будто еретикъ былъ, и будто де по его еретическимъ книгамъ и служатъ, да и капитоны де отъ него (Никона) жгутся».

Ромодановскій задалъ Ивашкѣ-чернецу щекотливый вопросъ объ оговорѣ Мишкой Іоасафа на покушеніе касательно жены Мишки. Ивашка отвѣтилъ откровенно:

— Одинъ разъ мы съ Іоасафомъ ночевали (у Мишки?), и въ ночь учинился крикъ и брань. Мишка бранилъ Іоасафа: «для чего де ты въ потемкахъ по избѣ бродишь?» А Іоасафъ бранилъ того Мишку, и Мишка Іоасафа выбилъ изъ избы вонъ!..

Кузнецъ Тимошка Осиповъ далъ такое показаніе:

— Пришелъ я въ келью къ Іоасафу, тутъ былъ и Мишка, — знатно они раньше разговаривали,—и Іоасафъ мнѣ сказалъ:

— Смотри, Тимошка! мужикъ-то, б—нъ сынъ, какую небылицу говоритъ: будто Азовъ взялъ не великій государь!.. Будто взяли Азовъ донскіе казаки да черкасы, и если бы де не донскіе казаки да черкасы, то и вся бы де святорусская земля пропала!..

Мишка отвѣчалъ Іоасафу:

— Небылицу ты баешь!.. Здѣсь не государева палата, а келья!..

Пошли новые допросы, очныя ставки; дѣло не обошлось, конечно, безъ плетей и дыбы; доносъ Іоасафа оправдался, и хотя утверждено было, что Іоасафъ донесъ на Мишку со злобы за неудачное ночное похожденіе и супружеское вмѣшательство съ полѣномъ, однако и вольныя рѣчи Мишки открылись ясно.

Августа 11-го того же года Ромодановскій рѣшилъ это дѣло на основаніи 10-й главы, 31-й статьи Уложенія: «учинить Мишкѣ жестокое наказаніе, бить на козлѣ кнутомъ нещадно, дабы, на него смотря, впредь инымъ неповадно было такихъ непристойныхъ словъ говорить», а послѣ наказанія отправить опять въ Иверскій монастырь.

II.

Протестующій подводчикъ.

(1701 г.).

Настоящее дѣло характерно въ томъ отношеніи, что съ большою осязательностью даетъ намъ понятіе о страхѣ передъ государевымъ «словомъ и дѣломъ», передъ опасеніемъ попасть въ когти Преображенскаго приказа за «недонесеніе» о какихъ либо непристойныхъ рѣчахъ про особу государя. Тутъ помѣщикъ, не желая ввязаться въ скверную исторію, самъ добровольно лишается взрослаго работника съ женою и дѣтьми.

Дѣло произошло такъ.

Въ Вологодской губерніи и уѣздѣ, у помѣщика Василья Хвостова, на пустоши Орѣховой собрались крестьяне для работы, сѣять ячмень.

На пустошь къ работавшимъ крестьянамъ пришелъ братъ помѣщика, Ѳедоръ Васильевъ Хвостовъ, и объявилъ:

— Слушайте-ка, ребята! Пришелъ изъ Москвы указъ государевъ: велѣно собрать съ шести дворовъ подводу, и чтобы было это сдѣлано безъ мотчанія,—подводы нужны скоро!

Мужики остолбенѣли отъ такой вѣсти,—такъ она была некстати, а тутъ сейчасъ пошелъ сильный дождь, и мужики пошли переждать его на барскій дворъ подъ навѣсъ.

Пока шли, вѣсть о подводахъ успѣла облетѣть всѣхъ, и на барской усадьбѣ поднялся между крестьянами ропотъ, начали тужить.

— Вона какая, робята, бѣда-то!.. Ну! ну!

— Да ужъ бѣда!.. Хуже рѣдко и бываетъ!

— Чтожъ теперь намъ дѣлать?.. Годы-то тугіе,—хлѣбу былъ недородъ, въ оброкахъ да податяхъ не справились, а тутъ съ шести дворовъ подводу!..

— Подвода-то, вонъ, нонѣ за 15 рублевъ ходитъ... Давно ли сами нанимали!..

— Эфто, значитъ, по два съ полтиной со двора...

— Ложись, братцы, да умирай!.. Гдѣ экую прорву денегъ найтить?..

— Развѣ хлѣбъ, что въ землѣ, продать?.. Тогда сами съ голоду помремъ!..

— Эка наша бѣда горькая!.. Крутъ царь—ему сейчасъ подай!.. Кабы зналъ онъ нашу нищету...

— Замѣсто отца родного былъ бы тотъ человѣкъ, кто бы побилъ челомъ передъ великимъ государемъ за насъ... Авось бы тогда эти подводы онъ и не изволилъ съ насъ брать!..

Въ числѣ горевавшихъ крестьянъ были и такіе, которые возмущались и выходили изъ себя за такое распоряженіе.

Больше всѣхъ кричалъ и ругался крестьянинъ Савка Васильевъ и въ своихъ бранныхъ рѣчахъ зашелъ такъ далеко, что привелъ въ ужасъ всѣхъ собравшихся.

— Что онъ, великій государь!..—кричалъ Савка,—хорошо ему, что одинъ онъ только и великъ,—всѣми командуетъ! А кабы кто больше его, государя, нашелся, такъ тотъ бы его за такіе указы повѣсилъ!..

У мужиковъ даже слово въ горлѣ застряло, когда они услышали такія безумныя рѣчи Савки. Нѣсколько минутъ никто опомниться не могъ, и всѣ молчали, а потомъ набросились всѣ на Савку съ упреками за такія неистовыя слова.

— Да ты знаешь ли, чортовъ ты кумъ, что ты всѣхъ насъ этими словами подъ кнутъ ведешь!.. Вѣдь тебѣ головы не сносить за это!..

Савка и самъ увидѣлъ, что увлекся черезчуръ, смутился и передъ общимъ напоромъ оробѣлъ.

— Я что-жъ!.. Я ничего... Православные! да нешто я!..

Подошедшій къ шумѣвшимъ крестьянамъ помѣщикъ, когда узналъ, въ чемъ дѣло,—даже поблѣднѣлъ отъ страха.

— Неужто такъ и сказалъ?..

— Такъ и ляпнулъ при всѣхъ!.. Съ большого ума!

— Ну, пропала Савкина голова!.. Дѣло не шуточное! Надо Савку сковать да въ Москву, въ Преображенскій приказъ отослать... Ребята! Вяжите Савку!

Скрутили Савкѣ руки назадъ, а онъ въ смертномъ страхѣ повалился помѣщику въ ноги и зарыдалъ.

— Василій Васильичъ! Отецъ-кормилецъ! Желанный мой! Не губи!.. Съ дуру я!.. съ худой головы сбрехнулъ, вотъ те крестъ!.. Никогда не буду!.. Только не губи мою голову, жену, дѣтей сиротами по свѣту не пусти!..

И билъ Савка головой въ землю передъ помѣщикомъ, такъ что даже мужиковъ въ слезы вогналъ; стали просить и мужики помѣщика за Савку.

— Мы помолчимъ, Василій Васильичъ,—никто не узнаетъ...

— Не могу, ребята, ей-Богу, не могу!.. Мнѣ и самому хорошаго мужика терять жаль... Вижу, что сдуру, да сдѣлать ничего нельзя.. Ну, вы помолчите... а другіе-то узнаютъ?.. Нешто они молчать будутъ?.. Сказано-то при многихъ—не утаишь!.. Который добрый человѣкъ—промолчитъ... А ну, какъ кто поссорится или подерется съ Савкой?.. Или на меня кто злобу возымѣетъ?.. Сейчасъ и донесутъ «слово и дѣло»... А тогда, ребята, всѣмъ намъ не сдобровать!.. Всѣхъ кнутомъ выдерутъ да сошлютъ,—скажутъ: «зачѣмъ де не доносили!»... Видите, ребята, что никакъ нельзя!.. Не отослать его,—такъ всѣмъ подъ вѣчнымъ страхомъ ходить, всякому буяну да проходимцу угождать, каждой солдатской команды бояться!.. А потомъ все-таки не сдобровать, потому что «хорошее на печкѣ лежитъ, а худое по дорожкѣ бѣжитъ»!.. Добѣжитъ, до кого не слѣдуетъ!..

Понурились мужики и сознались, что иначе никакъ нельзя, и значитъ пропадать Савкиной головѣ изъ-за его глупости да дерзости.

— Слышь, братъ, Савка!.. Василій-то Васильичъ вѣрно говоритъ... Никакъ нельзя! надо отослать...

Савка выдъ и метался по землѣ, какъ сумасшедшій; подошедшія бабы изъ дворни подняли вой; мужики стояли понурые.

— Братцы! Крещеные! Міръ честной! -обратился Савка на колѣняхъ къ мужикамъ,—коли мнѣ пропадать, не покиньте, по крайности, жену съ малолѣтками!.. Земно вамъ кланяюсь и прошу!

— Что ты, Савка! Экъ ты надумалъ!.. Да нешто мы бросимъ? Будь покоенъ! Тягло твое возьмемъ и бабу убережемъ, а тамъ никто, какъ Богъ!.. Можетъ, только попарятъ, да и домой отпустятъ... Молись Богу, авось помилуетъ...

Взвыла баба, какъ узнала, что съ Савкой стряслось, что его

домой не отпустятъ, а повезутъ прямо въ Москву, побѣжала на барскій дворъ и давай причитать, какъ по покойникѣ.

Однако ничего не подѣлаешь! Повезли Савку въ Преображенскій приказъ, а тамъ сейчасъ пытать: съ какого умысла, да не имѣлъ ли съ кѣмъ согласія, да кто тебя научилъ?.. и такъ далѣе.

Савка былъ пытанъ на дыбѣ два раза, въ 30 и въ 25 ударовъ кнута, а когда ничего новаго не добились, то князь Ѳ. Ю. Ромодановскій 15-го іюля того же года рѣшилъ дѣло: «Савкѣ Васильеву за его воровство и непристойныя слова учинить наказаніе: бивъ кнутомъ и урѣзавъ языкъ, сослать въ ссылку въ Сибирь на пашню съ женою и съ дѣтьми на вѣчное житье».

III.

Солдатъ—ненавистникъ мужиковъ.

(1732 г.).

Настоящее дѣло производилось уже въ царствованіе Анны Іоанновны и довольно ярко рисуетъ нравы давно отжившихъ людей. Въ этомъ дѣлѣ мы видимъ случайное указаніе, какъ были деморализованы въ описываемую эпоху солдаты и вообще все военное сословіе. И были дѣйствительныя причины для того, чтобы солдаты считали себя какими-то особенными, привилегированными. Къ помощи ихъ прибѣгали сильные міра для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, совершенія переворотовъ,—для этого заискивали у солдатъ, добивались ихъ расположенія деньгами, послабленіями въ дисциплинѣ и другими деморализующими средствами. Солдаты сознавали въ себѣ силу, воображали себя выше и важнѣе всѣхъ сословій и потому всякую милость, награду и похвалу, отданную не солдатамъ, считали похищенною у нихъ, будто сдѣлали это имъ въ оскорбленіе,—и возмущались.

Солдатъ Иванъ Сѣдовъ, который будетъ фигурировать въ этомъ дѣлѣ, видимо, служитъ выразителемъ не своихъ личныхъ мнѣній, а большинства солдатъ; онъ только переступилъ границы и потому попалъ въ бѣду,—безъ этого съ нимъ бы согласились всѣ, какъ со старымъ бывалымъ солдатомъ.

Въ Кронштадтѣ, въ казармѣ Новгородскаго полка, расположеннаго въ этомъ городѣ, валялись по нарамъ безо всякаго дѣла солдаты и разговаривали о томъ, о семъ. Кто тачалъ сапоги, кто чистилъ амуницію, кто курилъ трубку.

Въ казарму вошелъ ихъ капралъ, седьмой роты, Яковъ Пасынковъ, и объявилъ:

— Ребята, слушай полковой приказъ! Чтобы быть къ разводу и къ караулу въ готовности всѣмъ, по первому барабану, чтобъ всѣмъ быть готовымъ! Чисть амуницію и оружіе, натирай ремни!..

— Опять!.. Чтобъ ихъ роворвало!..—послышались голоса.

— Отдохнуть не дадутъ!.. Тутъ съ тѣла спадешь!

— Завязался у насъ этотъ капитанъ, чтобъ ему...

— Худо намъ, братцы, безъ нашего маіора Шишкина! Послали его въ Петергофъ дороги мостить, а у насъ остался командовать вмѣсто него Ларіоновъ—капитанъ... Не чета тому! Тотъ былъ добрый, солдатъ берегъ: у него спи, сколько хочешь, а этотъ просто замучилъ!.. То смотръ, то разводы, то ученье да караулы, а то на работу погонитъ!.. Коли къ намъ Шишкинъ долго изъ Петергофа не вернется, тогда замучитъ насъ Ларіоновъ въ конецъ...

— Вотъ, кабы государыня императрица къ намъ въ Кронштадтъ пожаловала,—авось бы намъ отъ работы стало полегче.

— За-то отъ смотровъ потруднѣе.

— Смотровъ и теперь довольно у Ларіонова.

— Нынче у насъ императрица Анна Ивановна добрая,—заговорилъ капралъ Пасынковъ.—Перевели къ намъ недавно изъ Ладожскаго полка солдата Кирилу Семенова,—такъ онъ мнѣ разсказывалъ, что какъ-то имъ случилось, солдатамъ Ладожскаго полка, быть по лѣту на работѣ близъ императорскаго дворца. Окна были открыты, и у одного окна стояла императрица Анна Ивановна и на улицу смотрѣла. Кирила Семеновъ это самъ видѣлъ и слышалъ...

Солдаты при этомъ разсказѣ столпились около капрала, чтобы послушать что-то очень интересное.

— Идетъ только при этомъ случаѣ близко мимо дворца мужикъ, видитъ у окна государыню—зналъ ли, не зналъ ли, что стояла императрица,—поклонился, проходя, и шляпу снялъ.

Государыня милостиво на него посмотрѣла и остановила:

— Что де ты, мужичекъ, за человѣкъ? — спросила всемилостивѣйшая.

— Я де посадскій человѣкъ,—отвѣтилъ мужикъ.

— Это она съ мужикомъ заговорила, а съ солдатами, что тутъ были, не завела разговора?.. Ну, чудеса! — удивился одинъ изъ слушателей.

— Надо быть, не заговорила... Такая ея воля царская,—отвѣчалъ капралъ Пасынковъ и продолжалъ свой разсказъ:

— Что-жъ это ты, посадскій мужичекъ,—снова говоритъ императрица,—какъ смѣшно одѣтъ?

— Что смѣшного?—спрашиваетъ мужикъ.

— Мужикъ и есть!—снова послышалось изъ толпы солдатъ,—какъ онъ съ ея величествомъ разговариваетъ!.. Чистый вахлакъ! солдатъ бы вѣжливѣе отвѣтилъ: «такъ точно молъ, ваше величество!»...

— А какъ же не смѣшно: шляпа у тебя худая, а кафтанъ хорошій,—продолжаетъ императрица.

— Не собрался еще,—говоритъ мужикъ,—на шляпу-то, все съ деньгами не собьюсь...

— Какой ты, мужичекъ, бѣдный... На тебѣ на шляпу, да и ступай съ Богомъ!

При этомъ императрица вынула изъ кармашка два рублевика и дала мужику. Тотъ поклонился и пошелъ дальше... Вотъ сколь милостива наша государыня!..

— Да, милостива!—началъ одинъ изъ слушателей, солдатъ Иванъ Сѣдовъ,—милостива, только не знаетъ, на кого свою милость изливаетъ!.. На-ка! мужику сѣрому даетъ деньги, а солдатамъ не дала!.. Развѣ это порядокъ? Развѣ можно мужика передъ солдатомъ уважить?.. Она бы лучше эдакія деньги солдатамъ отдала!.. Эка милостивая!.. Я бы ее за эдакую милость камнемъ сверху убилъ бы!..

— Что ты, подлецъ, говоришь!—вскинулся на него капралъ,—я сейчасъ донесу командиру за такія твои слова!..

— Какія мои слова?.. Что я сказалъ?

— А! не отвертывайся,—всѣ слышали! Этого скрыть нельзя!.. Не распускалъ бы лучше горла-то!..

Капралъ Пасынковъ тотчасъ же донесъ командиру полковнику Ртищеву, тотъ отписалъ генералъ-лейтенанту, ландграфу Гессенъ-Гомбургскому, а этотъ послѣдній распорядился послать въ Кронштадтъ Семеновскаго полка сержанта Ивана Бѣляева, чтобы взять изъ Новгородскаго полка Сѣдова, Пасынкова и свидѣтелей гренадера Тимоѳея Иванова и мушкатеровъ Малоглазова и Шарова. Сѣдова велѣно было сковать кандалами по рукамъ и по ногамъ и во время переѣзда черезъ взморье на буерѣ въ Петербургъ имѣть за нимъ строгій надзоръ, чтобъ онъ чего нибудь надъ собою не учинилъ. Іюня 5-го 1732 года, всѣ вышеназванные солдаты были уже въ Тайной канцеляріи передъ генераломъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ.

Допросили доносчика Пасынкова,—онъ повторилъ все сказанное; Иванъ Сѣдовъ показалъ о себѣ слѣдующее:

«Прежде онъ былъ крестьяниномъ вотчины Петра Борисовича Черкасскаго, Галицкаго уѣзда, села Палкина. И тому нынѣ десятый годъ отданъ онъ въ рекруты и отосланъ въ Архангелогородскую губернію, а оттуда съ прочими рекрутами отосланъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ Новгородскій пѣхотный полкъ.

«1-го іюня говорилъ непристойныя слова простотою своею, понеже во время разговоровъ солдатъ мысліею своею завидовалъ онъ, Сѣдовъ, что изволила ея величество, кромѣ солдатъ, жаловать деньгами мужиковъ... А умыслу и злобы на ея императорское величество, какъ напредъ сего, такъ и нынѣ, онъ, Сѣдовъ, не имѣетъ и согласія о вышеописанномъ ни съ кѣмъ не имѣлъ и напредъ сего ни съ кѣмъ не говорилъ. Самъ онъ, Сѣдовъ, близъ дворца никогда не работалъ и отъ роду своего ея императорское величество видѣлъ онъ однажды, какъ изволила въ нынѣшнемъ году шествіе

имѣть изъ Москвы въ С.-Петербургъ, и онъ, Сѣдовъ, въ Петербургѣ для встрѣчи былъ при полку въ строю. Грамотѣ не умѣетъ».

Всѣ свидѣтели солдаты показали точно съ Пасынковымъ, самъ Сѣдовъ не отрекался отъ своихъ словъ, но этого было мало для Тайной канцеляріи. Подозрѣвая вездѣ «умыслъ», «согласіе», «партію», не вѣря никакой «простотѣ», Тайная канцелярія приступила къ пыткамъ и подвергла Сѣдова двумъ вискамъ съ кнутомъ въ 15 и 11 ударовъ.

Новаго не выяснилось ничего, и 10 іюня генералъ Ушаковъ рѣшилъ дѣло: «Сѣдова за непристойныя передъ солдатами слова казнить смертію, но представить приговоръ на благоусмотрѣніе императрицы. Капитану Пасынкову и солдатамъ за правый доносъ выдать награду: первому 10 рублей, вторымъ по 5 рублей».

Касательно Сѣдова императрица рѣшила: вмѣсто казни сослать его въ Охотскъ.

VII.

Монахъ, недовольный женскимъ правленіемъ.

(1745 г.).

Императрица Елисавета Петровна была четвертою женщиною на русскомъ престолѣ, и такой порядокъ былъ совершенно дикъ для русскаго міровоззрѣнія, привыкшаго къ низменному, воспитанному «домостроемъ», взгляду на женщину. Владыкою надъ мужчинами русскіе никакъ не могли вообразить женщину, тѣмъ болѣе не считали женщину способною къ многотрудному и многодумному дѣлу управленія государствомъ. Царь, по живымъ еще воспоминаніямъ народа о царяхъ московскихъ и о крутомъ Петрѣ, представлялъ высшій разумъ въ государствѣ, руководившій умнѣйшими головами—царскою думой, приданною ему только въ помощь, а не въ руководство, представлялъ попечительнаго отца, обладающаго широкимъ и всеобъемлющимъ взглядомъ,—и вдругъ баба занимаетъ его священный престолъ, властвуетъ надъ мужчинами!.. Это было дико для русскаго понятія, просто неперваримо.

«Страха ради іудейска» народъ покорился такому порядку вещей, но общественная мысль не покорялась, «супротивные толки» и осужденія слышались всюду, составляли тему разговоровъ, а потомъ часто и поводъ къ разбирательству въ тайныхъ конторахъ и Тайной канцеляріи.

Русскому человѣку претило еще и господство нѣмцевъ, приглашенныхъ въ Россію съ разумною цѣлью Петромъ Великимъ, но возобладавшихъ при его не столь дальновидныхъ преемникахъ.

Эти двѣ темы—о бабьемъ правленіи и о нѣмцахъ—пришли въ голову пьяному монаху, и онъ, распространившись о нихъ, попалъ въ бѣду.

Іеромонахъ Ярославскаго Толгскаго монастыря Александръ сидѣлъ въ октябрѣ 1745 года подъ карауломъ въ Московской консисторіи, отосланный архимандритомъ Іоанникіемъ изъ монастыря подъ судъ за кражу.

Злость разбирала іеромонаха на архимандрита и другихъ монаховъ, которые отослали его въ судъ, и хотѣлось Александру имъ «насолить».

Наконецъ,—самъ ли онъ догадался, или, что вѣрнѣе, научили его сидѣвшіе подъ карауломъ,—средство для мести было найдено по тому времени превосходное, вѣрно бьющее въ цѣль, могущее впутать сколько угодно личныхъ враговъ въ кашу.

25 октября, іеромонахъ Александръ объявилъ за собою «государево слово и дѣло» по первому пункту, т.-е. касающееся особы царствующей.

Александра безъ допроса отправили въ московскую Тайную контору, учрежденіе, подчиненное Петербургской Тайной канцеляріи.

Тамъ онъ объяснилъ, въ чемъ заключается его дѣло: онъ вспомнилъ разговоръ, происходившій полгода тому назадъ въ монастырской кельѣ между монахами.

Въ маѣ мѣсяцѣ, спустя дней пять послѣ Николина дня, онъ, доносчикъ Александръ, и живущіе съ нимъ въ одной кельѣ «головщикъ» (запѣвало, регентъ въ пѣвческомъ хорѣ), монахъ Савватій, «бѣлой попъ» (не монахъ, въ отличіе отъ «чернаго» попа, монаха) Ѳедоръ Петровъ и іеродіаконъ Игнатій легли спать. Монахи, какъ видно, сильно выпили; одинъ изъ нихъ, «головщикъ» Савватій, сперва началъ, лежа, пѣть духовные стихи, а когда это надоѣло, перешелъ къ мірскимъ пѣснямъ. Напѣвшись и потѣшивъ слушателей пѣснями, Савватій завелъ разговоры на политическія темы. Темы эти въ то время до добра не доводили, ибо легко было проврaться. Проврался и Савватій:

— Бабьи города не стоятъ николи!.. А вѣдь нынѣ государство баба держитъ!.. Баба не какъ человѣкъ!..

Тутъ Савватій приправилъ свое разсужденіе крѣпкимъ словомъ и продолжалъ:

— Приняла она къ себѣ невѣрныхъ: наслѣдникъ у нея Петръ (III) Ѳедоровичъ, сынъ герцога Голштинскаго и Анны Петровны, невѣрный, да и наслѣдница (Екатерина (II), дочь герцога Ангальтъ-Цербстскаго), такая же невѣрная!.. Не могла она здѣсь въ Россіи людей выбрать!..

Выбранившись еще разъ, Савватій заснулъ; другіе монахи, видя, что Савватій несетъ опасную чепуху, благоразумно промолчали на это и тоже заснули,— и дѣло это такъ бы и кануло въ вѣчность, если бы черезъ полгода Савватій не поссорился съ іеромонахомъ Александромъ. Тотъ вспомнилъ этотъ пьяный бредъ и изъ мести донесъ въ тайную контору. Заканчивая свой доносъ, Александръ

ехидно прибавилъ нѣсколько словъ для погубленія ненавидимаго имъ архимандрита Іоанникія.

— Объ этихъ неистовыхъ рѣчахъ Савватія я тогда же докладывалъ архимандриту Іоанникію, однако онъ оставилъ это дѣло втунѣ и Савватія простилъ.

Тотчасъ же послали за всѣми оговоренными въ Ярославскій Толгскій монастырь и привезли всѣхъ, купно съ архимандритомъ, къ допросу.

Свидѣтели подтвердили доносъ Александра, только архимандритъ заперся въ томъ, что ему было донесено о буйныхъ рѣчахъ Савватія.

— Ничего мнѣ Александръ не говорилъ, клянусь Богомъ, а оговариваетъ меня доносчикъ знатно потому, что сердитъ на меня за то, что я отослалъ его въ консисторскій судъ за кражу.

Архимандриту дали очную ставку съ доносчикомъ, и Александръ повинился передъ всѣми, что солгалъ на Іоанникія.

Добившись главнаго, тайная контора снеслась съ Тайною канцеляріей и получила разрѣшеніе: Савватія, по обнаженіи священническаго и монашескаго сана, пытать и спросить накрѣпко: «съ какого подлинно умыслу вышеобъявленныя, важныя, злодѣйственныя слова онъ произносилъ, и не слыхалъ ли онъ тѣхъ непристойныхъ словъ отъ другихъ кого, и не разглашалъ ли онъ ихъ другимъ кому, и въ какомъ именно намѣреніи?»

На пыткѣ Савватій, теперь уже Сергій, повинился и могъ сказать только, что говорилъ безъ умыслу, отъ безмѣрнаго пьянства.

Тайная контора отослала экстрактъ изъ дѣла въ Тайную канцелярію и просила окончательнаго рѣшенія, держа пока всѣхъ подъ арестомъ.

Рѣшенія Тайной канцеляріи пришлось ждать три мѣсяца: оно пришло 13 января 1746 года и не обрадовало доносчика и свидѣтелей. Имъ за недонесеніе о семъ въ свое время велѣно учинить наказаніе, бить плетьми и отослать обратно въ монастырь, а для дерзкаго разстриженнаго іеромонаха Сергѣя приговоръ былъ покруче:

«Дабы Сергѣй впредь отъ такихъ важныхъ продерзостей имѣлъ воздержаніе, сверхъ бывшаго ему розыска (т.-е. пытокъ), учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно и сослать его въ Оренбургъ въ работу вѣчно».

VIII.

Безпокойный поручикъ.

(1746—1763 гг.).

Поручикъ Ростовскаго пѣхотнаго полка, Аѳанасій Кучинъ, главное лицо настоящаго дѣла въ Тайной канцеляріи, — типъ чрезвычайно любопытный, продуктъ своего времени. Набожный и суевѣрный, замкнутый, повидимому, въ себѣ и безпокойный, вѣчно заво-

дящій ссоры и сутяжничества, онъ, благодаря этимъ несчастнымъ качествамъ своей натуры, разъ попавъ въ Тайную канцелярію, окончательно испортилъ себѣ жизнь.

Дѣло это интересно обиліемъ мелкихъ частностей, которыя могутъ пригодиться занимающимся бытовою исторіею прежняго времени.

Дѣло началъ собственно не Кучинъ, а другой поручикъ Архангелогородскаго полка, Иванъ Вельяминовъ-Зерновъ, и при обстоятельствахъ, характеризующихъ слабость тогдашней военной дисциплины.

Оба эти поручика сидѣли съ марта мѣсяца 1746 года подъ арестомъ при полковой канцеляріи Рязанскаго пѣхотнаго полка по приговорамъ кригсрехта: Вельяминовъ-Зерновъ — по представленію Архангелогородскаго полка секундъ-маіора Якова Ламздорфа, за безпрестанное его, Зернова, пьянство, а Кучинъ—за много различныхъ дѣлъ: поношеніе чести лейбъ-кампанскаго сержанта Михаила Осипова, за насильное отнятіе отъ мастера заказаннаго серебрянаго креста и чеканныхъ евангелистовъ на Евангеліе, за самовольную отлучку отъ команды и другія преступленія.

Сидя вмѣстѣ, поручики почему-то между собою не поладили и враждовали. Вражда ихъ выразилась въ слѣдующемъ.

4-го апрѣля 1746 года, Вельяминовъ-Зерновъ вмѣстѣ съ сержантами Рязанскаго полка Васильемъ Пахомовымъ и Иваномъ Бѣлинымъ за карауломъ одного солдата былъ кѣмъ-то отпущенъ изъ-подъ ареста послѣ вечеренъ въ гости къ сержанту же того полка Ѳедору Фустову.

По дорогѣ Зерновъ, сильно, какъ онъ увѣряетъ впослѣдствіи, пьяный, началъ говорить шедшему рядомъ съ нимъ Пахомову:

— Возьми меня обѣдать къ себѣ. Я все съ Кучинымъ обѣдалъ, а теперь не хочу... Буду просить полковника фонъ-Трендена, чтобы разсадилъ насъ съ Кучинымъ порознь... Давай вмѣстѣ обѣдать!

— Тебѣ къ Кучинымъ пристойнѣе обѣдать, — отвѣчалъ Пахомовъ,—вы оба оберъ-офицеры, онъ тебѣ настоящая компанія.

— А ну его!... «Онъ состоянія недобраго», сумасшедшій, что ли! Онъ вонъ весь генералитетъ поноситъ, да не токмо, что генералитетъ, а и про самое государыню говоритъ, будто она гвардіи съ маіоромъ Шубинымъ жила...

Пахомовъ ничего не отвѣтилъ на это, а намоталъ на усъ.

Побывъ у Фустова съ четверть часа, всѣ воротились въ полковую канцелярію, за исключеніемъ Пахомова, который отправился прямо къ командиру фонъ-Трендену, чтобы объявить на Зернова «слово и дѣло».

По дорогѣ къ полковнику Пахомовъ встрѣтилъ солдата Несопнаго, который прежде служилъ въ Семеновскомъ полку, а потомъ, за корчемство битый батогами, былъ переведенъ въ Рязанскій полкъ, и спросилъ его:

— Слыхалъ ты что нибудь про маіора Шубина?

— Слыхалъ: онъ служилъ въ Семеновскомъ полку и вышелъ въ отставку генераломъ.

Пахомовъ ничего больше не спросилъ у Песошнаго и, явившись къ фонъ-Трендену, донесъ ему обо всемъ.

На другой день полковникъ отправилъ всѣхъ оговоренныхъ: Кучина, Зернова, Бѣлина, Песошнаго и доносчика Пахомова, къ бригадиру графу Григорью Чернышеву, а этотъ послѣдній—въ Тайную канцелярію, къ А. И. Ушакову.

Приведенныхъ тотчасъ же обыскали, причемъ у Кучина нашли рукописную апокрифическую тетрадку «Сонъ Пресвятой Богородицы» и «Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ», переписанную его собственною рукою, каковую тетрадку тотчасъ же отъ него и отобрали.

Первый допросъ былъ сдѣланъ доносчику Пахомову, разсказавшему все вышеписанное; второй допросъ былъ Вельяминову-Зернову.

О себѣ онъ показалъ, что происходитъ изъ дворянъ, испомѣщенъ[1]) въ Бѣлевскомъ уѣздѣ (Тульской губ.), въ службѣ съ 1732 года, началъ ее солдатомъ и, прошедъ всѣ чины, съ 1742 г. поручикомъ. Въ говоренныхъ имъ про Кучина словахъ онъ сознался, только объяснилъ, что говорилъ все «съ простоты своей, вымысля, отъ себя, въ безмѣрномъ своемъ пьянствѣ, а отъ Кучина и ни отъ кого таковыхъ непристойныхъ словъ никогда, нигдѣ, ни въ какихъ разговорахъ не слыхивалъ, и съ чего въ то время затѣялъ онъ о тѣхъ словахъ на Кучина Пахомову,—онъ и самъ не знаетъ!... Затѣмъ пошли обычныя увѣренія о неимѣніи ни съ кѣмъ согласія, злобы на императрицу и т. д.

О поношеніи Кучинымъ генералитета Зерновъ не отрекся и объяснилъ:

— Какъ приходилось мнѣ сидѣть съ Кучинымъ подъ арестомъ, и онъ, ходя по свѣтлицѣ, съ сердцемъ говаривалъ: «Держать меня подъ арестомъ напрасно, и военная коллегія дѣлаетъ самовольно указы, противно регуламъ и законамъ, и обираетъ взятки. Я де ихъ проберу, и тѣхъ, которые при дворѣ въ долгихъ шубахъ ходятъ!.. И съ тѣхъ у меня ленты сойдутъ («а какія именно — не выговорилъ»).

Зерновъ, будто бы, на это ничего не отвѣчалъ Кучину, а не доносилъ объ этомъ раньше «простотою своею».

Позвали къ допросу Кучина: этотъ поразсказалъ о своей безпокойной жизни побольше.

Онъ изъ дворянъ, испомѣщенъ въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ службѣ съ 1728 года въ Ростовскомъ пѣхотномъ полку, началъ службу съ солдата. Съ марта 1742 года по январь 1744 года былъ при дворѣ ея величества у смотрѣнія дѣланія алмазныхъ вещей

---

[1]) Т. е. у него есть или было у его родителей тамъ помѣстье.

въ командѣ камеръ-юнкера, что нынѣ камергеръ, Никиты Возжинскаго, а въ 1744 г. онъ изъ дворца уволенъ въ военную коллегію.

— Зачѣмъ у тебя находилась тетрадка о «Снѣ Пресвятой Богородицы», переписанная твоею рукою?

— А находилась она по такому случаю: въ томъ же 1744 году, послѣ увольненія изъ дворца, посланъ я былъ въ Ригу изъ комиссаріата съ денежною казною. Въ Ригѣ поступила на меня жалоба, что я забиралъ по подорожной лошадей безъ платежа прогонныхъ денегъ (чего по слѣдствію не явилось), и былъ я арестованъ и отданъ подъ судъ. Я находился въ превеликой тоскѣ, и нападалъ на меня страхъ, и въ то время находившійся у меня въ командѣ солдатъ, нынѣ капралъ Михаилъ Матвѣевъ, показалъ мнѣ тетрадку о «Снѣ Богородицы», прочелъ ее и велѣлъ себѣ списать таковую же (а Матвѣеву тетрадку далъ монахъ Псково-Печерскаго монастыря, имени не помнитъ). «Кто де эту тетрадку спишетъ самъ и будетъ ее при себѣ держать, а въ субботу и воскресенье съ вѣрою читать,—и тому никакое зло не приключится!» [1]).

— По этимъ Матвѣева словамъ я и списалъ,—продолжалъ Кучинъ,—тетрадку, желая себѣ отъ страха свободы, и понынѣ всегда держалъ ее при себѣ и читалъ, и отъ страха и тоски было мнѣ облегченіе, а потому я и приписалъ отъ себя на тетрадкѣ: «Воистину должно сію книжицу въ чистотѣ при себѣ держать и много зла творить не надлежитъ».

Что въ этой тетрадкѣ есть многія церкви святой противности, Кучинъ отозвался, что признать того не могъ, самъ противъ церкви противности не имѣетъ и ни съ кѣмъ по тетрадкѣ толкованія не имѣлъ.

На очной ставкѣ Кучина съ Зерновымъ они остались каждый при своихъ прелестныхъ рѣчахъ.

Показанія Былина и Песошнаго не прибавили ничего; они скоро вмѣстѣ съ Пахомовымъ были отпущены изъ Тайной канцеляріи съ подпискою подъ угрозой смертной казни о молчаніи и съ обязательствомъ являться до окончанія дѣла въ канцелярію.

Когда Кучину послѣ допросовъ предложили подписать допрос-

---

[1]) Рукопись «Сна Богородицы» и понынѣ еще держится у суевѣровъ, какъ талисманъ противъ всякихъ бѣдъ. Въ концѣ ея между прочимъ сказано: «Кто сонъ твой спишетъ и въ дому у себя держитъ въ вѣрѣ и чистотѣ,—и тотъ человѣкъ избавленъ вѣчныя муки, огня геенскаго и осьми дочерей Иродовыхъ (лихорадокъ), и отъ человѣкъ лукавыхъ никакое зло не пристанетъ, и защититъ того Царица Небесная своимъ святымъ покровомъ нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь».

Въ рукописи Кучина, скопированной въ Тайной канцеляріи, есть приписка: «А сей листъ найденъ у гроба Господня. А сей листъ писалъ Исусъ Христосъ въ Іерусалимѣ. 1452 года, мѣсяца іюля, 1-го дня». Этой приписки нѣтъ въ изданіи «Памятн. старинн. русск. слов.» Кушелева-Безбородки, т. 3 (отреченныя книги).

ные пункты, то онъ не захотѣлъ этого сдѣлать и объявилъ секретарю Набокову:

— Не подпишу. Тутъ не все записано, не записано, что крестъ и евангелисты были сдѣланы не изъ настоящаго серебра.

— Это до Тайной канцеляріи не касается, — отвѣтилъ Набоковъ, — заяви объ этомъ въ надлежащемъ мѣстѣ, а теперь вотъ подпиши это.

— Ни за что не подпишу!.. Безъ генерала Ушакова не подпишу, — онъ не дастъ вамъ скрывать мои рѣчи! — заартачился Кучинъ, и съ тѣмъ его вывели изъ допросной комнаты, оставивъ дѣло до прибытія начальника Тайной канцеляріи.

Это было 6-го апрѣля, а Ушаковъ прибылъ въ Тайную канцелярію только 16-го; пришлось ждать 10 дней, въ теченіе которыхъ занялись разсматриваніемъ тетрадки Кучина и его черновыхъ прошеній въ сенатъ и на имя императрицы.

Апокрифическая тетрадка съ «Сномъ Богородицы», «Сказаніемъ о двѣнадцати пятницахъ» и «О почитаніи воскреснаго дня», хотя и интересна, но къ нашему разсказу отношенія не имѣетъ, и потому мы не войдемъ въ ихъ разсмотрѣніе. Черновыя же прошенія даютъ намъ кое-какія бытовыя черты изъ безпокойной жизни поручика.

Съ марта 1742 г., какъ мы знаемъ, онъ находился во дворцѣ безотлучно въ мастерской палатѣ при строеніи коронъ и прочихъ алмазныхъ вещей къ коронаціи. Въ 1743 г. его начальникъ Возжинскій былъ посланъ въ Казань для объявленія о заключеніи мира съ Швеціей, а въ январѣ 1744 г. Кучинъ по проискамъ лейбъ-кампаніи сержанта Михаила Осипова и капрала Шорстова потерялъ это мѣсто. Съ ними онъ успѣлъ поссориться, жаловался на нихъ офицерамъ лейбъ-кампаніи, подавалъ прошеніе принцу Гессенъ-Гомбургскому въ томъ, что якобы Осиповъ въ покояхъ императрицы поносилъ всякими ругательными словами бѣдную, живущую при немъ, Кучинѣ, сиротинку, родную его племянницу и крестную дочь, дѣвочку Кучину же, называлъ, что она не честнаго отца дочь. «Отъ того поношенія» дѣвочка, по словамъ Кучина, не можетъ до сихъ поръ выйти замужъ.

Кучинъ подалъ жалобу, Осиповъ — тоже; военная коллегія рѣшила судить ихъ обоихъ; тогда Осиповъ сдался первый, просилъ прощенія, обѣщалъ заплатить дѣвочкѣ безчестье и найти достойнаго жениха.

Изъ-за этой ссоры Кучинъ былъ отставленъ отъ дворца.

Въ слѣдующемъ году Кучинъ, по ордеру изъ своего полка, изъ Эстляндіи былъ командированъ въ Петербургъ съ разными порученіями, и между прочимъ ему велѣно было заказать для полковой церкви серебряный крестъ и евангелистовъ на Евангеліе.

Онъ заказалъ это въ серебряномъ ряду купцу Ивану Минину, далъ ему старый крестъ да 90 золотниковъ выжиги, а когда заказъ

былъ готовъ, то, въ качествѣ спеціалиста по ювелирнымъ работамъ, остался исполненіемъ заказа недоволенъ, нашелъ чеканку «недостойною святости предмета», а серебро низкопробнымъ и велѣлъ все снова передѣлать. Мастеръ не согласился, Кучинъ взялъ у него сдѣланную работу и не заплатилъ денегъ. Мастеръ подалъ на Кучина жалобу въ военную коллегію (у него, Минина, были родственники,—пишетъ Кучинъ,—при корпусѣ лейбъ-кампаніи и въ военной коллегіи), и бѣднаго поручика снова арестовали, а крестъ и евангелистовъ взяли въ военную коллегію. Кучинъ сталъ писать прошеніе императрицѣ и просилъ въ немъ, чтобъ разсмотрѣла работу сама она.

Пока безпокойный Кучинъ собирался подать всѣ эти прошенія,—онъ неожиданно попалъ въ Тайную канцелярію изъ-за болтовни Вельяминова-Зернова, но и здѣсь своей правды упустить не хочетъ и упорно воюетъ со всѣми.

Наконецъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ добрался до непокорнаго поручика и самъ лично позвалъ его на допросъ.

— Почему ты не подписываешь допросныхъ пунктовъ?—спросилъ Ушаковъ.

— Не подписалъ и не подпишу ни допроса, ни очной ставки,—запротестовалъ Кучинъ, — потому тамъ много не записано канцеляристомъ, напримѣръ, что я отставленъ отъ алмазныхъ вещей безъ именного ея величества указа, что воровство Минина могу изобличить,—и много чего не записано!.. Велите все это, ваше превосходительство, записать—и тогда я подпишу допросъ. А и въ очной ставкѣ секретарь и канцеляристъ мирволили Зернову: многаго изъ его рѣчей не записали, напримѣръ, что Зерновъ говорилъ, будто я обѣщался бунтъ сдѣлать, коли меня въ солдаты напишутъ, — не записали... Да и ругали меня здѣсь всѣ, ваше превосходительство, скверными словами... И секретарь, и протоколистъ, и другіе приказные ругали... Протоколистъ сказалъ: «я бы де и того кнутомъ высѣкъ, кто тебя офицеромъ сдѣлалъ!..». Развѣ такъ можно говорить? Я, какъ вышелъ изъ допросной, такъ сейчасъ же доложилъ объ этомъ караульному лейбъ-гвардіи оберъ-офицеру, спросите того офицера,—онъ скажетъ!..

Ушаковъ велѣлъ объ отставкѣ Кучина безъ указа вписать въ допросѣ на поля, а заявленіе о серебряникѣ Mининѣ оставить безъ послѣдствія, какъ дѣло постороннее.

— Я и тѣмъ буду доволенъ и подпишу, — сказалъ Кучинъ, и его повели изъ присутствія къ канцеляристу Орлову, чтобы тотъ вписалъ его слова. Пока Орловъ вписывалъ, Кучинъ успѣлъ и ему наговорить дерзостей, на которыя канцеляристъ пока промолчалъ, а какъ только они вошли опять въ присутствіе, и Кучинъ подписалъ бумаги и былъ выведенъ,—Орловъ объявилъ присутствующимъ и генералу, что Кучинъ клепалъ на него, будто Орловъ подучалъ Зернова оговаривать Кучина въ непристойныхъ словахъ и училъ «стоять въ однихъ словахъ, а много не болтать».

— Всѣ вы тутъ за одно! — говорилъ Кучинъ Орлову, — ну, да ладно! и секретарь, и протоколистъ, и ты—всѣ будете со мною въ розыскѣ!..

— И все онъ вымышляетъ напрасно на насъ,—закончилъ канцеляристъ.

Съ опаснымъ народомъ связался Кучинъ, раздражая всѣхъ въ Тайной канцеляріи,—не по силамъ ему была борьба съ ними!

Тотчасъ же снова позвали Кучина въ присутствіе.

— Для чего ты такъ вымышленно Орлову говорилъ?—спросилъ Ушаковъ.

— Это было-съ, подлинно было, ваше превосходительство, оное наущеніе отъ Орлова Зернову!.. Меня вывели, а Зернова оставили, а я черезъ дверь и слышалъ, какъ онъ училъ: «стой въ однихъ словахъ, а больше не болтай!».

Кучина вывели, привели Зернова.

— Научалъ тебя Орловъ стоять въ однихъ словахъ?

— Никогда этого не было, никогда не училъ.

— А говорилъ ты, что Кучинъ бунтъ хочетъ сдѣлать?

— Не говорилъ, потому что никогда не слыхалъ отъ него такихъ словъ.

Зерновъ, видимо отлично наученный канцеляристами, ловко избѣгалъ всего опаснаго. Тамъ онъ отрекся отъ словъ про Шубина, а здѣсь про бунтъ, зная, что все это доносы тяжкіе, и ему самому попадетъ «за недонесеніе во время».

Дали Зернову очную ставку съ Кучинымъ, и оба уперлись на своемъ. Только что хотѣли увести Кучина, — онъ съ просьбой къ присутствующимъ:

— Я не могу съ Орловымъ ничего дѣлать! Назначьте мнѣ другого канцеляриста, назначьте Матвѣя Зотова,—я съ нимъ обстоятельно всѣ свои недовольства изъясню.

Согласились присутствующіе на эту просьбу и отправили Кучина къ Зотову. Черезъ нѣсколько времени и Зотовъ пришелъ въ присутствіе жаловаться на Кучина:

— Кучинъ проситъ весь прежній разспросъ уничтожить и допросить снова... Я отказался уничтожить, а Кучинъ какъ закричитъ на меня: «А коли ты разспроса не перечернишь, то и съ тобою будетъ то же, что и со всѣми»!... Я, ваше превосходительство, такъ не могу!—жаловался Зотовъ.

— Вотъ такъ сокровище! — пожали плечами присутствующіе и велѣли опять привести Кучина.

— Ну, и чортъ навязался! — ворчали приказные: — мы-жъ тебя закатаемъ!.. Погоди!

— Для чего ты такъ продерзостно говорилъ Зотову?—спросили Кучина присутствующіе.

— Потому, какъ онъ не хочетъ прежній допросъ перечернить, а новый написать!

— Нельзя этого сдѣлать!.. Ты показывай, что вновь,—отдѣльно запишутъ и прибавятъ.

— Тогда я попрошу у вашего превосходительства бумаги и чернилъ,—я напишу все, что надо, своеручно и отдамъ къ дѣлу,—заявилъ непокорный поручикъ.

Усмѣхнулись присутствующіе, однако Ушаковъ велѣлъ дать Кучину бумаги и чернилъ, только чтобъ писалъ онъ въ канцеляріи, при Зотовѣ.

Пока Кучинъ писалъ, Ушаковъ велѣлъ позвать того офицера, на котораго ссылался Кучинъ, какъ на свидѣтеля брани. Этимъ офицеромъ оказался преображенскаго полка князь Петръ Трубецкой и заявилъ, что никогда ни о какой брани Кучинъ ему не говорилъ...

Сидя въ канцеляріи, Кучинъ исписалъ четыре листка, но новаго ничего не прибавилъ: упрекалъ приказныхъ въ извращеніи допросовъ, брани, притѣсненіяхъ (былъ посаженъ въ особливую холодную казарму, въ которой вмѣстѣ съ караульными «едва по два дни отъ угару не померъ»), а затѣмъ просилъ все-таки допросить его вновь.

Этому писанью не придали никакого значенія, а занялись разсмотрѣніемъ отзывовъ военной коллегіи о бывшихъ судныхъ дѣлахъ Кучина и Зернова, чтобы сообразно съ ними обсудить все дѣло.

Военная коллегія нелестно отозвалась о Кучинѣ.

Между Кучинымъ и Осиповымъ было въ 1743 г. дѣло о безчестьѣ, по которому рѣшено военною коллегіей обоихъ отдать подъ судъ. Указъ генералу Ушакову былъ подписанъ и скрѣпленъ, но не посланъ за невзятіемъ отъ Осипова и Кучина для запечатыванія и платежа пошлинъ (!?). Кучинъ былъ безпокойнаго характера. Когда онъ жаловался на Минина о крестѣ, то монетная контора нашла крестъ и евангелистовъ указной пробы.

Кучина велѣли вести въ монетную контору, но онъ не пошелъ, отзываясь болѣзнью и тѣмъ, что за нимъ прислали сержанта, а не офицера. Послали офицера и лѣкаря,—Кучинъ легъ на печь и кричалъ, чтобы не смѣли его трогать, а то онъ всѣхъ потянетъ «въ тайную». Взяли Кучина насильно и привели въ военную коллегію. Тамъ онъ раскричался, что его взяли, не какъ офицера, а «помужичьи». Потребовали у него полковыя деньги за работу Минина — онъ сказалъ, что деньги на другое дѣло ушли, а когда ему возразили, что этого быть не можетъ, онъ сказалъ:

— Есть деньги, да не принесу въ коллегію! Безъ вѣдома полка денегъ не принесу, а истрачу ихъ на другое...

Ему стали выговаривать за грубость и ослушаніе, а онъ грозился жаловаться на коллегію въ сенатъ. При вторичномъ спросѣ

денегъ онъ ихъ все-таки не далъ: «воля ея величества! хоть голову отсѣчь — денегъ не дамъ!». За это его арестовали и отдали подъ военный судъ.

О Вельяминовѣ-Зерновѣ военная коллегія отозвалась только, что судился за пьянство и мотовство и укрывательство отъ суда въ домѣ магистратскаго «раухера» Михаила Серебреникова.

Таковы дополнительныя черты къ характеристикѣ безпокойнаго Кучина, полученныя Тайною канцеляріей.

Больше ей ничего не нужно было, и она постановила приговоры:

«Сержанту Пахомову за правый доносъ испросить высочайшее повелѣніе.

«Вельяминова-Зернова слѣдовало бы пытать, а потомъ сослать въ Оренбургъ, однако же оное не соизволено ли будетъ изъ высочайшаго ея императорскаго величества милосердія оставить, а вмѣсто того, учиня ему, Зернову, наказаніе, каковое ея величество соизволитъ, сослать въ Оренбургъ на житье вѣчно».

Въ этомъ приговорѣ видна большая мягкость въ отношеніи Зернова. За такіе разговоры о фаворитахъ всегда пытали и били плетьми.

Въ приговорѣ о Кучинѣ Тайная канцелярія постаралась припомнить все: и дерзости въ военной коллегіи, и ношеніе при себѣ запрещенной суевѣрной книжки, и оговоръ имъ секретаря, протоколиста и приказныхъ, — и со всей этой тягостью преступленій «для наказанія по силѣ государственныхъ правъ» отослала его въ военную коллегію.

Военная коллегія рѣшила Кучина разжаловать и записать солдатомъ въ сибирскій гарнизонъ вѣчно...

Кончено, кажется?.. Чего еще больше?..

Однако нѣтъ! Несчастный Кучинъ снова попадаетъ въ Тайную канцелярію черезъ годъ, уже солдатомъ, и опять-таки по своей страсти сутяжничать.

Будучи въ Нарвѣ подъ карауломъ онъ 25-го іюня 1747 года объявилъ за собою «слово и дѣло» по первому пункту.

Въ Тайной канцеляріи узнали стараго знакомаго и — обрадовались. Но Кучинъ и теперь своего апломба не потерялъ и объявилъ присутствующимъ, что «своей тайности» онъ никому, кромѣ императрицы, не объявитъ, и чтобъ представили его Елисаветѣ Петровнѣ.

— Стара штука! Знаемъ мы тебя, гуся лапчатаго! — отвѣтили ему, — ведите его въ застѣнокъ, авось на дыбѣ языкъ развяжетъ!

Кучинъ на дыбу не захотѣлъ и разсказалъ свою тайность:

— Слышалъ я, что ея величество изволитъ находиться въ близкихъ отношеніяхъ съ его сіятельствомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ...

Затѣмъ Кучинъ отмочилъ такую штуку, рабски записанную канцеляристомъ въ подлинномъ дѣлѣ, которую мы не рѣшаемся передать ни подлинными словами, ни пересказать...

Тутъ у присутствующихъ лопнуло терпѣніе, и Кучина потащили на дыбу.

На пыткѣ Кучинъ въ своемъ доносѣ утвердился, то-есть твердилъ одно и то же, а на вопросъ: «отъ кого это слышалъ?»—отвѣчалъ твердо:

— Это скажу только самой ея величеству!..

Вѣроятно, жестоко пострадалъ Кучинъ отъ пытки, потому что дѣло о немъ надолго, до слѣдующаго года, прерывается. Надо полагать, что онъ лѣчился отъ вывиховъ и другихъ послѣдствій пытки.

Наконецъ, въ 1748 году, въ февралѣ, онъ самъ попросился въ присутствіе со своей «тайностью» и сообщилъ, что слышалъ это въ 1745 году въ Ригѣ отъ бывшаго Бѣлозерскаго полка аудитора Нартова.

Потребовали Нартова черезъ военную коллегію «въ тайную».

Долго справлялись о Нартовѣ — полтора или два года, такъ что онъ успѣлъ прожить годъ послѣ доноса Кучина за границей, въ командѣ генералъ-фельдмаршала князя Репнина, а въ 1750 году военная коллегія увѣдомила Тайную канцелярію, что Нартовъ въ 1749 году, января 9-го, «въ Цесаріи умре»...

Ну, что подѣлаешь съ такимъ доносчикомъ?..

Тайная канцелярія рѣшила: Кучина за поздній доносъ, который провѣрить нельзя, бить кнутомъ нещадно и сослать на вѣчное житье въ дальній сибирскій городъ.

Теперь, кажется, могъ бы быть финалъ злоключеній Кучина?..

Такъ нѣтъ! Въ 1755 году «для многолѣтняго здравія ея императорскаго величества, дабы Кучинъ въ Тайной канцеляріи и резиденціи ея величества не былъ и впредь бы отъ него разглашенія не было и по неспособности его къ военной службѣ (конечно, Кучинъ былъ искалѣченъ пыткою), было велѣно послать его въ Иверскій монастырь къ вѣчному и неисходному, кромѣ церкви Божіей, содержанію».

Въ іюнѣ 1775 года Кучинъ прибылъ въ Иверскій Новгородской епархіи монастырь и, кажется, присмирѣлъ въ первое время, такъ что въ ноябрѣ того же года іеродіаконъ Кесарій доноситъ въ Тайную канцелярію, что Кучинъ «содержитъ себя въ силу указовъ исправно». Но это было не надолго. Черезъ мѣсяцъ Кучинъ задурилъ такъ, что приставленный къ нему сержантъ Базаровъ донесъ монастырскому начальству, что не знаетъ, что дѣлать съ Кучинымъ: онъ ругается, дерется съ караульными солдатами и снова объявляетъ за собою слово и дѣло!..

Монастырь снесся съ Тайною канцеляріей; эта послѣдняя отозвала Базарова отъ Кучина, а смотрѣть за нимъ поручила другому

сержанту, Анисиму Воротникову, который уже раньше былъ въ монастырѣ при колодникахъ Иванѣ Сѣчихинѣ и Петрѣ Грамотинѣ. Воротникову предписано было никакимъ объявленіямъ Кучина не вѣрить и бить его за это батоги, а коли не уймется — бить шелепомъ, а если и тогда не поможетъ, то не пускать и въ церковь.

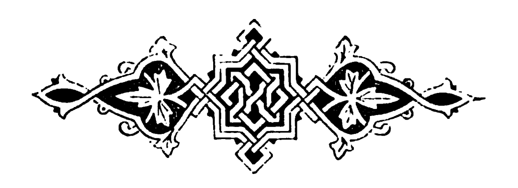
Черезъ годъ Кучинъ успокоился: причащался на страстной недѣлѣ три раза. Еще черезъ годъ просилъ черезъ Воротникова Тайную канцелярію назначить ему на одежду монашеское жалованье, три рубля въ годъ.

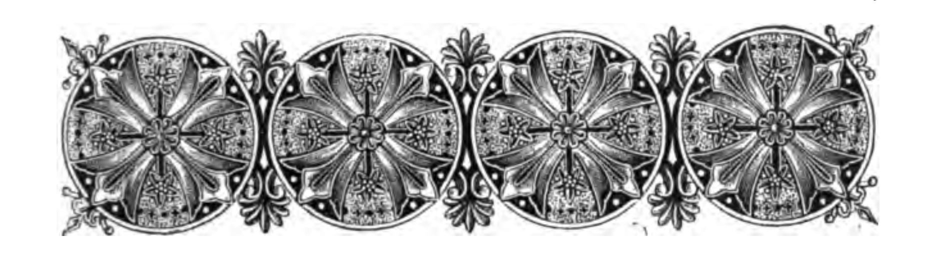
Еще черезъ три года, въ 1760 году, доносятъ, что Кучинъ ведетъ себя исправно, а въ 1763 году бывшій непокорный и безпокойный поручикъ проситъ позволенія постричься въ монахи, и въ томъ же году по высочайшему повелѣнію это ему разрѣшено, и онъ постригся подъ именемъ Аполлоса...

Дальше о немъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, но мы въ правѣ предположить, что почти двадцать лѣтъ несчастнаго сутяжничества, закончившагося жестокими истязаніями, наконецъ усмирили эту безпокойную натуру.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

А. В. Арсеньевъ.





ПЕТЕРБУРГСКІЕ КНИГОПРОДАВЦЫ-АПРАКСИНЦЫ И БУКИНИСТЫ.

Ъ ПЕТЕРБУРГѢ, въ старые годы, то-есть въ половинѣ текущаго столѣтія, книжная торговля сосредоточивалась преимущественно на Невскомъ проспектѣ, въ Гостиномъ дворѣ и въ Апраксиномъ рынкѣ, или, какъ тогда называли, въ Апраксиномъ дворѣ. Кромѣ того, нѣсколько магазиновъ находилось по Садовой улицѣ противъ Гостинаго двора.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, въ 1852 году, я помню по Невскому проспекту магазины: Шмицдорфа, Юнгмейстера, Смирдина, Базунова и Печаткина, въ Гостиномъ дворѣ—Исакова, Овсянникова и Свѣшникова, а съ 1853 года открылся уже и магазинъ Маврикія Осиповича Вольфа.

По Садовой улицѣ въ то время находились книготорговли: Глазунова (существующая съ 1782 года и до сихъ поръ), Кораблева и Сирякова, Лоскутова, Полякова, Панькова, Лисенкова и Масленникова, впослѣдствіи Шигина; затѣмъ еще существовала книжная лавка Терскаго по Чернышеву переулку въ домѣ Пажескаго корпуса.

Но я не намѣренъ описывать торговлю большихъ магазиновъ потому, что лично мало знаю объ этой торговлѣ, а сообщать свѣдѣнія изъ постороннихъ источниковъ нахожу неудобнымъ, такъ такъ нельзя всегда поручиться за вѣрность чужого разсказа.

Вслѣдствіе этого, я постараюсь описать торговлю книгами только въ Апраксиномъ и Александровскомъ рынкахъ, на ларяхъ, находившихся въ разныхъ мѣстахъ города, и букинистовъ, разносившихъ книги въ своихъ оригинальныхъ мѣшкахъ.

I.

Книгопродавцы-апраксинцы.

Въ Апраксиномъ рынкѣ, въ старину, какъ разсказываютъ, торговля книгами производилась только на развалкѣ и съ рукъ[1]). Основателемъ же постоянной торговли въ лавкахъ считаютъ Василія Васильевича Холмушина. Но я этого съ точностью не могу утверждать, потому что, когда я поступилъ въ Апраксинъ мальчикомъ, то тамъ книжныхъ лавокъ было уже въ изобиліи. Тамъ существовала даже особая книжная линія.

Эта линія, какъ и большинство прочихъ торговыхъ линій Апраксина рынка, состояла изъ небольшихъ деревянныхъ лавокъ, построенныхъ не корпусами, а каждая особо, но тѣсно сплоченныхъ между собою. У каждой изъ лавокъ, снаружи, понадѣланы были прилавки и столы, на которыхъ торговцы выкладывали кипы разныхъ старыхъ и новыхъ книгъ и журналовъ, а также раскладывали по одиночкѣ дешевыя, преимущественно московскія изданія, съ заманчивыми названіями и съ обложками, украшенными картинками трагическаго содержанія.

Всѣхъ книгопродавцевъ, или, какъ ихъ просто звали, книжниковъ, въ Апраксиномъ рынкѣ до пожара, бывшаго тамъ въ 1862 году, находилось человѣкъ до двадцати.

Изъ числа ихъ болѣе прочихъ выдѣлялись, какъ состоятельностію, такъ и дѣловитостію — Яковъ Васильевичъ Матюшинъ, Іовъ Герасимовичъ Герасимовъ, Василій Васильевичъ Холмушинъ и Дмитрій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, но у каждаго изъ этихъ торговцевъ была своя спеціальность.

Яковъ Васильевичъ Матюшинъ раньше служилъ въ книжной торговлѣ Ѳ. Панькова, а въ 1815 году началъ уже вести дѣло самостоятельно. Матюшинъ держался торговли болѣе старыми книгами русскими и иностранными. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ знатокъ книжнаго дѣла, обладалъ замѣчательною памятью и, кромѣ того, у него былъ особый нюхъ, какъ иногда выражались о немъ. Этотъ нюхъ заключался въ слѣдующемъ: если какая нибудь книга или журналъ, выходившіе въ свѣтъ, обращали на себя вниманіе публики, то онъ навѣрняка зналъ, что это изданіе разойдется, и потому всегда скупалъ попадавшіе на рынокъ экземпляры и приберегалъ ихъ до болѣе благопріятнаго времени, когда они подберутся въ магазинахъ, и ихъ можно будетъ продавать втридорога. Съ этою цѣлью онъ ежедневно, по утрамъ, обходилъ другихъ книжниковъ и

---

[1]) Не помню, гдѣ-то я читалъ, что и основатель фирмы Глазунова началъ здѣсь же свою торговлю, раскладывая товаръ на рогожкѣ.

освѣдомлялся, не пріобрѣтали ли они чего либо новенькаго. Прочіе книжники, особенно не богатые, охотно показывали ему свои пріобрѣтенія и также охотно продавали, если онъ что либо выбиралъ, потому что продать Матюшину часто было выгоднѣе, чѣмъ постороннему покупателю. Онъ любилъ книги и хорошую, рѣдкую изъ нихъ никогда не выпускалъ изъ рукъ и иногда платилъ довольно высокую цѣну.

За то онъ самъ держался крѣпко товара, не торопился продавать и за нѣкоторыя книги назначалъ буквально чудовищныя цѣны. Для примѣра приведу слѣдующій фактъ.

Однажды меня съ товарищемъ гусарскій офицеръ попросилъ достать «Дворянское гнѣздо» Тургенева. Отдѣльнаго изданія этой книги еще не было, и въ редакціи «Современника», гдѣ она печаталась въ 1-мъ № 1859 года, тоже невозможно было достать этой книжки. Мы и отправились искать на Апраксинъ. Сначала мы обошли всѣхъ книжниковъ, и такъ какъ ни у кого не оказалось этого № «Современника», то принуждены были обратиться къ Матюшину.

— Яковъ Васильевичъ, нѣтъ ли у васъ 1-го № «Современника» за прошлый годъ? — спрашиваемъ мы.

— Вамъ «Дворянское Гнѣздо» нужно? Да? Есть,—говоритъ Яковъ Васильевичъ,— есть, и хорошій экземпляръ найдется, чистый.

— А сколько вы возьмете?

— Десять рубликовъ.

— Что вы, Яковъ Васильевичъ, Господь съ вами, за № журнала 10 рублей? да это не слыхано!

— А не слыхано, такъ вотъ слушайте,—10 рублей меньше я не возьму.

— Да у насъ баринъ-то, говоримъ, взбѣсится, скажетъ, какъ это возможно 10 рублей за такую книжку.

— Ну, и пусть его бѣсится. А вы съ него меньше 15 рублей не берите, а нѣтъ—такъ пускай онъ самъ поищетъ, а ко мнѣ придетъ, я съ него и 20 спрошу. Надо, такъ дастъ, а не надо, такъ нечего и покупать такую книжку.

На этотъ разъ мы не купили у Якова Васильевича книги, а прежде объяснили барину цѣну, и онъ велѣлъ намъ принести ее за 12 рублей, а Яковъ Васильевичъ съ 10 рублей скинулъ намъ 2 рубля.

— Вотъ такъ-то лучше, я нажилъ, и вы наживете, а то, что господъ баловать: я говорилъ вамъ, что надо, такъ дастъ; навѣрно, его какая нибудь барышня просила достать этотъ романъ,—говорилъ онъ, завертывая книгу, и затѣмъ, когда мы выходили изъ лавки, добавилъ:

— Если потребуется, такъ есть еще экземпляръ, тоже хорошій, чистый.

Вначалѣ я упомянулъ, что Матюшинъ обладалъ хорошею

памятью. Упомнить книгу, разъ бывшую въ рукахъ, и особенно книгу рѣдкую или цѣнную, и каждый книгопродавецъ упомнитъ, если только онъ заинтересованъ своей торговлею. Но Матюшинъ иногда нѣсколько лѣтъ помнилъ, что такую-то книгу—даже маленькую брошюрку—спрашивали у него, и хотя не помнилъ, кто именно спрашивалъ, но все-таки берегъ ее и цѣнилъ.

Такъ, не особенно давно, мнѣ довелось разговаривать съ однимъ извѣстнымъ писателемъ, который въ старые годы очень часто похаживалъ по Апраксину и собиралъ историческія книги и брошюры.

«Писалъ я разъ статью историческую,—говорилъ почтенный писатель,—и потребовалась мнѣ не большая старенькая книженка,—книженки этой я никогда не видалъ, а только зналъ о ея существованіи. Вотъ я и пошелъ на Апраксинъ, обошелъ всѣхъ книжниковъ, ни у кого не нашелъ. Прихожу къ Матюшину, спрашиваю, нѣтъ ли такой-то книжечки.

— «Знаю, говоритъ, я эту книжечку, знаю, но только она очень рѣдко попадается; бывала она у меня разъ-другой, а теперь нѣтъ.

«Такъ я и не нашелъ этой книжечки.

«Проходитъ года два послѣ этого, прохожу по Апраксину, Матюшинъ и зазываетъ: зайдите-ка, говоритъ, господинъ, ко мнѣ, вотъ я сегодня купилъ разныя книженки историческія. Захожу, смотрю, у него лежитъ на прилавкѣ стопка, такъ въ полъ-аршина вышины. Начинаю разбирать. Все такая дребедень неподходящая. Смотрю дальше и вдругъ вижу—эта самая книженка и попадается. Какъ тутъ быть, думаю: если ее одну выбрать, такъ онъ сейчасъ догадается и заломитъ за нее баснословную цѣну. Дай, наберу побольше дряни, можетъ быть, онъ вмѣстѣ-то и не обратитъ на нее вниманія. Ну, и выбралъ я еще нѣсколько штукъ, не помню ужъ именно сколько. Спрашиваю: сколько это стоитъ? Онъ начинаетъ перекидывать, доходитъ до этой книжки, откладываетъ ее въ сторону и говоритъ:

— «Вотъ за эти хоть два рублика, а за эту рубликовъ восемь.

— «Что вы, говорю, развѣ возможно за такую маленькую и пустяшную книженку 8 рублей?

— «Ахъ, не скажите, что пустяшная, у меня тутъ давно какой-то господинъ эту книжечку спрашивалъ, такъ 10 рублей давалъ, только бы достать ее.

«Что тутъ дѣлать? Я—торговаться, да за все-то, кажется, рублей семь и заплатилъ. Такъ вотъ онъ какой былъ Матюшинъ, не могъ запомнить личность, кто у него спрашивалъ книжечку, а все-таки помнилъ, что ее искали»,—пояснилъ писатель.

Впрочемъ, не смотря на то, что Матюшинъ продавалъ свой товаръ дорого, библіофилы охотно его посѣщали, потому что у него дѣйствительно былъ хорошій выборъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а особенно ни у кого нельзя было найти такого выбора

мелкихъ и рѣдкихъ брошюръ, оттисковъ и журнальныхъ статей, какъ у Матюшина. Частенько онъ берегъ и такой товаръ, который, по мнѣнію другихъ книжниковъ, считался прямо бумагою. Однажды за границу искали полныя коллекціи «Русскаго Инвалида» и «Сѣверной Пчелы» и не могли найти этихъ изданій не только у торговцевъ, но и въ редакціяхъ, а у Матюшина онѣ нашлись, и онъ, конечно, взялъ за нихъ столько, сколько хотѣлъ.

Пожаръ уничтожилъ все его собраніе, у него сгорѣли такія книги, какихъ теперь уже и не отыщешь. Послѣ пожара онъ такъ же, какъ и другіе, открылъ торговлю на Семеновскомъ плацу, но, проторговавъ года два, долженъ былъ прекратить ее по случаю болѣзни (его разбилъ параличъ). Устарѣлый, больной и обѣднѣвшій онъ умеръ въ 1869 году. Нѣкоторые изъ старыхъ собирателей книгъ и до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ, какъ о знатокѣ и любителѣ своего дѣла.

Послѣ Матюшина старѣйшимъ изъ книжниковъ Апраксина рынка слѣдуетъ считать Іова Герасимовича Герасимова. Онъ былъ уроженецъ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, деревни Харитонова, и былъ совершенно неграмотный.

Іовъ Герасимовъ родился въ 1796 году и, еще мальчикомъ, по собственнымъ его разсказамъ, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и находился прислугою въ трактирѣ.

Въ 1812 году, когда, по случаю нашествія Наполеона, стали высылать всѣхъ изъ Москвы, хозяинъ его, въ числѣ прочихъ, такъ же отослалъ въ деревню.

— Далъ онъ намъ шестерымъ,—говаривалъ Іовъ Герасимовичъ,— пудъ каленыхъ орѣховъ на дорогу, раздѣлили мы ихъ и пошли домой. Въ деревнѣ меня взяли въ подвозчики, я подвозилъ провіантъ къ войскамъ; а когда кончилась война, поѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь первое время торговалъ сбитнемъ на Сѣнной.

Затѣмъ Іовъ Герасимовъ началъ торговать лубочными картинами, сказками, соломонами и другими мелкими изданіями; а въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія онъ уже является самостоятельнымъ и дѣльнымъ книжникомъ. Такъ, когда послѣ наводненія 7 ноября 1824 года, въ складѣ Синодальной типографіи оказалось громадное количество попорченныхъ водою книгъ, то онъ купилъ ихъ болѣе десяти возовъ за 100 рублей.

— Всѣ книжники,—разсказывалъ онъ,—боялись и подступиться къ этимъ книгамъ, потому что многія изъ нихъ совсѣмъ смокли и слежались, какъ кирпичи, да и не знали, какую цѣну давать за нихъ, вѣдь ихъ тутъ смоченныхъ-то было на нѣсколько тысячъ. Я тогда былъ еще молодой и смѣлый. Вотъ и пошелъ и говорю: я слышалъ, что здѣсь продаются моченыя книги, если угодно, такъ я куплю ихъ.—А сколько ты дашь?—спрашиваютъ.—Да вотъ, го-

ворю, есть у меня 100 рублей, отдамъ послѣдніе, можетъ, я выберу что, а, можетъ, и свои денежки потеряю.—Тамъ подумали, потолковали что-то между собою, да и велѣли забирать. Вотъ я и принялся ихъ возить. Больше десяти возовъ вывезъ. А сколько же мнѣ пришлось и выбросить ихъ и какъ жалко-то было... Посмотришь, бывало, книга хорошая, денегъ стоитъ, а развернуть никакъ нельзя,—вся слѣпилась. Ну, значитъ, и бросай ее. Все-же, слава Богу, я много выручилъ на нихъ, навѣрно не могу сказать сколько, а, должно быть, не одну тысячу выручилъ: съ этой покупки я и жить пошелъ. Вѣдь тогда книги-то цѣнились не понынѣшнему,—добавлялъ онъ.

Іовъ Герасимовичъ любилъ разсказывать о разныхъ своихъ операціяхъ, но чаще всего онъ передавалъ слѣдующій бывшій съ нимъ случай.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ, будучи тогда наслѣдникомъ престола, проходилъ однажды съ своимъ воспитателемъ по Апраксину рынку и, взглянувъ на развѣшанныя картины у ларя Іова Герасимова, пожелалъ пріобрѣсти распространенную тогда лубочную картину: «Какъ мыши кота хоронятъ». Воспитатель наслѣдника приказалъ Іову Герасимову принести эту картину въ назначенный часъ въ Зимній дворецъ.

— Вотъ,—разсказывалъ Герасимовъ,—приходитъ 6 часовъ, надо нести картину, заперъ я свой ларь, завернулъ картину и пошелъ. Иду, а меня такъ и перебиваетъ, страсть боюсь. Ну, думаю, какъ тамъ съ эдакой-то картиной меня арестуютъ. Что тогда будетъ? Пропадешь, не выкарабкаешься. Готовъ былъ назадъ вернуться, да нельзя не принести: все равно разыщутъ. Вотъ подхожу къ подъѣзду, творю молитву; впустили меня. Гляжу, тутъ все генералы, да офицеры, да разные чиновники въ мундирахъ, а у меня и сапоги-то дегтемъ смазаны.

— Что тебѣ нужно?—спрашиваютъ.

— Вотъ, говорю, сегодня изволили проходить у насъ по Апраксину великій князь наслѣдникъ цесаревичъ съ какимъ-то генераломъ, такъ приказали мнѣ принести сюда эту картину.

— Иди, говорятъ, на верхъ.

— Подымаюсь я на верхъ, отдаю картину какому-то во фракѣ съ золотыми галунами и дожидаюсь, что будетъ, а самъ опять творю молитву. Минутъ черезъ десять выходитъ тотъ же господинъ, которому я отдалъ картину, передаетъ мнѣ бѣленькую бумажку (25 рублей) и говоритъ: вотъ тебѣ, мужичекъ, приказали отдать. Иди съ Богомъ.

— Вышелъ я съ крыльца-то на панель и давай на всѣ стороны Богу молиться. Вѣдь картина-то тогда стоила только мѣдный пятакъ ($1^1/_2$ коп.), а я получилъ 25 рублей.

Около сороковыхъ годовъ, у Іова Герасимова было уже нѣсколько книжныхъ лавокъ. Не смотря на свою безграмотность, Герасимовъ обладалъ такою замѣчательною памятью, что, если онъ разъ видѣлъ какую нибудь книгу, то непремѣнно запоминалъ ее такъ хорошо, что зналъ, кто ея авторъ, сколько должно быть томовъ или частей, сколько разъ, гдѣ и въ какихъ годахъ она издавалась. Но особенно онъ былъ большой знатокъ въ старинныхъ книгахъ церковной печати: этотъ товаръ былъ его конькомъ, и онъ скупалъ его почти у всѣхъ другихъ торговцевъ. Онъ лучше другихъ зналъ всѣ старинныя церковныя книги и по печати могъ опредѣлить, изъ какой типографіи вышла та или другая, и при какомъ патріархѣ, царѣ или императорѣ.

Надобно отдать ему справедливость, онъ не замыкалъ въ себѣ это знаніе и охотно дѣлился имъ съ прочими книжниками и другими лицами. Къ нему частенько заходили люди ученые и поучались отъ него церковно-славянской библіографіи. Покойный Н. С. Лѣсковъ мнѣ не разъ говорилъ, что онъ много почерпнулъ знанія въ старинныхъ книгахъ отъ Іова Герасимовича.

Послѣ пожара, Герасимовъ поторговалъ года два на Семеновскомъ плацу, перебрался сначала въ Апраксинъ дворъ, а затѣмъ, въ скоромъ времени, перешелъ въ Александровскій рынокъ, гдѣ до конца своей жизни и торговалъ въ еврейскомъ пассажѣ. Умеръ онъ въ 1884 году въ преклонной старости. Года за два или за три передъ смертію онъ ослѣпъ, но все-таки постоянно цѣлый день просиживалъ за выручкой и самъ наблюдалъ за торговлей, которую вели его внуки.

Василій Васильевичъ Холмушинъ началъ книжную торговлю въ двадцатыхъ годахъ. Первое время онъ торговалъ на развалкѣ, раскладывая свой товаръ на рогожкѣ, а съ 1830 года перевелъ торговлю въ постоянное помѣщеніе. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ имѣлъ въ Михайловскомъ проѣздѣ, противъ книжной линіи, довольно большую лавку, въ которой занимался торговлею, преимущественно, народнымъ товаромъ. Онъ торговалъ синодальными изданіями, житіями святыхъ и другими духовными книгами; затѣмъ—оракулами, письмовниками, пѣсенниками, московскими романами, каковы, напримѣръ, «Битва русскихъ съ кабардинцами», «Кіевская вѣдьма, или страшныя ночи за Днѣпромъ» и т. п., повѣстями въ родѣ «Гуака» и «Англійскаго милорда», сказками и картинами лубочныхъ изданій. У него очень много было собственныхъ изданій, но почти всѣ они были народныя и преимущественно мелкія. Его покупателями въ большинствѣ были торговцы на ларяхъ и на столикахъ, каковыхъ было нѣсколько на Сѣнной площади, по Невскому проспекту и въ другихъ улицахъ—разносчики по Петербургу, а также провинціальные торговцы и офени.

Кромѣ Петербурга, Холмушинъ ѣздилъ самъ и посылалъ своихъ приказчиковъ торговать также и по ярмаркамъ—въ Нижній Новгородъ, въ Ирбить, въ Ярославль, въ Кострому, въ Ростовъ Ярославскій, въ Рыбинскъ и другіе города. Онъ велъ большое дѣло съ Москвою, покупалъ и вымѣнивалъ тамъ разныя книги на свои изданія.

Изъ его учениковъ и приказчиковъ вышли также очень дѣловитые торговцы, каковы, напримѣръ, Д. Ѳ. Ѳедоровъ, И. А. Архиповъ, Ив. Семеновъ и др.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, чувствуя себя уже устарѣлымъ и, вѣроятно, потрясенный громаднымъ убыткомъ, причиненнымъ ему пожаромъ, Василій Васильевичъ передалъ хозяйство сыну Александру Васильевичу; послѣдній сталъ уже менѣе обращать вниманія на народный мелкій товаръ, а старался расширить торговлю болѣе крупными и цѣнными книгами, но это у нихъ не привилось, и дѣла ихъ стали ухудшаться.

Въ 1872 году умеръ Александръ Васильевичъ, а въ 1874 г.—и Василій Васильевичъ, По смерти В. В. наслѣдники выбрались изъ большой лавки, находившейся въ каменномъ корпусѣ, въ такъ называемой инструментальной линіи, и перевели торговлю въ металлическій корпусъ, въ книжную линію. Но внукъ В. В., Александръ Александровичъ, и тутъ почему-то не могъ продолжать торговлю и прикончилъ ее совсѣмъ. Только впослѣдствіи, получивъ въ наслѣдство послѣ своего родственника, Василья Гавриловича Шатаева, довольно богатую лавку съ товаромъ, онъ опять принялся за торговлю и опять занялся производствомъ мелкихъ народныхъ книжекъ и картинъ.

Дмитрій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, дальній родственникъ Холмушина, сначала жилъ у него въ мальчикахъ 6 лѣтъ, а затѣмъ былъ приказчикомъ на отчетѣ у Іова Герасимова. Прослуживъ 2 года у Герасимова, онъ по предложенію своего хозяина взялъ совсѣмъ за себя лавку, въ которой торговалъ. Но Ѳедоровъ не преслѣдовалъ той торговли, которой держался его учитель Холмушинъ, также мало обращалъ вниманія и на церковныя книги, которыя такъ любилъ І. Герасимовъ: онъ любилъ поторговать тѣми книгами, которыя читались болѣе образованною публикою. Онъ до нѣкоторой степени старался быть послѣдователемъ Александра Филипповича Смирдина, но только съ тою разницею, что послѣдній предпочиталъ почти исключительно такъ называемую изящную литературу и предпринималъ изданія не съ одною цѣлью получить барыши, а хлопоталъ, болѣе всего, о распространеніи этой литературы; а Дмитрій Ѳедоровичъ придерживался учебнаго товара и книгъ по разнымъ отрослямъ знанія и велъ торговлю болѣе спекулятивно.

Конечно, онъ не отказывался отъ книгъ и беллетристическаго со-

держанія, но изъ нихъ очень охотно пріобрѣталъ только выдающіяся сочиненія извѣстныхъ авторовъ, именно тѣ сочиненія, которыя цѣнились, какъ распроданныя, или на которыя былъ большой спросъ. Съ этою цѣлью онъ такъ же, какъ и Матюшинъ, ежедневно обходилъ всѣхъ мелкихъ торговцевъ Апраксина рынка, а впослѣдствіи нерѣдко навѣщалъ и букинистовъ, торговавшихъ по Невскому и въ другихъ мѣстахъ, и скупалъ у нихъ хорошія и цѣнныя изданія. Но зато онъ и поберегалъ рѣдкія книги, держался цѣны на нихъ крѣпко: иныя стояли у него десятки лѣтъ, а онъ все не спускалъ цѣны. Такъ, напримѣръ, одинъ разъ онъ у букиниста Ивана Семенова вымѣнялъ «Требникъ» Петра Могилы на цѣлый возъ разныхъ книгъ и журналовъ, добавилъ къ этому товару 80 рублей деньгами, а самъ назначилъ за него 500 рублей. Эта рѣдкость стояла у него годовъ пятнадцать, и только въ 1875 году онъ продалъ «Требникъ» за 350 рублей.

Но главное, что ему составило капиталъ, это собственныя изданія. Имъ издано въ теченіе своей жизни болѣе 150 сочиненій, и въ числѣ ихъ есть очень хорошія, напримѣръ, «Жизнь птицъ» А. Брема, «Чудеса древней страны пирамидъ» К. Оппеля, «Крошка Доррить» Ч. Диккенса, сочиненія Мятлева и другія. На изданія у Дмитрія Ѳедорова было какое-то особое чутье; онъ въ большинствѣ случаевъ угадывалъ, пойдетъ или нѣтъ книга, вслѣдствіе чего, при выборѣ изданія, не задавался какою либо спеціальностію, а также не заботился и о полезности книги; но охотно издавалъ все, что, по его мнѣнію, могло имѣть сбытъ, хотя бы это отзывалось и шарлатанствомъ. Но самымъ выгоднымъ изданіемъ для него была «Библейская исторія» Базарова: она выдержала до 30 изданій и разошлась въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Съ мелкою сошкою изъ книжниковъ, особенно съ молодыми, Дмитрій Ѳедоровъ не очень былъ сообщителенъ, но зато со всѣми былъ поклончивъ и привѣтливъ; съ старыми же торговцами онъ былъ, какъ товарищъ, и многіе изъ нихъ, считая его за опытнаго торговца и издателя, нерѣдко обращались къ нему за совѣтомъ при какомъ нибудь предпріятіи. Кромѣ того, онъ былъ на пріятельской ногѣ съ многими учеными и литераторами: послѣдніе очень часто заходили къ нему и бесѣдовали по нѣсколько часовъ въ его лавкѣ.

Пожаръ въ 1862 году принесъ ему большіе убытки, но у него была еще кладовая на Банковской линіи, въ которой находилась масса товару, вслѣдствіе чего онъ послѣ пожара скоро оправился и заторговалъ лучше прежняго.

Проторговавъ года два на Семеновскомъ плацу, который послѣ пожара временно былъ отведенъ апраксинцамъ для торговли, Дм. Ѳедоровъ опять перебрался въ Апраксинъ рынокъ, сначала въ желѣзный корпусъ, въ книжную линію, а затѣмъ уже въ инструмен-

тальной линіи въ каменномъ корпусѣ открылъ большой магазинъ. Но тутъ не особенно долго дѣла его были блестящи; года черезъ три, четыре они стали упадать. Это произошло вслѣдствіе смерти московскаго книгопродавца-издателя Салаева, всѣ изданія котораго въ Петербургѣ находились на складѣ у Θедорова, и наоборотъ, Салаевъ въ Москвѣ также былъ единственнымъ производителемъ изданій Θедорова.

Въ половинѣ 70-хъ годовъ Дм. Θедоровъ началъ серьезно похварывать: приходилось передать дѣло сыну; но все же слѣдуетъ сказать, что онъ до самой смерти, которая послѣдовала въ 1880 году, наблюдалъ за торговлею и предпринималъ кое-какія изданія.

Послѣ смерти Дмитрій Θедоровъ оставилъ наслѣдникамъ значительный капиталъ и болѣе чѣмъ на сто тысячъ рублей книжнаго товара. Сынъ его, Дм. Дм., выдавъ прочимъ наслѣдникамъ деньги за ихъ части, сдѣлался полнымъ хозяиномъ отцовой фирмы; но онъ не сумѣлъ вести дѣло, или, вѣрнѣе сказать, взялся не за свое дѣло и не по средствамъ. Оно увлекся изданіемъ нотъ и, кромѣ того, предпринялъ два періодическихъ изданія: «Посредникъ печатнаго дѣла» и иллюстрированный журналъ «Наше время», которые втянули его въ долги и быстро разстроили дѣла.

Теперь эта крупная, въ свое время, фирма окончательно рушилась. Большую часть товара съ правами на изданія (на 12 тысячъ рублей) пріобрѣлъ Губинскій; остальное также все перепродано разнымъ торговцамъ.

Кромѣ этихъ четырехъ книгопродавцевъ, знаніемъ и умѣніемъ вести книжное дѣло, въ то время, выдѣлялись также братья Вагановы и Ив. Ив. Ильинъ.

Старшаго Ваганова, Ивана Андреевича, я не зналъ, онъ умеръ въ 1850 году; но братъ его Осипъ Андреевичъ былъ дѣльный торговецъ; онъ очень хорошо зналъ, какъ русскія, такъ и иностранныя книги, и отличался особенною энергіею къ стяжательности. Это былъ человѣкъ такъ называемый—загребистая лапа; онъ не любилъ подѣлиться съ товарищемъ барышемъ, и если ему приходилось сдѣлать какое дѣло съ кѣмъ либо изъ своихъ собратій, то непремѣнно старался забрать себѣ львиную долю, особенно тогда, когда компаніонъ былъ слабѣе его по средствамъ.

Напротивъ, Семенъ Васильевичъ Вагановъ, хотя былъ также человѣкъ довольно свѣдущій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ достаточно начитанный, былъ противоположнаго характера — мягкій, уступчивый и доброжелательный, онъ всегда старался помочь другому дѣломъ и совѣтомъ.

Покойный Е. Ив. Екшурскій частенько вспоминалъ о слѣдующемъ случаѣ, характеризующемъ его доброжелательность.

— Я,—разсказывалъ Екшурскій,—открылъ уже лавку (раньше

Екшурскій былъ букинистомъ-мѣшечникомъ, и объ немъ я скажу ниже), повадился съ одной компаніей погуливать; какъ бывало наступаетъ вечеръ, такъ мы и заберемся въ трактиръ Стамбулъ у Пяти Угловъ, и пойдетъ у насъ попойка. Вотъ однажды сидимъ мы тутъ у окошка,—пируемъ; на столѣ у насъ бутылочки, рюмочки, закуска и все такое. Сидимъ, попиваемъ. Случайно, мимо этого окна, проходитъ Семенъ Васильевичъ и увидалъ меня. Я, конечно, его не замѣтилъ, а онъ остановился, посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ, съ кѣмъ сижу и что у насъ на столѣ. На утро выхожу я въ лавку и, немного погодя, вижу—подходитъ ко мнѣ Семенъ Васильевичъ.

— Пойдемъ, говоритъ, Елеся, чай пить. (Екшурскаго до старости въ глаза и за глаза товарищи-книжники называли Елеся).

Мы пошли; привелъ онъ меня въ отдѣльный кабинетецъ; подали чаю; налили по чашкѣ и выпили. Потомъ онъ и спрашиваетъ меня:

— А что, Елеся, ты когда нибудь читалъ псалтирь?

— Читалъ, говорю, хоть не всю, а читалъ; вѣдь я торгую же псалтирями.

— А, ну-ка, скажи мнѣ, какъ начинается первый псаломъ.

— Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ... началъ я.

— Довольно,—говоритъ Семенъ Васильевичъ,—я только къ тому тебя спросилъ, что я знаю, что ты читалъ это, можетъ быть, сотни разъ, а слова царя пророка послушать не хочешь. Ты вчера вечеромъ гдѣ былъ? Съ кѣмъ сидѣлъ, угощался? Вѣдь это все матушкины сынки да приказчики. Вѣдь у нихъ у всѣхъ деньги-то краденыя: у однихъ изъ отцовской выручки, а у другихъ изъ хозяйской. А ты самъ хозяинъ, самъ работаешь, самъ и деньгу наживаешь. Такъ слѣдъ ли тебѣ связываться съ такой компаніей? Тебя теперь зовутъ Елеся, будутъ величать и Елисѣй Ивановичъ, а повадишься съ этими людьми, такъ достукаешься до того, что будутъ звать Елеськой.

— И вотъ,—продолжалъ Екшурскій,—до того онъ меня усовѣстилъ, что я по вечерамъ съ полгода не ходилъ мимо этого трактира. Нужно идти на квартиру по Чернышеву переулку, а я обходилъ на Семеновскій мостъ, да по Лештукову переулку и выбирался на Загородный.

Къ Семену Васильевичу многіе изъ людей ученыхъ и сочинителей того времени относились съ уваженіемъ, но особенно благоволилъ къ нему бывшій въ то время министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ. Семенъ Васильевичъ былъ у него свой человѣкъ и въ кабинетъ къ нему ходилъ безъ доклада. Про него говорили, что если бы онъ хотѣлъ провести какой нибудь учебникъ или пособіе обязательнымъ въ школы, то это могъ бы сдѣлать

очень легко черезъ Норова, но онъ никогда не добивался такихъ привилегій.

Семенъ Васильевичъ торговалъ русскими и иностранными книгами и болѣе всего любилъ духовную литературу и журналы, и скупалъ этотъ товаръ въ остаткахъ изданій большими партіями. А. А. Краевскій и Н. А. Некрасовъ всегда предпочитали его другимъ книгопродавцамъ, и остатки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» по истеченіи года поступали въ его лавку. Изъ этихъ журналовъ онъ иногда выдѣлялъ лучшія статьи и приложенія, отдавалъ брошюровать, припечатывалъ къ нимъ титулы и обложку и продавалъ за отдѣльныя изданія.

Иванъ Ивановичъ Ильинъ былъ природный книжникъ и хорошо знающій свое дѣло. Его отецъ, обучавшійся книжному дѣлу у Глазунова, впослѣдстіи былъ самостоятельнымъ и довольно виднымъ книгопродавцемъ; но подконецъ онъ разстроилъ свои дѣла, и Ивану Ив. пришлось жить въ услуженіи у Печаткина, а затѣмъ уже онъ открылъ свою лавку въ Апраксиномъ рынкѣ.

Ив. Ив. въ своей торговлѣ не придерживался никакой спеціальности: торговалъ онъ русскимъ и иностраннымъ товаромъ и при покупкѣ его не отказывался ни отъ чего. Покупалъ онъ и беллетристику, и духовныя книги, и по разнымъ отраслямъ наукъ, и всевозможные спеціальные и неспеціальные журналы и остатки какихъ бы то ни было изданій. Конечно, мелкія покупки онъ производилъ одинъ, а крупныя, особенно остатки большихъ и цѣнныхъ изданій, приходилось дѣлать въ компаніи съ другими книжниками.

Пожаръ и у него, какъ и у другихъ, уничтожилъ весь товаръ, но у него была еще кладовая въ Гостиномъ дворѣ, въ которой находилось также много товара, и съ этимъ-то товаромъ онъ возобновилъ торговлю сначала на Семеновскомъ плацу, а года черезъ два перебрался опять въ Апраксинъ, гдѣ открылъ уже двѣ лавки; но въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ вторую лавку передалъ своему приказчику П. А. Истомину, который впослѣдствіи перевелъ ее на Садовую улицу въ домъ Пажескаго корпуса, гдѣ и до сихъ поръ торгуютъ его наслѣдники. Ильинъ, оставшись въ одной лавкѣ, производилъ торговлю исключительно самъ, хотя при лавкѣ и находился у него помощникомъ его шуринъ, но такъ какъ тотъ не былъ настоящимъ книжникомъ, то и не могъ ни купить ни продать ничего самостоятельно. Ильинъ былъ человѣкъ честный и справедливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый, и прочіе книжники вели съ нимъ дѣла не особенно охотно. Онъ былъ какой-то ноющій, постоянно жалующійся на настоящее время, и при покупкѣ и продажѣ крайне неподатливый. Бывало, торговцу-книжнику потребуется какая нибудь книга, то хотя онъ и зналъ, что непремѣнно найдетъ

ее у Ивана Ивановича, но прежде обойдетъ десятокъ другихъ книжниковъ и потомъ уже идетъ къ нему. Для примѣра приведу слѣдующій случай: одинъ разъ мнѣ потребовался «Дневникъ Бергхольца». Обойдя Александровскій рынокъ и Апраксинъ и не найдя этой книги, я зашелъ къ Ильину.

— Есть у васъ, Иванъ Ивановичъ, «Дневникъ Бергхольца»?

— Есть-то есть. Да ты, братъ, сколько дашь? — говоритъ онъ, какъ будто нехотя, растягивая слова.

— А сколько же вы возьмете?

— Да я вѣдь меньше тринадцати рублей не возьму. Вѣдь у меня экземпляръ-то хорошій.

— А покажите-ка вашъ экземпляръ.

— Да что тебѣ казать-то, вѣдь не купишь. Только книгу ломать надо. Ну, на, посмотри, пожалуй. Да все равно не купишь,—приговаривалъ онъ, доставая книгу съ полки. Экземпляръ былъ хотя и подержанный, но довольно чистый.

— Возьмите десять рублей, цѣна хорошая.

— Нѣтъ, братъ, меньше тринадцати не возьму, — и поставилъ опять книгу на полку.

— Ну, наконецъ, я вамъ дамъ одиннадцать рублей, мнѣ не хочется ходить, а то вѣдь найду и дешевле.

— Иди, пожалуй, а я меньше не возьму.

Дѣйствительно, я ушелъ, не купивъ книги, и на Литейной пріобрѣлъ за девять рублей тоже хорошій экземпляръ.

При всей честности и правдивости Ильина въ покупкѣ и продажѣ онъ былъ очень прижимистъ. Разъ Иванъ Семеновъ продалъ ему какое-то крупное изданіе безъ одного тома,—продалъ, конечно, за дешевую цѣну, но потомъ ему пришлось отыскать и недостающій томъ. Вотъ онъ и приноситъ его къ Ивану Ивановичу и говоритъ:

— Я тебѣ продалъ тогда изданіе, но безъ тома, а теперь вотъ нашелъ и этотъ томъ, давай полтора цѣлковыхъ, такъ у тебя полное будетъ.

— Что ты, братъ,—говоритъ Иванъ Ивановичъ,—вѣдь я у тебя тѣ-то томы купилъ по четвертаку, такъ ты и за этотъ возьми съ меня четвертакъ, тебѣ вѣдь все равно, одинъ-то томъ бросить надо въ бумагу.

— Я не въ бумагу его брошу, а разорву. Даешь полтора рубля?

— Нѣтъ, не дамъ.

— Даешь?—тебѣ говорятъ, а то сейчасъ разорву,—и начинаетъ перегибать переплетъ.

— Да ты постой, постой, ну, возьми полтинникъ.

— Нѣтъ,—настаивалъ Иванъ Семеновъ, держа въ обѣихъ рукахъ вывороченную изъ корешка книгу,—полтора рубля, меньше не возьму. Дашь или нѣтъ?

— Нѣтъ, больше полтинника не дамъ,—твердитъ Ильинъ.

Тогда Иванъ Семеновъ сразу разрываетъ книгу.

— Ай! не рви, не рви!—спохватывается Ильинъ.—На, получи деньги.

— Нѣтъ, ужъ теперь поздно,—говоритъ Семеновъ и разрываетъ книгу на мелкія части.

Впрочемъ, такой казусъ не испортилъ ихъ отношеній; имъ приходилось много разъ и послѣ этого совершать многія сдѣлки.

Иванъ Ивановичъ, въ свое время, нажилъ хорошій капиталъ, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ бездѣтный, то послѣдніе годы своей жизни не особенно интересовался торговлею, а велъ ее только ради того, чтобы не скучать безъ дѣла.

Чтобы покончить съ апраксинскими книгопродавцами стараго времени, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о Васильѣ Гавриловичѣ Шатаевѣ и Елисѣѣ Ивановичѣ Екшурскомъ.

Василій Гавриловичъ Шатаевъ въ молодыхъ годахъ торговалъ посудою, почему его въ насмѣшку другіе книжники и называли горшечникомъ, но родственникъ его, В. В. Холмушинъ, самъ быстро расторговавшись и наживъ капиталъ отъ книжнаго дѣла, присовѣтовалъ и ему заняться этой торговлей. Кромѣ того, Холмушинъ, какъ опытный торговецъ, передавалъ ему свои знанія въ этой торговлѣ, а также оказывалъ матеріальную поддержку. Василій Гавриловичъ до самой смерти цѣнилъ эту поддержку Холмушина и всегда относился къ нему съ самымъ искреннимъ уваженіемъ. Не имѣя большого знанія въ книжномъ дѣлѣ, онъ все-таки велъ его очень успѣшно. Василій Гавриловичъ былъ вполнѣ человѣкъ русскаго пошиба—съ русскою вѣрою, честностью и добротою; будучи самъ безукоризненно трезвый, аккуратный, разсчетливый и набожный, онъ былъ совершенно лишенъ ханжества и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда благодушно относился къ слабостямъ другихъ: я съ нимъ былъ хорошо знакомъ и никогда не слыхалъ, чтобы онъ кого либо осуждалъ за безпорядочную жизнь.

Шатаевъ торговалъ исключительно русскими книгами и преимущественно духовными; но все-таки онъ держалъ въ своей лавкѣ и беллетристику и учебники. У него было нѣсколько сотенъ и собственныхъ изданій, какъ-то, житій святыхъ, сказокъ, пѣсенниковъ и разныхъ мелкихъ разсказовъ. Рукописи у разныхъ безъизвѣстныхъ авторовъ онъ покупалъ безъ разбору, не только не вникая въ смыслъ написаннаго, но и не читая, лишь было бы подходящее заглавіе. Свои изданія онъ часто украшалъ въ текстѣ и на обложкахъ оригинальными рисунками, которые ему дѣлалъ какой-то придворный кучеръ; и нерѣдко одни и тѣ же рисунки печатались въ разныхъ книжкахъ.

Въ прежнее время интеллигентные литераторы не писали книжекъ для народа [1]), а этимъ занимались преимущественно такіе авторы, какъ Несторъ Око, П. Татариновъ, Сусловъ, Воликитинъ и т. п., и писались эти книжки не ради преслѣдованія какой либо идеи, а исключительно ради хлѣба. Бывало, принесетъ какой нибудь писака Шатаеву рукопись.

— Купите, говоритъ, Василій Гавриловичъ, у меня разсказъ.

— Какой же это, баринъ, у тебя разсказъ — большой или маленькій? (Шатаевъ не стѣснялся съ такими писателями и въ большинствѣ говорилъ имъ *ты*, но это выходило у него такъ просто и добродушно, что нельзя было обижаться).

— Да порядочный, вотъ посмотрите,—и подаетъ ему рукопись.

Взявъ въ руки рукопись, Шатаевъ начинаетъ разбирать заглавіе.

— Это какъ у тебя: «Степанъ Ко-р-шу-нъ, или Ст-ра-ш-ный Воръ и Про-й-до-ха». (Слѣдуетъ замѣтить, что Шатаевъ былъ совсѣмъ малограмотный и чужое писанье разбиралъ очень медленно). Затѣмъ разворачиваетъ рукопись и главное соображаетъ, каковъ ея объемъ, а послѣ спрашиваетъ:

— Про кого же ты тутъ пишешь?

— А вотъ... и тутъ авторъ начинаетъ объяснять происхожденіе своего героя и разныя изумительныя его похожденія, мѣстами вычитывая ихъ изъ рукописи.

— Да ужъ не знаю, баринъ, брать или нѣтъ, — снимая шляпу и почесывая въ головѣ, говоритъ Василій Гавриловичъ, — у меня тутъ въ ящикѣ сотни полторы валяется этихъ рукописей, давно бы надо которыя напечатать, да все никакъ не соберусь, времени нѣтъ.

— Да купите, Василій Гавриловичъ, какъ нибудь соберетесь, напечатаете,—умоляетъ авторъ,—мой разсказъ пойдетъ, а я недорого съ васъ возьму.

— Да знаю, что недорого,—за что тутъ дорого давать? много ли тутъ писанья-то? Да, право, будетъ лежать: когда его соберешься печатать?

— Да вы напечатайте поскорѣе, увѣряю васъ, что эта штучка пойдетъ.

— Да пойти-то пойдетъ, у меня, слава Богу, что ни напечатаю, все идетъ, все тащатъ понемногу. Ну, а сколько же тебѣ за это?

— Да рубликовъ двадцать положите, Василій Гавриловичъ.

— Двадцать, что ты? Вѣдь это писалъ не Пушкинъ или Крыловъ, а ты.

---

[1]) Ради идеи въ 1864 году первую книжку для Апраксина двора написалъ гимназистъ А. И. К. «Разсказъ извозчика», а въ 1866 году «Мертвецъ и пьяница», которыя разошлись въ 200,000 экземпляровъ и идутъ еще и теперь безостановочно. Эти свѣдѣнія получены нами отъ самого автора упомянутыхъ книжекъ.

— Такъ сколько же вы дадите?

— Да рублей бы пять, шесть я, пожалуй бы, и далъ.

— Да что вы, Василій Гавриловичъ, вѣдь эдакъ на хлѣбъ не заработаешь, а у меня жена да двое ребятишекъ.

— Ну, Господь съ тобой, на ребятишекъ-то я прибавлю. Такъ и быть, ужъ дамъ тебѣ красненькую, пиши вотъ росписку, что продалъ свой разсказъ въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Авторъ, довольный, пишетъ росписку и получаетъ красненькую, а Шатаевъ говоритъ:

— Ну, баринъ, теперь пойдемъ въ трактиръ, чайкомъ попою.

Золоторотцы частенько, пропившись, заходили къ Шатаеву съ просьбою дать имъ книженокъ на поправку, и онъ почти никогда не отказывалъ, а наберетъ какого нибудь хламу копеекъ на 20 и дастъ.

— На,—говоритъ Василій Гавриловичъ,—поправляйся, но не пропивай же хоть это, а то я больше не дамъ.

Своею трезвою и аккуратною жизнью онъ скопилъ подъ старость порядочный капиталъ, а такъ какъ у него не было прямыхъ наслѣдниковъ, то отказалъ его на богоугодныя дѣла, преимущественно на монастыри и церкви, а лавку со всѣмъ находившимся въ ней товаромъ, въ знакъ признательности къ своему родственнику и учителю Холмушину, завѣщалъ его внуку Александру Александровичу, который и теперь продолжаетъ его дѣло.

Елисѣй Ивановичъ Екшурскій, какъ я уже упоминалъ, раньше былъ букинистомъ-мѣшечникомъ. Смѣтливый и достаточно развитый человѣкъ, онъ во время своей молодости хотя также не прочь былъ погулять съ компаніей товарищей, но все же велъ себя сдержанно и прилично. Когда онъ ходилъ торговать еще съ мѣшками, то и тогда имѣлъ уже небольшой достатокъ и пользовался довѣріемъ состоятельныхъ книжниковъ. Нерѣдко многіе изъ букинистовъ, получивъ какой нибудь порядочный заказъ и не имѣя ни средствъ купить требуемое, ни довѣрія, принуждены были обращаться къ Екшурскому и брать его въ долю для выполненія заказа. Когда же у нихъ встрѣчались покупки, то они изъ-за денегъ также приглашали его въ компанію. Въ началѣ 1860-хъ годовъ Екшурскій открылъ въ Апраксиномъ рынкѣ небольшую лавку. Въ первое время онъ торговалъ чѣмъ придется; а затѣмъ познакомился съ московскими издателями народныхъ книгъ, началъ выписывать отъ нихъ разную мелочь и продавать торговцамъ, преимущественно разносчикамъ, ходившимъ по трактирамъ, портернымъ и т. п. заведеніямъ, и торговцамъ на ларяхъ. Вскорѣ онъ сдѣлался и самъ издателемъ разной мелочи. Ставъ на пріятельскую ногу съ нѣкоторыми писателями мелкой прессы, онъ давалъ имъ порученія составлять пѣсенники, сонники, разныя гадальныя книжки и мелкія повѣсти

и разсказы, съ интересными заглавіями. Но болѣе всего принесли ему пользы самоучители французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, составленные Фурманомъ, а также толковые молитвенники.

Елисѣй Ивановичъ былъ человѣкъ ходовой и для того, чтобы заручиться покупателями, не скупился на угощенія. Каждое утро онъ собиралъ партію мальчишекъ спичешниковъ, которые въ то время торговали и книжками, и водилъ ихъ въ трактиръ поить чаемъ; для этихъ его покупателей въ трактирѣ была особая комната, называвшаяся «Кавказомъ». Покупателей же, которые были посостоятельнѣе и покупали сразу на нѣсколько рублей, онъ водилъ въ чистое зало и тутъ вмѣстѣ съ чаемъ дѣлалъ и другое угощеніе. По вечерамъ иногда онъ обходилъ старыхъ своихъ пріятелей-букинистовъ, которые въ то время расплодились на всѣхъ мостахъ и у скверовъ главныхъ улицъ, и собиралъ ихъ въ знаменитый тогда трактиръ Михайловскій: здѣсь для этихъ покупателей онъ раскошеливался уже на десятки рублей. Всѣми этими угощеніями онъ, такъ сказать, закрѣпощалъ своихъ покупателей.

Шестидесятые года, изобиловавшіе разными реформами и полною свободою, были самыми блестящими для книжной торговли; въ тѣ годы книжная торговля, ничѣмъ еще не стѣсняемая, доставляла большую пользу ея производителямъ, почему многіе изъ мелкихъ книжниковъ и нажили капиталы. Это главнымъ образомъ происходило отъ того, что спросъ на книги во всѣхъ классахъ общества развивался, а книгопродавцевъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, сравнительно съ настоящимъ временемъ, было менѣе, чѣмъ на половину; да притомъ же и не было такой массы періодическихъ изданій, которыми теперь, въ большинствѣ, удовлетворяется публика, а книжная торговля тормозится.

Екшурскій въ то время торговалъ такъ хорошо, что до конца своей жизни вспоминалъ объ этомъ.

— Эхъ,—говорилъ онъ,—какъ мы прежде торговали! Бывало, лѣтомъ раньше 7 часовъ утра выходишь въ лавку, а ужъ тутъ тебя дожидается партія золоторотцевъ да спичечниковъ; поторгуешь часовъ до 9, глядишь въ выручкѣ-то и скопилось рублей 70; а вѣдь покупателей-то на рубли мало было,—больше все на копейки. Полная лавка наберется разной шишгали съ утра-то, только успѣвай повертываться—и достать книжку надо, и сосчитать, кто на сколько взялъ, и деньги получить, да надо и посматривать въ оба, чтобы другой съ полки-то за пазуху чего не пихнулъ.

Такіе успѣхи по торговлѣ развили въ немъ до нѣкоторой степени жадность къ наживѣ и скупость; положимъ, что онъ не отказывалъ иногда своимъ покупателямъ золоторотцамъ давать пятачки на хлѣбъ или на похмелье, но болѣе этой суммы на истинную нужду трудно было у него выпросить. Характерною чертою его слѣдуетъ считать и то, что, приходя къ какому нибудь прія-

телю въ лавку или встрѣчаясь съ нимъ у себя, онъ никогда не освѣдомлялся ни о здоровьи, ни о чемъ другомъ, и первый вопросъ его былъ постоянно таковъ: ну, какъ наживаешь деньги? продалъ ли сегодня хотя рублей на полтораста?—И если кто говорилъ, что плохо, то и онъ начиналъ жаловаться, что въ данное время тоже плохо наживаетъ. Но все-таки, если было у него время, онъ велъ пріятеля въ трактиръ и тамъ заводилъ рѣчь о прежнихъ золотыхъ дняхъ.

Черезъ излишнюю стяжательность и скупость Екшурскій погубилъ самъ себя: въ 1890 году онъ былъ убитъ своимъ сыномъ, которому отказалъ въ сравнительно небольшихъ средствахъ для открытія своей торговли. Но я не буду описывать этого процесса, потому что объ немъ въ свое время много было уже писано во всѣхъ газетахъ.

Это былъ послѣдній изъ книгопродавцевъ Апраксина рынка, начавшій свою торговлю въ допожарное время. На немъ я и покончу.

Теперь въ Апраксиномъ рынкѣ, исключая Холмушина, о которомъ было уже сказано, находятся только два книгопродавца: Т. Ѳ. Кузинъ и А. Ѳ. Нарышкинъ, получившій лавку по наслѣдству отъ своего дяди Игнатія Архипова[1]). Первый изъ нихъ такъ же, какъ и Холмушинъ, занимается торговлею исключительно народными книгами и картинами, а у Нарышкина, хотя и имѣется большой выборъ книгъ новыхъ и подержанныхъ по всѣмъ отдѣламъ для частныхъ покупателей, но болѣе всего онъ занимается комиссіею для иногородныхъ книгопродавцевъ, и ведетъ это дѣло довольно аккуратно и честно.

Впрочемъ, въ корпусѣ, выходящемъ на Фонтанку и принадлежащемъ также къ Апраксину рынку, находится и еще книготорговля В. И. Губинскаго, но это скорѣе книжный складъ, преимущественно собственныхъ изданій. Однако о торговцахъ настоящаго времени я теперь не намѣренъ писать, а опишу, какъ сумѣю, букинистовъ-мѣшечниковъ.

Н. Свѣшниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Я не считаю книгопродавцами Максима Алексѣева и двухъ Михайловыхъ, у которыхъ торговля ведется преимущественно бумагою, а книги являются, какъ случайный товаръ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Ъ 1861—1862 гг. относится одна непріятная исторія, случившаяся съ Тургеневымъ по поводу изданія собранія его сочиненій Основскимъ. Кромѣ помѣщаемыхъ ниже матеріаловъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой исторіи можно найти у Анненкова («Шесть лѣтъ переписки съ Тургеневымъ», «Вѣстникъ Европы», 1885 г., № 4, стр. 481—486) и отчасти у И. Иванова («Біографія И. С. Тургенева», стр. 139).

За банкротство Основскаго Тургеневу пришлось поплатиться не одной только потерей крупной денежной суммы и испорченнымъ изданіемъ.

Противъ Основскаго вооружились многіе, поплатившіеся, подобно Тургеневу, за излишнюю довѣренность къ этому неудачному издателю. Но «какъ удивлялись пріятели Тургенева»,—говоритъ Анненковъ («Вѣстникъ Европы», № 4, стр. 484),—«разсчитывавшіе на его поддержку въ ихъ расчетахъ съ Основскимъ, когда получили отъ него формальный отказъ участвовать въ какихъ либо заявленіяхъ и протестахъ противъ издателя, нанесшаго такой ущербъ ему и погубившаго цѣлое предпріятіе [1]). Въ числѣ негодующихъ находился одинъ изъ заимодавцевъ Основскаго и горячій энтузіастъ самаго Тургенева, котораго онъ называлъ основателемъ русскаго женскаго

---

[1]) Дѣло здѣсь, кажется, идетъ о томъ, что, благодаря Основскому, изданіе журнала «Московское Обозрѣніе», отъ котораго имѣли основаніе ожидать много хорошаго, было поставлено въ затруднительное положеніе и потомъ должно было прекратиться.

Олимпа, населеннаго богинями непогрѣшимой нравственной чистоты и прямой, неуклонной воли,—именно извѣстный, умный, даровитый писатель П. В. Павловъ. Павловъ разорвалъ дружелюбныя сношенія съ Тургеневымъ, не понимая, какъ можно потворствовать явному нарушенію своихъ обязанностей и покрывать ихъ молчаніемъ и своимъ именемъ». Эта исторія съ Основскимъ имѣла еще свое продолженіе, о которомъ, насколько намъ извѣстно, не упоминали біографы Тургенева.

Въ 1862 г. въ издававшейся на русскомъ языкѣ въ Лейпцигѣ извѣстнымъ княземъ П. В. Долгорукимъ газетѣ «Правдивый» (въ № 2, отъ 18 апрѣля) появилось напечатанное крупнымъ шрифтомъ на видномъ мѣстѣ редакціонное заявленіе подъ заглавіемъ: «Воровство». Вотъ текстъ этого заявленія:

«Издатель полнаго собранія сочиненій Ивана Сергѣевича Тургенева, Основскій, обокралъ нашего знаменитаго писателя на двѣ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ. Предаемъ гласности этотъ поступокъ: пусть общественное мнѣніе заклеймитъ позоромъ вора—Основскаго»...

Нечего и говорить, что это «заявленіе» было сдѣлано помимо воли И. С. Тургенева и даже безъ его вѣдома самимъ княземъ Долгорукимъ, съ которымъ въ то время Тургеневъ былъ знакомъ, встрѣчался, но близокъ не былъ, и вообще относился къ нему нѣсколько отрицательно, а впослѣдствіи совершенно разошелся съ нимъ, что можно видѣть, съ одной стороны, изъ его извѣстнаго безпощадно-рѣзкаго письма (въ 1868 г.) о князѣ Долгорукомъ [1]), а, съ другой—изъ не менѣе рѣзкой страницы въ книгѣ Долгорукаго «Memoires» (I т., 1867 г.) о Тургеневѣ, послужившей послѣднему поводомъ для упомянутаго письма о Долгорукомъ. Эта ссора двухъ русскихъ писателей была осложнена разнаго рода политическими фактами, при чемъ, если поводъ для этой непріятной пикировки въ литературѣ былъ поданъ княземъ Долгорукимъ его всегдашней нетактичностью, то не совсѣмъ правъ былъ въ данномъ случаѣ и Тургеневъ.

Во время появленія замѣтки объ Основскомъ въ «Правдивомъ» Тургеневъ находился въ Парижѣ, и онъ тотчасъ постарался загладить впечатлѣніе, которое она могла произвести, подобно тому, какъ за годъ до этого, когда Основскій прислалъ Тургеневу жалобное письмо, въ которомъ спрашивалъ: правда ли, что онъ хочетъ преслѣдовать его судомъ,—Тургеневъ тотчасъ же попросилъ Анненкова быть посредникомъ и успокоить Основскаго, сказать ему, что онъ, Тургеневъ, и не думалъ дѣлать ничего подобнаго («Вѣстникъ Европы», 1884 г., № 4).

---

[1]) Это письмо напечатано въ «Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева» (1884) и въ біографіи Тургенева, составленной г. Венгеровымъ.

«Правдивый» подъ редакціей Долгорукаго скоро прекратился, и Тургеневъ обратился съ своимъ опроверженіемъ въ знаменитый «Колоколъ» Герцена и Огарева. Въ № 134, отъ 22 мая, появилось письмо Тургенева, помѣченное 17 мая. Вотъ это письмо:

«Письмо къ издателю.

«М. Г.! Редакторъ «Правдиваго» помѣстилъ въ № 3 [1]) своего журнала нѣсколько строкъ объ издателѣ моихъ сочиненій, г. Основскомъ. Г. Основскій дѣйствительно не доплатилъ мнѣ двухъ тысячъ пятисотъ рублей серебр., но это еще не значитъ, чтобъ онъ заслуживалъ жестокое названіе, ему данное, и я не могу не сожалѣть о томъ, что почтеннѣйшій редакторъ «Правдиваго» нашелъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія публики частный фактъ, для нея неинтересный. Примите и пр.

«Ив. Тургеневъ».

«Лондонъ 17 мая 1862 г.»

Появленіе письма легальнаго русскаго писателя за его полною подписью въ заграничномъ изданіи, да еще въ такомъ, какъ «Колоколъ», въ эпоху его наибольшаго вліянія, было дѣломъ необычайнымъ, и мало имѣетъ подобныхъ себѣ примѣровъ въ исторіи русской литературы. Хорошо, что Катковъ въ это время еще донашивалъ свой англійскій костюмъ, писалъ о необходимости созыва представителей всей Русской земли (хотя бы для того, чтобы утопить въ немъ польскій вопросъ) и не былъ еще тѣмъ Катковымъ, какимъ сталъ въ 1878 г., когда онъ стоялъ «на стражѣ государственной безопасности», а то его подручные, въ родѣ Болеславовъ Маркевичей, затрубили бы въ трубы и закричали бы: «слово и дѣло», какъ это и было въ 1878 г. по поводу извѣстнаго письма Тургенева въ «Temps» объ И. Павловскомъ (нынѣ сотрудникъ «Новаго Времени»).

Впрочемъ, если не въ литературѣ извѣстнаго оттѣнка, то въ III-мъ Отдѣленіи на письмо Тургенева было обращено вниманіе. Въ 1863 г. при допросахъ Тургенева ему въ III Отдѣленіи напомнили и объ его интимной перепискѣ съ издателями «Колокола» и о письмѣ по поводу замѣтки въ «Правдивомъ».

Письмо Тургенева объ Основскомъ можетъ служить новою иллюстраціей гуманнаго, деликатнаго и внимательнаго отношенія Тургенева къ людямъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда онъ, повидимому, могъ имѣть противъ нихъ многое, былъ, по общему мнѣнію, вправѣ метать противъ нихъ громы или, по крайней мѣрѣ, не мѣшать другимъ дѣлать это за него.

Дѣло Основскаго очень смутно разсказано въ біографической литературѣ о Тургеневѣ, да и не представляетъ само по себѣ осо-

[1]) Это ошибка: не въ № 3-мъ, а во 2-мъ № «Правдиваго» появилась замѣтка князя Долгорукаго.

баго интереса, но оно дало бы, думается мнѣ, новый матеріалъ для характеристики Тургенева, если бы сдѣлалось извѣстнымъ въ большихъ деталяхъ, и еще болѣе оттѣнило бы всегдашнее теплое отношеніе Тургенева къ нуждающимуся люду. Особенно любопытно было бы, если бы, наконецъ, былъ собранъ и провѣренъ матеріалъ объ отношеніи Тургенева къ крестьянамъ въ разные періоды его жизни. Я привожу ниже одинъ любопытный документъ на этотъ счетъ, такъ какъ онъ, надо полагать, совершенно забытъ, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ его въ біографическихъ данныхъ, разсѣянныхъ въ литературѣ.

Въ 1860 году, Тургеневъ въ письмѣ къ Анненкову [1]) жалуется, что находится въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, проситъ поторопить одну редакцію высылкой денегъ и при этомъ добавляетъ, что «его мужички», которые согласились на льготныя условія, предложенныя Тургеневымъ, на дѣлѣ ничего не платятъ ему. Въ 1861 году, Тургеневъ на очень льготныхъ условіяхъ для крестьянъ вошелъ съ ними въ полюбовную сдѣлку при прекращеніи крѣпостного права, но его заботливое отношеніе къ крестьянамъ не окончилось на этомъ. Существуютъ воспоминанія разныхъ лицъ [2]) о заботахъ, которыя проявлялъ Тургеневъ по отношенію къ крестьянамъ и послѣ 1861 года.

«Калужскія Губернскія Вѣдомости» въ 1862 г. сообщили, между прочимъ, любопытныя данныя объ отношеніи самихъ крестьянъ къ Тургеневу. Мировой посредникъ Жиздринскаго уѣзда, г. Лесни, по словамъ «Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» [3]), представилъ въ мѣстное губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе слѣдующую копію съ письменнаго изъявленія благодарности И. С. Тургеневу временно-обязанныхъ крестьянъ его помѣстій:

«1862 года марта 18 дня, мы, нижеподписавшіеся, Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда, Грибовской волости, сельца Грибовки и деревень: Милѣева, Новиковъ, Студенцы, Березовки, Красникова, и Бѣлаго Холма, помѣщика, коллежскаго секретаря Ивана Сергѣевича Тургенева, временно-обязанные крестьяне, выслушавъ прочитанное намъ въ присутствіи нашего волостнаго старшины, чрезъ волостного писаря, заявленіе помѣщика, нашего довѣрителя Николая Николаевича Тургенева, что помѣщикъ нашъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, пожертвовалъ намъ безвозмездно состоящій въ сельцѣ Грибовкѣ господскій его домъ для помѣщенія въ немъ сельской школы, и, принявъ даръ къ истинному просвѣщенію и точному познанію нашихъ правъ и нашихъ обязанностей,—благодѣтеля нашего, истин-

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1884, № 4.

[2]) Напр., см. воспоминанія бывшаго его крѣпостного въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ».

[3]) Это сообщеніе было перепечатано въ № 284 «Сѣверной Пчелы» отъ 15-го сентября 1862 г.

наго попечителя о благѣ крестьянъ Ивана Сергѣевича Тургенева, давно уже заслужившаго наше полное довѣріе, чувствительнѣйше благодаримъ со всею откровенностію за его милости, сохранимъ всегдашнюю память, и да будетъ о благоденствіи его наше чистосердечное теплое моленіе Творцу. Изливая всѣ чувства совершенной и истинной признательности, просимъ сію благодарность нашу сообщить благодѣтельнѣйшему нашему владѣльцу Ивану Сергѣевичу Тургеневу, по жительству его Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, въ селѣ Ново-Спасскомъ, въ чемъ и подписуемся». (Подпись 36 крестьянъ).

Н. Викторовъ.

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЖИЗНИ ФИНЛЯНДІИ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ОВРЕМЕННЫЯ намъ русско-финляндскія отношенія невольно побуждаютъ насъ знакомиться съ тѣмъ, что было въ не очень еще далекомъ прошломъ, и въ чемъ можно уловить настроеніе тогдашнихъ финляндскихъ патріотовъ.

По поводу недавняго торжества 100-лѣтія со дня рожденія императора Николая Павловича не мало вспоминалось о славныхъ моментахъ его царствованія, о жизни и дѣлахъ его, о личныхъ его свойствахъ и характерѣ. Вотъ почему намъ кажется умѣстнымъ воскресить въ памяти русскихъ читателей кое-что небезынтересное и изъ отношеній финляндцевъ къ своему государю Николаю I, а также къ тогдашнему наслѣднику, великому князю Александру Николаевичу, канцлеру Александровскаго (Гельсингфорсскаго) университета.

I.

Пересматривая бумаги (эпохи 50-хъ годовъ) одного нынѣ уже покойнаго русскаго дѣятеля, близко интересовавшагося финляндскими дѣлами, мы нашли въ русскомъ переводѣ довольно любопытное «Письмо изъ Гельсингфорса» (заимствованное изъ мѣстной газеты Helsingfors Tidningar) по случаю посѣщенія Гельсингфорса императоромъ Николаемъ передъ крымской войной. Быть можетъ,

это письмо было тогда напечатано и въ русской газетѣ—мы этого не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ нынѣ оно навѣрное не безъ любопытства прочтется русскими читателями, какъ характеризующее тѣ времена и тогдашнее настроеніе.

Письмо изъ Гельсингфорса.

4-го (16-го) марта 1854 года.

Когда въ дни опасностей и испытаній предстоятъ сильныя потрясенія, и для отраженія врага выростаютъ великія силы, тогда виднѣе становится, для чего мы живемъ и что должны отстаивать; мелочные вседневные интересы исчезаютъ, умолкаетъ лесть передъ тронами, и однѣ великія идеи: справедливость, истина, религія и отечество, остаются вѣчно-достойными предметами взоровъ человѣческихъ.

Благодѣянія мира, великіе интересы просвѣщенія и усовершенствованіе посредствомъ ихъ общаго благосостоянія — такова конечная цѣль, къ которой стремятся государства и отъ коей война составляетъ только мгновенное отступленіе, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе. Но если война иногда необходимо входитъ въ планы Провидѣнія и въ исторію народовъ, то, безъ сомнѣнія, лишь для того, чтобъ пробудить къ новой жизни усыпленныя силы, чтобы стремленія людскія, раздѣленныя многообразными интересами, принуждены были соединиться въ одной общей идеѣ, заключающей въ себѣ бытіе и благо всѣхъ и каждаго.

Отъ того-то войны и опасности всегда вызываютъ множество великихъ примѣровъ единодушія и пожертвованій, мужества и патріотизма и тѣснѣйшаго союза между правительствомъ и народомъ. И, конечно, въ минуты тяжелыхъ заботъ отраднымъ утѣшеніемъ служитъ сознаніе, что эти опасности, эти пожертвованія не тщетны, но что каждый сильный и неиспорченный народъ, независимо отъ перемѣнъ воинскаго счастія, вынесетъ изъ борьбы еще болѣе вѣры въ Бога, довѣренности къ правительству и самому себѣ.

Все это пришло намъ на мысль въ ту достопамятную и прекрасную минуту, когда русскій императоръ, готовясь на грозную борьбу съ половиною Европы, явился посреди насъ, окруженный всѣми своими сыновьями. Предпринявъ долгое и утомительное путешествіе сюда въ такое время, когда всякое мгновеніе неоцѣненно, онъ доказалъ свою любовь, свое благоволеніе къ финляндцамъ и вмѣстѣ твердую рѣшимость, силою своей воли и своей арміи, защитить нашу родину отъ угрожающаго ей непріятеля. Конечно, нельзя было не чувствовать живо всего этого, когда съ другой стороны тысячи нашихъ соотчичей всякаго званія, всѣхъ возростовъ и обоего пола тѣснились вокругъ особы монарха и его сы-

новей, съ несомнѣнными пламенными изъявленіями преданности и вѣрности, какъ будто и самыя массы безотчетно понимали великое значеніе этихъ минутъ и глубокій смыслъ, который явно заключается въ этомъ искреннемъ сближеніи между государемъ и однимъ изъ самыхъ малыхъ, но вмѣстѣ и изъ храбрѣйшихъ, изъ самыхъ вѣрныхъ народовъ, повинующихся его скипетру.

Никто изъ тѣхъ, кто, любя свою обязанность и родину, былъ свидѣтелемъ этихъ двухъ достопримѣчательныхъ дней пребыванія государя императора въ Гельсингфорсѣ, не забудетъ никогда произведеннаго ими общаго, отраднаго торжественно-радостнаго и успокоительнаго впечатлѣнія. Никто не осмѣлится упрекнуть голоса истины въ лицемѣріи, ибо событія громко говорятъ сами за себя, и тысячи могутъ засвидѣтельствовать, какое мѣсто эти дни царскаго посѣщенія займутъ въ признательной памяти финскаго народа.

Вотъ нѣсколько частныхъ подробностей въ дополненіе къ офиціальнымъ, прежде сообщеннымъ извѣстіямъ о пребываніи августѣйшихъ особъ въ нашемъ городѣ.

Высочайшій манифестъ отъ 9-го (21-го) февраля возвѣстилъ Финляндіи о неожиданныхъ размѣрахъ, которые можетъ принять турецкая война, и объ опасностяхъ, угрожающихъ поэтому и нашимъ берегамъ. Естественно было, что вслѣдствіе этого, при всемъ уповаоніи на Провидѣніе, при всей довѣренности къ попечительному правительству, должны были возникнуть разныя заботы и опасенія. 25 лѣтъ не было войны, и всѣ были такъ убѣждены въ ея невозможности, что разувѣреніе въ этомъ причинило преувеличенное безпокойство.

Въ эти-то тревожныя минуты прибылъ къ намъ государь со своими сыновьями, а вмѣстѣ съ тѣмъ появилась и увѣренность, что онъ съ любовью заботится о безопасности Финляндіи.

Государь великій князь Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ 15-го февраля вечеромъ, изволилъ пробыть здѣсь до утра 19-го и особенно осматривать Свеаборгъ, зимующую здѣсь часть военнаго флота, а также верфь, на которой строятся 10 канонерскихъ лодокъ. Его императорское высочество, сопутствуемый вездѣ преданностію жителей, осчастливилъ между прочимъ работавшихъ на верфи особеннымъ благоволеніемъ. Упомянемъ также о милостивомъ вниманіи, какого удостоилась народная пѣснь «Нашъ край» (Vårt land) [1]. Ея могучіе, величавые тоны понравились его высочеству, обладающему знаніемъ музыки, почему его высочество и изволилъ выразить желаніе услышать всю пѣснь и прочитать ее. Когда на балѣ генералъ-лейтенанта Рокасовскаго она была пропѣта студентами для августѣйшаго гостя, его императорское высочество удостоилъ принять списокъ, какъ словъ, такъ и музыки, съ

---

[1]) Произведеніе знаменитаго финляндскаго поэта Рунеберга.

нѣмецкимъ переводомъ, и выразить за то особенное свое удовольствіе.

Пребыванію здѣсь его высочества придали важное значеніе принятыя имъ мѣры для защиты финскихъ береговъ. Радостнымъ въ этомъ отношеніи предзнаменованіемъ можно почесть, что на другой день послѣ пріѣзда сюда его высочества прибылъ эстафетъ съ извѣстіемъ объ истребленіи русскою артиллеріею турецкихъ транспортныхъ судовъ передъ Рущукомъ. Отказавъ въ милостивыхъ выраженіяхъ купечеству, испрашивавшему дозволеніе дать въ честь августѣйшаго путешественника балъ, его императорское высочество изволилъ шутя присовокупить, что, можетъ быть, лѣтомъ удобнѣе будетъ исполнить эту мысль, потому что тогда его высочество надѣется долѣе пробыть въ Гельсингфорсѣ.

Воспоминаніе объ этомъ посѣщеніи было еще свѣжо, когда вдругъ извѣстіе о скоромъ прибытіи государя императора наполнило всѣ сердца радостнымъ ожиданіемъ. Болѣе 20-ти лѣтъ протекло съ того достопамятнаго дня, 29-го мая 1833 года, когда Гельсингфорсъ имѣлъ счастіе видѣть въ стѣнахъ своихъ возлюбленнаго монарха, и когда его императорское величество въ первый разъ представлялъ государынѣ императрицѣ Финляндію, ея народъ и столицу. Въ 20 лѣтъ этотъ городъ не могъ не измѣниться; распространенный и украшенный, онъ нынѣ снова предсталъ взорамъ того, чья могучая воля и щедрая десница возвысила его до настоящей степени благосостоянія. И всѣ другъ друга спрашивали, все тотъ же ли, послѣ стольких испытаній, онъ, несущій на раменахъ своихъ бремя неизмѣримаго государства и судьбы шестидесяти милліоновъ,— тотъ же ли мужъ силы, видъ котораго, даже и безъ сіянія короны, даже еслибъ онъ стоялъ незнаемымъ посреди тысячъ, долженъ бы возбуждать общее почитаніе. Увидѣли его—и всѣ говорили другъ другу: «государь все тотъ же!». Правда, годы не прошли безъ слѣда надъ августѣйшимъ челомъ его; но онъ стоялъ между нами такъ же осанистъ и полонъ силы, какъ прежде: лѣта и опыты произвели только то, что видъ его внушалъ еще болѣе благоговѣнія; они разлили новое, умилительное сіяніе надъ его величественною главою.

У всѣхъ живетъ еще въ памяти 2-е марта 1851 года, когда государь наслѣдникъ прибылъ сюда съ любовью и благостью, чтобы разсѣять нависшія надъ нами тучи [1]).

2-е марта 1854 года должно было пріобрѣсти новое значеніе для Финляндіи и ея столицы.

Государь императоръ и ихъ высочества изволили прибыть сюда въ 4 часа утра въ сопровожденіи многочисленной свиты. Начиная отъ загороднаго моста до самаго дворца, горѣлъ двойной рядъ огней,

[1]) Разъясненіе этого см. ниже (ст. II).

и до поздней ночи кипѣли на улицахъ толпы народа, желавшія встрѣтить августѣйшихъ гостей радостнымъ ура.

Съ этой минуты и до самаго отъѣзда ихъ дворецъ, отъ ранняго утра до поздняго вечера, окруженъ былъ тѣснившимися жителями, которые стекались сюда, чтобы насладиться лицезрѣніемъ царственныхъ путешественниковъ.

Изъ офиціальныхъ извѣстій видно, что не только всѣ здѣшнія власти, но и всѣ три епископа, а также депутаты абоскаго купечества, удостоились быть представленными его императорскому величеству. Финляндскій сенатъ еще до сего испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія построить и вооружить на иждивеніи финской казны нѣсколько канонерскихъ лодокъ для защиты береговъ, на что̀ тогда же послѣдовало высочайшее соизволеніе. Отъ имени купечества города Гельсингфорса купецъ Синебрюховъ имѣлъ счастіе поднести его величеству хлѣбъ-соль. Господинъ исправляющій должность финляндскаго генералъ-губернатора всеподданнѣйше изъяснилъ нелицемѣрную преданность купечества и готовность его, въ годину опасности, содѣйствовать общему благу всѣми отъ него зависящими средствами и, сверхъ того, безплатно изготовить помѣщеніе для лазаретовъ, для склада провіанта и другихъ потребностей арміи, за что̀ государь императоръ изволилъ выразить монаршую признательность.

Его императорское величество въ сопровожденіи государя наслѣдника и великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича осчастливилъ высочайшимъ посѣщеніемъ университетъ и въ парадной залѣ, гдѣ собрались всѣ преподаватели и студенты, встрѣченъ былъ звуками народнаго гимна: «Боже, царя храни». Государь императоръ изволилъ при этомъ случаѣ произнести слова, которыя глубоко запечатлѣлись во всѣхъ сердцахъ. Его величество, выразивъ всемилостивѣйшее свое благоволеніе къ университету, изволилъ благодарить студентовъ за благородное ихъ поведеніе въ послѣдніе три года послѣ посѣщенія государя наслѣдника, и не сомнѣвался, что и они, если того потребуетъ защита отечества, готовы будутъ служить ему и сердцемъ и рукою. На таковой призывъ къ благороднѣйшимъ юношескимъ чувствованіямъ всѣ присутствовавшіе отвѣтствовали съ непритворнымъ восторгомъ. Когда въ тотъ же день въ половинѣ шестаго по полудни студенты подъ окнами дворца удостоились пропѣть народный гимнъ, при яркомъ сіяніи солнца и въ присутствіи тысячъ людей, стоявшихъ съ обнаженною головою, его императорское величество изволилъ выйти на балконъ и благодарить студентовъ. Вскорѣ послѣ того, когда они пропѣли: «Нашъ край», государь наслѣдникъ приказалъ объявить имъ въ милостивыхъ выраженіяхъ признательность его императорскаго величества.

Изъ числа многихъ доказательствъ столь неоцѣненнаго для уни-

верситета благоволенія приведемъ еще, что государь наслѣдникъ въ среду утромъ изволилъ потребовать къ себѣ по нѣскольку студентовъ каждаго факультета и еще разъ выразить, что его высочество доволенъ студентами и увѣренъ, что они, какъ благородные молодые финляндцы, и впредь покажутъ себя достойными государевыхъ милостей.

Въ среду, въ 10 часовъ утра, его императорское величество изволилъ производить на Сенатской площади смотръ лейбъ-гвардіи Финскому стрѣлковому батальону и при семъ всемилостивѣйше выразить высочайшее свое удовольствіе. Зрѣлище было одно изъ самыхъ величественныхъ. Вся площадь, всѣ окна, всѣ лѣстницы были покрыты ликующимъ народомъ; полагаютъ, что здѣсь собралось отъ 8-ми до 9-ти тысячъ человѣкъ. Особливо колоссальная церковная лѣстница представляла чудную картину. И посреди всѣхъ этихъ тысячъ, въ сіяніи весенняго солнца, стоялъ государь, окруженный всѣми своими сыновьями, привлекая всѣ взоры, составляя предметъ всеобщаго благоговѣнія и любви. У многихъ блестѣли на глазахъ слезы; отцы и матери подымали дѣтей своихъ, какъ бы желая сказать имъ: когда выростешь, то помни, что ты видѣлъ того, предъ кѣмъ благоговѣетъ твоя родина и весь міръ—величайшаго изъ всѣхъ современныхъ вѣнценосцевъ! Такова была вѣрноподданническая преданность, вездѣ сопутствовавшая государю императору, и при отъѣздѣ его опять появились у многихъ непритворныя слезы. И эти чувства нашли отголосокъ въ сердцѣ монарха. Когда тѣснившіяся толпы иногда затрудняли государю путь, его императорское величество подавалъ знакъ, чтобы жителямъ не препятствовали въ пламенномъ изъявленіи ихъ радости. Такимъ образомъ государь всегда шелъ или ѣхалъ посреди тѣсной толпы, и много слышно разсказовъ о томъ, какъ его императорское величество и государь наслѣдникъ были доступны для жителей.

Однимъ изъ многихъ доказательствъ всемилостивѣйшаго благоволенія къ Финляндіи служило и то, что во все время высочайшаго здѣсь присутствія государь наслѣдникъ своею особою представлялъ хозяина въ императорскомъ дворцѣ.

Другимъ знакомъ царевой милости было щедрое вспомоществованіе, дарованное на перемѣщеніе города Вазы и для раздачи бѣднымъ изъ его жителей. Въ пособіе же неимущимъ въ Финляндіи вообще всемилостивѣйше пожалована значительная сумма—5000 рублей серебромъ.

Г. министръ статсъ-секретарь отношеніемъ отъ 4-го марта увѣдомилъ предсѣдателя общества живописи, что государю наслѣднику угодно было пріобрѣсти картину финляндскаго художника фонъ-Вригта и пожаловать ее въ даръ обществу отъ имени августѣйшаго сына своего, великаго князя Александра Александровича, какъ высокаго покровителя общества. Много другихъ отрадныхъ подробно-

стей можно было еще прибавить. Официальная газета постепенно сообщитъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе; онѣ же передаются изъ устъ въ уста.

Гельсингфорсъ послѣднее время находился въ напряженномъ состояніи; одни событія и слухи смѣняются другими, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, узнавая много новаго, многое и забывали. Но одно не будетъ забыто: это образъ государя, окруженнаго своими сыновьями, посреди финскаго народа. Пройдутъ годы, и многое измѣнится, и нынѣшнее поколѣніе уступитъ мѣсто другому, но память великаго монарха будетъ жить, осѣненная благоговѣніемъ и любовью современниковъ и потомства, и наши дѣти научатся отъ насъ жить и умирать за государя и отечество.

II.

Въ приведенномъ только-что разсказѣ есть упоминаніе о 2-мъ марта 1851 года, «когда государь наслѣдникъ (т. е. великій князь Александръ Николаевичъ, канцлеръ Александровскаго Гельсингфорсскаго университета), прибылъ сюда (т. е. въ Гельсингфорсъ) съ любовью и благостью», чтобы «разсѣять нависшія надъ нами тучи».

Подъ этими «нависшими тучами» разумѣется одна такъ называемая у насъ «студенческая исторія»—довольно любопытный эпизодъ изъ жизни Гельсингфорсскаго университета, не только характеризующій тогдашнія отношенія, но и рисующій въ чрезвычайно привлекательномъ свѣтѣ благородный и симпатичный образъ наслѣдника-канцлера университета.

Мы извлекаемъ этотъ эпизодъ изъ только-что вышедшаго III тома «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», и передадимъ его здѣсь словами самихъ корреспондентовъ. Для поясненія замѣтимъ, что назначенный съ конца 1847 года (послѣ смерти А. П. Теслева) вице-канцлеромъ университета генералъ Іоганнъ Морицъ Норденстамъ возбудилъ нѣкоторое неудовольствіе въ университетской средѣ (особенно среди молодежи) кое-какими нововведеніями, дисциплинарными мѣрами и вообще строгостью.

30-го ноября 1850 года Я. К. Гротъ пишетъ Плетневу: «недавно Норденстамъ исключилъ навсегда одного студента, который шумѣлъ въ театрѣ. Консисторія, т. е. большинство ея, нашла, что онъ не имѣлъ права сдѣлать этого безъ разрѣшенія канцлера, и положила до исполненія приговора дожидаться утвержденія его канцлеромъ, которому вице-канцлеръ только донесъ о своемъ опредѣленіи. Неизвѣстно еще, что скажетъ на это канцлеръ». Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 12 декабря Я. К. сообщаетъ Плетневу о предстоящемъ 30-го декабря праздновании университетомъ 25-ти-лѣтія назначенія наслѣдника канцлеромъ.

О томъ, что произошло при этомъ празднествѣ и о послѣдующемъ мы узнаемъ изъ нижеслѣдующихъ отрывковъ изъ переписки друзей:

Гротъ—Плетневу, 6-го января 1851 года.

Наканунѣ празднованія ректоръ по обычаю разослалъ пригласительную печатную программу, но не на латинскомъ языкѣ, а на шведскомъ; въ ней былъ довольно подробный обзоръ всего, что случилось важнаго въ университетѣ въ протекшее 25-лѣтіе, т. е. всѣхъ мѣръ правительства въ пользу его. На другой день, въ 10 часовъ, въ парадной залѣ университета былъ торжественный актъ, на которомъ было множество дамъ и весь генералитетъ, сенатъ и пр. Когда всѣ были собраны, университетскіе чины вошли въ процессіи за ректоромъ въ мантіи. Между тѣмъ, играла музыка. По обѣ стороны каѳедры, у двухъ стѣнъ стояли портреты: государя и наслѣдника—послѣдній недавно пожалованъ университету его высочествомъ въ знакъ благоволенія за намѣреніе праздновать этотъ юбилей. Рѣчь говорилъ Ильмони. Онъ мастеръ этого дѣла; у него хорошій органъ, прекрасная дикція и декламація. Предметомъ былъ обзоръ событій въ Финляндіи и университетѣ въ прошлое 25-лѣтіе. Но все это было дополнено разными размышленіями о наукѣ, обществѣ и т. п., превосходно выраженными. Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе; всѣ финляндцы были въ восторгѣ. Наконецъ, хоръ любителей пропѣлъ стихи Цигнета, положенные на новую музыку Паціусомъ. Стихи эти по мыслямъ хороши, но тяжеловаты. Въ 2 часа начался обѣдъ профессоровъ въ соціэтетсгусѣ. Всего было 150 приборовъ. Ректоръ сидѣлъ на главномъ мѣстѣ, по правую сторону—отъ него Рокасовскій, а по лѣвую—Гартманъ. Вице-канцлеръ вблизи. Обѣдъ былъ очень удаченъ и оживленъ. Послѣ всеподданнѣйшихъ тостовъ студенты пѣли въ честь наслѣдника стихи, сочиненные Лилле и очень милые. Вечеромъ былъ балъ въ этой же залѣ, который давалъ Норденстамъ. Подъ печатью секрета скажу тебѣ, что студенты сдѣлали при этомъ случаѣ большую глупость: желая показать Норденстаму свое неудовольствіе за его нововведенія, они сговорились не быть на этомъ балѣ и, не смотря на всѣ старанія ректора и другихъ профессоровъ, сдержали свое слово.

Между тѣмъ они сами, т. е. тѣ, которые не были приглашены къ намъ, давали обѣдъ въ честь наслѣдника и вечеромъ пѣли передъ транспарантомъ, украшавшимъ университетъ.

Программа ректора, рѣчь Ильмони и стихи послѣ праздника переданы были мнѣ для перевода на русскій языкъ. Стихи перевелъ я прозою. Вчера только кончилъ я всю эту работу. Кромѣ того, консисторія поручила мнѣ написать отъ имени ея на французскомъ языкѣ адресъ къ канцлеру. И это я сдѣлалъ. Со всѣми этими бумагами Норденстамъ и Рейнъ на будущей недѣлѣ сбираются ѣхать въ Петербургъ.

Плетневъ—Гроту. 10-го января 1851 года.

Благодарю тебя за доставленіе подробностей, которыми сопровождалось у васъ празднованіе канцлерскаго двадцатипятилѣтняго юбилея. Онѣ для меня очень интересны. Между прочимъ, я порадовался за первенство науки, выразившееся предсѣдательствомъ ректора на этомъ праздникѣ, тогда какъ у насъ администрація, въ образѣ попечителя, совершенно растоптала науку—главный предметъ, главную цѣль и, такъ сказать, душу университетовъ. Это одно явленіе убѣждаетъ меня, какъ Финляндія въ дѣлѣ просвѣщенія вообще выше нашего отечества. Другое обстоятельство, не оставленное мною безъ замѣчанія, касается ректорской пригласительной программы, вмѣсто латинскаго языка, напечатанной пошведски. Тутъ я предполагаю двѣ идеи, одна другой противоположныя: желаніе сообщить о благодѣяніяхъ русскаго правительства наибольшей части публики и тайная заботливость о поддержаніи въ Финляндіи псевдо-національнаго языка, который для высшихъ классовъ все еще составляетъ что-то родное и драгоцѣнное.

Гротъ—Плетневу. 20-го января 1851 года.

Въ описаніи торжества въ честь канцлера нашего забылъ я сказать, что вечеромъ, во время бала, у всѣхъ лицъ, принадлежащихъ университету, дома были освѣщены; примѣру ихъ послѣдовали и многіе другіе изъ постороннихъ людей. Это былъ родъ національнаго праздника науки, въ которомъ всѣ сословія принимали участіе. Все было прекрасно, еслибъ студенты своимъ необдуманнымъ поступкомъ не испортили праздника. Теперь всѣ въ напряженномъ состояніи ожидаютъ послѣдствій. Норденстамъ поѣхалъ въ Петербургъ одинъ; наканунѣ отъѣзда его ректоръ получилъ увѣдомленіе отъ Армфельта, что ему, ректору, лучше оставаться здѣсь, потому что канцлеръ желаетъ, чтобы онъ при началѣ учебнаго полугодія не былъ въ отсутствіи. И это приписали Норденстаму. Я еще не сказалъ тебѣ, что распоряженіе его объ удаленіи изъ университета студента, который шумѣлъ въ театрѣ, было одобрено канцлеромъ. Норденстамъ, уѣзжая, сбирался непремѣнно познакомиться съ тобой, и я желалъ бы, чтобъ это удалось ему. Онъ могъ бы получить отъ тебя разныя нужныя свѣдѣнія. Если онъ не застанетъ тебя дома, то ты можешь узнать его адресъ въ статсъ-секретаріатѣ.

Плетневъ—Гроту. 24-го января 1851 года.

Послѣ извѣщенія твоего о пріѣздѣ сюда Норденстама я отправился къ канцлеру узнать, прибылъ ли генералъ. Его высочество, принявши меня, какъ всегда, очень милостиво, изволилъ объявить мнѣ, что вице-канцлеръ былъ уже у него. Тогда я послалъ въ го-

стиницу Гейде справиться, не тамъ ли онъ остановился. Вышло, что нѣтъ. Я былъ въ недоумѣніи; но, къ счастью, изъ «Полицейской Газеты» увидѣлъ, что онъ присталъ въ домѣ финляндской казны у Излера. Въ прошедшее воскресенье, когда назначенъ былъ къ 11 часамъ съѣздъ во дворецъ по случаю обрученія великой княгини Екатерины Михаиловны, въ 9-мъ часу пустившись на утреннюю свою прогулку, я зашелъ къ генералу. Онъ еще не былъ одѣтъ, но попросилъ меня подождать минуту. Выйдя ко мнѣ, съ возможною вѣжливостью благодарилъ, что я предупредилъ визитъ его. Мы за утреннимъ кофе проговорили съ нимъ съ часъ времени. Я не воображалъ, что онъ такъ еще молодъ. Онъ откровенно сознается, что въ отношеніи къ управленію университетомъ у него нѣтъ ни опытности, ни необходимыхъ свѣдѣній. Я замѣтилъ, что онъ даже не слишкомъ любитъ многое изъ принятаго въ Финляндіи, какъ преданіе и обычай. Для добра молодымъ людямъ онъ желалъ бы устроить больше порядка и нравственности, но затрудненъ противодѣйствіемъ, которое встрѣчаетъ въ тамошнихъ нравахъ, превратившихся въ закоренѣлые предразсудки. По моему мнѣнію, его неудачи происходятъ отъ привычки рѣшать все по первой мысли безъ соображенія тѣхъ возраженій, которыя могутъ послѣдовать, и отъ неумѣнья сблизиться для предварительныхъ совѣщаній съ опытными и честными людьми изъ университета.

На другой день (22 января, понедѣльникъ) съѣздъ былъ въ Михайловскомъ дворцѣ для поздравленія обрученныхъ. Туда и мнѣ надобно было пріѣхать, какъ лицу, близкому нѣкогда къ этой высокой семьѣ. Тамъ опять увидѣлъ я Норденстама и еще графа Армфельта. Послѣдній наединѣ разсказалъ мнѣ все затрудненіе, въ какое поставленъ онъ ослушаніемъ студентовъ, приглашенныхъ на обѣдъ. Онъ еще придумать не умѣлъ, какого просить при докладѣ канцлеру рѣшенія насчетъ виновныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, все это такъ запутано, что не придумаешь, что сдѣлать для охраненія силы и неприкосновенности высшей власти для поддержанія важности вице-канцлерскихъ приказаній и для поддержанія дружелюбія съ цѣлымъ краемъ. Вотъ до чего можетъ довести одно слово. Напиши Норденстамъ вмѣсто «генералъ-маіоръ» — «вице-канцлеръ» и упомяни титулъ канцлера,—дѣло приняло бы другой оборотъ. Я чувствую, какъ долженъ мучиться онъ отъ всего этого.

На третій день (вчера) онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ университетъ. Я ему показалъ все и свелъ его даже съ Мусинымъ, тутъ бывшимъ. Онъ входилъ во многія подробности и просидѣлъ у меня на квартирѣ болѣе часу. Повторю: я воображалъ его инымъ. Ему бы непремѣнно нужно было долѣе сперва только наблюдать, а ужъ послѣ дѣйствовать.

Гротъ—Плетневу. 8-го февраля 1851 года.

Чтобы отвѣчать на твое послѣднее письмо, я ожидалъ возвращенія Норденстама. Вчера только я узналъ, что онъ пріѣхалъ еще въ воскресенье. Вчера онъ велѣлъ созвать консисторію, самъ явился въ засѣданіе и объявилъ, что канцлеръ благодаритъ за адресъ и, будучи увѣренъ въ искренности изъявленныхъ чувствъ, надѣется, что консисторія докажетъ ихъ своими дѣйствіями. По уходѣ вице-канцлера ректоръ объявилъ, что вызванъ въ Петербургъ и уѣзжаетъ сегодня. Дѣло о студентахъ, не явившихся на балъ, еще не кончено. Ты правъ, замѣчая, что ошибка Норденстама въ томъ, что онъ не умѣетъ сближаться и совѣтоваться съ знающими людьми. Такимъ образомъ, онъ и профессоровъ возстановилъ противъ себя, тогда какъ онъ бы долженъ былъ въ нихъ имѣть вѣрнѣйшую опору для успѣшнаго дѣйствованія въ отношеніи къ студентамъ.

Плетневъ—Гроту. 14-го февраля 1851 года.

Въ отзывѣ, что консисторія докажетъ искренность чувствъ своихъ дѣйствіями, нельзя не замѣтить сильнаго неудовольствія. Дѣла отъ причины не слишкомъ важной, которая, кажется, могла быть устранена небольшою ловкостью, запутались и угрожаютъ чѣмъ-то непріятнымъ. Таковы слѣдствія неопытности и самоувѣренности. Грустно думать, что нѣжнѣйшая привязанность молодого, горячаго чистаго сердца навсегда можетъ угаснуть отъ ошибки одного человѣка, впрочемъ честнаго и благонамѣреннаго, но попавшаго не по призванію. Еще грустнѣе, что нѣтъ изъ близкихъ столь благороднаго сердца, которое бы, хотя рискуя собственною выгодой, рѣшилось взять на себя посредничество въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Вашъ Рейнъ еще не былъ у меня, чего я очень ожидаю, и полагаю, что онъ уже здѣсь. Мнѣ по правдѣ удивительно, зачѣмъ его выписали. Если бы онъ позванъ былъ прежде вице-канцлера—тутъ было бы понятно, что его захотѣли бы контролировать. А теперь ужъ ему нечего прибавить послѣ начальника своего. Даже въ этомъ есть видъ недовѣрчивости къ первому.

Гротъ—Плетневу. 3-го марта 1851 года.

Норденстамъ, по возвращеніи изъ Петербурга, привезъ мнѣ поклонъ твой и былъ отъ тебя въ восхищеніи; ему особенно понравился твой образъ мыслей безпристрастный и взглядъ прямой на всѣ предметы. Съ недѣлю тому назадъ вернулся и Рейнъ: я поспѣшилъ узнать отъ него, не былъ ли онъ у тебя; онъ отвѣчалъ, что во время пребыванія въ Петербургѣ былъ такъ непріятно озабоченъ, что не могъ собраться исполнить свое желаніе видѣть тебя.

Дня за два до возвращенія ректора пришло офиціальное извѣщеніе о наказаніи 40 виновныхъ исключеніемъ на годъ изъ университета; но прежде еще объявленія этого приговора Норденстамъ получилъ приказаніе ѣхать въ Фридрихсгамъ, куда наслѣдникъ пріѣдетъ для инспекціи корпуса. Въ четвергъ послѣ обѣда Норденстамъ возвратился, а на слѣдующее утро городъ съ удивленіемъ узналъ, что въ здѣшнемъ дворцѣ съ 2-хъ часовъ ночи находится его высочество. Къ 11-ти часамъ весь университетъ былъ собранъ въ своемъ зданіи—профессора въ консисторіи, а студенты въ парадной залѣ.

Прежде всего наслѣдникъ прибылъ въ консисторію: послѣ представленія профессоровъ его высочество изволилъ вручить Кастрену бумаги о назначеніи его профессоромъ по новой каѳедрѣ финскаго языка, потомъ произнесъ намъ на французскомъ языкѣ небольшую рѣчь, въ которой милостиво благодарилъ за юбилей и чувства, выраженныя въ рѣчи Ильмони, потомъ перешелъ къ поступку студентовъ и изъявилъ желаніе, чтобы мы впредь были посредниками между вице-канцлеромъ и студентами, и надежду, что наши отношенія къ студентамъ будутъ имѣть вліяніе на отношенія студентовъ къ вице-канцлеру. По осмотрѣ потомъ музеевъ, кабинетовъ и русской библіотеки, гдѣ его высочество равно, какъ и въ консисторіи, удостоилъ и меня нѣсколькихъ словъ, канцлеръ отправился въ парадную залу. Здѣсь, когда пропѣтъ былъ народный гимнъ мужскими и женскими голосами на хорахъ съ музыкою, его величество изволилъ внятнымъ голосомъ произнести студентамъ: «Господа! Я пріѣхалъ сюда единственно для того, чтобы видѣть Александровскій университетъ; все, что до него касается, для меня дорого; онъ былъ всегда, есть и будетъ любимымъ мною университетомъ. Я постоянно былъ доволенъ имъ, и еще недавно мнѣ пріятно было узнать о той преданности, съ какою онъ праздновалъ мой юбилей. Но въ то же время я долженъ вамъ сказать, что я съ большимъ прискорбіемъ услышалъ о поступкѣ вашихъ товарищей противъ вице-канцлера въ тотъ самый день. Молодость вообще склонна къ шалостямъ, но есть шалости болѣе или менѣе простительныя и другія, которыя никакъ не могутъ быть терпимы. Къ сожалѣнію, случай сей принадлежитъ къ послѣднему разряду. По законамъ всѣ сорокъ человѣкъ виновныхъ должны быть непремѣнно исключены изъ университета. Но по предоставленной мнѣ власти я, по ходатайству вице-канцлера, на этотъ разъ объявляю имъ мое прощеніе въ надеждѣ, что впредь ничего подобнаго не случится. Если послѣ того будетъ какая нибудь непріятность въ томъ же родѣ, то о томъ будетъ донесено государю императору, и виновные будутъ наказаны по всей строгости законовъ. Но я надѣюсь, что вы болѣе не подадите мнѣ повода къ неудовольствію, и прошу васъ помнить, что, будучи хорошими финляндцами вы въ то же время подданные всероссійскаго императора». Выборг-

скій баронъ Котенъ, сопровождавшій его величество въ качествѣ переводчика, долженъ былъ перевести эти слова на шведскій языкъ, но, къ сожалѣнію, выполнилъ это порученіе не совсѣмъ удовлетворительно и даже говорилъ невнятно. Потомъ опять раздалась музыка съ пѣніемъ, а по выходѣ канцлера загремѣло нескончаемое ура. Онъ поѣхалъ въ библіотеку, въ русскую церковь, въ госпиталь, потомъ дѣлалъ смотръ войскамъ, посѣтилъ новую лютеранскую церковь, обсерваторію и возвратился во дворецъ, гдѣ былъ обѣдъ человѣкъ на 15, въ числѣ которыхъ былъ и ректоръ. Свита его высочества состояла только изъ Ростовцева, адъютанта Адлерберга и Енохина. Первый ѣхалъ отъ Петербурга въ однѣхъ саняхъ съ наслѣдникомъ. За обѣдомъ послѣ тоста его величеству канцлеръ пилъ за благоденствіе Финляндіи и университета, адресуясь съ этимъ тостомъ къ Рейну. Между тѣмъ передъ дворцомъ студенты пѣли «Боже, царя храни» и финскую народную пѣснь. Послѣ гимна его высочество вышелъ на балконъ и сказалъ пошведски «благодарю васъ», а послѣ пѣсни: «Богъ да благословитъ васъ», тоже пошведски.

Въ ½ 5-го его высочество изволилъ поѣхать въ обратный путь; при заставѣ толпа студентовъ и постороннихъ проводили его пѣснями и криками ура. На всемъ обратномъ пути его высочество встрѣчалъ самыя пламенныя изъявленія любви и радости; Борго былъ иллюминованъ, толпа дамъ пѣла передъ въѣздомъ въ городъ вмѣстѣ съ мужчинами, трактиръ Астеніуса угостилъ необыкновеннаго посѣтителя къ полному его удовольствію; въ оба проѣзда Астеніусъ получилъ по 30 рублей сер. Ты можешь себѣ представить, какое впечатлѣніе это событіе произвело на весь край. Слова наслѣдника были записаны какъ мною, такъ и другими; эти разныя редакціи оказались очень сходными, и изъ нихъ составлена одна сводная на шведскомъ языкѣ для сообщенія студентамъ. Вчера послѣ обѣда въ 5 часовъ ректоръ собралъ всѣхъ студентовъ и, прочитавъ имъ этотъ переводъ, сказалъ имъ сердечное и сильное увѣщаніе вести себя благоразумно, удерживаться отъ сужденія мѣръ начальства, оказывать вице-канцлеру уваженіе и стараться заслужить милость канцлера, готовясь быть преданными престолу гражданами. Ему отвѣчали громкими ура, и онъ тогда объявилъ, что не можетъ лично принять этого отвѣта, а что они должны отправить по 2 студента отъ каждаго отдѣленія депутатами къ вице-канцлеру съ просьбою передать изъявленія ихъ преданности канцлеру. Вотъ главныя подробности обстоятельствъ, которыя могутъ интересовать тебя.

Посылаю тебѣ статью, написанную мною по вызову Норденстама о путешествіи наслѣдника, съ тѣмъ, чтобы ты придумалъ, гдѣ и какъ лучше помѣстить ее, т. е. прямо ли отправить ее въ редакцію газеты или напередъ показать его высочеству, чтобы узнать, угодно ли ему, чтобы она была напечатана.

Стихи въ честь наслѣдника перевести хотѣлъ бы, но не успѣю.

Прибавлю только для объясненія одного мѣста въ моемъ описаніи, что въ Борго жители бросились въ гостиницу и раздѣлили между собой по клочкамъ остатки хлѣба и мяса послѣ наслѣдника.

Плетневъ—Гроту. 10-го марта 1851 года.

Я былъ во все это время въ большомъ безпокойствѣ насчетъ вашихъ университетскихъ дѣлъ. Слава Богу, что они кончились такъ благополучно. Скажи Норденстаму, что я его и университетъ поздравляю съ такимъ прекраснымъ выходомъ изъ общаго затрудненія. Дай Богъ, чтобы этотъ тяжелый урокъ научилъ всѣхъ благоразумію и осторожности.

Поѣздка канцлера и все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, удивительно трогательно и прекрасно. Ты мнѣ только прибавь, импровизирована ли была рѣчь его къ студентамъ или предварительно написана, и какъ переводилъ ее Котенъ—вдругъ всю или по частямъ, слѣдуя за ораторомъ.

Гротъ—Плетневу. 27-го марта 1851 года.

Ты спрашиваешь, импровизирована ли была рѣчь наслѣдника къ студентамъ. По крайней мѣрѣ она была произнесена свободно и безъ всякихъ признаковъ приготовленія. Сказавъ послѣднія слова, его высочество приказалъ Котену перевести всю рѣчь. Котенъ, хотя и былъ предваренъ о томъ, но, не знавъ напередъ содержанія рѣчи, исполнилъ порученіе неудовлетворительно; растерявшись, онъ ее испортилъ, такъ, что когда онъ кончилъ, наслѣдникъ напомнилъ ему, чтобъ онъ перевелъ и заключеніе. Самъ я, впрочемъ, не могъ разслышать словъ Котена и потому о достоинствѣ перевода судить не берусь, но такъ гласитъ молва.

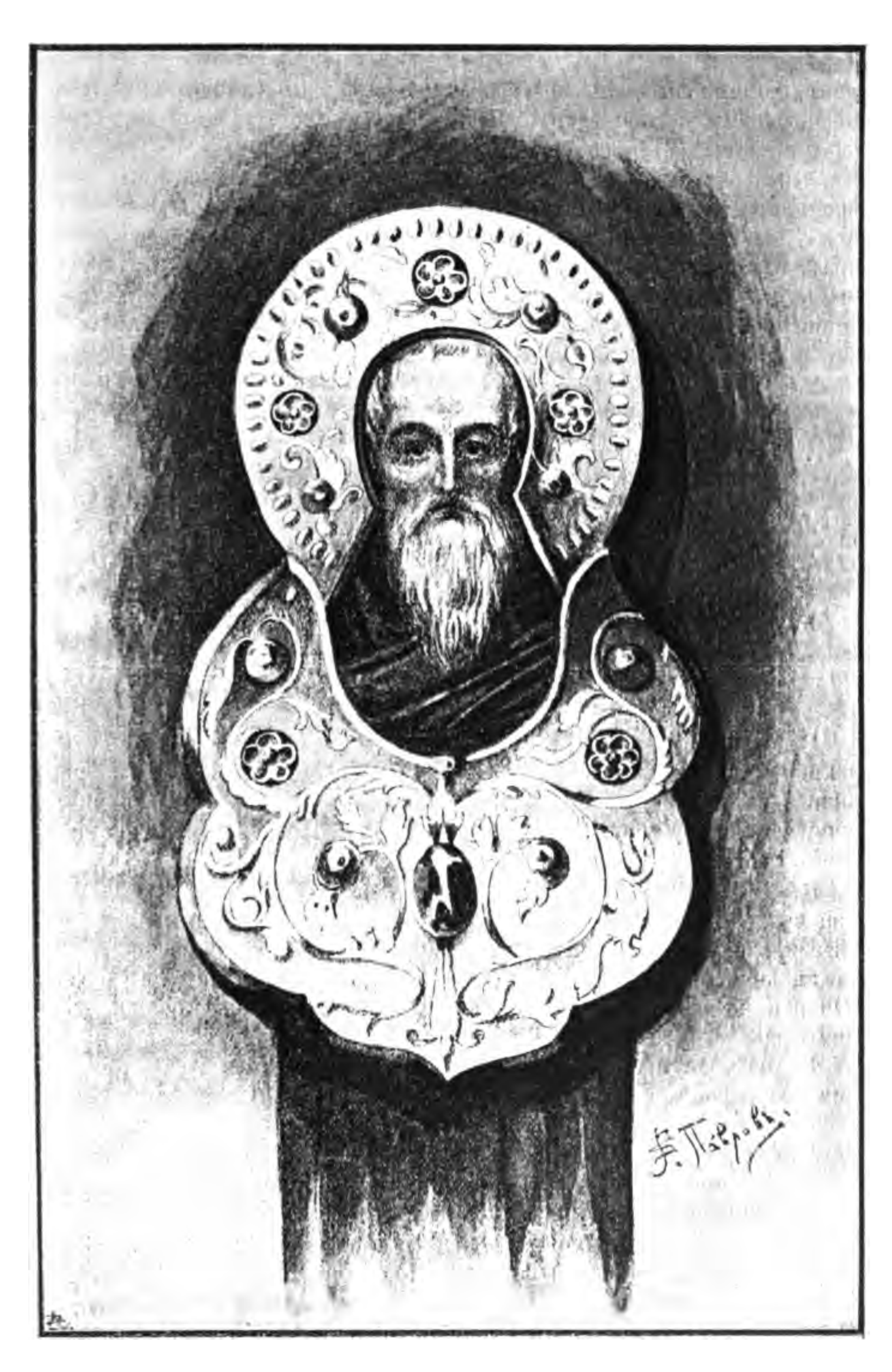
Такъ окончилась эта студенческая исторія, въ которой въ самомъ яркомъ свѣтѣ возстаетъ передъ нами душевная благость будущаго царя-освободителя.

Г. Я. К.

ПЯТИСОТЛѢТІЕ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

О СЛУЧАЮ исполнившагося въ 1891 году пятисотлѣтія со дня кончины преподобнаго Сергія Радонежскаго былъ торжественно отпразднованъ пятисотлѣтній юбилей основанной имъ Троице-Сергіевской лавры. Въ нынѣшнемъ году очередь пятивѣкового торжества настала для другой знаменитой обители—Бѣлозерскаго монастыря, основатель котораго былъ любимцемъ преподобнаго Сергія и постриженъ въ монашество роднымъ его племянникомъ. Наравнѣ съ Троицкимъ монастыремъ, Кирилло-Бѣлозерская обитель пользовалась громкою извѣстностью во всей древней Руси, и память ея основателя глубоко чтилась не только народомъ и боярами, но и самими московскими государями, начиная съ Василія Ивановича и его грознаго сына и кончая послѣднимъ представителемъ московскаго періода, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Я посѣтилъ Кирилло-Бѣлозерскую обитель года три назадъ и хочу подѣлиться съ читателями впечатлѣніями этой интересной поѣздки. Но прежде чѣмъ перейду къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о посѣщеніи знаменитой сѣверной лавры, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ ея исторіи и поговорить о блаженномъ ея основателѣ, преподобномъ Кириллѣ, жизнеописаніе котораго, составленное въ XV вѣкѣ Пахоміемъ Логоѳетомъ, со словъ очевид-



Изображеніе преподобнаго Кирилла, писанное съ натуры св. Діонисіемъ Глушицкимъ.

цевъ, помимо высокаго интереса, возбуждаемаго самою личностью преподобнаго, заключаетъ въ себѣ не мало данныхъ для характеристики быта того времени [1]).

Жизнеописаніе преподобнаго мы раздѣлимъ на двѣ части: на время пребыванія его въ Москвѣ до шестидесятилѣтняго возроста и на послѣднія тридцать лѣтъ жизни, проведенныя въ Бѣлозерскомъ краѣ, а въ заключеніе познакомимся съ его посланіями, въ которыхъ услышимъ собственную рѣчь этого высоко-гуманнаго и просвѣщеннаго дѣятеля второй половины XIV и начала XV столѣтія.

I.

Московскій періодъ жизни Кирилла.

Чтобы лучше понять самую обитель, должно познакомиться съ жизнію и характеромъ великаго ея основателя, потому что духъ его какъ будто перешелъ въ его преемниковъ и имѣлъ необходимое вліяніе на послѣдующія событія.

А. Н. Муравьевъ: Русская Онвацда на сѣверѣ—Кирилловъ монастырь.

Родители будущаго просвѣтителя глухой Бѣлозерской области жили въ Москвѣ; они принадлежали къ дворянскому роду и находились въ родствѣ съ окольничимъ и воеводою Тимоѳеемъ Васильевичемъ Вельяминовымъ, занимавшимъ значительное положеніе при дворѣ великихъ князей московскихъ.

Въ 1337 году они были обрадованы рожденіемъ сына, котораго при крещеніи назвали Козьмою. Мальчикъ сталъ подростать, и родители озаботились дать ему образованіе, заключавшееся въ то время въ знакомствѣ съ священнымъ писаніемъ и твореніями св. отцовъ. Юноша, по словамъ его біографа, росъ въ чистотѣ и просвѣщенномъ разумѣ и былъ отъ всѣхъ любимъ и почитаемъ.

Но не долго пришлось родителямъ утѣшаться любимымъ сыномъ; они оба вскорѣ умерли, поручивъ передъ смертью сироту попеченію Вельяминова.

Чтобы дать понятіе о томъ, кѣмъ былъ на Москвѣ этотъ окольничій, напомнимъ, что въ битвѣ съ татарами на берегахъ р. Вожи, гдѣ центромъ командовалъ самъ великій князь Димитрій Іоанновичъ, одинъ изъ фланговъ былъ порученъ Вельяминову. Когда въ 1380 г. Донской двинулся съ войскомъ изъ Коломны на битву съ Мамаемъ,

---

[1]) Древній списокъ житія 1470 года, писанный Паисіемъ Ярославовымъ, находится въ сборникѣ Троице-Сергіевской лавры за № 764. (Верховскій, Словарь церковно-историческій, т. I, вып. I).

Вельяминовъ, уже въ званіи большого московскаго воеводы, привелъ князю остальные русскіе полки на берега Лопасни и участвовалъ въ Куликовской битвѣ, гдѣ по нѣкоторымъ сказаніямъ и былъ убитъ, но этому противорѣчитъ то обстоятельство, что имя Тимоѳея Васильевича мы встрѣчаемъ въ числѣ первыхъ свидѣтельскихъ подписей въ обѣихъ духовныхъ Димитрія Донского, а между тѣмъ вторая духовная, по всѣмъ вѣроятіямъ, написана не ранѣе 1389 года [1]). Къ такому-то знатному человѣку, поступилъ Козьма по смерти своихъ родителей.

Честный разумный юноша настолько понравился своему попечителю, что тотъ сталъ сажать его за свой семейный столъ и вскорѣ сдѣлалъ управителемъ всего своего имѣнія. Но, проникнутый съ дѣтства истинами священнаго писанія, Козьма болѣе помышлялъ о спасеніи души своей, чѣмъ о мірскихъ благахъ. Единственнымъ путемъ, ведущимъ къ достиженію вѣчнаго блаженства, представлялось ему отреченіе отъ міра и постриженіе въ монашество. Зная, что Вельяминовъ добровольно не отпуститъ его въ монастырь, Козьма, тщательно скрывая свое намѣреніе отъ всѣхъ домашнихъ, въ то же время украдкою посѣщалъ обители, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ, съ надеждою получить постриженіе; но лишь только настоятели узнавали, что онъ принадлежитъ къ числу домочадцевъ Вельяминова, какъ тотчасъ же спѣшили наотрѣзъ отказать просителю, зная, какъ могутъ поплатиться за такое самовольное постриженіе. Время шло, а всѣ старанія юноши оставались безплодными; положеніе было безвыходное.

Незадолго передъ тѣмъ, въ 30 верстахъ отъ Троице-Сергіева монастыря, при впаденіи рѣчки Махрищи въ Молокчу, была основана новая обитель пришедшимъ съ юга постриженникомъ Кіево-Печерской лавры, Стефаномъ. Этотъ Стефанъ, другъ преподобнаго Сергія, настолько пользовался въ Москвѣ всеобщимъ уваженіемъ, что когда онъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ удалился было въ Вологодскіе предѣлы, то былъ снова возвращенъ въ Махрищи просьбою великаго князя Димитрія Іоанновича.

Узнавъ, что Стефанъ возвращается и будетъ въ Москвѣ, Козьма рѣшилъ обратиться къ нему, и лишь только старецъ пріѣхалъ, отыскалъ его, бросился ему въ ноги и со слезами сталъ молить о постриженіи. Слезы юноши растрогали старца, и дѣло, на которое не

[1]) Въ концѣ первой духовной (между 1360 и 1378 г.) говорится: «А послухи на сію грамоту Тимоѳей окольничій Васильевичъ, Иванъ Родіоновичъ, Иванъ Ѳедоровичъ»... и т. д. (Др. Росс. Вивліоѳика, изд. 2, т. I, стр. 87), а во второй, гдѣ Вельяминовъ уступаетъ первое мѣсто только Димитрію Михайловичу Волынскому-Боброку, сказано: «а писалъ есмь сію грамоту передъ своими отцы, передъ игуменомъ передъ Сергіемъ, передъ игуменомъ передъ Севастьяномъ; а туто были бояре наша Димитрій Михайловичъ, Тимоѳей Васильевичъ, Иванъ Родіоновичъ»... и т. д. (тамъ же, стр. 109).

могли рѣшиться сѣверные, выросшіе въ послушаніи князьямъ, игумены, не испугало выходца изъ древняго Кіева. Но власть Вельяминова была настолько сильна, что даже Стефанъ не рѣшился дѣйствовать открыто и сразу постричь юношу. Чтобы испытать боярина, онъ сначала прибѣгнулъ къ полумѣрѣ, посвятивъ Козьму въ рясофоръ, который считается только подготовительною ступенью къ настоящему постригу; при этомъ старецъ перемѣнилъ его мірское имя на монашеское и, оставивъ юношу у себя въ домѣ, отправился къ Вельяминову.

Время было за полдень, когда старецъ вступилъ на широкій дворъ Тимоѳея Васильевича. Хозяинъ только что пообѣдалъ и прилегъ отдохнуть, но, узнавъ о приходѣ Махрищенскаго игумена, немедленно всталъ, одѣлся и, выйдя къ Стефану, сталъ, по обычаю, просить его благословенія.

Благословивъ окольничаго, старецъ прибавилъ:

— И богомолецъ твой Кириллъ благословляетъ тебя.

— А кто такой Кириллъ?—спросилъ Вельяминовъ.

— Бывшій сродникъ твой Козьма, а нынѣ инокъ, Господу работникъ и о васъ молельщикъ.

Вскипѣлъ гнѣвомъ окольничій и, несмотря на все свое уваженіе къ игумену, наговорилъ ему много грубыхъ словъ.

Стефанъ отвѣчалъ евангельскимъ текстомъ:

— Идѣже аще пріемлютъ васъ и послушаютъ, ту пребывайте, а идѣже не пріемлютъ васъ, ниже послушаютъ, исходяще оттуду и прахъ ихъ прилѣпшій отрясите отъ ногъ вашихъ во свидѣтельство имъ.

Болѣе онъ не сказалъ ни слова и покинулъ домъ.

Услыхавъ грозныя слова Спасителя, произнесенныя въ ихъ домѣ, богобоязненная жена Вельяминова, Ирина, страшно испугалась и начала уговаривать мужа поскорѣе примириться съ огорченнымъ старцемъ. Раскаялся наконецъ и самъ Тимоѳей Васильевичъ; онъ послалъ за Стефаномъ, просилъ у него прощенія и далъ Кириллу полную свободу дѣйствовать, какъ пожелаетъ.

Кириллъ роздалъ все свое имущество бѣднымъ и, покончивъ мірскія дѣла, снова явился къ Стефану, который привелъ его въ недавно устроенный въ Москвѣ Ново-Симоновъ монастырь, къ настоятелю Ѳеодору, племяннику преподобнаго Сергія Радонежскаго. Ѳеодоръ постригъ Кирилла, удержавъ за нимъ монашеское имя, данное Стефаномъ.

Въ Симоновѣ введенъ былъ строгій общежительный уставъ, по которому каждый новый постриженникъ поручался духовному руководству опытнаго старца. Этому старцу онъ долженъ былъ постоянно отдавать отчетъ не только во всѣхъ своихъ поступкахъ, но даже и въ каждой мысли, въ каждомъ духовномъ движеніи, а старецъ, выслушивая исповѣдь, давалъ совѣты, наставленія и, какъ отецъ о сынѣ, заботился о своемъ духовномъ воспитанникѣ.

Гора Маура.

Старцемъ къ Кириллу назначенъ былъ нѣкто Михаилъ, извѣстный своимъ «высокимъ» житіемъ и взятый впослѣдствіи изъ монастыря на смоленскую епископскую каѳедру.

Ревностно предался молодой инокъ аскетическимъ подвигамъ умерщвленія плоти и очищенія духа; и лѣто и зиму ходилъ онъ въ одномъ легкомъ одѣяніи, по первому удару колокола спѣшилъ въ церковь, уснуть позволялъ онъ себѣ только сидя, но часто и самыя ночи проводилъ безъ сна на молитвѣ. Бывало ночью начнетъ старецъ читать псалмы Давида, а Кириллъ стоитъ и кладетъ поклоны.

Изнуряя тѣло, Кириллъ почти ничего не ѣлъ и наконецъ сталъ просить у старца позволенія принимать пищу только черезъ два или три дня. Но наставникъ не разрѣшилъ этого и велѣлъ ему попрежнему ежедневно бывать въ трапезѣ.

Наконецъ Ѳеодоръ совмѣстно съ Михаиломъ признали, что Кириллъ достаточно окрѣпъ духовно и можетъ вступить въ ряды самостоятельно трудящейся братіи. Ѳеодоръ опредѣлилъ его сначала въ хлѣбную, потомъ на поварню.

Кириллъ съ радостью выполнялъ возложенное на него послушаніе, не оставляя и своихъ тайныхъ духовныхъ подвиговъ. Онъ носилъ воду, кололъ дрова, мѣсилъ квашню и по цѣлымъ днямъ жарился передъ раскаленною печью, говоря себѣ: «терпи, Кириллъ, этотъ огонь, чтобы избѣжать огня вѣчнаго».

Приходя изъ своей обители въ Москву, преподобный Сергій заходилъ и въ Симоновъ къ своему племяннику, но большую часть времени проводилъ обыкновенно въ хлѣбнѣ у Кирилла, котораго очень любилъ за его строгую жизнь. Бывало, только разнесется въ обители слухъ, что пришелъ преподобный, и Ѳеодоръ и братія прямо уже и идутъ въ хлѣбню, зная, что гость навѣрно сидитъ тамъ.

Эти посѣщенія и подвижническій образъ жизни Кирилла обратили на него вниманіе всей обители, и скромный труженикъ сталъ тяготиться возроставшимъ къ нему общимъ уваженіемъ и, чтобы ослабить благопріятное впечатлѣніе, производимое на всѣхъ его личностью, началъ юродствовать и совершать такіе поступки, за которые Ѳеодоръ налагалъ на него епитимію въ видѣ сорокадневнаго питанія однимъ хлѣбомъ и водою. Но постникъ къ этому только и стремился. Теперь онъ могъ изнурять себя подъ благовиднымъ предлогомъ назначеннаго наказанія, и никто не могъ поставить ему пощенія въ особую заслугу. Отбывъ одинъ срокъ, Кириллъ немедленно навлекалъ на себя другое такое же сорокадневное наказаніе и такимъ образомъ по полугоду оставался на одномъ хлѣбѣ и водѣ, пока наконецъ Ѳеодоръ не догадался о высокой цѣли юродства и не прекратилъ свои епитиміи.

Тогда Кириллъ сталъ помышлять о такомъ занятіи, которое дозволило бы ему уединиться отъ людей и навсегда запереться въ своей келліи. Но въ монастырѣ послушаніе почиталось выше поста

и молитвы. Онъ не могъ самовольно явиться къ настоятелю и просить о перемѣнѣ рода дѣятельности, — это было бы нарушеніемъ монастырскаго устава. Кириллъ молчалъ и только въ пламенной молитвѣ открывалъ свои мысли передъ Богоматерью, къ которой привыкъ обращаться во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Черезъ нѣсколько времени Θеодоръ самъ позвалъ его и поручилъ списать въ келейномъ уединеніи какую-то книгу. Можно представить себѣ радость Кирилла при неожиданномъ исполненіи его задушевнаго желанія. Но, трудясь въ тишинѣ и безволвіи надъ переписываніемъ книги, онъ съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что молитва его лишена прежней глубины и умиленія, и былъ очень доволенъ, когда, по окончаніи труда, Θеодоръ снова послалъ его въ поварню, гдѣ преподобный пробылъ еще девять лѣтъ, и за это время былъ удостоенъ сана священства.

Въ 1390 году, Θеодоръ былъ сдѣланъ епископомъ ростовскимъ, и Симоновъ монастырь остался безъ настоятеля. Взоры всей братіи обратились тогда на Кирилла, и онъ, несмотря на отказываніе, былъ избранъ и поставленъ начальникомъ обители, причемъ и ему было усвоено званіе архимандрита, данное въ 1383 году константинопольскимъ патріархомъ Θеодору.

Трудное время настало для смиренной души преподобнаго. Слава новаго симоновскаго архимандрита далеко распространилась по Москвѣ, и въ келліи его постоянно толпился народъ. Пріѣзжала къ нему вся московская знать, князья, бояре, каждый со своими дѣлами, со своими разговорами. Преподобный принималъ ихъ, выслушивалъ, бесѣдовалъ, но душа его возмущалась этимъ мірскимъ шумомъ и суетою.

Въ сентябрѣ 1391 года, Кириллъ съ прискорбіемъ узналъ о кончинѣ своего любимаго собесѣдника и наставника, преподобнаго Сергія, и, тяготясь все болѣе и болѣе своимъ высокимъ саномъ и сопряженными съ нимъ пріемами, представительствомъ и другими хлопотами, онъ, несмотря на убѣжденія братіи, отказался отъ настоятельства и заперся въ своей келліи.

Мѣсто его занялъ архимандритъ Спасскаго въ Кремлѣ монастыря, Сергій Азаковъ. Но слава удалившагося отъ дѣлъ Кирилла не только не умалилась, а продолжала распространяться все далѣе и далѣе. Теперь къ нему стали приходить люди не изъ одной Москвы, а даже изъ другихъ дальнихъ городовъ, и Сергій началъ завидовать популярности смиреннаго старца. Тогда Кириллъ перешелъ въ монастырь Рождества Богородицы «на старомъ Симоновѣ» и поселился тамъ.

Ему было уже около шестидесяти лѣтъ, но душа его все жаждала новыхъ и новыхъ аскетическихъ подвиговъ. Его манило куда нибудь въ глушь, подальше отъ городовъ, отъ людей, въ лѣсныя дебри, гдѣ бы онъ могъ, наединѣ съ природою, всецѣло отдаться

созерцательной жизни, молитвѣ и богомыслію. Мы уже знаемъ, что въ минуты тяжелыхъ сомнѣній и разлада съ жизнію онъ всегда обращался съ горячею мольбою къ Богоматери, и теперь, мучимый жаждою одиночества, онъ молилъ ее указать ему дальнѣйшій путь къ спасенію.

Кириллъ имѣлъ обыкновеніе каждый день послѣ вечерняго правила читать акаѳистъ Царицѣ Небесной, и вотъ однажды, когда онъ во время чтенія дошелъ до словъ: «странное рождество видѣвше, устранимся міра и умъ на небеса преложимъ»,—вдругъ ему послышался голосъ:

— Иди отсюда на Бѣлоозеро. Тамъ уготовано тебѣ мѣсто, гдѣ ты можешь спастись.

Увидѣвъ мгновенно блеснувшій свѣтъ, Кириллъ открылъ оконце своей келліи и убѣдился, что свѣтъ этотъ сіяетъ надъ сѣверною страною, гдѣ находилась Бѣлозерская область. Всю ночь не смыкалъ онъ глазъ отъ восторга и умиленія, и эта ночь была для него свѣтлымъ днемъ.

Въ то же время одинъ изъ постриженниковъ Симонова монастыря, Ѳерапонтъ, близкій преподобному, былъ посланъ по обительскимъ дѣламъ въ сѣверные, Бѣлозерскіе предѣлы. Вскорѣ послѣ ночного видѣнія Кирилла, Ѳерапонтъ вернулся въ Москву и зашелъ на старое Симоново къ старцу.

— Есть ли мѣста на Бѣлѣозерѣ, гдѣ бы можно было безмолвствовать иноку?—спросилъ его Кириллъ.

— Много тамъ мѣстъ удобныхъ для уединенной жизни,—отвѣчалъ Ѳерапонтъ.

Кириллъ не открылъ ему своего видѣнія и только замѣтилъ, что думаетъ туда переселиться. Услыхавъ объ этомъ Ѳерапонтъ, также стремившійся къ уединенію, охотно вызвался быть его спутникомъ, и черезъ нѣсколько времени, взявъ съ собою икону Смоленской Божіей Матери путеводительницы, Кириллъ въ сопровожденіи Ѳерапонта отправился пѣшкомъ въ далекій путь.

II.

Жизнь Кирилла въ Бѣлозерскомъ краѣ.

Живо представились мнѣ эти люди съ пламенною фантазіей и огненнымъ сердцемъ, которые проводили всю жизнь гимнами Богу, которыхъ обнаженныя ноги сжигались знойными песками Палестины и примерзали ко льдамъ Скандинавіи. Эта жизнь для идеи, жизнь для водруженія креста, для искупленія человѣка казалась мнѣ высшимъ выраженіемъ общественности; ея нѣтъ больше, и она невозможна теперь.
(А. И. Герценъ. Легенда о святой Ѳеодорѣ).

Добравшись до Бѣлозерскихъ предѣловъ, путники осмотрѣли много глухихъ и пустынныхъ мѣстъ, но ни одно изъ нихъ не было по душѣ Кириллу. Наконецъ, они вступили въ область верхняго теченія Шексны и увидали впереди высокую гору. Это была Маура, съ вершины которой открывается роскошный видъ на окрестности. Поднявшись на гору, путники были поражены красотою разстилавшейся у ногъ ихъ картины. Среди зелени окружавшаго гору дремучаго лѣса сверкала внизу поверхность Сиверскаго озера, далѣе, въ сторонѣ, прихотливыми изгибами вилась Шексна, то пропадая, то снова появляясь между своими холмистыми берегами, еще далѣе свѣтлѣла зеркальная гладь другихъ озеръ, и видъ заключался синѣющими далями горизонта.

— Вотъ покой мой!—воскликнулъ Кириллъ.—До вѣка вселюсь здѣсь, какъ изволила Пречистая. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, услышавшій молитву мою!

Мѣсто для жительства старецъ избралъ себѣ неподалеку отъ горы между озерами Сиверскимъ, Лунскимъ и Долгимъ. Здѣсь они съ Ѳерапонтомъ водрузили деревянный крестъ, отпѣли благодарственный канонъ Богоматери, и теперь только Кириллъ разсказалъ спутнику о своемъ дивномъ ночномъ видѣніи.

Сначала они поселились вмѣстѣ въ землянкѣ, но черезъ нѣсколько времени Ѳерапонтъ отыскалъ себѣ другое мѣсто верстахъ въ 15 отъ Кирилла, между озерами Бородовскимъ и Пасскимъ, гдѣ основалъ со временемъ другой монастырь.

Кириллъ остался одинъ среди лѣсной глуши. Лишенія были ему не страшны, — онъ уже давно привыкъ къ нимъ, и въ 60 лѣтъ, благодаря постояннымъ трудамъ и воздержанію, онъ былъ попрежнему бодръ и силенъ тѣломъ и духомъ.

Первымъ изъ окрестныхъ жителей навѣстилъ его нѣкто Исаія, который разсказалъ, что какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь поселился отшельникъ, они не разъ слыхали звонъ и, какъ

будто бы, пѣніе. Пробовали ходить на звукъ, искали, но ничего не находили, а слышали многіе ясно. Потомъ уединенную землянку стали посѣщать крестьяне Авксентій Воронъ и Матвѣй Кукосъ; они помогали старцу въ трудахъ.

Среди своихъ пустынныхъ трудовъ и подвиговъ Кириллъ былъ искренно обрадованъ приходомъ къ нему двухъ иноковъ изъ Симонова: Зеведея и Діонисія, которые розыскали своего наставника въ сѣверныхъ дебряхъ и поселялись съ нимъ. Стали приходить въ пустыню и другіе иноки, прося позволенія жить подъ руководствомъ отшельника. Являлись къ преподобному и міряне съ просьбою о постриженіи. Добродушный старецъ не отказывалъ пришельцамъ, которые всѣ селились подлѣ него, и вскорѣ были устроены келліи и часовня для молитвенныхъ собраній. Пустынька была обнесена деревянною оградою.

Вскорѣ монастырская часовня уже не вмѣщала молящихся, и иноки стали просить старца, чтобы построилъ имъ церковь. Кириллъ и самъ видѣлъ, что церковь необходима, но въ этомъ глухомъ краю нельзя было найти плотниковъ, которые могли бы построить такое обширное зданіе. Старецъ началъ молиться, и совершенно неожиданно, никѣмъ не званные, явились въ обитель опытные мастера, которые и срубили первую церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Это было ровно пятьсотъ лѣтъ назадъ, именно лѣтомъ 1397 года.

Общежительный уставъ, введенный преподобнымъ въ своемъ монастырѣ, даетъ намъ понятіе о жизни иноковъ въ строгихъ обителяхъ того времени. Церковная служба совершалась благоговѣйно, и напѣвы были тихіе и чинные. Каждый имѣлъ въ церкви свое указанное мѣсто и безъ особой надобности не имѣлъ права покидать его. Примѣромъ того, какъ надо стоять во время молитвы, служилъ самъ преподобный, который не пропускалъ ни одной службы, въ церковь являлся первымъ и, несмотря на свои лѣта, ни разу не позволилъ себѣ прислониться къ стѣнѣ или сѣсть безъ времени. Въ трапезѣ, гдѣ каждый также имѣлъ свое назначенное мѣсто, тишина наблюдалась полная, никто не смѣлъ ни шептаться, ни разговаривать, и всѣ слушали только чтеца, читавшаго очередное поученіе или житіе. Блюдъ за трапезой, кромѣ постныхъ дней, подавалось три, а настоятель вкушалъ только отъ двухъ и то не досыта. Питьемъ для братіи была одна вода; вино и медъ запрещено было даже вносить въ монастырскую ограду. Въ кельяхъ имѣлись только иконы, книги и сосудъ съ водою для умыванія рукъ, такъ какъ пить воду позволялось только съ благословенія въ трапезѣ. Братія занималась въ свободное отъ молитвы время переписываніемъ книгъ и рукодѣльями. Никто не могъ имѣть никакой частной собственности,—все было общее и поступало въ монастырскую казну, откуда братія получала все нужное. Ни въ одеждѣ, ни въ обуви не было никакого различія, а о преподобномъ говорится, что онъ по-

силъ «ризу раздраную и многошвенную». Никому не позволялось выходить изъ обители, кромѣ одного только инока, на обязанности котораго лежала закупка припасовъ для обители. Весь день проводили въ молитвѣ и трудахъ, а преподобный, несмотря на постоянныя заботы и попеченія о своихъ пасомыхъ, находилъ время побывать каждое утро на поварнѣ, гдѣ онъ, по старой памяти, лично участвовалъ въ приготовленіи пищи для братіи. Имѣя въ виду дальнѣйшее существованіе обители послѣ своей смерти, онъ съ благодарностью принималъ пожертвованія разными угодьями и недвижимою собственностью, которыя жертвовали обители частные благотворители, но на управленіе этимъ имуществомъ у

Черемховый посохъ и дорожная сумка преп. Кирилла.

(Рисунокъ на сумкѣ вышитъ шелками, голубаго и палеваго цвѣта; сумка прикрѣплена къ поясу; пряжка на поясѣ деревянная).

него былъ свой особый взглядъ. Однажды нѣкій бояринъ Романъ, благотворитель обители, прислалъ ему дарственную грамоту на село. «Если тебѣ угодно, человѣкъ Божій», написалъ ему преподобный, «дать село въ домъ Пречистыя на прокормленіе братіи, то вмѣсто пятидесяти мѣръ жита, которыя ты даешь намъ, отпускай ихъ сто, если можешь,—мы будемъ довольны; а селами своими владѣй самъ, ибо намъ они не нужны и не полезны для братіи, а душа единаго брата дороже всего имѣнія». Онъ не дозволялъ также ходить по мірянамъ за сборомъ на монастырь и принималъ только то, что они приносили сами, смотря на ихъ приношенія, какъ на даръ, посылаемый Богомъ.

Духовное руководство и личный примѣръ Кирилла создали въ обители не мало подвижниковъ, отличавшихся замѣчательною строгостью жизни, какъ, напримѣръ, старецъ молчальникъ Игнатій, который впродолженіе тридцати лѣтъ своего иночества ни разу не ложился для отдыха, а спалъ, или, точнѣе, дремалъ, только стоя или сидя. Ученикомъ этого Игнатія былъ Иннокентій, которому Кириллъ при кончинѣ передалъ управленіе монастыремъ. Любимымъ ученикомъ самого преподобнаго былъ Христофоръ, переписавшій не одну церковную книгу подъ руководствомъ старца. Христофоръ, между прочимъ, обрекъ себя на подвигъ вѣчнаго пребыванія въ обители и до самой смерти ни разу не вышелъ за монастырскія ворота. Изъ числа братіи упомянемъ еще о постриженникѣ преподобнаго—Мартиніанѣ. По порученію Кирилла, онъ занимался чтеніемъ и изученіемъ духовныхъ книгъ, но болѣе, чѣмъ изъ книгъ, узналъ онъ отъ самого своего блаженнаго учителя, слова котораго собиралъ и закрѣплялъ въ сердцѣ, «какъ на хартіи». Впослѣдствіи Мартиніанъ былъ игуменомъ Ѳерапонтовой пустыни и Троице-Сергіева монастыря. Нѣкоторое время въ обители Кирилла пробылъ и св. Діонисій Глушицкій, который своею кистью сохранилъ для насъ на иконѣ черты преподобнаго.

Въ житіи Кирилла записано со словъ очевидцевъ много случаевъ дивной его прозорливости и чудесъ, совершенныхъ его несокрушимою вѣрою.

Но силы старца слабѣли; ноги отказывались служить. Онъ уже не могъ самъ ходить въ церковь, хотя и не оставлялъ своего обычнаго правила лично совершать богослуженіе въ каждый праздничный день. Въ эти дни братія приносила старца на рукахъ въ церковь, и онъ, собравъ остатокъ силъ, отправлялъ божественную службу. Незадолго до кончины онъ позвалъ въ келлію все свое духовное стадо, завѣщалъ имъ строго держаться общежительнаго устава и назначилъ преемникомъ своимъ Иннокентія.

Послѣднюю божественную службу отслужилъ онъ 8 іюня 1427 года, въ самый Троицынъ день, а 9-го числа, въ день своего ангела, св. Кирилла Александрійскаго, сталъ готовиться къ смерти. Собрав-

шаяся въ его келлію братія рыдала, прощаясь съ своимъ наставникомъ.

— Если ты оставишь насъ, отче,—говорили нѣкоторые:—то и мѣсто опустѣетъ, ибо многіе переселятся изъ монастыря.

— Не скорбите о моемъ отшествіи,—отвѣчалъ умирающій:—если получу дерзновеніе у Господа и у Пречистой Его Матери, то не только не оскудѣетъ обитель моя, но еще болѣе распространится; только имѣйте любовь между собою.

Лицо его было весело; онъ радовался, какъ путникъ, который, послѣ долгаго странствія, видитъ наконецъ свою родину. Братія просила его благословенія; онъ благословилъ, простился со всѣми и, въ свою очередь, просилъ прощенія и молитвъ. Въ послѣднія минуты жизни блаженный причастился св. тайнъ и съ молитвою на устахъ скончался тихимъ сномъ праведника на девяностомъ году отъ рожденія.

III.

Посланія Кирилла и его духовное завѣщаніе.

> Изъ этихъ немногихъ посланій виденъ смиренный и христіанскій характеръ Кирилла, видна простота его, какъ въ мысли, въ чувствѣ, такъ и въ словѣ, и видна наконецъ та прекрасная духовная связь, которая соединяла отшельника съ державцами Русской земли. Шевыревъ.

Въ одномъ изъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки XVI вѣка сохранились три посланія преподобнаго Кирилла къ сыновьямъ Димитрія Донского—Василію, Андрею и Юрію. Эти посланія драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло уже не съ воспоминаніями учениковъ, какъ въ житіи, а слышимъ собственныя рѣчи преподобнаго, наблюдаемъ теченіе его мысли, знакомимся съ его взглядами на разные современные вопросы, и передъ нами, какъ бы дополняя самъ свое житіе, возстаетъ свѣтлый духовный обликъ подвижника.

Первое изъ посланій, писанное къ великому князю московскому Василію Димитріевичу, относится къ промежутку времени между 1399 и 1402 годомъ. Извѣстно, что преподобный пользовался большимъ уваженіемъ матери великаго князя, вдовы Димитрія Донского, Евдокіи, которая жертвовала разныя угодья въ Бѣлозерскую обитель. Сынъ ея, великій князь, также посылалъ милостыню въ монастырь, прося молитвъ блаженнаго, и старецъ начинаетъ письмо съ благодарности за княжескія милости.

«Господину благовѣрному и боголюбивому князю великому Василію Дмитріевичу Кирило черньчище многогрѣшный, съ своею бра-

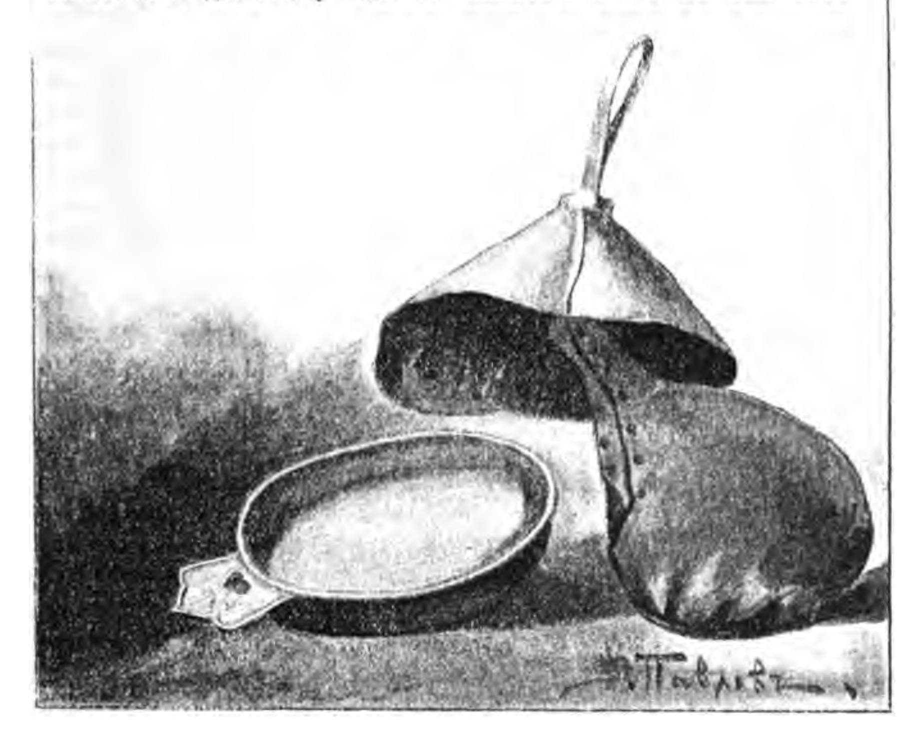
тійцею на твоей, господине, довольной еже къ намъ милостыни, много челомъ бьемъ, и радуемся, господине, о тебѣ, что имѣеши сицеву вѣру къ Пречистой Богородицѣ и нашей нищетѣ, и о велицемъ твоемъ смиреніи». Далѣе, характеризуя себя съ истинно христіанскимъ самоуничиженіемъ, преподобный продолжаетъ: «печалую душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху сице ублажаете, не притяжавша ни единыя добродѣтели, но всякой страсти повиннаго, и таково, господине, моленіе посылаеши ко мнѣ, не могущему и о своихъ грѣсѣхъ Бога умолити. И како о тебѣ, господине, Бога умолю, такову мн сущу исполнену всякаго дѣла зла? Но, господине, писано, что не велитъ отрицатися и грѣшнымъ молити Бога о велящихъ за ся, вѣры ради ихъ».

Окончивъ благодареніе за княжескія милости, Кириллъ, по долгу духовнаго пастыря, переходитъ къ наставленію и совѣтуетъ князю хранить Господни заповѣди и уклоняться отъ пути, ведущаго въ пагубу, что, по его мнѣнію, особенно необходимо для человѣка, носящаго такое высокое званіе. «Яко же бо о кораблехъ есть», подкрѣпляетъ онъ слова свои примѣромъ: «егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчей, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: такоже, господине, и о князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяетъ вредъ». Далѣе преподобный обращается къ событію, происшедшему за нѣсколько лѣтъ назадъ, именно къ захвату Василіемъ Нижняго Новгорода и къ возникшей, вслѣдствіе этого, враждѣ между московскимъ великимъ княземъ и племянниками Бориса суздальскаго—Василіемъ Кирдяпою и Симеономъ. Недовольные своимъ московскимъ родственникомъ, князья бѣжали въ орду, откуда Симеонъ въ 1395 году приходилъ съ татарами къ Нижнему, но не могъ удержаться въ немъ и отступилъ. Года черезъ четыре онъ снова повторилъ попытку овладѣть городомъ и опять безуспѣшно. Въ 1401 году Василій Дмитріевичъ послалъ своихъ воеводъ схватить Симеона, жену его и семейство. Симеонъ укрывался въ ордынскихъ степяхъ, жена же его и дѣти были схвачены въ Мордовской землѣ и приведены въ Москву. Объ этихъ-то происшествіяхъ и говорится во второй половинѣ посланія преподобнаго.

«Да слышалъ есми, господине, князь великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими князьми суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнутъ ти, господине, бити челомъ, и ты бы,

господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышалъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ея, господине, и возбранили (т. е. начали междоусобную брань). И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная коя власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго, яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленныя, много, господине, поможетъ на страшнемъ и праведнемъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ апостолъ Павелъ, ученикъ Христовъ: «аще имамъ вѣру горы представляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничтоже польза ми есть». Възлюбленный же пишетъ Іоаннъ Богословъ: «аще кто речетъ—Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть». Тѣмже и ты, господине, возлюби Господа Бога отъ всея души своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне».

Василій Димитріевичъ примирился съ Симеономъ и освободилъ его княгиню и далъ ему покойно окончить вѣкъ въ Вятскихъ



Чашка изъ красной мѣди съ кожанымъ влагалищемъ.

предѣлахъ. Разсказывая объ этомъ, С. М. Соловьевъ замѣчаетъ, что все это совершилось, «быть можетъ, по увѣщанію св. Кирилла Бѣлозерскаго». Объ этомъ же посланіи упоминаетъ и г. Экземплярскій въ описаніи судебъ Суздальско-Нижегородскаго княжества. Въ послѣдовавшемъ чрезъ нѣсколько лѣтъ бракосочетаніи внука Кирдяпы, Александра, съ дочерью Василія Димитріевича Василисою, Шевыревъ также усматриваетъ вліяніе добраго слова Кириллова.

Второе письмо преподобнаго писано къ сыну Димитрія Донского, князю Андрею Можайскому, владѣвшему и Бѣлозерскимъ удѣломъ. Крестникъ симоновскаго архимандрита Өеодора, князь Андрей съ дѣтства еще привыкъ уважать преподобнаго Кирилла и, наѣзжая въ свою Бѣлозерскую вотчину, поддерживалъ прежнія отношенія къ старцу и благотворилъ его пустынной обители.

Посланіе Кирилла написано въ отвѣтъ на письмо князя, извѣщавшее о чудесахъ, бывшихъ отъ Богоматери. Время написанія этого посланія неизвѣстно, но, судя по одному его мѣсту, гдѣ преподобный говоритъ объ избавленіи христіанскаго рода «отъ нашествія иноплеменныхъ врагъ», оно можетъ быть отнесено къ 1408 году, ко времени нашествія Эдигея, когда Василій Димитріевичъ покинулъ Москву, и она, по выраженію Шевырева, кромѣ всенародныхъ молитвъ, не имѣла другой защиты.

Воздавъ хвалу Богоматери по поводу совершенныхъ чудесъ, блаженный преподаетъ князю наставленія по управленію вотчиною: «И ты, господине, князь Андрей, видя человѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Іисуса Христа, что гнѣвъ Свой отъ насъ отвелъ, а милость Свою явилъ народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожи Богородицы Матери Своея, и ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ отъ Бога поставленъ, люди, господине, уймати отъ лихого обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищества ради; ни сътвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправо судя». Пророкъ рече: «Ярость Господня на нихъ неисцѣльно до вѣка, и огонь поястъ нечестивыя мзды ради, иже неправдою взимаютъ». А судя праведно, безо мзды, спасени будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика погуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Также, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. Также, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей

вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Такоже, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не потщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется; понеже властитель еси своимъ людемъ отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы, и поста. А отъ упиванія бы есте уймались, и милостыньку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися лѣнитеся, ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ».

Третье изъ дошедшихъ до насъ посланій преподобнаго написано къ сыну Юрію Дмитріевичу, князю Звенигородскому, впослѣдствіи извѣстному своею борьбою за великокняжескія права съ племянникомъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ. Оно служитъ отвѣтомъ на извѣщеніе о болѣзни княгини Анастасіи, супруги Юрія, скончавшейся по Никоновской лѣтописи 11 іюля 1422 г., и слѣдовательно написано никакъ не позднѣе этого года.

Поблагодаривъ князя за его «частую милостыню», Кириллъ

Желѣзныя вериги, которыя, по монастырскому преданію, носилъ преп. Кириллъ.

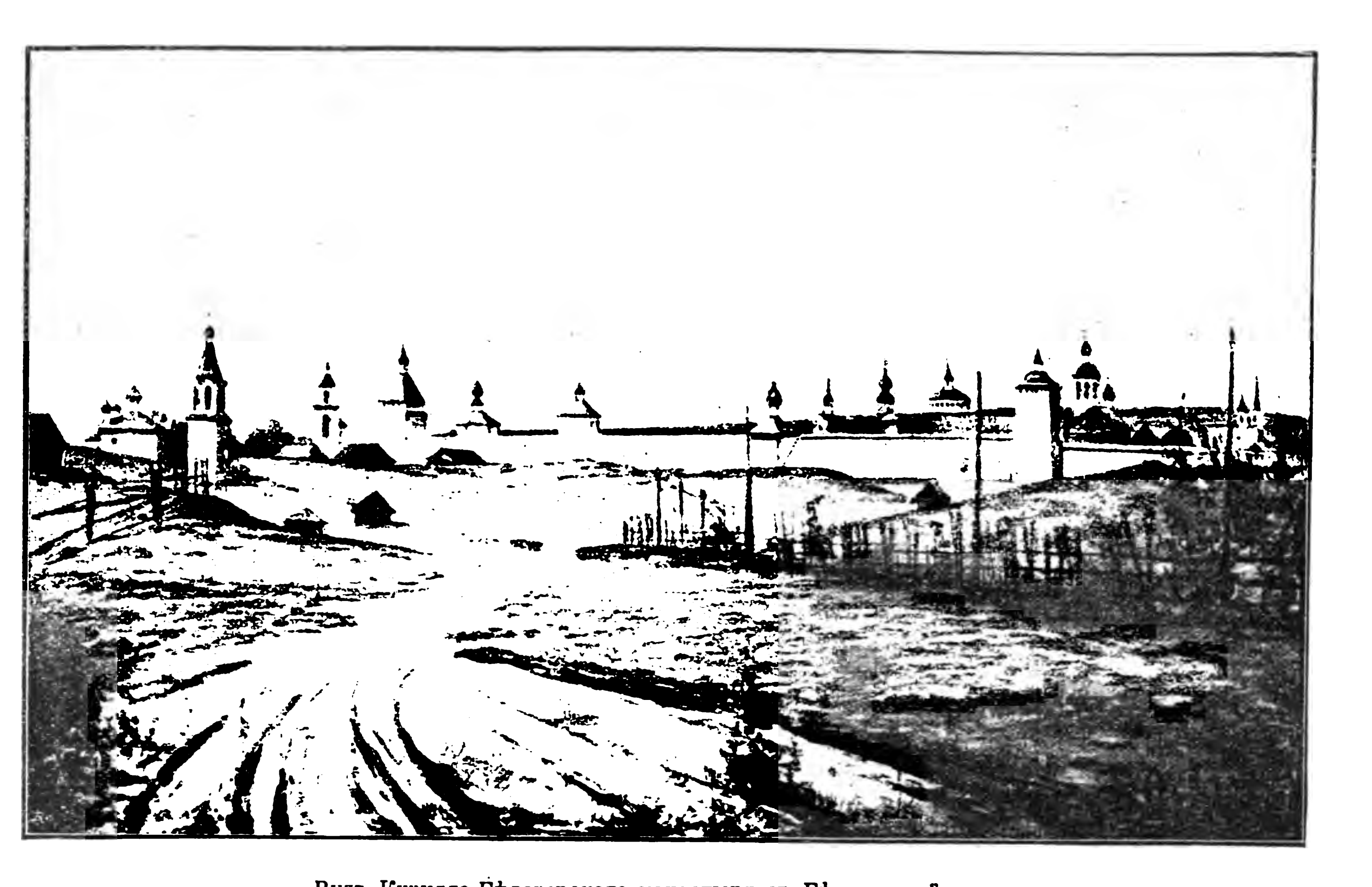
тотчасъ же переходитъ къ болящей княгинѣ, причемъ рѣчь его звучитъ глубокою, несокрушимою вѣрою. «А что, господине, скорбишь о своей княгинѣ, что въ недузѣ лежитъ», говоритъ онъ: «ино, господине, воистину вѣмы, яко нѣчто смотрѣніе Божіе и человѣколюбіе Его бысть на васъ, чтобы есте исправились къ нему. И вы, господине, посмотрите себе и обыщите внутрь сокровенная своя, яже Богъ вѣсть и вы сами, да о томъ, господине, покайтесь отъ всея души своея, да отъ того бы престати: занеже, господине, аще кто милостыню творитъ, аще и молити Бога за себя велитъ, а самъ не отстанетъ неподобныхъ дѣлъ своихъ, ничтоже пользуетъ себе, ниже Богъ благоволитъ отъ таковаго приношенія. И вы, господине, посмотрите себе и исправитесь къ Богу невъзратно; и аще, господине, сице обратитесь къ Богу, и азъ грѣшный поручаюся, яко проститъ вамъ благодатію своею вся согрѣшенія ваша и избавитъ васъ отъ всякія скорби и бѣды, и княгиню твою здраву сътворитъ».

Преподавъ затѣмъ утѣшеніе Юрію, на случай, если бы княгиня скончалась, блаженный продолжаетъ: «но надѣемся на милость Божію, яко не оскорбитъ тя Господь, но благодатію Своею помилуетъ и утѣшитъ тя, и Пречистая Госпожа Богородица, Царица наша, поможетъ ти, что насъ, господине, нищихъ ся не забываешь въ пустомъ мѣстѣ семъ събравшихся во обитель ея, но часто призираеши доволными твоими милостынями».

Повидимому, звенигородскій князь имѣлъ намѣреніе лично побывать въ Кирилловой обители и поклониться преподобному. Кириллъ энергично противится этому желанію, грозя, въ случаѣ пріѣзда князя, покинуть монастырь и идти «куда Богъ наставитъ». «Понеже, господине», продолжаетъ онъ: «вы чаете меня здѣсь, что азъ добръ и святъ; ино, господине, въистинну всѣхъ есми человѣкъ окаяннѣе и грѣшнѣе и всякаго студа исполненъ. И ты, господине, князь Юрій, не подиви на насъ о семъ; понеже, господине, слышу, что божественное писаніе самъ вконецъ разумѣеши и чтешь, и вѣдаешь самъ, каковъ намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческія, наипаче же намъ страстнымъ. Еще, господине, самъ сего поразсуди: понеже твоея вотчины въ сей странѣ нѣтъ и только ты, господине, поѣдешь сѣмо, яко вси человѣцы начнутъ глаголати: «Кирилла дѣля токмо пріѣхалъ». Былъ, господине, здѣсе братъ твой князь Андрей, ино, господине, его вотчина, и намъ пришла нужа: нелзѣ намъ ему, своему господину, челомъ не ударити. А ты, господине, Бога ради, не учини того, что ти къ намъ ѣхати».

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ духовнаго завѣщанія преподобнаго, писаннаго незадолго до кончины и заключающаго въ себѣ послѣднюю волю старца.

«Се азъ, Кирило игуменъ, черньчище грѣшный, пишу сію грамоту при своемъ животѣ и въ своемъ смыслѣ. Предаю монастырь, трудъ свой



Видъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ Бѣловерской дороги.

и своее братіи Богу и Пречистѣй Богородици, Матери Божіи, Царици небеснѣй и господину князю великому сыну своему (преподобный былъ духовникомъ князя и его семьи) Андрею Дмитріевичу, и сына своего благословляю въ свое мѣсто священноинока Иннокентія. И ты, господине, князь великій Бога р · · и Пречистыя для Богородици, и своего ради спасенія, и мене ци своего нищего грѣшна человѣка, какову еси, господине, имѣлъ любовь доселѣ къ Пречистѣй Богородици и къ нашей нищетѣ, при моемъ животѣ, тако бы еси, господине, и по моемъ животѣ имѣлъ любовь крѣпку къ Пречистѣй Богородици и къ сыну моему Иннокентію и къ моей братици, которыи имутъ по моему житьищу жити, а игумена слушати». Далѣе онъ проситъ князя, чтобы его княжеское жалованіе обители и дарственныя «грамотки» были неподвижны, «занеже намъ, твоимъ нищимъ, нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и твоимъ, господине, жалованьемъ, нашего господина и господаря».

Но болѣе всего заботится старецъ о сохраненіи въ обители введеннаго строгаго общежительнаго устава и духовную свою заключаетъ слѣдующею просьбою князю и послѣднимъ распоряженіемъ: «однова, господине, игуменъ ти ся иметъ жаловати на которую братію, которые, господине, не имутъ его слушати, а по волѣ его не ходятъ, а мое житище грѣшна человѣка имутъ перечинивати, и азъ господина своего и господаря тобе съ слезами много молюся о томъ, чтобы еси, господине, тому не попустилъ быти, а тѣхъ бы еси, господине, чюнулъ крѣпко. Кто по моему житьищю не ходитъ, а игумена не иметъ слушати, и ты, господине, тѣхъ вели и изъ монастыря выслати».

IV.

Судьбы обители послѣ кончины преподобнаго.

> «И свое обѣщаніе положихъ вамъ съ радостію, яко нигдѣ индѣ, аще благоволитъ Богъ, во благополучно время, здраву постригщися, точію во пречестнѣй сей обители Пречистыя Богородица, чудотворца Кирилла составленія».
>
> Іоаннъ Грозный. Посланіе игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козьмѣ съ братіею.

Сбылось пророчество Кирилла, сказавшаго, что ранѣе его никто изъ братіи не отойдетъ въ вѣчность, а за нимъ послѣдуютъ многіе. Не прошло и года со времени его кончины, какъ болѣе половины иноковъ, точно по уговору, переселились къ своему любимому отцу и наставнику; послѣ всѣхъ отошелъ въ вѣчность и игуменъ Инно-

кентій. Въ обители изъ пятидесяти трехъ человѣкъ осталось всего двадцать три. Они не разошлись и продолжали трудиться подлѣ свѣжей могилы преподобнаго, котораго тотчасъ же послѣ его кончины всѣ окрестные жители начали чтить, какъ святого, и слава о немъ перешла даже крайніе предѣлы Русскаго государства. Аѳонскій инокъ Пахомій Логоѳетъ, пріѣхавшій около этого времени въ Россію, разсказывалъ, что еще на Аѳонѣ слышалъ о подвигахъ и чудесахъ Кирилла. Митрополитъ Іона въ посланіи 1448 года уже причисляетъ бѣлозерскаго подвижника къ лику великихъ чудотворцевъ, наравнѣ съ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, и слѣдовательно канонизація св. Кирилла свершилась гораздо ранѣе извѣстныхъ Макаріевскихъ соборовъ 1547 и 1549 годовъ.

Преемникомъ Иннокентія въ управленіи обителью былъ Христофоръ, при которомъ число братіи значительно увеличилось. Ему наслѣдовалъ Трифонъ, оказавшій важное вліяніе на исходъ борьбы между Василіемъ Темнымъ и Шемякою. Послѣ извѣстнаго примиренія князей въ Угличѣ, въ 1446 году, Шемяка далъ своему ослѣпленному двоюродному брату въ удѣлъ Вологду, а Темный выдалъ Шемякѣ такъ называемыя проклятыя грамоты въ томъ, что не будетъ искать подъ нимъ великаго княженія. Но лишь только освобожденный князь прибылъ въ Вологду, сторонники начали собираться къ нему толпами, съ требованіемъ похода на Москву и изгнанія Шемяки. Василій чувствовалъ себя связаннымъ грамотами и грозившимъ ему проклятіемъ. Не зная, на что рѣшиться онъ поѣхалъ въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель поклониться гробу угодника и раздать братіи милостыню. Тяготившій князя вопросъ былъ рѣшенъ въ стѣнахъ монастыря Трифономъ, который принялъ проклятіе на себя.

— Тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи,—сказалъ онъ,—что ты неволею крестъ цѣловалъ князю Димитрію Шемякѣ, а ты, государь, поди на свое княженіе.

Съ Бѣлоозера Темный и тронулся въ походъ, результаты котораго извѣстны.

Между тѣмъ, число иночествующихъ въ обители настолько увеличилось, что церковь, построенная преподобнымъ, оказалась мала, и Трифонъ сталъ подумывать о средствахъ для возведенія новой. Въ это время обитель посѣтилъ бояринъ Захарій Ивановичъ, родоначальникъ будущаго царскаго дома Романовыхъ. Строгость и тишина монастырской жизни настолько ему понравились, что онъ хотѣлъ даже постричься въ обители и одарилъ ее богатыми вкладами, которые и были употреблены на постройку новой, обширной деревянной церкви. Постройка эта совпала съ труднымъ временемъ для обители. По случаю неурожая, во всей окрестности насталъ сильный голодъ, и голодный людъ массами устремился къ монастырю, надѣясь найти тамъ пропитаніе. Сверхъ расходовъ на ма-

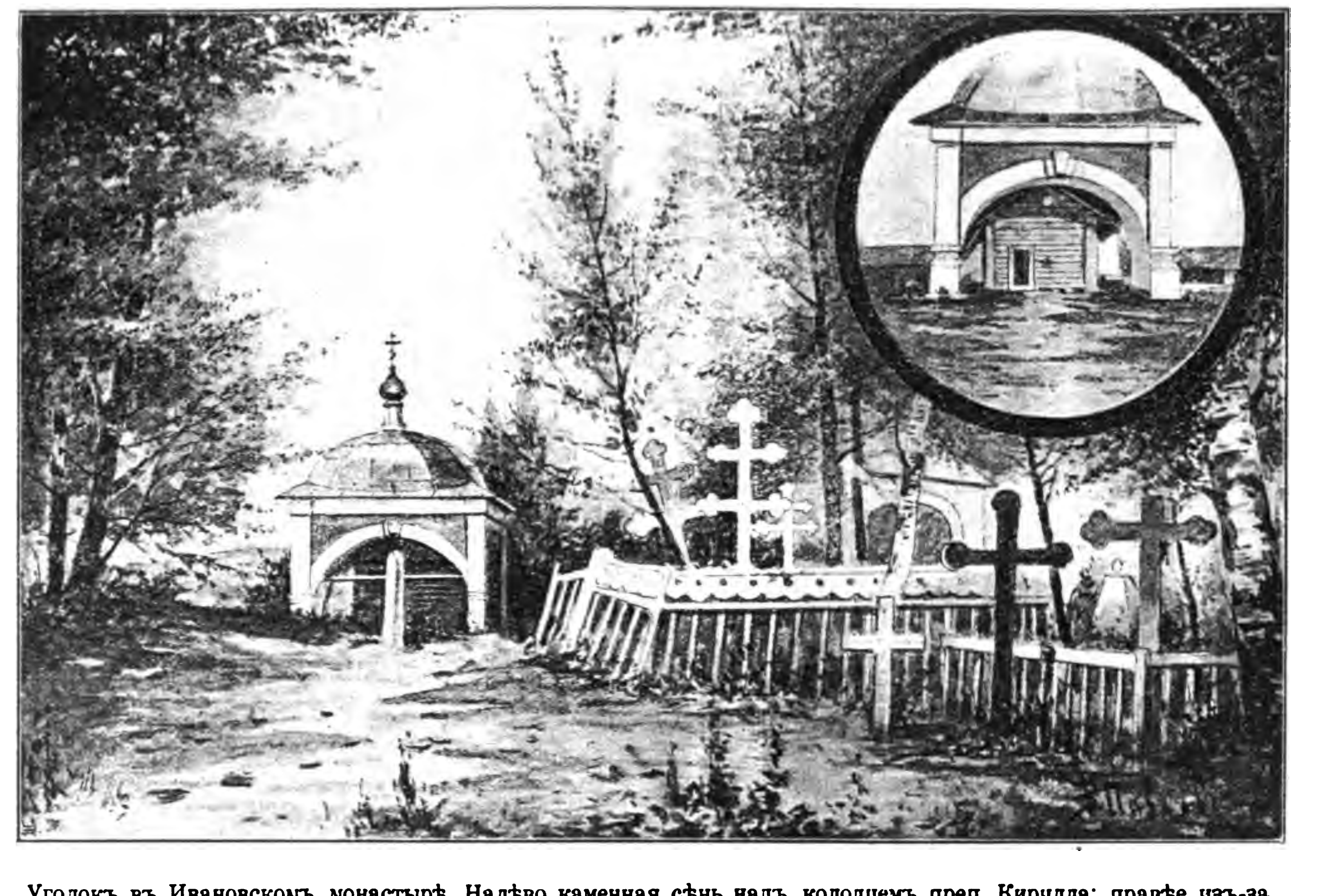
теріалъ, на его доставку, на мастеровъ и проч., обитель должна была ежедневно прокармливать до 600 человѣкъ бѣдствующаго люда. Но обительскіе запасы не истощались и какъ бы въ доказательство изчеренія: «рука дающаго не оскудѣваетъ», Трифонъ, кромѣ новой церкви, имѣлъ еще возможность построить и «вельми красную» трапезу для братіи.

Дѣятельность слѣдовавшаго за Трифономъ игумена Кассіана оставила слѣдъ въ нашей церковной исторіи. Когда послѣ смерти Фотія русскіе архіереи, въ 1448 году, поставили московскимъ митрополитомъ рязанскаго епископа Іону помимо константинопольскаго патріарха, кирилловскій игуменъ Кассіанъ два раза посылался въ Царьградъ для улаженія этого дѣла. Посольство его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и великій князь «почтилъ его и далъ ему довольныя требованія монастырю». Съ этихъ поръ наши митрополиты начали ставиться своими епископами уже безъ всякихъ сношеній съ Константинополемъ, и греческая церковь признала русскаго митрополита по чести первымъ среди остальныхъ, отведя ему мѣсто по значенію тотчасъ за іерусалимскимъ патріархомъ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ поставленія Іоны, въ Литовской Руси явился новый, поставленный въ Римѣ, митрополитъ Григорій. Кассіанъ вмѣстѣ съ троицкимъ игуменомъ Вассіаномъ ѣздилъ въ Литву къ тамошнимъ православнымъ съ увѣщаніемъ митрополита Іоны не отдѣляться отъ русской церкви и не принимать Григорія. Но на этотъ разъ посольство успѣха не имѣло, и юго-западная митрополія отпала отъ сѣверо-восточной.

При Кассіанѣ же, со словъ очевидцевъ, было составлено Логоѳетомъ житіе преподобнаго Кирилла, и написана ему особая служба.

Послѣ смерти извѣстнаго намъ князя Андрея Димитріевича, въ 1432 году, его Можайскій удѣлъ распался на два: на собственно Можайскій, доставшійся его старшему сыну, Ивану Андреевичу, и на Верейскій, въ составъ котораго входило Бѣлоозеро, гдѣ сталъ княжить второй сынъ Андрея, Михаилъ. Новый владѣлецъ Бѣлозерскаго края, подобно отцу своему, глубоко чтилъ память преподобнаго, отъ котораго онъ и жена сподобились нѣсколькихъ исцѣленій. Монастыремъ управлялъ въ то время нѣкто Нифонтъ, человѣкъ новый въ обители, переведенный сюда изъ другого мѣста и приведшій съ собою нѣсколько новыхъ старцевъ. Монастырь вмѣстѣ съ окружающею мѣстностью искони находился въ вѣдѣніи ростовскихъ архіереевъ. Видя доброе расположеніе къ себѣ князя, честолюбивый монахъ, вмѣстѣ съ своими старцами, задумалъ выйти изъ-подъ власти ростовскихъ владыкъ и сдѣлать монастырь подвѣдомственнымъ одному только верейскому князю, причемъ духовное управленіе само собою всецѣло перешло бы въ руки настоятеля. Онъ убѣдилъ князя Михаила Андреевича съѣздить въ Москву и обратиться прямо къ митрополиту Геронтію. Геронтій, отличавшійся твердымъ характеромъ



Уголокъ въ Ивановскомъ монастырѣ. Налѣво каменная сѣнь надъ колодцемъ преп. Кирилла; правѣе изъ-за деревьевъ видна сѣнь надъ его келліею. Вверху, въ кругѣ, келлія преподобнаго.

(Набросокъ сдѣланъ съ пригорка отъ Ивановской церкви).

и наклонностью къ самовластію, выдалъ князю отъ своего имени грамоту на владѣніе монастыремъ. Владыка ростовскій Вассіанъ протестовалъ противъ такого грубаго нарушенія своихъ правъ и, не добившись ничего у митрополита, обратился къ самому великому князю Іоанну III. Но и ходатайство великаго князя было безуспѣшно. Тогда Іоаннъ собственною властію приказалъ отобрать грамоту у верейскаго князя и созвалъ въ Москву соборъ изъ епископовъ и архимандритовъ, чтобы разсудить Вассіана съ митрополитомъ. Геронтій увидѣлъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, и сталъ просить великаго князя устроить примиреніе съ ростовскимъ епископомъ до суда. Примиреніе состоялось, грамота была разорвана, и монастырь попрежнему остался подъ вѣдѣніемъ ростовскихъ владыкъ.

Называя Нифонта и новыхъ старцевъ главными виновниками смуты, монастырскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что обительскіе старцы, постриженники монастыря, люди не желали этой перемѣны и молили Бога, чтобы Онъ оставилъ ихъ подъ той же властію, которой повиновался и самъ преподобный. Вообще въ теченіе всего XV-го и первой половины XVI-го вѣка строгій общежительный уставъ и всѣ постановленія св. Кирилла ревностно поддерживались старцами въ обители, и не однажды, когда являлись посторонніе игумены, хотѣвшіе ввести свои порядки, кирилловскіе старцы твердо стояли за старину, вынося за это брань и даже побои и увѣчья. Одинъ изъ такихъ реформаторовъ явился во времена митрополита Геронтія. Всѣ протесты старцевъ были напрасны. Тогда они рѣшили лучше покинуть монастырь, чѣмъ подчиниться новымъ уставамъ, но тутъ уже за нихъ вступился самъ верейскій князь, выгналъ игумена и вернулъ иноковъ въ монастырь.

Въ 1482 году, князь Михаилъ Андреевичъ заключилъ съ Іоанномъ III договоръ, въ которомъ, между прочимъ, относительно Бѣлаозера было сказано, что оно по смерти Михаила переходитъ во владѣніе великаго князя московскаго, а великій князь, въ свою очередь, давалъ обѣщаніе: «съ тое отчины, съ Бѣлаозера, душу Михайлову поминати». Черезъ четыре года верейскаго князя не стало, и согласно этому договору московскіе государи сдѣлались обладателями глубоко чтимой ими обители.

Около этого времени въ монастырѣ построенъ каменный Успенскій храмъ, бывшій первою каменною постройкою во всемъ Бѣлозерскимъ краѣ. Значеніе обители росло и росло. Ее уже называли «великою лаврою Пречистой Богородицы». Игумены ея принимали участіе въ земскихъ церковныхъ соборахъ и по степени стояли выше многихъ архимандритовъ.

Женившись на Еленѣ Глинской, Василій III, въ 1529 году, пріѣхалъ въ монастырь вмѣстѣ съ женою молиться о разрѣшеніи безчадія. Въ слѣдующемъ году, какъ извѣстно, родился Іоаннъ Грозный. Обрадованный рожденіемъ сына, Василій Іоанновичъ пожер-

твовалъ въ монастырь 1000 рублей и на свой счетъ выстроилъ двѣ каменныхъ церкви: одну — неподалеку отъ келліи преподобнаго, во имя Іоанна Предтечи — ангела новорожденнаго, — съ придѣломъ св. Кирилла, другую въ честь Архангела Гавріила, соборъ котораго празднуется 26 марта, въ день рожденія самого Василія Іоанновича; въ этой церкви онъ устроилъ придѣлъ св. Константина и Елены, какъ бы въ даръ Богу отъ жены своей Елены Васильевны. Первая церковь, близъ кельи святого, была построена на пригоркѣ, и съ той поры эта часть обители получила особое названіе Предтеченско-горскаго, или Ивановскаго монастыря.

Въ 1547 году явился впервые въ обитель и самъ юный виновникъ построенія этихъ церквей, государь Иванъ Васильевичъ, и въ это посѣщеніе, благодаря строгому монастырскому уставу, принужденъ былъ однажды остаться безъ рыбы за ужиномъ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ монахамъ самъ государь: «А коли мы, первое, были въ Кириловѣ, въ юности, и мы поиспоздали ужинати, занеже у васъ, въ Кириловѣ, въ лѣтнюю пору не знати дня съ ночью, а иное мы юностнымъ обычаемъ; а въ тѣ поры подкеларникъ былъ у васъ Исаія Нѣмой: ино кто у насъ у ѣствы сидѣлъ и попытали стерлядей; а Исаіи въ тѣ поры не было, былъ у себя въ кельѣ, и они едва его съ нужею привели и почали ему говорити, — кто у насъ въ тѣ поры у ѣствы сидѣлъ, — о стерлядяхъ и о иной рыбѣ; и онъ отвѣчалъ такъ: о томъ, о-су, мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ, и язъ то и приготовилъ, а нынѣ ночь, взяти негдѣ; государя боюся, а Бога надобѣ болши того боятися». Этотъ случай настолько врѣзался въ память молодого царя, что онъ вспоминалъ объ немъ тридцать лѣтъ спустя.

Грозный посѣщалъ монастырь нѣсколько разъ. Кромѣ вышеупомянутаго своего посѣщенія въ 1547 году, онъ былъ здѣсь и послѣ извѣстной своей болѣзни 1553 года, пріѣхавъ въ обитель по особому обѣщанію съ супругою Анастасіею, сыномъ Димитріемъ и братомъ Юріемъ. Оставивъ своихъ спутниковъ въ Кирилловѣ, онъ одинъ ѣздилъ отсюда на богомолье въ Ѳерапонтову пустынь, основанную въ 15-ти верстахъ отъ монастыря спутникомъ св. Кирилла въ Бѣлозерскій край, св. Ѳерапонтомъ.

Извѣстно, что послѣ этой поѣздки въ Кирилловъ монастырь, во время которой царь въ Пѣсношѣ имѣлъ совѣщаніе съ Вассіаномъ Топорковымъ, а на обратномъ пути лишился сына, характеръ Іоанна сильно измѣнился къ худшему, и въ обители стали появляться московскіе ссыльные. Первымъ изъ нихъ былъ князь Владиміръ Ивановичъ Воротынскій, который и скончался вскорѣ по пріѣздѣ. Надъ гробомъ князя вдова его соорудила каменную церковь во имя св. князя Владиміра.

Послѣ Воротынскаго въ обитель явился, потерявшій все свое прежнее вліяніе, Сильвестръ, въ сопровожденіи сына Анѳима. Быв-

шій духовникъ государя смиренно просилъ постриженія и принялъ здѣсь монашество съ именемъ Стефана. Но, помня его прежнее величіе, братія относилась къ новому иноку съ особымъ уваженіемъ. Объ этомъ узнали въ Москвѣ, и Сильвестръ былъ переведенъ въ Соловки.

Въ 1561 году сюда сосланъ крутицкій епископъ Матоей, а въ мартѣ слѣдующаго года въ стѣнахъ обители появился другой ссыльный — князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій.

Мало-по-малу монастырь сталъ наполняться боярами, принимавшими постриженіе частію по собственному желанію, частію по волѣ Грознаго. Обитель начала терять свой пустынный характеръ, принимая, благодаря боярамъ, извѣстный оттѣнокъ аристократизма. Исполненіе строгихъ уставовъ преподобнаго стало ослабѣвать. Принимая монашество, бояре не оставляли своихъ мірскихъ привычекъ: они держали большіе запасы съѣстныхъ припасовъ, меда и вина, устраивали въ своихъ кельяхъ праздники, приглашали въ гости остальныхъ монаховъ, которые охотно шли на ихъ обильныя и богатыя трапезы. Грозный въ продолженіе шестидесятыхъ годовъ дважды побывалъ въ монастырѣ и, вѣроятно, отчасти и самъ лично убѣдился въ упадкѣ прежней строгости, но до семидесятыхъ годовъ молчалъ и присматривался. Наконецъ правившій въ то время монастыремъ игуменъ Козьма, зная, что до государя доходятъ подробныя извѣстія о ихъ слабой, привольной жизни, рѣшилъ съ братіею по возможности отвести собиравшуюся на нихъ грозу и обратился къ государю съ просьбою дать имъ наставленіе, какъ жить и вести себя. На эту просьбу, около 1578 года, послѣдовало въ отвѣтъ знаменитое посланіе Грознаго, которое, по мнѣнію Ѳ. И. Буслаева, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей древней литературы. Въ этомъ посланіи, изъ котораго заимствованъ и приведенный нами выше отрывокъ, Грозный во всей силѣ проявляетъ свою безпощадную иронію и обнаруживаетъ замѣчательную талантливость въ обличеніи.

«Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ скверному! Кто есмь азъ на таковую высоту дерзати?» начинаетъ онъ. «Писано бо есть: «свѣтъ инокомъ Ангели, свѣтъ же міряномъ иноки», ино подобаетъ вамъ нашимъ государемъ намъ просвѣщати: а мнѣ, псу смердящему, кому учити, и чему наказати и чѣмъ просвѣтити? И аще хощете, есть у васъ, дома, учитель, среди васъ великій свѣтильникъ Кириллъ: отъ сего учитеся, отъ сего наставляйтеся, отъ сего просвѣщайтеся, о семъ утверждайтеся». «Вамъ подобаетъ усердно послѣдовати великому чюдотворцу Кириллу, и преданіе его крѣпко держати, и о истинѣ подвизатися крѣпцѣ, и не быти бѣгуномъ, помитати щитъ и иная: но вся оружія Божія восприимѣте, и не предавайте чюдотворцова преданія, никтожъ отъ васъ, яко Іюда Христа сребра ради, тако и нынѣ сластолюбія ради. Есть бо

у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ; и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ—чюдотворцево преданіе преобидимо».

«Видите ли, говоритъ онъ далѣе: какого плача и скорби достойно послабленіе иноческому житію? По тому вашему ослабленію ради Шереметева и Хабарова учинилась у васъ слабость и преступленіе чудотворцева преданія. И какъ только Богъ благоволитъ намъ у васъ постричься, то монастыря уже не будетъ, а будетъ царскій дворъ. Не бояре у васъ постриглись, а вы у нихъ; не вы имъ учители и законоположители—они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ—держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ—оставьте его. Вотъ вы надъ Воротынскимъ церковь поставили! Надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковью. Поэтому и на страшномъ Спасовомъ судѣ Воротынскій да Шереметевъ выше станутъ: Воротынскій церковью, а Шереметевъ закономъ, который крѣпче Кириллова. Вотъ на нашихъ глазахъ у Діонисія преподобнаго на Глушицахъ и великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и они Божіей благодатію процвѣтаютъ иноческими подвигами. Вотъ у васъ сперва были оловянники въ келью Іосафу Умному, дали Серапіону Слуцкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву дали ужъ съ поставцомъ, да и поварня своя. Вѣдь дать волю царю, дать и псарю. Теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ, да и иные чернецы, ѣдятъ и пьютъ, что въ міру. А Шереметевъ точно со свадьбы или съ родинъ разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и другіе пряные составные овощи; а за монастыремъ дворъ и на немъ годовые запасы всякіе,—а вы ему молчите о такомъ пагубномъ монастырскомъ безчиніи. Другіе говорятъ, будто и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: въ монастыряхъ и фряжскія вина зазоръ, не то что горячее. Или вамъ нечѣмъ было кормить Шереметева, что онъ завелъ особые годовые запасы? Милые мои! Кирилловъ доселѣ многія страны прокармливалъ и въ голодныя времена, а теперь и самихъ васъ, въ хлѣбное время, если бы только Шереметевъ не прокормилъ, то пришлось бы всѣмъ вамъ перемереть съ голоду. Развѣ то путь спасенія, если въ чернецахъ бояринъ не сострижетъ боярства, а холопъ не избудетъ холопства? Въ здѣшнемъ монастырѣ по сіе время равенство держалось холопямъ и боярамъ и мужикамъ торговымъ. И у Троицы при отцѣ нашемъ келарь былъ Нифонтъ Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ; а на правомъ крылосѣ Лопотало да Варламъ, невѣсть кто, а княжь Александровъ сынъ Васильевича Оболенскаго Варламъ на лѣвомъ. Вотъ и смотрите, каковъ былъ путь спасенія: холопъ съ Бѣльскимъ ровенъ, а родовитаго князя сынъ сверстанъ со странниками. Когда рыболовы (апостолы) возсядутъ на 12 престолахъ и начнутъ судить всю вселен-

ную, кого тогда вамъ выше поставить—Кирилла своего или Шереметева? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость завела? Не потому ли вы такъ жалѣете Шереметева и твердо за него стоите, что братья его и посейчасъ не перестаютъ посылать въ Крымъ и наводить басурманъ на христіанъ? А Хабаровъ велитъ мнѣ перевести себя въ другой монастырь; я ему не ходатай и скверному житію; ужъ больно это докучило. Иноческое житіе не игрушка; три дня въ чернецахъ, а ужъ седьмой монастырь. Когда былъ въ міру, дѣлалъ на образа оклады, книги переплеталъ въ бархатъ съ застежками да съ серебряными жуками, да убиралъ налои, да жилъ затворясь, да ставилъ кельи, да четки въ рукахъ; а теперь и ѣсть вмѣстѣ съ братіею — худо. Четки надобны не на каменныхъ скрижаляхъ, а на плотяныхъ скрижаляхъ сердецъ. О Хабаровѣ мнѣ нечего писать; какъ себѣ хочетъ, такъ пусть и «дуруетъ». А что Шереметевъ сказываетъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома, такъ вѣдь ради всякихъ «леженекъ» не разорять же законы святые».

Посланіе оканчивается запрещеніемъ писать о Шереметевѣ «и о иныхъ безлѣпицахъ». «Уставьте съ Шереметевымъ своя преданія, а чюдотворцово отложите, такъ будетъ добро; какъ лутче, такъ и дѣлайте, сами вѣдаете, какъ собѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ: впередъ о томъ не докучайте; воистину, ни въ чемъ ни отвѣчивати».

Въ своемъ изложеніи мы опустили много подробностей, изъ которыхъ видно, что посланный царемъ въ монастырь Варлаамъ Собакинъ, повидимому, перессорился съ боярами и мѣстными властями. Начались взаимные доносы и обвиненія. Царь призывалъ Собакина къ себѣ въ Москву, разспрашивалъ, разузнавалъ, старался разобраться во всѣхъ дрязгахъ, но наконецъ это ему надоѣло, и, оканчивая посланіе, онъ проситъ ему болѣе не докучать.

Послѣ того, онъ послалъ въ обитель еще два письма, но уже болѣе спокойнаго и миролюбиваго характера. Въ послѣднемъ, писанномъ въ годъ его смерти, царь проситъ помолиться о своемъ выздоровленіи, но вскорѣ въ монастырѣ получили вѣсть, что государя не стало.

Въ 1605 году, когда названный царь Димитрій вступилъ въ Москву, игуменъ Сильвестръ и старцы соборные выдали «на царское вѣнчанье и на приходъ государынѣ, и на поставленіе патріарху (Игнатію), и боярамъ на новоселье» 203 рубля 26 алтынъ и 4 деньги. Но Самозванецъ этимъ не удовлетворился и потребовалъ на свой обиходъ 5000 рублей. Деньги были выданы въ декабрѣ того же года казначеемъ Филаретомъ. Казна монастырская была богата. Сумма денежныхъ вкладовъ, пожертвованныхъ въ монастырь однимъ Іоанномъ Грознымъ, равнялась двадцати четыремъ тысячамъ рублей.

Въ смутное время обитель твердо держалась завѣтомъ Гермогена,

не пустила поляковъ въ ворота и храбро отбила всѣ ихъ нападенія.

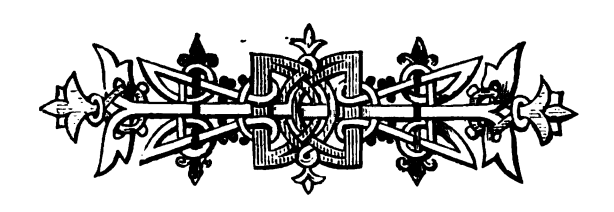
Во все продолженіе XVII вѣка «великая лавра Пречистой Богородицы» была однимъ изъ значительнѣйшихъ и богатѣйшихъ монастырей земли Русской. Значеніе свое она утратила только тогда, когда старая Русь сошла въ могилу, и государственная жизнь, волею Петра, была направлена на новый путь, гдѣ ее ожидали иные идеалы, иныя условія и иныя задачи.

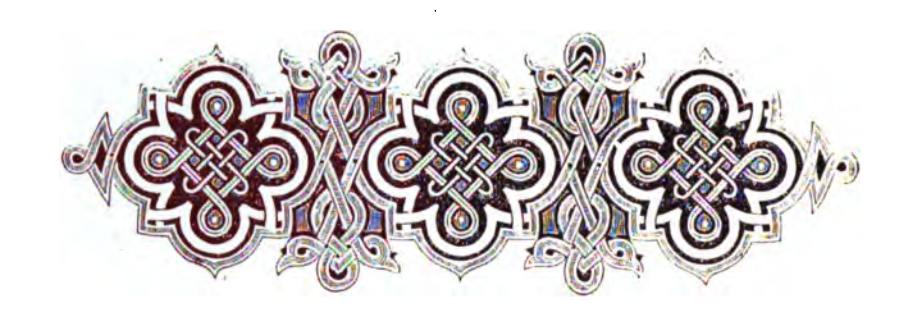
Но, потерявъ свое государственное значеніе, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и до нашихъ дней не потерялъ значенія религіознаго. И въ наши дни въ немъ ежегодно собираются тысячи богомольцевъ не только изъ ближнихъ мѣстностей, но и изъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Россіи.

Обращусь теперь къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о посѣщеніи обители въ 1894 году.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





ПОДЛОЖНОЕ ПИСЬМО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ЛИШКОМЪ СТО ЛѢТЪ тому назадъ, именно въ 1785 году появились на нѣмецкомъ языкѣ «Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ», собранные и изданные извѣстнымъ «профессоромъ аллегоріи» императорской академіи наукъ Я. Штелинымъ. Въ 1787 году, книга эта вышла въ русскомъ переводѣ, который потомъ не разъ перепечатывался.

Въ ней, между прочимъ, помѣщенъ былъ разсказъ о затруднительномъ и тяжеломъ положеніи, въ какое попалъ Петръ Великій на берегу Прута въ 1711 году, и тутъ приведено слѣдующее извѣстное письмо его въ сенатъ отъ 10-го іюля 1711 года:

«Господа сенатъ! Извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особливыя Божія помощи ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкій плѣнъ; если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

(Я. Штелинъ: «Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ», Москва, 1830, изд. 3-е, стр. 60, анекдотъ 17: «Удивительная любовь Петра Великаго къ государству своему и отечеству»).

Подлинникъ этого письма хранился, по словамъ Штелина, въ кабинетѣ Петра Великаго при императорскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ и былъ, какъ онъ говоритъ, извѣстенъ тогдашнему историку, князю М. М. Щербатову, который показывалъ его «многимъ знатнымъ особамъ».

Это сообщеніе Штелина оказывается единственнымъ источникомъ, изъ котораго мы узнаемъ о существованіи выше приведеннаго письма. Никакихъ другихъ указаній на него или упоминаній объ немъ нѣтъ. Подлинника этого письма тоже нигдѣ не найдено, а тотъ экземпляръ его, о которомъ упоминаетъ Штелинъ, не имѣлъ, какъ мы увидимъ далѣе, никакихъ признаковъ подлинности. Всѣ эти обстоятельства послужили причиной, по которой составители «Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи» не рѣшались включить это письмо въ число подлинныхъ высочайшихъ указовъ, но не рѣшились и совсѣмъ его отвергнуть, а помѣстили его въ выноскѣ (см. т. IV, стр. 712), но съ варіантами противъ помѣщеннаго у Штелина.

Это поставило послѣдующихъ историковъ въ необходимость подвергнуть это письмо критической оцѣнкѣ, чтобы убѣдиться въ его достовѣрности, причемъ изслѣдователи раздѣлились по этому вопросу на двѣ партіи. Одни (Устряловъ, Щебальскій) отвергаютъ его достовѣрность; другіе (Соловьевъ, Бѣловъ, Г. З. Елисѣевъ)— признаютъ ее.

Уже самый споръ изслѣдователей изъ-за этого письма показываетъ, что ему придаютъ извѣстное значеніе, извѣстный историческій интересъ.

И дѣйствительно, уже съ точки зрѣнія простой фактической достовѣрности историкъ не имѣетъ права пренебрегать вопросомъ: существовалъ или нѣтъ тотъ или другой документъ, разъ заявляется объ этомъ сомнѣніе въ наукѣ, какъ бы ни былъ ничтоженъ и малозначащъ самый документъ. Извѣстно, что наука мелочей не знаетъ и не признаетъ: собирая фактическій матеріалъ для своихъ выводовъ и наблюденій, она настойчиво добивается истины, потому что только на прочно установленныхъ фактахъ можно основывать прочные и цѣнные научные выводы.

Но, помимо фактической достовѣрности, вопросъ о письмѣ Петра отъ 10-го іюля 1711 года имѣетъ и весьма значительный историческій интересъ, ибо, признавъ его достовѣрнымъ, можно сдѣлать изъ него весьма многозначительные выводы. Во-первыхъ, оно показало бы, что уже въ 1711 году отношенія Петра къ сыну, царевичу Алексѣю, были настолько враждебны, что въ критическую минуту Петръ предпочелъ устранить его отъ престола. Во-вторыхъ,

оно придало бы сенату временъ Петра, въ руки котораго царь передавалъ этимъ письмомъ вопросъ о престолонаслѣдіи, значеніе верховной правительственной власти, замѣнявшей единоличную власть государя, то-есть, поставило бы его, при наступленіи упомянутыхъ въ письмѣ обстоятельствъ, во главѣ государства. Въ третьихъ, къ тяжелому событію на берегу Прута оно прибавило бы такія подробности, которыя находятся въ нѣкоторомъ, весьма замѣтномъ, противорѣчіи со всѣмъ, что извѣстно объ этомъ событіи изъ другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ виду такой важности этого письма, какъ историческаго документа, я счелъ не безполезнымъ разсмотрѣть всѣ pro и contra объ немъ въ отдѣльной статьѣ, которая была напечатана въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» 1875 г., № 11, стр. 256—268, подъ заглавіемъ: «О подложности извѣстнаго письма Петра Великаго съ береговъ Прута въ сенатъ отъ 10-го іюля 1711 г.».

Въ ней я сначала привелъ приворѣчивыя мнѣнія нашихъ историковъ (Устрялова, Соловьева и Щебальскаго) объ этомъ письмѣ, а засимъ высказалъ объ немъ и собственное мнѣніе, состоявшее въ томъ, что письма этого, какъ подлиннаго, собственноручнаго документа, написаннаго Петромъ, никогда не существовало, почему оно и не могло быть найдено. По поводу этой статьи, сколько мнѣ извѣстно, напечатана была только одна замѣтка Евг. Бѣлова, помѣщенная въ томъ же журналѣ, 1876, № 4, стр. 403—406. Авторъ этой замѣтки, не соглашаясь съ моими доказательствами недостовѣрности этого письма Петра, принимаетъ сторону С. М. Соловьева, не считавшаго возможнымъ рѣшительно отвергать эту достовѣрность. Такимъ образомъ, вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Съ тѣхъ поръ мнѣ попались новыя данныя, говорящія въ пользу недостовѣрности этого письма, данныя, напечатанныя задолго до появленія въ печати моей статьи, но оставшіяся мнѣ неизвѣстными. Онѣ даютъ мнѣ поводъ еще разъ вернуться къ этому вопросу, чтобы этими новыми и весьма вѣскими, какъ увидятъ читатели, данными подкрѣпить мое мнѣніе о недостовѣрности разбираемаго письма Петра.

Въ 1841-мъ году вышла брошюра Николая Иванчина-Писарева «Вечеръ въ Симоновѣ монастырѣ». Въ ней, на стр. 85-ой, авторъ, вспоминая о Петрѣ Великомъ, говоритъ: «Я имѣлъ случай видѣть его собственноручныя строки, начертанныя въ минуты сильныхъ душевныхъ тревогъ о цѣлости и благѣ царства: такова инструкція Шафирову, въ лагерѣ, на берегахъ Прута. Чье сердце не замретъ при этихъ помаранныхъ строкахъ, при этихъ знакахъ выпадавшаго изъ рукъ пера, при этихъ допискахъ рукою министра, въ то время, какъ Петръ терялъ силы или смятенный ходилъ по шатру! Едва можно прочитать мѣста, въ которыхъ упоминалось объ уступкахъ Карлу, подстрекавшему султана. Черты исправлялись, когда, воз-

бужденный твердостію своего духа и негодованіемъ, онъ снова бралъ перо и, продолжая приписывать къ строкамъ Шафирова, воспрещалъ уступать слишкомъ многое. Тутъ снова являлся тотъ Петръ, который, получа вѣсти о вступленіи Карла XII въ наши предѣлы, объ измѣнѣ Мазепы, о бунтахъ на Дону и въ Астрахани, продолжалъ ковать якорь для Воронежской верфи. Богъ, пославшій ему, какъ бы для сего единаго дѣла, Екатерину, которой сердце еще умѣло придумывать, когда терялись и умъ и самый геній,—Богъ, умудрившій и вельможу его въ минуту трудныхъ переговоровъ, избавилъ Россію отъ уступокъ, намекнутыхъ въ этой меморіи. Но строки отца отечества остались, дабы слезы русскихъ падали на нихъ, какъ и на безсмертное письмо его въ сенатъ».

На той же страницѣ Иванчинъ-Писаревъ сообщалъ, что подлинникъ этого знаменитаго письма Петра въ сенатъ хранится въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ своей рецензіи на эту брошюру Иванчина-Писарева М. П. Погодинъ сообщилъ въ «Москвитянинѣ» 1841 г. (ч. II, № 4, стр. 502), по поводу упоминаемаго въ приведенной цитатѣ письма Петра въ сенатъ, что Пушкинъ «съ горестію говорилъ, что нашелъ доказательство о невѣрности извѣстія о письмѣ Петровомъ отъ Прута». Такъ какъ, по словамъ Иванчина-Писарева, подлинникъ письма хранился въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, то Погодинъ въ этой же рецензіи высказалъ обѣщаніе разсмотрѣть письмо это внимательно и о результатахъ этого осмотра сообщить читателямъ въ слѣдующемъ же номерѣ своего журнала. Но не только въ слѣдующемъ номерѣ, но и во всѣхъ остальныхъ номерахъ «Москвитянина» 1841 г. никакого сооценія о занимающемъ насъ письмѣ Петра нѣтъ. Очевидно, сообщеніе Иванчина-Писарева о нахожденіи подлинника этого письма въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ оказалось невѣрнымъ.

Но зато изъ словъ Погодина мы узнаемъ новое весьма важное обстоятельство, именно, что у Пушкина, занимавшагося, какъ извѣстно, исторіей Петра Великаго и имѣвшаго доступъ въ архивы, были въ рукахъ доказательства недостовѣрности этого письма. Какія эго были доказательства, въ чемъ онѣ состояли, осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, ибо Погодинъ не сообщилъ объ этомъ ни слова въ своей рецензіи. Но должно думать, что доказательства Пушкина были не безосновательны, такъ какъ Погодинъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ «до такой степени былъ увѣренъ Пушкинымъ, что даже на лекціи не смѣлъ говорить о происшествіи подъ Прутомъ безъ оговорки».

Такимъ образомъ, къ числу лицъ, сомнѣвающихся въ достовѣрности этого письма, надо присоединить и еще одно и притомъ въ высшей степени авторитетное—Пушкина.

Но и это еще не все. Нашелся еще свидѣтель этой недостовѣр-

ности, и при томъ самый главный, который одинъ можетъ рѣшить весь вопросъ, ибо онъ видѣлъ то самое письмо, о которомъ сообщаетъ Штелинъ.

Это—кн. М. М. Щербатовъ, тотъ самый, на котораго сослался Штелинъ, первый сообщившій письмо Петра въ своихъ «Анекдотахъ». Ему, какъ главному свидѣтелю въ данномъ вопросѣ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ рѣшающій голосъ. И лица, писавшія объ этомъ письмѣ, именно въ ссылкѣ Штелина на кн. Щербатова видѣли главное доказательство подлинности письма. Г. З. Елисѣевъ, помѣстившій, подъ псевдонимомъ Грыцьки, рецензію на статью Устрялова о разбираемомъ письмѣ, опровергая дѣйствительно неосновательное мнѣніе Устрялова, будто письмо это выдумано самимъ Штелинымъ, говоритъ: «Если бы кн. Щербатовъ далъ такой отзывъ, что подобнаго документа никогда не существовало, что весь разсказъ объ этомъ—чистая выдумка Штелина, ужели объ этомъ не сдѣлано бы было никакой замѣтки въ издававшихся тогда журналахъ или по крайней мѣрѣ въ послѣдующихъ изданіяхъ переводовъ штелинскихъ анекдотовъ?» («Современникъ», т. LXXV, отд. III, стр. 27).

Оказывается, что кн. Щербатовъ дѣйствительно подалъ свой голосъ по вопросу о достовѣрности этого письма.

Въ статьѣ своей: «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную его превосходительствомъ оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества Шведскаго мира 1790 года сентября 3 числа» («Библіографическія Записки», 1859 года, № 13, столб. 391—392) кн. Щербатовъ говоритъ о Петрѣ Великомъ, по поводу происшествія на берегахъ Прута: «не утверждаю я напечатаннаго его письма въ анекдотахъ, которое по крайней мѣрѣ видъ истины имѣетъ».

Эти слова кн. Щербатова окончательно рѣшаютъ вопросъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что самъ кн. Щербатовъ, видѣвшій, по словамъ Штелина, знаменитое письмо Петра и показывавшій его другимъ, не рѣшался утверждать подлинность этого письма, а признавалъ только, что оно «видъ истины имѣетъ», т. е. что вообще такое письмо могло быть написано Петромъ. Слѣдовательно, тотъ списокъ этого письма, который былъ у него въ рукахъ, не имѣлъ признаковъ подлиннаго письма, т. е. былъ написанъ не рукою Петра и не имѣлъ его собственноручной подписи.

Такимъ образомъ, показанія кн. Щербатова и Пушкина, подтверждая соображенія Устрялова и Щебальскаго, даютъ намъ возможность окончательно признать письмо Петра съ береговъ Прута въ сенатъ отъ 10 іюля 1711 года недостовѣрнымъ.

Но, вѣдь, съ чего же нибудь объ немъ говорили. Вѣдь было же какое нибудь письмо, которое выдавали за подлинное письмо Петра. Ни съ того, ни съ сего говорить о его существованіи не стали бы. Поэтому необходимо допустить, что во времена Штелина и кн. Щербатова ходило по рукамъ какое-то письмо, выдаваемое за письмо

Петра[1]), но оно было безъ всякихъ признаковъ достовѣрности и подлинности, т. е. было кѣмъ-то и съ какою-то цѣлью сочинено. Соловьевъ, доказывая подлинность письма, говорилъ, что «для сочиненія подобнаго акта мы не найдемъ побужденій». Но мнѣ думается, что если отрѣшиться отъ предубѣжденія въ пользу подлинности этого письма и признать его подложнымъ, то, можетъ быть, отыщутся и побужденія, ради которыхъ оно было сочинено.

Ф. Витбергъ.

[1]) Мы видѣли, что письмо это напечатано у Штелина и въ «Полномъ собраніи законовъ» по разнымъ спискамъ: слѣдовательно, списковъ этихъ было нѣсколько.

КАВАЛЕРЪ ОРДЕНА СВ. ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

Извѣстно, что кавалеровъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, жалованныхъ за дѣйствительныя заслуги, было весьма мало. Вотъ почему узаконенія, относящіяся къ преимуществамъ, даваемымъ этимъ орденомъ, отличаются огромными милостями. Но впослѣдствіи явились злоупотребленія въ пріобрѣтеніи грамотъ, и мы приведемъ интересный случай, добытый изъ мѣстныхъ архивовъ.

Нѣкто, неслужащій дворянинъ-помѣщикъ, кавалеръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Иванъ Захаровъ сынъ Бекарюковъ, возымѣлъ мысль получить чинъ 14-го класса, а вмѣстѣ съ нимъ, слѣдовательно, и «достоинства и преимущества, сопряженныя съ офицерскимъ рангомъ». Поэтому въ прошеніи, поданномъ имъ въ подлежащее губернское правленіе, онъ писалъ такъ:

«Имѣя ревностное желаніе служить вашему императорскому величеству, испытывалъ я мои силы и способности; наконецъ, и по склонности моей и по сдѣланію чрезъ упражненіе въ письмоводствѣ навычки, ощущаю въ себѣ склонность служить по статской службѣ». А потому Бекарюковъ просилъ опредѣлить его на службу въ губернское правленіе, «и какъ я, прибавлялъ онъ дальше, пользуюсь кавалерскимъ знакомъ, на пожалованіе коего въ данной мнѣ грамотѣ между прочимъ изъяснено, дабы пользовался я вообще и порознь всякими правами, почестями, милостями и преимуществами, коими пользуются или впредь пользоваться могутъ всѣ прочіе кавалеры россійскаго пріорства, высочайше вашего императорскаго величества узаконеннаго, и повелѣно: кавалеровъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго

принимать въ службу, буде чина не имѣетъ, чиномъ 14-го класса», а потому свое прошеніе Бекарюковъ оканчивалъ желаніемъ, чтобы его приняли на службу, определили бы въ губернское правленіе и наградили 14-мъ классомъ. Въ доказательство же того, что онъ дѣйствительно есть кавалеръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, приложена была подлинная грамота, которую, какъ писанную на иностранномъ языкѣ, губернское правленіе предписало: «представленную грамоту для списанія съ нея на россійскомъ діалектѣ копіи отослать къ директору училищъ при свѣдѣніи съ тѣмъ, чтобы онъ копію доставилъ въ правленіе, и тогда подлинную возвратить Бекарюкову съ роспиской».

Вслѣдствіе полученнаго предписанія губернскаго правленія директоръ народныхъ школъ, надворный совѣтникъ Поповъ, 22-го февраля 1806 года представилъ, съ засвидѣтельствованіемъ правильности перевода титулярнымъ совѣтникомъ Гавріиломъ Успенскимъ, переводъ грамоты, который заключалъ въ себѣ слѣдующее:

«Мы Фра, Іоаннъ Баптистъ Томазій, Божіею милостію смиренный начальникъ Гостепріимнаго дома св. Іоанна Іерусалимскаго, военнаго ордена Св. Гроба Спасителя Нашего, стражъ бѣдныхъ Іисуса Христа: всѣмъ вообще и каждому въ особенности, которые увидятъ, прочтутъ, или до коихъ дойдетъ сія наша грамота, объявляемъ и въ вящшее удостовѣреніе свидѣтельствуемъ, что нижеприписная грамота выписана изъ книги грамотъ, въ канцеляріи нашей хранящейся; и что повелѣли мы оную выписать и сочинить симъ гласнымъ образомъ съ тѣмъ, дабы оной повсюду въ судебныхъ мѣстахъ и индѣ чинена была полная довѣренность, содержаніе жъ ея слѣдующее:

«Фра, Іоаннъ Баптистъ Томазій, Божіей милостью смиренный начальникъ св. Гостепріимнаго дома св. Іоанна Іерусалимскаго, военнаго ордена Святаго Гроба Спасителя Нашего, стражъ бѣдныхъ Іисуса Христа и обители сего жъ дома. Именемъ Всемогущаго Бога Нашему любезно вѣрному дворянину Ивану Бекарюкову: Поелику доказательства ваши о дворянствѣ и о прочихъ нужныхъ качествахъ признаны за достаточныя комиссарами обѣихъ почтенныхъ пріорствъ россійскихъ и поелику оныя приняты равномѣрно нашимъ почтеннымъ россійскимъ языкомъ. Вы же съ своей староны заплатили уже 30-го марта 1803 года пріемныя ваши пошлины въ нашу общественную казну; мы, охотно снисходя на изъявленное намъ желаніе ваше по дошедшему до насъ точному свѣдѣнію, въ силу сей нашей грамоты пріемлемъ васъ въ число юстицкихъ кавалеровъ пріорства россійскаго того жъ почтеннаго россійско-баварскаго языка. По такомъ же принятіи вашемъ соизволяемъ и объявляемъ, дабы старшинство ваше считалось съ того жъ дня, мѣсяца и года, въ которые заплатили вы пріемныя ваши пошлины, повелѣвая, дабы пользовались вы вообще и порознь всякими правами, почестями, милостями и преимуществами, коими нынѣ пользуются или впредь поль-

зоваться могутъ всѣ прочіе юстицкіе кавалеры россійскаго пріорства означеннаго почтеннаго россійско-баварскаго языка.

«Повелѣваемъ еще въ силу священнаго повиновенія всѣмъ и каждому изъ нашихъ братій, нынѣ къ обители принадлежащихъ и впредь принадлежать могущихъ, какихъ бы они сана, достоинства или должности ни были, ни подъ какимъ видомъ или предлогомъ не дерзнуть поступать вопреки сей нашей пріемной и распорядительной грамоты, но всегда наблюдать оную по полному ея содержанію и смыслу, во увѣреніе чего обыкновенная наша свинцовая печать приложена къ сей грамотѣ. Учинено въ обители нашей въ Катанеи 15 мая 1804 года.

«А во удостовѣреніе того повелѣли мы магистральную нашу большую печать въ черномъ воску подъ симъ приложить. Дано въ обители нашей въ Катанеи сего 12 іюня 1804 года».

«По канцеляріи записано: М. П.

«Комиссаръ братъ Антоній Міари въ должности вице-канцлера».

«Въ исправности перевода свидѣтельствуетъ титулярный совѣтникъ Гаврило Успенскій.

«По канцеляріи греко-россійскаго пріорства въ книгу подъ № 6 записано и пошлинъ:

«За грамоту въ пріорство . . .	75	рублей.
» » канцелярію . . .	75	»
» » почтенный языкъ .	30	»
» да вѣсовыхъ . . .	20	»

«А всего 200 рублей.

«Получено августа 31 дня 1804 года. Орденскій секретарь кавалеръ Энгельгардтъ».

Внизу роспись:

«Подлинную грамоту къ себѣ принялъ: дворянинъ кавалеръ Иванъ Бекарюковъ».

Какъ видно, грамота обошлась не дешево; 200 рублей, уплоченныхъ Бекарюковымъ пошлинъ и въ «почтенный языкъ», составляли сумму не маловажную даже для богатаго помѣщика. Тѣмъ не менѣе, губернское правленіе, получивши прошеніе и переводъ въ засѣданіи своемъ «слушало» дѣло Бекарюкова и постановило:

«Такъ какъ именнымъ высочайшимъ манифестомъ и указомъ, состоявшимися въ 1799 году января 8-го и 1803 года ноября 18 числа, повелѣно: 1) что всякій дворянинъ, облаченный почтеннымъ кавалерскимъ знакомъ знаменитаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, пользоваться будетъ достоинствами и преимуществами, сопряженными съ офицерскимъ рангомъ, не имѣя онаго, ни назначеннаго чина, ни старшинства; когда жъ таковой кавалеръ, не имѣющій

высшаго чина, вступить въ службу нашу, то его принимать въ оную съ чиномъ прапорщика; 2) кавалеровъ ордена Iоанна Iерусалимскаго, когда они пожелаютъ вступить въ статскую службу, принимать на основанiи манифеста 1799 года января 8 дня, буде они высшихъ чиновъ не имѣютъ, съ чиномъ коллежскаго регистратора,— то на основанiи сихъ узаконенiй онаго дворянина и кавалера Бекарюкова въ продолженiе статской службы въ сiе правленiе съ чиномъ коллежскаго регистратора принять, а правительствующему сенату представить особливое разсужденiе со испрашиванiемъ Бекарюкову въ семъ чинѣ присылки на оный патента».

Такимъ образомъ желанiе Бекарюкова осуществлялось; оставалось только получить указъ правительствующаго сената объ окончательномъ опредѣленiи и присылкѣ патента, и это не замедлилось.

Марта 15 дня губернское правленiе получило сенатскiй указъ слѣдующаго содержанiя: «по указу его императорскаго величества правительствующiй сенатъ приказалъ: опредѣлить въ оное правленiе на службу дворянина и кавалера ордена св. Iоанна Iерусалимскаго Ивана Бекарюкова; произвесть въ 14 классъ, о чемъ ему объявить указомъ, и привесть къ присягѣ; за повышенiе же и патентъ взыскать съ него по законамъ въ казенную палату»; а, немного спустя, земскiй судъ донесъ, что кавалеръ Бекарюковъ къ присягѣ приведенъ и 23 рубля 96 коп., слѣдуемые за повышенiе въ чинъ, взысканы, почему онъ и былъ зачисленъ въ число канцелярскихъ служителей правленiя.

Казалось бы, чего лучше? Просьба уважена; чинъ полученъ; оставалось только поспѣшить на службу; но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Всѣ изложенныя прерогативы были получены Бекарюковымъ: ему только это и нужно было; онъ продолжалъ жить въ своемъ помѣстьѣ, несмотря на вызовы къ исполненiю служебныхъ обязанностей, такъ что губернское правленiе, наконецъ встревоженное столь долгимъ отсутствiемъ своего чиновника, строго предписало земскому суду: «чтобы немедленно коллежскаго регистратора и кавалера Бекарюкова выслать въ правленiе; а почему судъ зная, что онъ находится въ числѣ приказныхъ служителей и находится въ отлучкѣ безъ паспорта, прислать объясненiе». Неизвѣстно, какiя мѣры были приняты земскимъ судомъ «къ высылкѣ» въ мѣсто служенiя, но только вслѣдъ за предписанiемъ правленiя въ скоромъ времени получено было имъ жалостное прошенiе отъ Бекарюкова.

«Среди продолженiя вашего императорскаго величества статской службы, писалъ онъ, постигли меня такiя болѣзни, что всю мою силу привели въ изнеможенiе, и сколько я ни старался чрезъ лѣкарства ее поддержать, но однакожъ и за тѣмъ болѣзни взяли надъ нею поверхность, почему я нынѣ службы нести никакъ не могу». А затѣмъ просилъ онъ: «меня отъ службы уволить, въ чемъ и дать мнѣ паспортъ, а службы моей оставить, 14 класса и кавалеръ Иванъ Бекарюковъ».

На это прошеніе губернское правленіе отвѣтило такъ:

«Хоть просилъ 14 класса Бекарюковъ поданной просьбой и проситъ о увольненіи своемъ по болѣзни отъ должности, но такъ какъ онъ къ должности съ самаго начала опредѣленія не явился и за понужденіемъ земскаго суда до сихъ поръ не высылается, то выключить его изъ списковъ сего правленія, яко не исправлявшаго никогда никакой должности, о чемъ дать знать земскому суду указомъ».

Такимъ образомъ цѣль достигнута: чинъ полученъ, и окончилась служба кавалера ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

А. Шишкинъ.

КЪ БЫТОВОЙ ИСТОРІИ ТАМБОВСКАГО КРАЯ XVII—XVIII СТОЛѢТІЙ

НѢ ПРИХОДИТСЯ издавна и безпрерывно знакомиться все съ новыми и новыми архивными документами по исторіи государственно-общественнаго быта излюбленнаго мною Тамбовскаго края, составляющаго очень крупную народно-государственную единицу нашего великаго, дорогого отечества—Руси. Нѣкоторые документы добывались и добываются мною лично, преимущественно въ московскихъ архивахъ, а большинство ихъ доставляется мнѣ для просмотра гг. членами тамбовской ученой архивной комиссіи, предсѣдателемъ которой я имѣю честь состоять съ 12-го іюня 1884 года. Всѣ эти архивныя работы не столько трудны, сколько пріятны. Скромные труженики—тамбовскіе архивисты—мы посвятили свои досуги именно изображенію быта нашихъ предковъ, а это дѣло довольно новое въ нашей исторіографіи. Я полагалъ и полагаю, что работы въ этомъ направленіи необходимы, какъ матеріалъ для будущей бытовой всероссійской исторіи. Не одни герои дѣлаютъ эту исторію. Гораздо сильнѣе всѣхъ героевъ народная масса—міръ. И вотъ этому-то всероссійскому міру, его горю-радости, его общественному и домашнему укладу, его правдѣ и неправдѣ, я и посвящаю скромныя силы свои, твердо уповая, что и моя лепта принесетъ долю пользы общему научно-патріотическому дѣлу.

Какъ мною не разъ уже писано, весь Тамбовскій край въ первой половинѣ XVII вѣка представлялся мало населенною степью

или же (на сѣверѣ) лѣсною глушью. Причины этого такъ просты и ясны. Всѣ русскія былыя военныя и бытовыя передряги неизмѣнно касались и нашего окраиннаго населенія. Ни лѣса дремучіе, ни степи неисходныя, не избавляли нашихъ аборигеновъ отъ бѣды неминучія...

Кромѣ Батыя въ XIII вѣкѣ, въ XV вѣкѣ доходилъ до западной нашей окраины самъ Тамерланъ—бывый свирѣпъ зѣло, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи; онъ всюду несъ съ собою смерть и разрушеніе... и поплѣни Сарай великій, то-есть и нашу мѣстность. А какъ поплѣнилъ, всякій читатель легко догадается. Невольно мнѣ припоминаются здѣсь слова пророка Іезекіиля (гл. 2-я, стихъ 9-й): «И видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ и въ ней свитокъ книжный... и въ томъ писана быша предняя и задняя: и вписано бяше въ немъ рыданіе, жалость и горе».

Безпомощность мѣстнаго сброднаго населенія въ XVII вѣкѣ была изумительная. Чуть не ежедневно, опричь домашнихъ вороговъ, громили нашу сторону крымскіе, ногайскіе и азовскіе татарове, и никакого настоящаго слада съ ними не было.

Нудно было въ тѣ поры всему тамбовскому населенію. Татаринъ и калмыкъ не жалѣли русскаго человѣка: убивали, насиловали, имущество грабили и жгли, и людей въ полонъ имали. Сколько русской крови пролито въ тѣ тамбовскія безвѣстныя годины, сколько слезъ—и вообразить трудно. О былыхъ тамбовцахъ смѣло можно сказать словами писанія: «И бысть ихъ крикъ и вопль зѣло посреди полка» (Іудиоь, 14—16). И всю эту неисходную тугу вытерпѣли наши тамбовскіе сходцы, переведенцы, утеклецы, служильцы, тяглецы и бродники—эти забытые мученики нашей русской колонизаціи, постепенно создавшей изъ дикой и разбойной московской Украйны обширный, густо населенный, богатый земледѣльческій и чисто русскій край.

Оживленіе и народно-государственное упорядоченіе тамбовскихъ лѣсовъ и степей, изстари населенныхъ преимущественно инородцами—мордвой, мещерой и буртасами, а позднѣе татарами—серьезно и безповоротно началось при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ основалъ у насъ оборонные города, Тамбовъ и Козловъ, и дѣятельно принялся, кромѣ того, за сооруженіе грандіозной земляной, съ проѣздными и глухими башнями и съ надолбами, черты отъ Козлова до Усмани, и отъ Шацка до Пензы. Легче вздохнулось тогда мѣстному люду. Было гдѣ укрыться отъ злого татарина... Было кому и чѣмъ встрѣтить непрошеннаго гостя, такъ какъ въ то время у насъ въ достаточномъ количествѣ появились стрѣльцы, пушкари, солдаты и рейтары. Мѣстныя воинскія команды, повидимому, устроивались на иноземный ладъ. Между воинскими начальниками были не одни воеводы и стрѣлецкіе головы, но и полковники, ротмистры и капитаны, иные съ нѣмецкими фамиліями...

О Тамбовѣ и строеніи черты я уже писалъ раньше. Теперь я скажу нѣсколько словъ о строеніи города Козлова.

5-го сентября 1636 года, царь и великій князь всея Руси Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ своимъ ясельничамъ и воеводамъ Бирікину и Спѣшневу ѣхать въ поле для строенія новаго города (Козлова). Мотивами для этого царственнаго повелѣнія послужили слѣдующія обстоятельства.

«Вѣдомо намъ учинилось,—писалъ царь,—что степью межъ Воронежскихъ и Ценскихъ верховъ, мимо Урляпова городища, приходятъ въ Русь войною крымскіе и ногайскіе люди на Шацкія и на Ряскія, и на Данковскія мѣста и на Рязань; и православныхъ крестьянъ побиваютъ и въ полонъ емлютъ; и назадъ отходятъ тою жъ степью. А иные воинскіе люди приходятъ войною Изюмскою сакмою. И государь царь... указалъ для береженья отъ татарскія войны межъ Воронежскихъ и Ценскихъ верховъ на Урляповѣ городищѣ, или гдѣ пригоже... поставить городъ, а для городоваго строенья и береженья указалъ государь... быти ратнымъ людямъ изъ Переславля Рязанскаго... съ Михайлова... изъ Пронска... изъ Ряскова... съ Сапожка... съ Воронежа, Лебедяни, Ельца и Шацково... всего 760 человѣкъ, а быти тѣмъ ратнымъ людемъ у городоваго дѣла и для береженья, опричь проѣзду, по пяти недѣль; и тѣмъ ратнымъ людемъ велѣно быти всѣмъ съ пищальми; да у нихъ же велѣно быть по рогатинѣ и по топору да по лошади съ телѣгою; да имъ же велѣно дать въ городахъ по фунту зелья да по фунту свинцу изъ государевы казны... Да съ Иваномъ Биркинымъ и съ Михайлой Спѣшневымъ послано съ Москвы наряду: пищаль мѣдная—ядро въ 3 гривенки, другая пищаль—ядро двѣ гривенки, двѣ пищали—ядро по гривенкѣ... да 50 пищалей съ замками... Да для церковнаго и городоваго строенія велѣно взять плотниковъ изъ Переславля, Михайлова и Пронска; да съ Переславля жъ, изъ Ряскова, Ельца и Лебедяни кузнецовъ взять трехъ человѣковъ... Да съ Иваномъ же и съ Михайломъ отпущенъ въ новый городъ вѣстовой колоколъ въ 10 пудъ... А жилецкихъ служилыхъ людей указалъ государь устроити... 500 человѣкъ, а прибрати ихъ изо всякихъ изъ вольныхъ и изъ охочихъ людей... А земли за ними учинити... противъ Данковскихъ стрѣльцовъ... по 40 чети, по 30 чети и по 20 чети... И всѣмъ тѣмъ служилымъ людемъ служити конную и пѣшую службу безпрестани перемѣняясь... А денегъ государевыхъ съ Биркинымъ и Спѣшневымъ послано 400 рублевъ... Да запасу всѣмъ тѣмъ ратнымъ людемъ, чтобы идти на поле—на Урляпово городище, велѣно взяти съ собою на 6 недѣль, опричь проѣзду... да чтобъ было у всякаго по топору и по рогатинѣ, да по лошади съ телѣгами». Очевидно, дѣло затѣвалось, по тому времени, не малое. Были утомительные, сложные и склочные сборы. Была и серьезная опасность для нашихъ царскихъ колонизаторовъ.

Поэтому царь въ своемъ подробномъ указѣ опасливо предостерегаетъ Биркина и Спѣшнева:

«А дорогою до Урляпова городища идти вамъ со всѣми разными людьми бережно и усторожливо и станицы передъ собою посылать частыя и станомъ становиться въ крѣпкихъ мѣстахъ, и сторожи держати и самимъ на сторожѣ дозирати, чтобъ сторожи стояли во всю ночь крѣпко и усторожливо.... чтобъ татарове безвѣстно не пришли и не погромили».

Старая Русь, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, отличалась строго православною церковностью. Всякое дѣло, большое и малое, она начинала и вершила молитвою. Этотъ прекрасный элементъ былой нашей народной жизни сказывается и въ данномъ случаѣ.

«А на томъ мѣстѣ, продолжаетъ царская грамота, гдѣ новому городу быти, изготовить лѣсъ... А изготовя просить у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи... и у всѣхъ святыхъ... и молебны пѣть...».

Замѣчательна та тщательность и предупредительная заботливость, съ которою первый царь изъ дома Романовыхъ относится къ строенію города Козлова.

«А вы, Иванъ Биркинъ да Михаило Спѣшневъ,—писалъ онъ,— устройте въ новомъ городѣ на зелейную казну погребъ дубовый и колодези покопайте и тайники подѣлайте, чтобъ въ приходъ воинскихъ людей безъ воды не быть... Да вы жъ, Иванъ да Михаило, устройте въ новомъ городѣ храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы... съ придѣломъ...».

Воеводы Биркинъ и Спѣшневъ исполнили царскую волю въ томъ же 1636 году. Городъ Козловъ, одновременно съ Тамбовомъ, сталъ на стражѣ тамбовской окраины... Кончилась спѣшная воеводская строенная работа, возникъ г. Козловъ—далеко не послѣдній изъ современныхъ городовъ русскихъ. Много ли, мало ли—но краю стало легче. Было гдѣ укрыться отъ орды, было гдѣ по силѣ-мочи и судъ-управу найти... Городъ Козловъ постепенно росъ. Всѣмъ охочимъ людямъ въ торговые дни ближайшихъ городовъ бирючи кликали про всякія земельныя угодья, и тѣ охочіе люди шли и шли въ новый край... Иные изъ нихъ устроивались на новомъ мѣстѣ порядливо, но были и такіе, что сразу начинали баламутить... Стало это извѣстно на Москвѣ, и царь-государь указалъ:

«А которые люди учнутъ какимъ воровствомъ воровать, или отъ кого учинится татьба и разбой, или которые люди учнутъ держать корчму, и б..., и зернь, и табакъ..., и тѣхъ людей отъ воровства накрѣпко унимать—бить батоги и кнутомъ, смотря по винѣ, и писать о тѣхъ къ государю...» [1]).

Козловскіе воеводы Биркинъ и Спѣшневъ, очевидно, были исто-

---

[1]) Москов. арх. мин. юстиціи, по приказному столу, № 1.

вые государевы люди. Своею службою они прямили царю, а не лукавили... Это видно изъ слѣдующаго.

Козловскіе воеводы строили, опричь города, большіе остроги и малые острожки на двунадцати верстахъ. Было гдѣ разгуляться алчбѣ и татьбѣ... Но вѣрные царскіе слуги вели дѣло по совѣсти и смѣтѣ... На остроги они извели 248.000 деревъ; а на надолбы и столбы—60.000. Сколько извели, столько и показали. Впослѣдствіи воеводы убѣдились въ томъ, что то острожное дѣло отъ пожару будетъ непрочно, и они не скрыли этой невольной своей ошибки, а горячо настаивали на земляномъ строеньи... И царь внялъ ихъ опытности, и въ Козловѣ съ окрестностями, вмѣсто деревянныхъ, скоро появились земляные городки, укрѣпленные валами и рвами. Инженеромъ при этомъ былъ галанецъ Янъ Корниловъ. Въ его распоряженіи дѣловцовъ было 1.200 человѣкъ, конныхъ и пѣшихъ; да 150 человѣкъ таковыхъ, кои хворостомъ валъ прокладывали... Всѣ эти тяглецы пришли къ намъ съ рязанскихъ городовъ, съ Лебедяни и съ Ельца и Воронежа. И было всѣмъ имъ дадено государева жалованья по полтора рубли человѣку въ мѣсяцъ... А явились всѣ они въ г. Козловъ, по указному велѣнью, съ полнымъ нарядомъ: съ пищальми, рогатинами, топорами, лопатами, заступами и кирками... Начались работы тотчасъ, наскоро, съ великимъ поспѣшеніемъ... И были на той нудной работѣ всякіе люди: и боярскіе, и жилецкіе, и патріаршіе, и монастырскіе... Кои работали заступами и кирками, а другіе сторожу держали и дѣлали разъѣзды по степи, высматривая татаръ и ногайцевъ, которые и не заставили долго ждать себя... Тогда въ нашей степи начались безпрерывныя ожесточенныя схватки... Бились боемъ смертно, вогненнымъ и всякимъ боемъ, другъ у друга уши и языки вырѣзывали, въ полонъ имали... Послѣ того на короткій срокъ разъѣзжались... Не въ то ли время явилась поговорка: гляди въ оба?

И дѣйствительно, мѣстные воеводы, вѣрные слуги царскіе, глядѣли въ оба. Это видно изъ ихъ памятей и отписокъ.

Въ 1643 году козловскій воевода князь Иванъ Ростовскій отписывалъ государю: «...для береженья отъ татарскаго приходу стояли мы на рѣкѣ на Польномъ Воронежѣ на Касимовѣ броду... и іюня въ 12 день... приходили татаровя и полковые казаки на городскую сторону татаръ не перепустили, и татаровя Польной Воронежъ перелѣзали въ Стрѣлковъ бродъ, и сторожей поимали и лошадей отогнали... И вдругіе и втретіе приходили къ намъ татаровя, въ августѣ и ноябрѣ; и былъ бой... А какъ ушли татары, и почали мы на перелазахъ сваи бити и колоды дубовыя класти, чтобъ тѣ перелазы отнять...».

Въ это время всѣмъ жителямъ козловскимъ заказано было накрѣпко сидѣть въ городѣ и острожкахъ, по рѣкѣ Польной Воро-

нежъ не ѣздити, бродовъ не отыскивати и стежекъ по степи не накладывать. А которые люди самодуромъ учали дѣйствовати и воеводы ослупивались, и тѣ были въ жестокомъ наказаніи... Тогда же усилены были степныя сторожи, и вся мѣстная ратная сила призвана была къ оружію. Результатъ получился самый благопріятный. Воевода князь Ростовскій такъ доносилъ объ этомъ царю: «служилыхъ людей въ избылыхъ не было въ тѣ татарскіе приходы и стало всѣмъ безстрашно и надежно»...

Скоро въ Козловъ и царская милость пришла: всѣмъ служилымъ людямъ дано по золотому и на дворовую селитьбу да на заводъ по шти рублевъ.

И начали обзаводиться наши служильцы и жилецкіе люди. Лѣсъ былъ тогда у насъ даровой. Земли порозжей и животинныхъ выпусковъ — сколько угодно. Стало быть, деревенская работа во всѣхъ ея видахъ, строительная и земледѣльческая, сразу пошла полнымъ ходомъ. Сходцевъ въ нашу сторону все прибывало и прибывало. Ихъ манила необъятность тучныхъ тамбовскихъ дикихъ полей и замѣчательное обиліе всякихъ угодій. Новыя селитьбы выростали одна за другой, окруженныя тынами и надолобами. Внутри ихъ воздвигались немедленно же храмы Божіи. Всѣ они были деревянные, строились самими обывателями; художественной красоты въ нихъ почти не было и быть не могло, но вокругъ этихъ скромно созданныхъ православныхъ святынь созидалась и крѣпла наша излюбленная свято-русская земля...

Каковы были наши св. храмы XVII в., это видно изъ писцовыхъ книгъ. Напримѣръ:

«Село Городище, Погановка тожъ... А въ немъ Богоявленская церковь... древяна клецки на подклѣтяхъ... Верхъ шатровый, глава обита чешуею, крестъ и яблоко опаивано бѣлымъ желѣзомъ. Вся церковь крыта тесомъ. А въ церкви строенія: иконы... все писано на празелени... Сѣнь и столбы... Да въ Деисусѣ 11 иконъ, на нихъ писанъ благоразумный разбойникъ. А вѣнцы у святителей басманные-серебрянные. Да въ олтарѣ образъ Одигитріи съ коруною и образъ великаго чудотворца Николая, а у тѣхъ образовъ гривна басменная-золочена, убрусы червчатые дорогильные, пелены бархатныя и прикладныхъ денегъ 8 алтынъ».

Храмъ села Городища, какъ и всѣ современные ему тамбовскіе храмы, былъ бѣденъ во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ былъ очень дорогъ для обывателей въ интересахъ созидавшейся православно-русской колонизаціи. Вокругъ подобныхъ храмовъ, которыхъ къ концу XVII вѣка было у насъ нѣсколько сотъ, ютились коренные русскіе люди. Здѣсь же періодически происходили русско-инородческіе торжки и мірскіе сходы.

Дальнѣйшее писцовое описаніе Городищенскаго храма таково:

«На престолѣ облаченье крашенинное — крашенина кирпичная.

Сосуды древяные. Воздухъ и покровы выбойчатые. На престолѣ евангеліе печатное въ десть-поволочено рытымъ бархатомъ; евангелисты мѣдные. Да ризы въ той церкви—крашенинныя, оплечье выбойчатое, подризникъ полотняный, патрахиль и поручи выбойчатые. Кадило мѣдное. Да книгъ церковныхъ: апостолъ, минея общая съ праздники, треодъ постная, треодь цвѣтная, канонникъ, служебникъ, требникъ—все старой печати, а новыя печати служебникъ да псалтырь. Да письменныхъ книгъ — святцы съ тропари и кондаки да часовникъ. У церкви колокольня на двухъ столбахъ. На ней два колокола малыхъ. И то все строеніе священника Ефтифея съ прихожаны».

При этомъ бѣдномъ храмѣ ютилось въ особой слободкѣ мѣстное скромное духовенство, во главѣ съ священникомъ Ефтифеемъ Пантелеймоновымъ. Всѣ чины Городищенскаго причта, и самъ іерей Ефтифей и его сослужители, церковные дьячки (Фетка и Трифонка), были люди простые. Грамоту знали не важно. Наравнѣ съ тяглецами въ полѣ работали и въ лѣсъ ценской самолично за horомнымъ и дровянымъ деревьемъ въѣзжали. Но они были люди трезвые, смирные, трудные, къ храму и исполненію церковныхъ требъ усердные, и весь Городищенскій міръ любилъ ихъ, особливо похваляя ихъ за вклады церковные. Жили эти наши былые трудники-церковники, разумѣется, не богато. Но за то у нихъ всего необходимаго непокупнаго было вволю. Это видно между прочемъ изъ описанія пограбленнаго разбойниками домашняго имущества одного изъ церковныхъ дьячковъ.

«А взято у меня изъ клѣтки 13 льняныхъ холстовъ по 25 аршинъ въ каждомъ, 35 посконныхъ холстовъ по 20 аршинъ въ каждомъ, 35 льняныхъ женскихъ сорочекъ и 42 посконныхъ; да 14 сорочекъ мужскихъ шитыхъ шелкомъ съ кумачными ластовицы; многія фаты женскія, полотенца и простыни и платки съ шелковымъ кружевомъ; да крестовъ серебряныхъ взято 14 и таковыхъ же перстней и серегъ 12 и разной домовой утвари—оловянной и мѣдной... Да 2 шубы съ бобровыми ожерельи и финифтевыми пуговицами и разныя овчины, кожи, кушаки, шапки, тѣлогреи, ширинки... А изъ снѣдей и питій взято 5 ведръ простого вина и 2 соленыя севрюги; и денегъ 38 рублей, 5 алтынъ, 2 деньги»...

Дешевизна земли въ тѣ поры была у насъ изумительная. Дикое черноземное поле, толщиною свыше аршина, продавалось въ XVII вѣкѣ дешевле рубля за десятину. Поэтому у насъ бывали не рѣдки случаи, что какой либо жилецкій или служилый человѣкъ пріобрѣталъ въ вѣчную собственность превосходную новь въ нѣсколько десятковъ десятинъ со всякими угодьи рублей за 5—8. Неудивительно поэтому, что въ нашъ богатый земледѣльческій край, не смотря на его украинныя опасности, изстари и отвсюду устремились всякіе сходцы. При слабости юридической и администра-

тивной мѣстной поддержки, всѣ эти сходцы, конечно, рисковали, но они твердо знали, изъ-за чего рисковали...

А риску, дѣйствительно, было не мало. Кромѣ татаръ разныхъ наименованій, нашихъ предковъ донимали и свои кровные единоплеменные сбродники. И самая мѣстная пустошь съ ея безпріютностію, безпомощностію и всякою дикостью была не очень надежною охраною для нашихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что правительственная охрана нашего края понемногу начала организовываться только въ половинѣ XVI вѣка, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Въ тѣ поры у насъ выстроили два города: Шацкъ и Темниковъ.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ уже серьезнѣе озабоченъ былъ охраною Тамбовской украины. Онъ построилъ у насъ города: Тамбовъ, Козловъ, Романовъ и Демшинскъ. Онъ же учредилъ черты, валовыя крѣпости, остроги и острожки на татарскихъ сакмахъ и перелазахъ. Въ 1637 году въ своей грамотѣ онъ писалъ такъ: «... въ тѣ тамбовскія мѣста Крымскіе, Ногайскіе и Озовскіе люди прихаживали изгономъ и тѣ всѣ мѣста воевали, людей побивали и въ полонъ всякихъ людей мужеска и женска пола и маденцевъ имали и села и деревни многія пожгли и до конца разорили. А служилые люди отъ такія великія войны оскудѣли и учинились безлюдны и безлошадны и безоружейны»... Ужасающихъ подробностей изъ мѣстнаго былого быта въ этой грамотѣ нѣтъ, но онѣ несомнѣнно подразумѣваются... Молчатъ о нихъ лѣтописи, молчитъ тамбовская земля про ту русскую кровь, которая обильно проливалась на ней... И жутко становится на сердцѣ при воспоминаніи о тѣхъ свирѣпыхъ житейскихъ драмахъ и о томъ неисходномъ человѣческомъ горѣ, которыя у насъ были и былью поросли... Въ тѣ давнія времена общественная нравственность не только ногайско-татарская, но и наша русская, стояла низко, много ниже современной. Наши предки воевали безперечь и бились безпощадно. Плѣнныхъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, они на разные лады мучили, изысканно казнили и предъ лютою смертью рѣзали имъ носы и уши—послѣднія въ видѣ трофеевъ побѣдныхъ... Конечно, все это вызывалось безпрерывными и безпощадными инородческими набѣгами и было, по тогдашнему суровому обычаю, законно.

Страшное было у насъ то время! Ни одинъ тамбовецъ на всемъ пространствѣ обширной Тамбовской земли не былъ увѣренъ въ своей безопасности, потому что наши лютые вороги перелѣзали къ намъ черезъ безчисленные перелазы и сакмы чуть не ежедень. Вотъ почему наши былые обыватели XVII вѣка, собираясь на полевыя работы, своихъ ребятъ брали съ собою, а на самыя работы выходили оружные на всякій случай... И татары, калмыки и ногайцы-громители нашего края—при малѣйшей своей неудачѣ, а таковыхъ бывало не мало, клялись въ вѣчномъ мирномъ доконча́ньи. Но то были лукавыя, пустыя и обманныя слова, о кото-

рыхъ пророкъ Іезекіиль говоритъ такъ: «прельстиша людей моихъ глаголюще: миръ, миръ! И не бяше мира» (Iез. 13, 10).

Нудно и страшно было тамбовскимъ обывателямъ XVII вѣка дома, но этого еще мало. Ихъ призывали, по наряду и безъ мотчанья, и къ иной общественно-государственной службѣ: къ строенью и береженью новыхъ пограничныхъ городовъ, остроговъ, чертъ и засѣкъ. И все это стоило мѣстному населенью очень дорого. Наши обыватели тысячами и сотнями надолго, на цѣлые мѣсяцы, а то и на годы, отрывались отъ семействъ и хозяйствъ. При этомъ харчи у нихъ были свои, инструменты и оружіе свои. И жили они на своей оборонной службѣ, съ жалованьемъ по 2 рубля въ годъ, кое-какъ— въ землянкахъ и шалашахъ, продуваемые степными вѣтрами и проливаемые дождями, на морозѣ зимою и на пеклѣ лѣтомъ.

А тутъ еще и воеводы бывали не всегда милостивые и нерѣдко мучили нашихъ тяглецовъ то зяблою смертью, то кнутомъ и разореньемъ и всякимъ боемъ.

Въ то время тяжелая служба натурою не освобождала нашихъ предковъ отъ разныхъ даней и оброковъ: государевыхъ, полоняничныхъ, откупныхъ, таможенныхъ, стрѣлецкихъ, ясачныхъ, медвяныхъ, водныхъ и иныхъ. Между тѣмъ денегъ въ обращеніи было мало, и собирались онѣ не въ одну казну, но и въ пользу сборщиковъ, какъ ни билось съ этимъ зломъ московское правительство.

Но всѣ эти тягловыя повинности и рискованныя безпрерывныя случайности пограничнаго быта все-таки до нѣкоторой степени искупались извѣстнымъ обиліемъ и дешевизною мѣстныхъ земельныхъ угодій. Широкій просторъ во всѣ стороны стоялъ передъ тѣми нашими прадѣдами, которые хотѣли работать въ потѣ лица. Если была у кого изъ нихъ практическая смѣтка, могутныя плечи и добрая завидущая охота къ работѣ, тѣ были матеріально обезпечены. Всякій работящій и сильный обыватель въ былые годы непремѣнно богатѣлъ у насъ, и только лѣнтяи и слабосильные выродки погибли въ нищетѣ. Иллюстраціей къ этимъ моимъ словамъ можетъ служить слѣдующая поступная запись бортника Ивана Васильева, данная имъ на Ранковильскій ухожей елатомцамъ Михайловымъ.

«Се язъ Иванъ Васильевъ, бортникъ деревни Починокъ, въ нынѣшнемъ 1650 году... поступился есми посадскимъ людемъ — елатомцамъ верховымъ бортнымъ ухожьемъ сполна: и съ лугами сѣнными и съ рѣками и съ протоки; и съ бобровыми гоны, лосиными купалищами и со всякою звѣриною ловлею. А государева медвянаго оброку платить 15 гривенокъ меду».

Все это многоверстное и разнообразное угодье дано было елатомцамъ по пріятельству даромъ, такъ какъ у бортника Васильева и безъ того было множество ухожьевъ, съ которыми онъ никакъ

не могъ уже справиться. Очевидно, Васильевъ былъ могутной работникъ, не то, что сосѣдъ его мордвинъ Пайка Родкинъ. Этотъ послѣднiй, по рабочей немощи своей, сплошалъ съ окружавшими его безпредѣльными вольными угодьями, не справился съ ними и невѣдомо куда и зачѣмъ бѣжалъ. А во двоpишкѣ его осталось хоромъ: избенка не крыта, да конюшнишка пластинная, да скотины 4 овцы, да жеребенокъ, да 2 курицы, да четверть кола ржи несѣянной... А больше того никакихъ пожитковъ у него не осталось... А уходя тотъ Пайка буянилъ, бранился всякою неподобною бранью, сосѣдскую женку на гумнѣ билъ и робенка у ней изъ рукъ вышибъ и собаками стравилъ.

Гдѣ пропалъ этотъ непутящiй Пайка съ своею горемычною семьей—не вѣдомо... Пайка Родкинъ бѣжалъ по крайней мѣрѣ не одинъ. Къ своей горькой бѣглой жизни онъ присовокупилъ и безотвѣтную семью свою. А иные бѣжали одни, покидая семью на неисходный голодъ-холодъ и на всякую чужую справу. И голодали эти злополучныя семьи, пока ихъ непутевыхъ кормильцевъ накрѣпко сыскивали; а затѣмъ и сами, въ силу былыхъ юридическихъ обычаевъ, попадали въ тюрьмы—старые и малые — въ смыслѣ круговой поруки...

Наши обычныя украинныя бѣды весьма нерѣдко усложнялись и чрезвычайными. Вслѣдствiе безпрерывныхъ боевыхъ схватокъ, причемъ трупы убитыхъ большею частiю оставались непогребенными и не всегда убирались звѣрями и птицами; вслѣдствiе всеобщей неряшливости и нечистоплотности и полнаго отсутствiя всякой разумной медицинской помощи — на наши украйны почасту налетали моровыя повѣтрiя. Еще въ 1625 году, за 11 лѣтъ до основанiя Тамбова и Козлова, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ нашимъ степнымъ и городовымъ воеводамъ:

«Въ разныхъ степныхъ городкахъ (тамбовскихъ) объявилось повѣтрiе, и гдѣ было до 400 казаковъ, и тамъ теперь стало по 7-ми. И про то моровое повѣтрiе провѣдано подлинно. И по всей степи поставить заставы крѣпкiя, чтобъ мимо ихъ никакой человѣкъ не проѣхалъ и пѣшо не прошелъ и не прокрался никакими обычаи...» [1]).

Мѣстные общественные нравы въ XVII вѣкѣ нерѣдко, судя по документамъ, поражаютъ своею дикостью. Старики-хозяева, по извѣстнымъ семейнымъ недоразумѣнiямъ, несогласныхъ невѣстокъ выгоняли съ ихъ дѣтьми на всѣ четыре стороны, такъ что бѣдныя горемыки скитались межъ дворъ и съ малыми ребятишками помирали голодною смертiю... Родственники, особенно же родственницы, рѣдко жили между собою въ ладу, а больше были, что называется, на ножахъ. При свиданiяхъ на праздники и разныхъ

---

[1]) Воронежскiе акты, стр. 26.

семейныхъ торжествахъ они весьма часто схватывались изъ-за какихъ нибудь пустяковъ и учиняли баталіи: лупили другъ друга полѣньями и пихтелями, рогачами и ослопами, и при этомъ скверно и изысканно бранились, поворя прекрасную родную рѣчь безсмысленнымъ сквернословіемъ. Бывало и такъ. Пріѣзжихъ гостей гостепріимные хозяева грабили. Такъ былъ ограбленъ темниковскими земскими старостами Кожевниковымъ и Зеленщиковымъ тамошній татаринъ Софаръ. У него отняли коня ногайскаго, шапку соболью красную, зипунъ зеленый съ серебряными позолочеными пуговицами и мошну съ деньгами (7 рублей съ полтиной).

Книжнаго просвѣщенія въ то время, разумѣется, у насъ почти не было. Грамотные люди были наперечетъ. Масса была совершенно неграмотна. И въ этой массѣ фигурировали весьма нерѣдко воеводы, стрѣлецкіе головы, монахи и монахини (между прочимъ игуменьи) и даже полуграмотными бывали сами священники. Но странно! Книжныхъ людей у насъ было очень мало. Зато много было слабоумныхъ и юродивыхъ. Точно пришла на нихъ мода. Въ нашихъ документахъ часто о многихъ лицахъ встрѣчаются такія характеристики: (такой-то) «волею Божіею малоуменъ и одержимъ скорбію, и бродитъ зря по улицамъ и по полямъ въ безумствѣ своемъ...». Надъ ними смѣялись, иногда травили ихъ собаками и гнали съ мѣста на мѣсто палками; но иногда малоумные являлись въ видѣ юродивыхъ. Этимъ былъ почетъ... Въ описываемое время очень тяжелы были для мѣстнаго населенія земскія повинности. Требовали, напримѣръ, провіантъ въ извѣстный городъ. Тогда воеводскіе гонцы являлись въ извѣстное село и объявляли жителямъ, чтобъ всѣ они, до одного, ѣхали съ провіантомъ туда-то... Въ случаѣ уклоненій отъ тягла бывали и пытки.

Съ теченіемъ времени, еще задолго до царствованія Петра I-го, и у насъ понемногу начались разныя реформы. Уже въ то время и у насъ появились разные нѣмцы: нѣмцы промышленники и нѣмцы военные инструкторы... Въ Кирсановѣ и Липецкѣ положено начало чугунно-литейнымъ заводамъ. На рѣкѣ Воронежѣ и на Дону стали строить струги и иныя сплавныя суда болѣе усовершенствованныхъ типовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ главными мастерами были у насъ разные иностранцы, преимущественно нѣмцы. Но сближеніе нашей окраины съ западными иностранцами долго еще не могло изъять изъ житейскаго обращенія мѣстныхъ доморощенныхъ ухарей...

Въ концѣ XVII вѣка въ Темниковскомъ уѣздѣ былъ такой случай. Въ имѣніе нѣкоего Возницына, давно воевавшаго гдѣ-то на границѣ, разъ пріѣхалъ прилично одѣтый молодой человѣкъ и назвался сыномъ Возницына. Приказчикъ Лузинъ встрѣтилъ его съ подобающими почестями. Тогда молодой бояринъ (вовсе не сынъ Возницына) водворился въ господскомъ домѣ и началъ ежедневно ку-

ролесить. Въ концѣ концовъ своего самозваннаго и дикаго разгула онъ вырубилъ (конечно, пьяный) въ горницахъ двери, изъ сундуковъ повытаскалъ всю рухлядь и, ходя по крестьянскимъ дворамъ съ дворовыми людьми, учинилъ 3 убійства... А затѣмъ благополучно прослѣдовалъ неизвѣстно куда.

Извѣстныя операціи на счетъ казны и въ ущербъ обывательскому имуществу совершались тогда весьма нерѣдко. Такъ, шацкій поставщикъ соли купецъ Малинъ, взявши на себя подрядъ доставить въ Шацкъ на 100 подводахъ 15.000 пудовъ соли, въ городъ ее не доставилъ, а распродалъ дорогой и скрылся. Тогда привлекли къ отвѣтственности всѣхъ родственниковъ Малина и его подводчиковъ и приказчиковъ, а также и всѣхъ тѣхъ обывателей Шацка, которые могли бы знать, гдѣ скрывается виновный...

Заемныя операціи чаще всего совершались у насъ подъ залогъ имущества, при чемъ статьи этого имущества перечислялись подробно, напримѣръ, такъ: «я, отставной служилецъ Гаврила Конищевъ, занялъ у Михайлы Спѣшнева 200 рублей подъ залогъ дворовыхъ людей и крестьянъ съ ихъ женами, дѣтьми и внучатами, и всякой рогатой и мелкой скотины»...

Произволъ вотчинныхъ и приказныхъ властей того времени всѣмъ давно извѣстенъ. Не меньше, кажется, было дикаго произвола и въ распоряженіяхъ разныхъ излюбленныхъ міромъ людей: головъ, старшинъ и старостъ. Такъ, темниковецъ Иванъ Кунавинъ жаловался на темниковскаго старосту Ивана Зинина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «поймалъ меня староста безвременно для отдачи въ солдаты, сковалъ желѣзами и 3 мѣсяца держалъ въ земской избѣ, моря голодною смертію... А какъ въ солдаты я не годился, то продалъ онъ меня въ работу откупщику Мытову за 6 рублей въ годъ».

Съ начала XVIII вѣка на нашу отчизну повѣяло западнымъ вѣтромъ. И были въ томъ буйномъ вѣтрѣ всякія вѣянія: и несомнѣнно добрыя, и недобрыя вѣянія... Наскоро переодѣвшись въ западные кафтаны, многіе изъ нашихъ предковъ совершенно позабыли, что и старая до-Петровская Русь имѣла свои высокія государственно-національныя качества, давнымъ-давно сложившіяся. Допетровцы высоко, грозно и честно держали свое русское знамя. Они глубоко, какъ и слѣдуетъ, любили свое отечество и гордились имъ. А тутъ пошла исключительная мода на все иноземное, худо ли, хорошо ли было оно... Русская самобытная, выразительная и прекрасная рѣчь испорчена была ненужными иностранными словами. Церковная жизнь ослабѣла во всѣхъ отношеніяхъ... Народъ надолго сталъ бѣднѣе... Пріукрасились мы снаружи, схвативши верхушки западнаго просвѣщенія, а внутри, по существу народной жизни, не стали лучше, и такъ было долго-долго. Въ началѣ XVIII вѣка насъ особенно поражаетъ, при нѣкоторомъ внѣшнемъ лоскѣ, грубость мѣстныхъ общественныхъ нравовъ... Это видно изъ слѣдующаго челобитья

нѣкоего Болтина на полковника Сухарева. Челобитье относится къ 1713 году. Содержаніе его таково...

Сухаревъ шелъ въ Тамбовъ съ полкомъ и, прибывъ въ село Рождественское, самъ остановился у своего зятя Сатина, а на дворишко Болтина поставилъ адъютанта съ солдаты многолюдствомъ.

«И тотъ адъютантъ,—плакался Болтинъ,—пришедъ на дворишко мой, людишекъ моихъ и крестьянишекъ смертнымъ боемъ билъ, въ хоромишкахъ двери и окончины выбилъ и жену мою билъ же и всякими неистовыми словами ругалъ; и онъ же взялъ у меня съ конюшни лошадь—мерина чала, и другихъ лошадей многое число»...

Буйствомъ въ то печальное время отличались и простые конвойные солдаты, мнившіе себя начальствомъ. Такъ, солдатъ Иванъ Магинъ, конвоируя крестьянина Козьмина, среди поля въ зимнюю пору снялъ съ него шубу баранью и пустилъ его нага, отчего тотъ Козьминъ, шедъ къ дому своему, ознобилъ руки по локоть, ноги по колѣни, и всѣмъ естествомъ распухъ и все въ волдыряхъ [1])...

Въ то же время въ г. Елатьмѣ отличался своими подвигами отставной драгунъ Алѣевъ. Елатомскій соборный протопопъ Петровъ въ такихъ выраженіяхъ изображалъ Алѣева: «оный драгунъ Гаврила Алѣевъ бранилъ меня и безчестилъ и билъ смертнымъ боемъ на дворѣ посадскаго человѣка Бобикова; и ухватя за волосы и за бороду, дралъ меня нещадно и бороду выдралъ и хотѣлъ заколоть до смерти... и едва посторонніе люди отъ того колотья отняли»... [2]).

Очень характерно и трогательно письмо крестьянина Епифана Андреева къ его помѣщику Сатину. Письмо относится къ 1721 году. Содержаніе его таково: «присланъ ко мнѣ, государь, Григорій Степановичъ, изъ Воронежской губернской канцеляріи указъ, чтобъ къ греку Муцу выслать на работу указное число людей и съ лошадьми въ скорости, такожъ чтобъ и на овчарный дворъ подводы высылать сполна-жъ противъ указу; и оныхъ людей и подводъ гдѣ взять—не знаю, понеже г. судья Карѣевъ наряду работнымъ людямъ не отдаетъ... а съ письмомъ къ нему никто не идетъ, боятся—бить станетъ... И въ томъ я не знаю, что дѣлать; въ чемъ почти лишился своего ума, понеже я сталъ, не знаю—къ которому краю, и не знаю, кого поставлять себѣ командира, ибо со всѣхъ сторонъ боязнь штрафу, увѣчья и напасти, отъ чего я нынѣ на квартирѣ мало живу, ибо отъ прежняго вездѣ кости болятъ... И во истину отъ онаго состоянія у меня память нарушилась, въ чемъ уже желаю отъ вышняго смерти... И пропаду я, дѣтинишка безпомочный и небогатый, хуже собаки или какого

---

[1]) Матеріалы тамбовской ученой архивной комиссіи за 1780 годъ.

[2]) Ibid.

басурмана, и животу своему не радъ и въ конецъ сокрушаюсь и не знаю, что дѣлать».

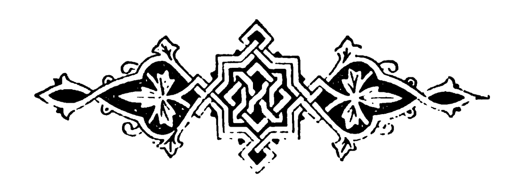
Ненасытною жаждою обогащенія во что бы то ни стало въ описываемое время проникалась и такъ называемая чернядь, если представлялась возможность взять засилье. То были предтечи новѣйшихъ Колупаевыхъ, Деруновыхъ и Разуваевыхъ...

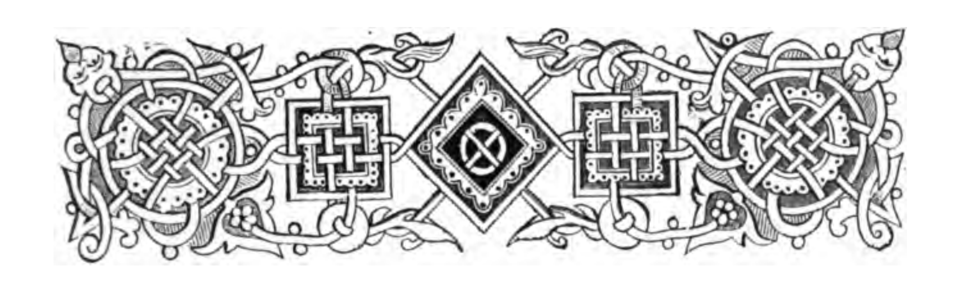
Драчливость въ тѣ поры была непомѣрная. Всѣ мѣстныя присутственныя мѣста переполнялись отъ глубины подваловъ и до чердачной высоты явочными челобитными о проломленіи головъ... Такъ бились не одни темные люди, но и привилегированные... Про одного воеводу, маіора Свѣчина, въ нашихъ документахъ написано такъ: «оный Свѣчинъ убилъ черкашенку вдову Прасковью безъ умыслу, но отъ единаго токмо жестокосердія и неистовой дурости»...

И тѣмъ радостнѣе, среди печальныхъ явленій былой мѣстной жизни, встрѣчаться по архивнымъ документамъ съ свѣтлыми явленіями... Свѣтъ и во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ...

Этому свѣту, въ предѣлахъ мѣстной исторіи, я и посвящу слѣдующую свою статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

И. Дубасовъ.





ПРОЛОГЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ [1]).

II.

ОГОДИТЕ, погодите, мой милый; я прожилъ сорокъ два года, и Богъ меня всегда поддерживалъ. Быть можетъ, Онъ дастъ мнѣ силы и разумъ, необходимые для того положенія, къ которому Онъ меня призываетъ. Будемъ надѣяться на его благость».

Эти знаменательныя слова произнесъ Павелъ, со слезами на глазахъ, въ отвѣтъ на восклицаніе Ростопчина: «О, ваше высочество, какая это важная для васъ минута»; а самая бесѣда происходила вечеромъ 5-го ноября 1796 года по дорогѣ изъ Гатчины въ Петербургъ, куда наслѣдникъ престола спѣшилъ, получивъ извѣстіе, что его мать поражена апоплексическимъ ударомъ, и ея смерть близка. Онъ такъ мало ожидалъ этого событія, что когда въ Гатчину прибылъ графъ Н. А. Зубовъ, посланный великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ съ печальною вѣстью, то онъ перепугался, думая, что его тотчасъ арестуютъ и сошлютъ въ замокъ Лоде, о чемъ давно поговаривали, а потому сказалъ женѣ: «Милая, мы погибли». Узнавъ же, что его ожидалъ престолъ, а не заточеніе, онъ былъ такъ потрясенъ, что, по словамъ г. Шильдера, «внезапный переходъ отъ страха къ противоположному чувству по-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 891.

дѣйствовалъ пагубнымъ образомъ на его нервы и самый мозгъ; даже Кутайсовъ (тогда камеръ-фурьеръ и брадобрей) выразилъ впослѣдствіи сожалѣніе, что не пустилъ немедленно кровь великому князю».

Вотъ при какихъ условіяхъ началось царствованіе, которое, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, Ѳ. П. Лубяновскаго, «называли, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно—возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса — царствомъ власти, силы и страха; втайнѣ, между четырехъ глазъ—затменіемъ свыше». Другой современникъ графъ А. Р. Воронцовъ характеризовалъ эпоху Павла словами: «вообще, сказать можно, былъ хаосъ совершенный», а г. Шильдеръ, объясняя, въ чемъ заключался этотъ хаосъ, говоритъ: «Это былъ своего рода бредъ; всякая идея политическаго прогресса была устранена. «Одно понятіе: самодержавіе, одно желаніе: самодержавіе неограниченное, были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла; въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію», — вотъ какъ отзывается объ этихъ печальныхъ дняхъ баронъ М. А. Корфъ въ неизданной главѣ его біографіи графа Сперанскаго».

Такъ какъ царствованіе Павла было второю частью пролога Александровской эпохи и произвело неотразимое вліяніе на юную, впечатлительную душу Александра, еще болѣе усиливъ ея двойственность, то необходимо хоть кратко набросать картину этого рокового четырехлѣтія на основаніи новыхъ матеріаловъ, собранныхъ г. Шильдеромъ. Хотя почтенный авторъ не представляетъ общей характеристики тяжелой Павловской эпохи и не рисуетъ портрета самого Павла, но то и другое рельефно выступаетъ изъ массы свѣдѣній, разбросанныхъ какъ въ текстѣ, такъ въ примѣчаніяхъ, прибавленіяхъ и даже выноскахъ. Поэтому постараемся все это собрать въ одно цѣлое и насколько возможно въ настоящее время очертить хоть бѣглыми чертами странную, ненормальную личность Павла, до сихъ поръ загадочную, благодаря окружающему его легендарному туману и также указать на главныя черты его царствованія, нагонявшаго страхъ и трепетъ на современниковъ.

Всѣ его дѣйствія, по вступленіи на престолъ обнаруживаютъ въ немъ человѣка вспыльчиваго, капризнаго, одержимаго марсоманіей, презирающаго человѣчество, по крайней мѣрѣ окружавшихъ его представителей человѣчества, переходящаго отъ одной болѣзненной вспышки къ другой, быстро смѣняющаго милость на гнѣвъ и обратно, но не лишеннаго благородныхъ, рыцарскихъ чувствъ и искренно желавшаго блага своему народу, такъ какъ его тяжелая рука жалѣла поселянъ, а безжалостно опускалась лишь на дворянъ, царедворцевъ и чиновниковъ, которые угнетали бѣдныхъ, оскорбленныхъ и угнетенныхъ. «Вдругъ, пишетъ Ф. Вигель, мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны были трепетать передъ восточнымъ владыкой,

одѣтымъ, однако, въ мундиръ прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ: Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были его девизомъ и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправіе умѣлъ онъ соединять въ себѣ съ необузданною властью ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ французскаго дореволюціоннаго правительства». Что въ основѣ всѣхъ странныхъ выходокъ Павла лежало болѣзненное, патологическое разстройство, очень хорошо понималось современниками, и нѣкоторые иностранные историки утверждають, что на одномъ собственноручномъ рескриптѣ Павла къ посланнику въ Берлинѣ, барону Крюденеру, графъ Паленъ надписалъ «императоръ сегодня нездоровъ», а по поводу напечатанія въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статьи, написанной имъ самимъ на французскомъ языкѣ о вызовѣ на поединокъ европейскихъ государей для прекращенія кровопролитія въ Европѣ, графъ С. Воронцовъ писалъ Н. Новосильцеву—«On s'imagine qu'un acte de demence si publique devrait naturellement être suivi d'un arrangement fait immediatement pour empecher la ruine d'un pays». Поэтому какъ ни тяжело было жить «въ это время ежедневнаго ужаса, по словамъ Д. Б. Мертваго, когда тайная канцелярія была завалена дѣлами, знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни, а раскольниковъ преслѣдовали, били и отправляли на поселенье», но нельзя не откликнуться и сочувственно на гуманное замѣчаніе иностранца Таненберга, писавшаго въ своей біографіи Павла въ 1804 году: «Если, несчастный государь, кому либо мнится имѣть причины поносить тебя надъ твоей могилой, то да будетъ тебѣ въ высшей степени посвящено мое истинное состраданіе» [1]).

Всего сказаннаго достаточно, чтобы служить путеводною нитью въ лабиринтѣ странныхъ, противорѣчивыхъ событій, тревожившихъ Россію, а преимущественно Петербургъ, отъ 6-го ноября 1796 г. по 12-е марта 1801 года, и мы перейдемъ къ фактамъ, потверждающимъ воочію эту общую характеристику Павла.

Съ первыхъ же двадцати четырехъ часовъ послѣ смерти Екатерины Зимній дворецъ совершенно преобразился и сталъ громадною кордегардіей: «все, по словамъ Державина, приняло другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки». Дѣйствительно произошло нашествіе гатчинцевъ, которыхъ новый государь перевелъ въ гвардію, при чемъ офицеры сохранили чины, хотя по своему невѣжеству, грубости и развратному поведенію они возбуждали отвращеніе не только гвардейскихъ офицеровъ, но даже солдатъ, гнушавшихся состоять у нихъ подъ командой. Питая болѣе двадцати лѣтъ не-

---

[1]) Отголоски XVIII вѣка. Выпускъ IV. Останкино за 1797 г. Соч. графа С. Шереметева. Спб. 1897.

нависть къ Екатерининскимъ порядкамъ и привыкнувъ съ своему гатчинскому режиму, Павелъ рѣшилъ сразу «исцѣлить» Россію, и началъ это «исцѣленье» съ мелочей, по самыхъ тяжелыхъ, непріятныхъ. Прежде всего онъ ввелъ новую, уродливую, безпокойную военную форму. «Эта одежда и Богу угодна, и вамъ хороша»,—говорилъ Павелъ, поздравляя вновь обмундированныхъ солдатъ, но, по словамъ современниковъ, мѣшковатые мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, крѣпко стягивавшіе шею галстухи, усы, косы, пукли на прусскій образецъ были некрасивы, неудобны и напоминали забытыя времена Петра III. Вмѣстѣ съ тѣмъ были измѣнены поновому, то-есть попрусскому, или, скорѣе, погольстинскому военный уставъ, образъ ученія и даже команды, такъ, вмѣсто «ступай» стали говорить «маршъ», вмѣсто заряжай—шаржируй. Разводъ, или вахтъ-парадъ, сдѣлался обязательнымъ началомъ каждаго дня и важнымъ государственнымъ учрежденіемъ, такъ какъ на немъ присутствовалъ императоръ, и при паролѣ отдавалъ приказы наслѣднику, который потомъ подписывалъ ихъ. Всѣ военные чины отъ генерала до прапорщика обязаны были присутствовать на этихъ вахтъ-парадахъ, и каждый отправлялся туда, какъ на лобное мѣсто, не зная, что его тамъ ожидаетъ: быстрое возвышеніе, ссылка въ Сибирь, заточеніе въ крѣпости, позорное выключеніе изъ службы, или даже тѣлесное наказаніе. Никому не было пощады, и среди приказовъ, отданныхъ на разводѣ, особенно заслуживаетъ вниманія слѣдующій: «фельдмаршалъ графъ Суворовъ, относясь къ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, то за подобный отзывъ отставляется отъ службы». Какъ извѣстно, славный герой саркатически отзывался о ломкѣ русской арміи на нѣмецкій ладъ и говорилъ открыто: «пудра не порохъ, букля не пушка, коса не тесакъ, и я не нѣмецъ, а природный русакъ», и за это онъ не только былъ удаленъ со службы, но и сосланъ на житье въ свое новгородское помѣстье. Но если, по мѣткому выраженію г. Шильдера, вахтъ-парадъ походилъ на лобное мѣсто, то можно сказать, что главнымъ палачемъ былъ пресловутый «гатчинскій капралъ», Аракчеевъ, который былъ назначенъ на другой же день послѣ воцаренія Павла комендантомъ Петербурга; онъ занялъ въ Зимнемъ дворцѣ комнаты князя Зубова, скрѣплялъ приказы императора, и ему, по отзыву Ростопчина, было поручено смирить высокомѣріе екатерининскихъ вельможъ, дворянъ и гвардіи. Онъ и предавался безъ всякаго стѣсненія ревностному исполненію того, что онъ считалъ своимъ служебнымъ долгомъ: кричалъ на вахтъ-парадахъ своимъ гнусявымъ голосомъ: «что же вы, ракаліи, не маршируете! Впередъ, маршъ!»; называлъ знамена полковъ, прославившихся въ недавнихъ войнахъ, «екатерининскими юпками», вырывалъ у солдатъ усы, билъ ихъ нещадно, грубилъ офицерамъ, награждалъ ихъ пощечинами, и, по свидѣтельству Вигеля, вообще

Императоръ Павелъ въ 1798 году.
Съ гравюры Дункортона, сдѣланной съ портрета Щукина.

поступалъ пособачьи, какъ разъяренный бульдогъ, такъ что однажды укусилъ носъ у гренадера. Поэтому странно читать въ донесеніяхъ саксонскаго посланника Фелькерсама, что «офицеры и генералы нѣсколько недовольны, такъ какъ они не привыкли къ порядку и точности исполненія военной службы, а главное, что на парадахъ производятся публичные выговоры, съ цѣлью предупредить всякую несправедливость». Впрочемъ Павелъ былъ такимъ необыкновеннымъ соединеніемъ противорѣчивыхъ качествъ, что, быть можетъ, онъ искренно воображалъ себя великимъ, справедливымъ судьей, искоренителемъ неправды на своихъ вахтъ-парадахъ, и во всякомъ случаѣ примѣры, приводимые Фелькерсамомъ о выговорахъ генералу Апраксину за порученіе унтеръ-офицеру частнаго дѣла, фельдмаршалу Суворову за посылку офицера не по казенной надобности и генералу Волконскому за увольненіе въ отпускъ майора безъ высшаго разрѣшенія, если только эти факты вѣрны, имѣли правильную, основательную подкладку, хотя были облечены въ грубую, обидную форму.

Но трудно усмотрѣть хоть тѣнь какого нибудь основанія въ маніи, объявшей Павла все ломать и передѣлывать на новый ладъ, не только въ арміи, но и въ общественной, даже въ частной жизни. Прежде всего стали безпощадно преслѣдовать фраки, отложные воротники, жилеты, сапоги съ отворотами и круглыя шляпы; гоненіе на послѣднія достигло до того, что полицейскіе срывали шляпы съ идущихъ по улицѣ лицъ и тутъ же истребляли ихъ. Фелькерсамъ объясняетъ эти странныя мѣры ненавистью Павла къ якобинцамъ и всему французскому; онъ разсказываетъ, что императоръ, встрѣтивъ однажды племянника англійскаго посланника Витворта въ опальномъ костюмѣ, не только не отдалъ ему поклона, но приказалъ сказать его дядѣ, что очень сожалѣетъ о случившемся, но рѣшился никогда не кланяться человѣку, одѣтому столь предосудительно. Еще болѣе скандаловъ и безпокойствъ причиняло другое распоряженіе, по которому всѣ мужчины и женщины, ѣхавшіе въ экипажахъ, должны были при встрѣчѣ съ императоромъ останавливаться, выходить и низко ему кланяться. Наконецъ, всюду наставили шлагбаумовъ и будокъ, окрашенныхъ черною, желтою и бѣлою красками по берлинскому образцу; въ послѣднемъ отношеніи ревность генералъ-полицеймейстера, Архарова, дошла до того, что по его приказу также окрасили ворота и заборы частныхъ домовъ. Однако даже Павлу показалось, что это черезчуръ, и онъ гнѣвно сказалъ: «чтожъ я дуракомъ что ли сталъ, чтобъ отдавать такія повелѣнія» [1]). Впрочемъ подобное восклицаніе нимало не сдерживало ревности полиціи, и московскій оберъ-полицеймейстеръ, Эртель, одинъ изъ непреклонныхъ гатчинцевъ, обязывалъ всѣхъ лицъ, дававшихъ

---

[1]) Записки Курляндскаго барона. Русская Старина, 1887 г., ноябрь, стр. 381.

вечера, увѣдомлять о томъ полицію и посылалъ квартальнаго въ мундирѣ для наблюденія за тѣмъ, чтобы гости были одѣты надлежащимъ образомъ, а не въ ненавистныхъ фракахъ. Неудивительно, что Петербургъ и Москва притихли, пріуныли, и исчезла въ нихъ всякая веселость.

Въ своей злобѣ къ Екатеринѣ Павелъ доходилъ до утонченности и поразилъ всю Россію устройствомъ двойныхъ похоронъ своей матери и отцу. Вотъ какъ объясняетъ Фелькерсамъ это необыкновенное событіе: «Императоръ спросилъ у синода, можно ли похоронить Екатерину въ Невскомъ монастырѣ (гдѣ покоился Петръ III), и получивъ въ отвѣтъ, что это невозможно, такъ какъ гробницы всѣхъ государей въ крѣпости, велѣлъ сказать, что въ такомъ случаѣ надо туда перенести прахъ Петра III. Приведенный въ смущеніе, синодъ возразилъ, что Петръ III не былъ коронованъ, и на это императоръ, повидимому, отвѣтилъ, что если его отецъ не короновался, то не по своей волѣ». Результатомъ этихъ переговоровъ было: вынутіе тѣла «бывшаго императора» изъ его могилы, переложеніе въ новый гробъ, собственноручное коронованіе его Павломъ, который возложилъ на его гробъ корону, перенесеніе этого гроба во дворецъ, гдѣ онъ былъ выставленъ вмѣстѣ съ гробомъ Екатерины на особо устроенномъ «печальномъ мѣстѣ», именуемомъ «castrum doloris», перенесеніе обоихъ гробовъ въ Петропавловскую церковь, совмѣстное ихъ погребеніе и установленіе общаго траура. Фелькерсамъ увѣряетъ, что общественное мнѣніе раздѣлилось въ Петербургѣ по этому случаю: одни видѣли въ поступкѣ Павла доказательство сыновней любви и религіознаго чувства, а другіе знаменіе мести къ Екатеринѣ, но, по свидѣтельству русскихъ современниковъ, только этой местью руководствовался императоръ, на лицѣ котораго во время похоронъ было видно болѣе гнѣва, чѣмъ печали. «Явно преслѣдуя память матери своей, говоритъ Ф. Вигель, онъ съ особою торжественностью поклонялся праху отца и, извлекая его изъ могилы и вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю». Въ своемъ желаніи сказать русскому народу, по выраженію того же Вигеля: «жги, что ты боготворилъ, и боготвори то, что ты жегъ», Павелъ пошелъ еще далѣе и 26-го января 1797 года былъ данъ имъ именной собственноручной указъ сенату о томъ, чтобъ послѣдній предписалъ вырвать изъ указныхъ книгъ манифестъ Екатерины II о вступленіи ея на престолъ, что и было учинено постановленіемъ сената, въ силу котораго всѣ губернскія и намѣстническія правленія вырвали изъ печатныхъ указныхъ книгъ за 1762 года означенные листы и препроводили ихъ къ генералъ-прокурору князю А. Б. Куракину [1]). Но, конечно, этимъ страннымъ распоряженіемъ нельзя было вырвать со

---

[1]) «Русская Старина», іюль, 1897 года, стр. 592.

страницъ исторіи и изъ памяти живыхъ людей царствованія Екатерины, а оно только доказываетъ, до какихъ ненормальныхъ, патологическихъ крайностей доходила въ Павлѣ ненависть къ его матери. Той же ненавистью, однако принявшею гуманный, симпатичный характеръ, можно объяснить и освобожденіе политическихъ заключенныхъ: Новикова и Радищева, Костюшки и другихъ поляковъ. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ Павелъ поступилъ совершеннымъ рыцаремъ и, лично освобождая Костюшку, отдалъ ему свою шпагу со словами: «Такому храброму воину неприлично быть безъ шпаги, возьмите мою». Потоцкому же онъ сказалъ: «Вы подвергались долго преслѣдованіямъ, но въ послѣднее царствованіе всѣ честные люди подверглись подобной участи, и я первый. Я всегда былъ противъ раздѣла Польши, признавая его несправедливымъ и неполитичнымъ дѣломъ, но теперь это совершившійся фактъ». Наконецъ Павелъ вызвалъ изъ Гродна бывшаго польскаго короля Станислава-Августа въ Петербургъ и окружилъ его королевскими почестями въ Мраморномъ дворцѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1798 году.

Сочетаніе противодѣйствія всему екатерининскому и гуманности выразилось не только въ отношеніяхъ Павла къ полякамъ, но и въ его усиліяхъ облегчить участь поселянъ, которыхъ онъ офиціально въ одномъ изъ своихъ указовъ признавалъ «сословіемъ, содержащимъ собою и своими трудами всѣ прочія части государства». Такимъ образомъ онъ отмѣнилъ на четвертый день по вступленіи на престолъ постановленный Екатериной необычайный рекрутскій наборъ по 1 съ 1000, а потомъ и хлѣбную подать, т.-е. платежъ натурой вмѣсто денегъ налога въ пользу продовольствія войска, что было очень отяготительно для народа, такъ какъ приходилось везти хлѣбъ издалека и терпѣть всевозможныя притѣсненія пріемщиковъ. Къ тому же разряду человѣчныхъ постановленій, касавшихся поселянъ, относился и сенатскій указъ отъ 27-го ноября 1796 года о предоставленіи «людямъ, не имущимъ вольности, права аппелляціи на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, хотя бы со стороны «уѣздныхъ стряпчихъ и было на тѣ рѣшенія заявлено удовольствіе». Наконецъ въ день своей коронаціи Павелъ издалъ манифестъ о трехъ-дневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи ихъ къ работѣ въ воскресные дни, а въ слѣдъ затѣмъ милостивый манифестъ о прощеніи отлучившихся самовольно нижнихъ чиновъ и разнаго званія людей.

Что касается до самой коронаціи, то Павелъ очень поспѣшилъ ею, назначивъ на 5-е апрѣля, т.-е. Свѣтлое воскресенье, и она ознаменовалась нѣсколькими характерными чертами, бросающими яркій свѣтъ на личность императора. При въѣздѣ въ Москву у Иверской часовни два воспитанника Троицкой семинаріи, изъ которыхъ одинъ былъ впослѣдствіи петербургскимъ митрополитомъ Григоріемъ, выступили впередъ и произнесли слѣдующій діалогъ въ стихахъ:

«Бросай же поскорѣй цвѣты?»
«Да онъ ли это, знаешь ты?»
«Да, какъ же не узнать намъ Феба,
«Когда для насъ онъ сходитъ съ неба».

Государь сперва былъ непріятно пораженъ такою неумѣстною бесѣдой двухъ юношей, но потомъ принялъ этотъ знакъ усердія

Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.
Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.

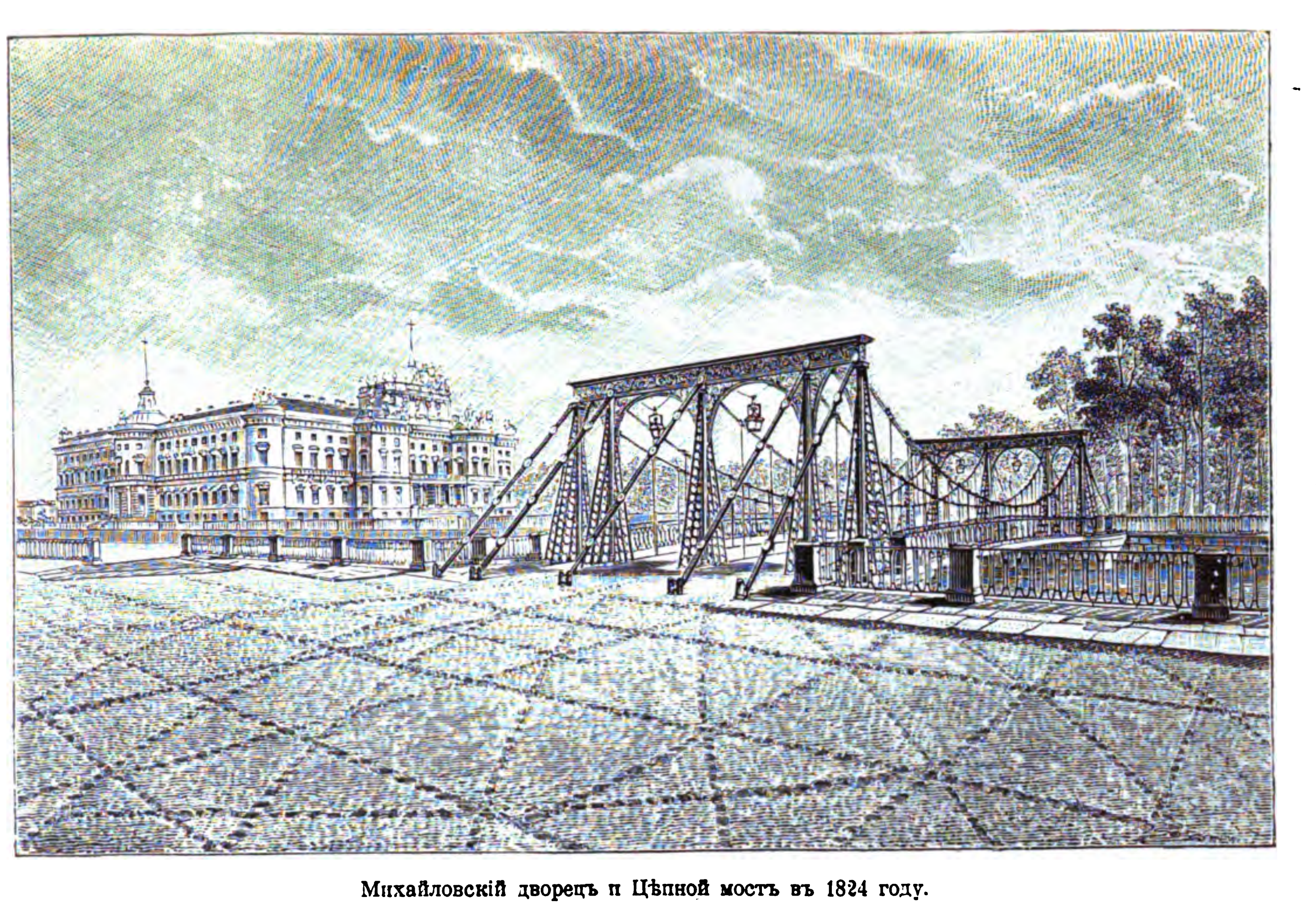
очень милостиво, обласкалъ обоихъ семинаристовъ и пожаловалъ каждому изъ нихъ шпагу ботфорты со шпорами и треугольную шляпу, съ правомъ снимать ее только передъ государемъ и митрополитомъ Платономъ [1]). Во время самаго обряда коронованія Павелъ, кромѣ другихъ регалій, возложилъ на себя еще далматикъ и потомъ

[1]) Отголоски XVIII вѣка. IV вып. Петербургъ, 1897, стр. 7.

прочиталъ во всеуслышаніе фамильный актъ о престолонаслѣдіи, въ которомъ впервые русскій государь называется главою церкви. Въ день Преполовенія въ Кремлѣ происходила военно-духовная церемонія, и Павелъ въ далматикѣ и въ коронѣ командовалъ войсками на парадѣ. Въ рукописныхъ запискахъ графини Головиной, отрывки изъ которыхъ помѣщены въ «Отголоскахъ XVIII вѣка» графа С. Шереметева [1]), описываются коронаціонныя празднества, и по словамъ автора: «государь жилъ то въ Кремлѣ, то во дворцѣ Безбородки; дворъ нѣсколько разъ ѣздилъ за городъ въ окрестности Москвы, въ монастыри: Троицкій, Воскресенскій; были въ Коломенскомъ, въ Царицынѣ, въ Архангельскомъ. Всѣ эти поѣзди государь совершалъ въ большихъ каретахъ, иногда восьмимѣстныхъ, и дорогою его секретари во время перекладокъ докладывали ему текущія дѣла, военные рапорты и прошенія. Великая княгиня Елисавета, всегда находившаяся въ каретѣ государя, часто разсказывала, какъ она бывала поражена во время этихъ чтеній впечатлительностью характера государя». Конечно, на окружающихъ Павла лицъ щедро посыпались по случаю коронаціи чины, ордена, крестьяне, болѣе 82.000 душъ. Наиболѣе наградъ схватилъ Безбородко, единственный изъ екатерининскихъ сановниковъ, сохранившій власть и въ домѣ котораго жилъ въ Москвѣ государь. Онъ былъ сдѣланъ свѣтлѣйшимъ княземъ, канцлеромъ и владѣльцемъ 16,000 душъ и 30,000 десятинъ. «Однажды,— разсказываетъ Шишковъ [2]), описывая пребываніе Павла въ домѣ Безбородко:—пришли спросить у Безбородки, можно ли пропустить иностранныя вѣдомости, въ которыхъ между прочими разсужденіями помѣщено было выраженіе: «проснись, Павелъ»,—онъ отвѣчалъ: «пустое пишутъ, а ужъ такъ онъ проснулся, что намъ никому спать не даетъ».

Но что дѣлалъ, что думалъ все это время наслѣдникъ престола, ученикъ Лагарпа, мечтательный, гуманный Александръ? Объ его дѣйствіяхъ въ первые мѣсяцы царствованія отца извѣстно немного. Въ памятную ночь, когда Павелъ прибылъ изъ Гатчины въ Петербургъ къ умирающей Екатеринѣ, онъ призвалъ своего старшаго сына и только что прискакавшаго вслѣдъ за нимъ Аракчеева и, сложивъ ихъ руки, сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Александръ видя, что воротникъ Аракчеева, съ которымъ онъ уже давно находился въ дружескихъ отношеніяхъ, былъ забрызганъ грязью отъ скорой ѣзды, и узнавъ, что онъ пріѣхалъ изъ Гатчины безъ вещей, повелъ его къ себѣ и далъ ему собственную свою рубашку. На слѣдующій день князь П. М. Волконскій видѣлъ, какъ Александръ разставлялъ съ Аракчеевымъ у Зимняго дворца новыя пестрыя будки и часовыхъ. Затѣмъ до отъѣзда въ Москву на коронацію онъ подписывалъ, а

[1]) Отголоски XVIII вѣка. IV вып. Спб. 1897, стр. 10.
[2]) Записки, мнѣнія и переписка адм. А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870. Т. I, стр. 20.



Михайловскій дворецъ и Цѣпной мостъ въ 1824 году.

Съ рисунка съ натуры Сабата.

Аракчеевъ скрѣплялъ приказы, объявляемые императоромъ на вахтъ-парадахъ. Конечно, Александръ сопровождалъ отца въ его посѣщеніи Костюшки и такъ былъ разстроенъ печальнымъ видомъ польскаго патріота, что прощаясь обнялъ его нѣсколько разъ, проливая слезы. Находясь въ Москвѣ на коронаціи, юный наслѣдникъ нашелъ время среди всѣхъ торжествъ, какъ разсказываетъ князь А. Чарторыйскій, поручить своему другу написать проектъ манифеста на случай вступленія его, Александра, на престолъ съ изложеніемъ идей, которыя молодые люди развивали въ своихъ прежнихъ бесѣдахъ. «Я долго отказывался, пишетъ князь Чарторыйскій, отъ такой работы, но Александръ не давалъ мнѣ покоя, и, чтобъ его утѣшить, я наскоро составилъ какъ умѣлъ проектъ прокламаціи. То былъ рядъ разсужденій, въ коихъ я говорилъ о неудобствахъ образа правленія, существовавшаго дотолѣ въ Россіи, и о всѣхъ выгодахъ другого, который Александръ намѣревался ей даровать, о благодѣяніяхъ свободы и справедливости, которыми ей предстояло пользоваться по устраненіи стѣсненій, препятствовавшихъ ея благоденствію, и наконецъ о рѣшимости его по совершеніи сего великаго подвига сложить съ себя власть, дабы тотъ, кто будетъ призванъ наиболѣе ея достойнымъ, могъ упрочить и усовершенствовать начатое имъ великое дѣло». Прочитавъ эту бумагу, Александръ положилъ ее въ карманъ, сердечно поблагодарилъ своего друга и уже болѣе никогда не заговаривалъ о ней. Въ Москвѣ же князь Чарторыйскій свелъ великаго князя съ своими двумя друзьями, графомъ П. А. Строгановымъ и родственникомъ послѣдняго, Николаемъ Николаевичемъ Новосильцевымъ, молодыми людьми очень либеральнаго образа мыслей. Первый изъ нихъ, воспитанникъ извѣстнаго дѣятеля французской революціи, Жильбера Ромма, разыгрывалъ въ Парижѣ роль демагога въ фригійскомъ колпакѣ, и былъ еще при Екатеринѣ насильственно возвращенъ въ Россію, а послѣдній, по словамъ князя Чарторыйскаго, былъ очень образованнымъ и развитымъ человѣкомъ. Эти два друга Чарторыйскаго припились по сердцу Александру, и особенно ему понравился приготовленный Новосильцевымъ переводъ какого-то французскаго сочиненія, дававшаго совѣты молодому государю, желающему при вступленіи на престолъ творить добро своему народу. По словамъ Чарторыйскаго, великій князь заявилъ, что изложенныя въ запискѣ мысли совершенно подходятъ къ его взглядамъ, и «съ этого времени, говоритъ польскій патріотъ, Новосильцевъ и Строгоновъ стали дѣлить со мною довѣріе Александра и были пріобщены къ нашему соглашенію, что имѣло важныя послѣдствія». Но если Александръ вполнѣ сохранялъ либеральныя воззрѣнія своей юности и еще развивалъ ихъ въ обществѣ новыхъ друзей того же направленія, то въ какомъ же онъ долженъ былъ находиться положеніи, когда на возвратномъ пути въ Петербургъ послѣ коронаціи онъ получилъ приказъ отъ отца написать

Графъ Петръ Александровичъ Паленъ.
Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Кюгельхена.

указъ о разстрѣляніи помѣщика Храповицкаго, чтобъ «народъ зналъ, что наслѣдникъ дышитъ однимъ духомъ съ императоромъ». Это событіе произошло по слѣдующему случаю: проѣзжая по одному селенію Смоленской губерніи, императоръ увидалъ, что крестьяне чинятъ дорогу, и, придя въ ярость, такъ какъ онъ строго приказалъ не дѣлать никакихъ приготовленій для его проѣзда, обратился къ Але-

ксандру съ грознымъ повелѣніемъ. Бѣдный юноша бросился въ смущеніи къ Безбородкѣ и просилъ его успокоить отца. Тотъ охотно взялся за дѣло и одобрилъ строгость императора, но посовѣтовалъ наказать Храповицкаго по закону, а когда Павелъ согласился и отдалъ провинившагося помѣщика подъ судъ, то Безбородко предупредилъ судей, чтобъ они дѣйствовали какъ можно осмотрительнѣе, и Храповицкій былъ оправданъ на томъ основаніи, что онъ велѣлъ крестьянамъ чинить дорогу не по причинѣ проѣзда императора, а потому что она была испорчена дождями.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ, Александръ написалъ письмо своему старому воспитателю, Лагарпу, и такъ какъ это письмо отвезъ Новосильцевъ, который изъ боязни Павла, не благоволившаго къ нему, уѣхалъ за границу, то наслѣдникъ престола откровенно высказалъ всѣ свои самыя душевныя мысли въ этомъ важномъ документѣ, впервые напечатанномъ въ книгѣ г. Шильдера, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ. Такимъ образомъ мы въ состояніи достовѣрно узнать, что думалъ Александръ о порядкахъ, введенныхъ его отцемъ, и насколько они измѣнили его рѣшимость отказаться отъ престола. «Вамъ извѣстны, пишетъ онъ въ началѣ письма, различныя злоупотребленія, царившія при покойной императрицѣ: они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы нравственныя и физическія стали слабѣть. Наконецъ, въ текущемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною и которые, къ несчастью, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ по вступленіи на престолъ захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги, правда, были довольно блестящи, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе. Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парады. Во всемъ остальномъ нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ отмѣняютъ. Доводовъ никакихъ не слушаютъ, пока зло уже не совершится. Наконецъ, по правдѣ сказать, благо государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая творитъ все шиворотъ-навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ совершенныя безумія; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ служащихъ основанъ на фаворитизмѣ, и заслуги не берутся въ уваженіе. Однимъ словомъ мое несчастное отечество находится въ положеніи, которое нельзя описать. Земледѣлецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите по ней,

насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, обязанный подчиняться всѣмъ мелочамъ военной службы, теряю все мое время на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣю никакой возможности отдаться своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, и я сдѣлался самымъ несчастнымъ человѣкомъ». Изложивъ такимъ образомъ плачевное положеніе своего отечества, Александръ заявляетъ, что онъ долженъ неизбѣжно придать своимъ мыслямъ иное чѣмъ прежде направленіе, и полагаетъ, что если когда нибудь придетъ чередъ ему царствовать, то ему несравненно лучше вмѣсто добровольнаго изгнанія даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться игрушкой въ рукахъ безумцевъ. «Подобная революція, прибавляетъ онъ, была бы лучшей, такъ какъ ее произвела бы законная власть, и она прекратилась бы, какъ скоро конституція была бы составлена, и нація избрала бы своихъ представителей». Далѣе царственный ученикъ сообщаетъ своему учителю, что его идеи вполнѣ раздѣляютъ его три друга: Новосильцевъ, гр. Строгановъ и кн. Чарторыйскій, что они предполагаютъ заняться переводомъ на русскій языкъ полезныхъ книгъ и рѣшили послать Новосильцева къ Лагарпу за совѣтомъ и одобреніемъ своего плана. «Дай только Богъ, оканчиваетъ Александръ свое письмо, чтобъ мы когда либо могли достигнуть нашей цѣли—даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тираніи. Вотъ мое единственное желаніе, и я охотно посвящу всѣ свои труды и жизнь этой цѣли, столь дорогой для меня. А если провидѣніе благословитъ нашу работу, то, даровавъ Россіи свободную конституцію, я удалился бы въ какой нибудь уголокъ и жилъ бы счастливый и довольный, видя процвѣтаніе моего отечества и наслаждаясь имъ».

Спустя годъ, возвратился изъ Константинополя въ Петербургъ еще одинъ другъ Александра, Викторъ Павловичъ Кочубей, и въ своихъ откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ наслѣдникъ часто передавалъ ему желаніе «видѣть правительство, основанное на принципахъ здраваго разума». Поэтому неудивительно, что Кочубей убѣдилъ своего дядю, канцлера кн. Безбородко, изложить письменно свое мнѣніе по этому предмету и передалъ его записку Александру, которому она однако не понравилась, такъ какъ екатерининскій сановникъ считалъ необходимымъ сохраненіе для Россіи самодержавія при введеніи цѣлаго ряда реформъ, основанныхъ на строгомъ уваженіи всѣми закона. Сначала Павелъ очень благоволилъ къ Кочубею и говорилъ ему, «чтобъ онъ былъ у великаго князя, чѣмъ у него кн. Безбородко, и что такимъ образомъ имъ слѣдовало бы составить une espèce de quattuor». Онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, а потомъ вице-канцлеромъ и произведенъ въ графы, но послѣ смерти кн. Безбородко уволенъ отъ службы, въ августѣ 1799 г. Около того же времени подвергся опалѣ и кн. А. Чарторыйскій хоть и подъ видомъ ми-

лости: онъ былъ назначенъ посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ. «Вспоминая объ этомъ времени, пишетъ кн. Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ, я не могу не сказать, что великій князь не былъ уже такимъ, какимъ я видѣлъ его въ Москвѣ послѣ коронаціи отца. Онъ успѣлъ уже ознакомиться съ дѣйствительною жизнью, и она начала вліять на него. Часть его мечтаній, въ особенности та часть, которая касалась его лично, разсѣялась. Впрочемъ, онъ не въ силахъ былъ оказать сопротивленія окружающимъ его примѣрамъ, и искалъ также развлеченія въ ухаживаніи за самыми красивыми женщинами того времени».

Въ чемъ же заключалась перемѣна, происшедшая въ Александрѣ? Въ сущности онъ оставался все тѣмъ же, но его двойственность обнаруживалась рѣзче и рѣзче. Другъ Чарторыйскаго, Строгонова, Новосильцева и Кочубея становился съ каждымъ днемъ все большимъ другомъ Аракчеева, и при этомъ вліяніе гатчинскаго капрала, какъ выражавшееся явно, стушевывало тайное воздѣйствіе друзей юности на слабую, впечатлительную натуру наслѣдника, который, по словамъ его учителя Массона, «съ дѣтства былъ склоненъ подпасть подъ власть смѣлаго, наглаго человѣка, соединяющаго въ себѣ обыкновенно невѣжество и злость». Такимъ человѣкомъ оказался Аракчеевъ, а въ виду обстоятельствъ онъ сдѣлался необходимымъ помощникомъ и совѣтникомъ для Александра. Хотя Павелъ обременялъ наслѣдника самыми разнообразными занятіями, назначилъ его с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, шефомъ семеновскаго полка, инспекторомъ по кавалеріи и пѣхотѣ с.-петербургской и финляндской дивизіи, предсѣдателемъ въ военномъ департаментѣ, сенаторомъ, членомъ совѣта и президентомъ комиссіи о снабженіи резиденціи припасами, распорядкѣ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи относящихся, которая послѣ упраздненія думы въ 1798 г. завѣдывала городскими дѣлами, но всѣ эти должности сохранялись имъ не постоянно во все царствованіе отца и нимало не служили полезною подготовкой къ будущему его собственному царствованію, а только сводились къ точному исполненію мелочей военной службы. Два раза въ день онъ долженъ былъ подавать императору рапортъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до карауловъ, дежурныхъ патрулей, и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. «По натурѣ робкій, да еще близорукій и немного глухой, Александръ смертельно боялся отца, дрожалъ передъ нимъ, какъ осиновый листъ, по выраженію Н. Саблукова, и естественно искалъ покровительства вмѣсто того, чтобъ его оказывать самому». Вотъ этимъ-то необходимымъ покровителемъ и оберегателемъ великаго князя въ сложныхъ порядкахъ военной службы сдѣлался Аракчеевъ. Его тогдашняя переписка съ этимъ пресловутымъ экзерцирмейстеромъ ясно доказываетъ, что онъ обращался къ нему постоянно за совѣтами и по-

мощью, а тотъ охотно выручалъ его во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и тѣмъ пріобрѣталъ надъ нимъ все бо́льшее и бо́льшее вліянье. «Безъ блистательныхъ подвиговъ, безъ особенныхъ дарованій, говоритъ Михайловскій-Данилевскій, не учившись ничему,

Памятникъ императору Павлу, воздвигнутый императрицей Маріей Θеодоровной въ Павловскѣ.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Очерку исторіи Павловска» 1877 г.

кромѣ русскаго языка и математики, даже безъ тѣхъ наружныхъ пріятностей, которыя иногда невольно привлекаютъ къ человѣку, Аракчеевъ умѣлъ однако одинъ изъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ пріобрѣсти неограниченное довѣріе такого государя, который имѣлъ умъ образованнѣйшій, обращенье очаровательное и свой-

ства котораго состояли преимущественно въ скрытности и проницательности». Непостижимое явленіе подобной дружбы, продолжаемой двадцать пять лѣтъ, можно только объяснить двойственностью натуры Александра и тою практическою пользой, которую приносилъ ему Аракчеевъ всегда, но преимущественно въ царствованіе Павла. Во всѣхъ письмахъ Александра къ Аракчееву, относящихся до этого времени, мы находимъ самыя нѣжныя увѣренія въ дружбѣ и просьбы о помощи въ тяготившихъ его мелочахъ военной службы. «Я получилъ бездну дѣлъ, пишетъ онъ, напримѣръ, и тѣ изъ нихъ, на которыя я не зналъ, какія сдѣлать рѣшенія, посылаю тебѣ, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору». «Смотри ради Бога за семеновцами», умоляетъ онъ въ другой разъ, и каждое письмо испещрено такими фразами: «Ты мнѣ крайне недостаешь, другъ мой, я жду съ большимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда мы увидимся», или «одно у меня безпокойство—твое здоровье; побереги себя ради меня». Эта странная дружба Александра къ Аракчееву была такъ велика и, повидимому, искренна, что когда онъ подвергся опалѣ, по случаю самоубійства подполковника Лена, не хотѣвшаго перенести позорной брани Аракчеева, и былъ отставленъ отъ службы, то наслѣдникъ написалъ ему самое теплое письмо, въ которомъ увѣрялъ, что остается такимъ же вѣрнымъ другомъ, какъ всегда, и первый поспѣшилъ его увѣдомить о возвращеніи ему милости государя, чему, вѣроятно, онъ самъ немало посодѣйствовалъ.

Не только Аракчеевъ получилъ свое прежнее мѣсто генералъ-квартирмейстера, но награды посыпались на него: уже произведенный на коронаціи въ бароны, онъ получилъ теперь титулъ графа, званіе инспектора всей артиллеріи и новый гербъ съ собственноручною подписью Павла: «Безъ лести преданъ». Этотъ девизъ вызвалъ множество эпиграммъ, и между прочимъ въ одной говорилось:

«Девизъ твой говоритъ,
Что преданъ ты безъ лести.
Повѣрю. Но чему?
Коварству, злобѣ, мести».

Однако недолго пользовался милостями императора суровый временщикъ. Онъ снова подвергся опалѣ въ томъ же 1799 г. и по такому дѣлу, которое, повидимому, должно было оттолкнуть отъ него Александра. Въ артиллерійскомъ арсеналѣ случилась покража, и въ то время стоялъ тамъ караулъ отъ батальона, которымъ командовалъ братъ Аракчеева, а чтобъ спасти его, бывшій гатчинскій капралъ донесъ государю, отъ котораго не ускользала ни малѣйшая мелочь по военной службѣ, что караулъ былъ отъ полка генерала Вильде. Павелъ немедленно отставилъ Вильде, но когда обнаружился безчестный поступокъ Аракчеева, то Вильде былъ принятъ обратно

на службу, а временщикъ снова уволенъ въ отставку въ свое помѣстье Грузино. Александръ былъ такъ пораженъ случившимся, что на разводѣ, спросивъ у П. А. Тучкова, кто назначенъ на мѣсто Аракчеева, и узнавъ, что Амбразанцевъ, считавшійся добрымъ и честнымъ человѣкомъ, сказалъ: «Ну, слава Богу, эти назначенія настоящая лотерея; могли бы попасть опять на такого мерзавца, какъ Аракчеевъ». И однако спустя двѣ недѣли послѣ этого онъ писалъ «мерзавцу Аракчееву» самое горячее письмо, распространяясь о своей непрестанной дружбѣ и увѣряя, что не вѣритъ въ ложное донесеніе. Еще существуетъ письмо Александра, относящееся до времени второй опалы Аракчеева, и онъ пишетъ въ немъ: «Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ, чувствительно поблагодарю тебя за твое письмо и за поздравленье меня съ рожденіемъ. Твоя дружба всегда для меня пріятна, и повѣрь, что моя не перестанетъ на вѣкъ. Я самъ боленъ. Когда же тебѣ получше будетъ, то пріѣзжай ко мнѣ, крайняя мнѣ нужда съ тобою видѣться». Вотъ какія чувства выражалъ Александръ къ «мерзавцу Аракчееву» и, какъ всегда, эти поразительныя противорѣчія можно объяснить лишь двойственностью его натуры.

Но обстоятельства складывались такъ, что эта двойственность либеральнаго, гуманнаго Александра должна была проявиться еще болѣе роковымъ образомъ. Внѣшняя и внутренняя политика Павла все болѣе и болѣе принимала характеръ непослѣдовательности, страстныхъ порывовъ и непонятныхъ, тревожившихъ всѣ умы, выходокъ. Сначала Павелъ заявилъ самыя мирныя стремленія и даже, при посредствѣ Пруссіи, къ которой онъ особенно благоволилъ, завелъ тайные переговоры о заключеніи дружескихъ отношеній съ Французской директоріей, но когда Франція взяла Мальту, а Мальтійскій орденъ выбралъ своимъ великимъ магистромъ Павла, то послѣдній воспылалъ злобой противъ богомерзкаго «французскаго правленія» и послалъ Суворова въ Италію и Швейцарію съ русской арміей, которая съ тѣхъ поръ стала извѣстной въ Европѣ подъ названіемъ «дивизіи великой арміи de la bonne cause». Но недолго Павелъ стоялъ во главѣ коалиціи противъ «развратныхъ правилъ Франціи и буйственнаго воспаленія ея разсудка»; въ 1800 году произошелъ разрывъ Россіи съ Англіей и Австріей, Павелъ заключилъ союзъ съ первымъ консуломъ, Бонапартомъ, послалъ казацкаго генерала Орлова завоевать Индію съ 22,000 войска, задумалъ раздѣлъ Турціи и, приказавъ принести себѣ карту Европы, согнулъ надвое и сказалъ: «на этомъ условіи мы можемъ быть друзьями Франціи». Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ сталъ очень покровительствовать іезуитамъ, водворившимся въ Россіи, и ихъ патеръ, Груберъ, возымѣлъ такое сильное вліяніе на него, что ему постоянно были открыты двери кабинета императора, и не только черезъ него дѣйствовалъ Наполеонъ, но и папа Пій VII при его посред-

ствѣ сталъ вести интригу о соединеніи греческой церкви съ римскою, къ чему выказывалъ нѣкоторое сочувствіе новый великій магистръ Мальтійскаго ордена. Конечно, при такой вѣчно колеблющейся, капризной и фантастической политикѣ Павла и руководители ею постоянно мѣнялись: послѣ Безбородки завѣдываніе иностранными дѣлами переходило то къ Кочубею, то къ Панину, то къ кн. Куракину, то къ Ростопчину. По замѣчанію гр. С. Воронцова: «все у насъ дѣлается съ такою стремительностью и съ такимъ невѣроятнымъ пыломъ, что невольно содрогаешься и не видишь никакой къ тому узды». Датскій посланникъ Розенкранцъ свидѣтельствуетъ, что при русскомъ дворѣ «слѣпой случай, прихоть государя дѣлаютъ невозможнымъ на что либо разсчитывать, что либо предвидѣть, и подвергаешься самымъ непріятнымъ случайностямъ». Наконецъ самъ Ростопчинъ, возведенный въ графы и бывшій одно время всесильнымъ временщикомъ, сознавалъ, что никакая политическая система не мыслима при государѣ, «который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобъ повелѣнія его исполнялись немедленно, и не допускалъ никакого противорѣчія своей волѣ».

Что касается внутреннихъ дѣлъ, то В. Кочубей такъ характеризовалъ ихъ въ письмѣ къ Воронцову отъ 19 апрѣля 1799 года: «все идетъ худо; всѣми овладѣлъ злѣйшій эгоизмъ. Каждый думаетъ только о наживѣ и, поступая на мѣсто, съ убѣжденіемъ, что его могутъ прогнать черезъ три или четыре дня, говоритъ себѣ: надо устроить такъ, чтобъ завтра мнѣ дали побольше крестьянъ». Временщики и фавориты быстро смѣняли другъ друга: то всесильна была партія фрейлины Нелидовой, состоявшая изъ Куракиныхъ, Плещеева, Нелединскаго, графа Буксгевдена и т. д.; то неожиданно возвышается П. В. Лопухинъ, дочь котораго Анна Петровна пользовалась успѣхомъ при дворѣ и вышла замужъ за кн. Гагарина; то распоряжается всѣмъ Ростопчинъ, подвергшійся затѣмъ опалѣ и уступившій свою власть графу фонъ-деръ-Палену. До чего доходило тревожное, состояніе умовъ во всѣхъ слояхъ общества, можно судить по нѣсколькимъ краснорѣчивымъ фактамъ. Умершему генералу Врангелю былъ объявленъ строжайшій выговоръ, а штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ лишенъ чиновъ и дворянства и зачисленъ вѣчно въ рядовые съ прогнаніемъ шпицрутенами сквозь тысячу человѣкъ. Графъ Нессельроде разсказываетъ, что при немъ на смотру конногвардейскаго полка Павелъ приказалъ снять съ лошади офицера Милюкова, оборвать его и дать ему сто палокъ за то, что этотъ несчастный, недослушавъ команды, повернулъ эскадронъ не въ ту сторону, и онъ былъ спасенъ, благодаря только тому, что великій князь Константинъ не исполнилъ приказа императора и потомъ выпросилъ у него прощеніе Милюкову, при чемъ даже онъ былъ награжденъ двумя чинами. П. И. Полетика въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что однажды, завидѣвъ императора на улицѣ, онъ спря-

тался за заборъ и услыхалъ, что какой-то инвалидъ, служившій сторожемъ, громко сказалъ: «Вотъ нашъ Пугачевъ ѣдетъ». Онъ закричалъ ему: «Какъ ты смѣешь такъ отзываться о своемъ государѣ?» но инвалидъ отвѣчалъ безъ малѣйшаго смущенія: «А что, баринъ, ты видно и самъ такъ думаешь, ибо прячешься отъ него». Дѣйствительно, всѣ прятались по угламъ, и по свидѣтельству шведскаго посланника Стединга «общество въ Петербургѣ все уменьшалось, и тѣ дома, которые еще обитаемы, закрыты герметически особенно отъ иностранцевъ, изъ страха подвергнуться подозрѣнію, что могло навлечь грустныя послѣдствія». По справедливому замѣчанію прусскаго генерала Брюля, Павелъ занимался почти исключительно мелочами, входилъ во все самъ, разбиралъ самыя пустыя даже частныя дѣла, такъ онъ отставилъ отъ службы генерала Косаговскаго за пріемъ не по образцу тесьмы для шапокъ гренадеръ; велѣлъ посадить купца Мельцера, наѣхавшаго на улицѣ въ городѣ Перновѣ на ребенка, въ крѣпость на шесть недѣль на хлѣбъ и на воду; приказалъ старую княгиню Щербатову за несправедливость къ сыну отдать подъ начало въ монастырь; отдалъ приказъ петербургскому военному губернатору обвѣнчать дочь портного Клокенбергъ съ регистраторомъ г. Максимовымъ, изъ любви къ которому она хотѣла потопиться и противъ каковой любви императоръ ничего не имѣлъ; сдѣлалъ распоряженіе содержавшагося въ полиціи за долги престарѣлаго закройщика Мейера освободить подъ его императора поруку. Вмѣшательство въ частную жизнь своихъ подданныхъ Павелъ простиралъ до опеки надъ тѣмъ, что они читали и во что вѣрили, при чемъ принималъ самыя крутыя мѣры, именно 18 апрѣля 1800 года былъ изданъ указъ сенату: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку»; а 22 августа 1799 года московскому военному губернатору, графу Салтыкову, было приказано: «драгунскаго Глазенапа полка драгуна Скрипиченко и его жену Евдокію, за признаніе ими самими, что содержатъ духоборческую ересь, наказать кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу въ Екатеринбургъ». Съ иностранцами императоръ обходился совершенно безцеремонно: когда англичане заняли островъ Мальту, то онъ приказалъ наложить амбарго на всѣ англійскія суда и товары въ русскихъ портахъ, а, кромѣ того, состоящіе на россійскихъ купцахъ долги англичанъ впредь платежемъ остановить, а имѣющіеся въ магазинахъ и лавкахъ англійскіе товары къ продажѣ запретить и описать». Относительно датчанъ состоялся 14 августа 1799 года слѣдующій указъ: «Государь императоръ указать соизволилъ, чтобъ возбраненъ былъ входъ во всѣ россійскіе порты и въ предѣлы Рос-

сійской имперіи судамъ и подданнымъ его королевскаго датскаго величества: сіи мѣры принимаются по причинѣ установленныхъ и терпимыхъ правительствомъ въ Копенгагенѣ и во всемъ государствѣ клубовъ, основанія которыхъ одинакія съ тѣми, кои произвели во Франціи всенародное возмущенье и низвергли законную власть».

«Съ исхода 1800 года настроеніе Павла Петровича, пишетъ Карамзинъ, дѣлалось все болѣе мрачнымъ; подозрительность его усиливалась такъ, что никто не былъ увѣренъ, что будетъ съ нимъ на слѣдующій день». Тайная канцелярія была завалена дѣлами и подвергала допросамъ съ истязаніями. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сталъ инквизиторомъ, по словамъ Д. Б. Мертваго, и уподобился великому визирю. Другой очевидецъ въ частномъ письмѣ сообщаетъ: «и погода какая-то темная, унылая, по недѣлямъ солнца не видно; не хочется изъ дому выйти, да и не безопасно... кажется, и Богъ отъ насъ отступился». Резюмируя тогдашнее положеніе, г. Шильдеръ говоритъ: «столица приняла небывалый, своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера послѣ пробитія зори по большимъ улицамъ прокладывались рогатки, и пропускались только врачи и повивальныя бабки. Вызванныя этими мѣрами уныніе и безпокойство были всѣми ощущаемы и поселили во всѣхъ убѣжденіе, что такое положеніе продлиться не можетъ. Въ Москвѣ военный губернаторъ, фельдмаршалъ, графъ Салтыковъ, самъ ожидая со дня на день ссылки, высказывалъ въ эти тревожные дни не стѣсняясь мнѣніе, что эта кутерьма долго существовать не можетъ». Даже въ императорской семьѣ царили тревоги, огорченія и тяжелыя опасенія. Павелъ совершенно отшатнулся отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая, по словамъ шведскаго посланника, Стединга, долго пользовалась своимъ вліяніемъ, чтобъ ограждать отъ опасностей свою семью и государство, но теперь императоръ ожесточился противъ нея и всѣхъ близкихъ къ ней. Добрыя его милости къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ также совершенно измѣнились. Наконецъ его отношенія къ наслѣднику очень обострились, и онъ сталъ выказывать къ нему все болѣе и болѣе недовѣріе и подозрительность. Хотя Александръ относился къ отцу съ полною покорностью и, чтобъ не возбудить тѣни сомнѣнія въ своихъ намѣреніяхъ, жилъ съ женою очень уединенно, не принималъ никого, съ иностранными дипломатыми разговаривалъ только при отцѣ и старательно избѣгалъ входить въ сношенія съ лицами, стоявшими не у дѣлъ, но Павелъ зналъ, что наслѣдникъ пользовался большою популярностью во всѣхъ слояхъ общества, старался по мѣрѣ силъ облегчить участь всѣхъ подвергшихся гнѣву отца и питалъ либеральныя убѣжденія, а потому съ каждымъ днемъ все болѣе раздражался противъ него. Войдя однажды въ комнату наслѣдника, какъ разсказываетъ г. Шильдеръ, императоръ Павелъ нашелъ на его столѣ трагедію Вольтера «Брутъ», которая оканчивается словами Брута:

«Римъ свободенъ, достаточно, воздадимъ хвалу богамъ». Онъ призвалъ сына къ себѣ наверхъ и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, знаетъ ли онъ исторію этого царевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ началъ оказывать большое расположенье къ вызванному имъ изъ-за границы тринадцатилѣтнему племяннику императрицы Маріи Θеодоровны, принцу Евгенію Виртенберскому, и дѣло дошло до того, что онъ объявилъ воспитателю принца, генералу, барону Дибичу, о своемъ намѣреніи усыновить этого юношу, прибавивъ, что онъ владыка въ своемъ домѣ и въ государствѣ, а потому возведетъ принца на такую высокую ступень, которая приведетъ всѣхъ въ изумленіе. Въ Михайловскомъ дворцѣ, построенномъ по мысли Павла на манеръ крѣпости съ рвами, гранитными брустверами, орудіями, подъемными мостами, и куда онъ переѣхалъ съ императрицей, наслѣдникомъ и великой княгиней Елисаветой Алексѣевной, въ первыхъ дняхъ февраля 1801 года происходили часто самыя печальныя сцены. Одну изъ нихъ приводитъ г. Шильдеръ: «Въ воскресенье 10-го марта былъ въ Михайловскомъ замкѣ французскій концертъ. Среди собравшагося двора господствовало мрачное настроеніе. Императоръ мало обращалъ вниманія на пѣнье госпожи Шевалье. Великая княгина Елисавета сидѣла молча и печально. Александръ также былъ, повидимому, озабоченъ. Императрица съ безпокойствомъ оглядывалась и, повидимому, задумывалась надъ тѣмъ, какими пагубными мыслями озабоченъ ея супругъ. Государь смотрѣлъ сердито и разстроенно. Передъ выходомъ къ вечернему столу произошло слѣдующее: когда обѣ половины дверей распахнулись, Павелъ подошелъ къ близъ стоявшей императрицѣ, остановился передъ нею, насмѣшливо улыбаясь, скрестивши руки и по своему обыкновенію тяжело дыша, что служило признакомъ сильнаго недовольства; затѣмъ онъ повторилъ тѣ же угрожающіе пріемы передъ обоими великими князьями Александромъ и Константиномъ. Въ заключеніе онъ подошелъ къ графу Палену, съ зловѣщимъ видомъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ и поспѣшилъ къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ молча и съ стѣсненною грудью. Гробовая тишина царила за этою печальною трапезой, и когда по окончаніи ея императрица и великіе князья хотѣли поблагодарить императора, онъ отстранилъ ихъ отъ себя съ насмѣшливою улыбкой и быстро удалился, не поклонившись. Императрица заплакала, и вся семья разошлась глубоко взволнованная».

Въ это время, по свидѣтельству австрійскаго агента Локателли, самыми большими милостями Павла пользовались графъ Кутайсовъ, который съ каждымъ днемъ становился все вліятельнѣе и недавно, попросивъ государя перемѣнить пожалованныя ему въ Польшѣ десять тысячъ крестьянъ на такое же число душъ въ Курляндіи, получилъ тѣхъ и другихъ, іезуитскій патеръ Груберъ и графъ Па-

ленъ. Послѣднiй былъ всесиленъ, и соединялъ въ себѣ должности петербургскаго военнаго губернатора, инспектора кавалерiи и пѣхоты, присутствующаго въ коллегiи иностранныхъ дѣлъ и начальника почтоваго департамента. Эти два поста онъ занялъ послѣ опалы Ростопчина и когда онъ отказывался отъ нихъ, говоря, что не знакомъ съ политикой, то Павелъ отвѣчалъ, что онъ нуждается лишь въ человѣкѣ съ прямымъ сердцемъ (dont le coeur fut droit). Насколько Павелъ довѣрялъ графу Палену, доказываетъ приводимый г. Шильдеромъ фактъ, что 9-го марта онъ имѣлъ съ ними разговоръ о событiяхъ 1762 г., спросивъ его, былъ ли онъ въ Петербургѣ, когда Петръ III лишился престола, и можетъ ли подобное происшествiе повториться. Къ сожалѣнiю, почтенный историкъ не сообщаетъ отвѣта графа Палена, но разсказываетъ, что, воспользовавшись удобною минутой, онъ добился у Павла прощенiя всѣмъ исключеннымъ изъ службы лицамъ и возвращенiя ихъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ графъ Паленъ окружилъ себя многими недовольными, преимущественно братьями Зубовыми, генераломъ Бенигсеномъ, Панинымъ, Бибиковымъ и княземъ Яшвилемъ, которые всѣ при воцаренiи Александра были удалены отъ двора, а напротивъ, когда Павелъ вызвалъ въ Петербургъ Аракчеева, на котораго онъ могъ безусловно разсчитывать, и вечеромъ 11-го марта Аракчеевъ подъѣхалъ къ Петербургской заставѣ, то онъ не былъ впущенъ въ столицу по приказанiю всемогущаго военнаго губернатора. Впослѣдствiи Аракчеевъ гордился своимъ нравственнымъ превосходствомъ надъ болѣе достойными его современниками, писалъ императрицѣ Марiи Өеодоровнѣ: «кто чистъ душей и помышленiемъ моему единственному отцу и благодѣтелю, также вѣчно будетъ преданъ и августѣйшему его семейству», и, «благодаря этому ореолу новой добродѣтели, по выраженiю г. Шильдера, занялъ исключительное положенiе среди дѣятелей, наступившей послѣ 11-го марта Александровской эпохи».

Извѣстно, что Павелъ скончался скоропостижно 11 февраля 1801 года. Объ этомъ днѣ приводится въ книгѣ почтеннаго историка много любопытныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣнiй.

Между прочимъ, за ужиномъ, Павелъ былъ очень веселъ и, по разсказу П. И. Полетики, слышавшаго эти подробности отъ своего брата, который служилъ за императорскимъ столомъ въ качествѣ камеръ-пажа, чрезвычайно восхищался новымъ фарфоровымъ приборомъ, украшеннымъ разными видами Михайловскаго замка. Онъ былъ такъ доволенъ этими рисунками, что многократно цѣловалъ ихъ и говорилъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней его жизни. Напротивъ, Александръ, по словамъ другаго свидѣтеля, князя Юсупова, бывшаго въ числѣ приглашенныхъ на этотъ ужинъ, поражалъ всѣхъ своей молчаливостью и задумчивостью. Императоръ это замѣтилъ и спросилъ пофранцузски:

«Ваше высочество, что съ вами сегодня?»—«Ваше величество,—отвѣчалъ наслѣдникъ,—мнѣ что-то не здоровится».—«Такъ посовѣтуйтесь съ докторомъ и поберегитесь. Всегда надо захватить болѣзнь сначала, тогда она не сдѣлается серіозной».—Александръ ничего не отвѣчалъ, но наклонился и потупилъ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ онъ чихнулъ, и Павелъ сказалъ: «Исполненіе вашихъ желаній».

Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ подъ 11 мартомъ послѣ перечня лицъ, участвовавшихъ въ придворномъ ужинѣ, сказано: «Сей ночи въ 1 часъ съ 11-го на 12-е число марта скончался скоропостижно въ Михайловскомъ замкѣ императоръ Павелъ Петровичъ. Его императорское высочество наслѣдникъ великій князь Александръ Павловичъ, по кончинѣ родителя своего принявъ всероссійскій императорскій престолъ, изволилъ отбыть въ два часа ночи съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ, въ прежнія свои комнаты».

Услыхавъ о смерти отца, Александръ пришелъ въ отчаяніе и залился слезами, но графъ Паленъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Довольно плакать, какъ ребенокъ; идите царствовать». Великій князь Константинъ не плакалъ, но произнесъ: «Мой братъ можетъ царствовать, если хочетъ, но если когда нибудь престолъ достанется мнѣ, то я не приму его».

Прологъ Александровской эпохи былъ конченъ, и началась новая и памятная историческая эпоха.

Обращаясь къ бюсту Александра I, А. С. Пушкинъ говоритъ:

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ;
Таковъ и былъ сей властелинъ
Къ противочувствіямъ привыченъ ..... [1])

А кн. П. А. Вяземскій прибавляетъ къ этому:

Сфинксъ, не разгаданный до гроба,
О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
Въ любви его роптала злоба,
А въ злобѣ теплилась любовь.
Дитя осьмнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ [2]).

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. литературнаго фонда. С.-Петербургъ. 1897. Т. II, стр. 32.

Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. С.-Петербургъ. 1896. Т. XII, стр. 373.

В. Тимирязевъ.

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ[1].

X.

Великое герцогство Варшавское.

1811—1812.

ОГДА Я ВЕРНУЛАСЬ въ Польшу, то мы принадлежали королю саксонскому, которому Наполеонъ отдалъ насъ, не зная, что дѣлать съ великимъ герцогствомъ Варшавскимъ. Создавъ мимоходомъ это герцогство, онъ теперь временно распорядился имъ, предоставивъ времени и обстоятельствамъ его расширеніе. Во всякомъ случаѣ наши надежды не отуманивались.

Въ ожиданіи лучшаго, мы имѣли монархомъ Фридриха-Августа I, правнука польскаго короля Августа II, человѣка очень нравственнаго и отечески заботившагося о благѣ своей страны. Оба, король и королева, очень старые, были окружены дворомъ, напоминавшимъ сказку о спящей красавицѣ. Казалось, что всѣ представители этого двора заснули, сто лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ не просыпались, но за то они отличались твердыми принципами, безкорыстіемъ, повидимому, вымершимъ въ другихъ странахъ, и учтивыми, культурными манерами.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 829.

Форма правленія, выработанная для насъ Наполеономъ, напоминала порядки, существовавшіе въ рейнскихъ государствахъ. Страной управлялъ совѣтъ семи министровъ съ предсѣдателемъ во главѣ. Эта гептархія, повидимому, имѣла совершенно національный характеръ, но въ сущности она вполнѣ подчинялась французскому резиденту, хотя можно было въ важныхъ случаяхъ апеллировать къ императору черезъ министра статсъ-секретаря, состоявшаго при королѣ, и который занимался исключительно дѣлами великаго герцогства.

При моемъ возвращеніи изъ Парижа, французскимъ резидентомъ былъ г. де-Серрà, женевскій дворянинъ, поражавшій своею напыщенною сосредоточенностью. Ученые считали его великимъ латинистомъ, но онъ плохо говорилъ и не имѣлъ ни достоинствъ, ни недостатковъ той націи, представителемъ которой состоялъ. Его всѣ уважали, но никто его не любилъ. Рѣзкій въ манерахъ и на словахъ, онъ отличался желѣзною волей, и часто мой свекоръ, бывшій предсѣдателемъ совѣта министровъ, возвращался изъ засѣданія совѣта внѣ себя отъ отчаянія, въ виду упорныхъ требованій г. де-Серра. Тщетно доказывали ему, что страна была истощена расходами на долговременное содержаніе французской арміи и не имѣла никакихъ средствъ, онъ не хотѣлъ слышать ни о чемъ и повторялъ только:

— Однако, это необходимо, господа, и это будетъ. Такова воля императора.

Тогда обращались къ верховному владыкѣ, и тотъ давалъ авансы, а также приказывалъ резиденту быть мягче, хотя не уступать ничего въ принципѣ. Вполнѣ преданный Талейрану, которому онъ былъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ, г. де-Серрà въ глубинѣ души не любилъ Наполеона. Иногда онъ высказывалъ свои искреннія чувства тѣмъ изъ нашихъ министровъ, которымъ онъ могъ довѣряться, но это нимало не уменьшало его ревности въ исполненіи приказовъ, полученныхъ изъ Парижа.

Императоръ возвратилъ намъ національные цвѣта, языкъ, учрежденія и армію, которою командовалъ князь Іосифъ Понятовскій. Не было на свѣтѣ человѣка достойнѣе его, чтобъ начальствовать пятьюдесятью тысячами храбрецовъ, служившихъ подъ его командой. Солдаты его обожали, такъ какъ онъ раздѣлялъ съ ними всѣ опасности и лишенія, а потому исполняли по малѣйшему его знаку то, чего другіе добивались строгою дисциплиной. По своему характеру, онъ представлялъ соединеніе самыхъ противоположныхъ крайностей. Въ домашней жизни онъ уступалъ и постоянно выказывалъ чрезмѣрную слабость изъ любви къ спокойствію и только въ важныхъ случаяхъ проявлялъ мужественную энергію, которая составляла вмѣстѣ съ пламеннымъ патріотизмомъ его характеристичную черту, какъ общественнаго дѣятеля. При этомъ, надо за-

мѣтить, что въ этомъ человѣкѣ, соединявшемъ слабость съ геройствомъ, не было и тѣни самолюбія. Быть можетъ, исторія поставитъ ему въ укоръ недостатокъ этого качества, такъ какъ, находясь въ исключительномъ положеніи, онъ могъ вступить на польскій престолъ и тѣмъ обезпечить независимость своей страны. Но за то его благородныя качества, мужественная храбрость и славная смерть сдѣлали имя этого героя на вѣки дорогимъ среди его соотечественниковъ.

Князь Понятовскій ѣздилъ въ Парижъ для поздравленія Наполеона отъ имени саксонскаго короля и нашего правительства, по случаю рожденія польскаго короля, и привезъ оттуда смутныя извѣстія. Эта эпоха была самая блестящая въ жизни Наполеона, и уже давно Франція не пользовалась такимъ долговременнымъ перемиріемъ. Всѣ были счастливы и ликовали; празднества смѣнялись празднествами, на которыхъ королева неаполитанская являлась Минервой, а ея сестра красавица Полина — Венерой. Но среди общаго упоенія слышались таинственныя рѣчи, убѣждавшія въ близости войны. Наполеонъ собирался поставить на карту свою имперію и, какъ новый Ксерксъ, предпринять войну, во главѣ ста народовъ. Время шло въ дипломатическихъ переговорахъ, и онъ требовалъ, чтобъ Александръ принесъ ему въ жертву Англію. Понимая всю опасность сопротивленія, русскій государь не могъ, однако, разомъ измѣнить своей системы и тянулъ дѣло, благодаря помощи французскаго посла въ Петербургѣ, Коленкура, который, находясь подъ вліяніемъ благороднаго характера Александра и оказываемаго имъ довѣрія, сдерживалъ своего повелителя. Такимъ образомъ, князь Понятовскій не узналъ въ Парижѣ ничего рѣшительнаго о войнѣ, потому что Наполеонъ еще молчалъ. Что касается до пріема князя, то его носили въ Парижѣ на рукахъ, и онъ прибавилъ новое имя красавицы Полины къ длинному списку своихъ побѣдъ надъ женскими сердцами.

Неожиданно г. де-Серра получилъ приказаніе отправиться въ Дрезденъ, и на его мѣсто явился въ Варшаву г. Биньонъ. Мы никогда не узнали настоящей причины этой перемѣны, и самъ даже г. де-Серра увѣрялъ, что она ему неизвѣстна; во всякомъ случаѣ въ Дрезденѣ его ожидала смерть.

Совѣтъ министровъ былъ очень доволенъ назначеніемъ Биньона, который болѣе понималъ дѣла и не такъ слѣпо повиновался своему повелителю. Что же касается до варшавскаго общества, то оно не сумѣло оцѣнить новаго резидента, какъ онъ этого заслуживалъ. Впрочемъ, и самъ Биньонъ тщательно скрывалъ подъ вульгарною, буржуазною маской тѣ рѣдкія достоинства, которыя были имъ впослѣдствіи обнаружены. Обязанный по своему положенію жить открыто, онъ очень неловко розыгрывалъ роль хозяина, и я, напримѣръ, часто смѣялась надъ нимъ, о чемъ потомъ очень сожалѣла. Онъ вѣчно повторялъ на всѣ лады одну и ту же фразу:

— Зачѣмъ вы забились въ такой уголокъ? Кто бы подумалъ найти васъ въ этомъ уголкѣ? Но ужъ если вы предпочли подобный уголокъ, то позвольте мнѣ раздѣлить ваше одиночество... А вотъ вы опять въ своемъ уголкѣ... Какая несправедливость такъ скрываться!.. Или вы нарочно выбрали такой уголокъ, чтобъ смѣяться надъ нами?

И всюду, хотя бы въ самомъ блестящемъ обществѣ, онъ носился съ своимъ уголкомъ. Кто могъ бы подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлается увлекательнымъ ораторомъ и замѣчательнымъ публицистомъ, которому Наполеонъ поручитъ написать исторію своего царствованія, что онъ и сдѣлаетъ съ успѣхомъ? Кто могъ вообразить, что онъ явится нашимъ пламеннымъ защитникомъ въ палатѣ депутатовъ? Но если мы по легкомыслію были несправедливы къ Биньону, то въ концѣ концовъ мы не погрѣшили неблагодарностью къ нему, и польскія сердца сохранили о немъ неизгладимую память. Признаюсь, для меня превращеніе, которому онъ подвергся, имѣло характеръ настоящаго чуда, и по этому случаю я впервые увидѣла, что нельзя судить государственнаго человѣка въ гостиной, въ особенности, если онъ не родился въ ней.

Въ началѣ 1812 года я родила второго сына Маврикія и отложила его крестины, надѣясь добиться, чтобъ его крестнымъ отцомъ былъ великій Наполеонъ, собиравшійся возстановить Польшу.

Наконецъ, весною была объявлена война. При одномъ счетѣ всѣхъ націй, шедшихъ подъ французскимъ знаменемъ, самые скептическіе умы не могли сомнѣваться въ успѣхѣ смѣлаго предпріятія. Кто могъ сопротивляться такимъ военнымъ силамъ, подъ начальствомъ такого человѣка? Какъ только распространилось въ Польшѣ извѣстіе о войнѣ, вся молодежь бросилась къ оружію, не дожидаясь призыва. Ни угрозы и опасенія Россіи, ни личный расчетъ, ни гнѣвъ родителей, не могли удержать этого патріотическаго порыва, который отличался еще бо̀льшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ движеніе 1806 года. О, почему вершитель судебъ міра не сказалъ тогда магическаго слова, которое утроило бы наши силы и, можетъ быть, спасло бы его отъ безпримѣрныхъ бѣдствій!

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа съ Маріей-Луизой, которая хотѣла проводить его до Дрездена, гдѣ ихъ встрѣтилъ императоръ австрійскій, съ своею молодою женой Беатриссой Эсте, послѣднею представительницей знаменитаго дома, съ которымъ связано столько историческихъ воспоминаній и романтичныхъ преданій. Эта принцесса, принесенная въ жертву политикѣ, вскорѣ умерла, не понятая, не оцѣненная. По случаю свиданія, между двумя императрицами установилось соперничество. Марія-Луиза не понимала другого величія, какъ свое блестящее положеніе, и хотѣла убить свекровь своею роскошью и богатствомъ подарковъ, но австрійская гордость явилась помѣхой, и онѣ обѣ разстались очень холодно.

Марія-Луиза много плакала, прощаясь съ своимъ мужемъ. Она предчувствовала, что эта разлука будетъ окончательная, и что съ тѣхъ поръ ея имя будетъ упоминаемо въ исторіи съ глубокимъ осужденіемъ, благодаря ея недостойному поведенію. Хотя точно не было неизвѣстно, что именно произошло между Наполеономъ и его тестемъ, но всѣ полагали, что они заключили другъ съ другомъ оборонительный и наступательный союзъ.

Что касается поляковъ, то Наполеонъ съ своимъ обычнымъ умѣніемъ пользоваться обстоятельствами, всячески подстрекалъ ихъ патріотизмъ возбужденіемъ надеждъ, воздерживаясь, однако, отъ прямыхъ, опредѣленныхъ обѣщаній. Биньону было приказано тщательно освѣдомиться о національныхъ традиціяхъ относительно поголовнаго возстанія народа на защиту отечества отъ враговъ. Съ этою цѣлью былъ собранъ сеймъ, и былъ присланъ изъ Франціи особый представитель для наблюденія за тѣмъ, что произойдетъ на сеймѣ. Всѣ эти демонстраціи имѣли цѣлью напугать Александра и распространить надежды поляковъ до отдаленнѣйшихъ предѣловъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи.

Г. де-Прадтъ явился къ намъ со всей помпой, приличествовавшею послу великой націи и могущественнаго государя. Но намъ онъ показался очень мелкимъ и вульгарнымъ среди всего окружавшаго его блеска, такъ надменно и недостойно велъ онъ себя, постоянно болтая «о выписываемой имъ кухаркѣ, одинаково искусной и экономной», ссорясь при всѣхъ съ своей прислугой, повторяя избитые анекдоты, публично издѣваясь надъ благороднымъ энтузіазмомъ поляковъ и обнаруживая во всемъ отсутствіе такта. Въ другой странѣ и при другихъ обстоятельствахъ онъ потерпѣлъ бы полное фіаско, но поляки видѣли въ архіепископѣ Малиньскомъ только представителя того, кто могъ возстановить Польшу. Это, однако, не мѣшало всѣмъ удивляться сдѣланному выбору, тѣмъ болѣе, что г. де-Прадтъ ничего не дѣлалъ и во всемъ полагался на какого-то г. Андрэ, который появлялся лишь на посольскихъ банкетахъ, занимая скромное мѣсто на концѣ стола и часто выражая на своемъ подвижномъ лицѣ неодобреніе. Но если самъ представитель Франціи не соотвѣтствовалъ дѣлу, которое было ему поручено, то остальной составъ посольства былъ замѣчателенъ.

Брюлевскій дворецъ, отведенный чрезвычайному послу Франціи, не былъ еще готовъ къ его пріему, и въ виду нежеланія его изъ экономическихъ цѣлей нанять для себя покуда приличное помѣщеніе, мой свекоръ предложилъ г. де-Прадту занять ту часть нашего дома, гдѣ жилъ нѣкогда Мюратъ. Онъ съ удовольствіемъ согласился, и мы, благодаря этому обстоятельству, познакомились со всѣми мелочными сторонами его жизни.

Польская армія была совершенно готова и двинулась въ путь, имѣя въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ нашихъ историче-

скихъ родовъ. Въ то же время были окончены и предварительныя мѣры къ созванію сейма, предсѣдателемъ котораго, по желанію Наполеона, былъ назначенъ восьмидесятилѣтній князь Чарторыйскій, отецъ князя Адама. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Матусевичъ, человѣкъ замѣчательнаго ума, отправился лично въ Пулавы и уговорилъ почтеннаго старика, считавшагося патріархомъ во всей странѣ, принять предлагаемый ему важный постъ. Люди, знавшіе подноготную мыслей Наполеона, увѣряли, что онъ настаивалъ на этомъ выборѣ съ цѣлью противоставить имя отца имени сына. Князь Адамъ, связанный съ Александромъ самою искреннею дружбой, и находясь подъ вліяніемъ обѣщаній, быть можетъ, тогда вполнѣ искреннихъ, ждалъ отъ русскаго государя возстановленія Польши, тогда какъ мы разсчитывали добиться того же, лишь благодаря побѣдамъ французскаго императора. Естественно, что, предаваясь всецѣло своей химерѣ, онъ видѣлъ въ демонстраціяхъ Наполеона только скрытые самолюбивые планы.

— Если будущее,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—докажетъ, что мое недовѣріе къ французскому императору неосновательно, я соглашусь на добровольное изгнаніе изъ родины, независимостью которой мы будемъ одолжены великодушію побѣдителя, и я воздвигну ему алтарь даже въ пустынѣ, куда удалюсь въ наказаніе за то, что я повѣрилъ обѣщаніямъ Александра.

Старый князь Чарторыйскій не раздѣлялъ мнѣній сына, или, скорѣе, вовсе не имѣлъ опредѣленныхъ мнѣній, благодаря своимъ преклоннымъ годамъ; согласившись на мольбы Матусевича, прибылъ въ Варшаву, гдѣ съ первыхъ шаговъ сдѣлалъ двѣ значительныя ошибки. Во-первыхъ, онъ явился на сеймъ въ мундирѣ австрійскаго фельдмаршала, что очень дурно подѣйствовало на патріотовъ, а, во-вторыхъ, при открытіи сейма, онъ въ своей рѣчи не призывалъ всего населенія къ оружію, а увѣщевалъ полекъ, присутствовавшихъ при засѣданіи, оказать патріотическую помощь, а онѣ отвѣчали громкими клятвами и бросаніемъ на головы депутатовъ кокардъ національныхъ цвѣтовъ. Эта театральная сцена показалась многимъ неумѣстною въ такую важную для страны минуту.

Представитель Франціи отвѣчалъ на рѣчь предсѣдателя очень дипломатично, и изъ его словъ можно было понять лишь одно, что императоръ не хотѣлъ еще принять на себя никакихъ обязательствъ.

Достигнувъ Вильны, Наполеонъ организовалъ тамъ для Литвы временное правительство, по образцу великаго герцогства Варшавскаго, и вызвалъ туда Биньона, который долженъ былъ играть роль представителя Франціи.

Между тѣмъ г. де-Прадтъ, помѣстившись въ роскошно передѣланномъ Брюлевскомъ дворцѣ, заявилъ, что будетъ давать балы каждую недѣлю. Но во всей Варшавѣ оказался только одинъ тан-

доръ, такъ какъ вся молодежь была въ арміи, да и дамы разъѣхались по деревнямъ, гдѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали извѣстій о своихъ мужьяхъ и братьяхъ. Поэтому первые пріемы были печальны, мрачны и пустынны, но затѣмъ дамы стали по временамъ появляться въ залахъ посольства, изъ боязни возбудить гнѣвъ Наполеона.

Пріѣздъ молодого короля Вестфальскаго Іеронима немного оживилъ городъ. Онъ командовалъ однимъ изъ резервныхъ корпусовъ и получилъ приказъ присоединиться къ императору, но его корпусъ двигался медленнѣе двора, и ему пришлось остаться нѣсколько времени въ Варшавѣ. Потомъ разсказывали, что ему такъ понравились польки, что де-Прадтъ получилъ приказъ насильно удалить его. Во всякомъ случаѣ, онъ разыгрывалъ у насъ роль короля и объявилъ, что будетъ принимать дамъ, которыя желаютъ ему представиться. Такое странное распоряженіе, еще подчеркнутое словами посланника, что «нельзя ни въ чемъ отказать брату Наполеона», возбудило негодованіе многихъ дамъ, и во дворецъ явилось ихъ очень мало. Тогда Іеронимъ рѣшился дать балъ, но тутъ представились тѣ же затрудненія которыя помѣшали устройству баловъ у де-Прадта. Пришлось удовольствоваться обѣдами, очень скучными, такъ какъ на нихъ, въ виду этикета, не могли принимать участія самые остроумные и пріятные изъ представителей варшавскаго общества.

Напрасно упрекали Іеронима въ недостаткѣ способностей; напротивъ, онъ отличался живымъ умомъ и, еслибъ не былъ выскочкой, то вызывалъ бы общее сочувствіе. Онъ, какъ всѣ члены семьи Наполеона, былъ самъ по себѣ недюжинный человѣкъ, но величіе брата его давило. О немъ разсказывали безконечные анекдоты; такъ увѣряли, что онъ по утрамъ бралъ ванны изъ рома, а вечеромъ изъ молока; онъ простиралъ свое кокетство въ одеждѣ до того, что никогда не надѣвалъ ничего два раза и входилъ поэтому въ большіе долги, бывшіе не подъ силу скромному бюджету Вестфальскаго короля, а императоръ и слышать не хотѣлъ о долгахъ брата. Во всякомъ случаѣ, во французскомъ посольствѣ были очень довольны, когда Іеронимъ уѣхалъ.

Однако посѣщеніе Варшавы другою личностью надѣлало де-Прадту еще болѣе хлопотъ и ясно обнаружило его безтактность. Графиня Валевская явилась подъ предлогомъ семейныхъ дѣлъ, но никто не повѣрилъ этой причинѣ, и всѣ были увѣрены, что ею руководила надежда получить приглашеніе слѣдовать за Наполеономъ. Но со времени своего второго брака, онъ избѣгалъ всякаго упрека въ легкомысленномъ поведеніи, и красавицѣ пришлось разочароваться въ своихъ расчетахъ. Что же касается до французскаго представителя, то во время пребыванія графини въ Варшавѣ онъ счелъ долгомъ обращаться съ ней, какъ съ полу-императрицей: на обѣдахъ

ей предоставлялось первое мѣсто, и ей оказывались всякаго рода почести, что сердило старухъ и забавляло молодыхъ, которыя смѣялись надъ де-Прадтомъ, не сводившимъ своего лорнета съ красивыхъ, пухлыхъ рукъ графини. Повидимому, она много выиграла отъ пребыванія въ Парижѣ и научилась исполнять свою трудную, щекотливую роль съ скромнымъ тактомъ; она даже сумѣла внушить очень ревнивой Маріи-Луизѣ сомнѣніе въ ея тайной связи съ Наполеономъ. Поэтому онъ и сохранилъ до конца свои отношенія только съ одной Валевской, которая послѣдовала за нимъ на Эльбу, откуда однако онъ удалилъ ее, принеся въ жертву вѣрнаго друга измѣнницѣ-женѣ. Впрочемъ, она въ Варшавѣ осталась недолго, благодаря неприличному поведенію де-Прадта, и заперлась въ своемъ скромномъ помѣщеніи, гдѣ терпѣливо ожидала результатовъ войны.

Мужъ мой отправился въ Вильну, гдѣ занималъ мѣсто во временномъ правительствѣ, а я перебралась съ дѣтьми въ Натолино и занималась украшеніемъ этого прелестнаго уголка. Однажды, я получила съ большимъ удивленіемъ письмо отъ де-Прадта, который напрашивался ко мнѣ обѣдать. Дѣлать было нечего, пришлось устроить обѣдъ для всего посольства, и де-Прадтъ мучилъ насъ всѣхъ за столомъ безконечною болтовней, испещренною старыми, избитыми анекдотами. Чтобъ мнѣ болѣе не возвращаться къ этой непріятной личности, скажу здѣсь, что, выѣзжая изъ нашего дома въ Брюлевскій дворецъ, онъ попросилъ позволеніе у моего свекра прислать ему прекрасную картину изъ своего архіерейскаго дома въ Малинѣ, на это пришлось согласиться, изъ боязни обидѣть представителя Франціи. Долго мы ждали этого подарка и часто недоумѣвали, какая картина увеличитъ Вилановскую галлерею: свекоръ увѣрялъ, что это, вѣроятно, будетъ какая нибудь Мадонна фламандской школы, а я тѣшила себя надеждой увидѣть Альберта Дюрера или Голбейна. Но пресловутая картина оказалась самою отвратительною мазней, невозможнымъ портретомъ какого-то неизвѣстнаго разбойника.

Все, что я говорю о де-Прадтѣ, не мѣшаетъ мнѣ очень любить Францію, эту прелестную, остроумную страну, память о которой я такъ живо сохранила, и которую, быть можетъ, мнѣ никогда не суждено болѣе увидѣть. Еслибъ мнѣ пришлось сызнова начать то, что называется жизнью, я желала бы вторично родиться француженкой. Это не значитъ, что я отрекаюсь отъ своего отечества; Боже, меня избави; чѣмъ его судьба печальнѣе, тѣмъ оно должно быть дороже его дѣтямъ; но еслибъ намъ предстоялъ выборъ, то не естественно ли стараться избѣжать обманчивыхъ и горькихъ разочарованій.

XI.

Кампаніи 1812 и 1813 годовъ.

Я буду говорить объ историческихъ событіяхъ, столько разъ описанныхъ извѣстными писателями, лишь насколько они касались Польши, и отмѣчу только произведенное ими впечатлѣніе на меня и окружающихъ лицъ.

Осенью вечера и банкеты во французскомъ посольствѣ приняли блестящій характеръ, и на нихъ стали ѣздить тѣмъ охотнѣе, что отъ г. де-Прадта узнавались столь нетерпѣливо ожидаемыя извѣстія. Если же курьеръ изъ арміи опаздывалъ, то никто не тревожился, а дѣло объясняли ненастною погодой и дурными дорогами. Вспоминая наши тогдашнія впечатлѣнія, я не могу достаточно удивляться нашему глупому, непонятному спокойствію. Де-Прадтъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ поддержать наши иллюзіи; курьеры изъ арміи къ императрицѣ направлялись прямо въ Берлинъ, а всѣ письма, отправленныя по почтѣ, регулярно задерживались. Повидимому, онъ взялъ себѣ девизомъ: обманывать и забавлять.

Наконецъ, извѣстія совершенно прекратились, и стало невозможнымъ долѣе скрывать истину, но де-Прадтъ, вѣрный своей роли, далъ еще послѣдній балъ, который походилъ скорѣе на похороны, чѣмъ на праздникъ. Хотя представитель Франціи очень любезно принималъ своихъ гостей, но всѣ шепотомъ сообщали другъ другу, что посольство получило приказъ укладывать вещи и готовиться въ путь.

Но чѣмъ менѣе мы ждали пораженія наполеоновской арміи, тѣмъ тяжелѣе отозвались въ Варшавѣ роковыя событія. На всѣхъ нашелъ какой-то смертельный столбнякъ, и мы съ лихорадочнымъ страхомъ спрашивали другъ друга о судьбѣ дорогихъ намъ лицъ, находившихся въ арміи. Но дѣйствительность оказались еще ужаснѣе нашихъ опасеній. Мы сразу узнали о такъ долго скрываемой катастрофѣ. Ослѣплявшая наши глаза, блестящая декорація рухнула, и мы поняли, что дальнѣйшая борьба была немыслима, что Наполеонъ потерялъ свое первенство на сѣверѣ Европы, и всѣ наши надежды исчезли.

10-го декабря было 24 градуса мороза, и мы, сидя у своего домашняго очага, оплакивали безуміе великаго человѣка, вздумавшаго бороться со стихіями, какъ вдругъ моего свекра таинственно потребовали во французское посольство. Мы всѣ подумали, что де-Прадтъ уѣзжалъ и хотѣлъ проститься, а потому ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія графа Станислава Потоцкаго. Когда же онъ явился черезъ два часа, то оказалось, что его требовалъ не де-Прадтъ, а самъ императоръ Наполеонъ, который пожертвовалъ милліономъ людей своему смѣлому капризу и возвратился одинъ, побѣжденный стихіей,

но нимало не убитый, даже не смущенный. Онъ не терялъ надежды, благодаря своему генію и громаднымъ средствамъ Франціи, удержать въ своихъ рукахъ ускользавшій у него скипетръ всемірной имперіи. Онъ говорилъ о совершившихся бѣдствіяхъ откровенно, не умаляя ихъ значенія и не скрывая ничего. Онъ сознавалъ свои ошибки, въ томъ числѣ чрезмѣрную вѣру въ свою звѣзду, которая до этой роковой катастрофы какъ бы повелѣвала стихіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подробно указывалъ на свои шансы успѣха въ будущемъ, блестяще резюмировалъ политическое положеніе Европы и опредѣлялъ съ удивительною дальнозоркостью тѣ изъ политическихъ теченій, которыя могли ему содѣйствовать, и тѣ, которыя были ему враждебны. Онъ не уничтожалъ нашихъ надеждъ, но настаивалъ на необходимости новыхъ усилій съ нашей стороны, обѣщалъ вернуться во главѣ новой арміи и сумѣлъ внушить слушавшимъ его свою полную надеждъ энергію. Чарующее вліяніе этой необыкновенной личности было такъ громадно, что мой свекоръ вернулся домой веселый, съ полною увѣренностью въ окончательный успѣхъ императора, а это былъ человѣкъ положительный, не поддававшійся никакимъ иллюзіямъ.

Но мы, не находившіеся подъ личнымъ вліяніемъ кудесника, были поражены, убиты. Мрачное настоящее насъ давило, а будущее казалось еще ужаснѣе. Между прочимъ, насъ очень удивляло, что Наполеонъ остановился не въ посольствѣ, а въ отелѣ Англія, гдѣ и обѣдалъ. Быть можетъ, онъ думалъ этимъ сохранить свое инкогнито, и, дѣйствительно, никто въ наполнявшей улицы толпѣ не узналъ его, хотя онъ вышелъ изъ экипажа у Пражскаго моста и прошелъ чрезъ все Краковское предмѣстье, въ зеленой бархатной шубѣ и собольей шапкѣ. Его сопровождали только Коленкуръ и полковникъ графъ Вансовичъ, на вѣрность котораго онъ вполнѣ могъ полагаться. Мамелюку Рустану было приказано остаться съ экипажемъ за мостомъ и явиться въ отель только въ сумерки, когда все будетъ готово къ отъѣзду. Садясь за обѣдъ, Наполеонъ послалъ за де-Прадтомъ и велѣлъ ему пригласить предсѣдателя совѣта министровъ и двухъ изъ послѣднихъ, Мостовскаго и Матусевича. Лошади были заказаны на почтѣ для Коленкура, и въ 9 часовъ вечера Наполеонъ выѣхалъ изъ Варшавы.

Впослѣдствіи мы узнали отъ полковника Вансовича, ѣхавшаго съ Коленкуромъ всю дорогу въ экипажѣ Наполеона, очень любопытный анекдотъ. Проѣзжая мимо Ловича, императоръ хотѣлъ заѣхать къ графинѣ Валевской, которая жила по сосѣдству въ своемъ замкѣ. Коленкуръ возсталъ противъ этого каприза, смѣло указывая на неприличіе такого легкомысленнаго поступка не только относительно императрицы, но и арміи, которую императоръ покинулъ въ минуту пораженія. Наполеонъ надулся, но, спустя нѣсколько минутъ, выразилъ Коленкуру, еще разъ доказавшему свою преданность

и благоразуміе, насколько онъ любитъ и уважаетъ его, что дѣлало одинаковую честь имъ обоимъ.

Тотъ же Вансовичъ разсказывалъ интересныя подробности о пріѣздѣ Наполеона въ Дрезденъ. Саксонскій король былъ единственный союзникъ, оставшійся ему вѣрнымъ, а потому онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ о своихъ предполагаемыхъ военныхъ мѣрахъ. Прибывъ ночью къ г. де-Серру и не желая терять времени, онъ послалъ Вансовича во дворецъ съ приказаніемъ разбудить короля. Не только король, но всѣ во дворцѣ, даже часовые, спали, и посланный императора съ трудомъ проникъ до спальни короля, который, открывъ глаза, долго не могъ понять, что Наполеонъ, проѣзжая чрезъ городъ, желалъ его видѣть. Наконецъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ приказалъ одѣть себя и отнести въ домъ посланника въ паланкинѣ, такъ какъ королевскіе экипажи стояли въ отдаленномъ предмѣстьи, и потребовалось бы слишкомъ много времени на посылку за каретой. Рано утромъ распространилась вѣсть, что король исчезъ изъ дворца, весь городъ переполошился, и когда все объяснилось, то Наполеонъ уже катился по дорогѣ въ Парижъ.

Вскорѣ послѣ проѣзда черезъ Варшаву императора, начали появляться наши солдаты, въ лохмотьяхъ и даже въ женскихъ шубахъ. Послѣ всѣхъ прибылъ князь Понятовскій, который вывихнулъ себѣ ногу и ощущалъ ужасныя страданія при малѣйшемъ движеніи. Узнавъ о его пріѣздѣ, я отправилась къ нему и нашла, что на его лицѣ выражались болѣе слѣды нравственныхъ мукъ, чѣмъ физическихъ. Онъ горько сожалѣлъ о гибели на его глазахъ прекрасной арміи и оплакивалъ смерть столькихъ храбрецовъ, принесенныхъ въ жертву легкомысліемъ великаго человѣка, которому онъ оставался вѣренъ, не смотря на все. Онъ, повидимому, не терялъ надежды, что меня очень удивило, такъ какъ онъ, идя на войну, принадлежалъ къ небольшому числу людей, сомнѣвавшихся въ успѣхѣ столь гигантской борьбы. По его словамъ, онъ не долженъ былъ остаться долго въ Варшавѣ, а, соединивъ остатки польской арміи, хотѣлъ заняться ея реорганизаціей.

Дѣйствительно, въ концѣ января, совершенно оправившись, князь Понятовскій отправился съ нашей арміей въ Краковъ. Прощаясь со мною, онъ былъ очень печаленъ, хотя думалъ не о себѣ, а о Наполеонѣ, гибель котораго онъ предвидѣлъ. Замѣтивъ слезы на моихъ глазахъ, онъ запретилъ мнѣ сожалѣть о немъ, если смерть застигнетъ его на полѣ брани.

— Я буду счастливъ,—прибавилъ онъ,—если смерть избавитъ меня отъ лицезрѣнія несчастій, которыя, вѣроятно, обрушатся на нашу бѣдную родину. Къ тому же, лучше умереть, чѣмъ дожить до старости.

Князь Понятовскій съ своими войсками еще не достигъ Кракова, какъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ передалъ Вар-

шаву русскому авангарду, подъ начальствомъ генерала Чаплица, который, въ качествѣ поляка, распространялъ прокламаціи своего государя, полныя соблазнительныхъ обѣщаній. Узнавъ о великодушныхъ намѣреніяхъ императора Александра, наши министры Матусевичъ, Мостовскій и Соболевскій, съ графомъ Замойскимъ во главѣ, вступили съ эмиссарами русскаго правительства въ тайные переговоры, за которыми слѣдилъ Биньонъ, который, вернувшись изъ Вильны, получилъ приказаніе послѣдовать за Понятовскимъ въ Краковъ. Находясь подъ вліяніемъ своихъ несбыточныхъ надеждъ, князь Адамъ Чарторыйскій не сомнѣвался въ намѣреніи Александра возвратить Польшѣ ея прежнее существованіе и считалъ своимъ долгомъ служить ему, не подозрѣвая, что старая русская партія возбудитъ непреодолимыя преграды къ осуществленію подобной попытки. Въ это время появляется на сцену Новосильцевъ, игравшій роковую роль въ исторіи Польши. Онъ прикинулся, что раздѣляетъ патріотическія надежды Чарторыйскаго и либеральныя стремленія Александра, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, успокоивалъ старую русскую партію въ несбыточности великодушныхъ идей молодого государя, а съ другой, тайно пользовался громаднымъ состояніемъ князя Чарторыйскаго для удовлетворенія своихъ развратныхъ наклонностей. Благодаря своимъ ловкимъ интригамъ, онъ былъ назначенъ членомъ временного правительства и сталъ разыгрывать большую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Польши.

Между тѣмъ князь Понятовскій дожидался со своимъ корпусомъ въ Краковѣ приказаній Наполеона. Александръ нашелъ эту минуту удобною, чтобъ отбить Польшу отъ Франціи, и предложилъ князю самыя выгодныя условія для нашей родины, но князь отвѣчалъ: «Я не приму никакихъ предложеній, какъ бы они ни были соблазнительны, если ихъ надо купить цѣною безчестія». Русскій агентъ удалился, не добившись ничего. Но Пруссія пошла еще дальше. Князь Антонъ Радзивилъ, мужъ принцессы Луизы Прусской, двоюродной сестры короля, прибылъ въ Краковъ съ тайными порученіями. Онъ далъ понять Понятовскому, что наступила минута, когда онъ можетъ вступить на польскій престолъ, что это никого не удивитъ, такъ какъ королевская власть въ Польшѣ основана на выборномъ началѣ, и что исторія не упрекнетъ его, если, соединяя судьбу Польши съ своимъ справедливымъ самолюбіемъ, онъ покинетъ французскія знамена, когда представилась возможность развернуть свое собственное знамя. На эту рѣчь, испещренную самыми лестными похвалами, Понятовскій отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ, заявивъ, что подобное предложеніе его болѣе удивило, чѣмъ польстило.

— Я поклялся,—прибавилъ онъ,—что не отдѣлю судьбы моей родины отъ судьбы Наполеона, который одинъ протянулъ намъ руку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попросилъ князя Радзивила уѣхать изъ

Кракова въ двадцать четыре часа и предупредилъ, что увѣдомитъ Биньона о случившемся.

Послѣ этого знаменательнаго событія, Наполеонъ сталъ питать къ Понятовскому особое довѣріе и возъимѣлъ мысль сдѣлать его польскимъ королемъ, если это дозволятъ обстоятельства. Отчего онъ не началъ съ этого шага? По несчастію, недовѣріе и презрѣніе къ людямъ часто мѣшало Наполеону правильно судить о выдающихся личностяхъ.

Я читала письмо, въ которомъ дядя передавалъ свою интимную бесѣду съ Наполеономъ въ Дрезденѣ въ моментъ переговоровъ о мирѣ, который можно было тогда заключить на подходящихъ условіяхъ. Императоръ пожелалъ узнать мнѣніе Понятовскаго объ этомъ важномъ вопросѣ, и онъ сказалъ съ чисто солдатскою искренностью:

— Если, ваше величество, приказываете мнѣ высказать мое мнѣніе, то я полагаю, что теперь благоразумно заключить миръ, съ цѣлью впослѣдствіи начать войну при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

— Можетъ быть, вы и не ошибаетесь,—отвѣчалъ Наполеонъ,—но я буду продолжать войну, чтобъ заключить болѣе благопріятный миръ. Будущее рѣшитъ, кто изъ насъ правъ.

13 апрѣля 1813 г. польская армія получила приказъ выступить въ походъ. Она прошла Богемію и сосредоточилась въ Цвитау, въ Саксоніи. Люценская и Бауценская битвы были освѣщены проблесками аустерлицкаго солнца, но Лейпцигское пораженіе подало сигналъ къ паденію колосса.

Императоръ засталъ Понятовскаго въ Делицѣ, изучилъ всѣ пункты, гдѣ непріятель могъ атаковать, и поручилъ полякамъ защиту важнѣйшей изъ этихъ позицій. Впродоженіе всего дня 16 октября они держались упорно, хотя съ гораздо меньшими силами, чѣмъ у непріятеля. За этотъ подвигъ Понятовскій получилъ маршальскій жезлъ. Вечеромъ 19-го императоръ позвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Князь, вы будете защищать южное предмѣстье и прикрывать отступленіе.

— Государь, у меня осталось очень мало солдатъ,—отвѣчалъ Понятовскій, съ трудомъ скрывая печаль, возбуждаемую потерей накапунѣ трехъ четвертей его отряда.

— Ничего,—воскликнулъ императоръ,—семь тысячъ поляковъ подъ вашимъ начальствомъ стоятъ цѣлаго корпуса.

— Государь, мы всѣ готовы умереть.

Поляки прославили себя чудесами храбрости, но тѣ немногіе изъ нихъ, которые избѣгли непріятельскаго огня, погибли, благодаря взрыву Лейпцигскаго моста. Ихъ геройскій начальникъ, не желая попасть въ плѣнъ, бросился верхомъ въ рѣку; онъ не умѣлъ плавать, и одна его рука была на перевязи. Спустя мгновеніе онъ

исчезъ въ маленькомъ Ельцерѣ, который широко разлился отъ осеннихъ дождей.

— Богъ мнѣ вручилъ честь поляковъ, Богу я и отдаю ее.

Вотъ послѣднія слова князя Понятовскаго, и они вполнѣ выражаютъ всю его жизнь.

Наполеону было очень трудно найти преемника князю Понятовскому, такъ какъ онъ не хотѣлъ распустить остатки польской арміи, которые при случаѣ могли ему понадобиться. Его выборъ остановился на князѣ Сулковскомъ, который отличился въ Испаніи и напоминалъ ему другого Сулковскаго, участвовавшаго въ Египетской экспедиціи; но не смотря на свою личную храбрость, онъ не отличался ни военными способностями, ни возвышенными нравственными качествами. Человѣкъ очень богатый и нечестолюбивый, онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе вернуться къ своей женѣ, тяготился долговременною, несчастною войной, не заботился о поддержаніи патріотическаго духа среди солдатъ и, наконецъ, не чувствуя себя на высотѣ своего призванія, подалъ въ отставку.

Его замѣстилъ Домбровскій, нѣкогда организовавшій первые польскіе легіоны въ Италіи. Онъ перешелъ Рейнъ у Майнца и остановился съ очень порѣдѣвшимъ отрядомъ въ Седанѣ, гдѣ къ нему присоединился адъютантъ императора, генералъ Флаго, посланный для комплектованія кадровъ. Съ большими усиліями было сформировано три полка, поступившіе подъ команду графа Пака, а Домбровскій, больной и уже очень старый, остался въ Седанѣ, чтобъ реорганизовать пѣхоту. По случаю тяжелой раны, полученной подъ Краснымъ, храбрый Пакъ долженъ былъ удалиться, а Винцентъ Красинскій добился по декрету 4 апрѣля 1814 г., подписанному въ Фонтенебло, назначенія въ главнокомандующіе польскою арміей. Наши соотечественники тщетно просили дозволенія слѣдовать за Наполеономъ въ изгнаніе, и онъ, тронутый ихъ вѣрностью среди окружающей измѣны, выбралъ 30 поляковъ, подъ начальствомъ полковника Жермановскаго, которые и отправились на Эльбу.

Безпристрастіе—грустный долгъ всякаго пишущаго свои мемуары, когда рядомъ съ славными подвигами они должны обнаруживать ошибки и низости. Вообще характеръ поляковъ составляетъ смѣсь крайностей: или патріотизма, благородства и безкорыстія, или самолюбія, надменности и позировки. Красинскій отличался послѣдними качествами: мелочно самолюбивый, низкопоклонный, лживый, онъ не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Онъ, напримѣръ, заказалъ Горасу Верне картину, изображавшую его во время битвы при Само-Сьерра, хотя онъ въ ней не участвовалъ. Послѣ паденія Наполеона, онъ перешелъ на сторону Александра и былъ прозванъ «волонтеромъ низости».

Русскій императоръ поручилъ ему отвести въ Польшу остатки нашей арміи и похоронить по дорогѣ князя Понятовскаго въ Лейп-

цигѣ. Я присутствовала съ моими дѣтьми при этихъ торжественныхъ похоронахъ. Тѣло покойнаго было однако только временно поставлено въ подземную часовню церкви Св. Креста, а впослѣдствіи оно перенесено въ Краковъ и похоронено въ соборѣ, гдѣ покоятся польскіе короли и великіе люди.

По своему завѣщанію князь Понятовскій оставилъ мнѣ свое помѣстье Яблонку, и я впродолженіе десяти лѣтъ не брала ни гроша изъ доходовъ, посвящая ихъ всецѣло на украшеніе великолѣпнаго замка и парка. На дверяхъ въ библіотеку, или, скорѣе, въ музей, я поставила слѣдующую надпись:

«Это убѣжище героя, украшенное моими стараніями, я передаю его потомкамъ».

XII.

Русскіе въ Польшѣ.—Вѣнскій конгрессъ.—Пребываніе императора Александра въ Варшавѣ.

1815 г.

Находясь въ Вилановѣ у родителей моего мужа, я принимаюсь снова за свои мемуары и продолжаю разсказъ о томъ, что произошло въ Польшѣ послѣ отреченія Наполеона.

Императоръ Александръ принялъ поляковъ подъ свое покровительство и оказывалъ имъ въ Парижѣ самое лестное уваженье. Узнавъ объ этомъ, генералъ Костюшко написалъ ему слѣдующее письмо:

«Государь, если изъ моего скромнаго убѣжища я смѣю обратиться къ великому монарху, который объявилъ себя покровителемъ человѣчества, то лишь потому, что мнѣ хорошо извѣстно его великодушіе. Я начинаю съ просьбы о трехъ милостяхъ: во-первыхъ, о дарованіи общей амнистіи полякамъ, безъ всякихъ ограниченій, и отпущеніи на волю тѣхъ крестьянъ, которые служатъ въ иностранныхъ арміяхъ, какъ только они вернутся на родину; во-вторыхъ, о провозглашеніи вашего величества польскимъ королемъ, введеніи конституціи, въ родѣ той, которая существуетъ въ Англіи, и учрежденіи на казенный счетъ школъ для образованія крестьянъ, а, въ-третьихъ, объ уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ въ десятилѣтній срокъ и предоставленіи имъ въ собственность той земли, которою они пользуются. Если мои мольбы будутъ услышаны, то, не смотря на мою болѣзнь, я лично явлюсь къ вамъ, чтобъ броситься къ ногамъ вашего величества, принести вамъ мою благодарность и отдать должную честь моему государю. Если мои слабыя способности могутъ еще принести пользу, то я немедленно отправлюсь на родину и буду служить ей и моему государю».

Александръ отвѣчалъ на это письмо, ловко выбравъ день 3 мая, годовщину конституціи 1791 г.

«Я съ большимъ удовольствіемъ, генералъ, отвѣчаю на ваше письмо. Ваши желанія исполнены. Съ помощью Всемогущаго Бога, я надѣюсь возстановить храбрую и почтенную націю, къ которой вы принадлежите. Я торжественно обязался это сдѣлать и всегда заботился о благосостояніи вашей страны, а только политическія обстоятельства препятствовали осуществленію моихъ намѣреній. Теперь этихъ препятствій не существуетъ. Они уничтожены двумя годами страшной и славной борьбы. Еще нѣсколько времени, и поляки получатъ обратно свою родину и свое имя, а я буду имѣть счастье доказать имъ, что тотъ, кого они считали своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществитъ ихъ желанія. Я очень былъ бы радъ, генералъ, если бы вы помогли мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Ваше имя, ваши достоинства, ваши таланты были бы для меня лучшей поддержкой. Примите, генералъ, увѣренье въ моемъ уваженіи».

Подобныя слова не допускали сомнѣнія въ намѣреніяхъ Александра; Костюшко отправился въ Парижъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Императоръ принялъ его такъ радушно, что даже поставилъ почетный караулъ къ отелю, въ которомъ онъ остановился. Принявъ предложенныя имъ услуги, онъ открылъ ему свой планъ и пригласилъ его ѣхать съ нимъ въ Вѣну, гдѣ судьба Польши должна была окончательно рѣшиться. Но оказалось, что намѣренія Александра не соотвѣтствовали патріотическимъ мечтамъ Костюшки, и послѣдній устранился, вернувшись съ печалью въ сердцѣ въ Швейцарію, гдѣ и умеръ, спустя нѣсколько лѣтъ. Поляки добились у императора дозволенія похоронить тѣло Костюшки въ Краковскомъ соборѣ и поставить ему памятникъ, на что потребовалось много денегъ и десять лѣтъ труда. Самъ Александръ первый подписался на листѣ пожертвованій, такъ какъ онъ отличался качествомъ, рѣдко встрѣчающимся въ государяхъ,—онъ понималъ возвышенныя чувства и не считалъ, что они набрасываютъ на него тѣнь.

Какъ только судьба нашей страны была рѣшена на Вѣнскомъ конгрессѣ, императоръ Александръ принялъ титулъ польскаго короля. Желая придать національный характеръ правительству, онъ назначилъ совѣтъ, въ которомъ засѣдали между прочимъ князь Адамъ Чарторыйскій, Вавржецкій и князь Любецкій. Предсѣдателемъ былъ назначенъ русскій сенаторъ Ланской.

Новосильцевъ также былъ членомъ совѣта. Природа одарила этого человѣка уродливою внѣшностью, какъ бы желая предупредить его отталкивающею наружностью людей, которыхъ могла обмануть его двуличность. У него глаза были косые: однимъ онъ льстилъ, а другимъ старался прочитать въ глубинѣ души всякаго. Князь Чарторыйскій представилъ его мнѣ и въ первое время сво-

его пребыванія въ Варшавѣ онъ часто бывалъ у меня, вѣроятно, желая узнать, что дѣлалось и говорилось въ моемъ салонѣ. Признаюсь, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я находилась подъ его чарующимъ вліяніемъ и вѣрила, что онъ преданъ нашимъ интересамъ; люди, опытнѣе меня, попались на его удочку и не такъ скоро его раскусили. Побочный сынъ графа Строгонова, Новосильцевъ воспитывался за границей, долго жилъ въ Англіи и имѣлъ видъ настоящаго джентльмена. Его роковое вліяніе продолжалось въ Польшѣ двадцать лѣтъ; коварный и корыстный, онъ постоянно изобрѣталъ заговоры, чтобъ напугать правительство и выманить денегъ у несчастныхъ матерей, которыя откупали у него послѣдними грошами свободу и жизнь своихъ дѣтей, юныхъ студентовъ.

Устроившись въ Варшавѣ, Ланской выписалъ жену и дѣтей; не смотря на свой татарскій типъ и маленькіе китайскіе глаза, онъ отличался пріятнымъ лицомъ честнаго человѣка и дѣйствительно поражалъ своимъ благородствомъ. Но онъ велъ себя, какъ сатрапъ, и всѣ гостиныя въ занимаемомъ имъ Брюлевскомъ дворцѣ были пропитаны табачнымъ дымомъ отъ длиннаго чубука, который не выходилъ изъ его рта, даже при дамахъ. Предупрежденная объ этомъ, я въ первый свой визитъ подняла такой шумъ, жалуясь на запахъ табаку, вѣроятно, проникавшій въ гостиную изъ солдатской караульни, что самъ Ланской не показывался съ своимъ чубукомъ и, говорятъ, впослѣдствіи болѣе не курилъ въ гостиныхъ.

Ослѣпленный своими иллюзіями и полагая, что достигнулъ цѣли всѣхъ своихъ усилій, князь Чарторыйскій поѣхалъ съ Александромъ на Вѣнскій конгрессъ. Тамъ возникла постоянная борьба между мечтами и дѣйствительностью. Вскорѣ убѣдившись, что намѣренія Александра не осуществляли, внушенныя имъ, надежды, князь вступилъ въ интимную переписку съ лордами Греемъ и Голландомъ, доказывая имъ необходимость для спокойствія Европы, чтобъ независимая Польша служила оплотомъ цивилизаціи. Я видѣла эти письма въ копіяхъ, такъ какъ князь имѣлъ неосторожность довѣриться своему секретарю, а тотъ передавалъ копіи Новосильцеву, который впослѣдствіи воспользовался ими, чтобъ подорвать вліяніе своего друга, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Александра. Зная близко Чарторыйскаго и цѣня его замѣчательныя способности, императоръ съ самаго открытія конгресса раздѣлялъ съ нимъ свои труды по организаціи Польши, но князь оставался вѣрнымъ интересамъ своей родины, и совершенно ошибались тѣ, которые подозрѣвали, что онъ работалъ на себя.

Среди серьезныхъ политическихъ переговоровъ, Вѣнскій конгрессъ, по словамъ злыхъ языковъ, танцовалъ. Собравшіеся государи веселились, какъ мальчишки, освободившіеся отъ учительской ферулы. Они искренно забавлялись, и каждый изъ нихъ выбралъ

себѣ даму сердца. Александръ остановился на молодой княгинѣ Ансперіъ, которая отличалась не красотой, а добродѣтелями. Прусскій король влюбился въ очаровательную Юлію Зичи, а остальные государи слѣдовали ихъ примѣрамъ и думали только объ удовольствіяхъ. Императоръ Францъ давалъ великолѣпные балы и праздники, среди которыхъ, въ особенности, надѣлалъ много шума историческій турниръ.

Среди подобныхъ забавъ дѣла шли очень медленно и вдругъ совершенно прекратились. Талейранъ получилъ извѣстіе о возвращеніи Наполеона съ Эльбы, и произошла общая паника. Дремавшій левъ проснулся. Всѣ потеряли головы, и знаменитый конгрессъ кончился преждевременными родами трактата 1815 года.

Этотъ трактатъ рѣшилъ судьбу Польши. Александръ былъ очень доволенъ, что всѣ державы, за исключеніемъ Пруссіи, стоявшія за независимость Польши, согласились подъ давленіемъ паники, возбужденной возвращеніемъ Наполеона, на предоставленіе ему новыхъ четырехъ милліоновъ подданныхъ, и заявилъ, что спокойствіе Европы не дозволяло въ ту минуту соединенія всѣхъ поляковъ въ одно самостоятельное государство, подчиненное ему, какъ королю польскому.

Курьеръ съ этимъ важнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Варшаву вечеромъ, и Новосильцевъ, бравшій на себя инниціативу во всемъ, рѣшилъ, что лучше всего довести объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія демонстраціей въ театрѣ, при крикахъ: «Да здравствуетъ король польскій!». Такъ и было сдѣлано, но публика, особенно въ ложахъ, не выразила никакого энтузіазма, потому что эта исторія имѣла характеръ комедіи, а главное, что наши надежды далеко не сбылись. Повидимому, совершилось великое событіе, но въ сущности наше положеніе мало измѣнилось, за исключеніемъ того, что намъ обѣщали конституцію, основанную на народномъ представительствѣ.

Конституціонное правленіе, въ родѣ того, какое существовало въ Англіи, было въ то время любимою мечтой Александра, и онъ игралъ въ конституцію, какъ дѣти играютъ въ жмурки. Лица, близкія къ нему, увѣряли, что его намѣренія шли гораздо далѣе его обѣщаній, но что онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно и медленно, такъ какъ его пристрастіе къ полякамъ возбуждало неудовольствіе среди русскихъ. Я не могу опровергать этого мнѣнія, но еслибъ Александръ искренно хотѣлъ воскресить Польшу, то онъ не поручилъ бы это дѣло своему брату Константину, зная, что его идеи и характеръ противорѣчили либеральнымъ намѣреніямъ императора. Какъ бы то ни было, 13-го мая онъ подписалъ основы конституціи для новаго королевства, и если-бъ эта хартія примѣнялась добросовѣстно, то Польша была бы довольна, но въ день ея обнародованія мы, къ изумленію, увидѣли, что, пройдя черезъ руки Новосильцева, она потеряла нѣкоторыя статьи, тогда какъ другія были совершенно измѣнены.

Александръ явился въ Варшаву съ двойнымъ ореоломъ великодушнаго миротворца и благороднаго возстановителя Польши; его чарующія манеры и престижъ счастья придавали ему еще большую привлекательность. Наконецъ, онъ теперь не былъ юношей, какъ мы прежде его видѣли, а человѣкомъ во цвѣтѣ лѣтъ и славы.

Его приняли съ почтительнымъ, спокойнымъ уваженіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ энтузіазмомъ, который возбуждалъ Наполеонъ. Задолго до пріѣзда императора толковали о томъ, какой устроить ему пріемъ: одни предлагали, чтобъ дамы въ костюмахъ древнихъ славянскихъ богинь встрѣтили его хлѣбомъ и солью, въ знакъ дружбы и союза, но эта слишкомъ театральная манифестація была отклонена; другіе хотѣли воскресить старинныя церемоніи, при избраніи польскихъ королей, но, по мнѣнію Новосильцева, не слѣдовало примѣшивать къ надеждамъ воспоминанія, а потому удовольствовались иллюминаціями и даровыми спектаклями.

Городъ устроилъ великолѣпный балъ въ залахъ Редута, соединеннаго съ Большимъ театромъ. Александръ пріѣхалъ въ мундирѣ польской арміи и въ лентѣ Бѣлаго Орла, словно забывая, что царствовалъ и надъ другими народами, онъ хотѣлъ возбудить въ насъ любовь и преданность къ своей особѣ. Его любезное обращеніе и доброе, великодушное лицо плѣнили всѣ сердца, и въ этотъ день, можетъ быть, Александръ, увлекшись искренностью возбужденныхъ имъ въ полякахъ чувствъ, дѣйствительно мечталъ о независимой Польшѣ.

На этомъ балу мы видѣли въ первый разъ великаго князя Константина, при исполненіи имъ обязанности флигель-адъютанта своего брата, при саблѣ, въ узкомъ, застегнутомъ доверха, мундирѣ: онъ не спускалъ глазъ съ императора и какъ бы радовался своей службѣ. Онъ не танцовалъ, а постоянно держался близъ дверей залы, чтобъ не пропустить удаленія своего государя. Проходя мимо, я позволила себѣ пошутить на его счетъ, и онъ отвѣчалъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— Служба прежде всего, и даже самъ императоръ не можетъ заставить меня нарушить долгъ службы.

Вотъ, до чего доходила любовь великаго князя къ дисциплинѣ, и онъ дѣйствительно счелъ бы преступленіемъ, еслибъ, по просьбѣ брата, покинулъ хоть на минуту свой постъ. Для него разводъ равнялся полю брани, и, не отличаясь храбростью, онъ любилъ парады и маневры болѣе, чѣмъ настоящія военныя дѣйствія. Его чрезмѣрная строгость къ солдатамъ происходила столько же отъ природной жестокости, сколько и отъ того громаднаго значенія, которое онъ придавалъ всѣмъ мелочамъ. Все-таки, еслибъ Константинъ отличался характеромъ Александра, то онъ, въ концѣ концовъ, примирилъ бы съ собою поляковъ.

Пребываніе императора въ Варшавѣ обусловило значительныя

перемѣны въ администраціи королевства. Временное правительство было замѣнено постояннымъ. Ланской удалился, и такъ какъ армія имѣла своего начальника въ лицѣ великаго князя, то пришлось назначить намѣстника и министровъ. Въ числѣ послѣднихъ оказались почти всѣ лица, исполнявшія эту высокую должность при кратковременномъ существованіи герцогства Варшавскаго. Игнатій Соболевскій былъ сдѣланъ государственнымъ секретаремъ; Матусевичъ—министромъ финансовъ, Мостовскій — военнымъ, а мой свекоръ, графъ Станиславъ Потоцкій, министромъ народнаго просвѣщенія. Только портфель министра юстиціи достался человѣку новому—Ѳомѣ Вавржецкому, который служилъ въ Россіи и явился въ Варшаву, когда Александръ организовалъ временное правительство. Вообще всѣ министры были люди значительнаго ума и прекраснаго образованія, а ихъ незапятнанная репутація пробуждала самыя свѣтлыя надежды во всей націи, которая искренно рукоплескала выбору императора.

Но, по несчастью, онъ нашелъ нужнымъ, подобно Наполеону, наблюдать за дѣйствіями правительства, чрезъ посредство особаго представителя, принявшаго названіе императорскаго комиссара, и на этотъ постъ назначенъ Новосильцевъ. Въ сущности его служба должна была только состоять въ облегченіи сношеній между Польшей и Россіей, но, благодаря хитрости и ловкости, онъ проникъ въ верховный совѣтъ.

Все указывало на князя Адама Чарторыйскаго, какъ на достойнаго намѣстника: и его добродѣтели, и способности, и благородство характера, и дружба съ императоромъ. По всей вѣроятности, таково было и намѣреніе императора, но онъ уступилъ предразсудкамъ брата, который никогда не хотѣлъ подчиниться непонятному для него порядку вещей, и принесъ въ жертву своего друга. Князь Чарторыйскій потерялъ всякое прямое вліяніе на дѣла, а сохранилъ только свое мѣсто въ сенатѣ и званіе попечителя Виленскаго университета. По мнѣнію великаго князя Константина, ненавидѣвшаго знатные польскіе роды, слѣдовало выбрать въ намѣстники невѣдомаго военнаго, который слѣпо исполнялъ бы всѣ данныя ему приказанія. Такимъ человѣкомъ оказался престарѣлый генералъ Заіончекъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія объ администраціи и отличавшійся слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ. Какъ вполнѣ правильно говорили, подобное назначеніе было свыше его силъ и способностей. Онъ былъ выскочкой изъ солдатъ, служилъ Бонапарту еще во время египетской экспедиціи, хотя ничѣмъ себя не прославилъ, и вступилъ снова въ польскую армію, когда Наполеонъ ее преобразовалъ, и лишился ноги во время отступленія изъ Москвы, что заглушило неблаговидные слухи о его двуличномъ поведеніи.

Жена генерала Заіончка заслуживаетъ занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, и если исторія не занесетъ ее на свои страницы,

то лица, близко знавшія ее, подобно мнѣ, должны засвидѣтельствовать, что она сумѣла съ достоинствомъ держать себя въ ея трудномъ положеніи. Она имѣла большое вліяніе на мужа и смѣло боролась съ его угодливостью передъ русскимъ правительствомъ, ради котораго онъ нарушалъ конституцію, такъ какъ, по его словамъ, онъ былъ всѣмъ обязанъ императору Александру и служилъ ему также преданно, какъ прежде Наполеону. Эта постоянная борьба причиняла частыя семейныя ссоры, но г-жа Заіончекъ говорила мужу такія правды, которыхъ никто другой не рѣшился бы сказать, и которыя не всегда оставались безъ результата.

Отличаясь удивительнымъ тактомъ, она держала высоко голову съ сильными міра сего, а съ нами вела себя очень скромно. Неожиданное возвышеніе нимало не измѣнило ея манеръ и отношеній къ людямъ. Происходя изъ семьи простолюдиновъ, она не прерывала связи съ своими родственниками и не выдвигала ихъ. Благородная и безкорыстная, она болѣе заботилась о сохраненіи чести мужа, чѣмъ о ихъ личныхъ интересахъ, и представляла странную смѣсь легкомысленной, кокетливой женщины и глубокомысленнаго, благороднаго государственнаго человѣка. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, она одѣвалась по послѣдней модѣ и постоянно заводила интрижки, не упуская однако никогда случая оказать услугу своему мужу.

XIII.

Открытіе польскаго сейма императоромъ Александромъ.— Свадьба великаго князя Константина.

1818—1820 г. г.

17-го марта 1818 года, Александръ открылъ въ Варшавѣ первый сеймъ, и вся Европа узнала съ восторженнымъ удивленіемъ о рѣчи, произнесенной имъ по этому случаю. Неограниченный государь даровалъ небольшой группѣ своихъ подданныхъ либеральныя учрежденія и обѣщалъ распространить ихъ и на остальную свою имперію.

«Съ Божіею помощью,—сказалъ онъ,—я намѣренъ распространить благодѣтельное вліяніе этихъ учрежденій на всѣ страны, которыя поручены Провидѣніемъ моимъ попеченіямъ».

Вообще вся эта рѣчь была горячей апологіей конституціонныхъ порядковъ и дышала любовью къ свободѣ. Всѣ газеты вознесли до небесъ великодушнаго монарха, представившаго такой прекрасный примѣръ другимъ государямъ. Въ особенности, надѣялись въ Германіи, какъ въ странѣ, наиболѣе подготовленной къ введенію конституціи, что ея государи пойдутъ по указанному пути.

Польша преисполнилась довѣріемъ и приступила къ пользованію дарованными ей правами. Но дѣла пошли не такъ ладно, какъ мы надѣялись. Предсѣдателемъ сейма былъ назначенъ генералъ Красинскій, столь же преданный русскому правительству, какъ Заіончекъ. Одною изъ самыхъ любопытныхъ чертъ этого сейма было то обстоятельство, что великій князь Константинъ, имѣвшій право засѣдать въ сенатѣ, какъ членъ императорской семьи, предпочелъ сдѣлаться представителемъ народа и былъ выбранъ депутатомъ Пражскаго предмѣстья. Александръ согласился на это странное желаніе брата, и въ результатѣ получилось необыкновенное зрѣлище. Наслѣдникъ престола разыгрывалъ роль трибуна, защищавшаго народныя вольности. Пятнадцать лѣтъ продолжалась эта игра. Онъ очень рѣдко посѣщалъ палату, говорилъ въ ней только одинъ разъ, да и то пофранцузски, по вопросу о фуражѣ. Точно также онъ представилъ лишь одну петицію въ пользу своихъ избирателей, и, конечно, она была уважена императоромъ. Все свое участіе въ дѣлахъ палаты онъ ограничивалъ строгимъ наблюденіемъ за часовыми, разставленными въ коридорахъ парламента; однимъ словомъ, онъ болѣе исполнялъ обязанности солдата, чѣмъ депутата.

Изъ желанія ли угодить брату, или по семейной наклонности, Александръ, во время своего пребыванія въ Варшавѣ, ежедневно являлся на утренній разводъ и затѣмъ принимался за болѣе серьезныя занятія. Въ два часа онъ вторично покидалъ дворецъ и дѣлалъ визиты тѣмъ дамамъ, которымъ хотѣлъ оказать особенное вниманіе.

Однажды онъ заѣхалъ ко мнѣ, и я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы испросить у него разрѣшеніе на постановку конной статуи князя Понятовскаго на одной изъ городскихъ площадей. Я имѣла полное право на подобную просьбу, какъ близкая родственница и наслѣдница героя. Александръ очень любезно выразилъ свое согласіе и отозвался въ сочувственныхъ выраженіяхъ о благородныхъ качествахъ и геройской смерти князя. На слѣдующій день я получила офиціальное письмо отъ императора, который подтверждалъ свое согласіе и разрѣшалъ открыть подписку на памятникъ, иниціативу которой взяла на себя польская армія, пожертвовавъ на это трехдневное жалованье. Означенное письмо Александра находится въ Вилановскомъ архивѣ, гдѣ оно сохраняется, какъ драгоцѣнность.

Спустя нѣсколько времени, въ частной жизни великаго князя Константина наступила неожиданная перемѣна. Всѣ въ Варшавѣ начали замѣчать, что онъ часто посѣщаетъ домъ госпожи Броничъ, которая поселилась въ этомъ городѣ съ цѣлью воспитывать своихъ трехъ дочерей отъ перваго мужа, г. Грудзинскаго. Младшая изъ этихъ сестеръ Іоанна, или Жаннета, какъ наименѣе хорошенькая, мало обращала на себя вниманія. Маленькаго роста, хорошо сло-

женная, съ бѣлокурыми кудрями, свѣтло-голубыми глазами и граціозною фигурой, она походила на портретъ пастелью. Въ особенности она граціозно танцовала, и остряки говорили, что, танцуя гавотъ, она проникла въ сердце великаго князя.

Мать молодой дѣвушки, польщенная ухаживаніемъ великаго князя, содѣйствовала ихъ свиданіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предметъ великокняжеской любви стали окружать обычные льстецы, искатели мѣстъ и пенсій, но она вела себя очень скромно, просто и благородно, принимая только любовь Константина и болѣе ничего. Она попрежнему одѣвалась наравнѣ со своими сестрами, и на ней никогда не было видно ни одного лишняго брильянта, по сравненію съ ними.

Прошли два года, и неожиданно распространилась вѣсть о свадьбѣ Іоанны Грудзинской съ великимъ княземъ. Дѣйствительно, этотъ бракъ былъ совершенъ по ея требованію, согласно религіознымъ обрядамъ католической церкви и постановленіямъ Наполеоновскаго кодекса. Единственными свидѣтелями, кромѣ сестеръ и родственниковъ, были Новосильцевъ, въ качествѣ императорскаго комиссара, и докторъ госпожи Броничъ, Чекирскій.

Императоръ Александръ, не желая изъ уваженія къ своей матери предоставить ей титулъ великой княгини, подарилъ ей княжество Ловичъ, и она стала съ тѣхъ поръ называться княгиней Ловичъ.

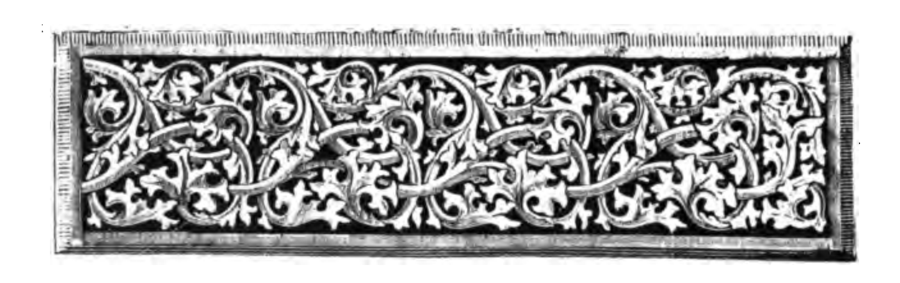
Эпилогъ.

Здѣсь кончаются мои записки, и если я буду писать еще что нибудь, то лишь для того, чтобъ занести замѣчательные факты, оставшіеся въ моей памяти. Бѣдствія родины и мои личныя несчастья отняли у меня всякое желаніе и возможность заниматься моими воспоминаніями. Мнѣ претитъ обвинять другихъ и оправдывать себя. Къ тому же «Исповѣдь» Руссо, которую я давно читала, служила мнѣ примѣромъ съ тѣхъ поръ, какъ я стала писать свои мемуары. Не смотря на его безспорный талантъ и удивительный стиль, онъ дозволялъ себѣ много болтовни, и, въ своемъ чрезмѣрномъ самолюбіи, онъ полагалъ, что нѣкоторымъ людямъ дозволено быть на распашку относительно потомства, тогда какъ рѣдко потомство относится съ сочувствіемъ къ тѣмъ, которые думаютъ заинтересовать его личностями.

Страшное и грустное чувство ощущаешь, бросая внимательный взглядъ на прошедшее, послѣ долговременной жизни. Сколько событій, казавшихся намъ важными, преданы забвенію; сколько самолюбій оказались мертворожденными, сколько надеждъ не сбылось, сколько сожалѣній сгладилось, сколько восторговъ охладилось. Сколько значенія придавалось мелочнымъ интересамъ, улетучившимся безъ

всякаго слѣда. Сколько личностей исчезло: одни преждевременно, другіе послѣ долгой, печальной карьеры. Сколько дѣйствій, сколько именъ, которыя, казалось, заслуживали безсмертія, поглощено въ безднѣ, гдѣ все скрывается, тогда какъ, напротивъ, память о менѣе достойныхъ людяхъ сохранилась только потому, что они приняли участіе въ великихъ событіяхъ. И какъ вспомнишь, что сама присутствовала при этихъ драмахъ, что сама участвовала въ общей скачкѣ, имѣвшей цѣлью ту же бездну, поглотившую столько радостей, столько горя!..

Достигнувъ почти конца жизни, сдѣлались ли мы мудрѣе, лучше ли вооружены противъ несчастій и болѣе ли покорны судьбѣ? Увы, человѣкъ перестаетъ страдать и надѣяться лишь съ послѣднимъ своимъ дыханіемъ. Года только измѣняютъ характеръ впечатлѣній, нимало не уничтожая ихъ.



РУССКІЕ ЧИНОВНИКИ [1].

О мѣрѣ развитія государства, исполнительный органъ его—чиновничество, или такъ называемая бюрократія, пріобрѣтаетъ въ жизни народной все большее и большее значеніе.

Всестороннее выясненіе роли и вліянія чиновничества, законныхъ границъ его вмѣшательства въ общественную и частную жизнь, лучшихъ системъ его внутренней организаціи, наконецъ путей его историческаго развитія и «сложенія»—представляло бы громадный общественный интересъ. Къ сожалѣнію, такія научныя историческія изслѣдованія о чиновничествѣ въ нашей литературѣ почти совершенно отсутствуютъ. Чуть не первою попыткою въ этомъ родѣ является недавно вышедшая въ свѣтъ брошюрка г. Е. Карновича «Русскіе чиновники въ былое и настоящее время». При всей симпатіи къ основнымъ воззрѣніямъ автора на роль, задачи и значеніе бюрократіи, которая, по его мнѣнію, должна ограничиваться ростомъ и развитіемъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, мы никакъ не можемъ назвать его брошюрку сколько нибудь серьезнымъ и научнымъ изслѣдованіемъ. Это скорѣе мелкая историческая оглядка на прошлое нашего чиновничества, при томъ далеко не полная, немного, пожалуй, односторонне обличительная, но во всякомъ случаѣ очень интересная. Односторонность ея заключается не въ томъ, что ея обличительныя характеристики невѣрны,—напротивъ того, мы думаемъ, что онѣ

---

[1]) Е. Карновичъ. Русскіе чиновники въ былое и настоящее время. Спб. 1897 г.

еще чрезвычайно неполны и могли бы быть дополнены тысячами курьезныхъ и печальныхъ фактовъ, но дѣло въ томъ, что на ряду съ этими темными сторонами бюрократическаго управленія существовали и свѣтлыя, составлявшія основу внутренней мощи и силы государства, потому что иначе его грандіозный ростъ и развитіе и даже самое тысячелѣтнее существованіе представляло бы собою ничѣмъ не объяснимую историческую загадку. Самыя несовершенныя формы управленія имѣютъ свое внутреннее оправданіе въ условіяхъ своего времени и гражданскаго и моральнаго развитія общества. Какъ ни плохъ и ни случаенъ былъ, напримѣръ, съ нашей современной точки зрѣнія судъ воеводъ, но все же онъ былъ лучше кроваваго самосуда заинтересованныхъ сторонъ и, какъ замѣна, какъ суррогатъ послѣдняго, былъ, несомнѣнно, полезенъ населенію. Точно также каждое изъ общественныхъ учрежденій темной старины имѣло свою пользу и свою правду, свой raison d'être въ смыслѣ охраны интересовъ народа. Для правильнаго пониманія историческихъ фактовъ необходимо отказаться отъ требованій абсолютной правды и абсолютнаго смысла, необходимо разсматривать всякое явленіе въ отношеніи и въ связи со всѣми условіями его времени, созерцать прошлыя событія и минувшія формы жизни въ ихъ исторической перспективѣ. Отсутствіе этой перспективы составляетъ значительный недостатокъ изслѣдованія г. Карновича.

Свой историческій очеркъ г. Карновичъ начинаетъ съ «служилыхъ людей» Московской Руси, которые еще не знали раздѣленія между гражданскою и военною службою, и по волѣ случая либо начальствовали надъ полками, либо засѣдали въ приказахъ. По мѣрѣ роста государства число ихъ умножалось, и при недостаточности и неясности законовъ, опредѣляющихъ ихъ дѣятельность, послѣдняя нерѣдко представляла собою картину полнаго произвола; народъ относился къ нимъ очень враждебно. «Для защиты его отъ чиновниковъ Іоаннъ Грозный хотѣлъ всюду ввести городское и сельское самоуправленіе, однако мѣра эта привилась только въ Москвѣ, да и то ненадолго, такъ какъ Борисъ Годуновъ уничтожилъ и тамъ зачатки самоуправленія». Затѣмъ «при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ для огражденія народа отъ произвола чиновниковъ снова возстановлялись грамоты Іоанна Грознаго, дававшія міру право судиться и управляться выборными людьми», но «соборное уложеніе» 1649 г. вновь предоставило и судъ и расправу воеводамъ и приказнымъ людямъ и окончательно утвердило господство чиновничества. «Къ исходу XVII столѣтія все старо-московское государственное управленіе основывалось на приказномъ или бюрократическомъ началѣ», развитіе котораго обыкновенно приписывается петербургскому періоду. «Произволъ и взяточничество тогдашнихъ чиновниковъ—по словамъ историка—обуздывались постоянно особыми царскими указами, которые угрожали виновнымъ

во взяточничествѣ, поборахъ, лихоимствѣ и пристрастіи тюрьмою, батогами и даже смертною казнью; но все это мало ослабляло злоупотребленія: не только низшіе приказные люди, даже и знатные чиновники, по словамъ указовъ, «забывали страхъ Божій, государево крестное цѣлованіе и часъ смертный для посуловъ и скверныхъ прибытковъ и мздоиманія». Наказанія за мздоимство примѣнялись очень рѣдко и со всевозможными смягченіями, «то по случаю рожденія царевича или царевны, то по случаю праздника или царскаго дня». Даже и послѣ Петра І-го практиковалась система открытаго «кормленія должностями», при чемъ воеводы запасались и на черный день.

Въ 1702 г. Петръ, желая обуздать воеводъ, издалъ указъ, коимъ повелѣвалось: «вѣдать всякія дѣла съ воеводами дворянамъ, въ большихъ городахъ по 4 и 3, въ меньшихъ по 2, и, слушавъ дѣла, указъ чинить по нихъ съ ними, воеводами, тѣмъ дворянамъ обще, и одному воеводѣ безъ дворянъ дѣлъ не вѣдать и указу никакого не чинить». Въ 1713 г. было повелѣно дворянамъ избирать ландратовъ по 12 въ большихъ и по 8 въ малыхъ губерніяхъ, причемъ обязанности ихъ заключались въ томъ, чтобы рѣшать всѣ дѣла съ губернаторомъ, который долженъ былъ быть, «не яко властитель, но яко президентъ», и, какъ таковой, имѣлъ только одно преимущество передъ остальными членами коллегіи — 2 голоса. Мѣстныя общественныя дѣла, не имѣющія общегосударственнаго значенія, Петръ намѣревался всецѣло передать «земскому управленію», по образцу Швеціи, справедливо полагая въ развитіи мѣстнаго самоуправленія найти «крѣпкое охраненіе правъ гражданскихъ», какъ основу государственнаго порядка и «фортецію правды». Введеніемъ табели о рангахъ онъ уничтожилъ послѣдніе признаки мѣстничества, поставилъ право на почетъ въ зависимость отъ личныхъ заслугъ и установилъ раздѣленіе службы на военную, гражданскую и придворную, поставивъ послѣднюю на низшую ступень. Онъ впервые сталъ привлекать на гражданскую службу иностранцевъ, заботился о подъемѣ образовательнаго уровня чиновниковъ, учреждалъ школы для обученія подьячихъ ариѳметикѣ и письмоводству, объявлялъ наборъ для зачисленія на гражданскую службу тысячи грамотныхъ дѣтей боярскихъ и приказывалъ сенату назначать высшихъ гражданскихъ чиновниковъ не иначе, какъ по баллотировкѣ. Но и сенаторы, и назначаемыя ими лица далеко не стояли на высотѣ государственныхъ требованій Петра, а губернаторы держали себя маленькими царьками, что можно заключить по слѣдующему эпизоду.

Въ 1711 г. астраханскій губернаторъ Апраксинъ, отъѣзжая въ Царицынъ, оставилъ четырехлѣтняго сына своего Алексѣя, опредѣлилъ къ нему своихъ старыхъ слугъ, которымъ приказалъ именемъ Алексѣя «всякія дѣла рѣшать». Указъ свой онъ велѣлъ

прочесть астраханскимъ жителямъ въ присутствіи сына, котораго держали подъ одѣяломъ, и по возвращеніи изъ Царицына при множествѣ людей публично благодарилъ пискуна-малютку «за мудрые поступки».

При подобныхъ исполнителяхъ дѣлопроизводство не могло быть блестящимъ. По описанію Посошкова, оно шло очень медленно и сопровождалось такою обильною перепиской, что на насъ «всѣ окрестныя государства не могли напасти бумаги». Всѣ благія начинанія царя «древностная неправда одолѣвала». Какъ и при старомосковскомъ управленіи, не было въ дѣлахъ ни правды, ни порядка. «Онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору его милліоны тянутъ»,— пишетъ Посошковъ про Петра. Благопріятную среду для произвола и поборовъ чиновниковъ представляла поголовная безграмотность народа, который вѣрилъ и покорялся каждому, кто пріѣзжалъ въ деревню «съ указомъ», не зная, что въ томъ указѣ написано. Путаницѣ понятій и отношеній много помогала и усвоенная Петромъ иностранная терминологія, при чемъ нѣкоторые изъ административныхъ терминовъ народъ передѣлывалъ по-своему, напримѣръ, экзекуцію въ «сѣкуцію», «профоса» (чинъ капитанскаго ранга) въ прохвоста и такъ далѣе. Желая поднять нравственную личность служилыхъ людей, Петръ отмѣнилъ обычай—падать ницъ передъ государемъ и снимать передъ дворцомъ шапки, запретилъ называться въ бумагахъ «холопами» и прочее.

Въ московскомъ періодѣ при маломъ развитіи грамотности приказные пополнялись наслѣдственно семействами мелкихъ чиновниковъ, священниками, лишенными сана за вступленіе во второй бракъ, военно-служилыми, ранеными и вернувшимися изъ плѣна, и проч. Въ случаѣ войны московскіе приказы закрывались, такъ какъ приказные требовались для веденія письменныхъ работъ при войскахъ. Петръ расширилъ доступъ на службу всѣмъ сословіямъ, кромѣ крѣпостныхъ и тяглыхъ людей. На службу государственную стали съ этого времени поступать «преимущественно сыновья поповъ, дьяконовъ и церковныхъ причетниковъ, какъ люди болѣе грамотные», и затѣмъ дѣти, внуки и дальнѣйшіе потомки этихъ лицъ» образовали собою «самый многочисленный разрядъ русскаго потомственнаго дворянства».

При установленной Петромъ системѣ выдачи чиновникамъ жалованія по чинамъ ихъ, у него вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и финансовыхъ затрудненій не всегда хватало денегъ, и поэтому жалованіе приказнымъ людямъ выдавалось иногда не деньгами, а товаромъ, преимущественно пушнымъ, получаемымъ въ дань отъ сибирскихъ инородцевъ. Даже въ позднѣйшихъ послѣ Петра попыткахъ найти выходъ изъ тяжелаго финансоваго кризиса встрѣчаются такія мѣры, какъ, напримѣръ, обреченіе низшихъ приказныхъ служителей на довольствованіе добровольными даяніями просителей.

Введеніе императрицей Екатериной II ассигнацій значительно облегчило затрудненіе. При этомъ чиновные тузы не рѣдко ухитрялись забирать жалованіе впередъ, а потомъ исхлопатывали указы «о невзысканіи перебраннаго жалованія съ гражданскихъ чиновъ».

Реформа Петра, упразднивъ прежнія званія бояръ, стольниковъ и т. д., ввела въ обиходъ жизни служилыхъ людей не мало новыхъ названій и титуловъ. Такъ, въ прежнее время были чины: «доменъ-совѣтниковъ», «минцмейстеровъ», были «юстицъ-раты», «губернаментъ-раты» и проч. При этомъ гражданскіе чиновники обладали склонностью переводить свои чины на военные, что имъ строго воспрещалось подъ угрозой лишенія даже и того чина, какой есть, но угрозы часто не достигали цѣли, и, какъ извѣстно, даже и теперь среди насъ есть не мало гражданскихъ генераловъ и полковниковъ. Уваженіе къ чинамъ той эпохи авторъ характеризуетъ между прочимъ рѣчью одного священника, который назвалъ Іоанна Богослова «небесной монархіи министромъ и секретаремъ тайнъ Божіихъ». А кадниковское дворянство по поводу запрещенія привозить въ городъ вино и водку жаловалось, что оно, «имѣя по военной и по гражданской службѣ штабъ и оберъ-офицерскіе чины, принуждено покупать вино въ питейныхъ домахъ съ непристойнымъ запахомъ и спеціями, что характеру (достоинству) чиновнаго дворянства противно».

Причину неудачи Петра въ борьбѣ съ своеволіемъ и взяточничествомъ чиновниковъ г. Карновичъ видитъ въ томъ, что, «призывая дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи, онъ не только не ослабилъ, но еще болѣе усилилъ опеку правительства надъ всѣми общественными и частными интересами, и вслѣдствіе этого вмѣшательство чиновничьей администраціи не знало никакихъ границъ. Самоуправленіе же прививалось очень туго, такъ какъ оно вводилось среди забитыхъ и запуганныхъ массъ», и «старомосковское подьячество продолжало здравствовать подъ новыми формами».

Въ дѣятельности административныхъ учрежденій Петръ I развивалъ коллегіальное начало и во главѣ управленія поставилъ сенатъ, возлагая на обязанность послѣдняго указомъ 1722 года для ревизіи губернскихъ администраторовъ «посылать на каждый годъ изъ сенаторскихъ членовъ по одному» въ провинціи и предоставляя всѣмъ обывателямъ право «бить челомъ», какъ на сенаторовъ, такъ и вообще на служилыхъ людей. Вскорѣ послѣ его смерти право обжалованія было упразднено, и высшіе чины фактически стали пользоваться громадною властью надъ жизнью и смертью обывателей. Такъ сенаторъ-ревизоръ графъ Матвѣевъ по пріѣздѣ въ Суздаль повѣсилъ копіиста и писца за похищеніе подушныхъ денегъ, а на другой день послѣ этой расправы по случаю тезоименитства императрицы угостилъ «всякаго

чина людей 70 человѣкъ до положенія ризъ», о чемъ счелъ долгомъ донесть въ Петербургъ. О торжествахъ той эпохи можно судить по письму московскаго главнокомандующаго Салтыкова къ Бирону. Описывая обѣдъ по случаю коронаціи Анны Іоанновны, Салтыковъ пишетъ: «обрѣтавшіеся министры и генералитетъ и статскіе чины и дамы и лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицеры — всѣ были очень шумны, такъ что иныхъ насилу на рукахъ снесли, а иныхъ развезли по домамъ. Однако же, по милости Божіей, все кончилось благополучно». Отъ веселаго житья сенаторы не много удѣляли силъ и времени служебнымъ занятіямъ, такъ что должно было состояться высочайшее повелѣніе сидѣть сенаторамъ въ присутствіи до 2-хъ часовъ, а императрица Елисавета, сверхъ того, наказывала «господамъ сенаторамъ» въ сенатѣ «не шутить», а заниматься дѣлами рачительно. Позднѣе графъ Панинъ, характеризуя нерадѣніе сенаторовъ, писалъ, что они «пріѣзжаютъ на засѣданіе, какъ гость на обѣдъ, который не знаетъ блюдъ, коими будетъ почтованъ», и на вопросы государственные, «брады свои уставя», ничего не отвѣчаютъ. Одну изъ злѣйшихъ язвъ того времени составляетъ фаворитизмъ, назначеніе на высшія должности богатыхъ и вліятельныхъ придворныхъ чиновъ и офицеровъ гвардейскихъ полковъ, мало знакомыхъ съ дѣломъ. При Елисаветѣ же впервые было введено пожалованіе чинами разбогатѣвшихъ купцовъ для того, чтобы они, какъ дворяне, могли владѣть крѣпостными. Архіереи стали жаловать чинами (слѣдовательно и дворянствомъ) своихъ консисторскихъ чиновниковъ, но это скоро было воспрещено указомъ.

Новую попытку ограниченія чиновничьяго самовластія представляло собою городовое положеніе Екатерины II, даровавшее городамъ самоуправленіе, и ея грамота дворянству, исключавшая интересы дворянства изъ вѣдѣнія губернскихъ начальствъ и предоставлявшая дворянамъ право избирать чиновниковъ на судейскія и полицейскія мѣста. Но и выбранные чиновники глядѣли на себя прежде всего, какъ на коронныхъ, и были подчинены общему начальству. При томъ же при введеніи самоуправленія дворянства и городовъ всѣ общія дѣла, охватывавшія интересы обѣихъ этихъ группъ и вообще всего населенія губерній, все же остались въ вѣдѣніи чиновниковъ. Вообще это было самоуправленіе безъ всякой самостоятельности губерній, которая при Екатеринѣ особенно сильно подавлялась назначеніемъ въ провинцію намѣстниками близкихъ къ государынѣ вельможъ съ широкими полномочіями и чрезвычайною властью. Учрежденіемъ министерствъ при Александрѣ I была уничтожена роль сената, какъ центральнаго органа управленія, и упразднено коллегіальное начало, замѣненное въ громадномъ количествѣ дѣлъ и вопросовъ единоличнымъ усмотрѣніемъ министра. Усиливая роль чиновниковъ въ центральномъ

управленіи, Александръ I пытался ограничить ихъ значеніе въ провинціи и повелѣлъ, чтобы губернаторы управляли губерніями «не своимъ лицомъ, а именемъ его императорскаго величества черезъ губернскія управленія», чтобы они не простирали своей власти за предѣлы закона, не вмѣшивались бы въ дворянскіе и городскіе выборы, не обременяли бы чиновниковъ своими домашними дѣлами и порученіями и проч. Александръ I стремился ограничить фаворитизмъ, поэтому придавалъ большое значеніе опыту и прохожденію службы и, по проекту Сперанскаго, лишилъ правъ дѣйствительной службы почетныя придворныя должности, которыя при императрицахъ давали молодымъ и въ службѣ неопытнымъ камеръ-юнкерамъ и камергерамъ доступъ на высшія должности. Аристократіи, обиженной этимъ указомъ, предоставлялось «искать почестей въ дѣлахъ, а не въ званіяхъ». Эта мѣра возбудила противъ Сперанскаго аристократію, а введеніе экзаменовъ на чины и образовательнаго и служебнаго ценза сдѣлало его ненавистнымъ всему чиновничеству. Послѣ этого указа университеты стали наполняться молодежью изъ дворянства. Тѣ же, кому премудрость не давалась, для соисканія чина должны были ѣхать на службу въ Сибирь или въ Грузію. Въ столицѣ Грузіи, благодаря худому климату, они часто умирали, такъ что тамъ даже образовалось обширное кладбище для погребенія лицъ, не дослужившихъ до чина коллежскаго ассесора. Нерѣдко въ обходъ правилъ о цензѣ на гражданскую службу перечислялись изъ военной. Такъ высоко стояла военная служба, что даже офицеры, уволенные за пьянство и другіе пороки, по словамъ Татищева, свободно поступали на гражданскую службу. При Николаѣ I вмѣсто испытаній чиновниковъ были установлены «разряды по воспитанію» и для привлеченія на службу дворянъ также «разряды по происхожденію» съ различными льготами для потомственныхъ дворянъ, а въ 1856 году всѣ эти разряды были уничтожены, и служебныя права всѣхъ были уравнены. Усиленіе центральнаго чиновничества вмѣстѣ съ подъемомъ служебнаго и образовательнаго ценза въ эпоху Сперанскаго повело къ пышному развитію формализма и канцеляризма. Всѣ вопросы жизни провинціи рѣшались на бумагѣ заглазно на основаніи писанныхъ законовъ, по соображеніямъ канцелярій; весь механизмъ управленія сталъ бумажнымъ. Кромѣ «канцелярскаго слога», въ эту эпоху зародился «слогъ министерскій». На ряду съ этимъ встрѣчается цѣлый рядъ попытокъ регламентировать положеніе чиновника. Издаются указы, воспрещающіе чиновникамъ вступать въ откупы (по своимъ вѣдомствамъ), записываться въ гильдіи и служить прислугою въ барскихъ домахъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе тщеславныхъ баръ нанимали вольноотпущенныхъ, вышедшихъ въ классные чины, къ себѣ въ кучера, лакеи и проч. Мелкимъ приказнымъ нерѣдко жилось такъ тяжело, что они съ удовольствіемъ шли въ барскій домъ на сытую долж-

ность. Для облегченія ихъ положенія имъ разрѣшено было совмѣщать разныя должности, но оказалось впослѣдствіи, что этимъ правомъ совмѣстительства воспользовались только высшіе чины съ большими окладами. Конецъ царствованія Александра I ознаменовался опросомъ всѣхъ чиновниковъ, не принадлежатъ ли они къ массонскимъ ложамъ и инымъ сообщничествамъ, и строгимъ воспрещеніемъ русскимъ чиновникамъ: «нигдѣ и ни на какомъ языкѣ» не издавать сочиненій, касающихся дѣлъ Россійскаго государства, безъ дозволенія начальства.

Излишество бюрократизма авторъ объясняетъ излишествомъ государственной опеки. И теперь еще въ «сводѣ законовъ» можно прочесть, напримѣръ, предписанія о сушкѣ кирпича, обжиганіи глины, о молотьбѣ хлѣба, даже о топкѣ печей, изъ которыхъ повелѣвается вынимать предварительно золу и т. д. Для того, чтобы чиновничество не было зломъ, а полезною государственною силою, необходимо ограничить его дѣятельность предѣлами чисто государственныхъ интересовъ. Для этого, какъ отдѣльнымъ гражданамъ, такъ и органамъ самоуправленія должно предоставить право вполнѣ самостоятельно дѣлать свое дѣло. Выборные и общественные дѣятели должны быть поставлены болѣе независимо. Необходимо также расширить право обжалованія дѣйствій чиновниковъ передъ судомъ по иниціативѣ потерпѣвшихъ и независимо отъ усмотрѣнія начальства. Кромѣ того, авторъ считаетъ своевременнымъ общій пересмотръ нашего гражданскаго дѣлопроизводства, надѣясь, что такая мѣра приведетъ къ упрощенію дѣла, къ болѣе правильному распредѣленію труда и сокращенію штатовъ. Вообще бюрократія, какъ необходимый органъ государства, должна быть поставлена въ опредѣленные предѣлы и границы, указываемые интересами государства и народа.

И. Гофштеттеръ.

„НЕВѢЖЕСТВО“ ИЗДАТЕЛЯ И „ГЛУПОСТЬ“ ЦЕНЗОРА.

Ъ КОНЦѢ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ издавался журналъ «Атеней», «журналъ наукъ, искусствъ и изящной словесности, съ присовокупленіемъ записокъ для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ». Это оригинальное изданіе, какъ видно уже изъ самаго заглавія, стремилось соединить въ себѣ начала теоретическія и практическія, короче—сблизить науку и жизнь. Издателемъ-редакторомъ «Атенея» былъ извѣстный профессоръ Московскаго университета М. Г. Павловъ, читавшій лекціи по различнымъ отдѣламъ естествознанія и сельскому хозяйству, пользовавшійся большою популярностью, какъ лекторъ, среди молодежи и стоявшій въ свое время во главѣ такъ называемаго шеллингистскаго движенія. Вспоминая дни своего студенчества въ «Быломъ и думахъ», Герценъ такъ обрисовываетъ оригинальную фигуру университетскаго натуръ-философа: «физикѣ мудрено было научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студентовъ вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?» это чрезвычайно важно: наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія, одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, за то совершенно превратное. Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ изла-

галъ ученіе Шеллинга и Окена съ такою пластическою ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія».

Приверженность издателя «Атенея» къ туманнымъ началамъ Шеллинговой философіи имѣла рѣшающее вліяніе и на характеръ его журнала: натуръ-философіи отводилось здѣсь широкое мѣсто, и редакторъ стремился проводить свои излюбленныя теоріи не только въ отдѣлахъ научныхъ, «Смѣси» или части, посвященной прикладнымъ знаніямъ, но также и въ беллетристикѣ. Образцомъ такой редакторской послѣдовательности служилъ между прочимъ небольшой переводный очеркъ «Антропологическая прогулка», напечатанный въ отдѣлѣ «Словесности» мартовской книги журнала за 1829 годъ. Назначеніе этого очерка было показать на разныхъ примѣрахъ изъ жизни людской важность антропологической науки, которая, по мѣрѣ своего развитія, даетъ возможность точно различать людей, какъ и животныхъ, по родамъ, классамъ и видамъ. «Частныя непредвидимыя обстоятельства такъ много измѣняютъ наше тѣло и душу, — говоритъ авторъ, — что слонъ и колибри, страусъ и дикая коза едва ли различаются между собою болѣе, нежели многіе люди». Въ числѣ примѣровъ вліянія обстоятельствъ на радикальное наше измѣненіе анонимный авторъ приводитъ слѣдующій: «Возьмемъ нашихъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ,—разсуждаетъ онъ,—изъ которыхъ многіе кажутся для меня неизъяснимыми аномаліями (anomalie, уклоненіе, несходство), разстраивающими всѣ полученныя понятія, заставляющими сомнѣваться въ превосходствѣ правила мудраго надъ силою привычки и полагать, что пребываніе Аннибала въ Капуѣ не имѣло на судьбу его того вліянія, которое оному приписываютъ. Взгляните на ихъ щегольской нарядъ, на ихъ изнѣженность, на принужденность ихъ обращенія. Посмотрите, какъ они убиваютъ цѣлые дни въ самыхъ пустыхъ занятіяхъ; по три, по четыре часа сидятъ за деликатнымъ столомъ; разбираютъ съ утомительною подробностію достоинство какого нибудь новаго блюда; проводятъ часть вечера съ хорошенькою модисткою или зѣваютъ въ оперѣ. Всѣ ихъ ученыя занятія ограничиваются чтеніемъ новаго романа, и ихъ однообразное существованіе пробуждается только за карточнымъ столомъ. Вѣроятно, нельзя выдумать образа жизни, болѣе способнаго питать трусость и превратить самаго Марса въ сибарита. Но возгорѣлась война, и сіи раздушенные щеголи летятъ въ армію. Одной минуты довольно превратить ихъ въ героевъ: они не думаютъ о трудностяхъ похода, стремятся къ опасности; презираютъ смерть; они готовы идти цѣлый день, бодрствовать цѣлую ночь; они спятъ тамъ и тогда, когда можно, ѣдятъ, какъ собаки, и сражаются, какъ львы».

Это разсужденіе общаго свойства авторъ иллюстрируетъ примѣ-

ромъ дѣйствій и поведенія одного гвардейскаго полковника, а затѣмъ уже научно выводитъ отсюда заключеніе: «Подобныя specimens, безъ сомнѣнія, могутъ затруднять наблюдателей, но въ другихъ отрасляхъ зоологіи встрѣчаются точно такія же. Самка фазана принимаетъ иногда перья самца: зародышъ, который въ мирное время пчелиной республики произвелъ бы пчелу работницу, произведетъ царицу въ обстоятельствахъ трудныхъ. Хризалида, или куколка, изъ которой долженъ былъ выйти слабый червь, часто производитъ кровожаднаго ихнеймона (насѣкомое)». Въ концѣ слѣдуетъ разсужденіе о задачахъ антропологіи и тѣхъ будущихъ практическихъ результатахъ, которые она можетъ доставить человѣческому обществу.

Маленькій переводный очеркъ «Антропологическая прогулка» не выдѣлялся въ сущности никакими особенными достоинствами — ни реторически распространеннымъ изложеніемъ примѣровъ, ни какими либо яркими и блещущими новизною выводами. Онъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ многочисленныхъ статеекъ, коими натуръ-философъ Павловъ любилъ угощать своихъ немногочисленныхъ читателей, стремясь пропагандировать и популяризировать въ массѣ свои излюбленныя философскія и научныя доктрины. Врядъ ли очеркъ даже и обратилъ на себя особенное вниманіе читателей и, вѣроятно, его участь была погибнуть въ морѣ читательскаго забвенія, если бы... если бы сюда ни примѣшалось совсѣмъ особаго рода обстоятельство, характерное для Николаевскаго царствованія и имѣвшее серьезныя послѣдствія для историческихъ судебъ нашей журналистики и литературы вообще. Дѣло въ томъ, что мартовская книжка «Атенея» какъ-то попала въ руки пѣстуна нашей гвардіи, великаго князя Михаила Павловича, была имъ прочитана и вызвала въ немъ негодованіе; въ словахъ англійскаго писателя, можетъ быть, не подозрѣвавшаго о существованіи фаворизированной части войска въ Россіи, великій князь усмотрѣлъ выраженія «нелѣпыя и неприличныя» насчетъ русскихъ гвардіи офицеровъ. Маленькія событія иногда имѣютъ и крупныя послѣдствія; такъ и въ настоящемъ случаѣ: Михаилъ Павловичъ изложилъ свое неудовольствіе на издателя «Атенея» графу Бенкендорфу, а послѣдній поспѣшилъ дать дѣлу законный ходъ. Шефъ жандармовъ сдѣлалъ слѣдующее на высочайшее имя представленіе.

«Его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ препроводить ко мнѣ книжку русскаго, издающагося въ Москвѣ, журнала «Атеней», въ коемъ помѣщена статья, подъ заглавіемъ «Антропологическая прогулка», переведенная, какъ по всему вѣроятію кажется, изъ англійскаго языка, но заключающая въ себѣ выраженія нелѣпыя и неприличныя на счетъ гвардіи офицеровъ.

«Статья сія произвела весьма непріятное впечатлѣніе на его высочество и можетъ произвести справедливое негодованіе въ молодыхъ офицерахъ.

«Хотя сія статья, по строгомъ разбирательствѣ, не можетъ быть признана умышленно дерзновенною и преступною, но нельзя не замѣтить, съ одной стороны, неосторожность и даже глупость цензора, оную пропустившаго, а съ другой неосмотрительность и, можно сказать, невѣжество издателя журнала, г. Павлова, который занимаетъ мѣсто профессора въ Московскомъ университетѣ.

«Случай сей осмѣливаетъ меня всеподданнѣйше испросить высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія предписать всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ о доставленіи въ III отдѣленіе собственной вашего величества канцеляріи по одному экземпляру всѣхъ выходящихъ въ государствѣ журналовъ и публичныхъ листовъ, дабы имѣть способъ удобнѣе наблюдать за духомъ періодической литературы и предотвращать неблагопріятныя впечатлѣнія и толки. Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ».

На означенномъ представленіи 1-го сентября 1829 года послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что чисто-научная, антропологическая переводная статейка «Атенея» вызвала оригинальное критическое отношеніе къ ней шефа жандармовъ: выдающійся ученый Московскаго университета, профессоръ М. Павловъ, былъ обвиненъ въ «невѣжествѣ», а цензоръ, В. Измайловъ, санкціонировавшій своей подписью книгу,—небезызвѣстный тоже писатель, поклонникъ Жанъ-Жака Руссо и послѣдователь Карамзина,—былъ изобличенъ въ «глупости». Канцелярія шефа жандармовъ разсудила, что она просвѣщеннѣе и умнѣе, а потому рѣшила поставить періодическую печать подъ свой неослабный надзоръ. «Невѣжество» издателя-редактора и «глупость» цензора оказали русской литературѣ печальную службу: докладъ шефа жандармовъ послужилъ первымъ шагомъ къ тому, что отнынѣ III отдѣленіе стало все болѣе и болѣе вникать въ дѣла печати, а это въ свою очередь имѣло конечнымъ результатомъ полное ея изъятіе изъ вѣдомства просвѣщенія и созданіе для нея особаго органа управленія.

Б. Г.

НА ОБЩЕСТВЕННОЙ СЛУЖБѢ.

(50-ти-лѣтіе научно-литературной и общественной дѣятельности М. М. Стасюлевича).

ОЛВѢКА тому назадъ, совѣтъ Петербургскаго университета вручилъ своему бывшему питомцу, студенту Михаилу Стасюлевичу, дипломъ на званіе кандидата философскихъ наукъ, по разряду общей словесности. Молодой кандидатъ уже на студенческой скамьѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своими отличными способностями, знаніями и прилежаніемъ; въ академическій семестръ 1846—1847 г. имъ была представлена обстоятельная конкурсная работа на латинскомъ языкѣ по греческой словесности, имѣвшая содержаніемъ критику текста Иліады и Одиссеи, за каковую работу онъ и былъ награжденъ серебряною медалью. По окончаніи курса наукъ, М. М. Стасюлевичъ былъ оставленъ при университетѣ для продолженія занятій и для приготовленія къ магистерскому экзамену. Съ этого-то момента и начинается исчисленіе научно-общественной дѣятельности почтеннаго юбиляра, не прекращающейся и понынѣ на пользу русскаго просвѣщенія и вызывающей въ текущіе дни всеобщую признательность и лестную оцѣнку.

Въ 1849 г. М. М. Стасюлевичъ представилъ факультету диссертацію по всеобщей исторіи «Объ Аѳинской игемоніи», по защитѣ каковой и удостоенъ былъ званія магистра всеобщей исторіи, а черезъ два года онъ получилъ слѣдующее ученое званіе,—доктора историческихъ наукъ за трудъ «Ликургъ Аѳинскій». Обѣ эти

работы хотя и открыли молодому ученому—ему только что минуло 25 лѣтъ отъ роду—путь къ университетской каѳедрѣ, однако причинили и немало огорченій со стороны придирчивой критики. Объ этомъ литературномъ инцидентѣ даетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія г. Барсуковъ, въ одиннадцатой книгѣ своего «Погодина», характеризующія какъ нельзя лучше публицистическую физіономію г. Стасюлевича, его открытый всегда способъ дѣйствій и корректность поведенія.

Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ 1849 г. состоялась въ Москвѣ защита докторской дессертаціи Т. Н. Грановскаго «Аббатъ Сугерій», вызвавшей къ себѣ вниманіе ученыхъ и литературныхъ кружковъ обѣихъ столицъ. Г. Стасюлевичъ, вступившій уже въ то время на литературное поприще, послалъ въ «Москвитянинъ» Погодина рецензію на работу московскаго ученаго, гдѣ высказался несочувственно по поводу разсужденія Грановскаго о задачахъ научнаго изслѣдованія. Авторъ «Аббата Сугерія» предъявлялъ къ наукѣ требованія практической пользы, ея примѣнимости къ жизни и занимательности. Опровергая это мнѣніе, г. Стасюлевичъ говорилъ: «Мнѣ кажется, не наука должна спускаться съ своей высоты, чтобы доставить занимательность возможно большой массѣ общества, а скорѣе само общество должно стараться о своемъ возвышеніи, чтобы умѣть понимать занимательность науки. И, наконецъ, къ чему бы послужило такое униженіе науки для занимательности? Сдѣлавшись занимательною, она утратила бы свой характеръ, и слѣдовательно перестала бы быть наукой... мы смѣемъ утверждать, что если наука и должна быть занимательна, то только для немногихъ, какъ и всѣ другіе предметы имѣютъ каждый свою занимательность. Ученый, заботящійся о всеобщей занимательности своихъ ученыхъ трудовъ, подвергается опасности измѣнить наукѣ и впасть въ беллетристику. Еще менѣе должна, кажется, наука заботиться о пользѣ, или, какъ выразился точнѣе Грановскій, о приложимости своего знанія къ пользамъ общества... Кто изъ насъ, бывъ еще дитятею, при познаніи того или другого предмета имѣлъ въ виду пользу?.. Если же такъ безкорыстенъ источникъ познанія въ ребенкѣ, то неужели наука должна ему уступить въ своей безкорыстности?.. Къ наукѣ лучше всего можно примѣнить извѣстное выраженіе: fiat justitia, pereat mundus. При томъ мы совершенно не понимаемъ, откуда является упрекъ истинно научнымъ занятіямъ въ ихъ безплодности и безполезности. Все происходитъ отъ того односторонняго матеріальнаго понятія о пользѣ, которое можно назвать даже меркантилизмомъ... Въ прошедшемъ столѣтіи энциклопедисты поставили себѣ задачею сдѣлать науку примѣняемою къ практической жизни. Всякій знаетъ, къ чему это повело. О наукѣ справедливо можно сказать: имѣй въ виду въ наукѣ науку, а остальное приложится».

Приведенныя слова рельефно рисуютъ намъ физіономію мо-

лодого ученаго, увлеченнаго своимъ призваніемъ, стремящагося стать чистымъ жрецомъ науки и желающаго охранить отъ нея всякій осадокъ уличной пыли. Ради нея г. Стасюлевичъ рѣшается ополчиться даже противъ тогдашняго кумира молодежи—Т. Н. Грановскаго. Такого рода смѣлость, конечно, не могла пройти ему даромъ, и на защиту учителя выступилъ его поклонникъ, В. М. Леонтьевъ, который съ своей стороны помѣстилъ въ томъ же «Москвитянинѣ» придирчивую и строгую рецензію на магистерскую диссертацію Стасюлевича, встрѣтившую добрый привѣтъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и на страницахъ вліятельнаго «Современника». Рецензія Леонтьева была настолько пристрастна и такъ явно обнаруживала, откуда проистекаетъ непріязненное чувство писавшаго ее, что Погодинъ, ради смягченія производимаго впечатлѣнія, счелъ нужнымъ прибавить къ ней отъ себя небольшое примѣчаніе: «Эта рецензія вызвана, кажется,—писалъ онъ,—рецензіей самого Стасюлевича, которую мы помѣстили въ послѣднемъ нумерѣ... Гораздо лучше, еслибъ сія послѣдняя была опровергнута положительно». Обиженный авторъ «Аѳинской игемоніи» сохранилъ, однако, полное чувство собственнаго достоинства и отвѣчалъ своему критику спокойно и съ вѣрой въ правоту выставленныхъ положеній. «Мы въ своей рецензіи на сочиненіе Грановскаго думали исполнить только одну изъ самыхъ простыхъ обязанностей рецензента: внести ее въ протоколъ науки,—писалъ г. Стасюлевичъ въ «Москвитянинѣ». На недостатки и промахи мы совсѣмъ почти не указывали и даже извиняли ихъ, какъ необходимое слѣдствіе положенія науки о средней исторіи. Леонтьевъ въ своемъ косвенномъ защищеніи Аббата Сугерія ничего не приводитъ въ опроверженіе высказанной нами главной мысли о сочиненіи Грановскаго, и какъ будто бы tacite соглашается съ нами, потому что сущность его защищенія состоитъ въ слѣдующемъ: если авторъ Аѳинской игемоніи—предмета древней исторіи, гдѣ всѣ источники хорошо обработаны и приготовлены,—былъ въ своей магистерской диссертаціи такъ неоснователенъ и ошибоченъ, то тѣмъ болѣе все это извинительно автору докторской диссертаціи, предметъ которой заимствованъ изъ средней исторіи, а потому не имѣетъ такихъ обширныхъ пріуготовленныхъ средствъ. Мы отказывались рѣшительно отъ чести выдавать себя за мѣрило достоинства чужихъ трудовъ: недостатки магистерской диссертаціи не могутъ оправдывать недостатковъ диссертаціи докторской. Но мы не будемъ болѣе говорить объ этой сторонѣ рецензіи Леонтьева, а потому оставимъ безъ вниманія и всѣ тѣ личности, на которыя авторъ былъ вызванъ невольно своей косвенной апологіей. Наша рецензія на Аббата Сугерія немного потеряетъ отъ того, что кто нибудь будетъ видѣть въ ней одну нашу склонность къ процессу писанія, по крайней мѣрѣ она потеряетъ столько, сколько можетъ

выиграть отъ подобнаго голословнаго обвиненія самъ авторъ Сугерія. Мы писали не ex officio и обращались не къ мелочамъ, какъ то дѣлаютъ другіе рецензенты»...

Леонтьевъ снова сердито отвѣчалъ г. Стасюлевичу, и опять Погодинъ вынужденъ былъ взять подъ свою защиту петербургскаго рецензента «Москвитянина». Кромѣ Леонтьева, на автора «Игемоніи» напали и «Отечественныя Записки», гдѣ ему особенно досталось отъ И. К. Бабста. Такимъ образомъ, начало литературной и

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ.

ученой дѣятельности нынѣшняго редактора «Вѣстника Европы» ознаменовалось усиленными полемиками, выходками противъ него, что имѣло нѣкоторыя неблагопріятныя для него послѣдствія и въ дальнѣйшемъ. Къ числу таковыхъ послѣдствій должно быть отнесено то, что, когда появилась его докторская диссертація «Ликургъ Аѳинскій», печать эту выдающуюся ученую работу намѣренно замалчивала. Этимъ ему нѣкоторымъ образомъ мстили за независимое отношеніе къ диссертаціи Грановскаго и за провозглашеніе обособленности науки отъ житейскихъ треволненій. Было очевидно, что

г. Стасюлевичъ желаетъ идти въ своихъ работахъ независимымъ путемъ, не приписываясь ни къ какимъ приходамъ и не сгибая головы передъ кумирами толпы. По этому предмету онъ даже однажды писалъ Погодину: «я намѣренъ оставаться вѣрнымъ принятому разъ правилу: говорить правду и не отвѣчать на выходки».

Нельзя не отмѣтить здѣсь, что старикъ Погодинъ, который по всему складу общественныхъ симпатій никоимъ образомъ не подходилъ въ сущности подъ масть молодому петербургскому ученому, встрѣтилъ его первые научные успѣхи чрезвычайно тепло, поспѣшилъ завязать съ нимъ сношенія и привлечь его къ своему журналу. М. М. Стасюлевичъ очень цѣнилъ такое къ себѣ вниманіе и писалъ редактору «Москвитянина»: «Что касается до вашего приглашенія мнѣ участвовать въ составленіи рецензій на статьи и по всеобщей исторіи, то это трудъ для меня весьма лестный, я не пропущу случая воспользоваться вашимъ приглашеніемъ. Еще разъ благодарю васъ, Михаилъ Петровичъ, за ваше снисходительное ко мнѣ вниманіе и за вашъ обязательный подарокъ, который я надѣюсь получить вмѣстѣ съ обѣщанными вами оттисками моей статьи».

Подарокъ, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, была безплатная высылка «Москвитянина», которою счастливый издатель получилъ возможность разсчитаться съ своимъ сотрудникомъ, отказавшимся отъ денежнаго гонорара. Сотрудничество г. Стасюлевича въ узкопатріотическомъ и консервативномъ органѣ Погодина не было случайнымъ и мимолетнымъ. Кромѣ рецензіи, онъ помѣстилъ здѣсь и свою большую статью: «Защита Кимонова мира», которая имъ была представлена Петербургскому университету pro venia legendi.

По представленіи поименованныхъ трудовъ, М. М. Стасюлевичъ былъ избранъ въ адъюнкты университета [1]) и до 1856 г. читалъ исторію среднихъ вѣковъ отъ крестовыхъ походовъ до XVI столѣтія; въ то же время онъ преподавалъ исторію въ патріотическомъ институтѣ. Въ 1856 г. онъ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ преподаваніемъ исторіи въ университетахъ Германіи и Франціи; въ теченіе двухлѣтней командировки онъ посѣтилъ Италію, Францію, Англію и Германію, осматривая музеи искусствъ и древностей и слушая лекціи въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Боннѣ и Берлинѣ. Избранный по возвращеніи изъ-за границы въ экстраординарные профессоры, г. Стасюлевичъ преподавалъ съ 1858 г. до 1861 г. опять исторію среднихъ вѣковъ, излагая въ каждый учебный курсъ одинъ какой нибудь періодъ, причемъ, для ближайшаго ознакомленія слушателей съ жизнью и воззрѣніями

---

[1]) Съ 1850 г. онъ состоялъ старшимъ учителемъ исторіи въ Ларинской гимназіи, гдѣ нѣкогда кончилъ курсъ и куда поступилъ изъ Лугскаго уѣзднаго училища.

разсматриваемаго времени, читалъ отрывки изъ сочиненій писателей, служащихъ источниками; кромѣ того, онъ держалъ и курсы спеціальные, посвящавшіеся разбору источниковъ; такъ, въ 1858—1859 гг. разбиралъ сочиненіе Луитпранда «De legatione Constantinopolitana; въ 1859—1860 г.—«Ассизы Іерусалимскаго королевства» и читалъ «Исторію происхожденія англійскаго парламента», а въ 1860—1861 гг.—очеркъ философско-историческихъ системъ, подъ названіемъ «Исторіоматія въ ея связи съ общимъ развитіемъ цивилизаціи».

За этотъ періодъ времени (до 1861 г.) имъ былъ напечатанъ рядъ книгъ и статей, изъ коихъ главнѣйшія—«Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ», «Александръ Авонотихатъ и его время», «Ахенъ и его историческіе памятники эпохи Карловинговъ», «Годичные акты средневѣковыхъ университетовъ въ связи ихъ съ эпохою Возрожденія», «О руководствахъ къ студенческой жизни въ средніе вѣка», «О провинціальномъ бытѣ Франціи въ эпоху Людовика XIV» и др.

Обширная научно-литературная дѣятельность г. Стасюлевича за десятилѣтіе 1851—1861 гг. создала ему среди товарищей профессоровъ и вообще въ ученомъ мірѣ репутацію солиднаго и трудолюбиваго историка, а лекторство въ аудиторіяхъ сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ и любимымъ среди молодежи. Самъ офиціальный историкъ С.-Петербургскаго университета, г. Григорьевъ свидѣтельствуетъ по настоящему предмету, что «такого знатока и краснорѣчиваго истолкователя среднихъ вѣковъ, какимъ былъ профессоръ Стасюлевичъ, университетъ не видалъ у себя ни прежде, ни послѣ него». А вотъ въ какихъ воспоминаніяхъ вылился образъ профессора Стасюлевича у одного изъ его бывшихъ слушателей черезъ тридцать почти лѣтъ времени. «Однимъ изъ первыхъ, произведшихъ на меня наиболѣе сильное впечатлѣніе, былъ профессоръ всеобщей исторіи, нынѣ извѣстный дѣятель по народному образованію и редакторъ «Вѣстника Европы», журнала хорошо извѣстнаго всему образованному обществу, М. М. Стасюлевичъ, читавшій общій курсъ исторіи европейской цивилизаціи и привлекавшій къ себѣ на лекціи особенно много студентовъ и публики»,—говоритъ г. В. Острогорскій въ извѣстной уже читателямъ «Историческаго Вѣстника» книгѣ «Изъ исторіи моего учительства». Не берусь судить о степени научной цѣнности этихъ лекцій, отдаленныхъ болѣе чѣмъ на тридцать лѣтъ отъ настоящаго времени, но скажу одно, что впечатлѣніе, ими производимое, было очень большое. Это былъ лекторъ-популяризаторъ блестящій, необыкновенно умѣвшій заинтересовать, увлечь, что называется, захватить всю аудиторію такъ, что напряженное вниманіе слушателей не ослабѣвало отъ начала лекціи до конца. Люди, слушавшіе лекціи въ Парижѣ, говорили, что манерой, дикціей, ясностью, плавностью и красотой рѣчи,

умѣньемъ живо обрисовать эпоху, онъ напоминалъ лекторовъ французовъ. Такъ ли это, не знаю, но, ознакомившись съ Гизо, Тьерри, Мишле, Тэномъ, я нашелъ въ отношеніи формы, манеры между ними и нашимъ профессоромъ много общаго, и думаю, что именно такой лекторъ, какъ М. М. Стасюлевичъ, бившій не столько на факты, сколько на обобщенія, освѣщеніе событій, раскрытіе внутренней между ними связи и ихъ смысла, былъ особенно полезенъ для насъ, студентовъ... М. М. Стасюлевичъ впервые указалъ намъ на значеніе исторіи, объяснилъ великое значеніе цивилизаціи, показалъ, изъ какихъ элементовъ она въ Европѣ слагалась, выдѣлилъ и поставилъ ярко передъ нами изъ событій важнѣйшія. Онъ первый указалъ на значеніе историческихъ источниковъ и исторической критики и сдѣлалъ ясною дотолѣ неподозрѣваемую нами связь между исторіями разныхъ національностей и всѣмъ человѣчествомъ, идею прогресса и регресса, существованіе и значеніе историческихъ законовъ. Этими своими лекціями онъ, такъ сказать, открылъ намъ историческую Европу, впервые показавъ, что такое настоящая исторія, и обратилъ къ чтенію историческихъ писателей иностранныхъ, какъ Гизо, Тьерри, Мишле, Маколей, Гиббонъ, Бокль, и русскихъ, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Ешевскій. Чтеніе этихъ писателей, по крайней мѣрѣ, у меня было вызвано именно этими лекціями М. М. Стасюлевича, сумѣвшаго соединить простоту и доступность изложенія съ идейнымъ содержаніемъ».

Кромѣ чтенія обыкновенныхъ лекцій студентамъ, на профессора Стасюлевича было также возложено (1860 г.), совмѣстно съ нѣкоторыми другими товарищами, и руководство кандидатами на приготовленіе къ учительскому званію—12 человѣкъ для здѣшняго округа, 8—для Виленскаго, 5—для Кавказскаго и 5—для Варшавскаго. Точно также ревностное участіе принималъ профессоръ въ устройствѣ публичныхъ лекцій, предназначенныхъ къ пополненію студенческой кассы вспомоществованія; имъ были прочитаны на таковыхъ публичныхъ чтеніяхъ—«О провинціальномъ бытѣ Франціи въ концѣ XVII» и о «Маркѣ Авреліи».

Плодотворная научно-педагогическая и литературная дѣятельность г. Стасюлевича, разростаវшаяся съ каждымъ годомъ все сильнѣе и пышнѣе, разбилась, однако, о печальную годину студенческихъ безпорядковъ 1861 года, достаточно обрисованную уже на страницахъ «Историческаго Вѣстника», по случаю 75-лѣтней годовщины С.-Петербургскаго университета [1]). Г. Стасюлевичъ вмѣстѣ съ четырьмя другими товарищами, стремившимися внести въ розыгравшіяся страсти чувство спокойствія, начала полюбовнаго соглашенія и взаимнаго довольства, не нашелъ для себя наканунѣ введенія новаго устава возможнымъ оставаться въ университетѣ и сохранить

---

[1]) «Истор. Вѣстн.», 1894 г., № 2.

профессорское званіе; онъ подалъ наравнѣ съ своими товарищами-единомышленниками въ отставку и навсегда распростился съ тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ протекла его золотая молодость и которое такъ тепло привѣтствовало первые годы его общественной дѣятельности. Вспоминая черезъ десять лѣтъ этотъ вынужденный грустный моментъ подачи въ отставку, г. Спасовичъ такъ обрисовываетъ его [1]): «Нѣкоторые изъ насъ нашли полезнымъ и согласнымъ съ обязанностями своими къ университету выжидать перемѣнъ, оставаться на мѣстѣ, сохранить свои способности и силы на будущее время. Ихъ ожиданія оправдались, перемѣны наступили довольно скоро; эти лица и теперь продолжаютъ въ университетѣ свою полезную учебную дѣятельность. Другіе же члены совѣта сочли съ своей точки зрѣнія необходимымъ выйти изъ университета и подать прошеніе объ отставкѣ. Такая точка зрѣнія имѣла свои не менѣе важныя основанія и побужденія помимо... замѣчанія попечителя, напоминавшаго намъ, что слѣдуетъ выходить въ отставку тѣмъ, кто считаетъ невозможнымъ исполнять приказанія по службѣ. Вообще тяжело и невыносимо было чувство невозможности помочь дѣлу при самыхъ добрыхъ желаніяхъ и искреннихъ предложеніяхъ услугъ, которыя были однако... отвергнуты. Наконецъ, до нѣкоторой степени можно было думать, что отставка наша поможетъ дѣлу хотя отрицательно, съ ущербомъ для насъ лично: прошеніе объ отставкѣ было уже не одно разсужденіе, а дѣйствіе: оно могло послужить доказательствомъ искренности нашего убѣжденія въ невозможности идей новаго министерства, а слѣдовательно и въ необходимости иного порядка вещей. Къ числу профессоровъ, раздѣлявшихъ такое мнѣніе, принадлежали 5 человѣкъ: К. Д. Кавелинъ, В. И. Утинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ и я. Не желая, чтобы нашъ выходъ имѣлъ видъ демонстраціи, мы рѣшились подать наши прошенія не разомъ, а по одиночкѣ... Вслѣдъ за нами удалился и нашъ ректоръ Плетневъ».

Уходъ г. Стасюлевича изъ университета и его поведеніе во время передряги 1861 года ставились ему нашей печатью извѣстнаго пошиба въ тяжкое обвиненіе и истолковывались крайне недобросовѣстно. Въ такомъ именно направленіи особенно рѣзко высказались однажды (въ 1869 году) «Московскія Вѣдомости», любившія вообще направлять свои громы и молніи противъ литературной и общественной дѣятельности бывшаго петербургскаго профессора. Отвѣчая газетѣ Каткова и разъясняя роль своего товарища во время университетской исторіи 1861 года, В. Д. Спасовичъ на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» писалъ [2]): «Г. Стасюлевичъ во все время шелъ съ огромнымъ большинствомъ членовъ совѣта. Въ отставку

---

[1]) «Сочиненія», т. IV.

[2]) 1869 г., № 214.

подалъ онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей задолго еще до перемѣны въ главномъ управленіи вѣдомства народнаго просвѣщенія, и когда еще не предвидѣлось время открытія университета. Этотъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ профессоровъ былъ чисто дѣломъ ихъ личныхъ убѣжденій; доказательствомъ того, что онъ не былъ вынужденъ отношеніями къ ихъ начальству, можетъ служить то обстоятельство, что г. Стасюлевичъ и нѣкоторые другіе изъ подавшихъ въ отставку были приглашены новымъ министромъ народнаго просвѣщенія къ участію въ составленіи новаго университетскаго устава, въ который и вошли многія изъ любимыхъ ими идей. Что выходъ г. Стасюлевича въ отставку не былъ результатомъ дурныхъ отношеній къ молодежи, это доказывается тѣмъ, что когда въ началѣ 1862 года бывшей университетской молодежи разрѣшено было устроить публичныя лекціи въ городской думѣ, она обратилась къ г. Стасюлевичу, котораго лекціи были изъ числа всего болѣе посѣщаемыхъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что бывшій профессоръ въ первое время ухода изъ университета не разрывалъ окончательно связи съ своей alma mater и съ учащеюся молодежью, къ которой онъ такъ гуманно и искренно относился въ тяжелую для нея годину бурныхъ треволненій и взрыва страстей. Продолжалъ онъ также неутомимо и свою научно-литературную дѣятельность, обогащая нашъ книжный рынокъ выпускомъ капитальныхъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій. Выпустивъ подъ своей редакціей въ 1861 году переводъ перваго тома «Исторіи цивилизаціи» Гизо, онъ, будучи уже въ отставкѣ, самъ лично перевелъ два тома «Исторіи Юлія Цезаря» Наполеона; кромѣ того, напечаталъ три тома составленной имъ «Исторіи среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдователяхъ» (Спб., 1863—1865), и «Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи» (Спб., 1866 г.). Послѣдніе оба труда, по свидѣтельству свѣдущихъ лицъ, были явленіемъ въ нашей литературѣ «совершенно новымъ, какъ по мысли, такъ и по содержанію». Кромѣ такого рода дѣятельности, г. Стасюлевичъ не оставлялъ совершенно и педагогики: съ 1862 года онъ былъ приглашенъ къ чтенію лекцій цесаревичу Николаю Александровичу.

1866 годъ былъ годомъ знаменательнымъ въ жизни г. Стасюлевича: ему удалось сплотить своихъ бывшихъ товарищей, покинувшихъ съ нимъ вмѣстѣ университетъ, въ тѣсную литературную группу и основать «Вѣстникъ Европы», журналъ исторіи, литературы и науки, замѣнившій профессорамъ покинутыя ими каѳедры. Въ прошломъ, 1896 году, журналъ этотъ справилъ тридцатилѣтнюю годовщину своего существованія и, будучи однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ органовъ ежемѣсячной прессы, исключительно обязанъ своему редактору-издателю тѣмъ почетнымъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ въ исторіи русской періодической печати. «Вѣстникъ Евро-

пы» является журналомъ съ строго выработаннымъ и послѣдовательно проводимымъ направленіемъ, которое, внѣ всякой конкурренціи, ставитъ его во главѣ либеральной нашей печати западнической фракціи. Здѣсь не мѣсто входить въ обстоятельную оцѣнку значенія этого журнала для русской жизни; можно безошибочно сказать, что значеніе это было за послѣднія тридцать лѣтъ немалое, и будущему историку прогрессивныхъ русскихъ теченій второй половины текущаго столѣтія придется почерпнуть изъ внутреннихъ обозрѣній «Вѣстника Европы» черезвычайно цѣнный матеріалъ для уразумѣнія многихъ событій отечественной дѣйствительности. Занимая боевое положеніе въ журналистикѣ, органъ г. Стасюлевича наравнѣ съ пламенными поклонниками имѣетъ, конечно, немало и недруговъ, но и эти послѣдніе, горячо полемизируя иногда съ представителемъ нашей либеральной журналистики, всегда отдаютъ ему должное за послѣдовательность проводимыхъ имъ въ общество принциповъ, за стойкость убѣжденій и серьезное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ жизни. Составленный за 25 лѣтъ «Указатель» напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» статей лучше всякихъ словъ покажетъ, какого рода цѣнный научно-литературный и публицистическій матеріалъ сосредоточенъ въ многочисленныхъ его томахъ. Одни имена Тургенева, Гончарова, Щедрина, Крестовскій-псевдонимъ и другихъ—въ отдѣлѣ беллетристики и Костомарова, Пыпина, Спасовича, Веселовскихъ и другихъ—въ отдѣлѣ научномъ ясно обнаруживаютъ, съ кѣмъ велъ свое многолѣтнее знакомство журналъ г. Стасюлевича, и какъ велико его значеніе въ исторіи русской журналистики. Но особенное вниманіе, при обозрѣніи тридцатилѣтней дѣятельности этого органа, надлежитъ обращать на его «внутреннее обозрѣніе» и «общественную хронику», составляющія, какъ уже однажды было сказано на страницахъ нашего журнала, главную его притягательную общественную силу. Здѣсь, въ этихъ отдѣлахъ, заключается нервъ журнала, отсюда раздается его боевой кличъ и отсюда же направляются во вражескіе станы его полемики и удары. Наиболѣе слабымъ мѣстомъ «Вѣстника Европы» является его литературная критика и сравнительно малое вниманіе, удѣляемое имъ вопросамъ опытнаго знанія.

Двадцать лѣтъ жизни (1861—1881 г.г.) бывшаго профессора ушли почти исключительно на установленіе и упроченіе новаго его дѣтища—журнала, и за это время мы почти не встрѣчаемся съ г. Стасюлевичемъ ни на какой иной ступени общественной лѣстницы. Личная жизнь и характеристика почтеннаго юбиляра, конечно, не можетъ входить въ составъ настоящаго обозрѣнія, хотя, пользуясь имѣющимся въ печати матеріаломъ, нельзя не отмѣтить, что въ 1863 году наше общество чуть было не лишилось этого энергичнаго и просвѣщеннаго дѣятеля. Какъ сообщено было въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1869 г., № 185), г. Стасюлевичъ, въ быт-

ность свою за границею, ѣдучи по дорогѣ изъ Киссингена, услышалъ на берегу р. Сааль громкіе крики о спасеніи. Немедленно онъ взялъ въ сторону и, увидавъ погибающаго въ быстрыхъ водахъ рѣки взрослаго парня, скинулъ съ себя верхнее платье и бросился спасать погибающаго. Это самоотверженное дѣйствіе чуть не стоило ему жизни, такъ какъ борьба за спасеніе невѣдомаго юноши произошла въ стремительномъ водоворотѣ, который легко могъ поглотить и спасаемаго и спасающаго.

Съ восьмидесятыхъ годовъ мы встрѣчаемся съ г. Стасюлевичемъ въ новой уже роли и на новой аренѣ общественной дѣятельности: онъ становится гласнымъ с.-петербургской думы, непрерывно неся эту обязанность въ теченіе послѣдующихъ 16-ти лѣтъ, принимая на себя самыя разнообразныя должности и исполняя многочисленныя порученія нашего столичнаго самоуправленія. Въ докладѣ городской «комиссіи по народному образованію» отъ 26-го апрѣля 1897 г., по чьей иниціативѣ и возбужденъ вопросъ о чествованіи полувѣковой дѣятельности г. Стасюлевича, обязанности и порученія, имъ исполненныя, изложены въ слѣдующемъ порядкѣ: онъ былъ членомъ или предсѣдателемъ слѣдующихъ комиссій, въ которыхъ трудъ денежно не вознаграждался, а именно: въ 1882 г. предсѣдалемъ подготовительной комиссіи по составленію соображеній о предстоявшемъ въ 1883 г. чествованіи 10-ти-лѣтія со времени введенія въ дѣйствіе городового положенія въ С.-Петербургѣ; въ 1883 г. былъ избранъ въ товарищи городского головы; съ 1883 г. по 1895 годъ состоялъ непрерывно гласнымъ отъ города въ губернскомъ земскомъ собраніи; съ 1883 по 1895 г. членомъ кандидатской комиссіи; въ 1883 г.—предсѣдателемъ комиссіи для соглашенія съ правленіемъ общества с.-петербургскихъ водопроводовъ въ 8-ми незарѣчныхъ частяхъ города относительно улучшенія водоснабженія; съ 21-го марта 1884 г.—непрерывно находился въ составѣ комиссіи по народному образованію; съ 1884 г. непрерывно до 1895 г. членомъ комиссіи по назначенію въ разныя учебныя заведенія городскихъ стипендіатовъ и по завѣдыванію призрѣніемъ сиротъ; въ 1884 г. избранъ первымъ предсѣдателемъ вновь учрежденной финансовой комиссіи, въ которой затѣмъ, съ 1886 г. по 1894 г., принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ члена ея; въ 1886 г.—предсѣдателемъ комиссіи по надзору за водоснабженіемъ; въ 1884 г.—предсѣдателемъ комиссіи по организаціи и реформѣ выборовъ въ гласные городской думы; въ 1886 г.—представителемъ отъ города въ особое совѣщаніе при главномъ тюремномъ управленіи, для обсужденія вопроса о передачѣ призрѣнія нищихъ въ городѣ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія; съ 1887 г.—непрерывно почетнымъ мировымъ судьею; въ 1887 г. избранъ представителемъ отъ города въ особое совѣщаніе при градоначальствѣ для разсмотрѣнія новаго устава обще-

ства водопроводовъ; въ 1888 г.—для составленія проекта правилъ о порядкѣ выборовъ въ гласные; въ 1888 г. — предсѣдателемъ комиссіи по составленію проекта нормальныхъ штатовъ служащихъ въ городскомъ общественномъ управленіи по найму; съ 21-го февраля 1890 г.—непрерывно предсѣдателемъ комиссіи по народному образованію; съ того же времени—непрерывно членомъ городского училищнаго совѣта; въ 1891 г.—членомъ комиссіи по изслѣдованію дѣла о закупкѣ муки; съ 1892 г.—непрерывно почетнымъ смотрителемъ городского училища при учительскомъ институтѣ; въ 1892 г.—членомъ комиссіи по разсмотрѣнію вопроса о числѣ мировыхъ участковъ с.-петербургскаго столичнаго мирового округа; съ 1892 г.—представителемъ отъ городского общественнаго управленія въ высочайше утвержденную комиссію для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о призрѣніи бѣдныхъ и объ устройствѣ благотворительныхъ учрежденій; въ 1894 г. избранъ въ особое присутствіе городской думы для разсмотрѣнія вопросовъ, касающихся постройки Троицкаго моста; въ 1895 г.—членомъ комиссіи по выясненію причинъ бывшихъ двукратно пріостановокъ водоснабженія города; съ 1895 г.—въ составѣ попечительства пріюта колоніи, въ память императора Александра III; въ 1895 г.—предсѣдателемъ комиссіи для разсмотрѣнія вопроса относительно того, подлежитъ ли, за передачею по высочайшему повелѣнію изданія «Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальства и Полиціи» въ хозяйственное завѣдываніе с.-петербургскаго градоначальника, продолжать отпускъ изъ городскихъ средствъ 9.600 р. на содержаніе редакціи «Вѣдомостей»; съ 1893 г.—предсѣдательствующимъ въ засѣданіяхъ городской думы при разрѣшеніи дѣлъ по 120 ст. городового положенія; въ 1896 г.—предсѣдателемъ комиссіи по вопросу объ увеличеніи первоначальнаго содержанія мировымъ судьямъ; въ 1896 г.—предсѣдателемъ комиссіи по составленію проекта отвѣта по дѣлу объ усиленіи состава и средствъ с.-петербургскаго градоначальства и полиціи.

Изъ приведенной обширной справки видно, что г. Стасюлевичъ работаетъ съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и неутомимостью на пользу города, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ сколько нибудь выдающихся дѣлахъ городского общественнаго управленія. Отношеніе его къ принятымъ на себя обязанностямъ ясно видно изъ его же словъ въ рѣчи, сказанной имъ въ засѣданіи городской думы 28-го октября 1883 г., по поводу его отказа баллотироваться вторично въ товарищи городского головы: «Никто изъ гласныхъ не можетъ и не долженъ уклоняться отъ суда своихъ товарищей, если онъ призванъ ими къ отправленію городской общественной должности, безъ указанія такихъ причинъ и мотивовъ, которые могли бы быть признаны вѣскими и вполнѣ уважительными». Въ заключеніе же своего мотивированнаго уважительными причинами отказа отъ принятія кандидатуры на должность товарища городского головы, г. Ста-

сюлевичъ обратился къ думѣ съ словами: «Прошу принять увѣреніе въ томъ, что ничто не можетъ уменьшить моего усердія къ дѣлу городского общественнаго управленія, ни умалить преданности къ польвамъ города, какъ онѣ понимались думою. Я всегда буду сохранять готовность къ исполненію всякаго порученія, если бы думѣ угодно было меня почтить тѣмъ, и постараюсь, состоя на службѣ городу, исполнять и впредь всякое городское дѣло съ тщаніемъ, по мѣрѣ моего разумѣнія и силъ». («Изв. Гор. Думы» 1883 г., № 39, стр. 2757).

Но изъ всей разносторонней своей общественной дѣятельности г. Стасюлевичъ съ особенною любовью относится къ училищному дѣлу, которому послѣдніе четыре года почти исключительно отдался, отказываясь отъ выбора во всѣ другія исполнительныя комиссіи и отчасти и въ подготовительныя. Состоя предсѣдателемъ комиссіи съ 21 февраля 1890 г., онъ съ неослабѣвающею энергіею ходатайствовалъ ежегодно у городской думы объ увеличеніи числа училищъ, дошедшихъ въ текущемъ году до 362 классовъ (въ 1890 г.— 262 уч.). По его иниціативѣ, комиссія въ послѣдніе два года приступила къ организаціи новаго типа училищъ многоклассныхъ, представляющихъ весьма значительныя выгоды въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; по предложенію же Стасюлевича, произведено въ порядкѣ завѣдыванія училищами распредѣленіе ихъ, по числу членовъ комиссіи, на ясно и точно очерченные школьные участки, съ образованіемъ участковаго хозяйственнаго управленія этими училищами. Г. Стасюлевичу весьма многимъ обязана богатая центральная библіотека для учащихъ при комиссіи, которою онъ завѣдывалъ и руководилъ съ 1885 г. по 1894 годъ, жертвуя ежегодно въ эту библіотеку книгъ на сумму до 400 р. Число воскресныхъ школъ съ 1890 г. съ восьми возросло въ текущемъ году до 20-ти. Много труда положено также имъ и на созданіе средствъ къ предоставленію учащимся, оканчивающимъ курсъ начальной школы, къ продолженію и довершенію этого курса: а) учрежденіемъ городскихъ стипендій въ 4-хъ-классномъ, по положенію 1872 года, училищѣ при учительскомъ институтѣ, при которомъ Михаилъ Матвѣевичъ съ 1890 года и состоитъ непрерывно почетнымъ смотрителемъ; б) исходатайствованіемъ у городской думы субсидіи частному 4-хъ-классному женскому училищу Е. П. Богдановой-Муравьевой; в) ассигнованіемъ кредита на содержаніе свято-троицкаго женскаго двухклассчаго приходскаго училища, и, наконецъ, М. М. Стасюлевичъ убѣдилъ городскую думу выразить единогласно полное сочувствіе къ учрежденію на городскія средства четырехкласснаго училища, по полож. 1872 г., имени императрицы Екатерины II.

Къ числу трудовъ комиссіи, въ которыхъ личное участіе г. Стасюлевича наиболѣе проявилось, должно быть отнесено дѣло

постройки городскихъ училищныхъ домовъ: вскорѣ по принятіи на себя обязанностей предсѣдателя комиссіи по народному образованію имъ былъ составленъ по сему дѣлу обширный докладъ, за разсмотрѣніе и принятіе котораго неотступно, долго и упорно ратовалъ составитель, наконецъ достигшій того, что въ 1896 году былъ ассигнованъ кредитъ въ 150.000 р. на постройку на Васильевскомъ островѣ перваго городскаго дома для училища съ 12 классами. Онъ принималъ самое дѣятельное непосредственное участіе въ постройкѣ училищныхъ домовъ С. П. Боткина и М. Г. Петрова.

Приведенный послужной, такъ сказать, списокъ г. Стасюлевича ставитъ высоко дѣятельность бывшаго профессора на пользу развитія столичнаго городскаго самоуправленія вообще и дѣла народнаго просвѣщенія въ частности. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что здѣшняя городская дума, не отличающаяся обиліемъ въ ней преданныхъ исключительно общественнымъ интересамъ лицъ, съ чрезвычайнымъ почтеніемъ относится къ г. Стасюлевичу, чьи мнѣнія и сужденія стоятъ всегда внѣ всякихъ мелкихъ партійныхъ дрязгъ и интересовъ. Если вспомнить хорошенько все происходившее въ стѣнахъ нашей думы за послѣднія 15 лѣтъ, всѣ тѣ скандалы и всю неурядицу, наложившія не малую тѣнь на имена многихъ «отцовъ города», то становится яснымъ, почему вокругъ имени редактора «Вѣстника Европы» различныя фракціи, партіи и направленія смыкаются въ общемъ согласіи, и передъ нимъ смолкаетъ слово зависти, сплетни и хулы. Онъ сохранилъ свое имя безупречно чистымъ, несмотря на то, что ему неоднократно по роду службы приходилось соприкасаться съ такими элементами, которые не могли похвалиться не только голубиною непорочностью, но и какими либо общественными заслугами.

Высоко цѣня заслуги трудолюбиваго и полезнаго гласнаго и дѣятеля по народному просвѣщенію, городская управа согласилась съ сдѣланнымъ ей «комиссіею по народному просвѣщенію» докладомъ объ ознаменованіи 50-ти-лѣтняго его общественнаго служенія и постановила 1) разрѣшить съ августа мѣсяца 1897 года сверхсмѣтный кредитъ на открытіе трехъ новыхъ училищъ или классовъ, которые должны служить памятникомъ плодотворной дѣятельности М. М. Стасюлевича, съ посвященіемъ ихъ его имени, ассигновать на этотъ предметъ общей суммы на 1897 годъ до 6.5000 р. (по расчету 3.000 р. на первоначальное обзаведеніе и около 3.500 р. на полугодовое содержаніе училищъ въ Адмиралтейской части города) и 2) учредить городскія стипендіи въ мѣстахъ, гдѣ М. М. Стасюлевичъ окончилъ курсъ ученія: въ Ларинской гимназіи и въ университетѣ, а также и на высшихъ и педагогическихъ женскихъ курсахъ, въ которыхъ получаетъ образованіе главный контингентъ учащихъ городскихъ начальныхъ училищъ, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 1.000 р., съ предоставленіемъ лично юбиляру права

назначенія стипендіатовъ, а по выбытіи его изъ училищной комиссіи—сей послѣдней.

Такое постановленіе нашего городского самоуправленія и иниціатива въ этомъ дѣлѣ «комиссіи» дѣлаютъ честь тому и другому общественнымъ учрежденіямъ. Основаніе учебныхъ заведеній и стипендій имени достойнаго юбиляра, положившаго въ теченіе полвѣка столько силъ на дѣло просвѣщенія родной земли, будетъ несомнѣнно лучшею наградою его трудамъ и начинаніямъ. Неутомимо работать въ опредѣленномъ направленіи и на избранномъ поприщѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ жизни, сохранить до глубокаго возроста святой пылъ души и ясность мысли, уберечь отъ пыли и тѣни свое чистое имя—удѣлъ, который достался немногимъ нашимъ общественнымъ дѣятелямъ. Вотъ почему постановленіе петербургскаго городскаго управленія по адресу человѣка, состоящаго столько времени «на дѣйствительной службѣ» родной землѣ, будетъ встрѣчено, безъ различія симпатій и направленій, всѣми, какъ дѣло имъ вполнѣ заслуженное и достойно вѣнчающее его многолѣтніе труды.

Б. Глинскій.

КОРОЛЕВА ВИКТОРІЯ И ЕЯ БРИЛЬЯНТОВЫЙ ЮБИЛЕЙ.

Е ТОЛЬКО въ Англія и въ ея громадныхъ владѣніяхъ, раскинутыхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, но и вездѣ, гдѣ живутъ англичане, торжественно праздновалась шестидесятилѣтняя годовщина вступленія на престолъ Викторіи. «Королевина недѣля», какъ прозвали памятные дни отъ 21 до 28-го іюня, была торжествомъ и для маститой государыни, царствовавшей бо̀льшее число лѣтъ, чѣмъ всѣ ея предшественники, и для всей англійской націи, которой никогда не жились такъ хорошо, мирно и счастливо, какъ въ долгое царствованіе Викторіи. Конечно, первое, что бросается въ глаза въ этомъ брильянтовомъ юбилеѣ, это его необыкновенная цифра: не только ни одинъ англійскій государь не царствовалъ такъ долго, но вообще въ исторіи извѣстны только два государя, царствовавшіе столько же, именно: Менесъ, царь первой египетской династіи (около 5000 до Рождества Христова), и Какаку, японскій императоръ (1780—1840 гг. по Рождествѣ Христовѣ), а болѣе Викторіи носили корону лишь Яковъ I, король аррагонскій, царствовавшій 63 года (1213—1276), Константинъ IX, императоръ византійскій—шестьдесятъ шесть лѣтъ (963—1028), и Людовикъ XIV—семьдесятъ два года. Историки еще упоминаютъ о нѣсколькихъ государяхъ египетскихъ, бирманскихъ, китайскихъ и японскихъ, царствовавшихъ отъ шестидесяти одного до девяносто четырехъ лѣтъ, а Эратосѳенъ удостовѣряетъ, что египетскій царь шестой, Мемфисской династіи, Апапъ Великій (около

2130 г. до Рождества Христова) царствовалъ ровно сто лѣтъ безъ одного часа, но это относится къ болѣе или менѣе миѳической или во всякомъ случаѣ легендарной области. Такимъ образомъ можно сказать, что по долготѣ царственныхъ дней Викторію перещеголялъ только въ числѣ извѣстныхъ, замѣчательныхъ государей одинъ Людовикъ XIV, а ея эру, такъ какъ самые пламенные панегиристы еще не называютъ ея царствованія вѣкомъ, можно смѣло поставить рядомъ съ знаменитыми эпохами Перикла, Августа, Елисаветы и Людовика XIV. Дѣйствительно шестидисятилѣтіе Викторіи совпадаетъ съ самой чреватой прогрессомъ частью XIX столѣтія, и за это время Англія сдѣлала такіе калоссальные шаги впередъ во всемъ: въ политикѣ, общественной жизни, наукѣ, литературѣ, интеллектуальномъ развитіи, соціальномъ устройствѣ и матеріальномъ благоденствіи, что невозможно указать въ исторіи на другую подобную эпоху. Конечно, нельзя приписать Викторіи всѣхъ совершившихся въ ея время благотворныхъ перемѣнъ, и великихъ реформъ, но вѣдь и Елисавета нимало не причастна къ тому, что въ ея время явились Шекспиръ, Бэконъ, адмиралъ Дрэкъ и Сидней, а Людовикъ XIV обязанъ всей славой своего золотаго вѣка окружавшей его плеядѣ великихъ людей; если же Периклъ дѣйствительно самъ своею выдающеюся личностью придалъ много блеска своей эрѣ, то нельзя сказать того же объ Августѣ, котораго прославили съ одной стороны обстоятельства, подготовленныя Цезаремъ, а съ другой Горацій, Вергилій и т. д. Зато къ чести Викторіи надо сказать, что если ее лично нельзя сравнить по интеллектуальной силѣ и государственной дѣятельности съ этими создателями, или во всякомъ случаѣ знаменосцами золотыхъ вѣковъ, то она не заслуживаетъ и тѣхъ укоровъ, которые справедливая исторія обращаетъ къ коварному, деспотичному Августу, къ лицемѣрной, жестокой Елисаветѣ, къ эгоистичному, надменному гонителю протестантовъ, Людовику XIV. Если Викторія не руководила прославившими ея царствованіе событіями, то она не мѣшала имъ, а при современныхъ обстоятельствахъ это уже большая заслуга, и потому она, представляя образецъ строго конституціоннаго государя, вполнѣ заслуживаетъ, хотя и благодаря счастливымъ случайностямъ, славы—соединить на страницахъ исторіи свое имя съ наиболѣе знаменательною, наиболѣе прогрессивною эпохой въ жизни англійскаго народа. Наконецъ нельзя не прибавить, что въ нравственномъ отношеніи, какъ человѣкъ, Викторія выше не только Августа и Людовика XIV, но даже Перикла, а, какъ женщину, ее даже сравнивать невозможно съ Елисаветой, которая хотя гордо говорила парламенту, что достаточною для нея эпитафіей будетъ написать на мраморной доскѣ: царствовавшая столько-то лѣтъ королева жила и умерла дѣвственницей,—но постоянно кампрометировала свое доброе имя подозрительными сношеніями съ какимъ нибудь поклонникомъ и скорѣе заслуживала совре-

Королева Викторія въ дѣтствѣ.

меннаго названія «полу-дѣвственницы», чѣмъ дѣвственницы, тогда какъ Викторія служитъ примѣромъ идеальной жены и матери, окруженной въ моментъ ея брильянтоваго юбилея семидесятью дѣтьми, внуками и правнуками.

Всего этого достаточно, чтобъ объяснить юбилейную лихорадку, объявшую всѣхъ англичанъ въ королевину недѣлю. Вообще чествованіе приняло двоякій характеръ: серьезный и увеселительный; къ

первому относилось повсемѣстное учрежденіе муниципалитетами, обществами и частными лицами по подпискѣ больницъ, богадѣленъ, пріютовъ, школъ, музеевъ, читаленъ и т. д., такъ какъ сама маститая юбилярша на вопросъ, какъ бы она желала, чтобъ увѣковѣчили ея шестидесятилѣтіе, отвѣчала: «пусть все будетъ дышать любовью къ ближнему, пусть ваша щедрость обратится на бѣдныхъ и униженныхъ, а помощь на нуждающихся и погибающихъ; пусть эта цѣль направитъ всѣ ваши усилія на исправленіе неизбѣжнаго неравенства въ человѣческомъ обществѣ, дабы Божьи блага были распредѣлены между всѣми Его созданіями въ духѣ благоразумія и милосердія». Что касается до празднествъ, то, день восшествія Викторіи на престолъ, 20-е іюня, пришедшійся въ воскресенье, былъ посвященъ богослуженіямъ въ церквахъ, а королевина недѣля собственно началась съ 21-го числа, когда Викторія пріѣхала въ Лондонъ изъ Виндзора и принимала поздравленія отъ державныхъ гостей, представителей иностранныхъ государствъ и колоніальныхъ премьеровъ, собравшихся по этому случаю изъ всѣхъ американскихъ, австралійскихъ, азіатскихъ и африканскихъ владѣній Англіи. 22-го іюня происходило шествіе королевы по главнѣйшимъ улицамъ Лондона, не только аристократическаго, буржуазнаго и богатаго, но рабочаго и бѣднаго, изъ Букингамскаго дворца къ церкви св. Павла, гдѣ на площади подъ открытымъ небомъ и въ виду несмѣтной толпы совершенъ былъ молебенъ, такъ что королева молилась вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ, а не съ однѣми привилегированными особами въ четырехъ стѣнахъ запертаго храма. 23-го числа, она принимала членовъ обѣихъ палатъ, причемъ депутаты были въ простыхъ, ежедневныхъ костюмахъ: пестрыхъ блузахъ, пиджакахъ и т. д., а также представителей муниципалитетовъ, а потомъ ей поднесли адресы десять тысячъ учениковъ лондонскихъ первоначальныхъ училищъ, двѣ тысячи учителей и ихъ начальство, въ отвѣтъ на что Викторія сказала: «надѣюсь, что усилія школьныхъ дѣятелей будутъ продолжаться на пользу народа, и подростающее поколѣніе станетъ пользоваться еще бо̀льшимъ благоденствіемъ, чѣмъ настоящее». Остальные дни были посвящены парадному спектаклю въ театрѣ Итальянской оперы, балу въ Букингамскомъ дворцѣ, морскому смотру въ Спитгедѣ, въ которомъ принимали участіе 176 англійскихъ военныхъ судовъ и 20 иностранныхъ и народнымъ обѣдамъ, но на всѣхъ этихъ торжествахъ королева сама не присутствовала, а ея представителемъ былъ принцъ Уэльскій. Наконецъ, въ послѣдній день состоялся садовой праздникъ въ Букингамскомъ дворцѣ, уже въ присутствіи маститой юбилярши, нѣсколько отдохнувшей отъ усталости.

Всѣ эти торжества удались вполнѣ и не ознаменовались ни безпорядками, ни несчастіями; даже народные банкеты на 310,000 человѣкъ прошли совершенно благополучно, такъ какъ они устроены

были не на казенный счетъ, а по подпискѣ частными лицами подъ руководствомъ принцессы Уэльской и происходили въ 56 мѣстахъ въ большихъ залахъ по 500, 1.000 и не болѣе 3.000 человѣкъ,

Королева Викторія въ 1838 году.

причемъ угощеніе состояло изъ горячаго ростбифа съ салатомъ, печенаго картофеля, плумпудинга, кэковъ, лимонада, кофе, чая, апельсиновъ, яблоковъ, земляники и вишень, а во время обѣда играла музыка, пѣли хоры и читались стихи. Если блескъ юбилея нѣсколько

омрачился протестами Ирландіи и отчасти Индіи, принявшими форму похоронныхъ процессій, уличныхъ безпорядковъ и покушеній на жизнь англійскихъ должностныхъ лицъ, то это memento mori поучительный урокъ, что недостаточно быть великою, могущественною націей, а надо еще справедливо относиться къ подчиненнымъ странамъ. Какъ же возможна и полезна подобная справедливость, доказываетъ восторженное участіе въ брильянтовомъ юбилеѣ Канады и Австралійскихъ колоній, которыя пользуются полною свободой, полнымъ самоуправленіемъ. Какіе громадные шаги въ этомъ отношеніи сдѣлала Англія, всего яснѣе доказываетъ примѣръ Канады. Ровно шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, при вступленіи на престолъ Викторіи, Канада, на подобіе Ирландіи, вела открытую борьбу съ метрополіей, и французское ея населеніе возстало съ оружіемъ въ рукахъ, а теперь французское населеніе составляетъ одно цѣлое съ англійскимъ, и первый министръ Канады, англо-французъ, Лорье на торжественномъ банкетѣ, данномъ всѣмъ колоніальнымъ премьерамъ, собравшимся въ Лондонѣ на юбилей, сказалъ: «колоніи созданы, чтобъ сдѣлаться націями. Въ моей странѣ и, быть можетъ, въ Англіи замѣчаютъ, что въ Канадѣ населеніе (5 милліоновъ) равняется независимымъ націямъ, если не превышаетъ ихъ, и спрашиваютъ, не пришло ли время Канадѣ сдѣлаться націей. Мой отвѣтъ очень простъ. Канада уже теперь нація. Канада свободна, а свобода, это залогъ національности. Хотя она и признаетъ главенство верховной державы, но я сюда явился, чтобы громко заявить: независимость не можетъ намъ дать болѣе правъ, чѣмъ тѣ, которыми мы теперь пользуемся».

Естественно, что по случаю брильянтоваго юбилея Викторіи возникла цѣлая литература, состоящая изъ книгъ, брошюръ, журнальныхъ очерковъ, газетныхъ статей и особыхъ прибавленій къ иллюстрированнымъ изданіямъ. Отмѣтимъ самыя замѣчательныя изъ этихъ юбилейныхъ произведеній: въ числѣ книгъ первое мѣсто занимаютъ: добавочный томъ извѣстной «Исторіи нашего времени», Джустина Макарти [1]), которая начиналась съ восшествія на престолъ Викторіи и остановилась на 1880 г., а теперь доведена до брильянтоваго юбилея, «Соціальныя превращенія Викторіинаго вѣка», Т. Еската [2]), обстоятельная рельефная картина всѣхъ общественныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ; «Прогрессъ въ царствованіе королевы Викторіи», пастора Фарара [3]), лекція, читанная въ хрустальномъ дворцѣ о блестящихъ результатахъ эпохи Викторіи; «Шестьдесятъ лѣтъ царствованія королевы», сэра

---

[1]) A History of our own times, from 1880 to the diamand jubilee, by Justin Macarthy. London, 1897.

[2]) Social transformation of the Victorian age, by T. Escott. London, 1897, 2 vol.

[3]) Progress in the reign of queen Victoria, by dean Farar. London, 1897.

Королева Викторія въ 1895 году.

Ричарда Темля, краткое изложеніе развитія могущества Англіи, въ особенности ея колоній при Викторіи; «Жизнь ея величества королевы Викторіи», мистриссъ Фасетъ [1]), очень подробная и живая біографія съ гуманной точки зрѣнія, и «Ея величество королева,

[1]) Life of Her Magesty queen Victoria, by Mis Fawcett. London, 1897.

очерки государыни и ея царствованія», В. Стэда [1]), рядъ блестящихъ статей, печатавшихся въ теченіе полугода въ Review of Review и рисующихъ сочувственный образъ Викторіи со всѣхъ точекъ зрѣнія: государыни, женщины, главы церкви и т. д. Но самою любопытною и драгоцѣнною для будущаго историка изъ юбилейныхъ книгъ будетъ трудъ библіотекаря королевы Гольмса «Королева Викторія» [2]), но онъ еще не вышелъ и появится только черезъ два мѣсяца, такъ какъ сама королева читаетъ корректуры и лично снабдила автора свѣдѣніями о своей жизни, какъ принцессы, королевы, жены и матери. Это сочиненіе, проливающее яркій свѣтъ на частную жизнь Викторіи, будетъ украшено роскошными копіями съ портретовъ и картинъ, принадлежащихъ королевѣ, а потому цѣна ему назначена очень крупная, именно большое изданіе около 100 рублей, а за малое около 30 рублей. Если мы перейдемъ къ отдѣльнымъ юбилейнымъ номерамъ иллюстрированныхъ изданій, то придется отдать пальму первенства «English Illustrated Magazine», «Graphic» и «Illustrated London News», хотя и ежедневная газета «Pall Mall Gazette» выпустила за 1 пенсъ не дурный популярный, иллюстрированный номеръ съ текстомъ извѣстныхъ публицистовъ. Журналы и газеты, конечно, переполнены біографическими и политическими очерками Викторіи, воспоминаніями о различныхъ эпизодахъ ея царствованія и обозрѣніями тѣхъ успѣховъ, которые Англія сдѣлала во всѣхъ отрасляхъ въ ея эпоху. Наибольшій интересъ изъ нихъ возбуждаютъ: обширная статья мистриссъ Крофордъ въ Contemporary Review, «Викторія, принцесса и королева», въ которой авторъ приводитъ много новыхъ свѣдѣній объ юности своей героини, на основаніи разсказовъ сэра Джона Конроя, состоявшаго при особѣ матери Викторіи, герцогини Кентской [3]); воспоминанія лэди Джени Эллисъ, одной изъ подружекъ Викторіи при ея вѣнчаніи объ ея дѣтствѣ и свадьбѣ, въ «Cornhill Magazine» [4]); протоколъ коронаціи Викторіи въ «Century Magazine» [5]); каротенькая, но блестящая ея характеристика, набросанная въ томъ же журналѣ бывшимъ американскимъ посланникомъ въ Лондонѣ Т. Бэярдомъ [6]); «Британская монархія и современная демократія»—П. Лилли [7]), ясно характеризующаго въ

---

[1]) Her Magesty the queen, studie of of the sovereign and reign, by W. Stead. London, 1897.

[2]) Queen Victora, by P. Holmes, prepared under the direction olher magesty the queen. London. 1897.

[3]) Victoria, princess and queen, by E. Crawford. Contemporary Review. June.

[4]) Memories of the queen's childhood and mariage, by lady Z. Ellice. «Cornhill Magazine» Zone.

[5]) Queen Victorias coronatioroll, by F. Hayward. «Century». June.

[6]) Queen Victoria, by T. Bayard. «Century». June.

[7]) British monarchy and moderdemocraty, by W. Silly. «Nineteenth Century». June.

«Nineteenth Century Review» эволюцію монархизма при Викторіи; «Колоніальная имперія въ 1837 г.», Е. Сальмона[1]), рисующаго въ «Fortnightly Review» контрастъ между положеніемъ англійскихъ колоній 60 лѣтъ тому назадъ, когда рѣчь шла о расторженіи узъ съ метрополіей, и теперь, когда думаютъ о федеративномъ съ нею единеніи; «Тогда и теперь», Гильта Скулинта[2]), общій, мастерской сводъ успѣховъ, сдѣланныхъ со всѣхъ точекъ зрѣнія за шестьдесятъ лѣтъ; обозрѣніе литературы Викторіиной эры, сдѣланное извѣстнымъ критикомъ Д. Трэлемъ въ «Fortnightly Review»[3]). Если къ этому мы прибавимъ блестящую параллель между вѣкомъ Елисаветы и эпохой Викторіи, Джорджа Смоллея въ «New-York Herald»[4]), и три интересныя статьи о Викторіи съ международной точки зрѣнія, напечатанныя русскимъ профессоромъ Мартенсомъ[5]), французскимъ публицистомъ, Пресенсэ[6]) и германскимъ депутатомъ Бартомъ въ «Cosmopolis»[7]), то мы исчерпаемъ самыя выдающіяся явленія юбилейной литературы Викторіи.

Впрочемъ, остается еще указать на конкурсъ, открытый на страницахъ «Temple Magazine»—по вопросу о томъ: что̀ самое замѣчательное и благотворное явленіе въ царствованіи Викторіи? Откликнулись только десять голосовъ, болѣе или менѣе компетентныхъ въ различныхъ отрасляхъ, но сводъ ихъ мнѣній служитъ мѣткою и довольно полною характеристикой эры Викторіи. Романистъ и вмѣстѣ докторъ Кононъ Дойлъ лаконично отвѣчаетъ — хлороформъ, другой докторъ, Паркеръ—примѣръ идеальной жены, матери и вдовы; мистриссъ Миллеръ—освобожденіе женщинъ; журналистъ Флетчеръ — общее признаніе теоріи эволюціи, которой поэтомъ былъ Браунингъ, философомъ—Дарвинъ, пророкомъ—Расскинъ, а практическимъ осуществителемъ—Гладстонъ; публицистъ Ньюманъ Голлъ—реформа уголовныхъ законовъ; докторъ Джибсонъ — развитіе власти народа и разрѣшеніе третейскимъ судомъ международныхъ распрей; извѣстный ученый и радикалъ, Альфредъ Россель Воллесъ—хлорофомъ, антисептическій способъ врачеванія ранъ, международное третейское разбирательство и возвращеніе Трансвааля боерамъ въ 1881 году; романистъ Берингъ-Гульдъ—развитіе въ народѣ довѣрія къ себѣ и убѣжденія, что онъ можетъ сдѣлать для себя все самъ, безъ помощи, иначе какъ номинальной отъ королевской семьи, наконецъ, ирландскій депутатъ и историкъ эпохи Викторіи, Джустинъ Ма-

---

[1]) Colonial Empire of 1837, by E. Salmon, «Fortnightly Review». June.
[2]) Then and now, by H. Schouling. «Pall Mall Magazine». July.
[3]) Literature in the Victorian era, by H. Frail .«Fortnightly Rek.». June.
[4]) Victorian era—Elisabethan age, by G. Smalley. «New-York Herald». 20 june.
[5]) Королева Викторія и Россія, О. О. Мартенса. «Cosmopolis». Juin.
[6]) Le Jubilé de la reine Victoria, par F. de Pressensé. «Cosmopolis». Juin.
[7]) Das Regirung-Jubilaeum der Königin Victoria, von Th. Barth. «Cosmopolis. Juin.

карти—законодательное облегченіе труда въ фабрикахъ, мастерскихъ и копяхъ, расширеніе избирательныхъ правъ, успѣхъ науки въ уменьшеніи страданій при хирургическихъ операціяхъ, необыкновенное улучшеніе почтовыхъ сообщеній и способовъ передвиженія, а главное строго конституціонное правленіе королевы. Хотя, повидимому, большинство высказавшихся голосовъ воздаетъ пальму первенства уменьшенію физическихъ страданій, но нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ произвести правильный плебисцитъ по этому вопросу, то всѣ милліоны англичанъ и подвластныхъ имъ національностей согласились бы единогласно съ Джустиномъ Макарти, что главное благотворное явленіе шестидесятилѣтняго царствованія Викторіи — ея строго конституціонное управленіе. То же самое высказалъ еще десять лѣтъ тому назадъ при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея Гладстонъ, отдавая полную справедливость Викторіи, что «она вполнѣ сознаетъ всѣ условія великаго договора между народомъ и престоломъ», а надняхъ повторилъ въ очень краснорѣчивой формѣ американецъ Бэярдъ, написавшій по поводу брильянтоваго юбилея: «оттого сотни милліоновъ ея подданныхъ такъ любятъ и чтутъ свою государыню, оттого они такъ торжественно празднуютъ шестидесятилѣтнюю годовщину ея царствованія, что она, выказавъ болѣе мудрости, чѣмъ ея предшественникъ по трону въ 1776 году, осуществила великое ученіе, которое преподалъ всѣмъ правителямъ нашъ собственный, нашъ единственный Вашингтонъ, проповѣдывавшій словомъ и дѣломъ по выраженію поэта: «власть есть долгъ, и справедливъ лишь тотъ правитель, кто управляемыхъ слуга».

Вся эта юбилейная литература много увеличиваетъ уже и безъ того громадную Викторіину литературу, къ которой собственно надо отнести и всѣ книги, брошюры и журнальныя статьи, касающіяся до ея долгаго царствованія, въ особенности же мемуары и воспоминанія современниковъ, но наиболѣе цѣнными матеріалами для знакомства съ ея внутренней жизнью служатъ ея собственныя произведенія, два тома ея дневника, веденнаго въ Шотландіи отъ 1848 по 1882 г. [1]), и значительная часть книги сэра Теодора Мартина «Жизнь принца Альберта» [2]), въ составленіи которой она принимала самое дѣятельное участіе. Хотя въ этихъ отрывкахъ изъ мемуаровъ, которые она, говорятъ, ведетъ или во всякомъ случаѣ долго вела изо дня въ день, встрѣчается очень мало свѣдѣній о политическихъ и и общественныхъ дѣлахъ, но зато они освѣщаютъ, благодаря искреннему, правдивому, безхитростному разсказу о домашнемъ, ежедневномъ ея существованіи, Викторію, какъ жену и мать. Такимъ обра-

---

[1]) Leaves from the Journal of our life in the Highlands from 1848 to 1861, by Victoria Regina. London.

Leaves from the Journal of our life in the Highlands from 1861 to 1883. By Victoria Regina. London.

[2]) Life of prince Albert, by sir Theodore Martin. London.

зомъ, когда выйдетъ книга Р. Гольмса «Королева Викторія», составляемая подъ ея руководствомъ, и когда современемъ появится въ печатномъ видѣ весь ея дневникъ, то историки и всѣ интересующіеся этимъ предметомъ будутъ имѣть полную возможность всесторонне и обстоятельно изучить личность дѣвочки королевы, образцовой жены и виндзорской вдовы, какъ постепенно называлъ Викторію англійскій народъ соотвѣтственно тремъ главнымъ фазамъ ея жизни и царствованія. Дѣйствительно пережитое Викторіей и вмѣстѣ съ нею всѣмъ англійскимъ народомъ шестидесятилѣтіе слѣдуетъ раздѣлить на три рѣзко отдѣляющіеся періода; отъ ея воцаренія до замужества дѣвочка-королева только училась быть конституціонною государыней у своего перваго министра и друга ея дѣтства, лорда Мельборна, главы тогдашнихъ виговъ, который въ полномъ смыслѣ слова былъ ея опекуномъ и учителемъ государственной мудрости; затѣмъ при мужѣ, принцѣ Альбертѣ, замѣчательно образованномъ, добронамѣренномъ и высокочестномъ человѣкѣ, никогда не употреблявшемъ во зло свое вліяніе, она, какъ образцовая жена, во всемъ совѣтовалась съ мужемъ, и ничего не дѣлала безъ его вѣдома, такъ что нельзя назвать эти двадцать лѣтъ самостоятельнымъ царствованіемъ Викторіи, хотя, по словамъ Гладстона, «они вмѣстѣ при его мужской энергіи и ея женскомъ тактѣ, женской правдивости выработали типъ королевской власти почти идеальный»; наконецъ, со смерти принца Альберта въ продолженіе наибольшей половины ея царствованія Викторія уже одна стояла во главѣ государства, дѣйствовала вполнѣ самостоятельно и была такимъ образцовымъ, конституціоннымъ государемъ, какого Англія не знала до нея во все долговременное свое существованіе.

Не болѣе трехъ лѣтъ продолжалась эпоха дѣвочки-королевы, и она менѣе всего извѣстна, потому, можетъ быть, и возбуждаетъ наибольшій интересъ. Дочь четвертаго сына Георга III, герцога Кентскаго и принцессы Саксенъ-Кабургской, сестры бельгійскаго короля Леопольда, Александрина-Викторія, названная такъ въ честь императора Александра I, родилась [24-го мая 1819 года и, лишившись отца на первомъ году жизни, воспитывалась матерью очень скромно и даже при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ за недостаткомъ средствъ принцесса Кентская должна была сама кормить грудью дочь; это обстоятельство, однако, не уничтожило въ ней съ самыхъ раннихъ лѣтъ сознанія, что она королевской крови, и лэди Джени Еллисъ разсказываетъ, что, увидавъ впервые Викторію, когда имъ обѣимъ было около шести лѣтъ, она съ удивленіемъ услышала отъ нея: «Ты не должна трогать мои игрушки и называть меня Викторіей, а я могу называть тебя Дженни». До того времени, какъ она сдѣлалась наслѣдницей престола, будущая королева ненавидѣла ученіе и только съ этой минуты стала терпѣливо, усердно учиться и получила такимъ образомъ прекрасное воспи-

таніе, при чемъ политически готовилъ ее къ ожидавшему ее высокому призванію, лордъ Мельборнъ, глава виговъ, къ которымъ принадлежалъ ея отецъ. Ей только что минуло восемнадцать лѣтъ, какъ 20-го іюня 1837 года въ 2 часа утра въ Виндзорѣ умеръ братъ ея отца, король Вильгельмъ IV, и спустя три часа въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, гдѣ жила молодая дѣвушка, произошла знаменательная сцена. Архіепископъ Кантерберійскій, и лордъ-камергеръ, маркизъ Канингамъ явились туда съ извѣстіемъ о наступленіи новаго царствованія. «Долго стучали они, долго звонили и топали ногами, разсказываетъ миссъ Виннъ: прежде чѣмъ имъ удалось разбудить привратника у воротъ; потомъ имъ пришлось долго ждать во дворцѣ, и наконецъ ихъ провели въ какую-то комнату нижняго этажа, и тамъ, повидимому, объ нихъ совершенно забыли. Наконецъ они позвонили и просили доложить принцессѣ Викторіи просьбу немедленно даровать имъ аудіенцію по крайне важному дѣлу. Прошло еще много времени, они опять позвонили, и тогда явилась какая-то дама, состоявшая при принцессѣ, и объявила, что принцесса такъ сладко спитъ, что она не можетъ ее разбудить. «Мы явились къ королевѣ, сказали они тогда: по такому важному дѣлу, что даже ея сонъ долженъ передъ нимъ преклониться». Такъ и случилось, и Викторія не заставила ихъ долго ждать, а черезъ нѣсколько минутъ она вышла къ нимъ; въ бѣломъ пенюарѣ, шали и туфляхъ, съ распущенными волосами и заплаканными глазами, но отличаясь замѣчательнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ». Въ одиннадцать часовъ состоялось засѣданіе тайнаго совѣта, на которомъ новая королева приняла установленную присягу, и въ свою очередь ей присягнули ея дяди, министры и члены совѣта. Присутствовавшій при этомъ первомъ шагѣ Викторіи, сэръ Робертъ Пиль свидѣтельствуетъ, что ея «поведеніе удивляло всѣхъ: такъ она отличалась сознаніемъ своего положенія, твердостью и тактомъ». Съ первой минуты она доказала, что, сдѣлавшись королевой, остается женщиной, и когда ея дяди, герцоги Сусекскій и Кумберландскій, хотѣли преклонить передъ ней колѣна, она подошла къ нимъ, обняла ихъ и сказала: «Прежде чѣмъ быть вашей королевой, я была вашей племянницей; мой долгъ къ вамъ не можетъ стушеваться». Всѣ также были пріятно поражены, когда она подписала свою первую государственную бумагу просто Викторіей, а не Александриной-Викторіей, какъ всѣ ожидали, и что было бы для многихъ очень непріятно по иностранному происхожденію этого имени. Наконецъ въ тотъ же день на вопросъ матери: «ты не боишься принять на себя такое бремя?»—она отвѣчала: «нѣтъ, потому что я увѣрена въ прямотѣ моихъ намѣреній и въ томъ, что я люблю правду и справедливость». Спустя восемь дней, Викторія короновалась въ Вестминстерѣ, принесла слѣдующую присягу: «я торжественно обѣщаю, что буду управлять народомъ соединеннаго королевства Великобританіи и

Ирландіи и принадлежащихъ къ нему владѣній согласно статутамъ, принятымъ въ парламентѣ, существующимъ законамъ и обычаямъ страны, что во всѣхъ моихъ рѣшеніяхъ, насколько это будетъ въ моей власти, я буду поддерживать законъ, справедливость и милосердіе», а затѣмъ согласно выраженію протокола коронаціи королева встала съ трона и повернулась на всѣ четыре стороны, пока народъ по старинному обычаю громко выражалъ свое согласіе повиноваться ей, какъ своей государынѣ. Въ этотъ-то моментъ былъ заключенъ тотъ договоръ, или завѣтъ, между королевой Викторіей и англійскимъ народомъ, который, по словамъ Гладстона, она такъ свято поддерживаетъ съ тѣхъ поръ. Только одинъ разъ въ продолженіе своего шестидесятилѣтняго царствованія, и то на второй его годъ, Викторія еще дѣвочкой-королевой хотѣла нарушить конституцію, но сама потомъ признала свою ошибку и даже извинилась въ ней. Этотъ знаменательный эпизодъ, прозванный «юбочною революціей», надѣлалъ много шума въ парламентѣ и состоялъ въ томъ, что когда лордъ Мельборнъ, находя свое большинство слишкомъ незначительнымъ, вышелъ въ отставку, и по его совѣту королева поручила сэру Роберту Пилю, за отказомъ по старости лѣтъ герцога Веллингтона, составить торійскій кабинетъ, то онъ по старому обычаю хотѣлъ перемѣнить и придворныхъ дамъ, но Викторія на это не согласилась по дружескимъ чувствамъ къ главной изъ нихъ лэди Норманбилли изъ тайнаго желанія возвратить власть лорду Мельборну, котораго она любила, какъ второго отца. Сэръ Робертъ стоялъ на своемъ, Викторія хотѣла, по ея выраженію, доказать, что она не дѣвочка, а королева, и кончилось тѣмъ, что торіи отказались отъ составленія кабинета, и виги остались у власти. Королева только этого и хотѣла, а «вопросъ о юбкахъ» самъ собою устранился. Но Лордъ Мельборнъ, хотя и поддерживалъ Викторію въ этомъ первомъ и послѣднемъ конституціонномъ ея кризисѣ, но доказалъ ей, что она неправа, и она впослѣдствіи уже никогда не посягала на нарушеніе конституціи даже въ такомъ мелочномъ вопросѣ, хотя дѣйствительно практически неловко одной партіи управлять государствомъ, а женамъ и дочерямъ членовъ другой враждебной партіи стоять близко къ королевѣ и имѣть возможность вліять на нее. Съ тѣхъ поръ какъ все въ Англіи, и вопросъ о придворныхъ дамахъ разрѣшался компромиссомъ; именно по согласію съ премьерами при составленіи новыхъ кабинетовъ сама королева удаляла тѣхъ изъ придворныхъ дамъ, родство которыхъ съ вожаками оппозиціи дѣлало опаснымъ ихъ пребываніе при дворѣ.

Эпоха образцовой жены, т. е. отъ замужества до смерти принца Альберта, была хотя самою счастливою въ частной жизни Викторіи, но наиболѣе бурною въ государственномъ отношеніи, такъ какъ съ этимъ временемъ совпали движенія чартистовъ, борьба съ Ир-

ландіей, Крымская война, возстаніе въ Индіи и неоднократныя покушенія на жизнь королевы. Послѣдніе печальные факты ясно доказывали, что Викторія очень медленно достигла того общаго народнаго культа, которымъ она пользуется подъ конецъ своего царствованія. Четыре раза стрѣляли въ нее изъ пистолета, и одинъ разъ отставной офицеръ ударилъ ее палкой, но ни одно изъ этихъ покушеній не вызвало реакціонныхъ мѣръ, и она сама заявила желаніе, чтобъ отмѣненъ былъ законъ, наказывавшій подобныя преступленія смертною казнью въ надеждѣ, что, отнявъ вѣнецъ мученичества лицъ, рѣшающихся поднять руку на королеву, законъ положитъ конецъ фанатическимъ выходкамъ. Дѣйствительно, какъ только парламентъ постановилъ, что покушеніе на жизнь королевы наказуется семилѣтней ссылкой, или трехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ, съ предоставленіемъ суду подвергнуть еще виновнаго тѣлесному наказанію, то прекратились подобныя преступленія, а если гораздо позднѣе въ 1872 г. еще разъ стрѣлялъ въ королеву Оконоръ, то онъ былъ ирландскимъ феніемъ, а съ тѣхъ поръ исчезло даже всякое опасеніе, чтобъ чья либо рука поднялась на всѣми уважаемую и любимую государыню. Что касается до принца Альберта Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, то бракъ съ нимъ былъ заключенъ по любви, и такъ какъ онъ отличался скромностью, то она сама предложила ему свою руку и сердце. Жили они до его смерти вполнѣ счастливо и хотя онъ не пользовался большою популярностью, благодаря холодному, сдержанному своему темпераменту, но, отличаясь замѣчательнымъ образованіемъ и благороднымъ, честнымъ характеромъ, онъ довольствовался ролью перваго секретаря королевы или несмѣняемаго премьера.

Послѣдній періодъ жизни Викторіи, именно эра Виндзорской вдовы, самый славный для нея и для страны. За это время совершены всѣ великія реформы Гладстона, расширены предѣлы государства, увеличены колоніи, произведены громадные шаги впередъ во всѣхъ отросляхъ. Конечно, Викторія прямо ничѣмъ не руководила, ничего сама не предпринимала и строго держалась англійской конституціонной теоріи, что государь можетъ только пользоваться правомъ совѣтовать, поощрять и предупреждать, но она принимала и принимаетъ самое живое участіе во внутренней и внѣшней политикѣ. Ей докладываютъ обо всемъ, она знаетъ все и всѣмъ интересуется, не смотря на свою старость. Строго безпристрастная въ общественныхъ дѣлахъ, она назначала и смѣняла министровъ согласно волѣ парламентскаго большинства, хотя въ началѣ своего царствованія чувствовала личную склонность къ вигамъ, а въ послѣдніе годы къ торіямъ. Послѣ лорда Мельборна, она болѣе всего любила Дизраэли, который сдѣлалъ ее императрицей Индіи, а холодно относилась къ сэру Роберту Пилю, лорду Пальмерстону и въ особенности къ Гладстону, но это не мѣшало ей вручать имъ власть и слѣдовать ихъ совѣ-

тамъ, когда они являлись отраженіемъ парламентскаго большинства; однимъ словомъ, по выраженію Маколея, «Викторія воскресила для блага своихъ подданныхъ Елисавету, но болѣе нѣжную, болѣе мудрую, болѣе счастливую». Брильянтовый юбилей со всѣми его восторгами и патріотическими выходками настолько доказалъ тѣсную связь между королевой и ея народомъ, что врядъ ли вѣроятны возникшіе надняхъ слухи объ ея отреченіи отъ престола, хотя въ сущности трудно придумать болѣе достойнаго конца ея царствованія. Въ случаѣ такого добровольнаго отказа отъ престола въ пользу своего сына, принца Уельскаго, Викторія покрыла бы неувядаемою славой свое уважаемое всѣми имя, и тогда уже дѣйствительно съ ней не пришлось бы сравнивать ни одного государя, упоминаемаго на страницахъ исторіи.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи. Переводъ, примѣчанія и приложенія П. В. Безобразова. Изданіе Солдатенкова. Москва. 1897.

ОЗНИКШІЙ у насъ въ послѣдніе годы интересъ къ изученію исторіи Византіи вызвалъ немалое число серьезныхъ ученыхъ работъ, посвященныхъ различнымъ частнымъ вопросамъ изъ этой совершенно неизслѣдованной и весьма любопытной исторіи. Но сочиненій общаго характера, въ которыхъ разсматривалась бы вполнѣ научно и основательно историческая судьба Византійской имперіи, за весь періодъ ея существованія, у насъ нѣтъ и не было: работы московскаго профессора А. П. Лебедева посвящены исторіи византійской церкви, а отдѣлы по византологіи въ общихъ курсахъ гражданской исторіи европейскихъ государствъ частію устарѣли, частію тенденціозны, неопредѣленны и кратки. Поэтому нельзя не отмѣтить появленія въ свѣтъ русскаго перевода «Исторіи Византіи» нѣмецкаго ученаго Герцберга.

Во введеніи къ своему труду Герцбергъ пишетъ, что онъ не ставитъ себѣ задачей входить во всѣ подробности византійской исторіи до паденія послѣдняго Палеолога, но имѣетъ въ виду прослѣдить эту исторію лишь въ общихъ чертахъ. При этомъ онъ намѣренъ преимущественно заняться тѣми элементами, на которыхъ покоилась жизненность Византійскаго государства, которое непрерывно противостояло страшнымъ нападеніямъ народовъ болгарскихъ, славянскихъ, арабскихъ, турецкихъ, вновь поднималось послѣ всякаго глубокаго

униженія, чтобы опять пасть, и даже въ состояніи было превозмочь самую тяжелую катастрофу, именно разгромъ столицы въ 1204 году, совершенный рыцарями четвертаго крестоваго похода. Далѣе, авторъ намѣренъ придавать большой вѣсъ необыкновенному значенію, сохранившемуся за Византіей въ теченіе вѣковъ послѣ паденія Западно-Римской имперіи и состоявшему въ томъ, что она была наслѣдницей и носительницей богато развитой цивилизаціи и сокровищъ античной культуры. Византія хранила эту античную культуру въ то время, какъ на ряду съ ней возникала новая и блестящая арабская культура, и въ то время, какъ въ Европѣ частью въ противоположность, частью въ связи съ ней, медленно развивалась западная культура, возникшая главнымъ образомъ отъ сліянія романскаго духа съ германскимъ. Минута, когда турецкія ядра пробиваютъ, наконецъ, роковую брешь въ исполинскихъ стѣнахъ Константинополя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ, когда западъ, развившій у себя новую прочную культуру, становится убѣжищемъ для послѣднихъ носителей погибающаго греческаго просвѣщенія. На этомъ же моментѣ прекращаетъ исторію Византіи и нашъ авторъ (стр. 2).

Такимъ образомъ задача, поставленная Герцбергомъ, довольно почтенна, и онъ, по мѣрѣ своихъ научныхъ средствъ, старается осуществить ее. Написанный имъ томъ (въ 580 страницъ въ русскомъ переводѣ) дѣлится на двѣ части, въ первой изъ которыхъ обозрѣвается исторія Византійской имперіи отъ Юстиніана I (527—565 г.) до завоеванія Константинополя латинянами въ 1204 году, а во второй — отъ четвертаго крестоваго похода до завоеванія Византіи турками въ 1453 году. Каждая изъ частей подраздѣляется на отдѣлы въ зависимости отъ наиболѣе крупныхъ и характерныхъ событій въ тотъ или другой періодъ, а отдѣлы — на главы. Нѣтъ нужды входить въ подробный обзоръ большой книги Герцберга, скажемъ лишь, что въ ней довольно детально разсматривается исторія Византіи за все время ея существованія. Авторъ знакомъ съ литературою по византологіи и всюду старается быть на высотѣ научныхъ знаній. Тонъ его рѣчи гармонируетъ съ научными изысканіями недавняго времени, раскрывшими внутреннюю жизнь Византіи совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ она представлялась въ ученыхъ работахъ со времени Гиббона. Языкъ автора отличается краткостью и выразительностью. Словомъ, въ бѣдной русской литературѣ по византологіи переводъ книги Герцберга можетъ принести пользу и въ достаточной мѣрѣ можетъ популяризировать въ русскомъ обществѣ научныя знанія изъ весьма интересной исторіи Византіи. Но при всемъ томъ, намъ хотѣлось бы видѣть въ русской литературѣ на мѣстѣ книги Герцберга другую, съ иными научными качествами и иначе составленную. Внѣшняя исторія Византіи настолько любопытна и разнообразна, ея судьба исполнена столь неожиданныхъ и часто глубоко трагическихъ превратностей, строй ея внутренней жизни такъ богатъ своеобразными особенностями, а культура настолько разностороння и обильна вліяніемъ на культуру народовъ славянскихъ и западно-европейскихъ, что книга Герцберга никакъ не можетъ удовлетворить такого читателя, который хотя немного знакомъ съ этими и подобными сторонами въ жизни Византіи. Прежде всего, сочиненіе Герцберга отличается односторонностью въ томъ отношеніи, что авторъ слиш-

комъ много и подробно занимается исторіею войнъ Византійской имперіи съ различными варварскими народами; эта сторона въ жизни Византіи получаетъ въ изложеніи Герцберга перевѣсъ надъ всѣми остальными и утомляетъ читателя своими мелкими деталями и разнообразіемъ быстро мѣняющихся картинъ и событій изъ боевой жизни Византіи. Если бы Герцбергъ держался болѣе вѣрнаго критерія въ оцѣнкѣ и изложеніи этой стороны византійской исторіи, то въ его книгѣ не оказалось бы отмѣченной крайности въ ущербъ другимъ также крупнымъ и существеннымъ явленіямъ въ той же исторіи. Да и вообще авторъ страдаетъ излишнею склонностью къ мелочамъ и подробностямъ и нерѣдко удивляетъ читателя фактическою стороной событій, нагромождая факты сверхъ научной потребности. И это качество слѣдуетъ отнести къ невыгоднымъ для книги особенностямъ. Историкъ обязанъ не только давать факты, хотя бы и въ большомъ числѣ, но и долженъ научно освѣщать ихъ, объяснять и дѣлать соотвѣтствующіе научные выводы. Историческое сочиненіе необходимо должно имѣть и философскій элементъ, и въ немъ, именно, по нашему мнѣнію, заключается центръ тяжести историческаго изслѣдованія. Нѣтъ нужды приводить много фактовъ, иногда неважныхъ, достаточно указать лишь наиболѣе существенные и характерные, но сдѣлать изъ нихъ научный выводъ, особенно въ работѣ, предназначенной для общаго употребленія, совершенно необходимо. Между тѣмъ, въ книгѣ Герцберга какъ разъ и не обращено достаточнаго вниманія на философскую основу византійской исторіи. Отсюда получается, кромѣ отмѣченнаго недостатка, и тотъ, что культурная жизнь Византіи, на которую авторъ хотѣлъ обратить наибольшее вниманіе, какъ на основу и выраженіе необыкновенной силы Византіи въ борьбѣ съ постоянными врагами, слабо раскрыта Герцбергомъ и разбита въ его изложеніи на мелкіе отрывки. Составить по этимъ кускамъ общую картину чрезвычайно богатой и разнообразной византійской культуры рядовому читателю далеко не по силамъ. Та же недостаточность синтетическаго элемента въ книгѣ Герцберга невыгодно отражается и на изложеніи церковной жизни Византіи. Извѣстно, что церковь и государство жили въ Византіи весьма тѣсною и неразрывною жизнью; интересы того и другого института переплетались въ многочисленныхъ пунктахъ, и исторія Византіи, вслѣдствіе этого, есть одновременно и совмѣстно церковная и гражданская, съ преобладаніемъ въ извѣстные періоды дѣятельности церкви. Между тѣмъ въ книгѣ Герцберга церковная жизнь выдвинута слабо, обозрѣвается съ частыми уклоненіями въ сторону излишнихъ деталей и иногда освѣщается неправильно и несогласно съ безспорными церковно-историческими данными. Этотъ недостатокъ особенно чувствуется тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о византійской культурѣ, носителями и выразителями коей были по преимуществу представители церкви, подвизавшіеся на различныхъ поприщахъ культурной дѣятельности и развившіе ее въ высокой степени, какъ это прекрасно доказано въ новѣйшемъ сочиненіи мюнхенскаго профессора К. Крумбахера «Исторія византійской литературы» (1897 г.). Затѣмъ, въ научномъ отношеніи книга Герцберга въ наше время уже нѣсколько устарѣла. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ она вышла въ 1883 году, а съ того времени въ области византологіи сдѣлано немало новыхъ открытій, чрезвычайно важныхъ и разностороннихъ, во многихъ

случаяхъ дополняющихъ и измѣняющихъ прежніе взгляды. И переводчикъ книги Герцберга, г. Безобразовъ, вполнѣ сознавалъ недостаточность оригинала въ научномъ отношеніи и дополнилъ его примѣчаніями и приложеніями. Что касается примѣчаній переводчика, то они большею частью состоятъ изъ выписокъ, иногда довольно пространныхъ, взятыхъ изъ различныхъ русскихъ сочиненій по византологіи, и отчасти изъ самостоятельныхъ поясненій г. Безобразова. Но ихъ въ книгѣ немного, сравнительно съ многочисленными неясными ея мѣстами. Очень цѣнными въ научномъ отношеніи слѣдуетъ признать приложенія къ переводу, составленныя г. Безобразовымъ. Такихъ приложеній числомъ семь (стр. 581—674), и они касаются тѣхъ вопросовъ изъ исторіи Византіи, которые не нашли себѣ мѣста въ книгѣ нѣмецкаго ученаго, именно — о придворномъ церемоніалѣ, о ремесленныхъ и торговыхъ корпораціяхъ въ Византіи, о крестьянахъ и крестьянскомъ землевладѣніи, о податной системѣ и т. п. Составленныя, за небольшимъ исключеніемъ, вполнѣ самостоятельно и научно приложенія эти производятъ прекрасное впечатлѣніе на читателя и немало сглаживаютъ невыгодныя качества нѣмецкаго оригинала. Вмѣстѣ съ тѣмъ невольно возникаетъ мысль, почему бы не составить исторію Византіи кому либо изъ авторитетныхъ русскихъ ученыхъ, коимъ по преимуществу должна принадлежать иниціатива въ изученіи исторіи Византіи и честь въ популяризаціи знаній изъ области византологіи. У насъ есть немало такихъ лицъ, которыя вышли бы изъ всѣхъ трудностей этой работы съ безспорнымъ успѣхомъ. И такъ, доколѣ же мы будемъ удовлетворяться посредственными иностранными трудами по исторіи Византіи, хотя бы и переведенными, какъ книга Герцберга, вполнѣ хорошо и со всѣми возможными со стороны авторитетнаго русскаго ученаго прикрасами устарѣвшаго нѣмецкаго оригинала?.. Σ.

Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства, 2 тома. Спб. 1897.

Подъ такимъ заглавіемъ выпущенъ въ настоящемъ году департаментомъ мануфактуръ и торговли обширный двухъ-томный трудъ, подъ редакціей извѣстныхъ московскихъ ученыхъ А. И. Чупрова и А. С. Посникова, и состоящій изъ статей компетентныхъ русскихъ статистиковъ—Н. Ѳ. Анненскаго, В. Н. Григорьева, профессора Н. А. Каблукова, профессора Н. А. Карышева, А. Н. Мареса, Н. О. Осипова, М. А. Плотникова, В. И. Покровскаго, Д. И. Рихтера, профессора Фортунатова, профессора А. И. Чупрова и Ф. А. Щербины. Имена редакторовъ этого труда, какъ равно и сотрудниковъ, заранѣе обѣщали русскому обществу, что любопытная тема о зависимости между урожаями и хлѣбными цѣнами, имѣющей такое коренное значеніе въ русской экономической жизни, будетъ разработана вполнѣ безпристрастно, научно и тщательно. Результаты, дѣйствительно, оправдали ожиданія, и всѣ статьи, въ предѣлахъ современной научной возможности, вышли чрезвычайно поучительными и достойными серьезнаго вниманія, какъ по качеству вложеннаго сюда матеріала, такъ и по своимъ выводамъ. Выводы эти, вытекающіе непосредственно и логически

изъ комбинаціи статистическихъ матеріаловъ, получились во всѣхъ статьяхъ однородные и могутъ быть сведены къ двумъ главнѣйшимъ положеніямъ: 1) что высокій урожай отражается благопріятно на крестьянскомъ хозяйствѣ при всякомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ, и 2) что наиболѣе выгодною комбинаціею для крестьянскихъ бюджетовъ оказываются высокіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ. Такіе результаты научныхъ изслѣдованій подтвердили истинность словъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1895 годъ, гласящихъ, что «низкій уровень хлѣбныхъ цѣнъ весьма неблагопріятно отражается на частно-владѣльческихъ хозяйствахъ, хотя далеко не въ одинаковой мѣрѣ. Низкія цѣны, во многихъ мѣстностяхъ, не покрывающія даже издержекъ производства, особенно тягостны для хозяевъ, обремененныхъ ипотечными долговыми обязательствами и нуждающихся въ болѣе или менѣе значительномъ оборотномъ капиталѣ для веденія хозяйства. Нѣсколько легче положеніе тѣхъ имѣній, гдѣ вполнѣ или частью денежная оплата труда замѣняется разнообразными формами натуральнаго вознагражденія. Немало и такихъ хозяйствъ, въ которыхъ главнымъ источникомъ дохода служитъ не хлѣбопашество, а другія отрасли сельскаго хозяйства и сельско-техническія производства. Наконецъ, для мелкихъ земельныхъ владѣній источникомъ выгоды является главнѣйше собственное потребленіе произведеній изъ хозяйства, независимо отъ рынка». Эти соображенія министра финансовъ приводили его къ заключенію, что «для Россіи, въ общей совокупности интересовъ ея сельскаго и всего народного хозяйства, высокій урожай является благословеніемъ, даже если онъ сопровождается нѣкоторымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ и, наоборотъ, въ годины неурожаевъ наше народное хозяйство подвергается самымъ чувствительнымъ потрясеніямъ». Мысль, высказанная въ высочайшемъ докладѣ о томъ, что низкія цѣны на хлѣбъ угнетаютъ почти исключительно крупныхъ землевладѣльцевъ, а для массы крестьянской, являющейся потребителемъ этого хлѣба, вреда не приносятъ, мысль эта—встрѣтила свое научное подтвержденіе и въ трудѣ, изданномъ подъ редакціей г.г. Чупрова и Посникова, и наиболѣе рельефно проведена въ статьяхъ: г. Мареса «Производство и потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ», г. Чупрова «Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе земельной собственности», г. Щербины «Крестьянскіе бюджеты и зависимость ихъ отъ урожаевъ и цѣнъ на хлѣбъ», г. Карышева «Крестьянскія внѣ-надѣльныя аренды въ зависимости отъ колебаній хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ, г. Анненскаго «Цѣны на земледѣльческій трудъ въ связи съ урожаями и хлѣбными цѣнами», г. Каблукова «Значеніе хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія въ Европейской Россіи».

Указанные выше результаты всего сочиненія, хотя и не представляли собою съ идейной точки зрѣнія чего нибудь совершенно новаго, но обставленные рядомъ научныхъ доказательствъ и проведенные черезъ цѣлую фазу живыхъ комбинацій русской дѣйствительности, рѣзко шли въ разрѣзъ съ установившеюся въ печати точкою зрѣнія о бѣдственности для всей Россіи низкихъ цѣнъ и о связанномъ съ этимъ обстоятельствомъ поголовномъ обнищаніи страны. Такое разнорѣчіе между ученымъ изслѣдованіемъ передовыхъ московскихъ ученыхъ и ходячимъ общимъ мѣстомъ публицистики вызвало въ нашей печати

необычайный переполохъ. На редакторовъ «Вліянія урожаевъ» посыпались громы и молніи изъ самыхъ разнообразныхъ и діаметрально противоположныхъ лагерей, и имена г.г. Чупрова и Посникова, а въ особенности перваго изъ нихъ, безжалостно и несправедливо сдѣлались сосредоточіемъ самыхъ рѣзкихъ и даже несправедливыхъ выходокъ. Оппоненты ставили на видъ редакторамъ и ихъ сотрудникамъ не только, что было сказано въ книгѣ, но и то, о чемъ здѣсь не было никакой рѣчи! Чтеніе въ мысляхъ и душахъ авторовъ сдѣлалось весною текущаго года такого рода занятіемъ, въ коемъ публицисты разныхъ лагерей отводили наболѣвшія свои страсти и громко исповѣдывали излюбленныя политическія доктрины. «Московскія Вѣдомости», съ г. Грингмутомъ во главѣ, поспѣшили провозгласить зловредность тенденціи «Вліянія урожаевъ», наносящей революціонный ударъ крупному землевладѣнію вообще и дворянскому въ частности; представители же петербургскаго либерализма, въ лицѣ г.г. Исаева и Ходскаго, обвинили московскихъ ученыхъ въ стремленіи освѣтить розовою краскою русскую дѣйствительность, въ желаніи, изъ угоды министерству финансовъ, признать благоденствіе и экономическій прогрессъ Россіи. Страсти разгорались сильнѣе и сильнѣе, и безупречныя имена г.г. Посникова и Чупрова были незаслуженно забрызганы грязью, причемъ каждая наша общественная группа изъ указанныхъ выше стремилась окрасить изданіе департамента мануфактуръ и торговли въ тотъ политическій цвѣтъ, который этой партіи былъ нуженъ для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ главной задачей изслѣдованія. Въ сущности говоря, ни редакторы «Вліянія урожаевъ», ни ихъ сотрудники не стремились ни къ какимъ практическимъ цѣлямъ политическихъ партій; они ни однимъ словомъ не оговорились о томъ, что крупное и дворянское землевладѣніе слѣдуетъ разрушить или, наоборотъ, поддержать, какъ равно рѣшительно не имѣли въ виду провозглашать современнаго благоденствія Россіи и той мысли, что «дома все спокойно». Они только честно и съ скромнымъ сознаніемъ всей трудности возложенной на нихъ задачи выполнили свое дѣло, и не ихъ вина, если они результатами своей работы подтвердили слова всеподданѣйшаго доклада и сошлись во мнѣніяхъ съ нѣкоторыми западно-европейскими учеными, проповѣдующими уже не одинъ годъ о выгодности для недостаточной массы мелкихъ землевладѣльцевъ низкихъ рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Ставили критики на счетъ почтеннымъ изслѣдователямъ и несовершенство метода всей работы вообще и нѣкоторыхъ ея частей (статьи г.г. Мареса, Щербины, Анненскаго), но и здѣсь оппоненты переступали всякія границы спокойной критики, ради полемическихъ цѣлей повышали донельзя требованія статистической осторожности и полноты, рѣшительно забывая и количество имѣвшагося въ распоряженіи авторовъ статистическаго матеріала и состояніе современной русской статистики вообще. Нельзя, однако, не отмѣтить, что замѣчанія статистическаго характера со стороны оппонентовъ были наиболѣе существенными и, если они не опровергли выводовъ г.г. Чупрова и Посникова въ нѣкоторыхъ частяхъ изслѣдованія, то во всякомъ случаѣ все же сдѣлали свое дѣло, обнаруживъ недостаточную обоснованность этихъ выводовъ.

Весь инцидентъ съ обширнымъ трудомъ о «Вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ

цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» какъ нельзя более обнаружилъ крайнюю русскую некультурность, при наличности которой мы готовы порочить честныя имена тѣхъ дѣятелей, которые своей многолѣтней работой на пользу русскаго народа успѣли заслужить себѣ безупречную репутацію и всеобщую признательность. Эта некультурность, какъ равно и обрисованный выше инцидентъ, являются, конечно, продуктомъ общихъ условій русской жизни, гдѣ, при наличности усиленной регламентаціи и опеки, накипѣвшія силы и страсти не имѣютъ достаточнаго и нужнаго для себя выхода. Такое положеніе дѣлъ и порождаетъ острыя полемики, подобныя отмѣченной въ настоящей рецензіи, когда люди, чтобъ получить только какую нибудь возможность высказаться откровенно и громко, рады всякому случаю, всякому предлогу, даже если для этого нужно набросить тѣнь на излюбленныхъ людей общества. По счастію, однако, имена г.г. Чупрова и Посникова пользуются такою безупречною репутаціей, и дѣятельность ихъ настолько внѣ всякихъ подозрѣній, что весь шумъ, поднятый публицистикой около ихъ работы, причинилъ имъ только нѣсколько временныхъ непріятностей, но никоимъ образомъ не подорвалъ къ нимъ общественныхъ симпатій и довѣрія.

В. Глинскій.

Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Браннъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Т. II. Западный періодъ (отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней). Одесса. 1897.

Въ № 12 «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ данъ былъ нами отзывъ о первомъ томѣ «Еврейской исторіи», скомпилированной г. Дубновымъ изъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ Бека и Бранна. Мы нашли тогда этотъ томъ неудовлетворяющимъ мало-мальски серьезнымъ научнымъ требованіямъ, такъ какъ г. Дубновъ воспользовался главнымъ образомъ сочиненіемъ раввина Бека, представляющимъ изъ себя весьма неинтересный, а часто и крайне тенденціозный перечень самыхъ маловажныхъ случаевъ изъ многовѣковой, правда, но небогатой фактами внѣшняго характера жизни еврейскаго народа; что же касается до развитія религіи, вокругъ и на основаніи которой зиждилась постоянно вся еврейская исторія, то сію послѣднюю Бекъ, а за нимъ и г. Дубновъ почти обходятъ молчаніемъ, между тѣмъ какъ въ трудѣ профессора Бранна исторія религіи и религіозной литературы стоятъ на первомъ планѣ. Мы высказывали тогда же надежду на то, что во второмъ томѣ, долженствовавшемъ обнимать исторію еврейства въ Западной Европѣ, Бранну будетъ удѣлено нѣсколько болѣе вниманія.

Но нынѣ вышедшій второй томъ ясно доказалъ намъ, что надежды наши были тщетны, и что г. Дубновъ, издавая свою «Еврейскую исторію», задавался совсѣмъ не цѣлями ознакомленія русскаго общества съ развитіемъ религіоз-

ныхъ и политическихъ воззрѣній еврейскаго народа, а цѣлями, ничего общаго съ наукой исторіи не имѣющими. Если въ первомъ томѣ, посвященномъ исторіи евреевъ на востокѣ, онъ рабски слѣдовалъ за Бекомъ, то, приближаясь къ временамъ новѣйшимъ, онъ и послѣдняго счелъ недостаточно тенденціознымъ, такъ какъ, не смотря на все свое юдофильство, Бекъ все-таки старался по возможности меньше уклоняться отъ истины, а потому тамъ, гдѣ ему приходилось отнестись съ неодобреніемъ къ «политической» дѣятельности своихъ соотечественниковъ, онъ обходилъ послѣднюю молчаніемъ и обращался къ разбору религіозной литературы евреевъ, иначе говоря, начиналъ слѣдовать наивѣрнѣйшему пути въ изложеніи еврейской исторіи. Посему г. Дубновъ второй томъ своего «труда» рѣшилъ обработать самостоятельно собственными силами, «остерегаясь», какъ говоритъ онъ въ предисловіи, «ошибочнаго пріема большинства авторовъ, въ томъ числѣ и Бека, а въ особенности Бранна, превращающихъ исторію западнаго періода въ исторію еврейской литературы». Благодаря подобной обработкѣ, второй томъ «Еврейской исторіи» представляетъ изъ себя самый беззастѣнчивый юдофильствующій памфлетъ, гдѣ самые общеизвѣстные факты искажены до неузнаваемости, съ цѣлью показать, сколько пользы принесли бы евреи тѣмъ народамъ, среди которыхъ обитали, если бы сами народы эти не воздвигали на евреевъ постоянныхъ, вполнѣ безпричинныхъ гоненій, поневолѣ ожесточавшихъ послѣднихъ и заставлявшихъ ихъ относиться къ христіанамъ враждебно. Мы не станемъ приводить и подвергать разбору инсинуаціи г. Дубнова, такъ какъ, во-первыхъ, ихъ слишкомъ много, а, во-вторыхъ, не смотря на всю ловкость автора, всякій непредубѣжденный читатель, мало-мальски знакомый съ исторіей Европы, можетъ самъ ясно убѣдиться въ полной лживости приводимыхъ г. Дубновымъ фактическихъ данныхъ. Но чтобы предостеречь отъ напрасной потери времени лицъ, которыя, обманутыя громкимъ именемъ профессора Бранна, красующимся на обложкѣ книги, захотятъ ознакомиться съ «Еврейскою исторіей», приведемъ одну большую выписку, изъ которой всякому будетъ видно, насколько «историческій» характеръ носитъ эта «исторія».

«Германскій антисемитизмъ проникъ прежде всего въ извѣстную часть русской періодической печати («Новое Время» и др.), которая за неимѣніемъ положительныхъ принциповъ сдѣлала себѣ ремесло изъ травли инородцевъ и иновѣрцевъ. Усердная юдофобская проповѣдь прессы возъимѣла свое дѣйствіе на ту часть русскаго общества, которая совершенно незнакома съ еврействомъ и поэтому принимаетъ на вѣру всѣ измышленія профессіональныхъ юдофобовъ. Даже вспыхнувшіе въ 1881 году на югѣ Россіи антиеврейскіе погромы, осужденные лучшею частью русскаго общества и правительственною властью, не остановили этой юдофобской пропаганды, а напротивъ еще усилили ее. Послѣдующія событія еще свѣжи въ памяти. Лихорадочное эмиграціонное движеніе среди русскихъ евреевъ, вызванное погромами, усилилось вслѣдствіе прогрессивнаго ухудшенія экономическихъ условій жизни въ еврейской чертѣ осѣдлости. «Временныя правила» 3-го мая 1882 г., запретившія евреямъ проживать въ селахъ и деревняхъ, рядъ выселеній изъ внутреннихъ губерній Россіи и въ особенности изъ Москвы привели къ чрезмѣрному сгущенію бѣднаго еврейскаго населенія въ городахъ черты осѣдлости и крайне

обострили борьбу за существованіе. Ограниченіе пріема евреевъ въ общія учебныя заведенія, сокращеніе правъ евреевъ, уже кончившихъ свое образованіе, и многія другія мѣропріятія поставили преграду начавшемуся въ 60-хъ годахъ просвѣтительному движенію... Въ образованныхъ слояхъ еврейскаго общества начался тотъ процессъ нравственнаго самоопредѣленія, который обыкновенно слѣдуетъ за тяжкими испытаніями. Прежнее стадное стремленіе къ сліянію съ окружающимъ населеніемъ и недостойный индиферентизмъ къ интерессамъ еврейской массы смѣнились горячимъ желаніемъ сблизиться съ этой массой, служить ей по мѣрѣ силъ, улучшить ея бытъ и поднять ея умственный уровень. Еврейская національная идея укореняется въ сознаніи интеллигенціи, хотя и проявляется въ различныхъ формахъ» (стр. 459—460).

Не правда ли, эта тирада по тону сильно напоминаетъ публицистическія статьи нашихъ еврействующихъ газетъ, въ родѣ «Новостей», и была бы тамъ во всякомъ случаѣ болѣе умѣстна, нежели въ книгѣ, претендующей на названіе «исторической»? А между тѣмъ таковъ же тонъ всего второго тома «Еврейской исторіи». Только напрасно г. Дубновъ думаетъ при посредствѣ сшитыхъ бѣлыми нитками инсинуацій заставить русскихъ людей преклониться передъ геніемъ еврейскаго народа и безропотно отдать самихъ себя ему на съѣденіе: намъ слишкомъ хорошо изъ опыта извѣстно, чѣмъ пахнетъ желаніе евреевъ слиться съ окружающимъ населеніемъ, и насколько такое сліяніе для этого населенія выгодно.

К. Лосскій.

Гюставъ Лансонъ. Исторія французской литературы (переводъ со второго французскаго пересмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ изданія). Томъ I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1896.

Вотъ книга, которая, не въ примѣръ другимъ изданіямъ г. Солдатенкова, въ переводѣ стоитъ несравненно дороже (по крайней мѣрѣ, въ пять разъ), нежели въ оригиналѣ, и которую тѣмъ не менѣе гораздо удобнѣе читать въ переводѣ, по крайней мѣрѣ, въ первомъ изданіи оригинала (2-го мы, къ сожалѣнію, не видали). Три года тому назадъ, фирмою Hachette, если не ошибаемся, былъ изданъ почти кубическій томикъ въ 16°, въ тысячу слишкомъ страницъ страшно убористой и мелкой печати, съ удобнымъ указателемъ. Французская критика встрѣтила его очень благосклонно. Въ изданіи К. Т. Солдатенкова переводъ этого томика составитъ два толстые тома in 8°; но за то читатель,— книга написана, именно, для чтенія, а не для справокъ,—не ослѣпнетъ надъ нею. Пока появился первый томъ, обнимающій средніе вѣка, возрожденіе и такъ называемую «классическую» французскую литературу XVII в. до Лабрюйера и Фенелона включительно. О руководящихъ идеяхъ Лансона, о достоинствахъ и недостаткахъ его труда, на которомъ, по всей вѣроятности, воспитается цѣлое поколѣніе, мы будемъ говорить послѣ появленія на русскомъ языкѣ второй половины его книги. Теперь же скажемъ слова два о переводѣ и изданіи.

Во-первыхъ, переводъ этотъ, по нашему убѣжденію, не только полезенъ, но даже необходимъ: порусски нѣтъ ни одного общаго обозрѣнія исторіи

французской литературы, которое хотя бы приблизительно равнялось, по живости изложенія, полнотѣ и даже по степени научности, книгѣ Лансона, и наша учащаяся молодежь несомнѣнно будетъ благодарна издателю, такъ какъ до сихъ поръ она должна была довольствоваться или монографіями, или обзорами, до крайности поверхностными.

Далѣе, мы должны замѣтить, что переводъ сдѣланъ лицомъ, хорошо знающимъ оба языка — французскій и русскій (странныя выраженія, въ родѣ философской закалки, стр. 8, встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія), и достаточно образованнымъ для того, чтобы вполнѣ понимать, какъ факты, излагаемые авторомъ, такъ и его умѣренно-глубокомысленныя обобщенія. Къ сожалѣнію, лицо это, очевидно, недостаточно знакомо съ русскою научною терминологіей и съ способомъ передачи на русскій языкъ средневѣковыхъ именъ, да, можетъ быть, и вообще не особенно начитано въ исторіи среднихъ вѣковъ и возрожденія. Отъ этого встрѣчаются такія странности, какъ Христіанъ изъ Труа (стр. 82 и слѣд.), сенъ-галльскій монахъ (стр. 42), даже Эжинаръ, въ которомъ рѣдко кто узнаетъ Эгингарда, историка Карла Великаго (стр. 41; въ этомъ, впрочемъ, случаѣ переводчикъ добросовѣстно поставилъ въ скобкахъ Eginhard) и т. д. По мѣрѣ приближенія къ новой литературѣ такихъ странностей гораздо менѣе. Если-бъ переводчикъ былъ болѣе спеціалистомъ, онъ непремѣнно снабдилъ бы текстъ библіографическими указаніями на русскія монографіи по французской литературѣ (у насъ есть очень удачныя, напр., Александра Н. Веселовскаго о Раблэ, Алексѣя Н. Веселовскаго о Мольерѣ и др.) и на русскіе переводы. Еще необходимѣе было бы пополнить книгу Лансона въ 1-ой ея части, хотя бы краткимъ обозрѣніемъ провансальской литературы (напримѣръ, по Барчу): нельзя же ожидать, чтобы русскій читатель имѣлъ особую книгу по поэзіи трубадуровъ. Ѳеографія новыхъ собственныхъ именъ у переводчика тоже едва ли можетъ быть признана удачною. **А. К.**

Приключенія одного скитальца. Повѣсть М. Н. Альбова. Москва. 1897.

Нашъ симпатичный беллетристъ, г. Альбовъ, къ сожалѣнію, достаточно скупой на подарки читающей публикѣ, выступилъ въ совершенно новомъ литературномъ амплуа, какъ писатель для юношества и дѣтей. Такого рода общеніе съ юной аудиторіей за послѣднее время среди современныхъ беллетристовъ практикуется довольно часто. Редакція «Дѣтскаго Чтенія» сумѣла привлечь ихъ къ постоянному сотрудничеству, и въ каждомъ № этого журнала появляется какое нибудь произведеніе тѣхъ писателей, которые до сихъ поръ фигурировали лишь на страницахъ большихъ журналовъ и съ длинными произведеніями. Такъ, г. Маминъ-Сибирякъ далъ цѣлый рядъ чрезвычайно удачныхъ очерковъ, написанныхъ для дѣтей младшаго возраста и почерпающихъ свое содержаніе изъ жизни домашнихъ животныхъ; за нимъ послѣдовалъ и г. Альбовъ, напечатавшій въ прошломъ году въ томъ же журналѣ повѣсть «Снѣжокъ и Картошка», которая нынѣ вышла отдѣльнымъ изданіемъ,

подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Такое вниманіе къ дѣтской литературѣ явленіе въ высшей степени симпатичное и полезное; благодаря ему, весьма возможно, эта литература хоть нѣсколько приблизится къ уровню западно-европейской и выйдетъ изъ того жалкаго положенія, въ коемъ находилась до послѣдняго времени. Разные лубочные предприниматели до того изгадили дѣтскія изданія, что положеніе родителей, желающихъ пріобрѣсть въ подарокъ своимъ дѣтямъ что нибудь сносное, воистину критическое; книжныя витрины передъ Рождественскими праздниками загромождены книгами «для дѣтей», но все достоинство послѣднихъ заключается исключительно въ яркости красокъ безобразныхъ иллюстрацій и въ дорогихъ цвѣтныхъ переплетахъ; текстъ же, содержимое этихъ переплетовъ, стоитъ ниже всякой критики и только портитъ вкусъ и умственное развитіе маленькихъ читателей. Если редакціи «Дѣтскаго Чтенія» удастся задуманною ею «библіотекой» внести въ эту область усовершенствованіе и сдѣлать здѣсь переворотъ къ лучшему, то за нею будетъ несомнѣнно большая общественная заслуга и крупное доброе дѣло. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать отъ всей души такихъ изданій, какъ «Дѣтскіе разсказы» Д. Мамина и «Приключеніе одного скитальца» г. Альбова.

Содержаніемъ этого новаго произведенія нашего беллетриста служатъ приключенія одной собаки, которая отбилась отъ хозяевъ при переѣздѣ на дачу и съ этого момента переживаетъ рядъ событій, то повергающихъ ее въ большую нужду, то снова возвращающихъ ее къ спокойствію и довольству. Она проходитъ черезъ руки нѣсколькихъ хозяевъ, заводитъ широкое уличное знакомство, испытываетъ массу впечатлѣній и дѣлаетъ множество наблюденій. Какъ выдающійся въ нашей литературѣ психологъ, г. Альбовъ и въ настоящемъ случаѣ сумѣлъ вложить въ свою работу отличительную свою способность. Весь интересъ повѣствованія заключается поэтому не столько въ явленіяхъ внѣшней жизни, сколько въ анализѣ внутренняго духовнаго міра главнаго героя повѣсти и его четвероногихъ знакомыхъ—собакъ и кошекъ. Авторъ, повидимому, немало сдѣлалъ для своей работы наблюденій, накопилъ здѣсь обширнѣйшій матеріалъ и представилъ его маленькимъ читателямъ въ яркомъ и правдивомъ освѣщеніи. Его звѣри не манекены, мелькающіе передъ нашими глазами въ натянутыхъ и искусственно выдуманныхъ положеніяхъ, но дѣйствительно живыя существа, съ плотью и кровью, достойныя изученія своимъ своеобразнымъ и малодоступнымъ нашему познанію внутреннимъ міромъ. Дѣти, познакомившіяся со всѣми превратностями жизни четвероногаго героя г. Альбова, вынесутъ отсюда немало поучительнаго и дѣйствительно сумѣютъ проникнуться интересами бѣднаго пса. Талантливый писатель, по крайней мѣрѣ, вложилъ въ изображеніе его судьбы все искусство своей кисти и глубину способности наблюденія. Отъ всей повѣсти вѣетъ удивительною теплотой и неподдѣльнымъ юморомъ, тѣми качествами, которыми такъ выгодно вообще выдѣляются произведенія г. Альбова. **В. Г.**

Сберегательныя кассы. Соціально-экономическое значеніе сберегательныхъ кассъ, иностранное законодательство, историческій очеркъ и современная постановка сберегательнаго строя въ Россіи. Н. Н. Бѣлявскаго. Спб. 1897.

Въ экономической области съ наибольшею рельефностью находитъ свое оправданіе тотъ извѣстный законъ, что практика предшествовала теоріи, и что теоретическія положенія получили окончательную формулировку въ зависимости отъ указаній жизни и опыта; вслѣдствіе этого едва ли кто станетъ отрицать громадное значеніе оцѣнки финансовыхъ учрежденій въ широкой исторической перспективѣ. Поставивъ своей задачей изслѣдовать соціально-экономическое значеніе сберегательныхъ кассъ, г. Бѣлявскій предпочелъ дать своему очерку самую широкую постановку. Сберегательныя учрежденія, насчитывая едва столѣтіе своего существованія, могутъ быть названы сравнительно молодымъ финансовымъ институтомъ. Тѣмъ не менѣе, въ постепенномъ складѣ ихъ организаціи замѣчаются немаловажныя и коренныя измѣненія, стоявшія въ зависимости отъ господства того или другого принципа, положеннаго въ основу ихъ устройства. Такъ, въ первичной своей формѣ, сберегательныя кассы производили операціи, какъ по пріему сбереженій, такъ и по выдачѣ ссудъ (т. е. были собственно кассами ссудо-сберегательными); затѣмъ, строй сберегательныхъ учрежденій имѣетъ различный характеръ, смотря по тому, сосредоточено ли это дѣло въ рукахъ извѣстной общественной группы, или же имъ всецѣло завѣдуетъ правительство.

Очеркъ г. Бѣлявскаго представляетъ, въ общемъ, полное и разностороннее изслѣдованіе предмета. Предварительно авторъ выясняетъ соціально-экономическое значеніе сберегательныхъ кассъ, при чемъ считаетъ ихъ одною изъ самыхъ разумныхъ и наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ пауперизмомъ. Эта теоретическая часть читается не безъ интереса, хотя не безъ сожалѣнія должны мы прибавить, что авторъ удѣлилъ ей мѣста съ напрасною скупостью (всего 29 стр.). Важнѣйшая, именно, историко-описательная часть распадается на два отдѣла. Сначала г. Бѣлявскій излагаетъ происхожденіе, развитіе и современный строй сберегательныхъ кассъ въ западно-европейскихъ странахъ (Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи и Бельгіи), а затѣмъ подробно говоритъ о развитіи сберегательныхъ кассъ въ нашемъ отечествѣ, при чемъ иллюстрируетъ свои выводы цифровыми данными изъ отчетовъ и другихъ офиціальныхъ источниковъ, а также излагаетъ дѣйствующій нынѣ уставъ.

Написанный вполнѣ научно, а вмѣстѣ съ тѣмъ просто и общепонятно, очеркъ г. Бѣлявскаго представляетъ несомнѣнный интересъ тѣмъ болѣе, что является первымъ и единственнымъ въ нашей литературѣ изслѣдованіемъ о сберегательныхъ кассахъ.

К. Х.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КОНФУЦІЯ. Во второй книгѣ — за апрѣль, май и іюнь, англійскаго журнала Imperial and Asiatic Review напечатанъ объемистый основательный очеркъ частной жизни Конфуція по старымъ и новымъ матеріаламъ [1]. Онъ составленъ Э. Паркеромъ и знакомитъ читателей съ великимъ философомъ, какъ съ человѣкомъ, и рисуетъ его ежедневное существованіе среди оригинальныхъ условій китайскаго общества за двадцать четыре вѣка тому назадъ. По своему происхожденію Кунгъ-Фу-Цe (Кунгъ-мудрецъ), имя котораго передѣлано португальскими іезуитами въ Конфуція, принадлежалъ къ одной изъ древнихъ китайскихъ династій, а отецъ его былъ извѣстнымъ военачальникомъ и славился своимъ необыкновеннымъ ростомъ. Ребенкомъ будущій философъ обращалъ на себя общее вниманіе тѣмъ, что темя у него было не выпуклое, а вогнутое; но, не смотря на это, съ семи лѣтъ онъ началъ ходить въ школу и пятнадцати уже серьезно занимался изученіемъ наукъ. На двадцатомъ году онъ женился и черезъ годъ жена родила ему сына, котораго онъ назвалъ Карпомъ, въ честь того, что государь той области, въ которой онъ жилъ, по принятому тогда обычаю, прислалъ его женѣ въ подарокъ двухъ карповъ. До тѣхъ поръ Конфуцій жилъ бѣдно, а около этого времени, получивъ казенное мѣсто сначала хранителя зерна, а затѣмъ смотрителя фермъ, онъ началъ собирать вокругъ себя учениковъ, подобно философамъ древней Греціи. Сохранившіеся его портреты рисуютъ великаго мыслителя, въ началѣ его проповѣдницеской дѣятельности, человѣкомъ очень высокаго роста, съ некрасивымъ лицемъ, странною головой, толстымъ приплюснутымъ носомъ, плоскими ушами, двумя выдающимися клыками и глазами, въ которыхъ преобладали бѣлки. Одинъ

[1]) Confucius, by E. H. Parker.—Imperial and Asiatic Review. April.

изъ самыхъ его горячихъ поклонниковъ принужденъ сознаться, что его спина очень походила на черепаху. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Конфуцій мирно продолжалъ проповѣдывать свои ученія взрослымъ и завелъ школу для юношей, которыхъ ему присылали отовсюду самыя высшія особы государства. Тридцати-шести лѣтъ отъ роду ему пришлось перебраться въ сосѣднюю область, такъ какъ на его родинѣ Лу возникли междоусобія, и тамъ онъ провелъ шесть лѣтъ, занимаясь преимущественно музыкой. Наконецъ, онъ вернулся въ Лу и, спустя четыре года, былъ назначенъ мѣстнымъ владѣтелемъ прежде министромъ общественныхъ работъ, а потомъ юстиціи. Занимая послѣдній постъ, онъ разыгралъ роль доисторическаго восточнаго Ришельё и уничтожилъ въ подвластной ему мѣстности древній феодализмъ, даже снесъ нѣсколько крѣпостей могущественныхъ феодаловъ. Вообще его общественная дѣятельность принесла столько пользы всей области и такъ возвысила её въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, что сосѣдніе правители стали завидовать и оговорили его передъ владѣтелемъ области, которому сдѣлали богатые подарки красивыми пѣвицами и кровными лошадьми. Конфуцій обидѣлся этой недостойной исторіей и предпринялъ цѣлый рядъ путешествій, вмѣстѣ продолжая ихъ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. На шестьдесятъ-девятомъ году онъ началъ писать исторію Китая, которая обнимала эпоху въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ 722 г. до Рождества Христова, а послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ цѣлому ряду сочиненій о древнихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, объ основахъ музыки и о правилахъ этикета. Достигнувъ семидесяти-трехлѣтняго возроста, онъ сталъ предчувствовать смерть и спокойно умеръ, выразивъ сожалѣніе въ послѣднія свои минуты, что не нашлось достаточно умнаго государя, чтобы вполнѣ воспользоваться его талантами. Все ученіе Конфуція, по словамъ Э. Паркера, если можно такъ выразиться, было теоріей золотой середины. Его главными личными качествами были умѣренность, скромность, терпѣливость, доброта, порядокъ, сдержанность, учтивость, любезность. Онъ ненавидѣлъ крайности и проповѣдывалъ такую философскую систему, которая имѣла цѣлью сдѣлать человѣка счастливымъ, и въ основѣ которой лежалъ его любимый тезисъ: не дѣлайте другимъ того, что не желаете, чтобы вамъ дѣлали. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что ученіе Конфуція никогда не было опредѣленною религіозною системой; но, по мнѣнію Паркера, это не совершенно вѣрно. Китайскій философъ только привелъ въ порядокъ уже существовавшія идеи и придалъ имъ новую жизненность, подобно тому, какъ христіанство возродило къ новой жизни еврейскую вѣру. Онъ возстановилъ культъ семьи и, по всей вѣроятности, вѣрилъ въ творца неба и земли, въ воскресеніе мертвыхъ и въ вѣчную жизнь; но все это понятія, свойственныя первобытнымъ людямъ, и не составляютъ опредѣленной религіозной системы. Такимъ образомъ дѣйствительно нельзя признавать Конфуція основателемъ религіи, невозможно отрицать и религіознаго характера его философскаго ученія. Поэтому и китайцы не питаютъ къ нему религіознаго культа и не обращаются къ нему съ молитвами, а чтутъ его память, какъ великаго составителя кодекса всѣхъ знаній, какъ изобрѣтателя письма и творца исторіи.

— Отношенія между древней Россіей и Франціей. Недавно вышелъ первый томъ исторической компиляціи Андрэ Ле-Глэ: Историческое происхожденіе франко-русскаго союза [1]). Изъ предисловія видно, что она навѣяна посѣщеніемъ Парижа русскимъ императоромъ и по этой самой причинѣ представляетъ не серьезное изслѣдованіе, а наскоро составленную компиляцію на основаніи бывшихъ у автора исключительно французскихъ печатныхъ матеріаловъ; поэтому нельзя къ книгѣ Ле-Глэ и предъявлять большихъ требованій, но съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя и не пожалѣть, что такое поверхностное, чтобы не сказать хуже, сочиненіе появляется въ то самое время, когда современная французская литература можетъ выставить столько почтенныхъ, добросовѣстныхъ и ученыхъ изслѣдованій по русской исторіи, какъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстные труды Рамбо, Леже, Вогюэ и многихъ другихъ. Книги этихъ достойныхъ уваженія популяризаторовъ правильныхъ свѣдѣній о Россіи такъ измѣнили общій тонъ французской литературы по вопросамъ русской исторіи, что странно встрѣтить теперь на страницахъ французскаго сочиненія, имѣющаго притязанія познакомить читателя съ происхожденіемъ русско-французскаго союза и посвященнаго Рамбо, автору учебника о Россіи, лучше котораго нѣтъ и на русскомъ языкѣ,—такія нелѣпости, какъ, напримѣръ, что Анна Ярославна, выйдя замужъ за французскаго короля Генриха I, назвала своего сына Филиппомъ, въ честь Филиппа Македонскаго, отъ котораго великіе князья кіевскіе вели свой родъ, или что у матери Петра Великаго, Натальи Кирилловны Нарышкиной, были двѣ тетки шотландскаго происхожденія, по фамиліи Гамильтонъ. Быть можетъ, еще страннѣе увѣренія Ле-Глэ, что вопросъ о первомъ самозванцѣ окончательно разрѣшенъ французскимъ романистомъ Мериме. Но если устранить подобныя легкомысленныя выходки автора и взять въ соображеніе, что онъ пишетъ для французовъ и по французскимъ матеріаламъ, то его историческая фабрикація можетъ принести французскимъ читателямъ извѣстную долю пользы, познакомивъ ихъ съ дипломатическими сношеніями между древней Россіей и Франціей отъ Ярослава до Петра Великаго, къ тому же крупнаго вранья, или искаженія истины, въ его книгѣ встрѣчается очень мало, и даже можно прямо сказать, что, только разсказывая о злополучной судьбѣ Талейрана въ Россіи при царѣ Ѳеодорѣ, Ле-Глэ прямо путаетъ, увѣряя, что Тайлерана сослали въ Сибирь, тогда какъ онъ находился въ заключеніи въ Костромѣ. Во всемъ же остальномъ онъ довольно вѣрно, хотя блѣдно и недостаточно рельефно, разсказываетъ исторію французовъ, посѣщавшихъ Россію, и русскихъ, бывавшихъ во Франціи по порученію ихъ правительствъ, въ XVI и XVII вѣкахъ. Какъ извѣстно, послѣ легендарнаго французскаго посольства къ Ярославу, съ цѣлью просить руки его дочери, первымъ представителемъ Франціи при русскомъ дворѣ былъ Францискъ де-Карлъ, котораго король Генрихъ III послалъ къ царю Ѳеодору, съ цѣлью завязать узы братской дружбы, въ отвѣтъ на посылку русскимъ царемъ въ 1584 году посла, въ лицѣ француза, жившаго въ Москвѣ, Пьера Рагона. Послѣдствіемъ этой

---

[1]) Les origines historiques de l'alliance franco-russe, par A. Le gay, première serie, Paris, 1897.

обмѣны вѣжливостей было заключеніе коммерческаго трактата между русскимъ правительствомъ и французскою фирмой Жана Парана, для обезпеченія интересовъ этого торговаго дома, который посылалъ корабли съ товарами въ Архангельскъ. Затѣмъ надолго прерываются официальныя отношенія между обоими государствами, хотя два француза, явившіеся въ Россію, какъ частныя лица, играли довольно видную роль въ смутную эпоху Лжедимитріевъ, именно капитанъ Маржеретъ, служившій то Борису Годунову, и сыну его Ѳеодору, то Лжедмитріямъ, и Пьеръ де-Лаваль, находившійся въ шведской арміи Делагарди. Только при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ снова начинаются прямыя сношенія съ Франціей и Иванъ Гаврилычъ Кондыревъ былъ отправленъ въ Парижъ въ качествѣ посла, съ цѣлью просить французскаго короля не дозволять своимъ подданнымъ служить въ арміяхъ шведскаго и польскаго королей. Людовикъ XIII уважилъ эту просьбу, и въ его письмѣ къ русскому царю говорится: «мы запретимъ нашимъ подданнымъ служить противъ васъ, и съ удовольствіемъ видѣли бы возобновленіе союза между обѣими странами, для чего пошлемъ къ вамъ пословъ». Дѣйствительно, въ 1629 году, явился въ Москву французскій посолъ Десге-Курмененъ, который въ своей рѣчи къ русскому царю заявилъ, что «слѣдуетъ царю составить одно цѣлое съ французскимъ королемъ, такъ какъ оба эти государя всюду славны, не имѣютъ себѣ равныхъ по могуществу и пользуются слѣпымъ повиновеніемъ своихъ подданныхъ, тогда какъ англичане и драбанцы дѣлаютъ все по своему хотѣнію». Но, несмотря на любезный пріемъ, Курмененъ ничего не добился на счетъ заключенія коммерческаго трактата и лишь получилъ отъ царя любезное письмо къ королю. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ Франція и Россія также послали другъ другу ни къ чему не приведшія посольства Константина Мачихина и Дезминьера, но въ 1667 году состоялась посылка въ Парижъ уже серьезнаго дипломатическаго агента въ лицѣ Петра Ивановича Потемкина. Разсказъ объ этомъ посольствѣ занимаетъ четверть книги Ле-Глэ и отличается значительною полнотой, а также большимъ интересомъ, такъ какъ онъ основанъ на обширномъ трудѣ князя Голицына объ этомъ посольствѣ на французскомъ языкѣ. Потемкинъ былъ принятъ Людовикомъ XIV со всевозможными почестями и вступилъ въ долгіе переговоры съ такими замѣчательными государственными дѣятелями, какъ маршалъ Вильруа, Кольберъ и тонкій дипломатъ Льенъ, которые объявили съ самаго начала, что имъ поручено королемъ заключить дружескій и вѣчный союзъ съ царемъ. Однако послѣ долгихъ разсужденій о томъ, какъ лучше развить франко-русскую торговлю, Потемкинъ вернулся въ Москву только съ письмомъ Людовика XIV, заключавшимъ въ себѣ обыкновенныя любезности. Но все-таки это посольство имѣло послѣдствіемъ посылку въ Москву постояннаго французскаго коммерческаго агента, въ лицѣ курляндца Ивана Госена, который служилъ переводчикомъ у Потемкина, и, кромѣ того, Кольберъ учредилъ Сѣверную компанію для торговыхъ сношеній съ Россіей. Хотя это торговое предпріятіе существовало лишь нѣсколько лѣтъ, но все-таки оно было первымъ шагомъ въ дѣлѣ правильной организаціи франко-русской торговли. Послѣ неудачной поѣздки въ Парижъ новаго русскаго посла Андрея Виніуса въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, вторично ѣздилъ туда же

Потемкинъ съ цѣлью заявить Людовику XIV о вступленіи на престолъ Ѳеодора и заключить союзъ съ Франціей противъ Турціи. Конечно, послѣдняя цѣль не была достигнута, и также неудачно было посольство, отправленное къ тому же королю и съ тою же цѣлью—общей войны противъ Турціи при царѣ Иванѣ и и Петрѣ. Тогда представителями Россіи были князь Яковъ Долгорукій и князь Яковъ Мышецкій. При Петрѣ I ѣздилъ въ Парижъ Матвѣевъ, а Москву посѣтилъ французскій посолъ Балюзъ; но дѣло о заключеніи политическаго и торговаго трактатовъ не сдѣлало ни шага впередъ, пока за него не взялся самъ Петръ и лично не отправился въ Парижъ въ 1716 году. Это знаменитое посѣщеніе, состоявшееся во время малолѣтства Людовика XV и регентства герцога Орлеанскаго, описано очень подробно у Ле-Глэ, такъ что разсказъ о пребываніи Петра въ Парижѣ занимаетъ треть всего перваго тома его труда. Однако, несмотря на объемъ этого разсказа, въ немъ нѣтъ ничего новаго, и онъ переполненъ избитыми, сто разъ повторяемыми анекдотами. Послѣдствіемъ поѣздки Петра было заключеніе въ Амстердамѣ перваго коммерческаго трактата между Франціей и Россіей, чѣмъ и заканчиваетъ Ле-Глэ свой первый томъ.

— Смѣлая герцогиня. Подъ этимъ заглавіемъ разсказана Джономъ Буллокомъ въ іюньской книжкѣ English Illustrated Magazine жизнь герцогини Гордонъ[1]), составлявшей оригинальную и любопытную личность конца XVIII вѣка. Этотъ очеркъ появляется совершенно своевременно, такъ какъ недавно праздновалъ свой столѣтній юбилей знаменитый полкъ гордонскихъ шотландцевъ, который былъ набранъ герцогиней, лично награждавшей своимъ герцогскимъ поцѣлуемъ каждаго завербованнаго солдата. Вся жизнь смѣлой герцогини, какъ мѣтко называетъ ее авторъ статьи въ англійскомъ журналѣ, представляла настоящій романъ съ трагическимъ эпилогомъ. Дочь сэра Вильяма Максвеля, она провела дѣтство въ Эдинбургѣ и съ раннихъ лѣтъ обращала на себя вниманіе своей смѣлостью: такъ, семи лѣтъ, она ѣздила по улицамъ верхомъ на свиньѣ, а, будучи молодою дѣвушкою, разъѣзжала по большимъ дорогамъ въ таратайкѣ съ такою легкомысленною отвагой, что однажды упала изъ экипажа и сломала себѣ мизинецъ на лѣвой рукѣ, такъ что всю жизнь носила перчатку съ мизинцемъ изъ слоновой кости. Родители красивой смѣлой дѣвушки не имѣли состоянія, и потому никто не ожидалъ, что она сдѣлаетъ блестящую партію и выйдетъ замужъ за одного изъ первыхъ аристократовъ и богачей Англіи, герцога Гордона, представителя знаменитаго шотландскаго клана. Этотъ неожиданный успѣхъ въ жизни нимало не вскружилъ голову молодой, умной дѣвушки, и она поставила себѣ цѣлью всячески увеличить значеніе, блескъ и могущество знаменитаго аристократическаго дома, съ которымъ она породнилась. Ея салонъ былъ первымъ въ Эдинбургѣ, и она не только умѣла стоять во главѣ гордой аристократіи, но и окружала себя извѣстными литераторами, начиная отъ Вальтеръ-Скотта до поселянина-поэта, Борнса, котораго она впервые ввела въ большой свѣтъ и смѣло отстаивала отъ свѣтскихъ интригъ. Въ Лондонѣ она не уступала могущественнымъ соперницамъ, какъ, напримѣръ, герцогинѣ Девонширъ, и ея домъ былъ центромъ партіи виговъ. Вальполь на-

---

[1]) The Daring Duchess. By J. Bulloch. English Illustrated Magazine. June.

зывалъ ее императрицей моды и приходилъ въ удивленіе отъ того, что она посвящала свѣту шестнадцать часовъ изъ двадцати-четырехъ. Въ эту эпоху она уже была матерью пяти взрослыхъ дочерей, и одною изъ главныхъ цѣлей ея легкомысленной свѣтской жизни было прінсканіе блестящихъ партій своимъ птенцамъ. Какъ относительно себя въ молодости, такъ и теперь въ отношеніи дочерей, она смѣло гналась за первыми женихами въ странѣ и если ей не удалось выдать замужъ свою старшую дочь за Питта, который находился много лѣтъ въ самыхъ дружескихъ съ ней отношеніяхъ, то все-таки она завербовала въ зятья трехъ герцоговъ: Ричмонда, Бедфорда и Манчестера, а остальныхъ двухъ дочерей выдала за маркиза Корнвалиса и богатаго провинціальнаго баронета. Для своего сына она, несмотря на всѣ свои хлопоты, не могла прінскать блестящей невѣсты, но за то создала ему полкъ, и этотъ смѣлый подвигъ былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ ея жизни. Кланъ Гордона съ давнихъ временъ славился своею воинственностью, и ловкая герцогиня задумала составить изъ членовъ этого клана свой собственный полкъ. Съ этою цѣлью она добилась королевскаго патента на имя сына для сформированія полка шотландцевъ, и сама вмѣстѣ съ нимъ въ 1794 году стала объѣзжать всѣ шотландскія ярмарки для вербовки солдатъ. Верхомъ на прекрасномъ конѣ, въ красной амазонкѣ и съ шотландскою шапочкой на головѣ, она неутомимо переѣзжала изъ деревни въ деревню и, для приманки, не только выдавала каждому завербованному рекруту королевскій шиллингъ, но и свой герцогскій поцѣлуй. Въ результатѣ получился знаменитый пѣхотный полкъ гордонскихъ шотландцевъ, существующій доселѣ и покрывшій себя славой при Ватерло, при Корунѣ и во многихъ другихъ битвахъ. Сформированіемъ этого полка герцогиня придала еще бо̀льшій блескъ роду своего мужа, состояніе котораго она своимъ разумнымъ управленіемъ дѣлъ довела до двухсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода въ годъ, тогда какъ она сама довольствовалась пятью стами фунтами на свой туалетъ. Однако неблагодарный герцогъ, подъ старость, скандально измѣнилъ бѣдной герцогинѣ и завелъ себѣ семнадцатилѣтнюю красавицу поселянку, которая народила ему много дѣтей. Гордая герцогиня удалилась въ самовольное изгнаніе и провела послѣдніе годы своей жизни въ маленькомъ сельскомъ домикѣ, гдѣ и умерла въ 1812 году. Но судьба взяла на себя отомстить за нее, и родъ ея мужа, для возвышенія котораго она сдѣлала столько, прекратился въ лицѣ ея бездѣтнаго сына.

— **Нельсонъ, какъ олицетвореніе морской силы Великобританіи.** Надняхъ вышла новая книга о популярнѣйшемъ героѣ Великобританіи, адмиралѣ Нельсонѣ, но не англичанина, а американца, и таковъ культъ, который питаютъ всѣ моряки къ этому славному представителю ихъ искусства, что даже американецъ, повидимому, не могущій сочувствовать морской силѣ Англіи, написалъ въ двухъ томахъ пламенный диѳирамбъ Нельсону, какъ олицетворенію этой силы [1]). Авторъ книги, капитанъ американскаго флота А. Меганъ, извѣстный авторитетъ по морскому дѣлу, уже написалъ нѣсколько

[1]) The Life of Nelson. The Embodiment of the Sea Power of Great Britain. Two vols. By captain A. Mahan. 1897. London-New-York.

сочиненій, пользующихся большою популярностью, между прочимъ «Вліяніе морской силы на исторію»; свою обширную, прекрасно составленную монографію о Нельсонѣ онъ сначала напечаталъ отрывками въ Century Magazine. Хотя въ своемъ сочиненіи онъ подробно описываетъ всѣ побѣды своего героя и вообще всѣ битвы, въ которыхъ онъ участвовалъ, съ технической морской стороны, но, главнымъ образомъ, онъ ставитъ себѣ цѣлью, которую и вполнѣ достигаетъ—представить психологическую характеристику того, въ которомъ онъ вполнѣ справедливо видитъ олицетвореніе морской силы Англіи. Конечно, излишне говорить, что онъ старательно изучилъ всѣ матеріалы печатные и архивные по общественной дѣятельности и частной жизни Нельсона, а картинность его изложенія дѣлаетъ его трудъ, по признанію всей англійской критики, которую въ этомъ случаѣ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи, не только лучшей біографіей побѣдителя подъ Трафальгаромъ, но образцомъ того, какъ слѣдуетъ вообще писать біографіи. По мѣткому опредѣленію Мегана, Нельсонъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который рельефно и ярко олицетворялъ собою то величіе, до котораго можетъ достигнуть морская сила; хотя всей его дѣятельностью на морѣ руководила ненависть къ Франціи и Наполеону, но въ основѣ всѣхъ его успѣховъ лежала пламенная любовь къ морскому дѣлу, непоколебимое сознаніе долга, удивительная энергія и рѣдкое, человѣчное, обращеніе съ матросами, составляющими всю суть морскаго дѣла. Замѣчательно, что этотъ побѣдитель французскаго, испанскаго и датскаго флотовъ, прославившій англійскій флагъ при Сенъ-Винцентѣ, Абукирѣ, Копенгаганѣ и Трафальгарѣ, отличался физическою слабостью, всегда страдалъ морскою болѣзнью, до тридцати лѣтъ находился на краю могилы отъ чахотки и до конца жизни мучился подагрой и невральгіей. Но въ такомъ шаткомъ тѣлѣ гнѣздилась мужественная, геройская душа, и онъ никогда не чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ, какъ въ минуту боя. Конечно, кромѣ сознанія долга, побудившаго его начать трафальгарскій бой со знаменитаго приказа морскими сигналами: «Англія ожидаетъ, что каждый человѣкъ исполнитъ свой долгъ», онъ руководился жаждой славы, но онъ никогда не стремился къ личнымъ или корыстнымъ цѣлямъ и всегда говорилъ, что слава выше морскихъ призовъ, которые въ его время составляли главную приманку моряковъ. Благодаря этому безкорыстію и отличавшей его добротѣ, представлявшей разительный контрастъ съ сухою суровостью другого англійскаго героя его времени, Велингтона, онъ всегда заботился о благѣ подчиненныхъ ему офицеровъ и матросовъ, которые обожали его, какъ кумира. Когда же его спрашивали, почему онъ печется о пользѣ другихъ, а не о своей собственной, то онъ отвѣчалъ: «изъ эгоизма; мнѣ пріятно чувствовать, что я исполняю свой долгъ, и это сознаніе доставляетъ мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ всѣ богатства на свѣтѣ». Поставивъ себѣ задачей въ жизни доказать, на что способны англичане, и поклявшись мальчишкой, что онъ сдѣлается героемъ, Нельсонъ постоянно жертвовалъ собою и ставилъ все на карту, чтобы добиться своей цѣли. Хотя его побѣды были основательно подготовлены, но онъ вырывалъ ихъ изъ рукъ непріятеля цѣною смѣлаго риска и не только потерялъ въ бою одинъ глазъ и одну руку, но и жизнью заплатилъ за трафальгарскій погромъ, который, по словамъ Мегана, былъ пер-

вымъ началомъ конца Наполеоновскаго могущества, такъ какъ Москва и Ватерло служили лишь послѣдствіями Трафальгара. Но если капитанъ Меганъ доказываетъ въ продолженіе обоихъ томовъ своей книги, что его герой былъ идеаломъ моряка, то тѣмъ строже онъ относится къ его слабостямъ, какъ человѣка, и въ особенности къ его безумному роману съ леди Гамильтонъ. «Несмотря, говоритъ онъ, на все, что Нельсонъ зналъ объ этой привлекательной, но недостойной женщинѣ, онъ искренно любилъ и восторгался ею. Въ контрастѣ между его геройскимъ патріотизмомъ и нравственнымъ униженіемъ заключается вся трагедія его жизни». Однако, съ полнымъ безпристрастіемъ, составляющимъ отличительную черту его труда, Меганъ хотя и осуждаетъ Нельсона за его легкомысленное поведеніе относительно леди Гамильтонъ, но все-таки признаетъ, что жена его героя была сухою, гордою женщиной, нимало не сочувствовавшею славѣ своего мужа, а, напротивъ, леди Гамильтонъ, смѣлая, умная, очаровательная женщина, не только умѣла цѣнить геройство своего поклонника, но и подстрекать его на новые подвиги. Поэтому и въ предсмертной своей агоніи онъ помнитъ только о своемъ долгѣ и о ней. «Слава Богу, я исполнилъ свой долгъ,—лепетали его уста:—помните и пекитесь о моей бѣдной леди Гамильтонъ». Естественно, что отношенія Нельсона къ леди Гамильтонъ не занимаютъ большого мѣста въ его новой біографіи и упоминаются лишь насколько это необходимо для его психологической характеристики, а потому читателямъ, интересующимся этою романическою стороной его жизни, слѣдуетъ обратиться къ другимъ, многочисленнымъ сочиненіямъ въ обширной нельсоновской литературѣ, между прочимъ къ появляющимся съ конца прошедшаго года въ English Illustrated Magazine любопытнымъ картинамъ изъ жизни Нельсона, извѣстнаго автора популяныхъ романовъ изъ морской жизни, Кларка Росселя, подъ общимъ заглавіемъ: **Нашъ великій морской герой**[1]).

— **Взглядъ англичанина на кампанію 1812 года.** Въ послѣднихъ пяти книжкахъ Pall Mall Magazine видное мѣсто занимаетъ рядъ статей о походѣ французовъ на Россію въ 1812 году, англійскаго полковника и директора военныхъ училищъ въ Индіи, Г. Гутчинсона. Несмотря на то, что такъ много писано и переписано объ этой роковой для Наполеона кампаніи, новый разсказъ о ней [2]) читается съ живымъ интересомъ, такъ какъ онъ представляетъ ловко и безпристрастно составленный сводъ всѣхъ недавно появившихся новыхъ матеріаловъ по означенному предмету. Конечно, заключенія автора, очень компетентнаго военнаго писателя, представляютъ для насъ наибольшій интересъ: озаглавивъ свой трудъ повѣстью о двѣнадцатомъ годѣ, онъ болѣе повѣствуетъ о смѣломъ предпріятіи военнаго генія, окончившемся неслыханною катастрофой, чѣмъ критикуетъ дѣйствія Наполеона и русскихъ войскъ, но все-таки, въ концѣ концовъ, онъ резюмируетъ главныя военныя и историческія черты знаменательнаго событія, освободившаго Европу отъ наполеоновскаго ига. По его мнѣнію, не холодъ, какъ предполагали многіе, а самая гро-

---

[1]) Our great naval Hero. Pictures from the life of Nelson, by Clark Russel. English Illustrated Magazine. Nowember 1896—june 1897.

[2]) The Story of 1812. By H. Hutchinson. Pall Mall Magazine. February—june.

мадность предпріятія была причиной гибели французовъ. При этомъ нельзя упрекнуть Наполеона въ недостаточной подготовкѣ средствъ къ передвиженію и продовольствію его громадной арміи: онъ все придумалъ, все подготовилъ для трехлѣтней войны, а потомъ, увлекшись вѣрой въ свою звѣзду, захотѣлъ все покончить въ одинъ годъ и тѣмъ погубилъ себя и слѣпо слѣдовавшія за нимъ полчища. Какъ всегда, разсчитывая идти все впередъ и впередъ, онъ принялъ и мѣры для подготовки этого вѣчнаго движенія впередъ, а не подумалъ объ одномъ—о возможномъ отступленіи. Это отступленіе, неожиданно, въ силу обстоятельствъ, замѣнившее движеніе впередъ, спутало всѣ его планы и привело къ гибельному концу геніально задуманнаго, но невозможнаго къ осуществленію плана. Конечно, примѣняя этотъ планъ, Наполеонъ дѣлалъ много ошибокъ, но всѣ онѣ происходили не отъ противодѣйствія стихіи или ослабленія его геніальныхъ способностей, а просто отъ того, что самый планъ, по его грандіозности, вызывалъ неизбѣжныя отсрочки, промедленія и колоссальныя потери въ людяхъ и снарядахъ, что естественно и привело къ печальному результату. Кромѣ этого, полковникъ Гутчинсонъ указываетъ, что планъ Наполеона грѣшилъ не только военною невозможностью его исполненія, но и политическою: онъ взялся за это грандіозное дѣло, не покончивъ съ Испаніей, которая отвлекала часть его силъ, неправильно разсчитывалъ на помощь Швеціи, Турціи и Польши, наконецъ невѣрно цѣнилъ Александра, который, по его мнѣнію, при первой побѣдѣ Наполеона, долженъ былъ, по слабости своего характера, просить пощады. Что касается Россіи, то авторъ статьи отдаетъ полную справедливость нравственной твердости Александра въ критическую эпоху, искусству Барклая въ отступленіи и Кутузова въ преслѣдованіи враговъ, а главное геройской стойкости солдатъ и патріотическому подъему духа всего русскаго народа.

— Политическія интриги Бернадота. Одинъ изъ серьезныхъ изслѣдователей всего, что касается французской эмиграціи во времена революціи и имперіи, Леонсъ Пинго, разсказываетъ во второй іюньской книжкѣ Revue de Paris малоизвѣстную исторію происковъ Бернадота въ 1812, 1813 и 1814 годахъ [1]), съ цѣлью добиться французскаго престола, или власти президента республики, или хотя мѣста маіордома при Бурбонахъ. Сдѣлавшись по волѣ судьбы изъ французскаго маршала наслѣднымъ принцемъ Швеціи, Бернадотъ не забывалъ своей старой родины или, лучше сказать, самого себя и сталъ смотрѣть на свое неожиданное возвышеніе и ожидавшій его престолъ на сѣверѣ Европы только, какъ на ступень къ достиженію высшей власти, въ какой бы то ни было формѣ, во Франціи. Кромѣ личнаго эгоизма, имъ руководила еще ненависть къ его бывшему сопернику, а потомъ государю, Наполеону. Задуманная имъ политическая интрига началась въ 1812 году, когда онъ, вмѣсто того, чтобы помочь Наполеону фланговымъ движеніемъ шведской арміи на Россію, что соотвѣтствововало бы вполнѣ давней дружбѣ Франціи и Швеціи,—заключилъ въ Або союзъ съ Александромъ. Во время одной изъ личныхъ бесѣдъ съ

---

[1]) Bernadotte et les Bourbons (1812—1814), par Leonce Pingaud. Revue de Paris, 15 juin, 1897.

русскимъ императоромъ Бернадотъ развилъ планъ десанта шведскаго отряда, подъ его начальствомъ, въ Бретани и воскликнулъ съ чисто гасконскимъ пыломъ: «я тамъ быстро привлеку на свою сторону двѣсти тысячъ человѣкъ, и въ результатѣ получится или конституціонная монархія, или республика». На это Александръ отвѣчалъ: «будьте увѣрены, что я съ удовольствіемъ увижу судьбы Франціи въ вашихъ рукахъ». Въ то самое время, какъ Наполеонъ совершалъ бѣдственное отступленіе изъ Россіи, госпожа Сталь, по дорогѣ изъ Россіи въ Англію, провела всю зиму въ Стокгольмѣ, подстрекая Бернадота исполнить его планъ. Въ письмѣ къ Бенжамену Констану она прямо называетъ Бернадота Вильгельмомъ III Франціи и самымъ лучшимъ, самымъ благороднымъ изъ людей, могущихъ царствовать; а злые языки даже увѣряли, что она хотѣла развестись съ мужемъ и выйти замужъ за новаго французскаго короля. Подъ ея вліяніемъ Бернадотъ совершенно убѣдился, что онъ призванъ судьбой создать конституціонную монархію въ его старой родинѣ; но это не мѣшало ему любезно принять тайнаго агента Бурбоновъ, Алекси де Нуаля, предлагавшаго ему розыграть роль Монка, такъ какъ Людовикъ XVIII держался того правила, что только французъ можетъ возстановить его власть во Франціи. Повидимому, онъ обѣщалъ такія чудеса Нуалю, что вскорѣ за нимъ прибыли два новые королевскіе посла: герцогъ Віенъ и графъ Ла-Феронэ, но они несолоно хлѣбали, такъ какъ требовали прямыхъ обязательствъ со стороны Бернадота, а онъ хотѣлъ ловко лавировать между всѣми представлявшимися ему способами достигнуть власти во Франціи. Такимъ образомъ переговоры съ Бурбонами были прерваны, и онъ продолжалъ интриговать въ свою пользу. Взявъ съ союзниковъ обѣщаніе присоединить къ Швеціи Норвегію и разсчитывая на помощь Александра для достиженія французскаго престола, онъ принялъ участія въ войнѣ 1813 года; но окружилъ себя французами и ненавистниками Наполеона, какъ, напримѣръ, бывшимъ эмигрантомъ Мезонфоромъ, сыномъ госпожи Сталь, графомъ Поццо ди Борго, игравшимъ роль представителя русскаго правительства. Этою французскою свитой онъ хотѣлъ подготовить свою кандидатуру, но, какъ смотрѣли на него истинные французскіе патріоты, доказывалъ происшедшій случай въ Штетинѣ, наканунѣ объявленія имъ войны Франціи, какъ союзникомъ европейскихъ державъ. Въ то время еще не истекло перемиріе между враждебными войсками, и онъ вздумалъ парадировать, въ блестящемъ мундирѣ, подъ стѣнами Штетина, занятаго французскимъ гарнизономъ, съ цѣлью привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ. Но неожиданно раздался пушечный выстрѣлъ, и ядро просвистѣло мимо него. Когда же онъ послалъ парламентера спросить, что означало это нарушеніе перемирія, то получилъ въ отвѣтъ: «Это ничего. Дежурный пушкарь увидалъ французскаго дезертира и выстрѣлилъ въ него. Вотъ и все». Какъ бы то ни было, Бернадотъ не унывалъ и попрежнему велъ подпольную интригу, а открыто держалъ себя очень хитро и осторожно, чтобы не раздражить своихъ будущихъ подданныхъ враждебными противъ нихъ дѣйствіями. Когда же въ силу обстоятельствъ ему пришлось вступить въ бой съ французами и, по волѣ судьбы, одержать верхъ надъ Удино, при Гросберенѣ, и надъ Неемъ при Девневицѣ, то онъ пришолъ въ такой восторгъ отъ своихъ побѣдъ,

что публично воскликнулъ: «ну, теперь Франція достанется самому достойному изъ ея сыновъ!» Понявъ смыслъ этого хвастовства, Поццо ди Борго, корсиканецъ по происхожденію, иронически замѣтилъ: «ну, слава Богу, значитъ, Франція моя». Союзники поспѣшили наградить побѣдителя орденами, и онъ такъ зазнался, что прямо сказалъ, присланному къ нему съ поздравленіями отъ Александра, эмигранту Рошшуару: «Франціи не надо больше императора; это не французскій титулъ. Ей необходимъ король, но король—солдатъ. Старинная династія выжила свой вѣкъ и никогда не вынырнетъ на верхъ. Но, скажите мнѣ, есть ли человѣкъ, который былъ бы лучше меня для Франціи?» Говорятъ, что русскій императоръ очень смѣялся, когда Рошшуаръ передалъ ему этотъ разговоръ, но изъ политики ничѣмъ не обнаружилъ передъ Бернадотомъ своего презрѣнія къ его интригамъ, а, напротивъ, продолжалъ ихъ тайно поддерживать. Когда же Бернадотъ принялъ рѣшающее участіе въ дрезденской битвѣ, то Александръ среди общихъ поздравленій всѣхъ союзныхъ государей сказалъ ему: «Франціи нанесенъ окончательный ударъ, и ей придется высказать свое желаніе на счетъ дальнѣйшей ея судьбы: она будетъ обязана вамъ свободой и миромъ, вы будете посредникомъ между нею и Европой, а кто знаетъ, до чего можетъ довести васъ счастливая звѣзда». Для того, чтобы загладить свою измѣну противъ старой родины, Бернадотъ старался всячески усладить долю плѣнныхъ французовъ, но большинство ихъ отвертывалось отъ него и прямо называло его въ глаза измѣнникомъ. Въ виду такого оборота дѣлъ онъ нашолъ наиболѣе выгоднымъ покуда стушеваться и удалился въ сѣверную Германію, предоставивъ пропагандировать его кандидатуру на французскій престолъ своимъ друзьямъ: госпожѣ Сталь, Бенжамену Констану и т. д., которые открыто называли его новымъ Баярдомъ и Дюдекленомъ. Имѣя въ виду такъ или иначе достигнуть верховной власти, Бернадотъ велъ заразъ безконечное число интригъ: онъ былъ согласенъ сдѣлаться и конституціоннымъ королемъ, и регентомъ во время малолѣтства Наполеона II, и Монкомъ при Бурбонахъ, и президентомъ республики, и даже въ случаѣ совершеннаго расчлененія Франціи владѣтелемъ одной изъ ея бывшихъ провинцій. Въ виду такой широкой программы легко понять, что онъ въ одно и то же время поддерживалъ сношенія съ Бурбонами, обѣщая провести ихъ въ Тюльери, а съ другой, разыгрывалъ роль то конституціоннаго либерала, то достойнаго сына революціи, то даже покровителя своихъ прежнихъ товарищей, сподвижниковъ Наполеона. Перейдя французскую границу въ 1814 году въ Кельнѣ, онъ всячески медлилъ и ждалъ событій, продолжая вести подкопы. Онъ такъ широко раскидывалъ нить своихъ интригъ, что даже вступилъ въ сношенія съ Наполеономъ, предлагая ему напасть съ тыла на союзниковъ, подъ условіемъ, что императоръ гарантируетъ ему какое нибудь самостоятельное владѣніе. Этотъ странный шагъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что въ это время Александръ открыто говорилъ, какъ, напримѣръ, роялисту Витролю: «одно время думали о Бернадотѣ, какъ о кандидатѣ въ короли, но теперь онъ устраненъ». Чѣмъ болѣе приближалась развязка, тѣмъ пламеннѣе метался Бернадотъ, предлагая себя всѣмъ и подбивая многихъ изъ французскихъ генераловъ поддержать его притязанія. Когда же наконецъ Бурбоны взяли

верхъ послѣ взятія Парижа союзниками, то онъ настолько потерялъ голову, что хотѣлъ учинить въ Бельгіи пронунціаменто и увѣдомилъ Карно, еще державшагося въ Антверпенѣ, что будто бы французскій сенатъ провозгласилъ его королемъ. Конечно, Карно не поддался на удочку, а Бернадотъ обратился къ Блюхеру и Велингтону съ предложеніями расчленить Францію въ пользу союзниковъ, причемъ, конечно, досталась бы доля и ему. Онъ пошолъ еще далѣе и послалъ въ свой родной городъ По тайнаго агента, который попытался произвести тамъ восстаніе, при крикахъ: «да здравствуетъ Бернадотъ!». Но, конечно, эта нелѣпая затѣя окончилась полнымъ фіаско. Въ виду общаго неуспѣха своихъ интригъ, Бернадотъ сталъ предлагать свои услуги Бурбонамъ и соглашался принять званіе конетабля или маіордома, но и это ему не удалось. Всѣмъ были ясны его подкопы, и въ концѣ концовъ ему пришлось вернуться въ Швецію, довольствуясь ожиданіемъ шведской короны. Всѣ эти новыя и чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о Бернадотѣ Леонсъ Пинго извлекъ изъ невѣдомыхъ до сихъ поръ архивныхъ документовъ и, главнымъ образомъ, изъ рукописныхъ мемуаровъ французскаго эмигранта де-Сюрмена, жившаго около двадцати лѣтъ въ Швеціи.

— **Герцогъ Ришелье и графъ Поццо-ди-Борго во Франціи при Людовикѣ XVIII.** Нерѣдко случается, что какая нибудь замѣчательная историческая личность долго остается мало извѣстною, и ей не посвящаютъ серьезныхъ трудовъ изслѣдователи прошедшаго, а потомъ вдругъ она дѣлается предметомъ цѣлаго ряда монографій, книгъ, сборниковъ, документовъ и т. д. Въ такомъ положеніи находится герцогъ Ришелье, долго служившій въ Россіи при Александрѣ I и потомъ бывшій два раза первымъ министромъ во Франціи въ эпоху реставраціи. Свѣдѣнія о его полезной дѣятельности, какъ въ старомъ отечествѣ, Франціи, такъ и въ новомъ, Россіи, до послѣдняго времени были очень скудны, и ихъ приходилось искать въ историческихъ трудахъ, мемуарахъ и сборникахъ документовъ о той эпохѣ, когда онъ дѣйствовалъ на политической аренѣ обѣихъ странъ, и только недавно появилась первая, обстоятельная его біографія, составленная Леономъ Круза-Кретэ, на основаніи печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ. Объ этой любопытной книгѣ уже было говорено въ «Историч. Вѣстникѣ» (Герцогъ Ришелье и Одесская чума 1812 г.— апрѣль, 1897 г.), на сколько она касается до дѣятельности герцога въ Одессѣ во время чумы 1812 г. и общей его характеристики, но въ ней заключается много новыхъ, интересныхъ данныхъ о двухъ министерствахъ герцога во Франціи при Людовикѣ XVIII [1]). Эту же эпоху его жизни очень рельефно рисуетъ только что вышедшій второй томъ переписки тогдашняго русскаго посланника въ Парижѣ, графа Поццо-ди-Борго, съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельроде, отъ января 1817 г. до Ахенскаго конгресса въ октябрѣ 1818 г.[2]), и напечатанныя въ мартовской и апрѣльской книжкахъ Cosmopolis донесенія

[1]) Le duc de Richelieu en Russie et en France, par Leon de Crousaz-Cretet. Paris. 1897.

[2]) Correspondance diplomatique du comte Pozzo-di-Borgo et du comte de Nesselrode. 1814—1818. 2 vol. Paris. 1897.

герцога Ришелье королю, во время Ахенскаго конгресса съ объяснительными примѣчаніями Р. Ситерна [1]). Такимъ образомъ только теперь, чрезъ три четверти столѣтія послѣ его смерти, является возможность обстоятельно и подробно познакомиться съ благотворною дѣятельностью во Франціи того, котораго задолго до Тьера вся его родина называла освободителемъ територія. Дѣйствительно первое его министерство, образованное послѣ паденія кабинета Талейрана-Фуше, вслѣдъ за вторичнымъ восшествіемъ на престолъ Людовика XVIII имѣло главною цѣлью сначала уменьшеніе окупаціоннаго корпуса союзныхъ державъ, занимавшаго Францію, а потомъ сокращеніе срока этой окупаціи. Три года онъ неустанно стремился къ осуществленію этого патріотическаго дѣла и, наконецъ, его усилія увѣнчались успѣхомъ на Ахенскомъ конгрессѣ, но всего болѣе ему помогали не его товарищи по кабинету и не какіе либо французы, а русскій посланникъ, графъ Поццо-ди-Борго. Этотъ замѣчательный дипломатъ, корсиканецъ по происхожденію, въ юности другъ Наполеона и, какъ онъ, радикалъ, а впослѣдствіи его злѣйшій врагъ и легитимистъ, во все время консульства и имперіи подстрекалъ противъ Наполеона Александра, на службу котораго поступилъ, а по возстановленіи Бурбоновъ онъ явился въ Парижъ въ качествѣ русскаго посла и всячески содѣйствовалъ возрожденію его старой родины и утвержденію въ ней конституціонной монархіи, а также стремился къ заключенію тѣснаго, дружескаго союза между Франціей и Россіей. Такъ какъ герцогъ Ришелье имѣлъ тѣ же цѣли, то они работали дружно, навлекая на себя одинаковыя обвиненія: такъ во Франціи Ришелье обвиняли въ излишнемъ угожденіи Россіи и его кабинетъ называли императорскимъ, а Поццо диктаторомъ Франціи; напротивъ въ Россіи Поццо упрекали въ излишнемъ франкофильствѣ, съ чѣмъ иногда соглашался Александръ, хотя вообще поддерживалъ общую политику двухъ франко-русскихъ друзей. Какъ бы то ни было, ихъ усилія относительно французской територіи увѣнчались успѣхомъ, но нельзя сказать того же о внутреннемъ устройствѣ Франціи. Какъ первое, такъ и второе министерство Ришелье постоянно встрѣчало сильныя преграды въ крайнихъ роялистахъ съ графомъ Д'Артуа, наслѣдникомъ престола, во главѣ, и потому искусный администраторъ, натворившій столько чудесъ въ Одессѣ и Южной Россіи, не могъ выказать своихъ талантовъ съ этой стороны, а принужденъ былъ постоянно лавировать среди придворныхъ и партійныхъ интригъ, что было не свойственно его прямой, безхитростной натурѣ. Хотя Поццо, какъ представитель всемогущаго Александра, постоянно ему помогалъ и не только поддерживалъ расположеніе къ нему короля, но старался удержать и графа Д'Артуа отъ его зловредныхъ происковъ въ духѣ самой отчаянной реакціи, но въ внутренней политикѣ имъ не везло. Они хотѣли разомъ удержать и крайнихъ реакціонеровъ и крайнихъ либераловъ, предоставивъ побѣду умѣренно-конституціоннымъ порядкамъ, но постоянно находились между двумя огнями. Положеніе Ришелье было тѣмъ затруднительнѣе, что по своимъ врожденнымъ аристократическимъ тенденціямъ онъ былъ преданнымъ слугой

---

[1]) Les conférences d'Aix-la-Chapelle d'après la correspondance inédite du duc de Richelieu, par R. de Citernes. Cosmopolis. Mars—avril.

короля и видѣлъ во всѣхъ дѣйствіяхъ либеральной оппозиціи революціонную угрозу, а потому вынужденъ былъ постоянно дѣйствовать въ союзѣ съ правою и дѣлать уступки тѣмъ самымъ крайнимъ роялистамъ, которые ненавидѣли его за излишній, по ихъ мнѣнію, либерализмъ. Отсюда проистекала слабость и шаткость власти Ришелье, который не хотѣлъ прибѣгать къ мѣрамъ своего предка кардинала, какъ ему совѣтовалъ Поццо, и не могъ, благодаря своему прошедшему и своимъ легитимистскимъ убѣжденіямъ, сознать, что полумѣры ни къ чему не ведутъ, и что для примиренія во Франціи бурбонской монархіи съ народомъ слѣдовало дѣлать уступки не правой, а лѣвой. Въ душѣ своей онъ понималъ, что вся его работа безплодна, и говорилъ не разъ: «Дѣло кончится республикой, но я умру на ступеняхъ трона». Если онъ разумѣлъ подъ этимъ, что умретъ во главѣ правительства, защищающаго тронъ, то ошибся, потому что его второе министерство пало жертвой придворныхъ и роялистскихъ интригъ, а онъ самъ вскорѣ послѣ этого, именно въ маѣ 1822 года, умеръ отъ паралича въ то самое время, когда собирался посѣтить любимое свое дѣтище, Одессу. Его другъ и энергичный помощникъ, Поццо-ди-Борго, простиравшій такъ далеко свои заботы о благѣ Франціи, что въ письмахъ къ Нессельроде постоянно встрѣчаются фразы «наше дѣло», «нашъ успѣхъ» и т. д., еще долго оставался въ Парижѣ представителемъ Россіи, и затѣмъ при императорѣ Николаѣ переведенъ посломъ въ Лондонъ, а въ 1819 году окончательно покинулъ дипломатическую службу и поселился во Франціи, гдѣ и умеръ въ 1842 г.

— Банкротство Вальтеръ-Скотта. Извѣстный англійскій критикъ Лесли Стивенъ въ апрѣльской книжкѣ Cornhill Magazine разбираетъ, по поводу недавно вышедшей біографіи Локгарда, составленной А. Лангомъ, спорный вопросъ о банкротствѣ автора Веверлея [1]). Какъ извѣстно, Локгардъ, зять и лучшій біографъ Вальтеръ-Скотта, всячески старался очистить память своего друга и героя отъ заслуженнаго нареканія, что онъ самъ довелъ себя до разоренія неблагоразумною расточительностью, а теперь біографъ самого Локгарда вдвойнѣ защищаетъ и тестя и зятя. Поэтому Лесли Стивенъ поставилъ себѣ задачей безпристрастно разобрать дѣло и, несмотря на его глубокое сочувствіе къ знаменитому романисту, ясно выводитъ его виновность въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вальтеръ-Скоттъ, будучи геніальнымъ писателемъ и даже практическимъ человѣкомъ въ частной жизни, легкомысленно относился съ финансовымъ дѣламъ. Увлекаясь, съ одной стороны, своей фантастическою мечтою разыгрывать роль средневѣковаго вождя шотландскаго клана въ своемъ великолѣпномъ замкѣ Абботсфордъ, а, съ другой, легкостью наживать колоссальныя суммы своими романами, Вальтеръ-Скоттъ постоянно писалъ и учитывалъ векселя, не думая о томъ, что ихъ когда нибудь придется цѣлостью погасить. Много лѣтъ подобная жизнь на широкую ногу, въ кредитъ, проходила благополучно, но когда неожиданно обанкрутилась крупная издательская фирма Констабль, съ которою имѣла постоянныя дѣла другая издательская фирма Баланатайнъ, въ которой главнымъ и въ сущности единственнымъ собственникомъ былъ Вальтеръ-Скоттъ, то насту-

---

[1]) The Story of Scott's Ruin. By Leslie Stephen. Conhill Magazine. April.

пила критическая минута расплаты. Но тутъ какъ онъ ни былъ виновенъ въ томъ, что легкомысленно бросалъ деньги на увеличеніе и украшеніе Абботсфорда, на пріемъ безчисленныхъ гостей съ патріархальною роскошью и т. д., но великій романистъ выказалъ себя истинно честнымъ, благороднымъ и энергичнымъ человѣкомъ. Онъ посмотрѣлъ бѣдѣ прямо въ глаза, подвелъ итоги своихъ долговъ, которыхъ оказалось на 117.000 фунтовъ стерлинговъ, и вмѣсто того, чтобы, по примѣру обычныхъ банкротовъ, объявить себя несостоятельнымъ, и, уплативъ кредиторамъ по нѣсколько пенсовъ за фунтъ, начать жить сызнова, что ему было очень легко при его громадномъ литературномъ заработкѣ, онъ взялся уплатить всѣ долги полностью, если только кредиторы согласятся не объявлять его бакротомъ. Конечно, они на все согласились, а съ своей стороны Вальтеръ-Скоттъ отказался отъ всѣхъ предложеній помощи, начиная отъ сына, которому онъ давно передалъ права собственности на Абботсфордъ, и кончая общественною подпиской въ его пользу. Онъ отдалъ кредиторамъ свой домъ въ Эдинбургѣ и все свое личное имущество, переселилъ семью къ сыну въ Абботсфордъ, нанялъ себѣ скромную квартиру и сталъ работать безъ устали, по двѣнадцати часовъ въ день, не отходя отъ своей конторки. Привыкшій къ роскошной жизни, онъ сталъ себѣ отказывать во всемъ и только писалъ, писалъ, писалъ. Быть можетъ, самая большая изъ принесенныхъ имъ своимъ кредиторамъ жертвъ заключалась въ томъ, что онъ сознательно чувствовалъ неизбѣжное пониженіе своего таланта такою поспѣшною работой. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ написалъ двѣ серіи Канонгетскихъ хроникъ, въ числѣ которыхъ были Вудстокъ и Пертская Красавица, Исторію Наполеона Бонапарта въ девяти томахъ и Разсказы дѣда о Шотландской исторіи, кромѣ того, онъ редактировалъ нѣсколько изданій англійскихъ авторовъ и написалъ значительное число брошюръ и журнальныхъ статей. Конечно, все это не прибавило ничего къ его славѣ, но задача его была исполнена, и онъ въ короткое время уплатилъ почти половину своего долга, именно 40.000 фунтовъ стерлинговъ. Затѣмъ, онъ продолжалъ свою лихорадочную дѣятельность и умеръ среди этихъ трудовъ, но за то въ шесть лѣтъ весь долгъ былъ уплаченъ, даже съ процентами. Такимъ образомъ, Вальтеръ-Скоттъ вполнѣ искупилъ всю свою вину, и поэтому странно даже, что такіе серьезные критики, какъ Лесли Стивенъ, подробно обсуждаютъ, правъ, или неправъ былъ великій романистъ, доведя себя до разоренія, когда отъ этого никто не потерпѣлъ, кромѣ его самого.

— Къ юбилею Мицкевича. Наступающій въ будущемъ году юбилей Мицкевича уже порождаетъ на западѣ особую юбилейную литературу, и нельзя не обратить вниманія; среди появившихся уже статей по этому предмету, на помѣщенный въ первомъ іюньскомъ нумерѣ Revue des Revues очеркъ мѣстностей въ Литвѣ, игравшихъ роль въ жизни поэта [1]. Онъ составленъ сыномъ автора «Пана Тадеуша», Владиславомъ Мицкевичемъ, и снабженъ прекрасными и любопытными видами, снятыми любителемъ-фотографомъ, племянникомъ романиста Крашевскаго. По словамъ автора, эти иллюстраціи составляютъ необходимый комен-

[1]) Le centenaire d'Adam Mickiewicz. Par Ladislas Mickiewicz. Revue des Revues. 1 juin.

тарій къ его поэтическимъ произведеніямъ и къ самой его жизни, такъ какъ въ Литвѣ протекли его лучшіе дни, и тамъ онъ помѣстилъ сцены своихъ главныхъ поэмъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что онъ никогда не знавалъ ни Кракова, ни Варшавы, которые собираются воздвигнуть ему статую, а Вильна и другія мѣстности Литвы, неразрывно связанныя съ его жизнью и сочиненіями, сосредоточивали на себѣ всю его любовь. Онъ родился въ Заозіи, подъ кровомъ скромной фермы, которою его отецъ, адвокатъ въ Новогродкѣ, владѣлъ вблизи этого города. Нѣкоторые біографы поэта, стремясь отыскать что нибудь новенькое, увѣряютъ, что мать Мицкевича неожиданно почувствовала приближеніе родовъ во время путешествія и родила его въ корчмѣ селенія Вигоды; но сынъ отрицаетъ эту легенду и ссылается на свидѣтельство своего дяди Александра Мицкевича, который читалъ римское право въ Харьковскомъ университетѣ и который въ этомъ дѣлѣ вполнѣ безпристрастенъ, такъ какъ ферма въ Заозіи больше не принадлежитъ семьѣ. Эта ферма, на которой поэтъ проводилъ всѣ свои вакаціи, во время школьныхъ лѣтъ, находится среди большихъ лѣсовъ и невдалекѣ отъ Мендозской горы, на которой одна изъ героинь Мицкевича, Зивилла, принесла себя въ жертву, чтобы не отдать своей руки измѣннику Польши. По сосѣдству также находятся Свитецкое озеро, воспѣтое поэтомъ, и помѣстье Тухановичъ, гдѣ жила красавица Мангла, въ которую онъ былъ влюбленъ. Трогательную сцену разлуки съ нею онъ описалъ въ своей поэмѣ «Дѣды». Получивъ отказъ отъ родителей молодой дѣвушки, Мицкевичъ отправился въ Ковно учителемъ литературы и въ свободное время любилъ прогуливаться въ той самой долинѣ, въ которой Конрадъ Валенродъ искалъ въ его поэмѣ слѣдовъ своей прошедшей любви. Теперь желѣзная дорога перерѣзала эту поэтическую долину, но она все-таки сохраняетъ названіе долины Мицкевича. Оканчивая свою статью указаніемъ на приготовленія къ юбилею Мицкевича въ различныхъ мѣстахъ, его сынъ говоритъ, что въ Варшавѣ будетъ открыта выставка всѣхъ предметовъ, относящихся къ жизни поэта, и что не только въ Варшавѣ и Краковѣ хотятъ воздвигнуть ему статую, но даже поговариваютъ объ этомъ въ Москвѣ. Но, по словамъ автора, самымъ лучшимъ памятникомъ для его отца было бы полное изданіе его сочиненій, безъ всякихъ цензурныхъ стѣсненій, тѣмъ болѣе странныхъ, что предметомъ пропусковъ служатъ народныя легенды.

— Воспоминанія о Мадзини. Знаменитый итальянскій агитаторъ Джузуппе Мадзини имѣлъ во время своего долгаго пребыванія въ Лондонѣ много искреннихъ друзей, и одинъ изъ нихъ, живописецъ Феликсъ Мошелесъ, сообщаетъ свои любопытныя воспоминанія объ этой замѣчательной личности [1]). По его словамъ, не смотря на всѣ клеветы, которыми враги преслѣдовали итальянскаго агитатора, онъ возбуждалъ сочувствіе въ каждомъ, кто его зналъ, такъ какъ онъ самъ и всѣ его пламенныя рѣчи дышали глубокимъ убѣжденіемъ, любовью къ Италіи и восторженною преданностью проповѣдуемаго имъ новаго евангелія, основаннаго на поклоненіи Богу и народу. «Слушая его,—говоритъ Мошелесъ,—и смотря на его сверкающіе глаза,

[1]) Giuseppe Mazzini. By Felix Moscheles. Cosmopolis, juin.

вы не могли не подчиниться его чарующему магнетическому вліянію. Подъ непреодолимыми чарами этихъ глазъ и этого голоса вы чувствовали, что готовы покинуть всѣхъ и все, чтобы послѣдовать за этимъ пророкомъ, явившимся для того, чтобы свергнуть то иго лжи, которое держало весь свѣтъ въ рабствѣ. Благодаря ему, ваши глаза видѣли, ваши уши слышали, вашъ умъ познавалъ, и вы были готовы идти на проповѣдь новаго ученія о долгѣ человѣка». Но рядомъ съ пророкомъ и агитаторомъ въ Мадзини находились и такія стороны характера, которыя, какъ будто, не соотвѣтствовали тому представленію о немъ, какъ о вѣчномъ заговорщикѣ, которое распространяли всюду его недоброжелатели. Онъ былъ въ душѣ поэтомъ, мечтателемъ, пламеннымъ деистомъ и питалъ культъ къ природѣ, къ цвѣтамъ, къ женщинамъ, къ дѣтямъ. Но весь свѣтъ такъ былъ переполненъ толками о заговорахъ и агитаціяхъ Мадзини, что никто не хотѣлъ вѣрить тому, что говорили о немъ друзья, и приписывали ему участіе во всѣхъ, происходившихъ въ то время, покушеніяхъ на жизнь сильныхъ міра сего, между прочимъ его обвиняли въ покушеніи Орсини на жизнь Наполеона III, хотя онъ, задолго передъ тѣмъ, поссорился съ Орсини изъ-за неприличной сплетни, которую тотъ распространилъ на счетъ двухъ почтенныхъ дамъ, которыхъ очень уважалъ Мадзини. Но на вопросы Мошелеса, зачѣмъ онъ публично не объявитъ, что не имѣлъ ничего общаго съ покушеніемъ Орсини, онъ отвѣчалъ: «я никогда не протестую противъ такихъ вещей. Пусть себѣ думаютъ, что хотятъ; это даже и лучше, Европѣ необходимо имѣть какое нибудь пугало, котораго бы всѣ боялись, а моимъ ли именемъ, или другимъ оно называется—не все ли равно». Живя въ Лондонѣ, Мадзини составилъ два тайныхъ общества Всесвѣтной Народной Лиги и Ассоціаціи друзей Италіи. Членами этихъ обществъ были многіе англичане, въ томъ числѣ извѣстный депутатъ и общественный дѣятель, а впослѣдствіи министръ, Стансфильдъ, по словамъ котораго Мадзини имѣлъ громадное вліяніе на всю его жизнь, такъ какъ онъ никогда не встрѣчалъ человѣка, имѣвшаго такой возвышенный идеалъ о человѣческомъ долгѣ. Стансфильдъ всегда оставался вѣренъ своей дружбѣ къ итальянскому агитатору и открыто защищалъ его въ парламентѣ, когда Дизраэли и другіе торіи громили его, какъ великаго подстрекателя политическихъ убійствъ. Даже министромъ онъ продолжалъ поддерживать прежнія отношенія къ Мадзини, и когда Дизраэли сталъ публично упрекать его въ неприличномъ для министра полученіи на свое имя писемъ, адресованныхъ этому архи-заговорщику, то онъ подалъ въ отставку, предпочитая такого друга министерскому портфелю. Этотъ эпизодъ возбудилъ большой шумъ въ Англіи, и по случаю его знаменитый Карлайль выступилъ въ «Times» на защиту Мадзини. «Я имѣю честь знать Мадзини многъ лѣтъ,—писалъ великій философъ и историкъ,—и какого бы я ни былъ мнѣнія объ его практическомъ умѣньи вести дѣло, я могу вполнѣ засвидѣтельствовать, что это человѣкъ геніальный и нравственный, большого ума, благородной правдивости и непреложной гуманности; однимъ словомъ, рѣдко встрѣчающійся экземпляръ человѣческаго существа, въ которомъ зиждется душа мученика». Хотя передъ смертію Мадзини суждено было видѣть единую Италію, но въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ желалъ, и, вернувшись на свою родину, великій патріотъ изъ предосторожности долженъ былъ

скрываться подъ чужимъ именемъ. Онъ умеръ въ Пизѣ, въ 1872 году, какъ скромный, никому неизвѣстный, Францискъ Браунъ. Только его смерть сняла съ него эту маску, и его великія патріотическія заслуги были признаны всей страной, въ томъ числѣ и парламентомъ, который взялъ на себя выразить отъ всего народа общее горе, по случаю кончины апостола итальянскаго единства. Онъ похороненъ въ его родинѣ Генуѣ, и Мошелесъ въ концѣ своей статьи описываетъ его могилу на тамошнемъ Campo Santo; на возвышающемся надъ его прахомъ мраморномъ мавзолеѣ красуется лаконическая, но вполнѣ достойная его надпись: Джузеппе Мадзини, и больше ничего.

— Военныя сочиненія Вильгельма I. По случаю недавняго столѣтняго юбилея Вильгельма I изданъ, по приказанію его внука, прусскимъ военнымъ министерствомъ сборникъ его военныхъ сочиненій [1]). Вышло уже два тома, и въ первомъ изъ нихъ помѣщены различныя записки и доклады, составленные по военнымъ вопросамъ Вильгельмомъ, тогда еще просто прусскимъ принцемъ, отъ 1821 по 1847 г. Конечно, техническая сторона этихъ произведеній можетъ интересовать только военныхъ, да и то нѣмцевъ; но для будущаго историка эти документы получаютъ важность по тому, что они рельефно рисуютъ личность будущаго императора, въ тѣ годы его жизни, когда онъ былъ просто образцовымъ прусскимъ сержантомъ, думавшимъ только о томъ, какъ лучше набирать, обучать, кормить и вообще совершенствовать прусскихъ солдатъ. Хотя, конечно, человѣкъ, готовившійся занять престолъ, могъ бы заботиться и о болѣе достойныхъ предметахъ, чѣмъ солдатская выправка и даже солдатское благоденствіе, но все-таки этотъ сборникъ ясно показываетъ, что германская армія всегда составляла главную заботу Вильгельма, а потому нельзя не отнести къ нему извѣстной доли послѣдующихъ военныхъ успѣховъ Пруссіи въ его царствованіе. Въ особенности его участіе въ военныхъ реформахъ, доведшихъ прусскую армію до того блестящаго положенія, которое сдѣлало возможнымъ Садовую и Седанъ, доказывается вторымъ томомъ сборника его сочиненій, относящихся къ эпохѣ отъ 1848 г. по 1865 г. Изъ нихъ наиболѣе интересны: Замѣчанія на проектъ закона о защитѣ Германіи въ 1848 г., Очеркъ исторіи введенія игольныхъ ружей, Отчеты принца Вильгельма, какъ генералъ-полковника пѣхоты, за 1853—1857 г., и Докладъ о реорганизаціи прусской арміи отъ 1848 до 1865 гг. Какъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, такъ и тутъ, принцъ Вильгельмъ обнаруживаетъ самую мелочную ревнивую любовь къ военному дѣлу, но такъ какъ въ этомъ томѣ время, о которомъ говоритъ авторъ, ближе отстоитъ отъ эпохи блестящихъ прусскихъ побѣдъ, то и разсказъ о его участіи въ дѣлѣ подготовки этихъ побѣдъ естественно возбуждаетъ бóльшій интересъ.

— Новые труды англо-русскаго общества. Передъ нами два выпуска отчетовъ о засѣданіяхъ англо-русскаго общества съ ноября прошедшаго

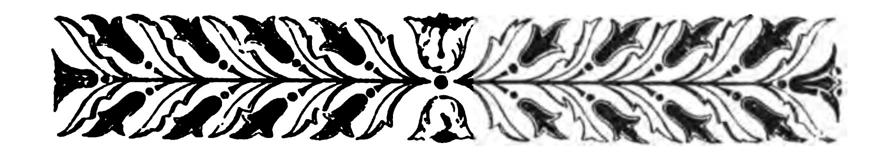
[1]) Militärische Schriften weiland Kaiser Wilhelms des Grossen Majestät-Auf Befehl seiner Majestät Kaiser und Königs herausgegeben vom königlichen-preussischen Kriegsministerium. Erster Band, 1821—1847.—Zweiter Band, 1848—1865. Berlin. 1897.

года до апрѣля настоящаго[1]). Какъ извѣстно, это общество имѣетъ цѣлью: 1) распространеніе въ Англіи русскаго языка и литературы; 2) составленіе библіотеки русскихъ книгъ, журналовъ и газетъ; 3) созваніе ежемѣсячныхъ собраній, на которыхъ читаются и обсуждаются рефераты, и 4) расширеніе дружескихъ отношеній между Великобританіей и Россіей. Оно находится подъ покровительствомъ императора Николая II, императрицы Александры Θеодоровны, удостоившей принять званіе покровительницы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, о чемъ милостиво сообщила В. Биркбеку, члену общества, на личной аудіенціи во время его посѣщенія Петербурга съ архіепископомъ Іоркскимъ, герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій и Эдинбургскій, а также его супруга герцогиня Марія Александровна. Членовъ всего насчитывается по послѣднему отчету 515, какъ русскихъ, такъ и англичанъ, платящихъ въ Лондонѣ по одной гинеѣ, внѣ его по полугинеѣ, и въ Россіи по 5 рублей въ годъ. Основателемъ и предсѣдателемъ общества состоитъ Эдуардъ Александровичъ Казалетъ, неусыпно заботящійся о своемъ любимомъ дѣтищѣ и трудно было бы подобрать болѣе подходящаго руководителя для подобнаго международнаго дѣла. Сынъ богатаго англійскаго фабриканта въ Россіи и баронесы Боде, онъ родился и воспитывался въ Петербургѣ, потомъ принималъ участіе въ Кокоревскомъ предпріятіи въ Баку, ѣздилъ въ Персію, служилъ въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли, а затѣмъ уже много лѣтъ живетъ въ Англіи. Этотъ полу-англичанинъ и полу-русскій, прекрасно знающій русскій языкъ, помѣстившій статью о Баку въ «Свѣточѣ» и состоящій экзаменаторомъ русскаго языка въ англійскомъ военномъ вѣдомствѣ, какъ бы созданъ для взятой имъ на себя и очень успѣшно исполняемой роли распространителя въ Англіи свѣдѣній о Россіи и дружескихъ отношеній между его двумя родинами. Какъ ревностно онъ занимается этимъ полезнымъ дѣломъ, кромѣ его энергичной дѣятельности по англо-русскому обществу, доказываетъ еще возбужденная имъ недавно полемика въ англійскихъ газетахъ о необходимости распространенія въ Англіи изученія русскаго языка и устройства экзаменовъ въ этомъ языкѣ, съ выдачей дипломовъ; какъ человѣкъ практическій, онъ и поддерживающіе его взглядъ англичане, хорошо знающіе Россію, указываютъ на ту громадную пользу, которую могутъ извлечь изъ знанія русскаго языка лица, занимающіяся торговлей съ Россіей. Эти аргументы такъ подѣйствовали, что по свѣдѣніямъ, которыя сообщены объ этомъ вопросѣ въ послѣднемъ отчетѣ засѣданій англо-русскаго общества, училищный комитетъ Лондонской коммерческой палаты постановилъ учредить двѣ стипендіи для изученія русскаго языка. Что касается до рефератовъ, читаемыхъ на собраніяхъ этого общества, то они отличаются легкимъ популярнымъ характеромъ, такъ какъ имѣютъ цѣлью заинтересовать англичанъ, а потому большинство ихъ не можетъ не казаться намъ поверхностнымъ повтореніемъ избитыхъ, всѣмъ извѣстныхъ въ Россіи общихъ мѣстъ, но бываютъ и чтенія оригинальныя, интересныя и даже сообщающія новыя свѣдѣнія о Россіи. Къ перваго рода рефератамъ изъ напечатанныхъ въ двухъ послѣднихъ номерахъ трудовъ общества отно-

[1]) The anglo-russian literary society. Proceedings. November, december 1896 and january 1897. February, march, and april, 1897. London. 1897.

сятся по литературѣ: «Поэзія Некрасова»—Ф. Марчанта, «Краткій очеркъ русской литературы въ 1896 году»—Л. Богдановича, «Послѣднее развитіе русской исторіи» — неизвѣстнаго автора въ переводѣ Г. Говолока, «А. Хомяковъ» — Л. Богдановича и «Замѣтки о нѣкоторыхъ типахъ Тургенева» — миссъ Шефердъ, а по общественнымъ вопросамъ: «Русское земство» — капитана Ф. Макдональда, «Сахалинъ и ссыльные» — профессора Дугласа Гоарда, «Празднованіе юбилея Дженнера въ Россіи»—доктора Ф. Клемова. Всѣ эти чтенія знакомятъ англичанъ съ избранными предметами довольно вѣрно, безъ крупныхъ ошибокъ, хотя попадаются неточности, но нельзя не пожалѣть, что, напримѣръ, недавно умершій писатель А. Н. Милюковъ выставляется, какъ, «быть можетъ, лучшій русскій критикъ послѣ Бѣлинскаго», а Добролюбовъ упоминается просто сотрудникомъ «Современника», или что «Русская исторія» Трачевскаго превозносится до небесъ, какъ первый опытъ выясненія русской исторіи, съ соціальной точки зрѣнія, и выражается сожалѣніе, что до сихъ поръ всѣ усилія англо-русскаго общества издать переводъ этой книги не удались. Но за то надо отдать справедливость, что рефератъ миссъ Алисы Госсенъ о русскихъ письмахъ лэди Дисбро очень интересенъ, и такъ какъ до сихъ поръ эти письма не были извѣстны русскимъ историкамъ, то свѣдѣнія о нихъ и приводимые лекторомъ отрывки составляютъ историческую новинку, за которую нельзя не поблагодарить англо-русское общество. Лэди Дисбро была жена сэра Эдварда Дисбро, англійскаго посланника въ Петербургѣ съ 1825 до 1828 года, и главный интересъ ея писемъ заключается въ подробностяхъ, которыя она сообщаетъ о событіяхъ 14-го декабря. Пріѣхала лэди Дисбро съ мужемъ въ Россію еще при Александрѣ и была представлена ему и императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ въ Петербургѣ, гдѣ былъ данъ грандіозный праздникъ, на которомъ, по ея словамъ, присутствовало болѣе 120.000 человѣкъ, такъ какъ всѣ, даже простолюдины, допускались во дворецъ. Но не долго пришлось веселиться англичанкѣ при дворѣ Александра; онъ уѣхалъ въ Таганрогъ и 1 декабря умеръ. Извѣстіе о его смерти, разсказываетъ она, было получено неожиданно, въ то самое время, какъ его мать, императрица Марія Ѳеодоровна, служила благодарственный молебенъ, въ виду того, что императору, по сообщеннымъ ей свѣдѣніямъ, было лучше. Въ церковь вошелъ великій князь Николай Павловичъ и, пріостановивъ службу, приказалъ священнику подойти съ крестомъ къ императрицѣ. «Матушка,—сказалъ онъ,— взгляните на Того, Кто вынесъ крестныя страданія, и приготовьтесь покорно перенести величайшее горе, какое вы можете встрѣтить на землѣ. Императоръ умеръ». Императрица взяла крестъ, приложила его къ своей груди и лишилась чувствъ. Описывая двойную присягу всей Россіи, сначала Константину, а потомъ Николаю, лэди Дисбро замѣчаетъ: «Какая потеря клятвенныхъ обѣщаній, но, по счастью, они—естественное произведеніе, которое можно пріобрѣтать каждый день». Приступая къ описанію заговора декабристовъ, она съ гордостью указываетъ, что его открылъ англичанинъ Шервудъ, и видитъ въ немъ не дѣло кучки неизвѣстныхъ людей, но вспышку борьбы между императорскою властью и дворянствомъ, въ странѣ, гдѣ не существовало средняго класса. Вотъ какъ разсказываетъ она о мятежѣ въ Петербургѣ 14 декабря:

«Я отправилась въ Казанскую церковь, гдѣ долженъ былъ совершиться молебенъ, по случаю восшествія на престолъ Николая, и уже всходила на лѣстницу церкви, какъ встрѣтила сэра Даніеля Бейля (англійскаго генеральнаго консула) съ очень вытянутымъ лицемъ. Онъ объявилъ мнѣ, чтобъ я не выходила изъ церкви, такъ какъ одинъ изъ полковъ отказался присягать Николаю и поднялъ на штыки генерала и двухъ офицеровъ. Солдаты не хотѣли признавать другого императора, какъ Константина, и, зарядивъ ружья пулями, окружили дворецъ такъ, что, по словамъ консула, одному небу было извѣстно, чѣмъ все это кончится. Конная гвардія присягнула Николаю и собиралась усмирить мятежниковъ. Весь народъ высказывался за Константина; мятежники не хотѣли слушать посланнаго къ нимъ императоромъ флигель-адъютанта, и войска спѣшили отовсюду, чтобъ оцѣпить бунтовщиковъ. Страшно было слышать выстрѣлы, каждый изъ которыхъ болѣзненно отзывался въ моемъ сердцѣ». Далѣе, лэди Дисбро сожалѣетъ бѣдныхъ солдатъ, которыхъ сбили съ толку офицеры, передаетъ, что зданіе сената было усѣяно пулями, и что на снѣгу было страшно видѣть слѣды крови, наконецъ, сообщаетъ разныя подробности о цѣляхъ заговорщиковъ. По ея словамъ, эти цѣли были различны; на югѣ хотѣли сохранить монархію, но съ ограниченіями, въ Кіевѣ стояли за республику, а на сѣверѣ въ Петербургѣ желали уничтожить всю императорскую семью и правительство. Любопытенъ анекдотъ, разсказанный лэди Дисбро по поводу декабристовъ. Бывшій въ то время въ Петербургѣ лордъ Странгфордъ спросилъ у графа Лебцельтерна, говорилъ ли съ нимъ императоръ о политикѣ, и тотъ отвѣчалъ: «Ни слова, онъ говорилъ только о князѣ Трубецкомъ» (одномъ изъ декабристовъ).—«Это деликатно»,—замѣтилъ графъ. — «Нѣтъ, — возразилъ англичанинъ: — это называется choisir un mauvais sujet». Послѣ цѣлаго года траура, что приводило всѣхъ дамъ въ отчаяніе, наступили праздники коронаціи, и лэди Дисбро описываетъ ихъ съ восторгомъ, конечно, распространяясь болѣе всего о веселыхъ и роскошныхъ пріемахъ представителя Англіи, герцога Девоншира, который за одинъ домъ, занимаемый имъ въ Москвѣ, заплатилъ 60.000 рублей. Между прочимъ, она приводитъ замѣчаніе г-жи Сталь, которая на вопросъ императрицы Маріи Θеодоровны, считаетъ ли она справедливымъ мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, сравнивающихъ Москву съ Римомъ, отвѣчала: «да, Москва дѣйствительно Римъ, но татарскій».



СМѢСЬ.

БЩЕСТВО ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 5-го мая состоялось, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева и при участіи членовъ совѣта общества: генералъ-адъютанта П. П. Гессе, егермейстера Д. С. Сипягина, Л. Н. Майкова, А. С. Стишинскаго, Б. М. Юзефовича и другихъ, годовое засѣданіе, въ которомъ члены общества выслушали первый годичный отчетъ, составленный и прочитанный секретаремъ общества Б. М. Юзефовичемъ. Отчетъ представляетъ интересную хронику перваго года жизни и дѣятельности общества. Въ немъ сообщается о высочайшемъ благожелательномъ вниманіи, выразившемся въ предоставленіи на разсмотрѣніе общества и для напечатанія въ его изданіяхъ автографическихъ рукописей Н. М. Карамзина, заключающихъ въ себѣ «мнѣніе русскаго гражданина о безусловномъ для блага Россіи вредѣ возстановленія древняго польскаго королевства» и письменные документы, выясняющіе выработку текста манифеста императора Николая I о восшествіи на престолъ 12-го декабря 1825 г. (рукописные эти матеріалы будутъ напечатаны въ изданіяхъ общества); о сочувствіи ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Θеодоровны, выразившемся, между прочимъ, въ предоставленіи обществу нѣсколькихъ отрывковъ изъ писемъ покойнаго государя, въ бытность его командующимъ рущукскимъ отрядомъ, большинству читателей уже извѣстныхъ, такъ какъ отрывки эти перепечатаны были во многихъ газетахъ изъ 1-го выпуска изданія общества ревнителей «Старина и Новизна», въ которомъ впервые обнародованы. Многіе изъ высшихъ іерарховъ русской церкви и ученыя общества выразили письменно сочувствіе цѣлямъ общества и принесли ему въ даръ цѣнные историческіе матеріалы: отъ графа С. Д. Шереметева обществомъ получено 143 неизданныхъ письма Н. М. Карамзина къ поэту князю П. А Вяземскому; отъ графа Толстого—архивъ съ перепиской, относящійся къ дѣятельности Екатерины II; отъ покой-

наго члена совѣта общества академика К. Н. Бестужева-Рюмина—рукописный конспектъ лекцій по исторіи, читанныхъ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу, отъ д. ч. графа М. Н. Муравьева, министра иностранныхъ дѣлъ, нѣкоторыя рукописи изъ архива дѣда его, графа М. Н. Муравьева, отъ директора Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ V выпускъ «Писемъ русскихъ государей»—письма царя Алексѣя Михаиловича къ царицамъ Маріи Ильиничнѣ и Наталіи Кирилловнѣ и къ царевнамъ сестрамъ; отъ члена совѣта А. С. Стишинскаго—экземпляръ «Всеподданнѣйшихъ отчетовъ августѣйшаго предсѣдателя государственнаго совѣта за время царствованія императора Александра III. Совѣтъ общества за отчетный годъ понесъ тяжкія утраты—скончались К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и А. Н. Майковъ. Вновь избраны членами совѣта И. Ө. Тютчевъ, князь Я. И. Шаховской, Б. М. Юзефовичъ, Н. Н. Селифонтовъ, И. В. Помяловскій и А. С. Стишинскій. Въ силу устава въ средѣ общества образовались въ концѣ декабря 1896 года отдѣленія, по которымъ и распредѣлились гг. члены для большаго успѣха въ работѣ и достиженіи цѣлей общества; образована также особая комиссія, руководящая изданіемъ «Старина и Новизна». Отдѣленія общества—историческое (предсѣдательствующій—Н. Н. Селифонтовъ), исполнительное (предсѣдатель А. С. Стишинскій) и издательское (предсѣдатель профессоръ И. В. Помяловскій) приступили уже къ работамъ. Вопросъ объ открытіи мѣстныхъ (провинціальныхъ) отдѣловъ общества поднятъ былъ товарищемъ предсѣдателя, графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ, и, согласно уставу, подъ руководствомъ дѣйствительныхъ членовъ общества нынѣ обезпечено образованіе отдѣловъ въ Москвѣ—И. Ө. Тютчева, въ Пензенской губерніи—князя Н. Д. Святополкъ-Мирскаго и въ Тверской губерніи—П. Д. Ахлестышева. Членъ совѣта Б. М. Юзефовичъ возбудилъ вопросъ о составленіи учебниковъ по русской исторіи, въ которыхъ наше историческое прошлое освѣщено было бы въ томъ народномъ и самобытномъ духѣ, представителемъ котораго явился почившій императоръ Александръ III; общество приступило къ разработкѣ программы и къ прінсканію лицъ, которымъ можно было бы поручить эти труды, и средствъ на ихъ изданіе. Членъ совѣта Д. С. Сипягинъ предложилъ приступить безотлагательно къ учрежденію безплатныхъ библіотекъ для народнаго чтенія и къ составленію каталоговъ книгъ для этихъ «народныхъ библіотекъ общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III». Совѣтъ общества поставилъ учрежденіе этихъ библіотекъ на первую очередь и поручилъ исполнительному отдѣленію приступить къ подготовительнымъ дѣйствіямъ, что и выполнено уже. Такова въ главныхъ чертахъ дѣятельность общества; отдѣленія его работали въ томъ же духѣ и направленіи. Скажемъ въ заключеніе, что нынѣ въ составѣ общества числится 407 членовъ, изъ нихъ 285 дѣйствительныхъ и 122 членовъ-сотрудниковъ. Наличность денежныхъ средствъ общества къ 1-му мая достигала 6.311 рублей 89 копеекъ, изъ коихъ 2.800 рублей неприкосновеннаго фонда. Расходовъ за отчетное время произведено 1.995 р. 83 копейки. Намѣреніе составить уже для второго года дѣятельности общества точную смѣту пришлось отложить, по отсутствію достаточныхъ данныхъ за кратковременное существованіе общества, которыми можно было бы руково-

диться для соображенія будущихъ доходовъ и расходовъ общества. Рѣшено предоставить предсѣдателю или же совѣту общества утвердить временныя росписанія расходовъ, предвидимыхъ по ходу дѣятельности общества. Для обревизованія денежныхъ дѣлъ общества избрана общимъ собраніемъ 5-го мая особая комиссія, въ составъ которой вошли князь П. Д. Волконскій, генералъ Зубовъ и генералъ Свербеевъ.

Гармонизація русскихъ пѣсенъ. Предсѣдатель пѣсенной комиссіи императорскаго русскаго географическаго общества, государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, во исполненіе высочайшей воли, имѣлъ счастье представить государю императору всеподданнѣйшую записку о планѣ гармонизаціи собранныхъ комиссіею русскихъ народныхъ пѣсенъ и о средствахъ на выполненіе этого плана. На подлинной запискѣ его величеству, 22-го марта текущаго года, благоугодно было собственноручно начертать: «Согласенъ». Представленная записка нижеслѣдующаго содержанія: «вашему императорскому величеству благоугодно было разрѣшить мнѣ войти въ переговоры съ Балакиревымъ, какъ главою предпріятія, и съ Ляпуновымъ и Некрасовымъ, какъ необходимыми его сотрудниками, о составленіи плана гармонизаціи русскихъ народныхъ пѣсенъ и о средствахъ, нужныхъ для исполненія сего плана. Нынѣ имѣю счастье доложить вашему величеству о послѣдствіяхъ сихъ переговоровъ. Изъ числа собранныхъ комиссіею пѣсенъ для гармонизаціи должны быть избраны лишь тѣ, кои отличаются художественными достоинствами. Изъ нихъ надлежитъ составить три сборника. Въ первый войдутъ сто пѣсенъ для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепіано. Этотъ сборникъ предназначается для широкаго распространенія русскихъ пѣсенъ среди нашихъ пѣвцовъ-художниковъ и любителей. Въ составъ другого сборника войдутъ пятьдесятъ пѣсенъ, положенныхъ на голоса для мужского хора. Этотъ сборникъ предназначается преимущественно для распространенія въ войскахъ, а также и въ болѣе широкой средѣ любителей хорового пѣнія. Этотъ же сборникъ могъ бы съ успѣхомъ восполнить пробѣлъ, который ощущаютъ нынѣ попечительства о народной трезвости въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи, кои въ числѣ прочихъ мѣропріятій для противодѣйствія народному пьянству признаютъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ устройство народныхъ хоровъ. Представители пермскаго и таврическаго попечительствъ уже обратились къ предсѣдателю пѣсенной комиссіи за возможною помощью въ этомъ дѣлѣ. Въ третій сборникъ войдутъ пятьдесятъ пѣсенъ, положенныхъ на голоса для дѣтскаго или женскаго хора. Сборникъ сей предназначается для распространенія въ сельскихъ школахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго и гражданскаго вѣдомства. Для возможнаго успѣха въ выполненіи сего предпріятія я признавалъ бы полезнымъ учредить подъ моимъ предсѣдательствомъ особую комиссію, на которую и возложить составленіе и изданіе предположенныхъ сборниковъ и содѣйствіе распространенію ихъ въ соотвѣтствующей средѣ для выполненія предназначенной цѣли. Изъ числа музыкальныхъ дѣятелей, помощь коихъ въ этомъ предпріятіи является необходимою, въ составъ комиссіи войдутъ: Балакиревъ, Лядовъ и Ляпуновъ, принявшіе на себя составленіе одноголоснаго сборника съ сопровожденіемъ фортепіано; Некрасовъ, какъ составитель сборника для муж-

скаго хора, и Петровъ, какъ составитель сборника для дѣтскаго или женскаго хора. Обязанности секретаря комиссіи возлагаются на секретаря отдѣленія этнографіи Истомина, а раздѣленіе трудовъ его по симъ обязанностямъ принимаетъ на себя сынъ мой. Средства, кои нужны будутъ комиссіи на составленіе и изданіе трехъ предположенныхъ сборниковъ, въ количествѣ 1,000 экземпляровъ каждый, достигаютъ по приблизительному разсчету 8.000 рублей, на отпускъ коихъ я имѣю счастье испрашивать нынѣ всемилостивѣйшее соизволеніе, если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ одобрить изложенныя мною предначертанія».

† **Н. А. Любимовъ.** 6-го мая, въ С.-Петербургѣ, скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ попечительномъ комитетѣ императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, тайный совѣтникъ Николай Алексѣевичъ Любимовъ, пользовавшійся извѣстностью, какъ ученый и публицистъ. Н. А. Любимовъ родился 26-го января 1830 года и воспитывался въ семьѣ профессора Московскаго университета и медико-хирургической академіи А. Л. Ловецкаго, а затѣмъ, послѣ домашней подготовки, поступилъ въ 3-ю московскую гимназію, въ классическое отдѣленіе; окончивъ съ серебряною медалью курсъ въ 1847 году, покойный поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета. По окончаніи здѣсь въ 1851 году курса со степенью кандидата, онъ былъ опредѣленъ 1-го августа 1854 года старшимъ учителемъ естественныхъ наукъ въ московскую 4-ю гимназію. Въ 1854 году по сдачѣ экзамена на магистра онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность адъюнкта Московскаго университета по каѳедрѣ физики и физической географіи, нѣкоторое время состоялъ секретаремъ физико-математическаго факультета. По защитѣ въ 1856 году диссертаціи «Основной законъ электродинамики и его приложеніе къ теоріи магнитныхъ явленій», за которую удостоенъ степени магистра физики, Н. А. Любимовъ былъ утвержденъ адъюнктомъ; въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ съ высочайшаго соизволенія съ ученою цѣлью въ Германію, Францію, Англію и Швейцарію; особенно много онъ работалъ въ лабораторіяхъ Реньо въ Парижѣ и Севрѣ. По возвращеніи изъ-за границы, Н. А. былъ назначенъ исполняющимъ должность экстраординарнаго профессора; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ общую и прикладную физику въ ремесленномъ учебномъ заведеніи вѣдомства учрежденій императрицы Маріи (до 1863 года) и въ московской практической академіи коммерческихъ наукъ (до 1864 года). Въ 1860 году онъ первый возобновилъ въ Москвѣ послѣ почти 12 лѣтъ перерыва публичныя лекціи, прочитавъ съ большимъ успѣхомъ курсъ физики съ примѣненіемъ впервые электрическаго свѣта. Тогда же имъ былъ изобрѣтенъ снарядъ для объясненія опыта Фуко и отклоненія плоскости качанія маятника въ проложеніи ихъ тѣни при помощи электрическаго свѣта. Защитивъ въ 1865 году диссертацію на степень доктора физики «О Дальтоновомъ законѣ и количествѣ пара въ воздухѣ при низкихъ температурахъ», онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Незадолго до этого особенно усилилась литературно-публицистическая дѣятельность покойнаго. Его статьи объ университетскомъ образованіи въ Россіи и за

границей обратили на себя вниманіе; въ 1873 году онъ былъ назначенъ членомъ высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра университетскаго устава, куда онъ представилъ обстоятельную записку о недостаткахъ нынѣшняго состоянія нашихъ университетовъ. 14-го февраля 1877 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: «ординарнаго профессора Любимова, выслуживающаго въ 1877 году 25 лѣтъ, оставить на службѣ въ университетѣ при настоящей его должности, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ и обязанностей оной, не подвергая его, по выслугѣ срока, новому избранію, требующемуся § 7 университетскаго устава». Утвержденный въ 1879 году въ званіи заслуженнаго профессора, Н. А. былъ назначенъ въ 1882 году членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Въ 1884 году онъ участвовалъ въ трудахъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію; кромѣ того, онъ принималъ ближайшее участіе въ выработкѣ новаго университетскаго устава и въ составленіи экзаменныхъ требованій по факультетамъ; въ 1890—1891 годахъ онъ участвовалъ въ комиссіи по пересмотру плановъ и программъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Вообще Н. А. Любимовъ въ теченіе 14 лѣтъ принималъ близкое участіе въ выработкѣ важнѣйшихъ мѣропріятій министерства народнаго просвѣщенія. Съ 1885 года онъ состоялъ также членомъ отъ этого министерства въ попечительномъ комитетѣ императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны.

Изъ научныхъ трудовъ покойнаго отмѣтимъ, кромѣ спеціальныхъ монографій въ иностранныхъ журналахъ, академическихъ рѣчей, статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» и др., его магистерскую и докторскую диссертаціи, «Начальныя основанія физики» (М., 1861 г., часть I), «Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія» (М., 1873 г. и 1876 г., два изданія), «Философія Декарта» (Спб., 1886 г.), «Изъ книги иллюзій, чудесъ, тайнъ, открытій» (Спб., 1887 г., 72 стр.) и особенно «Исторія физики», опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи (Спб., 1892 г., часть первая; 1894 г., часть вторая; 1896 г., часть третья, отдѣлъ первый); продолженіе этой работы еще печатается въ приложеніи къ «Журналу министерства народнаго просвѣщенія». Рядомъ съ такими крупными трудами, въ продолженіе 45 лѣтъ (1853—1897 гг.) появилась длинная вереница статей и замѣтокъ (по физикѣ, физической географіи, астрономіи), напечатанныхъ какъ въ научныхъ журналахъ, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ. Они почти всѣ перечислены въ рѣдкой брошюрѣ подъ названіемъ: «Научные и литературные труды заслуженнаго профессора Н. А. Любимова въ хронологическомъ порядкѣ» (Спб., 1896 г., 15 стр.). Любопытно, что въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ 1867 году, покойный высказалъ насчетъ позитивной философіи и ея отношенія къ естествознанію мысли, которыя 15 лѣтъ спустя высказалъ знаменитый Пастеръ.

Начало литературно-публицистической дѣятельности покойнаго, доставившей ему наиболѣе громкую и почетную извѣстность, относится къ 1853 году, когда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» были напечатаны его первыя статьи—«Элек-

трическая искра» и «Новости по части естествознанія». Затѣмъ, по основаніи Катковымъ въ 1856 году «Русскаго Вѣстника», покойный былъ приглашенъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ этого журнала и велъ обозрѣніе естествознанія въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись». Находясь въ научной командировкѣ въ Парижѣ, онъ присылалъ оттуда корреспонденціи въ «Московскія Вѣдомости», и, кромѣ того, писалъ статьи по вопросамъ университетской жизни, народнаго образованія, политическихъ движеній и друг. Съ 1863 по 1882 годъ Любимовъ редактировалъ «Русскій Вѣстникъ», а въ 1866 году временно подписывался редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Редакторскія обязанности сблизили его съ Достоевскимъ, Тургеневымъ, гр. Л. Н. Толстымъ, гр. Д. А. Толстымъ и другими выдающимися писателями и общественными дѣятелями. Многочисленные и разнообразные труды его на журнальномъ поприщѣ, сначала разсѣянные по журналамъ и газетамъ, были собраны самимъ покойнымъ въ отдѣльныя книги, которыя и вышли подъ заглавіями: «Жизнь и труды Ломоносова» (М., 1872 г., часть I, 191 стр.), «Университетскій вопросъ» (М., 1877 г.), «Противъ теченія. Бесѣды о революціи, наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей» (М., 1880—1883 гг., три выпуска), «Мой вкладъ, статьи, записки, чтенія и замѣтки» (М., 1881 г., томъ перый; 1887 г., томъ второй). «Въ ожиданіи коронаціи: вѣнчаніе русскихъ самодержцевъ» (Спб., 1883 г., 171 стр.), «Лѣтопись мимоидущаго» (Спб., 1892 г., 574 стр.), «Крушеніе монархіи во Франціи. Очерки и эпизоды первой французской революціи» (М., 1893 г., 657 стр.) и «Новости дня сто лѣтъ тому назадъ» (М., 1894 г., 659 стр.). Къ этой же категоріи историко-публицистическихъ произведеній относится и біографическій очеркъ подъ заглавіемъ: «Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга, по документамъ и личнымъ воспоминаніямъ» (Спб., 1889 г., 356 стр.). (Ср. «Нов. Вр.» № 7612, «Моск. Вѣд.» №№ 124 и 125, «Нов.» № 125, «Русск. Вѣд.» № 125).

Наша повременная печать съ большимъ единодушіемъ отозвалась на утрату этого выдающагося дѣятеля. Такъ, «Новое Время» (№ 7612) говоритъ въ его некрологѣ: «Ученый съ громадною эрудиціею и самостоятельными взглядами, умный и даровитый писатель-публицистъ съ строго опредѣленными взглядами, видный дѣятель въ сферѣ нашего просвѣщенія, всецѣло отражавшій въ себѣ «время Каткова», Н. А. Любимовъ представлялъ собою замѣтное и почтенное ученое, литературное и общественное имя. Въ дружественномъ тройственномъ союзѣ — Катковъ, Леонтьевъ и Любимовъ, послѣднему принадлежала наиболѣе оригинальная роль представителя точныхъ и реальныхъ наукъ при введеніи классической системы образованія, которую Катковъ отстаивалъ, какъ историкъ, воспринявшій германскіе взгляды, а Леонтьевъ—какъ эллинистъ и латинистъ. Если Катковъ былъ офиціальнымъ главою этого дружескаго и публицистическаго товарищества, а Леонтьевъ—его душою, то Н. А. Любимову принадлежала менѣе видная, но безспорно не легкая роль главнаго работника, автора черновыхъ всѣхъ проектовъ, которые затѣмъ отдѣлывали и проводили Катковъ съ Леонтьевымъ. Та же, собственно, роль принадлежала покойному и въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника». Перомъ Н. А. Любимовъ владѣлъ свободно и хорошо, писать умѣлъ красиво, образно и ядовито. Едва ли не лучшія

изъ его публицистическихъ статей помѣщены были, однако, не въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ новой редакціи которыхъ съ ноября 1883 года онъ принималъ первоначально самое дѣятельное участіе. Онъ, между прочимъ, велъ полемику, завязавшуюся у этой газеты съ И. С. Аксаковымъ по вопросу о новомъ судѣ. Синтезомъ политическихъ взглядовъ Н. А. Любимова можно считать знаменательное по многимъ особенностямъ произведеніе его «Противъ теченія, бесѣды съ пріятелемъ», печатавшееся сначала въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ псевдонимомъ Вареоломея Кочнева, а затѣмъ съ именемъ автора вышедшее въ отдѣльномъ изданіи. Отлично изучивъ эпоху, предшествовавшую великой французской революціи, Н. А. Любимовъ въ пору «диктатуры сердца» гр. Лорисъ-Меликова задался цѣлью доказать грозное сходство этой поры съ эпохою, предшествовавшею разгрому монархіи во Франціи. Трудъ этотъ весьма полезенъ по богатству превосходно разработаннаго фактическаго матеріала для исторіи и пониманія одного изъ самыхъ важныхъ моментовъ не только въ исторіи Франціи, но и въ общей исторіи. Послѣднія пятнадцать лѣтъ Н. А. Любимовъ, переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, провелъ въ должности члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, постоянно и непосредственно участвуя въ обсужденіи и рѣшеніи нашихъ образовательныхъ вопросовъ. Молва приписывала ему главное авторство въ новомъ университетскомъ уставѣ. Отношеніе его къ уставу 1863 года, дѣйствительно, хорошо извѣстно изъ надѣлавшей въ свое время шума «Записки» его о «недостаткахъ» этого устава. Послѣдовательность и стойкость взглядовъ покойнаго, безъ сомнѣнія, должны быть ему поставлены въ заслугу. Въ память Каткова издана имъ особая книга, въ которой краснорѣчиво доказывается «историческая заслуга» покойнаго публициста. Послѣ Н. А. Любимова должна остаться обширная и въ высшей степени любопытная переписка съ нимъ многихъ нашихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и писателей, изъ которой можно бы почерпнуть цѣнные матеріалы къ характеристикѣ того времени, когда М. Н. Катковъ и его кружокъ сыграли въ нѣсколькихъ случаяхъ первую роль въ русскихъ общественныхъ теченіяхъ. Какъ человѣкъ, какъ интересный, начитанный и просвѣщенный собесѣдникъ, Н. А. Любимовъ оставляетъ прекрасную память у всѣхъ его знавшихъ. Теперь, надъ его гробомъ, можно отмѣтить достойную черту его характера, о которой знали лишь тѣ изъ молодежи, что обращались къ нему въ трудныя минуты университетскихъ случайностей: покойный Николай Алексѣевичъ, избравъ своимъ жизненнымъ девизомъ «fortiter in re, suaviter in modo», былъ неизмѣннымъ и добродушнѣйшимъ ходатаемъ за всяческія облегченія для студентовъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ типичный московскій профессоръ добраго стараго времени. Нужно ли еще прибавлять, что въ вопросахъ внѣшней политики онъ высказывалъ во всю свою жизнь просвѣщенный и твердый патріотизмъ и что, будучи европейски образованнымъ человѣкомъ, оставался исконнымъ москвичемъ. Умнымъ, образованнымъ и цѣльнымъ человѣкомъ со смертью Н. А. Любимова стало у насъ меньше». Въ свою очередь «Московскія Вѣдомости» (№ 124), помимо біографическихъ свѣдѣній, дали о покойномъ слѣдующія строки: «Для многихъ смерть Н. А., пожалуй, не болѣе, какъ утрата одного изъ нашихъ ученыхъ знатоковъ по физикѣ, много потрудившагося для своей науки и много способ-

ствовавшаго у насъ развитію и распространенію ея какъ собственными учеными трудами и составленіемъ замѣчательныхъ по достоинствамъ учебниковъ, такъ и въ особенности изученіемъ исторіи физическихъ наукъ и тѣхъ путей, которыми двигали ихъ впередъ выдающіеся представители; для другихъ это, пожалуй, лишь утрата дѣятеля много потрудившагося по предмету разъясненія разныхъ сторонъ постановки у насъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній; третьи вспомнятъ о немъ, пожалуй, лишь какъ объ изслѣдователѣ по первоисточникамъ разныхъ сторонъ первой французской революціи и ея принциповъ,—но для насъ и для всѣхъ давнихъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» это—утрата близкаго, родного человѣка. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ сотрудниковъ незабвеннаго М. Н. Каткова и по «Русскому Вѣстнику» и по «Московскимъ Вѣдомостямъ», и многіе годы принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе. И по своему направленію, и по своимъ долговременнымъ, посвященнымъ въ пользу этихъ изданій, трудамъ, покойный такъ тѣсно связалъ съ ними и свое имя, и многіе годы своей жизни, что съ его кончиной умеръ какъ бы одинъ изъ родныхъ членовъ катковской семьи «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей». Наконецъ, «Свѣтъ» (№ 120) указываетъ, «какую стойкость убѣжденій, какія симпатичныя идеи, какую вѣру въ Россію и любовь къ ней таилъ этотъ замѣчательный и рѣдкій въ наше время дѣятель. Ничто выдающееся, ничто замѣчательное не ускользало отъ его пытливаго ума, и все получало должную оцѣнку, правильную постановку, обогащало разумъ и знаніе читателя».

† **П. И. Калашниковъ.** 20-го мая, въ Лугѣ, скончался послѣ продолжительной болѣзни Петръ Ивановичъ Калашниковъ. Его имя было хорошо извѣстно въ нашемъ театральномъ мірѣ; онъ перевелъ либретто многихъ иностранныхъ, поставленныхъ у насъ, оперъ, а въ былое время ставилъ на императорской сценѣ и собственныя произведенія (драмы — «Современный расчетъ», «Паяцы»). Онъ хорошо владѣлъ стихомъ, и съ него началось упорядоченіе у насъ переводныхъ либретто, въ былое время отличавшихся разными курьезами. Имъ написанъ текстъ также нѣсколькихъ русскихъ оперъ, напримѣръ, «Нижегородцевъ» г. Направника, «Уріэль-Акоста» Фаминцына, «Домикъ въ Коломнѣ» г. Соловьева и т. д. Между прочимъ, и для либретто «Вражьей силы» Сѣрова имъ сдѣлано не мало исправленій всякаго рода, начиная со стиховъ. Кромѣ сочиненія стиховъ для оперныхъ либретто и кромѣ драматическихъ произведеній, покойный въ молодости занимался журналистикой и въ пятидесятыхъ годахъ былъ сотрудникомъ нѣсколькихъ изданій. Умеръ онъ шестидесяти девяти лѣтъ отъ роду. («Нов. Вр.», № 7629).

† **А. П. Ерошкинъ.** 18-го мая, въ С.-Петербургѣ, скончался Александръ Петровичъ Ерошкинъ, писавшій статьи и разнаго рода замѣтки сперва въ «Театральномъ Мірке», затѣмъ въ «Петербургскомъ Листкѣ», въ редакціи котораго состоялъ послѣднія 12 лѣтъ секретаремъ. Покойный родился въ 1858 году, образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ. Работая въ «Петербургскомъ Листкѣ», онъ подписывалъ свои разсказы и юмористическія замѣтки псевдонимомъ «Оберъ-шутникъ». Имъ написано нѣсколько одноактныхъ пьесъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1897

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1897 г.

стр.

I. Кладъ. (Разсказъ станичника). **Ѳ. Д. Крюкова** 305

II. Калика перехожій XIX вѣка. **С. Ашевскаго** 324

III. Записки **графа Е. Ѳ. Комаровскаго**. III—IV. (Продолженіе). . . 339

IV. «Непристойныя рѣчи». (Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи, XVIII вѣка). VI—X. (Окончаніе). **А. В. Арсеньева** 375

V. Петербургскіе книгопродавцы-апраксинцы и букинисты. II—IV. (Окончаніе). **Н. Н. Свѣшникова** 399

VI. Разсказы очевидцевъ о проѣздѣ черезъ Якшуръ-Бодью императора Александра I въ 1824 году и наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ 1837 г. **С. Я. Моисеева**. 427

Иллюстрація: Памятникъ въ с. Якшуръ-Бодьѣ, поставленный въ воспоминаніе проѣзда императора Александра Перваго.

VII. Пятисотлѣтіе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. V—VIII. (Окончаніе). **Н. Ф. Тюменева**. 447

Иллюстраціи: 1) Синеусовъ курганъ.—2) Дорога въ скитъ св. Нила Сорскаго.—3) Мѣстность бывшаго «города».—4) Кузнечная башня на Сиверскомъ озерѣ.—5) Святыя ворота съ церковью Іоанна Лѣствичника.—6) Церкви Успенскаго большаго монастыря.—7) Церковь Преображенія съ придѣломъ св. Ирины и Николая Чудотворца.—8) Больничная церковь св. Евфимія.—9) Ивановскій монастырь съ юго-запада.—10) Кузнецкая и Котельная башни въ Ивановскомъ монастырѣ.—11) Кресло патріарха Никона.

VIII. Судъ присяжныхъ въ русской литературѣ тридцатыхъ годовъ. **А. И. Кирпичникова**. 483

IX. Декабристы въ Нерчинскихъ рудникахъ. **И. Трунева**. 491

X. Изъ военнаго быта недавняго прошлаго. **М. А. Врочепскаго**. . 515

XI. Раскольничьи мощи. **К. Я. Здравомыслова**. 525

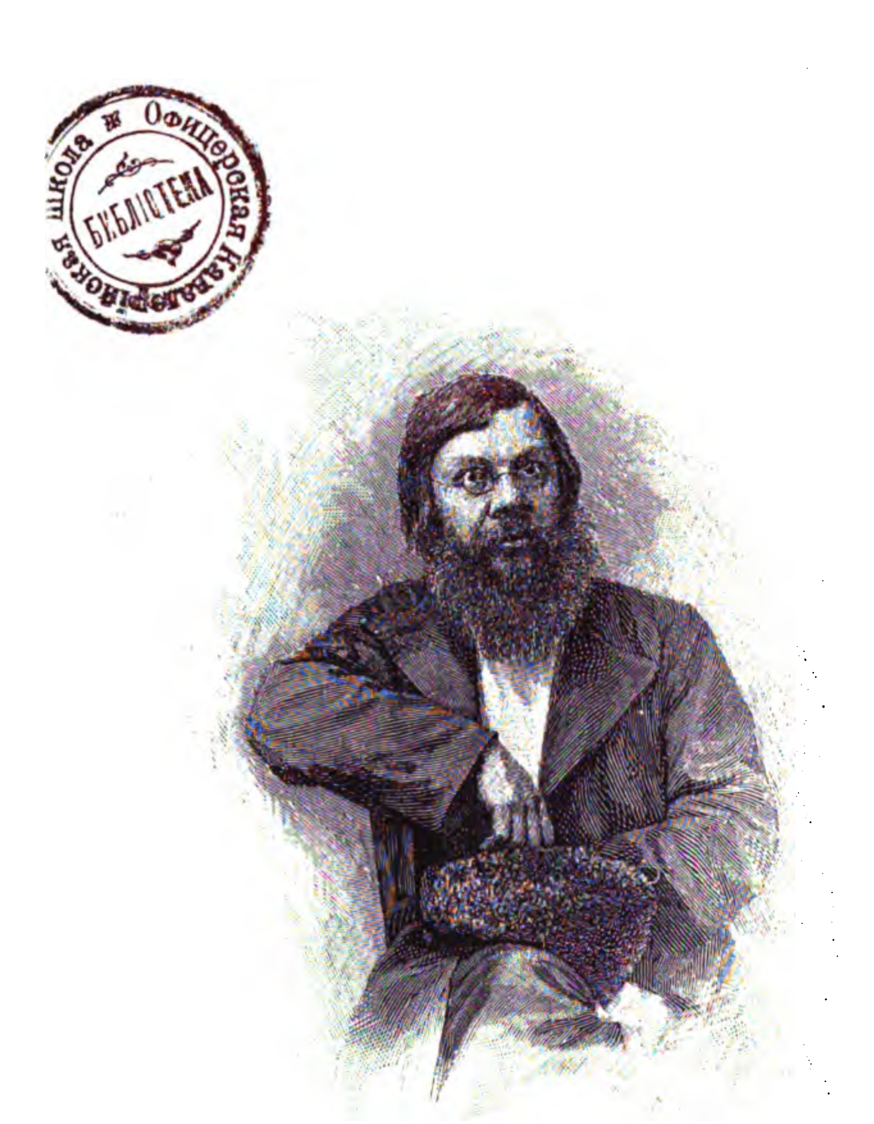
XII. Русскій лекторъ въ Америкѣ. **А. К. Бороздина**. 532

XIII. Реформа на очереди. I—V. **Б. В. Глинскаго**. 544

XIV. Критика и библіографія 569

1) По поводу перехода въ католичество княжны Елены Черногорской. Казань. 1896. Нова Кола, произведеніе черногорскаго князя Николая, и значеніе самостоятельной жизни черногорскихъ племенъ въ исторіи исконной независимости сербскаго народа на Черной Горѣ. Казань. 1897. Матеріалы и нѣкоторыя изслѣдованія по исторіи Черногоріи. Казань. 1897. **Л.**—2) А. В. Кругловъ. Литература «маленькаго народа». Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. Два выпуска. Москва. 1897. Изд. книжнаго магазина М. Д. Наумова. **Н. А.**—3) Новый журналъ иностранной литературы, искусства и науки. Иллюстрированное, ежемѣсячное изданіе О. Н. Булгакова. № 1. Іюль. Спб. 1897. **С. Ш.**—4) Изданія историческаго общества при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 г. Москва. 1897. **Σ.**—5) Растонъ Могра.

См. слѣд. стр.



ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ЯКУШКИНЪ.

дозв. ценз 9-го іюля 1897 г. спб.

КЛАДЪ.

(Разсказъ станичника).

ЗДРАВІЯ желаю...

— Мое почтеніе.

— Къ вашей милости...

Передо мной стоялъ казакъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, бѣлокурый, съ круглою бородкой, въ парусиновымъ кителѣ, въ широкихъ суконныхъ шароварахъ съ лампасами и въ ярко-вычищенныхъ сапогахъ, которые просто поражали своимъ зеркальнымъ блескомъ. Блестѣла и лоснилась также голова его, обильно смазанная масломъ и причесанная показацки, гладко и тщательно. Наружность его, въ соотвѣтствіе костюму, была благообразна, но ничѣмъ особеннымъ не отличалась; только въ сѣрыхъ, кроткихъ глазахъ, обращенныхъ куда-то вверхъ, на одну точку, видѣлась какая-то сосредоточенная и неотвязная дума...

— Хотѣлъ поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ: вотъ ужъ сколько лѣтъ оно во многихъ мѣстахъ народъ волнуетъ...—сказалъ мой посѣтитель, когда я освѣдомился о цѣли его визита.

— Какое же это дѣло?—спросилъ я.

— Да разсказывать долго... Ежели вамъ время не дозволяетъ, такъ я въ другой разъ могъ бы зайтить... А ежели свободны, то сдѣлайте милость выслушать!

— Садитесь и разсказывайте. Вы Коротковымъ, кажется, прозываетесь?

— Такъ точно: Коротковъ, Семенъ Семеновъ... — быстро проговорилъ онъ.

Затѣмъ, бережно держа передъ собой свою новую фуражку, онъ отошелъ нацыпочкахъ отъ двери въ задній уголъ и сѣлъ на сундукѣ, предварительно расправивъ полы своего кителя.

— Слухи эти давно проносились, быстро протекли... — началъ онъ свой разсказъ и остановился, сосредоточенно глядя вверхъ и точно собираясь съ мыслями.

Въ открытыя окна маленькой горницы, въ которой мы находились, глядѣли уже лѣтнія сумерки. Вмѣстѣ съ ласкающею свѣжестью лѣтняго вечера съ улицы нестройно и весело неслись разнообразные, смѣшанные звуки: гдѣ-то пиликала гармоника, и дребезжащій голосъ подпѣвалъ разудалую пѣсню, на перекресткѣ звенѣли дѣтскіе голоса и смѣхъ, жалобно мычали проголодавшіеся телята... И мысли какъ-то съ трудомъ могли сосредоточиться на неизвѣстныхъ «слухахъ», которые «быстро протекли»...

— Услыхалъ объ этомъ дѣлѣ нашей станицы казакъ Николай Кочергинъ въ 1885 году, — заговорилъ снова Коротковъ своимъ мягкимъ и тихимъ, нѣсколько таинственнымъ, голосомъ: — ѣздилъ онъ за Донъ, по Чиру и Цуцкану, торговать солью и въ одинъ зимній вечеръ заѣхалъ ночевать на хуторѣ Малаховомъ къ хохлу. Гостепріимно принялъ его хохолъ... Повечеряли они, постелили полости на полу, легли и занялись разговоромъ. Хохолъ спрашиваетъ Кочергина:

— Не знавалъ ли ты казака Плотникова? былъ у васъ въ станицѣ, говорятъ, такой воръ знатный?

Кочергинъ говоритъ: какъ не знать! зналъ.

— Правда ли, сказываютъ, его никакія оковы не держали?

— Самая истинность...

— Какимъ же родомъ могъ онъ это дѣлать?

— Очень просто: зналъ слово... Да у насъ даже такихъ много, которые, напримѣръ, могутъ замки безъ ключа отмыкать... У насъ ихъ чуть не въ каждомъ дворѣ!

Съ этихъ словъ присталъ хохолъ къ Кочергину, убѣдительно началъ просить его: найди, сдѣлай милость, такого человѣка, кто бы могъ замокъ безъ ключа разрушить какими ни есть хитростями...

Заинтересовался Кочергинъ, сталъ спрашивать, на что ему такой человѣкъ понадобился. Хохолъ долго мялся, но разсказалъ, въ чемъ дѣло:

— У насъ тутъ явился кладъ, и нельзя взять его, кромѣ такого человѣка, который бы могъ замокъ отомкнуть безъ ключа.

— Гдѣ и въ какомъ мѣстѣ такой кладъ? — допрашиваетъ Кочергинъ.

Хохолъ объяснилъ все подробно: сколько денегъ (именно, что — семнадцать милліоновъ), въ чемъ лежатъ, кѣмъ положены,—только

скрылъ, въ какомъ именно мѣстѣ... не сказалъ!.. Посулилъ Кочергинъ хохлу предоставить такихъ людей, которые могутъ замки безъ ключей сымать. Явился домой, разсказалъ все своему семейству, съ отцомъ посовѣтовался. Дѣло не плохое—семнадцать милліоновъ, упускать жалко... И пустились они искать такихъ людей, какихъ просилъ хохолъ. Также пришелъ ко мнѣ и разсказалъ, въ чемъ дѣло (онъ мнѣ шуриномъ доводится). Выслушалъ я все подробно и говорю: Николай! можетъ ли это быть?

— Да хохолъ завѣряетъ! даже клянется и божится...

— Но куда же мы столько денегъ дѣвать будемъ и чего будемъ съ ними дѣлать? Вѣдь это страсть—семнадцать милліоновъ...

Засмѣялся Кочергинъ и говоритъ:

— Чудакъ человѣкъ! съ деньгами не знаешь, чего дѣлать?! Съ деньгами всего, чего ни пожелай, можешь достигнуть; это вотъ безъ денегъ, точно, ничего не попишешь... Ну, скажи на милость, что это за жизнь, какъ мы съ тобой живемъ? Въ землѣ копаемся, бьемся, издыхаемъ на работѣ, а въ концѣ концовъ хватись—ничего нѣтъ! На себѣ да въ себѣ—только и всего. А ежели бы деньги въ этому случаю... Купилъ бы себѣ пары три быковъ, лошадей бы преотличныхъ завелъ, земли участочекъ купилъ бы... А то бы лавочку открылъ или, напримѣръ, кабакъ снялъ бы — развилое дѣло! Я, говоритъ, давно вотъ себѣ сапоги амбурскаго товару собираюсь справить, да все капиталъ мой не дозволяетъ. А тогда бы не то сапоги амбурскаго товару, а и часы бы съ цѣпочкой купилъ или что иное прочее... Пожилъ бы, какъ люди живутъ на свѣтѣ! Тутъ лишь бы охлопотать это дѣло, а тужить не будемъ!..

Сшибъ онъ меня этими словами, голова у меня пошла кругомъ... Точно, думаю, деньги—дѣло великое! Чего съ ними нельзя сдѣлать?!. Широко можно крылья расправить и полетъ можно большой имѣть! Свѣтъ Божій, говорятъ, на волю да на радость данъ, а при нашихъ достаткахъ—ни воли, ни поля... Такъ ни въ чести, ни въ радости жизнь прокатится! А ежели бы капиталъ, и разговоръ бы другой пошелъ...

— Но что же,—говорю Кочергину,—надо дѣлать?

— А надо, говоритъ, достать папоротниковый цвѣтокъ или разрывъ траву: первое средство!

Пустились мы съ нимъ на розыскъ этихъ травъ. Подъ Ивана Купала отправились въ ольховый боръ, нашли папоротникъ, очертилъ я его кругомъ, приготовилъ полотенце и сѣлъ вмѣстѣ съ Кочергинымъ караулить, какъ цвѣтокъ зацвѣтетъ.. Гляжу—Кочергинъ дрожитъ.

— Чего ты?—говорю.

— Боюсь нечистой силы...

— Не робѣй, а то хуже будетъ!

Облачная ночь была, темная, тихая. Комара этого—сила! Облѣпилъ онъ насъ, ничѣмъ ничего съ нимъ не подѣлаешь! Погляжу,

погляжу на Кочергина: трусится, сидитъ и нѣтъ-нѣтъ да и сотворитъ крестное знаменіе.

— Ты, говорю, все испортишь: на такое дѣло молитва нейдетъ...

— Мочи моей, говоритъ, нѣтъ! убѣгу!

Однако никакой нечисти и никакихъ адскихъ наважденій во всю ночь не было; только комаръ донималъ до конца... Занялась заря.

— Попортилъ, говорю, ты дѣло: все молитвы читалъ, анъ ничего и не явилось, вонъ ужъ заря...

Кочергинъ говоритъ: это черти отводъ дѣлаютъ, они искусственную зарю могутъ произвесть...

Посидѣли еще, пока солнце взошло: тутъ ужъ и сомнѣнія не стало. Такъ лишь зря комаровъ накормили...

Коротковъ остановился. Его мягкій, тихій, монотонный, нѣсколько таинственный голосъ въ сѣрыхъ, задумчивыхъ сумеркахъ походилъ на однообразное журчаніе ручейка. Онъ говорилъ складно, плавно, точно читалъ, и видно было, что онъ уже давно заучилъ и много разъ обдумалъ свою странную повѣсть, и разсказывалъ ее теперь не въ первый разъ.

— Прибѣгнулъ я тогда къ другимъ средствамъ, — продолжалъ онъ снова, отодохнувъ: — отыскивалъ корень разрывъ-травы, которая хорошо извѣстна черепахамъ. Долго искалъ, проникалъ по лѣсамъ всюду, но не нашелъ: не съ нашими это мозгами дѣлается, видно... Отецъ мнѣ говоритъ: чего не положенное искать? связался ты съ разною нечистью, о душѣ позабылъ, на томъ свѣтѣ отвѣтъ дашь. Но я ужъ на душу махнулъ рукой: объ одномъ бьюсь— какъ-никакъ добыть эти милліоны... Прослыхалъ въ скорости, что на одномъ хуторѣ живетъ какая-то старуха, которая имѣетъ у себя цвѣтокъ папоротника и будто можетъ все угадывать и предсказывать, одно слово—прорицалище во всѣ тайны. Отправился я искать эту старуху, но сколько ѣхалъ, сколько шелъ, а старуху не нашелъ, нигдѣ толку не добился, съ пустякомъ домой явился...

Въ голосѣ разсказчика зазвучала грустная иронія. При послѣднихъ словахъ, сказанныхъ въ риѳму, давно, вѣроятно, затверженную, онъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Прослыхалъ я также отъ умныхъ головъ,—продолжалъ онъ съ той же ироніей въ голосѣ:—что въ псалтырѣ заключается вся премудрость царя Давыда, и вотъ рѣшился отчитать, чтобы замокъ отомкнулся самъ. Положилъ замокъ на столъ и сталъ читать псалтырь надъ замкомъ. Читалъ отъ крышки до крышки разъ, и другой, и третій, но какъ ни старался, а замокъ не отмыкался... Махнулъ было я на это дѣло рукой. Но тутъ выручилъ Кочергинъ... Приходитъ онъ и говоритъ:

— Мы ищемъ топоръ, а онъ за поясомъ!

Сперва не понялъ я, о чемъ онъ говоритъ, но потомъ догадался и спрашиваю: какимъ родомъ?

— А такимъ, говоритъ, родомъ, что нашелъ я человѣка, который слово знаетъ...

— Кто же такой?

— Ефимка Узковъ.

— Да брешишь! говорю. Узковъ, какъ вамъ довольно извѣстно, казакъ лядащій, по хозяйству ко всему хладнокровный, просто плутяга и больше ничего!.. Но вѣдь замокъ безъ ключа отпереть— это не то, что курицу съ насѣсти сцапать...

— Ты не вѣришь?—говоритъ Кочергинъ:—а онъ по всей формѣ любой замокъ можетъ разрушить. Хоть растѣлеши его, такъ и голый сдѣлаетъ, потому что онъ имѣетъ книгу «Черная и бѣлая магія», и въ ней все это показано...

Что за исторія! Отправился я съ Кочергинымъ къ Узкову и все не вѣрю. Приходимъ. Спрашиваю я: можешь, Ефимъ, сдѣлать такую штуку?

— Могу,— говоритъ.

— Показывай, да гляди, чтобы безъ фальши!

— Хоть, говоритъ, растѣлешите всего, я и голый могу вамъ все это оборудовать.

Тутъ же другъ его сидитъ—Полипоновъ Петро, тоже завѣряетъ, что могётъ. Осмотрѣли мы Узкова, ничего у него въ рукахъ не оказалось; однако для вѣрности рубаху съ него сняли и голаго дѣйствовать заставили. Дали ему замокъ. Подержалъ онъ его въ рукахъ, пошепталъ чего-то, плюнулъ, потомъ подаетъ мнѣ и говоритъ: «извольте». Глянулъ я—замокъ отомкнутъ. Диву мы дались. Кочергинъ возликовалъ и говоритъ:

— Теперь дѣло въ нашихъ рукахъ!

И тутъ мы выпили-таки порядочно... Я даже въ одной рубахѣ домой явился, а какъ явился—ей-Богу, не помню...

Коротковъ остановился, посмотрѣлъ на меня и сконфуженно улыбнулся. Потомъ помолчалъ довольно-таки долго.

— Послѣ того въ скорости,— заговорилъ онъ снова еще тише и таинственнѣе: — мы и заправились въ поиски—на двухъ саняхъ за этимъ самымъ кладомъ. Собралось насъ человѣкъ шесть искателей, въ томъ числѣ главные — Узковъ и Полипоновъ. Пріѣхали спервоначала мы на хуторъ Малаховъ къ хохлу, помню, поздно вечеромъ, а морозъ былъ славный, и насъ порядкомъ прохватило Кочергинъ постучалъ подъ окно. Вышелъ хохолъ къ нему, поздоровкались. Кочергинъ и шепнулъ хохлу на ухо:

— Вѣдь я привезъ мастеровъ — двухъ, коль одного мало!

Хохолъ обрадовался, засуетился, въ хату пригласилъ насъ и, послѣ немногихъ разговоровъ, подалъ Узкову замокъ и повелъ его въ сѣнцы. Не успѣлъ хохолъ затворить за собой дверь, какъ Узковъ кончилъ свой урокъ—подалъ хохлу замокъ отпертый. Хохолъ сначала своимъ глазамъ не вѣрилъ, какъ оглушенный стоялъ. Потомъ,

когда пришелъ въ чувствіе, заразъ за водкой сына послалъ, а самъ крестится и шепчетъ: слава тебѣ, Господи, нашелъ человѣка! Явилась сейчасъ горѣлка, самоваръ на столъ, гусь, вареники и разныя подобныя... Занялись разговоромъ.

— Гдѣ это самое мѣсто?— спрашиваемъ хохла.

— А вотъ завтра поведу я васъ отсюда верстъ за сорокъ—къ казаку Линькову, который и доведетъ до этого дѣла, вполнѣ доведетъ и все покажетъ, потому онъ самъ въ этомъ выходѣ бралъ золото и продавалъ (теперь живетъ богато)... Только одно—не держатся тѣ деньги дома, а все обратно уходятъ. И человѣкъ не глупый Линьковъ, а что ни дѣлалъ, все напрасно—уйдутъ и уйдутъ! Теперь сидитъ дома и ждетъ: можетъ, кто нибудь приведетъ такого человѣка, который этому дѣлу мастеръ... Вотъ завтра мы къ нему и заявимся.

На слѣдующій день собрались въ дорогу, хохолъ запрягъ свою лошадь, и поѣхали мы къ Линькову. Доѣхали до хутора, подъѣзжаемъ къ двору Линькова. Говорили, богато живетъ Линьковъ, а на самомъ дѣлѣ—нѣтъ ничего: домъ слѣпленъ изъ глины, воротъ никакихъ нѣту, невдалекѣ стоитъ амбаръ — похожъ больше на хлѣвъ—изъ такого же матеріала, какъ и домъ... Какъ разъ тутъ вышелъ на дворъ и самъ хозяинъ Линьковъ. Поглядѣлъ я на него: на головѣ какія-то шишки, голыя и свѣтлыя; глаза, какъ у быка; валенки изъ бѣлой шерсти... чуденъ человѣкъ!.. Объяснились мы ему, кто мы и отколь, пригласилъ онъ насъ къ себѣ въ домъ (а въ домѣ томъ только два окна и есть), посадилъ, гдѣ попало, и стали говорить о дѣлѣ. Линьковъ разсказалъ намъ, что въ этомъ склепѣ стоитъ сундукъ съ надписью на крышкѣ; съ этой надписи, будучи, есть у него копія.

— Коли вы, говоритъ, грамотные, такъ прочтете и узнаете.

Но самой надписи не объяснилъ намъ. Кромѣ сундука, лежатъ глыбы золотой руды...

— Сколь большія глыбы? — спрашиваемъ.

— Пудовъ по семи и больше...

Кромѣ того, есть будто посуда золотая и серебряная, да сверху сундука сидитъ какой-то человѣкъ, который сказываетъ о себѣ, что онъ сынъ священника, былъ утопленникъ, затѣмъ черти взяли его и посадили караулить эти деньги. Собирались попы, хотѣли посредствомъ молебствія выгнать его оттуда, но не могли. Онъ имъ будто говорилъ: я самъ больше васъ знаю. Притомъ показываетъ свой замокъ, величиной съ печной заслонъ: вотъ, молъ, кто отопретъ этотъ замокъ безъ ключа, тогда всѣ деньги заберетъ, и я уйду отсюда... И много подобной гадости разсказывалъ Линьковъ, только вѣрить нельзя было... Вѣрить не вѣрили, а дѣло дѣлать надо было: на серединѣ бросать будто и неловко. Спрашиваемъ у Линькова: гдѣ есть та самая копія, снятая съ надписи на сундукѣ.

— Копіи этой, говоритъ, у меня на рукахъ нѣтъ, а находится она сейчасъ у казака Якова Трофимыча Шумова, на хуторѣ Маіоровомъ.

Нечего дѣлать... бросать стыдно, коли взялись, тянуть до конца надо! Отправились за копіей (это верстъ за 80 будетъ)... Доѣзжаемъ, наконецъ, до хутора Маіорова, разыскали Шумова. Также принялъ онъ насъ гостепріимно, угостилъ водкой. Начинаемъ разговоръ объ этой самой касціи, что, дескать, могётъ ли быть она? Шумовъ отвѣчаетъ:

— Вамъ ужъ, смотри, извѣстно объ этой касціи?

— Извѣстно,— говоритъ Узковъ,— но не знаемъ, какая именно сумма.

Шумовъ говоритъ, что денегъ — семнадцать милліоновъ на ассигнаціи, или золотомъ — неизвѣстно. Гдѣ же онѣ? въ какомъ мѣстѣ? и какъ про нихъ дознали? На это Шумовъ разсказалъ, что одинъ каменщикъ, Кузнецовъ по фамиліи, ломалъ камень и напалъ на этотъ самый склепъ, т. е. подземный ходъ, и оказался въ этомъ склепѣ сундукъ, запертъ замкомъ; подлѣ сундука стоятъ двѣ мѣдныя большія чаши, похожи на тазы, обѣ насыпаны деньгами: въ одной чашѣ серебряные рубли, а въ другой — мѣдныя большія гривны. Когда онъ напалъ на этотъ выходъ, то первымъ долгомъ заявилъ своему другу, приказчику, который тамъ возлѣ живетъ, на участкѣ. Приказчикъ, какъ человѣкъ грамотный, прочиталъ надпись на сундукѣ, а надпись держитъ такой смыслъ: «кто можетъ отпереть замокъ безъ ключа, тотъ можетъ располагать деньгами»,— прочиталъ надпись приказчикъ и объяснилъ Кузнецову, въ чемъ дѣло: такъ брать нельзя, а надо искать такого человѣка, который можетъ отпереть замокъ безъ ключа. И какъ Кузнецовъ знаетъ меня довольно (это Шумовъ говоритъ), много разъ слыхалъ про меня, что я слыву за лѣкаря и знаю кое-что и кромѣ, такъ вотъ онъ и явился ко мнѣ съ такою новостью: не знаю ли я, какъ замокъ отпереть безъ ключа, и объясняетъ, въ чемъ дѣло. Не повѣрилъ я сперва, а все-таки объявилъ себя знатникомъ, даже любопытно было... Привезли они меня къ себѣ, завязали глаза и повели. Долго вели, а гдѣ—не знаю, наконецъ остановились и развязали мнѣ глаза. Гляжу— выходокъ порядочный, на востокъ двери; у одной стѣны сундукъ стоитъ замуравленый, желѣзный ли, или какой—не разберешь, потому замуравѣлъ весь; на сундукѣ золотой крестъ и золотое евангеліе; на западѣ въ стѣнѣ полки, на полкахъ тридцать три куфлика [1])—всѣ золотые, всѣ съ ручками и всѣ похозяйски перевернуты, и сосудъ, который заповѣдано отнести въ Троицкій монастырь. И чаша съ талерами въ углу стоитъ, до краевъ полна; сказано на ней, что для—расхода. Теперь-то ужъ ихъ, можетъ, и нѣтъ—этихъ

[1]) Куфликъ — кубокъ.

денегъ, всѣ, гляди, попропиты, поизрасходованы, а тогда было много... И не робкаго будто десятка я человѣкъ, какъ самъ я себя считаю, а заробѣлъ тутъ даже...

Тутъ Узковъ спрашиваетъ:

— Яковъ Трофимычъ, какія же именно деньги и какого царя? съ какихъ временъ?

Шумовъ отвѣчаетъ, что деньги недавнія — Катерины-царицы.

Узковъ говоритъ:

— Ихъ двѣ было. Первая или послѣдняя?

— Вотъ послѣ какая была: ликъ ея на деньгахъ. И посуда вся съ ея надписью и съ орлами. Тамъ же, надъ сундукомъ, виситъ лампа, и въ ней лежитъ самоцвѣтный камень алмазъ...

Тутъ Узковъ и Полипоновъ имѣютъ замѣчаніе: можетъ быть, дѣло и ложное, можно назвать быкомъ скотину и о двухъ ногахъ. Спрашиваютъ:

— А большой ли алмазъ?

Шумовъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, маленькій, съ самый малый орѣхъ и свѣтитъ хорошо разными лучами. И въ надписи такъ сказано: раздѣлить тѣ деньги на шестнадцать братовъ, а семнадцатый милліонъ раздать бѣднымъ, нищимъ, по церквамъ, по монастырямъ; крестъ, евангеліе и сосудъ отослать въ Сергіевскую лавру, потому что онъ подлежитъ туда; алмазъ также предоставить туда. Посуда должна быть подѣлена на шестнадцать частей. Все это подѣлить какъ можно ровно и безобидно. Тамъ же вѣсы на это есть и гири — пудовыя, фунтовыя и золотники; вѣсы также золотые...

— Ну, хорошо,—Узковъ говоритъ,—что же вы, Яковъ Трофимычъ, не брали тѣхъ денегъ?

Шумовъ на это отвѣчаетъ:

— Нельзя; отпирали мы и сундукъ (ключъ при немъ же виситъ), набирали денегъ, домой приносили, а назавтра — ни копейки! Все уходятъ назадъ и уходятъ; мѣняли, пропивали въ кабакѣ—все тоже! Съ какими молитвами ни пробовали, какія хитрости ни употребляли,—хоть брось, одно и то же! Безпремѣнно надо такого человѣка, какой могъ бы безъ ключа замокъ разрушить... Вотъ я ужъ лѣтъ десять ищу, а все нѣтъ и нѣтъ! Кажній разъ осѣчка... Сколько мастеровъ ни находилъ, ни одинъ не годился. Привозилъ я одного изъ Ростова, платилъ ему за каждыя сутки по цѣлковому, да на мѣстѣ далъ 15 рублей; привезъ, а онъ отказался, что не можетъ... Надавалъ ему въ шею и прогналъ за ворота,—больше ничего! Другого нашелъ, — тоже далеко, на участкѣ, также платилъ деньги, такъ тотъ бѣжалъ отъ меня дорогой... Сколько разныхъ старухъ привозилъ, мошенниковъ и острожниковъ—и всѣ ни къ чорту не годились! А вѣдь кажній сталъ въ копейку. Былъ я богатый, а черезъ это все прожилъ. Имѣлъ четырехъ паръ быковъ,

штукъ двадцать прочей скотины, сколько овецъ—все прожилъ, теперь и продавать нечего! Сколько разъ черезъ эти поиски во время зимы замерзалъ, одинъ разъ уши себѣ отморозилъ...

— И это вѣрно!—воскликнулъ мой разсказчикъ почти съ дѣтскою радостью,—отъ ушей у него однѣ дыры остались, а раковинъ нѣтъ, отпали!

— Узковъ опять имѣетъ замѣчаніе,—вернулся онъ къ продолженію разсказа.—Какимъ же родомъ могло сюда казначейство это зайтить? Шумовъ отвѣчалъ, что, дескать, отбито оно, но не доказалъ, когда и кѣмъ отбито.

— Такъ что-же вамъ требуется, Яковъ Трофимычъ? Зачѣмъ дѣлу остановка?

— Нужно такого человѣка, кто можетъ снять замокъ безъ ключа... Кто его можетъ снять, тогда я проведу туда того человѣка и заберемъ деньги.

— Это,—говоритъ Узковъ,—въ нашихъ рукахъ.

— Покажите видъ...

Узковъ, съ Божьей помощью, все могъ сдѣлать, что требовалось. Повезъ тогда насъ Шумовъ къ тому самому каменщику Кузнецову, за три версты отъ себя. Тотъ человѣкъ все выслушалъ, искусство Узкова испыталъ и остался вполнѣ доволенъ, даже диву дался.

— Что же? приступимъ къ дѣлу?—говоримъ мы ему, но онъ на это объясняетъ:

— Нѣтъ, други мои! дѣло это ближе къ вамъ, по тотъ бокъ Дону, и сейчасъ приступить никакъ невозможно—по одному случаю... Только быть теперь этому дѣлу: я поѣду съ женой яко бы въ гости, заѣду къ вамъ, и теперь мы этому дѣлу хозяева...

Видимъ мы, крутится хохолъ, взадъ идетъ. Досада насъ взяла. Народу насъ много набралось, человѣкъ до десятку, проѣздили сотни двѣ верстъ, и тутъ, при самомъ концѣ, осѣчка. Хлопоты всѣ наши должны пропасть. Узковъ прогнѣвался.

— Коль приступать, такъ приступай,—говоритъ Кузнецову:—а то мы тебя не съ добромъ! чего же ты взадъ идешь?

Вынулъ изъ саней двухстволку и курки взвелъ. Но тутъ мы его удержали. Такъ затѣмъ дѣло и осталось, что Кузнецовъ объяснилъ: въ родѣ какъ, дескать, ему нельзя, что дескать дѣло это въ подозрѣніи народу, и имъ даже изъ дома выѣхать теперь нельзя. Такъ и поѣхали мы назадъ ни съ чѣмъ; стояли почти на деньгахъ, а взять не взяли... Присылалъ намъ послѣ Шумовъ письма разъ нѣсколько, все звалъ опять пріѣхать, но мы не поѣхали: дѣло дальное и невѣрное. Одинъ разъ, на провесняхъ, поѣхали было, да лошадей утопили въ Дону, пришлось вернуться... Въ октябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года заявились къ намъ посланцы отъ Шумова и убѣждали опять ѣхать туда, завѣряли, что именно есть

самая вѣрность это дѣло... Но не поѣхали мы, потому что не убѣдились на ихъ убѣжденія, хотя со слезами они плакали у Узкова въ домѣ и говорили, что сколько лѣтъ они страдаютъ и большіе убытки претерпѣваютъ черезъ это дѣло. Но одно—не поѣхали мы...

Въ чуланѣ кто-то загремѣлъ ведромъ. Коротковъ остановился, всталъ съ своего мѣста, нацыпочкахъ подошелъ къ двери и осторожно затворилъ ее. Въ горницѣ стало почти темно; тѣни незамѣтно поползли изъ угловъ по стѣнамъ. Я уже плохо видѣлъ лицо своего собесѣдника, сидѣвшаго далеко отъ окна, и зажегъ свѣчку. Онъ прищуренными отъ свѣта глазами оглядѣлся по сторонамъ, вздохнулъ и продолжалъ:

— Думалъ я отстать отъ этого дѣла, махнуть рукой, да не пришлось... Замучили меня мысли! сонъ потерялъ, ѣды лишился... Если и засну, то все эту самую касцію во снѣ вижу: сундукъ, глыбы золота по семи пудовъ вѣсомъ, чаши съ талерами, алмазъ разными лучами блеститъ. Думаю-подумаю: много денегъ! тутъ не только сапоги амбурскаго товару, или, къ примѣру, шаровары тонкаго сукна справить можно, а тутъ на всю имперію щегольнулъ бы. А въ землѣ, какъ жукъ, сколько ни копайся, ничего не пріобрѣтешь: только что лишь на себя да въ себя,—и то не каждый разъ... А кабы деньги, кутнулъ бы въ волю хоть разъ—такъ, чтобы дымъ пошелъ по всей подселенной, а тогда хоть и рога въ землю... Деньги, деньги!.. — воскликнулъ онъ, грустно покачавъ головой:— сколько бесонныхъ ночей провелъ я черезъ нихъ, все думалъ, какъ ихъ взять, гдѣ оно есть скрыто—это древнее сокровище?.. А именно должно быть это дѣло вѣрное, такъ какъ не даромъ быстрый слухъ объ немъ несется, и сколько народу волнуется... Только одно: надо узнать, гдѣ именно, въ какомъ мѣстѣ хранится это денежное казначейство?..

Сталъ я собирать частные слухи. Вообче же всѣ искатели по Чиру и Цуцкану говорили, что касція эта по самой дорогѣ скрыта, и теперь домъ надъ ней стоитъ, глаголемъ простроенъ; на хозяина же этого дома слухи есть, что знается онъ съ мошенниками, поддѣлываетъ кредиты и оттого разбогатѣлъ. Хозяинъ же этому дѣлу—казакъ. Собралъ я всѣ эти слухи, вспомнилъ, что Шумова посланцы про какой-то хуторъ Кувшиновъ упоминали, и рѣшилъ розыскать тотъ хуторъ Кувшиновъ, потому что нигдѣ кромѣ, какъ тамъ, лучше не узнаю объ этой самой касціи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ,—не помню въ точности ужъ какого именно года,—взялъ я жену свою и поѣхалъ до Островной станицы къ родственникамъ въ гости, а больше для того, чтобы розыскать, гдѣ именно, къ какой станицѣ подлежитъ этотъ хуторъ Кувшиновъ. Въ девяти станицахъ разспрашивалъ я про этотъ хуторъ и наконецъ-таки въ десятой напалъ: оказался Кувшиновъ хуторъ въ Ольховской станицѣ, на рѣчкѣ Ольховкѣ. Хорошо. Хуторъ розы-

скалъ, но какъ розыскать того человѣка, который домъ глаголемъ поставилъ на томъ самомъ мѣстѣ? Никто не объяснилъ его по имени, но только вообче всѣ говорили, что поддѣлываетъ тотъ хозяинъ кредиты и имѣетъ поселокъ его на замѣчаніи; сымаетъ также участокъ земли... Подъѣзжаемъ къ хутору Кувшинову, и встрѣчается намъ женщина, неизвѣстно чья, у которой я осмѣлился спросить:

— Скажите, тетушка, кого именно тутъ обыскиваютъ и на кого именно говорятъ, что поддѣлываетъ кредиты?

Женщина та объяснила мнѣ, что говорятъ у насъ на Степана Арефича Чекунова, живетъ тамъ-то вонъ... Прекрасно. Подъѣхалъ я къ дому Чекунова. Самъ Чекуновъ находился съ своей женой въ саду, близъ своего дома. Увидали они насъ, спрашиваютъ, отколь мы есть и чьи. Мы объяснили, отколь и кто. Время было не рано, часа четыре дня; дни осенніе, извѣстно—маленькіе. Чекуновъ съ женой стали приглашать насъ на ночлегъ. Любопытно было мнѣ побывать въ томъ домѣ, про который быстрый слухъ всюду несется, и всѣ искатели по Чиру и Цуцкану говорятъ, что будто поддѣлываетъ кредиты и судился за эти деньги, и разные допросы были... Заѣхалъ я. Гостепріимно Чекуновъ принялъ насъ съ женой и водилъ по гумну (такъ какъ у него именно и находится участочекъ земли); въ то время у него много было скирдовъ соломы и разнаго припаса. Во всю ночь Чекуновъ разспрашивалъ меня про нашего станичника Плотникова, который извѣстенъ былъ по всему округу и бѣжалъ изъ острога, потому что его не держали ни замки, ни оковы. Замѣтилъ я изъ этого, что и Чекунову нужно такого же человѣка, какъ Шумову, кого бы замокъ не держалъ. Я же сказалъ ему, что не могу подтвердить въ этомъ дѣлѣ, могъ ли дѣлать это Плотниковъ, или не могъ, потому что былъ въ то время въ малыхъ лѣтахъ, а частнымъ слухомъ слыхалъ, что, дѣйствительно, самая вѣрность—это дѣло... Заутра же, когда я сталъ запрягать лошадь, то жена Чекунова, Анна Сидоровна, спрашиваетъ у моей жены (онѣ однѣ въ хатѣ остались):

— По какому случаю заѣхали въ нашъ хуторъ? Мы, говоритъ, имѣемъ большое сомнѣніе...

Моя же жена, какъ баба глупая, прямо говоритъ, что, дескать, вы знаете—прослыхали мы о денежной касціи, будто требуется человѣкъ такой-то хитрый, который могъ бы замокъ разрушить безъ ключа. Эта самая Анна Сидоровна отвѣчаетъ:

— Есть именно это дѣло, да ничего не подѣлаемъ...

Тутъ дочь ихъ вошла въ комнату, жена Чекунова вдарила пальцемъ себя по носу, предупредила, значитъ, ничего не говорить по этому дѣлу... Я же Чекунову въ разговорѣ по этому дѣлу ничего не объяснилъ; только одно держалъ я на замѣчаніи, что онъ и жена его измѣнялись съ виду лица постоянно. И заподозрѣлъ

я также его вокругъ дома, именно, что дворъ его весь—ровное мѣсто, но домъ стоитъ на косогорѣ и стоитъ глаголемъ. И слухи были по Чиру и Цуцкану, что долженъ быть тотъ домъ построенъ глаголемъ. На западъ же этого дома въ родѣ, какъ валъ земли высыпанъ, а подъ окнами глины вытаскано въ родѣ курганчика. И не въ рядъ съ другими стоитъ тотъ домъ, а на-отшибѣ, поближе къ дорогѣ. По всему нужно была заключать, что домъ этотъ не зря былъ построенъ на неуказанномъ мѣстѣ, и должна быть подъ нимъ скрыта та самая касція, изъ-за которой народъ во сколькихъ мѣстахъ волнуется... По пріѣздѣ домой я объяснилъ, что долженъ быть по примѣту тотъ самый домъ и хозяинъ его именно долженъ быть тотъ самый казакъ, который, по разсказу, поддѣлываетъ кредиты; на него всѣ именно говорятъ...

Разсказчикъ опять остановился на минутку, чтобы перевести духъ. Замѣтно было, что воспоминанія о послѣдующихъ, болѣе свѣжихъ, событіяхъ сильно волновали его. Въ голосѣ его слышалось уже больше убѣжденія и увѣренности, чѣмъ раньше, и фантастическій элементъ разсказа началъ уступать мѣсто элементу болѣе реальному и достовѣрному.

— Черезъ двѣ недѣли опять я поѣхалъ къ нему одинъ,—продолжалъ онъ:—также Чекуновъ принялъ меня гостепріимно и ввелъ въ горницу, посадилъ за столъ и самъ сѣлъ, жена же его стояла подлѣ стола. Началъ говорить мнѣ Чекуновъ:

— Почему ты мнѣ не объяснилъ прошедшій разъ о своемъ дѣлѣ? Жена твоя объяснила, а ты не объяснилъ...

— О чемъ и чего объяснять?—говорю.

— Ты не крутись, говоритъ, а скажи, отъ кого вы именно узнали объ этой касціи.

Тутъ я ему откровенно объяснилъ, что ѣздилъ я съ Узковымъ, Полипоновымъ, Кочергинымъ по Чиру и Цуцкану, и по Царицѣ-рѣчкѣ, и по рѣчкѣ Таловкѣ, многихъ лицъ видѣли, искателей этого дѣла, и никто ясность самую не высказывалъ; только можно было вѣрить казаку Якову Трофимычу Шумову, который говорилъ, что онъ черезъ это дѣло всего имѣнія лишился, и сильно убѣждалъ насъ и просьбой настаивалъ помочь, если есть возможность. Чекуновъ спрашиваетъ:

— А чего Шумовъ говорилъ? Какія вещи въ этомъ выходѣ?

— Что денегъ—семнадцать милліоновъ.

Тутъ Чекуновъ говоритъ: такъ! вѣрно!

— Что скрыты онѣ въ сундукѣ...

— Вѣрно! Сундукъ—семь четвертей ширины и длины, крестомъ перегороженный и полонъ золота подъ самую крышку, подъ нимъ же драгоцѣнностей и сказать нельзя, и оцѣнить нельзя! Таблица выбита золотыми буквами, и золотой парчей все завѣшено...

Жена же его, Анна Сидоровна, говоритъ:

— У насъ вотъ пятнадцать лѣтъ, какъ открылось это дѣло, и души нѣтъ отъ страху, только лишь живемъ на свѣтѣ...

Я спрашиваю: часто вы видите это мѣсто?

— Нельзя часто смотрѣть,—Чекуновъ говоритъ:—оно обнаружено. Въ трехъ верстахъ отъ жительства я надсматриваю его...

Тонко дѣло ведетъ!—подумалъ я и говорю:

— Вы туманъ въ глаза не пускайте,—касція у васъ подъ домомъ!

И топнулъ я ногой по полу. Пришибъ я его этими своими словами, какъ обухомъ. Задумался онъ крѣпко и долго молчалъ. Потомъ опять повторяетъ свое, что именно въ трехъ верстахъ, но я ему одно сказалъ, что у васъ здѣсь, и прибавляю:

— Вы не туманьте головы, обманчивыхъ оборотовъ не дѣлайте и народъ не возмущайте, а подѣлитесь по совѣсти... А въ инаковомъ случаѣ, говорю, наши ребята не умолчатъ, а донесутъ до свѣдѣнія начальства!

Чекуновъ прогнѣвался на эти слова и говоритъ:

— Лишь бы не до царя, а то все начальство—подъ руками нашими. Не приступлю теперь ни за какія деньги, забью все, закрементую на смерть!..

— Нѣтъ, ошибешься, говорю: эта касція должна подлежать въ государственную казну, за утайку судить будутъ! Ты поводи-ка, говорю, мозгами да сообрази, чѣмъ это пахнетъ.

Нагналъ я тутъ на него страху. Снялъ онъ икону съ полички и говоритъ:

— Вотъ святая икона и слова евангельскія: денегъ на сколько станицъ хватитъ, но не предай меня! не мину тебя и родъ твой... Такъ какъ я былъ въ допросахъ и подъ судомъ и всегда я отказывался...

— То-то, говорю, такъ-то лучше! Отколь же и какъ эта касція зашла сюда?

Не объяснилъ онъ ничего этого, только сказалъ, что за эту касцію побиты царскія лица (какія и когда,—не сказалъ), и тѣла ихъ—нетлѣнныя.

— Ну, когда же будемъ приступать?—спрашиваю его.

На это онъ сказалъ, что сейчасъ приступить никакъ нельзя, потому что дѣло это въ подозрѣніи у народа, но не дальше, какъ черезъ недѣлю, онъ сообщитъ мнѣ письмомъ.

Пріѣхалъ я домой, жду недѣлю, другую и третью и весь мѣсяцъ—нѣтъ ничего, ни привѣта, ни отвѣта. Еще мѣсяцъ прождалъ—и опять никакого письма нѣтъ. Ну, думаю, безъ начальства это дѣло, значитъ, не обойдется, а въ инаковомъ случаѣ и прозѣвать все можно... Поѣхалъ я къ засѣдателю Горбылеву въ Старо-Семеновскую станицу и докладываю: такъ и такъ, ваше благородіе,—подробно дѣло объясняю. Горбылевъ мнѣ на это говоритъ:

— Я и самъ имѣю подозрѣніе подъ Чекуновымъ, потому что взялъ онъ свидѣтельство, будто у него коня вывели изъ конюшни, изъ-подъ замка, и ѣздитъ по станицамъ, проискиваетъ. Но не коня ищетъ Чекуновъ, а ищетъ мудраго человѣка, кто бы могъ голой рукой замокъ снять, народъ возмущаетъ...

Заутра мы поѣхали съ нимъ во дворъ Чекунова, взяли съ собой ольховскаго станичнаго атамана при всей формѣ и съ насѣкой... Подъѣхали къ дому, вошли, глядимъ—вокругъ стола полно пьяныхъ сидитъ. Жена Чекунова дюже выпивши была, шумитъ:

— Пожалуйте, гости дорогіе! водки сколько хотите, а закусить нечѣмъ, извиняйте...

Разогналъ засѣдатель всѣхъ гостей. Когда увидала меня Чекунова, то говоритъ съ насмѣшкой:

— Опоздалъ! дядя Ѳедоръ все распродалъ, дядя Назаръ ѣздилъ на базаръ, тоже все продалъ, а что есть, тому мы наслѣдники!

Я говорю: врядъ ли дядя Ѳедоръ все распродалъ... Можетъ, что и найдется.

Тутъ Чекуновъ, при видѣ моемъ, взялъ засѣдателя за руку и повелъ въ особую комнату. Объ чемъ и чего они тамъ говорили, мнѣ неизвѣстно было, я къ нимъ не входилъ. Но когда вышелъ оттуда засѣдатель, то взялъ меня за руку и говоритъ:

— Ѣдемъ! наплюй на все это дѣло, будь оно неладно!

Я настаивалъ на своемъ, что, ваше благородіе, надо пригласить понятыхъ, составить протоколъ и обыскать, по указанію моему, домъ Чекунова. Но засѣдатель одно твердитъ: ѣдемъ! Подошли тутъ старики со стороны. Я замѣтилъ: въ коридорѣ за дверью у Чекунова стоитъ желѣзная лопатка щербатая. Взялъ я эту лопатку, открылъ одну доску въ подполъ и, несмотря ни на что, спустился. И хотя дѣло это было зимой, но въ фундаментѣ оказалась пробита дыра и замазана свѣжей глиной, а подлѣ была натаскана земля. Я на четверть накопалъ землю, то земля эта оказалась набитая, въ родѣ какъ въ сырое время, а за ней какой-то камень сѣрый, ажно звенитъ, но не самородный, а тоже набитый. Объясняю все это засѣдателю: такъ и такъ, ваше благородіе, обратите вниманіе, должны быть здѣсь тайные выходы... Молчитъ онъ, какъ камень, и только. Въ другой комнатѣ открылъ доску, то подъ самый полъ оказался навозъ набитый,— навозъ хотя издавна насыпанъ, но свѣже переворочень весь. Противъ же печки набитъ свѣжій навозъ до того туго, что лопатой не тронешь, даже сырой, съ снѣжкомъ. Я сталъ приглашать засѣдателя: ваше благородіе, извольте взглянуть сюда... Онъ на это опять повторилъ: ѣдемъ! и съ тѣмъ уѣхалъ... Такъ и осталось мое стараніе безъ послѣдствій. По пріѣздѣ домой написалъ было я прошеніе и подалъ лично окружному начальнику— касаемо того, что засѣдатель не приступилъ къ дѣлу и не дѣлалъ тщательнаго открытія, но окружной начальникъ отписалъ—не искать

того дѣла. Въ скоромъ времени и Чекуновъ померъ послѣ этой тревоги!..

Разсказчикъ глубоко вздохнулъ, остановился и задумался. О бренности ли человѣческаго существованія онъ думалъ, или о чемъ другомъ—неизвѣстно, но на лицо его легло выраженіе глубокой грусти и усталости. Наконецъ, онъ еще разъ вздохнулъ и продолжалъ прежнимъ ровнымъ, монотоннымъ голосомъ:

— И опять я хотѣлъ это дѣло бросить, потому ни къ какому берегу не прибьешься, сколько ни бейся. Прошелъ не одинъ годъ послѣ того. Мнѣ хотя мысли и не даютъ спокою, потому что, слышу, хлопочутъ около этого дѣла многія лица, наживаются порядочно, но скрѣпилъ я свое сердце и старался забыть обо всемъ этомъ... Только встрѣтился я въ іюнѣ мѣсяцѣ позапрошлаго года въ У—цкой станицѣ съ жандаромъ, унтеръ-офицеромъ Крендельщиковымъ, и вздумалъ объяснить ему объ этой касціи. Крендельщиковъ говоритъ:

— Мы и сами слышимъ объ ней, да не прибьемся никуда.

Потомъ пригласилъ онъ меня въ свою казарму ко всѣмъ къ восьми унтерамъ. Я купилъ имъ водочки и объяснилъ объ этомъ дѣлѣ. Доложили они обо мнѣ полковнику. Я и ему объяснилъ все подробно. Полковникъ мнѣ сказалъ:

— Не могу я, братецъ, приступить къ этому дѣлу, а надо прежде мѣстной полиціи заявить.

Я объясняю, что заявлялъ уже не разъ мѣстной полиціи, да она не оказываетъ содѣйствія и не дѣлаетъ тщательнаго открытія.

— Ну, хорошо!—говоритъ:—я распоряжусь, вышлю жандаровъ для обыска подозримаго того дома...

Въ томъ же мѣсяцѣ я съ двумя жандарами заявился въ станицу Ольховскую къ засѣдателю съ пакетомъ отъ полковника.

— Вотъ, говорю, ваше благородіе, двѣ недѣли назадъ былъ я у тѣхъ самыхъ лицъ (про жену Чекунова говорю), велѣли они представить нужныхъ людей, я и представляю.

Засѣдатель самъ съ нами не поѣхалъ, а предписалъ съѣхать станичному атаману. Подъѣзжая къ хутору Кувшинову, жандары зарядили шестизарядные револьверты, а атаманъ взялъ насѣку въ руки. По подъѣздѣ къ двору Чекунова мы увидали у воротъ того дома крестьянина Лущенкова, который держалъ въ немъ кабакъ, потому что домъ оказался сдаденъ въ аренду. Раньше я объ этомъ слыхалъ и также слыхалъ, что Лущенковъ здорово обогатѣлъ, какъ поселился въ томъ домѣ. Атаманъ сросилъ Лущенкова:

— Что ты есть за человѣкъ и кто этому дому?

Тотъ объяснилъ, что я—квартирянинъ. Жена же Лущенкова увидѣла жандаровъ и со страху пустилась бѣжать на задній дворъ. Мужъ кричитъ ей вслѣдъ: воротись! не бѣгай! И атаманъ говоритъ: не бѣгай, ничего тебѣ не будетъ,—такъ нѣтъ, куда тебѣ! лишь пятки засверкали... Пригласили трехъ мы стариковъ—понятыхъ, хозяйку

дома Чекунову позвали и вошли въ домъ. Народу со стороны тоже порядочно набралось. Тутъ Лущенковъ и говоритъ атаману и унтерамъ-жандарамъ:

— Вотъ, ваше благородіе и господа унтера-жандары, такъ какъ на покойнаго Чекунова говорили, что онъ кредиты поддѣлывалъ, то давайте буравчикомъ вертѣть вотъ этотъ столъ, не нападемъ ли на что. Этотъ столъ ему принадлежитъ...

Я ему отвѣтилъ:

— Костянтинъ Трофимичъ, довольно вамъ туманъ въ глаза пускать, и такъ распустили на сколько губерніевъ и возмутили весь міръ этимъ дѣломъ...

А онъ мнѣ шопотомъ на это возражаетъ: не успѣлъ, все ужъ забрали. Я ему такимъ же родомъ на это отвѣчаю, что сыро въ ноздряхъ у васъ, что въ двадцать лѣтъ не забрали, а въ двѣ недѣли?! Когда явилась Чекунова, атаманъ беретъ пакетъ и начинаетъ читать предписаніе жандарскаго полковника: по заявленію казака Семена Короткова обыскать домъ Чекуновой, какъ внутри и подъ домомъ, и во всемъ дворѣ, не окажется ли гдѣ какихъ подземныхъ ходовъ, скрытныхъ мѣстъ или машинокъ для издѣлки кредитовъ,— и прочее, чего я не запомню... Потомъ я съ полицейскимъ спустился въ подполъ—въ ту самую комнату, гдѣ еще при засѣдателѣ Горбылевѣ нарывалъ на четверть землю. И оказалось все тамъ передѣлано, всѣ дырки забиты; фундаментъ былъ глиняный, теперь же каменный. Спросилъ я тутъ полицейскаго:

— Не имѣешь ли ты какого замѣчанія подъ Чекуновой и подъ Лущенковымъ и подъ ихъ сродственниками?

Тотъ отвѣчаетъ:

— Всѣ замѣчали, что живутъ они развратно, а отколь у нихъ источникъ берется—неизвѣстно. И пріѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ народы къ нимъ, то они выпускаютъ слухи, что поддѣлываютъ кредитки и тѣмъ, дескать, богатѣютъ...

Вылѣзли оттоль мы съ полицейскимъ и велѣли разобрать полъ въ другой комнатѣ, подъ которой раньше навозъ былъ насыпанъ. По принятіи пола, навозъ, который въ то время былъ (при засѣдателѣ Горбылевѣ), теперь не признаешь, пыль насадилась. Только отъ дверей подъ самой стѣной оказалась трещина квадратная, аршина полтора, и навозъ осѣлся сильно. Тронулъ я лопатой—мѣсто слабое, нужно заключать, что провалье какое нибудь есть... Тутъ вспомнилъ я слова покойнаго Чекунова: «забью все, закрементую на смертъ», и думаю, что, должно быть, исполнилъ онъ свое слово. Приглашаю я атамана и жандаровъ:

— Господинъ атаманъ и господа унтера-жандары, обратите вниманіе на эту трещину: я сознаю, что она здѣсь не спроста...

Заставили рыть навозъ мужичка одного, коваля. Въ это время староста церковный, изъ числа понятыхъ, приглашаетъ атамана,

жандаровъ и меня къ себѣ на чай. Словъ нѣтъ—пошли. Наблюдать оставили полицейскаго. У старосты рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой, да такъ всѣ набрались, что стали въ забвеніи чувствъ. Жандаръ Ухановъ, въ пьяномъ видѣ человѣкъ дюже характерный, началъ выражать разныя неподобныя слова.

— Я, говоритъ, если захочу, всѣхъ васъ въ кандалы закую и въ острогъ отправлю!

А атаманъ тоже захмелѣлъ и возражаетъ на это: а въ морду хочешь? и засучаетъ кулаки съ намѣреніемъ дать ему по патрету... Другой же жандаръ удерживаетъ его:

— Ваше благородіе! оставьте, сдѣлайте милость, онъ не въ себѣ, развѣ вы не видите?

Староста же церковный свое дѣло не забываетъ, подноситъ и подноситъ. Я тоже нализался до порядку такъ, что и встать не могу. Но о дѣлѣ, однако, тоже не забываю и имъ напоминаю. Подъ конецъ Ухановъ жандаръ началъ посуду бить, насилу остановили его; связали ему руки и уклали спать. Я же съ атаманомъ и другимъ жандаромъ отправился снова на дознаніе дома. По приходу нашему, трещина та, по моему замѣчанію, оказалась зарыта и забита вся, а коваль и полицейскій тоже пьяны не хуже насъ. Напоилъ ихъ Лущенковъ (у него же питейное заведеніе). Я говорю атаману:

— Ваше благородіе! развѣ это правильность? трещина была явная, какъ вы сами замѣтили, а сейчасъ забита, даже мѣста не признаешь...

Атаманъ приказываетъ отрывать, а работать некому; коваль пьяный, на ногахъ не стоитъ и выясняетъ рѣчи, что я вамъ не крестьянинъ даромъ работать, заплатите мнѣ сперва, тогда буду работать... А гдѣ ужъ тамъ работать: лыка не вяжетъ!.. Атаманъ осерчалъ, взялъ его за волосы и началъ водить. Водилъ, водилъ... долго таки! Коваль смирился.

— Вашбродь! говоритъ: помилуйте! что прикажете, все сдѣлаю.

— Пили, с..... сынъ, доски во всѣхъ комнатахъ!—атаманъ говоритъ.

Началъ коваль пилить, всѣ полы перепилилъ... Вездѣ подъ полами земля оказалась нетронутая и рыть нельзя, твердая, какъ камень, лопаткой не тронешь... Атаманъ осерчалъ и говоритъ:

— Ну васъ къ дьяволу и съ касціей вашей! Ничего разобрать нельзя...

Плюнулъ, сѣлъ на тройку и ускакалъ въ станицу. Жандаръ Крендельщиковъ написалъ протоколъ, что никакихъ подземныхъ ходовъ подъ домомъ Чекунова не оказалось, но я не расписался, а на своемъ стоялъ, что здѣсь самое то мѣсто, только ходъ мнѣ неизвѣстенъ, и не могу приступить... Такъ и свели дѣло ни на что. Впослѣдствіи времени они (Чекунова съ Лущенковымъ) подавали на меня окружному генералу просьбу, искали съ меня сто рублей убытковъ за порѣзанные полы, но окружной генералъ просьбу ихъ назадъ изворотилъ и указалъ искать эти убытки съ жандаровъ...

Съ своей стороны и я заходилъ просьбой къ окружному атаману. Въ прошеніи своемъ я объяснялъ, что древнее сокровище, скрытое въ землѣ, отъ котораго можетъ быть прибытокъ государственной казнѣ, находится именно подъ домомъ Чекуновой. Объ этомъ быстрый слухъ всюду несется, и всѣ искатели такъ говорятъ. Поэтому покорнѣйше прошу, дескать, оказать на мою просьбу благоуважительное вниманіе и положить милостивую резолюцію—раскопать по моему указанію всѣ тайные ходы и выходы подъ онымъ домомъ. На это мое прошеніе окружной атаманъ положилъ резолюцію: оставить дѣло безъ послѣдствій и впредь чтобы проситель Коротковъ (т. е. я) не обращался по начальству съ таковымъ донесеніемъ, иначе будетъ подвергнутъ аресту при станичной тюрьмѣ... Вотъ вѣдь какъ!..

Коротковъ съ какимъ-то жалобнымъ недоумѣніемъ прищелкнулъ языкомъ, развелъ руками и, остановившись, поглядѣлъ на меня. Я не зналъ, что сказать ему въ утѣшеніе, и мы довольно-таки долго молчали.

— Ну, какъ вы мнѣ въ этомъ случаѣ присовѣтуете?—спросилъ онъ меня наконецъ.

— Думаю, что надо оставить,—сказалъ я.

Онъ, очевидно, не ожидалъ такого отвѣта и удивленно вскинулъ на меня свои задумчивые глаза.

— Нѣтъ! оставить этого я такъ не хочу! — заговорилъ онъ съ одушевленіемъ и поднялся съ своего мѣста: — Чекунова выражала мнѣ, при бытности Узкова и Полипонова, такія рѣчи:

— Просила я тебя не разносить нашего дѣла по народу и не касаться начальства, потому что все начальство подъ руками нашими, — ты не послушался, такъ теперь вотъ шишъ подъ носъ получишь!

— И дѣйствительно были слухи, что Лущенковъ многимъ изъ начальства денегъ взаймы давалъ, даже и про генерала упоминали... Но я думаю, ежели дальше пустить это дѣло, то могла бы, напримѣръ, архилогія своего члена прислать изъ Петербурга... Узковъ говоритъ, что это дѣло больше никуда не подлежитъ, какъ въ архилогію, и безпремѣнно туда надо писать... Или въ газетахъ, говоритъ, пропечатать, чтобы дошло до обчаго свѣдѣнія... А тутъ, говоритъ, толку не добьешься: начальство все подкуплено... Какъ вы своимъ мнѣніемъ полагаете: могётъ это быть?..

Онъ смотрѣлъ на меня съ жаднымъ ожиданіемъ, и видно было, что у него самого сомнѣній на этотъ счетъ не было. Я попытался поколебать его увѣренность и сталъ было разъяснять ему его заблужденія, но напрасно.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ и даже рукой махнулъ:—дѣло это самая истинность... Во скольких губерніяхъ народъ волнуется объ немъ не даромъ... Вотъ кабы вы намъ посодѣйствовали въ этомъ случаѣ,

чтобы, напримѣръ, въ газеты слухъ пустить?—прибавилъ онъ почти умоляющимъ тономъ:—а то у насъ взяться-то некому...

Онъ остановился, нерѣшительно вертя въ рукахъ свою фуражку; затѣмъ, послѣ длинной паузы, таинственно понизивъ голосъ, проговорилъ:

— Денегъ-то, вѣдь, вонъ сколько—семнадцать милліоновъ! Мы бы и тебя тогда не забыли... Ты лишь постарайся, похлопочи! А?..

Въ моемъ собесѣдникѣ въ это время была такая глубокая увѣренность въ несомнѣнности клада, въ существованіи всѣхъ этихъ милліоновъ, что я не рѣшился уже возобновлять свою попытку поколебать его убѣжденіе. Я обѣщалъ ему сдѣлать все, что могу, и мы разстались. Онъ ушелъ отъ меня, видимо, не удовлетворенный, унося съ собой свои мучительныя и неотвязныя думы о таинственномъ кладѣ съ глыбами золота, съ драгоцѣнною посудой и алмазомъ, свои мечты о широкой, привольной, богатой жизни и грустное сознаніе своей бѣдной и скудной дѣйствительности...

Тихая, теплая, безлунная ночь смѣнила сумерки; въ прозрачной глубинѣ высокаго неба горѣли яркія и частыя звѣзды. Станица спала крѣпкимъ, трудовымъ сномъ.

Ѳ. Крюковъ.

КАЛИКА ПЕРЕХОЖІЙ XIX ВѢКА.

> .... Былъ тутъ человѣкъ,
> Павлуша Веретенниковъ.
> Какого рода, званія,
> Не знали мужики,
> Однако звали «бариномъ».
> Гораздъ онъ былъ балясничать,
> Носилъ рубаху красную,
> Поддевочку суконную,
> Смазные сапоги;
> Пѣлъ сладко пѣсни русскія
> И слушать ихъ любилъ.
> Его видали многіе
> На постоялыхъ дворикахъ,
> Въ харчевняхъ, въ кабакахъ...
>
> Некрасовъ.

ВАДЦАТЬ пять лѣтъ тому назадъ, въ городѣ Самарѣ происходили оригинальныя похороны: съ военною музыкой хоронили частнаго человѣка. Такія необычайныя почести были оказаны одному изъ самыхъ оригинальнѣйшихъ русскихъ писателей, Павлу Ивановичу Якушкину, вся жизнь котораго, на сколько она извѣстна по воспоминаніямъ его друзей и знакомыхъ, представляетъ почти исключительно рядъ анекдотовъ и самыхъ странныхъ приключеній. Воспользуемся скудными біографическими данными о первомъ и типичнѣйшемъ нашемъ «народникѣ» и напомнимъ читателямъ объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ, по справедливости заслужившемъ названіе «калики перехожаго».

Въ 1820 году, въ дворянской усадьбѣ Сабуровѣ, Орловской губерніи, у отставного гвардейскаго офицера Ивана Андреевича

Якушкина отъ жены его, бывшей крѣпостной дѣвушки, родился сынъ Павелъ. Онъ рано остался на рукахъ своей матери, отличавшейся безконечною добротой, свѣтлымъ умомъ и пользовавшейся общимъ уваженіемъ въ дворянской средѣ, несмотря на свое происхожденіе. Какъ жилось Павлу Ивановичу въ родительскомъ домѣ, мы не знаемъ; неизвѣстны даже день и мѣсяцъ его рожденія. Можно думать, что мать имѣла на него самое благотворное вліяніе и, передавши сыну «мужицкую» кровь, развила въ немъ любовь къ простому народу и спасла ребенка отъ развращающаго вліянія крѣпостной атмосферы.

Постигнувъ въ родительскомъ домѣ грамоту и усвоивъ «начатки наукъ», Якушкинъ поступаетъ въ Орловскую гимназію, гдѣ онъ обращаетъ на себя общее вниманіе своею «мужицкою» наружностью и «убиваетъ господина директора» своими «неповиновенными вихрами». Тщетно начальство гимназіи выставляетъ его отрицательнымъ идеалистомъ, тщетно сторожа тупыми и необыкновенно щиплющими ножницами «обрываютъ вихры»; на слѣдующій день послѣ операціи Якушкинъ опять появляется «дикообразомъ», не говоря уже о томъ, что при каждомъ постриженіи виновный «грубо оправдывался такими мужицкими словами, что во всѣхъ классахъ помирали со смѣху».

Для преподавателей и начальства гимназіи Якушкинъ былъ «мужицкая чучелка», какъ называлъ его учитель нѣмецкаго языка, для товарищей же оригинальный и независимо державшій себя гимназистъ былъ примѣромъ для подражанія въ удальствѣ. Явились смѣльчаки, которые отпускали такіе же «вихры», какъ у Якушкина; память о Якушкинѣ и легенды о его «неповиновенныхъ вихрахъ», которыхъ не могли искоренить никакія ножницы, долго хранились въ Орловской гимназіи (Воспоминанія Лѣскова).

«Неповиновенные вихры» не помѣшали «мужицкой чучелкѣ» кончить курсъ гимназіи и въ 1840 г. поступить въ Московскій университетъ. Учился Якушкинъ, какъ въ гимназіи, такъ и въ университетѣ, хорошо; онъ былъ уже на четвертомъ курсѣ, ему оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до полученія диплома, а вслѣдъ за нимъ и теплаго спокойнаго мѣстечка. Но «мужицкая» кровь заговорила въ Якушкинѣ сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ прежде. Познакомившимъ съ извѣстнымъ славянофиломъ П. В. Кирѣевскимъ, собиравшимъ памятники народнаго творчества, Якушкинъ снимаетъ съ себя студенческій мундиръ, облачается въ незатѣйливый полумѣщанскій, полукрестьянскій костюмъ, покупаетъ на десять рублей краснаго товару, взваливаетъ на плечи коробъ и отправляется по деревнямъ для непосредственнаго изученія народности и записыванія народныхъ пѣсенъ. Съ тѣхъ поръ почти всю свою жизнь Павелъ Ивановичъ проводитъ въ вольныхъ и невольныхъ

странствованіяхъ по обширной Россіи. Только одинъ разъ, въ началѣ 1850-хъ гг., попытался Якушкинъ пристроиться въ Харьковской губерніи учителемъ уѣзднаго училища. Поручили ему преподаваніе русской грамматики, но Павелъ Ивановичъ на урокахъ вмѣсто сообщенія правилъ правописанія разсказывалъ ученикамъ сказочки и побасенки, да къ тому же еще и съ начальствомъ столкнулся на первыхъ же порахъ, благодаря прямотѣ своего характера. Перевели Якушкина въ другое училище, но пріемы преподаванія остались у него прежніе. Конечно, ученики любили своего учителя, обращавшагося съ ними въ высшей степени ласково и деликатно; но такое обращеніе не нравилось не только начальству, но даже и родителямъ учениковъ. «Одинъ разъ,—вспоминаетъ Якушкинъ о своемъ учительствѣ,—я шелъ по улицѣ просвѣщаемаго мною города, навстрѣчу мнѣ попался ученикъ. Тотъ мнѣ поклонился, я велѣлъ ему надѣть шапку, сталъ съ нимъ разговаривать и шутить. Поговоривъ минуты двѣ, мы съ мальчикомъ разошлись. Увидала это какая-то старуха и замѣчательно оригинально выразила свое неудовольствіе.—«Вотъ такъ учитель! нечего сказать! Нѣтъ, сперва учителя не таковы были, бывало ученикъ увидитъ учителя—за версту бѣжитъ; а попался подъ руку, такъ отпотчуетъ, что на-поди! Сиди дома! А это что за учитель—ученикъ передъ нимъ въ шапкѣ стоитъ!» («Путевыя письма» изъ Новгородской губерніи).

Такой учитель, какъ Якушкинъ, въ то время былъ еще не по сезону, и онъ волей-неволей снова облачился изъ вицмундирнаго фрака, дѣлавшаго его фигуру до чрезвычайности комичною, въ сермяжный кафтанъ. Послѣ неудачнаго учительства странствованія Якушкина не прекращались до самой смерти. Во время своихъ десяти вольныхъ «походовъ» и передвиженій по волѣ администраціи, Якушкинъ побывалъ и въ ветлужскихъ лѣсахъ Костромской губерніи, и около древнихъ городовъ Ростова и Переяславля, и на берегахъ славныхъ въ исторіи русскаго народа озеръ Ильменя и Пейпуса, и на бывшей границѣ «дикаго поля» въ Харьковской губерніи, и на Макарьевской и Коренной ярмаркахъ, и въ далекой астраханской глуши. Странствовалъ онъ лѣтомъ въ суконномъ армякѣ, а зимою въ овчинномъ полушубкѣ, все свое имущество онъ всегда носилъ съ собою сначала въ кожаной сумкѣ, потомъ въ маленькомъ чемоданчикѣ, наконецъ въ простомъ узелкѣ. Не великъ былъ и этотъ узелокъ: тамъ не всегда оказывалась запасная пара бѣлья. «У меня, милый человѣкъ, вещей не много,— говорилъ Павелъ Ивановичъ Минаеву,—всего только одна записная книжка, я веду жизнь кочующую и лишняго скарба съ собой не таскаю. Когда бѣлье заносится и съ грѣшнаго тѣла само валится, я покупаю новую смѣну, а старую бросаю въ печку или въ канаву. Это поде-

партаментски называется «сокращеніемъ переписки». Если запасная смѣна бѣлья не всегда была у Якушкина, зато въ его узелкѣ всегда была записная книжка или нѣсколько листковъ исписанной и чистой бумаги, а также обломокъ карандаша для записыванія пѣсенъ и путевыхъ впечатлѣній. Съ такимъ-то багажомъ переходилъ Якушкинъ изъ деревни въ деревню, изрѣдка присосѣживаясь къ какому нибудь сердобольному попутчику на крестьянскую подводу. Онъ посѣщалъ ярмарки, монастыри, рыбныя ловли, лѣсныя промышленныя артели, крестьянскія свадьбы, заходилъ въ деревенскіе и городскіе кабаки, на дѣвичьи посидки; всюду онъ терся между простымъ народомъ, наблюдая его нравы, костюмы, особенности языка, заводя разговоры о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ и записывая мѣстныя легенды, историческія преданія и народныя пѣсни. Кромѣ того, Якушкинъ сводилъ знакомства и съ помѣщиками, посѣщалъ собранія мировыхъ посредниковъ, въ городахъ и монастыряхъ осматривалъ достопримѣчательности, наводилъ справки о старинныхъ рукописяхъ и книгахъ; заходилъ онъ даже въ народныя училища, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Новгородскомъ уѣздномъ училищѣ, ему дозволили даже экзаменовать учениковъ.

Много отрадныхъ впечатлѣній вынесъ Якушкинъ изъ своей бродячей жизни. Его любовь къ простому народу, всосанная съ молокомъ матери, не только не уменьшалась по мѣрѣ сближенія съ деревенскимъ людомъ, но все болѣе и болѣе росла и достигла настоящаго обожанія. Усталый и голодный вваливался Якушкинъ въ первую попавшуюся избу, и вездѣ его принимали съ ласкою и привѣтомъ, кормили чѣмъ Богъ послалъ, давали отдыхъ и пристанище. Нигдѣ не хотѣли брать съ него денегъ и обижались даже, когда онъ спрашивалъ, сколько нужно за обѣдъ или ночлегъ.

— И родимый! Богъ съ тобой!—говорила ему старуха въ Новгородской губерніи:—картошки свои, молочко свое, ягодъ Богъ пока много зародилъ; за что же брать-то?

Подобные эпизоды неоднократно попадаются въ «Путевыхъ письмахъ» Якушкина. Не только не брали съ него денегъ, но даже находились сердобольныя старухи, которыя совали ему въ руку трудовые гроши на дорогу.

Но зато много и мытарствъ пришлось пройти Якушкину, много злоключеній перенесъ онъ во время своихъ долголѣтнихъ странствованій. Часто сбивался онъ съ дороги, и темная ночь заставала его подъ открытымъ небомъ. Во Владимірской губерніи въ одну такую ночь онъ попалъ въ зажору, промокъ до костей и прозябъ до того, что заболѣлъ тифомъ; въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ его едва не отравили селянкой; въ одной деревнѣ онъ заразился вѣтряной оспой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ только здоровая натура да сердобольность русскаго народа спасали Якушкина отъ неминуемой смерти. Кромѣ враждебныхъ стихій, сильно донимали нашего странника и

власти предержащія. И неудивительно! Бородатая фигура съ лицомъ, страшно изрытымъ оспою, и съ шевелюрою, не знавшею гребня, оригинальный костюмъ, судя по которому помѣщики называли Якушкина мужикомъ, а мужики величали: «ваше степенство», и прибавившіяся впослѣдствіи ко всему этому золотыя очки на носу, вмѣстѣ съ смѣлыми и ироническими отвѣтами на грозные окрики полицейскихъ чиновниковъ,— все это дѣлало Павла Ивановича крайне подозрительнымъ въ глазахъ провинціальной полиціи. Прибавьте къ этому, что въ 1850-ыхъ и 1860-ыхъ годахъ единственнымъ документомъ, удостовѣрявшимъ личность подозрительнаго странника, была копія съ копіи письменнаго удостовѣренія становаго пристава о томъ, что ему, приставу, было сдѣлано заявленіе о потерѣ Якушкинымъ указа объ отставкѣ.

Столкновенія Якушкина съ полиціей начались съ самыхъ первыхъ шаговъ его новой дѣятельности. Еще въ 1840-хъ годахъ около Москвы онъ былъ задержанъ сотскимъ и приведенъ къ становому. На вопросы становаго Якушкинъ рекомендовалъ себя «Императорскаго Московскаго университета университантомъ», собирающимъ «остатки національной поэзіи» [1]). Становому показалось подозрительнымъ, что молодой человѣкъ изъ Москвы пріѣхалъ за пѣснями, тогда какъ, по пословицѣ, наоборотъ «въ Москву за пѣснями ѣздятъ». Онъ осыпалъ Якушкина градомъ нецензурныхъ ругательствъ, и только проѣзжавшій мимо князь Н—ій избавилъ «оригинальнаго» студента отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Случались такія исторіи съ Якушкинымъ и въ 1850-хъ годахъ, когда онъ былъ уже губернскимъ секретаремъ въ отставкѣ. Пришелъ онъ въ концѣ 1858 года въ селеніе Ямъ-Мшага Новгородской губерніи, въ новый годъ отслушалъ обѣдню, осмотрѣлъ церковную библіотеку, потолкался среди народа, а вечеромъ записалъ свои впечатлѣнія и легъ спать. «Только что я заснулъ,—разсказываетъ Якушкинъ,—пришелъ отъ становаго пристава разсыльный, разбудилъ меня и просилъ пожаловать къ становому. Я подумалъ-подумалъ и пошелъ...

— «Почему вы, милостивый государь, не явились ко мнѣ сейчасъ по прибытіи въ Ямъ-Мшагу?

— «Да ежели позволите сказать вамъ откровенно, не имѣлъ ни желанія, ни охоты, ни надобности...

— «Позвольте узнать, зачѣмъ вы сюда прибыли?»

Тщетно Якушкинъ показывалъ письмо отъ редакціи «Русской Бесѣды» и предложеніе собирать пѣсни, сказки и т. п. отъ географическаго общества, «состоящаго подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича», предложеніе, подписанное

---

[1]) Подчеркнутыя слова Якушкинъ «загнулъ» нарочно, чтобы пустить пыль въ глаза становому.

«генералъ-адъютантомъ Литке»,—становой остался неумолимъ; онъ осмотрѣлъ бумаги Якушкина и только, когда дошелъ до письма, написаннаго Павлу Ивановичу однимъ губернскимъ чиновникомъ, сконфузился и возвратилъ всѣ бумаги назадъ.

Всѣ эти происшествія были сущими пустяками въ сравненіи съ исторіею арестованія Якушкина въ Псковѣ въ 1859 году. Посѣтивъ, по порученію М. П. Погодина, окрестности Пскова, 22 августа Павелъ Ивановичъ пришелъ въ городъ. Намѣреваясь прожить въ немъ нѣсколько дней, онъ явился въ полицію прописать свой «видъ». Въ полиціи посмотрѣли очень подозрительно на «губернскаго секретаря» въ плисовой поддевкѣ; бумаги Якушкина, въ томъ числѣ и письмо редакціи «Русской Бесѣды», были признаны фальшивыми, и Павлу Ивановичу пришлось ночевать при полиціи. Помѣстили его сначала въ «дворянскую», но ночью арестантъ имѣлъ неосторожность открыть окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; въ этомъ невинномъ дѣйствіи сторожъ усмотрѣлъ попытку убѣжать изъ-подъ ареста, и Якушкина перевели въ настоящую арестантскую, представлявшую какой-то подвалъ съ мокрымъ и загаженнымъ человѣческими испражненіями поломъ. До 9 часовъ утра стоялъ Павелъ Ивановичъ въ этомъ помѣщеніи, похожемъ, по его словамъ, на «коровій хлѣвъ или собачью конуру», и разсказывалъ своимъ товарищамъ по заключенію исторію Іосифа Прекраснаго. Утромъ полицеймейстеръ Гемпель выпустилъ арестанта, но этимъ мытарства Якушкина не кончились. Черезъ нѣсколько дней онъ опять явился въ Псковъ и уже усѣлся въ вагонъ III класса, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Сильная рука квартальнаго надзирателя вытащила его за шиворотъ изъ вагона, и Якушкинъ снова предсталъ предъ полицеймейстеромъ. Дѣло въ томъ, что изъ плисовой поддевки Павелъ Ивановичъ облачился въ рваный кафтанишко, и это «переряживаніе» показалось крайне подозрительнымъ слѣдившей за нимъ псковской полиціи. На этотъ разъ Якушкинъ высидѣлъ въ полиціи шесть дней. Исторія ареста, разсказанная имъ въ письмѣ къ редактору «Русской Бесѣды» и вызвавшая печатное возраженіе Гемпеля, въ свое время надѣлала много шуму. Было сказано много «жалкихъ словъ» о полицейскомъ произволѣ, о необезпеченности личной свободы и наконецъ о благодѣтельномъ вліяніи гласности, такъ какъ Якушкинская исторія «была очень близко принята къ свѣдѣнію въ офиціальныхъ сферахъ» и повела къ формальному слѣдствію и ревизіи псковскихъ мѣстъ заключенія. «Имя П. И. Якушкина,—вспоминаетъ Курочкинъ,—употребленное во всѣхъ падежахъ, во множествѣ газетныхъ листковъ, съ блескомъ и трескомъ пронеслось и прогремѣло по всей Россіи. Разсказъ о его злоключеніяхъ передавался и комментировался на тысячу ладовъ десятками тысячъ устъ во всевозможныхъ мѣстностяхъ Россіи». О похожденіяхъ Якушкина разсказывали въ прозѣ и стихахъ, и одинъ

юмористъ написалъ даже «Новѣйшую Одиссею», которая начинается такъ:

«Муза, воспой похожденіе Павла, Якушкина сына,
Какъ онъ, ревнуя къ наукѣ, долго по Руси скитался,
Сказки, повѣрья народа и пѣсни вездѣ собирая,
Какъ наконецъ онъ попался, подобно вождю Одиссею,
Въ руки циклоповъ новѣйшихъ, грубыхъ, небритыхъ и пьяныхъ».

«Далѣе разсказывается, какъ

«Въ синемъ суконномъ кафтанѣ, въ смазныхъ сапогахъ съ бураками,
Въ красной рубахѣ, брадатый, какъ есть мужичокъ православный»,

«Якушкинъ явился въ псковскую полицію, гдѣ

«Старый блюститель прогресса...
Брови нахмурилъ, какъ Зевсъ, и такой разразился вдругъ рѣчью:
Чортовъ ты сынъ! ну, какой секретарь ты губернскій! По граду
Ты среди бѣлаго дня нынче шляешься въ платьѣ подобномъ:
Гдѣ это видано, чтобы чиновникъ мундиръ свой дворянскій
Нагло смѣнилъ на поддевку?.....
Ты иль масонъ, или красный, иль даже мормонскій учитель»... и т. д.

«Псковская исторія», благодаря медовому мѣсяцу обличительной литературы, создала Якушкину особаго рода популярность, и его имя получило «чуть не легендарное значеніе». «Въ различныхъ россійскихъ захолустьяхъ,—говоритъ Курочкинъ,—стали появляться различные Якушкины-самозванцы и лже-Якушкины... Разные прощалыги и забулдыги, набуянивъ и накуролесивъ гдѣ либо и желая оградить себя отъ полицейскихъ преслѣдованій, стали выдавать себя за него, полагая, что имя Якушкина представляло собою какъ бы запугивающій талисманъ для полиціи». Фотографическія карточки Якушкина, изображавшія его въ крестьянскомъ костюмѣ, расходились въ громадномъ количествѣ и въ народѣ выдавались за портреты Пугачева, а въ Парижѣ, въ Пале-Роялѣ, онѣ продавались даже съ подписью «Pougatscheff».

Въ Петербургѣ Якушкинъ сталъ извѣстенъ еще до «псковской исторіи». Среди петербургскаго литературнаго и журнальнаго міра онъ появился весною 1858 г., когда воскресала для новой жизни не только природа, но и вся обширная Россія. Въ столицѣ Якушкинъ щеголялъ въ такомъ же костюмѣ, въ какомъ онъ толкался и среди народа. «Кафтанъ Якушкина,—вспоминаетъ Н. А. Лейкинъ,—былъ изъ самаго грубаго сукна, всегда засаленъ, сапоги въ большинствѣ случаевъ стоптанные и грязные, на головѣ низенькая барашковая шапка и зимой и лѣтомъ кумачевая рубашка опоясана простымъ пояскомъ съ молитвой, а подчасъ просто веревочкой».

Въ такомъ костюмѣ Павелъ Ивановичъ появлялся и въ редакціяхъ журналовъ, и въ партерѣ Маріинскаго театра, и въ ресторанѣ Палкина, и на литературныхъ вечерахъ, и въ салонахъ графовъ Строганова и Кушелева-Безбородка. Якушкинъ такъ сроднился съ «мужицкимъ» платьемъ, что положительно разучился носить костюмъ европейскаго покроя: облачили было его во фракъ для визита С. Г. Строганову, но тотчасъ же признали подобную затѣю донельзя смѣшною.

Въ Петербургѣ Якушкинъ сдѣлался извѣстнымъ почти всѣмъ. Когда онъ шелъ по улицѣ или заходилъ въ трактиръ, всѣ оборачивались въ его сторону и шептали: «Якушкинъ... Якушкинъ». Въ трактирахъ и ресторанахъ появилась особая солидныхъ размѣровъ рюмка подъ названіемъ «Якушкинской», потому что Павелъ Ивановичъ, заходя въ питейное заведеніе, всегда спрашивалъ шкаликъ «посурьезнѣе».

Вмѣстѣ съ крестьянскимъ костюмомъ Якушкинъ принесъ въ Петербургъ и свои оригинальныя привычки «опростившагося» интеллигента и свою непосѣдливость, развившуюся вслѣдствіе долголѣтней бродячей жизни. «Не было у Якушкина,—говоритъ В. П. Острогорскій,—ни семьи, ни своего угла; и выраженіе omnia mea mecum porto (все мое ношу съ собою) какъ нельзя болѣе подходило къ его фигурѣ въ мужицкомъ платьѣ и въ золотыхъ очкахъ». «Это былъ въ полномъ смыслѣ Діогенъ, по своей нетребовательности,—говоритъ Н. А. Лейкинъ,—но у Діогена все-таки была бочка, былъ вначалѣ и сосудъ, изъ котораго онъ пилъ, а у Якушкина и бочки и сосуда не было». Некрасовъ нанялъ для него квартиру съ обѣдомъ, но Якушкинъ никогда почти и не заходилъ туда, потому что боялся одиночества. Когда день склонялся къ вечеру, и утомленный дневною ходьбой Павелъ Ивановичъ нуждался въ ночлегѣ, онъ заходилъ къ первому знакомому и располагался гдѣ нибудь въ прихожей на голомъ полу или у кровати «на собачьемъ мѣстѣ», положивъ подъ голову свой узелокъ или полѣно дровъ. Если же достучаться къ знакомому было трудно или было слишкомъ поздно, то Павелъ Ивановичъ завертывалъ въ дворницкую и тамъ короталъ ночь часто за полуштофомъ водки, не смыкая глазъ и слушая разсказы или пѣсни какого нибудь «своего земляка» — дворника.

Нужно замѣтить, что «малодушіе къ вину» развилось у Якушкина также вслѣдствіе его бродячей жизни. «Споилъ его,—говоритъ А. М. Скабичевскій,—не кто иной, какъ самъ народъ въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которыя трудно бывало выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки; но нельзя было также только поить, а не пить самому, становясь съ мужиками на равную ногу». «По роду моихъ занятій,—печатно сознавался Якушкинъ,—мнѣ приходится бывать и на сва-

дебныхъ крестьянскихъ попойкахъ, записывать пѣсни и въ кабакахъ и въ трактирахъ... Очень часто случалось и выпить».

Отъ этой слабости Якушкинъ, конечно, не могъ отрѣшиться и въ Петербургѣ. Являлся ли онъ на редакціонныя засѣданія, онъ первымъ дѣломъ поднималъ вопросъ о необходимости «поощренія», т. е. «выпить и закусить»; приглашалъ ли его графъ Строгановъ завтракать, онъ подкрѣплялся на путь «сороковкой», да по дорогѣ заходилъ въ «пивницу» и являлся въ аппартаменты вельможи-мецената.

— А вы, господинъ Якушкинъ, уже позавтракали?

— Да, немножко выпилъ.

— Что же теперь дѣлать?

— Еще выпить.

А то однажды попросили Якушкина прочитать что нибудь на одномъ литературномъ вечерѣ въ залѣ благороднаго собранія. Приходилось Павлу Ивановичу читать послѣднимъ. Пока читали другіе, онъ угощался въ буфетѣ, а когда вышелъ на эстраду, то могъ только произнести три раза подрядъ фразу: «Дѣло было въ кабакѣ». «Убѣдившись, наконецъ, въ безплодности своихъ усилій,—говоритъ П. И. Вейнбергъ,—чтецъ произнесъ довольно громко одно изъ энергическихъ русскихъ словъ, махнулъ рукой и кое-какъ спустился съ эстрады при громкомъ смѣхѣ добродушной публики».

Вмѣстѣ «съ малодушіемъ къ вину» были у Павла Ивановича и другіе «недостатки», гармонировавшіе съ его простою, непосредственною натурой. Онъ постоянно терялъ какъ свои офиціальные документы и клочки исписанной бумаги, такъ и тѣ небольшія суммы денегъ, которыя онъ получалъ за свои литературные труды. Онъ готовъ былъ по своей органической добротѣ отдать нуждающемуся все, что у него было. Но главнымъ «недостаткомъ» Павла Ивановича была прямота его характера, заставлявшая его вездѣ и всегда говорить правду въ глаза. Что было у него на умѣ, то было и на языкѣ, особенно когда онъ былъ навеселѣ. За свое прямодушіе Якушкинъ еще въ гимназіи просидѣлъ лишній годъ въ седьмомъ классѣ; эта же черта его цѣльнаго характера отравила ему и послѣдніе годы жизни, забросивъ его въ Астраханскую губернію. Дѣло было такъ. Въ 1864 году отправился Павелъ Ивановичъ вмѣстѣ съ П. Д. Боборыкинымъ на нижегородскую ярмарку. Случайно тамъ съѣхались нѣсколько литераторовъ, и въ честь ихъ былъ данъ обѣдъ. На обѣдѣ Якушкинъ сдѣлалъ замѣчаніе одному петербургскому журналисту за то, что тотъ мѣшалъ слушать рѣчь застольнаго оратора. Къ этой выходкѣ присоединилась и другая. Стоялъ Якушкинъ у буфета въ своемъ обычномъ костюмѣ. Подходитъ мѣстный жандармскій офицеръ и, обращаясь къ содержателю ресторана, говоритъ: «Налей-ка, братецъ, мнѣ рюмку горькошпанской!» И что же? Якушкинъ, который при первомъ знакомствѣ переходилъ на «ты», обидѣлся

такимъ обращеніемъ съ постороннимъ человѣкомъ и сдѣлалъ замѣчаніе: «Зачѣмъ вы говорите «ты» почтенному человѣку, у котораго свой ресторанъ, чѣмъ онъ ниже васъ?»

На Якушкина нажаловались генералъ-губернатору, представили его опаснымъ «смутьяномъ», и Павелъ Ивановичъ преждевременно очутился въ Петербургѣ. Тамъ онъ предсталъ передъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ. «Гуманный внукъ воинственнаго дѣда» обошелся съ Якушкинымъ презрительно. Павелъ Ивановичъ не боялся ни сумы, ни тюрьмы и не былъ въ состояніи унижаться. «Мужикъ могъ его по недоразумѣнію потолкать,—говоритъ Лѣсковъ,—но на свѣтлѣйшаго князя Суворова онъ, пожалуй, могъ и самъ вытаращиться и даже прикрикнуть». Неудивительно послѣ этого, что результатомъ аудіенціи была высылка Якушкина съ жандармомъ въ имѣніе матери. Наказаніе это было ужасно для Павла Ивановича не только потому, что лишало его привычной бродячей жизни, но и потому еще, что онъ не могъ переносить страданій своей матери. «Избавьте мать отъ меня»,—просилъ онъ своихъ петербургскихъ друзей,—войдите въ положеніе ни въ чемъ неповинной, честной и доброй старушки, обязанной видѣть передъ собой ежедневно потеряннаго сына». Просьба нѣжнаго сына была уважена, и Якушкина отправили подъ надзоръ полиціи въ Астраханскую губернію. Онъ уѣхалъ туда уже съ надломленнымъ безпорядочною жизнью здоровьемъ, и 8-го января 1872 г. кончились его земныя странствованія. Беззаботная веселость не покидала его до самой смерти.

Мы и пѣть будемъ и играть будемъ,
А смерть придетъ, помирать будемъ!

Эту любимую свою пѣсню Якушкинъ распѣвалъ даже тогда, когда надъ нимъ носилось дыханіе смерти. «Припоминая все мое прошлое, — сказалъ онъ передъ смертью, — я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя».

Такъ умеръ этотъ типичный народникъ, сознавшій необходимость непосредственнаго изученія народа еще въ тяжелые для Россіи сороковые годы. Воспоминанія друзей и знакомыхъ Якушкина, не скрывая недостатковъ покойнаго, обрисовываютъ его личность крайне симпатичными штрихами. Онъ нравился всѣмъ своей прямотою, своеобразною и добродушною откровенностью, своимъ безкорыстіемъ и «святымъ, всепобѣждающимъ незлобіемъ, которому, по словамъ Лѣскова, нельзя было указать ни границъ, ни подходящаго примѣра». У Якушкина никогда почти не было денегъ, никто не видалъ у него денежнаго кошелька; полученный гонораръ онъ тотчасъ же спускалъ или на уплату долговъ или на угощеніе своихъ знакомыхъ. Зная за собою такую слабость, Павелъ Ивановичъ отказывался отъ денегъ, которыми желали снабдить его на дорогу покровители. Такъ

однажды онъ отказлася отъ цѣлыхъ трехъ тысячъ рублей, предложенныхъ ему для болѣе систематическаго собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Незлобіе Якушкина было еще больше, чѣмъ его безкорыстіе. Онъ не помнилъ зла и «не только могъ прощать все, рѣшительно все, но онъ даже не могъ не простить чего бы то ни было». Въ псковской «исторіи» онъ, по собственнымъ словамъ, испыталъ «досаду, негодованіе, отвращеніе», а впослѣдствіи онъ отзывался о Гемпелѣ въ самомъ добродушномъ тонѣ: «Отличный полковникъ! И выпить не дуракъ!» Съ этимъ полковникомъ онъ дружески угощался въ Павловскѣ и удивлялся, что его знакомые сторонились Гемпеля: «Чего на него люди сердятся, когда я не сержусь? Онъ чудесный мужикъ и свое дѣло дѣлалъ. Чего же сердиться? Мы помирились». Другой примѣръ голубинаго незлобія Якушкина не менѣе характеренъ. Однажды за Невскою заставой фабричные приняли его за шпіона и немножко «потолкали». Городовой вызволилъ его изъ бѣды и хотѣлъ всѣхъ тащить въ участокъ, но потерпѣвшій кончилъ дѣло миромъ и такъ мотивировалъ свой поступокъ:

— ... Вѣдь они это сдуру... такая фантазія имъ пришла: «что̀, говорятъ, мужикъ, а очки зачѣмъ носишь? мужики не носятъ», и давай толкаться. Совсѣмъ не по злости... Это понимать надо! Я и городовому сказалъ: «это надо понимать»,—всѣ на мировую и выпили.

— И городовой?

— Разумѣется. Всѣ... Какъ же безъ городоваго?.. Всѣхъ, братъ, понимать надо.

Таковъ былъ Якушкинъ. Его «органическая доброта» была способна не только на полное всепрощеніе, но и на порывы смѣлаго и самоотверженнаго великодушія. Такъ онъ спасъ, по словамъ Лѣскова, отъ неминуемой гибели одну экзальтированную дѣвушку, бросившую букетъ къ позорному столбу Чернышевскаго [1]).

Обсуждая причины высылки Якушкина изъ Петербурга, друзья покойнаго, близко знавшіе его завѣтныя думы и идеалы, всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что это былъ въ политическомъ смыслѣ человѣкъ совершенно безвредный и безопасный. «Политика,—вспоминаетъ Лѣсковъ, — Якушкина занимала очень мало или, точнѣе сказать, она его совсѣмъ не занимала. Смѣна и назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ въ Россіи его не радовали и не печалили: онъ махалъ рукой и говорилъ: это все едино». Формы правленія для него были всѣ безразличны—«какъ народъ похочетъ, такъ и уставится». «Политическаго насильственнаго революціонизма въ Якуш-

---

[1]) Въ книгѣ г. Скальковскаго: «Наши общественные дѣятели», этотъ эпизодъ передается такъ: «Одна дѣвица, потомъ жена весьма извѣстнаго русскаго музыканта, бросила въ карету Чернышевскаго вѣнокъ; покойный писатель Якушкинъ крикнулъ: «прощай!». Обоихъ арестовали и затѣмъ выпустили».

кинѣ не было нимало, потому что — не для чего: міромъ разберемся». «Надъ соціализмомъ, какъ его понимаютъ полуневѣжды и пристава, Якушкинъ смѣялся и считалъ этого рода соціализмъ «глупостью», хотя впрочемъ прибавлялъ: «А по мнѣ—все едино,—дѣлитесь: у меня одни штаны,—съ меня снять нечего—сверкать будетъ». «Въ его похожденіяхъ,—говоритъ докторъ Португаловъ,—рѣшительно не было никакой политической подкладки... Всѣ его хожденія въ народъ имѣли чисто литературныя цѣли и отчасти этнографическія: изученіе нравовъ, обычаевъ, знакомство съ міровоззрѣніемъ народа». Какъ мало интересовался Якушкинъ политикой, видно уже изъ того, что въ шестидесятыхъ годахъ онъ совершенно одинаково относился къ тогдашнимъ литературнымъ партіямъ. Онъ былъ своимъ человѣкомъ и у московскихъ славянофиловъ, и у М. П. Погодина, и въ редакціи «Современника», и среди «постепеновцевъ» «Отечественныхъ Записокъ» Дудышкина. Не политика, а русскій народъ былъ божествомъ Якушкина. «Былъ у него одинъ богъ—народъ», говоритъ докторъ Португаловъ. «Ему онъ вѣрилъ, ему поклонялся, и этотъ богъ земли Русской былъ, по его мнѣнію, недосягаемо великъ». Онъ жилъ жизнью народа, страдалъ русскимъ народнымъ недугомъ, прохворалъ русскою народною болѣзнью—голоднымъ тифомъ, и умеръ на больничной народной койкѣ среди безпомощнаго бѣднаго русскаго люда». Онъ «вѣровалъ въ народъ,—говоритъ С. В. Максимовъ,—и любилъ его настолько, что всю жизнь оставался за него работникомъ, ходатаемъ и заступникомъ».

И народъ не оставался въ долгу у Якушкина: во время его странствованій его вездѣ кормили безвозмездно, подвозили на попутныхъ подводахъ, давали пристанище и ночлегъ. Правда, къ нему относились немножко странно, какъ къ «непутевому барину», шатающемуся безъ опредѣленной цѣли и калякающему съ кѣмъ ни попало; его величали: «ваше степенство», подчасъ зубоскалили надъ нимъ, называя его «ряженымъ», но болѣе близкое знакомство располагало къ нему сердца не только представителей интеллигенціи, но и простого народа. Посаженный въ псковскую арестантскую, онъ скоро оказывается «душевнымъ человѣкомъ», крестьяне со второго слова титулъ «ваше степенство» замѣняютъ болѣе фамильярнымъ обращеніемъ: «милый человѣкъ»; сотскій предупреждаетъ его объ арестѣ и помогаетъ ему нанять лошадей, чтобы заблаговременно уѣхать въ губернскій городъ; даже откормленный швейцаръ графскаго дома на Невскомъ проспектѣ и тотъ снисходилъ до того, что чистилъ поношенную свитку Якушкина, останавливая его словами: «перышко, Павелъ Ивановичъ, прилипло!».

Якушкинъ оставилъ по себѣ память не только среди лично знавшихъ его литераторовъ и среди простого народа, съ которымъ онъ знакомился на всемъ почти пространствѣ обширной Россіи; онъ

оставилъ послѣ себя и значительное литературное наслѣдство. Во время своихъ путешествій онъ собралъ массу цѣннаго этнографическаго матеріала, изъ котораго, къ сожалѣнію, только незначительная часть попала въ печать. Не смотря на это, и печатные труды Якушкина составляютъ громадный томъ [1]). Здѣсь мы находимъ цѣнное собраніе духовныхъ стиховъ, а также историческихъ, лирическихъ и обрядовыхъ пѣсенъ, записанныхъ изъ устъ народа. Пѣсни эти при своемъ появленіи въ печати обратили на себя общее вниманіе любителей и знатоковъ нашей народной словесности. Труды Якушкина «были привѣтствованы всею литературой, лестные отзывы о нихъ были напечатаны въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Географическое общество наградило Якушкина за сборникъ пѣсенъ серебряною медалью и почтило его званіемъ сотрудника. Ѳ. И. Буслаевъ сдѣлалъ подробный разборъ выдающихся историческихъ пѣсенъ, записанныхъ Якушкинымъ. Чтобы понять причины такого вниманія, достаточно вспомнить, что пѣсни Якушкина были напечатаны въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы» въ 1859 году и въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1860 годъ, слѣдовательно, раньше выхода въ свѣтъ сборниковъ П. В. Кирѣевскаго, Рыбникова, Безсонова («Калики перехожіе») и др. [2]).

Кромѣ сборника пѣсенъ, въ собраніи сочиненій Якушкина мы находимъ крайне интересныя «Путевыя письма», написанныя имъ въ 1858—1869 годахъ изъ губерній Новгородской, Псковской, Орловской, Черниговской, Курской и Астраханской. Помимо автобіографическаго интереса, эти письма содержатъ массу разнородныхъ этнографическихъ свѣдѣній. Съ стенографическою точностью записывалъ Якушкинъ разговоры, подслушанные имъ въ вагонѣ третьяго класса, на улицѣ уѣзднаго города, въ монастырской трапезѣ, на сельской ярмаркѣ. Онъ не упускаетъ ни одного подходящаго случая завести разговоръ съ кѣмъ ни попало — о вліяніи желѣзныхъ дорогъ на мѣстную торговлю, о раскольничьихъ и раціоналистическихъ сектахъ, о крестьянскихъ работахъ и солдатской службѣ, о чудотворныхъ иконахъ и старинныхъ курганахъ и т. д. Въ «Письмахъ» Якушкина мы находимъ не мало историческихъ преданій о Петрѣ Великомъ, о Стенькѣ Разинѣ, объ Ермакѣ, объ Іоаннѣ Грозномъ и о временахъ, болѣе отдаленныхъ; тамъ записано много на-

---

[1]) «Сочиненія П. И. Якушкина». Съ портретомъ и біографіей автора и товарищескими о немъ воспоминаніями. Изд. Вл. Михневича. Спб. 1884 г. CXIV—708 стр.

[2]) Не нужно при этомъ забывать, что, кромѣ пѣсенъ, изданныхъ самимъ Якушкинымъ, огромное число памятниковъ народнаго творчества записано имъ для П. В. Кирѣевскаго, у котораго онъ, по собственнымъ словамъ, «занимался болѣе двадцати лѣтъ по части собиранія пѣсенъ». Сверхъ этого, записанныя Якушкинымъ народныя сказки поступили въ собраніе А. Н. Аѳанасьева. (Ср. Пыпинъ: «Исторія русской этнографіи», т. II).

родныхъ легендъ и повѣрій; тамъ мы встрѣчаемъ интересныя наблюденія надъ особенностями характера и языка народа, надъ отличіями въ его костюмѣ и даже въ архитектурѣ деревянныхъ построекъ и т. д. Благодаря всему этому, «Путевыя письма» Якушкина и теперь читаются съ большимъ интересомъ.

Кромѣ произведеній народнаго творчества и путевыхъ впечатлѣній автора, въ собраніи сочиненій Якушкина мы находимъ нѣсколько литературныхъ очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторые не утратили своего значенія донынѣ. Если разсказъ «Небывальщина» имѣетъ главнымъ образомъ автобіографическое значеніе (въ немъ сгруппированы впечатлѣнія Якушкина, вынесенныя имъ изъ своихъ первыхъ «хожденій»), если очерки: «Великъ Богъ земли Русской!» — въ которыхъ передаются интересныя наблюденія надъ русскимъ народомъ въ первое время послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, имѣютъ только историческій интересъ; зато такіе очерки, какъ «Бунты на Руси», не безполезно перечитывать и въ настоящее время всѣмъ близко стоящимъ къ простому народу. Въ двухъ очеркахъ подъ указаннымъ заглавіемъ Якушкинъ напечаталъ свои наблюденія надъ происхожденіемъ народныхъ бунтовъ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Отъ недоразумѣній часто изъ ничтожнаго случая выростаетъ страшное дѣло, отъ непониманія дѣла часто важное кажется ничтожнымъ». «Отъ тупоумія нѣкоторыхъ господъ эти происшествія принимаютъ грозный размѣръ, и дѣло самое пустое часто ведетъ за собою разореніе цѣлыхъ селъ и деревень».

Литературное наслѣдство, оставленное Якушкинымъ, было бы несомнѣнно гораздо значительнѣе, если бы не тѣ неблагопріятныя условія, которыя вообще мѣшали его литературной дѣятельности. «Онъ былъ однимъ изъ серьезныхъ знатоковъ народныхъ обычаевъ, быта и въ особенности характера» (Максимовъ); свѣдѣній разнаго рода у него было масса, онъ производилъ даже спеціальныя изслѣдованія о крайне важныхъ вопросахъ изъ области народной жизни; такъ, онъ выходилъ нѣсколько разъ для изученія народныхъ сходокъ. Но бродячая жизнь мѣшала литературнымъ занятіямъ. Многое улетучивалось изъ памяти за невозможностью записать, многое изъ записаннаго на лоскуткахъ затеривалось во время продолжительныхъ странствованій и разнаго рода приключеній, происходившихъ на пути. Было упомянуто, что Якушкинъ неоднократно терялъ даже офиціальные документы; сколько же имъ потеряно цѣнныхъ клочковъ бумаги, исписанныхъ наскоро карандашемъ!

Только побывавъ въ Петербургѣ и познакомившись съ редакціями журналовъ, Якушкинъ сталъ печатать свои пѣсни и «путевыя письма», а впослѣдствіи писать и литературные очерки. Если мы припомнимъ бродячую жизнь Павла Ивановича и отсутствіе у него своего угла, тогда мы поймемъ, какъ трудно было ему заниматься литературнымъ трудомъ, который прежде всего требовалъ

столь непривычной для нашего странника усидчивости. Только крайняя нужда, какъ-то: разбитыя очки, стоптанные сапоги, износившееся до послѣдней степени платье, могли заставить Якушкина засѣсть за письменный столъ. Вотъ какъ, напримѣръ, возникли его лучшіе очерки: «Великъ Богъ земли Русской!». «Пока они не были еще имъ оформлены,—говоритъ Н. А. Лейкинъ,—онъ носилъ ихъ въ видѣ замѣтокъ, написанныхъ карандашемъ на мелкихъ грязныхъ клочкахъ, часто даже на внутренней сторонѣ цвѣтной картузной бумаги отъ папиросъ, на спинкахъ трактирныхъ обѣденныхъ карточекъ». Окончательная редакція этимъ отрывкамъ была придана въ маленькой каморкѣ, въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова, но и тутъ не обошлось безъ казуса. Якушкинъ захватилъ первую попавшуюся ему подъ руку приходорасходную книгу, куда записывались пожертвованія въ пользу воскресныхъ школъ и бѣдныхъ студентовъ, вырвалъ нѣсколько разлинованныхъ красными и синими чернилами листовъ и на нихъ написалъ свой разсказъ.

Словоохотливый и забавный разсказчикъ, Якушкинъ дѣлился со знакомыми своими впечатлѣніями, пѣлъ даже народныя пѣсни такъ, какъ поетъ ихъ народъ. «Я наслушался отъ него,—говоритъ В. П. Острогорскій,—немало разсказовъ о странствіяхъ по Россіи, о способахъ собиранія пѣсенъ, о мужикѣ, котораго разсказчикъ боготворилъ за его душу, но котораго многочисленные недостатки и дикіе нравы вовсе не скрывалъ и остроумно обрисовывалъ съ тонкимъ добродушнымъ юморомъ. Не мало и пѣсенъ, какихъ я потомъ нигдѣ не могъ найти въ печати, и которыя, къ сожалѣнію и стыду моему, тогда не подумалъ за нимъ записать, пѣвалъ онъ у меня маленькимъ пріятнымъ теноркомъ на настоящіе мѣстные мотивы. И гдѣ всѣ эти сокровища, которыя онъ въ веселую минуту такъ расточительно готовъ былъ раздать всякому? Кто изъ насъ, интеллигентовъ, литераторовъ, музыкантовъ, записывалъ ихъ?»..(«Изъ исторіи моего учительства»).

Къ сожалѣнію, не только никто не записывалъ разсказовъ и пѣсенъ Якушкина, но не нашлось даже и «вліятельной руки, которая усадила бы его работать». Сожалѣть объ этомъ приходится тѣмъ болѣе, что, прекрасно изучивъ народъ, Якушкинъ былъ далекъ, какъ отъ идеализаціи его во вкусѣ славянофиловъ, такъ и отъ глумленія надъ нимъ, практиковавшагося у нѣкоторыхъ писателей шестидесятыхъ годовъ. «Радѣльникомъ народа онъ былъ подлиннымъ и судьей его непокупнымъ и неподкупнымъ» (Максимовъ).

С. Ашевскій.

ЗАПИСКИ ГРАФА Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО [1]).

III.

Лѣто 1796 года.—Поѣздка въ Ропшу.—Смерть княгини Е. Б. Шаховской.—Восшествіе на престолъ императора Павла I.—Присяга.—Разводъ погатчински.—Эпизодъ со знаменемъ.—Перемѣна въ образѣ жизни офицеровъ.—Вступленіе въ Петербургъ гатчинскихъ и павловскихъ батальоновъ.—Уничтоженіе полковой канцеляріи и письменная обуза.—Назначеніе адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу.—Ложный донос на Лихачева и Дмитріева.—Повышеніе въ чинѣ.—Крещенскій парадъ и вниманіе государя.—Ѳ. Ѳ. Вадковскій.—Отправленіе государя въ Москву на коронацію.—Покупка лошадей для великаго князя Константина Павловича.—Причащеніе царской фамиліи въ великій четвергъ.—Коронація и балъ въ Грановитой палатѣ.—Путешествіе государя въ Казань.—Сафоновъ.—Назначеніе великаго князя Константина Павловича начальникомъ 1-го кадетскаго корпуса.—Вражда Ферзена и Кутузова.—Преобразованія въ кадетскомъ корпусѣ.—Жизнь въ Петергофѣ.—Перемѣны при дворѣ.—Гнѣвъ государя на великаго князя Константина Павловича.—Купанье въ Петергофѣ съ великими князьями.—Гатчинскія маневры.—Чинъ полковника и орденъ св. Анны 3-й степени.—Ордена и орденскіе праздники при Екатеринѣ II и Павлѣ I.

СЕ ЭТО лѣто я провелъ на дачѣ по Петергофской дорогѣ на 5 верстѣ у княгини Варвары Александровны Шаховской. Дача сія принадлежала тогда княгинѣ Дашковой и выходила на взморье, гдѣ выстроены два каменные домика. Насъ жило тогда у княгини очень много. Въ большомъ домѣ жила она съ г-жею Парисъ, съ дочерью ея, теперешнею Балабиной, г-жа Брейткопфъ, тоже съ дочерью, которая вышла послѣ замужъ за В. Н. Зиновьева. Дочь княгини В. А. была уже тогда замужемъ за княземъ Шаховскимъ. Они жили на дачѣ, принадлежавшей послѣ графинѣ Завадовской. Княгиня Елизавета Борисовна съ мужемъ и съ се-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 28.

строю его, княжною Шаховскою, находившеюся послѣ замужемъ за княземъ А. М. Голицынымъ, бывала всякій день у своей матери; въ одномъ изъ домиковъ на взморьѣ жили родные племянники княгиня В. А.: князь Александръ и князь Сергѣй Михайловичи Голицыны и я, а въ другомъ два француза, эмигранты: г-да Бресоль и Бушера. Часто все общество ѣздило по окрестнымъ мѣстамъ. Между всѣхъ ихъ поѣздокъ самая пріятная была въ Ропшу. По возвращеніи оттуда всякій долженъ былъ выбрать одну статью изъ того, что случилось въ теченіе двухъ дней, въ Ропшѣ проведенныхъ, и ее описать; послѣ все это соединено было вмѣстѣ, и составило довольно интересное сочиненіе, подъ названіемъ: **поѣздка одного общества въ Ропшу.** Я не стану описывать причину плачевнаго конца жизни княгини Елизаветы Борисовны Шаховской, дочери княгини В. А., а скажу только то, что извѣстно было всѣмъ, что она отравила себя ядомъ. Сіе происшествіе, особливо въ лучшемъ обществѣ, столь необыкновенное, произвело много шуму и различныхъ толковъ; но скоро послѣдовавшая затѣмъ кончина императрицы Екатерины прекратила всѣ тѣ разговоры, которые занимали такъ много публики.

Въ минуту восшествія императора Павла I-го на престолъ, какъ слѣдуетъ, всѣмъ войскамъ приказано было присягать на своихъ полковыхъ мѣстахъ, а роту гренадеръ послать во дворецъ за знаменами, гдѣ они всегда находились; и тогда же намъ объявлено было, что императоръ принимаетъ на себя званіе полковника Преображенскаго полка, наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, назначаетъ полковникомъ Семеновскаго полка и военнымъ губернаторомъ петербургскимъ; Аракчеева—комендантомъ, а великаго князя Константина Павловича—полковникомъ Измайловскаго полка. Полкъ нашъ собрался на большомъ проспектѣ, который идетъ мимо церкви. Первый, посланный изъ дворца, ошибкою сказалъ, что полкъ долженъ идти на Дворцовую площадь. Мы уже и прошли нѣсколько улицъ, какъ бывшій нашъ секундъ-маіоръ Кушелевъ [1]) встрѣтилъ насъ, возвращаясь изъ дворца, и воротилъ назадъ. Весь полкъ пустился бѣжать на парадное мѣсто; не доходя до онаго, хотя было и темно, но видно было ѣдущаго кого-то верхомъ, въ темномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Сей ѣдущій, поравнявшись съ головой колонны полка, спросилъ:

— А гдѣ адъютантъ Комаровскій?

Я случился близко, тотчасъ подъѣхалъ и узналъ, что это былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество со мной поздоровался, приказалъ мнѣ находиться при себѣ и спросилъ у

---

[1]) Онъ женатъ былъ на сестрѣ Ланскаго, бывшаго фаворита, и съ тѣхъ поръ имѣлъ позволеніе ѣздить на обѣдъ къ императрицѣ; онъ симъ позволеніемъ пользовался всякій день, хотя императрица съ нимъ никогда почти не говорила.

меня, отчего полкъ давно не на парадномъ мѣстѣ. Я ему донесъ, что полку ошибкой приказано было идти ко дворцу. Сіе крайне его удивило. Во время присяги великій князь замѣтивъ, что полковой нашъ священникъ отецъ Прохоръ былъ въ нетрезвомъ видѣ,—спросилъ у меня:

— Отчего отецъ Прохоръ пьянъ, отъ радости или отъ печали?

Я ему отвѣчалъ: я думаю, ваше величество, и отъ того и отъ другаго, и онъ засмѣялся.

Когда полкъ присягнулъ, его высочество приказалъ мнѣ взять взводъ гренадеръ, отнести знамена во дворецъ, отыскать тамъ наслѣдника, донести ему, что Измайловскій полкъ принялъ присягу, спросить, куда прикажетъ поставить знамена, и въ 5-ть часовъ по утру быть у него. Подходя ко дворцу, я былъ въ большомъ затрудненіи, гдѣ мнѣ найти наслѣдника; но, къ счастью моему, когда я сошелъ съ лошади и подходилъ къ среднимъ воротамъ, я увидалъ кого-то въ такомъ же мундирѣ, въ какомъ былъ и великій князь Константинъ Павловичъ, и въ голубой лентѣ, ибо они уже надѣли тѣ мундиры, которые даны были потомъ всѣмъ гвардейскимъ полкамъ, идущимъ съ графомъ Татищевымъ, подполковникомъ Преображенскаго полка. Я не усомнился, что это былъ наслѣдникъ, и исполнилъ порученіе великаго князя. Знамена же онъ приказалъ мнѣ поставить въ кабинетъ императора; входъ въ оный былъ по деревянной лѣстницѣ. Я вошелъ по лѣстницѣ, и въ первой комнатѣ нашелъ спящаго истопника, который позвалъ камеръ-лакея, и мнѣ отворили кабинетъ. Я спросилъ, не знаетъ ли онъ, куда поставить знамена. Онъ мнѣ сказалъ: поставьте въ уголъ, тамъ уже много ихъ находится.

Въ тотъ день, какъ императрица занемогла, въ караулѣ стоялъ Семеновскій полкъ, а въ день ея кончины Измайловскій, и капитанъ былъ П. А. Талызинъ; мнѣ хотѣлось съ нимъ видѣться, и я зашелъ въ караульню; мы обнялись и оба заплакали, равно и всѣ бывшіе въ караулѣ офицеры. Я, увидѣвъ на столѣ Анненскій крестъ, на узкой лентѣ, спросилъ у него, что это значитъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «сейчасъ мнѣ принесли, и сказали, что это второй классъ Анненскаго ордена, которымъ императоръ меня пожаловалъ, и что оный должно носить на шеѣ». Прежде мы знали только ленту со звѣздою сего ордена.

На другой день былъ тоже разводъ Измайловскаго полка, и великому князю хотѣлось, чтобы нѣкоторыя командныя слова были уже погатчински, и чтобы всѣ офицеры имѣли на парадѣ трости и съ раструбами перчатки. Когда я къ нему явился въ 5-ть часовъ утра, онъ мнѣ приказалъ тотчасъ отправиться искупить сіи вещи и чтобы онѣ находились на полковомъ дворѣ, а онъ туда пріѣдетъ въ 8-мь часовъ; разводъ же назначенъ былъ въ 11-ть. Сія комиссія была самая затруднительная, ибо гдѣ найти столько тростей и пер-

чатокъ, и когда еще всѣ лавки заперты, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ разсвѣтаетъ только въ 7-мъ часовъ по полуночи. Я просилъ его высочество, чтобы онъ пожаловалъ нѣсколько изъ своихъ ѣздовыхъ въ мое распоряженіе, на чтò онъ согласился; я разослалъ ихъ по всѣмъ перчаточникамъ, а самъ поѣхалъ по Гостиному двору. Къ счастію моему, лавочникамъ въ эту ночь что-то не поспалось; всѣ лавки были открыты очень рано, и мнѣ удалось во время исполнить порученіе, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ. Правду сказать, что офицеровъ при полку на лицо было тогда очень немного. Одни находились просто въ отпуску, а другіе, подавъ челобитныя въ отставку, уѣхали съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться. Коекакъ великій князь сладилъ съ разводомъ, и мы пошли ко дворцу. Въ приказѣ полковомъ сказано было, чтобы подъ знамя нарядить подпрапорщика. Въ прежнюю службу было четыре унтеръ-офицерскихъ чина [1]), и въ первыхъ трехъ чинахъ дворянъ почти не было; а потому и наряженъ былъ изъ сдаточныхъ. Разводъ остановился у бывшаго Чичеринскаго дома. Великій князь приказалъ мнѣ взять подпрапорщика, идти во дворецъ и, остановясь передъ кабинетомъ императора, велѣть доложить его величеству, что разводъ Измайловскаго полка готовъ, и адъютантъ пришелъ за знаменемъ. Я все сіе исполнилъ, и съ докладомъ къ императору пошелъ И. П. Кутайсовъ, бывшій тогда простымъ камердинеромъ. Кутайсовъ отворилъ дверь кабинета и показалъ мнѣ знакомъ войти. Императоръ стоя надѣвалъ перчатки, а графъ Безбородко выходилъ съ бумагами. Его величество, приказавши уже мнѣ взять знамя, спросилъ у меня, увидя подпрапорщика большаго роста:

— А что онъ дворянинъ?

Я отвѣчалъ: никакъ нѣтъ.

— Знамя должно быть носимо дворяниномъ,—сказалъ императоръ,—а потому и приведите мнѣ унтеръ-офицера изъ дворянъ.

Я тотчасъ пошелъ къ разводу, который уже строился на площади противъ дворца. Великій князь, увидя меня, не могъ понять, отчего я иду безъ знамени; а когда онъ узналъ, что наряженъ былъ подъ оное недворянинъ, онъ чрезвычайно огорчился и сказалъ мнѣ:

— Возьми хоть сержанта и поди скорѣе,—чтò я и сдѣлалъ.

Императора уже въ кабинетѣ не было; онъ пошелъ къ императрицѣ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ разводу. Достойно примѣчанія, что нáроду на площади было очень мало, и сіе небывалое зрѣлище въ Петербургѣ,—чтобы самъ императоръ, едва вступившій на престолъ, присутствовалъ при разводѣ,—никакого при-

---

[1]) А именно: фурьеръ, подпрапорщикъ, каптенармусъ и сержантъ, и еще былъ чинъ капрала, который на обшлагѣ имѣлъ одинъ позументъ, а потому и не былъ въ числѣ унтеръ-офицеровъ; изъ прочихъ три чина имѣли по два, а сержантъ—три позумента.

мѣтнаго дѣйствія не произвело, и какъ будто это всегда случалось. Императоръ былъ разводомъ нашимъ доволенъ и изъявилъ свое благоволеніе, чтò насъ очень ободрило, а радость великаго князя была неизреченна.

Образъ нашей жизни офицерской совсѣмъ перемѣнился; при императрицѣ мы помышляли только, чтобы ѣздить въ общества, театры, ходить во фракахъ, а теперь съ утра до вечера на полковомъ дворѣ, и учили насъ всѣхъ, какъ рекрутъ. Великому князю угодно было, чтобы я первый надѣлъ мундиръ новаго покроя и обстригъ себѣ волосы, и меня это такъ перемѣнило, что когда я пріѣхалъ домой, то сестра Анна Ѳедотовна меня не узнала.

На четвертый день послѣ восшествія на престолъ императора Павла мы видѣли зрѣлище совсѣмъ новаго для насъ рода, это было вступленіе гатчинскихъ и павловскихъ баталіоновъ въ Петербургъ. Войска одѣты были совершенно попрусски, въ короткихъ мундирахъ съ лацканами, въ черныхъ штиблетахъ,—на гренадерахъ шапки, какъ теперешнія Павловскаго полка, а на мушкатерахъ маленькія треугольныя шляпы безъ петлицъ, а только съ одною пуговкой. Офицеры одѣты были всѣ въ изношенныхъ мундирахъ, а такъ какъ цвѣтъ ихъ былъ темнозеленый и, вѣроятно, перекрашенъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ, то всѣ они полиняли и представляли видъ пѣгій. Императоръ Павелъ, еще наслѣдникомъ, былъ генералъ-адмираломъ и президентомъ адмиралтейской коллегіи. Во флотѣ были баталіоны и назывались морскими; они употреблялись на корабляхъ для десантовъ. Изъ сихъ-то войскъ составлены были въ Гатчинѣ и Павловскѣ баталіоны изъ кадетъ морскаго корпуса, оказавшихся неспособными къ морской службѣ, а оттуда переводимы были въ гатчинскіе и павловскіе баталіоны. Едва войска пришли къ заставѣ, какъ присланъ былъ съ донесеніемъ о томъ поручикъ Радьковъ. Императоръ самъ надѣлъ на него орденъ св. Анны 2-го класса и назначилъ его адъютантомъ къ наслѣднику, приказавъ войскамъ идти, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Когда войска вошли въ алиніеманъ на Дворцовой площади, императоръ самъ сказалъ:

— Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную ко мнѣ вашу службу, и въ награду того вы поступаете въ гвардію, а гг. офицеры чинъ въ чинъ.

Всѣхъ баталіоновъ было шесть, изъ коихъ назначены были: императора и Аракчеева—въ Преображенскій, наслѣдника и Недоброва—въ Семеновскій, великаго князя Константина Павловича и Малютина—въ Измайловскій полкъ, рота егерей—въ гвардейскій егерскій баталіонъ. Прежде при каждомъ гвардейскомъ полку была егерская команда, изъ которыхъ при императорѣ Павлѣ составленъ былъ баталіонъ. Кавалерія поступила въ конную гвардію. Съ какою радостію великіе князья увидѣлись со своими сослужив-

цами, и съ какою печалью мы должны были считать ихъ своими товарищами! На всѣхъ насъ напало какое-то уныніе. Иначе и быть не могло, ибо сіи новые наши товарищи не только были безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ самаго развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою.

Въ Измайловскомъ полку было три адъютанта: Бахметевъ, Арбеневъ и я; великій князь обоихъ первыхъ написалъ въ роты, а меня оставилъ, и назначилъ двухъ гатчинскихъ, бывшихъ адъютантами въ его высочества и Малютина баталіонахъ: Черепанова и Шебуева. Прежде въ каждомъ гвардейскомъ полку была полковая канцелярія, и одинъ изъ офицеровъ былъ секретаремъ; сіе званіе было штатное. Въ сей канцеляріи производились всѣ письменныя дѣла; адъютантъ завѣдывалъ только нарядами и рапортами, касающимися до строевой части. По новому образованію, канцелярія была уничтожена, а съ нею находившіеся въ оной писаря, и вся эта обуза пала на меня, какъ на полковаго адъютанта, такъ что я ни на минуту не имѣлъ отдыха; со своими родными даже по нѣсколько дней я не видался.

Ноября 30-го былъ разводъ нашего полка. Въ 6-ть часовъ утра я долженъ былъ ѣхать къ коменданту Аракчееву, который жилъ во дворцѣ, за нѣкоторыми приказаніями. Выходя отъ него, я встрѣтилъ наслѣдника; увидѣвши меня, съ свойственною ему прелестною улыбкою, его высочество сказалъ мнѣ:

— Поздравляю, Комаровской.

Я спросилъ: съ чѣмъ, ваше высочество?

— А развѣ братъ тебѣ ничего не сказалъ?—продолжалъ онъ.

Я ему отвѣчалъ: ничего.

Тогда онъ мнѣ говорилъ:

— Prenez comme si je ne vous ai rien dit [1]).

Я поѣхалъ въ полкъ, гдѣ былъ уже великій князь, и, не могши скрыть моей радости, я сказалъ ему:

— Наслѣдникъ съ чѣмъ-то изволилъ меня поздравить.

Его высочество мнѣ отвѣчалъ: поздравить?—развѣ онъ знаетъ—съ чѣмъ, а я ничего не знаю.

Тогда приказы при паролѣ отдавались въ комнатѣ; всѣ адъютанты и дежурные по полкамъ и по карауламъ штабъ-офицеры писали оные въ записныхъ своихъ книжкахъ. Приказы диктовалъ наслѣдникъ, какъ военный губернаторъ, и самъ императоръ тутъ всегда находился. Цѣпь была изъ конно-гвардейскаго внутренняго караула. Мнѣ случилось близко стоять отъ государя; между прочими пунктами приказа одинъ начинался: л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ Путиловъ назначается адъютантомъ къ его император-

---

[1]) Считай, какъ будто я тебѣ ничего не говорилъ.

скому высочеству наслѣднику; л.-гв. Измайловскаго полка полковой адъютантъ Комаровской назначается адъютантомъ къ его императорскому высочеству Константину Павловичу, съ чиномъ капитанъ-поручика. Меня такъ это удивило, что я не зналъ, что дѣлать; чувствовалъ только, что императоръ ударилъ меня слегка по плечу рукой и сказалъ:

— Что же ты, братъ, стоишь, дѣло, кажется, идетъ не объ чужомъ.

Я взглянулъ на наслѣдника; онъ мнѣ сдѣлалъ знакъ глазами, чтобы я благодарилъ. Я тотчасъ сталъ на одно колѣно, и государь подалъ мнѣ поцѣловать руку. Я не могу изъяснить моей радости, особливо какъ вспомнилъ, что избавляюсь отъ всѣхъ столь несносныхъ для меня хлопотъ [1]). Я узналъ послѣ, что наканунѣ этого дня въ комнатномъ собраніи государь подошелъ къ великимъ князьямъ и спросилъ у нихъ:

— Что вы, господа, не берете къ себѣ никого еще въ адъютанты?

Они поклонились и ничего не отвѣтили. Лишь только государь отошелъ, то наслѣдникъ спросилъ великаго князя Константина Павловича:

— Ты доволенъ Комаровскимъ?

Онъ отвѣчалъ: доволенъ.

— То сдѣлай же мнѣ одолженіе,—продолжалъ наслѣдникъ,—возьми его къ себѣ въ адъютанты, а я возьму Путилова.

Послѣ государь опять подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Что, господа, надумались ли?

Тогда великіе князья уже просили о назначеніи къ нимъ въ адъютанты: наслѣдникъ—Путилова, а великій князь Константинъ Павловичъ—меня и съ повышеніемъ въ чинѣ, на что императоръ изъявилъ свое соизволеніе. Стало быть, и въ семъ случаѣ видна была ко мнѣ милость наслѣдника.

Сіе повышеніе въ чинъ было для меня весьма выгодно, но

---

[1]) Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ одной необыкновенной сцены. Крѣпостной мальчикъ Семеновскаго полка капитана Лихачева донесъ Архарову, бывшему тогда вторымъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, что господинъ его и того же полка капитанъ Н. Н. Дмитріевъ посягаютъ на жизнь императора. Лихачева и Дмитріева посадили въ крѣпость, но по сдѣланному строгому изслѣдованію доносъ оказался ложнымъ. Императоръ приказалъ провести ихъ обоихъ въ ту комнату, гдѣ обыкновенно отдавались приказы, въ то время когда еще въ оной всѣ находились. Государь публично объявилъ, что Лихачевъ и Дмитріевъ невинны, и, обращаясь ко всѣмъ бывшимъ въ приказной комнатѣ, сказалъ: «Неужели я имѣю между вами, господа, измѣнниковъ?» Тогда мгновенно всѣ вдругъ закричали: «нѣтъ, государь!» и бросились цѣловать его руки. Императоръ симъ общимъ порывомъ изъявленія вѣрности былъ тронутъ до слезъ. По окончаніи сей сцены, государь пошелъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и съ восторгомъ сказалъ ей: «теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ. Я сейчасъ получилъ новую присягу»,—и разсказалъ ей всѣ подробности того, что происходило въ приказной комнатѣ.

обидно для моихъ товарищей, ибо я былъ изъ младшихъ поручиковъ [1]). Новая моя должность была гораздо покойнѣе прежней, а главное, что я ни за какія упущенія по оной не подвергалъ себя отвѣтственности. Мнѣ казалось, что императоръ Павелъ былъ ко мнѣ милостивъ.

Января 6-го 1797 г., въ день Богоявленія Господня, былъ парадъ всѣмъ гвардейскимъ войскамъ для водосвятія и окропленія знаменъ и штандартовъ святою водою. Морозъ былъ въ 14-ть градусовъ при сильномъ вѣтрѣ. Іордань была устроена противъ сената; императоръ и оба великихъ князя были при войскахъ верхами, а императрица, великія княгини, великія княжны и весь дворъ шли пѣшкомъ изъ Зимняго дворца на іордань и обратно, и многіе отъ сего занемогли. При императорѣ Павлѣ поздравленія дѣлались всегда наканунѣ придворныхъ праздничныхъ дней, а такъ какъ на другой день было рожденіе великой княжны Анны Павловны, то и приказано было съѣзжаться во дворецъ въ вечеру того же 6-го числа. Началось поздравленіе. Императоръ обыкновенно всѣмъ мужчинамъ давалъ цѣловать свою руку; когда пришла моя очередь, и я подошелъ къ нему, его величество, придержавъ мою руку, сказалъ съ веселымъ видомъ:

— Что, братъ, справился ли ты, все ли у тебя цѣло?—надобно было разумѣть, что не отморозилъ ли я чего.

Я отвѣчалъ, что совершенно здоровъ.

Наступило время приготовленія къ отъѣзду на коронацію. Вся свита раздѣлена была на нѣсколько отрядовъ, но принадлежавшимъ къ великимъ князьямъ приказано было собраться въ Павловское, гдѣ и дворъ находился. Тутъ я нашелъ комендантомъ и шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка [2]) Ѳ. Ѳ. Вадковскаго, съ которымъ я былъ очень знакомъ, и котораго иначе не видалъ, какъ сидѣвшаго цѣлые дни передъ каминомъ въ вольтеровскихъ креслахъ; онъ служилъ при дворѣ камергеромъ, куда онъ никогда не ѣздилъ. Въ древнія времена онъ былъ любимцемъ императора Павла и былъ въ его свитѣ, когда его величество вояжировалъ подъ именемъ Сѣвернаго графа. Ѳ. Ѳ. самъ не могъ надивиться этой съ нимъ перемѣнѣ и сказалъ мнѣ:

— Я долженъ былъ принять, что мнѣ предложили; я его давно знаю, онъ шутить не любитъ, хотя уже двадцать лѣтъ, какъ я военную службу оставилъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, императоръ купилъ у графа Безбородка преогромный его домъ,

---

[1]) Что и случилось: А. Н. Бахметовъ былъ настоящимъ полковымъ адъютантомъ; когда меня произвели въ прапорщики, онъ отдавалъ о томъ въ приказѣ, а когда меня произвели въ капитанъ-поручики, онъ былъ еще въ прежнемъ чинѣ.

[2]) Сей полкъ составленъ былъ частію изъ московскаго гренадерскаго и изъ другихъ полковъ.

противъ Головинскаго сада и назвалъ оный Слободскимъ дворцомъ. Приказано было пристроить двѣ большія по бокамъ деревянныя залы; сей дворецъ сгорѣлъ во время нашествія французовъ. Отрядъ, въ которомъ я находился, пріѣхалъ въ Москву прежде двора. Свита великаго князя Константина Павловича помѣщена была противъ Слободскаго дворца, въ старомъ сенатѣ, гдѣ назначено было мѣсто пребыванія и для его высочества. По принятому обыкновенію императоръ остановился въ Петровскомъ дворцѣ. Вся гвардія на сей случай была отправлена въ Москву; это правда, что она была тогда не многочисленна. Назначенъ былъ день шествія въ Москву. Въ церемонію наряжены были камергеры и камеръ-юнкеры; а такъ какъ было холодно, то и приказано было имъ имѣть юберъ-роки, т. е. родъ широкихъ кафтановъ, изъ пунцоваго бархату. Ничего не было смѣшнѣе, какъ видѣть этихъ придворныхъ, привыкшихъ ходить по паркету, въ тонкихъ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ,—верхомъ, Богъ знаетъ на какихъ лошадяхъ, и на тѣхъ неумѣющихъ держаться и управлять ими; многихъ лошади завозили куда хотѣли, и оттого сіи царедворцы потеряли свои ряды и надѣлали большую конфузію. Особливо примѣчателенъ былъ между ими графъ Хвостовъ, бывшій тогда камергеромъ. Императоръ остановился въ Кремлѣ только, чтобы приложиться къ св. мощамъ и иконамъ, и, сѣвъ опять на лошадь, продолжалъ шествіе свое до Слободскаго дворца, куда прибыли уже, какъ начало смеркаться. Мимо государя прошли, однако же, церемоніальнымъ маршемъ всѣ войска, бывшія въ строю. Надобно было посмотрѣть на несчастныхъ придворныхъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были снимать съ лошадей, такъ они отъ холоду, можно сказать, окоченѣли. Великій князь поручилъ мнѣ купить для его сѣдла лошадей. Я ѣздилъ по англичанамъ, барышникамъ, но ничего не могъ найти порядочнаго. Мнѣ сказали, что есть хорошія верховыя лошади у г. Гончарова, имѣвшаго славныя, парусинную и бумажную фабрики. Узнавъ, гдѣ онъ живетъ, я къ нему поѣхалъ, но не засталъ его дома, а жена г. Гончарова просила меня къ ней войти, что я исполнилъ. Она приняла меня очень ласково, говорила, что мужъ ея будетъ въ отчаяніи, что не случилось его у себя, что онъ непремѣнно на другой день самъ ко мнѣ пріѣдетъ; просила только сказать, гдѣ я живу, въ которомъ часу онъ можетъ со мною видѣться, изъявляя желаніе чаще у себя меня видѣть, пока дворъ пробудетъ въ Москвѣ. На другой день, чѣмъ свѣтъ, г. Гончаровъ былъ уже у меня, и мы вмѣстѣ поѣхали къ нему смотрѣть лошадей. Я нашелъ у него двухъ—очень хорошихъ статей, и сказалъ ему, что я долженъ ихъ показать великому князю Константину Павловичу, что я, по приказанію его высочества, ищу для него лошадей. Г. Гончаровъ обезпамятѣлъ отъ радости и сказалъ:

— Ахъ! какъ бы я былъ счастливъ, если бы мои лошади понравились его высочеству, и удостоилъ бы великій князь принять.

Я ему отвѣчалъ: я не думаю, чтобы великій князь принялъ вашихъ лошадей даромъ.

По возвращеніи во дворецъ, я донесъ его высочеству, что я нашелъ двухъ лошадей, и спросилъ, когда угодно будетъ ихъ видѣть, назвавъ и хозяина оныхъ. Великій князь приказалъ привести ихъ на другой день, но чтобы отнюдь г. Гончарова тутъ не было. Я тотчасъ послалъ къ нему ѣздоваго съ запиской, прося его самого не безпокоиться; я узналъ послѣ, что Гончарова это очень огорчило. Одна изъ лошадей очень понравилась его высочеству, и онъ приказалъ узнать о цѣнѣ; я ему доложилъ, что хозяинъ этой лошади денегъ не возьметъ, а, если угодно, можно сдѣлать ему подарокъ. Великій князь приказалъ мнѣ отвезти къ нему табакерку съ бриліантами, стоящую цѣну лошади. Гончаровъ былъ чрезвычайно радъ этому подарку, и не переставалъ носить табакерку, хотя не нюхалъ табаку, покуда всѣмъ знакомымъ своимъ оной не показалъ. Съ тѣхъ поръ Аѳанасій Ивановичъ Гончаровъ сдѣлался моимъ хорошимъ пріятелемъ и просилъ меня принять отъ него въ подарокъ одну лошадь.

Императоръ Павелъ назначилъ день своего коронованія въ свѣтлое Христово воскресенье. Вся императорская фамилія говѣла на страстной недѣлѣ и въ великій четвергъ должена была причаститься св. тайнъ, кромѣ императора, въ церкви у Спаса за золотою рѣшеткой. Обѣдня совершаема была митрополитомъ Платономъ; я былъ дежурнымъ, находился тоже въ церкви и былъ свидѣтелемъ зрѣлища, которое навсегда у меня останется въ памяти.

Пусть представятъ себѣ императрицу Марію Ѳеодоровну въ цвѣтѣ лѣтъ, великихъ княгинь: Елисавету Алексѣевну и Анну Ѳеодоровну, великихъ княженъ: Александру Павловну, Елену Павловну, Марію Павловну и Екатерину Павловну, всѣхъ одѣтыхъ въ бѣлыхъ платьяхъ, и скажутъ, можно ли видѣть болѣе августѣйшихъ красавицъ, вмѣстѣ соединенныхъ! Одинъ Платонъ умѣлъ это достойно изъяснить. Когда отворились царскія двери, и прежде нежели діаконъ вынесъ сосудъ, митрополитъ вышелъ изъ алтаря и, какъ будто пораженный блескомъ сихъ красавицъ, отступилъ назадъ, потомъ, обратясь къ императору, сказалъ:

— Всемилостивѣйшій государь! воззри на вертоградъ сей,—и повелъ рукою, показывая на предстоявшихъ; у императора примѣтны были слезы на глазахъ.

Коронація происходила обыкновеннымъ порядкомъ; императоръ короновалъ императрицу Марію Ѳеодоровну, но было достойно примѣчанія, что императоръ, во время причастія, вошелъ въ алтарь, взялъ сосудъ и, какъ глава церкви, самъ причастился св. тайнъ. Потомъ на тронѣ прочелъ самъ фамильный пактъ, имъ составленный, о порядкѣ наслѣдія на престолѣ; сей пактъ повелѣлъ хранить въ серебряномъ ковчегѣ въ Успенскомъ соборѣ. Примѣчательно было,

что на балѣ, въ Грановитой палатѣ, дамы были одѣты въ робахъ чернаго бархата съ преогромными фижмами; балъ открыла императрица Марія Ѳеодоровна съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ минуэтомъ, и прочія дамы ей послѣдовали.

Скоро послѣ коронаціи императоръ съ обоими великими князьями восприялъ путешествіе въ Казань. Съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ поѣхалъ мой товарищъ Сафоновъ; онъ былъ капитаномъ Измайловскаго полка. Кстати о Сафоновѣ: любопытно будетъ знать, какимъ образомъ онъ попалъ въ адъютанты къ великому князю Константину Павловичу. Сафоновъ у насъ въ полку былъ въ числѣ черныхъ офицеровъ, т. е. не имѣющихъ ни малѣйшаго воспитанія. До восшествія императора Павла на престолъ, онъ уже подалъ челобитную въ отставку и отправилъ большую часть своихъ пожитковъ въ деревню, а остался дожидаться перваго пути, чтобы самому съ матерью туда же отправиться. Какъ сдѣлалась перемѣна въ правленіи, онъ просилъ меня, чтобы его высочество исходатайствовалъ ему отставку. Великій князь отвѣчалъ, чтобы Сафоновъ сходилъ хотя одинъ разъ въ караулъ, и если удачно, тогда его высочество удовлетворитъ его желанію. Между тѣмъ императоръ, проходя одинъ разъ мимо нашихъ офицеровъ, во время развода, замѣтилъ Сафонова, вѣроятно, потому, что онъ всѣхъ офицеровъ былъ лицомъ старообразнѣе, спросилъ о немъ у маіора нашего полка, генералъ-маіора Кушелева, и когда узналъ его фамилію, еще разъ поглядѣвъ на него пристально, пошелъ далѣе. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, приходитъ камердинеръ отъ государя къ великому князю съ повелѣніемъ, чтобы капитану поручику Сафонову приказать пріѣхать къ его величеству. Тотчасъ посланъ былъ ѣздовой въ полкъ, и Сафоновъ полумертвый является къ императору. Государь спрашиваетъ у него, не тѣхъ ли онъ Сафоновыхъ, которые въ родствѣ съ Гендриковыми. Онъ отвѣчалъ:

— Тѣхъ, государь.

— Такъ, стало быть, мы свои,—продолжалъ императоръ,—мнѣ нужно имѣть при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ человѣка пожилыхъ лѣтъ, въ родѣ дядьки, который бы мнѣ доносилъ о всѣхъ дѣйствіяхъ его высочества и ничего бы отъ меня не скрывалъ; мнѣ кажется, я въ тебѣ этого человѣка нашелъ; я тебя назначаю адъютантомъ къ великому князю, но только именемъ.

Сафоновъ не могъ опомниться отъ радости. Императоръ въ ту же минуту послалъ за великимъ княземъ, который чрезвычайно удивился, увидя императора въ кабинетѣ съ Сафоновымъ. Государь, взявъ его за руку, сказалъ его высочеству:

— Вотъ человѣкъ, которому я тебя поручаю; онъ хотя и адъютантъ твой, но ты долженъ въ немъ видѣть довѣренную мою особу.

Потомъ всѣ вмѣстѣ пошли къ императрицѣ, и государь, входя къ ней съ веселымъ видомъ, сказалъ ей, держа Сафонова за руку:

— Я наконецъ нашелъ человѣка, котораго искалъ для Константина Павловича.

Императрица наговорила множество пріятныхъ вещей Сафонову.

Я былъ тогда у великаго князя, и каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ его высочество, идущаго вмѣстѣ съ Сафоновымъ, какъ съ равнымъ себѣ, и, обнявши его, великій князь сказалъ съ притворно веселымъ лицомъ:

— Прошу имѣть почтеніе и уваженіе къ Павлу Андреевичу; онъ хотя и имѣетъ званіе моего адъютанта, но онъ гораздо для меня болѣе сего званія.

Недолго Сафоновъ пользовался своимъ преимуществомъ; великій князь взялъ такую надъ нимъ поверхность, что онъ былъ изъ первыхъ его льстецовъ, и ни одного раза не смѣлъ доносить государю о поступкахъ его высочества.

По возвращеніи изъ Казани въ Петербургъ, императоръ назначилъ великаго князя Константина Павловича главнымъ начальникомъ надъ 1-мъ кадетскимъ корпусомъ, по тому примѣру, вѣроятно, что отецъ его величества, императоръ Петръ III, былъ директоромъ онаго въ царствованіе Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина поручала сей корпусъ всегда начальству генерала, имѣвшаго военную репутацію, каковы были: графъ Ангальтъ, графъ Дебальменъ и т. п. Послѣдній былъ въ ея царствованіе М. Л. Кутузовъ, котораго императоръ Павелъ назначилъ командиромъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, а на мѣсто его директоромъ кадетскаго корпуса—славнаго генерала, графа Ферзена, который разбилъ и взялъ въ плѣнъ Костюшко. Великій князь поручилъ мнѣ письменныя дѣла, какъ по кадетскому корпусу, такъ и по Измайловскому полку. Его высочество всякій день поутру въ 5-ть часовъ ѣздилъ въ корпусъ со мною; ему пріятно было видѣть, какъ по барабану нѣсколько сотъ дѣтей вставали и одѣвались. Между тѣмъ поступало ко мнѣ множество бумагъ отъ графа Ферзена по бывшимъ будто бы злоупотребленіямъ, допущеннымъ генераломъ Кутузовымъ, распродажею пустопорожнихъ мѣстъ, корпусу принадлежащихъ, и прочее. Я замѣтилъ, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда, отъ зависти, можетъ быть, въ военномъ ремеслѣ происходившая. Мнѣ хотѣлось, чтобы представленія графа Ферзена не сдѣлали вреда генералу Кутузову, ибо я зналъ строгость императора, и если бы сіи бумаги доведены были до свѣдѣнія его величества, то генералъ Кутузовъ непремѣнно бы пострадалъ. Я много разъ ѣздилъ къ графу Ферзену и старался его склонить къ нѣкоторому снисхожденію, но успѣть въ томъ не былъ въ состояніи. Наконецъ, выбравъ веселую минуту великаго князя, я объяснилъ все его высочеству. Онъ, меня поблагодаривъ, приказалъ мнѣ поѣхать къ графу Ферзену и сказать ему, что все, что было сдѣлано въ управленіе генерала Кутузова корпусомъ, происходило въ царствованіе его авгу-

стѣйшей бабки, и что его высочеству не угодно, чтобы генералъ, служившій ея величеству съ честію, получилъ какую либо непріятность; а потому приказываетъ его превосходительству, чтобы впредь никакихъ представленій на генерала Кутузова болѣе не дѣлать. Графу Ферзену это было очень непріятно. Въ первый разъ, какъ я встрѣтился во дворцѣ съ генераломъ Кутузовымъ, которому, вѣроятно, все было извѣстно, онъ меня чрезвычайно благодарилъ.

Первый кадетскій корпусъ былъ преобразованъ Бецкимъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. По штату положено быть 5-ти возростамъ, и въ каждомъ возростѣ по сту кадетъ, выпуски были черезъ 15-ть лѣтъ; впослѣдствіи сіе измѣнилось, и выпускали по успѣхамъ, но кадеты никуда отпускаемы не были во время нахожденія ихъ въ корпусѣ, и для того были казенныя лошади и кареты, въ которыхъ возили ихъ прогуливаться. Кадеты получали воспитаніе моральное и гимнастическое; для сего послѣдняго устроенъ былъ jeu de pommes, который и теперь существуетъ. Кадетъ учили вольтижировать, верхомъ ѣздить, фехтовать и танцовать. Императоръ Павелъ, желая увеличить число кадетъ, приказалъ составить новый штатъ и уничтожить всѣ гимнастическіе классы, даже и танцовальный; оставивъ фехтовальный и манежъ. Для составленія сего штата назначены были генералъ-маіоръ Андреевскій, служившій въ корпусѣ, экономъ онаго баронъ Апъ и я. Мы нашли способъ прибавить 226 кадетъ, итакъ число оныхъ было 726, а вмѣсто возростовъ кадеты были раздѣлены на роты; штатъ сей былъ конфирмованъ [1]).

Изъ загородныхъ дворцовъ, доставшихся послѣ императрицы Екатерины императору Павлу, онъ любилъ Петергофъ, Царскаго же Села терпѣть не могъ. Проведя весенніе мѣсяцы въ 1798-мъ году въ Павловскѣ, императоръ въ началѣ іюня со всѣмъ дворомъ переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ квартировалъ ея величества полкъ, онымъ командовалъ Михаилъ Алексѣевичъ Обресковъ. На время высочайшаго пребыванія въ Петергофѣ великій князь Константинъ Павловичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ, Обресковъ—комендантомъ, я—плацъ-маіоромъ, а Измайловскаго полка адъютантъ Черепановъ—плацъ-адъютантомъ. Время было прежаркое. Одинъ разъ императоръ, встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Nous sommes ici comme en Afrique [2]).

Тогда пріѣхали въ Петергофъ два брата императрицы Маріи Θеодоровны, герцоги Фердинандъ и Александръ. Императоръ ѣзжалъ всякое утро верхомъ съ герцогами и обоими великими князьями; я бывалъ всегда въ свитѣ. Скоро послѣ того начались гоненія на многихъ придворныхъ, а особливо на тѣхъ, къ коимъ императрица

---

[1]) Сіе было въ 1797-мъ году, и я 11-го августа, того же года, произведенъ былъ въ гвардіи капитаны.

[2]) Мы здѣсь точно въ Африкѣ.

Марія была милостива; въ числѣ ихъ былъ графъ Н. П. Румянцовъ, которому велѣно было ѣхать въ чужіе края; шталмейстеръ князь Голицынъ сосланъ былъ въ Москву; князь А. Б. Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроромъ, отставленъ, а на мѣсто его назначенъ Лопухинъ; генералъ-адъютантъ Нелидовъ, бывшій любимцемъ императора и имѣвшій военный портфель, отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ генералъ Ливенъ; графъ Буксгевденъ, тесть Нелидова, бывшій петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, отставленъ, и на мѣсто его назначенъ графъ Паленъ; Нелединскій, бывшій у принятія челобитенъ, отставленъ, и на мѣсто его опредѣленъ Неплюевъ [1]). Причиною сихъ гоненій и перемѣнъ полагали начинавшійся фаверъ Кутайсова, который былъ тогда боленъ жабою,—ему данъ былъ орденъ св. Анны 2-го класса, а говорили, что ему приложили красный пластырь на шею, чтобы скорѣе выздоровѣлъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и рождавшаяся страсть къ дочери Лопухина много способствовала такимъ дѣйствіямъ императора. Лопухинъ скоро потомъ выдалъ одну изъ своихъ дочерей за сына Кутайсова, и тѣмъ составилась партія, которая не могла быть въ духѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Должность великаго князя, какъ военнаго губернатора, обязывала его находиться при вечернемъ рапортѣ караульнаго офицера, подаваемомъ императору. Всякое воскресенье были въ Петергофѣ балы, на которые приглашались иногда иностранные министры. Въ одно воскресенье, послѣ такого бала, который продолжался довольно долго, когда вся императорская фамилія вошла во внутреннія комнаты, императоръ со всѣми распрощался, въ томъ числѣ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Его высочество, возвратясь къ себѣ, сказалъ мнѣ:

— Государь меня отпустилъ, прикажи подать мнѣ кабріоль; я поѣду погулять въ Нижній садъ.

Черезъ полчаса послѣ отъѣзда великаго князя приходитъ графъ Ливенъ и спрашиваетъ у меня, гдѣ его высочество, говоря при томъ, что государь дожидаетъ его, чтобы принять рапортъ отъ караульнаго офицера. Я ему отвѣчалъ, что великій князь поѣхалъ въ садъ, и его высочество считаетъ, что государь его отпустилъ; но я тотчасъ пошлю отыскать великаго князя. Не прошло получаса, какъ графъ Ливенъ опять приходитъ и говоритъ мнѣ:

— Скажите его высочеству, что государь на него гнѣвается, что онъ не знаетъ своей должности.

Лишь только графъ Ливенъ ушелъ, какъ посланный мой отыскалъ великаго князя, и онъ прискакалъ домой. Торопливо спрашиваетъ меня:

---

[1]) Сіе гоненіе распространялось и на особъ, къ которымъ былъ милостивъ наслѣдникъ; князь А. Н. Голицынъ, находившійся при его высочествѣ камергеромъ, былъ отставленъ и высланъ въ Москву.

— Ну, что сдѣлалось?

Я ему пересказалъ все, что случилось въ его отсутствіе; его высочество чрезвычайно огорчился и послалъ меня узнать отъ караульнаго офицера, какъ это происходило. Караульный офицеръ мнѣ сказалъ, что государь долго не принималъ его съ рапортомъ, ожидая все великаго князя, наконецъ приказалъ ему войти и принялъ рапортъ. На другой день, рано по утру, великій князь прислалъ за мной. Я нашелъ его весьма встревоженнымъ.

— Я не могъ во всю ночь почти уснуть,—сказалъ мнѣ его высочество.

Онъ тотчасъ рѣшился написать письмо къ государю, но оно возвращено было нераспечатаннымъ; послѣ того приходитъ Обресковъ и говоритъ его высочеству:

— Государь знаетъ, что ваше высочество сегодня нездоровы, а потому приказалъ мнѣ подать рапортъ при разводѣ,—который великій князь принужденъ былъ ему отдать.

Это довершило отчаяніе его высочества. Чтобы больше еще привести его въ затруднительное положеніе, императрица присылаетъ къ нему записку, въ которой приглашаетъ его съ собой прогуливаться въ колясочкѣ. Я не знаю, что онъ отвѣчалъ на записку императрицы. Ходя долго по комнатѣ взадъ и впередъ, наконецъ онъ бросился ко мнѣ на шею и сказалъ:

— Мнѣ пришла мысль, исполни ее: поди сейчасъ къ И. П. Кутайсову, скажи ему все, что со мной случилось, скажи, въ какомъ я отчаяніи, и чтобы онъ испросилъ у государя одну милость, чтобы меня выслушать.

Кутайсовъ былъ боленъ и жилъ подъ самымъ государевымъ кабинетомъ, что у гауптвахты; лишь только я къ нему вошелъ, какъ онъ мнѣ говоритъ:

— Вы вѣрно пришли отъ великаго князя Константина Павловича? Я все знаю. Государь у меня былъ и все пересказалъ; не стыдно ли великому князю не исполнять своей обязанности, и тѣмъ приводить въ гнѣвъ своего отца и государя?

Такая встрѣча меня удивила. Я ему на сіе сказалъ:

— Если бы его высочество былъ виноватъ, онъ не сталъ бы себя оправдывать, а великій князь прислалъ меня просить васъ, чтобы вы испросили у государя одну только милость, чтобы его выслушать.

— Хорошо, сударь,—отвѣчалъ Кутайсовъ,—я исполню волю его высочества.

Я пожалѣлъ великаго князя и не передалъ ему всего разговора, а сказалъ только, что И. П. обѣщалъ исполнить его волю. Черезъ нѣсколько минутъ опять великій князь послалъ меня къ Кутайсову; лишь только я поровнялся съ гауптвахтой, какъ государь вы-

ходитъ отъ Кутайсова, увидя меня, прямо идетъ ко мнѣ на встрѣчу и, вертя своею тростью, грозно мнѣ сказалъ:

— А! ты посломъ ходишь.

Я тотчасъ сталъ на колѣни и говорю ему:

— Государь, великій князь передъ вами не виноватъ.

Его такъ это удивило, что онъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Встань, встань,—какъ невиноватъ? Надѣнь шляпу.

И, взявъ меня подъ руку, пошелъ со мной по аллеѣ Верхняго сада. Я объяснилъ государю, какъ великому князю показалось, что онъ его отпустилъ, и увѣрялъ въ привязанности великаго князя къ его величеству не только какъ къ отцу, но какъ къ государю; и что онъ вѣрнѣйшаго подданнаго, какъ великій князь, у себя не имѣетъ; что гнѣвъ государя довелъ его высочество до отчаянія.

— Какъ, онъ точно огорченъ?—прервалъ государь.

— Онъ такъ огорченъ,—продолжалъ я,—что если сіе состояніе продолжится, то онъ, я увѣренъ, сдѣлается больнымъ.

Тогда государь началъ мнѣ разсказывать, какъ всѣ противъ него, т.-е. императрица и наслѣдникъ; что онъ окруженъ шпіонами; въ сію минуту прошелъ вдали парикмахерскій ученикъ, государь, показывая на него, сказалъ мнѣ: «ты видишь этого мальчишку; я не увѣренъ, чтобы и ему не велѣно тоже за мной присматривать»; что его величество полагался на привязанность одного только Константина Павловича, но наканунѣ сдѣланный имъ поступокъ заставилъ государя думать, что и онъ передался противной партіи. Наконецъ императоръ присовокупилъ:

— Ну, если я его прощу, что онъ этому обрадуется?

Я отвѣчалъ ему: его высочество будетъ безъ памяти отъ радости, государь!

Тутъ онъ, принявъ веселый видъ, сказалъ изъ итальянской оперы:

— Dite lo voi per me [1]), что я его прощаю, чтобы онъ послалъ взять рапортъ у Обрескова и подалъ бы мнѣ оный при разводѣ, подошелъ бы, какъ обыкновенно, не показывая ни малѣйшей радости, чтобы никто не догадался о томъ, что между нами происходило,—и приказалъ мнѣ идти.

Великій князь ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ и не могъ понять, отчего я долго такъ не возвращался. Когда я ему разсказалъ, что со мной случилось, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, но видя, что я ему говорю именемъ государя, какъ ему поступать должно во время развода, тутъ онъ бросился ко мнѣ на шею и началъ меня цѣловать, и такъ крѣпко меня обнималъ, что я думалъ, что онъ меня задушитъ. Когда великій князь съ рапортомъ подошелъ къ государю, его величество ему сказалъ:

---

[1]) Скажите ему за меня.

— Ты имѣешь прекраснаго посланника.

Съ тѣхъ поръ государь всякій день что нибудь пріятное мнѣ говорилъ. Я выше сказалъ, что это лѣто было прежаркое. Наслѣдникъ, великій князь Константинъ Павловичъ, двое князей Чарторыйскихъ, изъ коихъ одинъ былъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, а другой при Константинѣ Павловичѣ, графъ П. А. Строгоновъ, князь Волконскій—адъютантъ наслѣдника, и я всякій день ходили купаться въ петергофскую купальню, и великій князь Александръ Павловичъ училъ меня плавать. Одинъ разъ до того расшалились, что у гавани стоялъ превысокій столбъ, на которомъ утвержденъ фонарь для мореплавателей, и преузенькая лѣстница вела къ фонарю, всякій долженъ былъ туда взлѣзть, чтобы показать, что не трусъ, а столбъ былъ такъ ветхъ, что когда влѣзаешь, то онъ весь шатался. Все это лѣто много дѣлали рѣзвостей подобнаго рода.

Осенью того же года назначены были манервы въ Гатчинѣ; войска раздѣлены были на двѣ арміи: одною командовалъ графъ Паленъ, а другою Кутузовъ. Великій князь Константинъ Павловичъ опять назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Гатчинѣ; генералъ-маіоръ Чертковъ, командиръ Преображенскаго полка,—комендантомъ; того же полка полковникъ Цызеревъ—плацъ-маіоромъ, а я разжалованъ былъ въ плацъ-адъютанты. Въ Гатчинѣ жизнь была довольно пріятная: по утру маневры, а ввечеру, всякій день, французскій спектакль на придворномъ театрѣ. Я особливо находилъ удовольствіе въ гатчинской жизни, потому что у обоихъ великихъ князей была общая передняя, и я всякій день имѣлъ счастіе видѣть наслѣдника и говорить съ нимъ. Великій князь Константинъ Павловичъ обходился со мной тоже весьма милостиво. Въ Гатчинѣ 18-го сентября я произведенъ въ полковники. Когда войска возвращались въ Петербургъ, на первомъ привалѣ у Пудоской мельницы, 28-го сентября, государь пожаловалъ меня кавалеромъ Аннинскаго ордена на шпагѣ, который былъ тогда третьяго класса. При императрицѣ Екатеринѣ два ордена, т.-е. Андреевскій и Александровскій, имѣли свои орденскія платья: перваго—была мантія зеленаго бархата съ глазетовымъ серебрянымъ воротникомъ, камзолъ и нижнее платье изъ такого же глазета и цѣпь сего ордена надѣвалась на шею, круглая шляпа чернаго бархата съ бѣлыми вокругъ тульи перьями; втораго платье отличалось только тѣмъ, что мантія была краснаго бархата. Императрица въ сіи праздники обѣдала съ кавалерами сихъ орденовъ. Императоръ Павелъ, сверхъ того, учредилъ еще три кавалерскіе праздника: 1-й св. Іоанна Іерусалимскаго 24-го іюня, 2-й ордена св. Анны 3-го февраля и 3-й праздникъ всѣхъ орденовъ въ день св. Михаила, 8-го ноября. Аннинскій орденъ имѣлъ платья по классамъ, которыхъ тогда было

три: 1-й лента черезъ плечо со звѣздою, 2-й крестъ на шеѣ, а 3-й на шпагѣ; платье вообще было: мантія пунцоваго бархата съ золотымъ глазетовымъ воротникомъ, шляпа круглая изъ такого же бархата, на одно поле поднято,—сверхъ котораго приколоты были пунцовыя перья. 1-й классъ имѣлъ мантію до каблука и на шляпѣ три пера, 2-й мантію до половины икры и на шляпѣ два пера; а 3-й мантію до колѣна и на шляпѣ одно перо. Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго платье состояло: изъ сюперъ-веста чернаго бархата съ большимъ мальтійскимъ крестомъ спереди и сзади. Ордена св. Георгія и св. Владиміра императоромъ Павломъ были уничтожены, какъ учрежденные, вѣроятно, его матерью. Въ кавалерскіе праздничные дни императоръ всегда самъ бывалъ въ процессіи, которая собиралась въ зеркальной комнатѣ, а кавалеры шли по два въ рядъ,—младшіе впереди,—въ большую придворную церковь и обратно. Его величество всегда былъ въ церемоніи въ императорской коронѣ и въ далматикѣ.

IV.

Зима 1798—1799 г.—Война съ Франціей.—Суворовъ вызывается въ Петербургъ.—Великій князь Константинъ Павловичъ отправляется въ дѣйствующую армію.—Визитъ Людовику XVIII въ Митавѣ.—Поступокъ Винценгероде.—Пребываніе въ Вѣнѣ.—Толки о Суворовѣ.—Графъ Безбородко.—Прибытіе въ армію.—Вассиньяно и его послѣдствія.—Военныя дѣйствія въ Италіи.—Швейцарскій походъ.—Встрѣча съ герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ.—Винценгероде.—Бесѣда съ Суворовымъ.—Эстергази въ Аугсбургѣ.—Возвращеніе въ Россію черезъ Прагу.—Чинъ генералъ-маіора.—Быстрыя повышенія и производства.—Пріѣздъ въ Петербургъ и представленіе государю.—Немилость государя къ Конногвардейскому полку.—Полкъ переведенъ въ Царское Село и порученъ великому князю Константину Павловичу.—Формированіе Уваровымъ Кавалергардскаго полка.—Комаровскій и Сафоновъ переводятся въ армію.—Аудіенція у наслѣдника.—Хлопоты у Обольянинова.—Назначеніе комендантомъ Каменецъ-Подольской крѣпости.—Милость наслѣдника.—Отъѣздъ изъ Петербурга.

Я эту зиму былъ въ большой милости у великаго князя Константина Павловича и пользовался совершенною довѣренностію его высочества. Всякій день обѣдалъ за столомъ съ нимъ и съ великою княгинею. Между тѣмъ загорѣлась опять война у австрійцевъ съ французами, и на сей разъ Россія намѣрена была принять дѣятельное въ оной участіе. Императоръ Францъ, не находя, видно, между своими полководцами достойнаго противостоять французскимъ предводителямъ арміи, обратился съ просьбою къ союзнику своему, императору Павлу 1-му, дать ему въ главнокомандующіе его арміею, никогда не побѣжденнаго фельдмаршала, графа Суворова-Рымникскаго, жившаго тогда подъ присмотромъ капитана-исправника въ

Новгородской своей деревнѣ [1]). Императоръ Павелъ изъявилъ свое согласіе на просьбу Франца II-го. Посланъ былъ курьеръ за графомъ Суворовымъ, и фельдмаршалъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ принятъ былъ публикою съ восторгомъ. Во второмъ свиданіи императоръ, какъ уже гроссмейстеръ, надѣлъ на графа Суворова крестъ великаго бальи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Фельдмаршалъ поклонился объ руку государю и сказалъ:

«Спаси, Господи, царя».

Императоръ Павелъ, поднявъ его, обнялъ и отвѣчалъ:

«Тебѣ царей спасать».

Чтобы придать болѣе важности сей кампаніи и удовлетворить желанію великаго князя Константина Павловича, государю угодно было позволить его высочеству находиться волонтеромъ при графѣ Суворовѣ. Для сопровожденія великаго князя въ пути и для нахожденія въ арміи при его особѣ, назначенъ былъ изъ лучшихъ генераловъ Екатеринина вѣка генералъ-отъ-кавалеріи графъ Дерфельденъ. Между тѣмъ собирались три Россійскія арміи на границѣ: 1-я подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Нумсена, долженствующая идти въ Италію, 2-я—подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Корсакова на Рейнъ и 3-я подъ командою генералъ-лейтенанта Германа въ Голландію. Генералъ Нумсенъ скоро умеръ, и начальство принялъ старшій по немъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ. Графъ Суворовъ, пробывъ въ Петербургѣ съ недѣлю, отправился въ Вѣну.

Великій князь Константинъ Павловичъ изволилъ выѣхать изъ Петербурга въ началѣ марта 1799 года [2]). Въ свитѣ его высочества находились: генералъ графъ Дерфельденъ, генералъ-маіоръ Сафоновъ, великаго князя адъютанты, полковники: я и Лангъ, Измайловскаго полка поручикъ Озеровъ, и адъютанты графа Дерфельдена, кадетскаго корпуса поручикъ Перскій, двора его высочества докторъ Вельцинъ и лейбъ-хирургъ Линдстремъ, два пажа: Храповицкій, князь Гагаринъ и берейторъ Штраубе. Въ каретѣ съ великимъ княземъ сидѣли графъ Дерфельденъ, Сафоновъ и я. Сафонову поручена была экономическая часть, а я занимался всегда письменною. Императоръ Павелъ оказывалъ тогда большое покровительство французскимъ принцамъ. Когда принцъ Конде былъ въ Петербургѣ, его величество пожаловалъ ему домъ у Синяго моста, бывшій графа Чернышева, и на коемъ написано было: Hôtel Condé. Королю Лю-

---

[1]) Все преступленіе графа Суворова было, какъ говорили, въ томъ, что когда императоръ Павелъ спросилъ его мнѣнія насчетъ введеннаго его величествомъ новаго одѣянія войскъ, которыя имѣли прежде остриженные волосы въ кружокъ, а по новому положенію должны были имѣть косы и пукли, то Суворовъ будто отвѣчалъ между прочимъ: пукли не пушка, а коса не штыкъ.

[2]) Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ угодно было поручить мнѣ привезти для ея величества изъ Италіи разныхъ шелковъ и пармазанскаго сыру, до котораго императрица была охотница. Я обѣ сіи коммиссіи исполнилъ въ точности.

довику XVIII государь далъ убѣжище въ Митавѣ, гдѣ находится дворецъ бывшихъ герцоговъ курляндскихъ. Сей дворецъ назначенъ былъ для жительства короля. Въ проѣздъ черезъ Митаву великій князь послалъ меня навѣдаться о здоровьи Людовика XVIII и просить позволенія его навѣстить. Король мнѣ сказалъ, что онъ будетъ счастливъ увидѣть сына своего благодѣтеля. Его высочество приказалъ и намъ всѣмъ идти къ королю. Его величество встрѣтилъ великаго князя въ первой комнатѣ, въ коей въ два ряда стояли его gardes du corps. Ихъ оставалось еще нѣсколько человѣкъ. Дворъ короля былъ тогда довольно многочисленъ. Людовикъ XVIII взялъ великаго князя за руку, привелъ въ гостиную, куда и мы вошли, и, показавъ его высочеству портретъ императора Павла, который висѣлъ надъ канапе, сказалъ:

— Вотъ мой благодѣтель.

Потомъ великій князь представилъ насъ королю. Его величество пригласилъ его высочество, и со всѣми нами, къ обѣденному своему столу. Насъ сидѣло за столомъ особъ пятьдесятъ. Первый камеръ-юнкеръ короля былъ герцогъ Дюрасъ. Я видѣлъ тутъ много другихъ особъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ французскимъ фамиліямъ. На самой австрійской границѣ ожидалъ уже его высочество, присланный для встрѣчи и для сопровожденія великаго князя до Вѣны, отъ императора Франца II-го, князь Эстергази, сынъ и наслѣдникъ того, который былъ посломъ при коронаціи въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Во время путешествія его высочества черезъ владѣнія императора Римскаго отдаваемы были великому князю всѣ возможныя военныя почести. Не доѣзжая до Вѣны, на послѣднюю станцію, выѣхалъ на встрѣчу дядя его высочества герцогъ Фердинандъ Виртембергскій, бывшій тогда военнымъ губернаторомъ вѣнскимъ.

Я долженъ теперь обратиться нѣсколько назадъ. Лѣтомъ 1798 года, пріѣхалъ съ письмомъ къ великому князю Константину Павловичу отъ герцогини Кобургской, матери великой княгини Анны Өеодоровны, находившійся въ службѣ герцога Кобургскаго, подполковникъ баронъ Винценгероде, который по просьбѣ его высочества великаго князя Константина Павловича былъ принятъ въ нашу службу маіорскимъ чиномъ и назначенъ адъютантомъ къ великому князю. Когда начались слухи о войнѣ у австрійцевъ съ французами и еще неизвѣстно было, что Россія будетъ въ оной участвовать, Винценгероде просился служить волонтеромъ въ австрійской арміи, но императоръ Павелъ ему отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его величеству неугодно, чтобы служащіе въ его войскахъ чиновники находились волонтерами въ чужихъ арміяхъ; а какъ иностранца, вѣроятно, неугодно было назначить Винценгероде быть при великомъ князѣ во время кампаніи. Онъ, однако же, упросилъ наслѣдника написать письмо къ герцогу Фердинанду Виртембергскому, что

такъ какъ Винценгероде началъ свою службу въ австрійской арміи, то чтобы герцогъ исходатайствовалъ у императора Франца принять опять его въ свою службу, а онъ, подъ предлогомъ фамильныхъ дѣлъ, отпросится въ отпускъ за границу. Когда великій князь Константинъ Павловичъ сѣлъ въ карету Фердинанда, чтобы вмѣстѣ доѣхать до Вѣны, герцогъ просилъ позволенія у его высочества прочитать письмо наслѣдника, врученное ему великимъ княземъ, говоря, что, вѣроятно, великій князь Александръ Павловичъ не пишетъ къ нему никакихъ секретовъ; каково же было удивленіе обоихъ, когда они увидѣли, что Винценгероде все это дѣлалъ скрытно отъ великаго князя Константина Павловича, у котораго онъ былъ адъютантомъ; а, сверхъ того, наслѣдникъ проситъ герцога, чтобы братъ его, Константинъ Павловичъ, ничего о семъ не зналъ. Сей поступокъ Винценгероде очень прогнѣвалъ его высочество, равно и соучастіе въ немъ наслѣдника его огорчило. Я все это слышалъ отъ самого великаго князя.

Мы пріѣхали прямо въ Бургъ: такъ называютъ въ Вѣнѣ императорскій дворецъ. Великій князь переодѣлся и пошелъ къ императору. Для всей свиты его высочества отведены были во дворцѣ комнаты, назначена прислуга, экипажъ и верховыя лошади. На другой день великій князь представилъ всѣхъ насъ императору. Мы всякій день приглашаемы были къ гофмаршальскому столу, а его высочество обѣдалъ съ императоромъ. Мы вообще мало приглашаемы были вѣнскими вельможами; только одинъ посолъ нашъ графъ Андр. Кир. Разумовскій старался угощать великаго князя и всю его свиту. Онъ давалъ большіе обѣды, завтраки и нѣсколько баловъ въ домѣ своемъ въ Пратерѣ, который тогда еще не былъ такъ великолѣпенъ, какъ теперь.

Между тѣмъ, лишь только графъ Суворовъ пріѣхалъ къ арміи, какъ начались побѣды; всякій день бюллетень объявлялъ о какомъ нибудь выигранномъ сраженіи, такъ что графъ Дерфельденъ, спустя нѣсколько дней, сказалъ мнѣ:

— Надобно просить великаго князя ѣхать скорѣе къ арміи, а то мы ничего не застанемъ; я знаю Суворова, теперь уже онъ не остановится.

Въ Вѣнѣ только и разговоровъ было тогда, что о славномъ нашемъ полководцѣ. Когда онъ выѣзжалъ изъ своей квартиры, весь народъ бѣжалъ за нимъ и кричалъ: виватъ Суворовъ! и провожалъ его до того мѣста, гдѣ онъ останавливался. Выходя изъ кареты, фельдмаршалъ обращался къ народу и кричалъ: виватъ Францъ! Сказывали, что одинъ разъ онъ былъ приглашенъ въ оберъ-кригсъ-ратъ, и просили графа Суворова привезти съ собой планъ кампаніи. Фельдмаршалъ пріѣзжаетъ, садится на назначенное ему мѣсто. Начались между тѣмъ разныя сужденія; потомъ графъ Тугутъ, первый того времени министръ, обращается къ графу Суворову и говоритъ:

— Вы, господинъ фельдмаршалъ, изволили, вѣроятно, уже сдѣлать и привезти съ собой вашъ планъ кампаніи?

Графъ Суворовъ встаетъ съ своего мѣста, вынимаетъ изъ-подъ мундира большой листъ бумаги, развертываетъ и кладетъ на столъ; всѣ увидѣли съ удивленіемъ, что это былъ листъ бѣлой бумаги, и потомъ сказалъ присутствующимъ:

— Я другихъ плановъ кампаніи никогда не дѣлалъ,—поклонился всѣмъ и уѣхалъ.

Наконецъ, назначенъ былъ день нашего отъѣзда изъ Вѣны къ арміи. За нѣсколько дней предъ выѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, великій князь послалъ меня, по волѣ императора, спросить у графа Безбородко, кому и какіе должно будетъ дѣлать подарки при вѣнскомъ дворѣ. Я не могу не отдать и при семъ случаѣ полную справедливость необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать, какъ будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ вельможъ вѣнскихъ, кто изъ нихъ чѣмъ прославился, кто и въ какое время наиболѣе оказалъ услуги двору нашему, такъ что я около часу слушалъ его съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ, и познакомилъ меня почти со всѣми вельможами, которыхъ я увижу въ Вѣнѣ. Потомъ онъ сѣлъ и написалъ своей рукой списокъ всѣмъ, которымъ должно дать подарки, и какіе именно.

— Табакерку съ портретомъ его высочества, осыпанную брильянтами, назначивъ въ какую цѣну,—сказалъ онъ,—должно подарить тому, кто посланъ будетъ на встрѣчу великаго князя. Вѣроятно, это будетъ или князь Эстергази, или князь Лихтенштейнъ, ибо сіи тутъ двѣ знатнѣйшія фамиліи въ Австріи.

Графъ, конечно, и о прочихъ дворахъ имѣлъ такія же свѣдѣнія. Когда я получилъ приказаніе отъ великаго князя дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать списокъ, данный мнѣ графомъ Безбородкою, послу нашему графу Разумовскому. Онъ, прочитавъ его, сказалъ:

— Графъ Безбородко совершенный геній; онъ лучше это знаетъ, никогда не выѣзжавши изъ Россіи, нежели я, который слишкомъ 15-ть лѣтъ живу здѣсь.

Князю Эстергази приказано было отъ императора сопровождать великаго князя до главной квартиры фельдмаршала. Его высочеству угодно было возложить на меня вести журналъ пребыванія его въ арміи, въ которомъ описаны всѣ баталіи, военныя движенія и дѣйствія, при коихъ великій князь находился. Сей журналъ помѣщенъ былъ отрывками въ военномъ журналѣ, издаваемомъ свиты его величества капитаномъ Рахмановымъ, и у меня оный находится въ спискѣ; а потому и упоминать здѣсь о происшествіяхъ сей достопамятной кампаніи, которая, впрочемъ, извѣстна всему ученому свѣту изъ сочиненій разныхъ классическихъ авто-

ровъ, я нахожу излишнимъ, а ограничусь только изложеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не относящихся собственно до военныхъ дѣйствій. По пріѣздѣ въ армію, мы нашли фельдмаршала въ Вогерѣ; это было поздно вечеромъ. Лишь только онъ узналъ, что великій князь къ нему пришелъ, графъ Суворовъ выскочилъ изъ другой комнаты, подошелъ къ его высочеству, поклонился ему объ руку и сказалъ:

— Сынъ природнаго нашего государя.

Фельдмаршалъ былъ одѣтъ въ короткомъ бѣломъ кителѣ; на головѣ имѣлъ родъ каски, на которой былъ вензель F II, на шеѣ Мальтійскій крестъ великаго бальи, на широкой черной лентѣ, а глазъ завязанъ чернымъ платкомъ; онъ не снялъ, вѣроятно, каски потому, что она придерживала перевязку. Его высочество обнялъ фельдмаршала, поцѣловалъ и спросилъ:

— Что это у васъ, графъ Александръ Васильевичъ, глазъ завязанъ?

— Ахъ, ваше высочество,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—вчерашній день проклятые немогузнайки меня опрокинули въ ровъ, и чуть косточекъ моихъ всѣхъ вдребезги не разбили [1].—Потомъ, подходя къ графу Дерфельдену, сказалъ: не вижу.

Великій князь ему назвалъ генерала.

— Старинный пріятель и сослуживецъ, Вильгельмъ Христофоровичъ!—сказалъ фельдмаршалъ, перекрестясь поцѣловалъ крестъ, который находится въ Андреевской звѣздѣ;—намъ должно,—продолжалъ онъ,—его высочество, сына природнаго нашего государя, и опять поклонился объ руку,—беречь болѣе, нежели глаза свои: у насъ ихъ два, а великій князь у насъ здѣсь одинъ.

Его высочество подвелъ ему и всѣхъ насъ. Графъ Суворовъ между прочимъ сказалъ великому князю:

— Ваше высочество, говорятъ, что будто трудно служить двумъ государямъ, а мы служимъ же трехъ-ипостасной троицѣ.

На другой день фельдмаршалъ пришелъ къ великому князю въ полномъ фельдмаршальскомъ австрійскомъ мундирѣ, ибо онъ принятъ былъ симъ чиномъ въ австрійскую службу, и долго находился въ кабинетѣ его высочества. Вышедъ оттуда, великій князь назвалъ ему князя Эстергази, который былъ одѣтъ въ богатѣйшемъ своемъ венгерской гвардіи мундирѣ, которою онъ тогда командовалъ. Графъ Суворовъ сказалъ ему понѣмецки:

— Прошу васъ донести императору, что я войсками его величества очень доволенъ; они дерутся почти такъ же хорошо, какъ и русскіе.

---

[1]) Казаки взяли въ реквизицію гдѣ-то одну небольшую синяго цвѣта карету. Графъ Суворовъ ее увидѣлъ и приказалъ купить: въ этой каретѣ онъ всегда ѣздилъ запряженною парою лошадей, которыхъ брали изъ ближнихъ деревень, и съ кучеромъ изъ мужиковъ, а кривой его поваръ стоялъ всегда лакеемъ на запяткахъ.

Сіе послѣднее, казалось, было не очень пріятно слышать надменному князю Эстергази. Въ тотъ же самый день великій князь отправился къ корпусу россійскихъ войскъ, по совѣту фельдмаршала, а князь Эстергази—въ Вѣну. Послѣ неудачнаго сраженія 1-го мая подъ Бассиньяно, великій князь послалъ меня къ фельдмаршалу, ибо онъ требовалъ, чтобы его высочество самъ и войска, бывшія въ сраженіи, пришли въ его главную квартиру. Его высочество отговорился тѣмъ, что находится при войскахъ, и съ ними прибудетъ. Графъ Суворовъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ съ грознымъ видомъ:

— Я сейчасъ велю васъ и всѣхъ вашихъ товарищей сковать и пошлю къ императору Павлу съ фельдъегеремъ; какъ вы смѣли допустить великаго князя подвергать себя такой опасности? Если бы его высочество,—чего Боже сохрани,—взятъ былъ въ плѣнъ, какой бы стыдъ былъ для всей арміи, для всей Россіи, какой ударъ для августѣйшаго его родителя, и какое торжество для республиканцевъ; тогда принуждены бы мы были заключить самый постыдный миръ, словомъ такой, какой бы предписали намъ наши непріятели[1]).

Во все это время онъ ходилъ по комнатѣ, а я молчалъ.

Потомъ спросилъ онъ у меня: какъ великъ конвой изъ казаковъ при его высочествѣ?

Я отвѣчалъ: 20 человѣкъ при одномъ оберъ-офицерѣ.

Фельдмаршалъ, уже нѣсколько успокоясь, продолжалъ: мало!

Тотчасъ позвалъ адъютанта и приказалъ изъ своего конвоя отрядить сто казаковъ, при самомъ исправномъ штабъ-офицерѣ, и внушить имъ, что они должны быть тѣлохранителями сына ихъ императора. Потомъ графъ Суворовъ меня отпустилъ и приказалъ съ симъ конвоемъ отправиться къ великому князю. Я передалъ его высочеству весь разговоръ фельдмаршала.

— Такъ онъ очень сердитъ?— сказалъ великій князь и задумался.

На другой день войска выступили, и великій князь поѣхалъ въ главную квартиру. Едва его высочество вошелъ къ графу Суворову, какъ онъ встрѣтилъ его въ передней, просилъ войти въ свою комнату, гдѣ они заперлись. Бесѣда продолжалась очень долго, и великій князь вышелъ изъ оной очень красенъ. Фельдмаршалъ хотѣлъ было отдать приказъ по арміи и отнести всю неудачу сраженія 1-го мая къ неопытности и лишней запальчивости юности, но тогда бы всѣ узнали, что сіе относится до великаго князя. Дѣйствительно, его высочество весьма погорячился. Когда открытъ былъ непріятель на высотахъ противолежащаго берега подъ крѣпостьюВаленцою, и когда нѣсколько баталіоновъ нашихъ перепра-

[1]) Извѣстно, что, когда графъ Суворовъ находился съ кѣмъ либо наединѣ, то онъ говорилъ съ большимъ краснорѣчіемъ и умомъ.

вились черезъ рѣку По на островъ, съ котораго можно было перейти въ бродъ на другой берегъ, то великій князь сказалъ генералу Розенбергу:

— Нечего мѣшкать, ваше превосходительство, прикажите людямъ идти впередъ.

Генералъ отвѣчалъ его высочеству: мы слишкомъ еще слабы; не дождаться ли намъ подкрѣпленія?

Великій князь возразилъ: я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить въ Крыму; тамъ было покойнѣе и непріятеля въ глаза не видали [1]).

Генералъ Розенбергъ, оскорбленный до глубины сердца такимъ упрекомъ, отвѣчалъ: я докажу, что я не трусъ,—вынулъ шпагу, закричалъ солдатамъ: за мной! и самъ пошелъ первый въ бродъ. Сія поспѣшность имѣла самыя дурныя послѣдствія [2]). Генералъ Розенбергъ во всю кампанію служилъ съ отличною храбростью.

Послѣ сего несчастнаго сраженія мы были свидѣтелями только однѣхъ побѣдъ въ прекраснѣйшей странѣ всей Европы, а такъ какъ военныя дѣйствія происходили въ сѣверной части Италіи, то и отъ жаровъ мы вовсе не страдали. Во всемъ мы находили изобиліе, великое множество всякаго рода фруктовъ, а, сверхъ того, за нами слѣдовала повсюду очень изрядная труппа актеровъ, между которыми были отличные прыгуны; лишь только останавливались въ какомъ нибудь городкѣ, ибо во всякомъ изъ нихъ есть театръ, мы ходили провести наши вечера въ итальянскую оперу. Словомъ, вся почти эта кампанія не что иное была, какъ самая пріятная прогулка, и въ самомъ дѣлѣ мы пріѣхали въ Верону въ концѣ апрѣля, а 6-го августа была славная баталія при городѣ Нови, на границѣ Генуэзской республики. Итакъ, съ небольшимъ въ три мѣсяца, мы прошли и очистили отъ непріятеля всѣ владѣнія Венеціанской республики, всю Ломбардію и весь Піемонтъ. Въ теченіе сего времени армія возвращалась отъ Турина назадъ до Піяченцы, гдѣ три дня продолжалась знаменитая баталія, на трехъ рѣкахъ: Тидонѣ, Требіи и Нурѣ, и опять пришли къ Турину.

Походъ черезъ Альпійскія горы не представлялъ намъ ника-

---

[1]) Генералъ Розенбергъ точно нѣсколько лѣтъ командовалъ въ Крыму войсками и оттуда назначенъ былъ въ итальянскую армію.

[2]) По пріѣздѣ въ Вѣну, его высочество приказалъ берейтору своему Штраубе купить для своего сѣдла лошадей, и всякій изъ насъ далъ ему такую же комиссію. Хотя Штраубе и накупилъ всѣхъ нужныхъ лошадей для великаго князя и для его свиты, но онѣ не могли поспѣть къ дѣлу 1-го мая. Генералъ графъ Милорадовичъ, великолѣпный во всѣхъ его дѣяніяхъ, по прибытіи его высочества къ корпусу генерала Розенберга, въ которомъ Милорадовичъ служилъ, подвелъ къ великому князю прекрасную англійскую лошадь; Сафонова и меня, какъ бывшихъ съ нимъ ополчанъ, ссудилъ тоже англійскими лошадьми; изъ сихъ лошадей, въ дѣлѣ при Бассиньяно, одна только лошадь его высочества уцѣлѣла, а Сафонова и моя пропали.

кихъ выгодъ, ни такого изобилія въ продовольствіи, какъ Италія. Напротивъ того, въ осеннее время, съ безпрестанными дождями, а часто и снѣгомъ, безъ бараковъ, которыхъ не изъ чего было сдѣлать, армія находилась подъ открытымъ небомъ и питалась однимъ сыромъ и картофелемъ, отъ чего сдѣлались болѣзни. Пріятно, однако же, было видѣть, съ какимъ радушіемъ встрѣчали насъ добрые швейцарцы: они выносили на встрѣчу нашимъ солдатамъ вино, хлѣбъ, сыръ и фрукты. Когда мы перешли черезъ Сентъ-Готардъ, великій князь послалъ меня поздравить фельдмаршала съ совершеніемъ столь многотруднаго и знаменитаго похода, и что имя его пріобрѣло тѣмъ незабвенную славу въ исторіи. Графъ Суворовъ принялъ сіе поздравленіе со всеподданническою признательностію, какъ отъ сына природнаго своего государя,—это были его слова. При семъ я отъ себя прибавилъ ему комплиментъ, но фельдмаршалъ мнѣ отвѣчалъ:

— А Ганнибалъ?—онъ первый то же сдѣлалъ.

Когда уже окончилась наша Швейцарская экспедиція, и армія слѣдовала на свои кантониръ—квартиры въ Аугсбургъ, великій князь, находясь всегда при ней, въ одномъ небольшомъ городкѣ, на берегу Рейна, нашелъ дядю своего герцога Александра Виртембергскаго, который служилъ тогда въ австрійской арміи генераломъ и командовалъ отрядомъ арміи эрцъ-герцога Карла. Герцогъ былъ очень радъ увидѣться съ его высочествомъ; всѣхъ насъ принялъ очень ласково и угостилъ обѣдомъ. Во время ретирады австрійской арміи герцогъ долженъ былъ защищать одинъ мостъ; къ нему присланъ былъ отъ корпуса генерала Корсакова генералъ-маіоръ Титовъ съ нѣсколькими баталіонами въ подкрѣпленіе; герцогъ съ великою похвалою отзывался о личной генералъ-маіора Титова храбрости и бывшихъ подъ его командою войскъ. Я, почти въ это же время, получилъ письмо отъ Винценгероде, въ которомъ онъ съ какою-то боязливостію рѣшается о себѣ мнѣ напомнить, какъ о бывшемъ моемъ сотоварищѣ, и проситъ меня повергнуть его, какъ онъ пишетъ въ своемъ письмѣ, къ стопамъ великаго князя никакъ не осмѣливается. Я, однако же выбравъ, удобную минуту, показалъ оное его высочеству; я примѣтилъ, что великій князь перемѣнился въ лицѣ и сказалъ:

— Никогда мнѣ не говорите объ немъ.

Наконецъ, главная квартира фельдмаршала, который получилъ тогда же отъ императора Павла титулъ генералиссимуса и князя Италійскаго, пришла въ Аугсбургъ, а великій князь остановился въ небольшомъ разстояніи, въ одномъ городкѣ. Черезъ нѣсколько дней его высочество послалъ меня къ князю Суворову испросить позволенія, пока не рѣшено будетъ объ участи нашей арміи, съѣздить въ Кобургъ, для свиданія съ родителями его супруги, великой княгины Анны Θеодоровны. Едва доложили генералиссимусу, что я

присланъ отъ его высочества, онъ приказалъ мнѣ войти къ себѣ. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе отъ его высочества. Князь Суворовъ сказалъ мнѣ:

— Доложите великому князю, сыну природнаго моего государя, что я самъ въ повелѣніяхъ его высочества, и чтобы изволилъ дѣлать, что ему угодно.

Между тѣмъ, онъ спросилъ прежде, вѣроятно, о моемъ имени и отчествѣ, назвавъ меня оными и показавъ мнѣ стулъ, стоящій подлѣ стола, а самъ сѣлъ на канапе противъ меня и, облокотясь обоими локтями на столъ, закрылъ глаза и сказалъ мнѣ:

— Садись, слушай и перескажи его высочеству, что я буду говорить.—Князь началъ свой разговоръ о тогдашней политикѣ всѣхъ дворовъ. Говоря объ Англіи, онъ сказалъ: сія держава старается поддерживать только вражду противъ Франціи всѣхъ прочихъ государствъ, дабы не дать ей усилиться, ибо одна Франція можетъ соперничествовать съ Англіею на моряхъ; политика ея лукава. Въ доказательство тому князь Суворовъ привелъ, что англійское министерство, завидуя успѣхамъ нашей арміи въ Италіи, домогалось и интриговало, чтобы оная послана была въ Швейцарію, гдѣ, по малолюдству своему, армія наша могла погибнуть. Сверхъ того, англійскій флотъ, блокировавшій Геную, допустилъ французскому гарнизону, тамъ находящемуся, моремъ получить и секурсъ и продовольствіе.—Австрійская политика,—продолжалъ онъ,—самая вѣроломная и управляема врагомъ своего отечества Тугутомъ, который вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на защиту лишенныхъ престола королей, своихъ союзниковъ, вздумалъ дѣлать пріобрѣтенія изъ завоеванныхъ нами у непріятеля городовъ и провинцій. Гофъ-кригсъ-ратъ, мой злѣйшій непріятель, предписалъ мимо меня генералу Меласу на всякомъ, взятомъ нами у непріятеля, городѣ выставлять австрійскій императорскій гербъ, но я сему воспротивился. Австрійцы дорого заплатятъ за ихъ вѣроломство. Одинъ нашъ императоръ поступаетъ, какъ прилично высокому союзнику, безо всякихъ видовъ корысти и изъ единаго похвальнаго подвига, чтобы возстановить и храмъ Божій и престолы царей. Сію монаршую волю мы, кажется, сколько могли, исполнили. Я сдѣлался старъ и слабъ, — присовокупилъ онъ,—и одной прошу милости у всемилостивѣйшаго государя моего, чтобы отпустилъ меня домой. Мы увидимъ, что будетъ съ австрійцами, когда бичъ ихъ Бонапарте возвратится въ Европу [1]).

Генералиссимусъ еще со мной нѣсколько времени говорилъ, но что я могъ теперь припомнить, кажется, было самое интересное изъ его разговора. Великій князь былъ очень доволенъ отданнымъ мною его высочеству отчетомъ о сужденіяхъ князя Суворова.

Австрійскій кабинетъ увидя, но поздно, что князь Суворовъ,

---

[1]) Бонапарте былъ тогда въ Египтѣ.

огорченный дѣйствіями онаго, рѣшительно желаетъ оставить армію, а тѣмъ уничтожиться можетъ и коалиція съ Россіею, вознамѣрился прислать князя Эстергази въ главную квартиру, въ Аугсбургъ, какъ особу, которой великій князь оказывалъ милости. Инструкція князя Эстергази состояла въ томъ, чтобы склонить его высочество быть посредникомъ между двумя императорами; что недоумѣніе происходило отъ того, что министры во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ не всегда соблюдали строго интересы обѣихъ державъ. Князь Эстергази привезъ отъ императора Франца двѣ ленты военнаго ордена Маріи-Терезіи: одну великому князю, а другую князю Суворову; два ордена на шею: князью Багратіону и Милорадовичу, и нѣсколько орденовъ въ петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить по его усмотрѣнію на тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ болѣе отличившимися при освобожденіи отъ непріятеля Италіи. Нельзя болѣе было показать уваженія къ услугамъ князя Суворова и къ нему самому. Въ то же почти время и король Сардинскій прислалъ генералиссимусу цѣпь военнаго ордена Св. Лазаря и Маврикія, нѣсколько орденовъ на шею и въ петлицу; изъ сихъ послѣднихъ и я получилъ. Даже камердинеръ князя Суворова, Прошка, получилъ золотую медаль съ изображеніемъ короля, для ношенія на зеленой лентѣ на шеѣ. Удостоеніе сими орденами предоставлено было тоже на произволъ князя Суворова, за освобожденіе Пьемонта отъ непріятеля, какъ провинціи, принадлежащей королю Сардинскому [1]). Князь Эстергази открылся первому мнѣ о данномъ ему порученіи касательно великаго князя. Я ему сказалъ, что не могу взять на себя довести сего до свѣдѣнія его высочества, а чтобы онъ испросилъ аудіенцію и самъ бы объяснился съ великимъ княземъ. Для испрошенія сей аудіенціи князь Эстергази отнесся ко мнѣ офиціально: Его высочество отвѣчалъ ему письменно, что онъ въ арміи находится волонтеромъ, что дипломатическія отношенія между союзными дворами вовсе ему не извѣстны, что онъ не можетъ войти ни въ какое посредничество безъ высочайшей воли императора, его родителя; и что онъ, видя въ князѣ Эстергази теперь дипломатическое лицо, долженъ перемѣнить образъ своего съ нимъ обращенія [2]). Сей отзывъ его высочества чрезмѣрно огорчилъ князя Эстергази, ибо Тугутъ увѣренъ былъ, что посланные ордена великому князю, генералиссимусу и прочимъ чиновникамъ россійской арміи произведутъ желаемое имъ дѣйствіе, и что князь Эстергази несомнѣнно успѣетъ въ своей мис-

---

[1]) Цѣпь носится на шеѣ, и тотъ, который получаетъ оную, называется le cousin du roi. Князь Суворовъ поступилъ при раздачѣ орденовъ болѣе пристрастно, нежели справедливо, ибо получили оные или родственники его, бывшіе въ арміи, или находящіеся при немъ чиновники; изъ отличившихся же дѣйствительно въ арміи никто почти оныхъ не былъ удостоенъ.

[2]) Я сохранилъ у себя всю бывшую по сему предмету переписку.

сіи. Сіе подтвердилось тѣмъ, что князь Эстергази опять обратился ко мнѣ и въ отчаяніи своемъ сказалъ:

— Я нахожусь въ такомъ положеніи, что мнѣ нельзя почти возвратиться въ Вѣну; министръ требовалъ отъ меня, чтобы я непремѣнно привезъ согласіе великаго князя на сдѣланное его высочеству предложеніе.

Я ему совѣтовалъ стараться испросить свиданія съ княземъ Суворовымъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Какъ можно говорить съ такимъ человѣкомъ, отъ котораго нельзя добиться толку.

— Вы его не знаете,—возразилъ я,—и если князь васъ приметъ наединѣ, то вы совсѣмъ другихъ будете о немъ мыслей.

Долго князь Эстергази не получалъ удовлетворительнаго отвѣта, наконецъ князь Суворовъ назначилъ ему часъ свиданія, и мнѣ случилось съ Эстергази встрѣтиться, какъ онъ выходилъ отъ генералиссимуса. Увидя меня, онъ сказалъ:

— C'est vrai, c'est un diable d'homme. Il a autant d'esprit, que de connaissance, mais je n'ai rien pu obtenir de lui [1]).

И скоро послѣ того князь Эстергази уѣхалъ въ Вѣну. Такимъ образомъ окончилась и война для Россіи, и дружескія ея отношенія къ австрійской державѣ. Начало сего разрыва ознаменовалось тѣмъ, что великій князь, на возвратномъ пути своемъ въ Россію, не поѣхалъ уже на Вѣну, а на Прагу. Я въ семъ городѣ получилъ приказъ, отданный при паролѣ отъ 4-го ноября въ Петербургѣ, что я, по старшинству, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ при прежней должности; и такъ я съ небольшимъ въ семь лѣтъ изъ сержантовъ гвардіи получилъ генералъ-маіорскій чинъ. Это могло случиться только въ царствованіе императора Павла, гдѣ безпрестанныя были выключки, отставки, а потому и большія производства. Здѣсь можно привести въ примѣръ Аркадія Ивановича Нелидова. При восшествіи императора Павла на престолъ, т. е. 6-го ноября 1796 года, онъ только что выпущенъ былъ изъ камеръ-пажей въ поручики гвардіи; въ мартѣ мѣсяцѣ 1797 года онъ былъ генералъ-маіоромъ и генералъ-адъютантомъ, а въ день коронаціи получилъ аннинскую ленту и тысячу душъ. Я забылъ выше сказать, что въ тотъ же самый день, всѣ служившіе въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ штабъ- и оберъ-офицеры получили деревни отъ 100 и до 250 душъ, по чинамъ, а нѣкоторые, какъ графъ Аракчеевъ, Кологривовъ, Донауровъ, Кушелевъ и проч.— по 2.000 душъ. Я выѣхалъ изъ Италіи въ аннинскомъ крестѣ на шеѣ, брильянтами украшенномъ, съ командорскимъ крестомъ Іоанна Іерусалимскаго, съ пенсіономъ по 300 рублей въ годъ, изъ почто-

---

[1]) Правда; это необыкновенный человѣкъ! У него столько же ума, сколько познаній, но я отъ него ничего не могъ добиться.

выхъ доходовъ, и съ крестомъ въ петлицѣ ордена св. Лазаря и Маврикія.

Мы пріѣхали въ Петербургъ 27-го декабря 1799 года. Императоръ Павелъ принялъ великаго князя съ большою радостью; на другой день его высочество представлялъ насъ государю. По тогдашнему обыкновенію, должно было стать на колѣно тому, кто за что нибудь благодарилъ; а какъ всякій изъ насъ долженъ былъ благодарить или за чинъ, или за полученные во время кампаніи знаки отличія, то императоръ, не допуская становиться на колѣно, всякаго изъ насъ обнималъ, говоря при томъ:

— Не вы, а я васъ благодарить долженъ за службу вашу мнѣ и царевичу;—а, ко мнѣ оборотясь, сказалъ:—ты, сверхъ того, еще и отличилъ себя въ сраженіяхъ, командуя баталіономъ [1]).

Одинъ разъ государь спросилъ у великаго князя, покойна ли теперешняя одежда для солдата во время походовъ. Императоръ зналъ, что во всю кампанію солдаты штиблетъ не надѣвали, а унтеръ-офицерскія галебарды, которыя были въ 4 аршина, всѣ изрублены были на дрова, когда проходили снѣжныя Альпійскія горы.

— Я готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи,—продолжалъ государь,—ибо удобность познается опытомъ.

Тогда его высочество отвѣчалъ, что башмаки, штиблеты и особливо унтеръ-офицерскія галебарды вовсе не удобны въ походѣ. На сіе императоръ ему сказалъ:

— Прикажи одѣть рядоваго и унтеръ-офицера во всей аммуниціи и вооруженіи, и представь мнѣ для образца.

Великій князь черезъ нѣсколько дней представилъ императору образцовыхъ; такъ какъ форма немного походила на бывшую при императрицѣ, государь съ гнѣвомъ сказалъ его высочеству:

— Я вижу, ты хочешь ввести потемкинскую одежду въ мою армію; чтобы они шли съ глазъ моихъ долой!—и самъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ находились образцовые.

Великій князь увидѣлъ, но поздно, что государь хотѣлъ только вывѣдать его мысли на счетъ формы, имъ введенной, а не перемѣнить оную. Съ тѣхъ поръ началась холодность къ великому князю и ко всѣмъ бывшимъ при немъ, а потомъ гоненія на участвовавшихъ въ итальянской кампаніи. Извѣстно, какъ поступлено было съ княземъ Суворовымъ, котораго императоръ приглашалъ пріѣхать въ Петербургъ, обѣщалъ принять его, какъ Римъ принималъ своихъ тріумфаторовъ; вмѣсто того, лишь только генералиссимусъ пріѣхалъ на нашу границу, какъ ему сдѣланъ былъ выговоръ, въ приказѣ по арміи, за то, что во время кампаніи онъ имѣлъ при себѣ противъ устава дежурнаго генерала, вмѣсто бригадъ-маіора, и что

---

[1]) Товарищъ мой, его высочества адъютантъ, полковникъ Лангъ, тоже командовалъ баталіономъ; онъ умеръ отъ раны, полученной при озерѣ Клюнталь.

князь Суворовъ умеръ, не видавши императора. Я слышалъ отъ наслѣдника, что государю завидно было, что князь Суворовъ пріобрѣлъ такую славу, а не онъ самъ; отъ сего въ немъ родилась зависть и ненависть ко всѣмъ служившимъ въ сей знаменитой кампаніи. Полкъ конной гвардіи съ давняго времени имѣлъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ императора. Января 6-го 1800 года, въ день Богоявленія Господня, былъ обыкновенный парадъ для освященія знаменъ и штандартовъ; полкъ сей, въ числѣ прочихъ войскъ, бывшихъ въ парадѣ, проходилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя и такъ его прогнѣвалъ, что множество офицеровъ, въ томъ числѣ четыре брата Васильчиковыхъ, были посажены подъ арестъ и выключены изъ службы; одинъ Иларіонъ Васильевичъ остался при дворѣ камергеромъ, которымъ онъ былъ прежде. С. И. Мухановъ, командиръ полка, былъ выключенъ изъ службы и лишенъ аннинскаго креста 2-го класса, котораго онъ былъ кавалеръ. Отдано было въ приказѣ, чтобы Конногвардейскій полкъ въ тотъ же самый день выступилъ въ Царское Село. Великому князю Константину Павловичу поручено было принять сей полкъ подъ свое начальство и стараться истребить изъ онаго духъ буйства и бунтовщицкій, которымъ сей полкъ зараженъ. Его высочеству приказано жить въ Царскомъ Селѣ, въ своемъ домѣ, который былъ купленъ для него императрицею Екатериною у фаворита ея Ланскаго. Я въ тотъ самый день занемогъ, и потому не поѣхалъ въ Царское Село съ великимъ княземъ. Его высочество нашелъ дворецъ свой во всю зиму нетопленнымъ, и отъ того холодъ въ ономъ былъ ужасный; я пріѣхалъ на третій день и увидѣлъ, что всѣ мои товарищи въ комнатахъ сидятъ въ шинеляхъ на мѣху. Великая княгиня Анна Ѳеодоровна такъ сильно простудилась въ семъ домѣ, что едва не умерла отъ жестокой горячки [1]). Великій князь взялъ съ собой въ Царское Село двухъ офицеровъ Измайловскаго полка: Олсуфьева и Опочинина, которые потомъ были его адъютантами. Императоръ прикомандировалъ къ его высочеству двухъ своихъ генералъ-адъютантовъ: Кожина и князя А. Ф. Щербатова. Бѣдная конная гвардія должна была всякій день, по колѣно въ снѣгу, дѣлать ученья, не взирая на жестокость морозовъ. Говорили, что Г. А. Кожинъ былъ присланъ съ тѣмъ, чтобы и о дѣйствіяхъ великаго князя доносить императору. Великому князю позволено было только по воскресеньямъ пріѣзжать въ Петербургъ съ Сафоновымъ.

---

[1]) Не задолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ Дибичъ, отецъ фельдмаршала; онъ служилъ адъютантомъ при Фридрихѣ Великомъ. Императоръ принялъ его въ нашу службу подполковникомъ и опредѣлилъ къ своей особѣ. Государь такъ много желалъ подражать во всемъ Фридриху II, что когда онъ узналъ объ отчаянной болѣзни великой княгини, приказалъ Дибичу, какъ говорили, сдѣлать церемоніалъ похоронъ своей невѣсткѣ такой точно, какой былъ въ употребленіи въ Пруссіи при погребеніи принцессъ.

Его высочество наслѣдникъ, когда я отъѣзжалъ въ Царское Село, изволилъ мнѣ сказать:

— Если тебѣ нужно будетъ пріѣзжать въ Петербургъ, то отнюдь не прописывайся на заставѣ своимъ именемъ, а чужимъ, или Ахта, или Линдстрема, а то тебѣ будетъ худо.

Первый былъ камердинеръ, а другой лейбъ-хирургъ при его высочествѣ. Я во всякомъ случаѣ находилъ неоцѣненнымъ для меня участіе, которое его высочество наслѣдникъ принималъ во мнѣ. Однажды великій князь въ Зимнемъ дворцѣ послалъ меня съ порученіемъ къ его высочеству Александру Павловичу. По окончаніи онаго, ему угодно было со мной начать какой-то разговоръ, и мы подошли къ окошку. Это было въ большомъ его высочества кабинетѣ, что̀ на углу, противъ адмиралтейства. Мы не чувствовали, что народъ, увидѣвши наслѣдника, началъ собираться толпою. Его высочество взглянулъ нечаянно въ окошко и, примѣтя сію толпу, сказалъ мнѣ:

— Прощай, братъ, убирайся скорѣе, а то обоимъ намъ будетъ бѣда,—и самъ поспѣшно ушелъ въ другую комнату.

Какъ видно, была и тогда уже любовь народа къ сему милосерднѣйшему изъ государей. Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Царское Село генералъ-адъютантъ Уваровъ, съ повелѣніемъ выбрать изъ полку конной гвардіи лучшихъ людей и лошадей для сформированія Кавалергардскаго полка, котораго Уваровъ назначенъ былъ шефомъ. Великому князю кавалерійская служба начала очень нравиться. Во время итальянской кампаніи его высочество имѣлъ при себѣ всегда австрійскій Лобковица драгунскій полкъ, которымъ онъ очень занимался; а, сверхъ того, и въ полку конной гвардіи его высочество принималъ уже большое участіе.

Пріѣздъ Уварова великому князю былъ очень непріятенъ, тѣмъ болѣе, что его высочеству извѣстно было, что Кавалергардскій полкъ формировался по предложенію Уварова, который былъ тогда въ большой милости у императора, по связямъ сего генерала съ княгинею Лопухиной. При выборѣ людей и лошадей Уваровъ встрѣтилъ большія затрудненія, такъ что онъ ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ высочайшее повелѣніе допустить Уварова безпрепятственно производить выборъ. Отъ сего времени родилась въ великомъ князѣ непримиримая вражда противъ Кавалергардскаго полка и противъ шефа онаго. Всякій день я посылалъ ѣздоваго въ Петербургъ за приказомъ. 2-го мая полученъ былъ приказъ, при паролѣ отданный, въ которомъ сказано: адъютантамъ его императорскаго высочества Константина Павловича, генералъ-маіорамъ Сафонову и Комаровскому, и полковнику графу Шувалову [1]) состоять по арміи и носить общій армейскій мундиръ [2]). Прочтя сей приказъ, я тотчасъ

[1]) Графъ Шуваловъ находился тогда въ Италіи за раною.

[2]) Сафоновъ и я носили мундиръ Измайловскаго полка.

понесъ оный къ великому князю. Его высочество, въ первую минуту, не могъ ничего сказать и примѣтно перемѣнился въ лицѣ, потомъ говоритъ:

— Ну, что жъ? это значитъ, что вы должны носить только армейскій мундиръ, а все остаетесь при мнѣ.

Я ему возразилъ: тогда бы сказано было: «съ оставленіемъ при прежней должности».

Великій князь всталъ съ своего мѣста и сказалъ съ жаромъ:

— Кажется, быть не можетъ, чтобы государю угодно было такъ много меня огорчать!

Потомъ приказалъ мнѣ написать къ графу Ливену и спросить у него, остаемся ли мы при его высочествѣ или нѣтъ, и въ такомъ случаѣ, что намъ дѣлать, а самъ написалъ къ наслѣднику и тотчасъ велѣлъ отправить съ письмами ѣздоваго въ городъ. Возвратившійся нашъ посланный привезъ отвѣты вовсе неудовлетворительные. Графъ Ливенъ писалъ, что государь потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ въ 6-ть часовъ утра, приказалъ ему сѣсть и самъ продиктовалъ первый пунктъ приказа; что ему кажется, что мы уже болѣе не состоимъ при великомъ князѣ, и завтра же при разводѣ должны представиться государю, и въ общихъ армейскихъ мундирахъ. Наслѣдниково письмо было почти такого же содержанія. Великій князь былъ тронутъ симъ до слезъ, благодарилъ насъ за вѣрную къ нему службу и прощаясь нѣсколько разъ обнималъ насъ, написалъ письмо къ своему гофмаршалу князю Вяземскому, чтобы, въ случаѣ нашего отъѣзда изъ Петербурга, снабдилъ бы насъ экипажемъ и всѣмъ нужнымъ для дороги, а, сверхъ того, приказалъ производить Сафонову и мнѣ по три тысячи рублей въ годъ пенсіона по смерть. Мы тотчасъ оба отправились въ Петербургъ. Въ ночь намъ кое-какъ сдѣлали общіе армейскіе мундиры, и мы въ назначенный часъ пріѣхали къ разводу. Намъ сказано было, что государю представляются въ комнатѣ, что подлѣ фонарика; дежурнымъ генералъ-адъютантомъ былъ тогда князь П. Г. Гагаринъ, уже женившійся на княжнѣ Лопухиной. Государь вышелъ къ намъ съ грознымъ видомъ, и когда представили ему Сафонова, онъ сказалъ:

— Aussitôt pris, aussitôt pendu[1]), а мнѣ: и вы, сударь, не заживетесь.

Я подумалъ, какая разница въ пріемѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ мы возвратились изъ Италіи, и чѣмъ мы могли провиниться. Сафоновъ не зналъ ни слова пофранцузски и отвѣчалъ одною улыбкою, потомъ спросилъ у меня, что государь ему говорилъ. Я ему перевелъ слово въ слово; онъ весь поблѣднѣлъ и сказалъ:

[1]) Какъ только поймалъ, такъ и повѣшенъ.

— Ахъ батюшки, да что я сдѣлалъ [1]?

Я тотчасъ его успокоилъ, сказалъ ему, что это французская поговорка, которая значитъ, что онъ, вѣроятно, имѣетъ уже мѣсто. На другой день Сафоновъ назначенъ былъ шефомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, квартировавшаго въ Ригѣ, на мѣсто выключеннаго изъ службы князя Бориса Владиміровича Голицына. Любопытно знать, за что князь Голицынъ былъ такъ строго наказанъ. Разводъ его полка въ обыкновенное время шелъ по одной улицѣ и, поровнявшись съ домомъ, гдѣ находилась въ родахъ женщина, барабанщики ударили походъ, отъ чего та женщина, вѣроятно, испугалась и имѣла несчастные роды. Донесено было о семъ происшествіи государю, и шефъ полка выключенъ изъ службы.

Послѣ представленія государю я пошелъ къ наслѣднику. Его высочество принялъ меня чрезвычайно милостиво и сказалъ мнѣ:

— Я жалѣю о братѣ, что онъ тебя лишился; я знаю, что онъ тебя любитъ.

Вошелъ во всѣ мои домашнія обстоятельства, и когда я ему объяснилъ, что отъ меня нѣкоторымъ образомъ зависятъ зять и сестра, племянникъ и племянница, его высочество, подумавши немного, сказалъ:

— Такъ надобно стараться, чтобы ты остался здѣсь.

Походя нѣсколько по комнатѣ: не теряя времени,—продолжалъ онъ,—поѣзжай къ Обольянинову [2], скажи ему, что онъ никогда столько ни меня, ни брата одолжить не будетъ въ состояніи, какъ теперь, если ты причисленъ быть можешь къ провіантскому департаменту и назначенъ тѣмъ чиновникомъ, который долженъ посланъ быть на границу для веденія счетовъ съ австрійскимъ правительствомъ, по случаю продовольствія нашихъ войскъ во время кампаніи. Сіе тѣмъ удобнѣе, что ты служилъ въ этой кампаніи и можешь объясняться на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Я тотчасъ поѣхалъ къ Обольянинову. Онъ пользовался тогда большою довѣренностью императора, и потому у него всѣ комнаты наполнены были гостями. Лишь только онъ меня увидѣлъ, какъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу. Я сказалъ ему, что пріѣхалъ отъ его императорскаго высочества наслѣдника; онъ взялъ меня за руку и отвелъ въ сторону. Я ему объяснилъ все, что приказалъ великій князь Александръ Павловичъ ему сказать, и со своей стороны просилъ его оказать мнѣ сіе благодѣяніе. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что и для меня готовъ все сдѣлать, а исполнить волю государя наслѣдника и великаго князя Константина Павловича есть

---

[1]) Въ царствованіе императора Павла можно было испугаться, ибо на Дону не задолго передъ тѣмъ и головы рубили и вѣшали.

[2]) Обольяниновъ былъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ и генералъ-прокуроромъ.

священная для него обязанность, и что онъ при первомъ удобномъ случаѣ непремѣнно доложитъ императору.

Къ несчастію моему построенъ былъ тогда въ адмиралтействѣ корабль, названный «Благодатный», онъ имѣлъ 120 пушекъ и былъ первый такой величины. Корабельный мастеръ видно ошибся въ конструкціи сего корабля, ибо когда надобно было оный спускать на воду, то корабль съ мѣста не тронулся. Государь такъ былъ этимъ занятъ, что почти цѣлые дни проводилъ въ адмиралтействѣ. Наконецъ придумали устроить какія-то машины на противолежащемъ берегу, и помощію канатовъ насилу его стащили съ мѣста. По сей-то причинѣ Обольяниновъ не нашелъ случая обо мнѣ доложить, какъ между тѣмъ получено было донесеніе отъ подольскаго военнаго губернатора графа Гудовича, что Каменецъ-Подольская крѣпость остается безъ коменданта, и меня назначили въ сіе званіе мая 5-го 1800 года.

Я чувствовалъ себя уже нездоровымъ, а сіе назначеніе и болѣе разстроило еще мое здоровье. Я, собравшись однако же съ силами, поѣхалъ къ наслѣднику просить его высочество позволить мнѣ нѣсколько дней остаться въ Петербургѣ. Я признаюсь, что я былъ въ такомъ положеніи, что мнѣ и выѣхать было не съ чѣмъ, ибо нѣсколько денегъ, которыя я имѣлъ, должно было оставить на прожитокъ моимъ домашнимъ. Великій князь Александръ Павловичъ мнѣ сказалъ:

— Ты знаешь порядокъ, что тотъ, кто назначенъ къ какой либо должности, непремѣнно выѣхать обязанъ на другой день, хотя полумертвый, но я прикажу тебя прописать завтра на заставѣ выѣхавшимъ, а ты можешь остаться три дня, но съ тѣмъ, что никому не показывайся, особливо чтобы Паленъ [1]) не зналъ, что ты здѣсь.

Я бросился со слезами благодарить его высочество за такую милость, чувствуя, какъ много великій князь себя этимъ подвергалъ отвѣтственности.

Едва я воротился домой, какъ наслѣдникъ съ своимъ камердинеромъ прислалъ мнѣ тысячу рублей на дорогу. Я не нахожу словъ, чтобы изъяснить то, что я испытывалъ при полученіи сего благодѣянія, на которое никакого не имѣлъ права; и, сверхъ того, оно оказано было въ самую крайнюю, можно сказать, минуту. Я симъ завѣщаю моимъ дѣтямъ чтить память благословеннаго, не только какъ бывшаго ихъ императора, но и какъ высокаго, единственнаго благодѣтеля отца ихъ. Въ теченіе тѣхъ трехъ дней наслѣдникъ присылалъ ко мнѣ адъютанта своего, князя Волконскаго, навѣдаться о моемъ здоровьѣ и предложить мнѣ еще пробыть день или два, если бы здоровье мое того требовало; но я хотя

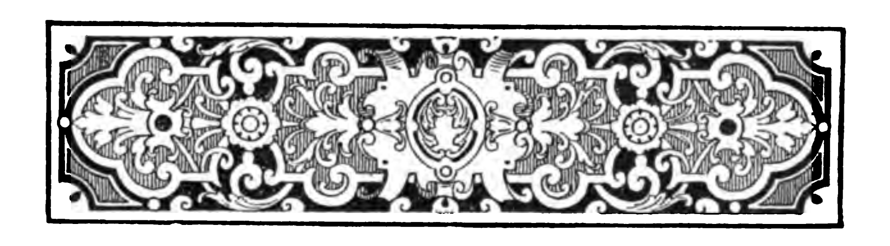
---

[1]) Графъ Паленъ былъ тогда вторымъ военнымъ петербургскимъ губернаторомъ.

и не совсѣмъ выздоровѣлъ, выѣхалъ, однако же, въ назначенное время, чтобы не употребить во зло столь для меня драгоцѣнной довѣренности его высочества, подъ именемъ отставного полковника Муромцева, ѣдущаго въ деревню на своихъ лошадяхъ. А такъ какъ это было въ полночь, то меня пропустили черезъ заставу безъ всякаго затрудненія.

Графъ Е. Комаровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



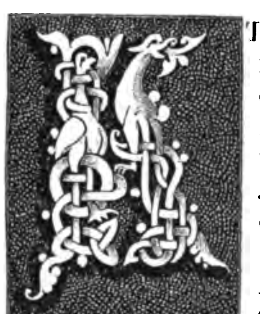
„НЕПРИСТОЙНЫЯ РѢЧИ“ [1].

(Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи, XVIII в.).

VI.

Царскій свойственникъ.

(1737 г.).



Къ ЧИСЛУ «непристойныхъ словъ», заслуживавшихъ наказанія, въ описываемую нами эпоху относились и такіе разговоры, гдѣ такъ или иначе упоминалось имя лица, принадлежащаго къ царскому семейству, хотя бы съ самымъ легкимъ оттѣнкомъ неблагоговѣйнаго къ нему отношенія.

2-й роты Преображенскаго полка солдатъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, жившій на квартирѣ (на Московской сторонѣ, въ приходѣ церкви св. Симеона и Анны) у канцеляриста собственной вотчинной канцеляріи цесаревны Елисаветы Петровны, Михаила Петрова Евсевьева, въ «особой каморкѣ», зашелъ 8-го октября къ своему квартирному хозяину. Дѣло было подъ вечеръ, время свободное; канцеляристъ-хозяинъ и солдатъ-жилецъ занялись водкой и пивомъ. Выпивши, Мусинъ-Пушкинъ расхвастался своимъ происхожденіемъ.

— Ты не смотри, что я солдатъ!.. Я высокаго происхожденія: дворянинъ столбовой!.. Мои дѣды и прадѣды были знатные люди!..

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 59.

— Что говорить!.. Это ужъ конечно!—я знаю, что родъ вашъ знатный, — отвѣчалъ въ тонъ канцеляристъ Евсевьевъ, — не какъ мы—крапивное сѣмя!.. Отецъ приказный, и я приказный, и дѣти мои будутъ приказные, а до дворянства далеко!..

— То-то вотъ и есть!.. А посмотрѣть на меня, — такъ просто солдатъ и ничего больше!..

— Что-жъ, что солдатъ! Какой солдатъ-то? Преображенскій!.. а въ Преображенскомъ полку всякій дворянинъ солдатъ съ радостью послужитъ... Тамъ много дворянъ въ солдатахъ...

— Много, да все не такіе дворяне, какъ я!.. Я, братъ, такого высокаго рода, что ты и не повѣришь! Я и къ царской семьѣ немного принадлежу: бабка моя, Мусина-Пушкина, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ «была своя».

Канцеляристъ воззрился, услышавъ «непристойное слово».

— А ты не врешь?..

— Чего врать-то мнѣ! Своя была моя бабка цесаревнѣ, — это всякій знаетъ!..

«Влетѣлъ!» — подумалъ канцеляристъ, кончилъ разговоръ, выпроводилъ жильца въ его комнату, а самъ тотчасъ же пошелъ въ Преображенскій полкъ съ доносомъ.

Тамъ онъ доложилъ дѣло подпоручику Якову Старосельскому, тотъ—маіору Альбрехту, а маіоръ распорядился въ тотъ же день, 8-го октября, посадить подъ арестъ при полковой канцеляріи и Евсевьева, и Мусина-Пушкина, и на другой день рапортомъ донесъ Андрею Ивановичу Ушакову объ арестантахъ, спрашивая, что съ ними приказано будетъ дѣлать.

11-го октября генералъ Ушаковъ приказалъ привезти обоихъ арестантовъ за карауломъ въ Тайную канцелярію для допроса.

На допросѣ Мусинъ-Пушкинъ показалъ: «Служитъ онъ въ Преображенскомъ полку девятый годъ, живетъ у Евсевьева на квартирѣ и 8 октября пришелъ къ Евсевьеву въ гости, «собою, безъ зову». Сидя съ Евсевьевымъ, пили они вино и пиво, отчего онъ, Мусинъ-Пушкинъ, былъ пьянъ, и между собою имѣли они «партикулярный разговоръ». Во время тѣхъ разговоровъ отъ пьянства пришло ему, незнамо съ чего, въ голову молвить, яко бы бабкѣ его, Мусиной-Пушкиной, цесаревна была «своя». И умыслу въ томъ никакого онъ не имѣетъ и подлинно молвилъ съ простоты, въ пьянствѣ своемъ,—и въ той его винѣ воля ея императорскаго величества».

Это простое и незапутанное дѣло кончилось скоро; 13 октября вышло рѣшеніе: Мусина-Пушкина «за происшедшую отъ него въ словахъ нѣкоторую продерзость, въ чемъ онъ самъ винился, учинить наказанье—бить батоги».

На другой день царскій свойственникъ былъ отосланъ обратно въ свой полкъ для наказанія и опредѣленія попрежнему туда же на службу.

VII.

Трусливый конспираторъ.

(1740—1743 гг.).

Дѣло происходило въ самое смутное и горячее время русскихъ придворныхъ переворотовъ. 17-го октября 1740 года скончалась императрица Анна Ивановна, назначивъ наслѣдникомъ престола сына своей племянницы Анны Леопольдовны, двухмѣсячнаго младенца Іоанна Антоновича.

Регентомъ государства она назначила ненавистнаго всѣмъ, даже нѣмцамъ, Бирона.

Всѣ слои общества были въ броженіи; всѣ придворныя партіи были возбуждены и къ чему-то готовились.

Всюду шептались, сговаривались, составляли партіи,—и будущее должно было разразиться рядомъ новыхъ переворотовъ, что и не замедлило въ скоромъ времени совершиться.

Добившіеся власти крѣпко за нее держались, ревниво съ безпокойствомъ слѣдили за всѣми, но въ общемъ кавардакѣ рѣшительно не могли предугадать событій.

Самовластный и заносчивый Биронъ уже питалъ, Богъ знаетъ, какія честолюбивыя надежды и составлялъ планы и не подозрѣвалъ, что въ ночь на 8-е ноября 1740 года, не давъ ему порегентствовать даже и мѣсяца, его арестуютъ и сошлютъ въ Шлиссельбургъ, а затѣмъ въ Пелымъ.

Герой сверженія Бирона, Минихъ тоже подозрѣвался, а русская партія при дворѣ кучилась около «своей претендентки на престолъ», цесаревны Елисаветы Петровны, жившей въ это время въ опалѣ, подъ строгимъ надзоромъ.

Вдругъ, въ это-то тревожное и неустойчивое время, на имя трехмѣсячнаго младенца-императора Іоанна Антоновича, черезъ десять дней послѣ ареста Бирона, 18-го ноября 1740 года, поступаетъ доносъ преображенскаго солдата Василія Кудаева, доносъ весьма важный, который способенъ былъ не на шутку встревожить власти.

Доносъ былъ весьма интересный и характерный, который мы передадимъ въ большей его части подлинными выраженіями.

Доносилъ племянникъ — солдатъ Василій Кудаевъ, на своего дядю, оставного капитана-старика, Петра Калачева.

Послѣ обычнаго императорскаго титула написано: «Доноситъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка 16-й роты солдатъ Василій Андреевъ сынъ Кудаевъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

«Сего ноября, 16 числа, 1740 года, капитанъ Петръ Михайловъ сынъ Калачевъ, который мнѣ по родству двоюродный дядя, помянутаго числа посылалъ ко мнѣ человѣка своего, Егора Акинѳіева, звать меня къ себѣ обѣдать.

«Того часу меня на квартирѣ не излучилось,—то я пошелъ въ вечеръ къ Калачеву, въ 8-мъ часу по полудни того числа. Какъ я пришелъ къ нему въ горницу, онъ, Калачевъ, увидя меня, говорилъ:

— «Для чего ты, плутъ, ко мнѣ не бывалъ обѣдать?

«Я ему отвѣщалъ: «Нужда была».

«И у него, Калачева, сидитъ московскій купецъ Василій Ивановичъ Егуповъ, который содержится подъ карауломъ въ коммерцъ-коллегіи.

— «Что у васъ въ полку вѣстей?—спросилъ Калачевъ племянника.

— «У насъ въ полку все благополучно,—отвѣчалъ Кудаевъ.

— «Что, у васъ ли въ полку князь Никита Юрьевичъ Трубецкой да Иванъ Ивановичъ Альбрехтъ [1])?

— «У насъ, въ полку, попрежнему».

Разговоръ немного прекратился; молодой солдатъ Кудаевъ вынулъ изъ кармана какой-то «букварь», который почему-то заинтересовалъ солдата (нельзя предположить, чтобы Кудаевъ учился по этому букварю, ибо самый доносъ, довольно грамотный, писанъ, судя по припискѣ въ концѣ, Кудаевымъ «своею рукою»), и показалъ его Калачеву со словами:

— Дядюшка, изволь почитать: букварь очень хорошъ.

Калачевъ взялъ букварь, повертѣлъ его въ рукахъ, перелистовалъ и передалъ посмотрѣть купцу Егупову.

Тотъ тоже посмотрѣлъ, почиталъ и отдалъ букварь Кудаеву.

Голова Калачева, видимо, была занята какою-то мыслью, о чемъ онъ хотѣлъ поговорить со своими гостями.

Мысль эта была: всеобщее негодованіе русскихъ на ту борьбу иностранныхъ партій и разныхъ авантюристовъ около русскаго престола, на множество истязуемыхъ въ Тайной канцеляріи людей только за то, что партія, къ которой они принадлежали, проиграла и попалась въ руки или болѣе сильнымъ, или болѣе хитрымъ.

На эту тему и заговорилъ Калачевъ, обратясь къ племяннику.

— А что, въ Тайную канцелярію никого новыхъ не послали?

— Не знаю, не слыхалъ,—отвѣтилъ Кудаевъ.

— Не мудрено туда попасть нынче... Вонъ Ханыковъ [2]) и прочіе сидѣли же въ Тайной канцеляріи за карауломъ!.. А вѣдь онъ былъ не за Елисавету Петровну, а за регентство!.. И своихъ сажаютъ!

Кудаевъ (если вѣрить тексту его доноса) отвѣтилъ политично:

— Всѣ мы можемъ вѣдать, «и сердце повѣствуетъ», что государыня цесаревна въ согласіи съ любезнѣйшею матерью его импе-

---

[1]) Трубецкой и Альбрехтъ были сторонниками Бирона. О нихъ подробности будутъ дальше, въ допросѣ Калачева.

[2]) Ханыковъ, офицеръ, былъ арестованъ Бирономъ по доносу конной гвардіи корнета Лукьяна Камышина за разговоры, что войско не желаетъ Бирона имѣть регентомъ.

раторскаго величества великою княгинею Анною всея Россіи и съ отцемъ его, герцогомъ, «а также и со всѣми ихъ генералитетами».

Егуповъ сказалъ на это Кудаеву:

— Гдѣ тебѣ, молокососу этакому, вѣдать это?..

— Пропала наша Россія! — заговорилъ снова Калачевъ,—чего ради государыня цесаревна насъ всѣхъ не развяжетъ?.. Всѣ объ этомъ «хрептятъ», что она россійскій престолъ не приняла!..

— Это ужъ, дядюшка, такъ Богъ сдѣлалъ,—политиканствовалъ молокососъ-племянникъ, — Псаломникъ говоритъ: «Предѣлъ положилъ ему, егоже не пройти»... У многихъ сомнительства много на этотъ предметъ,—однако все Божья воля такъ сдѣлала...

— Божья воля!.. Какая тутъ Божья воля?.. Не знаю вотъ я, какъ бы мнѣ увидѣть государыню цесаревну!.. Я бы ей обо всемъ донесъ, какъ печалуется объ ней неродъ, да не знаю, какъ?.. Ты, Васька,—обратился Калачевъ къ племяннику,—не знаешь ли какъ, чтобъ дойти?..

— Не знаю, дядюшка.

— Постой! да у сестры твоей Степаниды знакомая есть придворная у цесаревны барынька,—вспомнилъ Калачевъ,—знаешь ты ее?..

— Знаю ее одное, а мужа ея не знаю... Она креститъ у сестры моей дѣтей.

— Ну, вотъ! ну, вотъ и хорошо!—вставилъ Егуповъ, — ты бы пошелъ съ нимъ къ этой барынькѣ, да добился бы какъ нибудь до государыни цесаревны...

«То я, нижайшій,—какъ выражается Кудаевъ въ доносѣ,—вижу, что дѣло очень худо приходитъ,—и лестно имъ говорю:

— «Изволь, я доведу до оной придворной женщины, Палагеи Васильевны... А мужъ ея пѣвчій государыни цесаревны...

«А у меня въ сердцѣ не то!»—пишетъ въ доносѣ Кудаевъ.

Калачевъ обрадовался этой возможности достигнуть лицезрѣнія цесаревны и говорить съ нею и началъ распространяться о томъ, что онъ ей скажетъ при свиданіи.

— Я стану говорить государынѣ цесаревнѣ: что вы это изволите дѣлать?.. Чего ради россійскій престолъ не приняли?.. Вся наша Россія разорилась, что со стороны владѣютъ!.. Прикажи, государыня, мнѣ, вѣрному рабу твоему, идти въ сенатъ и говорить: «Какъ такъ наслѣдство сдѣлано? чего ради государыня цесаревна отставлена отъ наслѣдства? чья она дочь?»... Ежели, скажу, прикажете, — сейчасъ и побѣгу въ сенатъ и буду эти рѣчи говорить!.. А то мы не знаемъ и сами, отколь пришли, что владѣютъ нашимъ государствомъ?..

Тутъ въ доносѣ Кудаева заключается довольно мудреная литературная фигура: пиша доносъ на имя трехмѣсячнаго младенца-императора, онъ долженъ былъ всѣ разговоры о немъ въ третьемъ лицѣ пересказывать, яко бы лично ему, и говорить о немъ во второмъ лицѣ. У Кудаева это выходитъ довольно курьезно:

«И чья де она дочь, вашего императорскаго величества любезнѣйшая матерь, великая княгиня Анна? и чего де ради публично не сдѣлали, что де крещенъ или нѣтъ ваше императорское величество,—о томъ мы неизвѣстны! Такъ де надо дѣлать, чтобъ всякой видѣлъ: принести надо въ церковь соборную Петра и Павла и окрестить,—такъ бы всякой вѣдалъ!.. А дѣлаютъ и Богъ знаетъ, какъ!...

«И я, нижайшій вашъ рабъ вѣрный и присяжный, — пишетъ затѣмъ Кудаевъ,—не помню, что уже и говорилъ мой злой языкъ, и вельми испужался... То они, богомерзкіе злодѣи, увидѣли, что я испужался».

— Что ты трусишь?—приступилъ къ Кудаеву дядя, — я такъ сдѣлаю, что намъ ничего не будетъ. Ежели государыня согласится со мною и пошлетъ меня въ сенатъ,—такъ наше дѣло вывезло, а коли не согласится и не пошлетъ, такъ и не выдастъ же она насъ своими руками!.. И будемъ про это знать только мы трое: ты, да Егуповъ, да я!.. А ежели цесаревна выдастъ насъ руками, — и я скажу ея высочеству: «мы будемъ видѣться съ тобою на второмъ пришествіи, — тамъ насъ Всевышній разсудитъ, что ты вѣрныхъ рабовъ своихъ врагамъ на пагубу отдаешь!»...

Неожиданно очутившись дѣйствующимъ лицомъ такой рѣшительной конспираціи, молодой солдатъ окончательно струсилъ и хотѣлъ вразумить своего стараго дядю такимъ, по его мнѣнію, сильнымъ и неопровержимымъ доводомъ:

— Что жъ, дядюшка! Ужели мы умнѣй другихъ? Весь генералитетъ собранъ былъ разсуждать объ этомъ дѣлѣ: кому быть наслѣдникомъ въ Россіи?.. Весь генералитетъ такъ присудилъ!..

Купецъ Егуповъ, человѣкъ, видно, тоже горячій и притомъ не стѣсняющійся въ выраженіяхъ, напалъ на струсившаго Кудаева.

— Генералитетъ! генералитетъ!.. Что ты, молокососъ, знаешь объ этомъ?.. Кто у насъ изъ генералитета добрыхъ-то?.. Всѣ обвязались воровствомъ! Всѣ воры!.. Имъ то пуще и любо, что стороннимъ наслѣдство вручено!—какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ!.. А насъ, челобитчиковъ, всѣхъ изогнали! интересы многіе похищаютъ!.. Вотъ я теперь! За что я подъ карауломъ въ коммерцъ-коллегіи сижу?.. Украли слишкомъ пятьсотъ тысячъ рублевъ, а какъ мы донесли, такъ насъ и не допускаютъ!..

— Истинно,—поддакнулъ Калачевъ,—всѣ они воры по привилегіи!.. Такъ и въ исторіяхъ пишутъ!..

— Да вотъ я какую исторію слышалъ,—сталъ разсказывать Егуповъ:—жилъ-былъ нѣкоторый царь, и много царю тому надокучали его подданные челобитными о правосудіи: жаловались, что весь генералитетъ неправо судитъ... И скучно стало оному царю отъ челобитчиковъ! Не знаетъ, какъ быть, чтобъ правосудіе узнать!.. И пришелъ къ нему нѣкоторый человѣкъ, такъ не изъ богатыхъ, вотъ какъ онъ же (Егуповъ указалъ на Кудаева), и говоритъ царю:

«Прикажи, государь, мнѣ отдать всѣхъ!—я по правдѣ судить буду, а за мной и всѣ также право судить будутъ!»...

— Ну, царь подписалъ и далъ ему указъ, чтобы всѣхъ судить. Только подаютъ ему гольцы, бѣдные люди, челобитную на царскаго шурина. Тотъ велѣлъ этого шурина къ себѣ притащить и отсѣкъ ему голову!.. Тогда весь народъ и устрашился, что царскому шурину даже не спустили. Стали судьи говорить: «надо намъ, братцы, по правдѣ судить!»... И стало въ томъ государствѣ правосудіе...

Выслушавъ разсказъ о правосудномъ царѣ, Калачевъ свелъ разговоръ на другія политическія темы.

— Я слышалъ, что наслѣдникъ въ Швеціи—племянникъ государыни цесаревны, Голштинскій герцогъ.

— Въ Швеціи король Фридрихъ развѣ умеръ?—спросилъ Кудаевъ.

— Умеръ,—отвѣчалъ Егуповъ.

— Тутъ ожидай бѣды!—продолжалъ Калачевъ,—небось, къ нему много будетъ отъ насъ «утеглецовъ» (отъ слова: «утечь», то-есть, бѣглецовъ), противъ него кто будетъ драться?..

Дальше Калачевъ началъ говорить такое, что Кудаевъ эти разговоры характеризуетъ въ своемъ доносѣ слѣдующими словами:

«Калачевъ многія богомерзкія слова говорилъ; уже я, нижайшій, не помню,—во мнѣ всѣ уды (члены) затряслись!»...

Послѣ этихъ разговоровъ, всѣ трое сѣли ужинать, а послѣ ужина Кудаевъ сталъ собираться домой на свою квартиру. Прощаясь, дядя спросилъ его:

— Такъ ты завтра ко мнѣ придешь? Приходи поутру,—мы съ тобой и поѣдемъ, куда говорили...

Кудаевъ отвѣтилъ:

— Буду поутру, ежели меня на работу не пошлютъ, а то въ половинѣ дня...

— Ну, побѣгай, плутъ,—отпустилъ его дядя,—да моей вѣсти никому не сказывай!..

Племянникъ исчезъ, а дядя-Калачевъ съ купцомъ Егуповымъ мирно улеглись спать; мечтая о завтрашнемъ днѣ, ожидая отъ этого дня великихъ и богатыхъ милостей не только лично себѣ, но и всей Россіи, «хрептящей» отъ иноземнаго владычества и отказа кровной русской царевны занять «свое наслѣдіе»—престолъ Россійской имперіи, престолъ ея родного отца.

Совсѣмъ не такъ спокойна была смятенная душа «молокососа», солдата Кудаева: онъ шелъ домой, какъ въ туманѣ... Онъ былъ свидѣтелемъ «заговора» противъ царствующихъ лицъ, его самого привлекали быть участникомъ въ «переворотѣ»! И заманчиво это, и опасно очень! Можно и въ гору пойти, можно и на дыбѣ очутиться!.. Натура у преображенскаго солдата, должно быть, была не изъ геройскихъ: онъ струсилъ и предпочелъ невѣрное будущее

вѣрному настоящему и для этого не пожалѣлъ даже своего стараго петровскаго вояку-патріота дядю Калачева.

Домой онъ пришелъ съ твердою рѣшимостью «донести» обо всемъ слышанномъ отъ дяди и по этой причинѣ не могъ заснуть всю ночь. «Письменно ли, думалось ему, донести, или словами?»... И съ этими тревожными мыслями онъ дождался поздняго разсвѣта, всталъ и получилъ порученіе: идти къ маіору Воейкову съ «рапортомъ» о состояніи роты.

Маіора Воейкова онъ не засталъ, а доложилъ рапортъ брату маіора, прапорщику Александру Воейкову, и тутъ начинаются іудинскія скитанія Кудаева.

Онъ не знаетъ, куда сунуться съ своимъ доносомъ.

Думалъ послѣ рапорта донести прапорщику и попросить, чтобы его арестовали, но почему-то побоялся и отъ прапорщика пошелъ къ Зимнему дворцу, чтобы донести прямо тѣмъ, противъ кого злоумышляли. Но и тутъ его объяли страхи и сомнѣнія, и, между прочимъ, здѣсь онъ побоялся, чтобы не узналъ объ этомъ дядя его, Калачевъ.

Пошатавшись около Зимняго дворца, Кудаевъ рѣшилъ, наконецъ, пойти прямо къ начальнику Тайной канцеляріи, генералу Андрею Ивановичу Ушакову, — тутъ ужъ навѣрное будетъ безъ помѣхи и къ дѣлу ближе!..

Но несчастному солдату и тутъ не посчастливилось: Андрея Ивановича Ушакова онъ не засталъ дома, а другимъ никому донести не рѣшился и снова остался съ тяготившею его душу тайной, не зная, куда еще идти...

Это было на другой день послѣ разговора съ Калачевымъ и Егуповымъ, 17-го ноября.

Проскитался такъ по Петербургу Кудаевъ до самыхъ вечеренъ и, наконецъ, рѣшился возвратиться въ свою роту.

Тамъ онъ отыскалъ сержанта и дневальнаго ефрейтора и сказалъ имъ:

— Извольте меня взять подъ караулъ и сейчасъ же донести генералу Ушакову, что имѣю я большую важность, дѣло, касающееся до персоны его императорскаго величества и его превысокой фамиліи.

Кудаева тотчасъ же арестовали и донесли въ Тайную канцелярію, а онъ попросилъ бумаги, перо и чернилъ и началъ писать свой довольно пространный и отчасти беллетристическій доносъ, который и подписалъ на другой день 18-го ноября.

Характерны заключительныя строки доноса:

«И по семъ вашему императорскому величеству и вашимъ любезнѣйшимъ родителямъ и всей вашего императорскаго величества фамиліи вѣрный рабъ и присяжный, повинную всю приношу, что

я съ помянутымъ Калачевымъ, что говорилъ прежде сихъ чиселъ одинъ на одинъ.

«Онъ говорилъ: «что, Васька! горе дѣлается въ Россіи нашей!». То я ему отвѣтствовалъ: «Ужъ такъ воля Божія пришла». И больше не упомню, что писать, а ежели и припамятую, то по присяжной должности готовъ и говорить и умереть въ томъ. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ»... и т. д.

Вѣроятно, Андрей Ивановичъ Ушаковъ получилъ Кудаева уже съ доносомъ, или доносъ былъ дописанъ въ Тайной канцеляріи, и мы не можемъ сказать, былъ ли онъ представленъ по назначенію, то-есть Аннѣ Леопольдовнѣ. Скорѣе можно предполагать, что генералъ Ушаковъ не представлялъ его по назначенію, а распорядился арестовать Калачева и Егунова и допросить, чтобы потомъ донести обо всемъ экстрактомъ.

Того же 18-го ноября капитанъ Калачевъ былъ допрошенъ и въ допросѣ показалъ:

«Служилъ онъ съ 1702 года, былъ сперва въ кадетахъ, а потомъ въ разныхъ пѣхотныхъ полкахъ и по заслугамъ въ Азовскомъ пѣхотномъ полку пожалованъ капитаномъ. Бывалъ при арміи во многихъ походахъ и баталіяхъ, также былъ за моремъ, въ Голландіи, и въ 1731 году изъ Азовскаго полка отъ службы отставленъ и живетъ теперь въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ».

Какъ видимъ, Калачевъ былъ старый петровскій вояка, прошедшій всю суровую школу царя-преобразователя, участникъ многихъ славныхъ дѣлъ Петрова царствованія, преданный, какъ и всѣ «птенцы гнѣзда Петрова», до обожанія памяти великаго императора, не много только послужившій послѣ смерти Петра. Ему не могли нравиться порядки, водворившіеся послѣ Петра, а событія послѣднихъ лѣтъ и окончательно должны были заставить «болѣть душою» и съ надеждой, подобно многимъ русскимъ, обращать взоры и желанія на Елисавету Петровну, какъ опору русскихъ стремленій. Далѣе Калачевъ показывалъ:

«Въ нынѣшнемъ 1740 году, въ октябрѣ и ноябрѣ, у присяги (на вѣрность Іоанну Антоновичу и регенту Бирону, а потомъ, по арестованіи Бирона, Аннѣ Леопольдовнѣ, какъ правительницѣ) былъ и у присяжныхъ листовъ подписался».

Затѣмъ стали спрашивать по пунктамъ доноса.

«16-го ноября онъ племянника обѣдать звалъ и объ Альбрехтѣ и князѣ Трубецкомъ для того спрашивалъ, что хотѣлъ знать: нѣтъ ли имъ по дѣлу регента (то-есть, послѣ арестованія Бирона) какой отмѣны или отставки, потому что Кудаевъ прежде разсказывалъ ему, что бывшій регентъ, герцогъ Биронъ, къ Альбрехту маіору былъ добръ, а Трубецкой билъ тростью и по щекамъ поручика Аргамакова».

Здѣсь надо объяснить взаимныя отношенія упоминаемыхъ въ отвѣтѣ Калачева лицъ.

Генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-прокуроръ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, былъ сторонникомъ Бирона и, когда дворянство и военное сословіе хотѣло было послѣ смерти Анны Іоанновны воспротивиться назначенію Бирона регентомъ,—Трубецкой вмѣстѣ съ Бестужевымъ, Черкасскимъ и другими энергично ратовали за Бирона всѣми средствами. Поручикъ Аргамаковъ былъ арестованъ за противодѣйствіе регенту, а маіору Альбрехту Бирономъ и Бестужевымъ былъ порученъ секретный надзоръ за фельдмаршаломъ Минихомъ и цесаревной Елисаветой Петровной, съ правомъ даже схватить Миниха, если онъ будетъ ходить переодѣтый. Калачевъ весьма основательно сомнѣвался въ благополучіи этихъ лицъ послѣ сверженія и ареста ихъ главнаго покровителя, Бирона.

На щекотливые вопросы о главномъ: о его продерзостныхъ словахъ, Калачевъ отвѣчаетъ съ большимъ достоинствомъ и только кое-гдѣ слегка извертывается, и желаетъ подсолить Кудаеву.

Слова: «пропала де наша Россія! чего ради цесаревна престолъ не приняла?» и прочее говорилъ въ такой силѣ:

Напредь сего, какъ о регентствѣ было объявленіе, Кудаевъ ему сказывалъ, что весь Преображенскій полкъ желалъ быть наслѣдницею государынѣ цесаревнѣ, и что ихъ шестнадцатая рота вся того же желала, а Кудаевъ готовъ былъ на смерть подписаться. Къ тому же Кудаевъ разсказывалъ дядѣ, что въ домѣ цесаревны живетъ кума его сестры Степаниды, жены преображенскаго гобоиста Петра Калмыкова, и какъ имя этой кумы онъ не сказалъ, а хотѣлъ сходить къ этой кумѣ и узнать, что думаетъ и говоритъ цесаревна.

— Ну, а вотъ Кудаевъ пишетъ, что ты просилъ его сводить тебя къ цесаревнѣ,—спросили Калачева,—просилъ ты?

— Просилъ...

— А въ какой силѣ хотѣлъ говорить ты съ цесаревной о хожденіи въ сенатъ и о прочемъ?

— Говорилъ безъ всякаго злого умысла, но токмо отъ одного своего сожалѣнія, вспомня славныя дѣла государя императора Петра Великаго, и потому мнѣніемъ своимъ разсуждалъ, отъ своего легкомыслія, что по линіи надлежитъ быть законною наслѣдницею ея высочеству государынѣ цесаревнѣ...

Это «легкомысліе» было вынуждено уже у Калачева страхомъ застѣнка и пытки. Дальше онъ дѣлаетъ еще уступку правящей партіи.

— А по ея высочествѣ,—продолжалъ Калачевъ,—разумѣлъ я быть законною же наслѣдницею государынѣ правительницѣ великой княгинѣ Аннѣ Леопольдовнѣ всероссійской, а при ея императорскомъ высочествѣ быть государю императору Іоанну Антоновичу.

— Такъ. А говорилъ ты, что не знаешь, откуда владѣютъ государствомъ, и чья она дочь, наша правительница?

— Не говорилъ, понеже чувствительно знаю, что ея высо-

чество правительница есть дщерь благовѣрной царевны Екатерины Іоанновны.

— А насчетъ крещенія императора говорилъ?

— Говорилъ не со злого какого умысла, а чтобы народу не было сумнительства.

Калачевъ далѣе подтвердилъ, что Егуповъ разсказывалъ исторію о правосудномъ царѣ, а насчетъ наслѣдства принца Голштинскаго онъ «дѣйствительно съ простоты» говорилъ, что тутъ надо ждать бѣды и прочее такъ, какъ показалъ Кудаевъ, «и въ томъ онъ, Калачевъ, приноситъ вину свою».

Попавшійся врасплохъ старый петровскій вояка не отпирается ни отъ чего, не проситъ снисхожденія, а приноситъ во всемъ вину, то-есть признаетъ вину за собой и отдаетъ себя въ распоряженіе властей.

За Калачевымъ былъ допрошенъ Василій Егуповъ; этотъ купецъ дополнилъ кое-что изъ происходившаго разговора, сначала, однако, попытался было выгородить Калачева, сказывая постороннія рѣчи въ ихъ разговорѣ.

О себѣ Егуповъ показалъ.

«Онъ москвитинъ, купецкій человѣкъ, третьей гильдіи тяглецъ и жилъ въ Москвѣ своимъ дворомъ.

«Въ 1739 году въ мартѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ безъ паспорта отъ ратуши для ходатайства по прошенію поручика и прапорщика Алексѣя и Ивана Панкратьевыхъ о выдачѣ имъ изъ кабинета его величества жалованья 2.880 рублей, заслуженнаго ихъ отцомъ лейбъ-гвардіи маіоромъ Панкратьемъ Глѣбовымъ, и съ тѣхъ поръ живетъ въ Петербургѣ».

Егуповъ, видно, былъ неважный ходатай по дѣламъ или слишкомъ энергично добивался своего въ присутственныхъ мѣстахъ, ибо въ іюлѣ того же года самъ былъ посаженъ подъ караулъ въ коммерцъ-коллегіи за неплатежъ недоимокъ по порукѣ въ винныхъ откупахъ.

16-го ноября онъ попросился изъ-подъ караула у вахмистра Андрея Баженова, и онъ его отпустилъ помолиться въ Петропавловскій соборъ. Послѣ обѣдни, Егуповъ зашелъ по знакомству къ Калачеву, жившему на Петербургскомъ острову (сторонѣ), въ приходѣ церкви Матвѣя-Апостола, и по просьбѣ его остался у него обѣдать. Передъ вечеромъ пришелъ Кудаевъ.

Про разговоры Егуповъ показалъ:

Калачевъ обѣщался говорить съ цесаревной о своихъ дѣлахъ: хотѣлъ донести ея высочеству о своей обидѣ, что полковникъ Григорій Ивановъ сынъ Орловъ (отецъ знаменитыхъ Орловыхъ) отнялъ у него, Калачева, деревни напрасно...

— А о наслѣдствѣ престола говорилъ?

— Говорилъ,— сознался Егуповъ, а затѣмъ повторилъ все точь въ точь, какъ въ доносѣ Кудаева, и дополнилъ:

— Я ему говорю: хорошо, какъ тебя допустятъ до нея! а какъ того не сдѣлается,—такъ куда ты годишься?.. Знатно у ея высочества саможеланія о томъ не было!.. И говорилъ я это Калачеву для того,—вывертывался Егуповъ,—чтобы онъ болѣе о томъ разсужденія не имѣлъ.

— Инъ бы только ея величество свою волю объявила,—отвѣтилъ Калачевъ,—чтобы весь народъ былъ свѣдомъ, понеже со мною многіе офицеры говорили объ этомъ... А кто имянно и которыхъ полковъ, Калачевъ не сказалъ.

— Ну, а про генералитетъ, что всѣ воры, говорилъ ты?

— Я разсказывалъ только такой случай: москвитинъ, купецкій человѣкъ, Дмитрій Желѣзовъ съ товарищи доносили государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на московскихъ отдаточныхъ питей компанейщиковъ, въ похищеніи ими отъ питейнаго сбора прибыльныхъ денегъ до 500.000 рублей. По этому доносу именнымъ ея величества указомъ велѣно изслѣдовать дѣло въ сенатѣ,—только, не знамо для чего, дѣло это въ сенатѣ застряло и до сихъ поръ не окончено. Исторію о царѣ, что простого человѣка надо всѣми поставилъ, разсказывалъ, а послѣ ухода Кудаева остался у Калачева ночевать и на другой день воротился въ коммерцъ-коллегію.

Этимъ закончились первые допросы конспираторовъ.

Несмотря на серьезную важность дѣла, въ дѣйствіяхъ Тайной канцеляріи видна какая-то вялость и отсутствіе энергіи въ розыскахъ. Разспрашиваютъ изъ пятаго въ десятое, многое пропускаютъ мимо ушей, не докапываются до самой сути, какъ мы видимъ это въ другихъ, гораздо менѣе важныхъ дѣлахъ. Что было этому причиной? То ли, что Ушаковъ зналъ и жалѣлъ Калачева, или неопредѣленное и шаткое положеніе самого Ушакова въ этихъ переворотахъ, или, наконецъ, тайное сочувствіе генерала замысламъ Калачева и всей русской партіи?..

Съ дѣломъ, видимо, не торопились... Не ждали ли перемѣны событій?..

Ушаковъ представилъ правительницѣ выписку изъ дѣла, и только 22-го декабря 1740 года въ Тайной канцеляріи генералъ Ушаковъ объявилъ указъ:

«Вселюбезнѣйшая его императорскаго величества матерь, ея императорское высочество государыня правительница, великая княгиня всея Россіи, слушавъ выписку о дѣлѣ Кудаева, Калачева и Егупова, именемъ его императорскаго величества соизволила указать: онаго Калачева, который со оными Кудаевымъ и Егуповымъ, презря присягу свою, имѣя противные разговоры и замыслы,—привесть въ застѣнокъ и разспросить съ пристрастіемъ накрѣпко: кто съ нимъ въ томъ другіе сообщники имѣются? и кому онъ еще о томъ разглашалъ? и съ какого противнаго умыслу чинить то дерзнулъ?».

Послѣдній вопросъ былъ совершенно излишенъ, ибо «противный замыселъ» былъ весь, какъ на ладони,—но такъ требовала канцелярская грамматика и логика Тайной канцеляріи.

Вѣроятно, ради наступающихъ праздниковъ Рождества Христова и новаго года, допросъ съ пристрастіемъ былъ отложенъ до января будущаго года.

Пришлось старому капитану встрѣтить и провести праздникъ въ казематахъ Тайной канцелярія, въ тревожномъ ожиданіи пытки, о которой, вѣроятно, ему уже сообщали тайкомъ канцеляристы за нѣсколько копеекъ.

Но вотъ прошли и праздники; важнаго заговорщика не торопятся вести въ застѣнокъ; добрались до него только къ 19-му января 1741 г.

Калачевъ очутился въ застѣнкѣ, у дыбы съ заплечными мастерами, видя всѣ орудія пытки.

Туда же привели и доносчика Кудаева; явился и самъ Андрей Ивановичъ, и начался «допросъ съ пристрастіемъ», но безъ настоящей пытки и битья кнутомъ.

«Пристрастіе», вѣроятно, заключалось въ угрозахъ пыткою, примѣрномъ раздѣваніи, вкладываніи рукъ въ хомутъ дыбы, какъ бы для того, чтобы вздернуть на виску, и тому подобныхъ устрашеніяхъ.

На этомъ допросѣ съ пристрастіемъ Калачевъ утвердился въ первомъ своемъ показаніи и ничего новаго не добавилъ.

«Противные разговоры и замыслы съ Кудаевымъ и Егуповымъ имѣлъ онъ безъ всякаго къ тому противнаго умысла («замыслы безъ умысла!»... Таковъ канцелярскій стиль Тайной канцеляріи!), но отъ самой своей простоты».

И въ тѣхъ противныхъ разговорахъ и замыслахъ съ нимъ сообщниковъ не имѣлось, никому онъ о томъ не разглашалъ и никакого къ тому противнаго умыслу не имѣлъ, и въ томъ онъ утверждается подъ лишеніемъ живота своего.

Не смотря на такое явное запирательство, Калачева оставили и сочли дѣло оконченнымъ.

Черезъ мѣсяцъ безъ малаго, 11-го февраля, Андрей Ивановичъ Ушаковъ доложилъ правительницѣ экстрактъ изо всего дѣла, и на немъ Анна Леопольдовна положила собственную резолюцію:

«Послать въ ссылку въ Камчатку. Анна».

Касательно Калачева резолюція осталась въ силѣ, но Егупова рѣшили уже въ Тайной канцеляріи сослать въ другіе сибирскіе города, и именно въ Кузнецкъ (Томской губерніи).

Отставной капитанъ Калачевъ и купецъ Егуповъ поѣхали арестантами въ далекую Сибирь...

Доносчикъ, трусливый конспираторъ, солдатъ Василій Кудаевъ, за свой «правый доносъ» долженъ былъ получить награду и получилъ ее: его велѣно записать въ томъ же Преображенскомъ полку въ капралы, но онъ не удовлетворился этимъ, а, сославъ своего

стараго и, повидимому, любившаго его дядю въ Камчатку, началъ уже клянчить на бѣдность малость деньжонокъ, что, по представленію Ушакова правительницѣ, и было исполнено; дано ему «на бѣдность» 50 рублевъ!.. Сумма не велика, да не крупна и самая личность доносчика...

Тутъ бы нашей исторіи и конецъ,— совершись она въ другое, болѣе устойчивое время. Но люди веселились на вулканѣ, готовомъ къ изверженію: шла горячая, подземная, скрытная работа единомышленниковъ Калачева,— и вдругъ, для всѣхъ неожиданно, въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года совершился тотъ желанный всѣми русскими переворотъ.

25-е ноября 1741 года увидѣло россійскою самодержицею дочь Петра Великаго Елисавету Петровну,— и персонажи нашего повѣствованія были возстановлены въ своихъ правахъ.

Черезъ 9 дней по восшествіи своемъ на престолъ, Елисавета Петровна уже дала указъ въ Тайную канцелярію, на имя А. И. Ушакова, воротить Калачева и Егупова изъ ссылки...

Но поправить сдѣланное оказалось не такъ скоро возможно, какъ оно было сдѣлано. Пока шла переписка съ далекою Сибирью и Камчаткою, да отыскивали ссыльныхъ, часто сосланныхъ даже безъ именъ, прошло слишкомъ два года, и Калачевъ съ Егуповымъ воротились въ Петербургъ изъ ссылки только въ 1743 году...

Калачеву 21-го апрѣля 1743 года, въ день пріѣзда изъ ссылки, была возвращена въ Тайной канцеляріи шпага съ серебрянымъ эфесомъ, отобранная у него при арестѣ въ 1740 году.

О Егуповѣ мы не имѣемъ свѣдѣній со времени возвращенія его изъ ссылки до 1756 года.

Въ этомъ году онъ, ссылаясь на то, что во время ссылки онъ потерялъ все свое состояніе и впалъ въ бѣдность, просилъ объ опредѣленіи его въ Москвѣ присяжнымъ маклеромъ.

По представленію Тайной канцеляріи сенатъ опредѣлилъ Егупова на эту должность...

Къ сожалѣнію, списокъ съ подлиннаго дѣла не даетъ намъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о томъ, какъ поступлено было, послѣ перемѣны декорацій, съ трусливымъ конспираторомъ, доносчикомъ Кудаевымъ?... Удержалъ ли онъ свое повышеніе въ чинѣ, или былъ пониженъ?

VIII.

Разговоръ рейтаровъ «о царскихъ интересахъ».

(1743 — 1744 гг.).

Разговаривали рейтары самымъ мирнымъ образомъ; ни у одного изъ нихъ не было никакихъ антиправительственныхъ мыслей и въ поминѣ. Дѣло происходило далеко отъ Петербурга, въ Ригѣ, въ командѣ генералъ-адъютанта Василья Ѳедоровича Салтыкова.

Въ домѣ, гдѣ жилъ генералъ Салтыковъ, 31-го октября 1743 года, стояли на караулѣ нѣсколько рейтаровъ конной гвардіи, человѣкъ пять или шесть.

Отъ нечего дѣлать завели товарищи между собою разговоръ о предметѣ, у всѣхъ бывшемъ на умѣ, именно: о долговременномъ пребываніи въ Ригѣ, въ командѣ Салтыкова. Всѣ рейтары соскучились по Петербургѣ.

Разговоръ начали рейтары Яковъ Малышевъ и Иванъ Бартеневъ.

— Долго ли это мы здѣсь промаемся, ребята?..

— И когда это намъ смѣну пришлютъ?

— Смѣну намъ пришлютъ вмѣстѣ съ его высокопревосходительствомъ, генераломъ Салтыковымъ.

Тутъ вступилъ въ разговоръ рейтаръ Иванъ Мартьяновъ.

— Какъ можно его высокопревосходительству смѣну сдѣлать?.. У генерала Салтыкова на рукахъ много «государева интересу»...

— Что-жъ, что много «интересу»?—вставилъ свое вѣское замѣчаніе четвертый рейтаръ, Адріанъ Осоргинъ.— Для чего ради «интересу» смѣны не прислать?.. Какъ пришлютъ генералу смѣну, и его высокопревосходительство отдастъ все съ роспискою тому, кто останется на его мѣстѣ въ Ригѣ... А не то — по пріѣздѣ сочтутъ «царскій интересъ», а вѣрнѣе, что и совсѣмъ считать не будутъ, потому какъ всемилостивѣйшая государыня очень добра и милостива...

— Хорошо, что государыня милостива, однако какъ же и не считать «государева интересу»?...

— А очень просто бываетъ!—возразилъ Осоргинъ,— блаженныя памяти покойный государь, первый императоръ Петръ Алексѣевичъ, ужъ на что былъ скупъ, иногда «изъ копейки давливался», а тоже иныхъ считывалъ, а иныхъ и не считывалъ...

Что-то къ этимъ рѣчамъ прибавилъ еще рейтаръ Кирило Карташовъ, и такъ бы этому разговору и кончиться безъ всякихъ послѣдствій...

Однако нѣтъ. Какими-то путями обнаружился рейтарскій разговоръ о «царскомъ интересѣ»; ему придали важное значеніе. Осоргина и Карташова арестовали, посадили въ арестантскую, допрашивали и вмѣстѣ съ допросными пунктами переслали къ фельдмаршалу принцу Гессенъ-Гомбургскому, а фельдмаршалъ препроводилъ арестантовъ вмѣстѣ со всѣмъ дѣломъ въ Тайную канцелярію, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

21-го января 1744 года «были получены» въ Тайной канцеляріи Осоргинъ и Карташовъ.

Долго имъ пришлось ждать допроса и рѣшенія своего дѣла: они просидѣли въ Тайной канцеляріи цѣлый годъ, пока не собрались ихъ допросить вновь и разсудить все дѣло.

На допросѣ Осоргинъ, какъ водится, сказалъ, что всѣ его рѣчи произошли «съ простоты и отъ глупости», и никакого умыслу онъ въ этомъ не имѣлъ. «И о томъ, кто-бъ въ интересахъ его величества былъ не считанъ, онъ никого не знаетъ, а при томъ о его величествѣ онъ болѣе не говорилъ и ни отъ кого никакихъ рѣчей не слыхалъ».

Въ службѣ Осоргинъ состоитъ съ 1718 года, отъ роду ему 55 лѣтъ, родомъ изъ шляхетства.

Что говорилъ и какія показанія давалъ привезенный вмѣстѣ съ Осоргинымъ Карташовъ, по выпискѣ изъ дѣла не видно, точно такъ же, какъ нѣтъ и приговора о немъ.

Осоргинъ былъ приговоренъ 22-го января 1745 года: «За объявленныя продерзостныя слова подлежалъ бы онъ жесточайшему наказанію, но понеже Осоргинъ содержанъ былъ не малое время, а именно: годъ и два мѣсяца (подъ арестомъ), и, какъ изъ разспросовъ значится, что оное чинилъ съ простоты и отъ глупости своей,— того ради отъ онаго наказанія свободить и вмѣсто того учинить ему, Осоргину, наказаніе—бить плетьми, дабы, смотря на то, другіе отъ такихъ продерзостей имѣли воздержаніе. Однако же оное предоставить въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе и милосердіе.

Императрица повелѣла написать Осоргина въ другой полкъ солдатомъ.

IX.

Послѣдователь Талицкаго.

(1748 — 1755 гг.).

Дѣло книгописца Григорія Талицкаго въ 1701 году, потомъ дѣло капитана Василія Левина въ 1722 году, бесcловившихъ о пришедшемъ въ міръ антихристѣ въ образѣ царя Петра, открыли намъ интересныя и важныя подробности умственнаго броженія въ народѣ, возбужденнаго періодомъ крутыхъ реформъ. Спокойное и опредѣленное, установившееся вѣками, міросозерцаніе народное впервые было взбудоражено Никоновымъ исправленіемъ церковныхъ книгъ.

Извѣстно, какую бурю подняло оно, послуживъ причиною религіознаго раскола, нравственно раздѣливъ весь русскій народъ почти на двѣ половины.

Уже тогда люди съ мистическимъ складомъ ума, воспитаннаго на апокрифахъ, старавшіеся объяснить себѣ загадки Апокалипсиса, видя «трудъ и утѣсненіе», кровавую борьбу изъ-за вѣры и преобладаніе одного человѣка, вспомнили о кончинѣ міра и пришествіи антихриста и стали примѣнять пророчества и намеки Апокалипсиса къ своему времени, называя Никона антихристомъ, находя въ его имени «число звѣрино» 666.

Съ тѣхъ поръ эти толки не унимались, а когда Петръ проявилъ свою несокрушимую волю въ жестокой ломкѣ укоренившихся обычаевъ,— тогда наименованіе антихриста перешло къ нему, и его время стали называть «послѣдними временами» міра. Какъ при Никонѣ, такъ и при Петрѣ, догадливыя головы находили полное сходство указаній Апокалипсиса и пророчествъ о кончинѣ міра съ современными имъ событіями и ловко ихъ толковали на свой ладъ, увлекая своими бреднями темный народъ.

И «число звѣрино» 666 находилось въ имени и титулахъ Петра Великаго, и «исчисленіе лѣтъ» до конца міра, основанное на Апокалипсисѣ и пророкахъ, указывало на эпоху Петра, какъ на приближеніе страшнаго суда.

Смятеніе было страшное и глубоко проникало въ народныя массы. Эти слухи и толки выработали, наконецъ, энергичную личность, въ которой они выразились съ рѣзкостью и полнотою, такъ сказать, олицетворились. Это былъ книгописецъ, то-есть занимавшійся перепискою книгъ, Григорій Талицкій, изувѣръ и фанатикъ, дошедшій до сознанія, что пришли «послѣднія времена», и написавшій по этому поводу двѣ тетрадки: «Врата» и «Исчисленіе лѣтъ отъ созданія міра до скончанія», гдѣ доказывалось неопровержимо для тогдашнихъ простецовъ, что Петръ Великій, какъ осьмой царь, есть антихристъ. Насколько убѣжденія Талицкаго не были исключительны, а принадлежали массѣ людей, и въ немъ только сконцентрировались и приняли черезъ него литературную форму,— доказывается огромнымъ успѣхомъ его тетрадокъ, которыя онъ самъ переписывалъ и распространялъ. Единомышленниками его были не только простые люди, но и многіе священники и монахи, и даже тамбовскій епископъ Игнатій, который плакалъ, слушая чтеніе тетрадокъ Талицкаго, и подарилъ ему за это пять рублевъ, деньги большія по тому времени!.. [1]). Наконецъ Талицкій рѣшилъ напечатать свои сочиненія для болѣе успѣшнаго ихъ распространенія, купилъ доски, «назнаменовалъ» на нихъ слова и отдалъ «рѣзчику» то-есть первобытному граверу, распопу Гришкѣ.

Доски были вырѣзаны, но печатать не удалось; на Талицкаго донесъ придворный пѣвчій, дьякъ Θедоръ Казанецъ, и онъ очутился въ Преображенскомъ приказѣ.

Въ 1701 году, Талицкій былъ казненъ послѣ множества пытокъ; съ нимъ пострадало много народу, а тамбовскаго епископа Игнатія разстригли и сослали колодникомъ Ивашкой въ Соловецкій монастырь, въ Головленкову тюрьму.

Дѣло Талицкаго раскрыло большую опасность для правительства, крывшуюся въ народномъ недовольствѣ, подстрекаемомъ не-

---

[1]) О дѣлахъ Талицкаго и Левина см. «Раскольничьи дѣла XVIII вѣка»— Г. Есипова, т. I, Спб., 1861 г.

лѣпыми толками о послѣднихъ временахъ и антихристѣ. Петръ рѣшилъ не замалчивать этотъ щекотливый вопросъ и противъ толковъ и нелѣпыхъ тетрадокъ, циркулировавшихъ въ народѣ, выступить съ проповѣдью и обличеніемъ авторитетнаго въ глазахъ народной массы духовнаго лица. Такимъ лицомъ былъ Стефанъ Яворскій, обличившій Талицкаго [1]), и ему поручили составить книгу, гдѣ бы всѣ эти толки были опровергнуты на основаніи священнаго писанія, вразумительно и ясно для самыхъ придирчивыхъ и начитанныхъ оппонентовъ.

Въ 1703 году, было напечатано сочиненіе Яворскаго: «Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка, отъ писаній божественныхъ явленна». Въ этой книгѣ Яворскій, видимо, возражаетъ на тетрадки Талицкаго о «счисленіи лѣтъ», не сохранившіяся при дѣлѣ, и разсматриваетъ вопросъ объ антихристѣ всесторонне: и о происхожденіи его, и о числѣ лѣтъ его царствія (полчетверта годовъ), и объ имени его (при чемъ насчитываетъ одиннадцать греческихъ предполагаемыхъ именъ антихриста, соотвѣтствующихъ числу 666).

Книга Яворскаго написана со всею богословскою ученостью, какою обладалъ мѣстоблюститель патріаршаго престола, но самая запутанность предмета часто заставляла рязанскаго владыку прибѣгать къ натянутымъ объясненіямъ, а въ иныхъ мѣстахъ, совсѣмъ темныхъ, заканчивать рѣчь словами: «Но что о семъ много глаголати?» «Не терпитъ тайна испытанія...».

Однако зло укоренилось слишкомъ глубоко для того, чтобы сочиненіе Яворскаго могло разсѣять ложные толки; они продолжали жить и распространяться въ народѣ, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая дѣятельность Петра на пути реформъ не могла помирить съ нимъ приверженцевъ старины, а еще болѣе ихъ озлобляла. Имя Талицкаго, человѣка, по многимъ свѣдѣніямъ, умнаго и сильнаго волею, окружилось ореоломъ мученичества; ему сочувствовалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ; о немъ вспомнила черезъ пятьдесятъ лѣтъ императрица Елисавета Петровна и потребовала его дѣло изъ Тайной канцеляріи къ себѣ на разсмотрѣніе, но оно оказалось уже неполнымъ.

Лучшимъ доказательствомъ живучести идей о кончинѣ міра и антихристѣ явился черезъ двадцать лѣтъ послѣ Талицкаго процессъ капитана Василія Левина, въ иночествѣ старца Варлаама. Это былъ невропатъ, подверженный припадкамъ эпилепсіи, съ мистическимъ наклономъ мыслей, противъ воли отданный отцомъ-помѣщикомъ въ

---

[1]) По инымъ свѣдѣніямъ (напримѣръ, въ «Возраженіи на камень вѣры», ркп. П. В.), во время спора Яворскаго съ Талицкимъ, митрополитъ былъ окончательно побѣжденъ еретикомъ, и только личное вмѣшательство Петра прекратило споръ. См. Пекарскій: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», т. II.

военную службу, гдѣ онъ и дослужился съ 1701 по 1711 годъ до капитана гренадерскаго полка.

Въ 1719 году, онъ вышелъ по болѣзни въ отставку и въ 1722 г. постригся въ монахи въ Предтеченскомъ, около Пензы, монастырѣ. Пунктомъ помѣшательства Левина были «послѣднія времена», антихристъ, котораго онъ видѣлъ въ лицѣ Петра Великаго, антихристовы печати и прочее, о чемъ онъ много разговаривалъ съ людьми всякаго званія: офицерами, монахами, попами, и въ большинствѣ случаевъ находилъ сочувствующихъ, но не смѣлыхъ, людей. Онъ видѣлся и былъ ласково принятъ даже Стефаномъ Яворскимъ, котораго и запуталъ въ свое дѣло, желая подвергнуть его мученіямъ и тѣмъ доставить ему царствіе небесное. Дѣло Левина обнаружило и такой поразительный фактъ, что домашній «крестовый» попъ князя Меньшикова, Никифоръ Лебедка, считалъ Петра антихристомъ, сознался въ этомъ и былъ казненъ.

Въ монастырѣ Левинъ нашелъ себѣ единомышленника въ своемъ духовномъ наставникѣ старцѣ Іонѣ и, распаля воображеніе разговорами съ нимъ, 17-го марта 1722 года, пошелъ на базарную площадь въ Пензѣ въ торговый день, влѣзъ на крышу одной изъ лавочекъ и, поднявъ клобукъ на палкѣ, началъ громко проповѣдывать народу о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра, антихристовыхъ клеймахъ, неповиновеніи царю и такъ далѣе.

Народъ сильно смутился и разбѣжался, но въ числѣ слушателей нашелся посадскій человѣкъ Ѳедоръ Каменщиковъ, который въ тотъ же день донесъ на Левина въ пензенскую земскую контору, и ихъ обоихъ, заковавши, отправили въ Тайную канцелярію, а Предтеченскій монастырь арестовали весь и приставили къ нему караулъ.

И тутъ, какъ въ дѣлѣ Талицкаго, оказалось замѣшано много людей, и даже самъ Стефанъ Яворскій былъ допрашиваемъ на дому и ставленъ на очную ставку съ Левинымъ.

Можетъ быть, эта тревога сильно подѣйствовала на престарѣлаго владыку, ибо онъ черезъ четыре съ небольшимъ мѣсяца послѣ этого допроса и ставки умеръ въ ноябрѣ 1722 года.

Левинъ, послѣ страшныхъ истязаній, былъ казненъ въ Москвѣ, на Болотѣ, 16-го іюля 1722 года, ему отрубили голову и въ банкѣ со спиртомъ отправили ее въ Пензу, гдѣ казнили еще четверыхъ— двухъ поповъ и двухъ монаховъ, и головы всѣхъ пятерыхъ выставили на каменномъ столбу съ надписью о преступленіяхъ, совершенныхъ ими. Послѣ этого, 7-го августа, въ Москвѣ, казнили еще крестоваго попа Меньшикова, Лебедку, а Ѳедору Каменщикову за правый доносъ была дана награда въ триста рублевъ и право торговать въ Россіи безданно-безпошлинно по его смерть, въ чемъ и выданъ былъ ему листъ. Предтеченскій монастырь, гдѣ былъ постриженъ Левинъ, велѣно было разобрать до основанія, а цер-

конечную утварь и оставшуюся братію перевесть въ сосѣдній Спасо-Преображенскій монастырь.

Таковы два дѣла о проповѣдникахъ антихристова пришествія и кончины міра, предшествовавшія тому, третьему, которое мы сейчасъ передадимъ читателямъ по неизданной выпискѣ изъ подлиннаго дѣла, выпискѣ, къ сожалѣнію, чрезвычайно краткой.

Это третье дѣло возникло черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Талицкаго и черезъ тридцать послѣ Левина и доказываетъ, какъ живучи бываютъ мистическія нелѣпости, усвоенныя народною массой.

Оно имѣетъ свой, отличный отъ первыхъ двухъ дѣлъ, характеръ. Въ первомъ дѣйствовалъ убѣжденный и «книжный» человѣкъ, самъ сильно дѣйствовавшій на умы другихъ, споръ съ которымъ былъ едва подъ силу самому Стефану Яворскому; во второмъ — эпилептикъ и невропатъ, питавшій свои сумасбродныя мысли сочувствіемъ другихъ, не имѣвшій ни силъ, ни способностей распространять свои мысли и дошедшій наконецъ до болѣзненнаго припадка ярости, за который поплатился жизнью.

Дѣйствующее лицо нашего дѣла—раскольникъ, дворцовый крестьянинъ Макаръ Алексѣевъ, въ 1748 году попалъ въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію «за разныя видѣнія, объясненія Апокалипсиса, изъ которыхъ явствовало, что Петръ Великій былъ антихристъ, и другія бредни».

Послѣ пытокъ и допросовъ, на которыхъ упорный раскольникъ не отрекся отъ своихъ словъ, ссылался, вѣроятно, на тетради Талицкаго и на нихъ утверждался, его въ 1750 году, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, сослали колодникомъ въ Крестный монастырь.

Здѣсь надо сдѣлать сопоставленіе фактовъ, которое дастъ намъ весьма вѣроятную мысль, что не это ли самое дѣло Макара Алексѣева и было причиною того, что императрица Елисавета Петровна потребовала къ себѣ на разсмотрѣніе изъ Тайной канцеляріи дѣло Талицкаго? И наказаніе Алексѣева, и требованіе дѣла относятся къ одному 1750 году. Вѣроятно, дѣло Макара Алексѣева было въ свое время громкимъ дѣломъ, если императрица поинтересовалась источникомъ этихъ сумасбродныхъ ученій объ антихристѣ.

Во времена до-Елисаветинскія, Макара Алексѣева просто казнили бы смертію, но извѣстно, что при Елисаветѣ не производилось смертныхъ казней, и потому сумасбродъ былъ заточенъ въ монастырь.

Въ Крестномъ монастырѣ Макаръ Алексѣевъ не унялся отъ своихъ бредней и продолжалъ проповѣдывать объ антихристѣ колодникамъ. Это было уже какое-то озлобленное повтореніе мятежныхъ рѣчей, не основанное на писаніи, а направленное просто къ тому, чтобы досадить наказавшимъ его людямъ, отвести свою злую душу, сорвать накипѣвшее зло.

— Петръ Первый былъ антихристъ! — проповѣдывалъ Макаръ

Алексѣевъ колодникамъ,—былъ, да прошелъ, а теперь императрица Елисавета Петровна антихристова дочь, а когда воцарится Петръ Ѳедоровичъ, то онъ будетъ второй антихристъ, и царство его недолго будетъ!..

За такія пророчества Макара Алексѣева, по доносу колодниковъ, въ 1755 году снова привезли въ Тайную канцелярію и поставили къ допросу.

Упорный изувѣръ и тутъ не сдался, не отрекся отъ своихъ словъ и повторилъ все, сказавъ, что считаетъ все это за истину и въ томъ готовъ пострадать и даже вѣнецъ мученическій воспріять...

Изъ состраданія къ старости Макара Алексѣева его не пытали на этотъ разъ, а рѣшили, наказавъ снова кнутомъ, сослать въ Соловецкій монастырь, въ тюрьму, неисходно, съ такимъ распоряженіемъ: если означенный колодникъ Алексѣевъ будетъ еще буесловить и говорить непристойныя рѣчи, то класть ему въ ротъ кляпъ...

X.

Полицейское усердіе не по разуму.

(1778 г.).

Настоящее дѣло весьма удачно заканчиваетъ весь рядъ описанныхъ нами ранѣе казусовъ о «непристойныхъ словахъ».

Оно возникло въ царствованіе Екатерины II, уже по уничтоженіи Тайной канцеляріи и «слова и дѣла» [1]).

Въ высшихъ судебныхъ сферахъ повѣяло совсѣмъ новымъ, гуманнымъ духомъ: пытки примѣнялись только въ крайныхъ и важныхъ случаяхъ.

Но что жило вѣками,—не могло сразу исчезнуть изъ народнаго сознанія; суды и должностныя лица въ отдаленныхъ провинціяхъ не могли быть на высотѣ гуманныхъ воззрѣній высшихъ правительственныхъ лицъ: они были воспитаны совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, для нихъ старый разыскной процессъ все еще былъ вѣрнѣйшимъ средствомъ добиться истины, и пытки еще употреблялись, хотя и не явно, а подъ секретомъ. Точно также и разговоры о высочайшихъ особахъ, хотя бы и самые невинные, въ глазахъ должностныхъ лицъ, привыкшихъ ихъ считать преступленіемъ «по первымъ двумъ пунктамъ» (какъ неукоснительно бывало прежде), часто бывали поводомъ къ возбужденію преслѣдованія противъ упоминавшихъ такъ или иначе царствующую особу.

---

[1]) Послѣдовательный обзоръ узаконеній, уничтожавшихъ пытки и прежній розыскной процессъ, см. «Историческій Вѣстникъ», 1881 г., №№ 3—4, «Старинныя дѣла объ оскорбленіи величества».

Смотрѣть легко, съ новой точки зрѣнія, преподанной свыше, на такіе разговоры иные еще не могли: слишкомъ сильна была прежняя привычка, а новыя воззрѣнія еще не были усвоены.

Все нами сказанное въ этихъ строкахъ отлично подтверждается нижеслѣдующимъ дѣломъ, возникшимъ въ Малороссіи, въ Трубчевскомъ уѣздѣ, «въ Малороссійской будѣ Суземки», какъ сказано въ спискѣ изъ дѣла, въ январѣ 1778 года.

Молодой парень Гузеевъ, неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ, началъ разсказывать:

— Его высочество, великій князь Александръ Павловичъ, родился «со звѣздою и съ крестомъ» и въ рукахъ имѣлъ два колоска житныхъ...

Больше ничего не записано въ дѣлѣ о рѣчахъ Гузеева, а эти слова, какъ читатель видитъ, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ эпическаго языка и міровоззрѣнія народа, коль скоро дѣло касается до царской особы.

Мнѣніе, что персоны царскаго дома родятся всегда съ особыми необыкновенными примѣтами на тѣлѣ, во свидѣтельство ихъ высшаго происхожденія, чтобы они не могли смѣшаться съ людьми обыкновенными (а, смѣшавшись, могли бы быть легко отличены),— было широко распространено среди простого народа, еще и теперь о нѣкоторыхъ предметахъ мыслящаго на эпическій складъ.

Даже Пугачевъ, когда еще въ самомъ началѣ своей самозванческой карьеры вербовалъ себѣ первыхъ слугъ на уральскихъ хуторахъ и уметахъ, то показывалъ на тѣлѣ какіе-то знаки своего царскаго происхожденія.

Словомъ, въ рѣчахъ Гузеева не было ни единаго намека на непочтеніе къ царствующему дому, а напротивъ—даже признаніе за нимъ всѣхъ миѳическихъ отличій, знаменующихъ и высокое происхожденіе, и счастливую будущность (два колоска житныхъ въ рукахъ).

Но не такъ взглянуло на этотъ разговоръ ближайшее мѣстное начальство въ лицѣ полицейскаго смотрителя прапорщика Тиманова. Оно усмотрѣло въ этихъ словахъ преступленіе противъ чести монаршей и тотчасъ же донесло о «неприличныхъ словахъ» Гузеева Трубчевской воеводской канцеляріи.

Воеводская канцелярія, по старой памяти, безъ дальнихъ разсужденій, поторопилась арестовать не только говорившаго, но и все его семейство: отца, брата и сестру.

Послѣ допроса въ воеводской канцеляріи, гдѣ открылась непричастность къ разговору Гузеева его родныхъ,—ихъ отпустили, и обо всемъ происшедшемъ донесли губернатору Свистунову. Свистуновъ не почелъ себя въ правѣ самому разсудить это дѣло, а сообщилъ допросные пункты генералъ-губернатору «Смоленскаго намѣстничества и Бѣлгородской губерніи», генералъ-аншефу князю Николаю

Васильевичу Рѣпнину. Этотъ вельможа взглянулъ на представленное ему дѣло совсѣмъ иначе. То, что было преступленіемъ для полицейскаго, воеводской канцеляріи и губернатора Свистунова,—въ глазахъ Рѣпнина потеряло всякій криминальный оттѣнокъ.

6 апрѣля 1778 г. Рѣпнинъ послалъ въ Петербургъ князю А. А. Вяземскому, генералъ-прокурору, выписку изъ дѣла Гузеева и приложилъ къ ней слѣдующее письмо, интересное въ томъ отношеніи, что ярко показываетъ намъ и гуманность воззрѣній Рѣпнина, и новыя вѣянія въ судебномъ дѣлѣ.

«Милостивый государь мой,

«князь Александръ Алексѣевичъ!

«Здѣсь имѣю честь приложить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства полученныя мною вчера [1]) бумаги, заключающія такой вздоръ, который и читать скучно, и стыдно за самихъ тѣхъ, кои оный писали.

«Я изъ того болѣе не вижу, какъ только, что мужикъ Гузеевъ вралъ, и самъ не зная что, а прапорщикъ Тимановъ, или по такой же простотѣ почтя оное важностью и испугавшись, что о томъ долгое время молчалъ,—наконецъ сдѣлалъ доносъ: или, можетъ быть, хотѣлъ къ тому простяку привязку сдѣлать, думая что нибудь съ него сорвать...

«И по симъ обстоятельствамъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ дать повелѣніе, чтобъ сіе дѣло совсѣмъ оставлено было, а только Тиманову вымыть голову за то, что онъ о такомъ вздорномъ враньѣ вступилъ въ донесеніе и хотѣлъ бѣдному мужику въ спокойной его жизни нанесть безпокойство и невинное притѣсненіе»...

Какъ недалеко, по числу протекшихъ лѣтъ, то время, когда всякая такого рода вина была виновата,—и какою уже гуманностью вѣетъ отъ этого письма!...

Генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, вполнѣ согласился съ Рѣпнинымъ и на докладѣ, представленномъ императрицѣ Екатеринѣ II, вслѣдъ за изложеніемъ существа дѣла, далъ и свое заключеніе, гдѣ мысли Рѣпнина дополнилъ своими и вмѣстѣ съ тѣмъ захотѣлъ дать хорошій урокъ захолустнымъ кляузникамъ, хорошо зная нравы и обычаи тогдашнихъ присутственныхъ мѣстъ.

«А изъ сего,—писалъ Вяземскій въ заключеніе доклада императрицѣ,—заключить съ вѣрностію можно, что Тимановъ въ сей доносъ вступилъ отнюдь не по должности званія своего, а, какъ выше сказано, изъ мщенія, или для другого какого либо пристрастія,—

[1]) Значитъ, прошло цѣлыхъ три мѣсяца отъ арестованія Гузеева до того, когда его дѣло дошло до Рѣпнина; все это время Гузеевъ сидѣлъ подъ арестомъ.

за что оный Тимановъ достоинъ осужденія; чего ради онаго Тиманова, какъ человѣка, не имѣющаго въ дѣлахъ прямого понятія и склоннаго къ ябедѣ и мщенію, въ страхъ другимъ, отъ нынѣшней его должности отрѣшить и впредь къ дѣламъ не опредѣлять.

«Трубчевской воеводской канцеляріи дать примѣтить, что она, видя изъ доноса Тиманова, что оный отнюдь не заслуживаетъ уваженія,—не только, однако, человѣка, на кого доносъ былъ, взяла подъ караулъ, но и весь домъ, то-есть и женщинъ, на коихъ ни на кого извѣта не было, позабрала подъ караулъ и производила допросы, а симъ самымъ навела показаннымъ людямъ неповинное огорченіе.

«Чего ради впредь оной канцеляріи въ забираніи людей подъ стражу поступать съ такою осторожностью, дабы отнюдь безвинно никто не могъ почувствовать ни малѣйшаго озлобленія, ибо оной канцеляріи, по полученіи такого, можно сказать, пустого доноса, надлежало: не забирая показанныхъ людей подъ караулъ, по крайней мѣрѣ представить и резолюціи ожидать отъ губернатора, почему бы оные всѣ люди и могли быть отъ такого огорченія избавлены»...

На докладѣ императрица написала: «быть по сему».

Этотъ послѣдній документъ столь краснорѣчивъ самъ по себѣ, какъ фактъ, какъ выраженіе стремленій правительства въ царствованіе Екатерины Великой, что мы воздержимся отъ всякихъ комментаріевъ и заключимъ этимъ документомъ рядъ темныхъ и прискорбныхъ дѣлъ прошлаго времени.

А. В. Арсеньевъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ КНИГОПРОДАВЦЫ-АПРАКСИНЦЫ И БУКИНИСТЫ[1].

II.

Букинисты-мѣшечники.

РОМѢ книгопродавцевъ, имѣвшихъ постоянную торговлю на мѣстахъ, то-есть, въ магазинахъ, въ лавкахъ, или такъ гдѣ либо раскладывавшихся съ своимъ товаромъ,—въ то время существовалъ еще особый типъ букинистовъ-мѣшечниковъ, которые носили книги въ перекидныхъ мѣшкахъ.

Такіе мѣшки дѣлались обыкновенно $2^{1}/_{4}$ аршина длины и $^{3}/_{4}$ ширины; оба конца ихъ зашивались наглухо, а по срединѣ одна треть оставалось не зашитою; такимъ образомъ они могли наполняться съ обѣихъ сторонъ и перекидывались черезъ плечо. Эти букинисты разносили свой товаръ попреимуществу интеллигенціи того времени, какъ-то академикамъ, профессорамъ и прочимъ любителямъ, библіоманамъ, а самыми лучшими ихъ покупателями были богатые офицеры военной академіи и кавалерійскихъ полковъ гвардіи. Несмотря на то, что большинство изъ нихъ ходили въ армякахъ, подпоясанныхъ кушаками, и въ сапогахъ, смазанныхъ дегтемъ, имъ не рѣдко удавалось попадать въ кабинеты богатыхъ княжескихъ и графскихъ домовъ, потому что они являлись, большею частью, поставщиками такихъ книжныхъ рѣдкостей, которыя достать было до-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 81.

вольно трудно. Черезъ нихъ же можно было пріобрѣсти все, что угодно, какъ дорогія распроданныя изданія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, такъ и книги, не дозволенныя въ продажѣ—политическаго или порнографическаго содержанія. Изъ числа этихъ букинистовъ-мѣшечниковъ были довольно интересные типы, на которыхъ не мѣшаетъ остановиться впослѣдствіи, а теперь я хочу сказать о нихъ въ общихъ чертахъ и о пріемахъ ихъ торговли.

Всѣ эти букинисты были люди, такъ сказать, разбитные, то-есть ловкіе, изворотливые и смѣлые. Они выходили, въ большинствѣ, изъ свихнувшихся приказчиковъ книжныхъ магазиновъ, или съ Апраксина двора, почему всѣ вообще знали хорошо книжное дѣло. Кромѣ того, они отлично умѣли дѣлать фальсификацію книгамъ — по[...] жимъ, что фальсификаціею, въ то время, занимались и апраксин[...] книжники, но болѣе всего она практиковалась букинистами.

Фальсификація производилась такимъ образомъ: въ хор[...] книги, оказывавшіяся неполными, вкладывали листы изъ др[...] книгъ, подходящихъ по формату и по печати, на титулахъ [...] чищали численность томовъ, чисто, почти незамѣтно, изъ [...] нибудь нестоящей и рваной книги, вклеивали конецъ и зат[...] давали въ переплетъ. Всѣ эти переработки были на стольк[...] ратны, что только опытный человѣкъ могъ замѣтить такую [...] такими книгами букинисты нерѣдко снабжали своихъ поку[...] Впрочемъ, надо сказать, что они частенько бывали и впол[...] ными для нѣкоторыхъ господъ, потому что безъ нихъ н[...] вольно трудно было бы найти нужную книгу, а они хоро[...] у кого изъ книгопродавцевъ какія имѣлись рѣдкости, а т[...] и то, кто какихъ книгъ болѣе придерживался.

Когда у нихъ не было своего товара, — а у нихъ за[...] не случалось,—то они брали его наснось изъ лавокъ [...] рынка, то-есть, брали книги, чтобы только «предложи[...] телю, и, если продавали, то обязаны были заплатить [...] цѣну, а если нѣтъ—возвращали ихъ обратно. Но не [...] были готовые покупатели; приходилось ихъ разыски[...] ложивъ мѣшки товаромъ, а иные, вмѣсто книжекъ, и [...] ками изъ-подъ сигаръ, ходили по улицамъ и, останав[...] господъ, преимущественно военныхъ, предлагали имъ [...] или выдающіяся сочиненія. Конечно, богатые господа [...] у нихъ не покупали, но очень часто, принимая ихъ [...] дѣлали имъ заказы. Излюбленнымъ мѣстомъ ловли покуп[...] жили имъ военная академія, академія наукъ и [...] этого, нѣкоторые изъ нихъ, постоянно, отъ 2-хъ и [...] бродили около сказанныхъ зданій и каждому, выход[...] предлагали свои услуги.

Но самая блестящая у нихъ торговля была [...] войска находились въ лагеряхъ. Въ лагер[...]

О. Л. Свѣшникова
ярмаркамъ, преиму-
Макарію, что нынѣ
службу къ М. П. Гла-
книжнымъ магази-
Глазунова, въ 1836
шой магазинъ, кото-
довой улицѣ въ домѣ
большой оригиналъ.
итый и всегда въ ци-
былъ вѣжливъ, тихъ и,

отъ какого товара, ко-
выбора, почему буки-
магазинамъ, съ остат-
Принесетъ бывало ему
жить на выручку.

ѣйшій,—отвѣчаетъ Иванъ

ъ принесъ книги хорошія.

ній, посмотрю,—и, развязавъ

.ги,—приговариваетъ онъ, раз-
колько же стоятъ ваши книги?
имоѳеевичъ.
ѣтъ, я такъ не куплю. Кабы

Иванъ Тимоѳеевичъ?
вольте.
оѳеевичъ? за такія книги и въ

Только я больше не могу дать.
зать пачку.
Иванъ Тимоѳеевичъ. Да вы по-

учить семьдесятъ пять копеекъ.
удетъ. Давайте настоящую цѣну.

рублей! Пять рублей дорого.
съ васъ.
й не могу дать.
окончательно дадите? Вѣдь надо же

вѣстясь самъ нести книгу въ магазинъ, отчасти не имѣя времени, посылалъ букиниста продать ее. Кромѣ того, въ тѣ времена на рынокъ много попадало такъ называемаго темнаго товара. Этотъ товаръ таскали переплетчики, служащіе въ типографіяхъ, а зачастую и прислуга сочинителей и издателей книгъ.

Лавочникамъ было не удобно самимъ носить такой товаръ продавать въ магазины, чтобы не выказать себя съ неблаговидной стороны, то-есть, чтобы не обнаружить занятія темною торговлею, и они отдавали его всегда на комиссію букинистамъ, которые и распродавали по магазинамъ. Въ магазинахъ хотя и знали, какимъ путемъ пріобрѣтенъ товаръ, но не отказывались покупать повыгоднѣе, а особенно у кого подобныя книги находились на комиссіи, потому что, распродавъ комиссіонные экземпляры, оставленные, положимъ, изъ 20%,—могли ихъ замѣнить болѣе дешевыми. И это въ старину практиковалось почти у всѣхъ книгопродавцевъ: въ иныхъ магазинахъ пользовались такою выгодою сами хозяева, а въ иныхъ приказчики безъ вѣдома хозяевъ.

Впрочемъ, въ магазины букинистамъ случалось ходить и съ своимъ товаромъ; имъ приходилось довольно часто и самимъ покупать въ домахъ хорошія книги, а еще чаще случалось у разныхъ писателей вымѣнивать новыя изданія. Пріобрѣтя такой товаръ, они прежде всего отправлялись къ Вольфу, въ то время еще только начинавшему торговать и по новости покупавшему лучше другихъ.

Маврикій Осиповичъ Вольфъ и самъ ходилъ по рынку, собиралъ нужныя или просто недостающія въ его магазинѣ книги, а въ 6 часовъ вечера принималъ всѣхъ книжниковъ, приносившихъ ему книги на продажу. Близъ заднихъ дверей магазина у него былъ поставленъ столъ и стулъ, и вотъ туда проносили мѣшки съ книгами, выкладывали ихъ на столъ, а Маврикій Осиповичъ садился на стулъ и разсматривалъ товаръ. При покупкѣ онъ любилъ поторговаться и никогда не назначалъ сразу окончательной цѣны. Онъ покупалъ новыя и подержанныя книги, и никогда не справлялся, какимъ путемъ достались онѣ тому, кто приносилъ ихъ.

Но нерѣдко у букинистовъ случался и такой товаръ, который не только не покупали въ магазинахъ, но и на толкучкѣ трудно было сбыть. Тогда они тащили его къ Ивану Тимоѳеевичу Лисенкову, въ полной увѣренности, что хотя и дешево, но все-таки продадутъ. Хотя я имѣлъ въ виду описывать только типы апраксинцовъ и другихъ букинистовъ, но полагаю, что не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ и объ Лисенковѣ.

Иванъ Тимоѳеевичъ Лисенковъ,—какъ видно изъ его воспоминаній, напечатанныхъ въ весьма рѣдкой книжкѣ «Матеріалы для исторіи русской книжной торговли», Спб., 1879 г.[1]),—въ молодыхъ

---

[1]) Эта книжка издана Глазуновымъ въ количествѣ 100 экземпляровъ.

годахъ служилъ у московскаго книгопродавца О. Л. Свѣшникова и въ теченіе восьми лѣтъ ѣздилъ торговать по ярмаркамъ, преимущественно по Малороссіи, Новороссіи и къ Макарію, что нынѣ Нижегородская, а въ 1826 году перешелъ на службу къ М. П. Глазунову, который поручилъ ему завѣдывать его книжнымъ магазиномъ въ С.-Петербургѣ. Прослужа 10 лѣтъ у Глазунова, въ 1836 году онъ открылъ собственный довольно большой магазинъ, который находился, какъ я уже упоминалъ, по Садовой улицѣ въ домѣ Пажескаго корпуса. Самъ по себѣ, онъ былъ большой оригиналъ. Одѣвался онъ понѣмецки, всегда чисто выбритый и всегда въ цилиндрѣ. Въ обращеніи со всѣми постоянно былъ вѣжливъ, тихъ и, кажется, никогда ничѣмъ не возмущался.

Иванъ Тимоѳеевичъ не отказывался ни отъ какого товара, который ему приносили, покупалъ все и безъ выбора, почему букинисты, распродавъ ходовыя книги по другимъ магазинамъ, съ остатками всегда направлялись къ Лисенкову. Принесетъ бывало ему букинистъ пачку пуда въ полтора и положитъ на выручку.

— Здравствуйте, Иванъ Тимоѳеевичъ!

— Здравствуйте, здравствуйте, почтеннѣйшій,—отвѣчаетъ Иванъ Тимоѳеевичъ, снимая шляпу и кланяясь.

— Вотъ, Иванъ Тимоѳеевичъ, я вамъ принесъ книги хорошія. Не купите ли?

— Покажите, покажите, почтеннѣйшій, посмотрю,—и, развязавъ пачку, начинаетъ разсматривать книги.

— Да, книги, все книги, хорошія книги,—приговариваетъ онъ, разсматривая, и затѣмъ спрашиваетъ:—а сколько же стоятъ ваши книги?

— Восемь съ полтиной, Иванъ Тимоѳеевичъ.

— Восемь съ полтиной дорого. Нѣтъ, я такъ не куплю. Кабы подешевле, я бы купилъ.

— А сколько для васъ стоятъ, Иванъ Тимоѳеевичъ?

— Семьдесятъ пять копеекъ, извольте.

— Что вы, что вы, Иванъ Тимоѳеевичъ? за такія книги и въ такихъ переплетахъ...

— Да-съ, и переплеты хороши. Только я больше не могу дать. Если угодно, я вамъ помогу завязать пачку.

— Нѣтъ, покорно благодарю, Иванъ Тимоѳеевичъ. Да вы покупайте.

— Я покупаю, извольте получить семьдесятъ пять копеекъ.

— Нѣтъ, нельзя, убытокъ будетъ. Давайте настоящую цѣну. Ну, хоть пять цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, какъ можно пять рублей! Пять рублей дорого.

— Ну, я три рубля возьму съ васъ.

— Нѣтъ-съ, и трехъ рублей не могу дать.

— Такъ сколько же вы окончательно дадите? Вѣдь надо же прибавить.

— Извольте-съ, я прибавлю вамъ три копеечки на булку.

— Вы ужъ хоть рубль давайте для ровнаго счета.

— Нѣтъ-съ, я ужъ больше ничего не могу дать.

Наконецъ, букинистъ рѣшается отдать. Иванъ Тимоѳеевичъ вынимаетъ изъ выручки 75 копеекъ и затѣмъ 3 копейки.

— А это вамъ на булку,—говоритъ онъ,—когда будете чай пить, и купите булку. А водочки-то не пейте, не надо водку пить.

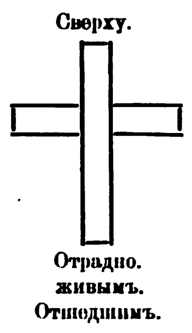
Лисенковъ часто дѣлалъ большія объявленія для иногородныхъ, рекламировалъ въ этихъ объявленіяхъ свой товаръ и за брошюру въ два печатныхъ листа назначалъ иногда рублевыя цѣны.

Но слѣдуетъ также замѣтить, что Лисенковъ, при всей своей скупости и какой-то маніи къ спекулятивному торгашеству, былъ человѣкъ не безполезный. Онъ хотя не много, но занимался и изданіями, а главная его заслуга состояла въ томъ, что онъ выпустилъ два изданія «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича, съ которымъ онъ очень дружилъ, и также два изданія «Пана Халявскаго» Квитки Основьяненко, и отъ этихъ изданій составилъ себѣ капиталъ.

Иванъ Тимоѳеевичъ умеръ въ 1877—1878 году и похороненъ въ Невской лаврѣ, рядомъ съ Гнѣдичемъ. Онъ еще при жизни сдѣлалъ себѣ надгробный памятникъ и самъ составилъ надписи, которыя считаю не лишнимъ здѣсь помѣстить.

Надписи на камняхъ надъ могилою Ивана Тимоѳеевича Лисенкова.

Сверху.



Отрадно.
живымъ.
Отшедшимъ.

Въ ногахъ.

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

(Между 3 и 4 строфами не особенно ясно высѣченъ на камнѣ юноша, возлежащій съ книгою).

Въ головахъ.

Родятся люди, чтобъ лѣтъ нѣсколько процвѣсть, потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть. Одинъ шелъ малый путь, другой

прошелъ поболѣ, въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ!...

(Высѣчено безъ раздѣленія строфъ).

На всѣхъ глядитъ неумолимо смерть
И точитъ лезвее косы...
Бьютъ часы, проходятъ минуты, и все ближе къ смерти.

Съ правой стороны отъ ногъ.

(На срединѣ сверху).

Неувядаемый цвѣтъ живая рѣчь поэзіи.

(Лѣвѣе).

Къ гробамъ усопшихъ приступая,
Сознай, сколь тщетна жизнь земная,
И твердо въ жизнь иную вѣрь!
Что смертный? Бренный злакъ въ пустынѣ...
Я тѣмъ былъ прежде, что ты нынѣ;
Ты будешь тѣмъ, что я теперь.

(Правѣе).

Гробницы, гробы здѣсь на явкѣ
Стоятъ, какъ книги въ книжной лавкѣ.
Число страницъ ихъ видно вамъ;
Заглавье каждой книги ясно;
А содержанье безпристрастно,
Подробно разберется тамъ!

(Съ лѣвой стороны отъ ногъ).

(Лѣвѣе).

Уходитъ человѣкъ изъ міра,
Какъ гость съ пріятельскаго пира.
Онъ утомился кутерьмой,
Бокалъ свой допилъ, кончилъ ужинъ,
Усталъ—довольно! отдыхъ нуженъ:
Пора отправиться домой!

(Правѣе).

Прохожій! Бодрыми шагами
И я ходилъ здѣсь межъ гробами,
Читая надписи вокругъ,
Какъ ты мою теперь читаешь?
. . . .
Намекъ ты этотъ понимаешь?
Пр . . . же!.. До... сви...
Д . . . . г...

(Внизу).

Золотыя правила жизни:

I. Употреби трудъ. храни мѣрность—богатъ будеши. II. Воздержно пій, мало яждь—здравъ будеши. III. Дѣлай благо, бѣгай злаго—спасенъ будеши.

На нижнемъ камнѣ въ головахъ.

Всѣмъ добро, никому зло, то законное житье.

Въ ногахъ.

Юбиляръ
50-лѣтія 26-го сентября.

(ниже).

1870.

На нижнемъ камнѣ съ лѣвой стороны:

Отдежурилъ,
Завяла жизнь.... и я
т.
Угасъ.... И. е. к. ъ.
18 г. (Безвѣстный).

Прочія стороны нижняго камня тоже всѣ изсѣчены разными изреченіями, но ихъ прочесть трудно; полагаю, довольно и того, что написано.

Послѣ смерти Лисенкова наслѣдники перевезли книги на Фонтанку къ Симеоновскому мосту, открыли тамъ торговлю и до сихъ поръ распродаютъ товаръ.

Перехожу снова къ описанію букинистовъ.

Въ числѣ старыхъ книгопродавцевъ не одинъ Іовъ Герасимовъ былъ неграмотный, были также и изъ мѣшечниковъ такіе, которые не знали, что называется, аза въ глаза; но безграмотность искупалась памятью и не мѣшала имъ вести книжное дѣло. Я упомянулъ объ этомъ только потому, что и изъ числа грамотныхъ книжниковъ не великъ процентъ людей начитанныхъ, пристрастныхъ къ чтенію. Это происходитъ не отъ недостатка времени или нежеланія читать, а просто потому, что книжнику нѣтъ возможности увлечься книгою; какъ бы она ни была хороша, какъ бы она его ни интересовала, онъ все-таки смотритъ на книгу, какъ на товаръ, и у него всегда является соблазнъ ее сбыть, чтобы получить прибыль. Но все-таки книжникамъ приходится кое-что прочитывать, знакомиться съ содержаніемъ книги, хотя бы для того, чтобы знать, что предлагать покупателю, почему букинисты-мѣшечники, если и не были людьми образованными, начитанными, но не были и совсѣмъ невѣждами, и изъ числа прочихъ торговцевъ выдѣлялись кое-какимъ знаніемъ и развитіемъ.

Сдѣлавъ общій очеркъ торговли букинистовъ-мѣшечниковъ, я теперь приступлю къ описанію нѣсколькихъ типовъ этихъ исчезнувшихъ уже книжниковъ.

Въ началѣ я упомянулъ, что всѣ они были люди разбитные: т. е. ловкіе, изворотливые и смѣлые. Но особенною ловкостію и

развязностію изъ нихъ отличался Николай Московскій, извѣстный болѣе между книжниками подъ именемъ графа.

Представительный по внѣшности и развязный на словахъ, графъ (настоящимъ именемъ его книжники почти совсѣмъ не называли, а всегда величали графомъ) обладалъ такою смѣлостью, что часто въ домъ или въ гостиницу, къ какому нибудь именитому господину, являлся безъ приглашенія и съ особеннымъ тактомъ умѣлъ предложить и заинтересовать его своимъ товаромъ. При продажѣ какой нибудь книги онъ такъ умѣлъ обставить покупателя, что тотъ ему платилъ за рубль пять и десять рублей и былъ въ восторгѣ отъ своего пріобрѣтенія; а при покупкѣ дорогія и рѣдкія изданія забиралъ за ничтожную цѣну.

Бывали такіе случаи, что графъ наживалъ по сотнѣ рублей въ день и могъ бы составить хорошій капиталъ, но онъ не берегъ денегъ и прокучивалъ ихъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ особенное пристрастіе къ шикарству и самозванству, любилъ, что называется, пустить пыль въ глаза. Когда ему удавалось устроить какое нибудь выгодное дѣло и заполучить хорошій барышъ, то у него непремѣнно являлась фантазія выказать себя богачемъ, а иногда и именитостью. Онъ покупалъ или бралъ на время хорошій костюмъ, ѣздилъ на лихачахъ по богатымъ ресторанамъ, гуляньямъ и тамъ кутилъ, какъ милліонеръ — даже сигары для шику закуривалъ пятирублевыми кредитками.

Одинъ разъ, онъ въ своей маніи къ самозванству дошелъ до того, что купилъ офицерскій костюмъ и саблю и въ такой одеждѣ не только разгуливалъ по Невскому, по садамъ и ресторанамъ, но заходилъ въ именитые дома и рекомендовалъ себя графомъ, отчего и получилъ это прозвище. Другой разъ, они съ Екшурскимъ забрались въ домъ къ какому-то богатому господину въ Поварскомъ переулкѣ (разсказъ самого покойнаго Екшурскаго), желавшему продать свой домъ. Графъ, выдавая себя за сына извѣстнаго виннаго откупщика, а Екшурскаго за своего повѣреннаго, окончательно сторговалъ у этого господина домъ, очень выгодно для послѣдняго, причемъ оставалось только ждать его на другой день совершить запродажную запись и вручить домовладѣльцу задатокъ. Домовладѣлецъ, видя у себя такихъ выгодныхъ покупателей, предложилъ имъ очень приличное угощеніе и, кромѣ того, въ своемъ экипажѣ приказалъ кучеру отвезти ихъ домой. «А мы,—добавлялъ Екшурскій,—проѣхались сперва по Невскому, а потомъ подкатили прямо къ трактиру». Въ третій разъ, онъ подъ какимъ-то предлогомъ тоже зашелъ въ богатый домъ; съ нимъ былъ товарищъ, одѣтый въ костюмъ крайне неприглядный и рваный, почему послѣдній и остался ждать графа у воротъ. Въ этомъ домѣ его пригласили завтракать; за завтракомъ графъ вспомнилъ о товарищѣ и сообщилъ хозяевамъ, что онъ не одинъ; но такъ сумѣлъ отрекомендовать обо-

рванца товарища, что тѣ принуждены были пригласить и его къ завтраку. Много было и другихъ продѣлокъ у графа, но слѣдуетъ сказать, что всѣ подобныя штуки онъ продѣлывалъ совершенно безкорыстно, просто, какъ говорится, изъ любви къ искусству.

Въ 1865 году, графъ имѣлъ ларь у Александринскаго — нынѣ Екатерининскаго—сквера, но тутъ дѣла его уже были не блестящи; онъ считался однимъ изъ самыхъ небогатыхъ книжниковъ, торговавшихъ на ларяхъ. Затѣмъ онъ куда-то скрылся, говорили, что уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ о немъ не было никакого слуха.

По ловкости, изворотливости и способности на разныя продѣлки, вторымъ послѣ графа слѣдуетъ считать, еще не давно сошедшаго со сцены въ книжномъ мірѣ, Гавріила В., который такъ же, какъ и графъ, былъ очень дѣльный букинистъ, также способный пустить пыль въ глаза и посамозванствовать; но только съ тою разницею, что у графа почти всѣ продѣлки были безкорыстны и совершались, какъ я сказалъ, ради искусства, В. же самозванствомъ и пусканіемъ пыли въ глаза непремѣнно преслѣдовалъ какую нибудь корыстную цѣль.

Въ молодости своей онъ былъ хорошо знакомъ со многими писателями и вхожъ въ дома именитыхъ господъ; кромѣ того, у него много было знакомства между офицерами кавалерійскихъ полковъ, которыхъ онъ снабжалъ болѣе всего порнографіею во всѣхъ ея видахъ. Онъ былъ смѣлъ до отчаянія и много промышлялъ книгами, не дозволенными цензурою, за что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ему пришлось поплатиться. Однажды князь Г., котораго В. остановилъ на Невскомъ проспектѣ, предлагая всевозможныя книги,—приказалъ принести ему «Колоколъ» Герцена; В. не задумался исполнить порученіе князя и на другой день отыскалъ требуемое, явился къ нему въ квартиру, которая находилась въ Аничковскомъ дворцѣ. Здѣсь его сейчасъ же арестовали и отвели въ Третье Отдѣленіе, а затѣмъ перевели въ Литовскую тюрьму, откуда онъ вышелъ только по милостивому манифесту. Въ тюрьмѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми выдающимися дѣльцами темныхъ профессій, черезъ которыхъ впослѣдствіи тоже имѣлъ своего рода выгоду. По выходѣ изъ тюрьмы онъ знакомилъ этихъ дѣльцовъ съ Вс. Крестовскимъ, который черпалъ у нихъ матеріалъ для «Петербургскихъ трущобъ». Впрочемъ, В. послѣ ареста долго не могъ оправиться, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ, черезъ одного изъ тюремныхъ товарищей, онъ сразу разбогатѣлъ и началъ заниматься крупными покупками книгъ, преимущественно остатковъ и цѣлыхъ изданій. При подобныхъ покупкахъ онъ всегда выдавалъ себя за московскаго или какого нибудь провинціальнаго книгопродавца и такъ умѣлъ вести дѣло, что авторъ или издатель книги охотно уступалъ ему свое изданіе для распространенія, по увѣренію В., чуть не по всей Россіи. Смѣло

можно сказать, что устроивать подобныя покупки не находилось ему равнаго; онъ какъ будто заранѣе зналъ, въ чемъ заключается конекъ того лица, съ которымъ ведетъ дѣло, и потому такъ и дѣйствовалъ на него.

Разъ онъ пришелъ къ моему знакомому издателю К. купить тысячу экземпляровъ одной дѣтской книги, рекомендуя себя при этомъ домовладѣльцемъ изъ Коломенской улицы и распространителемъ образовательныхъ книгъ въ провинціи, причемъ просилъ К., чтобы онъ уступилъ ему товаръ половину на деньги, а другую на вексель. Во время бесѣды съ К. онъ такъ заинтересовалъ его разсказами о своемъ знакомствѣ съ разными выдающимися писателями, что тотъ, какъ говорится, и уши развѣсилъ, послалъ для него за бутылкою водки и цѣлый день удерживалъ, слушая его разсказы. На другой день повторилось то же, и К. уже готовъ былъ уступить его предложенію, однако, спохватившись, навелъ о немъ справки у книгопродавцевъ и отказалъ въ продажѣ. Но В. и тутъ не даромъ велъ разсказы, онъ взялъ у К. на нѣсколько рублей игрушекъ для своихъ внучатъ и, конечно, не заплатилъ денегъ. Впрочемъ К. не обижался на это; онъ сказалъ мнѣ, что В. можно недѣлю слушать, платя ему по 3 рубля въ день за разсказы.

Кромѣ своей дѣятельности по продажѣ и покупкѣ книгъ, В. съ сестрою открылъ въ Красномъ, или близъ Краснаго Села, харчевню и мелочную лавку; но тутъ дѣло было не въ торговлѣ, а въ томъ, что, имѣя большое знакомство между офицерами, доставляя попрежнему имъ разныя книги, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени сестры ссужалъ ихъ небольшими деньгами за большіе проценты. Для характеристики его дѣятельности на этомъ поприщѣ не мѣшаетъ привести слѣдующій случай.

Однажды В. ссудилъ служившаго въ конвоѣ его императорскаго величества князя N. небольшею суммою подъ росписку.

Черезъ мѣсяцъ или полтора онъ, прослышавъ, что князь получилъ деньги, явился къ нему съ предложеніемъ какихъ-то книгъ. Князь, купивъ у В. книги, отдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и долгъ, занятый у него подъ росписку.

— Ахъ! ваше сіятельство,—говоритъ В.,—дѣйствительно мнѣ деньги очень нужны, но я сегодня пришелъ къ вамъ только предложить вотъ этѣ книжечки, такъ росписку-то вашу и не захватилъ съ собой. Впрочемъ, все равно, если можете, такъ ужъ позвольте мнѣ должекъ-то, а я, какъ приду домой, такъ и разорву вашу росписочку.

— Хорошо,—отвѣчаетъ князь,—навѣрно вторыя деньги съ меня не спросишь?

— Нѣтъ, какъ это можно, ваше сіятельство! Вы ужъ будьте покойны.

Проходитъ послѣ этой получки мѣсяца два; В. обращается къ одному изъ своихъ пріятелей, букинисту Груздеву.

— Андрей,—говоритъ онъ,—хочешь заработать красненькую?

Груздевъ былъ человѣкъ безъ средствъ и при томъ семейный.

— Какъ красненькую не хотѣть заработать!—отвѣчаетъ онъ,—да за красненькую я для тебя, что хочешь, сдѣлаю. Вѣдь ты меня не пошлешь же кого нибудь душить или поджигать?

— Нѣтъ, я пошлю тебя только въ Царское Село,—вотъ по этой роспискѣ получить деньги. Видишь ты, этотъ князь мой хорошій знакомый, онъ занялъ у меня деньги и сказалъ:

— Вы ужъ не безпокойтесь ко мнѣ ѣздить за деньгами, я самъ пришлю. Да вотъ и не присылаетъ. Мнѣ самому совѣстно ѣхать къ нему за получкой, а деньги-то нужны, такъ ужъ я лучше тебѣ красненькую дамъ за то, что ты съѣздишь къ нему да получишь Я и надпись сдѣлаю на роспискѣ, что довѣряю получить тебѣ.

Груздевъ, ничего не подозрѣвая, поѣхалъ въ Царское Село. Придя въ квартиру князя, подаетъ ему росписку.

— Вотъ, ваше сіятельство,—говоритъ Груздевъ,—В. прислалъ меня получить съ васъ по этой росписочкѣ.

— Какъ,—вспылилъ князь,—вѣдь я ему заплатилъ долгъ!

— Я не знаю,—сказалъ оторопѣвшій Груздевъ,—онъ послалъ меня къ вамъ и говорилъ, что не получалъ.

Тутъ князь еще болѣе озлобился и, показывая на лежавшій на столѣ револьверъ, проговорилъ:

— Если бы онъ самъ теперь ко мнѣ явился, такъ я бы его подлеца сейчасъ изъ этого револьвера застрѣлилъ, какъ собаку.

— А я стою,—разсказывалъ покойникъ Груздевъ,—ни живъ, ни мертвъ, хотѣлъ было бѣжать, да и то боюсь. Потомъ князь нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и, подойдя къ столу, вынулъ изъ него деньги и отдалъ мнѣ.

— На, отвези ему, подлецу,—сказалъ онъ,—только скажи, чтобы онъ мнѣ не попадался на глаза.

Но В. и пріятеля своего надулъ: онъ не только не отдалъ обѣщанные 10 рублей, но и за проѣздъ Груздевъ съ трудомъ получилъ свои деньги [1]).

Подобными продѣлками вездѣ и всюду В. настолько испортилъ свою репутацію, что въ настоящее время и знакомые, и покупатели, и торговцы отъ него отстраняются. При томъ же и пьянство настолько его заѣло, что онъ совершенно опустился и теперь попеременно находится или въ больницѣ или въ Вяземской лаврѣ.

Былъ между старыми мѣшечниками-книжниками и такой оригиналъ, котораго нельзя пройти молчаніемъ. Это памятный еще всѣмъ книгопродавцамъ и собирателямъ книгъ, букинистъ, Семенъ

[1]) Этотъ фактъ можетъ подтвердить старикъ Курочкинъ, тоже бывшій букинистъ.

Андреевъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Семена Гумбольдта. Такое прозваніе онъ получилъ отчасти потому, что своею физіономіею (фигурою) дѣйствительно былъ похожъ на бюстъ Гумбольдта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что любилъ пофилософствовать: онъ всегда въ трактирѣ сидѣлъ за чтеніемъ какой нибудь книги и непремѣнно критиковалъ и разсуждалъ о прочитанномъ.

Гумбольдтъ заработывалъ очень хорошія деньги и никогда не пилъ никакихъ спиртныхъ напитковъ; но при всей своей безукоризненной трезвости онъ имѣлъ пристрастіе къ билліарду и къ женщинамъ. На билліардѣ онъ проигрывалъ не только десятки, но и сотни рублей. Разъ, я знаю, наканунѣ Пасхи, у Гумбольдта не было денегъ ни гроша; онъ отправляется къ одному именитому графу, которому доставлялъ очень много разныхъ рѣдкостей.

— Ваше сіятельство,— говоритъ Гумбольдтъ,— завтра Пасха, у меня нисколько нѣтъ денегъ, а нужно пальто и еще кое-что купить, да нужно и на праздникъ на расходы. Позвольте у васъ попросить въ долгъ денегъ, я послѣ праздниковъ принесу вамъ книги и разсчитаюсь.

— Сколько же тебѣ, Семенъ?—спрашиваетъ графъ.

— Да позвольте ужъ сто рублей.

Графъ, будучи очень богатымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень добрымъ, приказалъ камердинеру дать ему сто рублей.

Семенъ, получивъ эти деньги, вмѣсто того, чтобы идти въ рынокъ и купить себѣ, что нужно, отправился въ трактиръ къ Симеоновскому мосту и тамъ черезъ два-три часа всѣ сто рублей спустилъ на билліардѣ. Затѣмъ снова отправился въ графскій домъ и у швейцара выпросилъ еще 17 рублей, съ которыми опять вернулся въ трактиръ и опять проигралъ изъ нихъ 14 рублей. Но самымъ излюбленнымъ конькомъ Гумбольдта былъ театръ. Онъ до того увлекался театромъ, что не пропускалъ ни одного выдающагося спектакля; а если играла какая нибудь знаменитая актриса или танцовщица, и ему самому не удавалось достать билета, то онъ платилъ за него барышникамъ тройную цѣну, и если у него не было денегъ на билетъ, то продавалъ въ убытокъ товаръ и все-таки попадалъ въ театръ. Увлеченіе его театромъ было такъ сильно, что, сидя иногда въ компаніи за чаемъ и разсказывая про видѣнный имъ спектакль, онъ вдругъ вскакивалъ со стула и начиналъ распѣвать какую нибудь арію.

Надо сказать, что Гумбольдтъ дѣйствительно былъ странный человѣкъ. Онъ въ продолженіе восьми лѣтъ не имѣлъ ни паспорта, ни квартиры: имѣть паспортъ онъ считалъ лишнею формальностью, а квартиру—лишнею обузою. При хорошихъ дѣлахъ онъ ночевалъ въ гостиницахъ, въ которыхъ его знали и часто дѣлали довѣріе. Когда же дѣла его были плохи, онъ или выпрашивалъ у кого либо изъ своихъ знакомыхъ ночлегъ, или ночевалъ на улицѣ.

Все его состояніе было на немъ и при немъ. Въ баню онъ ходилъ очень рѣдко—черезъ мѣсяцъ и черезъ два, и въ продолженіе этого времени никогда не мѣнялъ бѣлья.

Несмотря на то, что въ деревнѣ у него была земля и порядочный домъ, въ которомъ жила его мать съ сестрами, онъ никогда не позаботился послать имъ письмо, чтобы выслали паспортъ, и попалъ туда только поневолѣ, бывъ забранъ гдѣ-то полиціею и отправленъ этапомъ.

Конечно, при такой жизни онъ нерѣдко прибѣгалъ и къ разнымъ неблаговиднымъ поступкамъ, какъ съ своими покупателями, такъ и съ торговцами, и наконецъ уже не пользовался ничьимъ довѣріемъ, но все-таки его вездѣ терпѣли и принимали, потому что черезъ него можно было достать какую угодно книгу, хотя бы она никогда не поступала въ продажу.

Гумбольдтъ ходилъ съ своимъ товаромъ ко всѣмъ писателямъ, редакторамъ и собирателямъ книгъ, но, кромѣ того, былъ допускаемъ болѣе, чѣмъ прочіе букинисты, и въ дома разныхъ знаменитостей и лицъ высокопоставленныхъ.

Его слѣдуетъ считать уже послѣднимъ изъ букинистовъ-мѣшечниковъ (да и онъ въ послѣднее время уже не носилъ мѣшковъ), и съ нимъ совершенно исчезъ старый типъ букинистовъ.

Чтобы покончить съ букинистами, не имѣвшими постоянныхъ мѣстъ для торговли, слѣдуетъ упомянуть еще о Сусловѣ и Вишневскомъ.

Первый изъ нихъ, торговавшій прежде съ мѣшками и вслѣдствіе невоздержной жизни проторговавшійся до послѣдней книженки, началъ промышлять тѣмъ, что переписывалъ произведенія Баркова и съ успѣхомъ продавалъ ихъ въ трактирѣ въ Толмазовомъ переулкѣ своимъ собратамъ букинистамъ, которые, въ свою очередь, находили покупателей на этотъ товаръ, преимущественно изъ молодежи купеческой складки. Затѣмъ, установившись немного, Сусловъ занялся скупкою всевозможной неполноты. Скупая у торговцевъ неполныя книги и журналы по дешевой цѣнѣ, онъ составлялъ полные экземпляры, отдавалъ ихъ въ переплетъ и опять продавалъ тѣмъ же торговцамъ.

Хотя эта торговля и не давала большихъ барышей, но все-таки послѣ него осталось болѣе 200 пудовъ разнаго товара, за который книгопродавецъ Хлѣбниковъ заплатилъ 500 рублей.

Вишневскій началъ свою торговлю съ рукъ, затѣмъ сталъ ходить по аукціонамъ, а впослѣдствіи началъ дѣлать объявленія въ газетахъ о покупкѣ книгъ. Такъ какъ ранѣе его дѣлалъ объявленія только Н. И. Герасимовъ, и другихъ подобныхъ конкуррентовъ еще не было, то дѣло его шло весьма успѣшно. Въ то время плата за

объявленія была не дорога, почему онъ каждую недѣлю и публиковалъ раза четыре въ «Голосѣ», что покупаетъ книги по хорошей цѣнѣ.

Являясь въ домъ за покупкою, онъ въ большинствѣ случаевъ выдавалъ себя за любителя, старался выбирать только лучшія книги и отказывался отъ другихъ подъ предлогомъ, что таковыя у него уже имѣются или не требуются въ его библіотеку. Ловля на эту удочку вначалѣ была вполнѣ успѣшна, и онъ въ короткое время заработалъ порядочныя деньжонки, но его примѣръ увлекъ и другихъ, и дѣла его подъ конецъ шли небойко. Все же Вишневскій, какъ человѣкъ, ничего не пьющій, работалъ недурно и послѣ смерти оставилъ тысячъ шесть наличнаго капитала и не большую, но довольно цѣнную библіотечку.

III.

Торговцы съ ларей.

Послѣ пожара, уничтожившаго въ 1862 г. Апраксинъ рынокъ, апраксинцамъ отвели мѣста для торговли на Семеновскомъ плацу. Книжники, въ большинствѣ, также переселились туда; но нѣкоторые пристроились торговать и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, Холмушинъ временно открылъ торговлю въ магазинѣ русскихъ издѣлій по Невскому проспекту, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхина, человѣка три или четыре въ проходахъ Гостинаго двора, а иные, мелкіе торговцы, начали раскладываться съ своимъ товаромъ въ прогалахъ рѣшетокъ Государственнаго банка съ Екатерининскаго канала и у Юсупова сада.

На Семеновскомъ плацу для торговцевъ мѣсто отведено было временно, кажется, на два или на три года, почему на другой же годъ многіе изъ книжниковъ и начали перебираться во вновь отстроивавшіеся корпуса Апраксина рынка; но только теперь они не групировались, какъ прежде, въ одномъ мѣстѣ, а открывали свои лавки, кому гдѣ пришлось. Впрочемъ, объ апраксинскихъ торговцахъ я уже писалъ, а теперь скажу, что знаю, о букинистахъ, торговавшихъ съ ларей.

Первые лари были открыты у думы, затѣмъ они начали распложаться и на мостахъ—на Казанскомъ, Полицейскомъ, Синемъ, Аничковскомъ и другихъ. Первыми основателями торговли на ларяхъ были Лепехинъ и Петръ Ефимовъ, за свою лысую голову прозванный Беранже, а за ними постепенно начали открывать лари и другіе торговцы, такъ что въ 1865 году книжныхъ ларей по улицамъ и на мостахъ расплодилось болѣе пятнадцати. Въ это время на ларяхъ, исключая упомянутыхъ выше, торговали слѣдующія лица: Ѳедоръ Семеновъ съ братомъ Андреемъ Семеновымъ (тогда еще мальчишкою,

а впослѣдствіи сдѣлавшимся крупнымъ книгопродавцемъ и владѣльцемъ двухъ домовъ въ Симеоновской и Фурштадтской улицахъ, умершимъ въ концѣ прошлаго 1895 года), Иванъ Семеновъ, Сергѣй Васильевъ, Хлѣбниковъ, братья Доновы, Н. Петровъ, Осипъ Бонъ, Н. Московскій,—о которомъ было уже сказано,—и въ то же время открылъ собственную торговлю на Симеоновскомъ мосту, раньше служившій приказчикомъ у Сенковскаго и у Юнгмейстера, И. М. Клочковъ, отецъ извѣстнаго теперь букиниста антиквара Василія Ивановича Клочкова.

Сначала лари были очень небольшіе, на подобіе стола съ крышкою и съ шкафами внизу, вверху же совершенно открытые; на нихъ невозможно было почти совсѣмъ торговать въ ненастное время: какъ только начиналъ кропить дождь, книги прикрывали клеенкою. Но въ 1867 году градоначальникъ Треповъ приказалъ построить книжникамъ особый типъ крытыхъ ларей, который впослѣдствіи еще усовершенствовали.

Несмотря на то, что съ такихъ ларей торговать книгами было не очень удобно,—книги портились отъ дождя, солнца и снѣга, да и сами торговцы принуждены были выносить жару и стужу,—первые уличные книжники-букинисты торговали очень хорошо. Тутъ, именно на этихъ ларяхъ, многіе нажили деньги и впослѣдствіи сдѣлались капиталистами.

Съ размноженіемъ книжныхъ торговцевъ на ларяхъ и цѣны на ихъ мѣста постепенно росли, потому что бакалейщики и другіе торговцы неохотно уступали имъ хорошія мѣста и при каждыхъ торгахъ непремѣнно наносили на нихъ цѣну. Но книжники вели дѣло, если можно такъ выразиться, корпоративно. Они раньше торговъ въ городской управѣ дѣлали между собою условіе: кто, гдѣ и за какую цѣну долженъ торговать. Если кто изъ нихъ покупалъ мѣсто дешевле той цѣны, какая между ними была за него назначена, то обязанъ былъ своимъ товарищамъ доплатить до условленной суммы; если же кому оно доставалось дороже, то переплаченныя имъ деньги выдавали ему товарищи.

Вообще старые книжники, зачастую ссорившіеся между собою, постоянно ругавшіеся другъ съ другомъ и обносившіе одинъ другого разными прозвищами, когда дѣло касалось общей выгоды, тѣсно сплачивались и умѣли постоять за себя. Между ними существовалъ общій духъ и, несмотря на частыя ссоры, не было разъединенности. При частныхъ покупкахъ книгъ большими партіями они приглашали другъ друга въ компанію и покупали товаръ вмѣстѣ, послѣ чего одинаковыя званія дѣлили между собою и устанавливали цѣну, ниже которой ни одинъ изъ товарищей не могъ продать книгу, а званія, которыхъ было по одному экземпляру, они раздѣляли на небольшія партіи (нумера) и пускали ихъ въ вязку. Когда же случалось, что книги продавали съ аукціона изъ магазиновъ или до-

машнія библіотеки, то уличные букинисты соединялись и съ апраксинскими торговцами и поручали всю покупку вести одному лицу, хотя для виду торговались и прочіе; а затѣмъ съ каждаго, желавшаго быть въ паю (пайщики, внесшіе залогъ и имѣющіе право на вязку, называются хозяевами, а не имѣющіе залога, но присутствующіе на аукціонѣ — племянниками), брали извѣстный залогъ, вручали залоговыя деньги тому, кто считался благонадежнѣе, и послѣ того вязали товаръ.

При аукціонахъ они не отстраняли также и неимущихъ, за иного кто нибудь клалъ залогъ и его принимали въ вязку на правахъ хозяина; а прочимъ, которые числились племянниками, по окончаніи вязки отдѣляли небольшую часть общаго барыша и выдавали, смотря по достоинству каждаго. Болѣе свѣдущимъ, опытнымъ торговцамъ давали по три и по пяти рублей, а мало свѣдущимъ—рубль, полтора и два, соображая количество выдѣленной суммы и число находившихся на аукціонѣ племянниковъ.

Старые книжники не гнушались своимъ собратомъ, какъ бы онъ ни былъ неимущъ, лишь бы зналъ дѣло. Они охотно давали ему работу: посылали по адресамъ, посмотрѣть и приторговать книги, или давали ему ихъ для продажи. Эта общность въ дѣлѣ уравновѣшивала также и ихъ знаніе: они между собою охотно дѣлились своимъ знаніемъ и за чашкою чая въ трактирѣ разсказывали одинъ другому, какія изданія рѣдки, и какъ слѣдуетъ ихъ цѣнить.

У букинистовъ, торговавшихъ съ ларей, не было ни у кого особой спеціальности, они торговали всякими книгами, но все-таки у каждаго былъ какой нибудь любимый товаръ, который они часто перекупали одинъ у другаго. Такъ, напримѣръ, Иванъ Семеновъ, носившій прозваніе «Земскій Ярыжка», жившій сначала въ мальчикахъ и приказчикахъ у Холмушина, затѣмъ торговавшій съ мѣшками и въ разныхъ мѣстахъ на ларяхъ, а подъ конецъ имѣвшій лавку въ домѣ графа Шереметева по Литейному проспекту,—любилъ торговать, преимущественно, древними книгами, какъ русскими церковной и гражданской печати, такъ и иностранными—инкунабулами, эльзевирами и т. п. изданіями. Онъ лучше другихъ зналъ, какое изъ подобныхъ изданій рѣже, и въ чемъ заключаются особенности цѣнныхъ изданій; лучше всѣхъ прочихъ изъ своихъ собратій онъ понималъ толкъ въ книгахъ древле-церковной печати. Извѣстный библіографъ, Каратаевъ, очень часто бесѣдовалъ съ Иваномъ Семеновымъ въ трактирѣ и пользовался его знаніемъ. Между ними были вполнѣ пріятельскія отношенія, и Семеновъ вмѣстѣ съ Шигинымъ пріобрѣли его изданія по библіографіи старо-печатныхъ книгъ.

Собиратели рѣдкихъ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п. вообще любили Ивана Семенова, потому что онъ не дорожился своимъ то-

варомъ и при первомъ мало-мальски выгодномъ случаѣ старался продать его, а затѣмъ и замѣнить какимъ нибудь новымъ пріобрѣтеніемъ. Съ торговцами онъ отличался особенною общительностію и почти въ каждую крупную покупку приглашалъ себѣ компаніоновъ; за то и у другихъ рѣдкая покупка совершалась безъ участія Ивана Семенова. Онъ очень любилъ вязку, хорошо зналъ расчетъ въ ней и умѣлъ ее вести съ такимъ тактомъ, что его повышенки при вязкѣ, т.-е. барыши, всегда были значительнѣе другихъ.

Иванъ Семеновъ умеръ въ 1884 году. Послѣ него торговлю продолжалъ его сынъ, Василій Ивановъ, который тоже въ 1894 году умеръ, а наслѣдники послѣдняго торговали до прошлаго 1896 года; но извѣстный антикваръ-книгопродавецъ Л. Ѳ. Мелинъ переснялъ помѣщеніе и выжилъ ихъ изъ лавочки.

Сергѣй Ѳедуловичъ Хлѣбниковъ, раньше извѣстный болѣе подъ прозвищемъ Перцова, былъ московскій уроженецъ и тамъ въ молодыхъ годахъ занимался уличною торговлею книгами и картинами. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ сданъ въ солдаты и служилъ въ л.-гв. гренадерскомъ полку. Выйдя въ безсрочный отпускъ, онъ принялся за ту же торговлю и, будучи чрезвычайно дѣятельнымъ, скоро расширилъ свои дѣла и уже до пожара Апраксина рынка имѣлъ тамъ небольшую лавочку. Послѣ пожара онъ сначала принялся торговать въ прогалахъ ограды Государственнаго банка, а затѣмъ снялъ ларь у думы.

Хлѣбниковъ отличался особеннымъ пристрастіемъ или, какъ говорили, жадностію къ покупкамъ. Онъ не былъ разборчивъ на товаръ и покупалъ все и хорошее и худое: зачастую онъ покупалъ такой хламъ, отъ котораго всѣ прочіе торговцы отказывались. Онъ такъ слѣдилъ за покупками, что по какому нибудь адресу, если ему назначали прійти въ девять часовъ утра, онъ являлся раньше восьми. Но конькомъ его были иностранныя крупныя изданія и всевозможные увражи: дорого или дешево такія книги продавались, онъ никогда не отпускалъ ихъ отъ себя. Впрочемъ, его считали очень счастливымъ на торговлю, потому что, какъ бы дорого ему ни доставался товаръ, у него всегда находились покупатели.

Въ семидесятыхъ годахъ Хлѣбниковъ опять открылъ торговлю въ Апраксиномъ рынкѣ и здѣсь, вмѣстѣ съ книгами, началъ торговать и нотами, которыхъ ему удалось купить въ одномъ нотномъ магазинѣ очень большую партію на вѣсъ; а въ началѣ 1883 года, незадолго передъ смертію, онъ прикончилъ совсѣмъ торговлю на Невскомъ проспектѣ, гдѣ торговалъ съ ларя на Казанскомъ мосту.

Хлѣбниковъ, вѣроятно, могъ бы и еще лучше вести свое дѣло, но онъ очень предавался спиртнымъ напиткамъ. Смолоду онъ пилъ почти ежедневно, но вино на него мало дѣйствовало, онъ не

терялъ энергіи; частенько случалось, что онъ вечеромъ бывалъ совершенно въ ненормальномъ состояніи, а утромъ, въ пять, въ шесть часовъ, принимался уже за какую нибудь работу; но затѣмъ онъ сталъ пить запоемъ и въ то время не выходилъ уже торговать.

Но все-таки, несмотря на такую слабость, онъ составилъ довольно солидный капиталъ и накупилъ нѣсколько небольшихъ домовъ на Петербургской сторонѣ.

Послѣ его смерти весь товаръ въ лавкѣ и въ кладовыхъ продавался съ аукціона. Торговаться приходили всѣ книжники, но они не согласились между собою, и всѣ книги пріобрѣтены были гостинодворскимъ игрушечникомъ Соколовымъ, который черезъ эту покупку теперь сдѣлался довольно виднымъ книгопродавцемъ.

Землякъ и товарищъ Хлѣбникова, Вл. Вл. Лепехинъ, болѣе всего любилъ торговать учебниками. Цѣлый годъ онъ скупалъ учебники и приберегалъ ихъ до того времени, когда начинали открываться классы. Тогда у него, по его же выраженію, начиналась жатва: въ августѣ и сентябрѣ онъ почти ежедневно торговалъ на 50 и 70 рублей въ день. Лепехинъ былъ такъ стоекъ, что ни въ какую погоду не отходилъ отъ ларя—тутъ и обѣдалъ, тутъ и чай пилъ; но впослѣдствіи, получивъ ревматизмъ, онъ принужденъ былъ разстаться съ ларемъ и передалъ его со всѣмъ товаромъ другому букинисту, а самъ открылъ лавку въ Думской улицѣ, гдѣ началъ производить торговлю преимущественно новыми книгами, которыя скупалъ, иногда одинъ, а иногда въ компаніи, цѣлыми изданіями; а затѣмъ началъ уже и самъ издавать разныя сочиненія. Послѣднія десять лѣтъ Лепехинъ имѣлъ кладовую въ Апраксиномъ рынкѣ и распродавалъ свои изданія и другія оставшіяся у него книги. Тутъ его покупателями были только торговцы.

Лепехинъ былъ человѣкъ очень разсчетливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень честный и справедливый. Онъ умеръ въ декабрѣ 1895 года и послѣ смерти оставилъ, кромѣ капитала въ нѣсколько десятковъ тысячъ и дачъ на Удѣльной станціи, до 50 собственныхъ изданій съ правами на нихъ и большое количество разнообразныхъ книгъ, которыя купилъ его сосѣдъ, книгопродавецъ Нарышкинъ, за 3.000 рублей.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, у думы, сначала на ларѣ, а потомъ въ маленькой лавочкѣ въ серебряномъ ряду торговалъ книгами бывшій букинистъ-мѣщечникъ Сергѣй Васильевъ, иначе называемый прочими книжниками дяденькою и Пихлеромъ; почему его звали дяденькою, не могу сказать, но прозваніе Пихлеръ онъ получилъ потому, что, большею частью, какъ и тотъ, хо-

дилъ въ крылаткѣ и подъ нею пряталъ пачки съ книгами. Изъ всѣхъ книжниковъ дяденька одинъ держалъ себя особнякомъ и, исключая торговъ на мѣста, не вступалъ съ прочими ни въ какія сдѣлки.

Сначала онъ торговалъ, какъ и прочіе букинисты, подержанными и вообще случайными книгами, но потомъ мало-по-малу началъ пріучать къ себѣ разную молодежь, которая стала носить къ нему новыя изданія. На такомъ видномъ мѣстѣ, гдѣ онъ торговалъ, заниматься такимъ дѣломъ было не удобно, и у него для этихъ операцій былъ приспособленъ одинъ невзрачный трактиръ, куда его кліенты приносили книги и оставляли слугѣ, а послѣдній передавалъ дяденькѣ. Но все-таки шила въ мѣшкѣ утаить было невозможно, и дяденька былъ привлеченъ къ отвѣтственности: хотя по суду его оправдали на первый разъ, но общее мнѣніе о немъ было не въ его пользу. Тогда онъ, опасаясь, чтобы его продѣлки впредь не открылись, съ Невскаго проспекта перебрался торговать въ Александровскій рынокъ.

Въ рынкѣ у него, по Садовой улицѣ, была маленькая лавочка, и дяденька открывалъ ее постоянно ранѣе всѣхъ другихъ торговцевъ. Проживая близъ этого мѣста нѣсколько лѣтъ, я имѣлъ обыкновеніе каждое утро въ 7 часовъ ходить въ трактиръ пить чай мимо его лавки и всегда видѣлъ ее открытою; дяденька иногда что нибудь перебиралъ въ ней, увязывалъ, а иногда прикрывалъ стеклянныя двери и, Богъ вѣсть куда, уходилъ. Здѣсь также онъ былъ привлеченъ къ суду, и хотя очень искусно велъ свои дѣла и умѣлъ оправдываться, но все-таки одинъ разъ былъ осужденъ за нелегальную покупку на мѣсяцъ подъ арестъ.

Дяденька умеръ года четыре назадъ. Въ послѣднее время онъ торговалъ уже по Невскому проспекту между Литейнымъ проспектомъ и Надеждинскою улицей.

- -- -- - -

Я упомянулъ о Сергѣѣ Васильевѣ и его неблаговидной дѣятельности не потому, чтобы онъ былъ единственно исключительный производитель темнаго товара (такою торговлею не брезговали, да, по всей вѣроятности, и сейчасъ не брезгуютъ и другіе, болѣе его солидные торговцы),—а потому, что Сергѣй Васильевъ просто имѣлъ манію къ такой торговлѣ и къ другимъ плутовскимъ поступкамъ, наживалъ же отъ всего этого, сравнительно съ прочими торговцами, пустяки; отъ этого, навѣрное, болѣе пользовались тѣ, кому онъ перепродавалъ товаръ.

Послѣ Сергѣя Васильева я нахожу умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о торговлѣ братьевъ Доновыхъ.

Доновы, имѣвшіе ларь на Полицейскомъ мосту, преимущественно занимались торговлею газетами. Старшій изъ нихъ, Мих. Конст.

раньше былъ разносчикомъ «Полицейскихъ Вѣдомостей». Когда редакціи получили разрѣшеніе продавать свои изданія отдѣльными нумерами, то первый за эту торговлю принялся М. В. Поповъ; его примѣру послѣдовалъ и Доновъ. Купивъ мѣсто для ларя, Доновъ, вмѣстѣ съ газетами, началъ производить и книжную торговлю. Хотя въ книгахъ онъ имѣлъ мало понятія, или, вѣрнѣе, никакого не имѣлъ, но все-таки дѣла его шли недурно, потому что газеты и журналы давали очень хорошій барышъ.

Въ то время газеты изъ редакцій отпускались на комиссію обандероленныя, и непроданные экземпляры принимались обратно. Ежедневныя изданія редакціи отпускали по 5 коп. за нумеръ, а еженедѣльныя, какъ-то «Искру», «Будильникъ» и др., по 12 коп.; торговцы же первыя изъ нихъ продавали по 10, а послѣднія по 20 коп. У Донова расходилось всѣхъ газетъ и журналовъ каждый день до 150 нумеровъ, что и доставляло ему пользы отъ 7 до 8 рублей.

Видя такія успѣшныя дѣла, Доновъ въ скоромъ времени открылъ еще два ларя, одинъ тоже на Полицейскомъ, а другой на Пантелеймоновскомъ мостахъ и порядкомъ сталъ развивать книжное дѣло; но, не имѣя практическаго знанія въ этомъ дѣлѣ, не могъ его вести такъ, какъ прочіе букинисты. При томъ же къ этому времени и газетная торговля стала приносить несравненно меньшую пользу: у него появилось много конкуррентовъ по этой торговлѣ. Прочіе букинисты также начали торговать газетами, а разносчики съ ними стали появляться уже на всѣхъ углахъ главныхъ улицъ и продавать ихъ дешевле прежняго. Кромѣ того, мѣста для торговли съ каждымъ годомъ возвышались въ цѣнѣ, а самъ Доновъ повелъ жизнь довольно слабую, почему въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ и принужденъ былъ совсѣмъ прекратить торговлю. Младшій его братъ около этого времени умеръ.

Впослѣдствіи Доновъ сдѣлался золоторотцемъ и торговалъ книжечками по трактирамъ.

Всѣхъ букинистовъ, торговавшихъ на ларяхъ, перечислять излишне, но все-таки нужно замѣтить, что и изъ прочихъ большинство знали хорошо книжное дѣло и умѣли его вести. Особенно удачно шли дѣла у Андрея Семенова, Клочкова и Н. И. Герасимова: первые два торговали на Аничковскомъ мосту, а послѣдній на Симеоновскомъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о теперешнемъ старостѣ артели газетчиковъ, П. Б. Богдановѣ, который хотя не изъ книжниковъ и мало имѣетъ знанія въ книгахъ, но обладаетъ особенною смекалкою и ведетъ книжное дѣло энергичнѣе и выгоднѣе многихъ старыхъ торговцевъ.

Но здѣсь я остановлюсь. Въ этой статьѣ я говорилъ только о книжникахъ, уже покончившихъ свою дѣятельность, а о тѣхъ, ко-

торые продолжають ее до настоящаго времени, я поговорю въ слѣдующій разъ.

Въ 1884 году, городская управа прекратила продажу мѣстъ для торговли по Невскому проспекту и въ другихъ многолюдныхъ улицахъ, вслѣдствіе чего букинисты и принуждены были искать помѣщеній въ частныхъ домахъ. Теперь они расплодились въ разныхъ мѣстахъ, но главный центръ ихъ торговли Литейный и Владимирскій проспекты и Симеоновская улица.

IV.

Книжники Александровскаго рынка.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о книжникахъ Александровскаго рынка.

Я уже упоминалъ, что послѣ пожара Апраксина рынка, въ 1862 г., апраксинцамъ для торговли отведенъ былъ временно Семеновскій плацъ. Хотя на слѣдующій годъ и начали вновь отстраивать Апраксинъ рынокъ, но сообразно новому плану въ немъ не могли уже помѣститься всѣ ютившіеся прежде тутъ торговцы, почему и рѣшено было пріискать мѣсто для новаго рынка.

Между Большою Садовою [1]), Фонтанкой, Вознесенскимъ проспектомъ и Малковымъ переулкомъ во время откуповъ находилась питейная контора. По уничтоженіи откуповъ, вся эта мѣстность оказывалась праздною, и вотъ тутъ-то и построили еще рынокъ, назвавъ его Новымъ Александровскимъ, въ отличіе отъ Александровскаго рынка, находящагося близъ Невскаго монастыря. Въ этотъ новый рынокъ, вмѣстѣ съ прочими торговцами, перебрались также и нѣкоторые книжники.

Первыми піонерами изъ книжниковъ въ Новомъ Александровскомъ рынкѣ были—Іовъ Герасимовъ, Н. Г. Вагановъ и Загряжскій, но затѣмъ, въ скоромъ времени, здѣсь появились и торговцы съ улицъ—Алексѣй Гавриловъ, прозванный Дубомъ, и Брандеръ. Эти первые торговцы все-таки были настоящіе книжники—Загряжскій, Вагановъ и Герасимовъ торговали въ Апраксиномъ рынкѣ, Дубъ раньше торговалъ на Сѣнной площади и потомъ у Государственнаго банка, а Брандеръ, хотя былъ и неграмотный, но сначала долго велъ небольшую торговлю у Юсупова сада, а затѣмъ имѣлъ ларь у церкви Вознесенія.

Такъ какъ въ первое время въ Александровскомъ рынкѣ книжныхъ лавокъ было не много, то торговля шла довольно бойко.

---

[1]) Прежде было двѣ Садовыхъ—Большая и Малая.

Извѣстно, что у букинистовъ главную роль въ торговлѣ занимаетъ покупка, а въ тѣ года,—года всевозможныхъ реформъ,—очень многіе сбывали свои старыя библіотеки, для того, чтобы вмѣсто нихъ обзавестись новыми цѣлесообразными книгами. Кромѣ того, очень многіе обѣднѣвшіе помѣщики принуждены были измѣнять прежній образъ жизни и поневолѣ разставались съ своимъ достояніемъ и излишнее спускали на рынокъ, въ томъ числѣ и книги.

Въ Александровскомъ рынкѣ въ первое время покупокъ было множество: туда заходили и господа, оставляя свои адреса и приглашая за покупкою на домъ, туда тащила и прислуга книги въ узлахъ и корзинкахъ, а также несли татары и тряпичники, покупавшіе книги вмѣстѣ съ разнымъ скарбомъ. Но, кромѣ случайныхъ, держаныхъ книгъ, туда поступала масса и новыхъ изъ книжныхъ складовъ, магазиновъ, типографій и отъ переплетчиковъ. И вотъ вслѣдствіе такого обилія покупокъ дѣла книжниковъ шли довольно хорошо.

Для букиниста случайная покупка то же, что для спортсмена призъ; покупая книги въ домѣ или съ рукъ, ни одинъ самый честнѣйшій букинистъ не предложитъ за нихъ настоящей цѣны, если самъ продающій проситъ дешево или не знаетъ ихъ цѣну. Но это одна сторона наживы букинистовъ, и сторона, оправдываемая закономъ, и потому, стало быть, честная. Но есть еще и другая—именно покупка темнаго товара, а въ прежнее время и такою покупкою не брезговалъ никто, и объ этомъ свидѣтельствуютъ неоднократные судебные процессы. Только нужно замѣтить, что такія покупки, исключая двухъ уже умершихъ и одного и до сихъ поръ здравствующаго и продолжающаго торговлю, не многимъ пошли въ пользу.

Перехожу къ описанію нѣсколькихъ типовъ изъ тѣхъ книжниковъ, которые раньше населяли Александровскій рынокъ.

Объ Іовѣ Герасимовѣ я уже упоминалъ, а теперь скажу о его ученикѣ и затѣмъ приказчикѣ, Григоріи Ивановѣ Загряжскомъ.

Загряжскій, землякъ Іова Герасимова, служилъ у послѣдняго сначала мальчикомъ, потомъ приказчикомъ, а въ сороковыхъ годахъ имѣлъ уже собственную торговлю въ Апраксиномъ рынкѣ. Послѣ пожара онъ такъ же, какъ и другіе, перебрался на Семеновскій плацъ, а когда отстроили Александровскій рынокъ, перевелъ свою торговлю въ него. Это былъ человѣкъ тяжелый, ни съ кѣмъ не уживчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ, если сказать правду, не совсѣмъ добросовѣстный.

Нелюдимость его была такъ велика, что онъ не только ни съ кѣмъ изъ торговцевъ не сходился, но даже ни съ кѣмъ не кланялся, да и смотрѣлъ на всѣхъ какъ-то исподлобья.

Загряжскій, какъ настоящій старый букинистъ апраксинецъ, торговалъ всевозможными книгами русскими и иностранными, и въ

этомъ отношеніи надо отдать ему справедливость, зналъ хорошо ихъ цѣну и достоинство; а такъ же, какъ ученикъ Іова Герасимова, онъ понималъ толкъ и въ книгахъ церковно-славянской печати, и этого товара послѣ смерти оставилъ своимъ наслѣдникамъ большое количество.

Но онъ былъ торговецъ стараго апраксинскаго пошиба, а прежде, я помню, въ Апраксиномъ рынкѣ существовали пословицы: не побожиться—не продать, не обмануть—не продать. Этихъ правилъ онъ и держался всю свою жизнь, а потому, если нужно было купить у него какую нибудь книгу, то прежде слѣдовало ее перелистовать отъ начала до конца; да и перелистывая, необходимо было тщательно просматривать, а то очень часто, для счета страницъ, у него вкладывались листы изъ другой книги и такъ отдавались въ переплетъ или брошюровку.

Торговцы знали хорошо такую манеру Загряжскаго, и когда имъ приходилось что либо покупать въ его лавкахъ, то всегда провѣряли и просматривали каждую книгу, какъ говорится, досконально; но посторонніе покупатели очень нерѣдко попадали впросакъ. Особенно, такимъ образомъ подсортированный, или, вѣрнѣе, подделанный, товаръ у него въ большомъ количествѣ заготовляли на вербную недѣлю, во время которой онъ ежегодно снималъ три или четыре мѣста у Гостинаго двора,—и на ярмарку въ г. Ладогу, куда онъ постоянно ѣздилъ къ 8 іюля.

Не могу навѣрное сказать, насколько было достаточно состояніе Загряжскаго до пожара, но когда онъ торговалъ на Семеновскомъ плацу, я хорошо помню, что его лавка была далеко не обильна товаромъ. Зато въ Александровскомъ рынкѣ онъ очень скоро расторговался; а когда подросли у него сыновья, то онъ имѣлъ тамъ по линіи Вознесенскаго проспекта и Садовой улицы пять лавокъ. Кромѣ случайныхъ покупокъ — въ домахъ и у себя въ лавкахъ—онъ имѣлъ и постоянныхъ поставщиковъ дешеваго товара, который покупалъ не только книгами, но и въ листахъ. Такой товаръ его сыновья и мальчики въ свободное время брошюровали, сшивали и оклеивали въ обложку.

У Загряжскаго было четыре сына, но сыновья его, — исключая старшаго, который въ настоящее время имѣетъ три лавки (одну въ Александровскомъ рынкѣ, другую по Литейному и третью по Владимирскому проспектамъ),—были горчайшіе пьяницы; двое младшихъ уже померли, а второй, размотавъ оставшуюся ему въ наслѣдство часть товара, бросилъ семейство и теперь нанимается къ гробовщикамъ въ факельщики.

Около того же времени, въ Александровскомъ рынкѣ, открылъ книжную торговлю Николай Гавриловичъ Вагановъ (его отецъ былъ

роднымъ братомъ Сем. Вас. Ваганову), но вслѣдствіе своей слабости не имѣлъ постоянной торговли, а носилъ свой товаръ въ мѣшкахъ, какъ и прочіе букинисты-мѣшечники. Ник. Гавр. обучался книжному дѣлу у своего дяди Сем. Вас., у котораго жилъ съ мальчиковъ, а по смерти его открылъ собственную небольшую торговлю. Онъ хотя былъ и не изъ бойкихъ торговцевъ, но все-таки книжное дѣло зналъ довольно порядочно. Первое время — лѣтъ семь или восемь—онъ торговалъ очень недурно и велъ себя хорошо. Онъ выписалъ изъ деревни младшаго брата, пріучилъ его также къ книжному дѣлу и имѣлъ уже три книжныя лавочки. Когда же подросъ у него братъ, то онъ отдѣлилъ его, давъ ему одну изъ лучшихъ лавокъ по Вознесенскому проспекту, а самъ остался торговать въ двухъ небольшихъ лавкахъ. Но затѣмъ Ник. Гавр. началъ выпивать и вмѣстѣ съ тѣмъ сводить знакомство съ разными духовными лицами преимущественно съ монахами, а также съ начетчиками духовныхъ книгъ; да и самъ сталъ зачитываться духовными книгами.

Вагановъ былъ человѣкъ женатый и имѣлъ уже троихъ или четверыхъ дѣтей, но, несмотря на это, онъ однажды, вставъ рано утромъ, вынулъ изъ своихъ кармановъ ключи отъ лавки, бумажникъ, въ которомъ находился паспортъ, разныя торговыя записки и 17 рублей, — оставилъ все это на столѣ и самъ скрылся неизвѣстно куда. Прошло два, три дня, недѣля, всѣ поиски за нимъ оказались тщетными: о немъ не было никакой вѣсти.

Жена, заявивъ полиціи объ его исчезновеніи, начала продолжать торговлю. Но такъ какъ дѣло вести порядкомъ было некому, то, поторговавъ съ полгода или не много болѣе, она сдала сначала одну лавку, а потомъ и другую и уѣхала въ деревню.

Гдѣ пребывалъ и по какому виду проживалъ Вагановъ, неизвѣстно; но только на третій годъ послѣ своего исчезновенія онъ прислалъ изъ Сибири письмо, въ которомъ извѣщалъ, что заарестованъ; а потомъ, чрезъ нѣкоторое время, и самого его привезли на родину этапомъ. По возвращеніи на родину онъ мѣсяца три или четыре проживалъ дома, находясь болѣе въ сосѣднемъ съ его деревнею Улейменскомъ монастырѣ, а потомъ опять пріѣхалъ въ Петербургъ.

Здѣсь нашлись для него благодѣтели изъ прежнихъ товарищей, снабдили его товаромъ и помогли снять небольшую лавочку въ томъ же Александровскомъ рынкѣ, по Вознесенскому проспекту. Ник. Гавр. снова заторговалъ. Но это продолжалось недолго: не прошло и полъгода, какъ опять пришла ему мысль бросить торговлю и уйти. Онъ опять въ одно утро, оставивъ на квартирѣ ключи отъ лавки, исчезъ безслѣдно.

Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ: о немъ нѣтъ никакого извѣстія, а товаръ его и посейчасъ гніетъ у хозяина лавки, которую онъ снималъ.

Алексѣй Гавриловъ, прозванный Дубомъ, началъ торговлю книгами съ своимъ отцомъ, будучи еще мальчуганомъ. Отецъ его, «дѣдушка Гаврило—Старый Дубъ», какъ мы его звали въ отличіе отъ сына, былъ уроженецъ Костромской губерніи и раньше занимался малярнымъ мастерствомъ. Оставаясь на зиму въ Петербургѣ, онъ за неимѣніемъ работы по своему ремеслу началъ приторговывать мелкими духовными книжками и картинами, сначала въ разноску, а потомъ съ ручныхъ санокъ, которыя устанавливалъ постоянно на одномъ мѣстѣ—по Садовой улицѣ, у Спаса на Сѣнной, противъ часовни. Такъ какъ онъ велъ себя довольно крѣпко—за что̀ и прозванъ Дубомъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ до нѣкоторой степени начетчикомъ и умѣлъ натолковать своимъ, по большей части, малограмотнымъ покупателямъ, въ чемъ заключается интересъ предлагаемой имъ книги, то торговля его шла недурно. Когда же онъ началъ немного старѣться, то окончательно бросилъ свое мастерство, привезъ изъ деревни сына и сталъ заниматься торговлею зиму и лѣто. Кромѣ торговли народными книгами, они начали заводить торговлю также и прочими старыми и новыми книгами, которыя они покупали на домахъ и съ рукъ у постороннихъ лицъ, отъ чего товаръ у нихъ постоянно прибывалъ и улучшался. Зимою сани, а лѣтомъ телѣжка, всегда были переполнены книгами, и, кромѣ того, у нихъ было много товару въ кладовой.

Такимъ образомъ, они благополучно и довольно прибыльно проторговали до 1866 года; а когда, по приказанію вступившаго въ должность градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова, запретили торговлю разносчикамъ съ постоянныхъ, приспособленныхъ ими мѣстъ на главныхъ улицахъ, тогда и Дубъ съ сыномъ переселились торговать на Екатерининскій каналъ къ Государственному банку. Тутъ они торговали сначала на рѣшеткѣ и съ телѣжки, а затѣмъ сняли у пѣшеходнаго мостика пустовавшій ларь. Но съ ларя имъ не пришлось долго торговать, ихъ мѣсто перекупили другіе, и въ 1867 году они сняли лавку въ Александровскомъ рынкѣ на углу Садовой улицы и Вознесенскаго проспекта.

Вскорѣ послѣ переселенія въ рынокъ, Алексѣй Гавриловъ женился и раздѣлился съ отцомъ: молодой Дубъ остался торговать въ лавкѣ, а старый снялъ себѣ въ Малковскомъ проѣздѣ подвальное помѣщеніе для кладовой и тутъ торговалъ, разваливая свой товаръ на рогожкѣ. Но старый Дубъ подъ конецъ обезсилѣлъ и торговалъ уже плохо, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ кончилъ земное существованіе, не оставивъ послѣ себя никакихъ средствъ.

Молодой Дубъ первое время велъ дѣло довольно хорошо; онъ охотно покупалъ всякій товаръ и еще охотнѣе его сбывалъ, не дожидаясь большихъ барышей. Онъ хотя и зналъ цѣнность книгамъ, но не любилъ ихъ выдерживать и очень часто купленный

товаръ перепродавалъ другимъ книжникамъ. А если ему приходилось покупать книги съ товарищами, то онъ всегда старался только о томъ, чтобы получить причитавшуюся ему часть барыша, а товаръ уступалъ другимъ. Несмотря на то, что Алексѣй Гавриловъ торговалъ книгами почти съ дѣтства, онъ не имѣлъ къ нимъ никакого пристрастія, смотрѣлъ на нихъ, только какъ на товаръ, и во всю свою жизнь не прочелъ ни одной книги, не поинтересовался содержаніемъ ни одного сочиненія.

Но такъ какъ по Вознесенскому проспекту отъ Садовой улицы его лавка была первая, и желающіе продать книги прежде всего заходили къ нему, то Алексѣю Гаврилову волей-неволей довольно скоро пришлось переполнить ее и находящійся подъ ней подвалъ товаромъ, и, кромѣ того, онъ сколотилъ небольшой капиталецъ, такъ что, исключая другихъ денегъ, однихъ выигрышныхъ билетовъ внутреннихъ займовъ у него было около 20 штукъ. Но вѣрно ужъ мѣсто это такое, что чуть не каждый книжникъ тутъ спивается, такъ и Алексѣй Гавриловъ сталъ выпивать сперва понемногу, а затѣмъ — больше и больше, и подъ конецъ лѣтъ семь или восемь сряду, по его словамъ, онъ не бывалъ ни одного дня трезвымъ. Но онъ былъ довольно крѣпокъ, рѣдко упивался, да при томъ же былъ очень скупъ и всегда любилъ, чтобы его *махорили*, т. е. угощали. Нѣкоторые торговцы знали такое пристрастіе Дуба къ даровому стаканчику и пользовались имъ. Бывало угостятъ его на гривенникъ, а рубль или два выторгуютъ у него на товарѣ. Но все-таки, какъ ни былъ крѣпокъ Дубъ, а водка подточила и его дубовое здоровье, и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ отъ пьянства въ однѣ сутки свалился и Богу душу отдалъ.

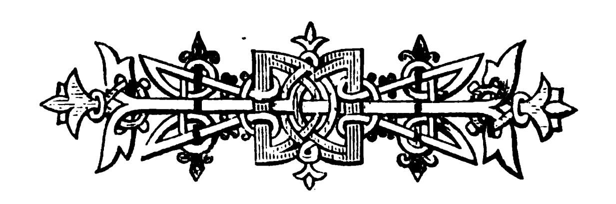
Послѣ смерти Алексѣя Гаврилова его жена съ приказчикомъ продолжала торговлю, но и тотъ года черезъ три умеръ, вслѣдствіе чего она, продержавъ еще нѣсколько времени лавку, принуждена была продать ее теперешнему владѣльцу, слѣпому книгопродавцу Щетинкину.

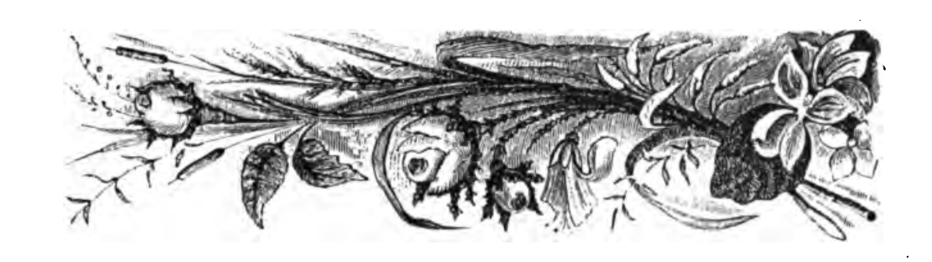
При какихъ условіяхъ началъ книжную торговлю Брандеръ (его настоящее имя Александръ Өедоровъ, но почему-то всѣ его называли Брандеръ), съ достовѣрностію сказать не могу. Помню только, что въ концѣ пятидесятыхъ годахъ онъ раскладывался съ книгами по рѣшеткѣ Юсупова сада, а въ 1867 г. открылъ ларь у церкви Вознесенія. Вслѣдствіе своей безграмотности онъ мало имѣлъ понятія въ книгахъ, но такъ какъ былъ человѣкъ непьющій и аккуратный, то велъ дѣло очень прибыльно и въ началѣ семидесятыхъ годовъ открылъ довольно просторную и изобильную товаромъ книжную лавку въ Александровскомъ рынкѣ по Садовой улицѣ. Не имѣя самъ достаточно опытности въ книжномъ дѣлѣ, Брандеръ взялъ себѣ свѣдущаго приказчика и торговалъ очень недурно. Но его торговля продолжалась недолго, года черезъ два

онъ умеръ, а его лавку взялъ за себя бывшій его приказчикъ Конинъ. Послѣдній вначалѣ велъ дѣло очень толково, но затѣмъ, сдружившись съ писателями Омулевскимъ, Автократовымъ и другими, началъ манкировать торговлею, погуливать и пить и, въ концѣ концовъ, года черезъ три, совсѣмъ проторговался и въ послѣднее время перебивался уже, какъ золоторотецъ.

Кромѣ этихъ старыхъ торговцевъ, въ Александровскомъ рынкѣ начали открывать книжныя лавочки и разные новички. Изъ нихъ много было такихъ (да и теперь ихъ не мало), которые раньше были совсѣмъ не причастны къ книжному дѣлу, и брались за него не изъ пристрастія къ книгамъ, а ихъ просто соблазняли барыши, которые получаютъ книжники отъ своего товара. Но такіе торговцы рѣдко выдерживали книжную торговлю до конца: большинство ихъ, поторговавъ нѣсколько лѣтъ, переходили на другое дѣло или, не сумѣвъ справиться съ такою сложною торговлею, совсѣмъ прогорали; а нѣкоторые, посдержаннѣе и болѣе смѣтливые, хотя и продолжали книжное дѣло, но перебирались торговать куда нибудь въ другое мѣсто.

Н. Свѣшниковъ.





РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ПРОѢЗДѢ ЧЕРЕЗЪ ЯКШУРЪ-БОДЬЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ 1824 ГОДУ И НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ВЪ 1837 Г.

Ъ ЯНВАРѢ 1895 года, въ селѣ Якшуръ-Бодьѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, умеръ бѣдный крестьянинъ, вотякъ, почти девяностолѣтній старикъ—Тимоѳей Ивановъ, по прозванью Бигеней.

Бигеней лѣтъ шестьдесятъ назадъ удостоился чести разговаривать съ его императорскимъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, проѣзжавшимъ въ 1837 году чрезъ Якшуръ-Бодью въ Ижевской заводъ. А двѣнадцать лѣтъ раньше этого Бигеней имѣлъ счастье видѣть его императорское величество государя императора Александра Павловича, тоже проѣзжавшаго чрезъ Якшуръ-Бодью въ Ижевской заводъ и чрезъ нѣсколько дней прослѣдовавшаго обратно.

Объ этихъ-то двухъ событіяхъ мы и хотимъ разсказать здѣсь то, что сами узнали изъ разсказовъ Бигенея и только частью отъ другихъ стариковъ здѣшней волости.

Въ тѣ времена, къ которымъ относится нашъ разсказъ, въ Якшуръ-Бодьѣ самымъ зажиточнымъ крестьяниномъ считался отецъ Тимоѳея—Иванъ Герасимовъ. Поэтому и домъ у него былъ больше и лучше, чѣмъ дома у другихъ вотяковъ.

Такъ какъ императору Александру I въ Якшуръ-Бодьѣ по маршруту оказывалось нужнымъ сдѣлать остановку для обѣда или завтрака, то и квартира для его остановки назначена была въ домѣ того вотяка—Ивана Герасимова Бигенея. Въ томъ же домѣ, чрезъ

12 слишкомъ лѣтъ послѣ этого, останавливался ненадолго и Александръ Николаевичъ, бывшій тогда еще наслѣдникомъ русскаго престола.

Въ то время Тимоѳею Иванову Бигенею [1]) было около 25 лѣтъ, въ проѣздъ же Александра Благословеннаго—12—13 лѣтъ.

Тимоѳей оба эти событія помнилъ прекрасно. Онъ охотно и съ удовольствіемъ разсказывалъ всѣмъ и каждому о проѣздѣ чрезъ Якшуръ-Бодью, по его выраженію—«царя батюшки» и «царя батюшки наслѣдника».

И намъ приходилось не однажды слышать разсказы Бигенея, но, необходимо сознаться, дослушивать ихъ до конца терпѣнья нашего не хватало, тѣмъ болѣе, что мысль записать его разсказы намъ пришла только въ началѣ 1895 года. Но Бигеней, къ сожалѣнію, незадолго передъ тѣмъ умеръ.

Такимъ образомъ, намъ пришлось возстановлять въ своей памяти все то, что довелось въ разное время слышать отъ покойнаго Бигенея. Нѣкоторые же пробѣлы мы пополняли свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ: отъ родственниковъ Бигенея и отъ другихъ лицъ, много разъ слышавшихъ его разсказы.

Мы старались передать буквальный смыслъ разсказовъ Бигенея, приводя подлинныя слова его, гдѣ это только оказывалось возможнымъ.

I.

О проѣздѣ государя императора Александра Павловича чрезъ Якшуръ-Бодью жителямъ этого и другихъ ближайшихъ къ тракту селеній извѣстно стало въ концѣ, а, можетъ быть, даже еще въ срединѣ августа мѣсяца, то-есть задолго до самаго проѣзда.

И все это время, до 3 октября, мѣстные крестьяне и сельское начальство ожидали и по мѣрѣ возможности готовились къ встрѣчѣ державнаго путешественника.

Впрочемъ, крестьяне вотяки никакихъ особенныхъ приготовленій не могли предпринимать. Да и какія въ самомъ дѣлѣ могутъ быть особенныя приготовленія къ встрѣчѣ своего царя батюшки, какъ вообще у крестьянъ, такъ въ особенности у инородцевъ и такихъ притомъ, которые съ давнихъ поръ крѣпко засѣли въ своихъ глухихъ селеніяхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ обширными, дремучими лѣсами, все одно, что стѣнами, въ каковыхъ условіяхъ оказывались, напримѣръ, здѣшніе вотяки въ то минувшее время. Тогда почти каждый изъ нихъ, проживъ цѣлую жизнь, не бывалъ дальше своего села, отстоявшаго обыкновенно въ 40—60 и болѣе верстахъ отъ мѣста ихъ жительства.

---

[1]) Прозваніе—Бигеней—вотское языческое имя, принадлежавшее отцу Тимоѳея, а послѣднему оно привилось уже въ видѣ прозванья.

Однако, ни отъ русскихъ крестьянъ, ни тѣмъ болѣе отъ вотяковъ, никто и никакихъ собственно приготовленій не ожидалъ и не требовалъ. А потому всѣ ихъ приготовленія ограничивались только тѣмъ, что они, да и то не по ихъ собственной инціативѣ, а по приказанію и распоряженію начальства, исправили трактъ и мосты на немъ и другія сооруженія; затѣмъ дорога обильно засыпана была пескомъ и галькой. Конечно, при этомъ вся дорога была выровнена, всѣ ямы и многочисленныя выбоины засыпаны, а грязныя и топкія мѣста уложены фашинникомъ, тоже засыпаннымъ толстымъ слоемъ песку съ галькой.

Тогда же, судя по объясненію нѣкоторыхъ стариковъ, была значительно расширена лѣсная дорога отъ Якшуръ-Водьи до Ижевскаго завода на всемъ сорока-двухъ-верстномъ разстояніи, бывшая передъ тѣмъ до того узкою и неудобопроѣздною, что при встрѣчахъ трудно было разъѣзжаться двумъ одноколкамъ, которыя тогда употреблялись для ѣзды лѣтомъ всѣми вотяками. Къ описываемому же времени относится и обсадка березами всего Глазовско-Ижевскаго тракта, проходящаго чрезъ Якшуръ-Бодью.

Замѣчательно то, что якшуръ-бодьинскіе крестьяне и другихъ ближнихъ селеній исправляли дорогу и обсаживали ее березками не у себя дома, или по близости своихъ селеній, а вызывались для этого на сибирскій трактъ подъ село Дебесы и далѣе, то-есть за 100—120 и болѣе верстъ отъ своихъ жилищъ.

Станціи же между Чутыремъ и Якшуръ-Бодьей и между послѣдней и Ижевскимъ заводомъ исправлялись крестьянами теперешней Козловской и Галановской волостей, или тогдашняго Галановскаго приказа.

Всѣмъ жителямъ очень хотѣлось «хоть однимъ глазомъ», какъ говорится, взглянуть на своего царя батюшку, а потому они и ожидали его пріѣзда съ большимъ нетерпѣньемъ.

Но и ожидая царя батюшку, многіе въ то же время побаивались тѣхъ или иныхъ дурныхъ послѣдствій. Времена тогда были темныя, а начальство, мелкое и покрупнѣе, оказывалось строгимъ, крутымъ и суровымъ. Многіе представители власти пользовались всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы какъ нибудь притѣснить и безъ того забитыхъ и почти беззащитныхъ крестьянъ и содрать съ нихъ «двѣ шкуры» или выжать изъ нихъ «ребятишкамъ на молочишко».

Случись что либо непріятное во время проѣзда государя императора, тогда крестьянамъ долго пришлось бы отдуваться своими тощими, но въ общей массѣ не истощимыми карманами, такъ какъ въ этомъ случаѣ вся бѣда, какъ весьма естественно могли предполагать крестьяне, должна была всецѣло обрушиться на ихъ головы. Эти соображенія и были основаніемъ для боязни и трепета предъ могущими быть дурными послѣдствіями.

Для остановки государя императора въ Якшуръ-Бодьѣ квартира назначена была въ домѣ мѣстнаго богача-вотяка — Ивана Гераси-

мова Бигенея, которому начальство приказало содержать свой домъ какъ можно чище и опрятнѣе. Кромѣ того, всѣмъ жителямъ Бодьи и прочихъ селеній, лежащихъ на тракту, начальствомъ весьма строго внушено было, чтобы они улицы селеній содержали въ чистотѣ, и чтобы по улицамъ не шлялся никакой домашній скотъ, а особенно птицы и разныя мелкія домашнія животныя—овцы, свиньи, собаки, которыя наиболѣе способны пугаться и производить суматоху и безпорядокъ. Запрещено было и маленькимъ ребятамъ бѣгать по улицамъ.

Эти странныя на первый взглядъ распоряженія дѣлались съ тою цѣлью, чтобы предотвратить по возможности испугъ лошадей, на которыхъ поѣдетъ Александръ Павловичъ.

Съ этою же цѣлью мѣстные, какъ, вѣроятно, и вездѣ, крестьяне нѣсколько недѣль подъ рядъ готовили или обучали, какъ они говорятъ, своихъ лошадей къ быстрой ѣздѣ, днемъ и ночью, въ совершенной темнотѣ и съ освѣщеніемъ. Ученье лошадей производилось такъ: запрягалось одновременно до полсотни и болѣе лошадей тройками, четверками, пятерками, потомъ при громкихъ и нескладныхъ крикахъ массы народа, съ сильнымъ хлопаньемъ бичами и даже съ ружейными выстрѣлами, мчались во всю прыть въ ту или другую сторону и возвращались такимъ же манеромъ обратно домой. Ночью, сверхъ всего этого, по краямъ дороги раскладывались и зажигались большіе костры.

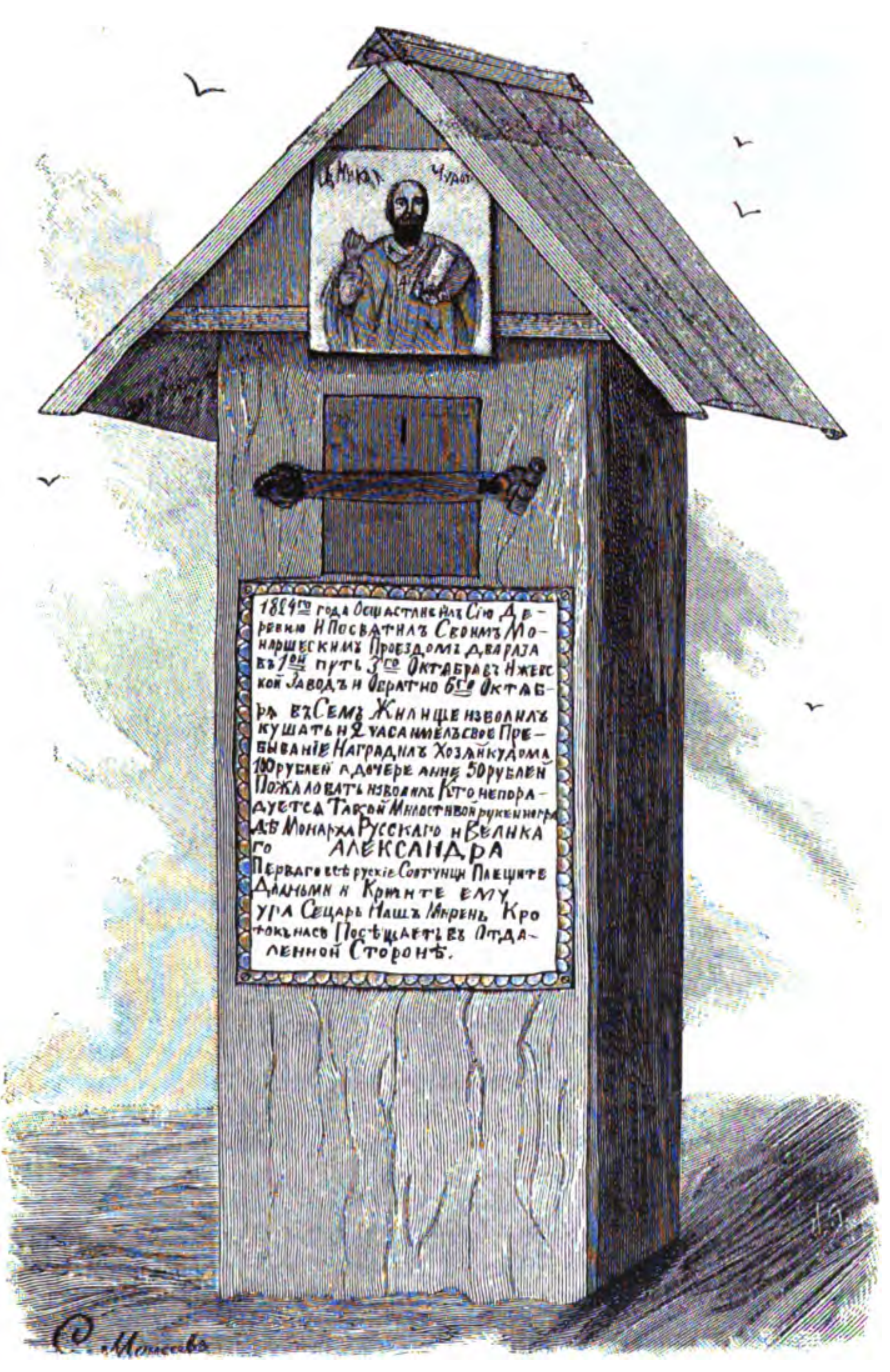
Эти шумныя и странныя, а ночью принимавшія фантастическую окраску, скачки производились изо-дня въ день въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, или, нѣсколько больше, начавшись еще до Семенова дня, а окончились онѣ наканунѣ самаго дня проѣзда государя императора.

Наконецъ, пришелъ давно жданный день, въ который долженъ былъ прослѣдовать чрезъ Якшуръ-Бодью Александръ Благословенный.

Въ этотъ день всѣ жители ближайшихъ селеній съ ранняго утра собрались въ Якшуръ-Бодью почти поголовно. Никому не хотѣлось пропустить этотъ чрезвычайно рѣдкій моментъ, всякій желалъ непремѣнно взглянуть на своего батюшку царя.

И весь собравшійся народъ постарался, конечно, пріодѣться почище, въ лучшія свои національныя вотскія одежды, а женщины надѣли и всѣ свои украшенія. Мужской вотскій костюмъ немногимъ отличается отъ костюма русскаго крестьянина и только по цвѣту—верхняя одежда ихъ по большей части шьется изъ тонкой бѣлой или свѣтло-сѣрой сукманины, матеріи домашняго приготовленія изъ шерсти и льна или пеньки. Но зато женскій костюмъ отличается большей оригинальностью, а украшенія или разные уборы бываютъ очень богаты. Всѣ они обязательно состоятъ изъ нанизанныхъ наподобіе рыбьей чешуи разныхъ серебряныхъ монетъ.

На головѣ вотянками носится «налобникъ», или «такья», которая состоитъ изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ—гривенниковъ, пя-



Памятникъ въ с. Якшуръ-Бодьѣ, поставленный въ воспоминаніе проѣзда императора Александра Перваго.

тіалтынныхъ, двугривенныхъ, и только по краямъ «такьи» у нѣкоторыхъ нанизываются, въ видѣ опушки или каймы, болѣе крупныя монеты—четвертаки и проч. Такья надѣвается, какъ шапка, а сверхъ нея повязывается платокъ такъ, чтобы передняя часть такьи, на лбу, оставалась видною.

На груди носится «нагрудникъ» или «кироскалъ», «крескалъ» (отъ слова крестъ, произносимаго вотяками «кресъ» и «киросъ»). Это—лента $1^1/_2$ аршина длиной, на нее нанизываются серебряные рубли въ одинъ, два и болѣе рядовъ, а посрединѣ крестъ. Концы ленты завязываются на тыльной сторонѣ шеи. Къ каждому уху вотячки подвѣшиваютъ по одному или по два рублевика, это—«пель люгы»; наконецъ, ими носится и въ косѣ по нѣскольку рублевиковъ и другихъ монетъ—«ирсъ пунэтъ».

Толпы такъ своеобразно разряженныхъ вотянокъ и вотяковъ, собравшихся въ Якшуръ-Бодью въ большомъ числѣ, «какъ на ярмарку», представляли изъ себя чрезвычайно пеструю, шумную, постоянно движущуюся и нелишенную живописности картину. Кромѣ обыкновеннаго шума и гортаннаго говора, изъ многолюдной толпы явственно выдѣлялся чрезвычайно характерный лязгъ или звонъ множества ударяющихся одна о другую серебряныхъ монетъ въ кироскалахъ и въ ирсъ-пунэтъ вотянокъ. И чѣмъ толпа болѣе двигалась и волновалась, тѣмъ болѣе и сильнѣе она шумѣла, тѣмъ сильнѣе раздавался лязгъ и звонъ металла. При этомъ толпа все продолжала увеличиваться и рости, двигаясь и разбиваясь на отдѣльныя группы, которыя отдѣлялись и подходили то къ одному, то къ другому, то къ третьему столу, поставленному у чьихъ либо воротъ и накрытому бѣлою скатертью.

Столы выставлены были у воротъ или подъ окнами каждаго дома Якшуръ-Бодьи, какъ и въ другихъ селеніяхъ, стоящихъ на тракту, по которому въ этотъ день проѣзжалъ государь императоръ.

На каждомъ столѣ хозяевами были положены и поставлены каравай чернаго хлѣба, солонка съ солью и бутылка «кумышки» [1]).

Время между тѣмъ шло. Солнце уже приближалось къ полудню. А толпа все еще росла, увеличивалась, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались шумъ, говоръ и смѣхъ, бряцанье и лязгъ массы серебряныхъ монетъ. Нѣкоторые старики въ то время не забывали, впрочемъ, внимательно и пристально вглядываться къ сѣверу, то-есть въ ту сторону, откуда ожидалось прибытіе государя императора, а главнымъ образомъ на ту часть тракта за деревней Якшуромъ, которая (часть тракта) видна изъ Якшуръ-Бодьи, потому что въ этомъ мѣстѣ трактъ заворачивается и идетъ съ запада на востокъ, спускаясь

---

[1]) Кумышка—вотскій національный спиртный напитокъ въ родѣ водки, приготовляемый домохозяиномъ вотякомъ на домашнемъ винокуренномъ аппаратѣ самой примитивной и первобытной конструкціи.

постепенно съ довольно высокаго увала или съ «Мыса» къ деревнѣ Якшуру, отстоящей въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Якшуръ-Бодьи.

Около самаго полудня болѣе зоркіе изъ стариковъ замѣтили, наконецъ, что съ «Мыса» какъ будто спускается къ Якшуру одинъ экипажъ, запряженный нѣсколькими лошадьми. Тогда въ толпѣ народа послышались громкіе и возбужденные крики:

— Калленъ!.. Инкэсяськэ!.. Мынэ! Мынэ! (Тише! не кричите! Ѣдетъ! Ѣдетъ!).

И чрезъ минуту весь народъ зналъ, что къ Якшуру подъѣзжаетъ государь, а потому скоро будетъ и здѣсь. Шумъ почти совсѣмъ утихъ, толпа народа замерла по сторонамъ улицы, оставивъ средину ея свободною для проѣзда.

Спустя четверть часа, экипажъ показался передъ Якшуръ-Бодьей и въѣхалъ въ улицу. Въ толпѣ моментально водворилась мертвая тишина. Всѣ сняли шапки, притаили дыханіе и съ любопытствомъ разглядывали единственнаго сѣдока, ѣхавшаго въ экипажѣ. Сѣдокъ оказался «передовымъ генераломъ», а не государемъ императоромъ.

Однако, вскорѣ послѣ «передового генерала» изволилъ прибыть и самъ государь императоръ вмѣстѣ со свитой, ѣхавшей въ нѣсколькихъ экипажахъ за государемъ.

По живой улицѣ, образовавшейся изъ двухъ плотныхъ стѣнъ народа, стоявшаго по сторонамъ дороги, государь императоръ ѣхалъ тихо, шагомъ и отвѣчалъ на низкіе поклоны народа легкимъ наклоненіемъ головы то въ ту, то въ другую сторону. При самомъ въѣздѣ народъ встрѣтилъ государя громкимъ крикомъ ура.

Въѣздъ императора въ Якшуръ-Бодью произошелъ около 12-ти часовъ. Проѣхавъ въ этотъ день отъ села Дебесъ, въ которомъ онъ ночевалъ, болѣе 80-ти верстъ, онъ, по всей вѣроятности, весьма утомился и нуждался въ отдыхѣ. Тотчасъ по въѣздѣ въ Якшуръ-Бодью его величеству благоугодно было отправиться прямо на приготовленную для него квартиру, у воротъ которой онъ былъ встрѣченъ хозяиномъ дома Иваномъ Герасимовымъ и женой его Еленой Ивановой съ хлѣбомъ и солью, милостиво принятыми государемъ.

Въ домѣ Ивана Герасимова Александръ Павловичъ изволилъ сначала кушать чай или кофе, подносимый будто бы хозяйкой дома Еленой Ивановой.

Тотчасъ же послѣ чая начался завтракъ, приготовленный походнымъ поваромъ государя императора, пріѣхавшимъ сюда задолго впередъ государя, въ тотъ же ли день рано утромъ, или вечеромъ наканунѣ — не выяснилось.

Еще во время чая или во время завтрака, за которымъ Елена Иванова тоже удостоилась счастія прислуживать государю императору, онъ изволилъ благосклонно и милостиво разговаривать съ нею. Все же семейство и мужъ Елены въ то время стояли про-

тивъ дверей въ сосѣдней комнатѣ, двери въ которую все время не были затворены. Тамъ же находился и 12-ти лѣтній Тимоѳей.

— Зачѣмъ ты носишь деньги на груди?—изволилъ обратиться Александръ Павловичъ съ вопросомъ къ Еленѣ Ивановой.

— Вотъ, вѣдь, всѣ вы, вотскія женщины, много портите серебряныхъ денегъ пробиваньемъ на нихъ отверстій. Вамъ развѣ не жалко портить деньги?—продолжалъ спрашивать государь.

— Тебя, нашъ царь батюшка, любимъ, вотъ потому и деньги носимъ на груди. Вѣдь на многихъ деньгахъ есть твое царское лицо, на деньгахъ написанъ ты, царь батюшка,— смѣло и находчиво отвѣтила хозяйка.

Этотъ находчивый отвѣтъ простой, неграмотной вотской женщины чрезвычайно понравился Александру Благословенному, а потому онъ изволилъ весьма щедро наградить ее, приказавъ кому слѣдуетъ выдать Еленѣ Ивановой сто серебряныхъ рублевиковъ. Кромѣ того, по желанію и приказанію государя императора еще выдано было пятьдесятъ рублей хозяйской дочери Аннѣ на приданое, такъ какъ послѣдняя въ то время была просватанною невѣстой.

Наградивъ такъ щедро Елену Иванову съ дочерью, государь императоръ въ заключеніе сказалъ хозяйкѣ:

— Вотъ дарю вамъ съ дочерью полтораста рублей. Берегите эти деньги, носите ихъ и помните меня...

Послѣ завтрака государь императоръ изволилъ отправиться на свѣжихъ лошадяхъ въ Ижевской оружейный заводъ, пробывъ въ Якшуръ-Бодьѣ всего около двухъ часовъ. Это было 3-го октября 1824 года.

Чрезъ три дня, 6-го октября утромъ, обратно изъ Ижевскаго завода государь императоръ прослѣдовалъ опять чрезъ Якшуръ-Бодью, направляясь въ городъ Глазовъ, а далѣе въ Вятку и другіе города. Въ этотъ день здѣсь была только короткая остановка для перемѣны лошадей, во время которой государь не выходилъ даже изъ экипажа.

II.

Вскорѣ послѣ проѣзда чрезъ Якшуръ-Бодью государя императора Иванъ Герасимовъ съ женой Еленой Ивановой въ благодарность за полученную награду отъ великодушнаго и милостиваго монарха, а главнымъ образомъ потому, что Александръ Павловичъ такъ милостиво изволилъ разговаривать съ ними,—рѣшили увѣковѣчить драгоцѣнную память о краткомъ пребываніи въ ихъ скромномъ домѣ августѣйшаго гостя, безконечно осчастливившаго ихъ семейство. Съ этою цѣлью они заказали въ Ижевскомъ заводѣ какому-то мастеру приготовить мѣдную доску съ приличествующею случаю надписью. Доска скоро была изготовлена. Герасимовы по-

вѣсили ее на видномъ мѣстѣ въ горницѣ своего дома; гдѣ она и находилась до смерти Елены Ивановой, умершей въ семидесятыхъ годахъ.

Находясь въ домѣ Герасимовыхъ, доска эта много разъ подавала поводъ къ воспоминаніямъ и безконечнымъ разсказамъ о проѣздѣ Александра Благословеннаго.

Послѣ же смерти Елены Ивановой дѣти ея пожертвовали эту доску въ церковь, гдѣ она и провалялась нѣсколько лѣтъ то въ сторожкѣ, то на колокольнѣ, между другими церковными вещами и старыми иконами. Долго на нее никто не обращалъ никакого вниманія. Только спустя много лѣтъ, одному изъ церковныхъ старостъ [1]) села Якшуръ-Бодьи пришла мысль поставить у дороги противъ церкви столбъ, а въ него вдѣлать и ту доску, чѣмъ ей «безъ пути» таскаться. У дороги всякій, кому бы ни пришло желаніе и охота, прочитаетъ, что написано на доскѣ; всякій узнаетъ, что когда-то «при дѣдахъ» изволилъ осчастливить жителей Якшуръ-Бодьи своимъ двукратнымъ проѣздомъ и двухъ-часовымъ пребываніемъ Александръ Благословенный.

Лѣтъ 12 — 15 тому назадъ эта мысль и была приведена въ исполненіе. Стараніями причта и старосты поставленъ у дороги съ восточной стороны церкви деревянный столбъ. Вверху его, подъ самой крышей, съ восточной стороны, помѣщается образъ святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца. Немного ниже иконы находится для добровольныхъ пожертвованій церковная кружка. А еще ниже привинчена мѣдная доска съ вычеканенною на ней надписью. Такимъ образомъ получился памятникъ, хотя и нехудожественный, незатѣйливый и небогатый, но все же памятникъ о рѣдко выпадающемъ на долю захолустныхъ подданныхъ посѣщеніи ихъ царя батюшки.

Приводимъ и самую надпись, сохраняя буквальную орѳографію, количество строкъ и размѣщеніе словъ по строкамъ:

1824-го года Осщастливилъ Сію Де-
ревню, И Посвятилъ Своимъ Мо-
наршескимъ Проездомъ два раза
въ 1-ой путь 3-го Октября въ Ижевс-
кой Заводъ и Обратно 6-го Октяб-
ря въ Семъ Жилище изволилъ
Кушать и 2 часа имелъ свое Пре-

[1]) Церковному старостѣ И. З. Ходыреву. Впрочемъ, скончавшійся въ 1895 г., священникъ И. В. Ардашовъ оспаривалъ это показаніе, утверждая, что иниціатива постановки столба принадлежала ему, Ардашову, а староста принималъ только дѣятельное участіе въ постановкѣ памятника. Этотъ же священникъ увѣрялъ, что мѣдная доска была пожертвована въ церковь до своей смерти самой Еленой Ивановой изъ опасенія, чтобы сынъ ея Тимоѳей, который велъ въ то время разгульную жизнь, непридумалъ промотать и эту доску.

бываніе Наградилъ Хозяйку дома
100 рублей а дочере аннѣ 50 рублей
Пожаловать изволилъ Кто непора-
дуется Такой Милостивой руке и награ-
дѣ, Монарха Русскаго, и Велика-
го АЛЕКСАНДРА
Перваго всѣ русскіе Соотчици Плещите
Дланьми и Кричите ему.
ура Сецарь Нашъ Миренъ Кро-
токъ насъ Посѣщаетъ въ Отда-
ленной Сторонѣ.

Хотя по смыслу надписи можно заключить, что государь императоръ останавливался въ Якшуръ-Бодьѣ для отдыха и завтрака въ обратный путь—6-го октября, въ дѣйствительности же это произошло въ передній путь—3-го октября. Очевидно, что авторъ надписи не сумѣлъ или же пренебрегъ болѣе правильною разстановкой знаковъ препинанія, какъ, напримѣръ, не поставилъ знака точки послѣ словъ — «6-го октября», отчего и получился превратный смыслъ.

Устроители этого незатѣйливаго памятника не ошиблись въ расчетахъ. Дѣйствительно, почти всякій крестьянинъ, ѣдущій или идущій мимо памятника, не преминетъ остановиться, снять шапку, набожно перекреститься, достать изъ кармана и опустить въ кружку свою трудовую, потомъ добытую лепту. Грамотные въ этихъ случаяхъ непремѣнно прочитываютъ и самую надпись на доскѣ.

III.

Прошло послѣ описаннаго событія слишкомъ двѣнадцать лѣтъ, и весной 1837 года жители Якшуръ-Бодьи и прочихъ селеній опять узнали, что чрезъ это селеніе имѣетъ прослѣдовать въ Ижевской заводъ его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Начальство и на этотъ разъ, какъ и въ проѣздъ Александра Благословеннаго, на случай остановки наслѣдника цесаревича, отвело квартиру въ Яшкуръ-Бодьѣ и опять въ домѣ Ивана Герасимова, которую хозяевамъ и приказано было содержать въ должной чистотѣ и опрятности. Также соблюдалась чистота и на улицѣ во всей деревнѣ: съ улицы всякій соръ и навозъ ежедневно подметался и вывозился на поля.

Въ этотъ разъ жителямъ, кромѣ того, внушено было, чтобы и сами они одѣлись попраздничному, вообще чище и наряднѣе.

Такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ народъ, будто бы, просилъ у начальства позволенія подходить близко къ дорогѣ, по которой

нужно было проѣзжать государю наслѣднику цесаревичу, а также и къ мѣстамъ его остановокъ въ селеніяхъ, то эта просьба народа была уважена, а потому повсюду объявлялось не задолго до проѣзда его о томъ, что всѣ жители, желающіе видѣть наслѣдника русскаго престола и будущаго русскаго монарха, могутъ свободно подходить ко всѣмъ мѣстамъ его остановокъ и къ дорогѣ.

Что касается подготовки лошадей, то въ этотъ разъ она совсѣмъ не практиковалась, и потому, кажется, что заниматься этимъ было рѣшительно некогда, такъ какъ въ маѣ почти вездѣ происходитъ сѣвъ яровыхъ хлѣбовъ.

Въ день прибытія государя наслѣдника, 21-го или 23-го мая, всѣ жители Якшуръ-Бодьи и другихъ селеній еще съ утра собрались въ Якшуръ-Бодью, разодѣвшись въ болѣе нарядныя и лучшія одежды.

Весь собравшійся народъ, мужчины и женщины, старые и молодые, столпился къ дому Ивана Герасимова и тутъ терпѣливо ожидалъ наслѣдника цесаревича до самаго вечера.

Александръ Николаевичъ, сопровождаемый свитой, изволилъ прибыть изъ Чутыря въ Якшуръ-Бодью только въ седьмо́мъ или восьмомъ часу вечера. Народъ встрѣтилъ его криками «ура».

По улицѣ онъ, а за нимъ и свита его, ѣхалъ тихо, медленно; по обѣимъ сторонамъ пути стоялъ двумя плотными стѣнами народъ, низко кланявшійся проѣзжавшему наслѣднику цесаревичу и его свитѣ, и съ благоговѣніемъ и любопытствомъ смотрѣвшій на своего будущаго монарха.

Когда государь наслѣдникъ поровнялся съ домомъ Ивана Герасимова, ему кто-то изъ свиты сообщилъ, что въ этомъ домѣ останавливался и изволилъ завтракать въ 1824 году его августѣйшій дядя, въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ Павловичъ.

Тогда наслѣдникъ цесаревичъ приказалъ остановиться, пожелавъ узнать, есть ли кто нибудь изъ жителей селенія или изъ членовъ семьи Ивана Герасимова, которые помнили бы Александра Благословеннаго.

Далѣе считаемъ болѣе удобнымъ привести почти буквальный разсказъ очевидца этого событія, Тимоѳея Иванова Бигенея, старшаго сына Ивана Герасимова.

— У насъ въ домѣ еще задолго впередъ говорили, что царь батюшка наслѣдникъ, можетъ, захочетъ зайти въ нашъ домъ, хотя ему и не нужно было останавливаться въ Якшуръ-Бодьѣ, только нужно было другихъ лошадей запрячь. Вотъ поэтому я и вся наша семья въ тотъ день, когда проѣзжалъ царь наслѣдникъ, изъ дому на улицу почти не выходили смотрѣть, какъ онъ пріѣдетъ. Мы больше дома сидѣли и ждали. Еще съ утра моя мать припасла каравай хлѣба и соль, чтобы поднести ихъ государю наслѣднику.

Ждали больно долго. Почти весь день прошелъ, а государь наслѣдникъ все не ѣдетъ. Да ужъ не задолго до заката солнышка мы услышали, что сначала народъ замолчалъ, а потомъ и закричали «ура». Вскорѣ послѣ этого въ окно мы увидали, что государь наслѣдникъ остановился противъ нашего дома, и вышелъ изъ своей кареты, а за нимъ и всѣ генералы. Потомъ государь наслѣдникъ вмѣстѣ со всѣми генералами зашли къ намъ въ домъ.

Мать моя взяла хлѣбъ и соль и поскорѣе пошла встрѣчать государя. Онъ хлѣбъ и соль принялъ и велѣлъ отнести въ карету. А прежде онъ отломилъ отъ хлѣба небольшой кусочекъ и съѣлъ его.

Послѣ этого онъ увидалъ у насъ на стѣнѣ мѣдную доску, на которой все очень хорошо было прописано, когда и сколько времени былъ въ Якшуръ-Бодьѣ и у насъ въ домѣ царь батюшка Александръ Павловичъ.

И сталъ тогда царь батюшка наслѣдникъ читать, что было написано на той доскѣ. А когда все прочиталъ, отошелъ отъ доски и началъ разговаривать съ моей матерью.

Онъ сперва спросилъ ее:

— Всѣ ли, говоритъ, живы у васъ въ семействѣ тѣ люди (члены семьи), которымъ посчастливилось видѣть блаженной памяти моего дядю, государя императора Александра Павловича?

— Нѣтъ, царь батюшка наслѣдникъ, не всѣ живы,—отвѣтила государю наслѣднику моя мать.—Мужъ мой недавно умеръ, а я теперь живу одна съ дѣтьми, сама хозяйничаю.

Послѣ этого разговора государь наслѣдникъ увидалъ на другой стѣнѣ гусли, на которыхъ я прежде больно хорошо и много игралъ. Играть на нихъ я шибко любилъ.

Такъ вотъ и увидалъ царь батюшка наслѣдникъ мои гусли и спрашиваетъ мою мать:

— А кто это у васъ на гусляхъ играетъ?

Какъ онъ это сказалъ, тогда я больно испугался. Я думалъ, что мнѣ за это что нибудь да будетъ неладно, не хорошо. Ума, видно, тогда у меня мало было. И такъ я струсилъ, что руки и ноги у меня совсѣмъ задрожали.

А мать моя тогда сказала ему:

— А это играетъ на гусляхъ мой старшій сынъ—Тимоѳей.

Ну, тогда я, теперь ужъ совсѣмъ не помню, какъ вышелъ изъ другой нашей комнаты, изъ которой мы смотрѣли на государя наслѣдника. Ну, вотъ вышелъ и скорѣе низко поклонился ему, а самъ сначала хотѣлъ падать ему въ ноги, да опять побоялся—не знаю еще, ладно ли, думаю, такъ-то будетъ. Поклонился, а потомъ скоро осмѣлился и сказалъ:

— Это я, царь батюшка наслѣдникъ, играю на гусляхъ.

А онъ поглядѣлъ на меня и началъ спрашивать:

— Когда же ты, молодецъ, на гусляхъ играешь?.. Не всегда же игрой только занимаешься?

— Нѣтъ, государь царь батюшка: я играю только по праздникамъ, когда мы совсѣмъ не работаемъ. А когда у насъ праздника нѣтъ, тогда мы все что нибудь работаемъ, и играть тогда я не играю,—некогда.

— Какіе же у васъ здѣсь бываютъ праздники? — опять спрашиваетъ государь наслѣдникъ.

— А вотъ, говорю я ему, скоро будетъ Петровъ день. Потомъ осенью придетъ Покровъ, а еще послѣ него Николинъ день. Потомъ ужъ зимой—Рождество, масляница. А тутъ скоро послѣ масляницы праздникъ Пасха бываетъ. Вотъ въ эдакіе-то большіе праздники я и играю на гусляхъ. Тогда мы всѣ, вотяки, ходимъ изъ одного дома въ другой домъ, гуляемъ, — пируемъ, значитъ, пьемъ кумышку. Тогда бываетъ весело, тогда я и играю.

Такъ разсказывалъ я.

— А сѣешь ли ты хлѣбъ?

— Сѣю.

— Ну, хорошо. Теперь пойди, поиграй, молодецъ, а мы послушаемъ,—сказалъ онъ.

Я хоть и больно боялся идти мимо государя, а ужъ если онъ велѣлъ играть, такъ нельзя было не идти за гуслями. Я поскорѣе подошелъ, снялъ со стѣны гусли, опять отошелъ на свое прежнее мѣсто къ двери и подальше отъ государя наслѣдника и началъ стоя играть. Ну, а стоя-то играть на гусляхъ больно не хорошо, а то, пожалуй, нужно сказать, что и совсѣмъ нельзя. Да я все еще боялся, а оттого и руки-то дрожатъ. И гусли держать тяжело и больно неловко. А сѣсть боюсь.

А государь наслѣдникъ, видно, понялъ, что такъ нельзя играть, да и говоритъ:

— Ты, молодецъ, давай садись вотъ тутъ, да тогда ужъ и играй!

Онъ показалъ мнѣ на крайній стулъ, куда нужно было сѣсть.

Хоть я и сѣлъ, и началъ было играть послѣ того, да руки все еще трясутся, такъ и дрожатъ, и пальцы не тѣ струны захватываютъ. А отъ этого я и игралъ больно плохо. Самъ думаю, что такъ играть совсѣмъ не годится, а направиться никакъ не могу. Не знаю, что и было бы.

А въ то время царь наслѣдникъ налилъ, самъ налилъ,—не то, чтобы тамъ какому ни на есть генералу велѣлъ налить, а самъ налилъ вина въ золотой стаканчикъ. Да, вѣдь, и бутылка-то, изъ которой онъ наливалъ вино, тоже была вся золотая [1]), ну, и ста-

[1]) Слова «весь золотой», относящіяся какъ къ бутылкѣ, такъ и къ ларцу, о которомъ говорится дальше, слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ, что они приготовлены изъ золота, а лишь въ томъ смыслѣ, что они, бутылка и ларецъ, имѣли блестящую и красивую и, быть можетъ, золотистую внѣшность.

канъ тоже весь золотой. Потомъ онъ велѣлъ мнѣ пить изъ этого стакана. Мнѣ хоть и страшно было, а выпить царскаго вина шибко захотѣлось. Я тихонько выпилъ винó, а стаканчикъ поставилъ поскорѣе на столъ. А когда ставилъ, такъ больно боялся — не уронить бы его какъ нибудь, да не испортить бы. Потомъ государь наслѣдникъ налилъ еще другой стаканчикъ и опять велѣлъ мнѣ выпить. Этотъ, другой-то, стаканъ я ужъ пилъ много смѣлѣе.

А послѣ этого онъ опять приказалъ мнѣ садиться и играть на гусляхъ. Ну, отъ вина я сталъ веселѣе и бояться почти пересталъ. И началъ послѣ этого играть всякія русскія и вотскія веселыя пѣсни, какія только умѣлъ играть.

Я играю, а государь наслѣдникъ въ это время ходитъ, все ходитъ по горницѣ. Вѣдь, когда кто нибудь играетъ на гусляхъ, такъ тогда больно хорошо ходить — весело, и сидѣть тогда совсѣмъ не хочется. Ну, вотъ и царь батюшка наслѣдникъ въ то время былъ больно веселый и все ходитъ.

Ходитъ, а самъ разговариваетъ что-то съ своими генералами. А я хотя и больно хорошо зналъ говорить порусски, а тутъ совсѣмъ ничего не понималъ, объ чемъ они, государь наслѣдникъ и генералы, промежъ себя разговариваютъ. Стало быть, про себя думалъ я тогда, государь наслѣдникъ умѣетъ говорить съ генералами еще иponѣмецки.

Ужъ долго ли, нѣтъ ли я игралъ, а только ужъ началъ опять бояться, что скоро устану и больше играть не смогу, а государь разсердится за это на меня.

Но тутъ онъ скоро послалъ куда-то одного «генерала». «Генералъ» этотъ вышелъ изъ дома и пошелъ на улицу, а тамъ въ то время запрягали въ кареты другихъ лошадей. Потомъ «генералъ» скоро воротился. Онъ принесъ тогда съ собой небольшой сундукъ— «весь золотой» [1]).

Тогда государь наслѣдникъ сказалъ мнѣ:

— Ты, молодецъ, хорошо играешь на гусляхъ. Теперь будетъ, мы довольно наслушались.

Я больно былъ радъ, что государь наслѣдникъ похвалилъ меня. Всталъ и хотѣлъ поскорѣе идти. А онъ подозвалъ меня къ сундуку, а самъ взялъ тогда ключъ и сталъ отпирать этотъ сундукъ. Вотъ гляжу я, а онъ ключъ вставляетъ не съ боку, а сверху сундука—въ крышку. Да и замокъ въ этомъ сундукѣ былъ такой хитрый, что когда государь наслѣдникъ отпиралъ сундукъ, такъ такая музыка пошла,—ну, все одно, что на соборѣ (т. е. на соборной или вообще на церковной колокольнѣ) звонятъ или все одно, какъ въ органъ играютъ.

---

[1]) Конечно, въ словахъ Бигенея есть преувеличеніе, но они показываютъ, что музыка замка понравилась ему также, какъ стройный колокольный звонъ, тѣмъ болѣе, что онъ, вѣроятно, слышалъ ее въ первый разъ.

Когда онъ открылъ сундукъ, тогда началъ показывать мнѣ все, что только было въ этомъ сундукѣ. Гляжу я, а сундукъ весь разгороженъ на много маленькихъ ящиковъ. И во всѣхъ этихъ ящикахъ лежатъ всякія разныя деньги и такъ, что въ одномъ ящикѣ однѣ, а въ другомъ другія—одинаковыя по «росту».

Потомъ государь наслѣдникъ сталъ меня спрашивать сперва про серебряныя деньги:

— А знаешь ли ты, молодецъ, какія вотъ эти деньги?—и онъ показалъ мнѣ ящики, въ которыхъ лежало серебро.

— Это вотъ гривенники, а это вотъ пятіалтынные, это двугривенные; а эти побольше полтинники, а вотъ эти. самыя большія,—рублевики, все разсказалъ я ему.

Послѣ этого государь наслѣдникъ также спросилъ меня про бумажныя деньги, и я опять все разсказалъ ему правильно. И прежде этого я видалъ много бумажныхъ денегъ, ну, и всѣ зналъ ихъ.

А послѣ этого государь наслѣдникъ опять сталъ спрашивать про желтыя деньги, видно золотыя.

— А вотъ это какія деньги?

— Этихъ, царь батюшка наслѣдникъ, я и совсѣмъ не знаю. Въ нашей деревнѣ ни у кого такихъ денегъ никогда не бываетъ. Да и въ Ижевскомъ заводѣ также такихъ денегъ я никогда не видывалъ.

Тогда онъ самъ мнѣ разсказалъ:

— Эти монеты золотыя—эти по пяти, а эти по десяти рублей.

Потомъ онъ взялъ одну синенькую бумажку, отдалъ ее мнѣ и сказалъ:

— Возьми себѣ, молодецъ, эту бумажку.

Я больно обрадовался, взялъ и низко поклонился ему.

А онъ еще спросилъ:

— А есть ли у тебя, молодецъ, жена?

Ну, а я ужъ въ то время былъ женатъ и сказалъ:

— Есть, царь батюшка наслѣдникъ.

Тогда онъ говоритъ:

— Такъ ты, молодецъ, возьми эти деньги и отдай ихъ своей женѣ и вели ей купить на нихъ себѣ платье.

Послѣ этого государь наслѣдникъ позвалъ мать мою и далъ ей пятьдесятъ рублей.

А потомъ ужъ государь со всѣми своими «генералами» собрались совсѣмъ уходить изъ нашего дома. А когда государь выходилъ, такъ сначала взглянулъ въ другую нашу избу, въ которой въ то время была вся наша семья. Тамъ же стояла и жена моя. Вся наша семья поклонилась государю наслѣднику. А онъ тоже имъ поклонился. А говорить не сталъ, да всѣ остальные въ нашей семьѣ совсѣмъ плохо говорили порусски.

Послѣ этого государь наслѣдникъ совсѣмъ ужъ вышелъ отъ насъ.

Намъ всѣмъ было жалко его. Мнѣ тоже больно жалко стало, что

царь наслѣдникъ такъ скоро ушелъ отъ насъ. Все бы еще на него смотрѣлъ, и все бы съ нимъ разговаривалъ. Онъ вѣдь такой добрый. Тогда я ужъ совсѣмъ пересталъ его бояться и больно любилъ его. Когда онъ былъ у насъ, такъ мнѣ было хорошо, весело, я радъ былъ, когда онъ похвалилъ меня за игру на гусляхъ. Радъ былъ, когда онъ далъ мнѣ пять рублей. Этотъ день для меня такой большой праздникъ былъ, какого больше и во весь-то вѣкъ не бывало. Вотъ я и помню все и никогда не забуду.

А когда царь батюшка наслѣдникъ ушелъ отъ насъ съ генералами, такъ еще не сразу уѣхалъ. Какъ только онъ вышелъ на улицу, то увидалъ рядомъ съ нашимъ домомъ маленькую и плохую избу и спросилъ стариковъ:

— Чей этотъ домъ?

Ему сказали, что въ этой избѣ живетъ бѣдный вотякъ. Это жилъ сосѣдъ нашъ. Звали его Исакъ Матвѣевъ. Онъ былъ мужикъ бѣдный и жилъ въ старомъ, плохомъ домѣ. У него была полна изба ребятъ, а работать было некому, только самъ онъ работалъ, да жена его.

Государь наслѣдникъ не поглядѣлъ, что домъ у него плохой и старый, и зашелъ въ избу къ Исаку Матвѣеву. Потомъ вышелъ отъ него и совсѣмъ собрался ѣхать. Сѣлъ въ свою «карету», а за нимъ и всѣ «генералы» усѣлись по своимъ «каретамъ» и поѣхали. Улицей сначала ѣхали потихоньку. А когда отъѣхали къ лѣсу, тогда и погнали ходко въ Ижевской заводъ.

Послѣ того, какъ государь наслѣдникъ уѣхалъ совсѣмъ, на улицу вышелъ и Исакъ и сталъ разсказывать всѣмъ, зачѣмъ заходилъ къ нему государь наслѣдникъ. Исакъ радовался и говорилъ, что государь наслѣдникъ далъ ему пятьдесятъ рублей денегъ.

Онъ говорилъ, что государь наслѣдникъ какъ только пришелъ къ нему въ избу, то спросилъ:

— Отчего ты, мужичекъ, живешь такъ бѣдно и въ такомъ плохомъ домѣ?

А Исакъ отвѣчалъ ему:

— У меня, царь батюшка, семья больно большая, дѣтей много, а работать могу только я одинъ, да жена немного помогаетъ мнѣ въ работѣ. Домъ новый поставить силы не хватаетъ, а денегъ нѣтъ.

Тогда государь наслѣдникъ и далъ ему пятьдесятъ рублей, да и сказалъ:

— Вотъ возьми себѣ, мужичекъ, отъ меня пятьдесятъ рублей, да постарайся какъ нибудь поправить на нихъ свой домъ и все хозяйство.

Этими словами обыкновенно Бигеней и заканчивалъ свой разсказъ, и на лицѣ его тогда можно бывало прочесть грустное сожалѣніе о прошломъ времени. Случалось, что старикъ разсчувствуется до слезъ, съ которыми и окончитъ свои повѣствованія.

IV.

Привожу также разсказъ другого очевидца о проѣздѣ государя наслѣдника Алексaндра Николаевича.

Однажды старикъ вотякъ возилъ насъ въ Ижевской заводъ. Рѣчь съ нимъ зашла о дорогѣ. Онъ сталъ припоминать, какова дорога бывала въ разное время въ продолженіе его жизни. Между прочимъ говорилъ, что лѣтъ 60—70 тому назадъ по этой дорогѣ ѣздить было одно мученье.

— Да хорошо еще, что вздумалъ въ ту пору царь поѣхать въ Ижевской заводъ чрезъ Якшуръ-Бодью. Ну, тогда и прочистили шире дорогу, съ тѣхъ поръ она и стала такой, какая теперь есть.

— А ты, старикъ, самъ-то тогда видѣлъ царя или нѣтъ?—спрашиваемъ его.

— Нѣтъ, я тогда совсѣмъ еще не былъ роженъ, а, можетъ, и роженъ, да малъ былъ. А вотъ сына того царя пришлось увидѣть. Онъ лѣтъ черезъ десять ли, пятнадцать ли, послѣ самого царя-то проѣзжалъ здѣсь, когда еще не царемъ, а наслѣдникомъ былъ.

— Нѣтъ, старикъ, то не сынъ былъ, а племянникъ бывшаго здѣсь императора Александра Павловича. Его звали Александромъ Николаевичемъ.

— Ну, можетъ, и такъ. Спорить не буду, вамъ больше знать. Такъ вотъ его-то я и видѣлъ.

— Гдѣ же ты его видѣлъ—въ Якшуръ-Бодьѣ, или у себя дома, въ деревнѣ Якшурѣ?

— Да, въ Якшурѣ. Ну, хоть тогда всѣ знали и раньше, что будетъ проѣзжать наслѣдникъ русскаго царя, а въ какой день и утромъ, али вечеромъ, этого толкомъ-то и не знали. А тутъ въ одинъ день, около Троицы, али на Троицѣ—не помню хорошенько, всѣ стали говорить, что сегодня проѣдетъ наслѣдникъ. Вотъ поэтому всѣ большіе, мужики и бабы, парни и дѣвки, еще утромъ ушли въ Якшуръ-Бодью. А дома въ деревнѣ оставались только старики, старухи, да мы, малые ребята.

А намъ чего ребятамъ дѣлать—играемъ на улицѣ, да бѣгаемъ. Ну, а сами все-таки поглядываемъ же на дорогу—не ѣдетъ ли, молъ, царь наслѣдникъ. А вы, вѣдь, знаете—дорога отъ Чутыря идетъ къ Якшуру все подъ гору. Пожалуй, на двѣ версты видать дорогу. Ну, играли, играли. Нѣтъ, все не ѣдетъ наслѣдникъ. Ужъ мы всяко наигрались. Ѣсть захотѣли. Сходили домой, наѣлись и опять на улицу играть. И опять долго никого не было. Да только ужъ подъ вечеръ ребята ли, старики ли увидѣли, что кто-то по дорогѣ ѣдетъ и много. Глядимъ и мы, а съ горы ужъ начали спускаться и совсѣмъ ужъ недалеко отъ Якшура. Тутъ которые и закричали:

— Лыктэ! лыктэ! Царь мынэ! Царь мынэ! (Идите! идите! Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ!)

Тутъ всѣ, какой народъ оставался дома, всѣ повысыпали на улицу и побѣжали къ полевымъ воротамъ, въ которые нужно было проѣхать наслѣднику. Только мы прибѣжали къ воротамъ, и скоро ужъ кареты въѣхали въ улицу. Каретъ было три или четыре, а, можетъ, и больше. Въ каретахъ было запряжено, гдѣ четыре, гдѣ пять, а то и шесть лошадей.

— Ну, вотъ смотримъ, а наслѣдникъ молоденькій, весь въ бѣлой одеждѣ, только сапоги черные. А фуражка, что-то не помню, какая была.

— А какъ же ты, старикъ, узналъ его? Онъ развѣ въ первой каретѣ одинъ ѣхалъ?

— Какъ узналъ, говоришь? Да я и вовсе его не зналъ. И теперь не знаю,—который наслѣдникъ, а помню хорошо, все одно, что сейчасъ вижу. Видишь ли какъ было: ихъ въ одной каретѣ сидѣло двое. Ну, кое-кто и говорятъ: вотъ это наслѣдникъ, и показали ту карету, въ которой ѣхало двое. Ну, ѣдутъ они, оба молодые, ни бороды, ни усовъ я не замѣтилъ; оба они въ бѣлыхъ, ну, все одно, что снѣгъ, одеждахъ. И ростомъ какъ будто ровны. Какъ тутъ узнаешь, который наслѣдникъ, который нѣтъ. Такъ я и не узналъ, да больно-то и не доспрашивалъ—малъ еще былъ.

Ну, пока всѣ ѣхали они тихо по улицѣ и все смотрѣли по сторонамъ на народъ, и все что-то разговаривали между собой. А тихо ѣхали, видно, затѣмъ, что улицей приходится съѣзжать все подъ горку, такъ, можетъ, боялись, чтобы лошади не разнесли, да не ушибли бы кого нибудь, или не сломали бы кареты. А, можетъ, хотѣлось имъ и на народъ поглядѣть и чтобы попуще было видно ихъ самихъ народу. А въ то время весь народъ, а пуще всего мы, малые ребята, все за наслѣдникомъ бѣжимъ. Да такъ и проводили далеко въ поле за деревню. Которые еще побѣжали и въ Якшуръ-Бодью. Ну, а я туда не ходилъ, ужъ не знаю почему.

Послѣ въ народѣ говорили, когда всѣ пришли изъ Якшуръ-Бодьи, что наслѣдникъ пробылъ тамъ порядочно. Заходилъ въ домъ Ивана Герасимова, разговаривалъ съ его хозяйкой и съ сыномъ Тимоѳеемъ и заставлялъ его, сказываютъ, играть на гусляхъ и угостилъ его своимъ хорошимъ, дорогимъ виномъ. А когда уходилъ отъ нихъ, далъ хозяйкѣ пятьдесятъ рублей ассигнаціями, да сыну пять рублей.

А потомъ заходилъ къ сосѣду Бигенеевъ, къ бѣдному мужику—Исаку Матвѣеву.

А Исакъ былъ крестьянинъ плохой и, пожалуй, безтолковый. Наслѣдникъ и пожалѣлъ его, бѣднягу, да и придумалъ помочь ему, чтобы онъ житьемъ-то своимъ поправился немного. Поэтому хотѣлъ дать ему шибко много денегъ. Однако, не спроста и зря—отсчитать

деньги да и дать. Нѣтъ, наслѣдникъ придумалъ дать Исаку такихъ денегъ, которыя онъ только самъ узнаетъ, а которыхъ не сможетъ узнать, такъ тѣхъ не давать. Это, видно, для того, чтобы послѣ кто нибудь не обманулъ Исака, и не ушли бы наслѣдниковы денежки безъ всякаго толку и безъ пользы.

Тогда и сталъ наслѣдникъ показывать Исаку всѣ свои деньги, какія случились у него въ ту пору. Покажетъ и спроситъ:

— Знаешь ли ты, мужичекъ, сколько это рублей? ежели показывалъ бумажку или золотушку. А какъ серебро показывалъ, такъ спрашивалъ:

— Сколько это копеекъ?

А мѣдныя деньги, что-то не знаю, показывалъ ли, нѣтъ ли.

Ну, Исакъ и скажетъ, если знаетъ сколько:

— Знаю: пять рублей, три рубля. Или: двадцать копеекъ, полтина.

Такую бумажку, али деньгу наслѣдникъ и отложитъ въ сторонку.

А про которую Исакъ скажетъ: «не знаю, не видалъ»,—такъ ту бумажку наслѣдникъ кладетъ обратно въ свою шкатулку. А давалъ онъ только по одной бумажкѣ отъ всякаго сорта.

Когда наслѣдникъ такъ-то всѣ деньги переказалъ, такъ и всего-то изъ нихъ Исакъ узналъ только на пятьдесятъ рублей. А вотъ если бы онъ потолковѣй былъ, да всѣ бы денежки разузналъ, ну, тогда и получилъ бы, можетъ статься, много побольше тыщи, а то, пожалуй, и цѣлыхъ двѣ. Тогда бы онъ сразу могъ сдѣлаться большимъ богатеемъ. А не узналъ, такъ ужъ не взыщи — нѣтъ тебѣ ничего.

— Такъ что же Исакъ поправился или нѣтъ отъ тѣхъ пятидесяти рублей.

— Ну, гдѣ же поправиться: велики ли это деньги для бѣднаго-то мужика? Вѣдь пятьдесятъ рублей «сигнаціями» пононѣшнему... десять рублей—это тридцать пять, да еще... десять, пять — пятнадцать... Да! пятьдесятъ рублей ассигнаціями потеперешнему поменьше пятнадцати рублей, это серебромъ-то. Такъ много ли чего поправишься на нихъ, на пятнадцать-то рублей! А Исакъ былъ долженъ хлѣбомъ сколько-то. Ну, такъ долги роздалъ, да туда, да сюда, на то, да на другое, глядишь, въ недѣлю тѣхъ денегъ и не стало! А вотъ если бы толкъ-отъ у него былъ, да узналъ бы онъ всѣ наслѣдниковы деньги, ну, тогда другое было бы дѣло. Тогда, можетъ, и богаче-то его не было бы у насъ никого. Да и то еще сказать: толковый да бойкій мужикъ проживетъ и безъ чужихъ денегъ и сумѣетъ самъ нажить ихъ, а плохому все мало будетъ, сколько ты ему ни дай. Вотъ и Иванъ Герасимовъ, хоть и заправскій былъ мужикъ, пожалуй, первый богачъ былъ на всю волость, и деньги у него водились, и хлѣба были полны амбары, домъ большой, а какъ самъ-то померъ — все прошло куда-то, совсѣмъ ничего не стало. Сынъ, Тимоѳей, лѣнивъ былъ, да водку любилъ пить. А въ ка-

бакъ денегъ не наносишься, все будетъ мало, сколько ни носи. Ну, такъ и прожилъ все, такъ и прошло все его богатство зря, безъ пользы. Тимоѳей, вѣдь, ужъ совсѣмъ нищимъ умеръ, и схоронили-то его чужіе люди на свое...

Помолчавъ нѣсколько минутъ, ямщикъ прибавилъ:

— Вотъ и про Ивана Герасимова сказывали, что царь денегъ ему больно много далъ и велѣлъ ихъ раздѣлить поровну всѣмъ крестьянамъ. И хоть больно тогда наши старики приставали къ нему, чтобы онъ всѣ царскія деньги оказалъ, да всѣмъ и раздѣлилъ бы ихъ, однако, побились, побились, покрутили, покрутили его, да такъ ничего и не взяли.

— Нѣтъ, старикъ, если бы государь хотѣлъ дать денегъ всѣмъ крестьянамъ, онъ выдалъ бы ихъ кому нибудь изъ начальства и сказалъ бы о томъ крестьянамъ.

— Ну, какъ пустяки, когда объ этомъ такъ говорили?... А начальству что? Оно, можетъ, и знало, да и Иванъ-то Бигеней не дуракъ, вѣдь, тоже былъ: тому, да другому, а тамъ и третьему далъ, ну, и замолчали. Такъ и прошло. Вы, вѣдь, не знаете,—тогда такое уже время было, не бралъ только самый плохой, да, можетъ статься, лѣнивый. Всѣ брали.

Возражать мы больше не стали.

С. Моисеевъ.

ПЯТИСОТЛѢТІЕ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ [1].

Вотъ Бѣлое-озеро плещетъ вдали,
Качая расшивы на бурныхъ валахъ...
Когда-то варяги оттуда пришли...
Я вспомнилъ невольно о тѣхъ временахъ.
Н. В. Бергъ.

V.

По пути въ обитель.

ЛАГОВѢСТИЛИ къ поздней обѣднѣ, когда мы съ товарищемъ выѣхали изъ Бѣлозерска. Отсюда до Кирилова считается около 40 верстъ.

Ямщикъ нашъ, — ловкій, статный парень, недавно только окончившій военную службу,—далъ полную волю своей лихо подобранной тройкѣ, и мы стрѣлою понеслись по гладкой дорогѣ.

Вскорѣ скрылся изъ глазъ, расположенный въ центрѣ города, высокій земляной валъ, потомъ и отдѣльныя городскія постройки стали сливаться въ одну сплошную линію.

Бѣлозерскъ славится своими снитками и красотою женщинъ. Снитки настолько повсемѣстно извѣстны, что русскій народъ перевелъ названіе рыбы даже на всѣхъ окрестныхъ жителей и называетъ ихъ бѣлозерскими снитками. Что же касается до красоты здѣшнихъ женщинъ, то она въ XVI вѣкѣ бросилась въ глаза самому Іоанну Грозному. «У васъ бабы-то хороши», замѣтилъ онъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 118.

купцу Ширяеву, въ домѣ котораго остановился. Снитковъ въ городѣ мы не нашли, красивыхъ женщинъ—также; а потому и слѣдуетъ заключить, что государь Иванъ Васильевичъ посѣтилъ Бѣлоерскъ въ болѣе счастливыя времена.

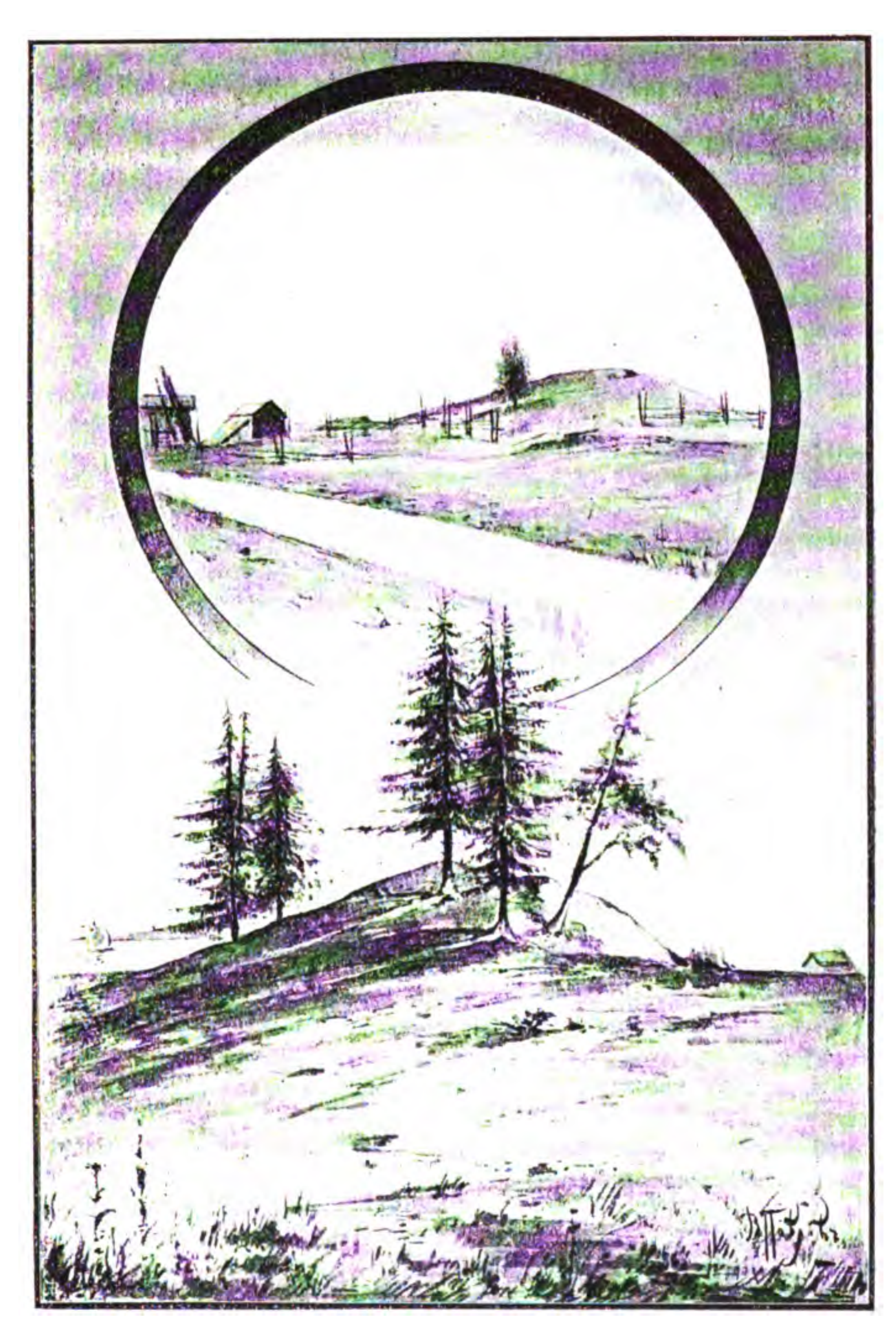
Вдали тянулось Бѣло-озеро, занимая почти всю лѣвую сторону горизонта. По его бурой, мѣстами лиловатой поверхности, несмотря на сравнительно тихую погоду, бѣгали бѣлые барашки, погоняя одинъ другого, исчезая и снова появляясь. Озеро имѣетъ овальную форму; линія его берега вездѣ ровна и низменна, наибольшая длина озера не превышаетъ 40½ верстъ, а ширина—30 верстъ. Но, несмотря на эти скромные размѣры, озеро очень бурно. Причина тому, по всѣмъ вѣроятіямъ, заключается въ его незначительной глубинѣ, которая держится на уровнѣ двухъ-трехъ саженъ, а мѣстами, какъ напримѣръ, близъ устья рѣки Ковжи, заключаетъ въ себѣ не болѣе трехъ футовъ—бѣлые барашки почти постоянно бороздятъ поверхность озера, и, какъ кажется, они-то и дали ему названіе Бѣлаго.

— Всегда ли такъ бурлитъ ваше озеро?—спрашивалъ своего извозчика Шевыревъ, посѣтившій Кирилло-Бѣлозерскій монастырь лѣтъ 50 назадъ.

— Оно всегда бурлитъ,—былъ отвѣтъ:—но особенно тогда, когда чуетъ въ себѣ тѣло человѣческое: не успокоится до тѣхъ поръ, пока не выкинетъ его.

А человѣческихъ тѣлъ въ прежнія времена бывало въ озерѣ не мало. До устройства обходнаго канала ни одна навигація не обходилась безъ крупныхъ аварій и человѣческихъ жертвъ. Опаснѣе всего бываютъ на озерѣ сѣверные вѣтры, а они-то большею частію и дуютъ въ этихъ мѣстностяхъ. Подходя къ Бѣлу-озеру, крупныя суда, шедшія по Маріинской системѣ, разгружали товаръ на болѣе мелкія, такъ называемыя бѣлозерки, причемъ терялось много времени и труда; но и бѣлозерки, въ свою очередь, все-таки не были застрахованы отъ несчастій, и немало грузовъ и людей исчезало ежегодно въ мутныхъ волнахъ озера. Наконецъ, въ 1818 году, начатъ былъ обходный Бѣлозерскій каналъ, оконченный лишь въ половинѣ сороковыхъ годовъ, при императорѣ Николаѣ I, и съ тѣхъ поръ судохозяева и судорабочіе вздохнули свободнѣе.

Бѣло-озеро принимаетъ въ себя до 30 большихъ и мелкихъ притоковъ, а выпускаетъ только одну Шексну, которая соединяетъ его съ Волгою и, сама по себѣ, играетъ большую роль среди рѣкъ, составляющихъ Маріинскую систему. При истокѣ ея изъ Бѣла-озера, расположенъ Крохинъ посадъ, нѣкогда славный и богатый, благодаря разгрузкѣ судовъ, вступавшихъ въ озеро, теперь же, со времени устройства канала, обойденный и оставшійся въ сторонѣ отъ караваннаго пути. Впрочемъ, въ послѣднее время въ немъ сооруженъ замѣчательный шлюзъ, служащій воднымъ резервуаромъ для всего верхняго теченія Шексны.



Синеусовъ курганъ.

(Внизу видъ 1847 года; въ кругѣ—курганъ въ настоящее время)

Церковь Крохинскаго посада мелькала вдали, среди зелени, нѣсколько правѣе озера, а ближе къ намъ, по линіи канала, точно телеграфные столбы, тянулись мачты судовъ, направляющихся изъ Шексны къ Бѣлозерску.

Верстахъ въ трехъ отъ города впереди показалась деревня Росляково и при самомъ въѣздѣ въ нее, направо отъ дороги, извѣстный Синеусовъ курганъ.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ онъ еще былъ покрытъ елями; теперь вершина его совершенно гола и производитъ какое-то грустное впечатлѣніе. Глубокая впадина посрединѣ кургана показываетъ, что онъ былъ въ свое время раскопанъ, но, какъ кажется, ничего особенно интереснаго въ немъ не найдено. Трудно даже сказать, откуда произошло названіе кургана. Народъ, повидимому, узналъ о немъ уже отъ интеллигенціи и не соединяетъ съ именемъ Синеуса никакихъ поэтическихъ преданій или представленій. Онъ разсказываетъ только, что во время раскопокъ явился будто бы какой-то воинъ на конѣ, и всѣ копавшіе разбѣжались; говоритъ также, что на курганѣ находили рыбью шелуху, которая дома превращалась въ деньги. Но оба эти разсказа по характеру своему должны быть скорѣе отнесены къ народнымъ преданіямъ о кладахъ вообще, — добываніе которыхъ обыкновенно сопровождается появленіями разныхъ видѣній и въ большинствѣ случаевъ оканчивается бѣгствомъ или сумасшествіемъ копающаго,—чѣмъ къ личности самого Синеуса. Возможно, что курганъ этотъ даже и не норманскаго происхожденія, а остался здѣсь еще со временъ древней веси.

Сдѣлавъ набросокъ кургана въ его нынѣшнемъ видѣ, мы тронулись далѣе. Даль, развертывавшаяся передъ нами, почти сплошь состояла изъ кустарника и синѣвшихъ вдали лѣсовъ. Вскорѣ, направо отъ дороги, показалась одиноко стоящая въ сторонѣ церковь «Пречистой на Заболотьѣ». Ямщикъ не преминулъ разсказать намъ, что, ровно три недѣли назадъ, здѣсь былъ архіерей и нарочно сворачивалъ съ дороги, чтобы посѣтить эту церковь. Вскорѣ отъ нашего шоссе отдѣлился почтовый трактъ на Вытегру; онъ потянулся въ сторону Крохина, но оставилъ его влѣво и скрылся въ зелени окружающихъ лѣсовъ. За деревней Есипово и вдоль нашей дороги раскинулся молодой лѣсокъ. На пашняхъ, которыя мы миновали, земля заключала немалую примѣсь песку, но, по словамъ ямщика, на урожаи здѣсь жаловаться нельзя. Молодой лѣсокъ смѣнился большимъ казеннымъ лѣсомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ ели и нѣкоторыхъ лиственныхъ породъ. За лѣсомъ открылась высокая холмистая мѣстность и деревня Третьяково. Дома въ здѣшнихъ деревняхъ не отличаются ни размѣрами, ни красотою; рѣзныхъ украшеній почти совсѣмъ нѣтъ, и подъ крышами, по карнизамъ, тянется большею частію одинъ очень немудреный и дешевенькій рисунокъ. Народъ здѣсь въ деревняхъ, сравнительно съ жителями

Олонецкаго края, изъ котораго мы сюда пріѣхали, показался намъ гораздо грубѣе, неуклюжѣе и неповоротливѣе.

За Третьяковымъ мы переѣхали границу Кирилловскаго уѣзда. Дорога пошла длиннымъ отлогимъ спускомъ, и вдали между зелени сверкнула передъ нами Шексна, а на противоположномъ берегу ея

Дорога въ скитъ св. Нила Сорскаго.

селеніе Вогнема, первая и единственная почтовая станція между Бѣлозерскомъ и Кирилловомъ.

Лихо подкатили мы къ берегу, но здѣсь волей-неволей принуждены были остановиться: по Шекснѣ шелъ буксирный пароходъ, и паромное сообщеніе между берегами было на время прервано. Паромъ, причаленный у Вогнемы, стоялъ безъ движенія, а канатъ,

по которому онъ ходитъ,—спущенъ глубоко на дно, чтобы не препятствовать движенію судовъ.

Мимо насъ, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, прошелъ пароходъ «Бѣлозеръ» съ четырьмя полулодками, а направо надъ кустами уже поднимался дымокъ другого парохода, и медленно двигались мачты еще невидимыхъ судовъ. Пришлось ожидать и второго парохода, который оказался «Работникомъ», принадлежащимъ череповецкому купцу Милютину. Суда буксируются здѣсь отъ Череповца до пристани Чайка, находящейся неподалеку отъ истока Шексны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается обходный Бѣлозерскій каналъ, соединяющій Шексну съ р. Ковжею. Отъ Чайки же ходятъ по всей Шекснѣ до самаго Рыбинска и пассажирскіе пароходы, принадлежащіе тому же Милютину. Отъ Вогнемы до Чайки по рѣкѣ считается всего 5 верстъ.

Наконецъ, пароходы съ своими буксирами прошли, или вѣрнѣе проползли мимо насъ въ правую сторону. Теперь путь былъ свободенъ, паромный канатъ снова натянутъ, и черезъ нѣсколько минутъ нашъ тарантасъ, глухо погромыхивая, въѣхалъ на паромъ.

Началась переправа. При взглядѣ на воду казалось, что паромъ стоитъ неподвижно на мѣстѣ, и только серебристыя струйки мчатся и несутся вдоль, весело плескаясь о темные, мокрые борта. Теченіе Шексны здѣсь очень быстро, и намъ стало понятно, почему такъ медленно двигались пароходы.

— А сколько за переправу?—спросилъ я, намѣреваясь достать деньги.

— Ничего,—отозвался паромщикъ.

— Здѣсь паромъ безплатный, отъ земства,—пояснилъ ямщикъ.

— А сколько же земство платитъ въ годъ за паромъ?

— Триста рублей,—отвѣчалъ паромщикъ.—Дешево!

— Однако вѣдь это выходитъ по 25 р. въ мѣсяцъ.

— Помилуйте, а работы сколько! Надо содержать паромъ, двѣ лодки, снасть; а зимой-то стоимъ всего мѣсяца два, не больше, остальное время все на работѣ. Чуть оттепель, глядишь—Шексна ужъ и прошла, и опять готово, вези!

Паромъ присталъ къ берегу. Широкій подъемъ велъ, мимо бѣлой каменной церкви, прямо къ почтовому двору, гдѣ мы простились съ своимъ статнымъ и бравымъ возницею.

Новый ямщикъ оказался типомъ совершенно другаго рода. Маленькаго роста, худощавый, невзрачный, онъ былъ въ то же время добродушнѣйшимъ существомъ, веселымъ, разговорчивымъ и до крайности наивнымъ. Насколько въ прежнемъ, Михайлѣ, бросалась въ глаза молодецкая выправка и почтительная сдержанность въ отвѣтахъ, часто ограничивавшихся одними лаконическими: «такъ точно» и «никакъ нѣтъ»,—настолько новый ямщикъ, Никифоръ, сразу завоевалъ наши симпатіи своею задушевностью тона и искреннимъ, точно родственнымъ отношеніемъ.

Не успѣлъ онъ съ шумомъ и громомъ выѣхать по бревенчатой мостовой изъ почтоваго двора и остановиться передъ нами, какъ тутъ же, не снимая шапки, не здороваясь, прямо заговорилъ, какъ бы продолжая давно начатый разговоръ.

— Я вѣдь вамъ хотѣлъ тотъ тарантасъ-то заложить, да уѣхали. Женщина у насъ одна тутъ лошадь продаетъ, такъ вотъ и понадобилось. Ну, зато,—вдругъ засмѣялся онъ:—теперь и коней больше на дворѣ не осталось. Если кто теперь пріѣдетъ,—ау, братъ, сиди!— А мы такъ поѣдемъ... Эй, вы, милыя!

За Вогнемой мы миновали направо деревню Кузнецово, а налѣво большое и малое Дивково.

— Что это у васъ на дорогѣ верстовыхъ столбовъ нѣтъ?— обратился я къ ямщику.

— Нѣту, а нѣту! нѣту! Одинъ столбъ на всю дорогу есть.

Онъ махнулъ рукою и залился добродушнымъ смѣхомъ.

— Отъ Кирилла-то Бѣлозерскаго богомольцы, кажется, еще ѣздятъ въ Ѳерапонтову пустынь да къ Нилу Сорскому?—спросилъ я.

— А то какъ же? безъ этого нельзя; всѣхъ объѣхать надо.

— А далеко ли они отъ Кириллова?

— А вотъ слушай: отъ Вогнемы къ Нилу 12 верстъ, а отъ Кирилла—10, а отъ Нила изъ пустыни въ Ѳарафонтову—25, а отъ Кирилла—17. Запиши,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что я время отъ времени дѣлаю замѣтки въ записной книжкѣ, и затѣмъ продолжалъ:— архирей хотѣлъ отъ Нила-то въ Ѳарафонтову прямо проѣхать, да не попалъ. Чинили дорогу-то, да... Онъ махнулъ рукою и заговорилъ опять:

— А въ Ѳарафонтовой-то, говорятъ, мощи изъ земли подымаются; ужъ выше пола поднялись. А энъ гляди впереди-то,—это Поклонная гора называется,—выше всѣхъ.

Съ Поклонной горы мы увидѣли вдали каменныя стѣны Кирилло-Бѣлозерской обители и расположенный нѣсколько лѣвѣе монастыря уѣздный городъ Кирилловъ. Но дорога опять спустилась подъ гору, и монастырь скрылся изъ вида. При въѣздѣ въ деревню Власово мы замѣтили подлѣ нея довольно большой курганъ, а за деревнею съ пригорка въ лѣсу увидѣли колокольни и кресты храмовъ женскаго Горицкаго монастыря, расположеннаго на берегу Шексны въ 7 верстахъ отъ Кириллова. Дорога шла лѣсомъ. Налѣво показался перекрестокъ, и на самомъ углу, гдѣ отъ нашей дороги отдѣлялась другая, мы увидѣли большой крестъ подъ тесовою крышей, утвержденною на четырехъ столбахъ.

— Это въ Нилову,—замѣтилъ Никифоръ:—восемь верстъ до Нила,—и прибавилъ:—а въ скиту-то тамъ невесело!

Преподобный Нилъ Сорскій, обитель котораго мы черезъ нѣсколько дней посѣтили, принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся подвижниковъ земли Русской. Неизвѣстно, къ какому роду

принадлежалъ онъ, но въ мiру носилъ фамилію Майкова. Постригшись въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, онъ черезъ нѣсколько времени отправился вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ, изъ рода бояръ Охлѣбининыхъ, въ Царьградъ и на Аѳонскую гору, гдѣ тщательно изучилъ скитскую жизнь и, вернувшись въ Россію, поселился въ 15 верстахъ отъ Кирилловой обители, на рѣчкѣ Соркѣ. Здѣсь онъ основалъ первый скитъ по образцу скитовъ греческихъ и по праву считается основателемъ скитскаго житія въ Русскомъ государствѣ. Скитъ его состоялъ изъ отдѣльныхъ хижинокъ, разбросанныхъ по лѣсу, въ которыхъ иноки спасались каждый отдѣльно, собираясь вмѣстѣ только по субботамъ и праздникамъ. Послѣ общей молитвы они снова на недѣлю расходились по своимъ пустынькамъ. Призванный на соборъ 1503 года, Нилъ поднялъ вопросъ объ отобраніи отъ монастырей недвижимаго имущества, находя, что имѣть вотчины и села неприлично людямъ, давшимъ обѣтъ нестяжанія. Онъ требовалъ, чтобы монахи, живя въ своихъ пустыняхъ, сами прокармливали себя рукодѣліемъ. Мнѣніе его поддерживали пришедшіе съ нимъ на соборъ бѣлозерскіе старцы-пустынники, но противъ Нила возсталъ Іосифъ Волоколамскій, находя, что для существованія монастырей имѣнія необходимы. Къ нему присоединились настоятели богатыхъ монастырей, и мнѣніе Іосифа восторжествовало. Нилъ скончался въ 1508 году, завѣщавъ бросить тѣло свое на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или же схоронить его безъ всякихъ почестей. «Сколько въ моей силѣ было,—говоритъ онъ:—я старался не пользоваться никакою честью на землѣ въ этой жизни; такъ да будетъ и по смерти моей». Есть преданіе, что Грозный, посѣтивъ въ 1569 году Ниловъ скитъ, приказалъ было замѣнить въ немъ деревянную церковь каменною, но преподобный ночью явился ему во снѣ и запретилъ строить каменную церковь.

За перекресткомъ вскорѣ показалось извилистое озеро Ермаковское, окруженное пологими скатами зеленѣвшихъ, обработанныхъ полей. Дорога отъ Поклонной горы пошла съ пригорка на пригорокъ, открывая все новыя и новыя картины. Налѣво въ сторонѣ показалась деревня Погорѣлиха и около нея свѣтлое озеро Егорьевское. Вдали бѣлѣла церковь св. Георгія Побѣдоносца. Кругомъ по берегамъ раскидывались крестьянскія поля съ зеленѣвшею колышащеюся рожью. Сердце радовалось, глядя на это изобиліе хлѣба.

Вскорѣ мы поровнялись съ Егорьевскою церковью. Она стоитъ нѣсколько въ сторонѣ, а у дороги построена часовня съ образомъ великомученика.

— Тутъ прежде столбъ былъ съ кружкой,—замѣтилъ Никифоръ:—да все воруютъ, такъ и убрали. Глядикось!—вдругъ оживился онъ:—Егорій-то на конѣ, на сивомъ! Вотъ ты что запиши,—повернулся онъ ко мнѣ съ серьезнымъ видомъ:—тутъ въ Горицахъ есть гора Маурка, на этой на Мауркѣ часовня, въ этой часовнѣ крестъ и ка-

мень; тутъ Христосъ ножку оставилъ. Какъ всталъ, такъ перстъ-то и видать. И отдыхалъ тутъ, на этомъ на камнѣ-то. Прежде камень-то большой былъ, съ хоромину, потомъ вросъ въ землю; теперь осталось аршина полтора всего. А это вотъ справа-то озеро Черное, запиши!

Навстрѣчу намъ попалъ помѣщикъ на парѣ сѣренькихъ лошадокъ.

— А это вотъ Николай Иванычъ.

— Кто?

— Николай Иванычъ; еще вотъ усадьбу-то проѣхали, у креста-то.

Мѣстность бывшаго «города».

Въ Кирилловскомъ уѣздѣ народъ опять сталъ какъ будто бы попривѣтливѣе; встрѣчные крестьяне снимаютъ шапки и кланяются; раскланялся съ нами и самъ Николай Ивановичъ.

— Деревня Синдера,— запиши!—командовалъ теперь уже самъ Никифоръ.

Мы обогнали нѣсколько телѣгъ съ развалившимися на нихъ мужиками.

— Это бѣлозеры плотниковъ везутъ вологодскихъ изъ Питера: на сѣнокосъ ѣдутъ. Отъ Кириллова до Вологды 120 верстъ. Хочешь, такъ и это запиши для памяти. А вы къ Нилу-то сбираетесь?

— Сбираемся

— А въ Ѳарафонтову?

— И въ Ѳерапонтову то же.

— Постой,— задумался онъ.— Это васъ надо научить, какъ сдѣлать. Въ Кирилловѣ ямщиковъ вольныхъ много, всякій поѣдетъ, да надо васъ на настоящаго человѣка направить. Степочкинъ, этотъ слупитъ, къ этому не ходи. Деньги-то вѣдь тоже не шальныя. Нѣтъ, къ этому мы не пойдемъ,— продолжалъ онъ разсуждать.— А вотъ Желвачковъ; у его двѣ пары и на каждую пару связка ширкуновъ (бубенчиковъ)! А ширкунки-то все ладненькіе! Есть у него и тройка сѣрыхъ, ординарныхъ — заложитъ, такъ — ахъ хорошо! А Степочкинъ до Бѣлозерска взялъ семь рублей,— вѣдь это съ ума сойти!

— Да, дорого.

— Какъ не дорого?! На пару-то! А въ Ѳарафонтово вся цѣна будетъ — три, это ужъ зашибтись, три-то; къ Нилу полтора — вся цѣна; въ Горицы рубль,— ужъ зашибтись! Петруха Лосковъ тоже совѣстный ямщикъ, и кони у его хорошіе.

Впереди, уже не въ далекомъ разстояніи показалось озеро Сиверское и надъ нимъ бѣлыя высокія стѣны монастыря съ огромными башнями, а лѣвѣе разбросанные по пригоркамъ домики города Кириллова. Видъ монастыря внушителенъ, хотя длинныя линіи каменныхъ голыхъ стѣнъ нѣсколько монотонны и холодны.

Проѣхавъ подлѣ самыхъ монастырскихъ стѣнъ, мы свернули въ городъ и не успѣли оглянуться, какъ Никифоръ, подкативъ къ дому Лоскова, уже торговался съ нимъ отъ нашего имени.

— Отсюда на тройкѣ къ Нилу, отъ Нила назадъ сюда, потомъ въ Ѳарафонтову,— частилъ онъ съ одушевленіемъ.

Лосковъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ и, повидимому, положительнаго, степеннаго характера, сталъ не торопясь считать плату по концамъ.

— Въ пустынь — три, въ Ѳерапонтову — три, въ Горицы — рубль.

— Желвачковъ, иди-ка сюда!—закричалъ Никифоръ съ очевиднымъ намѣреніемъ пугнуть Лоскова.—Деньги-то вѣдь не шальныя!— замѣтилъ онъ про себя.

Желвачковъ подошелъ къ намъ, но мы, видя, что цѣны Лоскова по разстояніямъ крайне умѣренны, не стали торговаться и, условившись съ нимъ относительно дня поѣздки, велѣли Никифору везти насъ въ гостиницу.

Здѣсь мы разстались съ своимъ симпатичнымъ возницею, и онъ поѣхалъ довольный не столько полученными на чай деньгами, сколько тѣмъ, что оказалъ намъ протекцію и сдалъ на руки надежному ямщику.

VI.

Успенскій, или Большой, монастырь.

Наши замки—монастыри, гдѣ личная сила избранныхъ мужей не развивалась произвольно, а напротивъ, въ молитвѣ, постѣ, нищетѣ, смиреніи, подчинялась силѣ Божіей и примѣромъ своимъ учила этому подчиненію и власти и народъ.

Шевыревъ.

Оставивъ вещи въ гостиницѣ, мы направились къ монастырю.

Въ самомъ Кирилловѣ, кромѣ обители, нѣтъ ровно ничего достопримѣчательнаго; онъ возникъ сравнительно недавно изъ большой слободы, носившей названіе Подмонастырья.

Во времена св. Кирилла вся эта мѣстность была покрыта сплошнымъ лѣсомъ, въ глуши котораго находилось только три селенія, но къ началу XVI вѣка число селъ, деревень и починковъ вокругъ обители достигло до сорока, а прилегавшее къ ней Подмонастырье занимало пространство отъ шести до семи верстъ. Къ 1604 году, число монастырскихъ поселеній увеличилось почти вдвое, такъ что, для удобства въ управленіи, пришлось раздѣлить ихъ на три особыхъ участка, или, потогдашнему, «ключа»: Уломскій, Волокъ Славинскій и Чаромскій. Уломскій ключъ, вмѣщавшій въ себѣ семь деревень, былъ ближайшимъ къ монастырю и находился, вмѣстѣ съ Подмонастырьемъ, на земляхъ, пожертвованныхъ преподобному супругою Димитрія Донского и его сыномъ Андреемъ.

Богатое Подмонастырье обращено въ городъ по желанію новгородскаго губернатора Якова Ефимовича Сиверса, занявшаго въ 1776 году постъ намѣстника тверского, новгородскаго и псковскаго. Будучи еще губернаторомъ, Яковъ Ефимовичъ, въ іюлѣ 1775 года, справлялъ день своего рожденія въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и пожелалъ основать подъ его стѣнами новый городъ, который и былъ названъ Кирилловомъ. Въ 1799 году, Кирилловъ оставленъ за штатомъ, но черезъ три года возстановленъ снова и съ тѣхъ поръ прозябаетъ, въ качествѣ уѣзднаго центра, подъ сѣнію высокихъ стѣнъ обители. Въ немъ около четырехъ съ половиною тысячъ жителей, размѣщающихся въ небольшихъ деревянныхъ домикахъ, а каменныхъ построекъ во всемъ городѣ не наберется и тридцати.

Мы вышли на большую, пустынную площадь, прилегающую къ монастырю. Здѣсь бываетъ нѣсколько ярмарокъ, изъ которыхъ Введенская продолжается около недѣли.

Передъ нами во всю длину развертывалась сѣверная стѣна обители со святыми воротами и громадною башней на углу, полу-

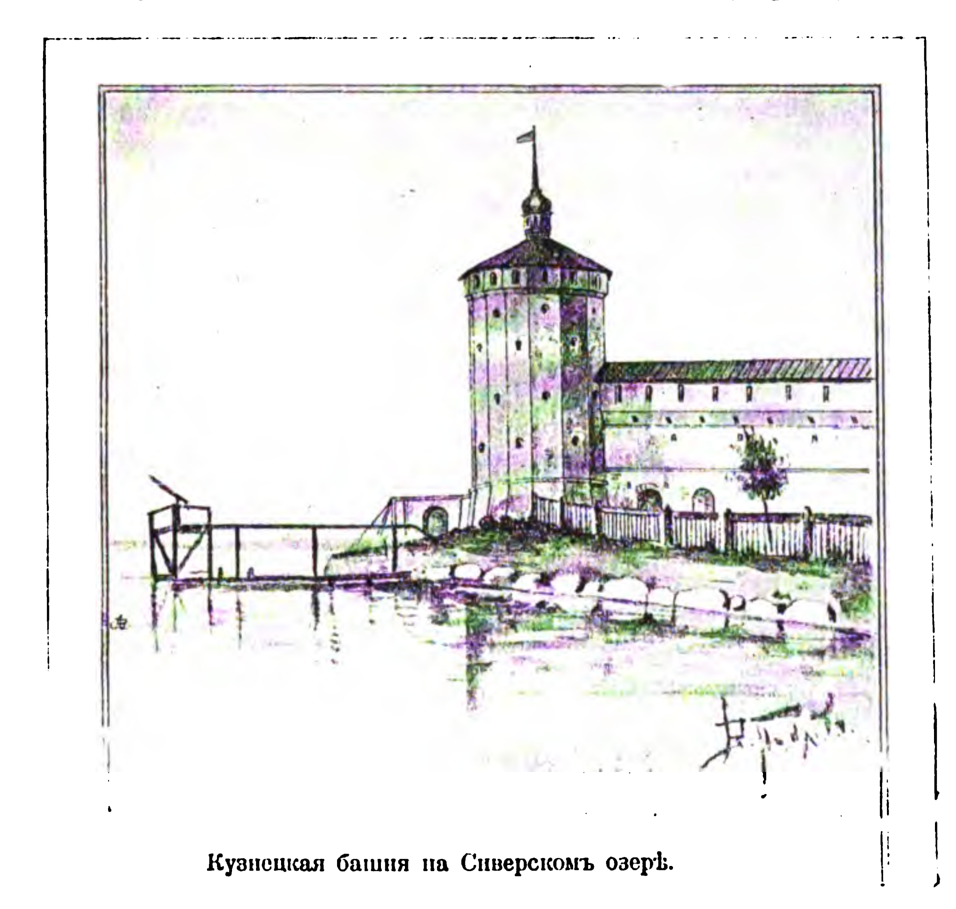
чившею наименованіе Московской. Хотя въ 1612 и 1613 годахъ иноки благополучно отбились отъ литвы, но укрѣпленія монастыря все-таки были признаны недостаточными, и въ 1633 году было рѣшено возвести эти новыя стѣны. На постройку ихъ собраны были всѣ ближайшіе монастырскіе крестьяне, и тѣмъ не менѣе стѣны строились впродолженіе тридцати трехъ лѣтъ. Еще въ 1666 году царь Алексѣй Михайловичъ пожертвовалъ на нихъ огромную по тѣмъ временамъ сумму въ 45.000 рублей. Но стѣны стоили гораздо дороже, такъ какъ обитель, кромѣ траты собственныхъ средствъ, дѣлала еще займы, напримѣръ, 5.000 рублей у боярина Морозова, которые, послѣ его смерти, были приняты на счетъ казны. Стѣны тянутся на протяженіи 740 саженъ; въ нихъ насчитывается до 12-ти башенъ, изъ которыхъ Московская достигаетъ 25 саженъ высоты.

Достаточно было взглянуть на эти стѣны, чтобы убѣдиться, что онѣ могли принадлежать только дѣйствительно «великой лаврѣ», и въ самомъ дѣлѣ Кирилловскій монастырь въ тѣ времена былъ великъ и славенъ по всей Руси. Чтобы нѣсколько ознакомиться съ его тогдашнею жизнью, бросимъ бѣглый взглядъ на его описи и хозяйственныя книги.

По описи 1601 года, произведенной по приказу Бориса Годунова, въ монастырѣ братіи числилось 184 человѣка, считая съ тѣми, которые проживали и на монастырскомъ Аѳанасьевскомъ подворьѣ въ Москвѣ. Для управленія вотчинами, угодьями и крестьянами и для отправленія государственныхъ повинностей, при монастырѣ находилось около 400 человѣкъ служилаго люда, управлявшагося, въ свою очередь, такъ называемыми монастырскими слугами, состоявшими изъ дворянъ, причемъ между ними встрѣчались люди и княжескаго рода. Подмонастырье было заселено обительскими мастеровыми: швалями, сапожниками, токарями, подписчиками посуды красками, каменщиками и проч. Особенно славились въ XVII вѣкѣ монастырскіе каменщики. Извѣстно, что при Алексѣѣ Михайловичѣ здѣшнихъ мастеровъ нарочно выписывали на работы въ Серпуховъ и въ строившійся Никономъ Иверскій монастырь. Въ Подмонастырьѣ же проживали и защитники обители—казаки. Кромѣ того, на постоянномъ монастырскомъ иждивеніи содержалось болѣе ста человѣкъ нищихъ.

На содержаніе братіи выходило въ годъ 644 четверти ржи, солоду на квасъ 552 четверти, 600 пудовъ меду, пшеницы на однѣ только просфоры — 25 четвертей, 700 пудовъ соли и 100 пудовъ скоромнаго масла. Изъ рыбной провизіи на братію шло ежегодно 200 боченковъ бѣлозерской рыбы, 2.500 судаковъ, 2.000 пучковъ визиги, 2.300 штукъ семги, сотня осетровъ и т. д. Эти припасы частію доставлялись изъ монастырскихъ вотчинъ и съ промысловъ, частію же покупались, причемъ на покупку затрачивалось до 537

рублей. Изъ описи расходовъ на платье и сапоги видно, что на мантіи и рясы выходило каждый годъ по 5.520 аршинъ сукна, на свитки (которыхъ полагалось по двѣ на брата) — 3.680 аршинъ и крашенины на подкладку 559 аршинъ. Поясковъ — 3.506 саженъ, овчинокъ на шубы (шуба полагалась на два года) — 2.760 штукъ и на сапоги 202 кожи. Весь этотъ матеріалъ покупался и стоилъ 560 рублей 19 алтынъ и 2 деньги, такъ что общій расходъ на



Кузнецкая башня на Сиверскомъ озерѣ.

братію, кромѣ припасовъ, доставляемыхъ изъ вотчинъ, доходилъ до 1.097 рублей ежегодно — цифра по тогдашнему времени весьма крупная.

Монастырскимъ слугамъ и остальному служилому люду, жившему не въ вотчинахъ а подлѣ монастыря, выдавалось въ годъ 1.580 четвертей ржи, 1.172 четверти толокна, крупа, солодъ для кваса и 300 рублей жалованья на рубахи къ праздникамъ Рождества, Пасхи и Успенія Божіей Матери. Немало приходилось обители тратиться на подмогу бѣлозерскимъ воеводамъ и на пріѣзжавшихъ изъ Москвы по разнымъ дѣламъ чиновниковъ.

Но если велики были расходы монастыря, то и приходъ его былъ не менѣе значителенъ. Въ числѣ доходовъ показаны: 386 рублей съ вотчинъ, мельницъ и пустошей, 455 рублей съ поморскихъ рыбныхъ промысловъ, молебныхъ, панихидныхъ, вкладныхъ, годовой руги и за проданную рухлядь—645 рублей. Кромѣ того, монастырь велъ крупную торговлю рогожами и солью, которая продавалась въ Твери, въ Угличѣ, въ Вологдѣ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ; были и другіе доходы. Всего поступало въ монастырскую казну деньгами ежегодно 6.908 рублей 27 алтынъ. Хлѣба съ пашенъ и оброчнаго поступало: ржи 6.000 четвертей, овса—5.500, пшеницы—732 и ячменя 2.640 четвертей. Къ 1602-му году въ монастырской житницѣ было собрано до 40.000 четвертей разнаго хлѣба.

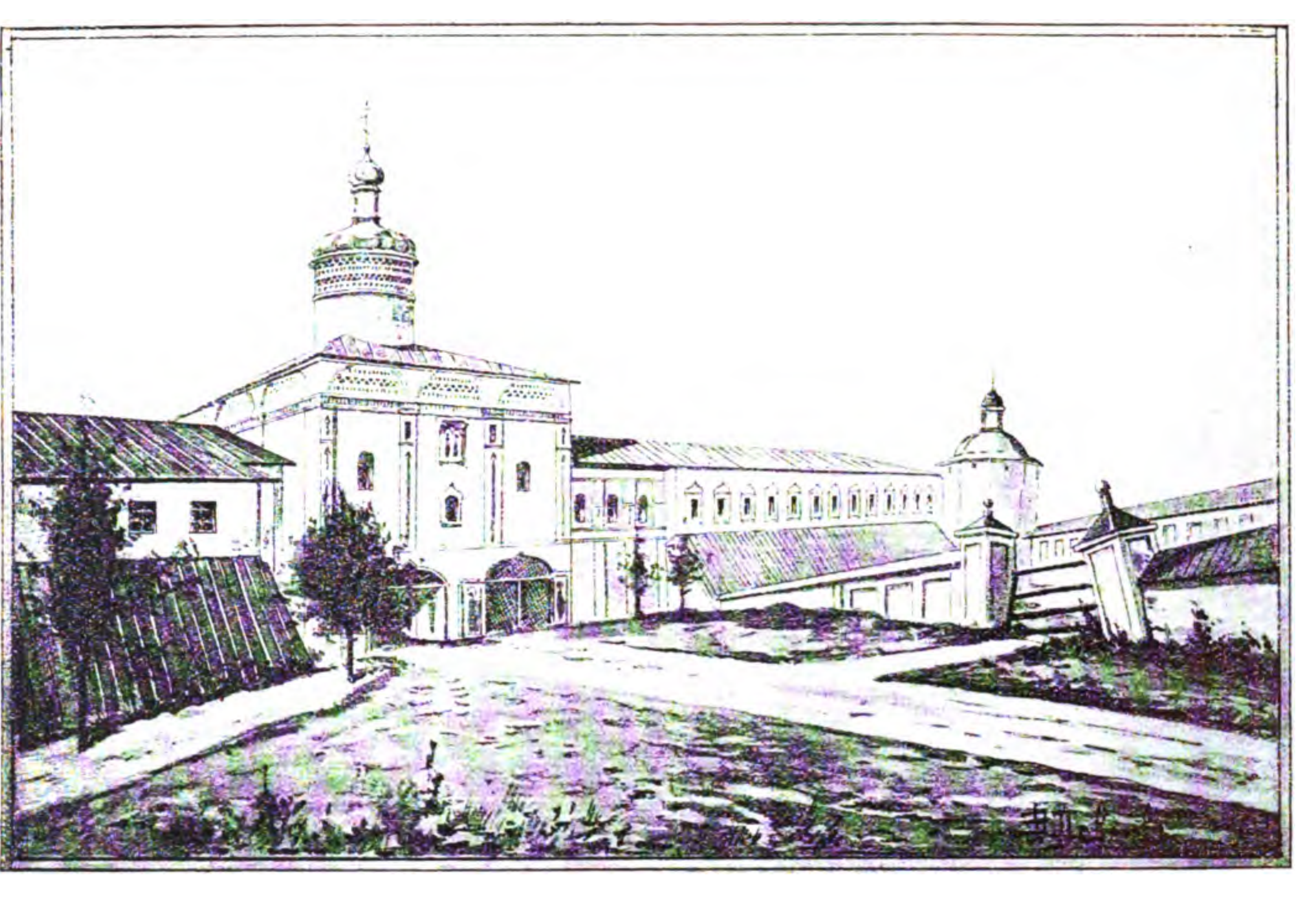
Что касается до монастырскихъ вотчинъ, то къ нимъ, кромѣ Подмонастырья, было приписано 14 погостовъ, 21 село, 3 сельца, 1 слободка и 389 деревень. Владѣнія монастыря были въ уѣздахъ: Бѣлозерскомъ, Вологодскомъ, Ростовскомъ, Угличскомъ, Бѣжецкомъ, Пошехонскомъ, Костромскомъ, Коломенскомъ, Московскомъ, Клинскомъ, Дмитровскомъ, Рязанскомъ и Нижегородскомъ. Рыбныя ловли монастыря находились на многихъ рѣкахъ, озерахъ и на Бѣломъ морѣ. Съ монастырскихъ соляныхъ варницъ Грозный разрѣшилъ продавать по 40.000 пудовъ соли ежегодно; потомъ количество это было увеличено до 100.000 пудовъ.

Къ половинѣ XVII вѣка монастырь владѣлъ 3.855 крестьянскими дворами. Къ 1700-му году цифра эта возросла почти въ полтора раза, а въ 1744 году во владѣніи монастыря находилась двадцать одна тысяча пятьсотъ девяносто девять душъ крестьянъ.

Теперь все это уже tempi passati! Въ настоящее время ни крестьянъ, ни вотчинъ монастырь не имѣетъ, торговли не ведетъ, и все его населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ братіи, а капиталъ, находящійся въ процентныхъ бумагахъ, по словамъ одного изъ монаховъ, не превышаетъ 50.000 рублей.

Мы прошли святыя ворота и очутились на огромномъ пустырѣ, изрытомъ ямами и мѣстами поросшемъ травою. Эта часть монастыря въ старину носила названіе «города», отъ высокихъ стѣнъ, окружающихъ ее съ востока, сѣвера и запада.

Впереди виднѣлись каменные храмы и зданія Успенскаго монастыря, а нѣсколько лѣвѣе, между зеленью, разросшеюся на пригоркѣ, мелькали стѣны церквей монастыря Ивановскаго. По бокамъ и позади насъ тянулись высокія крѣпостныя твердыни, видимыя теперь съ внутренней стороны. Въ свое время въ стѣнахъ было устроено до 700 келлій для ратныхъ людей, на случай осады, а въ башняхъ имѣлись помѣщенія другого рода, предназначенныя для плѣнниковъ и преступниковъ, тѣ страшные каменные мѣшки, при воспоминаніи о которыхъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ.



Святыя ворота съ церковью Іоанна Лѣствичника.

(Правѣе отъ нея зданіе арсенала и библіотеки).

Въ Успенскій монастырь ведутъ особыя св. ворота; надъ ними устроена церковь Іоанна Лѣствичника съ придѣломъ Өеодора Стратилата. Церковь эта построена Іоанномъ Грознымъ въ честь ангеловъ его сыновей, царевичей Іоанна и Өеодора, и была богато украшена внутри на царское иждивеніе. Послѣ смерти убитаго имъ старшаго сына, Грозный внесъ по душѣ его 2.355 рублей. У государя и царевичей были въ монастырѣ свои особыя келліи, въ которыхъ стояли ихъ собственныя, присланныя изъ Москвы, келейныя иконы. Сыновья Грознаго также дѣлали вклады въ обитель: царевичъ Іоаннъ—тысячу рублей, царевичъ Өеодоръ—пятьсотъ. Интересны примѣчанія объ этихъ вкладахъ, сдѣланныя въ монастырскихъ записяхъ. О царевичѣ Өеодорѣ сказано, что онъ «пожаловалъ образъ преподобнаго, да вкладу пятьсотъ рублей за царевичево здравіе» и только, тогда какъ при тысячномъ вкладѣ его старшаго брата замѣчено: «А благоволитъ Богъ, царевичъ князь Иванъ Ивановичъ ино похочетъ постричися, и намъ царевича князя Ивана постричи за тотъ вкладъ; а если по грѣхамъ царевича Ивана не станетъ, то и поминати»; не забудемъ, что это было писано въ 1570 году, въ эпоху новгородскаго разгрома.

Святыя ворота Успенскаго монастыря раздѣлены на двѣ части—для прохода и проѣзда; стѣны ихъ сплошь покрыты священными изображеніями стараго письма.

Пройдя святыя ворота, мы увидѣли передъ собою цѣлую группу церквей, построенныхъ стѣна объ стѣну и составляющихъ какъ бы одно зданіе, центромъ котораго служитъ Успенскій соборъ; справа къ нему примыкаетъ церковь св. Кирилла, а слѣва церкви св. Владимира и св. Епифанія.

Мы направились въ соборъ поклониться гробницѣ святого начальника обители.

Западный фасадъ собора теперь получилъ иной видъ, благодаря пристройкѣ, сооруженной въ концѣ прошлаго вѣка и расписанной внутри эпизодами изъ житія Кириллова. Но въ XVI столѣтіи къ собору съ этой стороны примыкали двѣ обширныя паперти, служившія мѣстомъ собранія «черного собора». Подъ этимъ названіемъ подразумѣвался весь наличный составъ братіи, нѣчто въ родѣ народнаго собранія, созывавшагося для избранія новаго игумена или по другимъ особо важнымъ дѣламъ обители.

Впрочемъ «черный соборъ» собирался весьма рѣдко, а всѣ дѣла монастыря вершились обыкновенно по «благословенію» игумена, «приказу» келаря и «приговору соборныхъ старцевъ». Игуменъ былъ въ сущности властью чисто духовною, все же обширное монастырское хозяйство всецѣло находилось въ рукахъ келаря; онъ же распоряжался всѣмъ служилымъ и мастеровымъ людомъ. Помощниками его сначала были два подкеларника, но съ теченіемъ времени ихъ оказалось недостаточно, и при келарѣ былъ образованъ цѣлый под-

Церкви Успенскаго большаго монастыря.

(Слѣва церковь преподобнаго, за нею видна колокольня; далѣе—соборъ и церкви св. Владимира и св. Елисаветы).

келарскій приказъ. Третьимъ лицомъ послѣ игумена и келаря былъ казначей, на обязанности котораго лежала запись приходовъ и расходовъ и храненіе обительской большой казны, помѣщавшейся въ особомъ каменномъ зданіи подлѣ церкви св. Іоанна Лѣствичника. Казна здѣсь хранилась не малая. Однихъ денежныхъ вкладовъ, поступавшихъ въ монастырь, значится по записямъ 140 тысячъ рублей, что для того времени составляло громадную сумму. Но, кромѣ денегъ, здѣсь хранилась и всевозможная жертвованная утварь: серебряные ковши, братины, блюда и пр., жертвованныя иконы, иконы монастырскія для раздачи благодѣтелямъ, воскъ, ладанъ, свѣчи, церковное вино, сукна, полотна, желѣзо, медъ и пр. и пр.; здѣсь же находилось впослѣдствіи и частное имущество иноковъ въ особыхъ сундукахъ, за печатями владѣльцевъ. За казначеемъ слѣдовали ризничій и житникъ; въ вѣдѣніи перваго находились всѣ церковные сосуды и облаченія, а второй завѣдывалъ всѣми монастырскими хлѣбными запасами. Эти лица входили въ составъ такъ называемыхъ «соборныхъ старцевъ», которые, въ числѣ десяти человѣкъ, составляли совѣтъ игумена, рѣшавшій съ нимъ всѣ важные монастырскіе вопросы; но избраніе самого игумена, какъ уже сказано, зависѣло лишь отъ «чернаго собора».

Изъ западной пристройки мы вступили въ соборъ, стѣны котораго воздвигнуты еще въ XV столѣтіи. Рака преподобнаго, мощи котораго и до нашихъ дней находятся подъ спудомъ, помѣщается за правымъ клиросомъ въ сквозной выемкѣ стѣны, соединяющей соборъ съ храмомъ, посвященнымъ святому. Рака сооружена во времена Михаила Ѳеодоровича бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, который и постригся здѣсь въ 1650 году, подъ именемъ Ѳеодосія. На крышкѣ раки находится горельефное, серебряное, позолоченное изображеніе угодника съ вѣнцомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями.

Главную достопримѣчательность соборнаго иконостаса составляетъ икона Божіей Матери Одигитріи, та самая, передъ которою молился преподобный, когда услышалъ голосъ, зовущій его на Бѣло-озеро, и которую онъ принесъ съ собою изъ Симонова. Не менѣе драгоцѣнно и изображеніе самого Кирилла, написанное съ натуры св. Діонисіемъ Глушицкимъ. Рисунокъ съ этой иконы былъ помѣщенъ въ «Поѣздкѣ» Шевырева, а хромолитографическая копія съ нея, по акварели г. Мартынова, приложена къ недавно вышедшему первому тому монографіи г. Никольскаго: «Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство во второй четверти XVII вѣка».

Примыкающая къ собору церковь во имя преподобнаго была сооружена надъ его гробницею въ 1585 году, послѣ извѣстнаго посланія Грознаго къ игумену Косьмѣ съ братіею, въ которомъ государь укорялъ кирилловскихъ иноковъ въ нерадѣніи къ гробу чудотворца. Но эта древняя церковь была разобрана въ прошломъ вѣкѣ

архимандритомъ Іакинѳомъ Карпинскимъ и на мѣстѣ ея, въ 1780 году, воздвигнута новая, болѣе обширная. Снаружи она имѣетъ довольно красивый видъ, хотя архитектурою своею рѣзко выдѣляется изъ общей гармоніи смежныхъ съ нею старинныхъ храмовъ. Правда, теперь уже не только нельзя сказать, что надъ Воротынскимъ — церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ, но всякій, взглянувъ на оба храма, можетъ убѣдиться, что церковь надъ чудотворцемъ гораздо обширнѣе, выше и роскошнѣе, чѣмъ надъ Воротынскимъ, причемъ все-таки нельзя не замѣтить, что если бы государь Иванъ Васильевичъ всталъ изъ гроба, онъ едва ли бы принялъ эту вычурную постройку, напоминающую о французскихъ кафтанахъ и бѣлыхъ парикахъ, за православный храмъ.

Неподалеку отъ собора и церкви преподобнаго находятся еще двѣ церкви: соборъ архангела Гавріила и теплый Введенскій соборъ, соединенные зданіемъ колокольни. Мы уже знаемъ, что церковь архангела, съ придѣломъ св. Константина и Елены, построена великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Она начата въ 1531 году, вмѣстѣ съ Ивановскою церковью «на горѣ», и строилась три года; трапезная же Введенская церковь возникла лѣтъ за двѣнадцать ранѣе, именно въ 1519 году; но теперь въ ней давно уже нѣтъ трапезы, и весь храмъ въ началѣ нашего столѣтія передѣланъ настолько, что отъ прежняго въ немъ почти ничего не осталось.

Нѣсколько далѣе, за этими храмами, помѣщаются ворота, ведущія къ Сиверскому озеру, почти омывающему водами своими стѣны обители съ юга. Преображенская церковь, воздвигнутая на этихъ воротахъ, принадлежитъ концу XVI вѣка и строилась, вѣроятно, въ царствованіе Ѳеодора Ивановича, такъ какъ въ ней имѣется придѣлъ во имя св. Ирины (ангелъ супруги государя, Ирины Ѳеодоровны). Церковь эта построена на монастырскія деньги, и архитекторомъ ея былъ одинъ изъ кирилловскихъ иноковъ, старецъ Леонидъ Ширшовъ.

Ставя въ соборѣ свѣчи, мы познакомились со свѣчникомъ, о. Кирилломъ. На нашъ вопросъ относительно печатныхъ описаній обители онъ показалъ намъ только житіе преподобнаго, посовѣтовавъ обратиться за исторіей монастыря къ самому архимандриту, причемъ любезно вызвался предупредить его о нашемъ желаніи.

Лишь только мы, обойдя церкви, вернулись къ собору, о. Кириллъ уже ожидалъ насъ и пригласилъ въ настоятельскій корпусъ.

Отецъ архимандритъ Іаковъ, нынѣ уже скончавшійся, принялъ насъ очень любезно и, будучи предувѣдомленъ о нашемъ намѣреніи поближе познакомиться съ прошлымъ обители, предоставилъ въ наше распоряженіе рукопись, содержащую въ себѣ исторію монастыря и его внутренней жизни въ XVII столѣтіи. Почтенный старецъ, проведшій въ монастырѣ болѣе четверти вѣка, былъ извѣстенъ, какъ ревностный проповѣдникъ слова Божія и авторъ двухъ книгъ:

«О пастырѣ» и «О монашествѣ», но не менѣе его проповѣднической дѣятельности была извѣстна во всемъ округѣ его замѣчательная доброта и всегдашняя готовность идти на помощь ближнему не только словомъ, но и дѣломъ.

Простившись съ о. архимандритомъ, мы въ ожиданіи всенощной разговорились у воротъ съ однимъ изъ иночествующихъ. Человѣкъ онъ былъ, повидимому, откровенный и началъ жаловаться на скудость получаемой монахами кружки.

— Да куда вамъ деньги-то?—усмѣхнулся я.

— Какъ куда? — воодушевился онъ. — Одежда вѣдь вся своя; надо, чтобы прилично. Ну, чаекъ тамъ, сахарокъ... мало ли куда?

— При преподобномъ все общее было.

— То при преподобномъ, а то теперь. При немъ и чаю не пили, и сахару не знали, и одежда не та была.

— Все-таки для души въ общежительномъ монастырѣ лучше.

— А я вамъ вотъ что скажу: нѣтъ пророка безъ порока. Ужъ на что строже, кажется, N-скій монастырь (онъ назвалъ одну изъ самыхъ строгихъ сѣверныхъ обителей). Вотъ нашъ отецъ архимандритъ и попросилъ оттуда къ себѣ нѣсколько человѣкъ для примѣра намъ, чтобы и мы отъ нихъ настоящему строгому житію учились. Что же вышло? Немножко-то пожили они здѣсь хорошо, а тамъ и опустились: и живутъ плохо, и вино пьютъ не хуже насъ грѣшныхъ. Говорю не въ осужденіе, а въ назиданіе. Такова ужъ сама жизнь на свѣтѣ, и ничего не подѣлаешь. Подвижниковъ-то много ли ихъ? а большинство живетъ, какъ говорится, не для Христа Іисуса, а для хлѣба куса.

Ударили ко всенощной. Мы пошли въ соборъ.

Во время службы о. Іаковъ произнесъ очень хорошую проповѣдь. Онъ точно подслушалъ нашу бесѣду съ откровеннымъ инокомъ и текстомъ для поученія выбралъ слова Спасителя: «Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ».

VII.

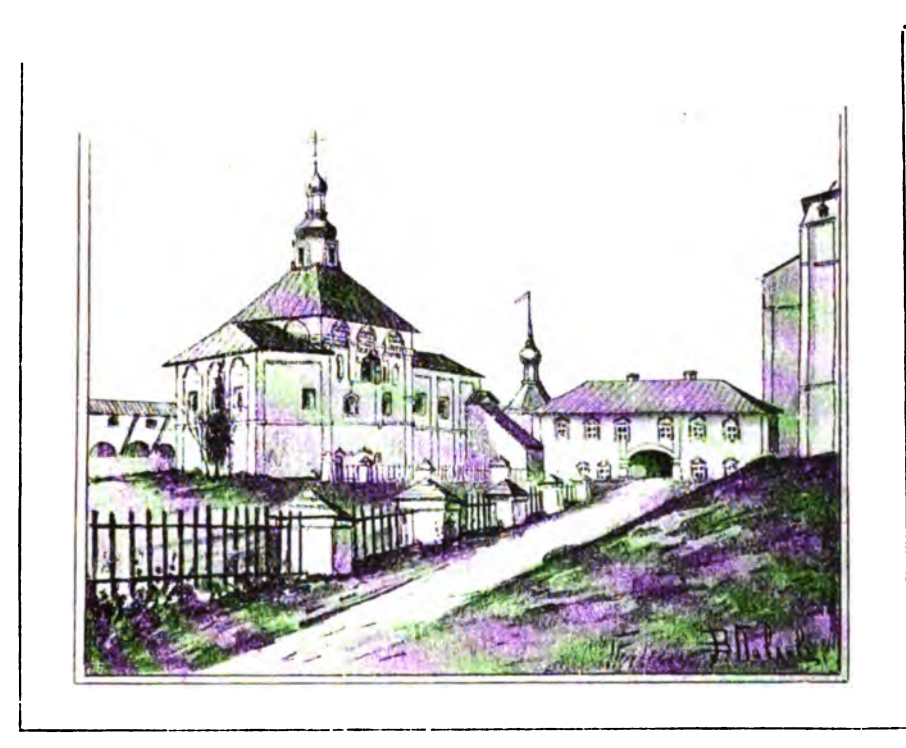
Кирилловскіе ссыльные.

И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ.
Лермонтовъ.

Съ сѣверной стороны къ собору примыкаетъ вышеупомянутая церковь св. Владимира надъ прахомъ князя Владимира Ивановича Воротынскаго. Она построена въ 1554—1555 годахъ и поновлена въ XVII столѣтіи. Смежная съ нею церковь св. Епифанія построена уже въ 1645 году иждивеніемъ князя Телятевскаго.

Въ церкви св. Владимира, кромѣ князя Владимира Ивановича,— принимавшаго такое дѣятельное участіе въ борьбѣ сторонниковъ царствующаго рода съ партіей князя Владимира Андреевича Старицкаго,—похороненъ не менѣе знаменитый братъ его, князь Михаилъ Ивановичъ.

Братья Воротынскіе начинаютъ собою длинный рядъ московскихъ родовитыхъ людей, которые частію сами удалялись сюда, подалѣе



Церковь Преображенія съ придѣломъ св. Ирины и Николая Чудотворца.

отъ бурныхъ треволненій придворной жизни, частію посылались въ ссылку по указу государеву.

Неизвѣстно, чѣмъ провинился князь Михаилъ Ивановичъ передъ царемъ, во въ 1562 году онъ былъ сосланъ въ Кирилловъ вмѣстѣ съ женою и дочерью. Ссылка, впрочемъ, была не строгая; князь жилъ въ обители пышно; княгиня его ходила въ тафтѣ бурской и веницейской; на содержаніе князю и его семьѣ отпускалось изъ царской казны 50 рублей; людямъ князя, пріѣхавшимъ сюда въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, выдавалось особо 48 рублей 27 алтынъ. Въ 1564 году пристава, Илья Плещеевъ и Никита Трофимовъ, приставленные къ князю «для береженья», писали въ Москву, что за

прошлый годъ не дослано на содержаніе: двухъ осетровъ свѣжихъ, да двухъ севрюгъ свѣжихъ, да полпуда ягодъ винныхъ, да полпуда изюму, да трехъ ведеръ сливъ; а самъ князь Михаилъ билъ челомъ, что имъ не дополучено: ведро романеи, ведро ренскаго, ведро бастру, двѣсти лимоновъ, гривенка шафрану, двѣ гривенки гвоздики, пудъ воску, двѣ трубы левашныхъ и пять свѣжихъ лососей [1]). Судя по такому содержанію, можно предположить, что Грозный еще не очень былъ гнѣвенъ на князя Михаила. Пробывъ четыре года въ монастырѣ, Воротынскій по просьбѣ митрополита и бояръ былъ снова возвращенъ въ Москву и въ 1572 г. сослужилъ службу государю и государству, разгромивъ крымскаго хана на берегахъ Лопасни. Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ побѣды, какъ онъ, по навѣту своего холопа, былъ обвиненъ въ колдовствѣ и подвергнутъ жестокой пыткѣ огнемъ, причемъ будто бы самъ царь подгребалъ уголья своимъ посохомъ. Обгорѣвшаго, еле дышащаго князя повезли въ ссылку въ Кирилловъ монастырь, но на пути онъ скончался и похороненъ, въ 1573 году, въ городѣ Кашинѣ. Лишь черезъ тридцать три года тѣло князя вмѣстѣ съ тѣломъ сына его Лонгина было перевезено въ Кирилловъ и погребено близъ могилы брата.

Съ судьбою князя Михаила Ивановича во многомъ сходна судьба другого поселенца обители, боярина Ивана Васильевича Шереметева Большого, о которомъ пишетъ Грозный въ своемъ посланіи; подобно Воротынскому, и Шереметевъ сражался въ свое время подъ Казанью; подобно побѣдителю крымцевъ при Лопаснѣ, и онъ храбро бился съ крымскимъ ханомъ на Судьбищахъ, хотя усилія его, въ силу разныхъ обстоятельствъ, не увѣнчались побѣдою, и онъ, по словамъ Курбскаго, подвергся царскому гнѣву и томился въ тюрьмѣ, въ тяжкихъ оковахъ.

— Гдѣ многое имущество твое?—спросилъ царь.—Я знаю, что ты очень богатъ.

— Руками нищихъ оно перенесено въ небесное сокровище ко Христу моему,—отвѣчалъ Шереметевъ.

Царь умилился, велѣлъ перевести узника въ болѣе легкую тюрьму, а потомъ и совершенно освободилъ его, взявши, впрочемъ, поручную запись одиннадцати бояръ, ручавшихся, что Шереметевъ ни въ Крымъ, ни въ Литву не отъѣдетъ. Помилованный бояринъ пробылъ еще нѣкоторое время при царскомъ дворѣ, но, наконецъ, рѣшилъ оставить Москву и въ 1750 году удалился въ Кирилловъ, гдѣ уже были схоронены два его брата: Григорій, убитый подъ Казанью, и Никита, казненный Грознымъ.

За годъ до постриженія Шереметева была утоплена въ Шекснѣ проживавшая въ Горицахъ инокиня Евдокія, бывшая княгиня Евфро-

[1]) Акты историч., т. I, № 174, IV.

синья Старицкая, мать князя Владимира Андреевича. Она часто приходила въ Кирилловъ на богомолье, принося въ даръ то плащаницу, то хоругви, то драгоцѣнный камень съ рѣзнымъ изображеніемъ Богоматери, то икону въ богатомъ окладѣ. Повидимому, княгинѣ хотѣлось и лечь на вѣчный покой въ обители преподобнаго; во вкладной книгѣ подъ 1566 годомъ записанъ ея новый вкладъ изъ двадцати образовъ и серебряной чарки съ наказомъ: «а Богъ пошлетъ

Больничная церковь св. Евфимія.

по душу княгинину, и тѣ образа поставить у гроба княгинина и чарку на панихиды на гробъ поставити». Но Грозный распорядился иначе... Покончивъ 9-го октября 1569 года съ своимъ двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ, онъ въ то же время отдалъ приказъ и относительно горицкой инокини. 11-го октября, она погибла въ Шекснѣ вмѣстѣ съ другою инокинею Александрою, вдовою родного царскаго брата Юрія Васильевича. Народъ разсказываетъ, что царь велѣлъ наложить въ лодку большихъ камней, лодку разукрасить поцарски, посадить въ нее двухъ княгинь и столкнуть съ

высокаго берега въ воду. Тѣла утопленныхъ были взяты изъ рѣки и похоронены въ Горицахъ, а памятникомъ царской расправы остался въ Кирилловѣ, присланный Грознымъ, синодикъ; въ немъ на первомъ листѣ, во главѣ прочихъ именъ казненнаго люда поставлено: «Княгиню иноку Евдокію, иноку Марію, иноку Александру»; подъ именемъ Евдокіи сдѣлана приписка: «оудѣлнаа», а подъ всѣми тремя помѣчено: «потоплены в горахъ в Шекснѣ рѣкѣ повелѣніемъ царя Іоанна». Кто была упоминаемая вмѣстѣ съ Евдокіей и Александрой инока Марія—неизвѣстно, но, по мнѣнію Н. Г. Устрялова, она также должна была принадлежать къ царскому роду.

Мѣсто Евдокіи и Александры въ Горицахъ заняли двѣ новыхъ инокини, также неоднократно приходившія на богомолье въ Кирилловъ. Это были: инокиня Дарія, бывшая Анна Алексѣевна Колтовская — четвертая супруга Грознаго, постриженная въ 1575 и скончавшаяся въ 1626 или 1627 году, уже въ Тихвинскомъ Введенскомъ монастырѣ, и монахиня Пелагея, въ міру Прасковья Михайловна Соловая, вторая супруга царевича Іоанна Іоанновича, умершая въ 1620 году. Въ монастырскихъ книгахъ подъ 1606 годомъ есть запись: «приходила изъ Горицъ старица-царица Парасковея молиться, дала на молебенъ рубль 16 алтынъ 4 деньги».

Послѣ смерти Грознаго сюда былъ присланъ Годуновымъ постриженный въ монашество любимецъ покойнаго царя князь Симеонъ Бекбулатовичъ. Сюда же въ 1587 году привезенъ и знаменитый защитникъ Пскова отъ Баторія, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, который и удавленъ въ Кирилловѣ.

Начиная съ XVII-го вѣка, въ монастырѣ появляются ссыльные по дѣламъ вѣры. Однимъ изъ первыхъ былъ князь Иванъ Андреевичъ Хворостининъ. Въ молодости князь служилъ кравчимъ при первомъ самозванцѣ и увлекся польскимъ духомъ, царствовавшимъ при дворѣ. Человѣкъ онъ былъ самонадѣянный и, по выраженію позднѣйшей царской грамоты, по разуму себѣ въ версту никого не ставилъ. Въ царствованіе Михаила Θеодоровича онъ считался отъявленнымъ вольнодумцемъ и былъ на время сосланъ въ Волоколамскій монастырь; но ссылка не исправила его. Возвратясь въ Москву, онъ снова сошелся съ католиками и завелъ у себя латинскіе образа; говорилъ, что на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, и жить ему не съ кѣмъ, что московскіе люди сѣютъ рожью, а живутъ ложью, и т. п. Затѣмъ онъ пошелъ еще дальше; сталъ утверждать, что молиться не для чего, что воскресенія мертвыхъ не будетъ; запретилъ своимъ людямъ ходить въ церковь и соблюдать посты. Въ 1622 году, онъ всю страстную недѣлю пилъ безъ просыпу, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія былъ пьянъ, ѣлъ мясо, не пошелъ ни къ пасхальной заутрени, ни къ государю поздравить съ праздникомъ. Въ домѣ его былъ сдѣланъ обыскъ; нашли польскія книги, образа и тетради его собственныхъ стихотворныхъ

сочиненій. На допросѣ онъ самъ сознался, что въ вѣрѣ сомнѣвается. Царь и патріархъ отправили его въ Кирилловъ, гдѣ князь былъ отданъ подъ надзоръ особаго старца. Ссыльному было строго запрещено выходить куда бы то ни было изъ своей кельи, равнымъ образомъ и къ нему входъ былъ закрытъ для всѣхъ; книги выдавались только церковныя, и, по распоряженію патріарха, князь долженъ былъ неукоснительно вычитывать ежедневное келейное правило. Черезъ годъ Хворостининъ смирился, и монастырскія власти нашли возможнымъ допустить его къ принятію св. таинъ, за что и получили отъ патріарха выговоръ. Впрочемъ и патріархъ соглашался разрѣшить князя, если онъ принесетъ публичное покаяніе, для чего изъ Москвы былъ присланъ особый, такъ называемый, учительный свитокъ. Въ монастырской трапезѣ былъ составленъ соборъ изъ старцевъ. Привели князя, и онъ передъ всѣми «по тому учительному свитку былъ въ вѣрѣ истязанъ». Затѣмъ онъ далъ клятву и запись — строго держаться ученія православной церкви, и послѣ этого былъ отпущенъ въ Москву, гдѣ снова принятъ ко двору. Но Хворостининъ чувствовалъ, что раскаявшемуся грѣшнику трудно будетъ ужиться при дворѣ, и постригся въ Троице-Сергіевой обители; тамъ онъ вскорѣ и умеръ въ 1625 году.

Нѣсколько ранѣе Хворостинина въ Кирилловѣ содержались, передъ отправкою въ Тобольскъ, нѣмцы: Гансъ Локминъ и Матюшка. Въ 1647 г. здѣсь томился въ тѣсномъ заключеніи присланный изъ Москвы крестьянинъ Мишка Ивановъ, обвиненный въ наговорѣ и чародѣйствѣ.

Въ Кирилловъ же, послѣ извѣстнаго народнаго бунта въ 1648 году, былъ посланъ, въ видахъ охраненія, любимецъ государя Алексѣя Михайловича, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Насколько въ Москвѣ дорожили его жизнью, видно изъ присланной въ монастырь грамоты отъ царскаго имени: «Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ, въ Кирилловѣ монастырѣ, въ Успеньевъ день бываетъ съѣздъ большой изъ многихъ городовъ всякимъ людямъ; а по нашему указу теперь у васъ въ Кирилловѣ бояринъ нашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ; и какъ эта наша грамота къ вамъ придетъ, то вы бы боярина нашего Бориса Ивановича оберегали отъ всего дурнаго и думали бы съ нимъ накрѣпко, какъ бережнѣе—тутъ ли ему у васъ въ монастырѣ въ ту ярмарку оставаться, или въ какое нибудь другое мѣсто выѣхать. Лучше бы ему выѣхать, пока у васъ будетъ ярмарка; а какъ ярмарка минуется, и онъ бы у васъ былъ попрежнему въ монастырѣ до нашего указа; и непремѣнно бы вамъ боярина нашего Бориса Ивановича уберечь; а если надъ нимъ сдѣлается что нибудь дурное, то вамъ за это быть отъ насъ въ великой опалѣ». Но интереснѣе всего въ этой грамотѣ приписка, сдѣланная на поляхъ и между строками собственною рукою царя Алексѣя Михайловича, характеризующая его мягкое сердце и нѣжную

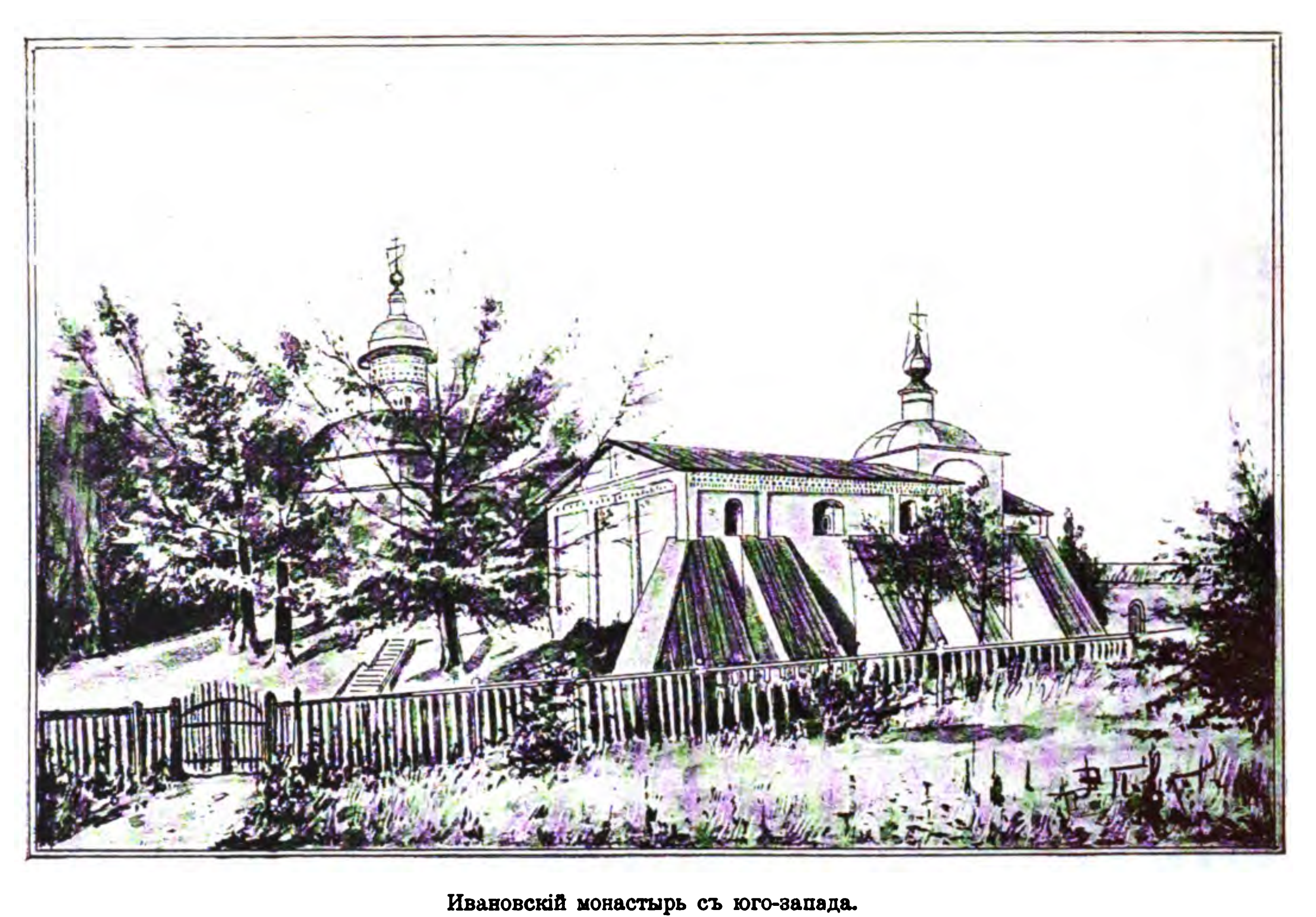
заботливость о любимомъ человѣкѣ. «I вамъ бы сей грамотѣ верить»,—прибавляетъ онъ,—«и здѣлать бы і уберечь отъ всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнут бы нихто не вѣдалъ, хотя и выедетъ куды, а естли свѣдаютъ, и я свѣдаю, и вамъ быть кажненымъ, а естли убережете его, такъ, какъ и мнѣ, добро ему сдѣлаете, і я васъ пожалую такъ, чего отъ зачяла свѣта такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему, приятелю моему».

Кирилловскія власти сберегли Морозова, и онъ благополучно вернулся въ Москву.

Послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича сюда же былъ переведенъ изъ Ѳерапонтовой пустыни «собинный другъ» покойнаго государя, патріархъ Никонъ. Въ Кирилловѣ его приказано было держать строже, чѣмъ въ Ѳерапонтовой. Келліи, которыя отвели ему, были душны и угарны, а у Никона отъ ушиба, полученнаго еще по дорогѣ изъ Москвы, и безъ того почти постоянно болѣла голова. Чудовской архимандритъ Павелъ, пріѣзжавшій сюда для слѣдствія надъ Никономъ, лично доложилъ патріарху о неудобствахъ келлій, и монастырскимъ властямъ было приказано устроить въ тѣхъ келліяхъ печи «образчатыя» и построить для Никона особую каменную поварню. Власти келліи обновили, печи поставили, но поварни не построили, въ виду того, что она загородила бы свѣтъ въ братскую больницу. Хотя теперь въ монастырѣ и не знаютъ точно, гдѣ именно находились келліи ссыльнаго патріарха, но это указаніе на братскую больницу даетъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія вопроса.

Къ юго-востоку отъ церкви преподобнаго Кирилла находится небольшая Ефимьевская церковь, построенная въ 1653 году; церковь эта называется больничною и, судя по плану Бороздина, еще въ 1809 году соединялась съ каменнымъ зданіемъ старой монастырской больницы, находящимся къ востоку отъ нея. Никонъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, жилъ по близости этой церкви, быть можетъ, въ зданіи стараго духовнаго училища, которое находится къ югу отъ церкви; монастырское преданіе, что онъ обыкновенно ходилъ въ нее молиться, еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе.

Извѣстно, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ впослѣдствіи, благодаря заступничеству своей тетки царевны Татіаны Михайловны, перемѣнилъ мнѣніе о Никонѣ и задумалъ освободить его, поселивъ близъ Москвы въ Новомъ Іерусалимѣ. Но онъ все-таки боялся рѣшить это дѣло самолично и послалъ къ восточнымъ патріархамъ за разрѣшеніемъ. Между тѣмъ силы Никона слабѣли; чувствуя близость смерти, онъ принялъ въ Кирилловѣ схиму, и монастырскія власти уже справлялись въ Москвѣ, какое въ случаѣ кончины устроить погребеніе бывшему патріарху. Узнавъ о слабости Никона



Ивановскій монастырь съ юго-запада.

(Подъ горою церковь преподобнаго Сергія, на горѣ церковь св. Іоанна Предтечи).

и о его страстномъ желаніи окончить дни въ своемъ любимомъ Новомъ Іерусалимѣ, государь рѣшилъ перевезти его, не ожидая разрѣшенія отъ патріарховъ, и послалъ въ Кирилловъ дьяка Ивана Чепелева.

Замѣчательно, что Никонъ какъ бы прозрѣлъ духомъ свое близкое освобожденіе. Въ монастырѣ еще ничего не знали о новомъ царскомъ распоряженіи, а онъ уже за нѣсколько дней, несмотря на болѣзнь, вставалъ съ постели и собирался въ дорогу. Наконецъ, въ самый день пріѣзда Чепелева, Никонъ поутру бодро поднялся на ноги, оправилъ волосы, одѣлся въ дорожное платье и сѣлъ на крыльцѣ въ ожиданіи. «Я готовъ,—говорилъ онъ служившимъ ему монахамъ,—а вы что-жъ не готовитесь? Скоро за нами будутъ». Дѣйствительно, въ тотъ же день Чепелевъ явился въ обитель. На Шекснѣ были наскоро приготовлены струги; больного перевезли къ берегу на саняхъ, и, простившись съ Кирилловскою братіею, патріархъ тронулся въ свой послѣдній путь. Но ему не было суждено увидѣть своего Новаго Іерусалима: 7 августа 1681 года, когда суда дошли до Ярославля и остановились при устьѣ р. Которосли,—Никона не стало.

Годъ спустя, въ Кирилловѣ скончался тесть царя Алексѣя Михайловича, Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ, впавшій въ немилость, благодаря проискамъ Милославскихъ.

Много и другихъ ссыльныхъ перебывало въ обители, напримѣръ, раскольникъ, донской казакъ Оленшинъ, солдатъ Бархатовъ, пѣвчій Карнауховъ, посадскій человѣкъ Аникій Грошниковъ и др., но я не стану перечислять ихъ, боясь утомить вниманіе читателя.

VIII.

Ивановскій монастырь и ризница.

> «Да въ каменной же оградѣ другой монастырь, на горѣ, гдѣ Кирила Чудотворца первое происхожденіе было».
>
> Монастырская описная книга 1601 г.

Слѣдующій день мы посвятили осмотру Ивановскаго монастыря.

Ивановскій монастырь «на горѣ» примыкаетъ къ главной обители съ восточной стороны и отдѣленъ отъ нея внутреннею стѣною. Главную часть его составляетъ довольно высокій пригорокъ, густо поросшій деревьями и кустарникомъ. На склонѣ этого пригорка, обращенномъ къ Успенскому монастырю, преподобный Кириллъ, спустившись съ Мауры, водрузилъ деревянный крестъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него выкопалъ, вмѣстѣ съ Ѳерапонтомъ, небольшую землянку. Здѣсь черезъ нѣсколько времени нашли его мѣстные

крестьяне; сюда же, къ этому бѣдному жилью, стали стекаться искавшіе спасенія иноки.

Водруженный преподобнымъ крестъ помѣщается теперь въ старинной, ветхой часовенкѣ, напоминающей видомъ своимъ самую примитивную избушку, или, точнѣе, простую холодную клѣть. По словамъ древняго монастырскаго преданія, часовенка эта построена самимъ преподобнымъ. Очень легко можетъ быть, что она и была

Кузнечная и Котельная башни въ Ивановскомъ монастырѣ.

тою первою келліей, гдѣ старецъ сходился для молитвъ съ своими учениками. Величиною она немногимъ болѣе квадратной сажени, рублена изъ сосноваго лѣса и покрыта на два ската. Потолка въ ней нѣтъ (какъ прежде не было и пола), и вышина ея до кровли— 2 аршина 12 вершковъ, а посрединѣ до князька—четыре аршина. Въ нее ведетъ небольшая дверка, а внутри, для свѣта, продѣлано волоковое окно.

Кромѣ вышеупомянутаго креста, въ часовнѣ находится и другой крестъ, срубленный, по преданію, также преподобнымъ изъ той ели, которая чуть не убила его во время сна въ лѣсу. Оба креста изрѣзаны и изгрызены богомольцами и въ настоящее время хранятся въ деревянныхъ футлярахъ за стекломъ.

Надъ часовнею съ 1811 года существуетъ сѣнь на толстыхъ каменныхъ столбахъ, соединенныхъ между собою арками.

Отъ землянки, выкопанной преподобнымъ, теперь не осталось и слѣда. А. Н. Муравьевъ въ своей книгѣ «Русская Ѳиваида на сѣверѣ» говоритъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, что своды земляной келліи обрушились «не весьма давно и, вѣроятно, въ 1764 году, когда соорудили надъ нею каменный тяжелый навѣсъ, осѣняющій теперь рѣшетчатую часовню на холмѣ». Каменная сѣнь надъ рѣшетчатою часовнею по архитектурѣ совершенно сходна съ такою же сѣнью надъ часовенкой и, по всѣмъ вѣроятіямъ, обѣ сѣни должны были быть сооружены въ одно время, и архимандритъ Варлаамъ, издавшій черезъ четыре года послѣ книги г. Муравьева свое «Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ», прямо говоритъ, что надъ рѣшетчатою часовней каменный чехолъ, во всемъ подобный чехлу надъ часовнею преподобнаго, устроенъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, ни словомъ не упоминая о постройкѣ 1764 года, а потому вопросъ о томъ, какъ долго существовала землянка преподобнаго, остается открытымъ. Несомнѣннымъ можно, кажется, признать только одно, что рѣшетчатая часовня поставлена на мѣстѣ землянки святого. Архимандритъ Варлаамъ говоритъ, что въ описи 1718 года она называется «новопоставленною часовней, что надъ земляною келліею чудотворца Кирилла».

Между двумя часовнями среди травы и цвѣтовъ пролегаетъ дорожка, которая ведетъ на пригорокъ къ церкви Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, построенной въ память рожденія Іоанна Грознаго отцемъ его, великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Церковь эта, съ придѣломъ чудотворца Кирилла, молитвамъ котораго было приписано рожденіе Іоанна, строилась одновременно съ церковью архангела Гавріила въ большомъ монастырѣ. Обѣ онѣ освящены въ одинъ и тотъ же день 13-го декабря 1534 г., или, по старому счету, съ сентября 1535 года, когда великаго князя Василія Ивановича не было уже въ живыхъ.

Съ построеніемъ Ивановской церкви на пригоркѣ образовался особый монастырекъ, получившій названіе малаго. Населеніе его составили «старцы убогіе», получавшіе «кормъ» изъ большого монастыря. Для нихъ въ XVI вѣкѣ были построены разныя службы, погреба и трапезная палата съ церковью во имя преподобнаго Сергія и придѣломъ въ честь св. Діонисія Глушицкаго. Пища приносилась сюда изъ большой братской поварни. По мнѣнію г. Никольскаго,

здѣсь же, подлѣ горы, въ XVI столѣтіи находились и богадѣленныя избы, въ которыхъ проживали на счетъ Іоанна Грознаго десять нищихъ и одинъ стряпчій.

Почти весь пригорокъ занятъ теперь кладбищемъ, на которомъ мы нашли много могилъ, принадлежащихъ не инокамъ, а гражданамъ города Кириллова.

Обойдя бывшій монастырь, мы присѣли на надгробныя плиты дѣлать наброски церквей. Тишина на кладбищѣ стояла невозмутимая. Густая сочная зелень кругомъ какъ бы замерла въ истомѣ подъ жаркими лучами солнца, и лишь вдали въ кустахъ щебетала какая-то птичка. Среди тишины до насъ явственно долетали снизу голоса. Неподалеку отъ пригорка, на которомъ мы находились, два каменщика чинили монастырскую стѣну. Подлѣ нихъ стоялъ всклокоченный, не молодой уже монашекъ и толковалъ имъ что-то отъ писанія. Монашекъ былъ, повидимому, идеалистъ; онъ говорилъ съ жаромъ и убѣжденіемъ, не примѣчая, что слушатели, занятые своимъ дѣломъ, далеко не раздѣляютъ его увлеченія.

— Монаху отъ бѣсовъ нахожденія больше, чѣмъ вамъ, мірянамъ,— заявилъ онъ.

— Это кто же сказалъ?—освѣдомился одинъ изъ каменщиковъ, не отрываясь отъ работы.

— А какъ же? Чинъ-то ангельскій! Всѣхъ бѣсовъ на насъ гонятъ, а кто не покоряется, не пойдетъ, сейчасъ его въ наказаніе положатъ на кровать съ гвоздиками.

— Кто жъ его положитъ-то?

— Начальство. У нихъ, братъ, тоже свое начальство есть. Вѣдь они все равно, что солдаты.

— И ружья есть?

— И ружья есть, только не наши.

— Чѣмъ же они стрѣляютъ-то?

— Стрѣлами разженными.

— А изъ чего стрѣляютъ-то?

— А вотъ тебѣ и изъ чего! Еще хорошо, что ангелы насъ хранятъ, а то бѣда бы!

— Неужто?

— Вѣрно. Нацѣлитъ это онъ, напримѣръ, въ голову, и голова заболитъ.

— Да ты гдѣ это читалъ?—обернулся къ нему каменщикъ.

— Я авву Дороѳея читалъ,—самодовольно отвѣтилъ монашекъ.

Каменщикъ помолчалъ съ минуту и, опять повернувшись къ стѣнѣ, спросилъ:

— Зачѣмъ же имъ такая власть дана?

— А чтобъ смущать.

— Да зачѣмъ же это?

— А коли Іисусъ Христосъ 5.000 лѣтъ терпѣлъ, такъ какъ же намъ-то? Нѣтъ, монашество великое дѣло; въ терпѣніи-то и спасеніе.

— А по-моему,—скромно заговорилъ другой каменщикъ,—пока сила есть, работай въ міру, поживи съ семьей. Я вотъ одну бабу издержалъ, взялъ другую...

— И изъ міра всякому охота въ рай-то попасть, да не пустятъ,— перебилъ его монашекъ.

— Ну, это тамъ ученые разберутъ, кого пустятъ, кого нѣтъ,— замѣтилъ первый.

— А и ученье тоже, я тебѣ скажу. Вотъ въ академіи одинъ учился. Не на пользу, говоритъ, это, и ушелъ въ пустыню. А то еще вотъ что скажу тебѣ про пустыню-то: жилъ священникъ и съ попадьей. Пришла пасха. Настряпалъ онъ много.

— Ужъ навѣрно не онъ настряпалъ-то, а попадья.

— Ты слушай. Настряпалъ, говорю, много, и былъ ему гласъ: иди въ пустыню, накорми этими яствами голоднаго. Онъ пошелъ.

— Чѣмъ въ пустыню ходить, пошелъ бы лучше въ свою деревню; тамъ голодныхъ-то сколько хошь.

Изъ Ивановскаго мы прошли въ большой монастырь, розыскали о. Кирилла и возвратили ему рукопись для передачи о. архимандриту. Узнавъ, что намъ хотѣлось бы осмотрѣть монастырскую ризницу, о. Кириллъ и здѣсь вызвался оказать намъ протекцію. Онъ повидался съ ризничимъ и черезъ нѣсколько минутъ привелъ намъ его помощника, который любезно предложилъ свои услуги. Мы отправились.

Но прежде чѣмъ говорить о Кирилловской ризницѣ, скажу нѣсколько словъ о знаменитой въ старину Кирилловской библіотекѣ, начало которой было положено самимъ преподобнымъ и его ближайшими учениками, не мало потрудившимися надъ списываніемъ книгъ. Въ XVII столѣтіи Кирилловское книгохранилище было извѣстно не только во всемъ краѣ, но даже и въ Москвѣ, откуда нарочно посылали въ монастырь за книгами, какъ это было, напримѣръ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Книгами пользовались не только ѳерапонтовскіе старцы, но и отдаленное бѣлозерское духовенство. Даже монастырскіе тюремные сидѣльцы и тѣ время отъ времени получали книги изъ библіотеки, какъ это видно изъ челобитной конца XVII вѣка, сохранившейся въ монастырской раздаточной книгѣ: «государю архимандриту Геласію, государю келарю старцу Никифору и государемъ соборнымъ старцемъ Кириллова монастыря бьетъ челомъ тюремный сидѣлецъ, чернецъ Нафонаилище. Милостовіи государи, власти, прикажите мнѣ бѣдному книгу дать ради унынія; умилосердитеся, государи-власти, смилуйтеся и пожалуйте».

Но уже въ XVII вѣкѣ Москва начала понемногу выбирать книги изъ богатаго книгохранилища. Михаилъ Ѳеодоровичъ удовольство-

вался, правда, только дубликатами, но Никонъ уже дѣйствовалъ съ меньшею застѣнчивостію: много книгъ взялъ онъ изъ монастыря въ Софійскую и въ свою домовую библіотеку. Въ 1682 году, для составленія степенныхъ книгъ опять были вытребованы многія книги и рукописи. Немало ихъ было взято впослѣдствіи въ святѣйшій синодъ и въ императорскую библіотеку. Но, несмотря на все это, по описи XVIII вѣка въ монастырѣ хранилось еще до 2.000 однѣхъ рукописныхъ книгъ. Лицъ, интересующихся этимъ богатымъ собраніемъ, отсылаю къ «Поѣздкѣ» Шевырева, гдѣ описанію библіо-

Кресло патріарха Никона.

теки посвящена цѣлая глава и сдѣлано много крайне интересныхъ выписокъ изъ найденныхъ тамъ книжныхъ сокровищъ. Въ послѣднія времена библіотекою, какъ кажется, попользовались и наши духовныя академіи, такъ что въ монастырѣ осталось лишь немногое.

Такъ же розно разошлась и драгоцѣнная Кирилловская ризница, бывшая, по словамъ архимандрита Варлаама, едва ли не богатѣйшею изъ всѣхъ великороссійскихъ ризницъ и уступавшая развѣ только Троице-Сергіевой.

Однихъ священныхъ облаченій, плотно усѣянныхъ сверху до низу крупнымъ жемчугомъ, перемѣшаннымъ съ драгоцѣнными камнями, изумрудами, яхонтами, алмазными искрами, топазами и пр.,

въ ризницѣ насчитывалось: 17 ризъ, 7 епитрахилей, 8 стихарей, 4 набедренника, 2 палицы и 5 паръ поручей. Находившееся въ этомъ счету полное священническое облаченіе, пожертвованное Грознымъ, вѣсило болѣе полу-пуда; почти такую же тяжесть приходилось носить на себѣ во время служенія и діакону: его стихарь вѣсилъ 14 фунтовъ 18 золотниковъ, а орарь—3 фунта 60 золотниковъ. Когда, въ 1679 году, кирилловскій игуменъ Аѳанасій былъ возведенъ въ санъ архимандрита съ правомъ архіерейскаго осѣненія, которое и до нашего времени принадлежитъ всѣмъ кирилловскимъ архимандритамъ, въ обители появился цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ митръ. Одна изъ нихъ, по словамъ архимандрита Варлаама, кромѣ жемчуга и дорогихъ камней, была украшена камеями изъ яхонтовой корки, перелифта, халцедона и яшмы. Въ ризницѣ хранилось много обнизанныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями покрововъ на раку преподобнаго, пеленъ, воздуховъ, хоругвей и т. п. Славу ризницы достойно поддерживала серебряная и золотая церковная утварь: сосуды, блюда, кадила, ковши, водосвятныя чаши, лампады, подсвѣчники, кубки, чарки. Но болѣе всего хранилось въ обители жертвованныхъ домовыхъ иконъ въ драгоцѣнныхъ окладахъ и украшеніяхъ. Онѣ были размѣщены рядами во всѣхъ храмахъ обители, а въ соборѣ составляли даже особое тябло иконостаса.

Но напрасно было бы искать теперь все это богатство въ обители; отъ него здѣсь осталась только незначительная часть, большинство же вещей частію вытребовано въ прошломъ столѣтіи въ московскую синодальную контору, частію пожертвовано въ 1812 году на государственное ополченіе, частію же уничтожено за ветхостью и излишествомъ въ первой половинѣ нашего вѣка.

Наибольшій интересъ для посѣтителя ризницы представляютъ сохранившіяся до нашихъ дней богослужебныя ризы и келейныя вещи самого преподобнаго. Въ виду того, что всѣ эти предметы имѣютъ пятивѣковую давность и являются рѣдкими, живыми образцами облаченій и вещей домашняго обихода XV вѣка, я позволю себѣ привести болѣе подробное ихъ описаніе, которое заимствую изъ вышеназваннаго труда архимандрита Варлаама.

Риза, или фелонь, преподобнаго сдѣлана изъ бѣлаго гаруснаго мухояра въ 6½ полотенъ; полотна сшиты такъ, что спереди они идутъ вдоль ризы, а сзади—поперекъ. Второе, четвертое и шестое полотна по нижнимъ краямъ шиты сверху въ точку, въ двѣ строки, равно какъ и края подола вокругъ всей ризы. Передъ у ризы длинный, поднимавшійся на пуговицы, которыхъ впрочемъ не сохранилось. На ризѣ прежде нашито было сверху мухояра узкое оплечье, шириною не много болѣе 2 вершковъ, изъ лазаревой съ желтыми мелкими травами кизильбашской камки; отъ него теперь осталось только нѣсколько самыхъ мелкихъ обрывковъ. Подолъ по самому краю обшитъ былъ на четверть вершка ширины какою-то матеріею,

которой теперь не сохранилось. Крестъ и звѣзда (точнѣе—квадратъ, поставленный на уголъ), на задней сторонѣ ризы, сдѣланы изъ такой же камки, какъ и оплечье; крестъ нашитъ очень высоко. Подкладка ризы состоитъ изъ грубаго, бѣлаго, рѣдкаго холста, подъ верхними двумя полотнами и по подолу въ два ряда, а подъ остальными въ одинъ рядъ. Длина ризы сзади—2 аршина $1^1/_2$ вершка, спереди, отъ ворота,—1 аршинъ $11^1/_2$ вершковъ, ширина въ подолѣ 6 аршинъ 10 вершковъ.

Изъ такого же мухояра, какъ риза, сдѣланъ и подризникъ, сшитый изъ четырехъ прямыхъ цѣльныхъ и восьми косыхъ неполныхъ полотенъ.

За ризами слѣдуютъ—вязанный колпачекъ изъ сканной жесткой шерсти коричневаго цвѣта и нагольный тулупъ изъ черныхъ овчинъ. Покрой тулупа сзади прямой, безъ выемки у поясницы. На полахъ во всю длину нашиты 12 кожаныхъ (вытныхъ) пуговокъ и столько же кожаныхъ петелекъ. Воротникъ стоячій, шириною въ $2^1/_2$ вершка. Подолъ оторочень овчиннымъ безъ шерсти ремешкомъ; рукава у запястья съ приставками изъ той же овчины, на подобіе глухихъ обшлаговъ. Длина тулупа 1 аршинъ 13 вершковъ, ширина въ станѣ между рукавами—1 аршинъ, а въ подолѣ 4 аршина 7 вершковъ.

Не менѣе интересны и дорожныя вещи святаго Кирилла: черемховый посохъ, кожаный поясъ (татаурецъ) съ сумкою и ковшъ съ походнымъ влагалищемъ, снабженнымъ опускною крышкою. Рисунки этихъ трехъ предметовъ приложены нами выше, при описаніи жизни преподобнаго.

Здѣсь же хранится духовное завѣщаніе Кирилла и евангеліе, писанное въ 1417 году ученикомъ его Христофоромъ. Изъ дорогихъ вещей, жертвованныхъ въ обитель и сохранившихся въ ризницѣ, отмѣтимъ: золотые потиръ, дискосъ и лжицу—даръ Іоанна Грознаго въ 1564 году, затѣмъ его же литой серебряный ковшъ вѣсомъ въ 3 фунта и 31 золотникъ. Интересно и позолоченное кадило съ изображеніемъ первыхъ архидіаконовъ, имѣющее вверху форму пятиглаваго храма; оно пожертвовано въ 1679 году слугою Воротынскихъ Никитою Осиповымъ Недіаковымъ (писавшимся также и Неделиконовымъ). Обращаютъ также на себя вниманіе: чарка—даръ дьяка Шипулина, служившаго при патріархѣ Филаретѣ, и серебряный ковшичекъ жены стольника Олферьевой. На чаркѣ изображены три птицы: Гамаюнъ, Мялькаоетъ и Неясыть, а на ковшичкѣ интересна надпись: «Истинная любовь уподобися сосуду злату, на него же николи разбитіе не бываетъ, аще неразумнемъ и погнется, разумомъ исправится».

Лицевыхъ шитыхъ покрововъ на раку преподобнаго въ ризницѣ сохранилось нѣсколько. Первый изъ нихъ пожертвованъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ въ 1514 году; второй составляетъ даръ его невѣстки, царицы Анастасіи Романовны; третій покровъ

посланъ въ 1587 году четырехлѣтнимъ Димитріемъ царевичемъ, а четвертый царскій покровъ устроенъ въ 1666 году усердіемъ царицы Маріи Ильиничны. Достойна вниманія и шитая плащаница—даръ тетки Іоанна Грознаго, княгини Ефросиніи Старицкой. Плащаница эта вышита настолько искусно, что Борисъ Годуновъ бралъ ее, вѣроятно, для образца на нѣкоторое время въ Москву. Отъ княгини хранятся здѣсь еще двѣ пелены съ изображеніями Распятія и Успенія; о другихъ ея пожертвованіяхъ въ обитель я упоминалъ выше.

Между прочимъ намъ указали и кресло Никона, взятое имъ сюда изъ Ѳерапонтова монастыря. Оно сдѣлано изъ простого дерева, съ прямою спинкою и съ точеными ножками; подушка, заспинникъ и локотники покрыты зеленымъ, выцвѣтшимъ полубархатомъ. На креслѣ помѣщена одна изъ тѣхъ Ѳерапонтовскихъ надписей Никона, которыя отчасти послужили поводомъ къ стѣсненію его свободы и переселенію въ Кирилловъ: «7176 марта дня сій стулъ здѣланъ смиреннымъ Никономъ патріархомъ въ заключеніи за слово Божіе и за святую церковь въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ въ тюрмѣ».

Въ XVII вѣкѣ, когда монастырь былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ на сѣверѣ, въ арсеналахъ его находилось до 8.500 нумеровъ всякаго рода оружія. Здѣсь были пушки, пищали, пистолеты, бердыши, копья, сабли, кинжалы и проч. Но по мѣрѣ того, какъ обитель съ теченіемъ времени начала терять свое значеніе крѣпости, оружіе это мало-по-малу переходило въ другіе города. Впрочемъ еще въ началѣ нашего столѣтія здѣсь имѣлось около 10 пушекъ, болѣе 300 ружей, болѣе 300 пистолетовъ, до сотни бердышей и 50 кольчугъ съ шишаками. Но и изъ этой коллекціи теперь не осталось почти ничего. Въ наши дни время внутреннихъ крѣпостей отошло, но зато настало время губернскихъ музеевъ.

— Все въ Новгородъ забрали,—жаловались монахи.—Какъ только музей устроили, такъ къ намъ бумагу и прислали. Дѣлать нечего, пришлось выдать.

— Пушки у насъ были двѣ, по 90 пудовъ каждая,—разсказывали другіе:—такъ одна отправка ихъ по машинѣ обошлась монастырю въ 100 рублей, да еще, спасибо, купцы помогли, до Рыбинска-то даромъ доставили, а то совсѣмъ бѣда была бы!

Но, несмотря на всѣ новѣйшія перестройки, передѣлки и подновленія, не смотря на всѣ хищенія и разграбленія обители, она и въ настоящее время все еще содержитъ въ себѣ много драгоцѣннаго матеріала для изслѣдователя родной старины.

И. Тюменевъ.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Ъ 1834 ГОДУ, въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, въ домѣ отца, состоятельнаго помѣщика, проживалъ Николай Александровичъ Мельгуновъ, только что покинувшій «по болѣзни» службу въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ родился въ 1804 году, учился сперва дома у гувернеровъ, потомъ былъ отвезенъ въ Харьковъ, гдѣ готовился въ университетъ, затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ пансіонъ при педагогическомъ институтѣ, но курса тамъ не окончилъ и вмѣстѣ съ отцомъ уѣхалъ за границу. Возвратился онъ на родину 19-лѣтнимъ юношей, поселился въ Москвѣ и сталъ готовиться къ экзамену при университетѣ на основаніи указа 1809 года [1]). Этотъ экзаменъ выдержалъ онъ вполнѣ удовлетворительно, а «въ правѣ естественномъ, въ законахъ уголовныхъ и въ политической экономіи» получилъ отмѣтки очень хорошія. Съ 1825 до 1834 года онъ находился на службѣ въ архивѣ, гдѣ тогда служили и Шевыревъ, и А. Веневитиновъ, и Кирѣевскіе и другіе.

«Болѣзнь» Мельгунова была только офиціальнымъ предлогомъ для отставки. На самомъ же дѣлѣ онъ желалъ всецѣло отдаться литературѣ, которая именно въ то время, благодаря предшественникамъ Пушкина и самому Пушкину, у насъ высоко подняла голову. Къ литературѣ Мельгуновъ чувствовалъ страсть еще съ дѣтства (въ первый разъ выступилъ онъ въ печати еще 14-лѣтнимъ

---

[1]) Знаменитый экзаменъ на право производства въ коллежскіе ассессоры.

мальчикомъ!); онъ, повидимому, не владѣлъ стихомъ, но прозой писалъ легко, изящно и почти безъ галлицизмовъ. Что же касается до образованія и «свѣтлыхъ идей», у него въ этомъ недостатка не было; уже 27 лѣтъ отъ роду онъ сбирается основать въ Москвѣ публичную библіотеку, готовъ для этого пожертвовать своею, очевидно, не бѣдною коллекціей книгъ, составляетъ прозаическій альманахъ въ пользу будущей библіотеки [1]), добивается разрѣшенія на изданіе ежемѣсячнаго журнала. Когда онъ подавалъ въ отставку, у него въ наборѣ былъ уже готовъ рядъ оригинальныхъ повѣстей (одна изъ нихъ была напечатана), который онъ и выпустилъ въ 1834 году въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Разсказы о быломъ и небываломъ».

Книга эта состоитъ изъ двухъ частей; первая заключаетъ въ въ себѣ четыре небольшихъ повѣсти, три фантастическія и одну психологическую, обдуманно и изящно написанныя, но не блещущія талантомъ; вторая — только одну большую (въ 260 страницъ) повѣсть, написанную, по увѣренію автора, въ 1832 году, на основаніи впечатлѣній, полученныхъ имъ во время пребыванія въ Парижѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Повѣсть называется «Да, или нѣтъ?» и состоитъ изъ четырехъ большихъ главъ: I. Инвалидъ, II. Монахиня, III. Подсудимый, IV. Присяжные. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе.

Двое русскихъ молодыхъ дворянъ на пути изъ Дижона въ Парижъ случайно знакомятся съ несчастнымъ инвалидомъ-сержантомъ, который потерялъ свою ногу подъ Можайскомъ, а теперь подвергается опасности потерять единственнаго сына, который сидитъ въ тюрьмѣ въ Парижѣ по обвиненію въ похищеніи благородной дѣвушки и въ покушеніи на убійство. Сынъ его Іосифъ Дюгазонъ родился во время итальянскаго похода въ Генуѣ и такъ какъ при самомъ рожденіи потерялъ мать, то былъ взятъ на воспитаніе маркизомъ Сторіани, который изъ расчета женился на дочери французскаго комиссара Дюгамеля, Аделаидѣ. У маркиза была пріемная дочь Клара, подруга дѣтскихъ игръ Іосифа. Аделаида возненавидѣла Клару и побудила мужа отдать ее на воспитаніе въ монастырь; тогда и сержантъ взялъ своего сына отъ маркиза и помѣстилъ его въ одинъ изъ парижскихъ лицеевъ, гдѣ тотъ блистательно кончилъ курсъ, поступилъ въ военную службу и скоро дослужился до поручика. Лѣтомъ Іосифъ отправляется въ отпускъ въ Геную, чтобы возобновить впечатлѣнія дѣтства; тамъ онъ встрѣчается съ Кларой, которая теперь живетъ у маркиза Сторіани, и молодые люди влюбляются другъ въ друга. Но маркизъ желаетъ выдать Клару за молодого русскаго дворянина Левендорфа, который дерется на шпагахъ съ Іосифомъ и тяжело ранитъ его. Оправившись отъ раны,

---

[1]) Письма его къ Шевыреву въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Іосифъ проситъ у маркиза руки Клары, получаетъ отказъ, тайно вѣнчается съ нею, и они бѣгутъ во Францію. Маркизъ посылаетъ Кларѣ въ письмѣ отцовское проклятіе, а Левендорфъ нагоняетъ бѣглецовъ и вторично дерется съ Іосифомъ, причемъ едва не погибаетъ отъ руки его: въ рѣшительную минуту, когда онъ лежитъ на землѣ, и шпага противника у его груди, его спасаетъ появленіе какой-то католической монахини. Іосифъ и Клара ѣдутъ въ Парижъ; но тамъ Іосифа настигаетъ вышеупомянутое обвиненіе Левендорфа, который думаетъ, что во второй дуэли Іосифъ велъ себя нечестно.

Въ заключеніе оказывается, что одинъ изъ русскихъ дворянъ, слушавшихъ этотъ разсказъ инвалида, и есть самъ Левендорфъ, а другой его пріятель—Сленскій.

Вторая глава переноситъ насъ въ Парижъ, куда Левендорфъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Сленскимъ, чтобы участвовать въ процессѣ Іосифа. Католическая монахиня, оказавшаяся матерью Левендорфа, живетъ вмѣстѣ съ несчастною Кларой (которую проклятіе отца и опасное положеніе мужа довели до галлюцинацій) и съ Мартиномъ, 14-лѣтнимъ внукомъ инвалида отъ умершей его дочери, который всячески помогаетъ заключенному дядѣ. Левендорфъ попадаетъ въ ихъ квартиру и узнаетъ отъ матери, что Клара его единоутробная сестра. Онъ раскаивается въ своемъ обвиненіи, но уже не можетъ остановить хода правосудія. Тогда у Мартина является идея дать возможность дядѣ бѣжать изъ тюрьмы, обмѣнявшись съ нимъ платьемъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній планъ этотъ принятъ женой и друзьями Іосифа.

Третья глава переноситъ насъ въ тюрьму Іосифа[1]). Въ стилѣ раннихъ романовъ Гюго изображается его печальное душевное состояніе—онъ ожидаетъ по малой мѣрѣ 20-лѣтнихъ галеръ, и разсказывается, какъ его напрасно уговариваетъ бѣжать одинъ изъ тюремныхъ барашковъ (mouton, тюремный шпіонъ), какъ приходятъ къ нему Мартинъ и Клара съ подобнымъ же предложеніемъ, и какъ онъ, подъ вліяніемъ извѣстія о беременности жены и ужаснаго вида галерныхъ невольниковъ, проходившихъ подъ окномъ тюрьмы, послѣ тяжелой борьбы, бѣжитъ въ одеждѣ Мартина. Вмѣстѣ съ монахинею и Кларою Іосифъ ѣдетъ въ каретѣ къ Руану; но въ Понтуазѣ при перемѣнѣ лошадей онъ неосторожно показалъ

---

[1]) Тюрьма эта ничѣмъ не напоминаетъ временъ средневѣковаго варварства: «Свѣтлыя комнаты, покойныя галлереи, обширный дворъ, гдѣ прогуливаются арестанты, теперь дѣлаютъ уже неприличнымъ русское слово: темница, которое и у насъ начинаетъ терять свое значеніе. Просвѣщенная филантропія нашего вѣка отвергаетъ средства, унижающія человѣчество, не исправляя его; она замѣняетъ ихъ мѣрами менѣе строгими, и при томъ болѣе справедливыми и дѣйствительными, ибо отличаетъ обвиняемыхъ отъ осужденныхъ, и распредѣляетъ тѣхъ и другихъ не только по родамъ ихъ преступленій, но также и по степени ихъ нравственнаго достоинства» (стр. 130). У Іосифа—чистая и свѣтлая комната съ опрятною постелью, небольшимъ зеркаломъ и пр.

лицо свое изъ кареты, былъ узнанъ и названъ по фамиліи однимъ изъ своихъ бывшихъ солдатъ, арестованъ переодѣтымъ полицейскимъ и возвращенъ въ Парижъ въ самый день суда.

Но все это, какъ говорится, только «присказка»; «сказка» же заключается въ самой обширной главѣ—четвертой, цѣль которой ознакомить читателей, уже заинтересованныхъ сложною интригой, съ публичнымъ судомъ присяжныхъ и познакомить съ нимъ съ самой симпатичной его стороны. Дѣло не въ томъ только, что Іосифъ, несмотря на хитросплетенное лживое показаніе барапка, несмотря на попытку бѣжать изъ тюрьмы, несмотря на то, что единственная прямая свидѣтельница въ его пользу (показанія полковника и товарищей, что онъ былъ очень хорошій человѣкъ и офицеръ, въ сущности ничего не доказываютъ) монахиня, мать Левендорфа, на вопросъ президента, по собственному ли побужденію подсудимый отнялъ шпагу отъ груди лежащаго подъ его колѣномъ Левендорфа, или вслѣдствіе ея появленія, отвѣчаетъ по совѣсти: я не знаю, несмотря на талантливость и ловкость прокурора, безусловно оправданъ по обоимъ пунктамъ обвиненія; дѣло въ томъ, что вслѣдствіе явнаго сочувствія публики, сразу повѣрившей искренности его показаній и гуломъ одобренія встрѣтившей оправдательный приговоръ, вслѣдствіе того, что судъ присяжныхъ есть судъ общественной совѣсти, и что, согласно его идеѣ, президентъ и коронные судьи сейчасъ же становятся на сторону оправданнаго, Іосифъ Дюгазонъ выходитъ очищеннымъ даже и отъ того самообвиненія, которое онъ взводитъ на себя въ послѣднемъ своемъ словѣ—будто не честь и совѣсть, а желаніе «идти наперекоръ зловѣщему пророчеству» маркиза остановило его руку (стр. 242), и отъ той «печати стыда» бывшаго подсудимаго, которой онъ ожидалъ себѣ, во всякомъ случаѣ, послѣ такого суда общественной совѣсти, и суевѣрная итальянка Клара Дюгазонъ уже не будетъ больше трепетать и безумствовать подъ гнетомъ отцовскаго проклятія (которое, впрочемъ, было снято съ нея самимъ маркизомъ, какъ оказавшееся недѣйствительнымъ).

Весь ходъ суда, начиная съ описанія залы и положенія всѣхъ чиновъ, въ немъ участвующихъ, и включая всѣ формулы запросовъ, распоряженій президента, присяги свидѣтеля и проч. и проч., изложенъ необыкновенно обстоятельно, даже съ многочисленными ссылками на параграфы Code pénal, Code d'instruction criminele, Code civil, болѣе обстоятельно, нежели теперь газеты излагаютъ самые знаменитые процессы. Въ изображеніи пререканій между прокуроромъ и адвокатомъ молодой авторъ, неожиданно для читателей, проявляетъ несомнѣнный драматическій талантъ, а заключительныя рѣчи составлены такъ умно, такъ приспособлены къ двумъ противоположнымъ точкамъ зрѣнія, что невольно напоминаютъ судъ надъ Карамазовымъ; родись Мельгуновъ 40—50-ью годами позднѣе, онъ могъ бы быть не изъ послѣднихъ судебныхъ ораторовъ.

Для насъ съ исторической точки зрѣнія всего любопытнѣе полупрезрительныя, полунегодующія «покиванія» въ сторону нашего суда того времени и глубокая нескрываемая зависть къ тѣмъ народамъ, у которыхъ вмѣсто **бумажнаго** суда — судъ гласный, единый святой и справедливый, по убѣжденію автора. Приведемъ нѣсколько выписокъ. Пока присяжные совѣщаются, другъ Левендорфа Сленскій бесѣдуетъ съ адвокатомъ:

— «Признаюсь вамъ,—говоритъ онъ:—все ваше судопроизводство для меня претемная и пребезтолковая вещь. Растолкуйте, пожалуйста, къ чему эти присяжные. Что за странный способъ рѣшать однимъ словомъ: да или нѣтъ? Ну, посудите сами, можно ли быть краткимъ въ такомъ запутанномъ дѣлѣ? Къ тому же какая польза въ присяжныхъ, когда не они, а судьи подводятъ законы? Напримѣръ, они бы присудили, можетъ быть, оставить его въ подозрѣніи; анъ нѣтъ, подписывай судейское рѣшеніе волей-неволей».

Разумѣется, адвокатъ безъ труда разбиваетъ наивно-варварскія юридическія представленія Сленскаго и разъясняетъ всѣ его недоумѣнія (стр. 249 и слѣд.). Президентъ объявляетъ оправданному окончательный приговоръ такой формы:

— «Іосифъ Дюгазонъ! Вы свободны, возвращены семейству и обществу. Если вы точно знаете за собой проступокъ, несогласный съ правилами чести и долга, то да послужитъ вамъ урокомъ этотъ грозный судъ, передъ которымъ мы предстояли. Но если, напротивъ, вы также невинны передъ совѣстью, какъ невинны передъ закономъ, то успокойтесь: чаша бѣдствій миновалась, и вамъ болѣе страшиться нечего... Благодаря сему величественному сословію (sic) присяжныхъ, которые однимъ словомъ разрушили козни злобы и суевѣрія, вы отнынѣ свободны: идите съ миромъ.

«Всѣ слушали благоговѣйно и въ молчаніи сіи торжественныя слова **мужа правды и долга**. Одинъ лишь доносчикъ, тюремный товарищъ Іосифа, какъ Іуда, стоялъ въ отдаленіи и пасмурно смотрѣлъ на происходившее» (стр. 258).

А вотъ какъ въ заключеніе Мельгуновъ указываетъ на общественно-воспитательное значеніе гласнаго суда:

«Болѣе десяти лѣтъ прошло послѣ этой незабвенной сцены; но она и теперь живо представляется моему воображенію. Дѣйствительно, какой вымыселъ можетъ сравниться съ живою драмою судилища присяжныхъ (я разумѣю не слабую свою копію),—драмою, которая обхватываетъ не одинъ умъ или чувство, но всю душу зрителя, и невольно приковываетъ ее къ своему могущественному интересу. Здѣсь не сила фантазіи,—здѣсь вся сила дѣйствительности, разыгрывающей судьбу человѣка на лицо, живаго» (стр. 259).

Насколько современные читатели поняли и оцѣнили благія намѣренія автора и ихъ пылкое и въ общемъ удачное исполненіе?

Мы имѣемъ немного фактовъ, чтобы судить объ этомъ, но коечто имѣемъ; основные факты, конечно, въ рецензіяхъ.

Въ «Молвѣ», издававшейся при «Телескопѣ» Надеждина (1834 г., т. XX, стр. 182—185), безъименный рецензентъ по поводу книги Мельгунова говоритъ о повѣстяхъ вообще и о сатирическихъ въ частности и затѣмъ прибавляетъ: «Г. Мельгуновъ, благодаря судьбѣ, не слѣдовалъ этому нравственно-сатирическому направленію». Особенно превозноситъ критикъ повѣсть «Да, или нѣтъ?», какъ «живую и вѣрную картину хода французскаго уголовнаго судопроизводства»; по справедливому его замѣчанію, «для насъ, русскихъ, этотъ предметъ новъ и весьма мало извѣстенъ».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ «Молвы» (ibid., стр. 221 и слѣд.), неизвѣстный, подписавшій свою замѣтку (F.), обращается къ издателю съ упрекомъ, что онъ слишкомъ мало сказалъ о замѣчательной книжкѣ Мельгунова; онъ особенно восхищается повѣстью «Да, или нѣтъ?» и не скрываетъ, что ему больше всего нравится идея — восхваленіе суда присяжныхъ. Тамъ, гдѣ есть такой судъ, по его убѣжденію, «никакой умыселъ рока на человѣка чистаго и невиннаго не можетъ устоять противъ внутренняго голоса правосудія». Рѣшеніе присяжныхъ есть «какъ будто приговоръ самого Бога!»

Скептическій и осторожный Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1834, т. III, Лит. лѣтоп., стр. 5) о судѣ присяжныхъ умалчиваетъ, но очень расхваливаетъ повѣсти Мельгунова и, вѣроятно, но безъ ехидства—онъ не могъ не знать, что Мельгуновъ принадлежитъ къ литературной партіи, ему, Барону Брамбеусу, враждебной—замѣчаетъ, что такихъ милыхъ разсказовъ мы давно не читали порусски, исключая «Пиковой дамы» Пушкина (нельзя отвергать непосредственнаго вліянія «Пиковой дамы» на фантастическія повѣсти Мельгунова).

«Московскій Телеграфъ» Полевого, въ то время занятый разработкой теоретическихъ вопросовъ по искусству въ духѣ новѣйшаго романтизма, не обратилъ особаго вниманія на повѣсть «Да, или нѣтъ?», похваливъ Мельгунова за изящество слога и соблюденіе литературныхъ приличій, но отвергнувъ въ его повѣстяхъ «творчество» (ч. 56, стр. 149—150).

Бѣлинскій, именно тогда выступавшій съ «Литературными мечтаніями», уже не имѣлъ случая говорить о повѣстяхъ Мельгунова, но, можетъ быть, за присяжныхъ чрезвычайно горячо расхвалилъ въ 1836 году «Музыкальную лѣтопись» Мельгунова (см. «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя»).

Вторая половина жизни, какъ говорится, «не задалась» Мельгунову [1]). Хотя онъ очень много читалъ и учился и постоянно писалъ для печати то статьи и корреспонденціи, то повѣсти (въ «Мо-

[1]) Почему это такъ случилось, я надѣюсь объяснить въ небольшой монографіи о Мельгуновѣ, которую готовлю къ печати.

сковскомъ Наблюдателѣ», «Москвитянинѣ», «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Нашемъ Времени», не считая нѣмецкихъ газетъ, гдѣ онъ появлялся при случаѣ) [1]), и его произведенія обыкновенно нравились и редакціямъ и публикѣ, такъ какъ были хорошо обработаны и проводили прогрессивныя идеи, онъ не пріобрѣлъ того, что называется «литературнымъ именемъ». Хотя Мельгуновъ былъ человѣкъ съ твердыми убѣжденіями и самостоятельнымъ міровоззрѣніемъ — онъ былъ связующимъ звеномъ и до нѣкоторой степени посредникомъ между московскими славянофилами и западниками, — онъ не только не образовалъ себѣ школы, но едва ли имѣлъ хоть одного послѣдователя. Мельгуновъ никогда не жилъ слишкомъ роскошно и все же сумѣлъ разориться и временами бывалъ въ ужаснѣйшихъ денежныхъ «тискахъ», особенно за границею, гдѣ онъ проживалъ цѣлыми годами, главнымъ образомъ, ради лѣченья.

Въ такихъ случаяхъ Мельгуновъ бомбардировалъ письмами и телеграммами своихъ пріятелей и редакторовъ (особенно доставалось А. А. Краевскому), при чемъ послѣднимъ онъ называлъ свои работы, почти оконченныя и предназначенныя для ихъ изданій.

Въ такихъ «тискахъ» оказался онъ, между прочимъ, проживая въ Гамбургѣ, въ началѣ 1859 года, когда у насъ на Руси если не «о камерахъ», то о «присяжныхъ» открыто заговорили самые солидные и чиновные люди. Тогда Мельгуновъ вспомнилъ о своей повѣсти «Да, или нѣтъ?» и телеграфировалъ Краевскому: Vendez roman cour assises [2]).

Но за четверть столѣтія у насъ много воды утекло: что въ 1834 году надѣлало шуму и могло казаться верхомъ новизны и смѣлости, то въ 1859 году имѣло такой устарѣлый видъ, что и самъ искусный въ дѣлахъ Краевскій, искренно желавшій оказать помощь Мельгунову и, дѣйствительно, помогшій ему... деньгами А. Веневитинова, очевидно, не могъ найти приличнаго издателя для повѣсти Мельгунова. Вѣдь не къ Манухину же съ Леухинымъ было ему обращаться?

---

[1]) Въ русскихъ журналахъ онъ рѣдко подписывался фамиліей, а чаще Н. Ливонскій, Л—скій, Л., Н. Л. и проч.

[2]) Вотъ полный текстъ его телеграммы съ дополненіями, сдѣланными въ письмѣ отъ 13 (25) февраля: «Je partais (dans un lieu de sûreté dans le but d') achever pour vous observations pour Paris (Замѣтки о Парижѣ), Ame timide (Сирая душа), Favorit (послѣдніе два—почти оконченные романы); mais(l')hôtelier (de) Hombourg veut être immédiatement payé. Si non, prison pour très longtemps. Vous, Venevitinoff, Odoyevski etc. sauvez moi, envoyez télégraphiquent 1350 florins au prêtre russe Mathveyevski (à) Wiesbaden. Mandez immediatement (la) même chose (à) Pavloff. Cotisez vous. Vendez (нельзя ли вашему фениксу коммиссіонеру?) (la 2-de edition de mon) roman cour (d') assises. Melgounoff. (Публичная библіотека, бумаги кн. Одоевскаго, XVII, 14).

Такъ осталась въ пыли библіотекъ первая (сколько знаемъ) русская повѣсть съ развязкой на судѣ присяжныхъ, осталась на память и въ поученіе потомкамъ, изъ которыхъ иные (къ счастію, немногіе и невліятельные) и черезъ 60 лѣтъ стоятъ на той же ступени юридическаго развитія, на какой стоялъ Сленскій до разговора съ адвокатомъ.

А. Кирпичниковъ.

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ НЕРЧИНСКИХЪ РУДНИКАХЪ.

Ъ ІЮЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1891 годъ, въ отдѣлѣ «Изъ прошлаго», г. Е. П. сообщены весьма интересныя выписки изъ подлиннаго дѣла о пребываніи декабристовъ въ Нерчинскихъ рудникахъ. Имѣя нѣсколько копій съ подлинныхъ бумагъ, извлеченныхъ, какъ оказывается, изъ того же самаго дѣла, считаю небезынтереснымъ сообщить ихъ въ томъ же историческомъ журналѣ дословно.

Всѣ подлинныя бумаги, насколько помнится, писаны на толстой синей и сѣрой бумагѣ разнаго формата, и почти каждая имѣетъ сверху надпись «секретно».

П. Труневъ.

Верхнеудинскъ.
№ 396 по: 28 ч. августа 1826.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

По приговору верховнаго уголовнаго суда и по высочайшему повелѣнію отправлены въ здѣшніе Нерчинскіе заводы въ каторжную работу восемь преступниковъ, и именно: Сергѣй Трубецкой, Евгеній Оболенскій, Артамонъ Муравьевъ, Василій Давыдовъ, Якубовичъ, Сергѣй Волконской, Борисовъ 1-й и Борисовъ 2-й, коихъ и велѣно употреблять въ работы и поступать съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ положенію.

Всѣ сіи преступники, для ближайшаго за ними надзора, какъ со стороны здѣшняго начальства, такъ и отъ опредѣленнаго къ тому

со стороны г. иркутскаго гражданскаго губернатора особеннаго чиновника, верхнеудинскаго квартальнаго надзирателя Козлова, съ однимъ урядникомъ, по присылкѣ оныхъ сюда будутъ отправлены на Благодатской рудникъ.

Для размѣщенія тѣхъ преступниковъ на жительство при томъ рудникѣ предписываю вашему благородію немедленно отправиться на оный и приготовить для четверыхъ особыя мѣста въ казармѣ, а для другихъ четверыхъ человѣкъ, порознь для каждаго, пріискать частныя квартиры, сколько можно у надежныхъ хозяевъ, куда по приводѣ сихъ преступниковъ и размѣстить вмѣстѣ съ приставомъ рудника и назначеннымъ къ присмотру за оными особеннымъ со стороны г. иркутскаго гражданскаго губернатора чиновникомъ, описавъ лично у каждаго изъ нихъ ростъ, примѣты, годы; также платье, вещи, бѣлье и прочее въ самой подробности и таковую опись представить ко мнѣ.

Прилагая при семъ копію съ приготовленнаго мною по сему случаю наставленія приставу Благодатскаго рудника, поручаю вмѣстѣ съ тѣмъ и вамъ имѣть по всѣмъ означеннымъ въ оной статьямъ строжайшее наблюденіе.

Т. Бурнашевъ.

28 августа 1826 года.
Заводъ Нерчинскій.

Секретно.

Наставленіе

приставу Благодатскаго рудника г. шихтмейстеру Котлевскому.

По приговору верховнаго уголовнаго суда и по высочайшему повелѣнію отправлены въ здѣшніе Нерчинскіе заводы въ каторжную работу восемь преступниковъ, и именно: Сергѣй Трубецкой, Евгеній Оболенскій, Артамонъ Муравьевъ, Василій Давыдовъ, Якубовичъ, Сергѣй Волконскій, Борисовъ 1-й и Борисовъ 2-й, каковыхъ и велѣно употреблять въ работы и поступать съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ положенію.

Всѣ сіи преступники для ближайшаго за ними надзора какъ со стороны здѣшняго начальства, такъ и отъ опредѣленнаго къ тому со стороны г. иркутскаго гражданскаго губернатора особеннаго чиновника, Верхеудинскаго квартальнаго надзирателя Козлова, съ однимъ урядникомъ, по присылкѣ оныхъ сюда будутъ отправлены на Благодатскій рудникъ.

На каковой конецъ для сдѣланія распоряженій о помѣщеніи на первой случай четверыхъ изъ нихъ въ казармахъ, а четверыхъ на частныя квартиры къ надежнымъ хозяевамъ и за надлежащимъ надзоромъ, дано мною отъ сего же числа предписаніе главноуправляющему рудниками г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцову.

Вамъ же по приводѣ сихъ преступниковъ на Благодатскій рудникъ предписываю:

1) Къ помѣщеннымъ въ казармы опредѣлить двухъ, а къ помѣщеннымъ на квартиры къ каждому по одному надежному рядовому, кои и должны наблюдать строжайшимъ образомъ за ихъ поведеніемъ, не допущать ихъ къ свиданію между собою и проч.

2) Употреблять ихъ въ настоящія горныя работы въ двѣ смѣны по четыре человѣка, размѣщая оныхъ по разнымъ выработкамъ такъ, чтобы они не имѣли между собою свиданія, ставя въ работу каждаго изъ нихъ съ надежнымъ человѣкомъ, коему и отдавать его на руки. При производствѣ работъ самимъ вамъ лично и чрезъ опредѣленныхъ къ надзору штейгеровъ, смотрителей и другихъ людей, имѣть неусыпное наблюденіе, чтобы они не имѣли никакихъ связей съ обращающимися въ тѣхъ же работахъ преступниками, чтобы не могли получать чрезъ нихъ или чрезъ кого либо крѣпкихъ напитковъ, писемъ, записокъ, или денежнаго пособія; смотрѣть строго, чтобы они вели себя скромно, были послушны поставленнымъ надъ ними надзирателямъ и не отклонялись бы отъ работъ подъ предлогомъ болѣзней.

3) Для отводу къ работамъ не вызывать ихъ на общую раскомандировку, а по наступленіи смѣны посылать надежнаго унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ, которые по надлежащемъ обыскѣ со стороны г. Козлова должны ихъ принять и доставить въ рудникъ; при выходѣ же ихъ изъ горы осматривать, въ присутствіи вашемъ, не имѣютъ ли они при себѣ какихъ либо бумагъ, денегъ или чего либо вредоноснаго, и есть ли что окажется, отбирать и немедленно мнѣ доложить, а послѣ того обращать ихъ опять чрезъ того же унтеръ-офицера и рядовыхъ на квартиру или въ казарму и сдавать г. Козлову. При производствѣ же работъ, имѣть въ приличныхъ пунктахъ, сверхъ внутренняго за ними наблюденія, чтобъ не могли они сходиться между собою или съ другими преступниками, пристойный караулъ. На каковой случай и воинская команда при Благодатскомъ рудникѣ будетъ увеличена.

4) О каждомъ изъ таковыхъ преступниковъ вести особенныя секретныя дневныя записки, замѣчая въ оныхъ со всею подробностію, какимъ образомъ онъ производилъ работу, что говорилъ при производствѣ оной, не было ли въ словахъ его чего либо противнаго, какой показывалъ характеръ, былъ ли послушенъ къ поставленнымъ надъ нимъ властямъ, и каково состояніе его здоровья. Таковыя записки представлять ко мнѣ еженедѣльно, а ежели случится что либо особенное, то доложить немедленно.

5. Преступниковъ сихъ не только не увольнять никуда въ селенія и въ заводы и рудники, но и не позволять имъ отлучаться изъ жительства Благодатскаго рудника и изъ своихъ квартиръ на другія, словомъ никуда, кромѣ работы, наблюдая строжайше, чтобы

они между собою не имѣли свиданій, не заводили бы у себя сборищъ и во всѣхъ случаяхъ вамъ имѣть за ними лично и чрезъ приставленныхъ къ нимъ рядовыхъ и на квартирахъ то же самое смотрѣніе, какъ сказано при производствѣ горныхъ работъ, хотя таковое и возложено главнѣйше на г. Козлова, и во всемъ, до того относящемся, содѣйствовать ему г. Козлову всѣми мѣрами и

6. Подтвердить имъ и смотрѣть строжайше, чтобы они ни съ кѣмъ не имѣли разговоровъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ россійскаго.

Подлинное подписалъ начальникъ заводовъ Т. Бурнашевъ.
Съ подлиннымъ вѣрно: Т. Бурнашевъ.

№ 87.
28 августа 1826 года.
Заводъ Нерчинскій.

№ 491. По: 16-е ч. октября, 1826.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Сейчасъ получилъ я чрезъ нарочнаго отношеніе отъ г. иркутскаго гражданскаго губернатора отъ 4 сего октября, которымъ увѣдомляетъ, что государственные преступники: Трубецкой, Волконскій, Оболенскій, Муравьевъ, Давыдовъ, Борисовъ 1-й, Борисовъ 2-й и Якубовичъ, сосланные въ каторжную работу въ здѣшніе заводы, помѣщены были на заводахъ Иркутской губерніи несоотвѣтственно ихъ назначенію, и что онъ, г. губернаторъ, исполняя высочайшую волю, отправилъ ихъ сюда при двухъ казачьихъ офицерахъ и приличномъ конвоѣ, которые и должны прибыть сюда вскорѣ; почему и проситъ меня, согласно сдѣланному мною до сего распоряженію, помѣстить ихъ на Благодатскомъ рудникѣ, употребляя ихъ соразмѣрно силамъ въ работы, имѣя надзоръ, какъ прежде сего распоряжено было, и доставляя ему, г. губернатору, извѣстіе объ нихъ чрезъ каждыя двѣ недѣли, для донесенія государю императору. Для присмотра же за ними командированъ верхнеудинскій квартальный надзиратель 12 класса Козловъ.

Вслѣдствіе сего и предписываю вашему благородію немедленно приготовить для нихъ на Благодатскомъ рудникѣ помѣщеніе и вообще въ содержаніи ихъ, употребленіи въ работы соразмѣрно ихъ силамъ, наблюденіи за ними и въ прочемъ поступать на точномъ основаніи предписанія моего отъ 28 августа сего года и наставленія приставу Благодатскаго рудника, препровожденнаго къ вамъ въ спискѣ.

Т. Бурнашевъ.

15 октября 1826 года.
Заводъ Нерчинскій.
№ 499 по: 18 ч. октября, 1826 г.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Сейчасъ предписано отъ меня управителю Уровской волости, шихтмейстеру Макарову, чтобъ извѣстныхъ вамъ государственныхъ преступниковъ, слѣдующихъ въ здѣшніе заводы для употребленія въ каторжныя работы, съ конвоемъ, при нихъ находящимся, прямо на Благодатской рудникъ, не завозя ихъ въ здѣшній заводъ, съ тѣмъ, чтобъ слѣдующіе съ ними чиновники, по сдачѣ ихъ, явились сюда вмѣстѣ съ воинскимъ отрядомъ, о чемъ и даю вамъ знать.

Т. Бурнашевъ.

17 октября 1826 года.
Заводъ Нерчинскій.
№ 514 по: 25 ч. октября, 1826 г.

Секретно.

Главно-управляющему рудниками и кавалеру
шихтмейстера Макарова.

Его высокородіе господинъ начальникъ Нерчинскихъ заводовъ и разныхъ орденовъ кавалеръ отъ 17-го числа октября за № 48 предписать мнѣ изволилъ слѣдующихъ въ Нерчинскіе заводы восьми человѣкъ государственныхъ преступниковъ по доставкѣ на станцію Зерентуйскую препроводить мнѣ ихъ прямо на Благодатской рудникъ, не завозя въ Нерчинскій заводъ, и объ ономъ дать знать чрезъ нарочнаго вашему благородію. А какъ тѣ преступники въ станцію Зерентуйскую привезены сейчасъ, о чемъ вашего благородія честь имѣю увѣдомить.

Шихтмейстеръ Макаровъ.

Октября 25-го дня 1826 года.
№ 826.
№ 507 по: 23 ч. октября 1826.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцову.

Получивъ съ нынѣшнею почтою, при отношеніи г. иркутскаго гражданскаго губернатора примѣты сосланныхъ въ здѣшніе заводы въ каторжную работу преступниковъ: Трубецкаго, Оболенскаго, Волконскаго, Давыдова, Якубовича, Муравьева, Борисова 1-го и Борисова 2-го, и прилагая при семъ списокъ съ оныхъ, предписываю описанія примѣтъ ихъ, по повелѣнію моему отъ 28-го минувшаго августа, по привозѣ ихъ на Благодатской рудникъ уже не дѣлать, а напротивъ свѣрить только съ симъ описаніемъ при пріемѣ оныхъ.

Т. Бурнашевъ.

23 октября 1826 года.
Заводъ Нерчинскій.

Секретно.

Описаніе примѣтъ государственныхъ преступниковъ.

1) Сергѣй Трубецкой, 36 лѣтъ, 2 аршина 11¼ вершковъ, лицемъ чистъ, глаза каріе, носъ большой, длинной, горбоватой, волосы на головѣ и бородѣ темнорусые, усы брѣетъ, подбородокъ острой, сухощавъ, таліи стройной, на правой ляшкѣ выше колѣна имѣетъ рану отъ ядра.

2) Сергѣй Волконской, 38 лѣтъ, 2 аршина 8¼ вершковъ, лицемъ чистъ, глаза сѣрые, лице и носъ продолговатые, волосы на головѣ и бровяхъ темнорусые, на бородѣ свѣтлые, имѣетъ усы, корпусу средняго, на правой ногѣ, на берцѣ, имѣетъ рану отъ пули, зубы носитъ накладные при одномъ натуральномъ переднемъ верхнемъ зубѣ.

3) Артамонъ Муравьевъ, 33 лѣтъ, лицемъ бѣлъ, полнолицъ, глаза каріе, носъ средній, острой, волосы на головѣ черные съ сѣдинами, на бородѣ темнорусые, бороду и усы брѣетъ, корпусомъ дороденъ, имѣетъ небольшую рану на лѣвой ногѣ ниже берца, на правой рукѣ проколото порохомъ Ueva, что означаетъ имя жены его.

4) Василій Давыдовъ, 34 лѣтъ, 2 аршина 5¾ вершковъ, лицемъ чистъ, глаза свѣтло-русые, носъ большой, волосы на головѣ черные, на бородѣ темнорусые, имѣетъ усы, на обѣихъ ногахъ имѣетъ раны отъ штыковъ, повыше лѣвой груди имѣетъ рану отъ пики, позади лѣваго плеча имѣетъ рану отъ пики, на правой рукѣ на большомъ и между указательными и средними пальцами имѣетъ два шрама отъ сабли, собою ныркистъ.

5) Александръ Якубовичъ, 29 лѣтъ, 2 аршина 10 вершковъ, лицемъ смуглъ, глаза каріе, большіе, волосы на головѣ, бровяхъ и бородѣ черные, бороду брѣетъ, на лбу повыше правой брови имѣетъ рану отъ пули, съ поврежденіемъ кости, на правой рукѣ безъименной палецъ и мизинецъ не сгибаются, на правой рукѣ ниже плеча имѣетъ рану отъ пули навылетъ въ спину повыше лопатки, на лѣвой ногѣ, въ пахѣ, имѣетъ рану отъ пули навылетъ, съ поврежденіемъ кости, сухощавъ, плечистъ.

6) Евгеній Оболенскій, 29-ти лѣтъ, 2 аршина 7½ вершковъ, лицемъ бѣлъ, волосы на головѣ, бородѣ и бровяхъ свѣтлорусые, на лѣвой щекѣ имѣетъ бородавку, на правой ногѣ на берцовой кости знакъ прежде бывшей раны, говоритъ-щепеляетъ, корпусу средняго.

7) Борисовъ 1-й, 27-ти лѣтъ, 2 аршина 6¼ вершковъ, лице бѣлое, продолговатое, носъ средній, глаза сѣрые, злизоватъ, волосы на головѣ и бородѣ темнорусые, бороду брѣетъ, сухощавъ.

8) Борисовъ 2-й, 25 лѣтъ, 2 аршина 6½ вершковъ, лицемъ бѣлъ, глаза каріе, немного рябъ, волосы на головѣ и бородѣ имѣетъ темнорусые, на лѣвомъ глазѣ небольшое бѣльмо, на лѣвой рукѣ имѣетъ

наколотыя порохомъ литеры М. В., означающія имя бывшей невѣсты его, дѣвицы Мальвины Бродовичевой, такъ же стрѣлку, якорь и косу; сухощавъ.

Подлинное подписалъ гражданскій губернаторъ И. Цейдлеръ.

№ 519 по: 31 октября 1826.

Секретно.

Господину главноуправляющему рудниками и кавалеру бергъ-гешворена Котлевскаго

рапортъ.

Въ исполненіе предписанія вашего благородія отъ 29 сего октября за № 275, письма государственныхъ преступниковъ Трубецкого, Волконскаго, Муравьева, Давыдова, Оболенскаго и Якубовича, написанныя къ ихъ роднымъ и отобранныя отъ каждаго изъ нихъ, и таковыхъ же преступниковъ Борисова 1-го и Борисова 2-го прописи на всѣхъ знаемыхъ ими языкахъ для сличенія сихъ писемъ, присемъ вашему благородію представить честь имѣю. Бергъ-гешворенъ Котлевскій. Октября 30 числа 1826 года.

Секретно.

Господину начальнику Нерчинскихъ заводовъ и кавалеру главно управляющаго рудниками маркшейдера Черниговцева

рапортъ.

Вчерашняго числа доставлены на Благодатскій рудникъ гг. хорунжими Чаусовымъ и Бронниковымъ государственные преступники: Сергѣй Трубецкой, Сергѣй Волконской, Артамонъ Муравьевъ, Василій Давыдовъ, Александръ Якубовичъ, Евгеній Оболенской, Петръ Борисовъ 1-й и Андрей Борисовъ 2-й, которые съ имѣемыми у нихъ и собственно имъ принадлежащими разными вещами, мною вообще съ приставомъ Благодатскаго рудника бергъ-гешвореномъ Котлевскимъ и квартальнымъ надзирателемъ 12 класса Козловымъ отъ препровождавшихъ гг. Чаусова и Бронникова приняты сохранно. О чемъ вашему высокородію донесть честь имѣю и притомъ дополняю: 1-е. Всѣ означенные восемь человѣкъ преступниковъ размѣщены по принадлежности на Благодатскомъ рудникѣ и въ списки на постановленномъ порядкѣ зачислены быть имѣютъ. 2-е. Какія имѣются у нихъ и собственно имъ принадлежать одежныя и прочія вещи, прилагается при семъ особая выписка, въ коей обозначено, какія изъ тѣхъ вещей оставлены при нихъ и какія отобраны на сохраненіе до резолюціи вашего высокородія. 3-е Въ числѣ сихъ вещей имѣются и двѣ казенныя нагольныя шубы, которыя также остаются въ храненіи. 4-е. Ящикъ съ медикаментами и прочими вещами, принадлежащими къ дорожной аптечкѣ, который теперь также оста-

вленъ въ храненіи, преступники объявляютъ, что оный принадлежитъ иркутскому доктору, данъ имъ на время и съ тѣмъ, чтобъ оный переслать обратно. 5-е. Всѣ изъ вышеозначенныхъ преступниковъ ремесла никакого за собою не имѣютъ; кромѣ россійскаго языка и прочихъ наукъ, входящихъ въ курсъ благороднаго воспитанія, нѣкоторые знаютъ иностранные языки, на каковыхъ написаны ими самими за подпискою прописи, которыя съ засвидѣтельствомъ моимъ при семъ также представляются.

№ 278.
Октября 26-го дня 1826 года.

Замѣтка. Препровождали преступниковъ г.г. хорунжіе: 1-й партіи—Чаусовъ: Волконскаго, Трубецкаго, Оболенскаго и Якубовича, 2-й партіи—Бронниковъ: Давыдова, Муравьева, Борисова 1-го и Борисова 2-го.

№ 563. По: 16-о ноября 1826 года.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Изъ представленныхъ отъ васъ нынѣ трехъ писемъ государственнаго преступника Трубецкого къ его женѣ, повидимому, въ Иркутскѣ находящейся, усмотрѣлъ я, во-первыхъ, что онъ, Трубецкой, получивъ отъ меня на то дозволеніе, вмѣсто ограниченной началъ столь обширную и частую корреспонденцію: ибо первое его письмо значится отъ 31-го октября, второе отъ 5, а третье отъ 12-го сего ноября; и, во-вторыхъ, что во всѣхъ тѣхъ письмахъ между прочимъ помѣщены совсѣмъ неприличныя матеріи, напримѣръ:

1) Въ сравнительномъ видѣ содержаніе ихъ въ Николаевскомъ заводѣ съ здѣшнимъ и съ охужденіемъ законныхъ правительственныхъ мѣръ, забывъ, что они по столь тяжкому преступленію совсѣмъ не заслуживали бы такого снисхожденія, какое и нынѣ имъ оказывается по употребленію въ работахъ и проч., въ томъ единственно предположеніи, что они скромнымъ поведеніемъ и покорностію все то оправдаютъ и докажутъ самымъ дѣломъ истинное свое раскаяніе о столь преступномъ и тяжкомъ заблужденіи противъ закона и совѣсти.

2) Что отъ нихъ взяты вещи, книги, ножи, карандаши и прочее, нѣкоторыя—какъ излишнія на теперешній разъ по ихъ употребленію, а другія—какъ неприличныя по ихъ состоянію, а за всѣмъ тѣмъ, чтобъ онѣ, оставаясь у нихъ, не могли бы быть кѣмъ еще и покрадены; однакожъ всякая вещь есть ихъ собственность, а потому никакая изъ нихъ и даже и самомалѣйшая, кромѣ самихъ ихъ, никуда не будетъ утрачена. По сему самому и не слѣдовало ему, Трубецкому, и писать о томъ въ превратномъ видѣ. Кромѣ того, въ

оныхъ письмахъ еще есть довольно словъ, обнаруживающихъ неспокойной духъ его, Трубецкого. Для чего, обращая всѣ ихъ, предписываю вамъ лично о семъ вышеизъясненномъ объявить ему, Трубецкому, при приставахъ г.г. Козловѣ и Котлевскомъ, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ впредь не осмѣливался помѣщать въ своихъ письмахъ къ женѣ ничего неприличнаго, вѣдая, что и при малѣйшей его какой либо въ томъ нескромности, совсѣмъ не будетъ и дозволена ему таковая переписка.

Послѣ чего, показавъ ему всѣ тѣ письма, представить ко мнѣ при рапортѣ. А за всѣмъ тѣмъ ему дополнить въ приказаніи, чтобъ таковыя письма были отъ него писаны и не съ каждою почтою, а по временамъ, напримѣръ, чрезъ недѣлю или и болѣе, дабы не могло тѣмъ излишне обременяться начальство.

Т. Бурнашевъ.

15-го ноября 1826 года.
Заводъ Нерчинской.

(При этомъ собственноручная записка Бурнашева къ Черниговцеву).

Петръ Михайловичъ!

Между прочимъ я слышалъ, будто бы въ Благодатскомъ Трубецкой и Волконской выходятъ съ квартиры по улицамъ—и въ тонѣ небезважномъ. Почему и постарайтесь узнать о томъ, и если окажется справедливо, то строго воспретите то дѣлать, поставя на видъ Козлову и Котлевскому, что они за таковое послабленіе будутъ отвѣтствовать.

При объявленіи-жъ слѣдуемаго съ симъ вмѣстѣ повелѣнія тѣмъ преступникамъ внушить на словахъ обстоятельнѣе, что они должны писать отнюдь безъ излишества, дабы не лишиться сей милости, и чтобъ въ противномъ случаѣ не было съ ними поступлено, какъ съ людьми, впавшими въ столь тяжкое преступленіе и не раскаивающимися. Если же будутъ отъ нихъ письма, то представлять ко мнѣ не позже, какъ въ пятницу.

14-го ноября.

Т. Бурнашевъ.

№ 4629. По: 17 ч. ноября 1826 г.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ нерчинской горной экспедиціи нерчинской горной конторѣ.

На сообщеніе иркутскаго губернскаго правленія, въ коемъ прописываетъ, что г. иркутскій гражданскій губернаторъ въ предложеніи отъ 29-го сентября пишетъ, что государю императору благоугодно знать въ возможной подробности положеніе и домашнія обстоятельства ближайшихъ родныхъ всѣхъ тѣхъ преступниковъ,

кои преданы были верховному уголовному суду и по приговорамъ онаго осуждены. Вслѣдствіе чего его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы отобраны были надлежащія по сему справки. Въ исполненіе таковой монаршей воли предлагали губернскому правленію сдѣлать распоряженіе о немедленномъ собраніи по губерніи свѣдѣній: не имѣется ли у кого изъ поименованныхъ въ прилагаемомъ при томъ спискѣ ближайшихъ родныхъ, вслѣдствіе того губернское правленіе требуетъ о выполненіи всего того, что въ вышеизложенномъ высочайшемъ повелѣніи заключается, и о послѣдующемъ со всею подробностію и сколько можно поспѣшнѣе увѣдомить губернское правленіе,—въ горной экспедиціи приказали: изъ приложеннаго при сообщеніи иркутскаго губернскаго правленія о государственныхъ преступникахъ списка о тѣхъ восьми человѣкахъ, кои находятся въ вѣдѣніи заводскомъ при горной конторѣ, послать въ оную при указѣ списокъ же съ тѣмъ, чтобы отъ самихъ тѣхъ преступниковъ отобрать требуемое о ближайшихъ ихъ родныхъ свѣдѣніе, доставить въ экспедицію немедленно. Ноября 13-го дня 1826 года.

Списокъ о государственныхъ преступникахъ: Сергѣй Трубецкой, Сергѣй Волконскій, Артамонъ Муравьевъ, Василій Давыдовъ, Александръ Якубовичь, Евгеній Оболенскій, Борисовъ 1-й, Борисовъ 2-й. Подписали: Константинъ Рикъ. Секретарь Павлуцкій. Регистраторъ П. Аргуновъ.

№ 560. По: 19 ч. ноября 1826 года.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Г. иркутскій гражданскій губернаторъ, отношеніемъ своимъ отъ ноября № 164, полученнымъ мною съ нарочнымъ сего же числа, въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, просилъ по полученіи сего тотчасъ осужденнаго верховнымъ уголовнымъ судомъ и находящагося въ работахъ преступника Давыдова, вызвавъ изъ мѣстопребыванія, отправить безъ всякой огласки въ Верхнеудинскъ, снабдивъ его въ дорогу теплой одеждой.

Почему предписываю вашему благородію, по полученіи сего, тотчасъ отправить на Благодатской рудникъ одного офицера съ надежнымъ рядовымъ, съ такимъ наставленіемъ, чтобы онъ, по прибытіи туда, отдалъ прилагаемый при семъ конвертъ г. Козлову и вмѣстѣ съ нимъ вызвалъ преступника Давыдова, какъ бы для нѣкотораго дѣла въ горную контору, позволивъ ему взять для того теплую его одежду, офицеръ же, посланный вами, долженъ доставить его немедленно къ вамъ; по привозѣ же его сдать подъ росписку сему нарочно посланному чиновнику, какъ его Давыдова, такъ и всѣ хранящіяся у васъ при горной конторѣ принадлежащія ему вещи и деньги, и потомъ тотчасъ на сихъ же лошадяхъ отпра-

вить ихъ ко мнѣ въ Нерчинской заводъ, съ придачею вооруженнаго унтеръ-офицера, отнюдь не заѣзжая на Благодатской рудникъ; тѣ же вещи, кои у него останутся въ казармѣ, послѣ его отправки, взять въ храненіе.

Т. Бурнашевъ.

19-го ноября 1826 года.
Заводъ Нерчинской.

Собственноручная приписка Бурнашева на отдѣльномъ клочкѣ бумаги:

Петръ Михайловичъ!

А чтобъ и изъ-за отданнаго отъ васъ приказанія кучеру и унтеръ-офицеру не заѣхали они на Благодатской, то послать ихъ проводить за благодатскія разстани. По взятіи-жъ Давыдова, слѣдственно и по отдачѣ Козлову куверта, велѣть сказать посланному офицеру, что онъ, Козловъ, можетъ съ ними же къ вамъ явиться. Впрочемъ, что тотъ посланный пробылъ на Благодатскомъ не болѣе 5 или 10 минутъ, а по привозѣ къ вамъ Давыдова отправить его чрезъ столько же времени. Затѣмъ и вы пріѣзжайте сюда съ хозяюшкой.

1826 года ноября 19 дня, я, нижеподписавшійся, вслѣдствіе начальственныхъ распоряженій, принялъ для доставленія въ Верхнеудинскъ находящагося въ работахъ при Благодатскомъ рудникѣ государственнаго преступника Василія Давыдова, а съ нимъ вмѣстѣ по особой росписи принадлежащія ему вещи и деньги, въ чемъ и далъ сію росписку.

Квартальный 10 кл. Кашкаровъ.

№ 4755. По: 26 ч. ноябрь 1826 г.

Секретно.

Въ нерчинскую горную контору
Благодатской дистанціи
рапортъ.

Въ исполненіе предписанія оной конторы отъ 23 ноября за № 5044, при семъ дистанція представить честь имѣетъ, съ засвидѣтельствомъ господина пристава, отобранныя отъ государственныхъ преступниковъ письменныя свѣдѣнія о ближайшихъ ихъ родственникахъ. Ноября 25 дня, 1826 года.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.

1-е. По требованію отъ меня имѣю честь симъ объяснить, что я имѣю родственниковъ:

Жену Катерину Иванову дочь.

Братьевъ родныхъ: отставнаго полковника князя Александра, статскаго совѣтника князя Петра, л.-г. кавалергардскаго полка корнета князя Никиту. Они всѣ женаты и имѣютъ дѣтей. Сестру род-

ную Елизавету въ замужествѣ за графомъ Сергіемъ Павловичемъ Потемкинымъ. Дядей родныхъ: надворнаго совѣтника князя Александра Сергѣевича Трубецкого, дѣйствительнаго камергера князя Георгія Александровича Грузинскаго. У него дочь княжна Анна и сынъ л.-г. коннаго полка поручикъ князь Иванъ. Мачиху: княгиню Марѳу Петровну Трубецкую.

Тетокъ родныхъ: княгиню Катерину Петровну Трубецкую, имѣющую трехъ сыновей и двухъ дочерей. Княгиню Анну Александровну Голицыну, имѣющую трехъ сыновей женатыхъ и четырехъ дочерей замужнихъ.

Тестя: тайнаго совѣтника и гофмейстера двора его императорскаго величества графа Ивана Степановича Лаваля и тещу графиню Александру Григорьевну; трехъ невѣстокъ, ихъ дочерей, изъ коихъ одна въ замужествѣ за бывшимъ въ Россіи австрійскимъ посланникомъ графомъ Лебцельтерномъ.

За мною состояло недвижимое имѣніе въ Нижегородской губерніи, о состояніи котораго данъ мною подробный отчетъ въ теченіе прошедшаго апрѣля мѣсяца по требованію высочайше учрежденнаго комитета; въ какомъ же положеніи находится нынѣ означенное имѣніе, мнѣ неизвѣстно. Въ приданое за женой моей я не получилъ никакого недвижимаго имѣнія, и состояніе ея зависитъ отъ воли ея родителей. Сергій Трубецкой.

2-е. По требованію отъ меня свѣдѣнія о ближайшихъ родныхъ моихъ, симъ честь имѣю объяснить: я, нижеподписавшійся, имѣю слѣдующихъ родственниковъ: жену Марью Николаеву дочь, малолѣтняго сына Николая, мать княгиню Александру Николаевну Волконскую, братьевъ: генералъ-адъютанта его императорскаго величества князя Николая Репнина и генералъ-маіора князя Никиту Волконскаго, невѣстокъ: княгиню Варвару Алексѣевну Репнину и княгиню Зенеиду Александровну Волконскую, родныхъ племянниковъ: князя Василія Репнина, князя Александра Волконскаго, племянницъ: княженъ Александру, Варвару и Елизавету Репниныхъ, сестру княгиню Софью, въ замужествѣ за генералъ-адъютантомъ его императорскаго величества княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ и дѣтей ихъ, а мнѣ также родныхъ племянниковъ князя Дмитрія и Григорія и княжну Александру Волконскихъ, тестя моего генералъ-отъ-кавалеріи Николая Николаевича Раевскаго и тещу Софью Алексѣевну, ихъ дѣтей, а мнѣ шуриновъ: отставного полковника Александра Раевскаго и полковника Николая Раевскаго, свояченицъ: Катерину (въ замужествѣ за Орловымъ), Елену и Софью Раевскихъ и свояка Михаила Ѳедоровича Орлова.

Что же касается до требуемаго отъ меня показанія до положенія домашнихъ обстоятельствъ ближайшихъ моихъ родныхъ, по неизвѣстности мнѣ таковыхъ я не могу дать основательнаго свѣдѣнія; въ прежнемъ моемъ положеніи до воспослѣдовавшаго о мнѣ

приговора имѣлъ я родоваго имѣнія въ Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда, полторы тысячи душъ и Ярославской губерніи, Углицкаго уѣзда, отъ пяти сотъ до шести сотъ душъ, благопріобрѣтеннаго въ Таврической губерніи, Дмитріевскаго уѣзда, десять тысячъ десятинъ земли, при оныхъ отъ семидесяти-пяти до ста душъ и разное въ семъ имѣніи хозяйственное заведеніе и также благопріобрѣтеннаго въ городѣ Одессахъ: каменной двухъ-этажной домъ и близъ сего же города загородная дача. О всемъ вышеозначенномъ имѣніи было еще во время заточенія моего въ Петро-Павловской крѣпости сдѣлано духовное завѣщаніе, которое добавлено было чрезъ тогдашнее мнѣ начальство родственникомъ моимъ, и въ то же время дано мною подробное свѣдѣніе о положеніи моихъ счетныхъ дѣлъ матери моей, брату моему князю Белкину (Репнину?) и тестю Николаю Николаевичу Раевскому, которые всѣ назначены мною были опекунами малолѣтняго моего сына, нынѣ же о семъ не въ состояніи я дать какого либо дальнѣйшаго свѣдѣнія по неимѣнію никакихъ документовъ и руководствуюсь одною памятью. Сергѣй Волконской.

3-е. Ближайшіе мои родственники слѣдующіе: жена моя Вѣра Алексѣевна Муравьева, дочь покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гаряйнова. Дѣтей у меня малолѣтнихъ трое: Никита, Александръ и Левъ. Жена моя закономъ не отдѣлена отъ родительницы ея, а получаетъ ежегодно денежную сумму, которая не бывала одинаковою, а соразмѣрно доходамъ, съ имѣнія ея родительницы получаемымъ, мною же куплена была деревня на имя ея Новгородской губерніи и уѣзда, изъ 60 душъ состоящая, къ 80 душамъ, отъ отца полученнымъ; въ той же губерніи и уѣздѣ, при коихъ 140 душъ, устроенъ мною былъ стеклянный заводъ, а потому собственнаго имѣнія у ей сіи 140 душъ съ заводомъ, до 20 т. приносящія, къ тому получаетъ отъ матери своей ежегодно неопредѣленную сумму, какъ выше пояснилъ. Отецъ у меня въ отставкѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Захаръ Матвѣевичъ Муравьевъ.

Сестра моя Катерина Захарьевна—жена министра финансовъ Егора Францовича Канкрина. Братъ мой—командиръ Александровскаго гусарскаго полка, полковникъ Александръ Захарьевичъ Муравьевъ.

Теща моя—жена покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гаряйнова, Матрена Иванова. О положеніи дѣлъ касательно имѣнія всѣхъ сихъ ближайшихъ родственниковъ моихъ я никакого точнаго свѣдѣнія не имѣю. Артамонъ Муравьевъ.

4-е. Ближайшіе мои родственники слѣдующіе: отецъ мой живетъ въ Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, въ собственномъ селѣ Липовомъ, имѣетъ недвижимаго имѣнія въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ 1.200 душъ, братья мои Петръ и Иванъ живутъ съ отцемъ. Сестра моя живетъ въ Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, въ собственномъ селеніи Слободка, гдѣ имѣетъ 500 душъ. Дядя мой—отставной гвардіи капитанъ, князь Иванъ Петровичъ Кей-

куатовъ, живетъ въ Черниговской губерніи, въ селѣ Ѣсачахъ, имѣетъ 1.800 душъ. Двоюродный братъ—коллежскій ассесоръ Александръ Демьяновичъ Оболенскій, живетъ въ Полтавской губерніи, Холмскаго уѣзда, въ селѣ Обѣляни; всего имѣнія имѣетъ 5.000 душъ. Всѣхъ сихъ родственниковъ дѣла, сколько мнѣ извѣстно было, въ самомъ цвѣтущемъ положеніи находятся. Александръ Якубовичъ.

5-е. Ближайшіе мои родственники слѣдующіе: отецъ мой—отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Петръ Николаевичъ Оболенской, обыкновенное жительство его въ подмосковной деревнѣ Рожественѣ, исключая нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, которые онъ проводитъ въ Москвѣ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ имѣетъ около тысячи пятисотъ душъ въ разныхъ губерніяхъ; собственно мнѣ принадлежащаго имѣнія я не имѣлъ, не будучи отдѣленъ отъ отца, который одинъ управлялъ всѣмъ имѣніемъ вообще и не отдѣлялъ ни меня ни братьевъ.

Братья мои: отставной серпуховскаго уланскаго полка подполковникъ, князь Николай Петровичъ, женатъ на княжнѣ Волконской, полученное имъ въ наслѣдство отъ матери его имѣніе состоитъ въ Тульской губерніи, число душъ и прочія подробности о имѣніи его мнѣ неизвѣстны. Лейбъ-гвардіи павловскаго полка штабсъ-капитанъ, князь Константинъ Петровичъ, находился адъютантомъ при генералъ-адъютантѣ Потемкинѣ.

Князь Дмитрій и князь Сергѣй находятся въ Пажескомъ корпусѣ. Сестры мои: Дарья Петровна Леонтьева, полученное ею по наслѣдству отъ матери ея имѣніе, равно и постоянное ея жительство мнѣ неизвѣстны; у ней малолѣтнихъ дѣтей пять. Катерина Петровна Протасьева, данное ей отъ отца приданое мнѣ неизвѣстно, ибо оно состояло въ деньгахъ, жительство ея было обыкновенно въ деревнѣ мужа ея, состоящее въ Рязанской губерніи, исключая нѣсколькихъ мѣсяцовъ въ году, которые она проводила въ Москвѣ; у нея малолѣтнихъ дѣтей трое. Княжны: Александра, Варвара и Наталія, находятся при отцѣ. Евгеній Оболенскій.

6-е. Ближайшіе наши родственники слѣдующіе: отецъ нашъ отставной штабъ-офицеръ черноморскаго флота Иванъ Андреевъ сынъ Борисовъ, мать наша Парасковья Емельянова, урожденная Дмитріева, сестры наши Елизавета и Анна, братъ нашъ Михаилъ малолѣтніе, родственниковъ дальнихъ не имѣемъ, родители наши имѣютъ жительство: Курской губерніи въ заштатномъ городѣ Мирополья, сестры и братъ находятся при нихъ. Касательно домашнихъ обстоятельствъ мы ничего положительно сказать не можемъ по той причинѣ, что, будучи долгое время съ ними въ разлукѣ, никогда не могли узнать точно и подробно о дѣлахъ ихъ. Андрей Борисовъ 1-й, Петръ Борисовъ 2-й. Подлинныя свѣдѣнія засвидѣтельствовалъ бергъ-гешворенъ Котлевскій [1]).

[1]) О семейномъ положеніи Давыдова свѣдѣній не имѣется, вѣроятно, потому, что онъ въ то время былъ уже отправленъ въ Верхнеудинскъ. П. Т.

№ 536. По: 11 ч. ноября, 1826.

Секретно.

Верхнеудинскаго квартальнаго надзирателя Козлова. 10 ноября 1826 г. № 6.

Господину главноуправляющему Нерчинскою горною конторою и рудниками маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Изъ числа находящихся государственныхъ преступниковъ Василій Давыдовъ и 2-й Борисовъ одержимы болѣзнями; Давыдовъ открытыми на брюхѣ, ляшкахъ и подлѣ задняго прохода ранами, а Борисовъ лихорадочною болѣзнію и на правой рукѣ у большого перста ногтоѣдомъ; по каковымъ болѣзнямъ помянутые преступники другой уже день не употреблялись въ работу; о чемъ вашему благородію симъ сообщая, покорнѣйше прошу къ излѣченію ихъ чрезъ медицинскаго чиновника преподать способы. Квартальный 10-го класса Козловъ.

№ 547. По: 12 ч. ноября 1826.

Господину главноуправляющему горною конторою, всѣми рудниками и кавалеру старшаго лѣкарскаго ученика Чеснокова

рапортъ.

По словесному приказанію вашего благородія, свидѣтельствованы были мною находящіеся при Благодатской дистанціи государственные преступники, Давыдовъ и Борисовъ, которые одержимы болѣзнями, первый: чесоткою, а второй простудною горячкою и ушибомъ лѣвой руки большого перста на казенной работѣ; для излѣченія оныхъ болѣзней пособіе отъ меня должное дано, о чемъ вашему благородію донесть честь имѣю. Старшій лѣкарскій ученикъ Чесноковъ.

Ноября 12 дня 1826 года.

(Собственноручная записка Бурнашева къ Черниговцеву).

Петръ Михайловичъ!

Благодатскимъ преступникамъ обѣщалъ я для чтенія Библію, которую и препровождаю при семъ. Затѣмъ дозвольте Трубецкому писать къ женѣ, хотя и каждую недѣлю, поелику то ему и отъ вышней власти дозволено, но только присылать ко мнѣ его письма не позже, какъ въ пятницу. Бурнашевъ.

№ 612. По: 21 ч. декабря 1826.

Секретно.

Верхнеудинскаго квартальнаго Козлова. 20 декабря 1826 г. № 30. Благодатскій рудникъ.

Г. главноуправляющему всѣми рудниками маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Изъ числа находящихся въ присмотрѣ моемъ государственныхъ

преступниковъ Сергѣй Трубецкой съ 16-го числа одержимъ грудною и нутренною болѣзнями, о чемъ вашему благородію доводя симъ до свѣдѣнія, покорнѣйше прошу къ преподанію способовъ къ излѣченію болѣзней помянутаго Трубецкого чрезъ медицинскаго чиновника учинить ваше распоряженіе. Квартальный 10-го кл. Козловъ.

№ 613. По: 22 ч. декабря 1826.

Господину главноуправляющему горною конторою всѣми рудниками и кавалеру. Младшаго лѣкарскаго ученика Пазникова.

рапортъ.

По словесному приказанію вашего благородія, освидѣтельствованъ былъ мною, находящійся при Благодатской дистанціи, государственный преступникъ Трубецкой, который, имѣя, какъ кажется, чахотку, одержимъ кровохарканіемъ, отъ коего чувствуетъ величайшую слабость въ груди. О чемъ вашему благородію донесть честь имѣю. Младшій лѣкарскій ученикъ Пазниковъ. Декабря 22-го дня 1826 года.

№ 614. По: 24 декабря 1826.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

По рапорту вашему отъ 22 сего декабря № 359, для освидѣтельствованія болѣзни государственнаго преступника Трубецкого и поданія ему помощи, командированъ мною на Благодатскій рудникъ г. лѣкарь Влодзимирскій, о чемъ и даю вамъ знать.

Т. Бурнашевъ.

24-го декабря 1826 года. Заводъ Нерчинскій. № 115.

Секретно.

Г. бергъ-гешворену Котлевскому.

По просьбѣ государственныхъ преступниковъ, находящихся при Благодатскомъ рудникѣ, о выдачѣ имъ красокъ, кистей и бумаги для занятія въ свободное время рисованіемъ, я дѣлалъ докладъ г. начальнику заводовъ и кавалеру, на что̀ получилъ и приказаніе; а потому, препровождая при семъ два ящика красокъ съ кистями, предписываю вашему благородію отдать оныя тѣмъ преступникамъ, наблюдая въ употребленіи ихъ всѣ мѣры осторожности.

Маркшейдеръ Черниговцевъ.

23-го декабря 1826 г. № 360.

№ 2. По: 2-е ч. января 1287.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Г. иркутскій гражданскій губернаторъ и кавалеръ, отношеніемъ отъ 10-го сего декабря по прочемъ меня увѣдомляетъ, что 5-мъ пунк-

томъ высочайшей инструкціи, данной г. коменданту при Нерчинскихъ рудникахъ, относительно находящихся здѣсь государственныхъ преступниковъ, повелѣно: преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу, воспрещается вовсе писать и посылать отъ себя письма кому бы то ни было; па основаніи чего онъ, г. губернаторъ, и проситъ меня воспретить кому слѣдуетъ принимать письма отъ преступниковъ, кромѣ Трубецкого, которому особеннымъ высочайшимъ повелѣніемъ то дозволено, причемъ усугубить надзоръ, чтобы не было ими отыскано другихъ тайныхъ способовъ къ ихъ отправленію.

Вслѣдствіе чего и предписываю вашему благородію ни отъ кого изъ означенныхъ преступниковъ, кромѣ Трубецкого, писемъ не принимать и усугубить надзоръ, дабы ими не было какимъ бы то образомъ отправляемо куда нибудь писемъ.

Т. Бурнашевъ.

30-го декабря 1826 года, № 123. Заводъ Нерчинскій.

№ 22. По: 9 ч. января 1827.

Секретно.

Верхнеудинскаго квартальнаго надзирателя Козлова, 9-го января 1827 года. № 10. Благодатскій рудникъ.

Г. главноуправляющему всѣми рудниками, маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Изъ числа состоящихъ въ присмотрѣ моемъ извѣстныхъ вамъ государственныхъ преступниковъ, Сергѣй Волконской и Артамонъ Муравьевъ, третій день одержимы болѣзнями, первый — грудью, а послѣдній—колотьемъ. По объявленію сего послѣдняго, что сія болѣзнь у него существуетъ отъ полнокровія, каковую онъ, по привычкѣ, нерѣдко прежде сего изъ рукъ отпущалъ, почему и нынѣ проситъ меня дозволить ему чрезъ фершела отпустить; но какъ я нынѣ дозволенія не имѣя ни отъ кого повелѣнія, не рѣшась нынѣ самъ собою, о чемъ сообщаю вашему благородію, прошу, если въ семъ случаѣ не будете предвидѣть никакой опасности, приказать кому слѣдуетъ, помянутому преступнику Муравьеву изъ рукъ его отворить кровь, равно и сдѣлать Волконскому въ болѣзни его пособіе, какое-жъ послѣдуетъ ваше распоряженіе, меня увѣдомить.

Квартальный 10-го кл. Козловъ.

№ 23. По: 11 ч. января 1827.

Господину главноуправляющему горною конторою всѣми рудниками и кавалеру старшаго лѣкарскаго ученика Чеснокова

рапортъ.

По словесному приказанію вашего благородія, освидѣтельствованы были мною, находящіеся при Благодатской дистанціи, госу-

дарственные преступники: Волконскій и Муравьевъ, которые одержимы болѣзнями, первый—болью въ груди, а второй—колотьемъ въ лѣвомъ боку; для лѣченія оныхъ болѣзней пособіе мною дано: первому—отъ грудной боли лѣкарство, а второму—отъ колотья въ груди отворена кровь; болѣзни ихъ не представляютъ никакой опасности и не требуютъ помѣщенія въ госпиталь, которые не болѣе трехъ дней могутъ быть при командѣ.

Старшій лѣкарскій ученикъ Чесноковъ.

№ 2. По: 14 ч. января 1827.

Въ нерчинскую горную контору бергъ-гешворена Котлевскаго

рапортъ.

На 25-е число декабря мѣсяца прошлаго 1826 года, государственный преступникъ Давыдовъ привезенъ верхнеудинскимъ квартальнымъ надзирателемъ Кашкаровымъ и принятъ при Благодатскомъ рудникѣ и употребляется въ работы, о чемъ симъ нерчинской горной конторѣ донести честь имѣю. Января 14-го дня, 1827 г. № 7.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.

№ 80. По: 7 февраля 1827.

Секретно.

Г. маркшейдеру и кавалеру Черниговцеву.

Комендантъ при здѣшнихъ Нерчинскихъ рудникахъ, г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Лепарскій, отношеніемъ отъ 6-го сего февраля увѣдомилъ меня, что наблюдающій за государственными преступниками верхнеудинскій квартальный надзиратель Козловъ и находящійся при немъ казацкій урядникъ, по отношенію къ его превосходительству отъ г. иркутскаго гражданскаго губернатора, должны обратиться къ прежнимъ ихъ должностямъ.

А какъ г. комендантъ не имѣетъ нынѣ при себѣ ни одного офицера, коимъ бы могъ смѣнить Козлова и поручить смотрѣніе за означенными преступниками, которые до дальнѣйшаго разрѣшенія начальства должны оставаться на Благодатскомъ же рудникѣ, то по сей причинѣ проситъ меня на мѣсто Козлова опредѣлить изъ подвѣдомственныхъ мнѣ чиновниковъ, а его съ урядникомъ отпустить къ своимъ мѣстамъ.

Вслѣдствіе сего, на мѣсто Козлова, къ надзору за государственными преступниками, на Благодатскомъ рудникѣ содержащимися, назначенъ мною членъ нерчинской горной конторы, шихтмейстеръ Рикъ, въ команду коего, по распоряженію г. коменданта, долженъ поступить забайкальскаго казачьяго полка урядникъ Гантимуровъ, съ 12-ю казаками, явившимися здѣсь въ вѣдомство его г. коменданта, и верхнеудинской инвалидной команды унтеръ-офицеръ Макавеевъ, въ помощь людямъ 5-го горнаго баталіона, содержащимъ при тѣхъ преступникахъ караулъ.

Посему и предписываю вашему благородію: 1) на мѣсто шихтмейстера Рика въ члены нерчинской горной конторы избрать изъ чиновниковъ, находящихся при Зерентуйскомъ рудникѣ по особымъ отъ васъ порученіямъ, и сдѣлать о смѣнѣ ихъ распоряженіе. 2) Изъ воинской команды 5-го горнаго баталіона, отряженной отсюда на Благодатской рудникъ для караула при преступникахъ, оставить пять человѣкъ рядовыхъ, кои надежнѣе, подчинивъ ихъ опредѣленному къ присмотру унтеръ-офицеру Макавееву; прочихъ же обратить въ баталіонъ. 3) Относительно же задолженія тѣхъ и другихъ въ караулъ распорядиться такимъ образомъ, чтобы внутренніе посты всегда были занимаемы солдатами 5-го горнаго баталіона, а наружные и въ присмотръ за преступниками при работахъ употреблять казаковъ.

Т. Бурнашевъ.

7-го февраля, 1827 года. № 33-й. Заводъ Нерчинскій.

№ 917. По: 8 марта 1827 г. Дать знать ближайшимъ приставамъ и полиціи.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ нерчинской горной экспедиціи нерчинской горной конторѣ. На предложеніе г. начальника здѣшнихъ заводовъ и кавалера, въ коемъ изъясняетъ, что въ исполненіе высочайшей его императорскаго величества воли о постройкѣ въ здѣшнихъ заводахъ для содержанія государственныхъ преступниковъ казармъ и другихъ при оныхъ зданій по общему съ г. комендантомъ здѣшнихъ рудниковъ его г. начальника заводовъ согласію, назначено мѣсто при Акатуевскомъ рудникѣ, вблизи Александровскаго завода, а онъ, г. начальникъ заводовъ, и предлагаетъ экспедиціи для приведенія высочайшей воли въ скорѣйшее исполненіе сдѣлать вызовъ подрядчиковъ на постройку при Акатуевскомъ рудникѣ всѣхъ зданій вообще, или каждаго строенія отдѣльно, изъ собственныхъ подрядчиковъ припасовъ ихъ мастеровыми и простыми рабочими, или же, въ случаѣ неотыска охотниковъ на оптовую постройку, могутъ подрядчики вступить по частямъ на поставку для той постройки главныхъ припасовъ, какъ-то: лѣсу, кирпича, песку и нѣкоторыхъ другихъ, съ тѣмъ, чтобы желающіе для торговъ явились въ сію экспедицію, на сроки: первый къ 26-му, второй къ 28-му, третій къ 30-му и къ 31-му числамъ сего марта,—въ горной экспедиціи приказали: съ изъясненіемъ вышеписаннаго предложенія г. начальника здѣшнихъ заводовъ и кавалера предписать всѣмъ земскимъ управителямъ, чтобъ каждый по волости въ подвѣдомственныхъ селеніяхъ немедленно на сходкахъ крестьянъ о томъ вызовѣ желающихъ имъ объявилъ съ подпискою, а если гдѣ крестьяне пожелаютъ вступить въ означенную доставку припасовъ, то съ подлежащими общественными отъ волости поручительствами довѣренностію и свидѣтельствами волостныхъ правленій явились бы въ здѣшнюю экспедицію для

торговъ къ вышеозначеннымъ срокамъ, по исполненіи жъ объявленія рапортовать экспедиціи съ первою почтою. О чемъ къ свѣдѣнію дать знать волостнымъ правленіямъ и всѣмъ подвѣдомственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Марта 5 дня, 1827 года. Фонъ-Фитингофъ. Секретарь Павлуцкій. 13 класса Струковъ.

№ 961. По: 10-е ч. марта, 1827 года.

Въ нерчинскую горную контору
зерентуйской горной полиціи

рапортъ.

Въ исполненіе приказа оной конторы отъ 9-го числа сего марта за № 983-мъ оной полиціей въ селеніи Зерентуйскаго рудника произведена публикація на вызовъ желающихъ вступить въ подрядъ на постройку въ здѣшнихъ заводахъ для содержанія государственныхъ преступниковъ: казармъ и другихъ при ономъ зданій. Назначено таковое устройство при Акатуевскомъ рудникѣ близъ Александровскаго завода, изъ собственныхъ подрядчиковъ припасовъ, на каковую постройку изъ жителей Горно-Зерентуйскаго рудника подрядчиковъ никого не оказалось; о чемъ нерчинской горной конторѣ полиція симъ донесть честь имѣетъ. Унтеръ-офицеръ Дмитрей Епашинъ.

№ 57. Ч. 10 марта 1827-го года.

№ 989. По: 13 ч. марта 1827.

Въ нерчинскую горную контору
Воздвиженской дистанціи

рапортъ.

По силѣ предписанія оной конторы отъ 9-го числа сего мѣсяца за № 980, дистанція донесть честь имѣетъ, по учиненному въ жительствѣ Воздвиженскаго рудника обвѣщенію на постройку казармъ и другихъ зданій при Акатуевскомъ рудникѣ вблизи Александровскаго завода вступить въ подрядъ въ оптовую постройку, или порознь доставлять по частямъ лѣсу, кирпича, песку и прочихъ припасовъ, никого желающихъ не явилось, да и впредь надежды нѣтъ. Марта 13 дня 1827. Кабинетскій регистраторъ Машуковъ. Унтеръ-шихтмейстеръ Мельниковъ.

№ 992. По: 13-ое ч. марта 1827 года.

Въ нерчинскую горную контору
Михайловской дистанціи

рапортъ.

Въ исполненіе предписанія оной конторы отъ 9-го сего мѣсяца за № 982 дистанція донесть честь имѣетъ, что по сдѣланному обвѣ-

щенію жителямъ Михайловскаго рудника никого желающихъ вступить въ подрядъ на доставку бревенъ и прочаго для постройки при Акатуевскомъ рудникѣ острога не отыскалось. Шихтмейстеръ Ковригинъ. Унтеръ-шихтмейстеръ Кузиловъ. Марта 12 дня.

1827-го года, № 183.

№ 1017. По: 16-ое ч. марта 1827 года.

Въ нерчинскую горную контору
Благодатской дистанціи

рапортъ.

Въ исполненіе предписанія оной конторы отъ 9-го числа сего мѣсяца за № 981-мъ, при учиненномъ распубликованіи въ селеніяхъ Благодатскаго и Килгинскаго рудниковъ на вызовъ желающихъ вступить въ подрядъ на постройку въ здѣшнихъ заводахъ для содержанія государственныхъ преступниковъ казармъ никого не оказалось, о чемъ нерчинской горной конторѣ дистанція донесть честь имѣетъ.

Марта 14 дня 1827 года. Бергъ-гешворенъ Котлевскій. Горный писарь Мыльниковъ [1]).

№ 107. По: 31 ч. марта 1827.

Секретно.

Въ нерчинскую горную контору
бергъ-гешворена Котлевскаго

рапортъ.

Его высокородіе господинъ начальникъ Нерчинскихъ заводовъ и кавалеръ, при повелѣніи отъ 24-го сего марта за № 82, препроводилъ ко мнѣ восемь паръ ножныхъ оковъ, сдѣланныхъ при Нерчинскомъ заводѣ по новому образцу съ замками съ однимъ у всѣхъ ключемъ, для государственныхъ преступниковъ, въ коемъ предписать изволилъ—тѣ оковы записать при дистанціи на приходъ цѣною каждыя по 2 рубля 15³/₈ копеекъ, а вѣсомъ оказались каждыя по 5 фунтовъ, о чемъ нерчинской горной конторѣ къ свѣдѣнію симъ донесть честь имѣю. Марта 30 дня 1827 года.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.

№ 27. По: 30 ч. мая 1827.

Секретно.

Нерчинской горной конторѣ.

Изъ хранящихся при здѣшней нерчинской горной конторѣ вещей, принадлежащихъ государственнымъ преступникамъ, собствен-

---

[1]) Только благодаря отсутствію желающихъ взять на себя подрядъ по постройкѣ острога, декабристы избавились заключенія въ далекомъ и неприглядномъ Акатуѣ и были оставлены временно въ Читинскомъ острогѣ, впредь до постройки каземата въ Петровскомъ заводѣ (въ 186 верстахъ отъ г. Верхнеудинска), куда всѣ въ августѣ 1830 года и были переведены. П. Т.

ную аптечку одного изъ нихъ, именно Артамона Муравьева, въ которой по осмотру находящагося при мнѣ г. лѣкаря Малкова ничего сомнительнаго, кромѣ самыхъ простыхъ лѣкарственныхъ веществъ, не оказалось, предписываю сей конторѣ отпустить г. прапорщику Рѣзанову съ тѣмъ, чтобы онъ въ случаѣ необходимости позволялъ чрезъ лѣкарскаго ученика, находящагося при Благодатскомъ рудникѣ, употреблять имъ лѣкарства, содержащіяся въ помянутой аптечкѣ, для пользованія.

Т. Бурнашевъ.

№ 150. 30 мая 1827 года.
Рудникъ Зерентуйской.
№ 86. По: 11 ч. іюня 1827.

Секретно.

Нерчинской горной конторѣ.

Полученныя мною при отношеніи г. коменданта при Нерчинскихъ рудникахъ вещи государственному преступнику Муравьеву, значащіяся въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, препровождены отъ меня къ прапорщику Рѣзанову для отдачи Муравьеву, кромѣ шести бутылокъ одеколону, которыя, согласно отношенію г. коменданта, останутся на храненіи у прапорщика Рѣзанова съ тѣмъ, чтобъ выдавать онаго Муравьеву въ одинъ разъ не болѣе третьей или четвертой части бутылки.

Т. Бурнашевъ.

10 іюня 1827 г. № 160.
Заводъ Нерчинскій.
№ 48. По: 18 ч. августа 1827 г.

Секретно.

Нерчинской горной конторѣ.

По просьбѣ жены государственнаго преступника Сергѣя Волконскаго, княгини Волконской, предписываю горной конторѣ изъ вещей, принадлежащихъ Волконскому, хранящихся при оной конторѣ, отослать на Благодатской рудникъ къ прапорщику Рѣзанову шинель тонкаго сукна, подбитую ватой, съ бобровымъ воротникомъ и пенковую трубку, снявъ съ оной серебряную оправу, и оставивъ сію послѣднюю на храненіи съ прочими вещами при сей конторѣ; шинель отослать для отдачи княгинѣ Волконской на перешивку оной собственно для нея, а трубку для употребленія преступникомъ Волконскимъ, которыя и исключить изъ описи вещей преступника Волконскаго.

Т. Бурнашевъ.

№ 201. 17 августа 1827 года.
Заводъ Нерчинскій.
№ 2863. По: 19 ч. сентября 1827 г.

Секретно.

Нерчинской горной конторѣ.

Отправляемыхъ нынѣ съ Благодатскаго рудника въ Читинской острогъ 8 человѣкъ государственныхъ преступниковъ предписываю

нерчинской горной конторѣ, исключивъ по оной изъ списковъ, удовольствовать платою и провіантомъ по 20-е число сего мѣсяца и донести о томъ мнѣ и нерчинской горной экспедиціи.

Т. Бурнашевъ.

18 сентября 1827 г.
№ 1653. Заводъ Нерчинскій.

Государственныхъ преступниковъ по 24 рубля.	Дней: Рабочихъ.	Дней: Больныхъ.	Слѣдуетъ полнаго. р.	Слѣдуетъ полнаго. к.	Выдано по провіанту п.	Выдано по провіанту ф.	Вычоту: На медикам. к.	Вычоту: За провіантъ р.	Вычоту: За провіантъ к.	Слѣдуетъ выдать. р.	Слѣдуетъ выдать. к.		
Сергѣй Трубецкой.	7	12	—	82½	1	—	1	—	40	—	41½	Цирульнику 1 въ руки	4½
Сергѣй Волконской.	3	16	—	68	1	—	1	—	40	—	27	» 1 »	26
Артам. Муравьовъ	13	6	1	4½	1	—	1½	—	40	—	63	» 1 »	62
Ал-дръ Якубовичъ.	9	10	—	90	1	—	1	—	40	—	49	» 1 »	48
Евгеній Оболенской	19	—	1	26½	1	—	2	—	40	—	84½	» 1 »	83½
Василій Давыдовъ.	2	17	—	64	1	—	1	—	40	—	23	» 1 »	22
Андрей Борисовъ 1-й	7	12	—	82½	1	—	1	—	40	—	41½	» 1 »	40½
Петръ Борисовъ 2-й	19	—	1	26½	1	—	2	—	40	—	84½	» 1 »	83½
	—	—	7	44½	8	—	10½	3	20	4	14	» 8 »	4 р. 6 к.

Подписали: Котлевскій и Мыльниковъ.

Благодатской дистанціи предписаніе.

Вслѣдствіе повелѣнія г. начальника заводовъ и разныхъ орденовъ кавалера, отъ 18 сего сентября за № 1653, отправляемыхъ нынѣ съ Благодатскаго рудника въ Читинскій острогъ 8 человѣкъ государственныхъ преступниковъ предписывается Благодатской дистанціи по полученіи сего и нимало не медля представить въ здѣшнюю контору расчетъ о выдачѣ имъ денежной платы и провіанта по 20-е число сего мѣсяца, а по отправкѣ ихъ обязана дистанція по спискамъ исключить. Сентября 19 дня 1827 года № 4064. Подписалъ секретарь Рындинъ. Справилъ канцеляристъ Карповъ.

№ 3869. По: 19 ч. сентября 1827.

Въ нерчинскую горную контору
Благодатской дистанціи

рапортъ.

Въ исполненіе предписанія оной конторы отъ сего числа за № 4064-мъ о выдачѣ денежной платы и провіанта восьми чело-

вѣкамъ государственнымъ преступникамъ, при семъ нерчинской горной конторѣ дистанція представить честь имѣетъ расчетъ по 20-е число сего мѣсяца. Сентября 19 дня 1827 года. № 948.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.

Горный писарь Мыльниковъ.

За августъ мѣсяцъ слѣдуетъ государственнымъ преступникамъ жалованья:

Сергѣю Трубецкому	—	»	$63^1/_2$	к.
Сергѣю Волконскому	—	»	$65^1/_2$	»
Артамону Муравьеву	—	»	76—	»
Александру Якубовичу	1	р.	9—	»
Евгенію Оболенскому	1	»	$89^1/_2$	»
Андрею Борисову 1-му.	—	»	$95^1/_2$	»
Петру Борисову 2-му.	1	»	93	»
Василью Давыдову.	—	»	$69^1/_2$	»
Итого	8	р.	$61^1/_2$	к.
За сентябрь.	4	р.	6	к.
Всего	12	р.	$67^1/_2$	к.

Подписали: Котлевскій и Мыльниковъ.

ИЗЪ ВОЕННАГО БЫТА НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Грибоѣдовъ.

Охъ, прощай на вѣки, Ваня,
Тамъ тебѣ ужъ будетъ баня...
Солдатская пѣсня.

Ъ ЧИСЛУ различныхъ учрежденій, отжившихъ свое время и отшедшихъ въ область минувшаго, можно причислить и образцовыя войска. Сколько помнится, никто еще печатно не вспомнилъ о нихъ, никто, такъ сказать, не пожелалъ имъ «вѣчной памяти», но утвердительно можно сказать, что если кого судьба привела послужить въ этихъ войскахъ, тотъ навѣрно сохранитъ о нихъ тяжелую вѣчную память.

Созданіе временъ Аракчеева, войска эти были расположены первоначально въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, а впослѣдствіи переведены въ Царское Село и въ Павловскъ и заключали въ себѣ всѣ три рода оружія—полкъ пѣхоты, полкъ кавалеріи и двѣ съ половиною батареи артиллеріи. Имѣя свой постоянный кадръ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, а въ артиллеріи и ѣздовыхъ, они пополняли свой перемѣнный составъ изъ армейскихъ частей офицерами и нижними чинами, прибывавшими ежегодно, взамѣнъ отправляемыхъ обратно въ свои части людей, отбывшихъ годичный срокъ строевого образованія въ этихъ войскахъ; чины же отдаленныхъ корпусовъ, а именно: Кавказскаго и Сибирскаго, оставались въ этихъ войскахъ по два года.

Цѣлью сформированія этихъ войскъ было достиженіе возможнаго единообразія въ обученіи и обмундированіи армейскихъ войскъ.

Образцовый пѣхотный полкъ, въ трехъ-баталіонномъ составѣ, пополнялся чинами Гренадерскаго, 6-ти армейскихъ и Кавказскаго корпусовъ, линейными баталіонами Европейской и Азіатской Россіи, саперными бригадами и даже моряками Балтійскихъ и Черноморскихъ флотскихъ экипажей. Образцовый кавалерійскій полкъ былъ четырехъ-дивизіоннаго состава, изъ чиновъ полковъ гусарскихъ, уланскихъ, драгунскихъ, кирасирскихъ и изъ казаковъ. Артиллерія состояла изъ пѣшей и конной батарей и дивизіона казачьей конной артиллеріи. Впослѣдствіи численный составъ этихъ частей войскъ былъ нѣсколько уменьшенъ и, хотя цѣль ихъ учрежденія, т. е. достиженіе единообразія по строевому обученію и обмундированію войскъ, была достигнута вполнѣ, а для руководства составлены наиподробнѣйшіе уставы для всѣхъ трехъ родовъ войскъ, но образцовыя войска продолжали свое существованіе, представляя собою значительный и дорого обходившійся казнѣ отрядъ, до котораго почти не коснулись всѣ сокращенія штатовъ, послѣдовавшія послѣ крымской кампаніи, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. А во что обходилось казнѣ содержаніе образцовыхъ войскъ, въ сущности въ то время совершенно излишнихъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что для одного образцоваго пѣхотнаго полка только на прогоны гг. офицерамъ расходовалось ежегодно до 30.000 рублей серебромъ!

Несмотря на это, образцовыя войска пережили всѣ реформы и сокращенія штатовъ по военному вѣдомству, оставивъ по себѣ лишь тяжелое воспоминаніе въ тѣхъ, кому довелось служить въ этихъ войскахъ.

По наружному своему виду эти войска были весьма оригинальны, представляя воочію смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ и нарѣчій. Въ строю пѣхотнаго полка перемѣшивались красные воротники и бѣлые ремни мушкатеровъ и гренадеровъ съ черными воротниками и черною амуниціею егерей и карабинеровъ; плечевые погоны пестрѣли краснымъ, бѣлымъ, синимъ, чернымъ и оранжевымъ цвѣтами; мѣдный приборъ армейскихъ касокъ перемѣшивался съ бѣлымъ приборомъ саперъ и линейныхъ баталіоновъ; косматыя папахи кавказцевъ рисовались на ряду съ широкополыми шляпами матросовъ. Кавалерійскій же полкъ, въ своихъ уланскихъ и гусарскихъ дивизіонахъ, переливался всѣми цвѣтами радуги въ разноцвѣтныхъ отворотахъ мундировъ, въ доломанахъ, ментикахъ, вальтрапахъ и флюгерахъ на пикахъ. Только батареи конная и пѣшая не поражали зрителя своимъ видомъ, такъ какъ при однообразіи мундировъ различіе номеровъ бригадъ на плечевыхъ погонахъ было не замѣтно; впрочемъ, образцовая пѣшая батарея имѣла цѣлый взводъ кавказцевъ, очень замѣтныхъ по своимъ папахамъ и по особымъ кожанымъ ранцамъ.

Обиліе различныхъ формъ одежды этихъ войскъ было до того велико, что и вымуштровка ихъ, доведенная до невообразимаго со-

вершенства, исчезала даже для опытнаго глаза, теряясь въ этой пестротѣ обмундированія. Здороваго, румянаго лица напрасно было бы искать въ рядахъ этого войска, набраннаго изъ лучшихъ людей арміи; все это, выправленное, подтянутое, было на видъ какъ-то испуганно-уныло, скорбно... да и было отъ чего!

Изъ 24-хъ часовъ сутокъ солдатъ образцовыхъ войскъ положительно не имѣлъ 6-ти часовъ отдыха все остальное время его обучали, и кто только не обучалъ! Обучалъ его и закройщикъ въ швальнѣ, и кадровый ѣздовой на конюшнѣ, фейерверкеры въ казармахъ, взводные офицеры въ сараяхъ при орудіяхъ и въ манежѣ при конномъ орудійномъ ученьѣ, и все это производилось подъ недремлющимъ окомъ 2-хъ дивизіонеровъ и всевидящимъ окомъ командира. Мытье казарменныхъ половъ, очистка дворовъ отъ снѣга, даже караулъ считались солдатами отдыхомъ; а если иногда выдавался свободный полу-часъ передъ ученьемъ, то кадровые унтеръ-офицеры, въ пылу своего рвенія, производили «репетички ученья».

Сформированныя въ то суровое время, когда громогласно заявлялось: «забей четырехъ, да хоть пятаго обучи, какъ слѣдуетъ», образцовыя войска, несмотря на всѣ реформы, на уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, долго-долго хранили старыя привычки и при обученіи ратному строю не стѣснялись въ средствахъ подтянуть солдата. Цифры больныхъ въ Царскосельскомъ военномъ госпиталѣ были бы лучшимъ доказательствомъ усердія и рвенія гг. офицеровъ образцовыхъ войскъ и ихъ системы «подтягиванія армейщины», какъ они выражались. Солдаты боевого кавказскаго корпуса особенно не выносили этой мирной службы и гибли преимущественно отъ чахотки.

Усердіе не по разуму начальствующихъ въ этихъ войскахъ лицъ происходило отъ слѣдующей причины: въ образцовыхъ полкахъ и батареяхъ, какъ сказано выше, были постоянные кадры офицеровъ и унтеръ-офицеровъ; старшіе и усерднѣйшіе изъ этихъ чиновъ переводились въ гвардію съ оставленіемъ при образцовыхъ частяхъ. Офицеры же перемѣняющагося состава, при отправленіи обратно въ свои армейскія части, награждались чинами или орденами. Въ тѣ времена переводъ въ гвардію для армейскаго офицера былъ достиженіемъ чего-то недосягаемаго, открывающаго ему въ будущемъ пути благоденствія и возвышенія въ военной іерархіи; полученіе же въ награду чина или ордена въ мирное время, при прежней службѣ въ арміи, было событіемъ крайне рѣдкимъ. Все это развивало въ корпусѣ офицеровъ образцовыхъ войскъ заискиваніе и низкопоклонство; офицеры перемѣняющагося состава заискивали передъ кадровыми въ виду рекомендаціи для полученія награды, кадровые усердствовали передъ своимъ начальствомъ, чая перевода въ гвардію, яко манны небесной, для полученія съ этимъ вмѣстѣ извѣстныхъ служебныхъ преимуществъ, а, достигнувъ этой почести,

свысока относились къ армейскимъ офицерамъ перемѣняющагося состава. Козлищемъ же отпущенія, для выраженія служебнаго усердія, былъ армейскій солдатъ перемѣняющагося состава, котораго и муштровали на всѣ лады всѣ власть имущіе, начиная съ кадроваго унтеръ-офицера. Высылались изъ арміи въ образцовыя войска, конечно, лучшіе люди, но ихъ начинали обучать, какъ рекрутъ, безпрестанно подвергая взысканіямъ, чтò сразу убивало въ нижнихъ чинахъ увѣренность въ себѣ; они падали духомъ и въ этомъ состояніи томились цѣлый годъ, а нѣкоторые и два года, забитые, очумѣлые, среди неумолчной суеты и безконечнаго муштрованія. Вырвавшись наконецъ въ свою часть, рѣдкій изъ нихъ оставался такимъ же безупречно-нравственнымъ, какимъ былъ отправленъ, а большею частію они съ какимъ-то ожесточеніемъ праздновали свое освобожденіе изъ тяжкой неволи и сбивались съ пути, запивая горькую. На высылку лучшихъ людей изъ полковъ и батарей арміи въ образцовыя войска и сопряженныя съ этою высылкой хлопоты командиры давно уже привыкли смотрѣть, какъ на совершенно лишнюю, ни къ чему не ведущую, но весьма отвѣтственную обузу, и только лишь субалтернъ-офицеры видѣли въ этой командировкѣ возможность получить награду, столь рѣдкую для армейскаго офицера въ мирное время.

Мнѣ довелось служить въ образцовой пѣшей батареѣ вслѣдъ за окончаніемъ Крымской войны. Тогда я прослужилъ еще только пять лѣтъ въ офицерскомъ званіи, и хотя въ образцовыя войска отправляли наиболѣе старослуживыхъ офицеровъ, но мой переводъ состоялся совершенно при особыхъ обстоятельствахъ. По заключеніи Парижскаго мира въ 1856 году, я, какъ георгіевскій кавалеръ за Севастополь, былъ командированъ изъ Крыма для отвода въ гвардію нижнихъ чиновъ, по одному отъ каждой батареи 4-й артиллерійской дивизіи, имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена. Отправляя меня съ этими людьми въ Петербургъ, мое ближайшее начальство было увѣрено, что я буду переведенъ въ гвардейскую артиллерію, какъ это случалось съ георгіевскими кавалерами въ былыя времена; со мною же дѣло вышло нѣсколько иначе, потому что времена и военныя традиціи измѣнились. Начальствующія лица, коимъ я представлялся по прибытіи въ Петербургъ, были чрезвычайно любезны и внимательны къ скромному молодому поручику, георгіевскому кавалеру, украшенному и другими, съ бою взятыми орденами, какъ будто какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшему въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ среди разгрома севастопольскихъ бастіоновъ, но на вниманіи и любезности дѣло и остановилось. Собственная ли моя житейская неопытность, или отсутствіе вліятельной поддержки въ видѣ бабушекъ, умѣющихъ ворожить, и благодѣтельныхъ столичныхъ тетушекъ, но только любезность начальства, въ одинъ прекрасный день, разразилась тѣмъ, что мнѣ вручена была подорож-

ная и прогоны на обратный путь въ свою армейскую бригаду. Такой неожиданный финалъ послѣ почетной встрѣчи, при всемъ моемъ служебномъ безкорыстіи, показался мнѣ очень обиднымъ; нашлись, однако, два человѣка въ столичномъ служебномъ артиллерійскомъ мірѣ, которые поняли эту обиду и приняли къ сердцу положеніе неопытнаго юноши. Это были—помощникъ товарища генералъ-фельдцейхмейстера, покойный генералъ-маіоръ Якимахъ, и старшій адъютантъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, капитанъ Кильхенъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ); они исходатайствовали прикомандированіе меня къ образцовой пѣшей батареѣ съ переводомъ, при первой вакансіи, въ кадры и тѣмъ думали обезпечить за мною право на переводъ въ гвардію, хотя и въ далекомъ будущемъ. Пріемъ, сдѣланный мнѣ въ батареѣ, былъ весьма непривѣтливый: командиръ батареи былъ недоволенъ назначеніемъ къ нему офицера не по его выбору, а г.г. офицеры, кромѣ старшаго изъ нихъ, увидѣли во мнѣ соперника на переводъ въ гвардію; георгіевскій же крестъ и другіе ордена не давали покоя этимъ плацъ-параднымъ служакамъ. Батареею командовалъ полковникъ гвардейской артиллеріи С., переведенный въ гвардію изъ кадровыхъ же офицеровъ при помощи сильной протекціи; о немъ по справедливости можно сказать, что онъ передъ старшими былъ рабъ, а передъ подчиненными волкъ, человѣкъ безсердечный и жестокій. Суетливый и трусливый передъ начальствомъ, онъ былъ совсѣмъ не представительный и не фронтовой командиръ; батарея своимъ фронтовымъ щегольствомъ была обязана старшему офицеру, капитану Костогорову, приличному во всѣхъ отношеніяхъ человѣку. По штату полагалось кадровыхъ офицеровъ въ батареѣ 8 человѣкъ; всѣ они, кромѣ капитана Костогорова и батарейнаго казначея штабсъ-капитана Миронича, человѣка доброжелательнаго, были креатуры командира, люди, стремившіеся лишь къ одному—добиться гвардейскаго мундира, какою бы цѣною онъ пріобрѣтенъ ни былъ. При такомъ офицерскомъ составѣ весь строй и порядокъ службы въ батареѣ сводился къ тому, чтобы никто, никогда не имѣлъ покоя, чтобы все было занято, металось и суетилось подъ страхомъ жестокой кары, не только за неисполнительность, но и за излишнее усердіе; все это напоминало какое-то исправительное учрежденіе, но отнюдь не воинскую часть, составленную изъ лучшихъ людей полевыхъ артиллерійскихъ батарей.

День начинался для нижнихъ чиновъ батареи рано, зимою даже задолго до свѣта, часа въ четыре утра: часть людей шла на конюшни для уборки лошадей, другая часть была занята уборкою казармъ и чисткою обширныхъ казарменныхъ дворовъ; въ 6 часовъ люди умывались и, отправившись, строились къ осмотру и на молитву; въ 7 часовъ ретивые кадровые фейерверкеры, вмѣсто того, чтобы дать людямъ отдыхъ передъ ученьемъ, продѣлывали «репетички» ученья, а въ 8 часу начиналось уже самое ученье, которое

производилось взводами, по очередному росписанію: одинъ взводъ изучалъ тесачные пріемы и маршировку, другой—пріемы при орудіяхъ, третій—орудійное конное ученье, четвертый—гимнастику на машинахъ. Эти занятія продолжались отъ 8 до 11 часовъ; отъ 11 до 12 часовъ давалось время на обѣдъ; отъ 12 до 3-хъ часовъ производилась пригонка мундирной одежды и амуниціи, словесныя занятія, или, посолдатски, «пунктики» и словесныя объясненія по разнымъ частямъ собственно артиллерійской службы. Въ 3 часа опять ученье до сумерекъ, вечеромъ опять словесныя занятія до 8 часовъ и затѣмъ ужинъ. И все это ежедневно, какъ заведенная машина, въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ петербургской осени и зимы, при ветхихъ, сырыхъ и холодныхъ деревянныхъ казармахъ и пищѣ ниже посредственной, причемъ даже положенная солдатамъ хлѣбная порція не выдавалась на руки, а только въ столовой люди могли ѣсть хлѣбъ за обѣдомъ и ужиномъ, отнюдь не вынося въ казармы, для соблюденія въ нихъ опрятности. Нарядъ въ караулъ, при всей его строгости, считался отдыхомъ, а хожденія на петербургскіе парады—осенній, зимній, весенній и майскій, считались пріятными прогулками, несмотря даже на то, что этотъ 25-ти верстный переходъ производился чуть не церемоніальнымъ маршемъ, подъ недремлющимъ окомъ командира батареи.

Раннею весною батарея выступала на тѣсныя квартиры, въ окрестности Краснаго Села, для производства практической стрѣльбы, совмѣстно съ батареями гвардейской артиллеріи, 1-го же іюня вступала въ красносельскій лагерный сборъ.

Несмотря на усиленныя фронтовыя занятія лагернаго времени, выходъ изъ мрачныхъ казармъ замѣтно оживлялъ людей, но за то возвращеніе обратно въ Царское Село въ августѣ и затѣмъ снова усиленныя ученья для приготовленія къ высочайшему смотру нижнихъ чиновъ, отправляемыхъ въ свои батареи, были самымъ тяжелымъ временемъ для людей. Командиръ и кадровые офицеры въ это время, пребывая отъ суеты въ какомъ-то необъяснимомъ экстазѣ, выдѣлывали съ людьми невѣроятныя вещи; шутники, офицеры изъ перемѣннаго состава, называли это время — иродовымъ избіеніемъ младенцевъ. Ни одно ученье не обходилось безъ тяжелыхъ сценъ; такъ, однажды, во время репетиціи смотра, въ манежѣ, люди въ полной походной формѣ были поставлены къ гимнастическимъ машинамъ и по командѣ полѣзли на шесты, канаты и лѣстницы; на долю кавказскихъ артиллеристовъ досталась, такъ называемая, фальшивая стѣна, высотою сажени въ двѣ; тяжесть огромнаго кавказскаго ранца того времени дѣлала упражненіе на этой машинѣ весьма неудобнымъ, и одинъ изъ канонировъ оборвался съ самой высоты, ударившись объ утрамбованный полъ манежа; съ трудомъ приподнявшись на колѣни, съ помертвѣлымъ лицомъ и безжизненными глазами, онъ покачивался изъ стороны въ сторону, видимо впадая

въ обморочное состояніе. Офицеры, видѣвшіе паденіе этого человѣка со стѣны, бросились къ нему на помощь, но ихъ опередилъ полковникъ С. и ударомъ кулака по лицу свалилъ на землю и безъ того полумертваго человѣка. Доставалось частенько и гг. офицерамъ: такъ, однажды, производя ученье пѣшее поконному, командиръ батареи назначилъ командовать первымъ взводомъ штабсъ-капитана Абакумова, того самого, который въ 1854 году сжегъ подъ Одессою англійскій пароходъ «Тигръ». Это былъ уже пожилой человѣкъ, страдавшій аневризмомъ, чрезвычайно тихій и скромный, но почему-то не нравившійся полковнику С. Началось ученье, и всѣ построенія производились какъ будто ненарочно такъ, что первому взводу приходилось двигаться постоянно на рысяхъ, т.-е. бѣгомъ; кончилось это тѣмъ, что Абакумовъ упалъ безъ чувствъ въ какую-то рытвину, и хотя командиръ это видѣлъ и даже приказалъ фейерверкеру занять мѣсто командира взвода, но продолжалъ ученье съ полчаса времени, оставивъ этого почтеннаго офицера безъ всякой помощи; такъ и оставался онъ безъ чувствъ и только по окончаніи ученья былъ перенесенъ на квартиру, гдѣ ему была подана медицинская помощь.

Образцовая конная батарея была счастливѣе — ею командовалъ полковникъ Леманъ, вполнѣ представительный и приличный артиллерійскій штабъ-офицеръ; поэтому и составъ общества офицеровъ этой батареи былъ отмѣнно-хорошій. Образцовымъ же казачьимъ дивизіономъ командовалъ полковникъ Осиповъ, который, кажется, перещеголялъ даже нашего отца-командира. Однажды, на тѣсныхъ квартирахъ подъ Краснымъ Селомъ, я былъ очевидцемъ, какъ Осиповъ во время ученья перепоролъ нагайками весь свой дивизіонъ, въ полномъ его составѣ, при чемъ люди драли одни другихъ по очереди. Операція эта надъ вольными сынами Дона длилась безъ перерыва два часа, въ теченіе которыхъ полковникъ Осиповъ,

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,

прехладнокровно и молча расхаживалъ вдоль фронта своихъ орудій въ десяти шагахъ отъ истязуемыхъ, среди ихъ криковъ, стоновъ и мольбы.

Если подобныя личности и порядки могли существовать въ образцовыхъ артиллерійскихъ частяхъ, гдѣ общество офицеровъ состояло изъ людей относительно болѣе развитыхъ, то что же творилось въ образцовыхъ полкахъ — пѣхотномъ и кавалерійскомъ? Спрашивается: что, кромѣ отвращенія и равнодушія къ службѣ, могли поселить въ своихъ подчиненныхъ подобные командиры?

Чувство неудовольствія, даже неуваженія къ подобнымъ начальникамъ развивалось невольно еще и потому, что тутъ же, въ Царскомъ Селѣ, какъ бы для контраста, была сформирована офи-

церская стрѣлковая школа, которою начальствовали сначала капитанъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, баронъ Андрей Николаевичъ Корфъ, а потомъ полковникъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, Петръ Семеновичъ Ванновскій, гдѣ толковое, гуманное отношеніе начальниковъ къ подчиненнымъ не только не вредило дисциплинѣ, а напротивъ — развивало любовь къ службѣ до увлеченія ею.

Изъ многихъ тяжелыхъ и непріятныхъ эпизодовъ за время моей службы въ образцовой пѣшей батареѣ мнѣ навсегда останется памятнымъ слѣдующій случай. Отъ нашей батареи былъ однажды наряженъ караулъ на гауптвахту Царскосельскаго дворца, во время пребыванія въ немъ императорской фамиліи; въ этотъ день я былъ назначенъ дежурнымъ по карауламъ, на обязанность котораго, между прочимъ, возлагалась постановка, послѣ вечерней зари, ночного часового къ кабинету его величества; смѣна этого часового производилась рѣдко, черезъ три часа, ефрейторомъ подъ надзоромъ дежурнаго по карауламъ. По пробитіи вечерней зари я повелъ во внутренніе покои дворца часового первой смѣны; на часы былъ назначенъ красавецъ-солдатъ кавказской артиллеріи, бомбардиръ Садовскій, не однажды бывшій на ординарцахъ у покойнаго государя императора Александра Николаевича. Поставивъ часового и передавъ ему подробную сдачу поста, я отправился для повѣрки карауловъ на другихъ гауптвахтахъ, а, возвратясь въ 12 часовъ ночи, послалъ вторую смѣну къ царскому кабинету. Садовскій встрѣтилъ смѣну, аккуратно сообщилъ новому часовому сдачу такого почетнаго и важнаго поста и возвратился съ ефрейторомъ въ караульный покой; тогда послѣ обычнаго пріема словеснаго рапорта ефрейтора о благополучіи я собрался отправиться вновь для повѣрки караульныхъ постовъ и былъ уже на выходной лѣстницѣ, какъ услышалъ за собою тихій, какъ бы молящій голосъ: «Ваше благородіе! Бѣда приключилась!».

Оглянувшись, я увидѣлъ Садовскаго, на которомъ, какъ говорится, лица не было съ переполоха; я такъ и замеръ на мѣстѣ, да и было отъ чего—вѣдь это говорилъ мнѣ только что смѣнившійся ночной часовой отъ кабинета государя!... Садовскій объяснилъ мнѣ, что часу въ 12-мъ ночи онъ, подъ вліяніемъ тишины и полусвѣта залы, гдѣ онъ стоялъ на часахъ, почувствовалъ неодолимую дремоту и, какъ ни бодрился, не могъ совладать съ нею. «Стою,—говорилъ онъ мнѣ,—таращу глаза, а самъ чувствую, что засыпаю, и какъ случилось, самъ не знаю, тесакъ изъ рукъ выскользнулъ!». Оружіе грохнулось о паркетъ, по анфиладѣ пустынныхъ залъ прокатилось звучное эхо; куда и сонъ у бѣдняги исчезъ! Подхвативъ съ полу тесакъ, онъ вытянулся въ струнку, а въ это время щелкнулъ замокъ, отворилась дверь кабинета, на порогѣ появился самъ

государь съ недоумѣніемъ на лицѣ... Еще минута, и его величество понялъ, въ чемъ дѣло; кроткая улыбка освѣтила его добрый, привѣтливый ликъ, и дверь кабинета тихо затворилась.

— Какъ же быть,—сказалъ я,—вѣдь придется доложить командиру.

— Помилосердствуйте, ваше благородіе, не докладывайте, вся служба пропадетъ, на всю жизнь несчастнымъ буду!

— Да вѣдь государь скажетъ объ этомъ коменданту при утреннемъ рапортѣ,—возразилъ я.

— Не скажетъ, ваше благородіе,—увѣренно молилъ Садовскій.— Онъ добрый, даже усмѣхнуться изволили, словечка мнѣ не сказали.

Скрыть такое обстоятельство отъ командира значило поставить, какъ говорится, всю службу на карту; въ случаѣ обнаруженія этого дѣла за мое недонесеніе мнѣ предстояло, по меньшей мѣрѣ, исключеніе изъ кадровъ и изъ образцовой батареи, а, можетъ быть, кое-что и похуже. Но участь бѣдняка-солдата была всегда мнѣ дорога; лишь на минуту я задумался и пообѣщалъ Садовскому не докладывать о его невольной оплошности командиру, а ему строжайше наказалъ никому словечка не проронить о происшедшемъ.

Комендантъ Царскаго Села, генералъ баронъ Веліо, являлся къ государю императору съ утреннимъ рапортомъ въ 11 часовъ. Предоставляю каждому судить, какъ тяжелъ былъ для меня этотъ день въ ожиданіи, съ часу на часъ, рѣшенія участи бѣднаго солдата и моей дальнѣйшей службы. Наступилъ вечеръ, прошла и ночь, а меня къ командиру не требовали, и только на другой день я уже поуспокоился, вспоминая слова Садовскаго: «Онъ добрый, не скажетъ коменданту».

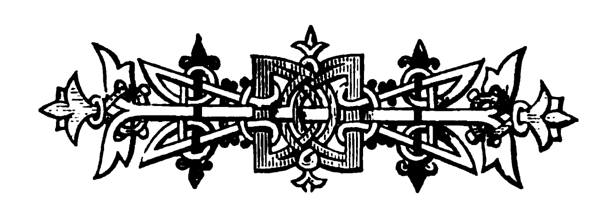
Служебную тайну этой караульной ночи я скрывалъ во всю службу мою въ образцовой батареѣ; на Садовскаго же это обстоятельство подѣйствовало самымъ роковымъ образомъ: онъ сталъ грустить, захудалъ, захирѣлъ, пошелъ въ госпиталь, и скоротечная чахотка доконала дни этого молодца-солдата. Должно быть, передъ смертію онъ не могъ сдержать своего слова, чтобы не подѣлиться съ товарищами изліяніемъ своего благодарнаго сердца, потому что вскорѣ послѣ его смерти я замѣтилъ, что всѣ кавказцы нашей батареи смотрѣли на меня какъ-то особенно привѣтливо.

Послѣ боевой севастопольской дѣятельности я три года томился въ этой образцовой, служебной сутолокѣ, среди интригъ и несправедливостей, наконецъ убѣдившись, что попалъ не въ свою колею, изыскалъ удобный случай во время удалиться изъ образцовой батареи.

Предоставляя чьему нибудь болѣе опытному перу писать подробнѣе объ образцовыхъ войскахъ, я въ настоящемъ краткомъ очеркѣ сообщилъ только лишь поверхностныя свѣдѣнія объ этомъ, печаль-

ной памяти, военномъ учрежденіи. При этомъ я имѣлъ въ виду, что такого рода сообщенія, основанныя на личномъ удостовѣреніи, имѣютъ свою цѣну, такъ какъ служатъ неотразимою уликою противъ отжившихъ порядковъ, имѣющихъ даже и донынѣ тайныхъ поклонниковъ и воздыхателей.

М. Врочевскій.



РАСКОЛЬНИЧЬИ МОЩИ.

ДѢ-то, не помню, давно ужъ это было, мнѣ пришлось читать разсказъ—«Мощи Телентія». Тамъ говорилось, что кто-то изъ православныхъ, желая посмѣяться надъ раскольниками, прислалъ имъ записку о томъ, что въ скоромъ времени у нихъ, раскольниковъ, явятся мощи Телентія. Раскольники повѣрили (ихъ не смутило даже вымышленное имя «Телентій») и стали ждать. Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день раскольники увидали на своемъ кладбищѣ гробъ съ надписью «Телентій» и съ запискою, чтобы три дня служить панихиды, а затѣмъ открыть гробъ. Все было исполнено, прошло три дня... открыли гробъ... распространилось страшное зловоніе... въ гробу оказался трупъ теленка...

Затѣмъ, года два-три тому назадъ, было тоже много шуму и толковъ о раскольничьихъ мощахъ, только нѣсколько въ иномъ родѣ. Въ 1894--1895 г.г. всплылъ наружу фактъ кощунственной дерзости и профанаціи святыни уже самими «древлеправославными христіанами». Это—признаніе раскольниками въ 1876 г. трехъ высохшихъ труповъ некрещенныхъ татаръ за нетлѣнныя мощи христіанскихъ мучениковъ—Дары, Гаведдая и Кавдои, пострадавшихъ за вѣру болѣе 1200 лѣтъ тому назадъ... [1]).

---

[1]) На Кавказѣ, въ Терской области, близъ станціи Карабулакской, находится татарская мечеть съ вырытою подъ ней пещерою. Въ пещерѣ издавна лежали три высохшихъ человѣческихъ трупа (по преданію, это были трупы мусульманъ: одного черкесскаго князька Ислама, его жены Фатимы и слуги ихъ); въ 1876 г. раскольники признали эти трупы за честныя мощи христіанскихъ мучениковъ.

Наконецъ, въ недавнее сравнительно время, при открытіи въ Черниговѣ мощей святителя Θеодосія Углицкаго, опять было раскольническое движеніе...

Всѣ эти факты съ большою убѣдительностію говорятъ о томъ, что у раскольниковъ всегда было и есть сильное желаніе имѣть свои раскольничьи мощи и тѣмъ наглядно доказать «никоніанамъ» правоту и истинность своихъ религіозныхъ воззрѣній. Этимъ же побужденіемъ объясняются и тѣ случаи, когда раскольники сочиняли цѣлые разсказы о жизни мнимосвятыхъ, долгое время себя и другихъ обманывали въ существованіи никогда небывалыхъ мощей, указывали мѣсто ихъ нахожденія и привлекали толпы богомольцевъ.

Съ однимъ изъ случаевъ разглашенія раскольниками о существованіи вымышленныхъ мощей знакомитъ насъ одно изъ дѣлъ прошлаго (XVIII) столѣтія, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода[1]).

Въ прошломъ столѣтіи наша православная матушка-Русь, а въ особенности ея окраины, кишьмя-кишѣли раскольниками всевозможныхъ сектъ и толковъ. Поонежье и полуднкій во всѣхъ отношеніяхъ Олонецкій край были любимымъ мѣстопребываніемъ раскольниковъ. Имъ тамъ жилось хорошо, а главное—спокойно. «Обязательные» борцы съ расколомъ—духовенство не трогало ихъ. Оно само было полуобразованно, не чуждо различныхъ суевѣрій и предразсудковъ; притомъ же еще раскольники щедрою рукою платили духовенству за свое спокойствіе и безопасность. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ можно было творить, что угодно, и факты въ родѣ поклоненія раскольниковъ несуществующимъ мощамъ были вполнѣ возможны.

На одномъ изъ многочисленныхъ мелкихъ озеръ теперешней Олонецкой губерніи, въ прошломъ столѣтіи, находился одинокій необитаемый Столпозерскій островъ (въ Выгозерскомъ станѣ). На немъ-то раскольники и помѣстили свою мнимую святыню.

Около 1760 г. они выстроили тамъ часовню, украсили ее св. иконами и другими необходимыми принадлежностями[2]), по срединѣ

Сдѣлано это было раскольничьимъ попомъ Стефаномъ Загородновымъ и лжеархіепископомъ Антоніемъ. Трупы были отправлены въ Москву, частицы ихъ разосланы по раскольничьимъ церквамъ, и затѣмъ они были перевезены за границу въ раскольничью митрополію. Дѣло это открылось совершенно случайно и только въ февралѣ 1895 г.; обсуждалось въ духовныхъ журналахъ въ іюлѣ и августѣ 1895 г.

[1]) Дѣло 1774 г., № 410.

[2]) «Вѣдомость, колико найдено въ Столпозерской часовнѣ св. образовъ и другихъ вещей, значить подъ симъ: 1) образъ Николая чудотворца, вѣнецъ и цата серебряные, чеканные, на немъ привѣсу женскіе лапочки; 2) образъ св. Епифанія кипрскаго и священномученика Кипріана, новой на немъ убрусь, штофный, зеленой, съ позументомъ золотымъ; 3) образъ Богородицы Тихвинской, вѣнецъ у Богородицы и у Спасителя серебряной, чеканной; 4) образъ Зосимы и Савватія соловецкихъ, на немъ четыре вѣнчика серебряныхъ, чеканныхъ; 5) образъ раз-

поставили свой «поклонный крестъ», подлѣ стѣнъ съ сѣверной и южной стороны устроили ящики, въ родѣ ларей, обклеили ихъ «шпалерною бумагою» и заколотили досками; среди же своихъ единовѣрцевъ распространили вѣсть, что въ тѣхъ ящикахъ находятся нетлѣнныя мощи преподобныхъ иноковъ Епифанія и Кипріана, составивъ при этомъ слѣдующее небезъинтересное сказаніе о жизни этихъ святыхъ.

«Когда де было въ древнее время правленіе книжное въ Россіи, чрезъ Никона патріарха, и гоненіе благочестивыя вѣры, тогда де живущіе на томъ Столпозерскомъ острову въ пещерахъ двое иноковъ, Епифаній и Кипріанъ, не хотя оставить старой вѣры, чуднымъ и неизвѣстнымъ способомъ, сошли въ воду и жили тамо тридцать лѣтъ; а по прошествіи де тѣхъ тридцати лѣтъ, явились нетлѣнными, которыхъ тутошніе житію ихъ ревнители и погребли, а оные по погребеніи на другой день явились наверхъ земли; потомъ паки ихъ зарыли въ землю, а оныя мощи и паки стали наверхъ земли, чего ради болѣе и погребать не стали; состроили надъ ними часовню и раки и почитаютъ ихъ за чудотворныя; отъ полуденной стороны почиваетъ препод. Кипріанъ, а отъ сѣверной — препод. Епифаній».

Толпы «правовѣрныхъ» изъ ближайшихъ окрестныхъ и изъ дальнихъ (даже до Сибири) мѣстъ неудержимо стремились на поклоненіе новоявленнымъ св. мощамъ. Изъ устъ въ уста, отъ одного другому, передавалось и составленное раскольниками сказаніе о житіи тѣхъ особенно угодившихъ Богу иноковъ. Часовня была поручена надзору одной женщины, Өевроньи Никитиной, жившей у раскольника Степана Егорова, но никогда не запиралась за множествомъ ежедневно стекающихся богомольцевъ... И долгое время все было, какъ говорятъ, шито-крыто...

Успѣшно начатое раскольниками дѣло испортила ихъ же единовѣрка, солдатка деревни Софроновой, выгозерской выставки, Степанида Дороѳеева. Побывавши въ часовнѣ, она всѣмъ и каждому начала разсказывать о «якобы» имѣющихся на Столпозерскомъ островѣ

ныхъ святыхъ, ветхой; 6) образъ Воскресенія Христова; 7) образъ Богородицы Казанской, ветхой; 8) еще образъ Зосимы и Савватія соловецкихъ, ветхой; 9) образъ Явленія Богородицы препод. Корнилію Комельскому; 10) образъ Іисуса Христа; 11) еще образъ Соловецкихъ чудотворцевъ, ветхой; 12) еще образъ Богородицы Тихвинской (оные образа всѣ штилистовые); 13) завѣса холстовая; 14) утиральниковъ новыхъ два и ветхихъ два; 15) платковъ набойчатыхъ три; 16) пеленъ двѣ; 17) набойчатаго холста три небольшихъ кончика; 18) книжка письменная разныхъ молитвъ, въ осьмуху; 19) денегъ въ ящикѣ, кой сожженъ, $7^1/_2$ алтынъ, и 20) книгъ: цвѣтникъ въ осьмуху письменная, измарагдъ письменная въ четверть ветхая, послѣдованіе церковнаго пѣнія и вселѣтнаго собранія въ осьмуху письменная ветхая, псалтырь печатная въ четверть ветхая, часословъ печатной ветхой въ осьмуху и тріодь цвѣтная письменная ветхая въ четверть».

вновь явившихся мощахъ, къ которымъ она «со многолюдствомъ» на поклоненіе ходила.

Слухъ о раскольничьихъ мощахъ достигъ, наконецъ, и духовенства. Разсказы солдатки слышали выгозерскій дьячекъ Ѳедоръ Семеновъ и пономарь Ѳедоръ Михайловъ; они въ свою очередь разсказали о слышанномъ кузаранскому священнику Петру Иванову, и всѣ трое отправились къ «поповскому старостѣ» (благочинному) Олонецкаго уѣзда, Выгозерскаго стана, Илопскихъ погостовъ, къ священнику Никифору Дмитріеву, посовѣтовались и рѣшили всѣмъ вмѣстѣ идти въ часовню на Столпозерскій островъ и осмотрѣть тамъ вновь явившіяся мощи, а для безопасности прихватить съ собой еще ближайшаго Толвуйскаго погоста о. діакона Прокопія Германова, да дьячка Ивана Стахіева.

«Для провожатства же и показанія часовни», говорится въ документахъ, «данъ былъ имъ отъ десятскаго, раскольника Степана Егорова, тамбичозерскаго жилища раскольника Ивана Константинова работникъ, выходецъ изъ Пудожскаго погоста, крестьянинъ правовѣрецъ, Савва Евдокимовъ». Провожатый полагалъ, что и духовенство идетъ на поклоненіе мощамъ; онъ откровенно передавалъ разсказы о житіи преподобныхъ иноковъ, довелъ ихъ до часовни, но замѣтивъ, что его слушаютъ невнимательно, смекнулъ, въ чемъ дѣло, и бѣжалъ въ лѣсъ.

При осмотрѣ, духовенство съ точностью опредѣлило мѣстоположеніе острова и послѣ сообщило своему начальству, что «островъ оный, называемый Столпозерской, на которомъ имѣются въ часовнѣ называемыя отъ обаянниковъ-раскольниковъ мощи, состоитъ между раскольническими жилищами, близъ тамбичозерскаго и кодозерскаго, разстояніемъ отъ тамбичозерскаго жилища въ 10-ти верстахъ, на пустомъ мѣстѣ». По глубокому убѣжденію осматривавшихъ часовню, «въ сдѣланныхъ гробницахъ ничего, кромѣ одного обмана, не имѣлось»; но они чистосердечно признавались, что не осмѣлились открыть гробницъ и удостовѣриться въ справедливости своихъ предположеній, «за сумнительствомъ и опасаясь дьявольскаго наважденія». Однако, «поповскій староста» нашелъ нужнымъ сообщить о всемъ вышеизложенномъ Олонецкой духовной консисторіи; консисторія, 2-го октября 1774 года, донесла объ этомъ своему епископу Веніамину[1]), бывшему въ то время и викаріемъ новгородскимъ; преосвященный же Веніаминъ, руководствуясь указомъ 27-го декабря 1765 г., предписывавшимъ по раскольничьимъ дѣламъ ничего

---

[1]) Преосвященный Веніаминъ (Румовскій или Краснопѣвковъ)—авторъ «Новой скрижали», «Священной исторіи для дѣтей», «Историч. описанія Архангельской епархіи» и переводчикъ «Исторіи о животныхъ», былъ епископомъ олонецкимъ и каргопольскимъ и викаріемъ новгородскимъ съ 20-го іюня 1774 г. до 1-го апрѣля 1775 г. Скончался архіепископомъ нижегородскимъ въ ночь съ 16-го на 17-е марта 1811 года.

«собою» не предпринимать, но о всемъ «описываться въ святѣйшій синодъ», 10-го октября 1774 г. представилъ о всемъ этомъ происшествіи на благоусмотрѣніе святѣйшаго синода.

Святѣйшій синодъ, не ожидая ничего хорошаго въ этомъ дѣлѣ отъ мѣстнаго духовенства, убоявшагося «дьявольскаго наважденія», 15-го октября сообщилъ объ этихъ раскольникахъ, соблазняющихъ народъ, правительствующему сенату, причемъ высказалъ мнѣніе, что часовню ту необходимо «чрезъ свѣтскую команду заарестовать», а находящіеся въ ней гробы или раки освидѣтельствовать вмѣстѣ «съ духовными персонами, отъ епархіальнаго архіерея опредѣленными», и зарыть въ землю въ неизвѣстномъ раскольникамъ мѣстѣ, часовню разорить, съ разгласителями же ложныхъ чудесъ поступить по законамъ. Святѣйшій синодъ рекомендовалъ сенату принять всѣ предосторожности, чтобы раскольники не узнали о намѣреніяхъ правительства и не могли скрыть тѣхъ гробницъ.

Такъ какъ Олонецкій край принадлежалъ тогда къ обширнѣйшей Новгородской губерніи, то сенатъ 24-го октября поручилъ новгородскому губернатору, «яко хозяину, знающему способы, какимъ образомъ сіе вредное суевѣріе отъ заразившихся онымъ раскольниковъ взять, ближайшее во всемъ томъ распоряженіе сдѣлать»... Сенатъ предлагалъ губернатору послать на тотъ Столповерскій островъ надежнаго человѣка, который бы, вмѣстѣ съ депутатами отъ духовенства, безъ особеннаго о томъ «разглашенія», положилъ конецъ кощунству раскольниковъ, и главныхъ разгласителей о мощахъ— Степана Егорова, Ивана Константинова, Савву Евдокимова, Степаниду Дороѳееву и Ѳевронью Никитину, арестовалъ бы и прислалъ въ сенатъ; «чего для», добавлялъ сенатъ, «ежели къ тому потребна будетъ воинская команда, то оную-бъ употребилъ изъ находящихся при губерніи штатныхъ ротъ».

Новгородскій губернаторъ, генералъ-поручикъ и кавалеръ Яковъ Сиверсъ, прежде всего списался съ святѣйшимъ синодомъ относительно назначенія депутатовъ съ духовной стороны. Святѣйшій синодъ, не сносясь съ преосвященнымъ Веніаминомъ, «дабы не послѣдовало какого разглашенія», назначилъ съ духовной стороны къ слѣдствію по этому дѣлу бывшихъ уже тамъ, но «убоявшихся дьявольскаго наважденія», поповскаго старосту, священника Петра Иванова, да еще, Олонецкаго Троицкаго собора, протопопа Леонтія Андреева. Съ гражданской же стороны, для исполненія даннаго порученія, губернаторомъ былъ избранъ «способнѣйшій изъ Олонецкой провинціальной канцеляріи, воеводскій товарищъ, маіоръ флота, капитанъ-лейтенантъ Иванъ Пыхтинъ». Ему отъ губернатора дана была инструкція, въ которой прямо указывалось на приглашеніе военной силы со всѣми аттрибутами военнаго похода. Въ инструкціи между прочимъ говорилось: «истребовать отъ Олонецкой провинціальной канцелярія штатнаго оберъ-офицера, и при унтеръ-офицерѣ и

капралѣ, рядовыхъ 12 человѣкъ съ ружьями и со всѣми воинскими снарядами, и подлежащее число прогоновъ для него, со онoю командою и съ реченными опредѣленными духовными персонами, а на записку оныхъ прогоновъ, въ приходъ и расходъ за печатью, шнуромъ и секретарскою скрѣпою тетрадь». Далѣе говорилось, чтобы изъ города Олонца на Столпозерскій островъ ѣхать не прямою, а окольною дорогою, «и сіе не для чего другого, какъ для того, чтобъ никто изъ городскихъ и изъ команды его знать не могли, куда онъ отправляется»; во время пути тоже никому не говорить, куда и зачѣмъ ѣдетъ, и дорогу выспрашивать не къ Столпозерскому острову, а къ ближайшимъ отъ того мѣста селеніямъ. По прибытіи же на островъ, лживыя раскольничьи мощи осмотрѣть; если найдутся гробы, то зарыть ихъ въ землю; часовню разорить; разгласителей-раскольниковъ прислать въ Петербургъ.

Воеводскій товарищъ и протопопъ Андреевъ съ военною командою, 5 ноября 1774 года, прибыли въ Челлужскій погостъ. Протопопъ Андреевъ, оставивъ Пыхтина, отправился за кузаранскимъ священникомъ Петромъ Ивановымъ. По дорогѣ ему удалось «схватить» и солдатку Степаниду. На другой день, въ пятомъ часу по полудни, всѣ были уже въ 10-ти верстахъ отъ острова (около тамбичозерскаго раскольничьяго жилища) и тамъ «военною командой поймали» еще двухъ раскольниковъ (Ивана Константинова и Савву Евдокимова). Хотѣли отправиться на островъ, но не знали дороги. Священникъ Ивановъ говорилъ, что ѣздилъ туда въ лѣтнее время чрезъ мхи и болота, а зимою не знаетъ, какъ туда проѣхать. Арестованные раскольники тоже отговаривались незнаніемъ дороги. Случайно попался раскольникъ изъ Кодозера, Ларіонъ Терентьевъ, и проводилъ ихъ до мѣста.

На островѣ, около берега, нашли незапертую часовню, а въ часовнѣ—лари на подобіе гробницъ. Чувствуя себя въ состояніи сразиться хотя бы и въ самимъ дьяволомъ, пришедшіе на этотъ разъ не испугались вскрыть гробницы... но въ нихъ ничего не оказалось. Сломали ихъ, разобрали въ часовнѣ полъ... и тамъ тоже ничего не нашли. Начали рыть землю, выкопали въ глубину на три аршина... и тоже, кромѣ песку и булыжнику, ничего не отыскали. Тогда часовню сожгли, а пойманныхъ раскольниковъ отправили въ Петербургъ.

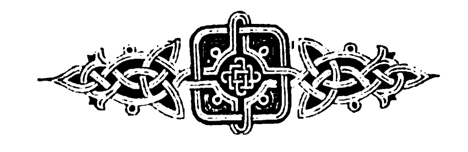
Такъ закончилось поклоненіе, чествованіе и прославленіе раскольниками никогда несуществовавшихъ вымышленныхъ мощей иноковъ Кипріана и Епифанія. Раскольники въ этой исторіи отдѣлались сравнительно дешево—потеряли изъ своей среды трехъ человѣкъ, хотя велѣно было арестовать пятерыхъ.

Гдѣ же еще двое изъ разгласителей о мощахъ—Степанъ Егоровъ и Θевронья Никитина? По показанію раскольничьяго старосты Назара Иванова, одинъ утонулъ, а другая умерла. При показаніи о

смерти Февроньи Никитиной, между прочимъ, было разсказано, что въ іюлѣ 1774 года въ тамбичозерскій раскольничій скитъ прибыли «поповскій староста» священникъ Никифоръ Дмитріевъ и съ нимъ 8 неизвѣстныхъ лицъ, по дорогѣ къ Столпозерскому острову они встрѣтили раскольника Ивана Васильева, связали его и били, требуя 50 рублей... Затѣмъ пришли въ домъ раскольника Ивана Константинова и тамъ схватили вдову Февронью Никитину; сначала они сковали ее съ раскольникомъ Иваномъ Васильевымъ, но когда у него было «вымучено» 40 рублей, то его отпустили; вдову же взяли съ собой въ Толвуйскій погостъ и «съ боемъ» требовали у ней 50 рублей; она заплатила имъ 9 рублей, а отъ побоевъ «чрезъ двои сутки» умерла.

Арестованные раскольники на допросѣ въ показаніяхъ своихъ не распространялись о мощахъ и о поклоненіи имъ, а жаловались на духовенство, обвиняя его въ грубомъ обращеніи съ раскольниками и въ вымогательствѣ денегъ. И показанія ихъ не были оставлены безъ вниманія. Напротивъ, начавшійся по этому поводу судъ надъ духовенствомъ тянулся довольно долгое время, до 1776 года. Дѣло было окончательно рѣшено даже безъ вѣдома святѣйшаго синода. 8 марта 1776 года, синодальный членъ, архіепископъ новгородскій Гавріилъ (Петровъ), объявилъ въ засѣданіи святѣйшаго синода, что дѣло объ обидахъ, наносимыхъ олонецкимъ духовенствомъ тамошнимъ записнымъ раскольникамъ, ея императорскимъ величествомъ рѣшено, «и по тому рѣшенію о тѣхъ священникахъ исполненіе учинить отъ ея императорскаго величества препоручено его преосвященству». Въ чемъ состояло это рѣшеніе, неизвѣстно. Святѣйшій синодъ отмѣнилъ всѣ сдѣланныя по этому случаю распоряженія, а самое дѣло исключилъ изъ числа нерѣшенныхъ и велѣлъ отдать въ архивъ.

К. Здравомысловъ.



РУССКІЙ ЛЕКТОРЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

ЕСНОЮ 1895 года, одинъ изъ нашихъ молодыхъ литераторовъ, кн. С. М. Волконскій, получилъ приглашеніе отъ Лоуэльскаго института въ Бостонѣ прочитать курсъ лекцій по русской исторіи и русской литературѣ, съ условіемъ дать полную картину своего предмета въ восьми лекціяхъ. Учрежденіе, обратившееся къ кн. Волконскому съ такимъ приглашеніемъ настолько оригинально, что мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о немъ самомъ, пользуясь тѣми свѣдѣніями, какія даетъ о немъ кн. Волконскій. Основано оно на средства, пожертвованныя въ 1839 году нѣкіимъ Лоуэлемъ для устройства публичныхъ чтеній, при чемъ по волѣ жертвователя оно не владѣетъ собственнымъ помѣщеніемъ, а пользуется наемными залами, и въ настоящее время чтенія происходятъ въ большой залѣ Бостонскаго технологическаго института, вмѣщающей 900 слушателей. Эта вольная академія, въ которую приглашаются лекторы со всего свѣта, не имѣя совсѣмъ характера учебнаго заведенія, посѣщается очень охотно. Во времена квакерскія, когда театры были запрещены, Лоуэльскія лекціи привлекали представителей всѣхъ классовъ бостонскаго общества; съ тѣхъ поръ какъ театры и концерты стали соперничать съ публичными чтеніями, составъ слушателей измѣнился, впрочемъ, не къ худшему: отхлынулъ нарядный элементъ, остался одинъ серьезный,

и впечатлѣніе отъ аудиторіи получается самое благопріятное. «Всякій, кому приходилось читать передъ ней,—говоритъ кн. Волконскій,— вспоминаетъ съ благодарностью Лоуэльскую публику—внимательную, отзывчивую, хотя и сдержанную въ сравненіи съ вулканическими проявленіями публики университетской».

По прибытіи въ Америку, послѣ первой лекціи, прочитанной въ Лоуэльскомъ институтѣ 5 февраля 1896 года, кн. Волконскій получилъ цѣлый рядъ приглашеній для прочтенія цѣлаго курса или его части отъ университетовъ, гимназій, литературныхъ обществъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ лекціи, кромѣ Лоуэльскаго института, повторялись въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Гарвардскомъ университетѣ въ Кембриджѣ, въ Колумбіевскомъ университетѣ въ Нью-Іоркѣ, въ Вашингтоновскомъ литературномъ обществѣ въ Вашингтонѣ, въ Чикагскомъ университетѣ, въ Чикаго же по приглашенію университета публично, тамъ же по приглашенію литературнаго общества (Twentieth Century Club), тамъ же по приглашенію унитаріанской церкви, въ С.-Луисѣ по приглашенію художественной школы, въ Корнэлльскомъ университетѣ, въ Итакѣ по приглашенію гимназіи, наконецъ, въ Нью-Іоркѣ прочитана уже наканунѣ отъѣзда благотворительная лекція въ пользу русской церкви. Успѣхъ лекцій о Россіи выразился не только въ указанныхъ повтореніяхъ курсовъ, но и въ основаніи постоянной каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Гарвардскомъ университетѣ въ Кембриджѣ, такъ что ознакомленіе американскаго общества съ Россіей и славянскимъ міромъ не будетъ уже зависѣть отъ случайнаго приглашенія того или другого лектора. Англійскій текстъ лекцій кн. Волконскаго напечатанъ въ Бостонѣ подъ заглавіемъ: «Pictures of Russian history and Russian literature», а русскій переводъ, вышедшій недавно, встрѣтилъ такой сочувственный пріемъ со стороны нашего общества, что понадобилось второе изданіе книги.

Выдающійся успѣхъ лекцій кн. Волконскаго въ Америкѣ и его книги въ Россіи служитъ для насъ достаточнымъ побужденіемъ, чтобы познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ пріемами изложенія почтеннаго автора и съ тѣми руководящими идеями, которыя положены имъ въ основу своего курса. Тѣ средства, которыми разъясняются особенности изслѣдуемаго предмета, при устномъ изложеніи опредѣляются не столько самимъ предметомъ или личностью изслѣдователя, сколько той аудиторіей, тѣмъ обществомъ, которое имѣетъ въ виду лекторъ. Предъ кн. Волконскимъ въ Америкѣ собиралась такая публика, для которой требовалось совершенно исключительное изложеніе: его слушателями были люди образованные, вполнѣ подходившіе къ уровню университетской публики, но при этомъ совсѣмъ незнакомые съ тѣми вопросами, которые должны были разбираться въ лекціяхъ. «Это весьма осложняло задачу составителя,—говоритъ авторъ,—такъ какъ приходилось сочетать два до-

вольно трудно сочетаемыхъ условія: популярность, почти элементарность изложенія фактической стороны и нѣкоторую серьезность въ постановкѣ вопросовъ, въ освѣщеніи фактовъ, въ обобщеніяхъ, выводахъ и т. д.; необходимо было снабдить курсъ всѣмъ тѣмъ, что способно заинтересовать людей, уже давно вышедшихъ изъ ученическаго возроста; приходилось дать нѣчто въ родѣ гимназическаго учебника ad usum профессоровъ».

Но, кромѣ преобладанія идейной стороны надъ фактическимъ матеріаломъ, почти необходимымъ условіемъ устнаго изложенія слѣдуетъ признать его живость и образность, и въ этомъ отношеніи нашъ лекторъ достигаетъ большого мастерства: цѣлый рядъ удачныхъ сравненій, иногда остроты, сопоставленіе стараго съ новымъ, умѣло подобранныя цитаты изъ источниковъ и литературныхъ пособій, интересные эпизоды изъ личныхъ наблюденій, указаніе на первый взглядъ мелочныхъ особенностей одежды, прически, домашней обстановки, болѣе же всего не головное, а чисто любовное, сердечное отношеніе къ своему предмету,—все это даже въ чтеніи производитъ очень хорошее впечатлѣніе, и несмотря на то, что читаешь все о знакомыхъ предметахъ, интересъ нисколько не ослабѣваетъ, такъ что намъ понятнымъ становится то любопытство, которое было возбуждено въ американской публикѣ лекціями о Россіи; а такъ какъ авторъ признаетъ, что его задачей было не столько ознакомить иностраннаго слушателя съ предметомъ (что̀ почти невозможно въ восемь часовъ), сколько заинтересовать его, то намъ представляется, что эта задача выполнена имъ какъ нельзя лучше. Въ этомъ отношеніи разбираемое сочиненіе мы можемъ поставить въ примѣръ очень и очень многимъ изъ нашихъ ученыхъ, которые почему-то усвоили себѣ очень непохвальную привычку писать такимъ образомъ, что ихъ книги оказываются вполнѣ невозможными для чтенія обыкновенныхъ людей: изложеніе тяжелое, растянутое, скучное, становится какъ бы необходимою принадлежностью ученаго труда, а между тѣмъ и спеціалисты не только ничего не потеряли бы, но даже очень много могли бы выиграть, если бы ихъ собратья не затрудняли имъ работы своимъ неряшливымъ изложеніемъ, вѣдь пишутъ же западные ученые такъ, что ихъ произведенія удобочитаемы и не доставляютъ интеллектуальной муки, какъ многіе плоды нашей отечественной учености.

Малое количество времени, которымъ располагалъ лекторъ и въ которое онъ долженъ былъ дать своимъ слушателямъ полный обзоръ развитія русской исторіи и русской литературы отъ призванія варяговъ до нашихъ дней, было причиною необыкновенной сжатости изложенія, нисколько, однако, не ослабившей его живости и картинности, а съ другой стороны привело его къ такому пониманію своей задачи, которое на первый взглядъ можетъ намъ показаться одностороннимъ, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ,

обусловившихъ курсъ, мы должны будемъ согласиться съ лекторомъ. Требовалось уяснить иностранцамъ сущность нашего историческаго развитія, указать имъ нашъ духовный ростъ, а потому и вполнѣ естественно было останавливать ихъ вниманіе на свѣтлыхъ, положительныхъ сторонахъ нашей жизни. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ авторъ: «Развернуть предъ иноземцами все, что въ нашей отечественной исторіи есть высокаго, поучительнаго, живописнаго; показать имъ все, что вызываетъ въ нашемъ умѣ великія имена нашей исторіи и нашей литературы и что составляетъ духовную пищу всякаго образованнаго русскаго; разоблачить въ твореніяхъ нашихъ поэтовъ и писателей лучшія стороны русской народной души; дать почувствовать иноземцамъ, что страна, о которой большинство изъ нихъ не знаетъ ничего, кромѣ разсказовъ о снѣгѣ, о волкахъ и о тайной полиціи, заключаетъ въ себѣ цѣлый имъ невѣдомый міръ духовныхъ радостей,—вотъ задача автора». Сказавъ, что такая постановка вопроса не можетъ повлечь ни къ односторонности, ни къ излишнему оптимизму, авторъ очень основательно замѣчаетъ, что «подчеркиваніе красоты въ жизни не значитъ искаженіе дѣйствительности, и внушить иностранцу любовь ко всему русскому такъ же существенно, какъ внушить всякому русскому любовь ко всему человѣческому. Карамзинъ сказалъ: «Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, для выгоды человѣка, то мое, ибо и я человѣкъ». Такъ говорилъ Карамзинъ; но съ тѣхъ поръ мы выросли, и въ наши дни широкаго обмѣна международной мысли, когда національныя границы, такъ грозно оберегаемыя политикой, блѣднѣютъ въ совѣсти людской подъ всепрощающимъ крыломъ науки, искусства, религіи, мы можемъ перевернуть слова Карамзина, и сказать иностранцу: «Да, мы люди, а не только русскіе, и то, что есть хорошаго, высокаго, прекраснаго у насъ, то не можетъ не быть прекрасно для другихъ, и что русскій создалъ для блага человѣка, то ваше, ибо и вы люди».

Приведенныя нами слова кн. Волконскаго, мотивируя существенную особенность его изложенія, даютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ истинное понятіе о его взглядахъ на отношеніе національнаго элемента къ общечеловѣческимъ началамъ. Эти взгляды сближаютъ автора съ Вл. С. Соловьевымъ, которому въ книгѣ не разъ высказывается очень опредѣленное сочувствіе: авторъ не скрываетъ своего патріотизма, но этотъ патріотизмъ совсѣмъ не такого свойства, чтобы вести къ человѣконенавистничеству, къ горделивому превозненесенію себя предъ всѣми другими народами, напротивъ это патріотизмъ высокой пробы, подчиняющій національныя задачи общечеловѣческимъ идеаламъ, и въ частичномъ хотя бы осуществленіи этихъ послѣднихъ признающій главную и существенную задачу всякой народности.

Такого рода толкованіе взаимнаго отношенія элементовъ національнаго и общечеловѣческаго, конечно, должно предохранить отъ увлеченія тѣмъ одностороннимъ и злостнымъ національизмомъ, который за послѣдніе годы нашелъ у насъ такое большое число приверженцевъ, и само собою разумѣется, что нашъ авторъ не изъ ихъ числа, и что онъ не упускаетъ случая указать, гдѣ слѣдуетъ, ложность этой властной доктрины.

Однако, прежде чѣмъ обратиться къ разбору руководящихъ идей сочиненія кн. Волконскаго и представить нашимъ читателямъ освѣщеніе фактовъ нашей исторіи и литературы, какое мы у него находимъ, скажемъ два слова о внѣшней сторонѣ его книги, о томъ ученомъ аппаратѣ, которымъ авторъ сопровождаетъ свое изложеніе, о тѣхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, которыми предполагается до нѣкоторой степени восполнить пробѣлы устнаго изложенія, вызванные ограниченностью времени и сжатостью разсказа. Эти примѣчанія двоякаго рода. Одни даютъ библіографическія указанія по русской исторіи и русской литературѣ; желающій найдетъ въ нихъ очень цѣнное пособіе для ознакомленія съ предметомъ. Такъ какъ книга предназначалась для иностранцевъ, то, понятно, указанія ограничиваются въ большинствѣ случаевъ иностранною библіографіей. Другаго рода примѣчанія направлены къ тому, чтобы освѣтить разбираемую эпоху или разбираемаго автора отзывами позднѣйшей русской критики: такъ подъ строкою Карамзинъ говоритъ о Сумароковѣ, Бѣлинскій о Державинѣ, А. Н. Пыпинъ о Бѣлинскомъ и т. д. Этимъ путемъ читателю сообщается заразъ двѣ величины, значеніе того или другого автора въ современной ему средѣ и путь, пройденный русской мыслью послѣ него. Конечно, цѣлесообразность такого рода примѣчаній не можетъ подвергаться ни малѣйшему сомнѣнію. Какой перечень историческихъ трудовъ, напримѣръ, дастъ болѣе наглядное представленіе объ успѣхахъ русской исторической науки, чѣмъ отзывъ Бѣлинскаго объ «Исторіи» Карамзина? Книга, появленіе которой Пушкинъ сравниваетъ съ открытіемъ Америки, черезъ двадцать пять лѣтъ, по словамъ Бѣлинскаго (совпадающимъ съ болѣе раннимъ отзывомъ Николая Полеваго), уже вытѣснена изъ числа сочиненій, удовлетворяющихъ требованіямъ «современнаго» ума.

Обращаясь къ предмету своихъ чтеній, князь Волконскій старается разъяснить причины появленія всякихъ превратныхъ толковъ о Россіи въ западной публикѣ, и сказавъ нѣсколько словъ объ извѣстной исторической причинѣ этого невѣдѣнія европейцевъ, онъ очень остроумно указываетъ причину психологическую, намѣченную когда-то еще княземъ Вяземскимъ. «Люди обыкновенно составляютъ себѣ,—говоритъ нашъ авторъ,—извѣстный запасъ апріористическихъ мнѣній о странѣ, и, когда они туда пріѣзжаютъ, то вмѣсто того, чтобы раскрыть свой умъ для воспріятія новыхъ впе-

чатлѣній, новыхъ вліяній, они заняты лишь тѣмъ, что подмѣчаютъ малѣйшіе факты, могущіе служить подтвержденіемъ ихъ заранѣе составленнаго мнѣнія: имъ нужно, во что бы то ни стало, чтобы дѣйствительность совпала съ ихъ ожиданіями. Я помню одну американку, которая откровенно признавалась, что она была совершенно разочарована въ русскихъ романахъ, изображающихъ русскую жизнь: то, что они описывали, было совсѣмъ не оригинально, лишено «мѣстнаго колорита», жизнь оказывалась такая же, какъ и вездѣ,— ей гораздо болѣе нравились англійскіе романы про Россію: «въ нихъ гораздо больше русскаго». Замѣчаніе характерно. «Русскій романъ», то-есть романъ изъ русской жизни, какъ онъ извѣстенъ въ англійской и французской литературѣ, пріобрѣтаетъ своего рода экзотическую прелесть: экзотизмъ снѣга, волковъ, агентовъ тайной полиціи съ вѣчно угрожающею Сибирью, придаетъ пріѣвшимся описаніямъ человѣческихъ страстей тотъ же самый лоскъ, какой иные писатели стараются придать имъ, перенося мѣсто дѣйствія своихъ повѣстей въ Среднюю Африку или Новую Зеландію. По странной наклонности ихъ пера, а, можетъ быть, и потому, что они подделывались подъ вкусъ большинства своихъ читателей, эти авторы въ тѣхъ вещахъ, которыя они описывали,— вѣрно ли, ложно ли, въ данномъ случаѣ безразлично,— казалось, обращали свое вниманіе исключительно въ одну сторону; вотъ почему вышло, что имя нашей родины получило грустное свойство вызывать въ умѣ иностранца отвратительныя картины рабства, жестокости и больше ничего».

Конечно, публику, выросшую въ такихъ предразсудкахъ относительно огромной страны съ своеобразными культурными условіями, слѣдуетъ избавить отъ ея заблужденій, и обязанность такого рода лежитъ прежде всего на представителяхъ этой страны. Исполненіе этого долга доставляетъ высокое наслажденіе, такъ какъ опять же даетъ возможность указать въ своемъ народномъ обликѣ черты общечеловѣческія. «Удовольствіе, которое мы испытываемъ,— говоритъ князь Волконскій,— когда посвящаемъ другихъ въ исторію нашей родины, не отъ того проистекаетъ, что мы усиливаемъ, подчеркиваемъ націонализмъ, или придаемъ абсолютную цѣнность тому, что имѣетъ лишь частное значеніе,— удовольствіе наше происходитъ отъ того, что отъ тѣхъ событій, которыя имѣютъ временное или мѣстное значеніе, мы отвлекаемъ вѣчные элементы нравственной и художественной красоты и, покинувъ почву нашихъ частныхъ интересовъ, передаемъ ихъ въ ту общую сокровищницу науки и искусства, гдѣ нѣтъ собственности ни личной, ни народной». Высказавъ эти общія идеи и коснувшись двухъ противоположныхъ направленій, универсализма и націонализма (сужденіе о нихъ автора намъ уже извѣстно), князь Волконскій въ своей первой лекціи дѣлаетъ обозрѣніе русской исторіи, какъ онъ самъ вы-

ражается, «съ птичьяго полета», набрасываетъ программу своихъ дальнѣйшихъ чтеній, «разставляетъ вѣхи» своего разсказа, и мы уже заранѣе видимъ, какъ при обозрѣніи древней нашей исторіи онъ обратитъ свое преимущественное вниманіе на ростъ духовнаго сознанія, рядомъ съ государственнымъ строительствомъ, какъ онъ отмѣтитъ въ старинѣ московской сѣмена новаго движенія, приведшаго къ Петровской реформѣ, на которой, какъ и на личности великаго преобразователя, онъ остановится съ особенною любовью; какъ затѣмъ въ XVIII вѣкѣ онъ будетъ слѣдить за постепеннымъ усвоеніемъ русскимъ обществомъ западныхъ началъ, ярко выразившимся въ превращеніи Петровскихъ Staats-науки и Staats-литературы черезъ какія нибудь сто лѣтъ, во времена Пушкина, въ органическое умственное движеніе русскаго общества и въ чисто народную литературу, не чуждающуюся, однако, элементовъ общечеловѣческихъ, и какъ наконецъ онъ подойдетъ къ нашему времени, когда русское умственное движеніе «примкнуло къ общеевропейскому, но уже не для того, чтобы заимствовать или учиться, даже не для того, чтобы сотрудничать, а для того, чтобы воздѣйствовать и вліять».

Три первыя лекціи посвящены древней русской исторіи и Петровской эпохѣ. Начинаетъ авторъ съ Геродота и Тацита, но онъ не вдается въ мелочный анализъ извѣстій этихъ классическихъ историковъ, останавливается на томъ, что имѣетъ болѣе широкій интересъ. Обративъ вниманіе на указаніе Тацита о движеніи славянъ съ востока на западъ, князь Волконскій высказываетъ слѣдующее, очень любопытное соображеніе: «Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о колоніяхъ, который можно и оспаривать, мы должны признать, что при передвиженіяхъ европейскихъ народовъ въ предѣлахъ европейскаго материка западное направленіе становилось источникомъ усиленія, обогащенія; какъ и всякое дѣйствіе, согласное съ законами природы, оно вызывало ростъ народныхъ силъ, тогда какъ движеніе на востокъ всегда требовало огромныхъ матеріальныхъ жертвъ. Также точно и съ точки зрѣнія нравственной: западное направленіе для европейскихъ народовъ всегда оказывалось источникомъ духовнаго и умственнаго роста, въ то время какъ востокъ требовалъ дѣлежа духовныхъ силъ; мы бы могли охарактеризовать оба направленія, сказавъ, что движеніе европейскаго народа на востокъ есть движеніе воспитательное, движеніе же на западъ—самовоспитательное. Кто посмотритъ на исторію Россіи съ точки зрѣнія западнаго и восточнаго теченій человѣческихъ расъ, тотъ увидитъ, что онъ прикоснулся къ самому коренному вопросу этого народа, который въ началѣ VII вѣка двинулся съ нижняго теченія Дуная, а въ концѣ XIX является посредникомъ между Китаемъ и Японіей». Въ этой общей схемѣ западныхъ и восточныхъ теченій есть на нашъ взглядъ кое-что произвольное и требующее дока-

зательствъ, какъ, напримѣръ, признаніе перевѣса матеріальныхъ жертвъ при восточномъ направленіи (не забудемъ нѣмецкій Drang nach Osten, столько вѣковъ совершающійся безъ особенно сильныхъ жертвъ); кромѣ того, упущена изъ виду давность стремленія русскаго племени на востокъ; но съ устраненіемъ этихъ недочетовъ, опредѣленіе двухъ направленій, какъ воспитательнаго и самовоспитательнаго, имѣетъ несомнѣнную философско-историческую цѣнность.

Разсматривая домонгольскій періодъ нашей исторіи, авторъ преимущественно слѣдитъ за ростомъ культурнаго сознанія, которое выработывалось изъ столкновенія обрядовой стороны язычества съ христіанскими идеалами. Анализъ духовныхъ стиховъ рядомъ съ языческими пѣснями приводитъ къ заключенію, что христіанство завладѣло воображеніемъ народа, тогда какъ прежняя вѣра (въ формѣ переживанія) владѣла его памятью. Указавъ на значеніе нашего былиннаго эпоса, какъ на отраженіе борьбы со степью, составляющей продолженіе стараго спора Европы и Азіи, авторъ посвящаетъ нѣсколько строкъ «Слову о полку Игоревѣ», поэтическое достоинство котораго особенно ярко видно въ оживотвореніи природы. «Новому романтизму,— замѣчаетъ князь Волконскій,— съ его попытками одушевить природу при помощи забытыхъ призраковъ, взятыхъ изъ старыхъ легендъ, никогда не удавалось съ такою силой заставить насъ увѣровать въ сліяніе природы съ человѣкомъ, какъ этой древней пѣснѣ, гдѣ трава сохнетъ отъ тоски». Изъ князей Кіевскаго періода авторъ подробно говоритъ о Ярославѣ и его законодательствѣ и, конечно, о Владимирѣ Мономахѣ, при чемъ разбираетъ его «Поученіе», хотя тутъ нельзя не пожалѣть, что онъ не упоминаетъ совсѣмъ о его отрицаніи смертной казни, а такое упоминаніе одного изъ главнѣйшихъ гуманныхъ правилъ «Поученія» было бы очень не лишнимъ для западной публики.

Разсказъ о монгольскомъ нашествіи, о возвышеніи Москвы и собираніи Русской земли, о Димитріи Донскомъ, о двухъ Іоаннахъ, ведется авторомъ очень живо и образно, причемъ постоянно дается и оцѣнка выступающихъ передъ нами дѣятелей съ исторической точки. Приводя различные отзывы ученыхъ объ Іоаннѣ Грозномъ, авторъ не можетъ стать на сторону обѣляющихъ этого царя и говоритъ: «психологія можетъ приводить смягчающія обстоятельства,— исторія записываетъ приговоръ народнаго суда». Бѣглый очеркъ просвѣщенія этой эпохи вызываетъ со стороны автора энергичное возраженіе противъ тѣхъ людей, которые полагаютъ, что Россія не много потеряла отъ татарскаго ига, не пошла назадъ, а осталась на мѣстѣ. «Они не сознаютъ,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—какъ жестоко погрѣшаютъ они противъ исторіи, когда такъ говорятъ: въ исторіи не бываетъ, не можетъ быть остановокъ; тѣмъ самымъ, что народъ не подвигается впередъ, онъ уже уходитъ назадъ, ибо

другіе народы идутъ и не дожидаются. Подумайте только, что въ это время происходило въ Западной Европѣ, съ какою быстротой и какими богатырскими шагами подвигался человѣческій умъ на пути завоеваній, и вы поймете, какъ далеко позади была оставлена эта страна, и какое невѣроятное усиліе потребуется отъ нея, чтобы нагнать общее движеніе». Добавимъ къ этой аргументаціи автора, что регрессъ замѣчался и въ дѣйствительности, и онъ особенно бросается въ глаза, если мы сравнимъ нравственныя воззрѣнія домонгольской эпохи съ сильно понизившимися идеалами татарскаго и московскаго періодовъ.

Послѣ краткаго обзора смутнаго времени, кн. Волконскій говоритъ о временахъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ и особенно останавливается на новыхъ культурныхъ теченіяхъ, проявлявшихся при ихъ дворѣ и въ обществѣ, довольно подробно разбираетъ споръ изъ-за Никоновыхъ исправленій, характеризуетъ кн. Голицына, Ордина-Нащокина и Матвѣева. Такимъ образомъ мы подходимъ къ Петру Великому. Не будемъ касаться фактической стороны, а посмотримъ, какъ авторъ опредѣляетъ значеніе преобразователя. «Историческій образъ Петра Великаго,—говоритъ онъ,—имѣетъ свои три измѣренія: въ ширину онъ безконеченъ, ибо онъ воплощаетъ всѣ потребности и всѣ способности своей земли, и до сихъ поръ, къ какой бы отросли народнаго богатства вы ни прикоснулись, — вы найдете слѣдъ его руки; въ высоту онъ неизмѣримъ, ибо совмѣщаетъ въ себѣ всѣ общественные слои, отъ плотника до государя; въ глубину онъ безграниченъ, ибо онъ не только выводитъ изъ прошлаго и осуществляетъ въ настоящемъ самыя жизненныя задачи народной исторіи, но онъ водружаетъ вѣхи безпредѣльнаго будущаго тѣмъ, что намѣчаетъ единственно возможный для Россіи путь развитія, — путь участія во всемірномъ просвѣщеніи». Изъ приведенной цитаты намъ ясно восторженное отношеніе автора къ Петру Великому, и отсюда намъ будетъ понятенъ его взглядъ на славянофиловъ. «До сего дня и, вѣроятно, навсегда,—читаемъ мы далѣе,—русскій мыслящій человѣкъ не можетъ держаться установленнаго мнѣнія о величіи Петра, безъ того, чтобы извѣстная партія не запихала его въ самый дальній уголъ того, что они называютъ «западничествомъ», и что въ послѣдней своей формѣ является уже однозначащимъ съ антипатріотизмомъ. Что до меня, то я предпочитаю эту преувеличенную форму обвиненія: она заключаетъ въ себѣ зародышъ собственной несостоятельности и, вовсе не уязвляя того, на кого направлена, падаетъ обезвреженная своимъ же собственнымъ безсиліемъ; я предпочитаю быть обвиненнымъ въ антипатріотизмѣ, чѣмъ исповѣдывать чувства, которыя нашъ философъ (Вл. С. Соловьевъ) окрестилъ характернымъ наименованіемъ «зоологическаго патріотизма». Въ этомъ своемъ нападеніи на славянофильство кн. Волконскій сходится съ Вл. С. Соловьевымъ, и по

нашему мнѣнію, онъ такъ неправъ, какъ и нашъ уважаемый философъ: нападая якобы на славянофильство, они борются съ узкимъ націонализмомъ, который раньше проповѣдывался Погодинымъ и Шевыревымъ, а впослѣдствіи проводился Катковымъ и теперь поддерживается разными бездарными послѣдователями послѣдняго публициста; это дѣйствительно зоологическій и даже сикофантскій патріотизмъ, но съ нимъ ничего общаго не можетъ имѣть славянофильство, никогда не отрицавшее значенія общечеловѣческой культуры. Мѣсто намъ не позволяетъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ, и поэтому поневолѣ мы на голословное утвержденіе князя Волконскаго отвѣчаемъ почти такимъ же голословнымъ отрицаніемъ.

Въ пятой лекціи кн. Волконскій говоритъ о нашей исторіи XVIII вѣка, причемъ главное вниманіе, конечно, обращается на усвоеніе нами западнаго просвѣщенія, сперва внѣшнее и долгое время полусознательное, такъ что даже у такой личности, какъ Екатерина II, перенесеніе къ намъ западныхъ воззрѣній не вполнѣ жизненно и на практикѣ оказывается неосуществимымъ, вслѣдствіе чего и появляются колебанія въ ея дѣятельности. Рядомъ съ усвоеніемъ чужаго идетъ, однако, и выработка кое-чего своего собственнаго, и въ литературѣ, у Державина и Фонвизина, начинаетъ за чуждыми формами проглядывать родная жизнь. И вотъ это-то новое теченіе вводитъ насъ въ русскій XIX вѣкъ, которому посвящаются остальныя три лекціи.

Вотъ какъ характеризуется начало этого вѣка. «Струя научныхъ и литературныхъ интересовъ врывается въ жизнь и захватываетъ умы: возникаетъ самостоятельный классъ литераторовъ, которые силою труда и авторитетомъ таланта опредѣляютъ и утверждаютъ направленіе русской мысли. Офиціальные круги, до той поры бывшіе единственными проводниками просвѣщенія, теперь пріобрѣтаютъ такихъ сотрудниковъ, что уже теряютъ то исключительное значеніе, какое имъ принадлежало въ предыдущемъ столѣтіи. Втеченіе ста лѣтъ они сѣяли: сѣмена начали давать ростки; извнѣ привнесенные элементы, усвоенные и претворенные почвой, всходятъ надъ поверхностью и при быстротѣ роста, возможной лишь на дѣвственныхъ почвахъ, даютъ такой внезапный и обильный расцвѣтъ умственной дѣятельности, какой врядъ ли когда нибудь повторится въ нашемъ отечествѣ. Если вы обратите вниманіе на то, что двѣсти лѣтъ съ небольшимъ отдѣляютъ лютеровскій переводъ Библіи отъ великаго германскаго поэта Гете, и что всего пятьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ русскую грамматику Ломоносова отъ Пушкина, что менѣе ста лѣтъ лежитъ между Ломоносовымъ и Львомъ Толстымъ, вы поймете, какимъ усиленнымъ ходомъ двигалась русская мысль».

До крайности трудна задача—охарактеризовать въ три лекціи многостороннее, измѣнчивое и невѣроятно быстрое русское умствен-

ное движеніе XIX вѣка, но и съ ней нашъ авторъ справляется чрезвычайно успѣшно. Представивъ въ очень обстоятельныхъ очеркахъ до крайности разнообразную, свѣтлую поэзію Пушкина, у котораго «земля проникнута небомъ», реальный элементъ неразрывенъ съ идеаломъ, мрачную пессимистическую поэзію Лермонтова, разъединившаго небо и землю, Гоголевскій смѣхъ въ нѣсколькихъ стадіяхъ его развитія, отъ добродушнаго и наивнаго въ «Вечерахъ» до патетическаго въ «Мертвыхъ душахъ», упомянувъ о Кольцовѣ, авторъ останавливается на Бѣлинскомъ и еще разъ характеризуетъ западниковъ и славянофиловъ, причемъ въ этомъ случаѣ оказывается къ послѣднимъ менѣе пристрастнымъ, чѣмъ мы указывали выше.

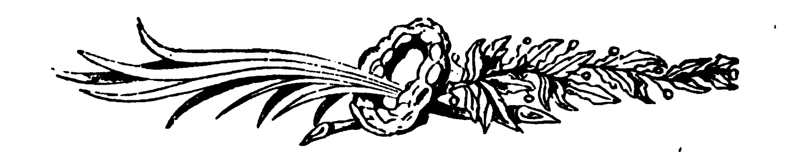
Такимъ образомъ, мы приходимъ къ шестидесятымъ годамъ и къ великому акту освобожденія крестьянъ, о которомъ кн. Волконскій говоритъ подробно, проводя параллель между нимъ и освобожденіемъ негровъ въ Америкѣ. Эта параллель весьма кстати для американской публики, но и для насъ она не излишня. Отношеніе автора къ шестидесятымъ годамъ очень сочувственное. «Восторженность,— говоритъ онъ,—съ какою лучшія силы страны откликнулись на призывъ монарха, дѣлаетъ изъ этой эпохи одну изъ славнѣйшихъ страницъ исторіи, и имя Александра II всегда будетъ освѣщать ее свѣтомъ своей личной доблести и почіющей на немъ народной благодарности». Въ отношеніи къ тѣмъ дѣятелямъ этой эпохи, имена которыхъ особенно подвергаются поруганію, къ Писареву, Добролюбову, Чернышевскому, авторъ проявляетъ очень достойное безпристрастіе, замѣчая въ ихъ дѣятельности чисто идеалистическую основу и совершенно отдѣляя ихъ отъ ихъ неразумныхъ послѣдователей, надѣлавшихъ столько зла своему отечеству.

Заканчивается курсъ характеристикой творчества трехъ великихъ художниковъ, сообщившихъ такую популярность русской литературѣ на Западѣ: Тургенева, Достоевскаго и Л. Н. Толстого. Какъ ни коротки эти характеристики нашихъ литературныхъ гигантовъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ оригинально подмѣчены особенности творчества каждаго изъ нихъ. «У Тургенева,—говоритъ авторъ,—мыслитель скрытъ, онъ заключенъ въ художникѣ; мысль есть непосредственное слѣдствіе, какъ бы продолженіе красоты. У Достоевскаго они раздѣльно существуютъ; мыслитель преобладаетъ, однако онъ не изгоняетъ художника, онъ занимаетъ много мѣста, онъ громоздокъ, онъ затрудняетъ работу художнику, однако послѣдній проталкивается сквозь нагроможденный матеріалъ, пробиваетъ свою дорогу и иногда одною какою нибудь сценой изумительной душевной правдивости подтверждаетъ цѣлыя страницы философіи. Въ Толстомъ художникъ и мыслитель также живутъ вмѣстѣ, но они—соперники, они никогда не говорятъ одновременно, они рѣдко подтверждаютъ другъ друга, иногда они прямо другъ другу противорѣ-

чать. И тѣмъ не менѣе изъ двухъ—правъ всегда художникъ; мыслитель поднимаетъ свой голосъ съ навязчивою настойчивостью, но художникъ не даетъ себя перекричать, и, когда только онъ появляется во всемъ неоспоримомъ авторитетѣ своего генія, ясность его взора проникаетъ дальше, глубже, выше, чѣмъ всякія философскія мудрованія мыслителя».

Такова въ краткихъ чертахъ сущность этой замѣчательной книги, успѣхъ которой будетъ понятенъ нашимъ читателямъ, если мы сумѣли передать имъ основные взгляды автора. Мы съ своей стороны не можемъ не радоваться ея успѣху: независимо отъ того важнаго значенія, какое имѣетъ она для подростающаго поколѣнія и для массы образованныхъ людей, какъ отличный синтезъ основныхъ положеній русской исторіи и русской литературы, тотъ здоровый идеализмъ, которымъ она проникнута, положительно необходимъ въ наше время, когда съ одной стороны мы видимъ торжество всякихъ низменныхъ инстинктовъ, растлѣвающаго эгоизма и нравственнаго безразличія, а съ другой намъ угрожаетъ, столь же равнодушное къ нравственнымъ задачамъ, дряхлое декадентство, прикрывающее свой индифферентизмъ маской чистаго искусства и таинственными символами.

А. Бороздинъ.



РЕФОРМА НА ОЧЕРЕДИ.

I.

ОПРОСЪ о переустройствѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій давно стоитъ на очереди и имѣетъ къ настоящему времени свою довольно любопытную исторію. Врядъ ли приходится много распространяться на тему о значеніи въ государственномъ организмѣ Россіи правильно устроенной крестьянской жизни, которая именно и служитъ широкимъ и крѣпкимъ базисомъ всей нашей исторіи въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Многомилліонная сельская крестьянская громада, какъ хорошо извѣстно читателямъ, перешла послѣ 19-го февраля 1861 года къ новымъ соціальнымъ условіямъ существованія, имѣющаго чрезвычайно мало общаго съ вотчиннымъ крѣпостнымъ бытомъ. Великій день свободы даровалъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, права свободныхъ сельскихъ обывателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право самостоятельнаго завѣдыванія своими общественно-хозяйственными дѣлами. Въ этихъ-то видахъ и цѣляхъ и были построены двѣ ступени крестьянскаго общественнаго самоуправленія—сельское и волостное управленіе. Съ теченіемъ времени, однако,—и времени притомъ не Богъ вѣсть сколь долгаго,—выяснилось достаточно непреложно, что и матеріалъ, изъ коего построены обѣ ступени, и самая ихъ архитектура строенія, далеко непрочны и несовершенны и ну-

ждаются въ исправленіяхъ и улучшеніяхъ. Практика жизни и, какъ ея отраженіе, литература уже къ концу семидесятыхъ годовъ накопили по настоящему предмету немало поучительныхъ указаній, такъ что правительство вполнѣ сознало своевременность упорядоченія крестьянской сельской жизни въ самыхъ разнообразныхъ формахъ ея юридическаго и экономическаго существованія, причемъ было обращено особенное вниманіе на оба отмѣченные выше устоя народной жизни — на сельское и волостное управленія. По иниціативѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Лорисъ-Меликова, были по высочайшему повелѣнію командированы въ разныя губерніи четыре сенатора (Ковалевскій, Мордвиновъ, Шамшинъ и Половцевъ), которымъ поручено было обревизовать на мѣстѣ дѣйствующія учрежденія и представить свои мнѣнія о проектахъ мѣропріятій, долженствующихъ упорядочить мѣстное самоуправленіе. Названными сенаторами былъ собранъ громадный матеріалъ, чрезвычайно рельефно рисующій пореформенную Россію къ концу царствованія Александра II. Особенно цѣнныя свѣдѣнія были представлены сенаторомъ Ковалевскимъ, которыя одни, независимо отъ прочихъ матеріаловъ сенаторской ревизіи, могли бы въ переработанномъ и научно-освѣщенномъ видѣ дать богатыя иллюстраціи провинціальной русской жизни семидесятыхъ годовъ. Кромѣ сенаторской ревизіи, желая еще полнѣе обслѣдовать государственныя нужды нашего отечества, графъ Лорисъ-Меликовъ циркулярно обратился ко всѣмъ земствамъ съ предложеніемъ высказаться откровенно по поводу реорганизаціи мѣстныхъ учрежденій. Въ самое короткое время земства вполнѣ добросовѣстно и обстоятельно выполнили возложенную на нихъ задачу и предложили цѣлый планъ устройства мѣстныхъ учрежденій, — планъ, гдѣ, по свидѣтельству человѣка науки, г. Свѣшникова [1]), «какъ правительственныя, такъ земскія, городскія и крестьянскія учрежденія — всѣ представлялись тѣсно связанными, какъ органы одной и той же государственной власти, несущей всѣ заботы о благѣ населенія».

Сводъ земскихъ мнѣній о мѣстномъ управленіи и его желательной реформѣ можно найти въ поучительныхъ статьяхъ знатока земской Россіи, В. Ю. Скалона, напечатанныхъ въ «Русской Мысли» за 1883 г. и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ: «Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія». Вотъ что говоритъ по означенному предмету почтенный изслѣдователь» [2]): «Призывъ правительства, встрѣченный съ полнымъ сочувствіемъ, вызвалъ въ земской средѣ давно небывалое оживленіе: для разсмотрѣнія переданнаго на обсу-

---

[1]) М. Н. Свѣшниковъ: «Основы и предѣлы самоуправленія. Опытъ критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ» (стр. 186).

[2]) «Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія», стр. 1—3.

жденіе земства вопроса были созваны чрезвычайныя собранія и учреждены спеціальныя комиссіи, которыя на этотъ разъ, вопреки обычаю, проявили оживленную дѣятельность; управы и отдѣльные гласные трудились надъ составленіемъ проектовъ; въ печати, въ изобиліи, появлялись записки, мнѣнія и предположенія, вышедшія изъ-подъ пера земскихъ дѣятелей. Подлежавшее обсужденію дѣло было принято земскими людьми близко къ сердцу; большинство отнеслось къ нему вполнѣ серьезно, съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно, по важности своей, заслуживало, безъ обычнаго желанія «отписаться», такъ или иначе «очистить» полученную бумагу. Самый объемъ возбужденнаго правительствомъ вопроса, при разработкѣ его земствомъ, въ значительной степени расширился. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ спрашивалъ мнѣнія земства только относительно частныхъ измѣненій въ устройствѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, не касаясь возможности ихъ упраздненія и замѣны какими либо другими, всесословными, между тѣмъ лишь немногія земства удовольствовались такою постановкою дѣла. Большинство земскихъ управъ и комиссій и многія собранія, не ограничиваясь обсужденіемъ частныхъ измѣненій въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, дали вопросу болѣе широкую постановку,—коснулись преобразованія всего уѣзднаго управленія. Первоначальный вопросъ, такимъ образомъ, отошелъ на задній планъ и его мѣсто занялъ новый, возникшій по почину самихъ земствъ, болѣе глубокій и настоятельный,—вопросъ о полной реформѣ мѣстнаго управленія, составившій предметъ занятій учрежденной впослѣдствіи «особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія». Благодаря такой постановкѣ вопроса, появились многочисленные проекты устройства «мелкой земской единицы», «всесословной волости», сліянія крестьянскаго управленія съ земскимъ, преобразованія самихъ земскихъ учрежденій и т. д. Словомъ, земство отнеслось къ предложенной ему задачѣ вполнѣ самостоятельно, сообразно съ требованіями жизни... Къ сожалѣнію, оживленіе, вызванное циркуляромъ 22-го декабря 1880 г., продолжалось не долго. Подъ вліяніемъ ли гнетущаго впечатлѣнія, произведеннаго катастрофой 1-го марта, или по другимъ причинамъ, многія губернскія собранія, въ очередную сессію 1881 г., когда имъ предстояло сказать окончательное слово по возбужденному вопросу, далеко не проявили того рвенія, съ которымъ трудились комиссіи и управы: нѣкоторыя собрались въ чрезвычайно маломъ составѣ; другія—разошлись, не окончивъ очередныхъ дѣлъ; третьи, не придя къ опредѣленнымъ заключеніямъ, оставили вопросъ открытымъ. Не смотря на такой исходъ дѣла, земскую работу отнюдь нельзя считать безплодною уже потому, что въ результатѣ ея получилось много весьма цѣнныхъ матеріаловъ. Та масса проектовъ и фактическихъ данныхъ, которая напечатана

земствами и составила цѣлую литературу по вопросу о преобразованіи нашего мѣстнаго управленія, заслуживаетъ полнаго вниманія».

И обширный матеріалъ по сенаторскимъ ревизіямъ, и взгляды земствъ, съ уходомъ графа Лорисъ-Меликова, были переданы въ образованную, по иниціативѣ графа Игнатьева, «особую комиссію для составленія проектовъ мѣстнаго управленія», подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта М. С. Каханова. Ходъ занятій этой комиссіи (Кахановской, какъ ее называли) въ свое время чрезвычайно интересовалъ наше общество и обѣщалъ богатые результаты, хотя нельзя не припомнить при этомъ остроумнаго замѣчанія на ея счетъ покойнаго И. С. Аксакова, говорившаго что въ комиссію, дескать, обсуждающую мужицкія нужды, не забыли пригласить всякіе общественные элементы, не исключая и либеральныхъ профессоровъ университета, но запамятовали спросить объ этихъ именно нуждахъ только у самыхъ умныхъ русскихъ мужиковъ! Съ мужиками или безъ оныхъ, но комиссія М. С. Каханова во всякомъ случаѣ обѣщала прійти къ опредѣленнымъ результатамъ, если бы новая перемѣна въ составѣ нашей высшей администраціи не положила конца ея существованію. Смѣнившій гр. Игнатьева новый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о закрытіи комиссіи и о передачѣ всѣхъ ея трудовъ и собранныхъ матеріаловъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ надъ дѣятельностью комиссіи и ея результатами былъ поставленъ похоронный крестъ. Съ этого памятнаго момента надъ исторіей нашихъ мѣстныхъ учрежденій занимается новая заря, которая, предавая постепенно забвенію принципы самоуправленія и самодѣятельности, созданные совокупными усиліями цѣлой плеяды людей шестидесятыхъ годовъ, выдвигаетъ на первый планъ начала сословности, государственной опеки и регламентаціи. Отъ проектовъ Кахановской комиссіи не остается и слѣда, и свѣтъ истины проливается изъ Симбирска: вмѣсто широко-задуманной единовременной реорганизаціи всѣхъ мѣстныхъ учрежденій, каковой замыселъ признается въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ вреднымъ отраженіемъ былого либерализма реформаторской эпохи,—вмѣсто такой постановки вопроса, на очередь ставятся частичныя постепенныя измѣненія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. По иниціативѣ симбирскаго земскаго дѣятеля, покойнаго нынѣ Пазухина, въ уѣздахъ, въ цѣляхъ главнымъ образомъ опеки надъ сельскою крестьянскою массой, учреждается новая государственная власть,—власть земскаго начальника, заключающая въ себѣ, по указанію г. Свѣшникова [1]), «двѣ главныхъ идеи, имѣющія серьезное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ и развитіе нашего самоуправленія: 1) идею о необходимости вернуться къ опекѣ надъ самоуправленіемъ и 2) идею о предоста-

[1]) «Основы и предѣлы самоуправленія», стр. 139.

вленіи первенствующему сословію наибольшей власти въ мѣстномъ управленіи».

Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ оцѣнкѣ этой важной въ жизни Россіи реформы, какъ указанное выше учрежденіе земскихъ начальниковъ, нельзя, однако, не подчеркнуть той стороны дѣла, которая именно отразилась на крестьянскомъ самоуправленіи. «Общее положеніе» о крестьянахъ съ учрежденіемъ власти новыхъ начальниковъ испытало значительное измѣненіе. Измѣнилось былое значеніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, а также и значеніе волостнаго суда, главнымъ образомъ, который въ настоящее время утратилъ свой прежній характеръ, свои способы отправленія, свое устройство и роль въ жизни села.

Идея частичныхъ измѣненій въ крестьянскихъ пореформенныхъ учрежденіяхъ, а слѣдовально и во всемъ «Положеніи о крестьянахъ», со второй половины прошлаго десятилѣтія, кромѣ отмѣченной уже стороны, получаетъ осуществленіе и въ другихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ: упраздняются «положеніе о выкупѣ» и связанныя съ нимъ мѣстныя положенія, ограничивается право семейныхъ раздѣловъ, право земельныхъ передѣловъ, составлявшихъ одну изъ главныхъ прерогативъ пореформеннаго крестьянскаго самоуправленія, и т. д., и т. д. Въ настоящее же время министерство внутреннихъ дѣлъ ставитъ на очередь реформъ цѣлый рядъ другихъ сторонъ жизни нашего крестьянства, еще глубже и серьезнѣе затрогивающихъ «Положеніе» 19 февраля и имѣющихъ своимъ объектомъ главнымъ образомъ сельское и волостное управленія.

II.

Согласно «Общему положенію о крестьянахъ», бывшіе крѣпостные крестьяне соединены были въ сельскія общества по дѣламъ хозяйственнаго управленія и въ волости для ближайшаго самоуправленія и суда. Сельскій сходъ изъ всѣхъ полноправныхъ членовъ общества долженъ вѣдать выборы, постановлять приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ членовъ, принимать новыхъ, установлять способы землепользованія, дѣлать раскладку казенныхъ податей и земскихъ сборовъ, а также мірскихъ сборовъ. Сельскій староста, съ одной стороны, является представителемъ общественнаго управленія, съ другой — органомъ полицейскимъ, подчиненнымъ волостному старшинѣ. Волостной сходъ, кромѣ выбора должностныхъ лицъ, долженъ вѣдать хозяйственныя и общественныя дѣла цѣлой волости. Волостной же старшина, какъ и сельскій староста, соединяетъ въ своей должности и дѣла общественнаго управленія и полицейскую службу, но болѣе сложнаго характера и расширенной компетенціи. Таковы главные моменты «Положенія», относящіеся къ сельскому и волостному управленіямъ. Развивая эти моменты болѣе обстоятельно,

съ указаніемъ неудобствъ, отсюда истекающихъ, а также съ анализомъ органическихъ причинъ этихъ неудобствъ и аномалій, картина крестьянскаго самоуправленія рисуется слѣдующимъ образомъ[1]).

Сельское общество, представляющее собою первоначальную единицу крестьянскаго общественнаго управленія, на основаніи «Положенія» 19 февраля 1861 г., должно состоять изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика, причемъ общество можетъ состоять изъ цѣлаго селенія, либо изъ части разнопомѣстнаго селенія, или изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности, смежныхъ поселеній, пользующихся всѣми угодьями или нѣкоторыми сообща, или же имѣющихъ другія общія хозяйственныя выгоды. Такимъ образомъ, при первоначальномъ образованіи сельскихъ обществъ среди крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, за основаніе было принято начало помѣстное, общность надѣла, состоящаго въ пользованіи крестьянъ, и проистекающая отсюда общность хозяйственныхъ интересовъ, составляющихъ общество членовъ, и только въ видѣ исключенія «Положеніе» допускало соединеніе въ одно общество крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ разныхъ владѣльцевъ, именно крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ числилось менѣе 20 душъ, а также такихъ частей разнопомѣстныхъ или смежныхъ селеній, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, которыя, хотя и заключали въ себѣ болѣе 20 душъ каждое, но имѣли какія либо общія хозяйственныя выгоды. Съ распространеніемъ дѣйствія правилъ общаго Положенія объ общественномъ устройствѣ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, на сельскихъ обывателей прочихъ наименованій и съ прекращеніемъ въ большинствѣ имѣній обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, принятое «Положеніемъ» основное начало для распредѣленія крестьянъ на сельскія общества утратило свое значеніе и, въ отступленіе отъ этого начала, проживающіе въ селеніи крестьяне различныхъ наименованій стали нерѣдко соединяться въ одно сельское общество, частью по собственному побужденію для уменьшенія издержекъ на общественное управленіе, частію по настоянію начальства, въ видахъ административныхъ удобствъ. Отсюда произошли такъ называемыя смѣшанныя сельскія общества, состоящія изъ крестьянъ разныхъ владѣльцевъ, получившихъ отдѣльные надѣлы и притомъ часто не въ одинаковомъ размѣрѣ, или изъ крестьянъ различныхъ наимено-

[1]) Въ изложеніи этой части (гл. 2 и 3) я близко придерживаюсь «Записки» члена государственнаго совѣта, сенатора М. Ковалевскаго. Если память мнѣ не измѣняетъ, то, кажется, часть записки, трактующая объ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій, составлена при содѣйствіи покойнаго члена совѣта крестьянскаго банка П. Храповицкаго, участвовавшаго въ ревизіи сенатора, и, въ качествѣ бывшаго мирового посредника, обращавшаго особенное вниманіе на крестьянскую жизнь и высказывавшаго по настоящему предмету немало цѣнныхъ наблюденій и соображеній.

ваній, получившихъ различное поземельное устройство и несущихъ различныя повинности.

Такъ какъ «Положеніе о крестьянахъ» не предвидѣло образованія такихъ смѣшанныхъ обществъ, то естественно, что примѣненіе къ нимъ заключающихся въ «Общемъ Положеніи» правилъ о сельскомъ общественномъ управленіи, имѣвшихъ въ виду сельскія общества однороднаго состава, въ которыхъ члены связаны единствомъ ихъ хозяйственныхъ нуждъ и интересовъ, должно было вызвать нѣкоторыя практическія затрудненія.

Хозяйственно-общественныя дѣла и нужды сельской общины вѣдаются созываемымъ сельскимъ старостой собраніемъ домохозяевъ, **сельскимъ сходомъ**, для дѣйствительности постановленій котораго требуется присутствіе вообще не меньше половины всѣхъ имѣвшихъ право участвовать на сходѣ и согласіе большинства присутствующихъ членовъ, а для нѣкоторыхъ болѣе важныхъ дѣлъ, согласіе не менѣе $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ. Но такъ какъ на ряду съ дѣлами и вопросами административно-общественнаго характера, одинаково касающимися интересовъ всѣхъ жителей селенія безъ различія ихъ наименованія и права по землевладѣнію, каковы, напримѣръ, дѣла по выбору и учету должностныхъ лицъ, по удаленію изъ общества вредныхъ членовъ, по благоустройству, воинской повинности и т. п., сельскій сходъ завѣдуетъ распредѣленіемъ и передѣлами общинной земли, внутреннею раскладкой возложенныхъ на общество податей и другихъ сборовъ, распредѣленіе коихъ между отдѣльными членами общества обыкновенно соразмѣряется съ количествомъ владѣемой ими земли, и тому подобными дѣлами, тѣсно связанными съ землевладѣніемъ крестьянъ, а нерѣдко и дѣлами по удовлетворенію религіозныхъ потребностей крестьянъ, то очевидно въ смѣшанныхъ сельскихъ обществахъ, составленныхъ изъ группъ крестьянъ разныхъ наименованій, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой отдѣльный земельный надѣлъ, пользуется различными правами по землевладѣнію и облагается сборами не въ одинаковомъ размѣрѣ, а также въ обществахъ, состоящихъ изъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій, нынѣшняя организація сельскаго общественнаго управленія, при которой рѣшающая власть по всѣмъ вообще общественнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ принадлежитъ собранію всѣхъ членовъ общества, оказывается несоотвующею дѣйствительнымъ потребностямъ. Если бы въ такихъ обществахъ, также какъ и въ обществахъ съ однороднымъ составомъ, всѣ общественно-хозяйственныя дѣла и нужды обсуждались на полныхъ сельскихъ сходахъ, то въ такомъ случаѣ членамъ извѣстной, входящей въ составъ общества, группы пришлось бы участвовать въ разрѣшеніи такихъ дѣлъ, въ которыхъ они нисколько не заинтересованы и которыя исключительно касаются интересовъ и нуждъ членовъ другой группы: напримѣръ, крестьянамъ, вышед-

шимъ изъ крѣпостной зависимости, распредѣлять надѣлъ и оброчную подать у принадлежащихъ къ составу того же сельскаго общества государственныхъ крестьянъ, иновѣрцамъ участвовать въ установленіи или опредѣленіи размѣра сборовъ на содержаніе церкви и причта и наоборотъ.

Въ виду очевидной несообразности такого положенія на практикѣ, на ряду съ полными, общими сельскими сходами въ смѣшанныхъ сельскихъ обществахъ существуютъ еще отдѣльные, частные сходы домохозяевъ отдѣльныхъ группъ, изъ коихъ состоитъ общество, при чемъ на полныхъ сходахъ разрѣшаются дѣла, касающіяся интересовъ всѣхъ членовъ общества, а на отдѣльныхъ частныхъ сходахъ единовѣрцевъ или крестьянъ одного и того же наименованія—дѣла и вопросы, касающіеся исключительно интересовъ ихъ группъ. Распредѣленіе въ подобныхъ случаяхъ предметовъ общаго и частныхъ сходовъ указывается потребностями самой жизни и, повидимому, совершается самими крестьянами вполнѣ справедливо и сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ. Хотя, такимъ образомъ, отсутствіе въ «Общемъ Положеніи» о крестьянахъ, не предусматривающемъ существованіе смѣшанныхъ сельскихъ обществъ, правилъ о частныхъ сходахъ домохозяевъ отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ такихъ обществъ, группъ и вытекающая отсюда юридическая ничтожность постановленій такихъ не признанныхъ закономъ собраній не препятствуетъ смѣшаннымъ обществамъ управляться съ своими внутренними дѣлами, но этотъ пробѣлъ закона подаетъ поводъ къ серьезнымъ неудобствамъ и затрудненіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смѣшаннымъ обществамъ приходится обращаться къ содѣйствію правительственныхъ и земскихъ учрежденій. Такъ какъ довѣренности для хожденія по дѣламъ общественнымъ выдаются по приговорамъ сельскаго схода, а для дѣйствительности постановленій схода необходимо присутствіе не менѣе половины всѣхъ членовъ общества, имѣющихъ право участія на сходахъ, то въ томъ случаѣ, когда заинтересованные въ дѣлѣ государственные крестьяне составляютъ въ обществѣ меньшинство, въ составленіи приговора необходимо должны принять участіе и члены, принадлежащіе къ другой группѣ, которыхъ дѣло это вовсе не касается, и если бы изъ какихъ либо побужденій эти постороннія разсматриваемому дѣлу лица не пожелали согласиться на выдачу довѣренности, то государственные крестьяне были бы лишены возможности отыскивать свои нарушенныя права.

Возможность возникновенія такого рода затрудненій, гдѣ двѣ составныя части одного и того же сельскаго общества могутъ очутиться въ положеніи сторонъ, преслѣдующихъ діаметрально противоположные интересы, неизбѣжно ставитъ на очередь вопросъ о необходимости реформы сельскаго управленія. Въ непосредственной связи съ этимъ стоитъ и вопросъ о положеніи въ сельскомъ само-

управленіи выборныхъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ — сельскихъ старостъ.

Крестьяне, какъ уже достаточно выяснилось практикою жизни, прекрасно сознаютъ серьезное значеніе должности сельскаго старосты и по возможности стараются избирать на эту должность лицъ, пользующихся довѣріемъ общества. Однако, добрыя ихъ намѣренія далеко не всегда оправдываются практикою, и мы зачастую видимъ въ отвѣтственномъ званіи этого сельскаго служебнаго лица не лучшихъ членовъ общества, а чаще всего его подонки. Объясняется это печальное явленіе, съ одной стороны, продолжительностью опредѣленнаго «Положеніемъ» трехлѣтняго срока службы, а съ другой — характеромъ возложенныхъ на старосту обязанностей и тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ поставленъ въ отношеніи непосредственнаго начальства уѣзда и главнымъ образомъ въ отношеніи полиціи. Трехлѣтній срокъ службы сельскихъ старостъ представляется слишкомъ продолжительнымъ и не соотвѣтствуетъ условіямъ крестьянскаго быта. Нерѣдко случается, что лучшіе и наиболѣе уважаемые крестьяне, которыхъ общество желало бы избрать на должность старосты, представляютъ единственныхъ работниковъ въ семьѣ или принадлежатъ къ малолюднымъ семьямъ. Такія лица не отказались бы послужить міру въ теченіе извѣстнаго, не слишкомъ продолжительнаго срока, но естественно должны уклоняться отъ принятія должности старосты, такъ какъ трехлѣтняя служба можетъ вредно повліять на ихъ хозяйство, и такимъ образомъ общество нерѣдко бываетъ вынуждено избирать въ старосты не то лицо, которое оно желало бы видѣть на этой должности, а преимущественно членовъ многорабочихъ семей, хотя бы они и не пользовались довѣріемъ и уваженіемъ общества. Что касается возложенныхъ на старостъ обязанностей и отношеній, въ которыя лица эти поставлены къ своему начальству, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что дѣятельность старостъ распадается на два главныхъ отдѣла, существенно различныхъ, какъ по своему характеру, такъ и по способу ихъ исполненія.

Съ одной стороны, староста является исполнительнымъ органомъ мѣстной общественной власти—сельскаго схода и блюстителемъ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ; съ другой — онъ представляетъ собою мѣстнаго полицейскаго и фискальнаго агента, обязаннаго охранять порядокъ и безопасность въ селеніи, взыскивать всѣ лежащія на обществѣ сборы и повинности и приводить въ исполненіе всѣ обращаемыя къ нему требованія волостного начальства, судебныхъ и административныхъ властей, служа такимъ образомъ какъ бы посредникомъ между правительственными органами и сельскимъ обществомъ.

Дѣятельность старостъ въ отношеніи обязанностей первой категоріи не подаетъ въ большинствѣ случаевъ поводовъ къ серьезнымъ

нареканіямъ или жалобамъ. Старосты обыкновенно преданно служатъ интересамъ своего общества, уважаютъ авторитетъ схода и настаиваютъ на исполненіи его рѣшеній. Иначе стоитъ ихъ дѣятельность во второй категоріи обязанностей. Въ этомъ отношеніи приходится постоянно наталкиваться на бездѣятельность старостъ по взысканію податей и другихъ сборовъ, на ненаблюденіе ихъ за исполненіемъ правилъ благоустройства и даже на случаи прямого уклоненія съ ихъ стороны отъ исполненія обращаемыхъ къ нимъ требованій и распоряженій начальства. Причина тому лежитъ въ условіяхъ быта и понятіяхъ той среды, къ которой они принадлежатъ, и въ тѣсной солидарности ихъ съ тѣми обществами, коими они избраны. Старосты оказываются бездѣятельными по взысканію податей и другихъ повинностей въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе бѣдности населенія, или временныхъ экономическихъ причинъ, уплата требуемыхъ сборовъ представляется для общества тягостною, или же когда общество считаетъ взыскиваемый сборъ неправильнымъ. Не наблюдаютъ старосты за исполненіемъ такихъ правилъ благоустройства и уклоняются отъ исполненія такихъ требованій начальства, польза коихъ не сознается сельскимъ населеніемъ, или которыя оно находитъ для себя тягостными и стѣснительными. То же вліяніе среды отражается и въ дѣятельности старостъ по обнаруженію и преслѣдованію преступленій. Такъ, въ отношеніи къ такимъ преступленіямъ, которыми непосредственно затрогиваются мѣстные крестьянскіе интересы (напримѣръ, поджоги, конокрадство), старосты по мѣрѣ силъ и умѣнья заботятся о раскрытіи и задержаніи виновныхъ, и нерѣдко встрѣчаются случаи, что до прибытія на мѣсто полиціи виновники такихъ преступленій бываютъ уже розысканы усиліями мѣстныхъ крестьянскихъ общественныхъ властей и противъ нихъ собраны уже важнѣйшія улики. Напротивъ того, относительно преступленій, вредъ и значеніе которыхъ не сознается крестьянами (каковы мѣстныя порубки, безпатентная торговля виномъ и т. п.), старосты не только не оказываютъ должнаго содѣйствія полиціи и судебнымъ властямъ, но нерѣдко даже стараются скрыть виновныхъ. Такая, съ одной стороны, нерадивость старостъ, а съ другой — ихъ готовность потакать тенденціямъ села приводитъ ихъ къ штрафамъ, арестамъ и даже тѣлеснымъ наказаніямъ, что, конечно, деморализуетъ принципъ власти и побуждаетъ отклоняться отъ должности сельскаго старосты лучшихъ людей общества.

III.

Что касается волостного управленія и волости вообще, то послѣднія, устроенныя на основаніи «Положенія» 19-го февраля 1861 г., состояли сначала изъ разрозненныхъ полосъ земли, обнимающихъ собою лишь болѣе или менѣе значительную часть территоріи уѣзда,

и такъ какъ вѣдомству волостного управленія подчиняются только лица податнаго состоянія, проживающія на принадлежащихъ къ составу волости земляхъ, то первоначальное волостное дѣленіе ни по закону, ни на практикѣ, не имѣло значенія территоріальнаго административнаго дѣленія уѣзда. Съ послѣдовавшимъ затѣмъ распространеніемъ дѣйствій «Общаго Положенія» на всѣхъ сельскихъ обывателей, въ составъ волостей вошло все податное населеніе уѣзда и всѣ находящіяся въ уѣздѣ земли, за исключеніемъ лишь земель, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, и проживающихъ на этихъ земляхъ лицъ. Этого послѣдняго рода земли, обыкновенно расположенныя въ перемежку съ землями крестьянскими и казенными и находящіяся внутри общаго очертанія волостей, хотя и не были причислены къ волостямъ и остались внѣ вѣдѣнія волостного начальства, не были также сгруппированы въ составъ какого либо уѣзднаго дѣленія, подобнаго волостному, а представляютъ собою отдѣльныя, разрозненныя частицы уѣздовъ и становъ, подчиненныя непосредственному вѣдѣнію уѣздной администраціи.

Но такъ какъ уѣздная полиція не имѣла возможности непосредственно исполнять на этихъ, не входящихъ въ составъ волостей, земляхъ всѣ тѣ обязанности по охранѣ порядка, спокойствія и благочинія и по исполненію различныхъ порученій правительственныхъ и судебныхъ учрежденій, которыя въ предѣлахъ волости возложены на волостное начальство, то силою вещей исполненіе этихъ обязанностей и на владѣльческихъ земляхъ постепенно сосредоточивалось въ рукахъ волостнаго начальства, вслѣдствіе чего волость фактически получила значеніе административнаго дѣленія, обнимающаго всѣ земли, расположеныя между принадлежащими къ волости селеніями, независимо отъ принадлежности этихъ земель лицамъ того или другого сословія. Поэтому въ настоящее время по общепринятому, какъ въ средѣ населенія, такъ и въ средѣ администраціи, взгляду, волостное дѣленіе обнимаетъ всю территорію уѣзда, и понятіе земельныхъ пространствъ, стоящихъ внѣ волостей и на которыя не распространялась бы власть и дѣятельность волостнаго начальства, совершенно чуждо какъ администраціи, такъ и населенію. Такимъ образомъ, изъ двухъ условій, ограничивающихъ по закону кругъ дѣйствія и власти волостнаго начальства — сословнаго и территоріальнаго, сохранило на практикѣ нѣкоторое значеніе только первое, а второе существуетъ только на бумагѣ.

Съ распространеніемъ волостнаго устройства на началахъ «Общаго Положенія» среди крестьянъ всѣхъ наименованій, во многихъ случаяхъ измѣнился не только составъ, но и размѣры волостей. Новыя волости, образованныя изъ сосѣднихъ крестьянъ всѣхъ наименованій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигли обширныхъ размѣровъ по пространству и населенію, уклонившись отъ первоначальнаго типа, и отсюда возникъ вопросъ о преимуществахъ малыхъ или большихъ волостей.

Волостное управленіе составляютъ: 1) волостной сходъ, 2) волостной старшина и 3) волостной крестьянскій судъ.

Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и изъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ и собирается въ заранѣе опредѣленные сроки или же созывается въ случаѣ надобности старшиной по указанію и съ разрѣшенія земскаго начальника и въ его присутствіи. Кромѣ дѣлъ, касающихся исключительно потребностей волостнаго управленія и вызываемыхъ единственно существованіемъ этого управленія (напримѣръ, выборъ должностныхъ лицъ, учетъ этихъ лицъ и т. д.), къ вѣдѣнію волостныхъ сходовъ законъ относитъ довольно обширный кругъ хозяйственно-общественныхъ дѣлъ и вопросовъ: всѣ хозяйственныя и общественныя дѣла, касающіяся цѣлой волости, принятіе мѣръ общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ, распоряженія по волостнымъ запаснымъ магазинамъ и т. п. и т. п. Въ дѣйствительности, однако, волостнымъ сходамъ почти не приходится обсуждать и рѣшать дѣла хозяйствено-общественнаго характера, за неимѣніемъ таковыхъ въ фактической наличности.

Въ виду того, что всѣ общественно-хозяйственныя дѣла и вопросы крестьянской жизни вѣдаются сельскими сходами, и дѣлъ этого рода, которыя бы касались всего населенія волости, почти не встрѣчается, кругъ вѣдомства волостныхъ сходовъ крайне незначителенъ, и дѣятельность ихъ обыкновенно ограничивается дѣлами административнаго характера, а именно: выборами должностныхъ лицъ волостнаго управленія, назначеніемъ и раскладкою суммъ на содержаніе и расходы этого управленія, изрѣдка утвержденіемъ приговоровъ сельскихъ сходовъ объ удаленіи изъ своей среды порочныхъ крестьянъ, если общество, постановивъ такой приговоръ, заключаетъ въ себѣ менѣе 300 душъ, назначеніемъ выборщиковъ въ сельскіе избирательные съѣзды для выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, учетомъ должностныхъ лицъ и т. п.

Въ виду незначительнаго круга дѣятельности волостныхъ сходовъ вполнѣ понятно, что они не пользуются особымъ значеніемъ въ глазахъ сельскаго населенія,—крестьяне на обязанность участія въ этихъ сходахъ смотрятъ, какъ на повинность, и по возможности уклоняются отъ участія въ нихъ. Поэтому въ составъ выборныхъ часто попадаютъ не лучшіе и зажиточные крестьяне, а напротивъ худшіе члены общества, которые идутъ на сходъ въ расчетѣ на угощеніе со стороны подрядчика, которому сдается содержаніе лошадей и ремонтъ дорожнаго участка, или со стороны лицъ, желающихъ быть избранными въ старшины, либо наоборотъ избѣжать этого избранія.

Волостное правленіе, представляющее собою исполнительный и полицейскій органъ въ волостномъ устройствѣ, по закону имѣетъ

коллегіальный характеръ и состоитъ изъ волостнаго старшины, его помощниковъ или сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и засѣдателей, гдѣ таковые имѣются. На практикѣ же коллегіальный характеръ волостнаго правленія совершенно отсутствуетъ, и никакихъ дѣлъ не обсуждается. Все рѣшаетъ и всѣмъ распоряжается по собственному усмотрѣнію старшина и его фактическій помощникъ, его дѣятельная правая рука — волостной писарь, который и является главною двигательною пружиною въ волостномъ управленіи.

Обращаясь къ вопросу объ обязанностяхъ старшинъ, отмѣтимъ, что таковыя подраздѣляются на двѣ главныхъ категоріи: 1) по дѣламъ общественнымъ и 2) по дѣламъ полицейскимъ.

Къ первой категоріи принадлежатъ обязанности, вытекающія изъ положенія старшины въ качествѣ высшаго должностнаго лица крестьянскаго управленія: созывать и распускать сходъ и охранять на немъ порядокъ, приводить въ исполненіе его постановленія, завѣдывать имуществомъ волости и наблюдать за порядкомъ въ общественныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ волости. Кромѣ того, сюда же относится цѣлый рядъ дѣлъ административнаго и фискальнаго характера, какъ-то: надзоръ за сельскими старостами и другими должностными лицами, выдача паспортовъ крестьянамъ и билетовъ для перечисленія въ другія общества, наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ въ волости дорогъ и дорожныхъ сооруженій, счисленіе приписанныхъ къ волости лицъ и взысканіе установленныхъ съ нихъ сборовъ и, наконецъ, надзоръ за аккуратнымъ отправленіемъ входящими въ составъ волости крестьянскими обществами всякаго рода повинностей денежныхъ и натуральныхъ. Къ второй категоріи обязанностей относится: охранять въ волости благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ, порядокъ и безопасность, въ случаѣ ихъ нарушенія принимать надлежащія полицейскія мѣры, распоряжаться при всѣхъ общественныхъ бѣдствіяхъ и происшествіяхъ (пожары, эпидеміи и пр.), наблюдать за нераспространеніемъ ложныхъ слуховъ и толковъ, смущающихъ общественное спокойствіе, а также за точнымъ исполненіемъ правилъ о припискѣ и перечисленіи крестьянъ и о паспортахъ, задерживать и представлять полиціи бродягъ, дезертировъ и бѣглыхъ, наконецъ, предупреждать и пресѣкать преступленія и проступки, принимая до прибытія полиціи на мѣсто полицейскія мѣры для открытія и задержанія виновныхъ. Сверхъ того, законъ вмѣняетъ старшинѣ въ обязанность доносить полиціи о всѣхъ случающихся въ волости происшествіяхъ, безпорядкахъ, преступленіяхъ и проступкахъ, а также исполнять всѣ законныя требованія, какъ полиціи, такъ и всѣхъ установленныхъ властей.

Этотъ перечень возлагаемыхъ закономъ на старшину обязанностей показываетъ, что дѣятельность его имѣетъ по преимуществу административно фискальный и полицейскій, а не общественно-хозяйственный характеръ, и что старшина гораздо чаще долженъ дѣйствовать

въ качествѣ мѣстнаго представителя административной и полицейской власти, нежели въ качествѣ представителя общественной власти, заботящагося объ удовлетвореніи нуждъ и потребностей населенія волости и вѣдающаго хозяйственными ея дѣлами.

Если дать себѣ трудъ прослѣдить шагъ за шагомъ дѣятельность волостнаго правленія на любомъ проявленіи крестьянской жизни, имѣющемъ касательство къ этому правленію, а черезъ него и къ другимъ учрежденіямъ государственнаго организма, то положительно поражаешься тою громадою труда и времени, требуемыхъ отъ должностныхъ лицъ—старшины и писаря, и только тутъ даешь себѣ отчетъ въ томъ государственномъ значеніи, которое имѣетъ ихъ дѣятельность. Ревизовавшій Казанскую и Уфимскую губерніи сенаторъ Ковалевскій изъ наблюденія надъ функціями волостныхъ старшинъ приходилъ въ свое время къ тому выводу, что, «на ряду съ весьма ничтожною дѣятельностью по общественно-хозяйственнымъ дѣламъ крестьянъ, волостныя правленія исполняютъ множество самыхъ разнородныхъ и весьма существенныхъ обязанностей по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго управленія и въ качествѣ административно-полицейскаго исполнительнаго органа имѣютъ на практикѣ такое громадное значеніе, что упраздненіе ихъ безъ соотвѣтственнаго преобразованія уѣздной полиціи и усиленія ея средствъ, а также безъ снабженія земскихъ учрежденій подчиненными имъ мѣстными и исполнительными органами, представляется совершенно невозможнымъ и привело бы къ разстройству всего государственнаго механизма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и направленіе, данные дѣятельности волостныхъ правленій закономъ, а еще болѣе присвоенные ей практикой, служатъ прямымъ указаніемъ на то, что не представляется никакихъ основаній сохранить за волостью ея исключительно крестьянскій, сословный характеръ. Нынѣшнее устройство волостныхъ правленій въ качествѣ крестьянскаго сословнаго учрежденія не только не соотвѣтствуетъ роду дѣятельности этого учрежденія и значенію, которое оно имѣетъ на практикѣ въ дѣлахъ, касающихся всѣхъ отраслей государственнаго управленія, но, сверхъ того, служитъ препятствіемъ правильному развитію и ходу дѣятельности этого учрежденія, стѣсняя естественный ея кругъ и устраняя отъ мѣстной общественой службы болѣе образованныхъ и развитыхъ мѣстныхъ жителей, порождаетъ отчужденность между принадлежащими къ разнымъ сословіямъ сельскими жителями и несправедливо возлагаетъ на одно крестьянское сословіе тягость содержанія волостнаго управленія, вѣдающаго почти исключительно такого рода дѣла, въ правильномъ ходѣ которыхъ одинаково заинтересованы всѣ мѣстные жители».

О третьей составной части—волостномъ судѣ, не приходится распространяться, такъ какъ съ введеніемъ земскихъ начальниковъ, о чемъ было сказано въ началѣ настоящаго очерка,—судъ этотъ по-

терпѣлъ уже значительное измѣненіе, и вопросъ о немъ не поставленъ на очередь въ предстоящемъ пересмотрѣ «Положенія о крестьянахъ».

IV.

Сказанное въ двухъ предыдущихъ главахъ рисуетъ намъ въ главныхъ моментахъ сущность сельскаго и волостнаго управленія съ бѣглымъ указаніемъ ихъ дефектовъ, которые создала жизнь, благодаря далеко несовершенному и, пожалуй, незаконченному законодательству шестидесятыхъ годовъ. Эти несовершенства и дефекты, какъ я уже говорилъ выше, рано выступили наружу и обратили на себя вниманіе правительства. Слѣдствіемъ такого вниманія были ревизіи сенаторовъ, опросъ земствъ, наконецъ, труды Кахановской комиссіи, съ закрытіемъ которой и вопросъ о реорганизаціи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій сошелъ со сцены. Въ настоящее время онъ снова выступаетъ на очередь, и министерство внутреннихъ дѣлъ накопило по этому предмету чрезвычайно цѣнный матеріалъ, изданный въ текущемъ году въ трехъ компактныхъ томахъ, содержащихъ въ себѣ «Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ», ознакомить съ которымъ читателей «Историческаго Вѣстника» и составляетъ главную задачу текущаго моего очерка. Но прежде чѣмъ перейти къ означенному «своду», я считаю необходимымъ навести справку, какъ въ общихъ чертахъ рѣшался этотъ вопросъ тѣми учрежденіями, вниманію коихъ онъ былъ порученъ до закрытія трудовъ Кахановской комиссіи, а также какъ подступала къ нему наша публицистическая литература, въ лицѣ главнѣйшихъ работниковъ по настоящему предмету.

Преобладающая тенденція и учрежденій и лицъ, занимавшихся вопросомъ о сельскомъ и волостномъ самоуправленіи, была въ пользу расширенія компетенціи этого самоуправленія. Сенаторъ Ковалевскій, напримѣръ, полагалъ, что «нынѣшнее сельское общественное устройство въ главныхъ своихъ основаніяхъ соотвѣтствуетъ потребностямъ крестьянъ и условіямъ ихъ быта, а потому не требуетъ какихъ либо коренныхъ преобразованій; желательныя въ немъ измѣненія сановный ревизоръ сводилъ: а) къ узаконенію частныхъ сходовъ въ обществахъ, состоящихъ изъ крестьянъ разныхъ наименованій или изъ нѣсколькихъ группъ, владѣющихъ отдѣльными земельными надѣлами; б) къ включенію въ составъ сельскихъ обществъ тѣхъ мѣщанъ и лицъ другихъ непривилегированныхъ состояній, которые имѣютъ въ селеніяхъ постоянную осѣдлость, проживая на собственныхъ или на снятыхъ въ долгосрочную аренду земляхъ, съ распространеніемъ крестьянскаго общественнаго устройства на отдѣльныя поселенія подобныхъ лицъ; в) къ освобожденію сельскихъ старостъ по крайней мѣрѣ въ болѣе крупныхъ поселеніяхъ отъ

нѣкоторыхъ изъ лежащихъ нынѣ на нихъ обязанностей полицейскихъ и г) къ отмѣнѣ предоставленнаго закономъ 27 іюля 1874 г. исправникамъ права налагать взысканія на старостъ.

Обращаясь къ *волости*, сенаторъ Ковалевскій находилъ, что «*крестьянская волость* ни по характеру предоставленныхъ закономъ волостному правленію дѣлъ, ни по значенію и направленію, которыя получила на практикѣ дѣятельность волостныхъ правленій, не соотвѣтствуетъ нынѣшнему ея устройству». Въ видахъ этого, онъ полагалъ, что нынѣ существующее волостное правленіе надлежитъ замѣнить другою мелкою уѣздною единицей, общею для всѣхъ жителей извѣстнаго участка и завѣдываемою лицомъ, избираемымъ всѣми сословіями. Въ вѣдѣніе управленія такими территоріальными округами съ всесословнымъ характеромъ должна, конечно, перейти значительная часть дѣлъ по благоустройству и отбыванію различныхъ повинностей, состоящихъ нынѣ въ завѣдываніи земскихъ управъ. При этомъ на должностныхъ лицъ окружныхъ управленій должно быть возложено исполненіе порученій уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій, а также наблюденіе на мѣстахъ за исполненіемъ правилъ и распоряженій, издаваемыхъ какъ этими, такъ и другими мѣстными учрежденіями. По мнѣнію сенатора Ковалевскаго, главное преимущество, которое вправѣ ожидать отъ предполагаемаго переустройства волостныхъ правленій, заключается въ томъ, что какъ правительственныя, такъ и земскія учрежденія получатъ болѣе развитыхъ исполнителей, недостатокъ которыхъ особенно ощущается нынѣ въ дѣлахъ, касающихся общественнаго благоустройства и благосостоянія.

Что касается земствъ, то таковыя, въ силу широко тогда поставленнаго вопроса о реформѣ всего мѣстнаго управленія, и отвѣтили на этотъ вопросъ широко и обстоятельно, подчеркивая при этомъ главные принципы, на коихъ должна быть построена задуманная реформа. Въ любопытномъ сочиненіи «Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія» г. Скалонъ въ гл. 3-й говоритъ, что «по единогласному заявленію тѣхъ земствъ, которыя входили въ разсмотрѣніе этого вопроса, самый существенный порокъ нынѣшняго порядка заключается въ отсутствіи системы, единства и связи между учрежденіями, вѣдающими разныя отросли управленія. Чуждыя другъ другу и по духу, и по составу, поставленныя внѣ прямой зависимости одно отъ другого, эти многочисленныя учрежденія дѣйствуютъ порознь, безъ общей руководящей программы, поневолѣ входя въ пререканія и столкновенія, и тѣмъ задерживается правильный ходъ дѣла». Далѣе въ трудѣ почтеннаго изслѣдователя мы читаемъ: «Органы крестьянскаго самоуправленія со временемъ потеряли тотъ характеръ, который первоначально былъ имъ приданъ «Положеніемъ» 19 февраля: изъ органовъ управленія хозяйственнаго они обратились теперь почти исключительно въ агентовъ общей полиціи, и

эта перемѣна не могла не отразиться на ихъ дѣятельности». Констатируя мнѣнія земствъ о необходимости реформы крестьянскихъ мѣстныхъ учрежденій, г. Скалонъ утверждаетъ, что «большинство земскихъ проектовъ сходится и въ основныхъ началахъ, на которыхъ должна быть построена крестьянская реформа. Въ частностяхъ мнѣнія рѣзко расходятся: одни проекты стоятъ за коренное преобразованіе всего строя мѣстныхъ органовъ управленія на началахъ широкаго самоуправленія, другіе—за сохраненіе существующихъ учрежденій, съ нѣкоторыми лишь исправленіями въ ихъ устройствѣ; одни высказываются за всесословную самоуправляющуюся волость, другіе за образованіе участковъ исключительно административнаго характера; одни предполагаютъ передачу всей полицейской дѣятельности въ руки мѣстнаго общества, другіе сохраняютъ правительственные полицейскіе органы; одни упраздняютъ особое крестьянское сословное управленіе, другіе желаютъ его сохраненія. Но во всѣхъ, расходящихся между собою, проектахъ проводится одна основная мысль, общая всѣмъ имъ, о необходимости установленія болѣе тѣсной связи между земскими и прочими учрежденіями и устраненія административной опеки». Что касается непосредственно крестьянскихъ учрежденій, то одни земскіе проекты сохраняли всю систему крестьянскихъ сословныхъ учрежденій, не исключая особыхъ органовъ, ими завѣдующихъ; другіе ставили крестьянскія учрежденія подъ надзоръ земства; третьи, наконецъ, ограничивали крестьянское самоуправленіе предѣлами сельской общины.

Самъ г. Скалонъ, немало потрудившійся въ свое время надъ теоретическою и публицистическою разработкой земскаго и крестьянскаго вопросовъ и составившій себѣ въ этой области репутацію солиднаго знатока дѣла, въ такомъ смыслѣ высказывался по вопросу о реорганизаціи сельскаго управленія: «Увеличеніе состава сельскихъ обществъ принесетъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторую пользу, но имъ однимъ не устраняются всѣ недостатки современной организаціи общественнаго управленія,—писалъ онъ. Въ виду того, что наша деревня уже въ значительной степени утратила исключительно сословный характеръ, мы признаемъ необходимымъ коренное переустройство сельскаго общественнаго управленія въ томъ направленіи, чтобы въ немъ могли получить удовлетвореніе всѣ существующіе въ селеніи интересы, чтобы оно сдѣлалось первою основною единицей нашего самоуправленія. Поземельная община должна войти въ него, какъ самостоятельный членъ, наравнѣ съ личными собственниками, живущими въ предѣлахъ его территоріи, оставаясь независимою и самостоятельною въ области своего хозяйственнаго быта. Само собою разумѣется, что поземельная община можетъ и совпасть съ сельскимъ обществомъ, и что послѣднее можетъ состоять изъ однихъ крестьянъ-общинниковъ, если, кромѣ нихъ, не окажется другихъ обывателей въ околоткѣ, образующемъ общество. Мы твердо убѣждены,

что образованіе всесословнаго общества не причинитъ никакого ущерба крестьянамъ, нимало не посягнетъ на ихъ «самобытность», напротивъ, оно послужитъ имъ на пользу, хотя бы уже тѣмъ, что увеличитъ матеріальныя средства, служащія для удовлетворенія общественныхъ потребностей».

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи г. Скалонъ намѣчаетъ и ту общую реформу, которая, по мнѣніямъ земствъ, должна обнять собою и *волость*, при чемъ онъ обстоятельно знакомитъ читателей съ разновидностями этой реформы, образовавшимися изъ сопоставленія различныхъ земскихъ взглядовъ на дѣло. Тутъ на первомъ мѣстѣ выступаетъ мнѣніе въ пользу *всесословности* волости, мелкой самоуправляющейся единицы, за которою земства признавали право собраній, выборовъ и самообложеній. Сторонники такой волости придавали ей организацію, одинаковую съ организаціей земскихъ учрежденій, и строили все мѣстное управленіе—волостное, уѣздное и губернское, по одному образцу. Но рядомъ съ такимъ мнѣніемъ раздались и возраженія, которыя сводятся къ тремъ положеніямъ: 1) Діаметральная противоположность принциповъ личнаго и общиннаго землевладѣнія и невозможность, вслѣдствіе этого, соединенія представителей того и другого въ одномъ общемъ управленіи. 2) Невозможность уравновѣшенія крестьянскаго и владѣльческаго элементовъ, благодаря которой первый будетъ имѣть по численности своей преобладающее вліяніе, въ ущербъ интересамъ многихъ владѣльцевъ. 3) Недостатокъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, способныхъ посвятить себя дѣятельности на поприщѣ волостнаго управленія. Образованные землевладѣльцы, будучи малочисленны, не въ состояніи оказать полезнаго вліянія на ходъ волостныхъ дѣлъ, напротивъ, вліяніе вредныхъ классовъ усилится.

Обсуждая вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія, земства обратили особенное вниманіе на организацію волости и полагали, что, съ преобразованіемъ волостнаго управленія, откроется возможность восполнить существенный пробѣлъ въ земскомъ устройствѣ и создать мелкія земскія единицы. Понимая такъ дѣло предстоявшей реформы, большая часть проектовъ земствъ высказались за расширеніе круга дѣятельности земскихъ учрежденій и за установленіе тѣсной связи между ними и органами сельскаго и волостнаго управленія. Обращаясь къ способамъ осуществленія такой задачи, мы видимъ, что во всѣхъ проектахъ замѣчалось два главныхъ теченія — одно въ пользу централизаціи всего уѣзднаго управленія въ рукахъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій и упраздненія всякой самостоятельности волостныхъ единицъ, другое—въ пользу децентрализаціи и перенесенія существеннѣйшихъ отраслей управленія въ волость, съ предоставленіемъ послѣдней устройства, аналогичнаго съ уѣзднымъ. Параллельно главнымъ тенденціямъ въ этой области и явились проекты разныхъ типовъ волости, какъ

единицы исключительно административной, волости смѣшаннаго типа и самоуправляющейся волости.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ остановиться на развитіи идеи каждой изъ намѣченныхъ волостей; интересующихся отсылаю къ поучительному труду г. Скалона «Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія» (гл. VIII—X), гдѣ по настоящему предмету собранъ обширный матеріалъ, освѣщенный съ большою ясностью и умѣньемъ.

Что же касается личнаго мнѣнія г. Скалона, то поскольку его можно почерпнуть и изъ книги «Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія» и изъ передовыхъ статей издававшейся имъ газеты «Земство», все оно сводится къ необходимости самостоятельнаго участія народа въ мѣстномъ управленіи, а слѣдовательно и къ необходимости широко поставленнаго самоуправленія сельскаго и волостнаго.

Обращаясь къ главнѣйшей тенденціи занятій Кахановской комиссіи, мы видимъ, что она сводилась къ желанію раздѣлить два понятія: понятіе поземельной общины, какъ чисто-хозяйственнаго союза, и понятіе сельской общины, какъ извѣстнаго административнаго союза. Комиссія статсъ-секретаря Каханова не привела къ концу своихъ занятій и была въ 1884 г. закрыта, поэтому въ отношеніи ея нельзя обстоятельно и точно говорить, каковы были бы по интересующему насъ предмету ея окончательные выводы и приговоры. Во всякомъ случаѣ можно утвердительно говорить, что эта комиссія никоимъ образомъ не имѣла въ виду вносить въ задачи мѣстнаго самоуправленія начала сословности и той правительственной опеки и государственнаго вмѣшательства, кои выступили на первый планъ въ министерство гр. Д. А. Толстого.

V.

Въ главныхъ своихъ положеніяхъ согласно высказалась съ названными учрежденіями (министерскою ревизіей, комиссіей Каханова и опрошенными земствами) и публицистическая литература [1]). О г. Скалонѣ сказано уже достаточно. Почти одновременно съ нимъ подалъ голосъ по предмету ожидавшейся реформы мѣстнаго управленія и редакторъ «Новостей» г. Нотовичъ въ рядѣ передовыхъ статей, напечатанныхъ въ его газетѣ, каковыя собранныя воедино и вошли въ составъ книги «Основы реформъ мѣстнаго

---

[1]) Литература предмета о мѣстномъ самоуправленіи довольно обстоятельно собрана и критически разработана въ книгѣ г. Свѣшникова, на которую я уже указывалъ и которою я пользуюсь въ значительной мѣрѣ для настоящей главы. О работахъ, появившихся въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, я здѣсь не говорю, такъ какъ эти работы не столько имѣли въ виду необходимость реформъ, сколько критику того, что было уже сдѣлано.

и центральнаго управленія». Книга г. Нотовича,—написанная, къ слову сказать, при сотрудничествѣ г. Песковскаго,—въ настоящее время нѣсколько забыта, но въ дни своего появленія она обратила на себя должное вниманіе и служила довольно обстоятельною программой по вопросу о мѣстной реформѣ нѣкоторой либеральной части русскаго общества.

Въ главѣ IX—XIX своей книги авторъ устанавливаетъ систему мѣстнаго управленія, начиная съ минимальной единицы всесословной, или, какъ онъ полагаетъ вѣрнѣе назвать, безсословной волости, и кончая высшими государственными учрежденіями. Оставляя его разсужденія о послѣдней категоріи учрежденій въ сторонѣ, остановимся лишь на томъ, что имъ сказано по поводу мѣстныхъ инстанцій самоуправленія. «Земское начало управленія должно проходить всѣ учрежденія, начиная съ приходской единицы... и кончая всѣми мѣстными административно-хозяйственными учрежденіями, утверждаетъ г. Нотовичъ. Вся распорядительно-исполнительная власть, по всѣмъ отраслямъ и проявленіямъ народной жизни, должна находиться въ рукахъ общества; за административною же властью долженъ остаться контроль. Такимъ образомъ, функціи мѣстной административно-хозяйственной правительственной дѣятельности должны сократиться до крайней степени. Вмѣсто нынѣшней системы уѣздныхъ и губернскихъ казенныхъ канцелярій, только по нѣкоторымъ отраслямъ мѣстнаго управленія должны будутъ сохраниться правительственные агенты. Назначеніе этихъ агентовъ, съ одной стороны, быть представителями интересовъ казны въ спеціально-приспособленныхъ къ послѣднимъ учрежденіямъ, а съ другой стороны—контролировать дѣятельность общественныхъ учрежденій. Права власти, разрѣшающей на мѣстѣ, должны быть расширены до такихъ именно предѣловъ, чтобы мѣстная власть вполнѣ удовлетворяла понятіямъ и требованіямъ власти, вѣдающей и удовлетворяющей всѣ, безъ исключенія, мѣстныя пользы и нужды, чѣмъ, исключительно, и могутъ поддерживаться значеніе, сила и благотворное вліяніе ея авторитета въ глазахъ мѣстнаго населенія. Это означаетъ иначе, что всѣ вопросы, при разрѣшеніи которыхъ требуется детальное знакомство съ потребностями и условіями мѣстной жизни, должны разрѣшаться не центральною, а мѣстною властью».

Таковы общіе принципы, положенные г. Нотовичемъ во главу необходимой для Россіи реформы самоуправленія; обращаясь же къ частямъ этой реформы—сельскому обществу и волости, онъ полагаетъ въ отношеніи перваго, что оно должно быть безсословнымъ, что въ немъ должны объединиться всѣ сословія и классы мѣстнаго населенія. «Здѣсь должны быть представители церкви, школы, врачебнаго дѣла, а также и всѣхъ, безъ исключенія, отраслей мѣстной производительности и промышленности..., говоритъ авторъ. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о сельскомъ управленіи приходится имѣть дѣло не съ «лом-

кою», а съ созиданіемъ такой самоуправляющейся единицы, которая могла бы «дѣло дѣлать» на мѣстѣ, въ жизни, которая сознавала бы свое мѣсто въ государственномъ организмѣ и свою роль въ общей системѣ государственнаго управленія. Только такая единица мѣстнаго управленія можетъ быть производительнымъ государственнымъ факторомъ, какъ въ культурномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. При существованіи такой единицы, канцелярскій тормазъ уничтожится въ самомъ корнѣ; весь годъ народной жизни будетъ регулироваться не въ кабинетѣ и не бумажнымъ путемъ, а въ самой дѣйствительной жизни и, притомъ, непосредственно, практическимъ путемъ. Правительственная власть получитъ въ лицѣ такой самоуправляющейся единицы самаго надежнаго распорядительно-исполнительнаго агента, прямо и непосредственно заинтересованнаго въ доворливомъ завѣдываніи мѣстными интересами и нормальномъ удовлетвореніи мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Съ другой стороны, подъемъ уровня сельскаго управленія и постановка его, какъ дѣятельнаго фактора правительственной власти, въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ, поднимутъ значеніе деревни въ глазахъ ея самой и общества. Деревня перестанетъ быть захолустьемъ и обратится въ разумный центръ общественной жизни и дѣятельности; она научится мыслить не объ одномъ только земледѣліи, но и обо всемъ томъ, что непосредственно соприкасается съ земледѣліемъ и имѣетъ отношеніе къ сельскому общественному быту: она сознаетъ свое положеніе и роль въ государствѣ, и ея интересы расширятся дальше ея предѣловъ».

Что касается волостнаго управленія, то г. Нотовичъ предлагаетъ даже совсѣмъ уничтожить слово «волость», какъ затасканное и загрязненное въ практикѣ крестьянскаго самоуправства, и взамѣнъ волости проектируетъ создать особую самоуправляющуюся единицу, носящую наименованіе «уѣзднаго участка». Глядя по густотѣ населенія въ данномъ уѣздѣ, численность такого участка можетъ измѣняться примѣрно отъ 10 до 20 тысячъ человѣкъ. Большая, сравнительно, численность участка, особенно въ примѣненіи къ количеству населенія нынѣшней волости, необходима по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, въ каждомъ участкѣ должны быть свои общеобразовательныя учебныя заведенія, своя врачебная помощь, свое кредитное учрежденіе и т. д., значитъ, численность населенія уѣзднаго участка должна быть настолько значительна, чтобы сборы на мѣстныя нужды не были обременительны для него. Во-вторыхъ, участки должны обнять собою какъ сельское, такъ и все прочее мѣстное населеніе: духовенство, землевладѣльцевъ и торговое сословіе, фабрикантовъ и заводчиковъ и т. д., словомъ, всѣ слои мѣстнаго населенія. При образованіи участковъ, обязательно озаботиться тѣмъ, чтобы элементы, входящіе въ составъ его, были какъ можно болѣе разнообразны. Это необходимо для того,

чтобы какъ можно болѣе разнообразные интересы мѣстнаго населенія приходили въ непосредственное между собою соприкосновеніе, такъ какъ только сочетаніе разнообразныхъ интересовъ рождаетъ культуру. Вся положительная дѣятельность нынѣшнихъ уѣздныхъ управъ должна перейти въ участки, съ тѣмъ, притомъ, условіемъ, чтобы участки являлись органами, самоуправляющимися въ полномъ смыслѣ слова, во всеоружіи власти разрѣшающей и распорядительно-исполнительной, насколько, конечно, ихъ компетенція можетъ касаться частныхъ проявленій государственной жизни. Участковое управленіе слагается изъ двухъ элементовъ: съѣздовъ выборныхъ людей отъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія, начиная съ духовенства, учителей и врачей и кончая крестьянами, торговцами, фабрикантами и заводчиками, и правленія, состоящаго изъ участковаго головы и его помощника. Роль съѣзда—распорядительная, правленія—исполнительная. Съѣзды должны происходить періодически, не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Участковый голова—начальникъ участка, управляющій имъ на основаніи полномочій съѣзда и подъ его контролемъ».

Я не буду слѣдить далѣе за развитіемъ проектированнаго г. Нотовичемъ участка, такъ какъ съ точки зрѣнія темы моего очерка авторъ не даетъ болѣе матеріала, а ограничивается лишь указаніемъ тѣхъ общихъ выводовъ, которые должны послѣдовать изъ его проекта. Вообще, проектъ г. Нотовича страдалъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: въ немъ не была указана компетенція органовъ мѣстнаго управленія, что придавало его работѣ характеръ черноваго архитектурнаго наброска, проектированнаго очень красиво, но безъ должной отдѣлки и планировки.

Изъ другихъ работъ, касавшихся вопроса о реформѣ мѣстнаго управленія, нельзя не отмѣтить брошюръ г.г. Головина и сенатора Н. П. Семенова, подходившихъ къ намѣченной темѣ съ совсѣмъ иной точки отправленія, нежели то дѣлали г.г. Скалонъ и Нотовичъ. Первый авторъ, т. е. г. Головинъ, полагаетъ необходимымъ сосредоточить въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія лишь дѣла хозяйственныя, изолировавъ ихъ отъ вопросовъ государственнаго управленія. Что касается г. Семенова, то, минуя прочія его работы по земскимъ и крестьянскимъ вопросамъ, я считаю нужнымъ отмѣтить его брошюру «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II. О будущемъ крестьянскаго сословія въ Россіи». Будучи сторонникомъ ограниченія нашихъ мѣстныхъ органовъ управленія хозяйственными и финансовыми интересами, г. Семеновъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на этихъ сторонахъ уѣздной жизни, какъ равно выступаетъ горячимъ поборникомъ авторитета крестьянскаго міра, попорченнаго, по его мнѣнію, искусственнымъ введеніемъ въ его обиходъ рѣшеній по большинству голосовъ.

Г. Семеновъ полагаетъ, что необходимо, прежде чѣмъ говорить объ общемъ пересмотрѣ положенія о крестьянахъ, выяснить, «какія мѣры, въ развитіе и исполненіе высочайшей воли [1]), выразившейся въ законѣ 14 декабря 1893 г., могутъ быть приняты». Авторъ концентрируетъ всю силу необходимыхъ заботъ правительства въ томъ, чтобы укрѣпить неотчуждаемость крестьянскихъ земель и уничтожить голосованіе на сельскихъ сходахъ, сдѣлавъ рѣшенія этихъ сходовъ обязательно единогласными. «При неотъемлемости владѣнія,—говоритъ онъ,—съ которою неразрывно связаны представленія крестьянъ о землѣ, въ настоящее время и возможно національное культурное развитіе русскаго народа. Пока эта неотъемлемость будетъ существовать въ Россіи, міръ будетъ стоять прочно, и удержится общинное землевладѣніе, съ его тягловымъ надѣленіемъ и семейными участками. Имѣя въ сильной живучести своеобразнаго своего устройства, основаннаго на согласіи и единствѣ, всѣ задатки къ совершенствованію и примѣняясь къ новымъ требованіямъ жизни, крестьянская община будетъ представлять твердый оплотъ развитія государства на началахъ православія, единодержавія, семейнаго союза и народности».

Что касается непосредственно крестьянскаго самоуправленія, т. е. сельскаго міра, то оно, по мнѣнію г. Семенова, должно быть сохранено и упрочено упраздненіемъ на сельскихъ сходахъ голосованія и рѣшающаго большинства голосовъ. Мірскіе приговоры слѣдуетъ признавать тогда только состоявшимися, когда они постановлены съ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ на сходѣ общественниковъ. Приговоры же, хотя признанные состоявшимися, но постановленные въ нарушеніе закона или правъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, и личныхъ правъ самихъ членовъ общества, должны считаться недѣйствительными и подлежащими отмѣнѣ установленною властью, безъ распространенія на нихъ земской давности.

Названными авторами я считаю достаточнымъ ограничиться въ своемъ указаніи на то, какъ относилась наша литература къ необходимости реформы крестьянскихъ и вообще мѣстныхъ учрежденій. Болѣе обстоятельно литературу того же предмета интересующіеся найдутъ въ работѣ г. Свѣшникова, гдѣ, въ зависимости отъ главной темы его труда—«опыта критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ державъ»,—имѣются указанія и на повременную прессу. Но было бы съ моей стороны несправедливымъ, пользуясь трудомъ молодого ученаго, не отмѣтить здѣсь, какъ онъ самъ относится къ вопросу о реформѣ мѣстныхъ учрежденій. Хотя авторъ издалъ свой трудъ послѣ того, какъ большинство писателей прогрессивнаго ла-

[1]) О мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

геря потеряло почти всякую надежду, что ихъ голосу будетъ отведено желательное имъ вниманіе, и послѣ того какъ съ введеніемъ земскихъ начальниковъ оживленіе въ литературѣ по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія стихло, тѣмъ не менѣе молодой ученый сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него, чтобъ выдвинуть вопросы русскаго самоуправленія вообще на видное мѣсто.

Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ тенденціи трудовъ Кахановской комиссіи, къ мнѣніямъ гг. Скалона, Нотовича, а также къ публицистическимъ работамъ г. Арсеньева въ «Вѣстникѣ Европы», г. Свѣшниковъ въ своемъ ученомъ сочиненіи, исходя изъ знакомства съ вопросомъ о самоуправленіи всѣхъ европейскихъ державъ, ставитъ слѣдующіе тезисы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ пересмотру «положенія о крестьянахъ»: 5) По предметамъ мѣстной администраціи, ввѣреннымъ самоуправленію, и по завѣдыванію земскими финансами выборные представители всякаго земскаго округа (общины, волости, уѣзда и провинціи) должны быть снабжены: а) распорядительною властью (право административныхъ распоряженій и постановленіе рѣшеній), б) исполнительною властью (право выбора и назначеніе исполнительныхъ органовъ; необходимость принудительной и административно-карательной власти у должностныхъ лицъ самоуправленія). 10) Организація мѣстнаго самоуправленія, какъ формы участія народа въ мѣстной администраціи, должна основываться на выборномъ началѣ (системы континента Европы), а не на началѣ повинности и назначенія (аристократическая система Англіи). 12) Самоуправленіе общинъ и земскихъ округовъ (волости, уѣзды, губерніи) предполагаетъ не только выборное представительство, но и выборные исполнительные органы. 13) Взглядъ на органы самоуправленія, какъ на органы государственной власти, исключаетъ возможность сословной организаціи мѣстнаго самоуправленія. 17) Мѣстное представительство должно разсматриваться, какъ добровольное отправленіе государственныхъ функцій, но не какъ принудительная повинность. 18) Въ организаціи исполнительной части самоуправленія (выборъ системъ управленія: коллегіальной или единоличной; учрежденіе различныхъ должностей и т. п.) долженъ быть предоставленъ большій просторъ самому мѣстному представительству.

Таковы главныя положенія, кои г. Свѣшниковъ кладетъ въ основаніе своей системы мѣстнаго управленія. Обращаясь же непосредственно къ крестьянскому самоуправленію, онъ говоритъ, что нынѣшнее «сельское общество не является административною единицею, тогда какъ оно должно быть признано всесословнымъ сельскимъ обществомъ, ибо это наиболѣе соотвѣтствуетъ данному положенію его обывателей; во-вторыхъ, крестьянская волость представляется по своей идеѣ крайне неопредѣленною и крайне несправедливою, ибо всѣ расходы падаютъ на одно сословіе, и потому представлялась бы желательною замѣна ея всесословными округами, земскими участками

и всесословною волостью, которая была бы организована по тѣмъ же принципамъ, по какимъ организованы низшія и другія единицы самоуправленія, а именно земскій участокъ или всесословная волость должны быть самоуправляющимися».

Приведенныя выдержки изъ работы г. Свѣшникова показываютъ, что въ общей сложности онъ, подобно гг. Скалону и Нотовичу, горячо высказываются за широко-поставленный у насъ вопросъ самоуправленія, причемъ однимъ изъ первыхъ условій считаетъ необходимымъ уничтоженіе сословности въ волостномъ управленіи и приданіе органамъ самоуправленія, низшимъ и высшимъ, какъ распорядительныхъ, такъ и исполнительныхъ функцій.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

По поводу перехода въ католичество княжны Елены Черногорской. Казань. 1896. Нова Кола, произведеніе черногорскаго князя Николая, и значеніе самостоятельной жизни черногорскихъ племенъ въ исторіи исконной независимости сербскаго народа на Черной Горѣ. Казань. 1897. Матеріалы и нѣкоторыя изслѣдованія по исторіи Черногоріи. Казань. 1897.

Ъ КАЗАНСКОМЪ университетѣ, этомъ разсадникѣ просвѣщенія на сѣверо-востокѣ нашего обширнаго отечества, повидимому, культивируется особенный интересъ къ самому южному пункту славянства—доблестной Черногоріи, предпочтительно предъ другими славянскими отраслями. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по тому, что названный университетъ въ короткое время выпустилъ въ свѣтъ три сочиненія, названныя выше и посвященныя маленькому княжеству, напечатанныя первоначально въ «Ученыхъ Запискахъ» и вышедшія отдѣльными изданіями. Сочиненія эти принадлежатъ перу казанскаго профессора-слависта А. И. Александрова.

Предпочтительное вниманіе къ черногорскому государству и черногорско-сербской народности является въ данномъ случаѣ отраженіемъ тѣхъ симпатій, которыя издавна питаетъ наше общество къ этому несокрушимому гнѣзду славянства, политическая и народная жизнь котораго твердо зиждется на устояхъ одной съ нами вѣры и вся исторія котораго прошла въ кровавой борьбѣ «за

крестъ честный и свободу златну» (золотую). Нельзя поэтому не привѣтствовать стремленій почтеннаго ученаго знакомить читающую публику съ фактами изъ древней и современной жизни Черной Горы,—стремленій, выразившихся и раньше во многихъ прежнихъ его сочиненіяхъ.

Въ первой брошюрѣ повѣствуется о томъ, что отличительнымъ характеромъ всѣхъ черногорскихъ владѣтелей, какъ первоначально при теократіи, такъ и впослѣдствіи при свѣтскомъ управленіи, было то, что представители власти являлись неуклонными ревнителями православія и стойкими борцами за свою вѣру. Князь Николай, какъ извѣстно, также считаетъ православіе единственнымъ источникомъ жизни, развитія и независимости для своего народа и всегда выше всего ставилъ этотъ «святой аманетъ», гордясь имъ и воспѣвая въ своей поэзіи эту духовную доблесть сербскаго народа и въ частности черногорскаго.

Въ виду этого, данное княземъ разрѣшеніе на переходъ родной дочери въ католичество, повидимому, ставитъ его въ противорѣчіе самому себѣ и какъ бы свидѣтельствуетъ объ отступничествѣ отъ народнаго завѣта. Эта обманчивая видимость окрылила фантазію ультракатоликовъ до того, что въ означенномъ единичномъ и исключительномъ фактѣ они уже мечтаютъ видѣть начало слитія славянской православной церкви съ католическою, съ подчиненіемъ первой Риму, какъ заявилъ издающійся въ Загребѣ органъ хорватскихъ клерикаловъ Katolicki List. Напрасныя мечтанія! Какъ ни прискорбенъ, по мнѣнію автора, самый фактъ отреченія отъ православія княжны Елены съ согласія отца, но это есть не болѣе, какъ семейное дѣло князя, не имѣющее никакого отношенія къ государственному принципу княжества. Читая названную брошюру, нельзя не отнестись съ искреннимъ участіемъ къ личному положенію князя-рыцаря, когда рѣшался вопросъ о замужествѣ дочери его съ принцемъ неаполитанскимъ, наслѣдникомъ итальянскаго престола. «Я знаю,—съ горечью заявлялъ правитель Черногоріи,—что событіе въ Бари произвело въ Россіи отрицательное относительно меня впечатлѣніе, и это мнѣ крайне тяжело. Очень многіе стали говорить: какимъ образомъ я, другъ Россіи и вѣрный сынъ православія, могъ допустить переходъ дочери моей въ католицизмъ? Я вполнѣ понимаю эти слова, но надо также понять и мое положеніе. Дочь моя полюбила самымъ искреннимъ образомъ принца неаполитанскаго, относясь совершенно безразлично къ какимъ бы то ни было политическимъ соображеніямъ. Предо мной предстоялъ вопросъ въ самой категорической формѣ: или я долженъ былъ отказаться отъ счастья моей дочери, или согласиться на ея переходъ въ католицизмъ. Когда въ жизни является столь роковой вопросъ, то прежде всего говорятъ чувства, и я долженъ былъ уступить мольбамъ моей дочери, влюбленной въ принца. Переговоры относительно вѣры велись очень долго, и я упорно настаивалъ на томъ, чтобы княжна осталась православною, но мнѣ въ концѣ концовъ пришлось склониться предъ необходимостью».

Не безынтересно отмѣтить, что для отреченія княжны Елены отъ православія сочинена особая, такъ сказать, облегченная формула ad hoc, въ которой опущенъ даже важнѣйшій догматъ католичества объ исхожденія св. Духа отъ Сына; тѣмъ не менѣе прозелитка должна была, положивъ руку на евангеліе,

произнести, что она признаетъ видимымъ главою св. церкви и непогрѣшимымъ намѣстникомъ Іисуса Христа законнаго преемника св. Петра, перваго епископа римскаго и князя апостоловъ,—провозглашаетъ всѣ прочія религіи ложными, вѣруетъ въ чистилище и объявляетъ, что внѣ католической апостольской римской религіи нѣтъ спасенія.

Какъ ни горестно для многихъ православно-русскихъ сердецъ описанное событіе, но мы не бросимъ упрека ни княжнѣ Еленѣ за отступничество, ни князю Николаю за попустительство, предоставивъ ихъ собственной совѣсти. Русское православіе несравненно толерантнѣе католичества. Нашъ взглядъ шире, религіозные идеалы наши не замкнуты въ бездушныя формулы, мы признаемъ, что, помимо вѣроисповѣдныхъ отличій, главнѣйшія основы христіанскаго спасенія заключается въ вѣрѣ, любви и добрыхъ дѣлахъ.

Изъ книги подъ названіемъ Нова Кола узнаемъ, что это хороводное стихотвореніе есть продолженіе цѣлой серіи подобныхъ произведеній князя Николая, въ которыхъ поэтъ воспѣваетъ доблести сербскаго народа вообще и черногорскаго въ частности.

По вполнѣ вѣрному заявленію автора, литературное значеніе князя, какъ сербскаго поэта, извѣстно всему просвѣщенному міру. Имя его славно, не только какъ героя, законодателя и преобразователя своей страны, вождя и борца, сербскаго патріота и славянина, но также и какъ наилучшаго представителя сербской искусственной поэзіи въ духѣ народа. Какъ самобытный и крупный талантъ, онъ создалъ особую школу, на нивѣ которой уже всходятъ богатые ростки. Поэзія князя имѣетъ глубокое воспитательное значеніе, проповѣдуя спасительную любовь къ отечеству, сербству и славянству, не упуская притомъ внушать народу преданность къ родственной Россіи, на которой покоятся вѣковыя надежды всѣхъ славянскихъ племенъ.

Движимый желаніемъ сохранить въ народной памяти героическіе эпизоды и бытовыя особенности сербской жизни, поэтъ-государь написалъ каждому племени особую хороводную пѣснь для исполненія въ народномъ танцѣ «Коло». Сопоставляя ранній трудъ князя Николая «Пјесникъ и Вила» съ самымъ послѣднимъ по времени созданія «Нова Кола», авторъ такъ характеризуетъ эти произведенія: тамъ поучается данными изъ своей прошлой жизни весь сербскій народъ и ободряется къ дальнѣйшимъ доблестямъ, здѣсь воспѣваются героическіе подвиги и патріархальный укладъ жизни черногорцевъ; тамъ рисуется общесербское значеніе и славная борьба за вѣру и свободу, здѣсь только часть сербской славы—черногорцевъ, по скольку она выразилась въ ихъ отдѣльной исторіи; въ первомъ произведеніи представленъ величавый образъ серба въ исторіи народа, во второмъ—серба-черногорца. Но въ томъ и другомъ руководящею нитью проходитъ одна цѣль—воспитаніе народа въ государственной и національно-сербской идеѣ: сербовъ въ широкомъ смыслѣ народной общности, черногорцевъ — въ болѣе узкой государственной, какъ вѣковыхъ и исконно вѣрныхъ носителей сербской независимости. Произведеніемъ «Нова Кола» поэтъ воздвигъ достойный памятникъ безсмертнымъ дѣяніямъ и славѣ всѣхъ разновидныхъ племенъ, обитающихъ въ государственныхъ границахъ Черной Горы.

Въ книгѣ «Матеріалы» и проч. опубликованы многіе весьма важные документы, проливающіе новый свѣтъ на исторію Черной Горы. Это есть результатъ занятій почтеннаго автора въ архивахъ и библіотекахъ какъ самой черногорской страны, такъ и Сербіи, Далмаціи и Босніи. Добытые тамъ матеріалы относятся главнымъ образомъ къ исторіи дѣятельности черногорскихъ митрополитовъ, а такъ какъ эти духовные владыки до послѣдняго времени имѣли активное вліяніе на политическую и общественную жизнь княжества, то появившіеся нынѣ въ печати документы представляютъ для спеціалистовъ большой интересъ. Л.

А. В. Кругловъ. Литература «маленькаго народа». Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. Два выпуска. Москва. 1897. Изд. книжнаго магазина М. Д. Наумова.

Какъ дѣтскій писатель, А. В. Кругловъ уже 25 лѣтъ служитъ своимъ талантомъ «маленькому народу» и составилъ себѣ прочное имя длиннымъ рядомъ книгъ; изъ нихъ нѣкоторыя переведены на иностранные языки и пользуются успѣхомъ за границей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему пришла счастливая мысль заняться изображеніемъ въ беллетристической формѣ жизни животныхъ, и обѣ его книги: «Котофей Котофеевичъ» и «Полканъ Собакевичъ», могутъ служить положительно образцами произведеній этого рода. Избѣгая шаблонной тропы и имѣя свои, порой очень своеобразные, взгляды на дѣтскую литературу, А. В. Кругловъ не оставался только писателемъ для дѣтей, но писалъ и о дѣтяхъ, поднимая вопросы по дѣтской литературѣ. Его статьи печатались въ «Семьѣ и Школѣ», «Педагогическомъ Листкѣ», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Обозрѣніи» и главнымъ образомъ въ «Вѣстникѣ Воспитанія», гдѣ онъ съ 1892 г. помѣстилъ цѣлый рядъ статей о литературѣ «маленькаго народа», которыя изданы теперь отдѣльно. Въ вышедшіе два выпуска вошли слѣдующія бесѣды: «Нужна ли дѣтская литература?», «Дѣтскій писатель», «Судьи дѣтскаго писателя», «Дѣтскій журналъ», «Какъ изображать жизнь», «На ложной почвѣ», «О стихахъ для дѣтей», «Плещеевъ — дѣтскій поэтъ», «Иллюстраціи», «О переводахъ», «Дѣтскій театръ», «Больное мѣсто дѣтской литературы», «Дайте отдохнуть дѣтямъ», «Разсказы для самыхъ маленькихъ дѣтей», «Разсказы М. В. Васильева», «Разсказы Н. А. Соловьева-Несмѣлова», «Фребелевскія изданія», «Библіотечка Ступина» и «Духовно-нравственный элементъ въ дѣтской литературѣ».

Всѣ эти бесѣды написаны живо, горячо, съ полнымъ знаніемъ трактуемаго вопроса, причемъ, что очень важно, авторъ смотритъ на дѣло съ той широкой точки зрѣнія, которая исключаетъ всякую педагогическую рутину, прописной шаблонъ. Опытность автора, много писавшаго для дѣтей, наблюдавшаго дѣтскій міръ и любящаго свое дѣло—все это сказалось на бесѣдахъ, и потому каждая изъ нихъ болѣе или менѣе своеобразно освѣщаетъ предметъ и принесетъ несомнѣнную пользу тѣмъ, которые руководятъ дѣтскимъ чтеніемъ. То защищающій дѣтскую литературу, то бичующій ея темныя стороны, авторъ увлекаетъ читателя и дѣлаетъ для этого послѣдняго близкими и дорогими

интересы маленькаго народа. Разсматривая нѣкоторыя произведенія дѣтской литературы, авторъ даетъ рядъ разборовъ, которые всегда доказательны, обоснованы и далеки того тона, который говоритъ о неуваженіи критика къ литературѣ и ея представителямъ. Впервые изъ всѣхъ писавшихъ о дѣтскомъ чтеніи г. Кругловъ поднимаетъ вопросъ о «духовно-нравственномъ» элементѣ въ дѣтской литературѣ. Онъ отмѣчаетъ грѣхъ дѣтской журналистики, забывшей одну изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ, и высказываетъ между прочимъ слѣдующую вполнѣ вѣрную мысль: «въ томъ-то и зло, что мы Законъ Божій предоставляемъ только школѣ. Онъ является для ребенка учебнымъ предметомъ, этимъ предметомъ остается для него на всю жизнь—и забывается наравнѣ съ другими учебными предметами, которые нужны были въ школѣ для экзамена, а не въ жизни. Дѣтская книга можетъ сказать больше, чѣмъ учебникъ, и сказать иначе».

Особенно своеобразными взглядами отличаются главы: «Дѣтскій журналъ», «На ложной почвѣ» и «Какъ изображать жизнь». Одинъ изъ критиковъ, разбирая оба выпуска, сказалъ, что они должны сдѣлаться настольными книжками для родителей и воспитателей. Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе.

Н. А.

Новый журналъ иностранной литературы, искусства и науки. Иллюстрированное, ежемѣсячное изданіе Ѳ. И. Булгакова. № 1. Іюль. Спб. 1897.

Ѳ. И. Булгаковъ извѣстенъ, и какъ многосторонне образованный писатель, и какъ опытный редакторъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличный знатокъ живописи и искусствъ. Благодаря его иллюстрированнымъ изданіямъ, публика ознакомилась съ произведеніями не только извѣстныхъ русскихъ художниковъ, какъ Айвазовскій, Маковскій, Шишкинъ, Ѳедотовъ и др., но и съ произведеніями европейскихъ знаменитостей, какъ Мейсонье, Альма Тадема, Менцель, Кнаусъ, Семирадскій и др. Оставивъ недавно редактированіе «Вѣстника Иностранной Литературы» вслѣдствіе недоразумѣній съ издателемъ г. Пантелѣевымъ, преслѣдовавшимъ исключительно однѣ коммерческія цѣли, г. Булгаковъ основалъ свой собственный журналъ, носящій названіе «Новаго журнала иностранной литературы», первая книжка котораго вышла въ іюлѣ мѣсяцѣ. Мы вообще не даемъ отзывовъ о періодическихъ изданіяхъ, но журналъ г. Булгакова составляетъ такое исключительное явленіе, что мы считаемъ необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Издатель, очевидно, взялъ за образецъ лучшіе заграничные, иллюстрированные, ежемѣсячные журналы, въ родѣ «Scriebners Monthly», «Revue illustrée», «Westermanns Monatshefte» и т. п. и, несмотря на громадныя затрудненія, которыя представляются въ Россіи для удовлетворительнаго изготовленія иллюстрацій, справился съ своей задачей весьма успѣшно. «Новый журналъ» г. Булгакова помѣщаетъ въ переводѣ не одни лишь выдающіяся произведенія иностранной литературы, но сообщаетъ въ прекрасно составленныхъ очеркахъ всѣ новости, касающіяся наукъ и искусствъ. Насколько разнообразенъ «Новый журналъ», можно судить по «Заграничной хроникѣ»

первой книжки, куда вошли слѣдующіе отдѣлы: 1) На современныя темы. 2) Изъ прошлаго. 3) Литературныя новости. 4) Художественныя новости. 5) Научная хроника. 6) Изъ артистическаго міра. 7) Изъ иностранной журналистики. 8) Мелочи. Въ общемъ 22 статьи съ 43 рисунками. Для лицъ, незнакомыхъ съ иностранными языками или не имѣющихъ возможности пользоваться заграничными журналами, изданіе г. Булгакова представляетъ какъ бы энциклопедію, знакомящую ихъ со всѣми замѣчательными явленіями текущей иностранной литературы, науки и искусства, при чемъ текстъ обильно иллюстрированъ подходящими рисунками и портретами. Мы искренно желаемъ успѣха изданію г. Булгакова, ибо видимъ въ немъ первую попытку дать русской публикѣ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла составленный дешевый, ежемѣсячный, иллюстрированный журналъ съ разнообразнымъ содержаніемъ. О. Ш.

Изданія историческаго общества при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 г. Москва. 1897.

Основанное въ 1895 г. историческое общество при Московскомъ университетѣ возникло вслѣдствіе новыхъ потребностей исторической науки въ Россіи, которымъ не могло удовлетворить существующее съ 1804 г. «Общество исторіи и древностей россійскихъ», единственною цѣлью котораго было «приведеніе въ ясность россійской исторіи» посредствомъ разработки ея памятниковъ.

Одною изъ первыхъ задачъ новаго историческаго общества является, какъ то мы видимъ изъ рѣчи В. И. Герье, сближеніе нашей исторіи и расширеніе ея посредствомъ исторіи всеобщей, которая одна только можетъ выяснить процессъ, связующій человѣчество въ одно цѣлое. Изученіе этого мірового процесса взаимодѣйствія отдѣльныхъ народовъ породило философію исторіи, многіе вопросы которой еще не выяснены и подлежатъ изученію. Исторія въ настоящее время еще далека отъ состоянія точной науки, но въ наше время, когда изученіе фактовъ исторіи сопровождается изученіемъ законовъ ея,— возможность превращенія исторіи въ науку является однимъ изъ главныхъ вопросовъ всякой теоретической обработки ея. Съ исторіей неразлученъ этическій интересъ, такъ какъ здѣсь можетъ быть примѣнимъ вопросъ о правѣ и безправіи, но историкъ, становясь судьей историческихъ фактовъ и личностей, долженъ держаться принципа терпимости. Итакъ, сблизить изученіе исторіи Россіи съ изученіемъ исторіи всего человѣчества, разработать невыясненные вопросы по философіи исторіи, поставить исторію на степень точной науки, примѣнить въ историческомъ изслѣдованіи принципъ гуманности — вотъ каковы задачи новаго историческаго общества. Историческое общество издало рефераты, читанные въ 1895 году; разборомъ ихъ мы и займемся.

Рѣчи В. И. Герье, М. С. Корелина и князя С. Н. Трубецкого, посвященныя памяти профессора Московскаго университета, протоіерея А. М. Иванцова-Платонова, даютъ намъ полное понятіе о его личности, какъ пастырѣ церкви и труженикѣ науки. Заслуга Иванцова-Платонова состоитъ въ томъ, что онъ

въ своихъ научныхъ трудахъ и чтеніяхъ по исторіи церкви, оставаясь вѣрнымъ своему глубокому религіозному чувству, сумѣлъ отдать должную дань наукѣ. Преклоняясь передъ требованіями чистой науки, Иванцовъ-Платоновъ признавалъ, однако, законнымъ извѣстный субъективизмъ въ изслѣдованіи научныхъ истинъ, но этотъ субъективизмъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые поставилъ ему Иванцовъ-Платоновъ, не лишаетъ научности историческую работу, а придаетъ ей жизненность. Съ точки зрѣнія этого законнаго субъективизма Иванцовъ-Платоновъ является защитникомъ христіанства и православія, будучи въ то же время выше вѣроисповѣдныхъ пристрастій. И какъ ученый, и какъ популяризаторъ, и какъ преподаватель, Иванцовъ-Платоновъ стоитъ очень высоко. Отдавая извѣстную дань критическимъ изысканіямъ западно-европейскихъ ученыхъ по исторіи церкви, онъ не могъ принять этихъ готовыхъ результатовъ, не разобравшись критически въ ихъ разногласіи. Главные труды Иванцова-Платонова о ересяхъ и расколахъ и о патріархѣ Фотіи носятъ критическій характеръ и должны считаться цѣннымъ вкладомъ въ науку. Какъ критикъ, Иванцовъ-Платоновъ долженъ быть названъ консерваторомъ, и хотя его консерватизмъ не помѣшалъ ему выступить смѣлымъ борцомъ съ рутиной нашей духовной литературы первой половины нашего вѣка и съ ея многочисленными послѣдователями, но тѣмъ не менѣе этотъ консерватизмъ—опасеніе передъ слишкомъ смѣлыми пріемами критики — вводитъ его въ нѣкоторыя, хотя немногочисленныя, ошибки. Другою отличительною чертой Иванцова-Платонова, какъ критика и человѣка, была его гуманная терпимость; въ силу этой же терпимости Иванцовъ-Платоновъ разошелся во многомъ со своими свѣтскими единомышленниками-славянофилами, узко-патріотическіе взгляды которыхъ были несогласны съ его широкою религіозностью. Что касается популярныхъ научныхъ сочиненій Иванцова-Платонова, помѣщенныхъ въ журналѣ «Православное Обозрѣніе», то и они служили той же общей цѣли, которая руководила всей его научною и преподавательскою дѣятельностью,— распространить въ обществѣ церковно-историческія знанія.

Предметъ очерка М. К. Любавскаго «Распредѣленіе владѣній и отношенія между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV вѣкахъ» имѣетъ за собой обширную литературу, но литература эта касается больше фактической стороны предмета, и данный очеркъ имѣетъ для насъ интересъ, какъ попытка подвести итоги этимъ фактическимъ даннымъ. Не касаясь подробностей разбора г. Любавскаго всѣхъ существующихъ по этому вопросу мнѣній, укажемъ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ вышеуказаннаго очерка. Великокняжеская власть въ литовско-русскомъ государствѣ пользовалась большимъ значеніемъ; положеніе другихъ князей подходило къ положенію великокняжескихъ намѣстниковъ, права которыхъ были весьма ограничены. Въ преемствѣ великокняжескаго стола не было какого либо обычая или права, съ теченіемъ времени изъ всѣхъ факторовъ, которые оказывали вліяніе на преемство стола, преобладающее значеніе получилъ—общественный.

Очеркъ К. Н. Успенскаго «Аѳинскіе навкрары и навкраріи» имѣетъ чисто спеціальный характеръ. Основываясь главнымъ образомъ на недавно открытомъ трактатѣ Аристотеля «Аѳинская Политея», г. Успенскій даетъ намъ нѣ-

которые новые выводы, какъ относительно этимологіи слова «навкраріа», такъ и времени возникновенія навкраріи и роли ихъ въ государственномъ строѣ Аѳинъ. Можно только пожалѣть, что греческіе тексты, которыми изобилуетъ очеркъ г. Успенскаго, за исключеніемъ двухъ или трехъ, приведены безъ русскаго перевода, что̀ дѣлаетъ данный очеркъ неудобочитаемымъ для неспеціалиста.

Статья В. Е. Якушкина о Грановскомъ имѣетъ для насъ большой интересъ, такъ какъ г. Якушкинъ приводитъ здѣсь еще неопубликованные отрывки записокъ о Грановскомъ А. Н. Аѳанасьева. Какъ извѣстно, Грановскій имѣлъ много враговъ. Аѳанасьевъ считался врагомъ Грановскаго, можно сказать, по недоразумѣнію, такъ какъ изъ предлагаемыхъ въ статьѣ г. Якушкина записокъ Аѳанасьева мы видимъ, что авторъ записокъ, высказывая весьма неувѣренно нѣсколько обвиненій противъ Грановскаго, какъ человѣка, тѣмъ не менѣе признаетъ важное значеніе за личностью и дѣятельностью Грановскаго и раздѣляетъ общую скорбь о его смерти. Аѳанасьевъ помѣстилъ въ своихъ запискахъ рѣчи, сказанныя на могилѣ Грановскаго его бывшими слушателями. Въ горячихъ, прочувствованныхъ словахъ обрисованъ здѣсь образъ Грановскаго, какъ преподавателя, его поистинѣ гуманное отношеніе къ слушателямъ, его умѣніе увлечь своимъ предметомъ и въ немногихъ словахъ высказать многое. Въ этихъ же цѣнныхъ запискахъ помѣщены письма Грановскаго къ К. Д. Кавелину, которыя свидѣтельствуютъ объ отзывчивости Грановскаго на всѣ явленія общественной жизни.

Статья В. О. Ключевскаго о Соловьевѣ, какъ преподавателѣ, имѣетъ для насъ значеніе, такъ какъ здѣсь мы получаемъ свѣдѣнія о Соловьевѣ отъ его бывшаго слушателя. Достоинства Соловьева, какъ преподавателя,— неоспоримы. Чтеніе Соловьева не дѣйствовало на чувство и воображеніе, а будило мысль. Его ясная, отрывистая рѣчь была лишена фразъ, но полна содержанія; о научности его чтеній незачѣмъ упоминать: за нее говоритъ авторитетъ Соловьева, какъ ученаго. Соловьевъ съ двухъ сторонъ освѣщалъ излагаемые имъ историческіе факты: съ прагматической и моралистической; первая знакомила слушателей съ идеей исторической закономѣрности, а вторая какъ бы одухотворяла факты, выводя изъ нихъ идеи добра и справедливости.

«Страница изъ исторіи аскетизма», очеркъ священника М. І. Хитрова, посвящается обзору вновь изданной книги «Лугъ Духовный», относящейся къ VII вѣку. Авторы этой книги—блаженный Іоаннъ Мосхъ и его ученикъ Софроній, позднѣе патріархъ іерусалимскій. Книга «Лугъ Духовный» содержитъ много данныхъ для исторіи церкви. Она воспроизводитъ глубокій упадокъ восточной имперіи, какъ политическій, такъ и упадокъ нравственности, и рисуетъ намъ яркую картину иноческой жизни на востокѣ въ VI—VII вѣкахъ. Правдивость повѣствователей, которые не скрываютъ и темныхъ сторонъ иночества, и глубокое, задушевное чувство, которымъ проникнуто все твореніе,— вотъ отличительныя черты этого историческаго памятника.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить нашего сочувствія намѣренію историческаго общества издавать свои рефераты и такимъ образомъ знакомить публику съ ходомъ и направленіемъ своей работы. **Z.**

Гастонъ Могра. Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи-Антуанеты. Перев. съ французскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897.

Арманъ Луи де Гонто, герцогъ Лозенъ, впослѣдствіи герцогъ Биронъ, изъ знаменитаго французскаго рода герцоговъ Бироновъ, родился въ 1753 году, рано поступилъ ко двору, гдѣ велъ обыкновенную жизнь французскихъ придворныхъ конца XVIII вѣка, причемъ съ двѣнадцати лѣтъ считался офицеромъ въ арміи, а затѣмъ, промотавъ все свое состояніе, отправился съ Лафайетомъ въ Америку, гдѣ участвовалъ въ войнѣ за независимость; послѣ возвращенія оттуда онъ снова поступилъ въ армію и получилъ командованіе гусарскимъ полкомъ. Выбранный въ 1788 году дворянствомъ изъ «Guercy» членомъ генеральныхъ штатовъ, онъ объявилъ себя въ національномъ собраніи сторонникомъ либеральныхъ идей и примкнулъ къ герцогу Орлеанскому. Въ 1792 году Лозенъ командовалъ дивизіей въ Сѣверномъ департаментѣ, гдѣ потерпѣлъ пораженіе при Жемаппѣ отъ Болье. Не взирая на это, онъ занялъ очень скоро постъ второго главнокомандующаго сѣверной арміей, а затѣмъ и главнокомандующаго рейнской. Переведенный въ Вандею, онъ взялъ Сомюръ и Партенэ, но былъ обвиненъ генералами Россиньолемъ и Вестерманомъ въ измѣнѣ и притѣсненіяхъ. Чтобы оправдаться въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, Лозенъ отправился въ Парижъ, гдѣ былъ тотчасъ же по пріѣздѣ арестованъ, а спустя нѣсколько дней приговоренъ къ смертной казни и гильотинированъ 1-го января 1794 года.

Эта біографія, полагаемъ мы, ясно показываетъ, что Лозенъ былъ личностью, далеко не выдающеюся, и вовсе не заслуживалъ того, чтобы дѣянія его подробно передавались потомству, а тѣмъ болѣе сообщались иноземцамъ. Для чего же, спрашивается, составлена г. Могра на французскомъ языкѣ и издана г. Пантелѣевымъ въ русскомъ переводѣ подлежащая нашему разбору книга? Французскій авторъ въ оправданіе появленія въ свѣтъ своего труда приводитъ тѣ соображенія, что герцогъ Лозенъ подвергался со стороны всѣхъ французскихъ историковъ большимъ нападкамъ за свою безнравственность, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ не былъ нисколько хуже другихъ своихъ современниковъ; потому-то онъ, Могра, на основаніи подлинныхъ мемуаровъ Лозена, рѣшилъ оправдать сего послѣдняго въ глазахъ французскаго общества, а попутно изобразить картину состоянія придворной среды предреволюціонной Франціи. Нельзя не признать, что подобныя соображенія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики: кому какое дѣло въ настоящее время до того, былъ ли Лозенъ безнравственъ, или нѣтъ; о дѣятеляхъ, подобныхъ Лозену, можно сказать два, три слова въ курсѣ исторіи Франціи XVIII вѣка, но посвящать имъ цѣлую книгу — нѣсколько много. Да и вообще намъ кажется, что Могра кривитъ душой, приводя читателямъ свои соображенія; онъ сознавалъ, должно быть, что взялся за трудъ пустой и безцѣльный, и своими соображеніями старался придать ему въ глазахъ читателей видъ серьезности. Но, увы!— уже прочтеніе первыхъ трехъ-четырехъ страницъ книга Могра ясно покажетъ всякому, что этотъ «серьезный» трудъ заключается въ простой передачѣ сво-

ими словами мемуаровъ Лозена; послѣдніе явились въ печати въ началѣ нынѣшняго столѣтія и произвели тогда большую сенсацію во французскомъ обществѣ, благодаря изобиловавшимъ въ нихъ скандальнымъ разоблаченіямъ относительно многихъ лицъ, тогда еще здравствовавшихъ. Но если въ тѣ времена мемуары имѣли хотя прелесть новизны и могли служить пріятнымъ чтеніемъ для любителей сплетенъ, то нынѣ они потеряли уже всякій «raison d'être», и Могра сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы оставилъ ихъ лежать въ архивной пыли, вмѣсто того, чтобы переворачивать старый хламъ и стараться придать ему обликъ научнаго труда. Французское придворное общество конца XVIII вѣка давно уже изучено и всѣмъ извѣстно, и никакого новаго свѣта на этотъ вопросъ книга Могра не проливаетъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что «Послѣдніе дни одного общества» не могутъ быть признаны ничѣмъ инымъ, какъ только совершенно излишнимъ балластомъ во французской исторической литературѣ. Тѣмъ болѣе изумительнымъ является фактъ ихъ изданія въ русскомъ переводѣ. Мы никакъ не можемъ понять тѣхъ принциповъ, которыми руководствуется г. Пантелѣевъ въ выборѣ иностранныхъ книгъ для своихъ изданій: наряду съ такими превосходными трудами, какъ «Исторія крестовыхъ походовъ» Куглера, разборъ которой былъ помѣщенъ нами въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за прошлый годъ, онъ издаетъ бездну безполезнаго, никому не нужнаго хлама. Мы бы искренно посовѣтовали ему — издавать книгъ числомъ поменьше, но съ серьезнымъ выборомъ и въ удобочитаемомъ переводѣ. А то переводъ большинства его изданій носитъ характеръ крайней небрежности, а часто и полнаго незнакомства со стороны переводчика съ элементарнѣйшими правилами русской грамматики. О варваризмахъ мы ужъ и не говоримъ: они встрѣчаются почти на каждомъ шагу. Возьмемъ хоть разобранную нами книгу Могра; въ ней то и дѣло попадаются фразы въ родѣ слѣдующей: «Погодите...дайте мнѣ собрать свой совѣтъ» (стр. 19). Нужно быть знакомымъ съ французскимъ языкомъ, чтобы понять, что эта безсмысленная фраза значитъ: «дайте мнѣ собраться съ мыслями».

К. Лосскій.

Устройство управленія румынской православной церкви (со времени ея автокефальности). Историко-каноническое изслѣдованіе В. Колокольцева. Казань. 1897.

Несмотря на тѣсную историческую связь Румыніи съ Россіей, издавна завязавшуюся, какъ на почвѣ политической, такъ и религіозной, для большинства русскихъ Румынія представляется почти совсѣмъ неизвѣстною страной, внутренняя жизнь которой, а равно и внѣшняя судьба, во многихъ отношеніяхъ представляются темно и неопредѣленно. Причину такого явленія, по мнѣнію г. Колокольцева, слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ политическихъ интригахъ нашего времени, искусно раздуваемыхъ въ Румыніи всѣми противниками политической мощи и величія Россіи, въ которой эти послѣдніе стараются видѣть опаснаго врага для самостоятельности балканскихъ государствъ и коварно внушаютъ имъ чувство страха и недовѣрія по отношенію къ Россіи. А

между тѣмъ знать исторію и современное состояніе Румыніи насъ обязываетъ и разносторонняя живая ея связь съ Россіей, и потребности русской науки, въ частности историко-канонической, которая, при настоящемъ своемъ состояніи, не можетъ обойтись безъ сравнительнаго изученія дѣйствующихъ постановленій и въ румынской церкви, составляющей часть восточной православной церкви. Вотъ почему отмѣченная книга г. Колокольцева, обозрѣвающая устройство православной церкви въ Румыніи, со времени ея автокефальности (1864 г.), является своевременною и заслуживающею вниманія.

Книга состоитъ изъ предисловія и двухъ частей изслѣдованія, въ первой изъ которыхъ—три главы, а во второй—восемь Въ предисловіи (стр. I—X) выясняется научная потребность въ изслѣдованіи, указываются его пособія и намѣчается планъ. Часть первая книги г. Колокольцева содержитъ въ краткихъ чертахъ исторію румынской церкви въ періодъ ея подчиненія константинопольскому патріарху и разсказываетъ о пріобрѣтеніи ею самостоятельности (автокефальности). Здѣсь, въ главѣ первой (стр. 1—12), имѣющей значеніе введенія къ изслѣдованію, обозрѣвается начало румынской церкви и ея зависимость отъ константинопольскаго патріарха со второй половины IX столѣтія до 1864 года. По сообщенію автора, историческая жизнь румыновъ, какъ особаго народа, началась не ранѣе половины XIII столѣтія, а до этого времени румыны постоянно переходили изъ-подъ власти одного народа къ другому. Въ концѣ VII вѣка они были покорены болгарами, отъ которыхъ освободились лишь въ XIII вѣкѣ, когда румынскій воевода Раду Черный, тяготясь рабскою зависимостью, посредствомъ войнъ низвергъ болгарское иго и основалъ румынское воеводство Валахію. Чрезъ столѣтіе послѣ этого образовалось другое румынское воеводство—Молдавія. Но при одномъ изъ преемниковъ Раду Чернаго румыны вынуждены были признать надъ собою верховную власть турокъ, подъ которой постоянно потомъ и находились во все послѣдующее время вплоть до второй половины XIX столѣтія, когда Россія своими побѣдами надъ турками (1877—1878 г.) дала Румыніи политическую независимость. И въ церковномъ отношеніи Румынія долго не имѣла самостоятельности. Получивъ христіанство отъ болгаръ не позднѣе конца IX столѣтія, румыны находились сперва въ церковной зависимости отъ Болгаріи, потомъ подпали (въ XIV в.) подъ власть константинопольскаго патріарха, отъ котораго въ послѣдующее время (до XVII в.) то освобождались, стремясь къ автокефальности своей церкви, то опять подчинялись. Съ половины же XVII столѣтія и до половины текущаго митрополиты румынской церкви не иначе себя именовали, какъ экзархаты константинопольскаго патріарха, и управляли румынскою церковью (какъ и прежде) при помощи церковныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ константинопольскомъ патріархатѣ. Но въ 1864 году, разсказывается во второй главѣ (стр. 12—70), румынскій князь Куза, устранивши духовенство, самовластно провозгласилъ румынскую церковь независимою отъ константинопольскаго патріарха и учредилъ для духовныхъ дѣлъ «генеральный синодъ». Такъ какъ церковная реформа князя Кузы была противна церковнымъ канонамъ, то константинопольскій патріархъ протестовалъ противъ нея; завязалась обширная и продолжительная переписка между тою и другою стороной, въ дѣлѣ

приняль участіе и русскій святѣйшій синодъ, а румынское высшее духовенство стало, за небольшимъ исключеніемъ, во враждебное отношеніе къ реформѣ. Но положеніе измѣнилось лишь при преемникѣ Кузы князѣ Карлѣ (съ 1866 года), который обратился къ константинопольскому патріарху съ просьбой признать румынскую церковь автокефальною. Отвѣтъ изъ патріархіи послѣдовалъ только въ 1885 году, когда патріархъ Іоакимъ IV прислалъ грамоту, которою румынская церковь признавалась независимою и автокефальною, управляемою своимъ собственнымъ синодомъ (глава третья, стр. 71—77).

Изложивъ процессъ пріобрѣтенія самостоятельности румынскою церковью, г. Колокольцевъ во второй части своей книги описываетъ ея внутренній строй, какъ онъ сложился послѣ 1885 года и существуетъ въ настоящее время. Въ главѣ первой этой части (стр. 78—95) критически обозрѣваются главнѣйшія церковно-гражданскія постановленія по церковнымъ дѣламъ, изданныя до и послѣ пріобрѣтенія румынскою церковью самостоятельности. Глава вторая (стр. 95—107) описываетъ правительственный строй румынской церкви по дѣйствующимъ постановленіямъ, т.-е. говоритъ о правахъ и власти румынскаго св. синода и отношеніи къ нему министра исповѣданій. Въ третьей главѣ (стр. 107—117) рѣчь идетъ о епархіальномъ управленіи и объ органахъ его, а въ четвертой (стр. 117—146) о приходскомъ духовенствѣ — его правахъ и преимуществахъ, матеріальномъ положеніи и отношеніи къ духовной администраціи. Глава пятая (стр. 146—154) посвящена румынскому монашеству, шестая (стр. 154—159) описываетъ богослуженіе и таинства, седьмая (стр. 160—170) говоритъ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ Румыніи, а восьмая (стр. 170—198) опредѣляетъ государственное положеніе православной церкви въ Румыніи, католичества и раскола. Наконецъ, заключеніе (стр. 199—201) указываетъ общіе принципы, легшіе въ основу современнаго церковнаго строя въ Румыніи. Авторъ находитъ, что въ основу мѣстной церковной жизни положена система отношеній западныхъ государствъ къ церкви, въ силу коей церковь находится въ полной зависимости отъ государства и составляетъ одну изъ государственныхъ функцій. Отсюда ея угнетенное состояніе, отсюда быстрое распространеніе въ Румыніи невѣрія, угрожающіе успѣхи римской пропаганды насчетъ православной церкви и другія нестроенія во внутренней жизни румынской церкви.

Г. Колокольцевъ поставилъ главною задачею своей работы описать устройство управленія православной церкви въ Румыніи со времени ея самостоятельности. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, изслѣдованіе нашего автора представляется довольно хорошимъ. Авторъ съ большимъ усердіемъ собралъ доступный ему матеріалъ, вполнѣ сознательно усвоилъ его и представилъ въ стройномъ, систематическомъ видѣ. Читатель его книги можетъ составить довольно полное и отчетливое представленіе объ устройствѣ управленія румынской церкви, любопытнаго въ разныхъ отношеніяхъ. Но вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно возникаетъ въ его умѣ мысль, что трудъ г. Колокольцева въ разсматриваемой своей части не можетъ имѣть безусловной, научной достовѣрности. Дѣло въ томъ, что онъ составленъ почти исключительно на основаніи газетныхъ сообщеній, преимущественно, русскихъ, о различныхъ явленіяхъ въ ру-

мынской церковной жизни. Еще вопросъ, насколько достовѣрны эти сообщенія и въ какой степени они пригодны для научнаго «историко-каноническаго изслѣдованія». Гораздо выше въ отношеніи научной достовѣрности стоитъ первая часть работы г. Колокольцева, для которой онъ воспользовался изданіями конфиденціальнаго характера, сдѣланными г. С. В. Керскимъ, нынѣшнимъ управляющимъ канцеляріей русскаго святѣйшаго синода. Здѣсь у читателя не можетъ быть и тѣни сомнѣнія касательно модальности его сужденій по вопросу о процессѣ пріобрѣтенія румынскою церковью самостоятельности. Но въ первой части не вполнѣ удовлетворительной намъ представляется первая глава, въ которой излагается исторія румынской церкви и государства съ половины IX вѣка и до половины текущаго. Авторъ слишкомъ кратко, съ быстрыми переходами отъ одной эпохи къ другой и непослѣдовательно излагаетъ здѣсь малоразработанную исторію Румыніи и, конечно, не можетъ удовлетворить любознательнаго читателя книги 12 страницами, на которыхъ обозрѣвается десятивѣковая гражданская и церковная судьба румынскаго народа. Правда, этотъ предметъ въ наукѣ мало изслѣдованъ, но тѣмъ большая была бы заслуга нашего автора, если бы онъ новыми, хотя бы и немногими изысканіями освѣтилъ начальную исторію Румыніи. Для этого ему слѣдовало бы воспользоваться и новыми источниками, въ отношеніи коихъ у него не замѣчается достаточной полноты. Такъ, онъ оставилъ безъ вниманія обширную паломническую литературу, въ которой имѣются памятники, представляющіе интересъ для историка Румыніи. Для примѣра укажемъ на «Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка», изданное въ русскомъ переводѣ проф. Муркосомъ (Москва, 1896 г.), гдѣ вторая книга посвящена описанію пребыванія Макарія въ Молдавіи, а третья въ Валахіи,—на «Книгу бытія моего» преосвященнаго Порфирія Успенскаго, въ третьемъ томѣ которой (Спб., 1896, стр. 7—46) разсказывается о поѣздкѣ ученаго паломника въ Молдавію и Валахію: въ той и другой книгѣ нашъ авторъ могъ найти полезныя для себя свѣдѣнія. Для начальной исторіи румынъ любопытенъ взглядъ о происхожденіи ихъ, высказанный въ византійскомъ произведеніи Cecaumeni Strategicon (гл. 186), изданномъ академикомъ В. Г. Васильевскимъ. Существующая историческая литература (и русская) также никакъ не можетъ оправдать мнѣніе г. Колокольцева (стр. V), будто кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ былъ родомъ румынъ. Онъ по своей національности былъ болгаринъ, родился въ Тырновѣ около 1366 года, принадлежалъ къ знатной фамиліи Цамблаковъ, служившихъ въ XIV вѣкѣ и въ Византіи, и скончался въ началѣ 1420 года. Но отмѣченные нами недочеты книги г. Колокольцева не ослабляютъ достоинствъ этого перваго въ русской литературѣ хорошо написаннаго опыта изслѣдованія церковнаго строя въ современной Румыніи. Σ.

Мадьярскіе поэты. Изданы подъ редакціей Н. Новича. Спб. 1897.

Г. Новичу пришла мысль ознакомить русскую публику съ мадьярскою поэзіей, которая, въ особенности лирическая, заслуживаетъ полнаго вниманія. Изъ венгерскихъ поэтовъ намъ извѣстенъ почти только одинъ—Петефи Шандаръ (Александръ Петефи), этотъ геніальный лирикъ, сербъ по происхожденію,

всегда искренній и оригинальный. Въ книжкѣ Новича за переводами стиховъ идутъ примѣчанія, въ которыхъ сообщаются краткія (порой уже черезчуръ краткія) свѣдѣнія о жизни того или другого поэта и о его литературномъ значеніи. Прочитывая эти замѣтки, вы составляете довольно выгодное понятіе о мадьярской поэзіи. Вы думаете: сколько, однако, высокоталантливыхъ поэтовъ имѣетъ Венгрія. Но вотъ вы принимаетесь читать ихъ произведенія въ переводахъ—и начинаете разочаровываться. Гдѣ же эти большіе таланты? И вы рѣшаете: если это правда, что мадьярская поэзія стоитъ высоко, то что нибудь одно: или плохи переводы, или г. Новичъ не умѣлъ сдѣлать надлежащаго выбора, проглядѣвъ выдающееся и взявъ у поэтовъ наиболѣе слабыя пьесы. Приведу примѣръ. Г. Новичъ въ примѣчаніи о поэтѣ Іосифѣ Этвёшѣ говоритъ: «стихотвореній писалъ мало, но въ числѣ ихъ встрѣчаются настоящіе перлы». Между тѣмъ въ сборникѣ приведено всего одно стихотвореніе этого поэта—и крайне слабое, шаблонное; какъ его ни переведите—все лучше оно не будетъ. Какъ можно было послѣ такой характеристики, какую далъ г. Новичъ, ограничиться одною плохою пьесой? Если есть «перлы»—ихъ и давайте. Все сказанное о Этвёшѣ можно отнести и ко многимъ другимъ поэтамъ: они хорошо рекомендованы—и плохо, блѣдно, неумѣло представлены. Намъ кажется, г. Новичъ сдѣлалъ ошибку, заботясь о знакомствѣ съ возможно бо̀льшимъ числомъ поэтовъ въ крошечномъ сборникѣ. Когда поэтъ представленъ вамъ двумя-тремя пьесами, вамъ трудно составить о немъ настоящее понятіе. При этомъ и переводы далеко не всегда хороши. Болѣе другихъ посчастливилось Петефи, представленному преимущественно въ прекрасныхъ переводахъ М. и А. Михайловыхъ. И въ количественномъ отношеніи пьесамъ Петефи удѣлено больше мѣста въ сборникѣ (ихъ болѣе 30). Намъ кажется, г. Новичъ сдѣлалъ бы лучше, если бы враздробь и полно познакомилъ русскую публику съ поэтами Венгріи, начавъ хотя бы съ Петефи, котораго такъ много и хорошо переводилъ А. Михайловъ. Можетъ быть, стоило бы перевести всю лирику этого оригинальнаго пѣвца, изрубленнаго русскими. Если же издавать сборникъ стиховъ нѣсколькихъ поэтовъ, то онъ долженъ быть не такъ миніатюренъ, какъ сборникъ Новича (25 поэтовъ на 110 стр. крошечнаго формата). Книжка издана очень мило, но манера начинать новую строку съ маленькой буквы, если такъ слѣдуетъ по смыслу,—является нововведеніемъ, страннымъ для непривыкшаго глаза и совершенно излишнимъ. Въ немъ также мало оригинальнаго, какъ и въ письмѣ безъ «ъ». **А. Кругловъ.**

Сильвестръ Медвѣдевъ. (Его жизнь и дѣятельность). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія Александра Прозоровскаго. Москва. 1897.

Первое, что невольно бросается въ глаза даже при бѣгломъ ознакомленіи съ внушительнымъ по объему (606 стр.) церковно-историческимъ изслѣдованіемъ г. Прозоровскаго, это—трудолюбіе самой, такъ сказать, высокой пробы и та научная добросовѣстность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ теперешнихъ наскоро написанныхъ диссертаціяхъ. Говоря словами проф. Голу-

бинскаго (поставленными въ видѣ эпиграфа), авторъ счелъ своимъ долгомъ «превратиться въ усерднѣйшаго, такъ сказать, тряпичника и по десятку разъ тщательнѣйшимъ образомъ перерывать всякій хламъ». И дѣйствительно, изъ-подъ зоркаго взгляда усерднаго ученаго не ушла ни одна печатная строчка, гдѣ въ томъ или другомъ падежѣ склоняется имя Медвѣдева; если прибавить къ этому, что авторъ извлекъ изъ пыли архивовъ немало новаго матеріала, то значеніе и достоинство разбираемаго изслѣдованія выяснится въ полной своей мѣрѣ. Конечно, можно бы спорить съ авторомъ, нужно ли было, напримѣръ, отводить цѣлыхъ 38 стр. обзору литературы предмета и притомъ въ такой безполезной формѣ, какую придалъ этому отдѣлу авторъ (сводъ заглавій съ голословными, иногда наивными аттестаціями, въ родѣ: «въ «Руководствѣ» П. В. Знаменскаго встрѣчается только критически не провѣренное повтореніе старыхъ ошибокъ, измышленіе своихъ собственныхъ и масса недомолвокъ въ небольшомъ сообщеніи о Медвѣдевѣ», или: «Профессоръ И. Н. Березинъ въ своемъ «Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ» не сообщилъ ничего новаго по интересующему насъ вопросу»),—но серьезнаго возраженія представить тутъ нельзя, и дѣло свелось бы къ спору о вкусахъ. Автору заблагоразсудилось включить въ литературу о Медвѣдевѣ разныя мелкія замѣтки и даже попутныя замѣчанія въ статьяхъ на постороннія темы—чтожъ, это его дѣло, а читатель если не интересуется столь подробнымъ обозрѣніемъ печатныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣятелѣ, можетъ прямо приступить къ первой главѣ. Къ тому же словоохотливость г. Прозоровскаго касательно предметовъ не важныхъ и второстепенныхъ нисколько не мѣшаетъ ему быть обстоятельнымъ (даже до педантизма) въ обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Медвѣдеву. Эта внимательность и методическая точность автора сказывается съ первой же главы изслѣдованія при разрѣшеніи спора ученыхъ, откуда былъ родомъ Медвѣдевъ — изъ Курска или села Новоселокъ Брянскаго уѣзда (г. Прозоровскій стоитъ за первое), затѣмъ—о мѣстѣ первоначальной службы («первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подьячей» въ Курскѣ) и т. п. Но и тутъ опять надобно сдѣлать оговорку, что эта мелочная точность автора не поглощаетъ его вниманія въ полномъ объемѣ. Г. Прозоровскій охотно разстается по временамъ съ героемъ своего повѣствованія (къ которому — къ слову сказать—его влечетъ немалая симпатія) для того, чтобы обрисовать общій историческій фонъ, въ рамкахъ котораго совершалась дѣятельность Медвѣдева, указать преобладающія черты эпохи и намѣтить характеристику современниковъ, съ которыми всего чаще Медвѣдеву приходилось имѣть дѣло. И надобно отдать справедливость г. Прозоровскому—всѣ эти побочныя работы онъ исполняетъ съ полною добросовѣстностью, съ надлежащимъ научнымъ тактомъ, не подгоняя событій подъ заранѣе приготовленную мѣрку. Нечего говорить, что при такомъ методѣ дѣятельность этого «черньца великаго ума и остроты», котораго близорукіе и завистливые современники признали «терномъ латинскаго злочестія въ винницѣ Христовѣ православно-великороссійскаго народа» (с. 371), выступаетъ предъ читателемъ яснѣе и отчетливѣе. Можно даже простить автору, если онъ старается, конечно, не скрыть, а только сгладить и смягчить, нѣкоторыя тѣневыя ея стороны: въ ту смутную эпоху интриги были

столь обычнымъ явленіемъ, что дѣлать изъ нихъ бревно въ глазу Медвѣдева и уменьшать до степени сучка у другихъ его современниковъ, какъ это дѣлають хулители Медвѣдева,—тоже вѣдь нѣтъ правильныхъ основаній. Наоборотъ, можно поставить въ упрекъ автору другое — именно, почему онъ не оттѣнилъ своихъ самостоятельныхъ выводовъ съ большею опредѣленностью и, пожалуй, рѣзкостью, а высказываетъ ихъ робко, съ нѣкоторою застѣнчивостью, чтó производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы авторъ не совсѣмъ еще и самъ увѣренъ въ томъ, въ чемъ собирается убѣждать читателя.

Наибольшую долю вниманія авторъ удѣлилъ, конечно, извѣстной борьбѣ Медвѣдева съ Лихудами. Диссертація г. Мирковича, спеціально посвященная данному вопросу («О времени пресуществленія Святыхъ Даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка»), не помѣшала г. Прозоровскому вновь и съ полною обстоятельностью разсмотрѣть этотъ любопытный эпизодъ, въ которомъ онъ (вслѣдъ за г. Мирковичемъ) видитъ, помимо его богословскаго значенія, «поводъ и точку отправленія для борьбы двухъ взаимно-противоположныхъ началъ, двухъ цивилизацій» (с. 211). Къ заключительной главѣ, въ которой идетъ рѣчь «о послѣдней судьбѣ Медвѣдева», г. Прозоровскій присоединяетъ характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля; къ сожалѣнію, характеристика носитъ общій характеръ, авторъ говоритъ общими мѣстами и, понятно, не даетъ живой фигуры, цѣлостнаго образа. Да и вообще авторъ боится давать прямой отвѣтъ на вопросы болѣе крупнаго научнаго значенія. Извѣстно, что Медвѣдевъ «купно съ гадательствующими ему превысокая, получи преисподняя», а именно — «за многая злодѣйственная своя умышленія главоотсѣченъ бысть» (с. 373). За что этотъ человѣкъ—«мягкій, осторожный, умный для своего времени, глубоко образованный и широко начитанный» — какимъ представляетъ его намъ настоящее изслѣдованіе (с. 375), принужденъ былъ понести свою голову на плаху—этого вопроса авторъ, къ сожалѣнію, не рѣшаетъ ясно. Слова г. Прозоровскаго: «такъ безвинно погибъ Медвѣдевъ, единственно только благодаря непріятно сложившимся для него обстоятельствамъ и благодаря проискамъ со стороны его противниковъ» (ibid.), нисколько не рѣшаютъ этого вопроса, даже не приближаютъ читателя къ его рѣшенію и, по нашему мнѣнію, являются чистою фразой, которыхъ въ серьезномъ историческомъ изслѣдованіи должно быть поменьше. Равнымъ образомъ лишь фразой (и притомъ нисколько не заинтриговывающей читателя) остается другое таинственное, какъ будто на что-то намекающее восклицаніе г. Прозоровскаго: «страшная месть не замедлила обрушиться на ихъ (Медвѣдева и Ѳ. Шакловитаго) головы... За Медвѣдевымъ не было никакихъ особенныхъ преступленій; но голова его нужна была кому-то» (с. 374)... Наконецъ немаловажнымъ недостаткомъ сочиненія слѣдуетъ признать неравномѣрность вниманія, которое удѣлилъ г. Прозоровскій двумъ сторонамъ дѣятельности Медвѣдева—чисто церковной и государственной или дворцовой (въ качествѣ сторонника Софьи); послѣдней сторонѣ досталась скупая доля.

Добрую треть книги (381—593 стр.) составляютъ цѣнныя научныя приложенія; значеніе ихъ станетъ понятно, если указать, что здѣсь помѣщены важнѣйшія произведенія Медвѣдева («Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», «Хлѣбъ

животный», «Праведный отвѣтъ», «Манна» и др.), два труда инока Евфимія («Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія» и «Опроверженіе латинскаго ученія о пресуществленіи») и «Акосъ» Лихудовъ; словомъ, тутъ важнѣйшая часть полемической литературы второй половины XVII вѣка. Нельзя также не поблагодарить автора за тщательно составленный указатель.

К. Х.

Н. А. Смирновъ. Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Спб. 1896. Н. Ѳ. Сумцовъ. Пѣсни о Травинѣ. X. 1897.

Пѣсни новѣйшаго времени, по словамъ г. Смирнова, не привлекаютъ вниманія собирателей народныхъ произведеній, какъ лишенныя какихъ бы то ни было эстетическихъ красотъ; въ издаваемыхъ сборникахъ рѣдко можно встрѣтить новыя пѣсни, да и то собранныя на окраинахъ Россіи, а не пѣсни центральныхъ губерній. Однако новая пѣсня, какъ и старая, есть отраженіе народной жизни и народнаго міросозерцанія. Поэтому, пѣсня не популярная въ народѣ, хотя и привлекающая собирателя, не можетъ имѣть важнаго значенія въ ряду произведеній народнаго творчества. Г. Смирновъ перебралъ сборники народныхъ пѣсенъ за 70 и 80 года и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ пѣсняхъ новѣйшаго времени отразилось вліяніе города на деревню. По формѣ новая пѣсня зачастую не соотвѣтствуетъ содержанію, такъ какъ она поется подъ гармонику. Вліяніе города на деревню прежде всего сказалось въ измѣненіи внѣшности. Молодежь замѣняетъ крестьянское платье «моднымъ». «Милый» ходитъ въ «аглицкой» рубашкѣ, въ карманѣ у него «италіанской» платокъ, потомъ миткалевая рубашка замѣняется «крахмальной», «сибирка»—«сюртукомъ». Дѣвушка причесывается «подъ гребеночку», въ ушахъ у нея бриліантовы сережки. Въ другой пѣснѣ говорится о перѣ, вывезенномъ изъ Парижа. Измѣняются постепенно и другія стороны народнаго быта. Появляются самоваръ, чай, кофе и т. д. Дружки на свадьбахъ замѣняются шаферами. До народа доходятъ слухи о телеграфѣ, телефонѣ. Иностранныя техническія названія путаются имъ (напримѣръ: вмѣсто письмо говорятъ «газетъ», вагонъ именуется «важный домъ», кассиръ—«билетчикомъ» и т. п.). Молодежь хочетъ научиться говорить на иностранныхъ языкахъ, о чемъ проситъ въ пѣснѣ дѣвушка своего милаго. Но рядомъ съ измѣненіемъ во внѣшности замѣчается презрѣніе къ черной (крестьянской) работѣ; молодежь стремится въ городъ; быть «извозчикомъ-лихачемъ», половымъ, становится для нея привлекательнымъ; парень, знающій грамоту, надѣется попасть въ офицеры. Заработанныя въ городѣ деньги парень пропиваетъ или «на своемъ счету держитъ красотку». Вліяніе города измѣняетъ взглядъ на любовь, бракъ, семейную жизнь. Создается рознь между дѣтьми и отцами, нѣтъ и взаимнаго довѣрія между полами. При выборѣ невѣсты взглядъ молодца практиченъ, на женитьбу онъ смотритъ, какъ на отрезвленіе отъ разгула. Дѣвушка менѣе свободна въ выборѣ жениха. Если ее выдаютъ за старика, дѣвушка обѣщаетъ его положить вмѣсто кровати на кирпичи, въ изголовье сырую дубовую колоду, иногда она даетъ слово повѣсить мужа, что̀ и приводитъ въ исполненіе съ помощью своего возлюбленнаго.

Разъ дѣвушкѣ представляется выборъ, она требовательна: «съ крестьяниномъ жить—много трудиться», кузнецъ грязенъ, сапожникъ воръ, буянъ; купецъ по базару волочится. Идеалъ ея баринъ и чиновникъ, но идеалъ барина омрачается воспоминаніемъ о крѣпостномъ правѣ; остается чиновникъ, за котораго она идетъ съ радостью, въ надеждѣ съ нимъ денежки считать, людей обирать. Баринъ, оскорбившій честь дѣвушки, осуждается народомъ на адскія муки, крестьянина же за подобное преступленіе или за измѣну женѣ иногда прощаютъ. Рядомъ съ такимъ легкимъ пониманіемъ любви встрѣчается въ новѣйшихъ пѣсняхъ изображеніе глубокой, истинной привязанности, способной жертвовать жизнью. Сердечныя неудачи вызываютъ въ народѣ скептическое отношеніе и къ самому чувству любви. Представленіе о подневольномъ положеніи жены, да и женщины вообще, еще господствуетъ въ народѣ. Такъ жена поетъ, что пьяный мужъ бьетъ ее по щекамъ, въ то время какъ она его разуваетъ. Историческая плеточка въ ходу, она учитъ уму-разуму своевольныхъ женъ. Родители мужа посылаютъ молодицу «туда, сюда и невѣдомо куда». Не всякая женщина мирится съ своимъ положеніемъ; нѣкоторыя сами занимаютъ первое мѣсто въ семьѣ, выгнавъ мужнину родню, да приструнивъ мужа; другія пускаются на преступленіе; третьи предаются разгулу, пьянству. Г. Смирновъ указываетъ только на одну пѣсню Пермской губерніи, рисующую тихія семейныя радости трудолюбивой жены. Въ немногочисленныхъ пѣсняхъ изображается положеніе рабочаго и арестанта, съ тоскою вспоминающаго родную семью. Особый видъ современныхъ пѣсенъ «Частушки», лишенъ подчасъ всякаго смысла и любимъ народомъ ради одной риѳмы. Итакъ содержаніе новой пѣсни бѣдно въ сравненіи со старою. Старыя пѣсни не удовлетворяютъ больше народъ, онъ создаетъ новыя, вдохновляясь дурнымъ вліяніемъ города. Чтобы поднять современную пѣсню съ художественной стороны, надо познакомить народъ съ богатымъ художественнымъ матеріаломъ и научить его пользоваться имъ, а этого можно достигнуть черезъ школу и путемъ дешевыхъ изданій нашихъ классическихъ писателей.

Г. Смирновъ обращаетъ вниманіе на современныя народныя произведенія, тогда какъ у насъ есть и древніе малоизслѣдованные памятники народнаго творчества. Такъ проф. Сумцовъ останавливается на малорусскихъ разбойничьихъ пѣсняхъ. Одну изъ нихъ о «Травинѣ» онъ сравниваетъ съ великорусскими, стараясь опредѣлить ея характерныя и своеобразныя черты. Пѣсни о Травинѣ являются въ нѣсколькихъ варіантахъ. Травинъ родился на чужбинѣ; имѣлъ стада; выручилъ за нихъ много денегъ; сталъ громко звать своего брата; его поймали, посадили въ тюрьму, откуда Травина освобождаетъ дѣвица. Проф. Сумцовъ считаетъ пѣсни о Травинѣ заимствованными у великоруссовъ, что сказывается 1) въ общей формѣ пѣсни, 2) въ великорусскомъ имени героя, 3) въ употребленіи великорусскихъ словъ, 4) въ томъ, что имя героя Травинъ употребляется въ великорусской пѣснѣ въ формѣ Травникъ. Подобныхъ заимствованій много. Пѣсни же о «Травинѣ» представляютъ интересъ потому, что великорусскій варіантъ ихъ встрѣчается у Кирши Данилова. Пѣснь о «Травникѣ» относится къ разбойничьимъ пѣснямъ. Герою дано имя задорной птицы Травникъ. Травника за лихія дѣла сажаютъ въ тюрьму, онъ

откупается деньгами и летитъ на старую Канакжу (мѣстность на рѣкѣ Канѣ Оренбургской губерніи) къ Семену Егупьевичу, своему тестю, который и расправляется съ Травникомъ за непочтительность такъ, что тотъ не можетъ показаться на улицу, что возбуждаетъ всѣхъ мужиковъ-канакжанъ. Попутно вставлена сценка изъ семейной жизни Семена Егупьевича. Вѣроятно, существовали другіе варіанты этой пѣсни. Можно предполагать, что пѣснь эту сочинили скоморохи, въ честь сильнаго Семена Егупьевича, воспользовавшись старою разбойничьей пѣснью о Травникѣ—конокрадѣ, попавшемъ въ Москву, схваченномъ въ кабачкѣ и посаженномъ въ тюрьму, на ходу воздавъ похвалы Семену Егупьевичу, его женѣ и дочери. Пѣсню о Травникѣ проф. Сумцовъ сопоставляетъ съ западно-европейскою новеллой о невѣрной женѣ, пѣснью о Гостѣ-Терентьищѣ. Такимъ образомъ, можно считать общимъ источникомъ для малорусской пѣсни о Травнѣ и великорусской о Травникѣ — великорусскую разбойничью пѣсню. **N.**

Эдуардъ Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1765—1865 гг.). Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Съ приложеніями, 3-мя картами и русской библіографіей, составленной А. Каменскимъ. Спб. 1897. (Изданіе О. Н. Поповой: Культурно-историческая библіотека).

Книга профессора исторіи въ Гарвардскомъ университетѣ (въ Америкѣ), вышедшая въ настоящее время въ хорошемъ русскомъ переводѣ, восполняетъ очень существенный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Книга К. Неймана (Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ) уже устарѣла, да и переводъ ея ограничился однимъ 1-мъ томомъ; книга Лабулэ, при всѣхъ своихъ великихъ достоинствахъ, страдаетъ нѣкоторою односторонностью; Брайсъ, какъ и Токвиль, даетъ не исторію, а изображеніе современнаго состоянія Сѣверной Америки, изрѣдка съ историческими экскурсами; мы имѣемъ рядъ монографій по исторіи послѣдней американской войны и нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, но до сихъ поръ мы не имѣли краткаго и объективнаго изложенія всей исторіи штатовъ, столь оригинальной и столь поучительной для европейца во многихъ и многихъ отношеніяхъ.

Книга Чаннинга состоитъ изъ 10 главъ, съ такими заглавіями. Глава I, Колонисты (стр. 1—44), изображаетъ положеніе дѣла въ Америкѣ съ 1760 года до начала борьбы съ метрополіею. Глава II, Конституціонная оппозиція (стр. 44—77), излагаетъ столкновенія интересовъ и борьбу до первой схватки 19 апрѣля 1775 года. Глава III, Революція (стр. 78—116), вкратцѣ разсказываетъ главныя событія войны, причемъ указываются (стр. 79, 82, 86 и 96) и главныя причины побѣды американцевъ надъ англичанами, и опредѣляется степень участія Франціи (стр. 86); здѣсь же предложена краткая, но очень рельефная характеристика Вашингтона (стр. 80), и указано значеніе такъ называемыхъ лойялистовъ (стр. 90—91). Глава IV, Конституція (стр. 116—146), изображаетъ тяжелое положеніе штатовъ послѣ освобожденія и разсказываетъ, какъ создалась «самая удачная конституція въ

мірѣ». Глава V, Новая нація (стр. 147—174), излагаетъ событія послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка и начало борьбы за невольничество. Глава VI, Господство республиканцевъ эпохи Джефферсона 1801—1809 гг. (стр. 175—202), разсказываетъ, какъ американцы «въ одиночествѣ» разработывали великія идеи XIX вѣка, при измѣнившихся, подъ вліяніемъ машинъ и пара, условіяхъ жизни. Глава VII—Вторая война за независимость и эра добрыхъ чувствъ (стр. 203—228). Войну 1812 года противъ Англіи авторъ называетъ войною за независимость потому, что только послѣ нея въ штатахъ возобладало національное направленіе, явившееся на смѣну прежнему провинціальному; эрою же «добрыхъ чувствъ» Чаннингъ называетъ нравственную борьбу штатовъ за автономію другихъ американскихъ республикъ. Глава VIII, Демократія (стр. 229—258), начинается съ обзора населенія штатовъ (которое между 1800 и 1830 гг. возросло съ 5½ милліоновъ до 13) и измѣнившихся условій жизни; здѣсь же излагается вкратцѣ и исторія мексиканской войны 1846—1848 гг. Глава IX, Распространеніе невольничества 1849—1861 гг. (стр. 259—283), обозрѣваетъ событія послѣдняго десятилѣтія передъ великой войною, причемъ нѣкоторые эпизоды, напримѣръ, нападеніе Брука на Сомнера (стр. 274) или казнь Джона Броуна (стр. 279), при всей краткости изложенія, полны драматизма. Глава X, Война за сохраненіе союза 1861—1865 гг. (стр. 183—330), въ началѣ которой Чаннингъ опредѣляетъ численное отношеніе воюющихъ сторонъ (югъ имѣлъ 9 милліоновъ населенія, и въ томъ числѣ 3½ милліона негровъ, а сѣверъ 22 милліона), затѣмъ излагаетъ событія первыхъ мѣсяцевъ войны, кратко, но убѣдительно объясняетъ значеніе пораженія сѣверянъ при Булль-Ронѣ (стр. 296), двусмысленное поведеніе Великобританіи, отношеніе Линкольна къ вопросу о невольникахъ (стр. 306; оно оказывается вовсе не такое либеральное, какъ представлялось большинству европейцевъ) и сравнительно очень подробно излагаетъ всѣ главныя перипетіи братоубійственной войны, стоившей штатамъ приблизительно 1 милліонъ человѣческихъ жизней и 10 милліардовъ долларовъ. Изложеніе событій заканчивается смертью Линкольна (стр. 321), послѣ чего авторъ рѣшаетъ два основныхъ вопроса: почему южане побѣждали въ началѣ (онѣ напрягли всѣ свои силы), и почему они были побѣждены въ концѣ (чрезмѣрное напряженіе силъ повело къ полному экономическому истощенію побѣдителей). Затѣмъ слѣдуютъ 4 приложенія: Виргинскія резолюціи 1769 г., Декларація независимости, Статьи конфедераціи и текстъ Конституціи штатовъ; въ заключеніе, приведена весьма обстоятельная библіографія предмета, къ которой г. Каменскій приложилъ небольшую (хотя туда вошла даже и Всеобщая исторія литературы Іог. Шерра) русскую библіографію, включая туда же и журнальныя статьи.

Въ общемъ, книга Чаннинга обработана такъ старательно и изложена такъ ясно, что производитъ всегда впечатлѣніе книги полезной и умной, мѣстами даже и очень талантливой. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тому, что авторъ, гдѣ возможно, характеризуетъ и дѣятелей, и ихъ принципы и стремленія ихъ же собственными словами.

Что касается перевода, то, въ общемъ, мы должны признать его вполнѣ удовлетворительнымъ; но, къ сожалѣнію, не можемъ сказать того же объ изда-

ніи. Г-жа Попова, безъ сомнѣнія, оказываетъ огромную услугу русской публикѣ, снабжая ее общедоступными по цѣнѣ, хорошими переводами лучшихъ историческихъ сочиненій, но желательно, чтобы эти переводы редактировались и корректировались, какъ слѣдуетъ. А здѣсь, напримѣръ, читатель на первой же страницѣ и въ первыхъ же строкахъ получаетъ невѣрное свѣдѣніе, что «число колонистовъ въ 1760 году простиралось до ста шестидесяти тысячъ душъ»; на стр. 78 онъ узнаетъ, что эти 160.000 между 1760 и 1775 годами возросли до $2^1/_2$ милліоновъ; дѣло совершенно невозможное, объясняемое только тѣмъ, что въ обоихъ случаяхъ, вмѣсто ста шестидесяти тысячъ, надо читать милліонъ шестьсотъ тысячъ. Правда, читатель и самъ можетъ догадаться, что населеніе въ 160.000 человѣкъ не можетъ заключать въ себѣ 400.000 невольниковъ (стр. 5); но зачѣмъ же напрягать, безъ нужды, его ариѳметическія способности?

Портреты Вашингтона и Франклина сдѣланы очень грубо. Карты не могутъ принести читателю никакой пользы, такъ какъ на первыхъ 2-хъ не проставлены города, а на послѣдней, кромѣ того, нѣтъ весьма важныхъ для пониманія 10-ой главы желѣзнодорожныхъ линій. Примѣчаній переводчика несравненно менѣе, чѣмъ нужно. Было бы желательно введеніе, хотя бы съ краткимъ изложеніемъ исторіи Америки до 1760 года.

А. К.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1897 годъ. Книга сто восьмидесятая. Изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1897.

Въ историческихъ матеріалахъ этой книжки помѣщены грамоты 7080—7111 годовъ съ подписями Бориса, Димитрія и Степана Годуновыхъ. Вмѣстѣ съ издателемъ этихъ грамотъ графомъ С. Д. Шереметевымъ мы готовы согласиться въ томъ, что онѣ могутъ представить нѣкоторый интересъ по вопросу о томъ: былъ ли грамотенъ Борисъ Годуновъ? Въ концѣ своего небольшого введенія графъ С. Д. Шереметевъ повторяетъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ: «Что если мы клевещемъ на этотъ пепелъ?». Очень нехорошо, если мы клевещемъ. Но мы совершенно не понимаемъ, какое отношеніе съ клеветамъ имѣютъ взгляды нѣкоторыхъ, отрицающихъ за Борисомъ грамотность. Равнымъ образомъ не понимаемъ того, какъ графъ С. Д. Шереметевъ можетъ снять эту клевету, доказавъ, что Борисъ былъ грамотенъ.

Г. Зерцаловъ сообщилъ документы, проливающіе нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о возможности найти царскую библіотеку или царскій архивъ въ тайникахъ Кремля. Дѣло въ томъ, что послѣднія раскопки Кремля были произведены на основаніи изданнаго И. Е. Забѣлинымъ доношенія первой четверти XVIII в., въ которомъ заштатный пономарь Кононъ Осиповъ говорилъ о двухъ палатахъ, наполненныхъ рукописями сверху до низу. «Благодаря своимъ настойчивымъ розыскамъ» въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Зерцаловъ нашелъ новые документы, которые даютъ возможность установить тотъ фактъ, что уже въ XVIII в. на основаніи донесенія Осипова были произведены розыски въ Кремлѣ, не поведшіе ни къ какимъ результатамъ. Такимъ

образомъ уже въ XVIII в. обнаружена ложность показаній Осипова. Жаль только, что г. Зерцалову не удалось установить этого факта раньше: не пришлось бы, пожалуй, производить раскопокъ.

Въ матеріалахъ историко-литературныхъ 180-й книги «Чтеній» продолжается описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ; въ матеріалахъ иностранныхъ напечатаны дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (въ 1590 г.) Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Дневники эти переведены съ польскаго и были напечатаны еще въ 1887 г. въ XI т. краковскаго изданія: «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia».

Изслѣдованія въ 180-й книгѣ «Чтеній» принадлежать перу г.г. Н. Успенскаго и Ив. Побойнина. Первый далъ работу о большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, второй написалъ исторію города Торопца. Изъ мелкихъ документовъ, напечатанныхъ въ смѣси, любопытны документы о самозванцѣ Артемьевѣ и рескриптъ императора Павла графу А. Разумовскому о возвращеніи Костюшкѣ его письма. П. Щ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ третій. Изданіе журнала „Странникъ", подъ ред. проф. Пономарева. 1897.

О первыхъ двухъ выпускахъ «Памятниковъ» мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (см. 1895 г., май, и 1896 г., мартъ). Въ настоящемъ (третьемъ) выпускѣ содержатся: 1) «Поученія (древне-русскія) о разныхъ истинахъ вѣры и жизни» (числомъ 69); 2) «Поученія на св. четыредесятницу» (числомъ 9), и 3) «Поученія противъ древне-русскаго язычества и народныхъ суевѣрій» (числомъ 8). Въ «Сборникѣ» участвовали три лица: проф. А. И. Пономаревъ, издавшій поученія перваго рода (стр. 1—149), проф. Е. В. Пѣтуховъ, издавшій поученія второй группы (стр. 168—192), и проф. П. В. Владиміровъ, издавшій поученія третьей категоріи (стр. 224—250). Каждымъ изъ профессоровъ написано по вступительной статьѣ къ издаваемымъ ими «памятникамъ» (стр. IX—XVIII; 153—167; 195—223). Кромѣ того, издателями предложены также и пояснительныя примѣчанія къ послѣднимъ (стр. 252—322). Въ концѣ «Сборника» приложены оглавленіе содержанія (стр. 323—326) и перечень опечатокъ (стр. 327—330).

«Сборникъ» изданъ весьма тщательно, умѣло и толково, въ пользу чего, впрочемъ, говорятъ уже одни имена его издателей. Достоинства изданія, указанныя нами въ свое время, то-есть при оцѣнкѣ первыхъ двухъ его выпусковъ, всецѣло нашли свое мѣсто и здѣсь, и снова говорить о нихъ, а равно и о пользѣ «дѣла», также раньше уже отмѣченной нами, конечно, не видимъ надобности. Позволимъ себѣ только выразить удивленіе по поводу того, что столь полезное «для школы, общества, особенно же духовенства» изданіе «не встрѣчаетъ» себѣ пока осязательной «поддержки» со стороны лицъ, для которыхъ оно предназначается. «Вышедшія уже книги»,—говоритъ проф. А. И. Пономаревъ,—«вѣроятно, еще долго будутъ покойно лежать въ связкахъ. Даже въ Петербургѣ, съ населеніемъ въ 1.200,000, всѣхъ подписавшихся, напр., на

2-й выпускъ «Памятниковъ» 20—30 человѣкъ, какъ будто издаемъ мы японско-китайскій словарь или тунгузскую грамматику!». Конечно, при подобныхъ условіяхъ трудиться можетъ лишь безкорыстный работникъ, твердо вѣрующій въ пользу своего дѣла, и такимъ работникомъ является проф. Пономаревъ. Надѣемся, что его дѣло, по крайней мѣрѣ, съ теченіемъ времени принесетъ желательные плоды. А. Вронзовъ.

А. В. Кругловъ. Господа крестьяне. Деревенскіе силуэты. Изданіе В. С. Спиридонова. Москва. 1897.

Всѣ очерки, вошедшіе въ эту книгу, представляющую собою красиво изданный томъ, были напечатаны раньше въ нашемъ журналѣ, что̀, конечно, дѣлаетъ излишнимъ оцѣнку ихъ. Но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ, что въ этихъ очеркахъ изображены новые типы, выработавшіеся въ позднѣйшее время и характеризующіе деревню послѣ освободительной реформы. Какъ правда о современной деревнѣ, очерки имѣютъ несомнѣнно большое значеніе. Эта правда, столь нужная для вѣрнаго знанія деревни, почерпается не только изъ экономическихъ и статистическихъ изслѣдованій, она получается и часто еще болѣе строгая изъ ознакомленія съ художественными произведеніями, если только они въ извѣстномъ смыслѣ вѣрны жизни. Очерки г. Круглова именно отличаются вѣрностію жизни, потому что они чужды предвзятой тенденціи, и авторъ не жертвуетъ истиной въ пользу того или другаго «приходскаго» міровоззрѣнія. Конечно, они не буквально фотографіи, но это не отнимаетъ у нихъ значенія и права на вѣрность жизни, ибо правда не въ репортерскихъ отчетахъ и не въ фотографіи всегда односторонней и мертвой. Не дѣлая никакого сопоставленія или сближенія между авторами, мы можемъ сказать, что «Записки охотника» Тургенева болѣе правдивы, чѣмъ статистическіе доклады о деревнѣ того времени.

Нашимъ читателямъ извѣстно содержаніе очерковъ. Но ознакомленіе съ типами враздробь—не то, что въ совокупности. Картина ярче, и впечатлѣніе сильнѣе. Книга г. Круглова полезна уже тѣмъ, что мысль читателя направляетъ на вопросы, которые такъ настоятельно требуютъ разрѣшенія. Россія—не въ городѣ, а въ деревнѣ, и если въ деревнѣ «не благополучно», то надъ этимъ слѣдуетъ призадуматься. Беллетристъ далъ только картины. Остальное—уже не его дѣло. Но тѣмъ, что̀ онъ далъ, — слѣдуетъ воспользоваться, кому дорого «оздоровленіе деревни. Н. Я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВГУСТЪ и его время. Подъ этимъ заглавіемъ начатъ уже шесть лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ филологомъ и историкомъ Гардтгаузеномъ обширный и чрезвычайно интересный трудъ: полная и всесторонняя исторія эпохи Августа, «завершающей предшествующія, открывающей послѣдующія столѣтія»[1]). Чрезвычайно богатый для эпохи матеріалъ источниковъ и памятниковъ приведенъ авторомъ въ небываломъ до него объемѣ; исчерпывающая разработка латинскихъ и греческихъ надписей, монетъ, личное посѣщеніе всѣхъ замѣчательныхъ въ этой исторіи мѣстностей, глубокое знаніе спеціальной литературы и многолѣтнее изученіе древнихъ писателей сочетаются у Гардтгаузена съ живымъ, изящнымъ изложеніемъ и сознательнымъ научнымъ безпристрастіемъ. Его еще неоконченная книга имѣетъ цѣлью изобразить въ одной научной картинѣ величественное появленіе римскаго единодержавія на присмирѣвшемъ форумѣ обезсиленной республики: въ цѣломъ видѣ она должна представить какъ бы Каульбаховскую композицію па мотивъ великолѣпной примапортской портретной статуи Августа, изображеніе которой приложено къ только что появившемуся второму тому. Художественность работы обусловила отчасти и самую внѣшность сочиненія: примѣчанія даются въ немъ особо отъ текста въ отдѣльныхъ полутомахъ, а самый текстъ снабженъ не особенно многочисленными, но сплошь интересными рисунками, — преимущественно изображеніями монетъ, т.-е. нумизматическими портретами дѣйствующихъ лицъ. Научная новизна работы сказывается въ глазахъ спеціалистовъ, конечно, всего больше въ примѣчаніяхъ, въ деталяхъ и частностяхъ, нерѣдко недоступныхъ и незамѣтныхъ для большинства; но въ цѣломъ книга предна-

---

[1]) Augustus und seine Zeit, von V. Gardthausen, 8°. 2 тома въ шести книгахъ. Донынѣ вышли первыя четыре книги: двѣ части текста (стр. 1—1032) и двѣ части примѣчаній (стр. 1 — 648). Изданіе иллюстрировано и появляется у Тейбнера въ Лейпцигѣ.

значена для самаго обширнаго круга читателей, вниманіе которыхъ несомнѣнно будетъ сосредоточиваться на наиболѣе крупныхъ частностяхъ, т.-е. на описаніи важнѣйшихъ моментовъ историческихъ событій, на характеристикѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ эпохи. Такихъ характеристикъ въ вышедшихъ 4 частяхъ авторъ даетъ девять, изъ которыхъ наиболѣе любопытными должно признать характеристику Клеопатры и самого Августа, а наиболѣе блѣдною, какимъ-то внѣшнимъ согласованіемъ высказанныхъ въ наукѣ мнѣній,—характеристику Цицерона, на которой притомъ же замѣтно, хотя незначительное, но и въ этихъ размѣрахъ нежелательное, вліяніе сужденій Моммсена. Характеристика Клеопатры всего интереснѣе потому, что поэты, главнымъ образомъ Пушкинъ и Шекспиръ, внѣдрили въ нашемъ воображеніи высоко художественными чертами, чуждыми исторіи, совершенно фантастическое представленіе о прекрасной и коварной царицѣ Египта. Первая неожиданность для читателя — современные Клеопатрѣ портреты ея на монетахъ и памятникахъ. Вмѣсто ожидаемой ослѣпительной красавицы вашъ взглядъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ «прямой лобъ, изогнутый носъ, большіе, глубоко сидящіе, глаза, и энергичный ротъ, которые сообщаютъ рѣзко очерченному профилю сильное и твердое, почти мужественное выраженіе. Мясистая голова съ чувственною нижнею челюстью и полуоткрытыми губами, не смотря на вѣроятное неполное сходство портрета, отличается болѣе интересными, чѣмъ прекрасными чертами». Столь же прозаичною, но зато и болѣе человѣчески понятною, какъ ея портреты, представляется намъ и сама историческая Клеопатра сравнительно съ образами поэтовъ: «Энергія и чувственность—вотъ, въ двухъ словахъ, въ чемъ заключалось очарованіе Клеопатры. У мужчины, характеръ котораго состоялъ бы изъ этихъ двухъ элементовъ, они, вѣроятно, парализовали бы взаимно свои проявленія; но у Клеопатры они дѣйствовали совмѣстно и объясняли ея успѣхи. Среди жизненныхъ обстоятельствъ обыкновенной смертной и подъ гнетомъ болѣе стѣснительныхъ условій женщина вродѣ Клеопатры вела бы, вѣроятно, жизнь, вѣрную приличіямъ, и не отклонилась бы слишкомъ далеко съ путей дозволеннаго; но Клеопатра была царицей, и ея политика дѣлала для нея необходимымъ во что бы то ни стало привлечь къ себѣ римскихъ властителей и оковыватѣ ихъ непрерывными развлеченіями. Такъ чувственность ея попала на службу ея политикѣ. Клеопатра отлично знала, чего хотѣла; а разъ ея энергическій умъ намѣчалъ себѣ какую нибудь цѣль, то у нея уже и колебаній не возникало на счетъ выбора средствъ. Она понимала и цѣнила изящныя искусства, хотя это и выражалось у нея на ея насильственный ладъ, когда она, напримѣръ, велѣла собрать находившіяся въ малоазіатскихъ городахъ статуи Мирона, упаковать ихъ и отправить въ Египетъ. Открытымъ вопросомъ остается, была ли она вообще способна любить. О ея мелкихъ любовныхъ отношеніяхъ намъ мало извѣстно; но ея крупныя связи строго держались направленія, предписываемаго ей политикой. Великодушіе къ врагамъ или измѣнникамъ всегда оставалось чуждо ея властному и эгоистичному духу. Собственная выгода всегда была для нея руководящею нитью всѣхъ дѣйствій; а такъ какъ она за все бралась на свой энергичный ладъ, то всегда была своимъ подданнымъ тяжелою властью, находя среди оргій мало времени для заботъ о благѣ своего царства. Ея дворъ

и правленіе поглощали непосильныя для Египта суммы, и этотъ плодороднѣйшій край древняго міра не разъ страдалъ отъ голода въ ея царствованіе. Ради денегъ, въ которыхъ постоянно нуждалась, она разоряла гробницы и храмы, казнила невинныхъ. Кто стоялъ ей поперекъ дороги, того она уничтожала; она приказала умертвить свою сестру Арсиною, отравить своего брата, обезглавить плѣннаго царя армянскаго. Ея цѣль была власть надъ міромъ при посредствѣ Антонія, и Египетъ впервые свободно вздохнулъ при ея трагической кончинѣ». Такова въ сжатомъ извлеченіи характеристика историка, выводящая передъ нами ясныя реальныя черты, вытѣсняющія демоническій образъ, созданный поэтами. Не взирая на нѣкоторую педантичность и въ то же время противорѣчивость и вообще невозможность для солиднаго нѣмецкаго профессора понять и оцѣнить женщину въ родѣ Клеопатры (напр., Гардтгаузенъ, указывая на энергію и чувственность, считаетъ возможнымъ умолчать о честолюбіи царицы), эта характеристика очень правдоподобна и любопытна, особенно частностями ея мотивировки. Менѣе неожиданна для читателя, но очень тонка и изящна, за исключеніемъ неудачнаго и совершенно неподходящаго сравненія съ Наполеономъ III, характеристика Августа, являющаяся, такъ сказать, художественнымъ центромъ всего изслѣдованія. «Изумительно колеблется характеръ Августа въ сужденіи столѣтій и отдѣльныхъ лицъ,—говоритъ Гардтгаузенъ. Императоръ Юліанъ (Отступникъ) упрекаетъ его въ томъ, что онъ самъ измѣнчивъ, какъ хамелеонъ. Но сужденіе о человѣкѣ неотдѣлимо отъ сужденія о его созданіи; когда послѣднее укрѣпилось и пережило всѣ нападки и опасности, слава Августа утвердилась незыблемо; его чтили, не только какъ основателя принципата, но и какъ одного изъ мудрѣйшихъ и величайшихъ монарховъ, какъ Карла Великаго въ Германіи, какъ Петра Великаго въ Россіи. Безпристрастная исторія скрѣпила этотъ приговоръ, и къ нему же вернулось наше время послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ прошломъ столѣтіи. Оцѣнка Августа у большинства стояла въ зависимости отъ точки зрѣнія на монархію и республику; но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняло ее и несходство двухъ періодовъ его дѣятельности, превращеніе грознаго, эгоистичнаго и кровожаднаго тріумвира въ мудраго и благодѣтельнаго монарха, которое многимъ казалось неразрѣшимою загадкою. Однако Гардтгаузенъ указываетъ, что, собственно говоря, характеръ Августа всегда оставался одинаковъ; измѣнялись только обстоятельства и сообразно съ ними образъ проявленій этого характера: всю свою жизнь Августъ былъ холоденъ, ясенъ и уменъ, отнюдь не геніаленъ, какъ Юлій Цезарь, но безспорно болѣе разсудителенъ. Своими успѣхами онъ большею частью былъ обязанъ рѣдкому смѣшенію и сочетанію свойствъ, которыя въ отдѣльности не могутъ быть названы рѣдкими. Онъ обладалъ необыкновенно острымъ умомъ, который легко уступалъ другимъ ихъ иллюзіи, но безжалостно раздѣлывался со своими собственными, упорною выдержкой и энергичною волею, которая съ одной стороны не сдавалась ни передъ какими трудностями, а съ другой вовсе не была столь настойчива, чтобы стремиться къ цѣли однимъ только путемъ, и наконецъ, выдающимся практическимъ смысломъ, который не затруднялся въ выходѣ даже изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Къ этому нужно прибавить холодное сердце, которое въ важныхъ вопросахъ не

шло поперекъ рѣшеній воли и разсудка, и растяжимую совѣсть, также умѣвшую освоиваться, особенно вначалѣ, съ требованіями политической необходимости и цѣлесообразности. Такимъ образомъ, холодный, вполнѣ безоглядчивый эгоизмъ въ соединеніи съ необычайною, спокойно взвѣшивающею разсудительностью,—вотъ кому обязанъ Августъ своими успѣхами. Къ нимъ онъ присоединялъ острый даръ наблюдательности, большое знаніе людей, непритязательное обхожденіе и потребность избѣгать всего разительнаго и страннаго, которой отличался, и какъ человѣкъ, и какъ государственный мужъ. Человѣкъ въ немъ былъ врагомъ театральныхъ сценъ и выходовъ, а государственный мужъ остерегался показывать подобными пріемами толпѣ свое исключительное положеніе въ государствѣ. Въ частной жизни онъ былъ простъ и естественъ, въ публичной—приличенъ и миролюбивъ, такъ какъ въ гражданской и политической жизни это всего цѣлесообразнѣе. Заблужденіе вѣсило въ его глазахъ тяжелѣе, чѣмъ преступленіе, и только въ началѣ его дѣятельности могутъ быть обнаружены поступки, бывшіе и тѣмъ и другимъ, въ родѣ покушенія на жизнь Антонія, которое ставили ему въ вину». Такимъ въ общихъ чертахъ представляется современному историку Августъ—этотъ невысокій, скромный, слабый здоровьемъ, но всегда увѣренный, спокойный, находчивый и мягкій властитель древняго міра. Нетрудно убѣдиться, что именно только такой закулисный монархъ и могъ достигнуть намѣченной Цезаремъ цѣли — мирно прійти на смѣну республики. Всѣ ощущали власть Августа, но никто его не видѣлъ властвующимъ, и потому вполнѣ вѣрно писалъ Горацій: «Мы вѣрили, что міромъ правитъ Зевесъ, гремящій въ небѣ; теперь же божественнымъ чтимъ Августа».

— **Судебныя преслѣдованія животныхъ въ средніе вѣка.** Докторъ Е. Витингтонъ разсказываетъ въ іюльскомъ номерѣ Cornhill Magazine [1]) нѣкоторые изъ любопытныхъ средневѣковыхъ процессовъ, въ которыхъ роль обвиняемыхъ играли животныя. Эти судебныя преслѣдованія пѣтуховъ, свиней, быковъ, крысъ, саранчи и т. д. — отличаются такимъ страннымъ фантастическимъ характеромъ, что нѣкоторые историки не вѣрили въ ихъ дѣйствительное существованіе, а предполагали, что ихъ создала досужая фантазія старинныхъ юристовъ, но въ недавнее время цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій такихъ компетентныхъ писателей, какъ Менабреа, Агнель и Беріа-Сенъ-При, вполнѣ установили ихъ достовѣрность. На основаніи этихъ трудовъ о животныхъ процессахъ въ средніе вѣка и составленъ очеркъ Витингтона. Повидимому, всего чаще попадались подъ судъ свиньи, и въ одной Франціи извѣстно до двадцати процессовъ по обвиненію свиней въ убійствѣ, за что по признаніи виновными ихъ вѣшали, такъ что до сихъ поръ существуетъ близъ Парижа мѣстечко называемое «повѣшанная свинья» въ честь подобной казни. Самая интересная черта этихъ процессовъ заключалась въ томъ, что животныхъ арестовывали, сажали въ тюрьму и судили по всѣмъ правиламъ тогдашняго судопроизводства, причемъ имъ назначали адвоката. Въ основѣ этого стран-

---

[1]) Legal Proceedings against Animals. By Dr. E. Wittington. Cornhill Magazine July 1897.

наго судебнаго обычая лежалъ Моисеевъ законъ, по которому было постановлено, что, въ виду святости человѣческой жизни, быка, убившаго человѣка, слѣдовало побить камнями и не употреблять въ пищу. Кромѣ того, въ средніе вѣка существовало убѣжденіе, что животныя, совершившія преступленія, были одержимы бѣсами. Наконецъ тогда признавалось, что животныя не были лишены нравственнаго сознанія объ отвѣтственности за свои дѣйствія, и Вильгельмъ Парижскій въ своей книгѣ «De Universo» увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ цѣлая стая аистовъ судила одну самку за прелюбодѣйство и послѣ признанія ее виновною растерзала въ куски. Еще интереснѣе уголовнаго преслѣдованія животныхъ были процессы гражданскіе и духовные противъ насѣкомыхъ, опустошавшихъ цѣлыя мѣстности. Подобные процессы всегда предшествовали отлученію отъ церкви виновныхъ; по словамъ знаменитаго средневѣковаго юриста Шасенё, президента прованскаго парламента, противъ подобнаго отлученія вредныхъ животныхъ, какъ дѣла нелѣпаго и безбожнаго, существовало девять аргументовъ, а напротивъ двѣнадцать аргументовъ поддерживали обратный тезисъ, что такой обычай былъ полезенъ, набоженъ и высоконравственъ. Въ подтвержденіе этихъ доказательствъ онъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ о дѣйствительномъ результатѣ отлученія вредныхъ животныхъ или насѣкомыхъ; такимъ образомъ уничтожены были ужи, бывшіе бичемъ Женевскаго озера, саранча, крысы и слизни, опустошавшіе поля въ окрестностяхъ Отена, Ліона и Масона. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ поступали по строго опредѣленному порядку: прежде всего жители опустошенныхъ мѣстностей обращались съ просьбою къ своему епископу, который предписывалъ посты, молитвы, крестные ходы и аккуратный платежъ церковной десятины, и только когда эти мѣры не увѣнчивались успѣхомъ, и обнаруживалось присутствіе нечестивой силы въ вредныхъ животныхъ или насѣкомыхъ, то начинался духовный судъ, обвиняемымъ назначались адвокаты, и противъ нихъ провозглашалось отлученіе только въ томъ случаѣ, если они упорно отказывались отъ удаленія въ назначенное имъ мѣсто. Подобная процедура освящалась авторитетами папы Стефана, который прекратилъ наплывъ саранчи окропленіемъ полей святою водой, святаго Бернарда, который уничтожилъ громадные рои мухъ, наполнившихъ церковь и не дававшихъ ему проповѣдывать, двумя словами «excommunico eas». Что касается до самаго Шасенё, то онъ впервые пріобрѣлъ славу своей защитой крысъ, которыхъ призвалъ къ суду отенскій епископъ. Его защитительная рѣчь была чрезвычайно краснорѣчива, и онъ началъ съ того, что не всѣ крысы получили повѣстку въ судъ по причинѣ разбросанности ихъ жительства, во-вторыхъ, заявилъ, что онѣ не могли сами явиться изъ боязни кошекъ, сновавшихъ по всѣмъ дорогамъ, и наконецъ потребовалъ, чтобъ ихъ судили не огуломъ, а каждую крысу въ отдѣльности. Вообще эта рѣчь отличалась такою гуманностью, что на нее сослались несчастные вальдензейцы, когда впослѣдствіи Шасенё въ качествѣ предсѣдателя прованскаго парламента принялъ участіе въ преслѣдованіи этихъ злополучныхъ сектантовъ. Въ половинѣ XV столѣтія гусеницы причиняли большой вредъ въ одномъ изъ швейцарскихъ приходовъ, и провинціальный судья вызвалъ этихъ насѣкомыхъ въ свой трибуналъ, а такъ какъ онѣ не явились, то онъ въ виду ихъ малаго роста и несовер-

шеннолѣтія назначилъ имъ опекуна и адвоката, который, защищая ихъ, доказывалъ, что онѣ созданы Богомъ, съ незапамятныхъ временъ находятся въ этой мѣстности и если наносятъ вредъ, то не намѣренно, а по своему инстинкту. Судья согласился съ аргументами защитника, и дѣло кончилось мировою, въ силу которой гусеницамъ былъ отведенъ особый участокъ, гдѣ онѣ и существовали многіе годы. Подобное же дѣло произошло въ Сенъ-Жюльенѣ, славящемся доселѣ своимъ виномъ. Тамъ въ 1545 году виноградники были опустошены маленькимъ зеленымъ жукомъ, и жители обратились къ своему епископу съ просьбой отлучить отъ церкви вредныхъ насѣкомыхъ, но тотъ отвѣчалъ, что земля одинаково должна питать людей и всѣхъ живыхъ существъ, а потому совѣтовалъ имъ не поступать безжалостно съ жуками, а лучше раскаяться въ своихъ грѣхахъ и аккуратно платить церковную десятину. Тогда жители обратились къ посредничеству доктора правъ, Франциска Боннвара, а интересы обвиняемыхъ были поручены двумъ адвокатамъ, однако прежде чѣмъ окончился этотъ процессъ, жуки исчезли, но черезъ нѣсколько времени вернулись еще въ большемъ числѣ. Это побудило епископа послѣ неуспѣха нѣсколькихъ духовныхъ процессій и особыхъ церковныхъ службъ призвать жуковъ къ духовному суду. Защитникъ обвиняемыхъ, Пьеръ Рамбо, краснорѣчиво доказывалъ, что нельзя насѣкомыхъ отлучать отъ церкви за то, что они дѣйствуютъ согласно своему инстинкту, что они созданы Богомъ ранѣе человѣка и что имѣютъ такое же право, какъ онъ, на существованіе. Адвокатъ, Францискъ Фуа, отстаивавшій интересы сельской общины, напротивъ указывалъ на то, что человѣкъ былъ выше насѣкомыхъ и имѣлъ полное право принимать всякія мѣры противъ нихъ, если они приносили ему вредъ. На это Рамбо отвѣчалъ второй рѣчью и, повидимому, столь убѣдительною, что противная сторона предложила въ видѣ мировой отвесть жукамъ опредѣленный уголокъ земли, но защитникъ жуковъ отказался отъ этой сдѣлки, такъ какъ, по его словамъ, предлагаемая земля была безплодна. Адвокатъ истцовъ настаивалъ на плодородности предлагаемаго жукамъ надѣла и требовалъ, чтобъ судъ сдѣлалъ осмотръ на мѣстѣ. По несчастію рукопись протоколовъ процесса въ этомъ мѣстѣ подверглась опустошительному вліянію времени, и конецъ его остается неизвѣстнымъ, но, по всей вѣроятности, жуки были отлучены отъ церкви. Какъ ни странны и ни чудовищны намъ кажутся подобные процессы, но въ нихъ нельзя не замѣтить слѣдовъ хотя дѣтскаго и суевѣрнаго, но возвышеннаго идеала равнаго для всѣхъ правосудія. Подобные процессы отъ времени до времени повторялись и въ болѣе близкія времена; такъ, въ 1713 году, въ Бразиліи судили муравейникъ, и какъ только онъ былъ отлученъ отъ церкви, то всѣ муравьи удалились оттуда, а въ 1731 году въ Савойѣ былъ возбужденъ вопросъ въ муниципалитетѣ города Тонона объ отлученіи вредныхъ насѣкомыхъ, но не извѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло.

— Четырехсотлѣтній юбилей Джона Кабота. Недавно Бристоль праздновалъ четырехвѣковую годовщину открытія Сѣверной Америки его обывателемъ Джономъ Каботомъ, и въ честь этого смѣлаго морехода была заложена въ центрѣ города башня, изъ оконъ и съ балконовъ которой будетъ открываться обширный видъ на рѣку Аванъ, видѣвшую на своихъ водахъ корабль

«Матвѣй». Конечно, при этомъ случаѣ были произнесены соотвѣтственныя торжеству рѣчи, и главными ораторами явились министръ финансовъ, сэръ Майкль Гиксъ-Бичъ, и лордъ Дуферинъ; благодаря этимъ рѣчамъ, краснорѣчиво охарактеризовавшимъ личность юбиляра и значеніе его открытія, а также вышедшей по поводу юбилея книгѣ С. Вэра: «Открытіе Каботомъ Сѣверной Америки»[1]), и многочисленнымъ журнальнымъ статьямъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: «Джонъ Каботъ»—лорда Дуферина въ «Scribner Magazine»[2]) и «Четырехсотлѣтіе путешествія Джона Кабота», сэра Клемента Маркгама въ «Geographical Journal»[3]),—«можно составить себѣ довольно ясное понятіе о первомъ піонерѣ англійскихъ географическихъ открытій и англійской колонизаціи». Но подробныхъ, достовѣрныхъ свѣдѣній и офиціальныхъ документовъ о жизни и путешествіяхъ Джона Кабота не сохранилось, и до средины настоящаго столѣтія даже его имя не было извѣстно и славу его открытія Канады и Нью-Фаундленда долго приписывали сыну Кабота,—Себастьяну, большому интригану и проходимцу, а въ нѣкоторыхъ книгахъ, какъ, напримѣръ, въ «Исторіи Бристоля» Баррета, упомянуто только, что эти открытія совершены бристольцемъ на кораблѣ «Матвѣй», безъ означенія имени невѣдомаго героя. Въ настоящее время, послѣ продолжительныхъ изслѣдованій и на основаніи главнымъ образомъ депешъ испанскихъ, венеціанскихъ и миланскихъ посланниковъ, удалось установить нѣкоторые факты относительно жизни и путешествій Джона Кабота, хотя все-таки многое остается темнымъ и спорнымъ. По происхожденію венеціанецъ или генуезецъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, Джонъ Каботъ, или скорѣе Каботта, долго жилъ въ Венеціи, женился на венеціанкѣ, былъ натурализованъ венеціанскимъ гражданиномъ въ 1476 году, и по словамъ посланника герцога миланскаго въ Лондонѣ, Раймондо Сончино, ходилъ на корабляхъ къ Арабскимъ берегамъ, причемъ посѣтилъ Мекку. Когда распространилась вѣсть объ открытіи Колумбомъ Новаго Свѣта, онъ отправился въ Севилью и Лисабонъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ этомъ великомъ событіи, а если возможно, то принять участіе въ новой экспедиціи въ заатлантическія страны. Но всѣ его усилія не увѣнчались успѣхомъ, и онъ перебрался въ Бристоль, гдѣ ему удалось получить патентъ отъ короля Генриха VII въ 1496 году, а 2-го мая слѣдующаго года онъ вышелъ изъ Бристоля на маленькомъ кораблѣ въ 50 тоннъ «Матвѣй» съ шестнадцатью матросами и пустился добывать себѣ славу новаго Колумба. Въ Ивановъ день онъ первый открылъ Сѣверную Америку, такъ какъ Колумбъ никогда не видалъ ея береговъ, а четыре года передъ тѣмъ посѣтилъ Вестъ-Индскіе острова и спустя годъ Южную Америку. До сихъ поръ спорный вопросъ, гдѣ именно высадился и водрузилъ англійскій флагъ Джонъ Каботъ: одни полагаютъ, что на Лабрадорскомъ берегу, а другіе на мысѣ Бретонѣ; въ Нью-Фаундлендѣ же, по словамъ лорда Дуферина, существуетъ народное преданіе о выходѣ его на

---

[1]) Cabot's discovery of Noorth America, by S. E. Weare. London. 1897.

[2]) John Cabot, by the Marquis of Dufferin. Scribner Magazino. June.

[3]) Faurth Centenary of the Voyage John Cabot, by sir Clement Murkham,—Geographical Journal. June.

берегъ на мысѣ Бонавистѣ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ первый изъ европейцевъ вступилъ на территорію Сѣверной Америки и проложилъ дорогу къ занятію ея англичанами; онъ былъ такимъ образомъ первымъ піонеромъ въ Новомъ Свѣтѣ англійской колонизаціи, и по его стопамъ слѣдовали Дрэкъ, Гокинсъ, Ралей и отцы пилигримы. 6-го августа того же года Каботъ вернулся въ Англію, употребивъ всего три мѣсяца на свое путешествіе, и этотъ удивительный краткій срокъ для такого далекаго странствія на старинномъ суднѣ возбуждаетъ сомнѣнія въ современныхъ географахъ; въ недавнемъ засѣданіи англійскаго географическаго общества полковникъ Черчъ доказывалъ рядомъ искусныхъ аргументовъ, что въ сущности путешествіе Кабота продолжалось не три мѣсяца, а годъ три мѣсяца, и что онъ вышелъ изъ Бристоля не въ 1497 г., а въ 1496 году. Во всякомъ случаѣ счастливый результатъ его экспедиціи безспоренъ, и два иностранныхъ дипломата, венеціанскій посолъ въ Лондонѣ, Лоренцо Паскалиго, и миланскій Санчино, одинаково свидѣтельствуютъ въ своихъ депешахъ объ открытіи имъ Сѣверной Америки, причемъ первый сообщаетъ, что, выйдя на берегъ, Каботъ не видѣлъ никакихъ туземцевъ, но считаетъ эту страну обитаемою, потому что нашелъ тамъ иглы для плетенія сѣтей и срубленныя деревья, а послѣдній увѣдомляетъ, что англійскій король былъ очень доволенъ присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ части Азіи, такъ какъ всѣ въ то время считали Новый Свѣтъ восточнымъ краемъ Азіатскаго континента, и намѣренъ поручить Каботу новую экспедицію для основанія тамъ колоніи преступниковъ, съ цѣлью доставленія въ Лондонъ пряностей. Дѣйствительно эта экспедиція была предпринята въ маѣ 1498 года на нѣсколькихъ корабляхъ, изъ которыхъ одинъ вернулся въ Ирландію по причинѣ непогоды, а затѣмъ извѣстно только, что Каботъ посѣтилъ Ньюфаундлендъ и берегъ Сѣверной Америки на тысячу триста миль до Виргиніи. Вся остальная его жизнь до настоящаго времени оставалась совершенно невѣдомою, и даже нельзя было утвердительно сказать, вернулся ли онъ въ Англію, такъ какъ послѣднее достовѣрное извѣстіе о немъ заключалось въ депешѣ испанскаго посла въ Лондонѣ въ іюлѣ 1498 года, о томъ, что возвращенія Кабота ждали въ сентябрѣ того же года. Но въ нынѣшнемъ году въ британскомъ музеѣ найденъ любопытный документъ, доказывающій, что въ 1499 году была выдана Джону Каботу пенсія, назначенная ему королемъ Генрихомъ VII въ 20 фунтовъ стерлинговъ. Такимъ образомъ является несомнѣннымъ фактомъ его возвращеніе въ Бристоль изъ втораго путешествія, но что стало съ нимъ впослѣдствіи, составляетъ тайну, которая врядъ ли когда будетъ открыта, такъ какъ его сынъ Себастіанъ Каботъ старательно уничтожалъ всѣ свѣдѣнія объ отцѣ съ цѣлью приписать себѣ славу его открытій. Хотя достовѣрно не извѣстно, участвовалъ ли Себастіанъ въ экспедиціяхъ отца, но этотъ ловкій искатель приключеній успѣлъ всѣхъ увѣрить не только въ Англіи, но и при испанскомъ дворѣ и въ Венеціи, что онъ былъ настоящій открыватель Сѣверной Америки, такъ что только нѣкоторые лондонскіе купцы и венеціанскій посолъ въ Мадридѣ, Контарини, не попались на его удочку, но главнымъ образомъ потому, что не могли вѣрить, чтобъ онъ могъ отгадывать градусы долготы по небесному наитію, какъ онъ увѣрялъ даже на одрѣ смерти.

— **Два новые коментатора Шекспира.** Надняхъ вышелъ пятьдесятъ первый томъ монументальнаго англійскаго біографическаго словаря[1]), издаваемаго подъ редакціей сначала Лесли Стивена, а теперь Сиднея Ли, извѣстныхъ публицистовъ, и уже обѣщано появленіе послѣдняго, шестидесятаго тома къ сентябрю 1899 г. Въ новый томъ вошла обширная біографія Шекспира, составленная самимъ редакторомъ и представляющая, по заявленію «Academy», послѣднее слово Шекспировской литературы. Конечно, нельзя сказать, чтобъ послѣ Ли не явилось еще новаго біографа божественнаго Вильяма, но во всякомъ случаѣ компетентные авторитеты признають его трудъ за окончательную біографію великаго поэта, такъ какъ авторъ ея не пропустилъ ни малѣйшей подробности въ его жизни или авторской дѣятельности, старательно собралъ всѣ извѣстные о немъ факты, провѣрилъ данныя, приводимыя его предшественниками, подвергъ самому тщательному разбору ходячія легенды и смѣлыя предположенія коментаторовъ, однимъ словомъ далъ полнѣйшій сводъ всего, что можно сказать о Шекспирѣ, и ухитрился при этомъ найти много новыхъ фактовъ, а также сдѣлать не мало новыхъ, вполнѣ логичныхъ и любопытныхъ выводовъ. Напримѣръ, Сидней Ли фактически доказываетъ, что сонеты Шекспира, имѣющіе несомнѣнный автобіографическій характеръ, были написаны одиннадцать лѣтъ ранѣе, чѣмъ напечатаны (1609 г.), и что разсказываемая въ нихъ любовь поэта къ женщинѣ, которую онъ потомъ изобразилъ въ Клеопатрѣ, относится къ той эпохѣ, когда Шекспиру было тридцать лѣтъ или самое большое тридцать пять. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опровергаетъ до сихъ поръ всѣми признаваемое предположеніе, что юный Аполлонъ сонетовъ былъ лордъ Пемброкъ, и приводитъ ясныя доказательства, что этою таинственной особой былъ не кто иной, какъ лордъ Сауттамптонъ, единственный аристократъ, съ которымъ Шекспиръ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и которому посвятилъ свою Люкрецію въ стихахъ, напоминающихъ по тону его сонеты. Но всего интереснѣе та часть новой біографіи Шекспира, которая относится до его характеристики, какъ дѣлового человѣка. Обыкновенно жалуются на то, что жизнь творца Гамлета намъ очень мало извѣстна, и это справедливо относительно ея романической стороны, которая никогда не можетъ выясниться болѣе, чѣмъ ее рисуютъ сонеты, но благодаря труду Сиднея Ли оказывается, что свѣдѣнія о его финансовомъ положеніи на столько обильны, что можно вполнѣ возсоздать прозаическую сторону его существованія. Когда ему было восемнадцать лѣтъ, то отецъ его находился на краю банкротства, и онъ женился, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій; спустя три года, уже отцемъ трехъ дѣтей, онъ покинулъ Стратфордъ и вернулся туда только черезъ четырнадцать лѣтъ, именно въ 1596 году. Въ этотъ промежутокъ времени онъ написалъ около двѣнадцати пьесъ и отложилъ такую значительную сумму денегъ, что его первымъ дѣломъ въ Стратфордѣ было заплатить всѣ долги отца и купить самый большой домъ въ городѣ. Хотя онъ заплатилъ за это жилище только шестьдесятъ фунтовъ, но въ то время стоимость денегъ была въ десять разъ больше, чѣмъ теперь, а потому надо считать, что у Шекспира было въ

[1]) Dictionary of national biography. Vol. LI. Scoffin to Sheares. London. 1897.

то время по крайней мѣрѣ тысяча фунтовъ стерлинговъ по теперешнему расчету. Какимъ же образомъ пріобрѣлъ онъ эти деньги? Конечно, не писаніемъ пьесъ. Въ то время платили за право представлять новую пьесу среднимъ числомъ шесть фунтовъ стерлинговъ и не больше девяти, а слѣдовательно, получая около двадцати фунтовъ въ годъ, Шекспиръ могъ существовать, но не откладывать деньги. Однако, какъ актеръ, онъ выручалъ гораздо больше, а именно, сто фунтовъ въ годъ. Такимъ образомъ Сидней Ли высчитываетъ на основаніи фактическихъ данныхъ о тогдашнемъ положеніи драматурговъ и актеровъ, что Шекспиръ получалъ въ годъ около ста тридцати фунтовъ стерлинговъ, въ томъ числѣ вознагражденіе за экстренную игру при дворѣ и у знатныхъ аристократовъ. Кромѣ того, говорятъ, что лордъ Соутгамптонъ, юный Аполлонъ сонетовъ, далъ ему тысячу фунтовъ на какую-то необходимую покупку, и такимъ образомъ вполнѣ объясняется возможность того факта, что Шекспиръ, вернувшись на родину, уплатилъ долги отца и пріобрѣлъ домъ. Затѣмъ отъ 1599 до 1616 года онъ купилъ земли въ Стратфордѣ и въ его окрестностяхъ на девятьсотъ семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ и оставилъ послѣ своей смерти триста пятьдесятъ фунтовъ деньгами, что все вмѣстѣ равняется состоянію въ пятнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ на теперешнія деньги. Конечно, пасторъ Джонъ Вордъ преувеличивалъ, увѣряя, что Шекспиръ расходовалъ въ послѣдніе годы его жизни до тысячи фунтовъ въ годъ, но все-таки безспорно, что онъ имѣлъ хорошія средства, и его новый біографъ вполнѣ объясняетъ этотъ, повидимому, странный фактъ. Какъ извѣстно, онъ имѣлъ два пая въ лондонскомъ театрѣ «Глобусъ», а согласно сохранившемуся протоколу одного судебнаго процесса въ 1635 году пай этого театра приносилъ двѣсти фунтовъ ежегоднаго дохода; кромѣ того, есть свѣдѣнія, что Шекспиръ имѣлъ еще пай въ блакфрайерскомъ театрѣ, и если нельзя точно опредѣлить цѣнность этого пая, то во всякомъ случаѣ онъ считался выгоднымъ дѣломъ, какъ доказываютъ слова Гамлета и Гораціо о желаемости получить пай или полъ-пая въ театральной антрепризѣ. Поэтому, если сосчитать все, что получалъ Шекспиръ въ эти самые цвѣтущіе годы своей жизни, какъ драматургъ, актеръ и владѣлецъ театральныхъ паевъ, то можно смѣло эту цифру опредѣлить въ 600 фунтовъ стерлинговъ или на теперешнія деньги 6.000, хотя собственно его пьесы никогда не приносили ему болѣе 200 ф. Такимъ образомъ нѣтъ ничего таинственнаго или сомнительнаго въ происхожденіи состоянія Шекспира, а то обстоятельство, что онъ въ одно время писалъ Гамлета и преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ должника за неплатежъ маленькой суммы денегъ, доказываетъ только, что можно быть великимъ поэтомъ и практическимъ человѣкомъ. Другой новый коментаторъ Шекспира Е. Кастль въ своей книгѣ «Шекспиръ, Бэконъ, Джонсонъ и Гринъ» [1]) не говоритъ ничего новаго о предметѣ своего изслѣдованія, и его трудъ далеко уступаетъ біографіи Шекспира въ словарѣ, издаваемомъ подъ редакціей Сидней Ли, но все-таки это сочиненіе представляетъ нѣкоторый интересъ. Авторъ принялся за дѣло подъ вліяніемъ бэконовской теоріи, а кончилъ тѣмъ, что убѣдился въ принадлежности шекспировскихъ пьесъ Шекспиру, на

[1]) Shakspeare, Bacon, Jonson and Green, by E. Castle.

основанія между прочимъ авторитетомъ Грина и Джонсона. Однако, несмотря на свое обращеніе изъ бэконовца въ шекспиріанца, Кастль все-таки старается примирить обѣ теоріи и, не боясь сѣсть между двухъ стульевъ, серьезно увѣряетъ, что Бэконъ помогалъ Шекспиру писать тѣ пьесы, въ которыхъ замѣтно знаніе юридическихъ терминовъ, и не участвовалъ въ тѣхъ, которыя поражаютъ незнаніемъ этихъ терминовъ; кромѣ того, онъ приписываетъ Бэкону грубыя комическія части шекспировскихъ пьесъ. Конечно, аргументы, которыми новый коментаторъ поддерживаетъ свои бьющіе на оригинальность взгляды, не выдерживаютъ строгой критики, напримѣръ, болѣе чѣмъ странно считать Бэкона сотрудникомъ Шекспира въ созданіи «Гамлета», а «Макбета» приписывать одному Шекспиру, тогда какъ между этими двумя пьесами существуетъ безспорно тѣсная связь, литературная и художественная. Кромѣ того, непонятно, что писатель, который беретъ на себя коментировать Шекспира послѣ стольких авторитетныхъ предшественниковъ, ищетъ объясненія правильности юридическихъ терминовъ Шекспира въ бэконовской теоріи, когда достовѣрно извѣстно, что творецъ Гамлета отличался общей культурой, имѣлъ отца, близко знавшаго судебные порядки, пользовался дружбой двухъ юристовъ: Грина и лорда Саутгамптона, наконецъ самъ не разъ велъ дѣла въ судахъ.

— **Мѣсто Кромвеля въ исторіи.** Подъ этимъ заглавіемъ профессоръ Самюель Гардинеръ напечаталъ сжатый пересказъ шести лекцій, прочитанныхъ имъ въ прошедшемъ году въ Оксфордѣ, объ исторической роли лорда-протектора[1]). Конечно, почтенный авторъ «Исторіи гражданской войны», въ которой онъ такъ мастерски нарисовалъ фигуру Кромвеля, какъ члена парламента и военачальника, въ настоящее время первый авторитетъ по всему, что касается этой важной исторической эпохи, а потому неудивительно, что въ ожиданіи выхода въ свѣтъ слѣдующихъ томовъ его замѣчательнаго труда, гдѣ онъ подробно изобразитъ великаго пуританина, какъ государственнаго человѣка и диктатора, Гардинеръ соблазнился мыслью набросать общій абрисъ будущей картины, представить краткую характеристику всей дѣятельности Кромвеля и опредѣлить его роль въ исторіи. Свою задачу онъ исполнилъ самымъ блестящимъ образомъ, и вся англійская критика, безъ различія направленій и партій, привѣтствуетъ его маленькую книжечку, какъ рельефное, мастерское подведеніе итоговъ того, чѣмъ былъ и что сдѣлалъ Кромвель; по единодушному ея приговору, этотъ очеркъ достоинъ занять мѣсто рядомъ съ трудами Карлайля и Фредрика Гарлсона о великомъ пуританинѣ, причемъ главная его заслуга заключается въ томъ, что даже по словамъ консервативнаго критика «Pall Mall Gazette» онъ представилъ самый благоразумный, доселѣ существующій взглядъ на своего героя и рисуетъ его, какъ человѣка съ хорошими и дурными качествами. Обыкновенное, ходячее мнѣніе о Кромвелѣ, какъ о самовластномъ диктаторѣ, жестоко уничтожавшемъ всякое сопротивленіе, краснорѣчиво опровергается Гардинеромъ, и онъ фактически доказываетъ, что если угнетающее вліяніе великаго пуританина достаточно выражалось въ его дѣйствіяхъ, то его терпѣливое колебаніе передъ энергичнымъ дѣйствіемъ не

---

[1]) Cromwell's place in history, by Samuel Rawson Gardiner. London. 1897.

вполнѣ оцѣнено. Его общественная дѣятельность имѣла отрицательный характеръ. Какъ военачальникъ и государственный человѣкъ, онъ зналъ, когда и гдѣ остановиться, зналъ границу между возможнымъ и невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ безконечнымъ терпѣніемъ. Никто болѣе его не старался достичь своей цѣли мирнымъ вліяніемъ и добровольнымъ соглашеніемъ, никто болѣе его не терпѣлъ дураковъ, но если всѣ его усилія не удавались, то онъ наносилъ тяжелые, рѣшительные удары. Хотя совершенное имъ дѣло, казалось, было уничтожено, и созданное имъ зданіе рухнуло, какъ только перестала его поддерживать могучая рука лорда-протектора, но въ сущности оно пережило его и сохранилось. «Никогда, говоритъ Гардинеръ, болѣе не появлялась въ Англіи преслѣдующая свободу вѣры церковь, опирающаяся на королевскій абсолютизмъ монархія, основывающая свою власть на одномъ божественномъ правѣ, и парламентъ, бросавшій перчатку одинаково своимъ избирателямъ и созвавшему его правительству». Въ концѣ своего обильнаго мыслями и фактами очерка англійскій историкъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Мы имѣемъ полное право требовать отъ поклонниковъ и критиковъ Кромвеля, чтобы они судили о немъ не по отдѣльнымъ чертамъ, а по общему впечатлѣнію. Для однихъ онъ защитникъ свободы и мирнаго прогресса, для другихъ— диктаторъ, силой уничтожившій свободныя учрежденія, для третьихъ — сторонникъ угнетенныхъ народовъ, для четвертыхъ — побѣдоносный осуществитель національнаго могущества своей родины. Каждый изъ этихъ коментаторовъ имѣетъ вѣскія доказательства своего взгляда. Всѣ противоположности человѣческой натуры встрѣчаются въ томъ или другомъ эпизодѣ дѣятельности Кромвеля, и замѣчательно, что это же соединеніе силъ, кажущихся противорѣчіями, можно найти въ англійскомъ народѣ, и оно-то довело Англію до ея теперешняго величія. Многіе считаютъ страннымъ, что иностранцы смотрятъ на англійскую политическую дѣятельность совершенно иначе, какъ мы; съ ихъ точки зрѣнія мы только стремимся захватить побольше богатствъ и территорій, прикрывая наши жестокія отношенія къ туземнымъ расамъ лицемѣрными ссылками на распространеніе прогресса, а мы считаемъ, что наше господство приноситъ общую пользу, что подчиненныя нами расы выиграли болѣе, чѣмъ потеряли, отъ нашей справедливой и благотворной администраціи, что мы всегда, или почти всегда содѣйствуемъ освобожденію угнетаемыхъ народовъ и прекращенію деспотическихъ дѣйствій тирановъ; что эти оба взгляда имѣютъ свою долю правды, не можетъ отрицать никто, серіозно изучающій настоящее и прошедшее. Что бы мы ни говорили, мы всегда были и остаемся досель могучей, насильственно дѣйствующей націей, полною энергичной жизненности и распространяющею повсюду свое господство, какъ бы принадлежащее намъ по праву, не обращая часто никакого вниманія на чувства и желанія другихъ народовъ. Что бы ни говорили иностранцы, мы стремимся безъ всякой задней мысли дѣйствовать и примѣнять нашу силу лишь для достиженія нравственныхъ цѣлей, даже чувствуемъ себя несчастными, когда наши дѣйствія не распространяютъ прогресса человѣческой расы. Когда мы вступаемъ въ обладаніе какою нибудь страной, то иностранцы останавливаются лишь на нашихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ при занятіи этой страны, а мы утѣшаемъ себя

мыслью, что, однажды утвердившись там, мы ввели порядок и справедливость. Относительно Кромвеля можно сказать то же самое, что и обо всей английской націи. Роялисты изображали его исчадіемъ ада. Карлайль рисовалъ его, какъ мощнаго архистратига, подходящаго къ его исключительной Валгалѣ. Пора представлять его себѣ такимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ, со всею его физическою и нравственною смѣлостью, со всѣми его идеальными и духовными стремленіями; въ сущности онъ былъ тѣмъ въ мірѣ дѣйствія, чѣмъ Шекспиръ былъ въ мірѣ мысли, то-есть величайшимъ, и потому самымъ типичнымъ англичаниномъ всѣхъ временъ. Вотъ настоящее и вѣчное мѣсто Кромвеля въ исторіи. Онъ возвышается передъ нами не какъ образецъ, которому надо слѣдовать, а какъ зеркало, въ которомъ мы можемъ видѣть отраженіе сильныхъ и слабыхъ сторонъ нашей націи».

— Послѣдняя любовь Лопе-де-Вега. Въ первой іюльской книжкѣ «Revue de Paris» помѣщена любопытная статья Густава Ренье[1]) о заключительномъ эпизодѣ жизни знаменитаго испанскаго поэта и драматурга Лопе-де-Вега, который могъ сказать словами Шекспира: «любовь мой грѣхъ». Дѣйствительно вся его жизнь была наполнена «любовью, безъ которой, по его словамъ, поэтъ не можетъ быть поэтомъ». Онъ любилъ одну красавицу за другой: то нѣжную, прелестную семнадцатилѣтнюю Марфизу, отданную родителями замужъ за старика, то поражавшую всѣхъ своей классическою красотой и бросившую его послѣ пятилѣтней связи, Доротею, то снова Марфизу, сдѣлавшуюся вдовой, то донну Изабелу-де-Урбини, его первую жену, то донну Антонію Трилло, за которую онъ судился по обвиненію въ прелюбодѣяніи, то скромную Луцинду, то веселую актрису, которую онъ называлъ сумасшедшей, то гордую аристократку донну Марію-де-Луханъ, то свою вторую жену донну Жуану-де-Гардіо, которую онъ такъ страстно обожалъ, что послѣ ея смерти пошелъ въ монахи и сдѣлался патеромъ. Не смотря на свои постоянныя ухаживанія за женщинами, этотъ «фениксъ геніевъ», какъ называютъ его испанцы, былъ постоянно занятъ, постоянно работалъ, вѣчно писалъ стихи и сочинялъ комедіи, число которыхъ превышало восемьсотъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, въ Мадридѣ, Валенціи, Лисабонѣ, Толедо или Севильи, служилъ ли онъ преимущественно въ качествѣ секретаря тому или другому изъ своихъ многочисленныхъ покровителей: епископу Авилѣ, герцогу Альбѣ, маркизу Мальпика, сыну графа Лемоса и герцогу Сесса, сражался ли онъ на Азорскихъ островахъ подъ начальствомъ Санта-Круца, или находился на одномъ изъ кораблей непобѣдимой армады, Лопе-де-Вега не могъ провести ни одного дня, чтобъ не любить и не писать. Поэтому, даже сдѣлавшись монахомъ и патеромъ, онъ продолжалъ сочинять комедіи, какъ это, повидимому, ни противорѣчило одно другому, и не смотря на свою старость, снова полюбилъ со всѣмъ пыломъ юноши донну Марту Сантойо, съ которою и жилъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Эта послѣдняя любовь великаго драматурга долго оставалась неизвѣстною, и всѣ его біографы рисовали конецъ его жизни мирнымъ, набожнымъ, но въ послѣдніе годы эта тайна

[1]) Le dernier amour de Lope de Vega, par Gustave Regnier. Revue de Paris. 1 juillet.

стала мало-по-малу обнаруживаться, а недавно напечатанный Мадридскою королевскою академіей четвертый томъ его переписки съ герцогомъ Сесса пролилъ яркій свѣтъ на этотъ заключительный эпизодъ его любовныхъ похожденій. Въ 1616-мъ году Лопе-де-Вега впервые встрѣтилъ донну Марту на поэтическомъ турнирѣ и сразу влюбился въ нее. Она была женой богатаго астурійскаго поселянина, грубаго, жестокаго, и сіяла въ то время всѣмъ блескомъ своей красоты и молодости. Несмотря на то, что ея новый обожатель былъ пятидесятитрехлѣтній старикъ и служитель алтаря, она отвѣчала на его любовь, и счастливый Лопе блаженствовалъ, пока наконецъ, несмотря на его сѣдины, у нихъ родилась дочь, Антонья Клара. Хотя сначала мужъ красавицы призналъ своимъ этого ребенка, но потомъ, наученный друзьями, онъ поймалъ Лопе въ комнатѣ своей жены, избилъ ее, и въ результатѣ явился бракоразводный процессъ, который былъ выигранъ донной Мартой, хотя надѣлалъ много скандала популярному драматургу. Послѣ этого бурнаго эпизода, жизнь Лопе-де-Вега потекла тихо и мирно; хотя, по его словамъ, «любовь уже теперь приняла для него характеръ платоническій», но онъ оставался до смерти донны Марты вѣрнымъ ей и окружалъ ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Наконецъ онъ узналъ всю прелесть семейной жизни, такъ какъ онъ жилъ вмѣстѣ не только съ донной Мартой и ея дочерью, но и съ Фелиціаной, дочерью его второй жены, и двумя дѣтьми отъ донны Маріи-де-Луханъ. Впрочемъ съ теченіемъ времени его домашній очагъ разстроился. Одна изъ дочерей вышла замужъ и уѣхала, а другая поступила въ монастырь, чтобъ искупить грѣхи отца, а сынъ погибъ во время крушенія корабля, на которомъ онъ отправлялся воевать въ качествѣ офицера. Такимъ образомъ ему пришлось довольствоваться обществомъ только двухъ любимыхъ существъ, но и въ отношеніи ихъ ему суждено было претерпѣть не мало горя. Въ 1630-мъ году донна Марта, или, какъ онъ называлъ ее въ своихъ стихахъ, Амарилисъ, потеряла зрѣніе и съ отчаянія сошла съ ума. Хотя она на время оправилась, но вскорѣ потомъ умерла. Лопе-де-Вега не долго пережилъ ее, но передъ смертью онъ испыталъ еще тяжелое горе: единственное оставшееся у него любимое существо, дочь донны Марты, семнадцатилѣтняя Клара бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ-то юношей, котораго Лопе называетъ въ своихъ стихахъ, оплакивающихъ судьбу, только Тирсисомъ. Такимъ образомъ горькими слезами окончился послѣдній романическій этюдъ жизни «феникса геніевъ».

— Охота въ XVII столѣтіи. В. Бельони-Громанъ напечаталъ въ іюльскомъ номерѣ Century Magazine [1]) интересный очеркъ охоты въ Англіи, Франціи, Германіи въ XVII вѣкѣ, когда эта забава сильныхъ міра сего достигла своего апогея. Искусство ловить звѣрей съ помощью собакъ безъ употребленія оружія было изобрѣтено во Франціи и не было извѣстно древнимъ рассамъ, за исключеніемъ галловъ. Еще во дни Меровингскихъ королей травили собаками оленей, кабановъ и буйволовъ, а Вильгельмъ Завоеватель ввелъ эту забаву въ Англіи, но она не такъ привилась тамъ, какъ на своей

[1]) Sports in the seventeenth century, by W. Bailie-Grohman. Century Magazine. July.

родинѣ, и англичане болѣе любили охотиться съ соколами и на зайцевъ. Впрочемъ въ началѣ XVII столѣтія оленья охота на французскій манеръ вошла неожиданно въ моду при дворѣ Якова I, но введенъ былъ при этомъ обычай убивать изъ ружья загнаннаго звѣря, тогда какъ французы считали вопросомъ чести убить оленя, затравленнаго собаками, охотничьимъ ножемъ, что сопровождалось значительною опасностью. Затѣмъ, благодаря войнамъ Кромвеля и истребленію лѣсовъ въ Англіи, охота въ этой странѣ съ половины XVII вѣка получила гораздо менѣе типичный и болѣе скромный характеръ, чѣмъ во Франціи и въ Германіи. Въ первой изъ этихъ странъ при Людовикѣ XIV охоты на оленей, кабановъ и волковъ происходили съ необыкновеннымъ блескомъ, торжествомъ и пышностью. Не рѣдко на королевскихъ охотахъ появлялось до 500 придворныхъ особъ, а егерей, собакъ и лошадей считали сотнями. При этомъ роскошь и великолѣпіе охотничьей обстановки превосходили всякое описаніе, а когда устраивались ночныя охоты на оленей въ Шантильи, то весь лѣсъ освѣщался факелами, которые держали тысячи людей. Принцессы крови и придворныя дамы участвовали въ этихъ забавахъ; онѣ скакали на кровныхъ лошадяхъ, предпочитая мужскія сѣдла, и по словамъ герцогини Орлеанской она въ продолженіе четырехъ лѣтъ присутствовала при избіеніи 1.000 оленей, а сама упала тридцать шесть разъ, но ушиблась только однажды. Въ Германіи оленья охота по французскому образцу была совершенно неизвѣстна до послѣдней половины XVII столѣтія, но нигдѣ такъ много не истребляли звѣрей хотя инымъ способомъ, именно на нихъ дѣлали облаву, причемъ употреблялись тысячи загонщиковъ и устраивали въ лѣсахъ всякаго рода преграды изъ натянутаго полотна. Въ германскихъ библіотекахъ и архивахъ существуетъ много любопытныхъ хроникъ, въ которыхъ занесены важнѣйшія охоты XVI и XVII столѣтій. Наибольшій интересъ представляетъ рукописный томъ въ триста семьдесятъ страницъ in-folio въ роскошномъ бархатномъ переплетѣ, хранящійся въ королевской библіотекѣ въ Дрезденѣ: это охотничій дневникъ перваго охотника XVII вѣка, саксонскаго курфюрста Іоанна-Георга I. Изъ этого дневника, веденнаго преимущественно рукою самого курфюрста, видно, что съ 11-го іюля 1611 года по день его смерти, 12 января 1656 года, этотъ Нимвродъ съ своею свитой убилъ сто десять тысячъ девятьсотъ шестьдесятъ звѣрей разнаго рода, въ томъ числѣ сорокъ семь тысячъ двѣсти тридцать девять оленей, тридцать одна тысячу семьсотъ сорокъ пять кабановъ, сто два медвѣдя, двадцать девять бобровъ и т. д. Курфюрстъ Іоаннъ-Георгъ былъ такой страстный охотникъ, что онъ, говорятъ, отказался отъ предложенной ему Богемской короны только потому, что въ Богеміи оленей было меньше и не такого крупнаго размѣра, какъ въ Саксоніи. Насколько громадны были устраиваемыя имъ охоты, доказываетъ тотъ фактъ, что на одной изъ нихъ въ 1613 г. было застрѣлено 672 оленя. Но тяжело приходилось отъ такихъ забавъ несчастнымъ поселянамъ, которые въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ должны были покидать свои жилища и часто жатву на двѣ или на три недѣли для участія въ облавѣ. Кромѣ того, ихъ поля немилосердно уничтожали и ихъ подвергали тяжелой карѣ, если въ самозащитѣ они наносили вредъ звѣрямъ. Такъ одинъ крестьянинъ, убившій оленя за то, что послѣдній повадился хо-

дить въ его поле, по распоряженію Зальцбургскаго епископа былъ зашитъ въ шкуру этого звѣря и отданъ на съѣденіе собакамъ, которыхъ нарочно не кормили передъ тѣмъ въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ. Что касается до цѣнности рѣдкихъ оленьихъ головъ по необыкновенному количеству отростковъ на рогахъ, то объ этомъ можно судить по тому факту, что Саксонскій курфюрстъ далъ цѣлую роту своихъ гренадеръ за знаменитую оленью голову съ рогами въ шестьдесятъ шесть отростковъ, а герцогъ Виртембергскій заплатилъ за тридцать шесть роговыхъ отростковъ цѣлымъ селеніемъ съ жителями, домами и церквами. Въ настоящее время еще сохранилась въ историческомъ охотничьемъ замкѣ короля Саксонскаго близъ Дрездена, Морицбургѣ, знаменитая коллекція оленьихъ головъ, украшающихъ его великолѣпную громадную столовую. Одною изъ оригинальнѣйшихъ чертъ охоты въ Германіи была особая игра въ подбрасываніе лисицъ. Она состояла въ томъ, что играющіе кавалеры и дамы становились длинными рядами другъ противъ друга и держали длинныя, широкія ленты изъ плотнаго полотна, которыми старались подбросить на воздухъ загнанныхъ въ ихъ ряды лисицъ. Умѣлые игроки подбрасывали несчастнаго звѣря на двадцать четыре фута, а чтобъ не убить его сразу, то землю покрывали толстымъ слоемъ песку или отрубей. Во всѣхъ этихъ жестокихъ забавахъ женщины принимали живое участіе, а Марія Нидерландская не только преслѣдовала оленя и убивала его, но сама его потрошила.

— Вашингтонъ въ домашней жизни. Хотя по заглавію книги Поля Лестера Форда «Истинный Джоржъ Вашингтонъ» [1]) можно было бы предполагать, что американскій писатель берется за дѣло совершенно не американское, именно за обличеніе «отца отечества», но въ сущности это очень добросовѣстный и вполнѣ сочувственный къ своему герою опытъ изобразить Вашингтона въ ежедневной, частной жизни. Если же автору и приходится, напримѣръ, замѣтить, что первый американскій президентъ съ шести лѣтъ не умѣлъ лгать, чему впослѣдствіи научился, то онъ немедленно оговаривается и поясняетъ, что и впослѣдствіи ложь въ устахъ Вашингтона принимала характеръ политической тонкости и не отличалась личнымъ двоедушіемъ и лицемѣріемъ. Конечно, въ виду громадной вашингтоновской литературы, Фордъ не могъ сказать ничего новаго или открыть какіе либо новые документы, но онъ очень ловко группировалъ всѣ имѣющіяся данныя о великомъ американскомъ патріотѣ, какъ о частномъ человѣкѣ, благоразумно отвергая всѣ легендарные анекдоты и только разсказывая то, что можно признать за истину. Въ этомъ смыслѣ онъ и имѣлъ основаніе назвать свою книгу «Истиннымъ Вашингтономъ». Наиболѣе интереса возбуждаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о матери Вашингтона и о его отношеніяхъ къ неграмъ. Извѣстная теорія, что у великихъ людей бываютъ замѣчательныя матери, опровергается примѣромъ знаменитѣйшаго изъ американцевъ. Его мать, повидимому, была безпорядочная, невѣжественная женщина, доставлявшая много непріятностей своему сыну. Послѣ смерти отца, онъ жилъ преимущественно у двухъ старшихъ братьевъ и мало подвергался вліянію матери. Впослѣдствіи она постоянно жаловалась на бѣдность и однажды обращалась въ Виргинское законодательное собраніе съ просьбою о

[1]) The true George Washington, by Paul Leister Ford. Boston. 1897.

назначеніи ей пенсіи, но Вашингтонъ немедленно снялъ съ очереди этотъ вопросъ, заявивъ, что каждый изъ ея дѣтей раздѣлилъ бы съ ней послѣдній свой грошъ, еслибъ она дѣйствительно нуждалась, но она въ сущности имѣла достаточныя средства. Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ арендовалъ ея плантацію и платилъ ей бо́льшую сумму, чѣмъ бы слѣдовало, но потомъ узнавъ, что она все-таки обращается къ чужимъ людямъ за пособіемъ, онъ отказался отъ этого деликатнаго способа помощи и написалъ ей: «Это не значитъ, чтобъ я не желалъ болѣе вамъ помогать, я попрежнему готовъ дѣлить съ вами послѣдній шиллингъ, но я желаю, чтобы моя помощь принимала съ этихъ поръ такой характеръ, чтобы меня никто не могъ упрекать въ несправедливости и неблагодарности къ матери». Что касается до отношеній Вашингтона къ вопросу о рабствѣ, то онъ находился въ положеніи высоко-гуманнаго человѣка, который по обстоятельствамъ запутанъ сѣтью ненавистной системы, изъ которой не имѣлъ возможности освободиться. Въ одну эпоху своей жизни онъ имѣлъ до 300 негровъ на своихъ плантаціяхъ и, убѣдившись въ экономическомъ вредѣ невольничьяго труда, не зналъ, однако, какъ отъ него отдѣлаться. «Продать излишекъ негровъ я не могу, писалъ онъ, потому что изъ принципа возстаю противъ подобной торговли человѣческими существами, а отдавать ихъ въ наемъ также дурно, потому что нельзя выгодно помѣщать цѣлыя семьи; къ дѣлежу же ихъ я питаю отвращеніе». Однако такъ сильно господствовалъ тогда обычай смотрѣть сквозь пальцы на логическія послѣдствія рабства, что даже столь гуманный человѣкъ, какъ Вашингтонъ, послалъ въ Вестъ-Индію для продажи одного лѣниваго работника, уступилъ сосѣду негра дурного поведенія за трубку и боченокъ вина, наконецъ, получилъ двадцать фунтовъ стерлинговъ отъ казны за негра, пойманнаго въ какомъ-то преступленіи и приговореннаго къ висѣлицѣ. Но эти печальные факты не мѣшали ему постоянно заботиться о томъ, чтобы хорошо обращались съ его неграми, вдоволь кормили ихъ и ухаживали за ними во время ихъ болѣзни; не существуетъ ни одного подписаннаго имъ приказа о томъ, чтобъ ихъ подвергали тѣлесному наказанію, а напротивъ, сохранилось много писемъ, въ которыхъ онъ убѣждаетъ своихъ управляющихъ прибѣгать болѣе къ добрымъ совѣтамъ и увѣщаніямъ, чѣмъ къ наказанію. Вообще признавая по необходимости рабство, какъ государственное учрежденіе того времени, онъ выражалъ надежду, что настанутъ дни, когда явится возможность его уничтожить, стремился къ прекращенію ввоза негровъ изъ Африки и въ своемъ завѣщаніи установилъ постепенное освобожденіе принадлежащихъ ему невольниковъ.

— **Наполеонъ и Велингтонъ съ точки зрѣнія русскаго генерала.** Съ нѣкоторыхъ поръ извѣстный русскій генералъ и военный писатель, Драгоміровъ, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ французскихъ журналовъ, и то въ одномъ, то въ другомъ изъ нихъ появляются его статьи. Такъ въ іюльскихъ книжкахъ «Nouvelle Revue» онъ помѣстилъ этюдъ, названный имъ полувоеннымъ фельетономъ о Наполеонѣ и Велингтонѣ, по поводу напечатанныхъ недавно замѣтокъ Прудона объ этихъ историческихъ личностяхъ [1]). Ко-

[1]) Napoleon et Vellington, par le general Dragomirof. Nouvelle Revue. 1—15 juillet.

нечно, онъ главнымъ образомъ разсматриваетъ своихъ двухъ героевъ съ точки зрѣнія военной и, саркастически относясь къ незнанію военнаго дѣла, обнаруженному Прудономъ въ каждой строчкѣ его замѣтокъ, рѣзко опровергаетъ его злобное отрицаніе геніальности Наполеона даже на полѣ брани и тенденціозное возвеличеніе Велингтона. Въ глазахъ Драгомірова Наполеонъ былъ величайшимъ геніемъ, и его слова безсмертна, а напротивъ теперь, спустя 80 лѣтъ послѣ Ватерло, никто не вспоминалъ бы о Велингтонѣ, еслибъ онъ не имѣлъ чести дѣйствовать противъ Наполеона. Сравнивать ихъ, а тѣмъ болѣе отдавать пальму первенства Велингтону, какъ дѣлаетъ Прудонъ изъ ненависти къ Наполеону, русскій писатель считаетъ просто смѣшнымъ. Англійскій военачальникъ, по его мнѣнію, былъ только хорошимъ второстепеннымъ генераломъ, ревностно исполнявшимъ свой долгъ и преимущественно заслужившимъ извѣстность тѣмъ, что умѣлъ держаться противъ врага и ловко укрѣплять свои позиціи; что же касается до приписываемой ему побѣды подъ Ватерло, то всѣмъ извѣстно, что онъ уже ретировался, когда къ нему подоспѣлъ на выручку Блюхеръ. Относительно великихъ политическихъ принциповъ, приписываемыхъ Прудономъ своему любимцу, Драгоміровъ саркастически замѣчаетъ: «въ чемъ состояли принципы Велингтона, кромѣ его любви къ деньгамъ и нелѣпаго, слѣпаго консерватизма, благодаря чему англійскій народъ побилъ однажды окна въ его домѣ, я право не знаю». Что же касается до Наполеона, то прежде всего авторъ полувоеннаго фельетона прямо заявляетъ, что его никогда не забудутъ, пока будетъ продолжаться исторія, не только французы, но всѣ европейскіе народы, не смотря на омрачившую его славу подвиги племянника, благодаря которымъ врядъ ли когда французы вернутся къ наполеонидамъ. «Что бы ни говорили противъ него, замѣчаетъ Драгоміровъ, онъ могущественно содѣйствовалъ движенію впередъ всей Европы. Онъ пробудилъ въ массахъ дремавшую вѣками душу и далъ имъ возможность блестящею дѣятельностью доказать свою способность выйти изъ долгаго прозябанія, благодаря угнетавшему ихъ игу. Ему Европа была обязана тѣмъ, что наконецъ стали признавать въ солдатѣ человѣка, что даже самыя реакціонныя нѣмецкія правительства начали входить въ сношенія съ тайными обществами патріотовъ, и что австрійскій эрцгерцогъ передъ кампаніей 1809 года обратился къ итальянцамъ съ пламенною прокламаціей, напоминавшею лучшіе дни Конвента. Нельзя не признать, что для подобнаго результата стоило принести въ жертву полтора милліона людей, въ смерти которыхъ упрекаютъ Наполеона. Къ тому же легко постигнуть величіе этого человѣка по той страшной реакціи, которая привѣтствовала его паденіе вездѣ, даже во Франціи, и по трогательному единодушію, съ которымъ вооружились противъ патріотическихъ обществъ всѣ правительства, протягивавшія имъ руку, когда дѣло шло о борьбѣ съ Наполеономъ. Нѣтъ, не даромъ онъ пролилъ столько крови; благодаря этому пролитію крови, создано великое дѣло. Реакція явилась и прошла, а посѣянное зерно, которое старались заглушить, не исчезло, а дало плодъ, спустя тридцать или сорокъ лѣтъ. Конечно, имперія Наполеона существовала не долго, но то, что Наполеонъ распространилъ по всей Европѣ, осталось послѣ него, и Прудону, какъ интелигентному человѣку, не слѣдовало забывать объ этомъ». Пере-

ходя къ причинамъ паденія Наполеона, генералъ Драгоміровъ совершенно вѣрно видитъ ихъ въ томъ, что, воспользовавшись пробужденною революціей силой національностей, Наполеонъ самъ возсталъ противъ нея прежде въ Испаніи, потомъ въ Россіи и наконецъ въ Германіи. Результатъ этой измѣны народному принципу, котораго онъ твердо держался до 1809 года, былъ самый гибельный для него. Если, по мнѣнію Драгоміровa, Англія и выставила достойнаго соперника великому генію, то это былъ не Веллингтонъ, а Питтъ, который понялъ, что только народною войной можно справиться съ Наполеономъ, и хотя умеръ раньше возстанія народныхъ массъ въ Испаніи, но подготовилъ это національное движеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и гибель своего врага.

— **Французская эскадра въ Кронштадтѣ семьдесятъ три года тому назадъ.** Въ то время какъ президентъ Форъ собирается посѣтить Петербургъ, и Кронштадтъ готовитъ вторую встрѣчу французскимъ морякамъ, не лишне вспомнить, что французская эскадра еще ранѣе 1891 года приходила въ Кронштадтъ. Это было въ царствованіе Александра I, въ 1824 году, и тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ реставраціи, виконтъ Шатобріанъ, первый возымѣлъ мысль послать французскихъ моряковъ въ Балтійское море съ визитомъ къ монарху, который болѣе всѣхъ содѣйствовалъ возстановленію Бурбоновъ. Тогда французскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ графъ де-ла-Феронэ, и его донесенія о пріемѣ французскихъ моряковъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ напечатаны въ «Revue Bleue» отъ 19-го іюня [1]) въ статьѣ Генри Бурдо, который заимствовалъ ихъ изъ готовящейся къ печати, исправленной маркизомъ Коста-де-Борегаромъ, біографіи графа де-ла-Феронэ. Изъ этихъ депешъ мы узнаемъ, что французская эскадра состояла изъ фрегата «Аретузы» и двухъ корветовъ «Игеріи» и «Сены», подъ начальствомъ капитана барона ле-Купэ. Она пришла въ Кронштадтъ 5-го іюня, и командующій русскимъ флотомъ адмиралъ Кронъ, а также и комендантъ порта адмиралъ Моръ, немедленно послали своихъ адъютантовъ на «Аретузу», чтобъ привѣтствовать французскаго командира и предложить ему всякаго рода услуги. Такъ какъ французскій королевскій флагъ впервые развѣвался въ Балтійскомъ морѣ, и съ 1787 года русскія и французскія королевскія суда не салютовали другъ друга, то адъютантъ адмирала Крона спросилъ французскаго командира, намѣренъ ли онъ салютовать. Послѣдній отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что подобный вопросъ ручается ему за отвѣтный салютъ, но все-таки послалъ къ русскому адмиралу своего офицера, чтобъ вполнѣ въ этомъ убѣдиться. Затѣмъ, не спуская парусовъ, онъ салютовалъ одиннадцатью выстрѣлами русскій адмиральскій флагъ и двадцатью однимъ крѣпость, на что ему отвѣтили такимъ же числомъ выстрѣловъ и столь аккуратно, что когда одинъ изъ канонировъ фрегата по ошибкѣ далъ двадцать второй выстрѣлъ, то изъ крѣпости отвѣчали на него. 13-го іюня императоръ и императрица приняли въ Петербургѣ капитана ле-Купэ и остальныхъ французскихъ офицеровъ, которыхъ представилъ имъ французскій посланникъ. По словамъ графа де-ла-Феронэ, Александръ выразилъ свое удовольствіе видѣть предста-

[1]) Une escadre française à Cronstadt en 1824, d'après les lettres du comte de la Ferronays, par Henri Bourdeaux. «Revue Bleue», 19 juin.

вителей французскаго флота въ очень лестныхъ и любезныхъ выраженіяхъ, заявилъ, что Франція въ послѣднее время много содѣйствовала поддержкѣ спокойствія Европы, и сообщилъ, что вскорѣ зайдетъ въ Брестъ русскій фрегатъ, идущій въ Гибралтаръ. Императрица также обошлась очень милостиво съ французскими моряками, которые съ своей стороны вполнѣ поддержали честь французскаго флага. Вообще ихъ принимали въ Петербургѣ очень радушно и охотно показывали имъ всѣ достопримѣчательности города, а петербуржцы съ любопытствомъ ѣздили на французскія суда, стоявшія въ Кронштадтѣ. Ихъ посѣтилъ 21-го іюня и самъ императоръ во время морскаго смотра, и капитанъ ле-Купэ принялъ его на палубѣ «Аретузы» со всѣми почестями, которыя принято было оказывать на французскомъ флотѣ королю. Александръ внимательно осмотрѣлъ все судно, замѣтилъ, что впервые находится на французскомъ военномъ кораблѣ, и заявилъ надежду, что при тогдашнихъ хорошихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между обѣими странами, французскія суда будутъ часто заходить въ русскіе порты. Наканунѣ этого державнаго визита французскіе моряки, капитаны ле-Купэ, Летрэ, Бигоди и Терико, вмѣстѣ съ графомъ де-ла-Феронэ и маркизомъ Сенъ-Симономъ обѣдали въ Павловскѣ у вдовствующей императрицы, которая очень любезно разговаривала съ ними и напомнила имъ, что подъ именемъ графини Нордъ посѣтила вмѣстѣ съ мужемъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, Брестъ, Шербургъ и другіе порты Франціи. Вечеромъ былъ въ Павловскомъ дворцѣ балъ, и французскіе офицеры сосредоточили на себѣ общее вниманіе. Къ этимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ о первомъ посѣщеніи Петербурга французскими моряками Генри Бурдо прибавляетъ любопытную выписку изъ депеши Шатобріана, которому принадлежала мысль этого знаменательнаго событія. Означенная депеша была написана въ 1828 году, когда Шатобріанъ находился посломъ въ Римѣ, а французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ де-ла-Феронэ, и въ ней, по поводу подготовлявшейся русско-турецкой войны, знаменитый писатель высказываетъ пророческія слова о союзѣ между Франціей и Россіей, заключеніе котораго онъ энергично подготовлялъ посылкой эскадры въ Кронштадтъ и другими дѣйствіями, въ то время, когда былъ министромъ. «Между Россіей и Франціей, писалъ онъ, существуетъ горячая симпатія; послѣдняя почти что цивилизовала первую и дала ея высшимъ классамъ свой языкъ и свои нравы. Находясь на двухъ оконечностяхъ Европы, Франція и Россія не прикасаются другъ къ другу своими границами, у нихъ нѣтъ враждебныхъ интересовъ, ни политическихъ, ни коммерческихъ, а естественные враги Россіи, Австрія и Англія, въ то же время и естественные враги Франціи. Если во время мира тюльерійскій кабинетъ будетъ находиться въ союзѣ съ петербургскимъ, то никто не посмѣетъ шелохнуться въ Европѣ, а во время войны франко-русскій союзъ будетъ предписывать свою волю всему міру».

СМѢСЬ.

ЧЕНО - ЛИТЕРАТУРНОЕ общество при Юрьевскомъ университетѣ. 27-го апрѣля, состоялось открытіе «учено-литературнаго общества» при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Общество имѣетъ цѣлію содѣйствовать разработкѣ и распространенію знаній въ области археологіи, исторіи, литературы и права и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, относящимся къ упомянутымъ наукамъ, а равно по тѣмъ отдѣламъ біологіи, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными. По мѣрѣ потребности, общество имѣетъ въ виду открыть слѣдующія отдѣленія: 1) историко-филологическихъ наукъ; 2) юридическихъ и общественныхъ наукъ; 3) педагогическое. Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и членовъ-сотрудниковъ. Дѣйствительными членами могутъ быть лица, какъ состоящія на учебной службѣ въ университетѣ, такъ и прочія лица (обоихъ половъ), занимающіяся входящими въ кругъ занятій общества науками. Въ члены-соревнователи избираются лица, оказавшія обществу значительныя матеріальныя услуги; въ члены-сотрудники— лица, принимающія участіе въ дѣятельности общества своими научными работами. Ежегодный взносъ для дѣйствительныхъ членовъ опредѣленъ общимъ собраніемъ на первое пятилѣтіе въ размѣрѣ трехъ рублей; этотъ взносъ мо-

жетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ размѣрѣ пятидесяти рублей, освобождающимъ отъ ежегоднаго денежнаго взноса навсегда. Члены-соревнователи и члены-сотрудники освобождаются отъ обязательныхъ членскихъ взносовъ. Засѣданія общества и отдѣленій имѣютъ быть закрытыя и открытыя. Въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, вводимые членами по заявленіи о томъ предсѣдателю. Въ открытыхъ засѣданіяхъ выслушиваются и обсуждаются научные рефераты и сообщенія членовъ общества или постороннихъ лицъ. Средства общества составляются: изъ членскихъ взносовъ; изъ субсидій университета, если послѣдній признаетъ возможнымъ разрѣшить таковыя; изъ добровольныхъ пожертвованій; изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій общества; изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу. Должностныя лица общества на 1897—1898 годъ, по избранію общаго собранія: предсѣдатель—проф. А. С. Будиловичъ, товарищъ предсѣдателя—проф. Е. В. Пѣтуховъ, секретарь—проф. М. Е. Красноженъ, казначей—проф. С. К. Богушевскій, члены совѣта: проф. В. Г. Алексѣевъ, проф. А. В. Никитскій и лекторъ С. И. Роше, библіотекарь — проф. А. Ф. Зачинскій. Общество обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, сочувствующимъ его цѣлямъ, съ просьбой оказать ему содѣйствіе и поддержку.

Областной музей Волынской губерніи. Въ «Кіевлянинѣ» появилось описаніе «областного музея Волынской губерніи», въ имѣніи барона Ѳ. Р. Штейнгеля, с. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда. Задуманъ музей по широкой программѣ: естественный отдѣлъ раздѣляется на подотдѣлы: геологія, минералогія, палеонтологія, флора и фауна Волынской губерніи; далѣе слѣдуетъ: географія, антропологія, этнографія; затѣмъ древности: археологія, доисторическая и историческая, старопечатныя книги (изданныя въ Острогѣ, въ Почаевѣ и проч.), археографія; предметы искусства: портреты историческихъ дѣятелей, старые образа, писанные мѣстными мастерами, ткани, посуда и т. п. При музеѣ устраивается библіотека, посвященная спеціально Волынской губерніи. Помимо книгъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, въ нее войдутъ всѣ печатные и рукописные документы, такъ или иначе касающіеся губерніи. Для пополненія колекцій музея предполагается устраивать поѣздки по краю. Нѣсколько такихъ экскурсій уже было предпринято, другія намѣчены. Хотя музей барона Штейнгеля существуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, въ немъ собрано уже много предметовъ по всѣмъ отдѣламъ. Между прочимъ, заслуживаетъ вниманія «вертепъ», съ полною обстановкою и текстомъ, напоминающимъ одну изъ «мистерій» Симеона Полоцкаго, найденный въ м. Славутѣ. «Вертепъ», хранящійся въ музеѣ барона Ѳ. Р. Штейнгеля, имѣетъ видъ двухъ-этажнаго домика съ мезониномъ. Всѣхъ фигуръ въ этомъ вертепѣ 17—два ангела, Аронъ, Давидъ, Иродъ, три царя, два солдата, пономарь, женщина съ ребенкомъ, смерть, чортъ, еврей, мужикъ съ цѣпомъ, цыганъ, ведущій барана, панъ и пани. Костюмы и физіономіи этихъ фигуръ представляютъ собою много интереснаго для этнографа. Насколько извѣстно, верхній ярусъ вертепнаго домика предназначался для религіозной части «вертепнаго представленія», которая сопровождалась пѣніемъ кантовъ на церковно-славянскомъ языкѣ, а

нижній—для бытовыхъ сценъ комическаго характера, не имѣющихъ никакого отношенія къ рождественской мистеріи. («Нов. Вр.» № 7642).

Рижскій генералъ-губернаторскій архивъ. Въ Ригу былъ въ іюнѣ командированъ по соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи чиновникъ Московскаго архива министерства юстиціи г. Нечаевъ для обозрѣнія рижскаго генералъ-губернаторскаго архива. Есть мысль, по словамъ «Рижскаго Вѣстника», перевести рижскій генералъ-губернаторскій архивъ въ Москву, гдѣ, какъ извѣстно, находится богатый и вполнѣ научно-устроенный архивъ министерства юстиціи подъ управленіемъ профессора Самоквасова. Предположено оставить въ Ригѣ всѣ матеріалы за русское время, а перевезти въ Москву лишь то, что относится ко времени шведскому.

Археологическая коллекція Т. В. Кибальчича. Т. В. Кибальчичемъ привезена въ Петербургъ большая колекція геммъ (рѣзныхъ драгоцѣнныхъ камней) и другихъ древнихъ предметовъ. О геммахъ мы намѣрены поговорить особо, теперь же скажемъ объ археологической колекціи, подносимой Т. В. Кибальчичемъ въ даръ правительству. Въ 1885 году, при раскопкахъ на Глубочицѣ, въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ костями Elephas primigenius, переданными для изслѣдованія въ геологическій кабинетъ Кіевскаго университета, найденъ кремневый топоръ со слѣдами контура, по которому онъ былъ обитъ. Этотъ топоръ съ контуромъ, сдѣланнымъ болѣе твердымъ, чѣмъ кремень, камнемъ, относится къ концу третичной эпохи и является единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ зарожденія начертательныхъ искусствъ у первобытнаго человѣка. Кромѣ того, при тѣхъ же раскопкахъ были найдены куски разбитаго человѣческаго черепа, кусокъ вылѣпленнаго отъ руки глиняного сосуда и три кремневыхъ орудія. На лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кіева, у селъ Выгуровщины, Воскресенской и Никольской слободокъ и въ урочищѣ «Озеряне», Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., найдены: кремневые ножи, скребки, точильные камни, кремневые разноцвѣтные наконечники стрѣлъ, копій, топоръ, пила изъ кремня, каменныя долота, костяныя и шиферныя бусы, глиняныя пряслицы и посуда съ орнаментами. Объ этой находкѣ предметовъ каменнаго вѣка было сдѣлано г. Кибальчичемъ въ 1881 году сообщеніе въ археологическомъ институтѣ. Тамъ же найдены: бронзовые наконечники стрѣлъ, копья, желѣзные ножи, наконечники стрѣлъ, бронзовая шпилька, кресты изъ олова и мѣди, мѣдные перстни съ орнаментомъ, бусы изъ композиціи, серебра, бронзы, стекла, куски браслетъ и др. При осмотрѣ въ 1876 году неизвѣстно кѣмъ и когда раскопаннаго кургана въ Лукьяновскомъ участкѣ Кіева, на «Верхней Юрковицѣ», въ стѣнкахъ траншеи, среди бугра раковинъ, была сдѣлана интересная находка, состоявшая изъ кремневыхъ орудій, двухъ грубо сдѣланныхъ статуэтокъ изъ обожженной глины и части предмета изъ кости съ орнаментомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Кіевской, Черниговской и Полтавской губерній найдены кремневые ножи и скребки, наконечники стрѣлъ, костяныя орудія, два днища отъ горшковъ съ мѣткой въ видѣ кружка и головой птицы. Изслѣдованіе городка «Замковище» (въ Житомірскомъ уѣздѣ, у села Гальгина), произведенное въ октябрѣ 1885 года и, къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ пріостановленное, дало много разнообразныхъ предметовъ разныхъ

эпохъ: оленьи рога въ видѣ кинжаловъ, метательные камни, желѣзные серпы, удила, замки и крючки отъ луковъ, сѣкиры, костяной свистокъ, шило, серебряныя пуговицы и др. Въ томъ же 1885 году, въ присутствіи великихъ князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, г. Кибальчичемъ былъ изслѣдованъ древній могильникъ на Большей Дорогожичской улицѣ Кіева, обогатившій коллекцію 92 предметами въ видѣ драгоцѣнностей, гвоздей, сѣкиры и т. п. Въ 1886 году было раскопано 60 кургановъ у села Линоваго (Роменскаго уѣзда, Полтавской губ.) съ человѣческими костяками и различными предметами; далѣе, у разграбленнаго кургана близъ г. Селица (Кіевской губ.), въ роменскихъ курганахъ найдены различные предметы. У «Очереватовой могилы», у села Кошаръ (Черниговской губ.), найденъ бронзовый браслетъ съ изображеніемъ змѣй. Въ Каневскомъ уѣздѣ (Кіевской губ.) найдены образцы ткани и въ разнахъ мѣстахъ другіе предметы. При раскопкахъ кургановъ близъ села Пустовойтовки, Роменскаго уѣзда, Полтавской губ. было найдено золотое кострище, по предположенію, принадлежавшее старшинѣ племени, нѣкогда здѣсь обитавшаго, или лицу царскаго рода; въ этомъ кострищѣ найдены интересные предметы, большею частью украшенія или обломки ихъ. Вся эта громадная коллекція подносится г. Кибальчичемъ въ даръ государству. Она расположена на тридцати пяти таблицахъ. Изъ другой части коллекціи предметовъ, найденныхъ и пріобрѣтенныхъ въ Керчи, Ѳеодосіи, Херсонесѣ, Инкерманѣ, Очаковѣ, селѣ Парутинѣ, Кіевской губ. и Св. Востокѣ, г. Кибальчичъ предоставляетъ правительству сдѣлать выборъ. Здѣсь много статуэтокъ, бусы, украшенія, курильница, древнія лампочки, образцы мозаики и др. Мраморная голова Геракла, найденная въ Очаковѣ и, къ сожалѣнію, сильно попорченная, представляетъ большой интересъ въ смыслѣ художественнаго выполненія. Описанная коллекція пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, что всѣ предметы ея (исключая второй части) найдены въ южной Россіи и имѣютъ немаловажное значеніе для изученія быта первобытныхъ племенъ, ее населявшихъ.

Раскопка кургановъ произведена въ минувшемъ году въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, по почину рязанской ученой архивной комиссіи. Вскрыты 34 кургана, принадлежащіе къ одному и тому же типу и представляющіе большое сходство съ Клишинскими курганами, находящимися въ Каширскомъ уѣздѣ, на берегу Смедвы и раскопанными еще въ 1884 и 1885 гг. Изслѣдованные курганы имѣютъ полушарообразную форму; высота ихъ колеблется отъ 1¼ до 2½ аршинъ, а окружность—отъ 7½ до 20 саженъ. Подъ каждымъ курганомъ, въ большинствѣ случаевъ, находилось одинокое погребеніе, но изрѣдка попадались двойныя и даже тройныя погребенія, повидимому, семейныя. Неразрушенные тлѣніемъ черепа, по своей формѣ, принадлежатъ къ типу длинноголовыхъ. При остаткахъ мужскихъ погребеній находили небольшіе желѣзные ножи, а въ двухъ случаяхъ, кромѣ того, оказались желѣзные стержни съ заостренными концами; почти въ каждомъ погребеніи заключался глиняный горшокъ съ отогнутымъ краемъ и параллельно-линейнымъ или волнистымъ орнаментомъ. Женскія погребенія оказались гораздо богаче; почти при каждомъ изъ нихъ находили бронзовыя и мѣдныя, посеребренныя украше-

нія, хрустальныя и сердоликовыя бусы, а въ нѣкоторыхъ—подвѣски, шейныя гривны, ожерелья, бронзовые браслеты, перстни и кольца; въ двухъ случаяхъ обнаружены желѣзные крупные ножи, похожіе на кинжалы. Въ ногахъ костяковъ находили по глиняному горшку тѣхъ же размѣровъ и формы, какіе встрѣчались и при мужскихъ погребеніяхъ. Время образованія этихъ кургановъ, по словамъ «Правительственнаго Вѣстника», относятъ къ XI или началу XII столѣтій, что, въ связи съ могильнымъ инвентаремъ и отчасти антропологическими особенностями костяковъ, позволяетъ со значительною вѣроятностью отнести ихъ къ славянскимъ.

Клады Стеньки Разина. Въ прошломъ году г. Ящеровъ, имѣя въ рукахъ какое-то рукописное сказаніе, собирался разыскивать болѣе чѣмъ сорокъ кладовъ, зарытыхъ, будто бы, Стенькою Разинымъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. По словамъ «Волгаря», г. Ящеровъ уже заручился разрѣшеніемъ императорской археологической комиссіи начать на свой рискъ и страхъ раскопки для отысканія кладовъ, но въ Петербургѣ ему поставили условіемъ, чтобы роскопки велись подъ непосредственнымъ фактическимъ наблюденіемъ и отвѣтственностью нижегородской архивной комиссіи, которая должна слѣдить, чтобы г. Ящеровъ въ поискахъ кладовъ не касался предметовъ, составляющихъ научную цѣнность, какъ-то: кургановъ, могильниковъ, древнихъ построекъ и вообще памятниковъ старины. Въ виду этого г. Ящеровъ обратился къ нижегородской архивной комиссіи съ просьбой исполнить предписаніе императорской археологической комиссіи. Но комиссія отнеслась къ кладоискательству г. Ящерова съ большимъ скептицизмомъ, и большинство ея членовъ высказалось противъ того, чтобы «поставить фирму комиссіи на предпріятіи г. Ящерова», не препятствуя ему, однако, дѣйствовать на свой страхъ и рискъ. Такимъ образомъ г. Ящеровъ послѣ трехлѣтнихъ хлопотъ получилъ разрѣшеніе на раскопки, и однако же лишенъ возможности имъ воспользоваться вслѣдствіе равнодушія комиссіи къ его начинаніямъ.

Юбилей Ѳ. И. Колесова. Право на общественное вниманіе и признательность имѣютъ, конечно, не только лица съ выдающимся общественнымъ и административнымъ положеніемъ, но и тѣ рядовые труженики, которые незамѣтно для глаза трудолюбиво прядутъ нить повседневной жизни и честно отправляютъ свои скромныя обязанности. Къ числу такихъ работниковъ принадлежитъ одинъ изъ популярныхъ людей Петербурга, Ѳедоръ Ивановичъ Колесовъ, положившій 50 лѣтъ своей жизни на служеніе книжному дѣлу нашего отечества. Начавъ еще 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ службу въ книжномъ магазинѣ Исакова, г. Колесовъ пробылъ здѣсь около 23 лѣтъ, и былъ командированъ Исаковымъ въ видѣ «поощренія» и въ дѣловыхъ цѣляхъ въ наиболѣе крупные центры умственной европейской жизни; послѣ этого онъ открылъ собственную торговлю, коей и занимался въ теченіе десяти лѣтъ. Но судьба не улыбнулась ему въ этомъ случаѣ, и вскорѣ г. Колесовъ обратился снова изъ независимаго и полноправнаго хозяина дѣла въ человѣка подчиненнаго, поступивъ управляющимъ въ извѣстный книжный магазинъ М. О. Вольфа въ Гостиномъ дворѣ. Проработавъ здѣсь 23 лѣтъ, г. Колесовъ былъ приглашенъ А. С. Суворинымъ для упорядоченія обширной торговли и книжнаго издательства его магазиновъ

«Новаго Времени» въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціальныхъ отдѣленіяхъ. За книжнымъ прилавкомъ магазина «Новаго Времени», на углу Невскаго и Михайловской улицы, и застаетъ 50-ти-лѣтіе книжной службы г. Колесова уже сильно постарѣвшимъ, часто недомогающимъ, но все еще горячо любящимъ избранное дѣло и отдающимъ ему все свое время отъ ранняго утра до поздняго вечера. Милліоны книжныхъ корешковъ, переплетовъ, названій сочиненій—вотъ тѣ лучшія воспоминанія, которыя 31 іюля настоящій года,—день юбилея г. Колесова,—оживутъ въ его памяти и напомнятъ ему о многочисленныхъ любопытныхъ знакомствахъ, встрѣчахъ и литературныхъ отношеніяхъ, длинной и пестрой вереницей промелькнувшихъ передъ нимъ за это долгое время. Одинъ изъ старѣйшихъ гражданъ столицы, стоящихъ бодро и понынѣ у избраннаго дѣла, г. Колесовъ представляетъ собою воистину живое справочное литературное пособіе для публики и лицъ, причастныхъ литературѣ. Обладая обширною памятью, начитанностью и освѣдомленностью по части издательскаго дѣла, онъ охотно дѣлится съ людьми, къ нему обращающимися, своимъ знаніями, опытомъ и наблюденіями. Этимъ въ значительной степени и объясняется то обстоятельство, что около г. Колесова въ магазинѣ вы всегда найдете кого нибудь, забѣжавшаго на перепутьи побесѣдовать и посовѣтоваться съ патріархомъ книжной торговли. Къ нему чрезвычайно подходятъ стихи, сказанные А. Измайловымъ издателю Смирдину, съ коимъ, къ слову сказать, у г. Колесова много общаго по его любви къ литературѣ и писательскому міру,—

«... Когда къ вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у васъ найдешь,
И въ умной дружеской бесѣдѣ
Забудешь иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ».

Но за дружескою бесѣдой г. Колесовъ никогда не забываетъ своего главнаго дѣла. Онъ зорко слѣдитъ за движеніемъ въ магазинѣ, и озабоченный покупатель, не могущій найти или вспомнить названія нужнаго ему изданія, вскорѣ оказывается вырученнымъ г. Колесовымъ, считающимъ для себя положительно немыслимымъ выпустить покупателя изъ магазина съ пустыми руками. Эта близость завѣдывающаго торговлей магазина съ публикой чрезвычайно характерна и могла бы для наблюдательнаго беллетриста послужить не одною темой для живого очерка столичной бытовой жизни. Предупредительность, изысканная вѣжливость обращенія, съ сохраненіемъ полнаго собственнаго достоинства, способность прійти удачно на помощь замѣшкавшейся памяти—вотъ та притягательная сила г. Колесова, которая такъ охотно шлетъ къ нему въ магазинъ съ бойкой улицы публику и которая побуждаетъ и элегантную даму, и сановника, и представителей учащаго и учащагося міра, а также міра писательскаго, дружески пожимать руку добродушнаго и всегда привѣтливаго старика, спѣшащаго на встрѣчу своему покупателю и посѣтителю. Привѣтствуя въ настоящіе дни патріарха русскаго книжно-торговаго дѣла съ исполнившимся его 50-ти-лѣтіемъ общественной службы, редакція «Историческаго Вѣстника» отъ души желаетъ г. Колесову силъ и здоровья на продолженіе его излюбленнаго дѣла, въ полномъ убѣжденіи, что его скромные труды идутъ дѣйствительно

на пользу общую и даютъ подростающему поколѣнію работниковъ въ той же области достойный и благой примѣръ подражанія.

† **Архимандритъ Пименъ.** 9-го (21-го) іюня въ Римѣ скончался настоятель русской посольской церкви архимандритъ Пименъ, въ міру Дмитрій Дмитріевичъ Благово. Покойный принадлежалъ къ старинной дворянской семьѣ, свѣдѣнія о членахъ которой восходятъ къ XV вѣку. Родился онъ 25 сентября 1827 г. въ Москвѣ и тамъ же, рано потерявъ отца, получилъ первоначальное домашнее образованіе подъ руководствомъ своей матери, урожденной Яньковой, затѣмъ въ 1845 г. поступилъ на юридическій факультетъ университета и окончилъ въ 1849 г. курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Поступивъ тогда же на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора (А. А. Закревскаго), онъ съ 1859 г. состоялъ почетнымъ директоромъ богоугодныхъ заведеній въ городѣ Дмитровѣ, Московской губерніи. Послѣ восемнадцатилѣтнихъ служебныхъ и учено-литературныхъ занятій въ кругу свѣтскаго общества, Д. Д. Благово въ 1867 году поступилъ послушникомъ въ подмосковный Николо-Угрѣшскій монастырь и тринадцать лѣтъ несъ послушаніе при знаменитомъ тамошнемъ архимандритѣ Пименѣ, а послѣ кончины его въ 1880 году перешелъ въ Толгскій монастырь, близъ Ярославля, и тамъ постригся въ иночество, съ именемъ Пимена въ память своего покойнаго наставника и руководителя. Затѣмъ, рукоположенный въ іеромонаха (1882 года) и возведенный въ санъ архимандрита (1884 г.), онъ былъ назначенъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Римѣ. Еще студентомъ покойный началъ писать стихи (въ видѣ переложеній псалмовъ и многихъ мѣстъ изъ Евангелія), которые позже вышли отдѣльными изданіями, какъ, напримѣръ, «Духовныя стихотворенія» (М., 1875 г.) и «Инокъ», поэма (М., 1874 г.). Съ другой стороны, интересуясь прошлымъ, старымъ временемъ, покойный съ особеннымъ стараніемъ, въ 1853—1855 годахъ, записывалъ разсказы своей престарѣлой бабушки—Елизаветы Петровны Яньковой (род. 24 марта 1768 года † 3 марта 1861 г.), живо хранившей въ памяти исторію нѣсколькихъ поколѣній своихъ предковъ и другихъ старинныхъ дворянскихъ родовъ. Эти записи, заключающія въ себѣ любопытныя подробности русскаго дворянскаго быта, съ эпохи Петра Великаго до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, потомъ были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1878 г., кн. 3—5, 7—8; 1879 г., кн. 7, 10; 1880 г., кн. 4 и 7) и изданы отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Разсказы бабушки» (изъ воспоминаній пяти поколѣній), записанные и собранные ея внукомъ (Спб., 1885 г., 461+30 стр., съ портретомъ). Затѣмъ, и во время пребыванія въ монастырѣ покойный не прерывалъ своихъ духовно-историческихъ трудовъ, къ которымъ относились: «О значеніи монашества въ исторіи Россіи» (Спб., 1869 г.), «Историческій очеркъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря» (М., 1872 г.), «Письма іеросхимонаха Сергія Святогорца» («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей», 1874 г., кн. 1), «Письма Иннокентія, епископа Пензенскаго» (1874 г., кн. 4), «Дворцовое село Островъ» (1875 г., кн. 1), «Письма Игнатія, епископа Кавказскаго» (1875 г., кн. 2), «Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію» (1875 г., кн. 4; 1876 г., кн. 1), «Письма Леонида, архіепископа ярославскаго» (1877 г., кн. 1), «Сказаніе о житіи и

подвигахъ Августина, епископа иппонійскаго» (М., 1876 г.), «Воспоминанія архимандрита Пимена, настоятеля Угрѣшскаго монастыря» (М., 1877 г., 416 стр.), «Письма архимандрита Фотія къ графинѣ А. А. Орловой» («Русскій Архивъ», 1878 г., кн. 2), «Некрологъ архимандрита Пимена» («Московскія Вѣдомости», 1880 г., № 231) и «Архимандритъ Пименъ, настоятель Николо-Угрѣшскаго монастыря», біографическій очеркъ («Русскій Вѣстникъ», 1880 г., кн. 12; 1881 г., кн, 10 и 12; 1882 г., кн. 3, 6, 9 и 11; 1883 г., кн. 4, 7, 8, и отдѣльно: М., 1883 г., 517 стр.). Наконецъ, въ послѣдніе годы пребыванія въ Россіи покойный напечаталъ нѣсколько проповѣдей, брошюры: «Угрѣша» (М., 1881 г.), «Ярославскій Толгскій монастырь» (М., 1883 г.) и «Старецъ Іовъ» (М., 1884 г.), а за границей, продолжая вести давно начатыя записки, собиралъ матеріалы для исторіи отношеній католицизма къ православію. Изъ воспоминаній своихъ покойный успѣлъ закончить только первыя двѣ главы, гдѣ рѣчь идетъ о дѣтствѣ автобіографа. Получивъ дома многостороннее образованіе и хорошо владѣя языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и впослѣдствіи итальянскимъ, архимандритъ Пименъ съ юныхъ лѣтъ любилъ книги и былъ весьма знающимъ библіофиломъ и библіографомъ. Въ его подмосковномъ имѣніи, Горкахъ, была обширная библіотека, основаніе которой положено его прадѣдомъ Александр. Данил. Яньковымъ. Въ Римѣ онъ собралъ себѣ цѣнную библіотеку, главнымъ образомъ по исторіи и литературѣ. Въ послѣднее время при его посредствѣ пріобрѣтались весьма рѣдкія изданія и для русскаго института въ Константинополѣ и нѣкоторыми отдѣльными русскими учеными. Нѣсколько купленныхъ имъ книгъ онъ принесъ въ даръ императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. («Московскія Вѣдомости» № 166, «Новое Время» № 7655, «Волжскій Вѣстникъ»).

† **Н. А. Головкинскій.** Въ Алуштѣ 9-го іюня скончался извѣстный русскій геологъ, профессоръ Николай Алексѣевичъ Головкинскій. Н. А. родился въ 1834 году, въ Казанской губерніи, первоначальное образованіе получилъ въ пансіонѣ Вруна, затѣмъ въ казанской гимназіи и университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1861 году по физико-математическому факультету со степенью кандидата за сочиненіе «О кремнекислыхъ соединеніяхъ». Поступивъ въ военную службу, Н. А. черезъ годъ вышелъ въ отставку офицеромъ и 10-го іюня 1862 года былъ командированъ на два года за границу для занятій минералогіей и геогнозіей. Возвратившись изъ командировки, Н. А. поступилъ приватъ-доцентомъ по этимъ предметамъ въ Казанскій университетъ; по защитѣ, въ 1865 году, магистерской диссертаціи («О послѣтретичныхъ образованіяхъ по Волгѣ, въ ея среднемъ теченіи», въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета», 1869 г.), сдѣлался штатнымъ доцентомъ; по защитѣ докторской диссертаціи («О пермской формаціи въ центральной части волжско-камскаго бассейна», въ «Матеріалахъ для геологіи Россіи», 1869 года), избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а съ 30-го декабря 1869 года состоялъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ геологіи тамъ же. Въ 1871 году Н. А. перешелъ на каѳедру геологіи въ Новороссійскій университетъ, гдѣ съ 1877 по 1881 годъ занималъ должность ректора. За выслугой 25-ти лѣтъ оставилъ службу въ университетѣ 1-го мая 1886 года и съ тѣхъ поръ жилъ

въ Крыму и занимался гидро-геологическими изслѣдованіями въ Таврической губерніи, состоя на службѣ гидро-геологомъ у таврическаго земства. Въ бытность въ Новороссійскомъ университетѣ Н. А. преподавалъ минералогію. Изъ отдѣльно напечатанныхъ трудовъ Н. А. назовемъ: «О послѣ-третичныхъ образованіяхъ по Волгѣ» (магистрская диссертація, 1865); «Геологическія наблюденія въ полосѣ каменно-угольной формаціи на западномъ склонѣ Уральскихъ горъ»(Спб.,1870); «Гидро-геологическія изслѣдованія въ Таврической губерніи» (Симферополь, 1887 — 1892 г.г.). Къ послѣднему роду работъ относятся и его статьи: «Щелочно-желѣзныя воды близъ г. Курска» («Труды харьковскаго общества естествоиспытателей», 1891 г.г.), «Артезіанскіе колодцы Таврической губерніи» («Новороссійскій Календарь» на 1891 годъ). Кромѣ того, много ученыхъ трудовъ Н. А. разсѣяно по спеціальнымъ изданіямъ, въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета» (1861 и 1870 годовъ), въ «Матеріалахъ для геологіи Россіи» (1869), въ «Трудахъ перваго съѣзда естествоиспытателей» (1868), въ «Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія» (1874), въ «Запискахъ новороссійскаго общества естествоиспытателей» (1883) и пр. («Нов.», № 160).

† **М. А. Шишковъ.** Во Франціи, въ La Seyne sur mer, близъ Тулона, скончался, послѣ продолжительной болѣзни, одинъ изъ выдающихся русскихъ художниковъ, профессоръ декоративной живописи Матвѣй Андреевичъ Шишковъ. Имя покойнаго, какъ автора оригинальныхъ и образцовыхъ въ художественномъ отношеніи работъ, пользовалось почетною извѣстностью. Немногіе изъ крупныхъ нашихъ живописцевъ могли соперничать съ нимъ въ знаніи перспективы, и никто изъ русскихъ художниковъ раньше М. А. Шишкова не примѣнялъ такъ широко и мастерски древне-русскій архитектурный стиль къ живописи. Покойному принадлежитъ также не малая заслуга основанія самостоятельной школы декораціонныхъ живописцевъ. Онъ обратился въ 1876 году въ совѣтъ Императорской академіи художествъ съ предложеніемъ безвозмездно преподавать декоративную живопись ученикамъ академіи и черезъ два года былъ уже приглашенъ академіей руководить вновь открытымъ классомъ декоративной живописи. Результаты заботъ М. А. объ этомъ классѣ уже выказались осязательнымъ образомъ: нѣсколько его учениковъ заявили себя дѣйствительно художественными работами для русской сцены. Покойный родился въ Москвѣ въ 1832 году, художественное образованіе получилъ въ Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія. Будучи восемнадцатилѣтнимъ юношей, онъ началъ свою художественную карьеру при театрахъ, работая первое время подъ руководствомъ Шеньяна. Талантъ покойнаго выдвинулъ его изъ среды сотоварищей по художественному творчеству, и онъ вскорѣ началъ уже работать въ качествѣ самостоятельнаго декоратора, организовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ небольшую школу для подготовленія учениковъ къ декоративному искусству. Когда состоялось открытіе Большого театра въ Москвѣ, М. А. получилъ заказъ написать нѣсколько декорацій. Съ 1857 года дѣятельность покойнаго сосредоточилась преимущественно въ Петербургѣ. Здѣсь онъ принялъ въ первое же время большое участіе по своей спеціальности при перестройкѣ Маріинскаго и Михайловскаго театровъ. Однѣми изъ самыхъ значительныхъ работъ Шишкова въ это время были превосходныя декораціи для

драмы графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго». Въ нихъ вполнѣ выразился и тотъ настоящій русскій стиль, разработкѣ котораго въ примѣненіи къ декоративной живописи посвятилъ себя покойный, и та историческая достовѣрность, которую онъ всегда старался соблюдать во всѣхъ своихъ декораціяхъ для русскихъ драмъ и трагедій. Ему первому посчастливилось соблюсти въ декоративной обстановкѣ возможно точную историческую достовѣрность—задача нелегкая для того времени, когда у насъ разработанныхъ матеріаловъ по памятникамъ отечественной старины было ничтожное, чтобъ не сказать болѣе, количество. Для достиженія успѣха въ данномъ случаѣ М. А. приходилось самому отыскивать и собирать этотъ археологическій матеріалъ и изучать сохранившіеся археологическіе памятники. Затѣмъ выдающимся фактомъ петербургской дѣятельности покойнаго явилось исполненіе декорацій для Красносельскаго театра. Въ 1869 году академія художествъ признала его академикомъ. Въ это время имъ были уже написаны декораціи для 27 пьесъ, дававшихся въ различныхъ театрахъ, балетовъ: «Дріада», «Ливанская красавица», «Конекъ Горбунокъ», «Царь Кандавлъ»; оперъ: «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила», «Русалка», «Юдиоь», «Аскольдова могила», «Наташа», «Лоэнгринъ», «Нижегородцы», «Пуритане», «Невѣста-лунатикъ», «Страделла», «Марта», «Соперницы», «Рогнѣда» и «Гроза», драматическія: «Воевода», «Борисъ Годуновъ», «Смерть Грознаго», «Василиса Мелентьева» и «Матери-соперницы». Съ каждымъ годомъ дѣятельность М. А. все болѣе расширялась, и бывали годы, когда имъ исполнялись декораціи для пяти-шести самыхъ разнохарактерныхъ пьесъ. Онъ любилъ сцену, и, можно смѣло сказать, вложилъ для ея украшенія множество труда, знаній и таланта. Онъ такъ много написалъ декорацій, что перечисленіе пьесъ напоминало бы репертуаръ за нѣсколько лѣтъ самыхъ выдающихся пьесъ русской оперы, балета и драмы. Имъ написаны, напримѣръ, новыя декораціи оперъ «Нижегородцы», «Русалка», «Купецъ Калашниковъ», «Жизнь за Царя», «Фаустъ», «Русланъ и Людмила», «Рогнѣда», «Мазепа», «Орлеанская дѣва», «Отелло», балетовъ—«Талисманъ», «Весталка», «Дочь снѣговъ», «Бабочка», драмы—«Власть тьмы», комедіи—«Горе отъ ума», драмы—«Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока» и пр. и пр. Въ послѣдніе годы покойный часто хворалъ, тѣмъ не менѣе не переставалъ дѣятельно работать по декоративной живописи, и какъ непосредственный исполнитель, и какъ руководитель. («Нов. Вр.», № 7653; «Нов.», № 167).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Варшавскія древности.

Не разъ приходилось автору настоящихъ строкъ и другимъ почитателямъ старины, на страницахъ настоящаго изданія и въ другихъ органахъ печати, указывать на безцеремонное отношеніе къ памятникамъ древности.

Не лучше у насъ и отношенія къ памятникамъ искусства.

Возьмемъ хотя бы Варшаву, городъ, благоустройство котораго вообще— внѣ всякаго сомнѣнія.

На одной изъ ея площадей—Красинской, возвышается великолѣпное зданіе судебной палаты. Ранѣе оно составляло собственность графовъ Красинскихъ (pałac Krasinskich), и тутъ помѣщался сенатъ. Воздвигнулъ зданіе въ 1677 г., по плану Іосифа Беллото изъ Милана, Янъ-Бонавентура Красинскій (герба Слѣповронъ), воевода сначала мазовецкій, а послѣ плоцкій, который даже нарочно выписалъ изъ-за границы рабочихъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія зданіе пострадало отъ пожара и въ 1781 г. было вновь отстроено не менѣе славнымъ зодчимъ, Доминикомъ Мерлини изъ Бресчіи, и оставалось въ неприкосновенномъ видѣ до нашего времени. Въ 1876 г. его передѣлали. Наружнаго вида, правда, не измѣнили, хотя и окрашивали зданіе въ разные «казенные» цвѣта. Зато воздрузили на крышѣ высочайшія и безобразнѣйшія вентиляціонныя трубы, что̀ придало храму Ѳемиды видъ какой-то фабрики. Конечно, вентиляція вещь хорошая и о чистотѣ воздуха слѣдуетъ всегда заботиться, но только зачѣмъ же приносить ей въ жертву искусство, когда въ наше время — вѣкъ всевозможныхъ изобрѣтеній и открытій — и безъ этой жертвы можно было обойтись.

На Медовой улицѣ находится зданіе окружнаго суда, бывшій дворецъ Паца (pałac Paca), замѣчательное, между прочимъ, барельефомъ надъ двойными воротами, въ нишѣ, представляющимъ римскаго консула Тита Фламинина на истмійскихъ играхъ въ Коринѳѣ [1])... И что же? — на крышѣ опять саженныя фабричныя трубы!

На углу Краковскаго предмѣстья и Новаго Свѣта, vis-à-vis памятника Копернику (работы Торвальдсена), нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоялъ превосходной архитектуры домъ, построенный въ 1820 г. знаменитымъ филантропомъ и государственнымъ человѣкомъ Сташицемъ (pałac Staszica) для «общества друзей наукъ» (Towarzystwo przyjaciół nauk) [2]). Въ настоящее время отъ прекраснаго фасада (которымъ даже иностранцы любовались), выходившаго къ памятнику, не осталось и слѣда... Весь домъ обезображенъ надстройками и пристройками въ псевдо-русскомъ стилѣ. Вышло что-то громоздкое и неуклюжее, напоминающее собою московскій историческій музей (у Иверской)... И такое варварство совершено во имя якобы патріотизма: въ саду, примыкающемъ къ палацу Сташица, находилась «московская часовня» (capella moschovitica), воздвигнутая въ XVII столѣтіи надъ мѣстомъ временнаго погребенія царя Вас. Ив. Шуйскаго съ братомъ (Димитріемъ) и невѣсткою [3]).

[1]) Titus Quinctius Flamininus, римскій консулъ, въ 198 г. до Р. Х. разбилъ македонскаго царя Филиппа и принудилъ македонянъ признать независимость Греціи; это извѣстіе онъ сообщилъ на истмійскихъ играхъ и возбудилъ восторгъ въ недальновидныхъ эллинахъ, не понимавшихъ политики Рима, желавшаго только раздѣлить своихъ враговъ.

[2]) Послѣ 1831 г. здѣсь помѣщалось «лоттерейное управленіе», съ 1856 г. хирургическая академія, а съ 1863 г. помѣщается I гимназія.

[3]) Этой часовнѣ, сохранившейся въ ужасномъ видѣ до настоящаго времени, мы надѣемся въ недалекомъ будущемъ посвятить особую замѣтку и дать снимокъ съ разрушеннаго памятника. Г. В.

Въ заключеніе не могу не сказать нѣсколькихъ словъ и по поводу строящагося на Саксонской площади собора.

Ужъ если встрѣчалась дѣйствительная необходимость въ постройкѣ въ Варшавѣ новаго собора, то надо было построить зданіе изящное, достойное и той религіи, во имя которой оно воздвигается, и того города, для котораго оно предназначается... Между тѣмъ, стоитъ только взглянуть на проектъ (опубликованный во многихъ русскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ), по которому строится храмъ, чтобы убѣдиться, что въ проектѣ этомъ есть все, кромѣ красоты и изящества... Г. А. В—въ.

II.

Къ свѣдѣнію г. подписчика № 7.495.

Мы получили отъ лица, подписавшагося «подписчикъ № 7.495», письмо слѣдующаго содержанія:

«Уважаемый г. редакторъ! Къ сожалѣнію, мнѣ не приходилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника» читать очерка касательно устроенія храма Спасителя въ Москвѣ. Особенно въ этомъ отношеніи интересно было бы изслѣдованіе относительно проекта Александра Лаврентьевича Витберга, на которомъ отразилось мистическое направленіе эпохи. Быть можетъ вы соблаговолите дать указаніе, не печаталось ли чего нибудь въ «Историческомъ Вѣстникѣ» объ этомъ предметѣ за прошлые годы. Если же ничего подобнаго не было, то позвольте вамъ заявить не только отъ своего имени, но и отъ лица нѣкоторыхъ другихъ подписчиковъ вашего прекраснаго изданія, о желаніи видѣть на его страницахъ обстоятельный очеркъ по данному предмету, по возможности съ иллюстраціями».

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности исполнить желаніе г. подписчика № 7.495 и лицъ, уполномочившихъ его сдѣлать настоящее заявленіе, по той причинѣ, что мы не имѣемъ никакихъ новыхъ матеріаловъ объ А. Л. Витбергѣ и его дѣятельности, и намъ пришлось бы перепечатывать то, что уже обнародовано раньше въ такомъ распространенномъ изданіи, какъ «Русская Старина». Мы можемъ только указать здѣсь на печатные источники, касающіеся даннаго вопроса:

1) Записки академика А. Л. Витберга, записанныя съ его словъ А. И. Герценомъ въ Вяткѣ и сообщенныя Т. П. Пассекъ. «Русская Старина», 1872 года, томъ V.

2) А. Л. Витбергъ, его автобіографія и переписка съ А. И. Герценомъ. «Русская Старина», 1876 года, томъ XVII.

3) Академикъ А. Л. Витбергъ. Замѣтка о немъ Н. В. Берга. «Русская Старина», 1872 года, томъ VI.

4) Портретъ А. Л. Витберга, гравированный Герасимовымъ. «Русская Старина», 1872 года, томъ V.

5) Рисунокъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Проектъ академика Витберга 1817 года, гравированный съ рисунковъ, доставленныхъ Ѳ. А. Витбергомъ и

художникомъ Ибердусовымъ, академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. «Русская Старина», 1872 года, томъ V.

Къ этому можемъ прибавить, что въ четвертомъ томѣ издаваемаго А. С. Суворинымъ сочиненія Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе» (этотъ четвертый томъ выйдетъ въ декабрѣ мѣсяцѣ) будутъ помѣщены: портретъ А. Л. Витберга и точныя копіи съ двухъ проектовъ его храма Спасителя въ Москвѣ, сдѣланныя съ подлинниковъ, принадлежащихъ его сыну.

я вспомнилъ объ этомъ, услыхавъ шумъ и говоръ въ его аллеяхъ, въ которыхъ я такъ часто игралъ въ дѣтствѣ. Близъ этой дачи находилось послѣднее земляное укрѣпленіе, которое мнѣ нужно было осмотрѣть; и, сдѣлавъ это, я вернулся на большую дорогу. Но тамъ, передъ домомъ, стояла шеренга солдатъ, и, боясь столкновенія съ ними, я сталъ пробираться задворками, гдѣ стояла большая толпа горожанъ, наслаждавшаяся издали прекраснымъ оркестромъ гессенцевъ.

Эта музыка, иллюминація и веселыя, нарядныя группы посѣтителей праздника такъ заинтересовали меня, что я мало-по-малу подвигался все впередъ и наконецъ очутился въ темной аллеѣ, подъ самыми окнами бальной залы. Я взлѣзъ на сосѣднюю скамейку и, скрытый густыми вѣтвями деревьевъ, сталъ смотрѣть въ большое открытое окно.

Представившееся мнѣ зрѣлище было поразительное: стѣны зала были увѣшаны зеркалами и задрапированы флагами. Маленькіе негры, въ бѣлыхъ костюмахъ и съ тюрбанами на головахъ, разносили сласти и напитки. Дамы ослѣпляли глаза своими великолѣпными нарядами и необыкновенными прическами съ громадными перьями, а мужчины сверкали мундирами всевозможныхъ цвѣтовъ, золотыми эполетами, орденами и т. д. Я находился такъ близко къ танцующимъ, что легко могъ распознать многихъ изъ лицъ, танцовавшихъ въ эту минуту менуэтъ. Серъ Вильямъ Гове танцовалъ съ миссъ Редманъ, и меня тотчасъ поразило его сходство съ Вашингтономъ, но только лицо его не выражало достойнаго спокойствія нашего генерала, а напротивъ дышало какимъ-то тревожнымъ недовольствомъ. Невдалекѣ полковникъ Тарльтонъ отвѣшивалъ низкіе поклоны миссъ Бониъ, а миссъ Франксъ граціозно присѣдала передъ лордомъ Каткартомъ. Но вдругъ въ глазахъ у меня помутилось, и я увидалъ Дартею.

Она шла подъ руку съ Андрэ, а за ней слѣдовали Монтрезоръ и Артуръ Винъ. Кровь прилила мнѣ къ головѣ отъ порыва любви и мести. Но черезъ минуту я пересилилъ свое волненіе и сказалъ себѣ, что не имѣю права находиться тутъ, а долженъ вернуться туда, куда призывалъ меня долгъ.

Я только что хотѣлъ соскочить со скамейки и выбраться изъ сада, всѣ закоулки котораго были мнѣ прекрасно знакомы, какъ вдругъ музыка умолкла, двери изъ зала отворились въ садъ, и веселая толпа мужчинъ и женщинъ хлынула въ аллею, чтобы насладиться зрѣлищемъ великолѣпнаго фейерверка.

Въ одно мгновеніе я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и старательно закрылся вѣтвями деревьевъ, хорошо понимая, что если бы меня поймали, какъ шпіона, то меня ожидала самая позорная участь.

Первый голосъ, который я услышалъ, принадлежалъ Андрэ. Онъ говорилъ Дартеѣ:

— Какой прекрасный праздникъ, и какъ генералъ долженъ быть очень доволенъ! Я все это опишу лондонскимъ друзьямъ. Но, миссъ Пенистонъ, какъ мнѣ нарисовать портреты нашихъ прекрасныхъ дамъ?

— И ихъ нарядовъ,—прибавила Дартея.

— Мнѣ придется просить для этого помощи у дамъ, но какъ вы думаете, Винъ, возьмутся ли онѣ за это дѣло?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Артуръ,—дамы на это не годятся: онѣ не отдадутъ справедливости другъ другу. Напримѣръ, которая изъ нихъ нарисуетъ похожій портретъ красавицы миссъ Франксъ?

— Да, вы правы,—отвѣчала Дартея,—лучше поручить это дѣло мужчинѣ. Вотъ, напримѣръ, Оливеръ Лянсей не пропуститъ ни одной черты ея красоты.

— А кто же будетъ вашимъ портретистомъ?—спросилъ Винъ.

— Я предлагаю свои услуги,—сказалъ Андрэ.

— Нѣтъ, я предпочту офицера мятежной арміи,—возразила Дартея.—Имъ задалъ такого трезвона сэръ Вильямъ, что каждая женщина покажется этимъ голодающимъ бѣднякамъ небесною красавицей.

Андрэ засмѣялся, но не искренно, а Винъ ничего не отвѣчалъ.

— Да, вы правы, нашъ генералъ хорошо потрепалъ колонистовъ.

— Отчего вы не говорите: мятежниковъ?—перебилъ его Винъ.

— Я всегда избѣгаю этого слова. Оно только обостряетъ и то уже непріятныя отношенія. Но гдѣ же фейерверкъ?

— Вы, должно быть, устали, миссъ Пенистонъ?—сказалъ Артуръ:— здѣсь гдѣ-то должна быть скамейка.

Я едва успѣлъ соскочить съ этой скамейки, какъ къ ней подошелъ Артуръ, и свѣтъ изъ окна прямо упалъ на мою фигуру.

— Милосердное небо!—воскликнулъ мой родственникъ, схвативъ меня за горло,—скорѣй сюда, Андрэ! Это шпіонъ!

— Помогите, помогите! мнѣ дурно!—промолвила Дартея, и голова ея опустилась на плечо Артура.

— Боже мой, Дартея!—воскликнулъ онъ и, поддерживая ее, выпустилъ меня изъ рукъ.

Я отскочилъ въ кусты и бросился бѣжать. По дорогѣ мнѣ попался какой-то старый офицеръ, и я сбилъ его съ ногъ. За мной слышались крики:

— Держите шпіона, вора!

Но въ эту минуту раздался сильный трескъ, ракеты взвились на воздухъ, толпа устремилась къ тому мѣсту, гдѣ былъ устроенъ фейерверкъ.

Пользуясь смятеніемъ, я вмѣшался въ толпу и, проникнувъ сквозь ее, пустился бѣжать черезъ поля и долы. За мной слышались выстрѣлы, но погони не было, вѣроятно, потому, что слѣдъ мой исчезъ среди толпы.

Пробѣжавъ около мили, я сѣлъ подъ изгородью, чтобы отдохнуть и обдумать все случившееся. Вспоминая, съ какою дикою радостью Артуръ схватилъ меня за горло, я не могъ не признать, что непремѣнно погибъ бы, если бы Дартея не упала въ обморокъ. Но дѣйствительно ли сдѣлалось ей дурно при видѣ, что меня схватили, какъ шпіона, или она сдѣлала это нарочно, чтобы спасти меня? Конечно, послѣднее предположеніе было мнѣ пріятнѣе, и я остановился на немъ. Размышляя подобнымъ образомъ, я смотрѣлъ съ удивленіемъ на зарево, поднявшееся надъ городомъ, и которое, конечно, не могло быть отъ фейерверка. Какъ бы то ни было, мнѣ необходимо было скорѣе выбраться изъ англійской линіи, а потому я прямо направился къ мосту, устроенному Монтреворомъ, и, разсчитывая на защиту своего квакерскаго костюма, спокойно перешелъ его и, остановившись передъ дежурнымъ сержантомъ, спросилъ, что̀ означало зарево. Онъ отвѣчалъ, что въ городѣ была тревога, но по какому случаю, онъ не зналъ.

Впослѣдствіи Макленъ мнѣ разсказалъ, что онъ съ сотней своихъ молодцовъ пробрался къ англійскимъ укрѣпленіямъ, смазалъ дегтемъ, горшокъ котораго находился у каждаго изъ нихъ, фашины и зажегъ ихъ, а затѣмъ ретировался. По его словамъ, онъ никогда не видывалъ такой потѣхи, и въ рядахъ англичанъ произошла ужасная паника. Придя въ себя отъ страха, они стали преслѣдовать смѣлаго партизана, но онъ заманилъ ихъ въ лѣсъ, а потомъ, съ помощью подоспѣвшаго къ нему подкрѣпленія, обратилъ ихъ въ бѣгство и преслѣдовалъ до самыхъ укрѣпленій.

Онъ былъ очень доволенъ своею выходкой и надѣялся, что торійскимъ дамамъ понравился устроенный имъ фейерверкъ. Во всякомъ случаѣ, я былъ обязанъ ему своимъ спасеніемъ, такъ какъ иначе меня непремѣнно преслѣдовали бы и, по всей вѣроятности, взяли бы въ плѣнъ.

Но все это я узналъ потомъ, а въ то время думалъ только о скорѣйшемъ способѣ достигнуть нашей арміи. Спустя часъ, я былъ уже на кузницѣ моего стараго хозяина, который меня пріютилъ на ночь, а на слѣдующій день, 13-го мая, вернулся въ лагерь Вашингтона. Прежде всего я составилъ обстоятельный отчетъ объ исполненіи даннаго мнѣ порученія, а Джакъ, умѣвшій чертить планы, набросалъ по моему указанію планъ англійскихъ фортовъ и укрѣпленій. По окончаніи этой двойной работы, я отвезъ ее въ главную квартиру и на слѣдующее утро получилъ собственноручное письмо Вашингтона:

«Сэръ, невозможно въ приказѣ упомянуть о той услугѣ, которую вы оказали, и къ тому же оно могло бы подвергнуть васъ опасности, если бы вы снова попались въ руки непріятеля. Хотя я и прежде былъ убѣжденъ въ вашихъ достоинствахъ, и не требовалось новаго ихъ доказательства, но никто болѣе меня не цѣ-

нить вашего геройскаго поступка и не испытываетъ такой радости, какъ я, въ виду вашего освобожденія отъ всѣхъ опасностей. Я имѣю честь остаться вашимъ покорнымъ слугой.

«Генералъ Вашингтонъ».

«Поручику Гью Вину».

Прочитавъ это письмо, написанное спокойнымъ, твердымъ, неторопливымъ почеркомъ, я былъ такъ взволнованъ, что молча передалъ его Джаку. Ему показалось, что генералъ могъ меня болѣе вознаградить за мой подвигъ, но, признаюсь, это письмо было для меня дороже, чѣмъ даже патентъ капитана, если бы Вашингтонъ нашелъ возможнымъ дать мнѣ сразу два чина.

XXI.

Теплая весенняя погода и удовлетворительныя распоряженія по квартирмейстерской части генерала Грина распространили въ нашихъ рядахъ довольство и извѣстнаго рода комфортъ. У насъ появились въ избыткѣ хлѣбъ, мясо и даже ромъ. Солдаты и офицеры стали благоденствовать и въ свободныя минуты искали развлеченія въ различныхъ забавахъ. Напримѣръ, въ большомъ сараѣ устроили театръ, и на импровизованной сценѣ любители, въ числѣ которыхъ, конечно, я не былъ, сыграли пьесу, въ которой Джакъ Вордеръ исполнилъ дамскую роль съ громаднымъ успѣхомъ. Вашингтонъ съ женою и другими офицерскими дамами присутствовалъ на представленіи, и всѣ зрители были въ восторгѣ.

Уже поговаривали о постановкѣ второй пьесы, какъ получилось извѣстіе, что англичане собирались покинуть Филадельфію, а потому всѣ стали приготовляться ко вступленію въ городъ. Что касается меня, то я постоянно принималъ участіе въ набѣгахъ на англичанъ капитана Маклена, который не давалъ отдыха ни себѣ, ни солдатамъ своего отряда.

Вечеромъ 17 іюня я случайно встрѣтилъ капитана Гамильтона. Онъ ѣхалъ верхомъ и, остановившись подлѣ меня, сказалъ:

— Какъ всѣ ожидали, такъ и случилось: сэръ Генри Клинтонъ, замѣнившій Гове, покидаетъ Филадельфію и уже, вѣроятно, удалился въ Джерсей. Хотите поступить въ пѣхотный полкъ, если генералъ дастъ вамъ чинъ капитана?

— Да,—отвѣчалъ я поспѣшно.

— Однако вы рѣшительный человѣкъ, мистеръ Винъ, и не теряете времени на размышленія,—замѣтилъ Гамильтонъ.—Въ пѣхотѣ служить тяжелѣе, но зато больше славы.

Я вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе и къ тому же чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, а, перейдя въ пѣхоту, я могъ, кромѣ того, быть ближе къ Джаку.

Весь лагерь находился въ волненіи и радости. Дѣйствительно, сэръ Генри Клинтонъ перебрался чрезъ Делаваръ со всею своей артиллеріей и обозомъ; за нимъ послѣдовали всѣ торіи, которые боялись остаться въ городѣ, и, по слухамъ, ихъ число простиралось до трехъ тысячъ человѣкъ.

На разсвѣтѣ 18 мая отрядъ Маклена двинулся впередъ, и, проходя мимо Каштановой горы, я забѣжалъ къ теткѣ и объявилъ ей радостную вѣсть. Она пришла въ восторгъ и тотчасъ послѣдовала за нами. Мы неслись маршъ-маршемъ и не остановились въ Джермантаунѣ, гдѣ жители встрѣчали насъ съ криками радости. Въ Аркадной улицѣ мы накрыли одного молодого офицера, который, видимо, проспалъ и не успѣлъ присоединиться къ своей отступающей арміи. Немного далѣе мы наткнулись еще на двухъ такихъ офицеровъ, и всѣ они были взяты нами въ плѣнъ. Наконецъ, мы остановились, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, на Верхней улицѣ, и, войдя въ кофейню, потребовали пива.

Вскорѣ къ намъ присоединилась Виргинская бригада, и мы раскинули бивуакъ въ Центральномъ скверѣ. Всѣ улицы были полны народа. Испуганные лавочники уничтожали на своихъ вывѣскахъ королевскіе гербы, а оставшіеся въ городѣ торіи попрятались по домамъ.

Генералъ-маіоръ Арнольдъ былъ назначенъ комендантомъ Филадельфіи, такъ какъ тяжелая рана не дозволяла ему служить въ строю, и онъ занялъ большой, красивый домъ Мориса на Передней улицѣ. Я видѣлъ этого храбраго патріота въ маѣ мѣсяцѣ, когда онъ только что вернулся изъ Саратога, съ ореоломъ героя, пострадавшаго за отечество, и теперь, какъ и тогда, онъ ходилъ еще на костыляхъ.

При первой возможности я отлучился изъ своего отряда и поскакалъ въ домъ отца. Я вполнѣ сознавалъ, что возвращался подъ родительскій кровъ совершенно новымъ, измѣнившимся человѣкомъ: я уже не былъ прежнимъ юношей, а, узнавъ близко жизнь и главное сознавая, что исполнилъ свой долгъ, я чувствовалъ, что сдѣлался рѣшительнымъ, твердымъ, непреклоннымъ человѣкомъ.

Слуги встрѣтили меня съ громкими изъявленіями радости, и я поспѣшилъ въ комнату отца. Онъ сидѣлъ за столомъ послѣ ужина и курилъ трубку. Увидавъ меня, онъ всталъ съ кресла и, когда я хотѣлъ броситься къ нему въ объятія, отстранилъ меня рукой. Этотъ холодный пріемъ и болѣзненный, исхудалый его видъ поразили меня. Я рѣшилъ, входя въ домъ, попросить у него прощенія за свое бѣгство и объяснить, что сдѣлалъ это изъ чувства долга, но теперь я могъ только выговорить:

— Отецъ, отецъ, я вернулся домой.

— Да, ты вернулся домой,—отвѣчалъ онъ:—садись.

Я повиновался, и онъ сталъ молча смотрѣть на меня.

— Неужели я не найду радушнаго пріема въ домѣ моей матери? Неужели мы всегда будемъ чужды другъ другу? Я сдѣлалъ то, что считалъ своимъ долгомъ передъ Богомъ. Вы всегда упорно стояли на томъ, что считали своею обязанностью. Отчего же вы не хотите дозволить того же вашему сыну? Думайте о моемъ поступкѣ, какъ хотите, но поступите со мной похристіански. Я вскорѣ опять удалюсь отсюда, и, можетъ быть, мы никогда болѣе съ вами не увидимся. Помиримтесь же ради моей матери!

— Не упоминай имени твоей матери,—произнесъ онъ, поднявъ руку:—она во всемъ виновата, и, благодаря ей, ты покинулъ лоно друзей. Но ты все-таки мой сынъ, и это твой домъ. Я не прогоню тебя отсюда.

— Не прогоните!—воскликнулъ я съ ужасомъ.

— Отчего же мнѣ было бы и не прогнать тебя?—продолжалъ отецъ:—достаточно я вынесъ отъ тебя: съ самой юности ты былъ пьяницей, развратникомъ, дуэлистомъ, а теперь посвятилъ себя истребленію ближнихъ.

Я молчалъ. Что мнѣ было отвѣчать ему? Я вспомнилъ слова тетки Геноры о томъ, что онъ находился въ болѣзненномъ состояніи, и рѣшилъ себя вести какъ можно мягче.

— Я уже не тотъ человѣкъ, которымъ былъ прежде,—произнесъ отецъ, какъ бы отгадавъ мои мысли:—меня бросилъ сынъ, когда я болѣе всего въ немъ нуждался, и если бы Богу не было угодно послать мнѣ поддержку въ лицѣ моего родственника Артура, то я, право, желалъ бы умереть.

— Артуръ—поддержка вашей старости!—воскликнулъ я.

— Да, онъ сдѣлался моимъ сыномъ. Не легко было ему покинуть стезю нечестія, но онъ это сдѣлалъ: онъ бросилъ картежную игру и сталъ читать наши душеспасительныя книги.

Онъ говорилъ такъ искренно, что я не могъ не улыбнуться.

— Не вѣрь мнѣ, если хочешь,—сказалъ онъ рѣзко:—и, въ виду твоего неприличнаго настроенія, я больше не буду говорить о благородномъ исправленіи твоего родственника. Я скажу, что я потерялъ одного сына и нашелъ другого, хотя, признаюсь, мнѣ было бы гораздо отраднѣе, если бы исправился не новый сынъ, а старый.

— Отецъ,—отвѣчалъ я:—этотъ человѣкъ злой лицемѣръ. Онъ видѣлъ меня въ тюрьмѣ голодающимъ, умирающимъ и не протянулъ мнѣ руку помощи.

— Я слышалъ объ этомъ. Онъ видѣлъ въ тюрьмѣ кого-то, кто походилъ на тебя.

— Но вѣдь онъ слышалъ мое имя.

— Это не возможно. Онъ сказалъ, что это былъ не ты.

— Онъ солгалъ. А если онъ говорилъ объ этомъ вамъ и другимъ, то лишь для того, чтобы найти себѣ извиненіе, если бы я когда нибудь явился живымъ.

— Я тебя не понимаю, и то, что ты говоришь, не соотвѣтствуетъ моему понятію о твоемъ родственникѣ.

— Отецъ, онъ мой ярый врагъ. Онъ ненавидитъ меня потому, что Дартея мой искренній другъ, и если бы не она, то я до сихъ поръ гнилъ бы въ тюрьмѣ.

— Твой дѣдъ сидѣлъ въ продолженіе года въ Шрюзберійской тюрьмѣ и за святое дѣло. Что же касается до твоего освобожденія, то Артуръ справедливо полагалъ, что этой молодой дѣвушкѣ слѣдовало обратиться къ его помощи, а не самой вмѣшиваться.

— Если вы не вѣрите, что Артуръ мой врагъ, то я сожалѣю, что вы не видѣли его въ ту минуту, когда онъ схватилъ меня переодѣтымъ въ саду.

— Но онъ исполнялъ тогда свой долгъ по его и твоему убѣжденіямъ.

— Нѣтъ, другіе люди не такъ бы посмотрѣли на свой долгъ. Вотъ, напримѣръ, Андрэ не помогъ ему арестовать меня, а онъ не находился со мною ни въ какихъ отношеніяхъ, и, конечно, подумалъ только о томъ, что я, въ случаѣ ареста, былъ бы повѣшенъ, какъ шпіонъ.

— И все-таки онъ исполнилъ свой долгъ такъ, какъ понималъ его.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствовалъ въ своемъ интересѣ!—воскликнулъ я, выходя изъ себя.

— Въ твоихъ словахъ нѣтъ ни смысла, ни христіанскаго смиренія. А если ты хочешь жить въ этомъ домѣ, то веди себя прилично: я не потерплю ни пьянства, ни картежной игры.

— Да, Боже мой, отецъ! Когда я пьянствовалъ и игралъ въ карты въ нашемъ домѣ? Къ тому же сколько лѣтъ я уже бросилъ и то и другое!

Отецъ такъ былъ взволнованъ, что сталъ судорожно сжимать руками кресло, на которомъ сидѣлъ. Видя это, я поспѣшилъ прибавить:

— Успокойтесь. Я постараюсь жить здѣсь такъ, чтобы не нарушить вашего спокойствія. Я поставилъ свою лошадь въ конюшню и поселюсь въ своей старой комнатѣ. Завтра же вернется въ городъ тетка Генора.

— Я буду очень радъ ее видѣть.

— А какъ идутъ дѣла, отецъ? Надѣюсь, что вы не ждете никакихъ кораблей, такъ какъ мы могли бы понести потерю, если бы крейсеры захватили корабли, адресованные на имя сторонниковъ короля.

— Кажется, я имѣю право вести свои дѣла, какъ хочу?

— Конечно, сэръ,—произнесъ я вставая.—Завтра мнѣ надо встать рано, чтобы присутствовать при въѣздѣ генерала Арнольда, и я не вернусь къ утреннему завтраку. Доброй ночи.

— Прощай,—отвѣчалъ отецъ, и я удалился въ свою комнату.

Мнѣ хотѣлось помириться съ отцемъ, а теперь оказалось, что имъ совершенно овладѣлъ Артуръ, и для меня не было мѣста въ его сердцѣ.

Мою комнату я нашелъ въ большомъ безпорядкѣ, и, повидимому, жившій въ ней Артуръ покинулъ ее впопыхахъ: я нашелъ на столѣ, рядомъ съ душеспасительными книгами, неоплаченные счета поставщиковъ, театральные билеты, множество записокъ, въ томъ числѣ двѣ съ почеркомъ Дартеи, и записную книжку, въ которую, по тогдашнему обычаю, модные франты вносили свои пари. Писемъ и записокъ я не читалъ, но записную книжку открылъ случайно на такомъ мѣстѣ, которое, конечно, не понравилось бы ни моему отцу, ни Дартеѣ: «держалъ пари съ мистеромъ Гаркортомъ, что миссъ А. будетъ на спектаклѣ въ голубыхъ чулкахъ, и выигралъ». Все это я собралъ въ груду, бросилъ въ каминъ и зажегъ, затѣмъ вышелъ въ садъ и приказалъ Тому привести комнату въ порядокъ.

XXII.

На слѣдующій день, въ двѣнадцать часовъ, я пошелъ въ контору и не засталъ тамъ отца, но переговорилъ о дѣлахъ съ нашимъ старымъ приказчикомъ Томасомъ Масономъ. Онъ, подобно мнѣ, былъ очень огорченъ упадкомъ умственныхъ способностей моего отца, но объяснилъ, къ моему удивленію, что старикъ еще могъ вполнѣ исполнять конторскую рутину: такъ онъ показалъ толковыя собственноручныя записи отца въ дневномъ реестрѣ. При этомъ я замѣтилъ, что между этими записями находилась отмѣтка о томъ, что онъ далъ взаймы тысячу фунтовъ стерлинговъ Артуру Вину.

Масонъ еще сообщилъ мнѣ, что мой отецъ, считая меня умершимъ, разорвалъ свое духовное завѣщаніе, но новаго еще не написалъ, хотя часто объ этомъ поговаривалъ. Отъ него же я узналъ, что ни одного изъ нашихъ кораблей не оставалось въ морѣ, и что большинство ихъ было продано англійскому правительству для обращенія ихъ въ транспортныя суда.

Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ въ домѣ отца было отсутствіе Артура Вина, и, кромѣ того, меня радовало, что, по словамъ Масона, Дартея находилась въ Филадельфіи.

Конечно, переговоривъ съ нашимъ старикомъ приказчикомъ, я прямо отправился къ теткѣ Генорѣ, но не могъ остаться у нея долго, такъ какъ Макленъ нуждался въ моихъ топографическихъ свѣдѣніяхъ на счетъ окрестностей города, гдѣ торійскія шайки безжалостно грабили отдаленныя фермы. Такимъ образомъ два дня я былъ занятъ вмѣстѣ съ нимъ преслѣдованіемъ этихъ разбойниковъ.

Когда же мы покончили съ этимъ дѣломъ, то, улучивъ первую свободную минуту, я отправился къ теткѣ Генорѣ и уже подробно переговорилъ съ ней обо всемъ, что меня интересовало. Добрая старуха прежде всего начала мнѣ жаловаться на грязный видъ, въ которомъ гессенцы оставили ея домъ, и на недостатки ея туалета.

— Я не пила чая со времени Ленсингтона,— сказала она:—и съ тѣхъ же поръ не покупала себѣ никакого туалета. Всѣ мои наряды на спинахъ нашихъ бѣдныхъ солдатъ. Я такъ обносилась, что мнѣ стыдно показываться рядомъ съ Дартеей. Мистриссъ Фергюсонъ была здѣсь, и я приняла ее, хотя питаю къ ней ненависть. Если у меня нѣтъ нарядовъ, то, по крайней мѣрѣ, я узнала отъ нея всѣ новости. Все-таки это утѣшеніе. Она поразсказала мнѣ кучу скандаловъ, въ томъ числѣ, что отецъ нашего Джака ухаживаетъ за теткой Дартеи.

Много еще другого наговорила тетка, а потомъ стала молча слушать мой подробный разсказъ о всѣхъ случившихся со мной приключеніяхъ. Затѣмъ она снова заговорила, и я, конечно, навелъ бесѣду на Дартею. Оказалось, что молодая дѣвушка тотчасъ посѣтила тетку и была съ ней очень любезна, при чемъ разсказала ей о посѣщеніи меня въ тюрьмѣ и увѣряла, что Артуръ не узналъ меня въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ я тогда находился. Отъ нея же тетка узнала, что Артуръ получалъ письма изъ Винкота, и что теперешній владѣлецъ этого замка будетъ скоро пожалованъ въ баронеты.

— Какъ хочешь,—произнесла между прочимъ тетка:—а Артуръ долженъ обладать необыкновенными чарами. Правда, онъ черномазый да еще говорунъ, а чего же еще надо молодой дѣвушкѣ.

Наговорившись досыта, тетка просила меня прійти въ тотъ же вечеръ и привести съ собою Маклена. По ея словамъ, у нея должна была быть Дартея и нѣсколько ея друзей.

Я исполнилъ желаніе доброй женщины, но изъ осторожности не пригласилъ къ ней смѣлаго партизана, такъ какъ зналъ, что тетка, послѣ нашихъ побѣдъ, стала снова принимать своихъ старыхъ торійскихъ пріятелей, которые охотно вернулись въ ея домъ, совершенно забывъ, что въ горькія для насъ минуты борьбы съ Англіей она гордо отъ нихъ отвернулась.

Войдя въ ея гостиную, я былъ удивленъ, увидя все въ прежнемъ порядкѣ, и на самой теткѣ блестящій роброкъ, несмотря на всѣ ея жалобы на счетъ недостатка ея туалета.

Все прежнее общество тетки было въ полномъ сборѣ, и, слыша, что направо и налѣво саркастически отзывались о Вашингтонѣ, увѣряя между прочимъ, что онъ былъ безграмотный, я невольно спросилъ у тетки:

— Что же это такое? У васъ только одни торіи?

— Ничего,— отвѣчала она:—у нихъ теперь посбавили спеси, и я

могу куражиться надъ ними. Смотри, будь приличенъ и веди себя хорошо со всѣми.

Я, конечно, былъ учтивъ съ ея гостями и, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ Дартеѣ, поздоровался съ нею, сказалъ ей нѣсколько обычныхъ фразъ и сталъ разговаривать съ другими, выжидая удобнаго случая поговорить съ нею наединѣ.

Между тѣмъ явились на сцену картежные столы, и всѣ держали себя постарому, живо, весело. Посторонній человѣкъ подумалъ бы, что никогда не было войны, и что вечера мистриссъ Винъ продолжались, не останавливаясь, все это время. Только дочь губернатора Мориса, питавшая крайнія вигскія мнѣнія, съ удивленіемъ озиралась на окружавшихъ ее торіевъ. Когда же она неосторожно громко сказала: «я надѣюсь, что мы скоро возьмемъ въ плѣнъ сэра Генри Клинтона», то вся компанія переполошилась, и произошелъ бы большой скандалъ, если бы тетка не приказала во время подавать шоколадъ и кэки.

Въ концѣ вечера тетка попросила мистриссъ Пенистонъ остаться съ племянницей послѣ всѣхъ гостей, такъ какъ она хотѣла переговорить съ ней о лучшемъ способѣ приготовлять варенье. Та, конечно, согласилась, и тетка увела ее въ другую комнату, и я остался одинъ съ Дартеей.

Какъ мила и граціозна она была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ длинными перчатками, красными розами на короткихъ рукавахъ, слегка напудренными волосами и нѣжною, женственною улыбкой на ея прелестныхъ губахъ! Все ея существо дышало такою дѣтскою наивностью, что я не могъ свести съ нея глазъ.

— Дартея,— сказалъ я, садясь возлѣ нея:—я два раза обязанъ вамъ своею жизнью.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала она:—не могла же я не пойти въ тюрьму: вѣдь вашей тетки не было въ городѣ.

— Но вы могли сказать объ этомъ моему отцу.

— Онъ очень постарѣлъ... къ тому же нельзя было терять времени, а Артуръ былъ на службѣ, или чѣмъ-то занятъ. Но вы не можете себѣ представить, какъ на меня сердилась тетка, и потомъ Артуръ очень бранилъ меня за мое неприличное поведеніе. Въ сущности они, можетъ быть, и правы.

— А вы думали, Дартея, что я соглашусь на освобожденіе подъ честнымъ словомъ?

— Ни минуты!—воскликнула она съ жаромъ:—я бы это сдѣлала, но я люблю, чтобы мои друзья были храбрѣе и умнѣе меня. Я гордилась вами въ то время, несмотря на ваши лохмотья, хотя, признаюсь,— прибавила она, перемѣнивъ свой тонъ: — вы были очень смѣшны въ своемъ одѣялѣ, и когда я разсказала объ этомъ Артуру, то онъ смѣялся до упаду. Только тогда онъ сказалъ мнѣ подробно о томъ, что онъ видѣлъ кого-то, похожаго на васъ, среди

толпы больныхъ и умирающихъ плѣнныхъ; а прежде онъ вскользь написалъ мнѣ объ этомъ въ письмѣ. Впрочемъ онъ былъ увѣренъ, что это были не вы, тѣмъ болѣе, что и тюремщикъ на его вопросъ сказалъ не ваше имя, вѣроятно, по ошибкѣ. Онъ очень объ этомъ сожалѣлъ, особенно въ виду вашихъ натянутыхъ отношеній. Я, право, не знаю, почему вы съ нимъ не друзья. Онъ такъ бы желалъ быть съ вами на дружеской родственной ногѣ. Впрочемъ, когда онъ меня хорошенько выбранилъ за мой неприличный поступокъ, и я прикинулась, что расплакалась отъ раскаянія, то онъ сказалъ, что я поступила погеройски, и что, вѣроятно, онъ сдѣлалъ бы то же. Онъ искренно желалъ освободить васъ изъ тюрьмы и непремѣнно бы это сдѣлалъ, если бы вы не убѣжали. Вы видите, мистеръ Винъ, что все это лишь одно недоразумѣніе, и Артуръ очень сожалѣлъ обо всемъ случившемся.

Я хотѣлъ ей прямо отвѣтить, что онъ лгалъ и намѣренно оставилъ меня умирать въ тюрьмѣ; но къ чему было возстановлять ее противъ себя, такъ какъ, конечно, она вѣрила болѣе тому, кого любила.

— Милая Дартея,— отвѣчалъ я поэтому, собравшись съ силами: — изъ этой исторіи можно вывести одно заключеніе, что слѣдуетъ посылать въ тюрьмы къ больнымъ и умирающимъ не мужчинъ, а женщинъ.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, ей не понравился. Она насупила брѣви и послѣ минутнаго молчанія произнесла:

— Онъ напишетъ вамъ. Онъ обѣщалъ мнѣ, что напишетъ. Вы должны непремѣнно поблагодарить добрую сестру милосердія, которую вы такъ грубо толкнули, убѣгая изъ тюрьмы. Она живетъ въ маленькой обители, у церкви св. Маріи, въ Вилингской улицѣ. Артуръ былъ очень доволенъ, что я ходила въ тюрьму не одна, а съ этою доброю женщиной. Онъ былъ, кажется, увѣренъ, что я пошла бы и одна, и въ этомъ онъ былъ правъ.

— Но это еще не все,— сказалъ я, пристально смотря ей въ глаза:—я долженъ еще поблагодарить васъ за то, что вы и Андрэ спасли мнѣ жизнь въ саду.

— Вы намекаете на мой обморокъ,—отвѣчала она съ улыбкой:— да, этотъ обморокъ пришелся очень кстати, и Артуръ впослѣдствіи сказалъ, что обязанъ моему обмороку многимъ: онъ спасъ его отъ вѣчнаго укора совѣсти. Если бы онъ только зналъ...

— Что?

— Ничего. Я и такъ уже слишкомъ проговорилась.

— Во всякомъ случаѣ вашъ обморокъ спасъ мнѣ жизнь, и я иначе былъ бы повѣшенъ.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Артуръ потомъ разсказывалъ мнѣ, что онъ такъ неловко набѣжалъ на васъ, что не могъ поступить иначе, какъ арестовать васъ. По его словамъ, и Андрэ

считалъ его поступокъ неизбѣжнымъ со стороны офицера. Я увѣрена, что Артуръ болѣе всѣхъ былъ радъ вашему бѣгству. Но, признаюсь, вы такъ быстро скрылись, что никакой другой квакеръ не сдѣлалъ бы этого на вашемъ мѣстѣ.

— А вы видѣли?

— Нѣтъ. Какъ могла я видѣть: я была въ обморокѣ. Андрэ мнѣ разсказалъ объ этомъ на другой день и объяснилъ, что для спасенія васъ Макленъ поджогъ что-то, а мы всѣ приняли это за фейерверкъ. Но довольно. Лучше поговоримъ о моемъ миломъ Джакѣ.

— Онъ все попрежнему краснѣетъ, какъ дѣвица, считаетъ меня великимъ человѣкомъ и... но вѣдь вамъ не интересны наши битвы?

— Нѣтъ, я очень бы желала видѣть Джака въ сраженіи. Я не могу представить себѣ, чтобы онъ обидѣлъ даже муху.

— Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ битвѣ подъ Джермантауномъ: онъ отбивался саблей, подаренною ему моей теткой, отъ цѣлой массы красныхъ мундировъ. Я думалъ, что онъ погибъ, но онъ не получилъ даже ни одной царапины. Однако, я люблю лучше его видѣть въ лагерѣ голодныхъ, полуобнаженныхъ солдатъ, съ которыми онъ дѣлится своимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба. Вы бы послушали, какъ о Джакѣ отзывается мистеръ Гамильтонъ, адъютантъ нашего генерала. По его словамъ, офицеры и солдаты одинаково любятъ Джака, а полковникъ Форесъ едва не убилъ одного солдата за то, что тотъ разсмѣялся, когда Джакъ сталъ молиться вмѣстѣ съ однимъ умирающимъ на полѣ сраженія.

— Во всякомъ случаѣ, мистеръ Винъ, онъ счастливъ въ друзьяхъ. Впрочемъ онъ объ васъ отзывается еще лучше. Мистриссъ Винъ полагаетъ, что вы оба влюблены другъ въ друга. Право, я не знаю, что лучше: дружба мужчинъ или женщинъ?

Я отвѣчалъ, что предоставляю другимъ разрѣшить этотъ вопросъ, и прибавилъ, что останусь въ Филадельфіи только нѣсколько дней и отправлюсь въ полкъ, какъ только генералъ Арнольдъ найдетъ возможнымъ меня отпустить.

Теперь она стала серьезно разспрашивать меня о движеніи обѣихъ армій и о томъ, вѣроятно ли было заключеніе мира. Мы еще были заняты съ нею этими разговорами, когда въ комнату вошла тетка и объявила, что пора ѣхать домой. Этимъ кончилось мое первое свиданіе съ Дартеей послѣ долгой разлуки.

Спустя нѣсколько дней, зайдя къ теткѣ, я засталъ ее погруженною въ тяжелую думу, и на мой вопросъ о томъ, что ее тревожитъ, она отвѣчала:

— Я долго отсрачивала этотъ разговоръ; но теперь мнѣ надо тебѣ все сказать.

Она встала и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Что случилось, тетя Генора?

— Сядь,—произнесла она, не прерывая своей прогулки:—посиди, мнѣ надо подумать, надо подумать.

Она снова умолкла. Эта необыкновенная для нея нерѣшительность возбудила во мнѣ страхъ, и я воскликнулъ:

— Вы хотите говорить со мной о Дартеѣ?

— Нѣтъ, дуракъ. Ну, слушай и не прерывай меня.

Она сѣла, положила одну ногу на другую и начала:

— Когда англичане были еще здѣсь въ концѣ мая, я получила записку отъ мистера Вордера о томъ, что въ моемъ домѣ большой безпорядокъ, и я, доставъ чрезъ него пропускъ, явилась сюда на три дня. Я остановилась у мистриссъ Пенистонъ и Дартеи, а на второй день получила приглашеніе на вечеръ къ Парсану Душэ, и хотя я ненавижу всю торійскую компанію, но такъ давно не слыхала новостей и не видала картъ, что рѣшилась отправиться. Не смотри на меня такъ злобно. Ну, въ назначенный часъ за мной не пріѣхалъ нанятый экипажъ, и я не могла достать паланкина, а потому пошла пѣшкомъ и по дорогѣ зашла къ твоему отцу, чтобъ взять у него палку для большей безопасности. Чтобъ не обезпокоить его, я прошла на кухню; тамъ не было слугъ, и только спалъ старый Томъ. Я не разбудила его и прошла въ столовую, гдѣ твой отецъ въ своемъ большемъ креслѣ также спалъ. Я зажгла свѣчку и поднялась на верхъ. Тамъ все было въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ, а твоя комната, гдѣ тогда жилъ Артуръ... Ну, да лучше объ этомъ не говорить. Спустившись внизъ, я услышала скрипъ ключа въ наружной двери и сообразивъ, что это, вѣроятно, негодяй Артуръ вернулся домой, я погасила свѣчу и хотѣла уйти незамѣтно черезъ кухню, когда онъ поднимется въ свою комнату. Но онъ прошелъ къ твоему отцу, и тотчасъ они стали разговаривать; конечно, ты, находясь на моемъ мѣстѣ, подошелъ бы къ нимъ и сказалъ: «берегитесь, я васъ подслушиваю». Это было бы очень благородно, но я поступила иначе. Артуръ былъ мой врагъ, а на войнѣ съ врагами все дозволено: и убійство, и грабежъ, и шпіонство. Я значитъ воевала и была не хуже васъ.

— Но, тетя...

— Не перебивай меня. Я притаилась и навострила уши. Артуръ говорилъ очень любезно, но замѣтно было, что онъ пилъ, а твой отецъ послѣ сна казался болѣе толковымъ, чѣмъ обыкновенно въ послѣднее время. Между прочимъ Артуръ сказалъ: «Я долженъ буду вскорѣ разстаться съ вами, мой почтенный родственникъ, и желалъ бы, чтобъ вы разсказали мнѣ, какъ уже давно обѣщали о нашихъ правахъ на Винкотъ, тѣмъ болѣе, что мой братъ боленъ, а, кромѣ этого помѣстья, находящагося въ плохомъ положеніи, мы ничего не имѣемъ. Твой отецъ отвѣчалъ, что онъ очень любитъ Артура и желалъ бы, чтобъ онъ получилъ Винкотъ, а негодяй сталъ

увѣрять, что онъ заговорилъ объ этомъ лишь въ интересахъ твоего отца. Не буду тебѣ передавать, сколько еще лгалъ Артуръ, а только скажу, вотъ что я поняла изъ словъ твоего отца, говорившаго вполнѣ толково и сознательно: твой дѣдъ Гью былъ выпущенъ изъ Шрюзберійской тюрьмы, ты знаешь, подъ условіемъ продать Винкотъ своему брату и уѣхать въ Пенсильванію, но, повидимому, впослѣдствіи этотъ братъ Вильямъ продалъ тайкомъ обратно помѣстье твоему дѣду за пустую сумму денегъ, такъ что во всякое время старшій братъ могъ взять обратно Винкотъ. Куда дѣлась эта вторая купчая, никто не зналъ, и вотъ это разузнать и хотѣлъ негодяй Артуръ отъ твоего отца. «Мы бѣдны,—говорилъ онъ:—а въ землѣ нашелся уголь; можно было бы продать часть ея, но имѣемъ ли мы на это право?» Твой отецъ отвѣчалъ, что онъ видѣлъ означенную купчую много лѣтъ тому назадъ въ бумагахъ отца и согласенъ передать ее Артуру, такъ какъ онъ самъ старъ, имѣетъ достаточныя средства и не нуждается въ Винкотѣ. Тогда Артуръ что-то пробормоталъ о тебѣ, и твой отецъ согласился съ нимъ. Но, Гью, я лучше не передамъ того, что они говорили о тебѣ. Вы и такъ враги.

— Я не хочу и слышать объ этомъ,—воскликнулъ я:—такъ и кончился ихъ разговоръ?

— Нѣтъ. Твой отецъ обѣщалъ поискать купчую, и будь увѣренъ, что при аккуратности его и дѣда этотъ документъ непремѣнно найдется.

— Мнѣ все равно, но...

— Конечно, ты не желалъ бы, чтобъ Винкотъ достался Артуру.

— Развѣ Дартея...

— Понимаю. Но разсуди самъ: отецъ Артура старъ, его старшій братъ боленъ и вскорѣ умретъ, младшій поступаетъ также въ армію; значитъ, этотъ негодяй будетъ владѣлецъ Винкота, если отецъ передастъ ему купчую. Есть одно только средство помѣшать...

— Какое?

— Заявить, что твой отецъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ.

— Я никогда этого не сдѣлаю.

— Такъ ты потеряешь Винкотъ.

— Пускай, мнѣ все равно.

— А мнѣ не все равно. Ты Винъ изъ Винкота.

Я засмѣялся, а она продолжала:

— Артуръ еще долго разговаривалъ, но твой отецъ вдругъ сталъ говорить пустяки и называлъ своего собесѣдника мистеромъ Монтрезоромъ. Вѣроятно, на другой день онъ совершенно забылъ о своемъ разговорѣ. Когда Артуръ ушелъ въ свою комнату, то онъ снова заснулъ, а я тихонько удалилась изъ дома.

— А вы не знаете, онъ получилъ купчую передъ отъѣздомъ отсюда?—спросилъ я.

— Не думаю. По словамъ Масона, всѣ бумаги находятся въ конторѣ, и до сихъ поръ отецъ не искалъ никакого документа. Артуръ убрался отсюда двѣ недѣли тому назадъ. Но мы такъ или иначе найдемъ купчую.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—это касается отца, а не меня, и я не сдѣлаю ни шагу, чтобъ отыскать документъ.

XXIII.

Въ воскресенье 21-го іюня, Вашингтонъ перешелъ въ Джерсей, а мы остались подъ начальствомъ генерала Арнольда, который въ послѣднее время сталъ выказывать большую склонность къ внѣшнему блеску, чтò и послужило главною причиной его близкой гибели. Милиція и въ особенности отрядъ Маклена были очень недовольны, что онъ заставлялъ ихъ исполнять должность своихъ тѣлохранителей и стоять на часахъ у дверей своей квартиры; но мы должны были исполнять приказанія начальства и покорно несли эту новую для насъ службу, хотя и не съ удовольствіемъ въ сердцѣ.

30-го іюня мы получили извѣстіе о славной побѣдѣ при Монмутѣ и съ удивленіемъ узнали объ опалѣ генерала Ли, а спустя нѣсколько дней прибылъ Джакъ, раненный штыкомъ въ правое плечо и съ большимъ шрамомъ на лѣвомъ вискѣ. Онъ совершенно не годился для дѣйствительной службы и поселился на время дома. Изъ его разсказовъ я узналъ, какою страшною бранью и проклятіями разразился Вашингтонъ противъ генерала Ли, когда стала извѣстна измѣна послѣдняго. Эта гнѣвная сцена была тѣмъ поразительнѣе, что казавшійся тогда, по словамъ Джака, разъяреннымъ Богомъ войны, нашъ главнокомандующій вскорѣ потомъ издалъ указъ по арміи, въ которомъ строго возставалъ противъ употребленія офицерами или солдатами бранныхъ словъ, какъ нарушающихъ всякія понятія о религіи, дисциплинѣ и приличіи.

Вскорѣ изъ Филадельфіи уѣхалъ Макленъ, и это было для него большимъ счастіемъ, такъ какъ еслибъ онъ остался у насъ въ городѣ еще дольше, то непремѣнно подпалъ бы подъ чарующее вліяніе Дартеи. Я также просилъ начальство отправить меня на поле брани, но кто-то, вѣроятно, генералъ Арнольдъ, распорядился о томъ, чтобъ меня оставили въ городѣ. Впрочемъ сама судьба, повидимому, удержала меня тамъ, и когда я наконецъ получилъ отъ Гамильтона патентъ на чинъ капитана въ третьемъ пѣхотномъ полку, то къ нему приложенъ былъ приказъ о томъ, чтобъ я собиралъ рекрутовъ въ окрестностяхъ Филадельфіи. Затѣмъ генералъ Арнольдъ просилъ меня въ виду того, что у меня не было много дѣла, поступить сверхштатнымъ офицеромъ въ его штабъ, на чтò я, конечно, долженъ былъ согласиться.

Осенью и зимой Филадельфія просто сошла съ ума отъ постоянныхъ удовольствій, въ которыхъ я принужденъ былъ принимать участіе вмѣстѣ съ генераломъ Арнольдомъ, который все болѣе и болѣе дружилъ съ торіями и богатыми землевладѣльцами. Онъ купилъ большой домъ, ухаживалъ за красивою Маргаритой Шиппенъ и вообще велъ такую роскошную жизнь, которая возбуждала неблагопріятные толки среди обитателей стараго, мирнаго города Вильяма Пэна. Оправившись отъ своихъ ранъ, Джакъ сначала также углубился въ водоворотъ веселой жизни, но потомъ она ему надоѣла, и онъ, не имѣя все-таки возможности вернуться въ армію, такъ какъ вынужденъ былъ носить руку на перевязи, сталъ упорно сидѣть дома, читать книги и довольствоваться обществомъ моей тетки и Дартеи. Что касается меня, то, къ большому моему сожалѣнію, я не могъ слѣдовать его примѣру, хотя пользовался всякою свободною минутою, чтобъ ѣздить верхомъ съ теткой и Дартеей, а также охотиться съ Джакомъ на дикихъ утокъ.

Зима медленно проходила. Конгрессъ все еще засѣдалъ, но въ немъ блистали своимъ отсутствіемъ Адамъ, Франклинъ, Генри, Джей и Рутледжъ, которые занимали важные посты въ другихъ мѣстахъ. Часто на его засѣданіи собиралось не болѣе двѣнадцати человѣкъ, тогда какъ полное число его членовъ было семьдесятъ шесть. Мало-по-малу начинали обнаруживаться отсутствіе опредѣленныхъ полномочій конгресса и недостатокъ единства. Еслибъ глубокое довѣріе всего народа къ Вашингтону не вручило ему диктаторской власти, то опасенія благоразумныхъ людей, въ томъ числѣ моего друга Вильсона, могли бы осуществиться, и наше святое дѣло погибло бы, благодаря низкимъ интригамъ, неумѣлому веденію финансовъ и порученію важныхъ обязанностей иностраннымъ офицерамъ, которые въ сущности были безсовѣстными искателями приключеній. Клинтонъ попрежнему держался въ Нью-Іоркѣ, гдѣ за нимъ зорко слѣдилъ Вашингтонъ, на югѣ пораженія слѣдовали за пораженіями, и даже лучшіе люди начинали съ безпокойствомъ спрашивать себя, чѣмъ все это кончится.

При подобныхъ обстоятельствахъ очевидно наборъ рекрутовъ шелъ очень медленно, а моя служба при генералѣ Арнольдѣ причиняла мнѣ скорѣе непріятности, чѣмъ удовольствіе, и я отводилъ душу только въ обществѣ моей тетки, Джака и Дартеи. Видя безплодность моего ухаживанья за этою странною, но привлекательною молодою дѣвушкой, я сталъ довольствоваться дружескими съ ней отношеніями, которыя съ каждымъ днемъ становились все тѣснѣе и тѣснѣе. Находилась ли она въ это время въ перепискѣ съ Артуромъ, я не знаю, но она никогда не говорила о немъ, и я съ своей стороны избѣгалъ всякихъ вопросовъ.

Въ половинѣ зимы былъ устроенъ филадельфійскимъ свѣтскимъ обществомъ громадный пикникъ на саняхъ въ Кливденъ, но такъ

стр.

Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи-Антуанеты. Перев. съ французскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897. **К. Лосскаго.**—6) Устройство управленія румынской православной церкви (со времени ея автокефальности). Историко-каноническое изслѣдованіе В. Колокольцева. Казань. 1897. **Σ.**—7) Мадьярскіе поэты. Изданы подъ редакціей Н. Новича. Спб. 1897. **А. Круглова.**—8) Сильвестръ Медвѣдевъ. (Его жизнь и дѣятельность). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія Александра Прозоровскаго. Москва. 1897. **К. Х.**—9) П. А. Смирновъ. Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Спб. 1896. П. О. Сумцовъ. Пѣсни о Травинѣ. X. 1897. **N.**—10) Эдуардъ Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1765—1865 г.г.). Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Съ приложеніями, 3-мя картами и русской библіографіей, составленной А. Каменскимъ. Спб. 1897. (Изданіе О. Н. Поповой: Культурно-историческая библіотека). **А. К.**—11) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1897 годъ. Книга сто восьмидесятая. Изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1897. **П. Щ.**—12) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ третій. Изданіе журнала «Странникъ», подъ ред. проф. Пономарева. 1897. **А. Бронзова.**—13) А. В. Кругловъ. Господа крестьяне. Деревенскіе силуэты. Изданіе В. С. Спиридонова. Москва. 1897. **Н. Я.**

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи **592**

1) Августъ и его время.—2) Судебныя преслѣдованія животныхъ въ средніе вѣка.—3) Четырехсотлѣтній юбилей Джона Кабота.—4) Два новые коментатора Шекспира.—5) Мѣсто Кромвеля въ исторіи.—6) Послѣдняя любовь Лопе-де-Вега.—7) Охота въ XVII столѣтіи.—8) Вашингтонъ въ домашней жизни.—9) Наполеонъ и Веллингтонъ съ точки зрѣнія русскаго генерала.—10) Французская эскадра въ Кронштадтѣ семьдесятъ три года тому назадъ.

XVI. Смѣсь **612**

1) Учено-литературное общество при Юрьевскомъ университетѣ.—2) Областной музей Волынской губерніи.—3) Рижскій генералъ-губернаторскій архивъ.—4) Археологическая коллекція Т. В. Кибальчича.—5) Раскопка кургановъ.—6) Клады Стеньки Разина.—7) Юбилей О. Н. Колесова.—8) Некрологи: Архимандритъ Пименъ; Н. А. Головкинскій; М. А. Шишковъ.

XVII. Замѣтки и поправки **623**

1) Варшавскія древности. **Г. А. В—ва.**—2) Къ свѣдѣнію г. подписчика № 7.495.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Павла Ивановича Якушкина.—2) При Вашингтонѣ (Hugh Wynne, free quaker). (Изъ мемуаровъ квакера-офицера). Историческій романъ Вэра Митчеля. Переводъ съ англійскаго. XXI—XXV. (Продолженіе). 3) Объявленія.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

МИХАИЛЪ ОСИПОВИЧЪ МИКЕШИНЪ.

Дозв. ценз. 13-го августа 189[illegible] г. Спб.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ [1].

XIV.

Вольнодумецъ.

1.

Ъ КОМНАТѢ было душно, и мы обѣдали въ огородѣ, въ «липовомъ уголкѣ», какъ называлъ земскій фельдшеръ, Николай Андреевичъ Алексѣевъ, мѣсто около бани, обсаженное липами.

Алексѣевъ не походилъ на заурядного фельдшера. Онъ учился въ гимназіи, хотя и не кончилъ, любилъ книги, споры, и велъ «войну» съ управцами, которыхъ звалъ «самоуправцами». За это ему доставалось, грозили увольненіемъ.

Онъ не трусилъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—говорилъ онъ:—земля не клиномъ сошлась, я вездѣ мѣсто найду. Что мнѣ: не семья у меня! Omnia mea mecum porto!

Онъ былъ прекрасный фельдшеръ и его не увольняли. Крестьяне ему вѣрили больше, чѣмъ врачу.

— Чай пить будемъ?—спросилъ Алексѣевъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не откажусь! Знаете: чай пить я всегда готовъ.

— Настоящій москвичъ!..

Онъ собирался въ «пухъ и прахъ» разнести Москву, которую не любилъ. Но появленіе новаго лица прервало его рѣчь въ самомъ началѣ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 835.

Подошедшій былъ худощавый молодой парень, средняго роста, съ овальнымъ лицомъ и длинною шеей, обмотанною шарфомъ.

Парень не то угловато, не то небрежно, поклонился и произнесъ:

— Здравствуйте!

— А, Никодимъ нечестивый!—воскликнулъ Алексѣевъ.—Здорово, братъ! Зачѣмъ пожаловалъ?

— Хинину, Николай Андреевичъ... Мать знобитъ что-то...

Парень сѣлъ на соломенный стулъ, стоявшій немного въ сторонѣ, и промолвилъ:

— А у васъ здѣсь совсѣмъ бесѣдка... славно чай пить.

— Мы вотъ и намѣреваемся,—сказалъ Алексѣевъ.—Не хочешь ли, и тебя угостимъ?

— Спасибо... Я и то собирался въ трактиръ зайти; во рту пересохло.

— Пей съ нами... Позвольте вамъ представить,— шутя проговорилъ фельдшеръ, обращаясь ко мнѣ:—Никодимъ Быстровъ... Я его зову нечестивымъ, потому что съ попомъ все грызется.

Парень сидѣлъ на стулѣ, положа ногу на ногу и держа фуражку съ лоснящимся козырькомъ обѣими руками. Шнурокъ у ворота синей рубашки полуразвязался и концы съ кистями падали на старый казинетовый пиджакъ. При «рекомендаціи» фельдшера, Быстровъ поднялся со стула, протянулъ мнѣ руку и произнесъ:

— Вы тоже служите по мидицинской части?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я и добавилъ:—у васъ имя, которое рѣдко даютъ, особенно въ деревнѣ... Это скорѣе монашеское имя.

— Какъ попу вздумается,—сказалъ Быстровъ:—захочетъ, почеловѣчески назоветъ, осердится—такое имя дастъ, что хуже собачьей клички.

— Какъ такъ?

— Всякія имена бываютъ. Другое—чисто ругательное. Къ примѣру: Исой, Пудъ... Совсѣмъ въ насмѣшку.

— Имя могутъ выбрать родители.

— Въ городѣ такъ. Здѣсь все отъ попа зависитъ. Конечно, если богачи, либо съ попомъ дружатъ... ничего... А если золъ на кого— и кончено. Съ мужикомъ не говорятъ много... На то онъ и мужикъ, чтобы имъ всякій помыкалъ.

Я пристально вглядывался въ парня. Черты его лица, освѣщеннаго сѣрыми живыми глазами, были мелки и не лишены пріятности; въ полныхъ губахъ небольшого рта съ маленькими усиками и въ округленномъ подбородкѣ съ только что пробивающеюся растительностью было что-то совсѣмъ еще юношеское, незрѣлое. Вся фигура—немного нескладная, сутуловатая, съ длинными руками.

— Вы учились въ школѣ?—спросилъ я.

— Въ земской.

— Кончили?

— Первымъ!—отвѣтилъ за парня Алексѣевъ:—самъ директоръ похвалилъ, не думалъ, что выйдетъ такой непочтительный.

— Я въ васъ,—сказалъ парень.—Вы съ докторомъ-то, помните, какъ схватились!

— Что докторъ! А ты съ отцомъ духовнымъ... Недаромъ Бутаковъ назвалъ тебя вольнодумцемъ,— закончилъ Алексѣевъ шутливо.

— Кто такой Бутаковъ?

— Помѣщикъ, я у него по письменной части занимался,—отвѣтилъ Никодимъ.

— Вы хорошо пишете?

— Изрядно.

— Сколько же получали?

— Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ.

— Недурно!

— А сей вольнодумецъ бросилъ мѣсто раньше срока,—замѣтилъ Алексѣевъ, вставая.

Онъ пошелъ распорядиться на счетъ самовара.

— Отчего вы бросили мѣсто?—задалъ я вопросъ Никодиму.

— Такъ... вообще... Подлецъ онъ!—неожиданно и энергично произнесъ Быстровъ.

— Почему вы такъ его называете? Не платилъ денегъ?

— Условій не держится. Я нанимался по письменной части, а онъ хотѣлъ меня за все про все запрячь... Разъ за мѣсто кучера послалъ, потомъ на мельницу съ возомъ, а тутъ вдругъ велѣлъ печку топить!

— Развѣ это такъ унизительно?

— Не въ этомъ дѣло; мужику какой зазоръ (въ его головѣ послышалась иронія)! А уговору не было. Я ему говорю: я этого дѣлать не обязанъ. А онъ мнѣ: я плачу жалованье, что заставлю, то и дѣлай; я—хозяинъ. Ну, я ему и говорю: позвольте расчетъ!.. У всякаго свое дѣло... Примѣрно, вы служите учителемъ. Развѣ можетъ начальство заставить васъ мести полъ? То же вѣдь: жалованье платитъ, стало быть, вольно заставить все, что вздумается. Но вѣдь нельзя же такъ?

— Конечно, нельзя.

— И вездѣ одинаково. Или — если я мужикъ, такъ и запрягай меня куда хочешь! Бутаковъ кричалъ: извольничались, мой отецъ на конюшнѣ васъ дралъ! Было... да прошло!

— Знаете, въ хозяйствѣ все можетъ случиться,—замѣтилъ я.

— Такъ это же по доброй волѣ,—возразилъ Никодимъ.—Отчего не сдѣлать, но ты попроси, а не приказывай! Эдакъ онъ, нанявши меня по письменной части, заставитъ нечистоты вывозить. Какъ можно! А по просьбѣ... что же. Не далеко ходить за примѣромъ. Тутъ у одной барыни племянникъ гостилъ... Случились именины... Пиръ у сосѣдей. А племянникъ не бритъ, и бриться не умѣетъ.

Нельзя ѣхать. Услыхалъ учитель,—студентъ жилъ на урокахъ. Давайте, говоритъ, я васъ выбрею. И отлично, не хуже мастера обрилъ. А развѣ могла барыня ему приказать: вы де жалованье получаете отъ меня, велю вамъ племянника моего выбрить. Не такъ ли?

Все это было логично, и я согласился съ Никодимомъ.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ:—а мужику приказываютъ... его за человѣка не считаютъ... Не разсуждать! Молчать! И скотиной назовутъ—терпи!.. Гдѣ же справедливость?

— Ишь чего еще захотѣлъ!—подхватилъ вернувшійся Алексѣевъ.

Вслѣдъ за фельдшеромъ Марѳа внесла подносъ съ чайной посудой.

— Живѣе самоваръ!

— Сей минутъ... Кипитъ!..

II.

Николай Андреевичъ сѣлъ на прежнее мѣсто, на деревянной скамейкѣ, которая глаголемъ огибала некрашенный столъ,—и промолвилъ:

— Все вы съ Марьей Григорьевной справедливости хотите: гдѣ она есть? Ну, что: хорошо ли живется вашей учительшѣ на новомъ мѣстѣ?

— Не пишетъ... Отвѣтила на мое письмо... а ничего не сообщаетъ...

Замѣтивъ мой недоумѣвающій взглядъ, Никодимъ пояснилъ:

— Это та, у которой я учился.

— Гдѣ же она теперь?

— А ее съѣли, такъ надо прямо сказать.

— Кто?

— Нашлись людоѣды: старшина да земскій. Дружки! Наговорили начальству, ну, и пришлось уѣхать... На югѣ теперь она...

— За что ее не взлюбили?

— Развѣ у насъ хорошихъ людей любятъ! Ладишь со всѣми, прикрываешь подлости — хорошъ. Она не изъ такихъ. Попъ, примѣрно, за всю зиму въ школу не заглянетъ, а деньги беретъ. Она ему и сказала все по правдѣ. Обидѣлся и началъ придираться: зачѣмъ ѣстъ постомъ мясо, рѣдко ходитъ въ церковь, да подъ праздники играетъ.

— На чемъ?

— На цитрѣ. Отличная у нея была цитра. И пѣла она чудесно. Зачѣмъ вотъ подъ праздникъ, да не божественное.

— Помоему, священникъ правъ.

— Конечно,—подтвердилъ фельдшеръ:—я Марью Григорьевну уважаю: барышня образованная, сердечная, народъ любитъ... ну, а соблазну дѣлала не мало этой цитрой. Помнишь, подъ Николинъ день?—добавилъ Алексѣевъ, обращаясь къ парню.

— Да... помню...

— Такъ себя держать въ деревнѣ нельзя... Любя народъ, тѣмъ болѣе нельзя. Я попа ненавижу, да и онъ меня не жалуетъ... А тутъ онъ правъ.

Мароа внесла самоваръ. Алексѣевъ сталъ заваривать чай.

— Я не говорю, что хорошо,—согласился Никодимъ:—да вѣдь дѣло не въ этомъ... Сыръ-боръ загорѣлся собственно изъ-за попадьи.

— Что же попадья?

— Почтенья требовала отъ учительницы. А за что уважать ее? Дура баба, да еще злющая... Почему ее Марья Григорьевна должна уважать?

— А пѣсни-то, пѣсни, нечестивый!—подзадоривалъ фельдшеръ.

— Что жъ пѣсни!.. Не ладно, конечно. А что касается мяса, такъ вотъ что скажу: развѣ директоръ не ѣстъ мяса въ постъ? Сама попадья ему курицу жарила въ великомъ посту. Отчего же учительницѣ нельзя, а ему можно? И ужъ развѣ въ постной пищѣ вся вѣра? Живи хорошо, побожьему, это такъ. Отецъ Виталій деньги подъ вексель даетъ, у вдовы домишко продалъ, безъ крова оставилъ, съ крестомъ пьяный валяется, а ѣстъ постное... что въ этомъ проку!

— Пей-ка чай, философъ,—сказалъ фельдшеръ, подвигая парню стаканъ.

— А за что земскій начальникъ не взлюбилъ учительницу?—спросилъ я.

— Изъ-за старшины. Старшина пьяница, кулакъ и ворище, прямо надо сказать. Всю волость въ руки забралъ. Они съ земскимъ подряды вмѣстѣ берутъ, на третье лицо,—ну, и мирволитъ. Воспитанникъ старшины оттягалъ избу у женинаго брата, его вонъ выгналъ. Ничего бѣдняга подѣлать не можетъ... Марья Григорьевна заступилась, написала прошеніе куда слѣдуетъ, да и въ газетѣ напечатала всю правду. Вотъ и пошло... Сила на ихъ сторонѣ, и съѣли!

— А ловко она ихъ въ газетѣ прохватила!—съ восхищеніемъ произнесъ фельдшеръ.

— Развѣ за это могли ее уволить?

— Конечно! служащее лицо не смѣетъ писать въ газетѣ обличенія,—сказалъ Алексѣевъ.

— Прямо-то этого ей въ вину не поставили,—промолвилъ Никодимъ,—а обвинили въ томъ, что школу распустила, мысли вредныя внушаетъ ребятамъ, книги даетъ читать не такія, какія нужно... Если бы не предводитель, ей волчій паспортъ закатили бы. Онъ вступился, спасибо... Она, стало быть, по своей волѣ какъ бы ушла.

— Кто же замѣнилъ ее?

— Племянникъ поповскій. Балбесина! Его изъ училища выгнали, два года дармоѣдничалъ у отца, а теперь вотъ учителемъ.

— И здоровъ же онъ пить!—замѣтилъ Алексѣевъ.

— А слыхали вы, какъ онъ мальчишку лбомъ о доску хватилъ?

— Слышалъ,—отозвался фельдшеръ.—Вѣдь Өедоръ хотѣлъ жаловаться, да, кажется, струсилъ?

— Нельзя! Старшина его призвалъ и говоритъ: если пожалуешься, непремѣнно отпорю, ужъ найду за что!.. Ну, и присмирѣлъ Өедоръ. Вѣдь и Татьяна хотѣла жаловаться, когда поповичъ ея дѣвчонку при всемъ классѣ сволочью обругалъ и въ лицо наплевалъ... Тоже не посмѣла!.. Мужику, видно, надо терпѣть!

— Кто бы говорилъ, а не ты!

Фельдшеръ засмѣялся и обратился ко мнѣ:

— Два раза этотъ молодецъ въ холодной сидѣлъ, а туда же о терпѣніи говоритъ.

— Такъ что же... развѣ это справедливо? Вонъ вы доктору-то разъ что сказали? Васъ за это не посадили! А почему же меня можно? Развѣ законъ-то на двѣ половинки колется?

— За что васъ садили въ холодную?—полюбопытствовалъ я.

— Разъ за старшину, а въ другой — за генерала Золотарева.

— При чемъ же генералъ Золотаревъ?

— А вотъ дѣло какъ было. Сидѣлъ я на бревешкѣ вблизи деревни и удочку налаживалъ... Ѣдетъ Золотаревъ въ шарабанѣ. Вдругъ у него распряглась лошадь. Онъ увидалъ меня и кричитъ: эй, ты! поди сюда! Такъ громко кричитъ, словно на слугу... Я не вставая и спрашиваю: что вамъ надобно? А онъ выругалъ меня, да и опять: не видишь развѣ? иди, поправь!.. Ну, думаю, шалишь: если ты такимъ манеромъ, то и я не хочу, не слуга я тебѣ... Мнѣ, говорю, некогда... поправляйте сами!.. «Какъ ты смѣешь? Я тебѣ приказываю!» Развѣ я у васъ служу?—отвѣчаю я. Вы просить меня можете, а приказывать никакого не имѣете права! Хочу—сдѣлаю даромъ, нѣтъ — за плату, а то и совсѣмъ не буду дѣлать!.. Онъ изъ себя вышелъ... Я тебѣ, кричитъ, покажу право!.. Какъ тебя зовутъ? Я и отвѣчать не сталъ, поднялся съ мѣста и пошелъ... Но случился тутъ мальчишка, онъ и назвалъ мою фамилію. Вотъ земскій и засадилъ меня, когда генералъ ему пожаловался... Я и земскому сказалъ: ваша воля, а только это несправедливо... Я не слуга и не крѣпостной генерала... Развѣ я не вѣрно говорю?—закончилъ Никодимъ, обращаясь ко мнѣ.

Я вторично не могъ не согласиться съ нимъ...

— Онъ у насъ храбрый,—смѣясь, сказалъ фельдшеръ:—ему и генералъ ни по чемъ, и съ попомъ онъ воюетъ!..

— Да что вы все о попѣ, Николай Андреевичъ, — проговорилъ досадливо парень:—нельзя же его уважать, если онъ не стоитъ уваженія!.. Прямо надо сказать: онъ хуже насъ всѣхъ! Возьмите раскольниковъ. На духъ они не ходятъ, съ крестомъ не принимаютъ, а за все платятъ. И онъ доволенъ. Меньше хлопотъ!.. Или баре опять: многіе не говѣютъ, а отмѣчаются говѣющими. Почему? Пла-

тять попу! Одна барышня замужъ выходила... и не говѣла. Такъ попъ взялъ за это, чтобы отмѣтить говѣвшею,—четвертную!.. Дѣло-то спѣшное... Развѣ это не торговля? Какое тутъ уваженіе!

— А санъ?—замѣтилъ я.

— Онъ и санъ свой мараетъ. Къ нему на духъ ходить опасно.

— Почему?

— Выдастъ!

— Что вы, развѣ это возможно!

— Вѣрно. Вотъ вамъ примѣръ. Одна баба ему покаялась, что безъ мужа мальчонка прижила и въ воспитательный послала. Жила она въ кухаркахъ, а мужъ въ солдатахъ... Все шито и крыто. Но дернуло ее нашему попу покаяться. Прошло мѣсяца два. Нагрубила баба попадьѣ. Та попу пожаловалась, а онъ возьми и разскажи все мужу бабы. Тотъ вѣдь чуть не убилъ жену... Вотъ вамъ!

— За это попъ могъ строго отвѣтить! Тайна исповѣди не шутка.

— У попа крестница за секретаремъ консисторіи, и попъ поэтому ничего не боится... Мало ли онъ штукъ выдѣлывалъ — все ничего!.. Его вѣдь всѣ не любятъ, а должны у него говѣть... Разсудите: какое это положеніе?.. а тоже о вѣрѣ говорятъ... соблазнъ одинъ и все тутъ!

— Слушай, Никодимъ, ты хочешь еще чаю, или напился? — спросилъ фельдшеръ.

— Пожалуй, и будетъ. А что?

— Идемъ, я тебѣ хинину дамъ... Довольно съ тебя вольнодумствовать... Чего добраго, и насъ совратишь!

Никодимъ засмѣялся шуткѣ фельдшера.

— На счетъ ихъ не знаю, — произнесъ парень, глядя въ мою сторону: — а васъ, Николай Андреевичъ, и совращать нечего; вы сами такъ же думаете!

— Изыди, нечестивый! — замахавъ руками, воскликнулъ Алексѣевъ...

— Мнѣ бы еще и книжку, Николай Андреевичъ...

— Какую еще книжку? И такъ антихристъ антихристомъ...

Никодимъ снова засмѣялся. Шутки фельдшера ему, очевидно, нравились.

III.

Никодимъ произвелъ на меня впечатлѣніе. Людей протестующихъ среди мужиковъ я встрѣчалъ не мало; они относились къ различнымъ типамъ. Рѣзко отзываться о начальствѣ, кричать о томъ, что нѣтъ правды, заноситься передъ бариномъ любятъ многіе. На это способны и «фармазоны», и «Гаврилы», смѣющіеся надъ Степанами Бѣлыхъ и зовущіе ихъ «цѣпными псами»; «правды» искалъ и «Капитонъ изъ Веретья», надоѣвшій всѣмъ своимъ кляузничествомъ. Но между всѣми ими и Никодимомъ — цѣлая пропасть. Онъ отли-

чался отъ нихъ и постройкою фразъ, и логичностью, и опредѣленностью взгляда. На немъ сказалось вліяніе школы, книги и бесѣдъ съ интеллигентными людьми деревни. Такое вліяніе нельзя признать дурнымъ; задоръ и увлеченіе, нѣкоторая незрѣлость—все это недостатки, свойственные всякой молодости. Она всегда смотритъ на жизнь и факты нѣсколько односторонне, нерѣдко изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса. Никодимъ — не фармазонъ, не Гаврила, отстаивающій «слободу» пить, и не грубіянъ, желающій сдѣлать непріятное барину. Онъ мыслитъ по-своему, чувствуетъ все сильнѣе другихъ, чуждыхъ вліянію, какое имѣли на него школа и общеніе съ людьми мысли. Онъ хочетъ работать и жить по правдѣ, но не можетъ помириться съ тѣмъ, что онъ не ровня барину, хотя «такой же человѣкъ, какъ и тотъ». Онъ понимаетъ права, данныя ему, и возмущается, когда видитъ, что нѣтъ возможности отстоять ихъ. Этимъ зарождающимся типомъ мы обязаны школѣ, и типъ этотъ въ основѣ симпатичный, желательный, какъ желательно пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства. Никодимы хотятъ не своеволія, а законности и правды.

Занятый своими размышленіями, я не замѣтилъ, какъ вернулся Николай Андреевичъ.

— Что скажете... каковъ Никодимъ?—спросилъ онъ.

— Во многомъ онъ симпатиченъ.

— Это наша молодая деревня.

— Развѣ все такая? Она въ массѣ груба, нахальна и распущена...

— Есть грѣхъ,—согласился фельдшеръ.—Своевольны... А лучшіе изъ нихъ таковы... И Никодимъ изъ дерзающихъ, но въ хорошемъ смыслѣ слова. Онъ не будетъ только кланяться да говорить: «мы чтò... мы, извѣстно, мужики-дураки. Какъ начальство... нешто мы смѣемъ!»... Онъ уже смѣетъ, потому что началъ думать... Мраколюбцевъ это пугаетъ... «какъ, мужикъ—и думаетъ!» Бутаковъ его зоветъ вольнодумцемъ... Но почему? Вѣдь мы съ вами разсуждаемъ, и насъ за это не зовутъ вольнодумцами.

— Очень часто!

— Такъ не за это!.. Недавно здѣсь, то-есть не здѣсь, а за 35 верстъ отсюда, такая исторія вышла. На заводѣ рабочихъ стали донимать штрафами. Не въ терпежъ, что называется. Ну, взволновались, работу бросили.

— Бунтъ?

— Исправникъ такъ окрестилъ, а никакого бунта не было. Пріѣхалъ исправникъ, еще кто-то... Рабочіе съ жалобой. Имъ говорятъ, что они не въ правѣ. Они стоятъ на своемъ. Вотъ одинъ изъ такихъ, какъ Никодимъ, и говоритъ: «позвольте намъ двухъ человѣкъ къ министру послать и все ему объяснить».—Дуракъ!—закричалъ исправникъ,—да развѣ будетъ министръ тебя слушать! На то бли-

жайшее начальство есть. А парень вѣжливо и говоритъ: «вы, господинъ исправникъ, не ругайтесь, я человѣкъ, царскій подданный, какъ и вы, правъ у васъ ругать нѣтъ... а что касается начальства ближайшаго, такъ какъ же быть, коли оно по правдѣ поступать не хочетъ. Пусть разсудитъ кто выше! На то онъ и царемъ батюшкой поставленъ, награды получаетъ, чтобы отъ лиха народъ оберегать»... Вотъ что парень-то бухнулъ.

— Что же ему за это?

— У-у! Вскипѣлъ исправникъ. «Въ холодную! Я тебѣ покажу права... Въ тюрьмѣ сгною!» И забрали молодца. А потомъ и выслали: коноводъ!

— Но такъ нельзя же было говорить,—замѣтилъ я.

— Разумѣется. Задоръ! Отчего я и охлаждаю Никодима: умный парень, а ни за что пропадетъ. Въ холодной уже сидѣлъ, долго ли до порки... А случись—и покончено!

— Какъ покончено?

— Да развѣ онъ вынесетъ позоръ? Либо руки на себя наложитъ, либо, потерявъ стыдъ, озлобится и на всякое преступленіе пойдетъ... Въ человѣкѣ, если пробужденъ стыдъ, живетъ сознаніе достоинства, эти качества нельзя игнорировать... Въ нихъ—все спасеніе. У насъ это забываютъ, вотъ что скверно!

— Не крѣпки устои, если...

— Позвольте,—перебилъ фельдшеръ: — возьмите насъ съ вами: представьте, что меня выпороли въ управѣ... неужели я опять пріѣду въ пунктъ и буду лѣчить? Да я не знаю, что сдѣлаю съ собою и съ тѣми, кто на меня посягнетъ. Съ Никодима еще меньше можно спрашивать: онъ вѣдь, пожалуй, со своимъ достоинствомъ, съ правдой больше нашего носится... Его всего такъ перевернетъ, что онъ растеряется... У него и софистики спасительной не найдется, какъ у нѣкоторыхъ плюгавенькихъ интеллигентовъ... Сразу опустится, и вмѣсто человѣка звѣремъ сдѣлается.

— Онъ изъ богатой семьи?

— Какое! Отецъ плотникъ, дома и не живетъ. Старшій братъ женатый и живетъ отдѣльно. Онъ тоже плотничаетъ. Еще два брата съ Никодимомъ и матерью живутъ, занимаются хлѣбопашествомъ. Средній немножко кузнецъ. Это—смирняга, только его не тронь. А младшій Митька весь въ Никодима, только Никодимъ поумнѣе. Оба у Марьи Григорьевны учились.

— Кто она?

— Дочь полковника, гимназію съ золотой медалью кончила.

— Изъ идейныхъ, стало быть?

— Да по принципу пошла въ учительницы.

— Важно, когда по любви, а не по принципу.

— Она и любитъ дѣло. Это—борецъ... И пуританка, при этомъ.

— А какую книгу Никодимъ просилъ у васъ?

— Некрасова. Очень его любитъ... Наизусть катаетъ многіе стихи... Онъ и Тургенева читалъ, и журналы беретъ... сочувствуетъ болѣе всего «Вѣстнику Европы»,—добавилъ фельдшеръ съ улыбкой.

— Понимаетъ?

— Экзамена ему не дѣлалъ... Марья Григорьевна пріучила его... Она поклонница этого журнала. Она вслухъ имъ читала, а потомъ разсуждала съ ними.

— Не слишкомъ ли это, Николай Андреевичъ?

— Почему? Если понимаютъ, такъ что же... горизонтъ шире... Это и задача школы.

— Съ большой оговоркой, по моему мнѣнію. А какъ онъ относится къ религіи?

— Не безбожникъ, это могу сказать... Обряды, правда, не считаетъ важными, ну, а сущность признаетъ: жизнь, добрыя дѣла — на первомъ планѣ. Вѣдь это и хорошо.

— Я не вполнѣ согласенъ... Ослабленіе обряда не желательно... То, что считается только внѣшнимъ, имѣетъ глубокое внутреннее значеніе... Добродѣтель — сама собой. Въ этомъ по-моему ошибка учителей, въ родѣ Марьи Григорьевны.

Фельдшеръ горячо возразилъ на это:

— Но если выбирать одно изъ двухъ? Вѣдь обрядъ убилъ сущность, и ужъ тутъ не Марьи Григорьевны виноваты... вы это сами понимаете. Посмотрите, что сдѣлалъ недавно здѣшній попъ...

— Что?

— Въ приходскій праздникъ отказалъ въ причастіи всѣмъ дѣтямъ. Дескать—въ праздникъ некогда... Почему? Торопился славить! Тутъ десять минутъ всего и времени, а какое тяжелое впечатлѣніе на дѣтскую душу легло!.. Дѣвочка одна разрыдалась... Еще: попъ не хотѣлъ брать за вѣнчаніе меньше 20 рублей. Мужикъ и говоритъ: что-жъ, батюшка, въ молокане штоль мнѣ идтить?.. Подумайте-ка объ этомъ...

Николай Андреевичъ вынулъ часы изъ жилетнаго кармана и воскликнулъ:

— Скоро пять! Надо больную навѣстить... Пойдемте со мною. Оттуда къ Ѳомѣ на мельницу завернемъ...

Я согласился. Ѳому я зналъ еще въ дѣтствѣ, и мнѣ хотѣлось повидать старика.

IV.

Алексѣева любили въ селѣ. Когда мы шли по широкой улицѣ села, встрѣчавшіеся крестьяне, особенно бабы, не ограничивались поклонами, а окликали фельдшера и пускались съ нимъ въ разговоры, относясь, какъ къ человѣку близкому.

— Это что такое?—съ недоумѣніемъ промолвилъ Алексѣевъ и крикнулъ мальчишкѣ, бѣжавшему безъ шапки, съ испуганнымъ лицомъ:

— Вавила, куда ты?

— За урядникомъ!

— Что случилось?

— Борисъ опять взбунтовался... чуть старшину не прибилъ, а въ дочь евонную полѣномъ пустилъ.

— Что же вы его домой не увели?

— Возьмешь его! Онъ кричитъ: не подходи... убью!.. пьяной!..

— Чтобъ его!.. Вотъ вамъ обратная сторона свѣтлой медали,— сказалъ фельдшеръ, обращаясь ко мнѣ...

До насъ доносились крики. Между громкими фразами, которыхъ вполнѣ нельзя было разобрать, ясно выдѣлялись ругательныя слова, столь любимыя народомъ.

Мы завернули за уголъ и увидѣли оборванца, который сидѣлъ на бревнѣ и кричалъ, грозя кулакомъ на окна большого дома.

— Это домъ старшины?—спросилъ я у фельдшера.

— Да,—отвѣтилъ Алексѣевъ и добавилъ:—вы не говорите ничего Борису... Я попробую его успокоить... Борисъ! что ты это опять воюешь?—крикнулъ онъ громко, но полушутливо, и даже улыбнулся при этомъ.

Оборванецъ повернулъ голову, посмотрѣлъ вызывающе, но вдругъ выраженіе лица его измѣнилось.

— Николай Андреичъ!—воскликнулъ онъ, поднимаясь съ бревна...

— Что ты тутъ буянишь?—повторилъ фельдшеръ, когда мы подошли къ оборванцу.

— Милый Николай Андреичъ!.. будь другъ!.. въ тебѣ есть совѣсть.

— А въ тебѣ развѣ нѣтъ ея, Борисъ?

— Нѣту!.. Какая у меня совѣсть... я поротый... бродяга!

— Глупости все, Борисъ! на себя клеплешь! Забралъ въ голову нелѣпую мысль—и твердишь!

— Глупости? Нѣтъ, Николай Андреичъ, не глупости... Ты не испыталъ, такъ и не знаешь... Помнишь меня... развѣ я такой былъ? Пилъ я?

— И хорошо было... а теперь скверно, и я тебя не хвалю.

— А его похвалишь?

Борисъ указалъ рукой на домъ старшины.

— И его не хвалю. Но вѣдь я тебѣ говорилъ: брось деревню... иди куда нибудь... работай и будь человѣкомъ... Ну, что если бы Марья Григорьевна узнала? Что бы она сказала на это?

Около насъ стала собираться толпа.

— Хорошенько его усовѣсти, Николай Андреевичъ,—сказала какая-то баба:—а то онъ дѣвку изобидѣлъ, да и старшину чуть не убилъ!

— Врешь, Татьяна!—крикнулъ Борисъ:—не думалъ я убивать... а въ рожу дать... это вотъ я хотѣлъ...

— А чѣмъ онъ виноватъ? Не пей!

— Молчи,—сказалъ фельдшеръ бабѣ и обратился опять къ Борису:—Ну, чего неладное говоришь!.. Иди домой... выспись, да приходи ко мнѣ, мы потолкуемъ... Идемъ!

Онъ взялъ Бориса за руку.

— Погоди, Николай Андреевичъ! Постой! А кто съ меня голову снялъ? Чрезъ кого я Пашутки лишился? Что я теперь за человѣкъ? Пьяница! А все онъ! Вотъ и сейчасъ: я, говоритъ, тебя еще отпорю... потому пьянствуешь... Ну, пьянствую!.. А развѣ за пьянство можно пороть?

— По головкѣ гладить, что ли?—послышался голосъ изъ толпы.

Борисъ не обратилъ вниманія на эти слова и продолжалъ, хватая Алексѣева за рукавъ пиджака:

— Можно?—ты скажи: можно?

— Чего спрашиваешь... самъ вѣдь знаешь!

— Знаю! А почему Маслова не порютъ? Не меньше моего пьянствуетъ!..

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Ты ужъ и отца Виталія прихвати... Онъ тоже выпить мастакъ!—сказалъ рыжій мужикъ, стоявшій вблизи.

— Дура-акъ!—медленно выговорилъ Борисъ...

— Ишь, онъ и барина сѣкъ бы!—промолвила баба...

— А почему нельзя?

— Потому что баринъ... не тебѣ чета!.. Ишь, сравнилъ!

— Эхъ, вы, головы умныя!—произнесъ Борисъ пренебрежительно:—баринъ!.. Да за что порютъ? за пьянство?

— Извѣстно!

— Такъ не все равно: я или онъ? Если пьянство худо, у обоихъ худо... И если ты баринъ, ты еще строже соблюдай себя!..

— Извольте съ нимъ разговаривать, — промолвилъ шепотомъ Алексѣевъ, обращаясь ко мнѣ:—вѣдь пьянъ, а врѣзалось въ голову и твердитъ одно...

Онъ взялъ за руку Бориса.

— Слушай! Ну, будь умнѣе другихъ! Пойдемъ домой... Ты разсуждаешь вѣрно, и я съ тобой согласенъ, но пойдемъ! А то еще урядникъ придетъ...

— Урядникъ? я ему покажу!..

— Ну, оставайся! Только знай, я тебѣ больше не знакомый... Буду писать Марьѣ Григорьевнѣ, напишу все...

— И пиши! Что я теперь? Она все знаетъ и такъ...

— Ничего не знаетъ!

— Какъ ничего?

Борисъ впился воспаленнымъ взоромъ въ фельдшера.

— Какъ ничего?.. и что меня пороли — не знаетъ?

— Не знаетъ...

— И не врешь? Не врешь? Ну, побожись!

— Честное слово!—сказалъ фельдшеръ.

— Николай Андреевичъ! другъ! да ужели? Голубчикъ!.. Ничего не знаетъ?

Борисъ вдругъ заплакалъ.

— Марья Григорьевна... Голубушка!.. Пожалѣй!.. Обидѣли меня... всего лишили... Родная!..

— Урядникъ идетъ!—промолвила баба.

— Идемъ, Борисъ!—повторилъ фельдшеръ:—а завтра ей напишемъ!

— Напишемъ!.. Я все разскажу...

Онъ безъ сопротивленія пошелъ, поддерживаемый Алексѣевымъ.

— Милый мой... другъ!.. Если бы она... а этому подлецу старшинѣ... я его подпалю!—бормоталъ Борисъ, размахивая руками.

Онъ жилъ съ братомъ и съ матерью. Братъ уѣхалъ въ городъ, и дома оставалась одна мать.

— Смотри-жъ, Борисъ, спать сейчасъ! А завтра я зайду,—сказалъ Алексѣевъ.

— Зайдешь? Спасибо! Другъ, дай руку!

На возвратномъ пути намъ попался урядникъ.

— Гдѣ Борисъ?—спросилъ онъ у фельдшера.

— Домой свелъ я его... Не трогайте теперь...

— Да онъ старшину убить грозится.

— Оставьте дозавтра... теперь такую кашу заварите, что и сами не рады будете!

— Эхъ, убрали бы его хотя!—произнесъ урядникъ недовольнымъ тономъ.—Надоѣлъ онъ!.. Прощайте, Николай Андреевичъ!

Когда онъ отошелъ отъ насъ, фельдшеръ заговорилъ вполголоса:

— Глуповатъ, а малый добрый... Не придира. Будь другой—Борису давно бы капутъ!.. Такъ бы запротоколилъ, что въ Сибирь угодилъ бы ученикъ Марьи Григорьевны... У этого есть сердце!..

V.

Пріятель отправился къ больной, а я пошелъ на мельницу. Еще издалека слышался шумъ воды на запрудѣ. На рѣкѣ, на плотахъ, сидѣли маленькіе рыболовы. Кругомъ было тихо, и въ этой тишинѣ особенно явственно выдѣлялся шумъ падающей воды. Въ дѣтствѣ, когда мы пріѣзжали сюда, я любилъ подолгу стоять у запруды и бросать щепки въ «мельничный водопадъ», какъ выражался мой кузенъ. И тогда тутъ жилъ Ѳома, умный степенный мужикъ, котораго дѣдушка звалъ «министромъ» и говорилъ, что слово Ѳомы крѣпче всякаго векселя. Теперь Ѳома самъ уже не работалъ, а только присматривалъ. Завѣдывали дѣломъ сынъ и внукъ, называвшіе Ѳому въ шутку «главнымъ надзирателемъ».

Ѳома сидѣлъ на крылечкѣ избушки, выходившей окнами на лугъ, и пилъ чай. Старикъ былъ одѣтъ въ пестрядинную рубаху, подпоясанную узенькимъ пояскомъ. Ѳома не любилъ ходить въ сапогахъ,. предпочитая имъ лѣтомъ лапти, а зимою — валенки. Въ лаптяхъ онъ сидѣлъ и теперь. Короткіе и широкіе штаны изъ какой-то сѣрой матеріи не доходили до лаптей и обнаруживали костлявыя загорѣлыя ноги.

Увидѣвъ меня, Ѳома привѣтливо кивнулъ головой и, когда я подошелъ къ самому крыльцу, поставилъ на крыльцо блюдечко и протянулъ мнѣ жилистую руку.

— Здорово, другъ милый! Давно-ль въ родныхъ мѣстахъ?

— Два дня, какъ пріѣхалъ.

— На долго-ль Богъ принесъ?

— Да такъ на недѣльку, другую.

— Мало! Чтобъ тебѣ подольше пожить. Воздухъ здѣсь легкій,— смотри, какая благодать Господня... А что теперь въ городѣ?..

— На Волгу ѣду, Ѳома.

— Это ино дѣло... Съѣзди, погляди на матушку Волгу... Великая рѣка Божья.

— Мельчаетъ, Ѳома.

— А ужъ это дѣло рукъ человѣческихъ, мой милый! Богъ далъ, а мы опакостили... Хозяйничать не умѣемъ... Добро Божье гадимъ... Чаю хочешь?

— Спасибо! Сейчасъ пили съ Николаемъ Андреичемъ.

— Какъ знаешь! Машутка, плесни-ка мнѣ чайку!

Дѣвочка лѣтъ 12-ти, босая, взяла чашку, поглядѣла на меня и шмыгнула въ избу.

— А гдѣ-жъ твой дружокъ?—спросилъ Ѳома.

— Алексѣевъ?..

— Кто же иной!.. Дружокъ и хозяинъ, стало!

— Къ больной пошелъ... Зайдетъ сюда.

— Хорошій онъ... Я его люблю... Только высоко заносится.

— Какъ высоко? Онъ не гордый!

— Я не про то... Въ мысляхъ высоко летаетъ... въ разсужденьяхъ... Ему все ни по чемъ! Нонѣшніе все такъ.

— А ты знаешь буяна Бориса?—спросилъ я.

— Какъ не знать! Мальчонкомъ ко мнѣ бѣгивалъ... Смышленый былъ... Гадали, человѣкомъ станетъ, а на мѣсто того вотъ какой вышелъ.

Я разсказалъ, что было сейчасъ.

— Ишь оно!— произнесъ старикъ, принимая чашку изъ рукъ дѣвочки.—Иди, иди! Неча слушать, не съ тобой говорятъ!—строго добавилъ онъ, обращаясь къ внучкѣ.

Дѣвочка исчезла, а Ѳома медленно началъ наливать на блюдечко чай и продолжалъ тихимъ голосомъ:

— И что его не выселять... приговоромъ бы и все тутъ... Долго ли, коротко ли — онъ либо спалитъ старшину, либо убьетъ его... Другого и ждать неча: разбойникъ сталъ!

— А все оттого, что его выпороли. Онъ самъ говоритъ это.

Ѳома махнулъ рукой.

— Слушай его!—произнесъ старикъ.—Выпороли! А нешто другихъ не сѣкутъ? А не разбойничаютъ!

— Онъ въ школѣ учился, Ѳома... Ну... какъ бы тебѣ это объяснить...

— Да что объяснять-то, милый мой! Знаю, что онъ говоритъ: меня, дескать, опозорили, теперь мнѣ все ни по чемъ! Да нешто эти слова можно во вниманіе брать? Чай, теперь онъ еще больше себя позоритъ!

— Онъ не могъ вынести!

— Опять враки! Ну, уйди отселя, коли стыдно. На чужой сторонѣ кто знать будетъ? Нѣтъ, это ужъ, стало, такой человѣкъ, что его на скверное тянетъ... Кому школа въ пользу, а ему во вредъ. Ты думаешь, всякому ученье-то въ прокъ? Кому какъ, милый!..

— Вотъ же Никодимъ!

— Какой Никодимъ? Плотника Михайлы сынъ?

— Должно быть... у него отецъ не живетъ здѣсь,—отвѣтилъ я.

— Ну, ну... онъ и есть...

— Парень хорошій.

— Никодимъ другой души... У него и мать богобоязненная баба... Себя всегда соблюдала въ законѣ и въ сына вложила... Никодимъ ни на какое худое дѣло не пойдетъ... Выпори его... Онъ все едино— на пакость не кинется!

— А за то съ собой покончить можетъ!—замѣтилъ я.

— Что ты! А пущай хошь и такъ! Все-жъ это не разбой. Вотъ, милый мой, такой стыдъ еще это такъ!.. Малодушье и грѣхъ, извѣстно это, а все же самъ себя... И честный человѣкъ скорѣй съ собой порѣшитъ, чѣмъ на другого руку подниметъ... Никодима съ Борькой равнять нельзя... Знаешь, ученье, что зерно хлѣбное: куды упадетъ! У Никодима почва добрая... помнишь, какъ въ Евангеліи-то сказано?

— Однако, онъ не изъ смирныхъ, и со старшиной и попомъ воюетъ?

— Съ попомъ, да не съ Богомъ, это особь статья...

Ѳома дохлебнулъ остатки чая съ блюдечка и заговорилъ наставительно:

— Вотъ и дружокъ твой, Миколай Андреичъ, не изъ уступчивыхъ: зубъ за зубъ съ начальствомъ... Это все оттого, что возносится въ мысляхъ... А на худое и онъ не пойдетъ... Ты не зналъ учительницы-то прежней?—вдругъ закончилъ вопросомъ Ѳома.

— Нѣтъ, но слышалъ про нее...

— Барышня она, правду сказать надо, хорошая, пущай попъ ее и хаетъ... А я всегда скажу: золотая барышня, добрая, ласковая... на всякую послугу душой всей... И науку произошла доподлинно... А вотъ только одно: возносится въ мысляхъ и жизни крестьянской не понимаетъ.

— Что ты, Ѳома: да она дочь помѣщика.

— А не знаетъ! Вѣдь она и набаловала всѣхъ ихъ—и Никодима и прочихъ другихъ: мужикъ, дескать, такой же, какъ и всѣ, правовъ его нельзя отнимать, и коли что не по правдѣ, стой за себя... не покоряйся!

— Вѣдь для того и права, Ѳома, чтобы ими пользоваться!

— Мало ли бъ что! Думаешь, я ничего и не понимаю? Не менѣ нонѣшнихъ, а молчу! Потому что-жъ: на старости-то лѣтъ не въ холодную садиться, а то, гляди, и дальше упрячутъ! Слыхалъ поговорку: съ медвѣдемъ конь тягался, да хвостъ одинъ и остался.

— Если такъ разсуждать, Ѳома...

— Погоди,—перебилъ онъ:—дай кончить: я старъ, память-то плохая, гляди и забуду все... Вона и Никодимъ тоже: нельзя допущать... Да ты вотъ что подумай: отъ словъ-то нешто будетъ прокъ? Кабы Никодимовъ-то полдеревни было, а не одинъ, ну, такъ... А то гдѣ они? Одинъ-то, милый, и у каши не споръ... То сообрази... Да я парня, впрочемъ, не хаю... А только въ работники бы его не взялъ!

— Отчего?

— Куда-жъ его: все насчетъ правовъ... Жилъ онъ у барина, жалованье—хорошее.

— Я эту исторію знаю.

— А знаешь—такъ вотъ и разсуди. Какимъ же манеромъ я его возьму, если съ нимъ на кажинный вершокъ считаться надо-ть, да уговоръ писать: это—можно заставить, а то—не евонное дѣло... И опять—не изругай его Въ хозяйствѣ это не мыслимо...

— Самолюбіе, Ѳома...

— Ну, и пущай! А съ такимъ правомъ какой же онъ работникъ!.. Да годи, пройдетъ все... отъ молодости пока... образумится, человѣкомъ будетъ... а покамѣсть балаболка!.. Э-э!.. вонъ и дружокъ твой идетъ... ишь, какъ... сейчасъ видно, что самъ себѣ большой... Ну, что, дохтуръ, вылѣчилъ ли?

Алексѣевъ поздоровался съ Ѳомой и промолвилъ, опускаясь на ступеньку крыльца:

— Усталъ... О чемъ вы тутъ бесѣдуете?

— Да вотъ Ѳома противъ школы,—сказалъ я.

Старикъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ же облыжно говорить,—произнесъ онъ:—я не противъ ученья... Ученье—свѣтъ, давно сказано, а только какой свѣтъ... Лампа иная и свѣтитъ, да коптитъ, тоже вотъ и тутъ бываетъ... съ копотью...

— Извольте видѣть, какія онъ сравненія подбираетъ!—воскликнулъ Алексѣевъ.—Вотъ вамъ и мельникъ!

— Вѣрно говорю... Хотя бы насчетъ Марьи Григорьевны: что хорошо, то хорошо; напримѣръ, чтобъ бабу жалѣть, обращаться съ ней по правдѣ, а не какъ съ кобылой: ну да ну, а то и въ зубы... Это—доброе наставленіе...

— Полно, старина,—замѣтилъ фельдшеръ:—Марья Григорьевна только хорошему и учила: себя уважать, какъ человѣка, другихъ не обижать, чорта не бояться...

— Погоди, дохтуръ,—возразилъ Ѳома:—ты мудрено что-то очень... Зачѣмъ чорта бояться... бояться надо Бога, да и то не отъ страху, а по любви... Я вѣдь Марью-то Григорьевну тоже хорошо знаю... Сживала здѣсь у меня, и разговаривали мы не одинова. Я ей прямо говорилъ: золотая у тебя душа, а только на всѣ плечи одинъ кафтанъ не взлѣзетъ... ты одного роста, а моя баба другого... тоже и касаемо мужика.

— Что же она на это?—спросилъ я.

— Она засмѣялась и говоритъ: и мужикъ, погоди, выростетъ... Ну, говорю опять я: когда выростетъ, тогда и въ пору будетъ.

— Онъ и растетъ, а Марья Григорьевна помогаетъ росту,—сказалъ фельдшеръ.

— Извѣстно, растетъ,—согласился Ѳома:—все растетъ: и травка божья въ полѣ, и овощь на огородѣ, и человѣкъ... такъ отъ Господа положено.

— А поливать гряды надобно, аль нѣтъ?

— Надобно... а травку и самъ Богъ поливаетъ... печется о ней. А что человѣкъ поливкой-то добьется? Поливай, не поливай, морковка до поры до времени не выростетъ... на все срокъ положенъ...

— А не поливать, засохнетъ все, Ѳома!—сказалъ опять фельдшеръ.

— Богу угодно—не посохнетъ... дождь наведетъ и не посохнетъ... И мужикъ тоже...

— А когда мужикъ выростетъ, Ѳома?

— Воля Божья, Онъ про то и знаетъ... Ты сажай деревья, и жди... и тѣнь будетъ... нельзя безъ терпѣнья... Эхъ, милые мои, люблю я васъ... только много въ васъ гордости... а что сказано: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ...

— На смиренныхъ всѣ верхомъ ѣздятъ,—докончилъ по-своему Алексѣевъ.

— А буйнаго треножатъ, милый мой,—съ улыбкой произнесъ Ѳома:—желѣза надѣваютъ, вотъ какъ... Машутка!—крикнулъ старикъ:—возьми-ка чашку... напился... довольно!..

Онъ вздохнулъ и поднялся съ мѣста.

— Заходи еще когда,—обратился онъ ко мнѣ:—старъ я... глядишь, на будущее лѣто и въ живыхъ меня не застанешь... Долго ли... Человѣкъ, яко трава, дни его, яко цвѣтъ сельній, тако отцвѣтетъ...

Ѳома закашлялся. Мы простились съ нимъ и отправились домой.

VI.

Еще съ пяти часовъ утра начали съѣзжаться больные въ земскій пунктъ. Алексѣевъ принималъ ежедневно, но по праздникамъ и воскресеньямъ, какъ въ дни нерабочіе, народу съѣзжалось всегда больше.

Подъ окномъ стоялъ громкій говоръ, раздавались визгливые голоса бабъ, плачъ ребятъ; ржали лошади, позвякивали бубенцы.

Алексѣевъ, разбуженный шумомъ, поднялся съ постели.

— Что, и васъ разбудили?—спросилъ онъ меня.—И не дадутъ уснуть... Эхъ, чтобы чортъ его побралъ!

— Кого?

— Курицына... доктора нашего. Вотъ ужъ больше мѣсяца глазъ не кажетъ.

— Боленъ, можетъ быть.

— Въ карты играть здоровъ! Я писалъ, писалъ... попустому! Что ему? Женатъ на племянницѣ губернатора и въ усъ не дуетъ...

Фельдшеръ сталъ одѣваться; я послѣдовалъ его примѣру.

Солнце свѣтило ярко, но зноя не было, и дышалось легко. Съ полей тянуло сѣномъ. Умывшись, я вышелъ на улицу. При моемъ появленіи нѣкоторые мужики сняли шапки и поднялись; другіе только дотронулись рукой до шапокъ, а иные, продолжая сидѣть, глядѣли на меня съ любопытствомъ или совершенно безучастно.

— Не дохтуръ ли новый?—донесся до меня бабій голосъ.

— Не слыхать, чтобы... не должно...

Въ эту минуту отъ одной изъ телѣгъ отошелъ парень и приблизился ко мнѣ.

— Здравствуйте!—произнесъ онъ, протягивая руку.

Это былъ Никодимъ. Мы обмѣнялись рукопожатіемъ, и это сразу измѣнило картину. Мужики, снявшіе шапки и поднявшіеся съ земли, сѣли, какъ бы не довольные своей ошибкой. Смолкніе разговоры возобновились. Очевидно, всѣ рѣшили, что если я не такой же «фершалъ», какъ и Алексѣевъ, то во всякомъ случаѣ «не важная птица»...

— Ты зачѣмъ?—спросилъ я у Никодима, которому я при первой встрѣчѣ говорилъ «вы», а теперь «ты» вырвалось у меня невольно.

— Да маткѣ хуже... Привезъ вотъ... А ты все еще гостишь!— промолвилъ Никодимъ, и было ясно, что его обращеніе ко мнѣ

«на ты» не случайно: я ему сказалъ «ты», и онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же.

— Послѣзавтра уѣзжаю.

Я присѣлъ на скамейку у забора. Никодимъ сѣлъ рядомъ со мною. Вблизи, на травѣ лежалъ старикъ въ какой-то коцевейкѣ и съ рукой на перевязи. Онъ поклонился мнѣ. Я отвѣтилъ на поклонъ и спросилъ:

— Что у тебя съ рукою?

— Нарываетъ... Христосъ знаетъ что!

— Этотъ старикъ изъ Бокина, караульщикъ огородный,— промолвилъ Никодимъ вполголоса.—Изъ солдатъ... Вотъ жизнь-то!..

— А что?

— Безъ роду, безъ племени... А задорный старичишка... Не смирнѣе меня!—съ улыбкой произнесъ парень.

— Бунтуетъ?—шутливо спросилъ я.

— Нѣтъ, а гордится тѣмъ все, что на войнѣ больше дюжины турокъ уложилъ... А я его зову убійцей!

— Зачѣмъ же? Онъ и самъ на смерть шелъ.

— Это вѣрно... Но для чего воевать? Всѣ люди... Земли хватитъ на всѣхъ... Развѣ Богъ для того создалъ насъ, чтобы мы, какъ собаки, грызлись?.. Надо въ мирѣ жить!

— Такъ нельзя разсуждать,—сказалъ я.

— А Христосъ что говорилъ: поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ. И что мнѣ, къ примѣру, нѣмецъ худого сдѣлалъ? За что я его буду бить? Это теперь все такъ, а будетъ время — и воевать не станутъ... Живи... Солнце вѣдь для всѣхъ свѣтитъ, и птицы для всѣхъ поютъ!..

— Не въ птицахъ дѣло,— усмѣхнувшись, сказалъ я.

— А въ чемъ? Не въ вѣрѣ ли?—подхватилъ Никодимъ,— вотъ тоже: Богъ одинъ, молись, какъ хочешь! А изъ-за чего ссорятся: не съ того боку крестъ кладешь! Мучили староверовъ... Теперь вотъ сектантовъ преслѣдуютъ... А за что? Живи хорошо, по-божьему, а молись, какъ хочешь,— это твое дѣло.

До солдата долетѣли послѣднія слова.

— Что ты мелешь, пустозвонъ,— проворчалъ онъ сердито:— потвоему и жидовская вѣра не хуже православной?

— Богъ у всѣхъ одинъ, Ермолай! Отецъ-то небесный одинъ, у насъ и у евреевъ. Они только Сына Его не признаютъ... Такъ это ихъ дѣло... За что ихъ тѣснить? Другой жидъ лучше православнаго по жизни и дѣламъ... Развѣ русскій не можетъ быть жида хуже!

— Жидъ, такъ жидъ и есть, его грѣшно и равнять съ русскимъ... Жиды Христа распяли... Аль не знаешь этого? — насмѣшливо заключилъ солдатъ.

— Да вѣдь не нынѣшніе, Ермолай!

— Все равно.

— Какъ, все равно? Ты убьешь,—развѣ твоего сына будутъ за это судить?

— Чего тамъ убить... Они вѣдь не человѣка, а Христа нашего распяли, дурья голова! По-твоему, поумному, и турка такой же, какъ христіанинъ?

— Развѣ турокъ не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ?

— Пущай хоть расхорошій, да онъ Мухаметку за святого считаетъ, а кто этотъ Мухаметъ?.. Обманщикъ и плутъ... А у нихъ — пророкъ!.. Вотъ за это они всѣ и будутъ въ аду!

Разговоръ Ермолая съ Никодимомъ заинтересовалъ и другихъ; нѣсколько человѣкъ приблизились къ намъ и внимательно слушали.

— Турка что... Онъ свиного уха боится! — замѣтилъ кто-то презрительно.—Гдѣ ему до насъ!

— Всякій по своей вѣрѣ живи, и спасешься! — сказалъ Никодимъ,—хуже, если ты православный, а живешь, какъ турка, что ли...

— Что турка, что татаринъ — все одна собака, — промолвилъ строго сѣдой сторожъ, опиравшійся на палку.

— Зачѣмъ же собака, — замѣтилъ я, — онъ такой же человѣкъ, какъ и мы.

— Что ты говоришь! — возразилъ старикъ. — У насъ законъ, а у него какой законъ? У него женъ сколько хочешь!

— А у Завьялова три любовницы... Развѣ это лучше?—сказалъ Никодимъ.

— Любовница — любовница и есть, — отвѣтилъ старикъ.—А то жена... Всѣ жены... Словно псы, прости Господи!.. Снюхался, — и жена стала. Какой же это законъ? У нихъ и Богъ беззаконный и пророкъ поганый... Самъ себя въ святые произвелъ!..

Выраженіе «беззаконный Богъ» заставило меня разсмѣяться.

Старикъ обидѣлся.

— Ты баринъ, или кто тамъ, не знамо, не смѣйся безъ пути... Я въ ихъ землѣ живалъ, видѣлъ все... У нихъ и молитва поганая... Какъ они молятся? Сядутъ на корточки, словно собака служить наладилась!.. И лопочетъ... Нѣтъ, чтобы перекрестились, и степенно... Мерзость одна!

— Ты бы книжку хорошую прочиталъ, если грамотный, тогда бы и не говорилъ такъ, — произнесъ Никодимъ наставительно, поднимаясь со скамейки.

— Нечего мнѣ читать,—отозвался старикъ,—это ужъ ты читай... Только погляжу на тебя, такъ отъ книги-то ты глупѣе становишься, а нисколько не умнѣе!.. Пустозвонъ ты, правду молвилъ Ермолай.

Никодимъ ничего не отвѣтилъ на это и направился къ телѣгѣ, гдѣ лежала больная мать. Старикъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, проворчалъ гнѣвно: «вольница... басурманъ!» — и зашагалъ къ бревну, на которомъ сидѣлъ раньше.

Отворилось окно, и раздался голосъ Алексѣева:

— Входите... да по одному! Сначала съ дѣтьми!

VII.

Черезъ три дня я уѣхалъ... Думалъ я еще завернуть въ это же лѣто къ пріятелю, но не пришлось, и съ Волги направился прямо въ Петербургъ.

Нынѣшней весной мнѣ пришлось быть въ Ярославлѣ. Тамъ, на журфиксѣ, у знакомыхъ мнѣ представили «земляка».

— Отставной капитанъ Малининъ,—отрекомендовался тучный блондинъ.

— Вы сонскій житель?—спросилъ я.

— Видите,—промолвилъ онъ:—это небольшая натяжка. Я не сонскій уроженецъ. Я всего три года, какъ купилъ имѣніе въ Сонскомъ уѣздѣ...

Къ намъ подошелъ братъ хозяина и предложилъ партію винта.

— Я сейчасъ сражался въ шахматы... А впрочемъ съ удовольствіемъ... Мы еще съ вами поговоримъ, — промолвилъ Малининъ, обращаясь ко мнѣ.

За ужиномъ намъ пришлось сидѣть рядомъ. Малининъ началъ разспрашивать меня о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ, хвалилъ сонскаго адвоката Дерюгина. Вдругъ кто-то упомянулъ фамилію Напалова и замѣтилъ: это—прекраснѣйшій человѣкъ.

Мой сосѣдъ оборвалъ фразу на полу-словѣ и воскликнулъ, мѣняясь въ лицѣ:

— Извините, можетъ быть, вы хотите сказать: прекраснѣйшій доносчикъ.

Эти слова поразили всѣхъ. Похвалившій Напалова какъ-то неловко улыбнулся и произнесъ вполголоса: «Я не знаю... не замѣчалъ»...

— Такъ сильно выражаться... едва ли удобно! — послышалось съ другого конца.

Малининъ выпрямился, и глаза его загорѣлись.

— Простите, если я выразился рѣзко,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, здѣсь есть его друзья... Я готовъ на все... Но я зналъ, что говорилъ... Я едва не поплатился высылкой, благодаря его клеветѣ.

— На васъ донесли?—спросилъ я.

— Да... Не по вкусу пришелся. Они тамъ, этотъ Напаловъ и земскій, съ однимъ адвокатомъ, выгнаннымъ изъ присяжныхъ продѣлываютъ разныя мерзости, закабалили чуть не полъ-уѣзда. Я держался иначе... и захотѣлъ помочь двумъ деревнямъ. Вотъ Напаловъ и донесъ на меня, что я будто бы убѣждаю мужиковъ не платить подати и дерзко отзываюсь о дѣйствіяхъ правительства. Ну, люди «подлежащаго вѣдомства» прискакали, и допросъ. Сперва тайный, а потомъ и гласный. Крестьянъ собрали... Негодяи эти и на крестьянъ насѣли: однихъ запугали, другихъ подкупили. Показанія не въ мою пользу.

— Однако и мужички!

— За ведро водки сколько угодно лжесвидѣтелей найдется. И мнѣ бы пришлось плохо, если бы не одинъ крестьянинъ... Этотъ мужикъ, еще молодой, не пошелъ на сдѣлку и обличилъ своихъ во лжи. Онъ разсказалъ всю правду, на свѣжую воду вывелъ всѣхъ ихъ: и Напалова и его друзей... и такъ подѣйствовалъ на односельчанъ, что большая часть ихъ отказалась отъ своихъ ложныхъ показаній. Скандалъ вышелъ крупный, сенсація на весь уѣздъ. Да что уѣздъ! Дошло до губернатора, едва замяли все... Я оправдался, но Никодима—бѣднягу, пожалуй, съѣдятъ эти волки...

— Какъ вы сказали: Никодима?—спросилъ я.

— Да... а что?

— Я зналъ Никодима одного, пріятель фельдшера Алексѣева.

— Фельдшеръ Алексѣевъ? Я его тоже знаю. Малый славный! Можетъ быть, этотъ Никодимъ и есть... Онъ отъ села въ верстахъ четырехъ, отъ меня—въ полу-верстѣ...

— Это онъ! Учился въ школѣ...

— Да, да... Учительницу все не можетъ забыть...

— Это онъ!—уже вполнѣ увѣренно сказалъ я.

— Вообразите, какіе герои попадаются среди крестьянъ!—съ ироніей произнесъ кто-то изъ гостей, слышавшихъ нашъ разговоръ.

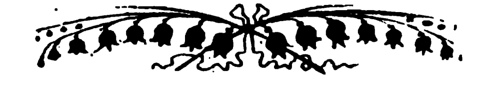
— Къ сожалѣнію, рѣдкіе,—отозвался Малининъ.—Большинство—такая дрянь, что продадутъ за пятачокъ... Иныхъ школа еще хуже дѣлаетъ! А ужъ если выбирать изъ двухъ мерзавцевъ, то не ученый все же лучше!

— Это вѣрно-съ,—охотно согласился визави:—большое знаніе вредно для мужика.

— Все дѣло въ томъ, каковы учителя,—сказалъ сѣденькій человѣкъ въ формѣ военнаго врача...

Вернувшись въ гостиницу, я долго не могъ уснуть... Невеселыя думы овладѣли мною, и мучительный вопросъ назойливо засѣлъ въ мозгу.

А. Кругловъ.



ЗАПИСКИ ГРАФА Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО[1].

V.

Боязнь промедленія въ дорогѣ. — Эпизодъ съ генераломъ Глуховымъ. — Графъ Гудовичъ. — Графъ Морковъ. — Отставка Гудовича и назначеніе Розенберга. — Несостоявшееся сватовство. — Посѣщеніе Каменца великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. — Полковникъ Удомъ и опредѣленіе его въ должность полицеймейстера въ Каменцѣ. — Вѣсть о кончинѣ императора Павла и о воцареніи Александра I. — Возвращеніе въ Петербургъ и представленіе новому императору. — Назначеніе адъютантомъ къ государю. — Беклешовъ и Трощинскій. — Въѣздъ императора въ Москву для коронаціи. — Торжество коронаціи. — Любовь народа къ новому государю. — Сватовство и женитьба на Е. Е. Цуриковой. — Осмотръ имѣній жены и учрежденіе деревенскаго лазарета.

РИ ВЫѢЗДѢ я чувствовалъ довольно сильные гемороидальные припадки, но оные, видно, отъ сильнаго движенія, а болѣе отъ начинающихся жаровъ, усилились до самой вышней степени боли; остановиться же мнѣ никакъ было не возможно, ибо, пробывши уже три дня въ Петербургѣ, послѣ рапорта о выѣздѣ моемъ изъ онаго, и если бы я еще нѣсколько дней замедлилъ прибыть къ мѣсту моего назначенія, то непремѣнно бы выключенъ былъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своей должности. Я бы могъ взять свидѣтельство о болѣзни, но пока бы оное дошло по порядку куда слѣдуетъ, дѣло бы было сдѣлано, тѣмъ болѣе, что я опредѣленъ былъ на мѣсто инженеръ-генералъ-маіора Глухова, который находился въ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 339.

посланной экспедиціи въ Корфу, и когда оная не состоялась, то Глуховъ назначенъ былъ комендантомъ въ Каменецъ. По представленію военнаго губернатора, что крѣпость остается долгое время безъ коменданта, генералъ-маіоръ Глуховъ былъ выключенъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своему мѣсту. Хотя послѣ объяснилось, что онъ физически не могъ скорѣе пріѣхать изъ такой отдаленности, и Глуховъ былъ принятъ попрежнему въ службу, но ударъ уже былъ нанесенъ. Военный подольскій губернаторъ, графъ Гудовичъ, братъ перваго любимца Петра III, былъ чрезмѣрно гордый, стариннаго вѣка вельможа, особливо противу поляковъ, но ко мнѣ онъ былъ весьма ласковъ. Тогда жилъ въ Подольской губерніи, изгнанный и заточенный въ свои деревни, графъ А. И. Морковъ; онъ въ послѣднее время при императрицѣ Екатеринѣ игралъ большую роль, особливо когда князю Зубову поручена была дипломатическая часть, графъ Морковъ былъ въ оной главное дѣйствующее лицо. Его упрекали въ неблагодарности противу графа Безбородки, который составилъ его счастіе, а Морковъ передался князю Зубову. Онъ дорого заплатилъ за свое вѣроломство. Поляки старались оказывать ему все возможное презрѣніе, считая его однимъ изъ главныхъ виновниковъ послѣдняго раздѣла Польши. Графъ Гудовичъ по связямъ своимъ съ графомъ Безбородкою обходился съ графомъ Морковымъ весьма надменно. Во всѣхъ процессахъ, у него съ поляками по имѣнію его случавшихся,—ибо въ Польшѣ ихъ великое множество,—рѣдко находилъ онъ защиту. Графъ Морковъ часто по дѣламъ своимъ пріѣзжалъ въ Каменецъ и проводилъ все свое время у меня, особливо, когда пріѣхали ко мнѣ въ Каменецъ Алексѣй Николаевичъ, сестрица Анна Ѳедотовна и племянница моя Александра Алексѣевна. Я видѣлъ однажды за столомъ у графа Гудовича то, что только можно видѣть въ одной Польшѣ,—жену, сидящую между двумя мужьями. Это была графиня Потоцкая; по одной сторонѣ у нея сидѣлъ графъ Потоцкій, а по другой графъ Витъ, прежній ея мужъ, и чтобы довершить сію картину, напротивъ графини сидѣлъ бискупъ Сераковскій, который дѣлалъ ея разводъ и совершалъ второй бракъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ Гудовичъ былъ отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ въ подольскіе военные губернаторы Андрей Григорьевичъ Розенбергъ, тотъ самый, который служилъ въ итальянской кампаніи. Мнѣ еще пріятнѣе было служить съ симъ новымъ начальникомъ, который имѣлъ ко мнѣ полную довѣренность. Графу Моркову вздумалось было женить меня на одной изъ дочерей графа Потоцкаго, бывшей потомъ за графомъ Шоазель и умершей женою А. Н. Бахметева; дѣло кончилось одной только корреспонденціей между графомъ Морковымъ и графиней Потоцкою. Фамиліи, кажется, не хотѣлось, чтобы дѣвица вышла замужъ не за католика, да я и самъ не очень желалъ быть женатымъ на полькѣ, имѣя передъ глазами множество примѣровъ ихъ непостоянства.

Генералъ Розенбергъ поѣхалъ осматривать ввѣренныя ему губерніи: Подольскую, Волынскую и Минскую. Около сего времени великій князь Константинъ Павловичъ посланъ былъ императоромъ Павломъ инспектировать войска легкой кавалеріи, находившейся подъ начальствомъ генерала Баура, и расположенныя по австрійской границѣ; его высочество находился не въ дальномъ разстояніи отъ Каменца. Ему угодно было посѣтить меня въ новомъ моемъ мѣстопребываніи. Узнавъ, что великій князь уже близко отъ города, я выѣхалъ къ нему навстрѣчу верхомъ. Онъ обошелся со мной весьма милостиво и изволилъ мнѣ сказать, что онъ нарочно пріѣхалъ въ Каменецъ, чтобы со мной видѣться. Для его высочества приготовлена была квартира въ домѣ военнаго губернатора и приличный караулъ. Великій князь удержалъ меня весь вечеръ у себя. Откланиваясь, я спросилъ у него позволенія имѣть честь представиться его высочеству на другой день всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, находящимся въ Каменцѣ, удостоить присутствіемъ своимъ балъ, который будетъ имѣть честь дать его высочеству дворянство Подольской губерніи, и принялъ приказаніе насчетъ развода. Возвратясь домой, я нашелъ у себя графа Моркова; лишь только онъ меня увидѣлъ:

— Спасите меня, любезный генералъ,— сказалъ онъ мнѣ,— вы знаете, какъ со мной поляки поступаютъ, и если великій князь со мной обойдется немилостиво и принять изволитъ меня въ числѣ прочихъ, то я пропаду. Злодѣи мои умножатъ еще свои ко мнѣ притязанія.

Я старался его, сколько могъ, успокоить и обѣщалъ все объяснить великому князю. Принцъ Нассау былъ въ отставкѣ и жилъ на второй станціи отъ Каменца въ имѣніи его жены; я иногда бывалъ у него въ гостяхъ, тотчасъ послалъ ему сказать, что великій князь на другой день желаетъ его видѣть. Я пришелъ къ его высочеству очень рано поутру, началъ издалека говорить о графѣ Морковѣ, потомъ объяснилъ положеніе, въ которомъ онъ тогда находился. Въ первую минуту великій князь мнѣ сказалъ:

— Какъ ты хочешь, чтобы я его принялъ? — онъ у государя подъ гнѣвомъ.

Я осмѣлился просить его высочество, чтобы онъ уважилъ службу его императрицѣ, а болѣе, чтобы не дать восторжествовать полякамъ. Наконецъ, онъ согласился и приказалъ мнѣ, прежде общаго представленія, ввести къ нему въ кабинетъ принца Нассау, а потомъ графа Моркова. Я вышелъ отъ великаго князя, чтобы посмотрѣть, начали ли собираться въ пріемной комнатѣ; увидѣвши графа Моркова, я подошелъ къ нему и сказалъ въ полголоса:

— Великій князь васъ приметъ въ своемъ кабинетѣ.

Онъ схватилъ мою руку и такъ крѣпко ее сжалъ отъ радости, что я едва не закричалъ. Его высочество говорилъ съ графомъ

Морковымъ довольно долго, и надобно было его видѣть передъ поляками по выходѣ изъ кабинета великаго князя; верхъ его счастія былъ, когда пригласили его вмѣстѣ съ принцемъ Нассау къ обѣденному столу его высочества; сверхъ того, во время бала великій князь нѣсколько разъ разговаривалъ съ графомъ Морковымъ. Я долженъ отдать справедливость, что онъ всегда за оказанную мною ему сію услугу былъ признателенъ. Его высочество былъ вообще весьма любезенъ въ Каменцѣ, и всѣ его милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ были довольны; со мной же онъ обходился, какъ съ своимъ домашнимъ. На другой день, рано поутру, великій князь изволилъ выѣхать изъ Каменца.

Въ мое время получено было въ Каменцѣ новое постановленіе, чтобы въ крѣпостяхъ и губернскихъ городахъ были полицеймейстеры, а въ уѣздныхъ городахъ городничіе. Въ Каменцѣ была вакансія полицеймейстера; я въ затрудненіи находился, кого представить въ сію должность. Однажды, является ко мнѣ выключенный изъ службы полковникъ Удомъ, двоюродный братъ Ивана Ѳедоровича, который женатъ былъ на моей двоюродной племянницѣ Акининой. Выключенный Удомъ служилъ въ Таврическомъ гренадерскомъ полку и въ капитанскомъ чинѣ въ варшавскую революцію получилъ георгіевскій крестъ [1]). При императорѣ Павлѣ, во всякомъ армейскомъ полку были двѣ флигельроты, т. е. фланговыя гренадерскія, которыя, соединясь съ двумя ротами другого полка, составляли сводный гренадерскій баталіонъ, и онѣ дѣйствовали всегда отдѣльно отъ своихъ полковъ. По случаю предполагаемой тогда войны противу турокъ, нѣсколько сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ, для составленія особаго отряда, должны были собраться на границѣ. Полковникъ Удомъ отъ полка назначенъ былъ командиромъ флигельротъ. Шефъ Таврическаго гренадерскаго полка, генералъ-маіоръ Ляпуновъ, не отправилъ съ нимъ всего положеннаго по штату обоза. На рапортъ о семъ полковника Удома шефъ далъ ему предписаніе, чтобы онъ съ командою своею слѣдовалъ непремѣнно, и что вслѣдъ за нимъ выслано будетъ все, что должно укомплектовать обозъ по штату; но генералъ-маіоръ Ляпуновъ сего не исполнилъ. Полковникъ Удомъ приходитъ съ своими двумя флигельротами на сборное мѣсто. Отрядный начальникъ дѣлаетъ смотръ, при которомъ полковникъ Удомъ представляетъ ему копію съ его рапорта шефу Таврическаго гренадерскаго полка и предписаніе сего послѣдняго, по которому онъ не смѣлъ не выступить, хотя и не имѣлъ положеннаго по штату обоза. Отрядный начальникъ донесъ государю, что приведенныя полковни-

---

[1]) Мнѣ показалось неизлишнимъ объяснить здѣсь все случившееся съ Удомомъ, чтобы показать, за что самые заслуженные и отличнаго поведенія чиновники въ царствованіе императора Павла подвергались иногда выключкѣ изъ службы.

комъ Удомомъ флигельроты Таврическаго гренадерскаго полка онъ нашелъ во всей исправности, но не имѣютъ при себѣ всего по штату обоза. Императоръ, получивъ сей рапортъ, приказалъ полковника Удома выключить изъ службы: вотъ все его преступленіе. Видя несчастное положеніе сего заслуженнаго штабъ-офицера и совершенную его невинность и желая ему быть полезнымъ, я предложилъ полковнику Удому полицеймейстерскую должность въ Каменцѣ; онъ принялъ предложеніе мое съ великою признательностію.

— Но я выключенный изъ службы,—отвѣтилъ онъ,—а насъ не велѣно никуда опредѣлять на службу.

И дѣйствительно сіе повелѣніе насчетъ сихъ несчастныхъ существовало, а, сверхъ того, имъ запрещенъ былъ въѣздъ въ столицы. Я рѣшился, однако же, представить Удома генералу Розенбергу; онъ ему очень понравился. Узнавши, что я прошу его высокопревосходительство представить Удома въ полицеймейстеры:

— Помилуйте, генералъ,—сказалъ мнѣ военный губернаторъ,—вы хотите погубить насъ всѣхъ троихъ.

На сіе я ему отвѣчалъ:

— Я прошу только васъ сдѣлать представленіе о Удомѣ, а я оное отправлю при партикулярномъ письмѣ къ генералъ-прокурору Обольянинову, который, я надѣюсь, мнѣ не откажетъ.

Черезъ нѣсколько времени, мы получили самый удовлетворительный отъ Обольянинова отзывъ, и Удомъ опредѣленъ былъ въ полицеймейстеры въ Каменецъ [1]).

Мы въ Каменцѣ жили довольно весело; у насъ бывали иногда балы. Я могу сказать, что меня поляки любили. Но все я не увѣренъ былъ, чтобы кто нибудь не сдѣлалъ на меня доноса, и всякую почту ожидалъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Начальникъ мой былъ въ великомъ безпокойствѣ. Онъ зналъ, что одинъ жидъ за то, что открыли у него большую контрабанду на границѣ, въ которой замѣшаны были многіе изъ купцовъ, австрійскіе и наши, послалъ на него доносъ въ Петербургъ. Я нѣсколько дней не выходилъ изъ дому отъ сильнаго ревматизма въ правой рукѣ.

Въ теченіе сего времени, однажды послѣ обѣда, приходитъ ко мнѣ полицеймейстеръ Удомъ съ встревоженнымъ лицомъ и держитъ въ рукѣ бумагу. Я сидѣлъ съ моими родными; онъ мнѣ дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы я къ нему вышелъ. Я, видя его въ такомъ положеніи, спрашиваю у него: что сдѣлалось? Онъ мнѣ прерывающимся голосомъ отвѣчаетъ:

— Я, право, самъ не знаю,—и подаетъ мнѣ бумагу.

Я ее беру, и въ первую минуту не повѣрилъ своимъ глазамъ: это была подорожная присланнаго изъ кіевскаго провіантскаго депо

[1]) Это тотъ самый, который служитъ генералъ-лейтенантомъ и тонулъ вмѣстѣ въ рѣкѣ Рымникѣ съ княземъ Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ.

курьера къ каменецъ-подольское комиссіонерство. Подорожная начиналась: «по указу его императорскаго величества императора Александра Павловича» и проч. Я, прочитавши нѣсколько разъ, наконецъ вскрикнулъ:

— Боже мой, какое счастіе!

Сестрица и всѣ мои родные не могли понять, что со мной сдѣлалось, и въ ту самую минуту я пересталъ чувствовать боль отъ ревматизма. Прежде, нежели сестрица успѣла на восклицаніе мое прійти, я бросился къ нимъ въ комнату и началъ ихъ всѣхъ обнимать и поздравлять, показывая имъ подорожную. Удомъ за мной идетъ и все мнѣ говоритъ:

— Ваше превосходительство, не подлогъ ли? Тогда мы всѣ пропадемъ!

Я приказалъ позвать къ себѣ присланнаго, который мнѣ сказалъ, что наканунѣ рано пріѣхалъ курьеръ изъ комиссаріатскаго департамента въ Кіевъ съ объявленіемъ, что императоръ Павелъ скончался, а императоръ Александръ воцарился, и что какъ онъ выѣзжалъ, то весь кіевскій гарнизонъ собирался къ присягѣ. Я поспѣшно одѣлся, взялъ курьера съ собой и пошелъ къ военному губернатору; онъ тогда отдыхалъ. Лишь только я стукнулъ дверью, онъ спросилъ, кто тутъ, и тотчасъ вскочилъ съ кровати.

— Что случилось, ваше превосходительство?—спросилъ онъ:—нѣтъ ли изъ Петербурга курьера?

Видя, что онъ чрезвычайно встревоженъ, я отвѣчалъ ему:

— Успокойтесь, ваше высокопревосходительство.

— Да что у васъ за бумага?—продолжалъ онъ.

Я ему говорю—подорожная, и разсказалъ ему все, что случилось.

Генералъ Розенбергъ долго не могъ опомниться, наконецъ сказалъ мнѣ:

— Да правда ли?

Тогда я позвалъ курьера, и онъ все подтвердилъ.

Радость Андрея Григорьевича была чрезмѣрная, и мы машинально бросились другъ друга обнимать и поздравлять. Тутъ онъ мнѣ признался о томъ безпокойствѣ, въ которомъ находился, и что ежеминутно ожидалъ себѣ бѣды.

— Что же намъ дѣлать?—спросилъ онъ у меня:—мы еще ничего не имѣемъ официальнаго.

Гарнизонъ каменецкой состоялъ изъ двухъ армейскихъ полковъ, нѣсколькихъ пушекъ артиллеріи и инженерной команды; одинъ изъ полковъ помѣщенъ былъ въ казармахъ, а другой расположенъ по окрестнымъ деревнямъ. Я предложилъ генералу Розенбергу послать въ тотъ полкъ, который стоитъ по деревнямъ, чтобы былъ въ готовности къ выступленію въ крѣпость, и что я дамъ знать войскамъ, стоящимъ внутри города, быть тоже готовыми. На другой день пріѣхалъ къ намъ курьеръ изъ Петербурга съ манифестомъ

о восшествіи на престолъ императора Александра I и съ присяжнымъ листомъ. Войска немедленно были собраны, и я съ несказаннымъ восторгомъ приводилъ ихъ къ присягѣ обожаемому мною императору. Едва сія счастливая новость разнеслась, какъ я получилъ два письма: одно отъ принца Нассау, а другое отъ графа Моркова; оба они требовали отъ меня подтвержденія сей новости и спрашивали моего совѣта, ѣхать ли имъ въ Петербургъ. Я обоихъ удостовѣрилъ, пославъ къ нимъ копію съ манифеста, и совѣтовалъ тому и другому ѣхать представиться новому императору, а графа Моркова просилъ доставить отъ меня письмо государю, черезъ кого онъ сочтетъ приличнымъ. Я получилъ 10-го мая 1801 года изъ Петербурга высочайшій приказъ, отданный при паролѣ апрѣля 17-го, въ которомъ на мѣсто мое назначается маіоръ, а мнѣ повелѣно состоять по арміи; а отъ 22-го того же мѣсяца предписано отъ великаго князя Константина Павловича, чтобы я сдалъ крѣпость назначенному на мое мѣсто комендантомъ генералъ-маіору Гану, а по сдачѣ рапортовать его высочеству и государственной военной коллегіи. Я тогда удостовѣрился, что письмо мое дошло до его величества, въ которомъ я только писалъ, что, повергая себя къ стопамъ государя и благодѣтеля, изъявляю неизреченную мою радость, что могу наименоваться наивѣрнѣйшимъ изъ его подданныхъ, и что письмо мое напомнило обо мнѣ императору. Я предложилъ Алексѣю Николаевичу и сестрицѣ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ я надѣялся скоро съ ними соединиться. Я прожилъ въ Каменцѣ около трехъ недѣль въ ожиданіи моего преемника. По пріѣздѣ генералъ-маіора Гана, я сдалъ ему крѣпость въ три дня и, распростясь съ моимъ добрымъ начальникомъ А. Г. Розенбергомъ, полетѣлъ въ Петербургъ, взявъ съ собою просьбу отъ полицеймейстера Удома объ опредѣленіи его въ армію[1]). Я пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ обѣда; одѣвшись, отправился тотчасъ къ Михаилу Иларіоновичу Кутузову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ, на мѣсто графа Палена. Проѣзжая по улицамъ, на всѣхъ лицахъ встрѣчающихся со мною людей я примѣтилъ изображеніе какого-то душевнаго удовольствія. Явясь къ военному губернатору, который принялъ меня очень ласково, я просилъ его высокопревосходительство представить меня императору. Онъ мнѣ на сіе сказалъ:

— Я знаю, что васъ государь всегда жаловалъ, и потому я вамъ совѣтую завтра въ половинѣ перваго часа поѣхать прямо на Каменный островъ, вызвать дежурнаго камердинера и приказать о себѣ доложить его величеству: въ это время государь возвращается отъ развода и бываетъ одинъ.

[1]) Удомъ, черезъ мѣсяцъ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, опредѣленъ былъ въ тотъ же Таврическій гренадерскій полкъ, изъ котораго онъ былъ выключенъ. Сколько сія перемѣна въ царствованіи сдѣлала счастливыхъ, подобно Удому!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ другаго дня и назначеннаго часа ѣхать на Каменный островъ. Наконецъ часъ наступилъ, я во дворцѣ, вызываю камердинера, который мнѣ сказалъ:

— Тотчасъ доложу.

И черезъ десять минутъ отворяетъ дверь и говоритъ:

— Пожалуйте къ государю.

Я не въ состояніи описать той минуты, когда я увидѣлъ моимъ императоромъ того, который съ небольшимъ за годъ предъ тѣмъ, какъ наслѣдникъ престола, оказалъ мнѣ милости и благодѣянія, которымъ нѣтъ примѣра. Я не заплакалъ, а зарыдалъ и только что могъ сказать:

— Простите, государь, это слезы радости и неизъяснимой благодарности.

Императоръ меня обнялъ, я хотѣлъ поймать его руку, чтобъ поцѣловать, но онъ ее отнялъ, и я поцѣловалъ его въ плечо. Государь мнѣ сказалъ:

— Я радъ, что тебя вижу, теперь я надѣюсь, мы будемъ жить вмѣстѣ; присовокупить изволилъ: каково ты жилъ въ Каменцѣ? И ты не въ претензіи, что выѣхалъ оттуда?

Я отвѣчалъ его величеству:

— Не въ претензіи, потому что выѣздъ оттуда доставляетъ мнѣ счастіе теперь видѣть моего государя.

Потомъ императоръ изволилъ спросить у меня:

— Былъ ли ты у брата?

Я отвѣчалъ:

— Нѣтъ еще, ваше величество!

— Такъ съѣзди же къ нему,—присовокупилъ государь.

Я откланялся и поѣхалъ съ большимъ восторгомъ отъ милостиваго пріема императора.

Въ тотъ же день я отправился въ Стрѣльну, гдѣ находился великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество обласкалъ меня, какъ нельзя болѣе, и сказалъ:

— Ну, Комаровскій, я надѣюсь, опять ко мнѣ?

Я отвѣчалъ, что я почту себѣ за великое счастіе находиться попрежнему при особѣ его высочества.

— Такъ я доложу государю,—продолжалъ великій князь,—теперь Богъ съ тобой.

Я пошелъ повидаться съ бывшими моими товарищами и нашелъ только одного Озерова; впрочемъ я увидѣлъ множество новыхъ для меня лицъ: Баура, Н. Ф. Хитрова, который былъ тогда въ большой милости, Витовтова, Олсуфьева и Опочинина, которыхъ я оставилъ офицерами Измайловскаго полка, адъютантами его высочества, и тонъ ихъ мнѣ вообще очень не понравился. Черезъ годъ я нашелся у великаго князя въ кругу совсѣмъ почти незнакомыхъ. Возвратясь домой, я думалъ, какъ бы мнѣ еще встрѣтиться съ го-

сударемъ и, если возможно, избавиться отъ предлагаемаго мнѣ великимъ княземъ. Я узналъ, что императоръ всякой день послѣ развода въ 12-мъ часу прогуливаться изволитъ съ Уваровымъ въ Лѣтнемъ саду. Я туда поѣхалъ и, къ счастію моему, тотчасъ встрѣтилъ государя, его величество мнѣ сказалъ:

— Здравствуй, Комаровскій, что тебя давно не видать?

Я доложилъ государю, что я не смѣю безпокоить его величество.

— Вздоръ какой! пріѣзжай ко мнѣ, когда хочешь,—присовокупилъ императоръ.

Получивъ такое позволеніе, я рѣшился въ тотъ же день ѣхать на Каменный островъ и тотчасъ былъ принятъ императоромъ. Государь изволилъ у меня спросить:

— Ты видѣлся съ братомъ? и онъ, я увѣренъ, тебѣ обрадовался.

Я отвѣчалъ его величеству, что великій князь меня принялъ очень милостиво, и что его высочеству угодно, чтобы я попрежнему находился при его особѣ. Сказавъ сіе, я замолчалъ и послѣднія слова я выговорилъ съ нѣкоторою разстановкою.

Государь, взглянувъ на меня пристально, продолжалъ:

— А ты что думаешь?

Я молчалъ.

Потомъ изволилъ сказать: говори откровенно.

Тогда я объяснилъ государю, что, будучи слишкомъ годъ въ отсутствіи отъ его высочества, я нашелъ при его особѣ много людей, мнѣ вовсе незнакомыхъ, которые, вѣроятно, уже удостоены довѣренности великаго князя, и я въ моемъ чинѣ буду увеличивать только число чиновниковъ, при его высочествѣ находящихся, что я бы не желалъ вести жизнь праздную, и что тѣ занятія, которыя я имѣлъ при великомъ князѣ, возложены, конечно, на другія лица. Императоръ слушалъ меня съ примѣтнымъ вниманіемъ. Помолчавъ немного, государь сказалъ:

— Развѣ ты хочешь быть моимъ генералъ-адъютантомъ?

Я не опомнился отъ радости и отвѣчалъ:

— Это бы было верхъ моего счастія.

Я бросился благодарить государя. Его величество меня обнялъ и изволилъ сказать:

— Теперь никому ни слова; мнѣ надобно уладить это съ братомъ,—и меня изволилъ отпустить.

Хотя назначеніе мое казалось вѣрнымъ, но я опасался, чтобы великій князь не воспрепятствовалъ. Черезъ нѣсколько дней я читаю, однако же, въ высочайшемъ приказѣ отъ 17-го іюля 1801 года: состоящій по арміи генералъ-маіоръ Комаровской назначается генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Всякій можетъ себѣ вообразить, что я почувствовалъ при прочтеніи сего приказа. Сіе назначеніе было для меня тѣмъ лестнѣе, что я первый удостоился получить сіе званіе при императорѣ Александрѣ. Послѣ

императора Павла оставались генералъ-адъютанты: Уваровъ, графъ Ливенъ, князь Долгорукій,—сіи два послѣдніе имѣли военный портфель,—и князь Гагаринъ, который находился министромъ во Флоренціи. Я узналъ потомъ, что въ первое свиданіе у императора съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ государь, между прочимъ, спросилъ у его высочества:

— У тебя былъ Комаровской?

— Былъ, государь,—отвѣчалъ великій князь.—Я надѣюсь, что ваше величество пожалуетъ его мнѣ попрежнему,—присовокупилъ его высочество.

Государь изволилъ сказать:

— Охотно, но у меня одинъ только генералъ-адъютантъ Уваровъ; Ливенъ и Долгорукій имѣютъ свою часть; мнѣ бы не хотѣлось взять кого я не знаю, при тебѣ же будутъ два генералъ-маіора: Хитровъ и Комаровской, они оба мнѣ извѣстны, уступи мнѣ одного изъ нихъ.

Императоръ зналъ, что отъ меня великій князь уже отвыкъ, а Хитрова онъ очень любитъ. Его высочество, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Если вашему величеству уже непремѣнно угодно имѣть одного изъ двухъ, то извольте взять Комаровскаго, а Хитрову позвольте носить конногвардейскій мундиръ.

Государь изволилъ отвѣчать:

— Очень радъ.

Возвратясь въ Стрѣльну, великій князь обнимаетъ Хитрова и поздравляетъ. Наконецъ, объясняется, что онъ выпросилъ Николаю Ѳедоровичу позволеніе носить конногвардейскій мундиръ, и что меня уступилъ государю. Хитровъ мнѣ никогда не могъ простить, что не онъ назначенъ былъ въ генералъ-адъютанты, а я. Онъ считалъ, что при семъ случаѣ мною употреблена была какая нибудь интрига, ибо и его императоръ очень жаловалъ. Вѣроятно, Хитровъ былъ причиною, что съ тѣхъ поръ великій князь ко мнѣ перемѣнился до того, что приказалъ своей конторѣ не производить мнѣ тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которые пожалованы были въ пенсіонъ по смерть.

Я всякой день послѣ обѣда былъ во дворцѣ на Каменномъ острову. Обѣдовъ тогда съ гостьми у государя не было. Уваровъ выѣзжалъ съ императоромъ по утру верхомъ или гулялъ пѣшкомъ съ его величествомъ въ Лѣтнемъ саду, а я сопровождалъ государя послѣ вечернихъ его величества занятій въ кабріолетѣ парой, которою государь самъ правилъ. Въ одно время были съ докладомъ у императора вмѣстѣ Беклешевъ и Трощинскій, первый былъ генералъ-прокуроромъ на мѣсто Обольянинова, а второй первымъ штатсъ-секретаремъ. Я видѣлъ, что они вышли изъ государева кабинета оба чрезвычайно раскраснѣвшіеся, какъ будто послѣ большаго пренія или спора и, казалось, въ великомъ негодованіи другъ на друга.

Лишь только я сѣлъ подлѣ государя въ кабріолетѣ, его величество у меня изволилъ спросить:

— Ты видѣлъ, каковы были лица на Беклешовѣ и Трощинскомъ, когда они вышли отъ меня?

Я отвѣчалъ: «видѣлъ, государь».

— Не правда ли, что они похожи были на вареныхъ раковъ?— продолжалъ императоръ.—Они, безъ сомнѣнія, по опытности своей въ дѣлахъ, знающіе болѣе всѣхъ прочихъ государственныхъ чиновниковъ, но между ними есть зависть; я примѣтилъ это, потому что, когда одинъ изъ нихъ объясняетъ какое либо дѣло, кажется, нельзя лучше; лишь только оное коснется для приведенія въ исполненіе до другаго, тотъ совершенно опровергаетъ мнѣніе перваго, тоже на самыхъ ясныхъ, кажется, доказательствахъ. По неопытности моей въ дѣлахъ, я находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, которому изъ нихъ должно отдать справедливость. Я приказалъ, чтобы по генералъ-прокурорскимъ дѣламъ они приходили съ докладомъ ко мнѣ оба вмѣстѣ и позволяю спорить при себѣ, сколько имъ угодно, а изъ сего извлекаю для себя пользу.

Я нашелъ, что государь весьма благоразумно дѣлаетъ, ибо это былъ одинъ способъ, чтобы ознакомить его величество скорѣе съ дѣлами. Мое положеніе становилось болѣе и болѣе для меня пріятнымъ, особливо, когда мнѣ извѣстны сдѣлались всѣ ужасныя происшествія, которыя сопровождали восшествіе императора Александра на престолъ, отчасти разсказанныя мнѣ самимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ[1]). По восшествіи императора Александра на престолъ, графу Н. П. Румянцеву немедленно позволено было возвратиться въ Россію, и онъ, по пріѣздѣ своемъ, назначенъ былъ министромъ коммерціи. Я думаю, что онъ нѣсколько способствовалъ назначенію меня въ генералъ-адъютанты, ибо государь къ нему былъ очень милостивъ, и я графу сообщалъ мои мысли, что мнѣ бы было очень непріятно находиться между тѣми, которые окружали великаго князя, по возвращеніи моемъ изъ Каменца. Я бывалъ у графа Н. П. очень часто, и онъ обращался со мной, какъ съ ближнимъ своимъ родственникомъ. Я долженъ здѣсь сказать къ славѣ императора Александра, чѣмъ началъ его величество свое царствованіе. Государь повелѣлъ учредить комиссію, которая должна была разсмотрѣть всѣ дѣла и поступки, по коимъ сослано было множество лицъ въ Сибирь, и подносить къ нему докладъ о сихъ несчастныхъ. Множество невинныхъ были возвращены, нѣкоторые получили прежнія

[1]) Надобно думать, что императоръ Павелъ имѣлъ нѣкоторое подозрѣніе объ измѣнѣ, ибо, за нѣсколько недѣль до сего плачевнаго событія, государь повелѣлъ Обольянинову, бывшему тогда генералъ-прокуроромъ, привести обоихъ великихъ князей къ присягѣ на вѣрность къ нему въ церкви Михайловскаго замка, что̀ и было исполнено; его высочество цесаревичъ показывалъ мнѣ мѣсто въ церкви, гдѣ сіе происходило.

свои должности, другіе вознаграждены были единовременно выданными денежными пособіями или по смерть пенсіонами. День коронаціи назначенъ былъ 15-го сентября. Сестрица моя, Анна Өедотовна, часто видалась съ Софьей Сергѣевной Титовой, которой мужъ служилъ въ 1-мъ департаментѣ сената секретаремъ. Въ одно время Софья Сергѣевна говоритъ сестрицѣ:

— Какъ бы желала, чтобы Евграфъ Өедотовичъ женился на дѣвицѣ Елизаветѣ Егоровнѣ Цуриковой: она прекрасно воспитана и имѣетъ хорошее состояніе; это тѣмъ удобнѣе можно сдѣлать, что мужъ мой, Петръ Яковлевичъ, вѣроятно, съ 1-мъ департаментомъ сената поѣдетъ въ Москву на коронацію; мы же съ фамиліею Цуриковыхъ въ родствѣ. Одно только препятствіе можетъ быть, что Егоръ Лаврентьевичъ Цуриковъ, отецъ дѣвицы, о которой я говорю, скончался, и что мать ея, Авдотья Дмитріевна, не захочетъ, можетъ быть, такъ скоро выдать дочь свою замужъ послѣ кончины ея супруга.

Сей разговоръ никакого тогда дѣйствія не произвелъ надо мною, тѣмъ болѣе, что П. Я. Титовъ не поѣхалъ съ 1-мъ департаментомъ сената въ Москву, а остался въ Петербургѣ. Насъ поѣхало четверо вмѣстѣ на коронацію: я, какъ старшій генералъ-адъютантъ, генералъ-маіоръ Репнинскій, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, бывщій тогда полковникомъ и флигель-адъютантомъ, и капитанъ 2-го ранга Клокачевъ: онъ былъ тогда начальникомъ императорской флотиліи. Вояжъ нашъ былъ превеселый; насъ чрезвычайно забавлялъ Клокачевъ, который никогда почти не ѣздилъ по твердой землѣ, а все плавалъ по морямъ, и онъ испытывалъ отъ движенія экипажа по землѣ ту же болѣзнь, которую имѣютъ на морѣ, и мы прозвали Клокачева страдальцемъ отъ земляной болѣзни, и онъ всѣ вещи называлъ морскими именами: напримѣръ, ему нужна была веревка, и онъ говорилъ: подайте мнѣ шкотъ. Я имѣлъ случай разсказать это государю, и его величество очень смѣялся.

День торжественнаго въѣзда императора Александра въ Москву, какъ праздникъ отличается отъ будня, такъ оный не походилъ на бывшій 4 года и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Тогда всѣ чиновники, военные и статскіе, въ каррикатурныхъ своихъ мундирахъ, ѣхали по два въ рядъ, младшіе впереди, что̀ составляло предлинную линію въ видѣ протянутой веревки. Императоръ Павелъ ѣхалъ одинъ, и нѣсколько позади два великіе князя. Теперь же молодой императоръ, въ красѣ лѣтъ своихъ, богоподобной наружности, ѣхалъ окруженный многочисленною и блестящею свитою; все было величественно, а не каррикатурно. Передъ императоромъ ѣхало одно то̀лько московское дворянство по два въ рядъ, на отличнѣйшихъ лошадяхъ, на коихъ были богатѣйшіе уборы; послѣ церемоніи всѣ эти лошади подвены были государю. Стеченіе народа было неимовѣрное; радостные клики сопровождали императора

отъ самаго Петровскаго дворца до Кремлевскаго; дома украшены были разными дорогими тканями; дамы во всѣхъ окошкахъ привѣтствовали вожделѣннаго гостя, махая бѣлыми платками своими, развѣвающимися по воздуху; погода была прекрасная, какъ посреди лѣта. Я въ жизнь мою ничего не видывалъ ни торжественнѣе, ни восхитительнѣе сего достопамятнаго дня. Графъ Н. П. Румянцевъ пригласилъ меня остановиться въ его домѣ. По пріѣздѣ въ Москву, я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ моимъ знакомымъ, между которыми я не забылъ А. Н. Гончарова; я не видѣлся съ нимъ послѣ коронаціи императора Павла. Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и проситъ меня достать нѣсколько билетовъ для фамиліи госпожи Цуриковой, чтобы смотрѣть на коронацію, и что онъ дѣлаетъ сіе по просьбѣ племянника Авдотьи Дмитріевны, князя Черкасскаго, съ которымъ онъ очень знакомъ. Я послалъ просить церемоніймейстера: билеты были присланы, и я вручилъ оные г. Гончарову. Священный обрядъ коронаціи происходилъ, какъ обыкновенно, въ Успенскомъ соборѣ. Зрѣлище было восхитительное и трогательное, когда императоръ возлагалъ корону на августѣйшую свою супругу, и видѣть потомъ молодую императорскую чету, плѣнительной красоты, въ коронахъ и царскихъ облаченіяхъ, шествующею при пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и восклицаніяхъ многочисленнаго народа, подъ золотоглазетовыми балдахинами, вокругъ древняго Кремля. По сему случаю праздники были превеликолѣпные, особливо у графа Шереметева въ Останкинѣ, гдѣ данъ былъ спектакль, балъ, фейерверкъ и ужинъ, и вся дорога отъ Москвы до Останкина, на разстояніи шести верстъ, была иллюминована. Чтобы дать понятіе, съ какимъ восторгомъ императоръ Александръ встрѣчаемъ былъ въ Москвѣ народомъ, привожу слѣдующій случай. Его величество, всякій день, послѣ развода, изволилъ прогуливаться по Московскимъ улицамъ, верхомъ, въ сопровожденіи бывшаго тогда въ Москвѣ главнокомандующаго, фельдмаршала графа Салтыкова, и дежурнаго генералъ-адъютанта. Однажды я имѣлъ счастіе сопровождать императора; множество народа окружило государя, и безпрестанно кричали: «ура!». Одинъ мужикъ долго шелъ подлѣ стремени императора, все любуясь на него, вдругъ обтеръ пыль съ сапога его величества, перекрестился и поцѣловалъ его ногу. Это было какъ сигналомъ для всей толпы, которая такимъ же образомъ начала цѣловать съ обѣихъ сторонъ ноги императора.

Послѣ коронаціи пріѣзжалъ ко мнѣ князь А. А. Черкасской съ Гончаровымъ, чтобы благодарить меня за доставленные мною билеты для его тетушки, но не засталъ меня дома; черезъ нѣсколько дней я просилъ Аѳанасія Николаевича свозить меня къ князю, но его не случилось дома, и я принятъ былъ Авдотьей Дмитріевною Цуриковою; она меня очень обласкала, но ея дочери я

не видалъ. Послѣ пріѣзжалъ ко мнѣ князь А. А. Черкасской въ другой разъ; я навѣстилъ его опять, и такимъ образомъ я сдѣлался знакомъ въ домѣ Авдотьи Дмитріевны, теперешней матушки моей тещи. Одинъ несчастный случай доставилъ мнѣ способъ оказать услугу Авдотьѣ Дмитріевнѣ. Сдѣлался пожаръ въ конюшнѣ, принадлежавшей къ ея дому, который угрожалъ распространиться и домъ подвергнуть пламени. Пріѣхала пожарная команда; полиція вообще тогда не была въ такомъ устройствѣ, какъ мы видимъ ее теперь; я взялъ команду подъ свое распоряженіе, и такъ удачно оною дѣйствовалъ, что, кромѣ нѣсколькихъ стойлъ, въ конюшнѣ ничего болѣе не сгорѣло; А. Д. Цуриковой не случилось тогда дома. Я, какъ водится, осыпанъ былъ за то благодарностью. Первый, сдѣлавшій предложеніе Авдотьѣ Дмитріевнѣ о желаніи моемъ войти въ ея семейство, былъ Н. С. Свѣчинъ, съ которымъ я имѣлъ давнее знакомство; онъ тогда служилъ генералъ-провіантмейстеромъ и женатъ былъ на родной племянницѣ жены В. Д. Арсеньева, роднаго брата Авдотьи Дмитріевны, находившагося подъ командою Свѣчина. Послѣ того графъ Н. П. Румянцовъ, какъ принимавшій всегда живѣйшее участіе во всемъ томъ, что могло случиться для меня счастливаго, поѣхалъ къ Авдотьѣ Дмитріевнѣ и говорилъ много въ мою пользу. Наконецъ мнѣ сдѣланъ былъ отзывъ довольно удовлетворительный. Между тѣмъ дворъ изъ Москвы возвратился въ Петербургъ. Я, пробывъ нѣсколько дней послѣ того въ Москвѣ и получивъ удостовѣреніе о будущемъ моемъ счастіи, отправился туда же для испрошенія позволенія у императора вступить въ законный бракъ съ дѣвицею Елисаветою Егоровною Цуриковой, о которомъ государь уже нѣсколько былъ извѣстенъ, и пригласить зятя моего А. Н. Астафьева и сестрицу Анну Ѳедотовну быть свидѣтелями событія, котораго они такъ давно желали, совершившагося 8-го января 1802 года въ церкви Косьмы и Даміана на Полянкѣ, почти противъ дома В. Д. Арсеньева. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, мы поѣхали въ Петербургъ: матушка моя, теща, которая съ того времени заступила для меня мѣсто моей родной матери, по ея ко мнѣ милости и по моей сыновней къ ней привязанности,—жена моя Елисавета Егоровна, князь А. А. Черкасской, родной племянникъ матушки, и я. Императоръ предпринялъ лѣтомъ путешествіе въ остзейскія провинціи; я испросилъ у его величества позволеніе, во время его отсутствія, съѣздить осмотрѣть деревни жены моей, куда и матушка съ нею пріѣхала; я въ первый разъ познакомился тогда съ прелестнымъ Городищемъ и полюбилъ оное. Объѣзжая прочія деревни и входя въ каждый крестьянскій домъ, я нашелъ въ одномъ изъ нихъ, въ селѣ Покровскомъ, старуху и трехъ молодыхъ женщинъ. Спрашиваю, почему я не вижу ни одного мужика. Старуха, заплакавъ, мнѣ отвѣчала, что изъ молодыхъ женщинъ одна ея дочь и двѣ невѣстки, которыя обѣ овдовѣли, что съ небольшимъ

въ три недѣли ихъ мужья, а ея сыновья померли отъ горячки, и что домъ ея остался почти безъ работниковъ. Сіе тотчасъ подало мнѣ мысль имѣть лѣкаря и учредить въ Городищѣ лазаретъ, чѣмъ я немедленно занялся и скоро привелъ въ исполненіе.

VI.

Дѣло Шубина.—Назначеніе начальникомъ петербургской полиціи.— Графъ Каменскій, главнокомандующій столицею. — Преобразованія по полиціи. — Просьба объ увольненіи отъ полицейской службы и ея результаты.—Эртель.—Покупка у него 500 душъ крестьянъ и выгодная ихъ продажа. — Проектъ о сформированіи земскаго войска.—Солдатскія свѣтлицы при Екатеринѣ II. — Исторія казармъ Семеновскаго полка. — Пріѣздъ эрцгерцога палатина. — Полученіе отъ эрцгерцога графскаго достоинства.—Рожденіе сына.—Отъѣздъ эрцгерцога.—Мысль объ учрежденіи секретной полиціи. — А. Д. Балашовъ. — Опредѣленіе его московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.—Болѣзнь автора и отправленіе за границу.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ случилось происшествіе, которое сдѣлало тогда много шуму. Въ Семеновскомъ полку служилъ поручикомъ Шубинъ; онъ былъ очень друженъ съ К. М. Полторацкимъ, бывшимъ тогда полковымъ адъютантомъ Семеновскаго полка. Шубинъ однажды открылся ему, что какой-то Григорій Ивановъ, находившійся прежде при дворѣ великаго князя Константина Павловича, предлагаетъ ему войти съ нимъ въ заговоръ противъ императора Александра, что Шубинъ никакъ на сіе не соглашается, а открывается Полторацкому съ тѣмъ, что нельзя ли Григорія Иванова схватить, ибо у нихъ свиданія бываютъ въ Лѣтнемъ саду, когда смеркается. Полторацкій на сіе согласился и въ назначенный день и часъ поѣхалъ съ Шубинымъ въ Лѣтній садъ. Идя вмѣстѣ по большой аллеѣ, Шубинъ сказалъ:

— Слышишь, кто-то идетъ. Это вѣрно онъ! Ты постой, а я пойду къ нему навстрѣчу.

Полторацкій послѣ показалъ, что онъ точно слышалъ будто шаги и видѣлъ даже, что кто-то мелькнулъ между деревьями; сіе, вѣроятно, ему просто показалось. Черезъ пять минутъ Полторацкій слышитъ пистолетный выстрѣлъ, бѣжитъ на оный и видитъ друга своего Шубина, лежащаго на землѣ и говорящаго:

— Ахъ, злодѣй меня застрѣлилъ!

Полторацкій не зналъ, что съ нимъ дѣлать, поднялъ его и примѣчаетъ, что у него идетъ кровь изъ лѣвой руки; къ счастію, видитъ огонь въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго замка, Полторацкій ведетъ Шубина туда. Этотъ огонь былъ въ комнатахъ, занимаемыхъ бывшимъ кастеляномъ того замка. Полторацкій осматриваетъ своего друга и видитъ, что рана не смертельна, а только что прострѣлена рука выше локтя. Послали за лѣкаремъ, а Полторацкій поѣхалъ тотчасъ на Каменный островъ, чтобы немедленно до-

вести до свѣдѣнія императора о такомъ важномъ происшествіи. На Каменномъ островѣ все спало. Полторацкій идетъ въ комнаты, гдѣ жилъ оберъ-гофмаршалъ, графъ Николай Александровичъ Толстой, приказываетъ его разбудить и разсказываетъ ему о случившемся въ Лѣтнемъ саду. Графъ Толстой рѣшается идти къ государю и сообщаетъ его величеству о слышанномъ отъ Полторацкаго. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ тогда Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ случилось еще два происшествія въ столицѣ. Одна карета, ѣхавшая съ Васильевскаго острова, на Исаакіевской площади смяла одного англичанина. У Михайловскаго замка, послѣ постройки онаго, оставались еще шалаши, въ которыхъ живали рабочіе люди; братъ кавалера великихъ князей, Николая и Михаила Павловичей, Ушакова, возвращаясь ночью домой въ Михайловскій замокъ, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, выскочившими изъ тѣхъ шалашей людьми былъ ограбленъ и жестоко прибитъ. Государь дѣйствіями петербургской полиціи былъ уже весьма недоволенъ, ибо и то и другое изъ сихъ приключеній остались нераскрытыми; происшествіе, случившееся въ Лѣтнемъ саду, довершило, чтобы прогнѣвать императора на полицію. Михаилъ Иларіоновичъ сказался больнымъ. На другой день послѣ Шубинской исторіи назначена была комиссія изъ генералъ-адъютантовъ: Уварова, князя Волконскаго и сенатора Макарова, чтобы произвести строгое по сему дѣлу розысканіе. Случившійся тогда въ Петербургѣ фельдмаршалъ, графъ Каменской, названъ былъ главнокомандующимъ въ столицѣ, а я назначенъ къ нему въ помощники и начальникомъ петербургской полиціи. Фельдмаршалъ и я случились тогда во дворцѣ, когда государю угодно было позвать графа Каменскаго и меня въ свой кабинетъ и объявить намъ обоимъ сію высочайшую свою волю. Вышедши изъ государева кабинета, я предложилъ фельдмаршалу навѣстить Михаила Иларіоновича Кутузова; графъ Каменской на сіе согласился. Мы нашли Кутузова очень растроганнымъ, особливо Шубинской исторіей. Говоря о ней, я сказалъ:

— Il me semble, que ce prétendu Григорій Ивановичъ n'est qu'un fantôme [1]).

Михаилъ Иларіоновичъ съ восклицаніемъ отвѣчалъ: Vous avez raison, mon général [2]).

Въ слѣдующій день пріѣхалъ ко мнѣ оберъ-полицеймейстеръ Овсовъ съ двумя полицеймейстерами, Зайцевымъ и Евреиновымъ, и со всѣми частными приставами. Изъ поданныхъ мнѣ рапортовъ я усмотрѣлъ, что при многихъ будкахъ не было вовсе будочниковъ; сіе меня крайне удивило. Я спросилъ о причинѣ и сказалъ:

---

[1]) Мнѣ кажется, что этотъ Григорій Ивановичъ—призракъ. Прим. Ред.

[2]) Вы правы, генералъ. Прим. Ред.

— Мудрено ли, что по улицамъ дѣлаются грабежи и драки, когда ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся некому.

Частные пристава мнѣ отвѣчали, что въ будочники посылають людей обыватели изъ своихъ дворовъ, кого хотятъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые не пожелаютъ прислать человѣка натурою, дозволяется внести девять рублей въ мѣсяцъ деньгами; что на сію сумму никакой нѣтъ возможности нанять человѣка, который бы согласился безсмѣнно стоять на часахъ, а особливо зимою на морозѣ [1]).

Между частными приставами я замѣтилъ одного, который показался мнѣ расторопнѣе прочихъ, фамилія его — Гейде; я приказалъ ему явиться къ себѣ послѣ обѣда. Я спросилъ у него, знаетъ ли онъ о двухъ происшествіяхъ, которыя случились нѣсколько дней тому назадъ: съ англичаниномъ и съ ограбленнымъ г. Ушаковымъ.

Гейде мнѣ отвѣчалъ, что онъ о томъ слышалъ. Я ему приказалъ непремѣнно найти, кому принадлежала карета, ѣхавшая съ Васильевскаго острова, и отыскать тѣхъ людей, которые ограбили Ушакова, и что его ожидаетъ награда, если онъ все это раскроетъ. Гейде испросилъ у меня позволенія дѣйствовать въ партикулярномъ платьѣ, что̀ я ему позволилъ. Черезъ нѣсколько дней найдено было, кому принадлежала карета, и кто въ ней ѣхалъ; лошади были ямскія; ограбившіе Ушакова были бѣглые солдаты, которые также отысканы. Гейде за сіе произведенъ былъ въ слѣдующій чинъ. Я занимался раскрытіемъ и Шубинскаго происшествія. Полиція открыла, что на третій день послѣ выстрѣла истопникъ Михайловскаго за̀мка, ловя рыбу въ поперечной канавѣ, которая идетъ изъ Фонтанки въ Екатерининскій каналъ, вытащилъ пистолетъ, который тотчасъ былъ ко мнѣ представленъ. Я увидѣлъ, что онъ долженъ быть изъ Острольда военнаго сѣдла; призвавъ къ себѣ Шубинскаго камердинера, я спросилъ у него, нѣтъ ли у его господина форменнаго сѣдла.

— Есть,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—баринъ мой нѣсколько времени исправлялъ въ полку адъютантскую должность.

Я приказалъ принести пистолеты, и камердинеръ принесъ мнѣ только одинъ, который видно совершенно былъ пара найденному. Между тѣмъ, я узналъ, что къ Шубину допускается Полторацкій; я сообщилъ комиссіи, что, мнѣ кажется, не должно позволять имъ имѣть свиданія, ибо они могутъ сговориться, и тогда нельзя будетъ дойти до истины. Комиссія уважила сіе обстоятельство, и къ Полторацкому приставленъ былъ полицейскій офицеръ. Шубинъ представилъ примѣты Григорія Иванова; тотчасъ по всѣмъ трактамъ посланы были фельдъегери его отыскивать. Примѣты эти чрезвычайно похожи были на П. В. Кутузова, которому показалось это

---

[1]) Тогда въ будкахъ не было печей.

очень обидно. Узнавши, что у Шубина бѣжалъ одинъ изъ лакеевъ не задолго предъ тѣмъ, я послалъ за его камердинеромъ, который мнѣ сіе подтвердилъ. Я спросилъ у него, подавалъ ли баринъ его о томъ заявленіе въ часть, и въ которую. Камердинеръ мнѣ отвѣчалъ, что онъ самъ носилъ объявленіе въ 3-ю Адмиралтейскую часть. Я приказалъ принести оное къ себѣ, и открылось, что въ немъ написаны примѣты тѣ же самыя, какія имѣлъ мнимый Григорій Ивановъ. Я отправилъ въ комиссію и найденный пистолетъ и копію съ объявленія о бѣжавшемъ лакеѣ. Сіи двѣ улики немало способствовали къ доведенію Шубина до признанія, что вся эта исторія была имъ выдумана, что Григорія Иванова никогда не существовало, что онъ выстрѣлилъ въ свою руку самъ и бросилъ пистолетъ въ канаву, что надѣлалъ много долговъ, которые отецъ отказался за него платить, и что онъ рѣшился все это сдѣлать, надѣясь, что государь его наградитъ. Шубина лишили чиновъ и сослали въ Сибирь. Полторацкому, какъ говорится, вымыли голову за его легковѣрность.

Государь скоро примѣтилъ, что графъ Каменской былъ слишкомъ тороплпвъ, чрезмѣрно вспыльчивъ и переиначивалъ иногда даже приказанія, его величествомъ ему даваемыя. Въ отвращеніе сего послѣдняго, государь повелѣлъ мнѣ всякій разъ послѣ обѣда пріѣзжать къ нему за полученіемъ приказаній, а отъ фельдмаршала поутру принимать изволилъ только рапорты, и когда онъ о чемъ докладывалъ, то его величество ему отвѣчалъ:

— Я послѣ вамъ дамъ знать, что сдѣлать должно.

Мое положеніе было самое затруднительное: иногда фельдмаршалъ вздумаетъ самъ собою сдѣлать какое нибудь распоряженіе, а я знаю, что оно неугодно будетъ государю, или я получилъ уже совсѣмъ противное тому повелѣніе, то и долженъ былъ ему представлять, какъ отъ самого себя, что не лучше ли будетъ сдѣлать иначе: ибо государю не угодно было, по сродной его величеству деликатности, огорчить фельдмаршала тѣмъ, что будто онъ не имѣетъ полной довѣренности императора. Я, пользуясь позволеніемъ всякій день послѣ обѣда пріѣзжать къ его величеству, представилъ государю однажды записку о положеніи, въ которомъ находилась тогда полиція, и что, кромѣ того, что будочниковъ при всѣхъ будкахъ не находится, но когда бываетъ пожаръ, то будочники ходятъ по улицамъ, вертятъ трещотками и сзываютъ съ обывательскихъ дворовъ людей, назначенныхъ хозяевами для сей повинности, что̀ весьма неудобно; сверхъ того, драгунская полицейская команда раздѣлена по частямъ, и что у старательнаго только частнаго пристава оная находится въ порядкѣ. Его величество, прочитавъ мою записку, удивился и изволилъ сказать:

— Какъ, здѣшняя полиція находится въ такомъ положеніи, и мнѣ никто о семъ по сіе время не говорилъ!

Поблагодаривши меня за мою догадку, приказать мнѣ изволилъ

представить мои мысли насчетъ улучшенія полиціи. Проектъ мой состоялъ въ томъ, чтобы хозяева домовъ не посылали людей натурою въ полицейскія должности, а платили бы по 9-ти рублей въ мѣсяцъ за каждаго, на что, по собраннымъ мною предварительнымъ свѣдѣніямъ, хозяева домовъ всѣ были согласны. Въ будочники и пожарные служители я предлагалъ опредѣлять изъ армейскихъ полковъ менѣе способныхъ къ фронтовой службѣ, которые поступали тогда въ гарнизонные полки, въ коихъ не отправляли никакой службы. Присовокупивъ собираемую съ хозяевъ домовъ сумму къ положенному по штату жалованью и провіанту, можно улучшить состояніе каждаго полицейскаго служителя. Драгунскія полицейскія команды для единообразія должны соединены быть въ одну команду, и слѣдуетъ поручить оную исправному штабъ-офицеру. Государь во всѣхъ частяхъ изволилъ утвердить мой проектъ и приказалъ тотчасъ учредить изъ полицейскихъ драгунъ одну команду, начальникомъ которой я назначилъ подполковника Гейде. Теперь всѣ будочники и служители въ пожарныхъ командахъ, по тогдашнему моему проекту, комплектуются изъ внутренней стражи не только въ Петербургѣ, въ Москвѣ, но и во всѣхъ губернскихъ городахъ. Скоро потомъ назначены были маневры всѣмъ гвардейскимъ войскамъ и находящимся армейскимъ полкамъ въ окрестностяхъ Петербурга, при Красномъ Селѣ. Всѣ войска поручены были начальству фельдмаршала графа Каменскаго. Государю угодно было видѣть искусство въ военномъ ремеслѣ сего состарѣвшагося въ ономъ генерала, но, кажется, онъ не вполнѣ оправдалъ ожиданія его величества. На время отсутствія графа Каменскаго изъ столицы я остался единственнымъ оной начальникомъ. Я долженъ признаться, что моя настоящая должность становилась часъ отъ часу для меня тягостнѣе. Дурное устройство полиціи, о которомъ я выше упоминалъ, безтолковость моего ближайшаго начальства, противъ котораго я долженъ былъ почти безпрестанно дѣйствовать, вовлекали меня въ большія непріятности, а, сверхъ того, и безпрестанныя хлопоты, сопряженныя съ исправляемою мною должностью, изнуряли мои силы. По возвращеніи императора изъ Краснаго Села, хотя его величество изъявить мнѣ изволилъ свое удовольствіе за управленіе мною столицею, но я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ просить государя уволить меня отъ возложенной на меня обязанности. Однажды я былъ приглашенъ на обѣдъ къ императору; во время стола его величество публично отзываться изволилъ, что онъ моей службой очень доволенъ, и, глядя на меня, сказалъ:

— Но ты, братъ, не потолстѣлъ, видно, полицейскіе хлѣбы тебѣ не въ прокъ.

Я только поклонился, не отвѣчая ничего. Послѣ обѣда я долженъ былъ принять по обыкновенію приказанія отъ государя; по-

лучивши оныя, я осмѣлился представить его величеству, что физическія мои силы отказываются продолжать служеніе въ настоящей моей должности, и что я прошу одной милости—меня отъ оной уволить. Государь, нѣсколько помолчавъ, сказать мнѣ изволилъ:

— На кого же ты меня оставляешь? Ты знаешь, каковъ фельдмаршалъ!

Я продолжалъ:

— Здѣшняя полиція въ самомъ дурномъ положеніи, какъ вашему величеству извѣстно; я со всѣмъ моимъ желаніемъ и усердіемъ не въ состояніи ее исправлять, ибо не имѣю ни малѣйшей опытности, ни познанія по полицейской части; одинъ, по мнѣнію моему, генералъ-маіоръ Эртель, бывшій оберъ-полицеймейстеромъ почти во все время царствованія покойнаго государя въ Москвѣ, можетъ привести здѣшнюю полицію въ порядокъ.

— Да ты знаешь ли,—возразилъ государь,—каковы были Эртеля поступки въ Москвѣ? Я долженъ былъ перваго его удалить отъ должности и дать ему полкъ.

Я на сіе отвѣчалъ:

— Вашему величеству докладывалъ графъ Салтыковъ, что Эртель дѣйствовалъ самовластно; можетъ быть, онъ имѣлъ на то высочайшее повелѣніе; но здѣсь, и въ присутствіи вашего величества, онъ, конечно, не осмѣлится выйти изъ границъ своей должности; впрочемъ, я могу засвидѣтельствовать предъ вашимъ величествомъ, что московскіе жители вообще были Эртелемъ очень довольны.

Государь, подумавъ немного, изволилъ сказать:

— Хорошо, я согласенъ, но съ тѣмъ, что ты останешься, какъ теперь, начальникомъ полиціи.

Я осмѣлился возразить:

— Отъ сего потерпитъ служба вашего величества, ибо генералъ-маіоръ Эртель, будучи гораздо старѣе меня въ чинѣ, неохотно мнѣ будетъ повиноваться.

Императоръ изволилъ отвѣчать: но ты мой генералъ-адъютантъ.

— Все равно, государь,—продолжалъ я,—старшему быть въ командѣ у младшаго очень обидно.

Наконецъ, его величество согласился и приказалъ мнѣ послать фельдъегеря за Эртелемъ, который тогда былъ шефомъ Бутырскаго пѣхотнаго полка. Я несказанно былъ радъ пріѣзду Эртеля, который тотчасъ назначенъ былъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а Овсовъ получилъ другую должность. Когда генералъ-маіоръ Эртель принялъ должность петербургскаго оберъ-полицеймейстера, государь въ высочайшемъ приказѣ изволилъ объявить мнѣ свое удовольствіе за хорошее мною исправленіе порученной должности и въ знакъ всемилостивѣйшаго благоволенія пожаловалъ мнѣ перстень съ брильянтами и съ вензелевымъ его величества именемъ. Я дол-

женъ сказать, что во время нахожденія моего подъ начальствомъ графа Каменскаго онъ обращался со мной, не взирая на его крутой нравъ, весьма снисходительно. Фельдмаршалъ такъ, можно сказать, надоѣлъ императору, что его величество однажды мнѣ говорить изволилъ:

— Не хочетъ ли графъ Каменской проситься прочь? Если бы сіе случилось, я бы поставилъ свѣчу Казанской Божіей Матери!

Съ одной стороны государь не хотѣлъ огорчить фельдмаршала увольненіемъ его отъ должности, а съ другой графъ Каменской привыкъ служить тамъ, куда государи его опредѣляли, хотя фельдмаршалъ мнѣ то же говорилъ:

— Я пріѣхалъ сюда огурчикомъ, а теперь сталъ похожъ на вялую рѣпу.

Меня просилъ однажды Эртель, чтобы, по знакомству моему съ графомъ Васильевымъ, бывшимъ тогда государственнымъ казначеемъ, куплены были у него въ казну пятьсотъ душъ, пожалованныя Эртелю императоромъ Павломъ. Графъ Васильевъ мнѣ отвѣчалъ, что въ казнѣ тогда на сей предметъ денегъ не было; мнѣ вздумалось самому войти въ торгъ съ Эртелемъ, и, найдя покупку выгодною, за 75.000 я пріобрѣлъ тѣ 500 душъ, которыя были въ двухъ деревняхъ на Днѣстрѣ въ Подольской губерніи. Я поѣхалъ осмотрѣть новыя мои помѣстья и съ удовольствіемъ увидѣлъ Каменецъ-Подольскъ и его жителей, которые приняли меня съ большою ласкою. Управленіе новокупленнымъ имѣніемъ представляло, по отдаленности своей, нѣкоторыя неудобства, и я рѣшился черезъ годъ продать оное и получилъ 100.000 рублей. Въ проѣздъ мой черезъ разные города я видѣлъ гарнизонныя роты, составленныя изъ людей, по виду еще здоровыхъ; сіе подало мнѣ мысль представить государю проектъ о сформированіи изъ сихъ гарнизонныхъ ротъ,— въ которыхъ люди не исправляли ни малѣйшей службы, особливо въ заштатныхъ городахъ,— подъ названіемъ земскаго войска, раздѣливъ оное на баталіоны и команды, которые и подчинить отставнымъ изъ военной службы начальникамъ. Тогда въ губернскихъ городахъ были драгунскія команды и нѣсколько пѣшихъ солдатъ, а въ уѣздахъ штатныя команды, состоявшія въ губернскихъ городахъ подъ распоряженіемъ губернаторовъ, а въ уѣздныхъ—городничихъ; но число людей въ сихъ командахъ было весьма ограниченно. Государю проектъ мой понравился, и, можетъ быть, оный послужилъ основаніемъ учрежденія впослѣдствіи внутренней стражи. Въ царствованіе императрицы Екатерины солдаты гвардейскихъ полковъ жили въ такъ называемыхъ свѣтлицахъ; свѣтлица была деревянная связь, раздѣленная сѣнями пополамъ, и состояла изъ двухъ большихъ покоевъ; въ каждомъ изъ нихъ помѣщались и холостые, и женатые солдаты. Между строеніемъ находи-

лось довольно большое пространство пустой земли, которая занималась огородами. Свѣтлицы выстроены были по обѣимъ сторонамъ улицы, въ линію, и въ каждой изъ оныхъ квартировала одна рота, а потому и теперь называютъ еще улицы, находящіяся въ гвардейскихъ полкахъ, по номерамъ жившихъ тогда въ оныхъ ротъ; офицеры жили въ большихъ деревянныхъ связяхъ: у богатыхъ и у женатыхъ оныя были прекрасно убраны. Императору Александру, еще наслѣдникомъ престола, угодно было на свой счетъ, для своего Семеновскаго полка, выстроить каменный полковой дворъ, гдѣ должны помѣщаться лазаретъ и церковь, три флигеля для офицеровъ и казармы для помѣщенія солдатъ всего полка. Производство сихъ строеній поручено было полковнику Путилову, бывшему тогда адъютантомъ при его высочествѣ наслѣдникѣ, и архитектору Волкову, а по выходѣ Путилова въ отставку на его мѣсто опредѣленъ гардеробъ-мейстеръ Геслеръ. Дабы скорѣе окончено было строеніе, отдали оное на подрядъ. Архитекторъ Волковъ вскорѣ умеръ. Послѣ восшествія императора Александра на престолъ, черезъ два года, казармы Семеновскаго полка оказались отъ сырости къ жительству почти совсѣмъ неспособными. Однажды государь мнѣ изволилъ разсказывать, какой капиталъ употребленъ на построеніе казармъ, и въ то время, когда онъ самъ нуждался въ деньгахъ, а теперь онѣ обратились ко вреду тѣхъ, которымъ его величество желалъ доставить покой и выгоды. Императоръ находился въ большомъ затрудненіи, какимъ бы образомъ сдѣлать казармы къ жительству удобными. Наконецъ государь изволилъ мнѣ сказать:

— Не возьмешься ли ты за это дѣло?

Я отвѣчалъ:

— Вашему величеству извѣстно и мое усердіе, и моя ревность: я готовъ исполнять все, что приказать изволите,—и тотчасъ предложилъ средство, которое государю очень понравилось.—Мнѣ кажется, что должно созвать,—сказалъ я,—всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ архитекторовъ и каменныхъ мастеровъ, осмотрѣть съ ними казармы и потребовать ихъ мнѣнія о приведеніи оныхъ въ такое состояніе, чтобы безвредно можно было въ нихъ жить.

Сіе было сдѣлано, и нашли, что должно пристроить особливыя кухни и прачешныя.

Потомъ государю угодно было возложить на меня построеніе кавалергардскихъ, конногвардейскихъ, измайловскихъ и построить вновь нѣсколько Семеновскихъ казармъ.

Въ началѣ 1803 года, эрцгерцогъ палатинъ изъявилъ желаніе видѣться съ императоромъ и со вдовствующею императрицею, послѣ кончины его супруги великой княгини и эрцгерцогини Александры Павловны. Государю угодно было послать меня на встрѣчу его императорскаго высочества. Я дождался эрцгерцога палатина въ Вильнѣ. Такъ какъ это было въ мартѣ мѣсяцѣ, то дорога такъ испор-

тилась, что его императорское высочество принужденъ былъ оставить свои тяжелые экипажи и ѣхать на перекладныхъ повозкахъ. Я предложилъ эрцгерцогу остановиться въ Нарвѣ и послать курьера въ Петербургъ, чтобы высланы были легкіе экипажи, но на сіе онъ не согласился. Подъѣзжая къ Петербургу, въ саняхъ не было возможности ѣхать, и мы сѣли въ двѣ телѣги: въ одной эрцгерцогъ со мною, а въ другой одинъ изъ его адъютантовъ съ камердинеромъ его императорскаго высочества. Я боялся, что привезу эрцгерцога полумертвымъ, и дѣйствительно онъ насилу на ногахъ могъ держаться, когда мы пріѣхали въ Зимній дворецъ. Его императорское высочество ввели въ приготовленныя для него комнаты. Немедленно пришли къ нему императоръ и вдовствующая императрица; всѣ пеняли эрцгерцогу, что онъ такъ много рисковалъ; но онъ тотчасъ, однако же, сказалъ, что я просилъ его остановиться въ Нарвѣ и послать за экипажами, но его нетерпѣніе было такъ велико увидѣться съ ихъ императорскими величествами, что не хотѣлъ ни минуты промедлить. Я долженъ былъ всякое утро приходить къ государю и принимать приказанія на цѣлый день для эрцгерцога; иногда императоръ мнѣ говорилъ:

— Поди къ матушкѣ и спроси, какъ ей угодно, чтобъ палатинъ провелъ день.

Я безпрестанно находился съ эрцгерцогомъ, кромѣ только когда онъ обѣдалъ или проводилъ вечеръ съ одною императорскою фамиліею. Свита его императорскаго высочества состояла изъ гофмейстера его, графа Сапари, двухъ камергеровъ, двухъ адъютантовъ и одного медика. Эрцгерцогъ обходился со мною весьма милостиво, а графъ Сапари полюбилъ меня, какъ невозможно больше; онъ пользовался совершенною довѣренностью его императорскаго высочества. Однажды графъ Сапари мнѣ сказалъ:

— Вы, генералъ, примѣчаете, я думаю, какъ его императорское высочество, эрцгерцогъ, васъ любитъ; ему бы хотѣлось сдѣлать для васъ что нибудь пріятное; скажите мнѣ откровенно, чего бы вы желали.

Я ему отвѣчалъ: для меня очень лестно слышать, что его императорское высочество имѣетъ ко мнѣ столько милостей, я этимъ очень доволенъ, и больше ничего не желаю.

— Вы мнѣ сказывали, генералъ,—продолжалъ графъ Сапари,—что вы недавно женаты; развѣ вамъ не было бы пріятно, и вашей молодой супругѣ получить графское достоинство? Сей титулъ вы оставили бы въ наслѣдство вашему потомству.

Сіе предложеніе меня очень удивило и, признаюсь, обрадовало.

— Я бы почелъ для себя это большимъ счастіемъ,—отвѣчалъ я:—но безъ воли императора не могу принять милости, которую угодно мнѣ оказать его императорскому высочеству; а между тѣмъ прошу ваше сіятельство повергнуть мою признательность къ стопамъ эрцгерцога.

На другой день, по утру рано, я пришелъ къ государю, и, къ счастію моему, никого не было у его величества. Я тотчасъ передалъ разговоръ мой съ графомъ Сапари, слово въ слово. Государю, примѣтно, это было очень пріятно, и онъ изволилъ съ обыкновенною его милостію мнѣ сказать:

— Я этому очень радъ, и какъ ты думаешь,—продолжалъ государь, — если и я примолвлю за тебя слово эрцгерцогу, не испорчу дѣла?

Я началъ его величество благодарить, а государь меня обнялъ, и продолжать изволилъ:

— Неужели ты думалъ, что я когда нибудь помѣшаю твоему счастію! Напротивъ, я всегда готовъ къ тому способствовать.

Въ сей день былъ обѣдъ у императора, и я видѣлъ, что послѣ стола государь отвелъ эрцгерцога къ окошку и довольно долго съ нимъ разговаривалъ, чего прежде я не замѣтилъ. Въ тотъ же вечеръ эрцгерцогъ отправилъ курьера въ Вѣну. Мнѣ странно было, что графъ Сапари не спрашивалъ у меня послѣ, просилъ ли я у государя позволенія принять предложенное мнѣ имъ отъ имени эрцгерцога достоинство, и получилъ ли я, или нѣтъ, высочайшее на то соизволеніе. Спустя нѣсколько недѣль, прихожу я въ одно утро, по обыкновенію, къ эрцгерцогу; вдругъ вижу, что отворяются обѣ половинки двери изъ его кабинета, и онъ несетъ на обѣихъ рукахъ какую-то широкую, въ малиновомъ бархатѣ переплетенную книгу и идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Подошедъ, его императорское высочество, отдавая мнѣ эту книгу, сказалъ:

— Je vous félicite, m-r comte du st. empire Romain [1]).

Я догадался, что сія книга должна быть дипломъ на графское достоинство. Я принялъ книгу и, принеся мою благодарность эрцгерцогу, просилъ позволить отнести ее къ государю. Императоръ изволилъ меня поздравить графомъ и повелѣлъ мнѣ дипломъ мой оставить у его величества, который препровожденъ былъ потомъ черезъ бывшаго тогда министра юстиціи Г. Р. Державина, при высочайшемъ указѣ, въ правительствующій сенатъ, для распубликованія повсемѣстно [2]). Мнѣ сказывалъ послѣ графъ Сапари, что когда императоръ Францъ извѣстился о желаніи государя, чтобы я получилъ графское достоинство, и что эрцгерцогу хотѣлось, прежде отъѣзда своего изъ Россіи, лично вручить мнѣ дипломъ, то его величество приказалъ канцлеру своему графу Кобенцелю оставить всѣ прочія дѣла и заняться отправленіемъ скорѣе диплома въ Петербургъ. Я забылъ сказать, что предварительно изъ герольдіи вытребована была моя родословная. Государь довершилъ милостивое

---

[1]) Поздравляю васъ, графъ св. Римской имперіи. Прим. ред.

[2]) Австрійскому курьеру, привезшему мой дипломъ на графское достоинство, я подарилъ 100 червонцевъ.

свое ко мнѣ участіе тѣмъ, что когда я получилъ графское достоинство, его величество повелѣлъ своему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, испросить особую аудіенцію у императора Франца и изъявить его величеству отъ имени государя признательность за введеніе меня въ достоинство графа св. Римской имперіи. Эрцгерцогъ сбирался къ отъѣзду изъ Россіи. Мнѣ хотѣлось дать прощальный обѣдъ свитѣ его императорскаго высочества и для того позвалъ оную къ себѣ. 28-го мая 1803 года, лишь только отобѣдали, и гости мои разъѣхались, какъ Богъ мнѣ даровалъ перваго сына графа Егора Евграфовича [1]). Воспріемниками его были императоръ и вдовствующая императрица. По случаю возложеннаго на меня государемъ порученія, построенія для гвардейскихъ полковъ казармъ, о чемъ я говорилъ выше, я не могъ сопровождать эрцгерцога палатина на возвратномъ его пути до границы; сіе возложено было на генералъ-адъютанта А. В. Васильчикова. Прощаясь со мной, его императорское высочество подарилъ мнѣ золотую табакерку, осыпанную брильянтами, съ его вензелемъ, которую цѣнили тогда въ 7 тысячъ рублей.

Когда государь собирался ѣхать въ Аустерлицкую кампанію, приказать мнѣ изволилъ явиться къ себѣ.

— Я ѣду въ армію,— сказалъ мнѣ императоръ,—но тебя не беру съ собой потому, что ты гораздо будешь для меня нужнѣе здѣсь; впрочемъ ты пороху уже нанюхался и видѣлъ близко непріятеля,— продолжалъ государь.—Я поручаю столицу Вязьмитинову [2]), а тебя назначаю къ нему въ помощники; сверхъ того, я желаю, чтобы учреждена была секретная полиція, которой мы еще не имѣемъ, и которая необходима въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Для составленія правилъ оной назначенъ будетъ комитетъ изъ князя Лопухина [3]), графа Кочубея [4]) и тебя. Ты видишь,—присовокупилъ императоръ,—что тебѣ нечѣмъ обижаться, что не будешь находиться въ кампаніи, я знаю твою голову и усердіе; прощай, Богъ съ тобой.

По отъѣздѣ государя къ арміи, я былъ у благодѣтеля моего, графа Николая Петровича Румянцова, и сообщилъ ему о комитетѣ; онъ мнѣ сказалъ:

— У меня есть много книгъ касательно сей полиціи, и мы вмѣстѣ, если хочешь, станемъ дѣлать выписки объ образованіи оной; когда ты пріѣдешь въ комитетъ, ты будешь уже имѣть понятіе о предметѣ онаго и сообщишь свѣдѣнія, которыя прочимъ членамъ комитета, можетъ быть, вовсе неизвѣстны.

---

[1]) О рожденіи прочихъ моихъ дѣтей написано въ святцахъ, и потому упоминать здѣсь о томъ я нахожу излишнимъ.

[2]) Вязьмитиновъ былъ тогда петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

[3]) Князь Лопухинъ—министръ юстиціи.

[4]) Графъ Кочубей—министръ внутреннихъ дѣлъ.

Мы дѣйствительно сими выписками нѣсколько времени занимались; комитетъ сей, однако же, не состоялся, и мнѣ никогда не была извѣстна сему причина.

Во время отсутствія государя, которое продолжалось, какъ извѣстно, не очень долго, я исполнялъ нѣкоторыя порученія генерала Вязьмитинова и занимался казенными строеніями. По возвращеніи императора въ Петербургъ, его величество съ удовольствіемъ увидѣть изволилъ хорошій успѣхъ въ строеніяхъ, подъ моимъ распоряженіемъ бывшихъ, и по донесеніи петербургскаго военнаго губернатора о исправномъ исполненіи дѣлаемыхъ имъ мнѣ порученій, его величеству угодно было, 16 марта 1806 года, наградить меня орденомъ св. Анны 1-го класса, при весьма милостивомъ рескриптѣ.

Во время служенія моего еще въ Измайловскомъ полку, я весьма былъ друженъ съ Александромъ Дмитріевичемъ Балашовымъ; онъ выпущенъ былъ изъ камеръ-пажей поручикомъ въ нашъ полкъ, вышелъ въ армію подполковникомъ, а въ царствованіе императора Павла, какъ и всѣ тѣ, которые не подверглись выключкѣ изъ службы, скоро достигъ до генералъ-маіорскаго чина. Когда объявлена была война Англіи, Балашовъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Ревель. Адмиралъ Нельсонъ пришелъ съ ввѣренною ему эскадрою въ Балтійское море съ тѣмъ, чтобы истребить нашъ флотъ и взять Ревель и Кронштадтъ. Императоръ Павелъ тогда скончался. Государь Александръ Павловичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, послалъ въ Англію Новосильцова, а Балашову поручено было трактовать съ Нельсономъ, бывшимъ уже съ своею эскадрою въ виду Ревеля. Какъ извѣстно, миръ съ Англіею скоро былъ заключенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилось и ревельское военное губернаторство; Балашову повелѣно было состоять по арміи. Потомъ онъ назначенъ былъ шефомъ Троицкаго пѣхотнаго полка. Я Балашова потерялъ совсѣмъ изъ виду. Въ одно воскресенье, во время спектакля въ Эрмитажѣ, графъ Кочубей, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, говоритъ мнѣ:

— Государь поручилъ мнѣ спросить у васъ, не знаете ли вы кого нибудь изъ вашихъ сослуживцевъ, котораго бы можно было назначить въ московскіе оберъ-полицеймейстеры.

Я ему отвѣчалъ, что въ сію минуту никого не имѣю, но чтобы графъ позволилъ мнѣ подумать.

На другой день мы званы были на музыкальный вечеръ къ А. Н. Гончарову, который переселился въ Петербургъ, и котораго сынъ учился тогда у славнаго Роде играть на скрипкѣ. Каково же было мое удивленіе встрѣтить тамъ Александра Дмитріевича Балашова [1]); не видавшись столько лѣтъ, мы другъ другу очень обрадовались; я началъ у него разспрашивать, почему онъ во фракѣ, и

[1]) Балашовъ по первой своей женѣ былъ въ родствѣ съ женою Гончарова.

оставилъ военную службу, и давно ли въ Петербургѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ Петербургъ только что пріѣхалъ, и не по своей надобности; что онъ имѣлъ дѣло около Вышняго-Волочка, тамъ нашелъ одного изъ своихъ пріятелей, который въ затрудненіи былъ доставить сына своего въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ.

— Я, какъ человѣкъ свободный, — продолжалъ Александръ Дмитріевичъ,—и бывши на половинѣ дороги, вызвался оказать пріятелю моему сію услугу и вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ повидаться съ моими знакомыми; а что оставилъ службу, такъ потому, что меня имѣть въ оной болѣе не желаютъ.

Я возразилъ:

— Какъ не желаютъ! этого, кажется, быть не можетъ.

Онъ мнѣ на сіе сказалъ:

— Выслушай, что со мной случилось: я былъ, какъ тебѣ извѣстно, ревельскимъ военнымъ губернаторомъ и имѣлъ тамъ весьма важное порученіе, которое исполнилъ, кажется, нельзя лучше; вмѣсто награды я лишился мѣста и состоялъ по арміи; вдругъ получаю приказъ, что Преображенскаго полка полковникъ Запольскій назначается шефомъ перваго въ арміи полка, Екатеринославскаго гренадерскаго, а я вмѣстѣ съ нимъ получаю Троицкій полкъ, который расположенъ по Кавказской линіи. Я, однако же, поѣхалъ къ полку и, дождавшись 1 сентября, подалъ въ отставку. Послѣ сего желаютъ ли меня имѣть на службѣ, и какъ бы ты на моемъ мѣстѣ поступилъ?

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, что ему не оставалось ничего другаго дѣлать.

— Но, — продолжалъ я, — неужели ты рѣшился въ твои лѣта никогда болѣе уже не служить? Есть должности, въ которыхъ можно быть полезнымъ отечеству, и кромѣ военной службы.

— Я живу съ моей матушкой, съ женой, съ сестрами, — отвѣчалъ онъ,—и въ кругу моего семейства я чрезвычайно счастливъ.

Я ему сказалъ:

— А если можно соединить и семейную жизнь и службу вмѣстѣ, то не будетъ ли сіе пріятнѣе?

Тогда я сообщилъ Балашову о сдѣланномъ мнѣ порученіи. Онъ, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ:

— Хотя и трудно рѣшиться быть разжаловану изъ поповъ въ діаконы, ибо, какъ военный губернаторъ, я имѣлъ въ командѣ у себя полицеймейстера и всю полицію и ни отъ кого не зависѣлъ, а тутъ самъ буду подъ командой; но я бы сію должность принялъ, только я увѣренъ, что меня не опредѣлятъ.

Въ слѣдующій день поутру я донесъ государю, что по сдѣланному мнѣ порученію графомъ Кочубеемъ, по волѣ его величества, я осмѣлился бы рекомендовать въ московскіе оберъ-полицеймейстеры Балашова, но онъ полагаетъ, что имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣ-

вомъ его величества; потомъ разсказалъ все слышанное мною отъ Александра Дмитріевича государю. Его величество изволилъ слушать съ большимъ вниманіемъ, наконецъ сказать изволилъ:

— Я помню Балашова съ того времени, какъ онъ еще былъ камеръ-пажемъ при бабушкѣ; послѣ видѣлъ его въ Казани комендантомъ и зналъ, когда онъ былъ ревельскимъ военнымъ губернаторомъ; сіе мѣсто, съ миромъ съ Англіей, само собой уничтожилось. Назначеніе же полковника Запольскаго шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка произошло отъ того, что я въ семъ полку беру большое участіе: ты знаешь, что шефомъ онаго я назначенъ былъ покойною бабушкою [1]). Полкъ сей приведенъ въ большое разстройство Палицынымъ; мнѣ надобно было поручить оный такому начальнику, котораго бы я лично зналъ по службѣ, и который бы въ состояніи былъ полкъ привести въ хорошее состояніе. Балашовъ, кажется, отъ фронтовой службы отвыкъ, а такъ какъ онъ состоялъ по арміи, то и назначенъ былъ шефомъ перваго вакантнаго полка. Изъ сего ты видишь причины, по коимъ сдѣланъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка Запольскій, а не другой кто. Ты можешь увѣрить Балашова, что я вовсе не хотѣлъ его обидѣть, и ничего, кромѣ хорошаго, противъ его не имѣю, и если онъ желаетъ быть московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, то я охотно его въ сію должность опредѣляю. Прикажи ему явиться къ Кочубею.

Увидѣвшись съ Александромъ Дмитріевичемъ, я ему передалъ разговоръ мой съ государемъ, и Балашовъ получилъ желаемое имъ мѣсто. Сіе было начало его послѣдующей фортуны по службѣ и всѣхъ почестей, имъ въ оной пріобрѣтенныхъ. Я долженъ отдать справедливость Александру Дмитріевичу, что онъ болѣе и болѣе старался всегда оказывать мнѣ знаки своей дружбы и откровенности.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1806 года, я весьма сильно занемогъ и по причинѣ сей жестокой моей болѣзни, продолжавшейся около года, я не могъ участвовать въ Фридландской кампаніи. Государь принимать изволилъ самое милостивое и живѣйшее участіе въ отчаянномъ почти положеніи моей жизни, въ которомъ я находился. Прислать изволилъ лѣчить меня собственнаго своего доктора Крейтона, который обязанъ былъ всякій день доносить императору о состояніи моего здоровья. Его величество полагать изволилъ, что сія жестокая болѣзнь мнѣ приключилась отъ простуды, которую я получилъ, ѣздивъ безпрестанно по казеннымъ строеніямъ, въ самую ненастную погоду; тѣмъ болѣе государь желалъ моего выздо-

---

[1]) Императрица Екатерина, незадолго до ея кончины, назначила шефами полковъ гренадерскихъ: Екатеринославскаго—великаго князя Александра Павловича и С.-Петербургскаго—великаго князя Константина Павловича.

ровленія. Наконецъ болѣзнь моя кончилась, но осталось сильное разслабленіе въ нервахъ. Лѣчившіе меня медики признали необходимымъ, чтобы я поѣхалъ къ минеральнымъ водамъ въ чужіе края. Я лишь только послалъ о семъ государю просьбу, какъ его величество соизволилъ на мой отъѣздъ, не отдавая о томъ въ приказѣ, дабы я не лишился во время моего отсутствія моего трактамента. Мы все это лѣто прожили на дачѣ по Петергофской дорогѣ, на 6-й верстѣ, принадлежащей княгинѣ Дашковой.

VII.

Пріѣздъ въ Вѣну. — Болѣзнь. — Докторъ Каполини. — Бракосочетаніе императора Франца. — Увеселенія вѣнской аристократіи. — Рожденіе сына Александра. — Г-жа Staël. — Переселеніе въ Баденъ. — Поѣздка въ Пресбургъ. — Коронованіе новой императрицы венгерскою короной.—Возвращеніе въ Баденъ и въ Вѣну.—Гулянья въ Пратерѣ.—Образцовый порядокъ.—Переселеніе въ Парижъ.—Пріемъ у Наполеона.—Князь Куракинъ.—Параллель между Парижемъ до революціи и Парижемъ времёнъ имперіи. — Представленіе императрицѣ Жозефинѣ. — Симпатія къ русскимъ.—Спектакли въ Тюльери.—Строгости придворнаго этикета.—Обѣдъ.

Сентября 15-го, 1807 года, прямо съ дачи мы поѣхали въ Вѣну. Въ семъ путешествіи находились: матушка, жена моя, сынъ Егоръ Евграфовичъ, который былъ тогда по пятому году, съ его няней, и,—чтобы вести счеты во время дороги, — двоюродный мой племянникъ Н. Н. Акининъ, а дочь нашу Анну, которая имѣла тогда полтора года, поручили сестрицѣ моей Аннѣ Θедотовнѣ. На сей дачѣ мы имѣли тогда несчастіе лишиться дочери нашей Авдотьи, которая была старѣе дочери Анны. Во время вояжа нашего ничего примѣчательнаго до Вѣны не случилось. По пріѣздѣ нашемъ въ сію столицу мы нашли ее наполненною такимъ множествомъ пріѣхавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныхъ, по случаю бракосочетанія императора Франца съ третьей его супругой, принцессою д'Esté, что ѣздили нѣсколько часовъ по всему городу, чтобы сыскать квартиру въ какой нибудь гостиницѣ. Наконецъ принуждены были остановиться въ самой послѣдней изъ всей Вѣны Kärtner-Strasse, am wilden Mann, и то отвели намъ только три комнаты въ 4-мъ этажѣ. На другой день я поѣхалъ къ нашему послу, которымъ былъ тогда въ Вѣнѣ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Онъ предваренъ уже былъ о моемъ пріѣздѣ вдовствующею императрицею, которая къ нему была очень милостива и вела съ нимъ партикулярную переписку. Князь Куракинъ, увидя меня, сказалъ:

— Я давно уже ожидаю ваше сіятельство, мнѣ вашъ пріѣздъ сюда былъ извѣстенъ; радъ буду оказывать вамъ всякаго рода услуги,—продолжалъ онъ,—знаю, что вы пріѣхали сюда лѣчиться, и что въ васъ принимаютъ участіе ихъ императорскія величества.

Послѣ нѣкоторыхъ еще взаимныхъ комплиментовъ я возвратился домой. Желая показать женѣ моей любимое вѣнскихъ жителей гулянье, по бастіонамъ вокругъ города [1]), я надѣлъ фракъ и пошелъ съ ней гулять. Это было уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вѣтеръ былъ прехолодный, и я сильно простудился; къ вечеру я почувствовалъ большой жаръ. Къ счастію, пришелъ меня навѣстить бывшій тогда совѣтникомъ посольства баронъ Аистенъ, съ которымъ я знакомъ былъ, когда еще онъ служилъ при принцѣ Нассау. Онъ, увидѣвъ меня въ этомъ положеніи, а особливо жену мою въ отчаяніи и матушку, которая себя также не очень хорошо чувствовала, сказалъ:

— Вы живете въ самой дурной гостиницѣ, какая только есть въ Вѣнѣ, но вознаграждены тѣмъ, что напротивъ васъ живетъ лучшій здѣшній и всѣхъ русскихъ докторъ Капелини, и въ томъ же домѣ есть и аптека. Пошлите за Капелини: онъ вѣрно дома и къ вамъ тотчасъ будетъ. Если угодно, я напишу къ нему записку и пошлю съ своимъ человѣкомъ.

Капелини дѣйствительно къ намъ тотчасъ явился и нашелъ, что у меня на лицѣ и на головѣ дѣлается рожа. Мы впослѣдствіи имѣли въ немъ друга, а не медика. Первое, что онъ сказалъ:

— Вамъ здѣсь никакъ нельзя оставаться; я постараюсь найти для васъ покойную квартиру, а между тѣмъ для графа нуженъ хорошій супъ; въ здѣшней гостиницѣ столъ прескверный; я буду присылать оный съ моей кухаркой, а такъ какъ въ трактирѣ не позволяютъ носить кушанья со стороны, она называться будетъ вашей прачкой и ходить къ вамъ будто съ бѣльемъ.

Подлѣ самой той комнаты, въ которой я лежалъ, жило нѣсколько офицеровъ, которые цѣлыя ночи проводили въ пьянствѣ, въ картежной игрѣ и въ ужасномъ шумѣ. Племянникъ мой Акининъ нѣсколько разъ ходилъ просить ихъ, чтобы не такъ шумѣли, что подлѣ нихъ лежитъ больной русскій генералъ, но они переставали только на минуту, а потомъ опять тотъ же шумъ возобновлялся и гораздо еще сильнѣе. Каково же было мое положеніе, что я въ страданіи не могъ не только спать, но имѣть ни малѣйшаго покоя. Одинъ разъ Капелини входитъ въ намъ съ веселымъ видомъ и говоритъ:

— Какъ я радъ, что наконецъ нашелъ для васъ препокойную квартиру, которую я самъ ѣздилъ осматривать; я не пропускалъ ни одного объявленія, чтобы не прочесть, и далъ комиссію моимъ пріятелямъ и знакомымъ искать и навѣдываться о квартирѣ для васъ, и теперь, кажется, я въ этомъ успѣлъ. Домъ въ предмѣстьѣ [2]) въ два этажа, главный фасадъ въ садъ, принадлежитъ земляку моему Оригони, верхній этажъ занятъ жильцами, а нижній сво-

---

[1]) Сіи бастіоны взорваны были Наполеономъ въ 1810 году.

[2]) Городъ Вѣна, самъ по себѣ, очень малъ, но предмѣстья его весьма обширны.

боденъ,—и сказываетъ намъ цѣну. Мы стали его благодарить, какъ нельзя больше, и просить, чтобы онъ тотчасъ нанялъ квартиру, и дали денегъ для задатка. Капелини намъ сказалъ:

— Здѣсь иначе не нанимаютъ квартиры, какъ на извѣстное время и по контракту. Если вамъ угодно,—продолжалъ онъ,—я заключу контрактъ отъ своего имени, но должно только опредѣлить время.

Мы рѣшились нанять квартиру на шесть мѣсяцевъ. Мнѣ сдѣлалось нѣсколько лучше, то-есть, боли перестали, но на лицѣ была еще большая опухоль. Капелини долго не зналъ, какимъ образомъ меня перевезти; наконецъ рѣшился, чтобы портъ-шезъ [1]) принесли къ самой моей постели и, окутавъ меня хорошенько, чтобы я не простудился, отнесли бы на новую квартиру. Лѣстница была въ семъ мерзкомъ трактирѣ такъ узка и съ поворотами, что съ большимъ трудомъ меня снесли внизъ. Посланъ былъ впередъ мой камердинеръ нѣмецъ, который нанятъ былъ еще въ Петербургѣ, чтобы приготовить для меня постель; каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что Капелини меня самъ дождался; я не могъ довольно изъявить ему моей благодарности, и въ самомъ дѣлѣ какое примѣрное и рѣдкое попеченіе о своемъ больномъ! Я думалъ, что я нахожусь въ раю: комнаты прекрасныя, опрятныя, хорошо меблированы, и меня принесли къ самой моей постели. Капелини приказалъ комнаты вытопить и вездѣ накурить. Я скоро совершенно оправился въ чистомъ воздухѣ, который былъ въ нашихъ комнатахъ. Во всемъ домѣ жили только двѣ фамиліи: вверху графиня Лабія, урожденная графиня Гадикъ, а внизу наша. Графъ Лабія, noble de Venise, послѣ всѣхъ перемѣнъ, случившихся съ сей республикой, въ которой онъ имѣлъ большія маетности, рѣшился оставить жизнь свою въ Австріи. Графъ Лабія находился тогда по своимъ дѣламъ въ Венеціи. Мы скоро познакомились съ его женою и нашли въ ней прекрасную и премилую сосѣдку. Мы съ ней видались почти всякій день. Поручили нашему доктору Капелини, чтобы найти для старшаго нашего сына, за которымъ необходимъ уже былъ присмотръ, родъ гувернера. Капелини намъ рекомендовалъ отставного изъ австрійской службы поручика, родомъ итальянца, Витали, за нравственность котораго онъ ручался. Основываясь на рекомендаціи Капелини, мы взяли къ себѣ Витали. Тогда въ Вѣнѣ было русскихъ: Н. А. Нарышкинъ со всей фамиліей, княгиня Шаховская съ двумя дочерьми, деверемъ своимъ, княземъ Н. А. Шаховскимъ, и Бахметевымъ; прекрасная Татищева, бывшая тогда Безобразова, и теперешній ея мужъ Татищевъ; баронъ Бюллеръ, бывшій нашимъ министромъ въ Мюнхенѣ, съ своимъ

---

[1]) Портъ-шезы въ большомъ употребленіи въ Вѣнѣ; это—родъ маленькой кареты, съ тремя стеклами, которую несутъ два человѣка на длинныхъ деревянныхъ коромыслахъ.

семействомъ, князь Багратіонъ, графиня М. А. Толстая съ двумя дочерьми и съ двумя сыновьями, — мужъ ея, графъ П. А., былъ тогда посланъ въ Парижъ; съ нею пріѣхалъ П. А. Арсеньевъ и Кологривой, который причисленъ къ вѣнской миссіи; П. М. Лунинъ съ женою и дочерью, два брата Яковлевы; еще находился тамъ А. П. Ермоловъ, но съ нимъ почти не видались. Я былъ представленъ императору, а жена моя ко двору не представлялась по причинѣ ея беременности.

Бракосочетаніе императора происходило въ церкви aux petits Augustins, гдѣ намъ отведена была трибуна. Священную сію церемонію совершалъ родной братъ императрицы, примасъ венгерскій. Рѣдко можно было видѣть гдѣ нибудь столько драгоцѣнныхъ каменьевъ, какъ при семъ случаѣ, которыми украшены были австрійскія и венгерскія дамы: сіи послѣднія были въ національномъ своемъ костюмѣ. На императорѣ былъ фельдмаршальскій мундиръ; лента ордена Маріи-Терезіи въ два ряда, по краямъ унизана была довольно крупными брильянтами. Въ сей же церкви находится знаменитый мавзолей изъ лучшихъ произведеній рѣзца славнаго Кановы, въ память эрцгерцогини Христины, дочери Маріи-Терезіи, сооруженный мужемъ ея, герцогомъ Саксенъ-Тешенскимъ, бывшимъ намѣстникомъ нидерландскимъ. Герцогъ Альбертъ имѣлъ лучшій домъ въ Вѣнѣ, давалъ часто великолѣпные и многолюдные обѣды. Въ сей столицѣ партикулярные балы тогда вовсе не были въ употребленіи, а большіе обѣды и рауты, которые назывались les avant-soirées. Въ Вѣнѣ странное тогда было обыкновеніе: послѣ званаго обѣда должно узнать, когда будетъ другой такой же обѣдъ у того же хозяина, и пріѣхать послѣ сего обѣда благодарить, и сіе называлось: rendre le diner, а буде сего не сдѣлаешь, то почиталось большою невѣжливостью, и даже впередъ подвергнешься не быть никогда болѣе приглашеннымъ. Послѣ всякаго большаго обѣда начинается въ домѣ совершенная суматоха, ибо одни пріѣзжаютъ, а другіе уѣзжаютъ. Князь Лобковицъ любилъ музыку и театръ, и у него былъ спектакль, составленный изъ членовъ общества, и представляли итальянскія оперы, между прочимъ, Camille ou le Souterrain сочиненія Пера. Князь Лобковицъ имѣлъ одну ногу короче другой, игралъ въ сей оперѣ роль садовника и говорилъ, что онъ отъ того хромаетъ, что полѣзъ на дерево и упалъ съ онаго. Роль Камиллы въ большомъ превосходствѣ была играна дѣвицею Губо, она имѣла при томъ голосъ прелестнѣйшій. У графини Замойской тоже былъ театръ, но представляли французскія пьесы. Графиня Замойская играла прелестно, особенно въ роли Betti въ La jeunesse de Henri V. Я послѣ видѣлъ въ Парижѣ въ той же роли славную m-lle Mars и не нашелъ большой разницы. Между актерами, игравшими у графини Замойской, я видѣлъ Clery, камердинера несчастнаго Людовика XVI, короля французскаго. Въ Вѣнѣ, сверхъ того, былъ театръ,

составленный изъ охотниковъ лучшихъ фамилій, гдѣ играли только національныя пьесы; я иногда ѣздилъ туда, получая билетъ отъ графини Лабіи; дядя ея, графъ Бренеръ, былъ однимъ изъ старшинъ сего общества[1]).

1-го февраля 1808 года, родился у насъ сынъ Александръ; воспріемниками его были посолъ нашъ князь Куракинъ и графиня М. А. Толстая. При посольствѣ нашемъ былъ священникъ, который слишкомъ 30 лѣтъ не выѣзжалъ изъ Вѣны, но все сіе время ему не случалось ни разу крестить младенцевъ; онъ былъ въ большомъ затрудненіи и никакъ не рѣшался погрузить младенца въ воду и просилъ, чтобы позволили его облить водою, на что мы принуждены были согласиться.

Докторъ Капелини нашелъ, что для подкрѣпленія моихъ нервовъ нужно употреблять сѣрныя ванны, а потому и совѣтовалъ на лѣто ѣхать въ Баденъ, разстояніемъ отъ Вѣны въ 3 миляхъ, или 21 верстѣ. Поелику онъ самъ туда всякое лѣто ѣздилъ, то и взялся для насъ нанять въ Баденѣ домъ. Въ наше время была въ Вѣнѣ знаменитая m-me Staël, которую старались всѣ сколько можно болѣе угощать. У князя Лихтенштейна данъ былъ спектакль: Agar dans le désert, въ которомъ m-me Staël играла съ своимъ сыномъ; она была нѣсколько разъ, изъ любопытства, въ нашей посольской церкви. Всѣхъ болѣе ей нравилось общество prince de Ligne; онъ былъ тогда уже въ ребячествѣ. M-me Staël говорила, что для нея любезнѣе всѣхъ въ Вѣнѣ prince de Ligne и С. С. Уваровъ, бывшій тогда при нашемъ посольствѣ.

Мы переѣхали въ Баденъ въ маѣ мѣсяцѣ, равно какъ и всѣ почти русскія семейства, бывшія въ Вѣнѣ; нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не для лѣченія, а только, чтобы провести лѣто въ семъ прекрасномъ мѣстѣ, переселились въ Баденъ. Въ сіе почти время пріѣхалъ туда же лѣчиться графъ Эммануилъ Сенпри, съ графомъ Людольфомъ, теперешнимъ неаполитанскимъ министромъ въ Петербургѣ. Графъ Сенпри получилъ жестокую рану въ ногу въ Фридландскую кампанію. Я съ нимъ ѣздилъ купаться вмѣстѣ и въ одинъ павильонъ. Мы жили въ Баденѣ самымъ наипріятнѣйшимъ образомъ;

---

[1]) Во время нашего пребыванія въ Вѣнѣ, въ университетской залѣ были по воскресеньямъ концерты, составленные изъ охотниковъ и первѣйшихъ артистовъ. Однажды вздумали дать знаменитую ораторію Гайдена—«Сотвореніе міра». Сей славнѣйшій и, можно сказать, вдохновенный сочинитель ораторіи еще былъ живъ, и передъ началомъ оной его принесли въ залу, гдѣ было приготовлено для него возвышенное мѣсто,—на носилкахъ, и онъ имѣлъ шляпу на головѣ. При появленіи Гайдена въ залу, раздались рукоплесканія и громогласные крики: виватъ. Знатнѣйшія вѣнскія дамы: княгиня Эстергази, Шварценбергъ и проч., подходили цѣловать его руку. Сею ораторіею дирижировалъ извѣстный Пиччини. Гайденъ былъ такъ тронутъ и слабъ, что не могъ остаться до конца ораторіи. Онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Примѣчательно, что до конца своей жизни Гайденъ сохранилъ скромное названіе капельмейстера князя Эстергази.

часто ѣздили въ обществѣ нашихъ соотчичей по прелестнымъ окрестностямъ баденскимъ, каковы Маркенштейнъ, загородный домъ Лихтенштейна, котораго называли Назе, по чрезвычайному его носу; Феслау, банкира барона Фраза; Шенау, графа Брауна, гдѣ видно великое изобиліе водъ, и гдѣ въ построенномъ круглообразномъ, превосходной внутри архитектуры, храмѣ, посвященномъ богинѣ ночи (сія богиня изображена на колесницѣ), сводъ представляетъ небесную твердь, освѣщенную луною и звѣздами. Когда войдешь въ сей храмъ, вдругъ услышишь музыку восхитительной мелодіи и въ такой отдаленности, что едва звуки доходятъ до слуха, и въ то время колесница, на которой стоитъ богиня, медленно объѣзжаетъ всю внутренность храма. Все вмѣстѣ представляетъ что-то таинственное. Въ увеселительномъ дворцѣ императора, Лаксенбургѣ, между прочимъ, видно судилище среднихъ вѣковъ: посреди комнаты, гдѣ члены онаго собирались, находится большое отверстіе въ видѣ трубы, въ которую поднимали изъ темницы, устроенной въ погребахъ, рыцаря, для объявленія ему приговора; послѣ чего опускали его въ сіе заточеніе. Вся эта комната, впрочемъ, довольно большая, убрана латами рыцарей тѣхъ вѣковъ. Мы входили и въ самую темницу; въ ней изображенъ рыцарь большого роста, сидящій на деревянной скамьѣ и имѣющій на ногахъ и рукахъ цѣпи, и коль скоро къ нему станешь подходить, онъ привстаетъ со скамьи и нѣсколько разъ встряхиваетъ своими цѣпями и потомъ опускается на скамью. Лаксенбургъ было любимое мѣсто второй жены императора Франца. Она, сказываютъ, была большая охотница до всякаго рода звѣрей. Павильонъ, въ которомъ императрица часто бывала, снаружи увѣшанъ множествомъ разнообразныхъ животныхъ чучелъ, какъ-то: кошекъ, собакъ и проч. Монастырь Гейлигенъ-крейцъ, или святаго креста, съ мѣстоположеніемъ уединеннымъ, окруженный горами, имѣетъ печать святости. Множество ходитъ туда на богомолье. Наконецъ, деревня Брюль представляетъ видъ дикой природы, лежитъ въ превысокихъ голыхъ скалахъ. Екатерина Александровна Нарышкина была, можно сказать, душею этихъ прогулокъ; она большею частію ихъ учреждала и все угощеніе принимала подъ свое распоряженіе. Послѣ ваннъ, въ 12 часовъ, всѣ, и тѣ, которые лѣчились, и здоровые, собирались въ довольно обширный, въ самомъ Баденѣ находящійся, паркъ. Въ устроенномъ посреди парка кіоскѣ играла музыка, и сіе гуляніе продолжалось до 2-хъ часовъ по полудни и возобновлялось послѣ обѣда, но безъ музыки. Ѣздили часто гулять въ долину св. Елены, въ самомъ ближнемъ разстояніи отъ Бадена; сія долина окружена превысокими горами. Въ сіе лѣто множество было пріѣзжихъ въ Баденъ. Мы перемѣнили три квартиры; послѣдняя называлась, по своему мѣстоположенію, Ландшафтомъ, и дѣйствительно передъ глазами нашими, на высотахъ трехъ горъ, находились развалины трехъ замковъ: Раухенштейнъ, Шарфенекъ и

трехъ-угольная башня. Всякій вечеръ почти у насъ собирались всѣ русскіе, а иногда австрійцы; между прочими просилъ позволенія быть намъ представленъ молодой князь Эстергази, теперешній посолъ въ Англіи, и другіе иностранцы, бывшіе тогда въ Баденѣ. Очень часто играли у насъ въ charades en action, что̀ было для всѣхъ весьма пріятно. Въ Баденѣ былъ театръ, и мы за нѣсколько гульденовъ могли имѣть всякаго рода костюмы.

Изъ Бадена я съ женою моею ѣздилъ въ Пресбургъ по случаю коронаціи императрицы, какъ королевы венгерской. Мы нанимали въ Вѣнѣ четвероместную карету и пару прекрасныхъ вороныхъ инглезированныхъ лошадей за 300 гульденовъ въ мѣсяцъ, что̀ составляло тогда на наши деньги 180 рублей, а когда переѣхали въ Баденъ, то вмѣсто кареты мы взяли четвероместную коляску, и въ сей-то коляскѣ и на парѣ вороныхъ лошадей мы отправились въ другое государство и въ другую столицу, взявъ съ собою жена — горничную свою дѣвку, а я — своего камердинера Лапіера, такъ разстоянія близки во всѣхъ почти государствахъ, кромѣ Россіи. Мы изъ Бадена выѣхали рано поутру; на срединѣ дороги обѣдали, кормили лошадей часа два и пріѣхали въ Пресбургъ еще гораздо до захожденія солнца. Мы переодѣлись и пошли гулять въ публичный садъ. Для нашего посла и для всѣхъ русскихъ въ каѳедральной церкви, гдѣ совершалось коронованіе, назначено было особливое мѣсто. Намъ всѣмъ непріятно было видѣть, что А. К. Разумовскій, жившій тогда въ отставкѣ, въ Вѣнѣ, находился не съ нами, а между первыхъ чиновъ австрійскихъ. Императоръ былъ въ приготовленномъ для него мѣстѣ и имѣлъ корону и всѣ одѣянія св. Стефана. Короновалъ и священнодѣйствовалъ тотъ же братъ императрицы, примасъ венгерскій, который и вѣнчалъ ее. Прежде коронація императрица должна была причаститься св. таинъ, и лишь только она передъ алтаремъ стала на колѣни, какъ ей сдѣлался обморокъ. Сіе произвело большое смятеніе, но она скоро пришла въ себя. Когда возложили на нее корону эрцгерцогини австрійской, тогда примасъ подошелъ къ императору, снялъ съ него корону св. Стефана и коснулся оною плеча императрицы: въ семъ состояло все коронованіе. Потомъ былъ публичный обѣдъ; подъ балдахиномъ, за столомъ сидѣли императоръ, императрица, палатинъ и примасъ венгерскій. Ничего не можно видѣть великолѣпнѣе, какъ шествіе императрицы въ церковь и обратно во дворецъ. Императоръ, палатинъ и всѣ первѣйшіе магнаты венгерскіе окружали ея карету верхомъ, имѣя на себѣ самыя богатѣйшія свои одѣянія, а на лошадяхъ ихъ были драгоцѣнныя украшенія. На князѣ Эстергази было платье изъ краснаго бархата, вышитое все, гдѣ должно быть, шнуркомъ, крупнымъ жемчугомъ, а вмѣсто пуговицъ—солитеры; ножны сабли осыпаны брильянтами съ разными драгоцѣнными каменьями; сапоги вверху обшиты брильянтами, а кисточки у сапоговъ изъ

крупнаго жемчуга. Конскій уборъ былъ тоже изъ краснаго бархата, и вышитъ жемчугомъ съ драгоцѣнными каменьями; даже оголовы мундштука унизаны таковыми же каменьями. Я нѣсколько разъ, во время пребыванія нашего въ Пресбургѣ, былъ у эрцгерцога палатина, который обращался со мной такъ же, какъ и въ бытность его въ Петербургѣ, т.-е. весьма милостиво. Я съ большимъ удовольствіемъ увидѣлся и съ добрымъ графомъ Сапари и со всѣми, которые были съ его императорскимъ высочествомъ въ Петербургѣ; одного только изъ тѣхъ камергеровъ уже при палатинѣ не находилось.

Возвратясь въ Баденъ, и когда вечера стали длиннѣе, ввелись въ употребленіе серенады; онѣ состояли изъ дѣвицы Губа, которая восхитительно пѣла, одного француза Макота, который былъ стихотворецъ и игралъ на гитарѣ, и графа Лудольфа, игравшаго тогда на флейтѣ. Ничего не было прелестнѣе сихъ серенадъ. По совѣту доктора Капелини, при употребленіи сѣрныхъ Баденскихъ ваннъ, я пилъ эгерскія воды, и сей способъ лѣченія мнѣ совершенно возвратилъ здоровье. Въ Баденѣ хотя и былъ докторъ Шенкъ, но никто почти съ нимъ не совѣтовался, а брали совѣты большею частію отъ вѣнскихъ докторовъ. Тамъ находились публичныя ванны, подъ названіемъ Frauen-bad, въ которыхъ купались и женщины и мужчины вмѣстѣ, но они имѣли на себѣ длинныя одѣянія, родъ халатовъ. Въ Баденъ пріѣхалъ принцъ Плесъ, который былъ совершенно здоровъ; ему понравилось, что можно купаться вмѣстѣ съ женщинами, хотя доктора и предупреждали его, что сіе можетъ быть для него весьма вредно, но онъ ихъ не послушался, полагаясь на свое крѣпкое сложеніе, однако же кончилъ тѣмъ, что пришелъ, послѣ нѣсколькихъ ваннъ, въ совершенное разслабленіе. На самомъ источникѣ, который называется Шпрудель, видна надпись: «благотвореніе природы посвящено страждущему человѣчеству». Въ самомъ Баденѣ, на одной изъ окружающихъ его горъ, принадлежащей графинѣ Александровичевой, разведенъ прекрасный садъ, въ которомъ находится много надписей на итальянскомъ языкѣ; а на другой горѣ есть кальверъ, куда въ назначенные дни ходятъ на богомолье.

Проведя, такимъ образомъ около пяти мѣсяцевъ въ Баденѣ, мы возвратились въ Вѣну. Мы нашли прекрасную квартиру въ предмѣстьѣ Іосифъ-Штадтъ, на улицѣ, называемой Егеръ-Цейль, которая изъ Вѣны ведетъ въ Пратеръ. У насъ передъ окошками ежедневное было гулянье по извѣстной страсти вѣнскихъ жителей къ сему, единственному во всей Европѣ, парку; особливо по воскресеньямъ, можно сказать, что вся Вѣна на нѣсколько часовъ переселялась въ Пратеръ. Недалеко отъ насъ былъ національный театръ, Кашперне, куда я часто ходилъ смѣяться дурачествамъ, на ономъ представляемымъ. Въ Пратерѣ даваемы были тогда фейер-

верки, каковыхъ я нигдѣ не видывалъ; оные представляли взятіе Гибралтара, осажденнаго кораблями съ моря, или знаменитыя осады крѣпостей. Стеченіе при сихъ зрѣлищахъ бываетъ до 20/т. человѣкъ, и болѣе, и, кажется, сидишь одинъ, пока темно, когда же освѣтится сей партеръ головъ человѣческихъ, не можешь себѣ безъ удивленія представить такое безмолвное молчаніе отъ сего множества народа, соединеннаго вмѣстѣ. Оно только сродно однимъ вѣнскимъ жителямъ, извѣстнымъ своею безпримѣрною кротостію нравовъ. Вокругъ того мѣста, гдѣ зажигаютъ фейерверки, протянута въ аршинъ ширины сѣть изъ самыхъ тонкихъ бичевокъ, а въ срединѣ пустое мѣсто, оставленное для входа, у котораго стоятъ два человѣка, для полученія денегъ со входящихъ. Не было примѣра, чтобы кто нибудь нарушалъ сію бренную преграду. У насъ бы должно обнести сіе мѣсто, по крайней мѣрѣ, рогатками и, сверхъ того, еще поставить нѣсколько человѣкъ будочниковъ. Во время самаго большого стеченія народа и экипажей въ Пратеръ, когда вереница каретъ начинается у каѳедральной церкви св. Стефана,—что̀ составитъ до павиліона, находящагося на самомъ концѣ Пратера, верстъ до восьми, и больше,— для порядка наряжаются изъ городскихъ драгуны, при одномъ унтеръ-офицерѣ, человѣкъ до 10-ти рядовыхъ, и тѣмъ дѣла почти никакого нѣтъ, ибо всякой изъ кучеровъ знаетъ свой рядъ, и хоть тысячу разъ ему приказывай, онъ никакъ изъ него не выѣдетъ. Народныя же увеселенія вѣнскихъ жителей самыя скромныя; всякой выкуритъ свою трубку табаку [1]), выпьетъ нѣсколько стакановъ пива и съѣстъ пару или двѣ жареныхъ цыплятъ, до чего они большіе охотники,—вотъ вся ихъ забава. Мнѣ ни одного разу не случалось видѣть пьянаго человѣка до того, чтобы онъ на ногахъ шатался, или бы кто сдѣлалъ какой нибудь шумъ. Сравните же теперь сіе съ нашимъ Екатерингофскимъ или съ другимъ публичнымъ гуляньемъ, куда для порядка посылаются весь жандармскій дивизіонъ, со всего города полицейскіе офицеры, солдаты и будочники, и всѣмъ много дѣла находится. Въ Вѣнѣ на всѣхъ мостахъ сдѣланы помосты деревянные и, чтобы долѣе сохранить оные, на обоихъ концахъ каждаго моста поставлены столбы, на которыхъ написано, чтобы черезъ мостъ ѣхали шагомъ. Ни одинъ кучеръ, ни за что, ни подъ какимъ видомъ, иначе черезъ мостъ не поѣдетъ; а тутъ нѣтъ, однако же, ни часоваго, ни будочника, который бы запретилъ ему сіе дѣлать. Мнѣ случалось видѣть, что даже самого императора по мостамъ везутъ шагомъ. Кстати, для сравненія сказать здѣсь можно: во время командованія моего петербургскою полиціею, я испросилъ высочайшее повелѣніе, чтобы черезъ мосты не позволено было скакать во всю прыть, ибо находили сіе для мостовъ весьма вреднымъ,—особливо устроенныхъ

[1]) Курить табакъ позволяется только за городомъ.

на плашкоутахъ,—а чтобы ѣхали по онымъ маленькой рысью. О сей высочайшей волѣ объявлено было, съ подпискою, всѣмъ обывателямъ петербургскимъ, и на обоихъ концахъ и на срединѣ мостовъ сначала поставлены были полицейскіе офицеры. Но до того доходило, что, когда карета скакала на мостъ, то будочникъ старался ее остановить, и если въ каретѣ сидѣла почетная особа, то офицеръ подходилъ къ ней и говорилъ учтивымъ образомъ, что по высочайшему повелѣнію запрещено ѣздить такъ скоро по мостамъ. Нѣкоторыя изъ сихъ почетныхъ особъ доходили до того, что даже плевали въ глаза офицерамъ съ досады, что не позволяютъ имъ скакать, какъ бѣшенымъ. Я всякій разъ доводилъ сіе до свѣдѣнія государя; симъ плевателямъ въ глаза хотя и дѣлаемы были выговоры, но офицеръ не менѣе былъ обезчещенъ. Въ Баденѣ, куда съѣжались лѣчиться со всѣхъ странъ Европы, вся полиція состояла изъ одного унтеръ-офицера, именемъ Христіана, который имѣлъ время, за нѣсколько гульденовъ во все лѣто, разносить записки о пріѣзжающихъ, а по случаю только пребыванія тамъ императора отряжалось изъ вѣнской полиціи два офицера, которые ходили во фракахъ. Въ Баденѣ, какъ и у всѣхъ минеральныхъ водъ, куда съѣзжаются только лѣчиться, былъ королемъ нѣкто Ценекъ, а королевой графиня Александровичева; ихъ главная обязанность состояла въ томъ, чтобы управлять веселостями, доставляющими удовольствіе публикѣ. Въ Баденѣ были прекрасные редуты. Лѣчившій меня докторъ Капелини не совѣтовалъ въ осеннее время возвращаться въ Россію, а находилъ полезнымъ провести зиму въ тепломъ климатѣ. Намъ предложили двѣ страны—или Франція, или Италія, и мы выбрали первую, въ которой Парижъ сдѣлалъ большой перевѣсъ.

Мы выѣхали изъ Вѣны въ началѣ ноября 1808 года, проѣзжали черезъ города: Регенсбургъ, Мюнхенъ, Стутгартъ, Карлсруэ, гдѣ я опять увидѣлъ, единственную въ свѣтѣ, аллею изъ тополей,—которую пощадили и всѣ войска, послѣ перваго моего вояжа столько разъ по ней проходившія,—Страсбургъ, Нанси и Люневиль. Въ Парижѣ мы остановились Place des Victoires, rue du Mail, въ Petit Hôtel de Portudal. Наполеонъ тогда находился въ Гишпаніи, но черезъ нѣсколько дней, самымъ неожиданнымъ образомъ, возвратился въ Парижъ. Послѣ Эрфуртскаго свиданія назначенъ посломъ нашимъ при французскомъ дворѣ князь Куракинъ изъ Вѣны, а графъ Толстой отозванъ. Сверхъ того, изъ Эрфурта пріѣхалъ въ Парижъ, бывшій тогда нашимъ канцлеромъ, графъ Н. П. Румянцевъ, какъ извѣстно, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ Тюльерійскимъ кабинетомъ склонить Англію на заключеніе всеобщаго мира, на что графъ Румянцевъ имѣлъ полномочіе. Я имѣлъ посѣщеніе des Dames de la Halle, которыя поднесли мнѣ изъ цвѣтовъ прекрасный букетъ; это мнѣ стоило нѣсколько золотыхъ наполео-

новъ. Мы нашли въ Парижѣ изъ русскихъ: графа Кочубея съ женою, князя П. М. Волконскаго съ фамиліею, княгиню Шаховскую, съ которой мы видѣлись въ Вѣнѣ, съ дочерьми и съ деверемъ ея княземъ Н. А. Шаховскимъ, двухъ братьевъ Яковлевыхъ и Н. Н. Демидова съ женою, котораго можно было почесть скорѣе жителемъ Парижа, ибо онъ нѣсколько лѣтъ тамъ жилъ безвыѣздно. Скоро назначена была для посла нашего князя Куракина въ Тюльерійскомъ дворцѣ публичная аудіенція, на которой должны были представлены быть и русскіе. Съѣздъ во дворецъ былъ премноголюдный; весь дипломатическій корпусъ, всѣ первые члены, военные, штатскіе и придворные составляли дворъ превеликолѣпнымъ. Нѣсколько маршаловъ въ мантіяхъ, полномъ своемъ мундирѣ, и всякій изъ нихъ съ жезломъ въ рукѣ, придавали оному еще болѣе величія. Придворный мундиръ былъ краснаго цвѣта съ серебрянымъ шитьемъ по борту и обшлагамъ. Посреди сего двора, блестящаго золотомъ и серебромъ, Наполеонъ въ простомъ офицерскомъ, егерскаго полка, мундирѣ дѣлалъ величайшую оттѣнку. Я признаюсь, что видъ его произвелъ на меня впечатлѣніе, котораго я никогда не забуду. Въ сей день Наполеонъ имѣлъ, по мундиру, нашу Андреевскую ленту. Посолъ нашъ князь Куракинъ превзошелъ всѣхъ богатствомъ своего одѣянія: на немъ былъ золотой глазетовый кафтанъ [1]), пуговицы, пряжки, эполетъ, — который поддерживалъ на плечѣ ленту, — звѣзда Андреевская, шпага, петлица на шляпѣ и пуговицы на оной были всѣ брильянтовыя. Аудіенція началась тѣмъ, что посла нашего ввели въ тронную комнату, подлѣ той, въ которой мы всѣ находились. Сказываютъ, что Наполеонъ сидѣлъ на тронѣ, и нашъ посолъ ему говорилъ рѣчь. Мы были представлены княземъ Куракинымъ; у меня Наполеонъ спросилъ, въ какихъ войскахъ я служу, то-есть въ кавалеріи или въ пѣхотѣ. Подлѣ меня стоялъ князь Н. Л. Шаховской, который былъ въ прусской лентѣ Краснаго Орла, ибо другой у него тогда не было, и имѣлъ подвязанную руку, въ которую онъ былъ жестоко раненъ. Наполеонъ, поглядя на него пристально, сказалъ:

— Вы, конечно, служили въ послѣднюю войну; а въ какомъ дѣлѣ ранены?

— При Гельсбергѣ,—отвѣчалъ князь Шаховской.

Наполеонъ пошелъ далѣе.

Тогда уже начались слухи о близкомъ разрывѣ Австріи съ Франціей. Наполеонъ подошелъ къ князю Метерниху, австрійскому послу, сказалъ ему:

---

[1]) Онъ имѣлъ этотъ же кафтанъ на собѣ во время бала, который давалъ князь Шварценбергъ въ Парижѣ по случаю женитьбы Наполеона на Маріи-Луизѣ. Въ бывшій тогда пожаръ у князя Шварценберга, когда танцовальная зала его сгорѣла, князь Куракинъ обязанъ былъ сему кафтану, какъ сказываютъ, что онъ только имѣлъ нѣкоторыя части тѣла обгорѣвшія, а не совсѣмъ сгорѣлъ.

— On s'arme chez vous: si c'est contre moi, j'enverrai des femmes pour vous combattre [1]), — и, не дождавшись отвѣта, пошелъ прочь.

Пусть представятъ себѣ положеніе бѣднаго Метерниха, услышавшаго такія уничижительныя изреченія для своего государства при собраніи представителей всѣхъ европейскихъ государей. Въ тотъ день ввечеру давали въ Grand Opéra «La Vestale», куда мы поѣхали. Каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли посла нашего, князя Куракина, сидящаго одного въ своей ложѣ, въ томъ самомъ кафтанѣ и во всѣхъ брильянтахъ, въ которыхъ онъ былъ поутру на аудіенціи у Наполеона. Признаюсь, что самолюбіе наше очень страдало, когда мы увидѣли, что весь партеръ обратился на него и занимался болѣе имъ, нежели оперою. Князь А. Б. Куракинъ имѣлъ прекрасныя качества; онъ былъ гостепріименъ, весьма добръ и учтивъ, но слишкомъ держался стариннаго обыкновенія и имѣлъ слабость выставлять на себѣ множество орденовъ [2]) и драгоцѣнныхъ вещей, безъ коихъ его рѣдко можно было видѣть.

По сравненію, я нашелъ большую перемѣну въ Парижѣ до революціи и въ Парижѣ во время имперіи. Тогда не видно было ни одного почти военнаго мундира, теперь же, напротивъ, ихъ встрѣтилъ столько, какъ бываетъ въ военномъ станѣ. Прежде по всѣмъ улицамъ слышны были пѣсни и видны всякаго рода увеселенія, нынѣ же повсюду молчаніе и родъ какого-то унынія. Словомъ, видъ на всѣхъ лицахъ перемѣнился. Говорили, что правительство употребляло большія суммы денегъ, дабы нанимать паяцовъ и разныхъ шутовъ для забавъ народа, особливо во время карнаваловъ.

Мы представлены были Жозефинѣ, женѣ Наполеона, Гортензіи, дочери Жозефины, и женѣ Людовика, бывшаго тогда королемъ голландскимъ, принцессѣ Боргезе, сестрѣ Наполеона, и матери его Летиціи Бонапарте; она имѣла также свой дворъ. Камергеръ, представлявшій насъ сей послѣдней, спросилъ, не любопытны ли мы видѣть портретъ великаго Наполеона. По изъявленіи нами согласія, онъ ввелъ насъ въ одну комнату, гдѣ мы увидѣли портретъ во весь ростъ мужчины въ коричневомъ французскаго покроя кафтанѣ, среднихъ лѣтъ и довольно пріятной наружности. Всѣ русскіе, находившіеся тогда въ Парижѣ, какъ дворомъ, такъ и первыми министрами были принимаемы, какъ нельзя лучше, во-первыхъ, потому, что сіе было скоро послѣ заключеннаго въ Тильзитѣ мира, которымъ Россія признала Наполеона императоромъ французовъ, всѣхъ королей, имъ сотворенныхъ, и всѣ пріобрѣтенія, имъ сдѣланныя; во-вторыхъ, по случаю предстоящаго разрыва съ Австріей,

---

[1]) У васъ вооружаются; если это противъ меня, то я пошлю женщинъ сражаться съ вами.

[2]) Князь А. Б. Куракинъ имѣлъ почти всѣ европейскіе ордена, которые онъ, большею частію, получилъ во время управленія его, какъ вице-канцлеръ, коллегіею иностранныхъ дѣлъ въ царствованіе императора Павла.

ибо союзъ Россіи, съ той или съ другой стороны, могъ произвести большой перевѣсъ въ успѣхахъ войны. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ всякій четвергъ былъ спектакль, потомъ собраніе въ комнатахъ и ужинъ, въ которомъ мужчины, однако же, не участвовали, а однѣ только дамы. Зовъ дѣлался дежурнымъ камергеромъ, билетомъ на имя каждаго изъ приглашаемыхъ. Сей билетъ должно было при входѣ во дворецъ показать швейцару, который раздиралъ его пополамъ, одну половину оставлялъ у себя, а другую должно было отдать стоящему при входѣ въ театръ лакею. Ничто не было величественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственнѣе, какъ видъ на каждой ступени высокой лѣстницы Тюльерійскаго дворца стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ въ медвѣжьихъ шапкахъ гренадеръ императорской гвардіи, мужественнаго и марціальнаго вида, украшенныхъ медалями и шевронами, державшихъ свое ружье,—которое столько разъ обагрено было кровью непріятелей почти всѣхъ земныхъ странъ,—смиренно у ноги. Наполеонъ, какъ итальянецъ, любилъ и музыку итальянскую предпочтительно передъ французской. Его капельмейстеръ былъ Paer, извѣстный своими превосходными сочиненіями нѣсколькихъ итальянскихъ оперъ. Славный пѣвецъ Крементини [1]) и пѣвица Грассини принадлежали къ императорской капеллѣ. Почти безпрестанно давали въ Тюльерійскомъ театрѣ итальянскую оперу Roméo et Juliette, въ которой играли Крементини и Грассини; ничего невозможно было слышать восхитительнѣе, какъ сіи два голоса вмѣстѣ, ибо Грассини имѣла превосходный contre-alto. Хотя сія опера представляема была такъ часто, но всякій разъ ее можно было слышать съ новымъ удовольствіемъ. Мы видѣли такъ же тамъ нѣсколько и французскихъ піесъ, какъ-то: трагедію Rome sauvée et Manlius, торжество славнаго Talma, и водевиль: le Flibustier, въ которомъ австрійцы были выведены на сцену въ самомъ каррикатурномъ видѣ. Въ Тюльерійскомъ театрѣ назначены были двѣ ложи для всего дипломатическаго корпуса. Графъ Толстой, бывшій нашимъ посломъ [2]), нарочно, сказываютъ, опаздывалъ въ театръ, чтобы садиться позади всѣхъ; а такъ какъ тѣ ложи были противъ Наполеоновой, то онъ не могъ сего не замѣтить и кончилъ тѣмъ, что приказалъ нашему послу назначить особую ложу; подлѣ оной сидѣлъ всегда итальянскаго королевства министръ графъ Море-

---

[1]) Наполеонъ такъ любилъ талантъ Крементини, что сдѣлалъ сего пѣвца кавалеромъ маленькаго креста, ордена желѣзной короны.

[2]) Сказывали, что графъ Толстой, по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, увидѣвшись съ Фуше, бывшимъ тогда министромъ полиціи, просилъ его приказать пріискать людей для его услуги, подъ предлогомъ, что онъ, какъ иностранецъ, не знаетъ, къ кому адресоваться, говоря при томъ, что онъ увѣренъ, что окруженъ будетъ шпіонами полиціи, то предпочитаетъ ихъ получить изъ первыхъ рукъ. Вообще графъ Толстой поступалъ и велъ себя, во время его тамъ пребыванія, со всѣмъ возможнымъ достоинствомъ россійскаго посла и пріобрѣлъ, и оставилъ по себѣ уваженіе отъ самихъ французовъ, что̀ я слышалъ отъ маршала Массена.

скальки. Я всегда былъ въ ложѣ нашего посла, которая была черезъ двѣ ложи отъ Наполеоновой. Надобно сказать, что Наполеонъ никогда въ театрѣ не аплодировалъ, а отъ того царствовала всегда въ ономъ глубокая тишина. Одинъ разъ случилось, что Крементини пропѣлъ извѣстную его арію: «Ombra odorata aspeta», съ такимъ совершенствомъ, что бѣдный Морескальки, какъ итальянецъ, въ изступленіи отъ восторга, нѣсколько разъ громко закричалъ bravo, bravo и вдругъ, опомнившись, спустился со стула на полъ и начетвереинькахъ выползъ изъ ложи. Между нашей ложей и Наполеоновой никого тогда не сидѣло. Я самъ испугался за несчастнаго Морескальки и взглянулъ на Наполеона, за которымъ впродолженіе всего спектакля всегда стоялъ Rémusat, директоръ театровъ и дежурный камергеръ. Въ ту самую минуту, какъ услышалъ Наполеонъ сей, можно сказать, никогда небывалый крикъ въ театрѣ, оборотясь бросилъ взоръ на Rémusat, который поклонясь вышелъ вонъ изъ ложи, но чѣмъ это кончилось, мнѣ не было извѣстно. Наполеонъ, во время представленія, всегда читалъ ту піесу, которую играли на театрѣ. Противъ его ложи находилась Жозефинина; за императрицей такъ же во время всего спектакля стояли ея двора гофмаршалъ и дежурный камергеръ. Нельзя было съ большимъ, можно сказать, пренебреженіемъ трактовать придворныхъ чиновниковъ, какъ при Наполеоновомъ дворѣ. Мнѣ случилось видѣть однажды, что во время танцевъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, произведенныхъ первыми танцорами парижскихъ театровъ, приглашенныя дамы сидѣли на табуретахъ [1]), а императрица, королевы: гишпанская, голландская, и принцесса Боргезе—на креслахъ; за каждой изъ нихъ стояло по одному камергеру; принцессѣ Боргезе захотѣлось поставить свои ноги на скамеечку; она оборотилась, сдѣлала только знакъ своему камергеру, который тотчасъ пошелъ, принесъ скамеечку, поставилъ ей подъ ноги и закрылъ оную ея платьемъ, она даже и поклономъ его за то не поблагодарила. Сравните же съ сими пришельцами высокихъ членовъ нашего императорскаго дома: съ какою утонченною деликатностію они обходятся съ своими придворными чинами. Должно еще примѣтить, что Наполеонъ составилъ свой дворъ изъ особъ знатнѣйшихъ французскихъ фамилій. Послѣ спектакля всѣ собирались въ комнатѣ, такъ называемой le salon des Marechaux; въ ней находились во весь ростъ портреты французскихъ маршаловъ. Черезъ нѣсколько минутъ дежурные камергеры выходили изъ бывшей подлѣ комнаты и приглашали избранныхъ особъ для составленія партіи въ вистъ императрицы, обѣихъ

---

[1]) На сей вечеръ приглашонъ былъ находившійся тогда въ Парижѣ персидскій посолъ; а такъ какъ для мужчинъ не было въ той комнатѣ стульевъ, то и должны были стоять. Посолъ, постоявши немного, сѣлъ тутъ же на полъ, поджавши ноги; съ тѣхъ поръ велѣно было для него ставить табуретъ.

королевъ, принцессы Боргезе и m-me de la Rochefoucauld, grande maitresse de la cour. Когда партіи въ карты были составлены, то отворялись обѣ половинки двери, и всѣ мужчины и дамы должны были идти по одиночкѣ отдать,—такъ называлось,—поклонъ императрицѣ, обѣимъ королевамъ: гишпанской, голландской, и принцессѣ Боргезе, которыя отвѣчали небольшимъ поклономъ. Въ сіе время Наполеонъ стоялъ въ той же комнатѣ и какъ будто всѣмъ дѣлалъ инспекторскій смотръ; иногда онъ подзывалъ къ себѣ изъ мужчинъ того, съ кѣмъ ему нужно было поговорить. Для дамъ сія церемонія была весьма затруднительна, ибо онѣ, не оборачиваясь, а только отталкивая ногой предлинные хвосты ихъ платьевъ, должны были маневрировать. Императрицынъ столъ былъ одинъ въ поперечной стѣнѣ комнаты, а прочіе три—въ продольной. Стало быть, надлежало дамамъ сдѣлать три поклона, идя прямо къ столу императрицы; потомъ, поворотясь нѣсколько направо, сдѣлать каждой изъ королевъ и принцессѣ по одному поклону, переходя бокомъ отъ одной до другой, и идти задомъ до дверей [1]). Когда всѣ мужчины и дамы перебывали такимъ образомъ для отдачи поклона императрицѣ, двумъ королевамъ и принцессѣ, Наполеонъ выходилъ въ комнату собранія и дѣлалъ cercle, послѣ коего онъ уходилъ къ себѣ. Всякій разъ передъ нимъ шли два huissiers, или гофъ-фурьера, чтобы очищать для него дорогу, когда онъ приходилъ въ собраніе, или уходилъ изъ онаго, крича во весь голосъ: l'Empereur! а такъ какъ онъ ходилъ очень скоро, то нерѣдко сіи его передовые сшибали почти съ ногъ попадавшихся на ихъ дорогѣ [2]). За ужиномъ столы накрыты были на 8 особъ. За столъ императрицы, равно какъ и за столы королевъ и принцессы Боргезе, приглашались дамы по выбору, а прочіе наполнялись какъ ни попало. У императрицы Жозефины были приватныя вечернія собранія, на которыхъ она была чрезвычайно любезна. Королева Гортензія тоже иногда принимала къ себѣ по вечерамъ. Всякую почти недѣлю были большіе званые обѣды: у Камбасереса, архиканцлера, у Шампаньи, министра иностранныхъ дѣлъ, у князя Талейрана, оберъ-гофмейстера двора, у князя Куракина, нашего посла,

---

[1]) Когда представлялась жена моя Жозефинѣ, я ее провожалъ до той комнаты, гдѣ назначено было собираться. Гофмаршалъ императрицы, который насъ ожидалъ, сказалъ мнѣ: «предупредите графиню, что она должна сдѣлать императрицѣ три поклона при входѣ и столько же, когда будетъ откланиваться, идя назадъ, не оборачиваясь; вчера одна дама такъ запуталась въ хвостѣ своего платья, что упала на полъ и меня чуть съ ногъ не сшибла». Жозефинѣ никто не представлялъ, а только гофмаршалъ, отворяя дверь, называлъ особъ, входящихъ къ ней. Наполеону же представляла дамъ m-me de Luçay.

[2]) Я видѣлъ однажды Талейрана, который былъ тогда въ немилости; у него одна нога короче другой. Когда закричали: l'Empereur, онъ бросился бѣжать, и, къ счастію, близко случился каминъ, за который онъ удержался, а то быть бы ему на полу. Онъ бы по справедливости могъ сказать: «que le parquet de la cour est glissant» (что придворный паркетъ скользокъ).

и у графа Н. П. Румянцева, у котораго былъ столъ лучше всѣхъ прочихъ, а Шампаньи, напротивъ, славился своими предурными винами и столомъ. Одинъ разъ я обѣдалъ у графа Румянцева вмѣстѣ съ кардиналомъ Мори; послѣ обѣда подошли мы къ камину, онъ мнѣ сказалъ:

— Какое счастіе для Европы, что два наши императора заключили теперь между собой союзъ, а всего бы еще лучше было, если бы они раздѣлили ее пополамъ и назвались бы одинъ—сѣвернымъ, а другой—полуденнымъ императорами.

Кардиналъ Мори, сказавши сіе, ушелъ, не дождавшись моего отвѣта.

Графъ Е. Ѳ. Комаровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПѢГІЯ ТАКСЫ И МИРНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Листки изъ хроники одного маленькаго государства.

Эрнста Мюлленбаха (Э. Ленбахъ).

(Переводъ съ нѣмецкаго З. У.).

I.

ЪЪ ОДИНЪ сентябрскій вечеръ неурожайнаго 1847 года, владѣтельный князь Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ сидѣлъ съ приближенными въ такъ называемой игорной комнатѣ своего дворца. Князь, министръ двора, фонъ-Мюллеръ, и обергофмейстерина, фрейлейнъ Аглая фонъ-Цигебейнъ, играли въ домино, безъ придирокъ и споровъ, хорошую древнефранкскую партію для троихъ, въ двадцать восемь костяшекъ. Командующій княжескимъ войскомъ, майоръ Бёллерманъ, смотрѣлъ на играющихъ и записывалъ выигрыши. Мужчины потягивали, при этомъ, изъ большихъ темнозеленыхъ хрустальныхъ рюмокъ рейнвейнъ, разносимый сѣдымъ, полуглухимъ лакеемъ, въ голубоватосѣрой ливреѣ. Подлѣ фрейлейнъ Цигебейнъ стоялъ маленькій чайный столикъ; сервизъ на немъ, изъ покрытаго украшеніями мейснерскаго фарфора, казался такимъ же важнымъ и старомоднымъ, какъ она сама, въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ и черномъ кружевномъ чепцѣ на старательно завитыхъ сѣдыхъ бухляхъ. Министръ двора былъ въ статскомъ придворномъ

черномъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ, панталонахъ до колѣнъ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Двое другихъ господъ были въ формѣ лейбъ-роты: бѣлый жилетъ подъ высоко вырѣзаннымъ голубымъ фракомъ, съ большимъ воротникомъ и длинными фалдами, бѣлые панталоны и, какъ всегда, высокіе лакированные ботфорты. Чопорнымъ, важнымъ и нѣсколько устарѣлымъ казалось все въ этой комнатѣ: и ея обитатели, и бѣлая лакированная мебель въ строжайшемъ style empire, и двое столовыхъ часовъ, которые тихо и жеманно били, какъ бы стыдясь говорить въ такомъ мѣстѣ о ходѣ времени впередъ. Пламя восковыхъ свѣчей, въ серебряныхъ шандалахъ, горѣло ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ, безъ малѣйшаго колебанія.

Былъ теплый, тихій вечеръ. Въ открытыя окна лишь изрѣдка доносился снизу звукъ шаговъ часоваго; въ городѣ же не слышно было ни малѣйшаго шума: столица рано погружалась въ сонъ.

— Вамъ играть, ваша свѣтлость,—объявилъ старый майоръ такимъ тономъ, какъ если бы это было военное донесеніе.

Князь наклонился и, кладя свое домино на столъ, задумчиво на него посмотрѣлъ.

— Удивительно,—сказалъ онъ,—какъ только я вижу это двойное пять, я не могу не подумать о двухъ бычачьихъ головахъ.

— Въ жизни часто приходится вспоминать о нихъ,—сказала Цигебейнъ и приложила свою костяшку.

— Скажите мнѣ, любезный Мюллеръ, какое собственно количество быковъ имѣется въ нашемъ государствѣ?

— На сколькихъ ногахъ?—спросила Цигебейнъ.

— Ну, разумѣется, на четырехъ,—серіозно возразилъ князь.— Народная перепись была у насъ недавно. Какъ же велика оказалась общая цифра населенія, любезный Мюллеръ?

— Тридцать тысячъ шестьсотъ сорокъ девять, ваша свѣтлость,— отвѣчалъ министръ двора.

— Такъ... Это легко забывается. Я, вѣдь, знаете, не люблю возиться съ цифрами. А у моего двоюроднаго брата, по младшей линіи, Эгона-Александра, гораздо больше, конечно?

— Шестьдесятъ семь тысячъ сто одиннадцать, ваша свѣтлость!

— Каково! Вѣдь это... позвольте, вѣдь это почти вдвое?

— Не считая при этомъ отъ двухъ до трехсотъ нищихъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ ежегодно для игорнаго дома,—прибавила Цигебейнъ. Она, по обыкновенію, сердилась, когда мужчины прерывали игру разговоромъ. Князь къ этому привыкъ. Слегка махнувъ рукой, онъ сказалъ:

— А все-таки это несправедливо, что людей считаютъ, а животныхъ нѣтъ. Прикажите, мой добрый Мюллеръ, чтобы ландъегери немедленно произвели точную перепись скота. Какъ вы объ этомъ думаете, господинъ майоръ?

Майоръ, очнувшись отъ дремоты, вытаращилъ глаза и вытянулся во весь ростъ.

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость,—воскликнулъ онъ и, закрывъ снова глаза, тихо погрузился въ сонъ.

— Такъ ужъ прикажите, ваше превосходительство, обозначить при этомъ точнѣе и породу животныхъ,—замѣтила Цигебейнъ.

— Конечно,—сказалъ князь,—особые знаки, какъ при тайныхъ повелѣніяхъ, знаете... Наша добрая Цигебейнъ совершенно права. Намъ хочется знать, наконецъ, какой видъ имѣютъ конюшни и хлѣва нашихъ владѣній. Я никогда не занимался политикой; предоставляю ее вамъ, любезный Мюллеръ; но это другое дѣло... Ну, кому играть? Господинъ майоръ, вы записываете?

Задремавшій майоръ отвѣчалъ лишь чуть слышнымъ вздохомъ.

— Онъ опять спитъ,—тихо сказала старая дама.—И вѣрно опять видитъ во снѣ битву при Линьи.

— Да, это былъ великій день въ его жизни,—отвѣтилъ князь.— Ну, пусть спитъ, а то будетъ ошибаться въ записяхъ. Къ тому же, сонъ стараго героя священенъ, не правда ли, моя дорогая? Возьмите отъ него доску; только ведите счетъ правильно.

II.

Нѣсколько дней спустя, князь Фридрихъ-Фердинандъ стоялъ на вышкѣ обсерваторіи и обозрѣвалъ свои владѣнія. Въ офицерской шляпѣ съ великолѣпнымъ черно-зеленымъ султаномъ, которую онъ надѣвалъ на свою лысую голову въ защиту отъ сквознаго вѣтра на обсерваторіи, князь имѣлъ молодцоватый, мужественный видъ; а такъ какъ, по воинскому уставу, шляпа требовала шпаги, то онъ былъ сегодня и при шпагѣ.

Обсерваторія была квадратная башенная комната, съ высокими задвижными окнами со всѣхъ сторонъ и узенькою дверью. Посрединѣ, на прекрасной рѣзной подставѣ, стояла большая, подвижная зрительная труба. За этой трубой, каждое утро, послѣ перваго завтрака, государь непремѣнно проводилъ нѣкоторое время. Въ хорошую, ясную погоду фрейлейнъ Аглая фонъ-Цигебейнъ всегда присутствовала при этихъ обозрѣніяхъ владѣній.

И сегодня она была тутъ. Сидя на тростниковомъ стулѣ, она вязала, съ благотворительною цѣлью, что-то длинное изъ бѣлой шерсти и посматривала на своего друга князя съ ласковою улыбкой. Его любезное приглашеніе къ зрительной трубѣ она, по обыкновенію, отклонила.

— Ну, вотъ!—воскликнулъ князь, глядя въ трубу,—этотъ малый, садовникъ, что у старыхъ воротъ,—какъ его зовутъ? Цвибельгехтъ, или что-то въ такомъ родѣ,—гонитъ двухъ великолѣпныхъ воловъ по большой дорогѣ. А за ними еще три. Однако, несмотря на плохія времена, въ нашихъ владѣніяхъ должно быть громадное количество скота. Я съ нетерпѣніемъ жду доклада. Сегодня онъ долженъ быть готовъ.

— Какъ красивы тамъ развалины Фалькенштейна,— замѣтила придворная дама.—Точно замокъ на горѣ изъ Гётевской баллады, знаете, ваша свѣтлость?

«Отрокъ и служанка сіяютъ.
«Точно господа»...

— Къ сожалѣнію, только теперь здѣсь не отрокъ и служанка, а банкиръ Ландауэръ и его жена.

— Да,—отвѣтилъ князь, посмотрѣвъ на нее своими добродушными голубыми глазами.—Знаете, Аглая, когда я подумаю... вѣдь, въ свое время, это былъ великолѣпный дворянскій родъ, эти графы Фалькенштейнъ. Нашъ добрый Мюллеръ разсказывалъ намъ это однажды. Затѣмъ, не помню, четыреста или пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, такъ, приблизительно, въ эпоху Лютера, родъ этотъ вымеръ, и мы всѣмъ должны были наслѣдовать; но, при дѣлежѣ наслѣдства, большая часть перешла къ младшей линіи. Самое гнѣздо, Фалькенштейнъ, было ими заброшено и понемногу превратилось въ развалины. Боже мой, я ничего противъ этого не имѣю, руина въ странѣ!— это очень красиво. Но, что теперь опять она куплена нашимъ придворнымъ банкиромъ... Удивительно! Старый рыцарскій замокъ! Вѣдь это должно раздражать все дворянство!

— Это-то и есть такъ называемое вѣяніе времени,—сказала фрейлина.—Впрочемъ, что ваша свѣтлость говорите о дворянствѣ? У насъ нѣтъ его вовсе.

Князь удивленно посмотрѣлъ на нее.

— И то правда,—отвѣчалъ онъ.—Въ моихъ владѣніяхъ дворянство совсѣмъ исчезло. У кузена же моего, Эгона-Александра, имѣется ещё достаточно дворянъ, чтобы замѣстить ими всѣ придворныя должности.

— Ну, ужъ что это за дворянство!—презрительно замѣтила фрейлейнъ Цигебейнъ.—Игорный домъ привлекъ пару французовъ, искателей приключеній, и въ настоящее время неизвѣстно даже, кто они такіе: камергеры или крупье. Остальнымъ же дворянствомъ его свѣтлость, Эгонъ-Александръ, обязанъ своему блаженной памяти дѣду... Ваша свѣтлость, понимаете, о чемъ я говорю?

— Ну, да, да,—нетерпѣливо возразилъ князь,—морганатическій бракъ, знаю, знаю... очень плодовитъ... Но это все равно; мы здѣсь имѣемъ дѣйствительно лишь васъ и нашего добраго Мюллера, да и то какъ? Онъ получилъ дворянство отъ своего отца, которому оно было пожаловано прусскимъ королемъ: а вы,—да не смотрите на меня такъ, какъ если бы я хотѣлъ усомниться въ вашихъ шестнадцати родоначальныхъ предкахъ!—но, вѣдь, и вы тоже... какъ бы это сказать,—ввезены; ввозъ классическій, не спорю, въ то время, когда вы прибыли изъ Веймара въ качествѣ придворной дамы къ моей покойной матери. Однако, сколько этому будетъ времени?

Не менѣе сорока лѣтъ... Вы были моею первою тихою любовью; мнѣ въ то время было четырнадцать лѣтъ, а вы были прекрасною, пышно распустившеюся розой, лѣтъ...

— Поберегите свои вычисленія, ваша свѣтлость,—перебила его фрейлина.—Что же касается классицизма, то позвольте мнѣ замѣтить, что имъ я на самомъ дѣлѣ горжусь... Это, вѣдь, что нибудь да значитъ — жить при Гетевскомъ дворѣ? Выше же моихъ классиковъ я никого не знаю. Конечно, ваша свѣтлость... кого изъ нихъ собственно читаетъ ваша свѣтлость? Пожалуй, два-три забавные разсказа гофрата Виланда, и то почему?.. объ этомъ я не спрашиваю. Едва ли, впрочемъ, по эстетическимъ побужденіямъ.

Князь спокойно улыбался.

— Не горячитесь, Аглая,—сказалъ онъ.—Вамъ извѣстно мое глубокое уваженіе къ вашему классически образованному дворянству. Безконечно жаль только, что съ вами оно вымираетъ въ моихъ владѣніяхъ... Да, но Мюллерово продолжаетъ еще цвѣсти... Хорошъ, впрочемъ, цвѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ докторъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ былъ за свое демагогическое стихотворство высланъ изъ Берлина, старикъ отъ него совсѣмъ отрекся.

— Да,—замѣтила фрейлина,—въ этомъ, ваша свѣтлость, можете узнать жалованное дворянство. Нашъ добрый Мюллеръ — самая миролюбивая душа, но, что касается легитимности, онъ гораздо строже всѣхъ насъ... А почему? Вамъ, да и мнѣ, я полагаю, это безразлично: если бы мы хотѣли, то могли бы либеральничать, какъ воробьи: за нами — наши предки. Но такого рода дворяне должны быть консервативны, иначе имъ никто вѣрить не будетъ. Ахъ, мой Боже, надо бы хоть разъ поговорить съ его превосходительствомъ.

Князь сдѣлалъ уклончивое движеніе.

— Милый другъ, вы знаете, я, по принципу, никогда не вмѣшиваюсь въ частныя дѣла моихъ служащихъ...

— Его превосходительство господинъ министръ двора испрашиваетъ милости быть принятымъ,—доложилъ вошедшій слуга.

Князь, обрадованный, кивнулъ головой.

— Аккуратенъ и точенъ, какъ всегда!—сказалъ онъ по выходѣ слуги.—Какъ мнѣ интересно знать! Дворянства нѣтъ болѣе въ нашихъ владѣніяхъ...

— Но за то есть быки,—перебила Цигебейнъ.

III.

Министръ двора фонъ-Мюллеръ казался нѣсколько смущеннымъ, передавая своему повелителю письменный отчетъ по переписи скота.

При всевозможныхъ подробностяхъ и не щадя мѣста, писецъ заполнилъ лишь четыре страницы перечисленіемъ всѣхъ животныхъ въ княжествѣ.

Но князь, повидимому, былъ вполнѣ удовлетворенъ.

— Послушайте только,—сказалъ онъ, прочитывая своей дамѣ нѣкоторыя числа. — Что за множество рогатаго скота! А эта гора свиней! И притомъ все наилучшей породы, судя по отмѣткамъ. Кстати сказать, при такомъ положеніи, не можемъ же мы обойтись у себя однимъ быкомъ?

— Жители изъ-за лѣса пользуются, въ случаѣ надобности, прусскимъ,—отвѣчалъ министръ.

Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой.

— Это не годится,—сказалъ онъ.—Вы знаете, въ дипломатію я не вмѣшиваюсь, но о подобныхъ международныхъ сношеніяхъ я и знать не хочу. Мнѣ желательно, въ моихъ владѣніяхъ, сохранить въ чистотѣ нашу собственную породу рогатаго скота. Озаботьтесь, чтобы къ этому были приняты надлежащія мѣры на счетъ государства... Потомъ, что тутъ еще? Между лошадьми оказываются двѣ чистокровныя англійскія? Тутъ кому-то нужно показать примѣръ. У меня на конюшнѣ нѣтъ ни одной чистокровной лошади. Думаете ли вы, что у меня есть деньги на подобную роскошь? Это была бы непростительная расточительность по нынѣшнимъ временамъ!

— Простите, ваша свѣтлость, это двѣ новыя упряжныя лошади придворнаго банкира Ландауэра,—объяснилъ министръ.

— Вотъ какъ?—воскликнулъ князь.—Каковъ разбойникъ! Фалькенштейнъ и чистокровныхъ лошадей покупаетъ! Не захочетъ ли онъ, въ скоромъ времени, купить и мою верховную власть? Скажите ему, чтобы съ будущаго перваго числа онъ платилъ мнѣ двумя процентами больше по займу, а то я взыщу съ него долгъ, а на чистокровныхъ лошадей установлю новый налогъ. Ну, это такъ съ лошадьми. А... и козы есть у насъ? Вашего герба животныя, Аглая... Пѣтухи, гуси, утки.... да, а гдѣ же собаки?

— На послѣдней страницѣ, ваша свѣтлость, какъ менѣе полезныя животныя.

— О, не говорите этого, любезный другъ! Иногда собака полезнѣе вола. Какъ вы выслѣдите лисью нору при помощи вола? Да и какъ домашнее животное, собака такъ забавна, подчасъ забавнѣе людей... Мнѣ самому хотѣлось бы пріобрѣсть еще одну комнатную собаку, но какой породы? Дайте-ка, посмотримъ.... таксу — да... да... это было бы хорошо! Забавное животное, кривоногое, безобразное,— рококо, такъ сказать, только грубое, знаете, мужицкое рококо... О, ихъ тутъ изрядное количество! Понятно, при такомъ развитіи охоты... Но что я вижу? Особыя примѣты: одна такса — пѣгая. Видали-ль вы что либо подобное? Пѣгая такса!

— Это бываетъ, ваша свѣтлость,—замѣтила фрейлина.—Пѣга, какъ теленокъ, но для охоты ничего не стоитъ.

— Да?—съ оживленіемъ спросилъ князь.—Вы, какъ дочь егер-

мейстера, должны это знать... Впрочемъ, это все равно. Я хочу ее видѣть. Гдѣ же она находится?

По тонкому, безбородому лицу Мюллера пробѣжала тѣнь неудовольствія.

— Въ селѣ Клейнъ-Брейбахъ, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ.— Дочь... дочь тамошняго пастора, Либэтрей, привезла ее съ собой недавно изъ Тюбингена, гдѣ сама воспитывалась.

— А, каково!—воскликнулъ весело князь,— двѣ, значитъ, новости въ нашихъ владѣніяхъ: пѣгая такса и деревенская дѣвушка, воспитанная за границей! Прекрасно, не такъ ли? Но, безъ сомнѣнія, она подобна всѣмъ пасторскимъ дочкамъ!.. Гм... только продастъ ли она мнѣ ее? Во всякомъ случаѣ, хотѣлось бы увидать собаку... Знаете что, мой милый,— утро такое прекрасное, что, если бы намъ тотчасъ туда отправиться?...

— Простите, ваша свѣтлость,—быстро перебила придворная дама, бросивъ бѣглый взглядъ на смущеннаго министра.— У его превосходительства сегодня есть спѣшное дѣло... мое частное дѣло... Не позволите ли мнѣ заступить его мѣсто?

Князь съ удивленіемъ глядѣлъ на обоихъ.

— Ну, конечно,—сказалъ онъ добродушно.—Ничто не должно быть вамъ помѣхой, любезный Мюллеръ! Ступайте, все остальное вы исполните сами. Если имѣете что либо для подписи, то принесите мнѣ сегодня вечеромъ... И такъ, я поѣду съ нашей милой Цигебейнъ. А пока до свиданья!

— Объясните мнѣ, дорогая Аглая,—сказалъ князь по уходѣ министра,— что это такое? Отчего онъ не хочетъ или не можетъ идти со мной? Вѣдь, это ваше частное дѣло, конечно,—одинъ лишь предлогъ? Я слишкомъ хорошо знаю моего министра двора, Анзельма фонъ-Мюллера. Онъ никогда не позволитъ себѣ уклониться отъ исполненія высочайшаго порученія изъ-за своего частнаго дѣла, развѣ по случаю своей смерти. Быть можетъ, наконецъ, у него непреодолимое отвращеніе къ пѣгимъ таксамъ?

Фрейлина засмѣялась нѣсколько принужденно.

— Я не думаю, чтобы онъ былъ такъ несправедливъ. Бѣдное животное, вѣдь, невиновато, что оно такимъ родилось на свѣтъ. Но, если ваша свѣтлость желаете знать, его превосходительство ненавидитъ пастора. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, добрый Либэтрей ввелъ молодаго Мюллера въ домъ своего стараго школьнаго товарища въ Тюбингенѣ, гдѣ молодой человѣкъ и обучался наукамъ. Такъ вотъ, наше превосходительство думаетъ, что тамъ-то Теобальдъ и всосалъ либеральный ядъ. Хозяинъ дома, будто бы, дикій демократъ, и пасторъ зналъ это. О Боже, я думаю, онъ даже не знаетъ, что что либо подобное существуетъ на свѣтѣ; онъ знаетъ лишь саранчу изъ пророка Іоиля. Иначе, развѣ бы онъ отпустилъ свою дочь въ тотъ же домъ?

— Да, да,—сказалъ князь, слушавшій лишь для виду, на самомъ же дѣлѣ онъ былъ погруженъ въ новыя размышленія. Пройдясь раза два по комнатѣ, онъ остановился передъ своей собесѣдницей и, глядя ей прямо въ лицо, сказалъ:—Знаете что, Аглая, а, вѣдь, жаль, что нѣтъ парочки!

— Ради Бога!—воскликнула она.—Что вы хотите сказать, ваша свѣтлость? Объ этомъ уже и думать больше нельзя!

— Да, къ сожалѣнію,—вздохнулъ князь.—А было бы прелестно. Пошли бы потомъ маленькіе... Но это была бы черезчуръ счастливая случайность. Эти животныя слишкомъ рѣдки, не такъ ли?

— Да о чемъ вы говорите, ваша свѣтлость?

— Ну, о пѣгихъ таксахъ. О чемъ же еще могъ я говорить?

— Ахъ, такъ,—сказала она со вздохомъ.—Это, конечно, возможно.

IV.

Они пришли невпопадъ. Пасторъ былъ въ церкви на вѣнчаніи, а фрейлейнъ Іоганна пошла ранехонько съ своей собакой, Вальдманомъ, за черту границы, въ Гроссъ-Брейбахъ, навѣстить дочь казначея того княжества. Такъ докладывала экономка пастора, стоя передъ знатными гостями на порогѣ дома и, за безконечными книксенами, забывая ихъ пригласить въ комнаты. За нею, въ полуоткрытыхъ дверяхъ кухни, стояла служанка, которая, при видѣ орденской звѣзды на груди князя, превратилась отъ удивленія въ настоящій соляной столбъ.

Изъ кухни доходилъ аппетитный запахъ гороховаго супа съ копчеными сосисками. Фридрихъ-Фердинандъ смотрѣлъ съ очень недовольнымъ видомъ.

— И такъ, придется намъ ждать,—сказалъ онъ и, открывъ безъ церемоніи дверь жилой комнаты, пропустилъ туда передъ собой свою даму.

— Гм... отозвалась фрейлейнъ фонъ-Цигебейнъ, оглядываясь вокругъ,—очень просто, но чисто. Вотъ рядомъ рабочая комната... много книгъ!.. Посмотрите, ваша свѣтлость, вотъ это и есть молодая дѣвушка. Она указала на маленькій дагерротипный портретъ, въ черной лакированной рамкѣ, висѣвшій надъ диваномъ подъ изображеніемъ Христа, отпечатаннаго масляными красками.

Князь, снявъ портретъ со стѣны, долго смотрѣлъ на него; затѣмъ, взглянувъ съ удивленіемъ на свою даму:

— Посмотрите,—сказалъ онъ:—она, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ красива!

— Я и не утверждала противнаго,—пробормотала та и, взявъ у него изъ рукъ портретъ, повѣсила на мѣсто.

Она, какъ будто, была недовольна его похвалою.

Между тѣмъ, князь сдѣлалъ открытіе: онъ увидалъ за печкой старую соломенную цыновку и смотрѣлъ на нее съ волненіемъ:

— И это ея постель! — замѣтилъ онъ.—Неужели она на ней не простуживается? Собаки часто бываютъ такъ чувствительны!

Онъ съ нетерпѣніемъ прошелся раза два по комнатѣ, затѣмъ взялъ книгу съ рабочаго стола, стоявшаго у окна.

— Посмотрите,—сказалъ онъ,—здѣсь, однако, относятся съ уваженіемъ къ вашимъ классикамъ, милая Аглая. «Эмилія Галотти» Лессинга—вотъ что они читаютъ!

— Прочтите и вы это, ваша свѣтлость, это очень поучительная вещь.

— Конечно,—отвѣтилъ князь беззаботно и открылъ книгу на мѣстѣ, гдѣ была закладка: зеленая лента съ вышитою на ней бѣлымъ надписью: «Господь мой пастырь, я ни въ чемъ нуждаться не буду». Онъ прочиталъ съ полъ-страницы, вложилъ опять ленту и захлопнулъ книгу.

— Простой бездѣльникъ, этотъ Маринелли,—проворчалъ онъ,—но это бываетъ...

— О, да,—подтвердила Цигебейнъ.

Въ эту минуту дверь распахнулась, и вошелъ пасторъ, еще въ облаченіи и съ выраженіемъ торжественности на чрезвычайно добродушномъ, выбритомъ лицѣ. За нимъ вошла и его дочь. Они сошлись въ дверяхъ.

— Ваша свѣтлость, какая честь!—началъ пасторъ.—Вотъ настоящая радость подъ моей скромной кровлей! Помазанникъ Божій не гнушается войти подъ нее!

— Что вы, что вы!—сказалъ князь.—Мнѣ уже давно хотѣлось навѣдаться, любезный пасторъ Либэтрей, какъ вы поживаете. Это ваша дочь, не такъ ли?

Молодая дѣвушка присѣла очень низко, смущенная и съ опущенными глазами. Въ дѣйствительности она была еще гораздо красивѣе, чѣмъ на портретѣ: изящная, почти еще дѣтская фигура, въ высоко подпоясанномъ бѣломъ платьѣ, оставившемъ открытыми нѣжно округленныя руки и узенькую полоску около шеи; милое, круглое личико, съ не очень длинными бѣлокурыми локонами, и надъ всѣмъ этимъ—естественная прелесть, разлитая по всему ея существу, какъ солнечный лучъ.

Когда князь, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, протянулъ руку и ей, она съ такою дѣтскою благодарностью посмотрѣла на него своими ясными голубыми глазами, что онъ былъ чрезвычайно тронутъ.

Вдругъ, при сильномъ царапаньи, слегка притворенная дверь открылась, и что-то длинное, четвероногое, бѣшено, съ дикимъ лаемъ, бросилось къ высокимъ сапогамъ монарха, съ восторгомъ смотрѣвшаго на необыкновенную тварь.

— Ну, эта дѣйствительно заслуживаетъ особой отмѣтки въ описи животныхъ!—воскликнула придворная дама.

— Ахъ, да, бѣдное животное очень уродливо,—печально сказала Іоганна. Она схватила таксу за шиворотъ и, присѣвъ къ полу, на корточки, удерживала ее обѣими руками отъ новыхъ нападеній.

— Вовсе нѣтъ... она великолѣпна! — воскликнулъ князь, продолжая разсматривать причудливыя бѣлыя, желтыя и черныя пятна на длинномъ вогнутомъ тѣлѣ, породистую, острую, дерзкую голову, съ длинными висячими ушами, изъ которыхъ одно сіяло незапятнанною бѣлизной, а другое вмѣстѣ съ верхнею частью морды, было черное съ пучками желтыхъ волосъ.

— Каковъ видъ!

— Великолѣпенъ, — замѣтила фрейлейнъ Аглая. — Точно, какъ будто природа впотьмахъ растирала краски на своей палитрѣ.

— Можно мнѣ взять ее на руки?—спросилъ князь.

Іоганна Либэтрей съ удивленіемъ, не говоря ни слова, посмотрѣла на него.

— Она кусается... — прошептала она, наконецъ. Но Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ умѣлъ обходиться съ собаками. Черезъ нѣсколько минутъ пестрый Вальдманъ улегся, совершенно довольный, на колѣняхъ своего новаго покровителя; а удовлетворенное княжеское высочество, сидя на диванѣ, рядомъ съ дочерью хозяина, велъ переговоры объ уступкѣ ему этого чуда природы.

Нѣтъ, продать животное Іоганна Либэтрей не хотѣла... Но, если его свѣтлость позволитъ, то она проситъ принять собаку въ подарокъ... И, пока князь путался въ благодарности, она продолжала съ дѣтскимъ смѣхомъ:

— Это, конечно, самое лучшее для безопасности Вальдмана. Мы тутъ слишкомъ близко отъ границы... Онъ браконируетъ, бѣдняга, и егеря того княжества чуть было разъ уже его не застрѣлили.

— Что?—спросилъ князь.—Застрѣлить? Эту собаку застрѣлить?!

Ни разу еще все то, что дѣлалось или предполагалось во владѣніяхъ младшей линіи, не волновало его такъ сильно.

Тѣмъ временемъ, фрейлейнъ Аглая вступила съ пасторомъ въ разговоръ о состояніи его прихода. Князь съ Іоганной продолжали болтать: сначала о добродѣтеляхъ и порокахъ пѣгаго, а потомъ про Тюбингенъ и многое другое. Смущеніе молодой дѣвушки постепенно проходило. Князь говорилъ такъ ласково и просто, точно добрый, любящій дядя.

— Вы много читаете?—спросилъ онъ.—Я только что позволилъ себѣ заглянуть въ вашу книгу. Дѣльное произведеніе, да, да... Этотъ Лессингъ, онъ это понималъ... Скажите мнѣ, однако, мое милое дитя, васъ очень трогаетъ такая... такая печальная исторія?

Она съ живостью покачала головой и сложила ручки.

— О, да, это слишкомъ ужасно, не правда ли? Но это было уже давно... Я думаю, теперь ничего подобнаго случиться не можетъ... Да и раньше оно было, вѣроятно, лишь печальнымъ исключеніемъ.

Я всегда думаю, что Господь и прежде одарялъ королей и князей болѣе всего королевскимъ сердцемъ для того, чтобы они правили въ его духѣ, карали зло и не допускали нужды, какъ... какъ,—она покраснѣла и остановилась.

— Что же, какъ?.. пришелъ ей князь на помощь, съ улыбкой разсматривая ея кроткое личико.

— Какъ это дѣлаетъ ваша свѣтлость,—храбро продолжала она. Она смотрѣла на него восторженными глазами, въ которыхъ не было ни тѣни преднамѣренной лести. — Всѣ иностранцы говорятъ, насколько все-таки у насъ людямъ легче переносить этотъ жестокій неурожайный годъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И этимъ подданные обязаны лишь тѣмъ отеческимъ заботамъ, съ которыми ваша свѣтлость заблаговременно отнеслись къ нимъ. Раздача сѣмянъ, зерна, корма для скота, уменьшеніе налоговъ и арендной платы...

— Да, да,—перебилъ Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ. Онъ избѣгалъ ея сіяющаго взгляда, краска бросилась ему въ лицо.—Этотъ Мюллеръ,—думалъ онъ,—должно быть, дѣйствительно хорошо обо всемъ позаботился... по обыкновенію. Она же меня за это хвалитъ! Еслибъ я хоть немного зналъ, что именно было сдѣлано...

Пасторъ услыхалъ послѣднія слова своей дочери.

— Это точно,—началъ онъ,—наши крестьяне глубоко благодарны вашей свѣтлости за такую предусмотрительную заботу въ годину бѣдствія, наставшую для всей дорогой германской земли, какъ язва саранчи надъ Израилемъ, о чемъ Іоиль въ главѣ первой, въ стихѣ пятнадцатомъ, говоритъ: «Горе дню сему! Ибо день Господень близокъ, и придетъ онъ, какъ опустошеніе отъ Всемогущаго. Тогда пища исчезнетъ съ глазъ нашихъ, а изъ дома Бога нашего — радость и веселіе. Сѣмя въ землѣ истлѣло, житницы опустѣли, амбары разрушены, хлѣба не стало. О, какъ стонетъ скотъ!» Да, жестокія времена. Есть много областей, гдѣ фунтъ чернаго хлѣба стоилъ въ нынѣшнемъ году десять крейцеровъ и болѣе и, несмотря на лучшій урожай, держится все въ той же цѣнѣ. Ваша свѣтлость, знаете лучше, чѣмъ я, что это обозначаетъ.

— Да, да,—вздохнулъ князь, смущенно поглаживая таксу.

— Но во владѣніяхъ вашей свѣтлости легко все-таки это переносится,—продолжалъ пасторъ.—Ваша свѣтлость сами можете замѣтить разницу... Тамъ, мои прихожане за пограничной чертой... Ахъ, къ несчастью, правительство тамъ не имѣетъ средствъ, чтобы въ такой же степени облегчить нужду. Многіе теперь уже переходятъ границу, стучатся въ двери и просятъ милостыни... Что же будетъ зимой! Да поможетъ Господь своему народу, чтобы исполнилось по слову Іоиля, глава 2, стихъ 22: «Не бойтесь, ибо пастбища пустыни позеленѣютъ, деревья принесутъ плоды, смоковница и виноградная лоза покроются ими въ изобиліи».

Князь бросилъ умоляющій взглядъ на придворную даму; въ

отвѣтъ та только серіозно посмотрѣла на него, не промолвя ни слова.

— Да, да,—замѣтилъ онъ наконецъ,—знаете, господинъ пасторъ, мы всѣ должны исполнять свой долгъ... Я... я немедленно отдамъ надлежащія приказанія.

Пестрый Вальдманъ повернулъ голову и почти лукаво посмотрѣлъ на монарха своими карими глазами.

Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ очутился въ большомъ затрудненіи и обратился къ Іоганнѣ:

— Мы слышимъ очень пріятный запахъ изъ вашей кухни, милое дитя. ... мое любимое кушанье. ... еслибъ вы позволили намъ пригласить себя къ вашему столу... Мой слуга могъ бы, пожалуй, съѣздить и привезти кое-какія мелочи изъ придворной кухни...

— Простите, ваша свѣтлость,—съ живостью подхватила фрейлейнъ Аглая,—нашимъ милымъ хозяевамъ будетъ, безъ сомнѣнія, пріятнѣе, если мы никакихъ церемоній дѣлать не будемъ. Я въ самомъ дѣлѣ очень люблю гороховый супъ съ сосисками,—добавила она съ легкою усмѣшкой.

— Гм... да,—неувѣренно произнесъ князь,—если вы думаете...

Іоганна уже встала съ мѣста.

— Что за радость!—воскликнула она, покраснѣвъ и хлопая въ ладоши.

— Да, дѣйствительно, какая честь и радость,—поправилъ ее отецъ.—Но, дитя мое. ... и онъ съ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на свою дочь.

— Вы думаете о томъ, господинъ пасторъ, довольно ли будетъ всего: заботу объ этомъ продоставьте намъ, женщинамъ. Не правда ли, милое дитя? Вы мнѣ позволите пойти съ вами и сдѣлать смотръ хозяйству. Экипажъ мы отошлемъ до вечера. Ваша свѣтлость, надѣюсь, милостиво разрѣшаете намъ удалиться? Тѣмъ временемъ, господинъ пасторъ разскажетъ еще, быть можетъ, его свѣтлости кое-что о голодающихъ?...

— Да, конечно,—сказалъ князь.

V.

Вечерняя заря сіяла уже за лѣсистыми горами по ту сторону маленькой столицы, когда они возвратились домой. Пестрый Вальдманъ сидѣлъ на заднемъ сидѣньи и съ наклоненною на-бокъ головой осматривалъ то своихъ новыхъ господъ, то крестьянъ, сторонившихся и почтительно кланявшихся при встрѣчѣ съ княжескимъ экипажемъ.

— Прелесть! совсѣмъ прелесть!—бормоталъ князь.

— О комъ говоритъ ваша свѣтлость?—спросила фрейлейнъ Аглая.—О таксѣ, о пасторѣ, объ угощеніи или о дѣвочкѣ?

— Ахъ, конечно, обо всемъ,— отвѣчалъ князь.—Знаете, Аглая, этотъ старый пасторъ вовсе не такъ плохъ. Во всякомъ случаѣ, онъ заставилъ меня призадуматься. Конечно, я все это зналъ уже... ... но это чего нибудь да стоитъ—услышать голосъ духовнаго лица изъ народа... Что же касается стола, то отчего вы усомнились въ моей слабости къ гороховому супу? Мнѣ онъ чрезвычайно понравился, чрезвычайно... Кофе, да, сортъ немного плоховатъ... но это такъ здорово, такъ возбуждаетъ аппетитъ... Вы не можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ я думаю объ ужинѣ! Но, что касается дѣвочки—à merveille! Это сама обворожительная прелесть! И такая,—какъ бы это сказать,—такая росистая, знаете, такая свѣжая, какъ бутонъ розы въ четыре часа утра... Не забудьте, что въ воскресенье они оба у насъ обѣдаютъ. Кстати, о чомъ вы послѣ кофе такъ долго разговаривали съ дѣвочкой въ бесѣдкѣ, обросшей бобами?

— Женскія исторіи, ваша свѣтлость,— отвѣчала Цигебейнъ, пожавъ плечами.—Она только немного облегчила свое сердечко. До мужчинъ это не касается.

— И до монарха тоже?—спросилъ князь, котораго пріятно проведенный день очень оживилъ.—Это жаль. Не заговоръ же вы задумали? Я надѣюсь, что вы мнѣ ее не запутаете въ политику.

— Напротивъ того, ваша свѣтлость,— спокойно отвѣчала Цигебейнъ.

VI.

Пѣгій Вальдманъ,— собака-теленокъ, какъ его называла фрейлейнъ фонъ-Цигебейнъ,—лежалъ растянувшись на своемъ одѣялѣ, передъ каминомъ, въ княжеской передней и, пресыщенный, играя, жевалъ остатокъ колбасы, которую, по высочайшему повелѣнію, камердинеръ каждое утро долженъ былъ приносить ему. Майоръ Бёллерманъ, только что вышедшій изъ кабинета князя послѣ доклада, смотрѣлъ на него съ боязнью и задумчиво.

— Любопытная тварь!—ворчалъ онъ.—Вотъ шесть недѣль, какъ это животное въ замкѣ, и съ тѣхъ поръ его свѣтлость точно подмѣнили. Лишь бы все это хорошо кончилось!.. Онъ отвернулся съ нѣкоторою поспѣшностью и вышелъ изъ передней.

Хотя, быть можетъ, не всѣ при дворѣ и въ столицѣ раздѣляли суевѣрныя мысли стараго героя, однако относительно монарха всѣ были одного съ нимъ мнѣнія. Фридрихъ-Фердинандъ сильно измѣнился. Ему теперь требовалось такъ много времени для управленія государствомъ, что его ученыя занятія на обсерваторіи становились съ каждымъ днемъ короче и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Все, что поступало къ нему для подписи, прочитывалось имъ съ начала до конца и, затѣмъ, часто вовсе не подписывалось. Доклады министра двора неоднократно прерывалъ онъ вопросами, почти всегда относивши-

мися къ дѣлу. Онъ доходилъ даже до самостоятельныхъ распоряженій. Разъ, невзначай, пришелъ онъ въ государственную канцелярію въ то время, когда министра двора тамъ не было, а всѣ чиновники сидѣли за завтракомъ; приказалъ себѣ показать различныя дѣла и страшно негодовалъ на нѣкоторыя распоряженія. Внезапно появлялся онъ въ казармахъ лейбъ-роты, пробовалъ кушанье и находилъ его отвратительнымъ. Пища послѣ этого не дѣлалась лучше, но теперь ежедневно, на указанномъ мѣстѣ, ставилась порція лучшаго качества, на случай, если высочайшій главнокомандующій захочетъ опять попробовать пищу. Даже отъ столичнаго магистрата, общественныя злоупотребленія котораго порицались въ корреспонденціи одной «заграничной» газеты, князь потребовалъ немедленнаго доклада и, возвративъ его, сдѣлалъ на поляхъ синимъ карандашемъ весьма колкія помѣтки.

Ему самому, видимо, шла въ прокъ эта усиленная дѣятельность: онъ былъ веселъ и не замѣчалъ смущенія и безпокойства въ тѣхъ кругахъ, которые онъ внезапно потревожилъ. Даже Цигебейнъ онъ сильно раздражалъ, серьезно требуя отъ нея, чтобы, при раздачѣ рождественскихъ подарковъ, она давала каждому мѣстному бѣдняку, вмѣстѣ съ обычными шерстяными носками и жесткими талерами, томъ классическихъ стихотвореній.

— Знаете, Аглая, надо пріучать народъ понимать хорошую литературу,—пояснялъ онъ.

— Къ чему это, ваша свѣтлость?—съ колкостью возражала Цигебейнъ.—Разница между народомъ и князьями и такъ уже довольно велика!

Къ счастью, онъ и въ этотъ разъ ее не понялъ.

Вальдманъ былъ очень доволенъ своимъ господиномъ, котораго онъ никогда не зналъ инымъ. Онъ чувствовалъ преимущество своего положенія и привязался со всею вѣрностью къ своему новому повелителю. Послѣдній бралъ его съ собой повсюду и тѣмъ сдѣлалъ его появленіе устрашающимъ. Гдѣ пѣгаго было слышно или видно, тамъ по близости была и его свѣтлость, а потому собаку повсюду принимали съ почтительнымъ вниманіемъ, къ которому она умѣла относиться съ сознаніемъ собственнаго достоинства, наклоняя голову на бокъ и небрежно помахивая хвостомъ. И еще одна особа, подобно Вальдману, узнавшая монарха ближе съ того же времени, смотрѣла на него съ такимъ же невозмутимымъ благоговѣніемъ.

Уже два-три раза Іоганна Либэтрей появлялась съ своимъ отцомъ у обѣденнаго стола въ замкѣ. Здѣсь она разнилась отъ посѣдѣлыхъ придворныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, какъ прекрасный скромный колокольчикъ отличается отъ золотыхъ и серебряныхъ астръ.

Вальдманъ встрѣчалъ ее сдержанно довѣрчиво, какъ требовали его новыя обязанности; фрейлейнъ Цигебейнъ обращалась съ нею

съ нѣжностью бабушки; а пожилые мужчины, въ томъ числѣ и князь, забывали почти о ѣдѣ и напиткахъ, глядя на прелесть ея облика.

Въ такіе дни министръ двора не присутствовалъ за обѣдомъ. Ясно было, что теперь онъ рѣже посѣщаетъ замокъ. Работы было у него слишкомъ много въ эти тяжелыя времена.

Съ наступленіемъ зимы нужда становилась очень чувствительною, какъ это и предвидѣлъ пасторъ Либэтрей. Крестьяне знали, что не правительство, вѣдь, дѣлаетъ погоду, и, видя, что по сосѣдству было еще хуже, не то, чтобы ворчали, но съ мучительнымъ постоянствомъ страдающихъ дѣтей взирали туда, откуда привыкли получать совѣтъ и помощь. Въ нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ центрахъ маленькой страны, а прежде всего въ ея маленькой столицѣ, экономическій гнетъ открылъ, такъ сказать, клапанъ для духа критики, на усиленіе которой министръ двора давно уже смотрѣлъ съ огорченіемъ. Внезапное, какъ бы скачками, вмѣшательство князя въ дѣла давало недовольнымъ поводъ вспоминать о томъ, какъ ничтожно обезпеченіе противъ такого же вмѣшательства, но лишь въ обратную, злую сторону; въ народѣ усердно распространялись примѣры злостнаго произвола власти въ другихъ государствахъ, и всѣ спрашивали, долго ли еще это будетъ продолжаться. Въ собраніяхъ и трактирахъ опять зазвучали великія слова о германскомъ единствѣ, о свободѣ и роскоши, о вольномъ избраніи народнаго представительства, о едва дремлющемъ императорѣ Рыжей Бородѣ и о совсѣмъ уснувшемъ «нѣмецкомъ псѣ» во Франкфуртѣ. Но сильнѣе всего разжигало умы смѣлое словечко, въ видѣ отвѣта депутаціи нуждающихся ремесленниковъ на одно привѣтствіе князя: «Въ смутное время полезно спокойствіе»,—сказалъ онъ.—«Спокойствіе хорошо, но конституція была бы еще лучше»,—отвѣчали недовольные граждане [1]). Распѣвали всюду пѣснь съ припѣвомъ именно этого содержанія; говорили, что эту пѣснь сочинилъ и тайно прислалъ на родину своимъ друзьямъ докторъ правъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ, сынъ министра двора.

Послѣдній, однако, дѣлалъ свое дѣло, не взирая на семейныя отношенія. Онъ предложилъ болѣе строгія мѣры противъ революціоннаго духа, объ усиленіи коего въ странѣ конфиденціально сообщали родственные сосѣдніе дворы. Но Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ ничего не хотѣлъ знать объ этомъ.

— Позвольте же имъ хоть немного порезонировать, мой милый,— говорилъ онъ. —Я вашей службой доволенъ, и этого вамъ должно быть достаточно. Только не слишкомъ стѣсняйте болтовню! Что вы думаете, если бы князь Меттернихъ въ Вѣнѣ принималъ къ сердцу

---

[1]) Здѣсь игра словъ по-нѣмецки: Fassung—спокойствіе, терпѣніе; Verfassung—конституція. Прим. переводч.

всѣ злыя рѣчи, онъ, вѣдь, давно долженъ былъ бы умереть. И что за дѣло моему кузену до этого! Боже милосердный! ему бы ужъ съ его рулеткой и «Rouge ou Noir» слѣдовало сидѣть смирно! Чѣмъ мнѣ отъ него выслушивать совѣты по политикѣ, я лучше обращусь за ними къ моему милому Вальдману.

VII.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора, князь предпринялъ съ Вальдманомъ прогулку черезъ лѣсъ, простиравшійся съ западной стороны до послѣднихъ домовъ маленькой столицы. Это было удовольствіе, во вкусъ котораго Фридрихъ-Фердинандъ опять вошелъ лишь съ пріобрѣтеніемъ пѣгаго. Его забавляло наблюдать во время пріятной прогулки за неутомимою дѣятельностію своего четвероногаго адъютанта, бѣжавшаго всегда впереди, съ носомъ у земли. Сильными и быстрыми движеніями переднихъ лапъ собака дѣлала раскопки въ подземномъ царствѣ или, отъ избытка жизнерадостности, валялась по землѣ, пока ея пестрая шерсть не облипала вся пожелтѣвшими, сырыми листьями. Иногда Вальдманъ вдругъ исчезалъ въ глубинѣ лѣса, гоняясь съ громкимъ лаемъ по какому-то слѣду, повинуясь, вѣроятно, тому сильному инстинкту, который жилъ въ немъ, несмотря на его пребываніе и воспитаніе въ городѣ. И высочайшая власть слабо проявляла себя въ борьбѣ съ этимъ охотничьимъ инстинктомъ собаки. Со временемъ установился такой modus vivendi: князь ждетъ, медленно прогуливаясь, до тѣхъ поръ, пока четвероногій браконьеръ, съ лаемъ и махая хвостомъ, опять не присоединится къ нему; тутъ онъ его слегка ударитъ палкой, такса подастъ лапку, отряхнется, и миръ заключенъ до новаго бѣгства.

Въ этотъ разъ Вальдманъ пропадалъ дольше; князь былъ въ нетерпѣніи, свисталъ и звалъ напрасно.—Ну, подожди ты у меня, негодяй, когда вернешься!—ворчалъ онъ, помахивая съ угрожающимъ жестомъ бамбуковою тростью въ правой рукѣ. Тутъ онъ увидалъ, между сухихъ вѣтвей орѣховаго куста, хорошо знакомую пеструю голову. Собака смотрѣла на него внимательно, но, повидимому, не испытывала ни малѣйшаго раскаянія.

— Вальдманъ, сюда, негодяй!—кричалъ князь. Собака ворчала и, помахивая ушами, точно не узнавала.

Въ эту минуту, съ противоположной стороны изгиба дороги, сильный мужской голосъ позвалъ нѣсколько разъ: «Вальдина!». Собака прислушалась, скакнула на дорогу и, бросивъ послѣдній презрительный взглядъ на князя, пустилась бѣжать къ повороту дороги. Князь, сильно возбужденный, смотрѣлъ ей вслѣдъ.—Ну, конечно, Вальдина,—бормоталъ онъ, — но совсѣмъ та же окраска. Только хвостъ бѣлый вмѣсто чернаго... Вотъ была бы у насъ парочка!

Наконецъ, показался и хозяинъ Вальдины. Это былъ молодой человѣкъ, въ очкахъ, съ свѣтлыми усами и длинными бѣлокурыми волосами, въ одеждѣ бюргера, нѣсколько искусственно небрежной, въ легкомъ пальто и большой, съ опущенными полями, шляпѣ.

— Кого я вижу!—воскликнулъ удивленно князь,—докторъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ! Какъ же это вы вдругъ здѣсь появились? Это ваша собака?!.. Въ такомъ случаѣ я очень бы желалъ купить ее у васъ. У меня есть кобель той же породы, и мнѣ очень бы хотѣлось имѣть парочку.

Молодой человѣкъ улыбался немного принужденно.

— Они братъ и сестра, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ онъ.—У васъ Вальдманъ отъ... отъ фрейлинъ Либэтрей, не правда ли?

— Да, да,—сказалъ князь съ нетерпѣніемъ.—Ну, сколько же вы хотите за нее?

— Никакихъ денегъ, ваша свѣтлость. У меня ихъ еще довольно, а своего единственнаго спутника, вѣдь, не продаютъ? Но вы можете получить ее взамѣнъ одной милости, которую, къ сожалѣнію, я вынужденъ испросить для себя, а именно: разрѣшить мнѣ безпрепятственное пребываніе здѣсь, на моей родинѣ. Въ настоящую минуту я изгнанъ изъ всѣхъ германскихъ государствъ. Сюда, какъ вы меня видите, довелъ меня вчера до вашей границы, именемъ его прусскаго величества, жандармъ,—славный, впрочемъ, малый.

Князь съ состраданіемъ и задумчиво смотрѣлъ на молодого человѣка.

— Однако, это для васъ печальная исторія, мой милый,—сказалъ онъ.—Отцу вашего отечества вы дѣйствительно доставляете мало радости, а о вашемъ родномъ отцѣ я ужъ и не говорю... И къ чему вамъ все сочинять эти политическія стихотворенія? Я вообще не касаюсь чьей либо страсти: по-моему, пишите себѣ, сколько хотите. Но развѣ непремѣнно нужно писать о политикѣ? Посмотрите только, какъ много есть другихъ предметовъ, напримѣръ: Богъ, природа, добродѣтель, безсмертіе. Возьмите Тидге, онъ обо всемъ этомъ цѣлую книгу написалъ; моя сестра постоянно ее читала; скучновато, правда, немного, но ни одинъ человѣкъ его за эту книгу ни откуда не изгонялъ. А затѣмъ, говоря вообще, сочиненіе стиховъ не составляетъ же цѣли жизни. Вы, вѣдь, отличный юристъ, отчего же вы не поступили ко мнѣ на государственную службу? Вы могли бы теперь быть уже консисторіальнымъ ассесоромъ; старикъ Веммерлейнъ хочетъ выйти въ отставку.

Молодой докторъ, покачавъ отрицательно головой и гордо поднявъ ее, сказалъ:

— Пока положеніе дѣлъ таково, силы каждаго нѣмца, имѣющаго сердце, принадлежатъ родинѣ!

— Ну, да,—отвѣчалъ князь съ удовольствіемъ,—это-то я и говорю. Вотъ такимъ образомъ вы и должны принадлежать государ-

ственной службѣ. Приходите же завтра ко мнѣ, и мы поговоримъ обстоятельнѣе. Переговорить же съ вашимъ отцомъ я беру на себя.

Поэтъ печально поднялъ правую руку къ небу:

— О, такъ-то всегда князья смѣшиваютъ службу ихъ престолу со службой отечеству!—воскликнулъ онъ,—отечеству, которое безъ этого заблужденія было бы давно уже велико, свободно, едино и сильно! Ваша свѣтлость, у васъ доброе сердце; я знаю все, что вы для меня сдѣлали съ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, да и крестьяне разсказываютъ, какъ вы заботились о своихъ подданныхъ въ это тяжелое время,—простите меня, если я свободно обращусь къ этому сердцу: будьте вы первымъ между германскими князьями, который отважится добровольно передать корону самодержавія въ руки народа для того, чтобы вновь отъ него получить ее, какъ корону свободы и законности! Ваше государство одно изъ самыхъ малыхъ, но имя ваше будетъ величайшимъ въ Германіи, если оно первымъ засіяетъ на пути примиренія! Народъ будетъ васъ благословлять; короли и князья, пристыженные, послѣдуютъ вашему примѣру, а эти дубы, которые теперь, съ первымъ инеемъ, замолкнутъ надъ вами, съ радостною гордостью зашумятъ своей весенней листвой надъ свободнымъ народомъ. Будьте же первымъ, который разорветъ цѣпи самовластія!

Францъ-Фридрихъ-Фэрдинандъ оперся о пень дуба. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на воодушевленнаго оратора, не прерывая его.

— Послушайте, добрѣйшій,—сказалъ онъ спокойно,—я вамъ далъ высказаться... Вы говорите прекрасно... почти какъ въ стихахъ; изъ нихъ, конечно, вы это и берете, по большей части. Но теперь позвольте вамъ сказать, что въ практическихъ вещахъ вы совсѣмъ младенецъ... Какъ вы все это себѣ представляете? Не говоря уже о томъ, что подъ старость лѣтъ я не могу мѣнять ремесла,—оно, къ тому же, единственное, которому я обучался,—но неужели вы дѣйствительно думаете, что кто нибудь обратитъ вниманіе на то, что какой-то князекъ тоже пошелъ въ вольнодумцы и демократы? О Господи, я—и революціонный герой! Хотѣлъ бы я услыхать смѣхъ, который былъ бы этимъ вызванъ у Меттерниха въ Вѣнѣ... Присмотритесь-ка хоть разъ къ тѣмъ государствамъ, гдѣ народъ, черезъ ландтагъ, принимаетъ участіе въ управленіи... Тамъ зрѣлище еще хуже... И вообще, что это все значитъ: народъ! народъ!! Знаете ли вы, въ чемъ, напримѣръ, у насъ въ нынѣшнемъ году нуждается народъ? Въ картофелѣ, сѣменахъ и кормѣ для скота. Вы думаете, это дешево стоитъ? Вашъ бѣдный старикъ отецъ изворачивается, чтобы добыть необходимое, а вы... покормите-ка свинью вашей поэзіей, будетъ ли она сыта ею!

Поэтъ горько усмѣхнулся.

— Вѣчно одно и то же, точно эхо,—сказалъ онъ.—Извините меня, ваша свѣтлость, что я, въ простотѣ своей, обратился къ властителю съ рѣчью о свободѣ! Я...

— Замолчите, — перебилъ его сердито князь и ударилъ свою собаку, которая, тѣмъ временемъ, отыскалась и справляла свое радостное свиданіе съ Вальдиной.—Довольно намъ теперь этихъ глупостей!.. Постарѣйте немного, мой милый!.. Что же касается вашей личной свободы, то живите себѣ въ моихъ владѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока изъ краснаго не превратитесь въ чернаго. Я не изгонялъ еще ни одного демократа. Прошу лишь объ одномъ: никакихъ подобныхъ публичныхъ рѣчей въ моей резиденціи. Мнѣ бы это все равно... но я желаю, чтобы вы пощадили вашего славнаго отца... Не хочу имѣть никакихъ трагическихъ сценъ передъ моими окнами, понимаете? Итакъ, за исключеніемъ столицы, можете дѣлать все, что вамъ угодно... А собаку, если не хотите мнѣ ее продать, оставьте у себя... За мою верховную защиту заплатить мнѣ собакой нельзя, будь она хоть ярко-желтаго цвѣта съ голубыми ушами... Оставьте ее у себя, вы еще можете кое-чему научиться у кривоногаго животнаго! Прощайте, господинъ поэтъ... Allons, Вальдманъ!

Съ этими словами онъ повернулся и быстро зашагалъ впередъ, Вальдманъ послѣдовалъ за нимъ, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на Вальдину.

VIII.

Ноябрь уже отошелъ и притомъ съ самымъ угрюмымъ лицомъ, какое только возможно для этого угрюмѣйшаго изъ всѣхъ мѣсяцевъ въ году. Всюду была скверная погода, въ томъ числѣ и внутри княжескаго замка. Уже двѣ недѣли, какъ Фридрихъ-Фердинандъ управлялъ государствомъ изъ своей комнаты. Сидя въ креслѣ, предъ каминомъ, съ обвязанною толстымъ слоемъ ваты правою ногой, страдающею ревматизмомъ, онъ вздыхалъ, стоналъ и даже, при неосторожныхъ движеніяхъ, изрекалъ проклятія болѣе сильныя, нежели это подобаетъ князю-христіанину. Но чуть ли не больше ревматизма мучила его безмолвная тоска, овладѣвшая имъ послѣ встрѣчи съ пестрою Вальдиной. Напрасно Вальдманъ продѣлывалъ свои штуки, желая развеселить своего владыку: всѣ его удивительныя прелести были въ глазахъ князя все-таки чѣмъ-то половиннымъ...

Печаль эту не могла прогнать и Цигебейнъ со всей своей болтовней и почти материнскими заботами. Дурное расположеніе духа князя длилось, но ни разу не оттолкнуло отъ него его вѣрную подругу; однако, глядя на пеструю таксу, фрейлина все болѣе склонялась къ мнѣнію о ней майора Бёллермана. Вообще она любила животныхъ, но если бы ея тайное желаніе могло исполниться, то Вальдманъ и Вальдина, быстро и безъ шума, исчезли бы изъ этой временной жизни.

Министръ двора тоже ходилъ молчаливый и удрученный. Сообщеніе со стороны князя о томъ, что доктору Теобальду фонъ-Мюллеру разрѣшено пребываніе въ княжествѣ, за исключеніемъ столицы,

было имъ принято молча, съ офиціальнымъ поклономъ. Самъ докторъ не подавалъ никакого повода къ посягательству на него со стороны полиціи. Нанявъ себѣ помѣщеніе въ домѣ одного крестьянина, невдалекѣ отъ Клейнъ-Брейбаха, онъ жилъ, предаваясь, повидимому, исключительно поэтическимъ занятіямъ. Одна иностранная издательская фирма возвѣстила о предстоящемъ выходѣ къ Рождеству его драмы: «Паденіе Тарквинцевъ». Пока книга не появилась, было еще неизвѣстно, не способно ли это драматическое описаніе революціи 510 года до Рождества Христова расшатать основы Священнаго Союза. Министръ двора долженъ былъ, однако, взирать съ досадой и страхомъ на то, какъ его сынъ (хотя онъ, съ своей стороны, ничего не дѣлалъ для этого) становился все болѣе и болѣе героемъ-мученикомъ среди недовольныхъ бюргеровъ. Портретъ его во многихъ домахъ висѣлъ рядомъ и даже надъ портретомъ князя, а молодыя дамы со страстью ѣли миндаль, единственно для того, чтобы, играя въ «Vielliebchen», имѣть возможность выиграть собраніе его стихотвореній: «Пѣсни полупробужденнаго».

Впрочемъ, революціонные голоса замѣтно утихли среди гражданъ: пріятныя хлопоты по приготовленію рождественскаго стола отодвинули временно на задній планъ высокія мысли о германскомъ единствѣ и о свободѣ. Но министръ двора фонъ-Мюллеръ достаточно времени управлялъ государственными и своими собственными финансами, чтобы знать, что съ появленіемъ новогоднихъ счетовъ это миролюбивое настроеніе прекратится, уступивъ мѣсто еще болѣе сильному расположенію къ разглагольствованіямъ.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ, недѣли три спустя по прибытіи доктора фонъ-Мюллера въ край, прибавилась еще одна—незнакомою рукой написанное анонимное извѣстіе, заставившее министра двора, послѣ нѣсколькихъ часовъ тяжкаго раздумья, отправиться одному, пѣшкомъ, въ сумерки, въ Клейнъ-Брейбахъ, въ домъ пастора, такъ долго имъ избѣгаемый.

И тамъ дурная погода проникла сквозь стѣны въ сердца людей. Іоганна стала молчалива; ея блѣдность и подозрительную красноту глазъ началъ замѣчать и отецъ, возвращаясь со своихъ утомительныхъ прогулокъ, вызываемыхъ долгомъ и человѣколюбіемъ. И другія еще заботы угнетали его.

Когда министръ двора вошелъ въ его рабочую комнату, онъ былъ занятъ, при слабомъ свѣтѣ лампы, приготовленіемъ проповѣди на текстъ изъ пророка Іоиля, глава первая, стихъ девятый: «Нѣтъ болѣе жертвоприношеній и возліяній на столѣ Господнемъ; и священники, слуги Господа, скорбятъ».

Сильно удивленъ былъ пасторъ, когда, поднявъ голову отъ этого печальнаго текста, онъ увидалъ своего посѣтителя.

— Вы, конечно, меня не ожидали, господинъ пасторъ?—сказалъ министръ.

— Правду сказать,—отвѣчалъ пасторъ,—эта честь дѣйствительно меня поражаетъ. Послѣ тѣхъ печальныхъ объясненій вашего превосходительства при нашемъ послѣднемъ свиданіи, объясненій, которыя я позволилъ себѣ выслушать не безъ прекословія.

— И къ которымъ, къ сожалѣнію, я долженъ возвратиться,— перебилъ министръ.—Вы знаете мое мнѣніе о томъ вліяніи, которому, къ моему прискорбію, сынъ мой поддался въ домѣ, вами ему рекомендованномъ. Вслѣдствіе этого вліянія наши съ нимъ дороги разошлись въ противоположныя стороны. Онъ совершеннолѣтній и потому самостоятеленъ, конечно. Но пока я живъ, я глава дома фонъ-Мюллеровъ и, какъ таковой, вынужденъ вамъ заявить, что предположенный, кажется, союзъ между моимъ сыномъ и членомъ вашей семьи не будетъ освященъ моимъ согласіемъ.

Пасторъ покраснѣлъ.

— Прошу ваше превосходительство объяснить, какого рода обстоятельства, совершенно мнѣ неизвѣстныя, даютъ вамъ поводъ къ подобнымъ рѣчамъ,—возразилъ онъ.

Министръ съ насмѣшкой улыбнулся.

— Извольте, вотъ вамъ объясненіе, господинъ пасторъ. Дочь вашу видѣли у васъ въ саду вмѣстѣ съ господиномъ докторомъ фонъ-Мюллеромъ; господинъ докторъ посѣщалъ молодую особу въ вашемъ домѣ и состоитъ съ нею въ перепискѣ. Таковы обстоятельства, сообщенныя мнѣ третьимъ лицомъ. Положимъ, что они были вамъ неизвѣстны...

Пасторъ выпрямился. Его обыкновенно мягкій голосъ зазвучалъ строго, почти грозно:

— Къ такому предположенію ваше превосходительство обязаны, послѣ того, что я уже заявилъ вамъ это... Будь моя дочь здѣсь, я бы допросилъ ее въ вашемъ присутствіи; однако, какъ служитель церкви, я имѣю право требовать, чтобы ваше превосходительство вѣрили однимъ моимъ словамъ: я обо всемъ этомъ ничего не зналъ, и если тутъ что либо вѣрно, то я не одобряю. При такомъ отношеніи вашего превосходительства и я не могу радостно привѣтствовать союзъ между нами. Имѣетъ ли ваше превосходительство еще что либо сообщить мнѣ?..

Министръ отрицательно покачалъ головой.

— Позвольте же, ваше превосходительство...—продолжалъ пасторъ,—посвѣтить вамъ въ сѣняхъ...

Когда пасторъ вернулся въ свой рабочій кабинетъ, Іоганна въ слезахъ бросилась къ нему. Дверь въ горницу была открыта. Пасторъ нѣжно высвободился изъ объятій дочери.

— Я думалъ, что тебя нѣтъ дома,—сказалъ онъ тихо, дѣлая усиліе, чтобы быть спокойнымъ.—Итакъ, ты слышала, что этотъ жестокій человѣкъ говорилъ? Скажи же мнѣ: когда его сынъ былъ здѣсь у тебя, въ моемъ домѣ?

— Ни разу, отецъ,—всхлипывала она.—Это ложь, злая ложь... Онъ заговорилъ со мной на улицѣ,—два раза; письма же, его ты можешь всѣ видѣть: это одни стихотворенія... а въ нихъ все одно и то же, что онъ и сейчасъ сказалъ мнѣ, что онъ... что онъ любитъ меня, хотѣлъ бы меня увезти... но что просить моей руки онъ можетъ лишь тогда, когда цѣпи свободы упадутъ. До тѣхъ же поръ онъ принадлежитъ одной лишь родинѣ... Просилъ меня еще сказать ему одно, люблю ли и я его. Я должна была ему сказать «да», ибо знаю теперь, что уже тогда его любила, когда мы выбрали себѣ двухъ таксъ, чтобы не дать ихъ потопить: онъ взялъ себѣ съ бѣлымъ хвостомъ, а я—съ чернымъ. Ахъ, онъ такой добрый и благородный! И даже... несмотря на злобу его отца противъ него и противъ насъ, это само собой придетъ къ развязкѣ, потому что все низкое исчезнетъ въ солнечномъ сіяніи свободы! А до тѣхъ поръ, онъ хочетъ только имѣть мое слово... Когда я ему дала его... въ прошлый четвергъ, за домомъ, у изгороди изъ крыжовника,—онъ, стоялъ по ту сторону, а я по эту,—то онъ... онъ поцѣловалъ меня, и этотъ поцѣлуй связалъ насъ на вѣки. Съ тѣхъ поръ я больше съ нимъ не говорила, только еще два раза онъ прислалъ мнѣ стихи, съ мальчикомъ, что носитъ молоко...

Голосъ ея замеръ въ слезахъ. Отецъ гладилъ ея мягкіе локоны.

— Полно, полно, дитя мое,—сказалъ онъ,—успокойся только... Господь испытываетъ всѣхъ, кого любитъ... Пойди сюда, сядь ко мнѣ поближе. Видишь ли, намъ нужно поговорить благоразумно.

IX.

Министръ двора не ошибся въ своемъ политическомъ календарѣ. Съ наступленіемъ новаго года недовольство страшно усилилось въ маленькомъ нѣмецкомъ карманномъ государствѣ точно такъ же, какъ и во всемъ мірѣ. Все живѣе и свободнѣе отвѣчало настроеніе жителей резиденціи тому сильному призыву, который слышался въ заграничныхъ газетахъ, почерпавшихъ свои извѣстія изъ партійныхъ распрей чужихъ народовъ, изъ книгъ и стихотвореній нѣмецкихъ мыслителей, бѣжавшихъ,—въ дѣйствительности или только по слухамъ,— за границу, и даже изъ тщательно перечитываемыхъ отчетовъ о земскихъ собраніяхъ народнаго представительства въ нѣкоторыхъ союзныхъ государствахъ. Движеніе захватило уже и слабый полъ. Дамы и дѣвицы соорудили обществу любителей пѣнія знамя, на которомъ ярко-красный шелкъ былъ такъ рѣзко окаймленъ черною и желтою вышивкой, что, съ перваго взгляда, каждый геральдикъ долженъ былъ принять его за черно-красно-золотой штандартъ, а поэтъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ, вновь отдавшій свою лирическую поэзію къ услугамъ отечества, прислалъ при этомъ посвященіе въ стихахъ, которое начиналось словами:

«Ледъ таетъ, зима проходитъ,
«Весна для народовъ съ шумомъ идетъ!»

Пока, однако, зима еще была въ полномъ разгарѣ, снѣжная и холодная. Въ одномъ только княжескомъ замкѣ цвѣла настоящая весна, и геніемъ этой весны была Іоганна Либэтрей. Фрейлина двора уговорила ее погостить у нея нѣкоторое время, и при ясной, какъ солнце, прелести Іоганны, политическія заботы не отваживались заглядывать въ замокъ. Князь предоставилъ управленіе своему министру; самъ же былъ только довольнымъ отцомъ семейства. Вся его, такъ поздно проснувшаяся было, дѣятельность исчерпывалась теперь безчисленными проявленіями вниманія къ новой гостьѣ и къ Цигебейнъ, привлекшей ее во дворецъ. Нечаянная мысль фрейлины — пригласить къ себѣ молодую дѣвушку — казалась ему счастливѣйшимъ открытіемъ текущаго столѣтія. Въ исторіи стараго династическаго замка было не впервые, что весь его маленькій міръ вертѣлся не вокругъ князя-солнца, а вокругъ прекрасной юной планеты. Но еще ни разу не видали ни одного фаворита, на горизонтѣ котораго не было бы до такой степени ни малѣйшей тучки зависти. Іоганна была любимицею рѣшительно всѣхъ. Когда вечеромъ, при игрѣ въ домино, она заступала мѣсто министра двора, то даже маіоръ Бёллерманъ забывалъ дремать и рѣшался смотрѣть на пеструю таксу, какъ на «порядочную, благочестивую собаку», только потому, что она была ея собакой... Это благородное животное сидѣло тутъ же, на плюшевой скамеечкѣ, между княземъ и Іоганной; она гладила собаку и князь тоже; иногда своей большой, съ толстыми пальцами, рукой онъ поглаживалъ ея мягкую ручку, задумчиво-нѣжно глядя на нее. Іоганна относилась къ этому безъ малѣйшаго смущенія, какъ если бы это дѣлалъ ея отецъ. Онъ и былъ для нея отцемъ отечества: съ малыхъ лѣтъ была она пріучена почитать его съ дѣтскою любовью, а сердце ея было преисполнено благодарности къ нему.

Она стала теперь серьезнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ увидалъ ее въ первый разъ. Оттѣнокъ мечтательности, легшій на всемъ ея существѣ, дѣлалъ ее еще красивѣе. Иногда, впрочемъ, совсѣмъ дѣтская веселость прорывалась неудержимо. Когда ей случалось, напримѣръ, быть одной съ таксой, она брала ее за растопыренныя переднія лапы и кружилась съ нею по комнатѣ; или, бросая ей свой башмакъ, заставляла приносить его обратно. Если князю удавалось незамѣтно подглядѣть ее за этой забавой, то онъ бывалъ такъ доволенъ, что забывалъ даже о своемъ огорченіи по случаю потери Вальдины.

Фрейлейнъ фонъ-Цигебейнъ радовалась пріятному настроенію въ домашней жизни, но грозныя времена за стѣнами замка должны были рано или поздно положить конецъ этой идилліи.

Однажды, за обѣдомъ, настроеніе было напряженно и тревожно

подъ впечатлѣніемъ пришедшихъ утромъ, во время перваго завтрака князя, тяжелыхъ извѣстій: революція въ Парижѣ; стычки на улицахъ; отреченіе и бѣгство короля; провозглашеніе республики.

Никто не хотѣлъ заговаривать объ этомъ въ присутствіи князя, но никто не могъ говорить и о чемъ либо другомъ. Маіоръ Бёлерманъ печально ковырялъ на своей тарелкѣ; одинъ его сѣдой усъ повисъ, точно плакучая ива.

— Ну, что съ вами, мой милый?—спросилъ князь.— Вы имѣете такой видъ, какъ будто вы навѣки потеряли аппетитъ.

Старый воинъ озабоченно посмотрѣлъ на него.

— Простите, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ,— я дѣйствительно потерялъ аппетитъ... Такой срамъ! Эта армія,— въ одномъ Парижѣ тридцать тысячъ,— и передъ двумя дюжинами баррикадъ постыдно капитулировать!.. Негодяи еще въ самое послѣднее время подлежали бы военному суду. Такое вѣроломство!..

Князь поспѣшно опорожнилъ свой стаканъ.

— Ну, да,—отвѣчалъ онъ,—этотъ Людовикъ-Филиппъ самъ былъ вѣроломцемъ. Какъ нажито, такъ и прожито... Вообще, я не придаю большаго значенія всемірной исторіи, но это поучительно... Спросите-ка свою сосѣдку,— мы оба его видѣли, когда онъ въ первый разъ бѣжалъ изъ Франціи,—помните, Аглая?.. Тогда онъ, этотъ господинъ Филиппъ Эгалитэ младшій, давалъ уроки французскаго языка, чтобы прокормить себя и сестеръ... Весьма похвально, противъ этого ничего сказать нельзя. Но, когда въ 1830 году онъ похитилъ тронъ, мое мнѣніе о немъ было готово. Да, онъ кое-что заработалъ при этомъ... игрой на биржѣ... одно шло къ другому... это тоже родъ игорнаго дома, какъ у того тамъ... За ваше здоровье, любезный майоръ, и за здоровье всѣхъ честныхъ солдатъ!

Взволнованный майоръ чокнулся и сталъ ѣсть съ лучшимъ аппетитомъ.

Министръ двора озабоченно смотрѣлъ на князя. Такъ ясно, за общимъ столомъ, его свѣтлость еще ни разу не высказывался, говоря объ одномъ изъ монарховъ... Это звучало крайне непочтительно. И Цигебейнъ была удивлена.

— Съ нимъ что-то случилось,—подумала она,—но я это узнаю. Онъ долженъ будетъ исповѣдаться мнѣ.

Князь, казалось, шелъ на встрѣчу ея желанію.

— Не хотите ли доставить мнѣ удовольствіе и провести со мною потомъ, въ сумерки, часокъ?—спросилъ онъ ее за дессертомъ.—Мы давно не болтали съ вами.

— Удобно ли вамъ такъ, милый другъ?—началъ князь, когда они, въ сумеркахъ, усѣлись предъ каминомъ. Между ихъ креслами, свернувшись въ клубокъ, лежалъ пестрый Вальдманъ, поджавъ подъ себя хвостъ.— Вы позволяете мнѣ продолжать курить?

— Благодарю васъ очень, ваша свѣтлость,—засмѣялась дама.— Вы сегодня обворожительно любезны. Пожалуйста, курите.

— Знаете, что, милая Аглая,—началъ князь, немного запинаясь,— нѣтъ ничего выше правильно устроенной жизни. Что бы вы, гм... что бы вы сказали, если бы я женился? Да не смотрите на меня такъ недовѣрчиво! Я давно уже хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ. Вы, вѣдь, знаете, какъ я высоко ставлю ваше мнѣніе. Не указывайте только, прошу васъ, на мой возрастъ. Правда, что мнѣ уже пятый десятокъ, кажется, даже во второй половинѣ. Но, видите ли, это принимается въ соображеніе. Я не могу требовать такой взаимной любви, какъ молодой мечтатель..., но спокойную, на дѣтскомъ почтеніи основанную привязанность... гм... не правда ли? Она, знаете, наша дѣвочка, она просто меня приворожила...

— Господи!—воскликнула Цигебейнъ, вскочивъ со стула,—наша малютка? Моя пасторская дочечка? Это на ней-то ваша свѣтлость хотите жениться?

— Ну, успокойтесь,—возразилъ испуганный князь.—Я говорю, конечно, о бракѣ съ лѣвой стороны... Подъ именемъ баронессы Фалькенштейнъ, какъ вы объ этомъ думаете? Ландауэръ долженъ будетъ продать мнѣ замокъ, а я ей отдамъ эти развалины, какъ свадебный подарокъ.

— Очень остроумно,—отвѣчала Цигебейнъ,—ваша свѣтлость хорошо все обдумали. А я-то, старая дура, ничего не замѣчаю!.. Если-бъ я только могла это предвидѣть, приводя сюда дѣвочку!

— Однако, моя милая, будьте поучтивѣе,—сердито сказалъ князь,—если даже мой планъ представляется вамъ, такъ сказать... необыкновеннымъ. Вы сами, недавно еще, разсказывали мнѣ про своего Гёте: онъ, вѣдь, хотѣлъ жениться на фрейлейнъ Левецовъ, когда ему было почти восемьдесятъ лѣтъ. А Левецовъ была, кажется, еще годомъ моложе, чѣмъ...

Цигебейнъ злобно засмѣялась.

— Теперь опять онъ сравниваетъ себя съ Гёте!—воскликнула она, забывая всякое должное почтеніе.— Нѣтъ, вижу, что надо просвѣтить вашу свѣтлость. Знаете ли, ваша свѣтлость, почему я взяла къ себѣ дѣвочку? Потому что она обручена съ докторомъ Теобальдомъ Мюллеромъ, и я надѣялась, что знакомство съ нею откроетъ его отцу глаза на то, что лучшей жены для своего сына онъ и желать не можетъ.

— Что вы говорите?—вскочилъ и князь съ своего мѣста.— Съ этимъ... этимъ демагогомъ?

Цигебейнъ въ упоръ посмотрѣла на него.

— Не хочетъ ли теперь ваша свѣтлость преслѣдовать его, какъ демагога, за то, что молодая дѣвушка любитъ его?—спросила она.

Князь, сжавъ губы, покраснѣлъ. Пройдясь раза два по комнатѣ тяжелыми шагами, онъ сказалъ, глядя на свою собесѣдницу примирительно.

— Видите ли, дорогая Аглая, въ концѣ концовъ это у нея

лишь юныя мечтанія... Если бы только она прежде узнала, что я могу ей предложить...

Старая дама съ улыбкой покачала головой.

— Любовь не разсчитываетъ, ваша свѣтлость,—отвѣчала она.— Но вы ошибаетесь... Еслибъ даже дитя не было связано словомъ, то и тогда я бы сказала, что она не подходитъ къ той роли, которую вы для нея придумали... Простите мнѣ мою откровенность, ваша свѣтлость,—впрочемъ, я думаю, она и излишня,— не будетъ же ваша свѣтлость стараться отбивать у любимаго человѣка молодую дѣвушку, пріютившуюся подъ вашей кровлей?

Князя передернуло, и онъ отвернулся. Нѣкоторое время онъ простоялъ молча у камина и глядѣлъ на пламя. Вальдманъ, испуганный горячимъ разговоромъ, смотрѣлъ на своего господина печально и безпомощно; наконецъ, вышелъ на середину комнаты и, взявъ въ ротъ кончикъ своего хвоста, сталъ, тихо ворча, кружиться ловко и красиво. Онъ зналъ, что этотъ кунштюкъ всегда забавлялъ его господина.

На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, онъ заставилъ князя заговорить.

— Хорошо,—сказалъ послѣдній, подавая собесѣдницѣ руку.— Благодарю васъ, милая Аглая, за вашу откровенность. Сегодня вечеромъ вы мнѣ разскажете все обстоятельнѣе; теперь же, простите, мнѣ хотѣлось бы остаться одному...—Онъ посмотрѣлъ съ грустною улыбкой на поблекшія черты ея лица, сильно и радостно взволнованнаго:—А, вѣдь, знаете, Аглая, нѣтъ мнѣ у васъ удачи... Тогда, какъ я къ вамъ самой пришелъ съ признаніемъ, вы сказали, что для меня это, по меньшей мѣрѣ, на восемь лѣтъ слишкомъ рано, что мнѣ слѣдуетъ подрости... Да, уже и тогда вы не очень стѣснялись... А теперь, о Боже, выросъ я, кажется, довольно, но опять получаю урокъ отъ васъ, что оно слишкомъ для меня поздно... Посмотримъ, какъ-то мы съ вами дальше уживемся!.. О Боже!..

X.

Мартовскія бури, сильныя и могучія, шумно проносились надъ краемъ. Онѣ сметали съ дубовъ державшуюся еще на нихъ зимою сухую листву и своимъ животворящимъ дыханіемъ пробуждали къ жизни всю природу.

На крыльяхъ этихъ бурь несся еще и духъ свободы. Каждое утро являло новые признаки побѣды весны надъ природой; каждый день приносилъ новыя вѣсти о побѣдѣ духа весны, дремавшаго и оцѣпенѣлаго, казалось, въ сердцахъ народовъ. Достойно было удивленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ легко и безъ сопротивленія опадали, въ вихрѣ этихъ бурь, и сухіе листья съ лѣса германскихъ государствъ, столь долго безобразившіе короны и вѣнчики этого стараго лѣса!

Потрясали мартовскія бури и зубчатыя стѣны стараго княжескаго замка, высившагося надъ маленькой столицей. Фридрихъ Фэрдинандъ прислушивался къ этому съ безстрастною, почти спокойною улыбкой, что составляло такую разительную противоположность тревогѣ окружающихъ. Какая-то новая черта проглядывала въ немъ: тихая, немного грустная доброта, точно мягкій, золотой туманъ, преображающій въ мирный ландшафтъ послѣдніе ясные осенніе дни, когда перелетныя птицы уже улетѣли, а бѣлыя паутинки обвиваютъ полуобнаженныя вѣтки. Старая придворная дама смотрѣла на своего друга-князя съ сострадательнымъ участіемъ; къ нему примѣшивалось также нѣчто въ родѣ чувства аристократическаго удовлетворенія.

— Благородный олень, — думала она. — Молча, безъ жалобъ и не обнажая своихъ ранъ, удаляется онъ и ждетъ, пока онѣ не заживутъ.

Однажды, утромъ, князь вошелъ къ ней; Вальдманъ прыгалъ за нимъ, стараясь схватить сложенную бумагу, которую господинъ его держалъ въ рукѣ. Смѣлымъ прыжкомъ поймавъ ее и присѣвъ на коврѣ, сталъ онъ гордо помахивать хвостомъ, какъ будто приглашая великихъ людей попробовать отнять у него добычу.

— Ну, посмотрите, какъ онъ съ Меттернихомъ прыгаетъ,—сказалъ князь.—Слыхали-ль вы уже объ этомъ, мой другъ? Если нѣтъ, пусть вамъ Вальдманъ прочтетъ. Князь Меттернихъ вышелъ въ отставку.

— Да,—сказала Цигебейнъ и задумалась.—И онъ тоже. Ожидалъ ли онъ этого мѣсяцъ тому назадъ? А теперь собака съ нимъ играетъ! Должно быть, слишкомъ ему тяжело стало.

— Да чего ему еще нужно? — возразилъ князь.—Есть у него Іоганнисбергъ, а владѣть такимъ имѣніемъ въ наше время пріятнѣе, нежели играть въ государственнаго канцлера... Впрочемъ, и тамъ, рядомъ съ нами, тоже клонится къ развязкѣ, какъ вы справедливо говорили. Нашъ добрый майоръ шепталъ мнѣ на ухо уже сегодня утромъ, не прикажу ли я принять военныя мѣры. Ему не даетъ покоя тотъ эскадронъ гусаръ, что призванъ моимъ кузеномъ къ дѣлу. Этакая глупость! Вѣдь онъ, безъ шутокъ, поставилъ всѣ свои владѣнія въ осадное положеніе, а замокъ Луизенлюстъ служитъ ему, какъ Цвингъ-Ури...

Онъ вдругъ замолкъ, увидя внезапно вошедшую Іоганну, съ блѣднымъ лицомъ и заплаканными глазами.

— О, помогите, помогите мнѣ, милостивая государыня,—воскликнула она, а, увидавъ князя, почти упала предъ нимъ на колѣни и, ломая руки, продолжала:—Помогите, ваша свѣтлость! Спасите его! Они его заманили по ту сторону границы и хотятъ тащить въ Луизенлюстъ!

Князь вопросительно смотрѣлъ на пастора Либэтрей, вошедшаго

слѣдомъ за дочерью и стоявшаго предъ нимъ съ выраженіемъ просьбы на лицѣ.

— Это, къ сожалѣнію, справедливо, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ.—Я тотчасъ же поспѣшилъ сюда, чтобы умолять вашу отеческую милость... Докторъ Мюллеръ схваченъ, запертъ въ домѣ казначейства въ Гроссъ-Брейбахѣ, подъ стражей гусаръ. Оказывается, казначей, по высочайшему повелѣнію, заманилъ его туда. Его свѣтлость князь еще раньше приказалъ привести его непремѣнно въ Луизенлюсть, но теперь гусары не могутъ этого сдѣлать: народъ отнялъ у нихъ лошадей и осадилъ казначейство...

Князь ласково поднялъ молодую дѣвушку и подвелъ ее къ Цигебейнъ. Съ любовью глядя на ея заплаканное личико, онъ нѣсколько разъ повторилъ ей:

— Успокойтесь, милое дитя. Ничего худого не будетъ.

— Ваша свѣтлость, что вы хотите дѣлать?—быстро спросила Цигебейнъ.

Князь выпрямился.

— Глупый вопросъ, — сердито сказалъ онъ. — Отчего вы еще здѣсь, а не пошли приказать подать экипажъ?.. Охотничью коляску... и прошу запрячь живо... безъ свиты... Что за чортъ! Неужто и тамъ съ этимъ сбродомъ я одинъ долженъ справляться!.. Тише, тише, милое дитя!.. Я привезу его вамъ въ собственныя руки, если-бъ даже мнѣ пришлось ѣхать за нимъ по слѣдамъ, вплоть до самаго Парижа... Только — хладнокровіе!.. Вотъ, позаботьтесь пока о Вальдманѣ, а вы, господинъ пасторъ, велите Цигебейнъ сварить вамъ грогъ, а то вы имѣете такой видъ, какъ если бы проглотили пророка Іоиля и всю его саранчу...

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ. Лицо его сіяло, а шпоры звенѣли воинственно. Казалось, что онъ вдругъ помолодѣлъ на десять лѣтъ.

XI.

Необыкновенная дружина осаждала широкія, укрѣпленныя толстыми стѣнами ворота казначейства: тутъ были и мужчины и женщины, большею частью въ изорванной одеждѣ, съ изнуренными лицами и всѣ вооруженные вилами, цѣпами и другимъ сельскимъ оружіемъ. Дружину эту сдерживало еще нѣсколько присутствіе грознаго гусара, стоявшаго на часахъ у воротъ и готоваго стрѣлять. Одна только пѣгая Вальдина осмѣливалась нападать. Боязливо и въ то же время свирѣпо, съ поджатымъ хвостомъ и разинутою пастью, стояла она передъ солдатомъ и своимъ неистовымъ лаемъ покрывала даже шумъ толпы. Князь прибылъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ гусаръ оттолкнулъ ногой животное.

— Какъ ты смѣешь?—вскричалъ онъ, поспѣшно проталкиваясь

сквозь толпу, съ удивленіемъ и почтительно разступавшуюся передъ княземъ.

— Какъ ты смѣешь такъ обижать собаку?

Онъ погладилъ Вальдину, которая бросилась къ нему, визжа и съ повисшей передней лапкой. — Если только у собаки нога сломана, я постараюсь, чтобы ты за это отсидѣлъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ, понялъ?

— Слушаю-съ,—сказалъ гусаръ, отдавая честь.

Оставивъ его стоять, князь прошелъ въ ворота. Толпа протѣснилась за нимъ; солдатъ не осмѣливался ее сдерживать! За воротами стоялъ унтеръ-офицеръ съ нѣсколькими гусарами.

— Ага, высшая власть!—проворчалъ князь и подошелъ къ старому унтеръ-офицеру, отдавшему ему честь.

— Такъ это вы, Люббеке?—сказалъ онъ.—Что вы тутъ за глупости дѣлаете? Чортъ бы васъ побралъ! Вы вздумали таскать моихъ подданныхъ?

— Прошу милости, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ,—мнѣ дано особое приказаніе препроводить этого человѣка въ Луизенлюстъ. Его свѣтлость, князь, хотятъ еще сегодня видѣть его приговореннымъ военнымъ судомъ, какъ государственнаго измѣнника.

— Чего хочетъ его свѣтлость князь, это до меня вовсе не касается,—возразилъ Фридрихъ-Фердинандъ.—Этотъ человѣкъ—мой подданный, а теперь, если вы хоть слово скажете и не выдадите мнѣ его сію же минуту, то пусть васъ... Ага! онъ у васъ здѣсь,—перебилъ онъ себя самъ, указывая на дверь, въ которую Вальдина скреблась и выла.—Отворить!

Унтеръ-офицеръ повиновался, мѣшкая.

— Ваша свѣтлость, мнѣ приказано...

— Теперь вамъ приказано—выпустить этого человѣка,—кричалъ князь, толкая дверь.—А-а!.. вотъ вы гдѣ, мой дорогой господинъ докторъ! Я только что услыхалъ, что кому-то хочется еще сегодня видѣть васъ приговореннымъ... Въ васъ видно достаточно предсмертнаго мужества, да, ... однако, оно не годится! Вы мнѣ самому очень нужны. Я васъ назначилъ своимъ личнымъ секретаремъ. Въ теперешнія времена и намъ нуженъ молодой человѣкъ съ цвѣтистымъ слогомъ.

Онъ подалъ руку освобожденному, который пристально смотрѣлъ на него, блѣдный и ничего не понимая, и провелъ его черезъ дворъ.

— Возьмите, пожалуйста, вашу собаку на руки и донесите ее до экипажа; бѣдное животное хромаетъ.

Затѣмъ онъ еще разъ обернулся и посмотрѣлъ на толпу, напряженно и молчаливо слѣдившую за нимъ.

— Ага,—сказалъ онъ,—этотъ тамъ, съ сѣдой головой и старой саблей! Ты, кажется, мірской голова, Петръ Мьебусъ? Да? хорошо.

Иди впередъ! Ты здѣсь, какъ я вижу, совсѣмъ особеннымъ образомъ управляешь міромъ, что? Ну, выбери себѣ теперь шесть или десять порядочныхъ людей, разставь ихъ кругомъ казначейства и смотри у меня, чтобы ничего не пропало. Лошадей же вели тотчасъ отдать солдатамъ. А вы всѣ идите-ка сейчасъ спокойно по домамъ или въ поле, въ особенности женщины. Только смотрите, порядка не нарушать! Все, на что вы жалуетесь, будетъ разсмотрѣно. Когда что кому нужно, обращайтесь прямо ко мнѣ. Вы меня знаете. Но больше никакихъ представленій! Иначе, чортъ васъ всѣхъ побери живьемъ! Посторониться!.. А вы, Люббеке,—продолжалъ онъ, пока послушная и довольная толпа расходилась,—возвращайтесь себѣ спокойно въ Луизенлюстъ, или гдѣ тамъ его свѣтлость назначилъ свою главную квартиру. Если вездѣ творится то же, что здѣсь, то не мѣшаетъ вашему главнокомандующему имѣть васъ поближе къ себѣ. Доложите его свѣтлости, что мой личный секретарь нуженъ мнѣ самому. А если вамъ что понадобится, то для стараго боеваго товарища 1815 года я всегда дома. Поняли?

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Люббеке.

Князь съ достоинствомъ сталъ удаляться, кланяясь солдатамъ, стоявшимъ во фронтѣ, и подошелъ къ своему экипажу. За нимъ шелъ докторъ фонъ-Мюллеръ, съ Вальдиной на рукахъ. У него голова шла кругомъ.

— Ну, вотъ мы опять очутимся не въ столь обширномъ отечествѣ,—сказалъ князь минуту спустя, съ улыбкой глядя на освобожденнаго молодого спутника, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ въ величайшемъ смущеніи.

— Кажется, это первое тяжелое вступленіе въ практическую революціонную жизнь пришлось вамъ не по вкусу, мой милый поэтъ. Хотѣлъ бы я имѣть здѣсь для васъ коньякъ. Въ нынѣшнія времена слѣдовало бы всегда имѣть съ собой средства первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

— Ваша свѣтлость имѣете безграничное право смѣяться надо мною,—возразилъ молодой человѣкъ, печально улыбаясь.—Но я все-таки ничего не понимаю въ этомъ приключеніи, гдѣ мнѣ приходится играть такую, до крайности, жалкую роль... Ваша свѣтлость спасли мою свободу и жизнь; и та и другая принадлежатъ вамъ... Осмѣлюсь ли спросить только, какое будетъ первое распоряженіе вашей свѣтлости относительно меня?

— Вы спрашиваете, куда я васъ везу,—сказалъ князь.—Конечно, въ замокъ. Я, вѣдь, вамъ сказалъ уже разъ: ваша служба мнѣ нужна! Надѣюсь, что теперь вы мнѣ не откажете... Кромѣ того, я обѣщалъ вашей возлюбленной привезти васъ невредимымъ. Да... смотрите такъ на меня въ упоръ! Вамъ бы слѣдовало прочесть хорошую проповѣдь... Единственное, что вы до сихъ поръ сдѣлали умное, это то, что влюбились въ дѣвочку, и именно это вы скрыли

передъ вашимъ отцомъ отечества. Вы, сударь, тиранъ хуже всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы отдѣлываете въ вашихъ стихахъ. Когда обручаются съ молодою дѣвушкой, то стараются это дѣло закрѣпить, а не обнадеживаютъ только бѣдное созданье до тѣхъ поръ, пока господинъ возлюбленный гдѣ-то тамъ распутаетъ Германскій союзъ и перестроитъ Европу... Замѣтьте это себѣ на будущее время, вы, маркизъ Поза!.. Впрочемъ, теперь, кажется, всѣ желанія исполнены, не такъ ли? Съ германской свободой идетъ, какъ на парахъ: крестьяне уже колотятъ своихъ казначеевъ, а Меттернихъ откланялся... Такъ вы ужъ теперь кончайте серіозно съ дѣвочкой. Съ вашимъ отцомъ я самъ поговорю... Но вотъ что я вамъ скажу: если въ теченіе всей вашей жизни вы не будете обращаться съ этимъ кроткимъ, невиннымъ созданіемъ, какъ съ ангеломъ, которымъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, то... то я желалъ бы, чтобы мой двоюродный братецъ собственноручно сегодня же въ Луизенлюстѣ свернулъ вашей милости шею... Ахъ, что тамъ, оставьте ваши глупыя благодарности! Благодарите вашу малютку, а также нашего стараго добраго генія, моего друга, Аглаю фонъ-Цигебейнъ. Вотъ, смотрите вверхъ на мою обсерваторію, въ башнѣ замка: никакъ обѣ женщины стоятъ тамъ и машутъ платками! Совсѣмъ какъ будто я возвращаюсь съ турнира и привожу имъ новаго трубадура. Достаньте же вашу лиру,—вѣдь такіе, какъ вы, всегда ее имѣютъ съ собою!.. Прикажите, пожалуйста, кучеру объѣхать кругомъ, черезъ садовыя ворота, а не городомъ. На сегодня мнѣ довольно народнаго возстанія. Такъ, благодарю. Знаете, если съ обрученіемъ у васъ все обойдется счастливо,—нужно намъ еще послать за обоими господами отцами,—то продайте мнѣ это животное. У васъ оно опять ногу сломаетъ. Да, вообще, къ чему вамъ еще и собака?!

XII.

Сумерками этого знаменательнаго дня, Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ сидѣлъ опять въ своей комнатѣ передъ каминомъ, курилъ сигару и задумчиво глядѣлъ на двухъ пѣгихъ таксъ. Вальдина лежала у камина на одномъ боку, а Вальдманъ, стоя передъ ней, нѣжно лизалъ ея раненную переднюю лапку.

Даже Цигебейнъ, тихо войдя и занявъ свое мѣсто, смотрѣла на эту парочку и дружелюбно улыбалась.

— Наконецъ-то, ваша свѣтлость, владѣете ими,—сказала она.

— Да,—отвѣчалъ князь съ грустною улыбкой,—а докторъ фонъ-Мюллеръ владѣетъ малюткой. Каждому то, что ему слѣдуетъ, не такъ ли?

Онъ затянулся сигарой, отгоняя рукой дымъ отъ своей собесѣдницы.

— Однако, я долженъ сознаться,—продолжалъ онъ,—что это была таки порядочная работа—примирить обоихъ отцовъ. Боже,

какъ мы, старые люди, бываемъ, однако, упрямы!... А что же творится въ остальномъ мірѣ? Съ этимъ сватовствомъ сегодня не дали мнѣ времени управлять государствомъ. И теперь я въ первый разъ не въ духѣ.

— Да вотъ,—сказала Цигебейнъ,—кажется, опять въ шести или семи государствахъ треснуло... Тамъ, рядомъ — тоже. Только что курьеръ прибылъ съ этимъ извѣстіемъ: большой шумъ въ резиденціи, призывъ крестьянъ къ оружію, игорный домъ закрытъ, ополченіе, временное правительство, выступленіе на Луизенлюстъ.... одна гусарская лошадь убита, одинъ адвокатъ, или что-то въ этомъ родѣ, слегка раненъ... Затѣмъ, его свѣтлость Эгонъ-Александръ великодушно положилъ конецъ борьбѣ. Онъ отрекся отъ престола и уѣхалъ, вѣроятно, въ Англію. Въ англійскомъ банкѣ, вѣдь, лежатъ его деньги... «Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше», говоритъ писаніе. За его малолѣтняго племянника управляетъ пока временное правительство: одинъ докторъ, два адвоката и одинъ профессоръ...

— Да перестаньте же говорить мнѣ про этихъ людей, прошу васъ,—перебилъ ее князь.— Что же дѣлаютъ наши любезные подданные?

— Пишутъ адресы, ваша свѣтлость. У нихъ большое совѣщаніе въ домѣ собранія. Говорятъ, банкиръ Ландауэръ сказалъ, что теперь именно настало время для нѣмецкой націи вспомнить о своихъ славныхъ предкахъ. Все это, ваша свѣтлость, получите для прочтенія. Нашъ добрый Бёллерманъ близокъ къ отчаянію. Онъ только что упрашивалъ меня, чтобы я убѣдила вашу свѣтлость позволить зарядить хоть пулями наши четыре пушки, стоящія во дворѣ замка. Я отвѣтила ему, что лучше попрошу вашу свѣтлость позволить выкрасить эти старыя бомбарды заново.

— Мнѣ кажется, онѣ не стоятъ даже новой краски, милая Аглая,— спокойно возразилъ князь.— Куда же прячется пасторъ Либэтрей?

— Раньше онъ былъ тамъ у молодой парочки или въ комнатѣ рядомъ. Кажется, онъ занятъ. Вы же поручили ему говорить завтра воскресную проповѣдь, такъ какъ придворный проповѣдникъ заболѣлъ.

— Ахъ да,—вздохнулъ князь.—Конечно, это будетъ о пророкѣ Іоилѣ?.. Слушайте, что это за шумъ внизу? Не наша ли ужъ это саранча?

Вошелъ майоръ, а за нимъ пасторъ Либэтрей съ женихомъ и невѣстой.

— Простите, ваша свѣтлость, что я осмѣливаюсь войти безъ доклада,—поспѣшно сказалъ майоръ,—въ городѣ смятеніе, большая толпа валитъ сюда.

— Пусть ее валитъ, мой милый,— отвѣчалъ князь, не вставая съ мѣста.— Что же на это говоритъ мой министръ двора?

— Мой отецъ ожидаетъ этихъ людей, ваша свѣтлость,—замѣтилъ докторъ фонъ-Мюллеръ, подходя къ окну.—Это, кажется, большое возстаніе... съ факелами... Они идутъ на площадь передъ замкомъ, къ балкону, мимо часового...

— Повелѣніе вашей свѣтлости!—съ отчаяніемъ махнулъ рукой майоръ и вышелъ.

— Мнѣ кажется, это совсѣмъ мирные люди,—замѣтилъ пасторъ, подходя къ своему будущему зятю.—Депутація, какъ видно, впереди... Господинъ Ландауэръ и директоръ гимназіи...

— Ничего болѣе мирнаго и представить себѣ нельзя,—заявила Цигебейнъ, продолжая сидѣть напротивъ князя.

Князь нагнулся и закурилъ новую сигару. Внизу слышно было многоголосное пѣніе:

«Ледъ таетъ, зима проходитъ,
«Весна для народовъ съ шумомъ идетъ!»

— Дитя мое, слышите?—спросилъ князь Іоганну, благосклонно улыбаясь.—Это его твореніе... Ну, ужъ отъ писанія стиховъ вамъ слѣдуетъ его отучить.

Іоганна покраснѣла, быстро подошла къ князю и, съ нѣжностью взявъ его руку, промолвила, съ тревогой озираясь кругомъ:—О, чего еще могутъ требовать эти люди отъ князя съ такимъ добрымъ, любящимъ сердцемъ!

— Это вы спросите у своего поэта,—сказалъ онъ, лаская ея руку.—Видно, о политикѣ онъ сегодня не говорилъ съ вами, моя маленькая невѣсточка? Но вотъ мы сейчасъ получимъ разъясненіе,—прибавилъ князь, вставая, такъ какъ въ эту минуту вошелъ министръ двора.

— Ну, мой милый, что тамъ за кутерьма?

— Ваша свѣтлость,—бормоталъ сильно встревоженный министръ,—возстаніе... бунтъ... Они требуютъ либеральной конституціи.

— Боже милостивый!—воскликнулъ князь,—такъ дайте имъ ее!

Министръ поблѣднѣлъ и отступилъ назадъ.

— Простите, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ,—преданность моя извѣстна вамъ, но въ виду подобнаго порученія... Мои политическія убѣжденія обязываютъ меня... Прошу васъ, благоволите отпустить меня!

— Вотъ это хорошо!—проворчала фрейлейнъ Аглая.

Остальные присутствовавшіе казались сильно перепуганными.

Съ минуту князь задумчиво глядѣлъ на своего министра. Мало-по-малу лицо его прояснилось.

— Послушайте, мой дорогой, старый другъ,—сказалъ онъ, положивъ руку на плечо министра,—я думаю, что вы правы. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы тоже этого не могъ сдѣлать... Но, мой Боже, я, по самому рожденію своему, долженъ остаться на мѣстѣ

до конца жизни; отреченіе изъ-за своего собственнаго удобства—это единственный политическій грѣхъ, котораго я не прощаю монарху... Мой маленькій двоюродный братъ, Антонъ-Генрихъ, играющій тамъ теперь со скипетромъ и короной, и который впослѣдствіи долженъ будетъ и здѣсь встать у кормила правленія, всего пяти лѣтъ отъ роду. Вотъ я и долженъ еще немного продержаться. Но васъ мнѣ жаль для подобной игры въ министровъ, какъ это теперь въ модѣ... Послѣ, знаете, послѣ, такъ годика черезъ два, не больше, намъ опять будутъ нужны люди, кое-что понимающіе. Тогда... ну, тогда... А до тѣхъ поръ я снисхожу къ вашей просьбѣ, мой дорогой, съ сердечною благодарностью за вашу службу... Этого и говорить незачѣмъ; между такими друзьями, какъ мы, эти фразы ненужны... Приготовьте мнѣ, прошу васъ, декреты: о вашей отставкѣ, о назначеніи васъ кавалеромъ большаго креста нашего фамильнаго ордена, съ брильянтами, да, да... и о назначеніи вашего преемника. Тѣмъ временемъ, сей послѣдній потрудится возвѣстить съ балкона нашему дорогому народу эти пріятныя вѣсти. Итакъ, прошу васъ, господинъ докторъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ! Симъ назначаю васъ своимъ министромъ и поручаю вамъ сообщить это людямъ, стоящимъ тамъ внизу. И конституцію они получатъ; распорядитесь объ избраніи для этого національнаго собранія, такъ что ли?... Относительно борьбы съ рѣчами и пѣснями? Ну, это ваша спеціальность. Чего же вы еще ждете? Да, извинитесь, пожалуйста, за меня передъ вашими друзьями внизу: я никогда еще съ балкона не говорилъ рѣчей.

Съ этими словами Фридрихъ-Фердинандъ повернулся и занялъ опять свое мѣсто у камина. Проявивъ достаточно дѣятельности, онъ ждалъ теперь, чтобы его воля была исполнена.

Новый министръ поцѣловалъ свою невѣсту и приступилъ къ своимъ обязанностямъ.

Что именно говорилъ онъ съ балкона,—въ комнатѣ князя слышно не было. Лишь отъ времени до времени доносилось громкое слово, тотчасъ же покрываемое радостнымъ одобреніемъ. При каждомъ такомъ возгласѣ, Іоганна слегка вздрагивала и краснѣла отъ блаженства. Она стояла въ полуоткрытыхъ дверяхъ между бывшимъ министромъ двора и своимъ отцомъ. Робко взяла она руку стараго дипломата и, съ мольбою въ глазахъ, поцѣловала ее. И онъ долго смотрѣлъ на нее, потомъ поцѣловалъ въ лобъ, пастору подалъ руку и незамѣтно вышелъ изъ комнаты. Іоганна украдкой прослѣдовала въ залу за своимъ возлюбленнымъ; пасторъ шелъ за ней, улыбаясь.

Князь продолжалъ курить и любоваться подаренными ему таксами. Собаки сидѣли теперь одна напротивъ другой, помахивая хвостами и облизываясь.

— Точно два гербовыхъ льва,—сказалъ князь.—Можно надѣяться, что ихъ окраска сохранится въ породѣ.

Цигебейнъ разсѣянно кивнула головой, прислушиваясь къ шуму во дворѣ. А тамъ новый министръ кончалъ свою рѣчь. Разъ еще возвысилъ онъ голосъ для короткой фразы, которую ликующіе граждане повторили нѣсколько разъ. Вдругъ, громаднымъ хоромъ, подобно пушечному выстрѣлу, раздалось:

«Нашему князю Францу-Фридриху-Фердинанду Справедливому—ура!»

Цигебейнъ вскочила, ударивъ своей маленькой, высохшей ручкой по ручкѣ кресла.

— Вотъ такъ слово!—воскликнула она.—И тотъ, кто провозгласилъ о васъ такое прилагательное, ваша свѣтлость, будучи самъ убѣжденъ въ немъ, тотъ и есть настоящій дворянинъ, какого намъ нужно!

— Какъ я радъ этому,—сказалъ князь.—Такъ пусть же онъ для меня постарается, чтобы дворянство не переводилось въ нашихъ владѣніяхъ!

Э. Мюлленбахъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ 1863 ГОДА.

I.

ВЪ 1862 ГОДУ, я вышелъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ Л....ій уланскій полкъ, расположенный въ Херсонской губерніи.

По пріѣздѣ въ городъ, гдѣ находился штабъ, я остановился въ гостиницѣ, служившей сборнымъ пунктомъ для офицеровъ. Въ тотъ же вечеръ я познакомился почти со всѣми своими сослуживцами, которые, какъ оказалось, составляли одну дружную семью.

Пріятно было видѣть обращеніе старыхъ служакъ, эскадронныхъ командировъ, съ офицерами своей части. Оно нисколько не напоминало отношеній начальника къ подчиненному, а походило скорѣе на обращеніе любящаго родителя. Это нисколько не вредило службѣ, такъ какъ во фронтѣ дружескія отношенія стушевывались, и офицеръ видѣлъ въ командирѣ своего любимаго начальника, по слову котораго готовъ былъ броситься въ огонь и воду. По принятому обычаю, всѣ офицеры обѣдали и ужинали у своего эскадроннаго, и никто не осмѣлился бы предложить за это вознагражденіе.

На другой день я отправился къ полковому командиру, флигель-адъютанту барону Дризену, и послѣ любезнаго пріема нашего красиваго и въ высшей степени симпатичнаго полковника поѣхалъ съ визитами.

На четвертый день послѣ моего пріѣзда въ помѣщеніи гостиницы полкъ для мѣстныхъ жителей устроилъ балъ. Комнаты преобразились и приняли торжественный видъ, украсившись зеленью, цвѣтами и арматурами полка. Собраніе было многочисленно, и въ немъ господствовало полное оживленіе. Танцами дирижировалъ штабъ-ротмистръ Протопоповъ, отличный танцоръ, прекрасный и храбрый товарищъ, грудь котораго была украшена георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ на Кавказѣ.

Не бывши знакомъ съ городскими дамами, я не принималъ участія въ танцахъ и находился въ игорной комнатѣ, въ которой помѣщался буфетъ. Въ часъ ночи къ нему подошелъ Протопоповъ, блѣдный и взволнованный. Потребовавъ стаканъ водки, онъ залпомъ выпилъ его и, приказавъ наполнить, вторично опрокинулъ въ себя. Хотя въ полку симпатично относились къ «русскому добру», но выпивка залпомъ двухъ стакановъ удивила товарищей, и Протопопова спросили о причинѣ, такъ его взволновавшей.

— Завтра узнаете, — отвѣтилъ онъ и, возвратившись въ залъ, съ увлеченіемъ принялся дирижировать мазуркой.

Въ теченіе вечера между офицерами пронесся слухъ, что Протопоповъ сдѣлалъ одной дѣвушкѣ предложеніе и будто бы получилъ отказъ. Этому не повѣрили по той причинѣ, что особа, на которую указывали, была не красива и не обладала ровно никакими средствами, а Протопоповъ былъ очень не дуренъ, уменъ и богатъ.

Балъ окончился въ пятомъ часу, а въ восьмомъ меня разбудилъ денщикъ съ словами: «Вставайте, ваше благородіе, штабъ-ротмистръ Протопоповъ изволили застрѣлиться». Пораженный этимъ извѣстіемъ, я быстро одѣлся и бросился въ его квартиру. Несчастный, окруженный тремя офицерами, весь окровавленный, въ одной рубашкѣ, лежалъ на кровати, еще съ признаками жизни. Прибѣжавшіе врачи объявили, что его спасти нельзя, и только приняли мѣры къ облегченію ужасныхъ страданій. На другой день онъ скончался, находясь до послѣдней минуты въ полномъ сознаніи. Столь трагическая кончина любимаго товарища произвела на насъ удручающее впечатлѣніе, и невольное негодованіе обратилось на виновницу этого несчастья.

Вскорѣ послѣ похоронъ, эскадронные командиры получили приказаніе прибыть къ полковому командиру; приказаніе, какъ видно, было экстренное, такъ какъ его доставили конные вѣстовые. Мы предвидѣли что-то особенное и съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенія. Наконецъ, наше любопытство было удовлетворено, и возвратившіеся командиры объявили намъ, что черезъ два дня мы выступимъ въ Кіевскую губернію, въ имѣніе свѣтлѣйшаго князя Лопухина, гдѣ взбунтовавшіеся крестьяне отказались исполнять законное требованіе властей. Эта неожиданность произвела на офи-

церовъ различное впечатлѣніе; одни радовались, другіе, пріобрѣвшіе привязанности, огорчались выступленіемъ, но приказъ былъ отданъ, и въ назначенный часъ мы всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Мы выступили налегкѣ, надѣясь въ непродолжительномъ времени вернуться обратно.

На восьмой день похода мы подошли къ мѣстечку Корсунь, гдѣ бунтовали крестьяне. У входа въ мѣстечко насъ ожидала громадная толпа, въ сравненіи съ которой нашъ полкъ въ четырехъэскадронномъ составѣ представлялъ далеко не грозную силу. Раздалась команда: «Эскадронъ, строй фронтъ». Когда полкъ выстроился въ боевой порядокъ, то командиръ полка, въ сопровожденіи адъютанта и штабъ-трубача, подъѣхалъ къ толпѣ, уговаривая разойтись. Народъ кричалъ, но не двигался съ мѣста. Мало-по-малу задніе ряды стали напирать, и вся масса подвинулась впередъ.

«Сабли вонъ, пики въ руку», скомандовалъ полковой командиръ, подъѣзжая къ полку. «Полкъ поэскадронно впередъ, равненіе направо, рысью маршъ!» — дополнилъ онъ команду, сдѣлавъ красивый жестъ клинкомъ сабли.

Какъ только народъ увидѣлъ стройно идущій полкъ, то шарахнулся врассыпную, очистивъ входъ въ мѣстечко. Зачинщики были арестованы, и, спустя недѣлю, было приказано поставить эскадронъ по сосѣднимъ деревнямъ.

Третьему эскадрону, въ которомъ я находился, назначена была стоянка въ деревнѣ Квитки, расположенной въ десяти верстахъ отъ штаба, оставшагося въ Корсуни. Большая деревня состояла изъ нѣсколькихъ сотъ домовъ, и такъ какъ въ Малороссіи почти при каждомъ домѣ имѣется садикъ, то утопавшія въ зелени Квитки занимали въ окружности нѣсколько верстъ. Встрѣтившіе насъ квартирьеры объявили, что удобныхъ квартиръ для господъ офицеровъ не оказалось, и только единственное сносное помѣщеніе отведено для эскадроннаго командира, причемъ добавили, что есть хорошій особнякъ, но они занять его не рѣшились.

— На какомъ же основаніи ты его не взялъ? —спросилъ старшій офицеръ, обращаясь къ унтеръ-офицеру.

— Ваше благородіе, по словамъ крестьянъ, тамъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ завелась чертовщина.

— Что за вздоръ ты городишь! — со смѣхомъ вскричалъ офицеръ. — Вѣроятно, этотъ вздоръ тебѣ бабы намололи.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; по случаю чертовщины и управляющій изъ него выѣхалъ. А до яблокъ и грушъ въ саду ни одинъ крестьянинъ не дотронется.

— А домъ хорошъ?

— Хорошій, ваше благородіе, четыре большихъ комнаты, кухня и комната для прислуги.

— Мы всѣ можемъ помѣститься? — продолжалъ допрашивать штабъ-ротмистръ Марковичъ.

— Вполнѣ, ваше благородіе.

— А отдадутъ его подъ постой?

— Съ превеликимъ удовольствіемъ.

Мы съ радостью изъявили согласіе и въ количествѣ шести офицеровъ и восьми человѣкъ прислуги направились къ заколдованному домику. Домъ былъ одноэтажный, окруженный большимъ фруктовымъ садомъ и прилично меблированный. Какъ только управляющій узналъ о нашемъ желаніи взять помѣщеніе, то сейчасъ же къ намъ пришелъ. Это былъ мужчина лѣтъ подъ 60, съ очень добродушною физіономіей. Вотъ что онъ намъ сообщилъ:

— Я служу лѣтъ тридцать его свѣтлости и пять лѣтъ тому назадъ былъ переведенъ изъ другаго хутора. Со дня моего переѣзда по ночамъ раздавался какой-то гулъ въ этомъ домѣ, напоминающій стонъ, а иногда случалось, что какая-то невидимая рука переставляла всю мебель. Кое-какъ я промаялся два мѣсяца, но потомъ не выдержалъ и, съ разрѣшенія князя, переѣхалъ въ другой домъ. Въ саду масса яблокъ и грушъ, но озолотите любого крестьянина, а онъ до фруктовъ не дотронется. Ходитъ легенда, что это мѣсто проклятое, и что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ управляющихъ, находясь въ бѣлой горячкѣ, перерѣзалъ всю семью, а въ томъ числѣ грудного ребенка. Мой предмѣстникъ не послушался крестьянъ и построилъ здѣсь домикъ. Въ немъ онъ прожилъ пять мѣсяцевъ и однажды, утромъ, его нашли безъ признаковъ жизни лежавшимъ на полу. Вотъ на его-то мѣсто я и поступилъ. А, можетъ быть, съ вашимъ пріѣздомъ,—закончилъ онъ разсказъ,— все будетъ обстоять благополучно, и нечистая сила оставитъ въ покоѣ этотъ домъ.

Поблагодаривъ управляющаго за сообщенныя намъ свѣдѣнія, нисколько не измѣнившія наше рѣшеніе, мы прекрасно устроились въ помѣщеніи, облюбованномъ сынами ада. Собравшись въ столовой, мы весело болтали, вспоминая прежнюю стоянку.

Вдругъ раздался какой-то гулъ, словно кто-то молотомъ колотилъ по желѣзу, а вслѣдъ за этимъ въ домѣ послышался стонъ. Мы взглянули на часы: было ровно безъ четверти двѣнадцать. Испуганная прислуга выскочила изъ кухни и прибѣжала къ намъ. Съ фонарями въ рукахъ осмотрѣли весь домъ, всѣ закоулки, побывали въ погребѣ, обошли садъ и нигдѣ не нашли ничего подозрительнаго. Гулъ продолжался до четверти перваго, и потомъ все стихло.

— Это первый бенефисъ, устроенный для насъ чертями,—сказалъ штабъ-ротмистръ Марковичъ.—Знаете, господа, я готовъ держать пари, что это не что иное, какъ мистификація. Вѣроятно, кому нибудь понадобилось, чтобы этотъ домъ былъ свободенъ отъ постоя; вотъ и свалили все на чертовщину. Завтра займусь розыскомъ подземелія, и когда его найду, то и духъ пропадетъ.

Мы приняли участіе въ розыскахъ, но подземелья не нашли.

Явилось предположеніе, что кто нибудь по ночамъ забирается въ садъ и, спрятавшись въ немъ, пускаетъ въ ходъ таинственную музыку, а потому, съ разрѣшенія эскадроннаго командира майора Османова, съ вечера, въ садъ были поставлены часовые, а равно и около дома. Но ничего не помогло. На слѣдующій день ровно безъ четверти 12-ть до четверти перваго произошло то же самое, что и наканунѣ. Часовые также слышали стонъ, какъ бы выходящій изъ нашего помѣщенія. Если бы наша прислуга не состояла изъ денщиковъ, то мы бы ея лишились. Только строгая дисциплина могла удержать ихъ на мѣстѣ.

Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ заявилъ намъ, что у него такъ расходились нервы, что онъ сейчасъ же отправляется искать помѣщеніе. Какъ мы его ни уговаривали, ничего не помогло. Черезъ часъ времени онъ возвратился очень довольный, такъ какъ ему удалось нанять у одного крестьянина комнату за три рубля въ мѣсяцъ. Его денщикъ, вѣроятно, съ радости, что покидаетъ проклятое мѣсто, напился пьянъ, и П. вынужденъ былъ отослать его подъ арестъ. При помощи нашихъ денщиковъ товарищъ перебрался на новую квартиру.

Въ назначенный часъ гулъ возобновился, и спустя полъ-часа все стихло. Мы легли спать. Послѣ этого прошло не болѣе двадцати минутъ, какъ въ дверяхъ раздался сильный стукъ, и вслѣдъ за этимъ мы услыхали голосъ покинувшаго насъ П.

— Господа, отворите скорѣе, это я.

Къ намъ вошелъ нашъ товарищъ, блѣдный, какъ полотно. Онъ былъ въ пальто, въ правой рукѣ у него находилась обнаженная сабля и револьверъ, а въ лѣвой рукѣ, съ разбитымъ стекломъ, потухшій фонарь.

— Что случилось съ тобой?—въ одинъ голосъ вскричали мы.

— Чортъ бы побралъ эти проклятыя Квитки,—отвѣтилъ онъ.— Должно быть, всѣ чертенята бросили адъ и перешли сюда на жительство.

Послѣ этого вступленія мы невольно расхохотались.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь, — сказалъ П. обиженнымъ тономъ,—побывали бы вы на моемъ мѣстѣ, то врядъ ли смѣялись бы теперь.

— Да говори, что же съ тобой произошло?—нетерпѣливымъ тономъ спросилъ Марковичъ.

— А вотъ слушайте: въ 12 часовъ я легъ спать. Послѣ пережитыхъ волненій я съ удовольствіемъ окидывалъ взглядомъ свою крошечную комнату. Вдругъ кто-то постучался въ мою дверь. Предполагая, что это хозяинъ, я спросилъ: кто тамъ? Отвѣта не послѣдовало, а стукъ, но еще болѣе сильный, повторился.

Мой денщикъ, какъ вамъ извѣстно, сидитъ подъ арестомъ, но я, желая показать тому, кто ко мнѣ стучится, что я не одинъ,

громко сказалъ: «Иванъ, посмотри, кто тамъ». Вслѣдъ за этимъ раздался третій стукъ, но такой сильный, что дверь задрожала. У меня промелькнула мысль, что мужики вновъ взбунтовались и, пользуясь моимъ одиночествомъ, рѣшились на меня напасть. Ну, думаю себѣ, я дешево не продамъ вамъ свою жизнь. Моментально я вскочилъ съ кровати, надѣлъ пальто, выхватилъ изъ ноженъ саблю, взялъ ее въ лѣвую руку, а въ правую револьверъ. Подойдя къ двери, я локтемъ отбросилъ крючекъ и ногой отворилъ дверь. Корридоръ былъ пустъ. Выходная дверь была заперта деревянною балкой. Тутъ, господа, у меня мурашки забѣгали. Я вернулся въ комнату, зажегъ фонарь и затушилъ свѣчу. Поставивъ въ корридорѣ саблю въ уголъ, я открылъ балку и вышелъ въ огородъ. На улицѣ зги не видать, и несмотря на то, что у меня былъ фонарь, я не могъ отыскать калитку. Пришлось перелѣзать черезъ заборъ. Одной бѣды никогда не бываетъ, вторая всегда спѣшитъ въ догонку; такъ случилось и теперь. Шпорой я задѣлъ за огородъ и, конечно, растянулся на землѣ. Фонарь разбился и потухъ, а мое оружіе вырвалось изъ рукъ. Я его едва собралъ и насилу къ вамъ добрелъ.

При этой фразѣ раздался гомерическій хохотъ. Онъ былъ такъ заразителенъ, что П. самъ расхохотался.

На другой день нашъ товарищъ, выпустивъ изъ-подъ ареста денщика, отправилъ его за вещами, а равно приказалъ призвать хозяина занятой имъ комнаты.

Мы всѣ были въ сборѣ, когда онъ пришелъ на зовъ.

Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти, бѣлый, какъ лунь.

— Ну, братецъ,—сказалъ П.,—данный тебѣ въ задатокъ рубль можешь оставить себѣ, а больше я въ твою проклятую хату не вернусь.

— Спасибо, ваше благородіе, за милость, но деньги ваши я вамъ принесъ обратно, мнѣ на старости лѣтъ не слѣдовало васъ обманывать, но бѣдность заставила польститься на три рубля въ мѣсяцъ. Да вотъ за обманъ-то мнѣ и покраснѣть пришлось.

— За какой обманъ?—спросилъ П.

— Нужно было всю истину открыть вашему благородію, а тогда, если бы вы перешли на фатеру, я бы былъ не причемъ. Изволите ли видѣть, у меня былъ единственный сынъ, добрый, тихій парень. Двадцати лѣтъ я его женилъ. Жена у него была примѣрная, и жили они душа въ душу. Бабенка черезъ годъ принесла мнѣ внучку, да Господу Богу и отдала свою душу. Зачахъ послѣ этого мой сынокъ родимый, даже и годикъ-то не успѣлъ справить и за женушкой любимой на тотъ свѣтъ пошелъ.

Въ голосѣ старика слышалось рыданіе.

— Внучка моя, царство ей небесное, красавица была, вся въ моего покойнаго сына. Моя старуха да я въ ней только утѣху да радость и находили. Подросла она, ну, за ней и стали женихи увиваться. Богачи

были, только ей красавицѣ не по сердцу приходились. Былъ у насъ одинъ бобыль, солдатскій сынокъ, полюбился онъ внучкѣ, и стала она просить нашего благословенія. Мы со старухой даже обрадовались, что разъ мы бобыля въ домъ принимаемъ, ну, и наша внучка при насъ останется. Сыграли свадьбу. Два года счастливо жили, только одного не доставало—дѣтей. Стали мы замѣчать, что нашъ пріемышъ задумываться сталъ. Какъ мы его ни разспрашивали, молчитъ. Послѣ оказалось, что онъ нашу голубку приревновалъ къ какому-то парню, и, видитъ Богъ, напрасно. Однажды ночью онъ зарѣзалъ Машу и самъ съ собой хотѣлъ прикончить. Только Господь смерти не далъ. Его вылѣчили, да судъ на каторгу Петра сослалъ. Не дошелъ только до мѣста, дорогою померъ. Вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ раза два въ мѣсяцъ кто-то стучитъ въ комнаты. По этой причинѣ мы сами изъ нея перешли. Вотъ, ваше благородіе, вашъ рубль. Простите мнѣ старику мой грѣхъ.

П... чуть не насильно заставилъ хозяина взять себѣ деньги.

Изъ штаба полка почти ежедневно пріѣзжали офицеры, чтобы лично убѣдиться въ таинственномъ стукѣ. Наслушавшись его, они сами производили розыски, но результатовъ не достигали. Младшій полковой врачъ Пошехоновъ, любимецъ полка и скептически относившійся къ явленію таинственной силы въ Квиткахъ, рѣшился въ точности изслѣдовать, въ чемъ суть. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ прожилъ съ нами, перерылъ все наше помѣщеніе, и мы начали замѣчать, что онъ сталъ приходить въ нервное настроеніе, стараясь по возможности скрыть это отъ насъ. Мы рѣшились подшутить надъ нимъ и испытать его храбрость, такъ какъ до пріѣзда онъ смѣялся надъ нами. Съ этою цѣлью мы обернули доску простыней и нарисовали углемъ страшную физіономію. Поручикъ Савицкій, спавшій въ одной комнатѣ съ докторомъ, кашлемъ долженъ былъ предупредить о томъ, что нашъ гость заснулъ. Услыхавъ условленный сигналъ, мы приставили къ окну приготовленную фигуру и, прижавшись къ стѣнѣ, палкой постучали въ окно.

Докторъ, проснувшись, схватилъ рядомъ съ нимъ стоявшую винтовку и выстрѣлилъ изъ нея въ окно. Чучело, получивъ зарядъ, упало, а докторъ съ крикомъ «чорта убилъ» выскочилъ въ другую комнату.

Встрѣченный хохотомъ офицеровъ, онъ сначала сконфузился, а потомъ увѣрялъ насъ, что выстрѣлилъ ради шутки, въ увѣренности, что чучело было нами приготовлено. Его растерянный видъ и блѣдность опровергали его слова.

Вскорѣ мы получили приказаніе идти на зимнія квартиры въ мѣстечко Меджибожъ, Подольской губерніи, а вопросъ о таинственномъ явленіи такъ и остался не разъясненнымъ.

II.

Зима прошла очень оживленно. Меджибожъ—небольшое мѣстечко, но въ немъ нашлось нѣсколько радушныхъ семействъ, съ которыми мы дѣлили время. Несмотря на это, мы все-таки съ нетерпѣніемъ желали возвратиться въ Херсонскую губернію; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ первыхъ числахъ мая, рано утромъ, къ квартирѣ полковаго командира, изъ дивизіоннаго штаба прискакалъ жандармъ и вручилъ полковнику пакетъ. По прочтеніи бумаги было отдано приказаніе выступить на другой день и идти форсированнымъ маршемъ въ мѣстечко Устилугъ (Волынской губерніи).

Зачѣмъ, для чего?! На это никто не могъ дать отвѣта, даже и полковой командиръ. Догадокъ и предположеній была масса, но отъ истины мы были далеки.

Быстро совершивъ передвиженіе, мы были остановлены на дневку, не доходя двадцати верстъ до Устилуга, и здѣсь внезапно получили приказъ: отточить сабли и пики, приготовить къ бою карабины, а офицерамъ зарядить револьверы. Причина объяснилась: въ царствѣ Польскомъ вспыхнуло возстаніе! Этой новости мы никакъ не ожидали; вмѣсто того, чтобы возвратиться въ нашу мирную стоянку, намъ приходилось вступить въ край, объятый мятежомъ. Мы сознавали, что партизанская война несравненно тяжелѣе открытой войны: нападеніе изъ-за угла, засады, жестокая расправа мятежниковъ съ плѣнными, отрава—все это вмѣстѣ взятое входило въ планъ польскихъ начальниковъ.

Когда всѣ приготовленія были окончены, мы выступили и черезъ нѣсколько часовъ достигли грязнаго мѣстечка, расположеннаго на берегу рѣки Буга. Ко времени нашего прихода былъ уже сосредоточенъ въ мѣстечкѣ Орловскій пѣхотный полкъ, двѣ сотни казаковъ, конная и пѣшая батарея. Эти войска только и ожидали нашего прибытія, такъ какъ съ нашимъ приходомъ предполагалось перейти Бугъ и вступить въ предѣлы царства Польскаго. Всѣмъ нашимъ отрядомъ командовалъ генералъ-адъютантъ графъ Ржевускій, человѣкъ въ высшей степени гуманный, котораго офицеры и солдаты искренно любили.

Наши поиски мятежниковъ продолжались около двухъ недѣль, но съ переходомъ черезъ Бугъ польскіе отряды скрылись въ непроходимые лѣса, и нашъ отрядъ вернулся, не встрѣтивъ непріятеля.

Вскорѣ нашъ эскадронъ, сотня казаковъ и двѣ роты пѣхоты, составивъ отрядъ, заняли мѣстечко Городно, Люблинской губерніи, расположенное отъ главнаго устюлужскаго отряда въ восьми верстахъ. До начальника нашего отряда дошло извѣстіе, что по сосѣдству съ Городномъ появилась банда въ 500 человѣкъ, и мы получили приказъ выступить ночью.

При эскадронѣ было около 16-ти молодыхъ и плохо выѣзженныхъ лошадей, взятыхъ изъ послѣдняго ремонта. Командиръ рѣшилъ оставить ихъ при восьми уланахъ въ мѣстечкѣ, а офицерамъ было предложено бросить жребій, кому остаться при командѣ. Жребій палъ на мою долю. На всякій случай оставили 50 казаковъ съ урядникомъ во главѣ. При выступленіи отряда мнѣ былъ отданъ приказъ, что если мною будетъ получено свѣдѣніе о наступленіи поляковъ, то немедленно присоединиться къ главному устилужскому отряду.

Цѣлыя сутки прошли благополучно, а на другой день въ 5-ть часовъ вечера пришелъ ко мнѣ какой-то прилично одѣтый мужчина, среднихъ лѣтъ, и, отрекомендовавшись шляхтичемъ Шадурскимъ, объявилъ, что въ двадцати верстахъ отъ насъ, по направленію къ Холму, сегодня вечеромъ будетъ сосредоточена партія въ 300 человѣкъ повстанцевъ.

Извѣстіе это меня озадачило. Если дать вѣру показанію неизвѣстнаго мнѣ человѣка и отступить, значило поднять на ноги отрядъ и въ случаѣ ложной тревоги можно было навлечь неудовольствіе начальства. Я послалъ за урядникомъ.

Бравый урядникъ Шуруповъ, съ тремя Георгіевскими крестами на груди, тотчасъ явился ко мнѣ.

Я передалъ ему о сообщеніи Шадурскаго. Послѣ короткаго совѣщанія мы рѣшили взять десять казаковъ изъ бывалыхъ въ огнѣ и осмотрѣть окрестность. Отдавъ приказаніе уланскому унтеръ-офицеру ночью держать осѣдланныхъ лошадей и при первомъ услышанномъ выстрѣлѣ отступить, я вечеромъ съ казаками выступилъ изъ Городна. Урядникъ также поѣхалъ съ нами. Въ разъѣздахъ казаки незамѣнимы; имъ не надо отдавать приказаній относительно осторожности, они сами соблюдаютъ мертвую тишину, зная превосходно службу. Каждую четверть часа мы останавливались; урядникъ соскакивалъ съ коня, прикладывалъ ухо къ землѣ, потомъ докладывалъ: «Можно ѣхать, подозрительнаго ничего нѣтъ».

Наконецъ, мы добрались до указанной Шадурскимъ деревни. Урядникъ вызвался одинъ войти въ нее пѣшкомъ и разузнать суть. Отдавъ лошадь казаку, онъ ползкомъ направился въ селеніе. Прошло полчаса: полная тишина господствовала кругомъ, у каждаго изъ насъ болѣзненно сжималось сердце за участь храбраго Шурупова, беззавѣтно жертвовавшаго собой, безъ всякой рисовки и безъ всякаго принужденія. Что если онъ попадется? Какая ужасная, мучительная смерть ожидаетъ его? Эти вопросы неотвязно приходили на умъ. Меня въ особенности мучило сознаніе своего безсилія; въ случаѣ, если храбрецъ попадется, мы не могли оказать ему никакой помощи.

Вдругъ раздался его голосъ: «Ваше благородіе, вамъ все набрехали, никакой банды не только нѣтъ въ деревнѣ, да и по близости не находится». Въѣхавъ въ селеніе, мы остановились около корчмы.

Угостивъ казаковъ водкой и давъ передышку лошадямъ, мы на рысяхъ возвратились въ Городно.

Сорокаверстный переходъ такъ утомилъ меня, что по возвращеніи домой я заснулъ, какъ убитый.

Вдругъ слышу съ просонья громкій стукъ въ окно. Вскочивъ съ кровати, я услышалъ знакомый мнѣ голосъ командира стрѣлковой роты поручика В...., кричавшаго съ улицы: «Ради Бога одѣвайтесь скорѣе, наступающая банда въ тысячу человѣкъ можетъ отрѣзать намъ отступленіе».

Это извѣстіе такъ меня ошеломило, что, несмотря на то, что мое платье лежало рядомъ съ кроватью, я впопыхахъ не могъ его отыскать, а между тѣмъ голосъ ротнаго командира становился все настойчивѣе. Кое-какъ одѣвшись, я выскочилъ на улицу. Уланы уже были готовы, а равно и казаки. Стрѣлковая рота стояла въ боевомъ порядкѣ.

Вѣроятно, подумалъ я, Шадурскій ошибся, и повстанцы рѣшились напасть на насъ съ другой стороны.

— Ну, ужъ доложу вамъ,—сказалъ мнѣ ротный командиръ, когда мы благополучно миновали мѣстечко, — и сердитъ на васъ графъ. Не миновать вамъ строгаго взысканія.

— Да что же случилось?—сказалъ я.

— Я получилъ приказаніе на подводахъ скакать къ вамъ на выручку. Его сіятельство лично получилъ извѣстіе о томъ, что сегодня поляки нападутъ на васъ въ количествѣ тысячи человѣкъ.

— А я тутъ причемъ?—спросилъ я.

— На это я вамъ не могу дать отвѣта, а знаю одно, что генералъ очень на васъ сердитъ.

По прибытіи въ Устилугъ, я отправился прямо къ начальнику дивизіи.

Когда я вошелъ въ пріемную, спустя нѣсколько минутъ, графъ потребовалъ меня въ кабинетъ.

Я еще никогда не видалъ своего начальника такимъ сердитымъ, какъ въ тотъ моментъ.

Всегда ласковый и внимательный къ своимъ подчиненнымъ, генералъ былъ просто неузнаваемъ. Онъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, а когда я вошелъ, грозно посмотрѣлъ на меня.

— Я долженъ буду васъ подъ судъ отдать! Такой беспечности я еще не встрѣчалъ! Если вамъ ваша жизнь недорога, то жизнь вашихъ подчиненныхъ должна быть для васъ священна. Понимаете ли вы это?!

Я хранилъ молчаніе.

— Что же вы не отвѣчаете?

— Ваше сіятельство, я не знаю, въ чемъ обвиняюсь.

— Какъ не знаете!—громовымъ голосомъ возразилъ графъ.—Васъ предупреждаютъ, что поляки должны напасть на вашу кучку сол-

дать, а вы не только не отступаете, какъ вамъ было приказано, но и знать мнѣ не даете.

Я тотчасъ догадался, что Шадурскій былъ у графа. Теперь мнѣ стало ясно, что проходимецъ, не получившій отъ меня награды за ложное сообщеніе, отправился къ главному начальнику.

— Ваше сіятельство,—сказалъ я,—ужъ не Шадурскій ли доложилъ вамъ о нападеніи?

— Ну, да, онъ.

— Когда я выслушалъ его сообщеніе, то я не смѣлъ, не провѣривъ его, отступить и съ десятью казаками отправился въ селеніе Малявки. Доносъ оказался ложнымъ, и я возвратился обратно.

Послѣ моихъ словъ графъ позвонилъ. На зовъ явился дежурный ординарецъ.

— Сходите въ постоялый дворъ Беренштейна и приведите ко мнѣ шляхтича Шадурскаго поскорѣе.

— Садитесь,—сказалъ мнѣ графъ уже спокойнымъ тономъ.

Спустя четверть часа, явился ординарецъ съ докладомъ, что неизвѣстный хозяину постоялаго двора панъ, назвавшійся Шадурскимъ, удралъ ночью, не заплативъ за комнату, за чай и ужинъ.

— Извините меня, корнетъ, что я погорячился,—сказалъ мнѣ начальникъ дивизіи, протягивая руку.—Этотъ негодяй, не успѣвшій отъ васъ выманить деньги, обманулъ меня и вытянулъ 25 рублей.

Когда я удалился, графъ послалъ контръ-приказаніе о томъ, чтобы отрядъ, назначенный для открытія несуществующей банды, оставался на мѣстѣ.

По приказанію графа, начальникъ штаба выдалъ изъ суммъ графа сопровождавшему меня урядчику пять рублей, а девяти казакамъ по рублю. Впредь до возвращенія въ Городно нашего отряда, мнѣ было приказано оставаться въ Устилугѣ.

III.

При главной квартирѣ жилось очень весело; офицеры, хотя и разныхъ родовъ оружія, жили дружно, постоянно всѣ вмѣстѣ собирались, устроивая ежедневно пирушки съ музыкой и пѣсенниками.

Евреи отлично вели свои дѣла, гешефтъ для нихъ былъ прекрасный; офицерство, получивъ подъемныя деньги и двойныя фуражныя, было при деньгахъ, и израильтяне съ ловкостью, которой позавидовалъ бы и самъ Боско, перекладывали наши деньги въ свой карманъ. Правда, что довольно часто казацкая нагайка прогуливалась по спинамъ жидковъ, но они на это претензіи не заявляли, залѣчивая рубцы выуженными рублями.

Офицерство положительно не могло обойтись безъ еврейскихъ услугъ. Не успѣешь открыть глаза, какъ въ пріотворенную дверь просовывается голова съ пейсами, ожидая приказаній. И какихъ

только не возлагается на него порученій! Для жида слово «невозможно» не существуетъ. Онъ все достанетъ, хотя бы для этого понадобилось опуститься на дно морское.

Замѣчательнѣе всѣхъ устилужскихъ факторовъ былъ жидокъ «Шлемка рыжій». Худой, длинный, съ клинообразною бородкой и кривой на одинъ глазъ, онъ продѣлывалъ изумительныя штуки.

Офицеры его любили, но ему частенько доставалось отъ мѣстныхъ жителей за возложенныя на него офицерствомъ порученія.

Въ Устилугѣ проживала одна красавица полька, любившая кутнуть въ офицерской компаніи. Ея некрасивый мужъ ужасно ревновалъ свою супругу и пряталъ ее подъ нѣсколькими замками, но, несмотря на это, Шлемка находилъ возможность не только передавать ей записки, но даже доставлялъ ей возможность пожуировать. Однажды онъ попался въ руки сердитаго мужа и, вернувшись домой, не досчитался трехъ зубовъ и одного пейса. Это не помѣшало ему на другой день передать красавицѣ пригласительную записку и принести отвѣтъ. Понадобятся ли во время ночной пирушки вино, деньги или что нибудь другое, Шлемка все достанетъ. За свой трудъ онъ никогда не назначалъ платы, дайте ему злотъ или рубль, онъ одинаково доволенъ и благодаритъ. Зато его никто и не обижалъ, а наживалъ онъ гораздо больше другихъ факторовъ.

Когда нашъ отрядъ возвратился, я покинулъ главную квартиру и отправился въ Городно, и здѣсь мнѣ разсказали слѣдующее.

Отрядъ прошелъ громадное количество верстъ, но непріятель точно сквозь землю провалился, и поэтому столкновенія не произошло. Несмотря на это, въ эскадронѣ оказалось двое легко раненыхъ уланъ. Вотъ какъ, по словамъ очевидцевъ, произошло это несчастіе: придя на ночлегъ, начальникъ отряда изъ еврейскаго источника получилъ свѣдѣніе, что въ 15-ти верстахъ расположилась банда. Такъ какъ пѣхота была измучена 60-ти-верстнымъ переходомъ, то было приказано послать эскадронъ впередъ, съ тѣмъ, чтобы онъ затормозилъ движеніе банды, до тѣхъ поръ пока отдохнутъ солдаты. Хотя лошади и уланы очень утомились, эскадронъ пошелъ на рысяхъ. Наступила темная ночь. Подойдя къ деревнѣ, въ которой находился непріятель, эскадронный командиръ, оставивъ второй полу-эскадронъ въ резервѣ, съ первымъ полу-эскадрономъ тронулся впередъ, раскинувшись цѣпью. Сначала раздались близъ деревни одиночные выстрѣлы съ аванпостовъ, а потомъ грянулъ залпъ. Командиръ приказалъ трубачу подать сигналъ сбора раскинутой цѣпи. Какъ только услышали сигнальные звуки трубы, изъ деревни рожки заиграли отбой. Недоразумѣніе тотчасъ объяснилось: не поляки, а нашъ Люблинскій отрядъ былъ принятъ за непріятеля. Къ счастію, ночная темнота не позволила цѣлить пѣхотѣ и, благодаря Бога, приключеніе ограничилось тѣмъ, что наши два улана были легко ранены.

До насъ все чаще и чаще доходили свѣдѣнія о звѣрствахъ, совершаемыхъ возмутившимися поляками надъ плѣнными. Ожесточеніе въ войскахъ росло и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣчи съ врагомъ. Но польскіе начальники дѣйствовали осторожно, избѣгая встрѣчи и изнуряя отряды постоянными передвиженіями. Извѣстіе о звѣрскомъ убійствѣ командира Муромскаго полка въ Плоцкѣ, кавказскаго героя Козлянинова, тяжело отозвалось въ русскихъ сердцахъ. До назначенія въ Плоцкъ онъ прослужилъ болѣе 20-ти лѣтъ на Кавказѣ, принималъ участіе во многихъ битвахъ, но Провидѣніе, охранивъ Козлянинова отъ черкескихъ пуль, допустило пасть не на полѣ брани, а отъ руки подлаго убійцы. Отвага полковника была извѣстна на Кавказѣ, и грудь храбреца была вся украшена орденами за боевое отличіе. По прибытіи въ полкъ онъ въ самое короткое время успѣлъ пріобрѣсти любовь и расположеніе муромцевъ. Когда вспыхнуло возстаніе, полковникъ во главѣ одного батальона выѣхалъ на встрѣчу возмутившейся толпѣ. Ему было жаль этихъ несчастныхъ, вооруженныхъ только топорами и косами, и которые подъ вліяніемъ агитаторовъ шли на вѣрную погибель. Одного батальоннаго залпа было достаточно, чтобы разогнать эту на видъ грозную массу. Великодушіе погубило командира. Остановивъ батальонъ и приказавъ взять ружья къ ногѣ, онъ одинъ, безъ конвоя, поѣхалъ къ толпѣ, также остановившейся отъ изумленія, при видѣ ѣдущаго въ одиночествѣ всадника. Громкимъ и твердымъ голосомъ сталъ онъ уговаривать возставшихъ разойтись по домамъ и, помня святость присяги, оставаться вѣрными тому, кому присягали. Задушевная рѣчь начала производить свое дѣйствіе: толпа въ нерѣшимости стояла, опустивъ голову. Многіе сняли шапки. Одинъ изъ поляковъ, начальниковъ, видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, ударомъ топора раскроилъ черепъ великодушному герою, и онъ, не успѣвъ произнести слова, бездыханнымъ упалъ съ лошади. Ошеломленные неожиданною смертью полковника, солдаты словно замерли. Но это продолжалось одно мгновеніе. Батальонъ, какъ одинъ человѣкъ, не ожидая команды, бросился въ штыки и кровавою тризной помянулъ своего отца-командира. Изъ-за одного негодяя поплатились жизнью нѣсколько сотъ человѣкъ. Во время похоронъ полковаго командира офицеры и солдаты плакали навзрыдъ. Особенно трогательна была картина, когда выносили изъ храма тѣло героя: его супруга, вѣрная спутница его кавказской жизни, обезумѣвшая отъ горя, бросилась къ солдатамъ съ словами: «братцы, отомстите врагамъ родины за смерть моего мужа, а вашего отца!» «Отомстимъ, матушка, будь спокойна»,— отвѣтилъ полкъ.

Муромцы исполнили обѣщаніе и во всѣхъ дѣлахъ дрались съ изумительною отвагой.

Вскорѣ послѣ описаннаго событія мы получили извѣстіе, что нашъ четвертый эскадронъ, стоявшій въ Грубешовѣ, въ 20-ти вер-

стахъ отъ нашего отряда, только случайно не сдѣлался жертвою отравы. Для провѣрки этого слуха нашъ эскадронный командиръ послалъ меня въ Грубешово. Прибывъ въ городъ, я остановился у майора Поливанова, и вотъ что онъ мнѣ сообщилъ:

«Три дня тому назадъ приходитъ ко мнѣ какой-то бѣдно-одѣтый шляхтичъ и говоритъ: панъ майоръ, вчера въ моей квартирѣ было совѣщаніе, чтобы отравить весь вашъ эскадронъ, и начальство порѣшило положить сегодня въ котелъ мышьяку. Я всю ночь не могъ уснуть. Мнѣ такъ и представлялись несчастные и неповинные солдаты, умирающіе въ страшныхъ мученіяхъ. Я рѣшился открыть пану майору эту тайну, сознавая, что могу за это поплатиться головой. Если со мною случится несчастіе, то именемъ Богородицы прошу принять подъ свое покровительство моихъ двухъ дѣтей, сына девяти лѣтъ и дочь шести лѣтъ. Я хотя и дворянинъ, но занимаюсь сапожнымъ мастерствомъ, и послѣ моей смерти дѣти могутъ умереть съ голоду. Я,—продолжалъ свой разсказъ майоръ,—бросился изъ квартиры и подбѣжалъ къ кухнѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда только что хотѣли раздавать обѣдъ; опоздай я на полъ-часа, моего эскадрона не существовало бы. Приглашенный врачъ нашелъ пищу отравленною. Возвратившись домой, я написалъ рапортъ и послалъ вахмистра, чтобы достойно отблагодарить человѣка, спасшаго моихъ уланъ.

Вскорѣ вахмистръ, едва удерживая слезы, вошелъ ко мнѣ, ведя за руки рыдающаго мальчика и дѣвочку: «ваше благородіе,— прерывающимся отъ волненія голосомъ доложилъ онъ,—тотъ, кого вы приказали привести, найденъ мною въ его комнатѣ повѣшаннымъ, а на груди приколота бумага съ надписью на польскомъ языкѣ: «такъ жондъ наказываетъ измѣнниковъ». Дѣточекъ, вѣроятно, ожидала та же участь, да ихъ не было дома; они вошли въ домъ къ отцу вмѣстѣ со мною».

Когда я вернулся въ отрядъ и передалъ разсказъ майора Поливанова, озлобленіе къ полякамъ еще болѣе усилилось.

Послѣ неудавшагося покушенія у насъ были приняты обширныя мѣры предосторожности. Назначенъ былъ дежурный по эскадрону офицеръ и три дежурныхъ унтеръ-офицера, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за провизіей и за варкою пищи, а также увеличено количество постовъ. Вскорѣ мы узнали, что высочайшею милостью дѣти несчастнаго сапожника обезпечены на всю жизнь. Нашъ отрядъ продолжалъ стоять въ бездѣйствіи, и нашимъ искреннимъ желаніемъ было поскорѣе покинуть отвратительную стоянку.

IV.

Наконецъ, желанный часъ насталъ: состоялся приказъ о выступленіи въ Варшаву. Разбросанному по разнымъ мѣстамъ полку

предписано собраться въ Городно, а равно и Клястицкому гусарскому полку.

Отъ предстоящаго похода мы всѣ были въ восторгѣ; однако радость выступленія была омрачена извѣстіемъ, что любимый нами начальникъ, графъ Ржевускій, согласно своей просьбѣ, покидаетъ насъ. На мѣсто графа былъ назначенъ герой турецкой войны, генералъ Багговутъ, прозванный «серебрянымъ черепомъ». Это названіе генералъ получилъ вслѣдствіе того, что, раненный осколкомъ гранаты въ голову, онъ лишился части черепа, которая и была замѣнена серебряною пластинкой.

Когда сборы были окончены, мы въ полномъ боевомъ порядкѣ тронулись въ путь. На второмъ переходѣ насъ нагналъ новый начальникъ дивизіи и принялъ весь отрядъ подъ свое начальство. Солдаты и офицеры съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на генерала, легендарная храбрость котораго была извѣстна войску. «Съ такимъ орломъ не пропадешь»,—слышалось въ рядахъ послѣ проѣзда генерала.

На четвертый день похода въ одномъ мѣстечкѣ намъ была назначена двухдневная остановка. Командиръ перваго эскадрона гусарскаго полка отправилъ въ сосѣднюю деревню одного унтеръ-офицера и рядового для закупки фуража. Проходитъ день, ночь, а фуражиры не возвращаются. Встревоженный подполковникъ доложилъ объ этомъ генералу, который немедленно приказалъ выслать на розыски казачью сотню. Къ вечеру казаки возвратились съ извѣстіемъ, что по собраннымъ свѣдѣніямъ фуражиры попали въ плѣнъ польскому разъѣзду.

Получивъ это донесеніе, генералъ Багговутъ потребовалъ къ себѣ бургомистра и мѣстнаго ксендза.

— Послѣзавтра я выступаю,--сказалъ начальникъ отряда, обращаясь къ ксендзу и бургомистру:—если къ тому времени плѣнные гусары не будутъ освобождены, то передъ выступленіемъ я превращу ваше мѣстечко въ груды развалинъ, причемъ, конечно, не поручусь за безопасность жителей. Вотъ вамъ свободный пропускъ; дѣлайте, какъ знаете, поѣзжайте, куда хотите, слѣдить за вами не буду, въ томъ порукой моя честь, нô помните, что Багговутъ всегда исполняетъ свое обѣщаніе и къ ложнымъ угрозамъ никогда не прибѣгаетъ.

Къ вечеру вернулся гусарскій унтеръ-офицеръ, и вотъ его подлинный разсказъ:

«Закупивъ сѣно, мы уже собрались домой, когда неожиданно человѣкъ 30-ть поляковъ, одѣтыхъ въ разные костюмы, въѣхали въ деревню. О сопротивленіи нельзя было и думать, съ голой саблей ничего не подѣлаешь. Насъ схватили, завязали глаза и бросили въ повозку. Ѣхали мы приблизительно около двухъ часовъ. Когда мы остановились, то съ насъ сняли повязки. Оказалось, что мы

находимся въ лѣсу среди какого-то оборваннаго сброда, но были и франты, въ такихъ же венгеркахъ, какъ и наши гусарскія. Къ намъ подошелъ ихъ начальникъ и сказалъ намъ, что если мы не согласимся перейти къ нимъ на службу, то насъ повѣсятъ. А если поступимъ, то намъ будутъ давать хорошее кушанье, по злоту въ день и по двѣ кружки пива. Я отказался наотрѣзъ, но рядовой изъ поляковъ изъявилъ согласіе. Отрядный ксендзъ немедленно привелъ его къ присягѣ. Мой отказъ возмутилъ начальника, который, обозвавъ меня «московской собачьей кровью», приказалъ скрутить мнѣ руки и ноги и бросить подъ дерево, причемъ сказалъ, что если къ утру я не измѣню рѣшенія, то на этомъ же деревѣ буду вздернутъ. Одинъ Богъ знаетъ, какъ тяжело было у меня на душѣ. Мнѣ предстояло два выбора: умереть позорною смертью, безъ покаянія, вдали отъ своихъ, или сдѣлаться клятвопреступникомъ. Какъ ни отвратительна мнѣ казалась смерть черезъ повѣшеніе, но я рѣшился на первый выборъ, чѣмъ сдѣлаться измѣнникомъ батюшкѣ царю и дорогому отечеству. Всю ночь я не сомкнулъ глазъ. Связанныя руки и ноги затекли, а врѣзавшіяся въ тѣло веревки причиняли страшное страданіе. Между тѣмъ и голодъ давалъ себя чувствовать, а мнѣ, кромѣ одного ломтя черстваго хлѣба да кружки воды, ничего не дали. Утромъ пришелъ ко мнѣ нашъ измѣнникъ и началъ меня соблазнять; ужъ чего только онъ не нахвасталъ, а все-таки я своего рѣшенія не измѣнилъ. Насколько я могъ замѣтить, у нихъ въ отрядѣ превеликое пьянство происходитъ, а на счетъ дисциплины у нихъ плохо, хотя они и величаютъ начальство «панъ пулковникъ», «панъ поручникъ», но субординаціи нѣтъ, однимъ словомъ сбродъ. Скоро меня потребовали къ начальнику и снова уговаривали перейти на службу. Я опять отказался. Меня снова обругали и отослали на мѣсто. Около меня поставили столъ, пять стульевъ и кресло. Вскорѣ пришли шесть человѣкъ въ кунтушахъ и усѣлись вкругъ стола. Начальникъ занялъ предсѣдательское мѣсто. Я догадался, что это назначенъ военный судъ. Судьи очень шумѣли и кричали. Кончили тѣмъ, что мнѣ еще дали отсрочку на два часа. Когда прошелъ срокъ, опять начальство спросило меня, не одумался ли я, и, получивъ отказъ, приказало меня повѣсить. Ко мнѣ подошли четыре оборванца и подняли на ноги. Одинъ изъ нихъ влѣзъ на дерево, прикрѣпилъ веревку, а другой въ это время принесъ стулъ. Меня на него поставили, и я, мысленно попросивъ у Господа прощенія, сталъ ожидать смерти. Когда мнѣ накинули петлю, мурашки пробѣжали по тѣлу, а въ глазахъ потемнѣло. Вдругъ вижу, на поляну верхомъ въѣхалъ ксендзъ и, издали увидавъ приготовленіе къ казни, закричалъ во все горло: «не вѣшайте, погодите!» При этомъ крикѣ тотъ полякъ, который собирался вырвать у меня изъ-подъ ногъ стулъ, опустилъ руку. Ксендзъ соскочилъ съ лошади и о чемъ-то долго и горячо говорилъ

съ начальникомъ. Созвали опять совѣтъ. Очень долго спорили, а прискакавшій ксендзъ нѣсколько разъ поднималъ руки къ небу. Начальникъ приказалъ снять съ меня петлю, развязать ноги и подвести къ столу. «Поляки ради твоей храбрости дарують тебѣ жизнь, — сказалъ онъ, — молись за нихъ. Ты свободенъ». Потомъ призвали моего товарища, и ему начальникъ сказалъ: «Если желаешь возвратиться въ полкъ, мы тебя освободимъ отъ данной присяги и отпустимъ». «Не желаю»,—отвѣтилъ проклятый полякъ-измѣнникъ. Начальникъ снова обратился ко мнѣ и сказалъ: «Слышалъ его отвѣтъ, передай его твоему генералу». Послѣ этого мнѣ завязали глаза, посадили въ повозку и, не доѣзжая трехъ верстъ до нашего отряда, освободили. Саблю и казенныя деньги 36 рублей на память себѣ оставили».

Утромъ мы выступили. Чѣмъ дальше мы углублялись въ царство Польское, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе чувствовалось, что страна охвачена возстаніемъ. Кругомъ насъ въ большихъ лѣсахъ скрывались шайки, но наша цѣль заключалась не въ ихъ преслѣдованіи, а въ скорѣйшемъ прибытіи въ Варшаву, гдѣ ощущалась надобность въ кавалеріи, и поэтому истребленіе бандъ было возложено на люблинскіе отряды. Мы двигались по шоссе, окруженному лѣсомъ. Два полка кавалеріи, двѣ сотни казаковъ, баталіонъ пѣхоты и двѣ батареи, сопровождаемыя обозами, растянулись на нѣсколько верстъ. Во избѣжаніе неожиданнаго нападенія, шагахъ въ трехъ стахъ отъ шоссе, по лѣсу, ѣхали наши наѣздники, съ карабинами въ рукахъ, а также были разсыпаны стрѣлковыя цѣпи. Несмотря на всю невыгодность нашего расположенія, повстанцы не рѣшались насъ атаковать, и мы благополучно достигли Люблина и близъ самаго города расположились бивуакомъ.

Мы отправились осматривать городъ, расположенный на гористой мѣстности и какъ бы утопавшій въ зелени. Строенія хорошія. Прекрасные рестораны и кондитерскія, отличавшіяся дешевизной: за два злота давали хорошій обѣдъ изъ пяти блюдъ и чашки кофе. Но, несмотря на всѣ люблинскія прелести, у каждаго изъ насъ не легко было на сердцѣ. Видно было, что всѣ жители считають насъ своими заклятыми врагами, и мы постоянно встрѣчали злобные и ненавистные взгляды.

Городъ, прежде столь оживленный, теперь казался мертвымъ. Женщины безъ исключенія носили глубокій трауръ, говорю безъ исключенія, такъ какъ и русскія барыни, во избѣжаніе уличнаго скандала, носили черныя платья. Если бы которая нибудь изъ нихъ появилась на улицѣ не въ траурномъ одѣяніи, то не только уличные мальчишки, но даже и взрослые патріоты изъ интеллигенціи считали своимъ долгомъ надругаться надъ дерзкой, осмѣлившейся сдѣлать исключеніе. Съ несчастной срывали костюмъ и нагою оставляли на улицѣ. Кромѣ того, насъ волновало еще болѣе

сильное чувство: въ сорока верстахъ происходило горячее дѣло между люблинскимъ отрядомъ и польскою бандой, о чемъ сообщилъ прискакавшій казакъ. Въ 8 часовъ вечера отрядъ, принимавшій участіе въ бою, возвратился въ Люблинъ. Мы бросились встрѣчать его. Измученныя войска едва двигались; загорѣлыя лица были запачканы порохомъ, а разорванные мундиры свидѣтельствовали, что битва была упорная. Позади отряда въ простыхъ телѣгахъ ѣхали наши раненые; стоны ихъ были слышны издалека. Намъ въ первый разъ приходилось видѣть раненыхъ, и впечатлѣніе было крайне тяжелое. Когда ихъ стали выносить изъ повозокъ, для того, чтобы внести въ госпиталь, стоны усилились. Въ числѣ пострадавшихъ былъ одинъ пѣхотинецъ, получившій тридцать ранъ косой. Несчастный солдатъ, почти превращенный въ котлетку, жалобно умолялъ, чтобы его прикололи. По окончаніи переноски мы перезнакомились съ офицерами и вотъ что узнали отъ нихъ: силы люблинскаго отряда состояли изъ двухъ ротъ, сотни казаковъ и двухъ орудій казачьей батареи. Въ пять часовъ утра, оставивъ деревню, отрядъ, пройдя версты три, вошелъ въ лѣсъ и тотчасъ былъ атакованъ бандою въ двѣ тысячи человѣкъ. Началась битва. Польская молодежь лихо дралась, и нашимъ приходилось плохо, такъ какъ, окруженные лѣсомъ, они не могли развернуть всѣ свои силы.

Косиньеры нѣсколько разъ бросались на наши орудія и, несмотря на картечные выстрѣлы, ихъ съ трудомъ отстояли. Въ виду плохой позиціи начальникъ отряда приказалъ отступать, но въ это мгновеніе двѣ лошади подъ однимъ орудіемъ пали. Моментъ былъ критическій, косиньеры вновь пошли въ атаку. Лихой казачій хорунжій (фамилію котораго я, къ сожалѣнію, позабылъ) соскочилъ съ своей лошади, лично впрягъ ее подъ орудіе и такимъ образомъ вывезъ его на поляну. Здѣсь счастіе измѣнило полякамъ. Банда, увлеченная успѣхомъ, вышла изъ лѣса, надѣясь окончательно уничтожить отрядъ. Удачными картечными выстрѣлами и дружными залпами былъ охлажденъ пылъ атакующихъ. Они остановились. Этимъ моментомъ воспользовались казаки и, взявъ пики на перевѣсъ, съ гикомъ кинулись впередъ. Банда дрогнула и бросилась въ разсыпную. Наши потеряли убитыми 20-ть человѣкъ, ранеными 62. Взято въ плѣнъ 40 поляковъ, а число убитыхъ не могло быть приведено въ извѣстность.

Нашихъ новыхъ знакомыхъ мы пригласили въ свои палатки, и ночь прошла въ самомъ оживленномъ разговорѣ.

По ихъ отзывамъ, польская молодежь дралась съ большою отвагой, но ихъ начальство, не знакомое съ тактикой, дѣлало промахи на каждомъ шагу; совершенно зря посылало людей на вѣрную смерть, издали слѣдя за ходомъ битвы и при малѣйшей опасности удирало съ поля сраженія, бросая своихъ подчиненныхъ на произволъ судьбы. Въ числѣ сражающихся были мальчики лѣтъ 14—15,

и у руководителей возстанія хватило совѣсти обращать этихъ дѣтей въ пушечное мясо.

Одинъ изъ офицеровъ разсказалъ намъ очень интересный эпизодъ изъ рѣзни, задуманной вожаками въ первый день возстанія. Разсказъ этотъ глубоко врѣзался въ мою память, и поэтому я приведу его цѣликомъ.

V.

Разсказъ офицера очевидца.

Съ своимъ полувзводомъ я стоялъ въ одной деревнѣ,—началъ свой разсказъ подпоручикъ М.—Давно уже ходили слухи, что польскіе паны задумали устроить возстаніе. Администрація, въ большинствѣ состоявшая изъ поляковъ, не обращала на это вниманія, считая это вздорнымъ вымысломъ, и потому войска попрежнему были расположены небольшими частями по деревнямъ.

Лучшая хата въ нашей деревнѣ принадлежала зажиточному шляхтичу Подгурскому, и мнѣ, какъ офицеру, было въ ней отведено помѣщеніе. Я занималъ одну комнату, кухня съ хозяевами была общая, а рядомъ съ ней еще были двѣ комнаты, въ которыхъ они помѣщались. У меня былъ денщикомъ Яковъ, прекрасная личность и безусловно преданная. Онъ былъ уроженецъ Полтавской губерніи и попалъ въ солдаты за то, что поколотилъ барскую ключницу за жестокое обращеніе съ горничной.

Яковъ былъ образцовымъ слугою: честный и трудолюбивый, онъ исполнялъ всѣ должности, какъ-то: повара, кучера, лакея, экономки и даже прачки. Добровольно взятыя имъ обязанности онъ исполнялъ съ усердіемъ, но ворчалъ, если я позволялъ себѣ лишніе расходы и вслухъ высказывалъ свое порицаніе. Не только я любилъ его, но и всѣ товарищи, знавшіе преданность его ко мнѣ, относились съ уваженіемъ къ нему. А одна изъ его выходокъ пріобрѣла ему извѣстность во всемъ полку. Лѣтомъ, когда мы стояли въ Варшавѣ, намѣстникомъ былъ назначенъ парадъ. Командиръ полка, желая блеснуть, приказалъ надѣть лучшіе мундиры. Въ день парада, когда я сталъ одѣваться, то замѣтилъ, что мнѣ приготовленъ подержанный мундиръ. Я разсердился и приказалъ подать новый. Яковъ наотрѣзъ отказался. «Не дамъ новаго,—отвѣтилъ онъ,— всю ночь проклятая мозоль спать не давала, быть дождю». Смотрю въ окно—небо ясно. Я болѣе энергично повторилъ приказаніе. Но, несмотря на угрозу отправить его подъ арестъ, Яковъ остался непреклоненъ. Я уступилъ и отправился къ полку. Офицеры стали смѣяться, что я одѣлся въ мундиръ, годный только для похода, но, выслушавъ мое оправданіе, что виновенъ не я, а мозоль Якова, расхохотались. Полкъ двинулся. По дорогѣ къ плацу поднялся

вихорь, обдавшій насъ пылью, а вслѣдъ за нимъ полился дождь, какъ изъ ведра. Офицерскіе мундиры съ иголочки были попорчены, а мой сохраненъ. Яковъ торжествовалъ и еще больше увѣровалъ въ свою мозоль.

Семейство хозяевъ состояло изъ Подгурскаго, съ антипатичнымъ лицомъ и большою рыжею бородою, его жены, длинной худощавой женщины, съ отвратительною физіономіей, и 14-ти-лѣтней прехорошенькой дѣвушки Маруси, дочери хозяйки отъ перваго брака. Обращеніе Подгурскаго, а равно и его жены съ Марусей было грубое, и бѣдняжка часто плакала отъ колотушекъ. Когда ее билъ вотчимъ, мать не только не заступалась, а напротивъ даже помогала ему. Подобное отношеніе къ дочери, какъ мнѣ казалось, вызывалось ревностью. Женскимъ чутьемъ она сознавала, что жестокое обращеніе мужа съ Марусей прикрывало животное чувство.

Вскорѣ я въ этомъ окончательно убѣдился. Какъ-то разъ вечеромъ я пошелъ погулять. Возвращаясь обратно, слышу въ домѣ крикъ, брань и женскій плачъ. Вхожу въ кухню и застаю слѣдующую картину: Яковъ сидитъ верхомъ на лежащемъ на полу Подгурскомъ и наноситъ ему побои, а Маруся съ плачемъ оттаскиваетъ его. При моемъ входѣ Яковъ отпустилъ свою жертву и сказалъ мнѣ:

— Эта собака, хотѣлъ заняться пакостнымъ дѣломъ, а когда ему не удалось, сталъ душить Маруську. Ваше благородіе ушли, а я сталъ комнату прибирать. Хозяйки тоже не было дома. Слышу, ляхъ кричитъ Маруськѣ, чтобы она шла къ нему. Я давно замѣчалъ, что поганецъ точитъ на нее зубы, дай, думаю, посмотрю, что будетъ. Я тихонько пробрался на кухню. Слышу, онъ ее цѣлуетъ, а дѣвчонка молитъ отпустить ее. Но не тутъ-то было: онъ сталъ, поганецъ, сильно приставать и брякнулъ ее на полъ, та закричала, тогда я вбѣжалъ въ комнату, вытащилъ его на кухню и сталъ учить, да ваше благородіе помѣшали.

Взбѣшенный выходкою Подгурскаго, я объявилъ ему, что если онъ съ этого дня пальцемъ дотронется до Маруси, то я его убью, какъ собаку. Угроза подѣйствовала, онъ ее оставилъ въ покоѣ, затаивъ противъ меня безсильную злобу.

Маруся хотя и не благодарила насъ за заступничество, но видно было, что въ душѣ благодарность ея была безпредѣльна. Будучи по горло завалена работой, она все-таки находила свободную минуту помогать пану Якову, какъ она его величала. Назначенная мнѣ стоянка была одна изъ самыхъ плохихъ и скучныхъ. Въ окрестностяхъ хотя и были помѣщики, но они съ русскими прервали всякія сношенія. Книги доставались съ большимъ трудомъ; развлеченій никакихъ, и единственное удовольствіе состояло въ прогулкѣ за восемь верстъ, гдѣ квартировалъ ротный дворъ.

Мой бывшій ротный командиръ, капитанъ Д., переведенный въ

настоящее время въ другой полкъ, съ производствомъ въ майоры, былъ очень хорошій человѣкъ. Суровый на видъ, онъ былъ замѣчательно добрый, и солдаты его обожали. Происходя изъ однодворцевъ Черниговской губерніи, Д. вступилъ въ нашъ полкъ вольноопредѣляющимся и двѣнадцадь лѣтъ прослужилъ нижнимъ чиномъ. Трудовая жизнь выработала изъ него прекраснаго офицера, сблизила съ солдатами, съ которыми онъ наравнѣ тянулъ лямку и изучилъ ихъ потребности. «Нашъ солдатъ,—говорилъ онъ,—строгости не боится, но любитъ справедливость. Наказалъ за проступокъ, но послѣ не попрекай и не пили. Относись къ нему почеловѣчески, смотри, чтобы онъ былъ сытъ; измучится службою, поддержи ласковымъ словомъ. За такого начальника солдатъ съ радостью отдастъ свою жизнь. Онъ не уважаетъ офицеровъ бѣлоручекъ, гордящихся эполетами и не знающихъ службы. Солдатъ сознаетъ, что они далеки отъ него и быта солдатскаго никогда не поймутъ». Взглядъ Д. былъ совершенно справедливъ. Къ намъ перевели изъ гвардіи молодаго человѣка, съ чиномъ капитана, и, несмотря на то, что онъ пальцемъ не трогалъ солдатъ, рота его терпѣть не могла. За каждую провинность онъ упрекалъ солдатъ нѣсколько недѣль и о всякомъ поступкѣ доносилъ рапортомъ. Капитанъ Д.. наоборотъ частенько собственноручно наказывалъ виновныхъ, но терпѣть не могъ штрафныхъ журналовъ и, командуя ротой 12 лѣтъ, только двоихъ предалъ суду. Солдатскій грошъ онъ считалъ священнымъ, и горе фельдфебелю или артельщику, если онъ замѣтитъ малѣйшее желаніе съ ихъ стороны покуситься на него. Рота его была образцовая во всѣхъ отношеніяхъ. Капитанъ былъ увѣренъ, что въ недалекомъ будущемъ вспыхнетъ возстаніе, и удивлялся, что начальство разбросало части. «Вы, батюшка,—говорилъ онъ мнѣ,— смотрите въ оба, чтобы врасплохъ не застали». Внушенія эти не прошли безслѣдно, я сталъ приглядывать за деревенскими жителями, но видя, что все тихо, успокоился.

Въ декабрѣ прошлаго года хозяинъ мой сталъ часто куда-то уѣзжать и по своемъ возвращеніи о чемъ-то тихо говорилъ съ женою. Во время его отлучекъ Марусина мать стала гораздо ласковѣе относиться къ своей дочери. Подобная перемѣна должна бы обрадовать Марусю, но на самомъ дѣлѣ выходило наоборотъ: она сдѣлалась задумчива и сосредоточенна. Яковъ, любившій ее, какъ свою дочь, сталъ ее допытывать о причинѣ грусти, но толку не добился, и послѣ разспросовъ она становилась еще болѣе задумчивою.

Наступилъ новый годъ. Встрѣтилъ я его съ ротнымъ командиромъ вдвоемъ. Капитанъ приготовилъ угощеніе на славу и вызвалъ пѣсенниковъ. Несмотря на залихватскія пѣсни и выпивку, у насъ на душѣ было очень тяжело: вдали отъ родины, окруженные чуждымъ и враждебнымъ населеніемъ, мы невольно нашими мыслями пе-

реносились въ далекіе и дорогіе края. По окончаніи пира, я хотѣлъ идти домой, но Д. меня не пустилъ, и я провелъ съ нимъ слѣдующій день.

Когда я вернулся къ себѣ, Яковъ мнѣ разсказалъ, что у хозяина было много пріѣзжихъ гостей, много пили вина и пѣли запрещенныя пѣсни. Во время его доклада вошелъ хозяинъ и съ подобострастіемъ сказалъ мнѣ, что онъ очень горевалъ, что меня не было дома, такъ какъ черезъ это былъ лишенъ удовольствія пригласить меня на день своего рожденія. Видя, что я не приглашаю его сѣсть, Подгурскій поспѣшилъ удалиться. Въ посѣщеніи его гостями я не нашелъ ничего необыкновеннаго и не придалъ никакого значенія.

Десятаго числа я отправился къ ротному командиру и нашелъ его въ дурномъ расположеніи духа.

— Что съ вами, капитанъ?—спросилъ я.

— Самъ, батюшка, не знаю, съ утра ноетъ сердце, ужъ не предвѣщаетъ ли это бѣду? Очень радъ, что пришли, авось развлекусь разговоромъ.

— А вы развѣ вѣрите въ предчувствіе, капитанъ?

— Безусловно. Во время Венгерской кампаніи, когда я былъ еще нижнимъ чиномъ, мой ротный командиръ, очень меня любившій, сказалъ, что онъ предчувствуетъ, что въ первомъ дѣлѣ будетъ убитъ, и на случай смерти указалъ мнѣ, гдѣ у него спрятано завѣщаніе. Сердце его не обмануло: на третій день послѣ этого разговора ротный былъ убитъ наповалъ. Капитанъ привелъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ и весь день казался не въ своей тарелкѣ.

Вернулся я домой въ одиннадцатомъ часу ночи. У калитки, дрожа отъ холода, меня поджидала Маруся и подойдя сказала:

— Вы и панъ Якубъ,—такіе добрые, что защитили меня, ну, такъ я вамъ скажу: не спите сегодня ночью... и, не давъ мнѣ опомниться отъ удивленія, скрылась за калитку.

Постоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, я не зналъ, на что рѣшиться, что предпринять. Смыслъ предостереженія былъ такъ неясенъ, такъ непонятенъ; но слова Д.: «эти собаки готовы насъ ночью перерѣзать»,—озарили меня.

Не входя въ квартиру, я послалъ дежурнаго за старшимъ унтеръ-офицеромъ. Бравый унтеръ тотчасъ явился ко мнѣ.

— Степановъ,—сказалъ я ему,—обойди сейчасъ людей, прикажи имъ не спать, ружья держать наготовѣ и по первому выстрѣлу, чтобы полувзводъ собрался въ концѣ деревни, по направленію къ ротному двору. Потомъ съ четырьмя рядовыми и барабанщикомъ находись всю ночь въ обходѣ. Дежурнымъ прикажи наблюдать за дорогами.

— Слушаю, ваше благородіе,—отвѣтилъ Степановъ.

Я пошелъ на квартиру. Въ домѣ не было огня, и, казалось, всѣ спали.

Калитку мнѣ отворилъ Яковъ.

— Что у васъ все благополучно?—спросилъ я:—не замѣтилъ ли чего подозрительнаго?

— У хозяина, ваше благородіе, были въ гостяхъ какіе-то двое господъ, въ венгеркахъ, шептались долго, а потомъ всѣ трое и уѣхали.

Хозяинъ еще не возвращался.

— А Маруся говорила съ тобой?

— Ни слова, только все ходила какая-то озабоченная да скучная.

— Ну, вотъ что, Яковъ, уложи сейчасъ вещи, приготовь заряды и подай револьверъ.

Мое приказаніе его не удивило, и небольшое имущество бѣднаго армейскаго офицера было уложено въ полъ-часа.

Пробилъ часъ. Сонъ сталъ клонить меня, и я едва его поборолъ. Мнѣ хотѣлось какъ нибудь вызвать Марусю, но она спала съ матерью, и если заговоръ существовалъ, я могъ выдать ее головой.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, а вслѣдъ за нимъ барабанщикъ ударилъ тревогу.

Разбуженныя собаки лаемъ, смѣшаннымъ съ воемъ, вторили барабанному бою. Если даже въ мирное время тревога дѣйствуетъ на нервы, то тѣмъ болѣе ночная, боевая, страшно возбуждаетъ всю нервную систему.

Не успѣлъ я выскочить на улицу, какъ ко мнѣ запыхавшись подбѣжалъ унтеръ-офицеръ.

— Ваше благородіе, съ правой стороны къ деревнѣ приближается вооруженная толпа и нѣсколько всадниковъ.

Вступить въ борьбу съ непріятелемъ, силы котораго не были извѣстны, я считалъ невозможнымъ и приказалъ отступать къ ротному двору. Ясно было, что мы имѣемъ дѣло съ мятежомъ. Не доходя до ротнаго двора трехъ верстъ, мы услыхали выстрѣлы.

— Бѣглымъ шагомъ, маршъ!—скомандовалъ я.

Смотримъ, впереди насъ загорѣлась ротная деревня. Участь товарищей страшила насъ. Я трепеталъ за Д., храбрость котораго была извѣстна. Одно меня успокоило—это выстрѣлы, значитъ, рота защищается, и кто нибудь предупредилъ ихъ.

Когда мы подбѣжали къ деревнѣ, выстрѣлы прекратились. Я увидалъ капитана, распоряжавшагося тушеніемъ пожара. Онъ бросился ко мнѣ на встрѣчу и, обнявъ меня, вскричалъ:

— Слава Богу, что вы живы и спасли часть! Есть убитые?

— Никого, капитанъ, у меня до драки дѣло не дошло.

Дружными усиліями пожаръ былъ прекращенъ; жертвою пламени сдѣлались пять дворовъ. Ротѣ былъ данъ приказъ отдохнуть и потомъ отступить къ штабу полка.

Когда я съ Д. вошелъ въ его хату, то передалъ ему всѣ подробности отступленія.

— Славная дѣвушка Маруся,—сказалъ онъ,—выхлопочу ей награду. Ну, а что, мой юный другъ, будете вѣрить въ предчувствіе?

— Буду, капитанъ.

— То-то, вы, молодые, всѣ на одинъ покрой, пока громъ не грянетъ, не перекреститесь. Слушайтесь стариковъ, хотя мы не такіе ученые, какъ вы, да опытности житейской больше васъ имѣли, а одно другого стоитъ. Если бы я не вѣрилъ въ предчувствіе, то не имѣлъ бы теперь удовольствія разговаривать съ вами, а лежалъ бы съ перерѣзаннымъ горломъ, да врядъ ли и солдатики мои были бы живы. Когда вы ушли, сердце мое еще больше заныло. Ну, думаю, бѣда на носу. Послалъ за фельдфебелемъ. Является Сидоренко. «Утроить дежурныхъ, удвоить обходъ. Поставить ко мнѣ барабанщика. Приказать ротѣ спать однимъ глазомъ, ступай!» Приказалъ самоваръ поставить, выпилъ стаканъ чаю, а сердце такъ и разрывается. Вышелъ на улицу. Смотрю, Сидоренко бродитъ по деревнѣ и лично наблюдаетъ за исполненіемъ приказа. Пошелъ спать. Только подошелъ къ крыльцу, слышу, кто-то бѣжитъ. Обернулся: Сидоренко.

— Что случилось?

— Ваше благородіе, Есауловъ далъ знать съ поста, что вдали показалась вооруженная сила.

— Хорошо. Бѣги скорѣе собрать роту около моей хаты, тревогу не бить.

Вышелъ за деревню, и дѣйствительно шагахъ въ 600 подвигалась какая-то масса и небольшой отрядъ всадниковъ. Снялъ я часовыхъ и пошелъ. Люди уже собрались. Я только что хотѣлъ во главѣ роты идти на встрѣчу непрошеннымъ гостямъ, какъ въ деревню рысью въѣхали всадники. Увидавъ насъ, они съ гикомъ бросились впередъ. «Пли!»—скомандовалъ я. Раздался дружный залпъ. Стоны, ругательства послышались вслѣдъ за гостинцемъ, а тутъ имъ на помощь, словно дьяволы, вырвались какіе-то люди съ косами, и пошла потѣха. Дрогнула банда и дала тягу, сорокъ труповъ оставила, да только жаль, что моихъ человѣкъ 8 царапнули и очень сильно.

Черезъ часъ мы покинули деревню.

На штабъ въ ту же ночь было также произведено нападеніе. Поляки въ безпорядкѣ отступили, а все-таки тридцать человѣкъ нижнихъ чиновъ и пять офицеровъ, застигнутые сонными, были предательски убиты.

Здѣсь мы провели только сутки, а потомъ, подкрѣпленные другою ротой, заняли деревню, въ которой стоялъ Д. Мнѣ очень хотѣлось повидать ту, которая спасла мнѣ жизнь, а равно и жизнь солдатъ моего полувзвода. Я хотѣлъ отправиться въ домъ Подгурскаго, но капитанъ воспротивился этому, по его мнѣнію, сумасбродному

желанію и сказалъ:—Завтра съ ротой я обойду окрестность, и по пути завернемъ на вашу бывшую квартиру.

Такая внимательность со стороны командира меня глубоко тронула.

Въ 10 часовъ утра мы вступили въ деревню и застали въ ней помощника исправника, производившаго дознаніе объ истязаніи и убійствѣ 14-лѣтней дѣвицы Маріи Яворской.

Это извѣстіе поразило меня, какъ громомъ.

Вотъ что выяснилось дознаніемъ.

Шайка въ триста человѣкъ явилась въ ночь на 11-ое число, съ цѣлью истребить нашъ отрядъ. Подгурскій находился при ней. Когда начальникъ банды увидалъ наше отступленіе, то понялъ, что тайна нападенія была открыта. Такъ какъ объ этомъ нападеніи знала только семья Подгурскаго, то его жену призвали къ допросу. Это отродіе рода человѣческаго клятвою подтвердило, что измѣнницей явилась ея дочь, и она въ окно видѣла, какъ Маруся предупреждала о чемъ-то офицера. Начальникъ приказалъ привести подозрѣваемую. Подгурскій, желая показать свою преданность дѣлу, лично притащилъ за косу дрожавшую дѣвочку. Начался допросъ, сопровождаемый побоями. Маруся отрицала вину.

Приступили къ наказанію розгами. Несчастная страшно кричала. Кровь лилась ручьями. Наконецъ, она впала въ безчувственное состояніе. Полумертвую Марусю стащили въ сѣновалъ и повѣсили на перекладинѣ. Послѣ казни начальникъ банды сказалъ крестьянамъ: «знайте, хлопы, какъ жондъ народовой наказываетъ измѣнниковъ».

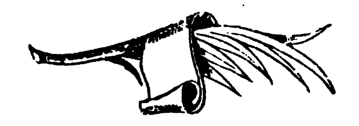
Мой бѣдный Яковъ, узнавъ о кончинѣ своей любимицы, рыдалъ, какъ ребенокъ. Онъ отказался отъ пищи и послѣ этого два мѣсяца пролежалъ въ больницѣ.

— Дорого бы я далъ, чтобы отыскать Подгурскаго, который послѣ казни Маруси съ женою куда-то скрылся; но до сихъ поръ мое желаніе не исполнилось,—окончилъ свой разсказъ мой новый знакомый.

Слушая его, могъ ли я предполагать, что впослѣдствіи судьба столкнетъ меня съ Подгурскимъ.

И. Пономаревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ОЧЕРКИ „КОЛЫМАЖНАГО ДВОРА".

БЫЛО великолѣпное майское утро, когда въ сопровожденіи городоваго я былъ доставленъ изъ московскаго губернскаго правленія въ знаменитый «Колымажный дворъ», для дальнѣйшаго отправленія этапнымъ порядкомъ на родину.

Меня арестовали по подозрѣнію въ принадлежности къ тѣмъ анархическимъ кружкамъ, которые въ концѣ царствованія императора Александра II ознаменовали свою дѣятельность нѣсколькими крупными преступленіями, въ томъ числѣ убійствомъ въ одной изъ первоклассныхъ московскихъ гостиницъ. Было произведено много арестовъ; арестовали и меня.

Мнѣ учинили допросъ. На всѣ вопросы я давалъ чистосердечные отвѣты: мнѣ нечего было скрывать, и я не скрывалъ. Спрашивали меня о моихъ знакомыхъ, о моихъ занятіяхъ. На все я давалъ обстоятельные отвѣты и разъясненія. Молодой офицеръ съ аксельбантами былъ со мною чрезвычайно вѣжливъ и предупредителенъ. Предложилъ мнѣ даже сигару во время допроса, и, какъ мнѣ казалось, убѣжденный въ моей невиновности, сочувствовалъ мнѣ.

Какъ бы то ни было, я былъ увѣренъ, что по окончаніи допроса, предо мною откроютъ двери и скажутъ: «вы свободны». Кончился же допросъ тѣмъ, что доставившій меня изъ полицейской части жандармъ опять предсталъ предо мною и молчаливымъ наклоненіемъ головы пригласилъ меня слѣдовать за собою. У подъѣзда дожидалась насъ та же самая закрытая карета, въ которой мы пріѣхали сюда. Я усѣлся въ нее съ стѣсненнымъ сердцемъ; жан-

даринъ помѣстился со мною рядомъ, захлопнулъ дверцы, обхватилъ меня за талію, и мы молча совершили обратный путь въ частный домъ. Черезъ полчаса я опять очутился въ той же мрачной камерѣ, въ которой провелъ послѣднюю ночь.

Опять различныя мысли, одна другой безотраднѣе, овладѣли мною. Я гналъ ихъ отъ себя, старался ни о чемъ не думать, но напрасно. Все назойливѣе и назойливѣе одолѣвали меня думы, терзали и мучили меня. Одиночное заключеніе для человѣка моего склада и темперамента, это—такая пытка, что ничего болѣе ужаснаго не могу себѣ представить. Я не могъ ни ѣсть, ни пить, ни курить, ни читать... Медленными шагами я ходилъ взадъ и впередъ по узкой камерѣ, и думалъ... Мысль работала усиленно... Безсвязныя картины далеко не веселаго содержанія быстро чередовались въ измученномъ воображеніи и образовали въ разболѣвшейся отъ безсонницы и тревоги головѣ цѣлый кавардакъ...

Прошло еще двое сутокъ томительной неизвѣстности. За это время я успѣлъ нѣсколько примириться съ непривычною обстановкою, успокоиться. Главнымъ образомъ, меня успокоивало сознаніе моей невиновности. Сколько я ни копался въ своемъ прошломъ, я никакъ не могъ найти въ немъ ни одного факта, ни одного поступка, за которые заслуживалъ бы серьезной кары, строгой отвѣтственности. Конечно, были кое-какія пятна въ моемъ прошломъ... Но эти пятна сводились въ сущности къ нулю... Я либеральничалъ, бывалъ невоздерженъ въ спорахъ... Нѣтъ, нѣтъ, да и высказывалъ подчасъ нѣсколько болѣе чѣмъ вольныя мысли... Но вѣдь все это такія преступленія, за которыя въ то время еще никто не пострадалъ на Руси. Напротивъ, всякій либеральный вздоръ и всякое пустомельство у насъ не только не возбранялось, но какъ будто даже поощрялось. Я сталъ разбираться въ своемъ тогдашнемъ образѣ мыслей и пришелъ къ заключенію, что мой либерализмъ былъ ниже процентовъ на 40—50 либерализма той части русскаго общества, которая съ презабавною серьезностью фрондировала тогда въ либеральныхъ органахъ, доказывала свою «политическую» зрѣлость и громко требовала водворенія на Руси «правового» порядка, подразумѣвая подъ этимъ хитрымъ терминомъ конституцію. Повторяю, мой либерализмъ до этого не доходилъ; я никогда не желалъ наступленія царства адвокатовъ и говоруновъ и всякихъ другихъ хищниковъ-разночинцевъ съ волчьими аппетитами и покладистою совѣстью.

Такимъ образомъ, я какъ будто имѣлъ основаніе быть убѣжденнымъ, что мой арестъ случайный, и что недоразумѣніе скоро выяснится, и меня выпустятъ на свободу.

Теперь уже прошло больше шестнадцати лѣтъ послѣ этого грустнаго инцидента со мною, и если сказать по совѣсти, я никоимъ образомъ не считаю себя въ правѣ претендовать на кого бы то ни

было за тѣ невзгоды, которыя почти незаслуженно обрушились тогда на меня. Время было такое смутное, грѣховное, безалаберное, что при общей суматохѣ, почти при поголовной безпутности, ошибки и недоразумѣнія были неизбѣжны.

Пострадалъ и я... Что-жъ дѣлать?... Роптать на это не приходится.

Итакъ изъ одиночной камеры при частномъ домѣ меня препроводили на «Колымажный дворъ».

Теперь этого «Колымажнаго двора» не существуетъ больше въ Москвѣ, и слава Богу! Это была отвратительная тюрьма, и врядъ ли въ какомъ нибудь государствѣ земнаго шара существовало нѣчто подобное. «Колымажный дворъ» упраздненъ, спустя годъ послѣ моего въ немъ пребыванія. Когда выстроили новый центральный острогъ въ Москвѣ, его не только упразднили, но сломали даже все зданіе. Видно желали, чтобы и слѣдовъ не осталось отъ него.

Вспоминается мнѣ одно прелестное майское утро, когда предо мною открылась маленькая калитка, и я очутился на первомъ пустынномъ дворѣ этой тюрьмы. Сопровождавшій городовой ввелъ меня въ «контору». Какой-то субъектъ въ сюртукѣ неопредѣленнаго цвѣта, съ громадными, черными, съ сильною просѣдью, баками и большимъ краснымъ носомъ, сидѣлъ за однимъ изъ столовъ и ожесточенно щелкалъ на счетахъ. При нашемъ входѣ онъ даже не повернулся и не поднялъ своей головы. Городовой поднесъ ему книжку и попросилъ росписаться въ полученіи арестанта.

— Сейчасъ придетъ помощникъ, — отвѣтилъ субъектъ, не поднимая головы.

Продолжительною прогулкою пѣшкомъ, отъ частнаго дома до губернскаго правленія и оттуда до «Колымажнаго двора», я очень утомился, а потому въ ожиданіи помощника опустился на ближайшій стулъ.

— Ты это что?.. Какъ смѣешь предъ начальствомъ садиться?..— съ грознымъ окрикомъ повернулся ко мнѣ субъектъ. — Развѣ не видишь, кто предъ тобою?.. Запри его въ темную до прихода помощника,—тѣмъ же грознымъ окрикомъ накинулся онъ на городоваго.

— Они изъ благородныхъ...—шепнулъ ему городовой въ отвѣтъ:— политическіе...

Субъектъ какъ будто переродился.

— Виноватъ... Простите...—заискивающе обернулся онъ ко мнѣ.— Тутъ, знаете, къ намъ больше безпаспортное мужичье приходитъ... Я не предполагалъ, что имѣю дѣло съ благороднымъ человѣкомъ... Садитесь, пожалуйста... Сейчасъ придетъ помощникъ, онъ васъ и приметъ...

Какъ ни былъ я грустно настроенъ, но эта маленькая сценка меня разсмѣшила. Прошелъ добрый часъ, пока появился помощ-

никъ и росписался въ книжкѣ городоваго, что принялъ отъ него арестанта, то-есть меня.

Помощникъ былъ человѣкъ еще довольно молодой. Высокаго роста, тонкій, румянецъ во всю щеку, съ еле пробивающимися усиками, онъ имѣлъ видъ нѣсколько нахальный. Когда городовой ушелъ, онъ смѣрилъ меня съ ногъ до головы взглядомъ и тоненькимъ, скрипучимъ фальцетомъ крикнулъ: «Михайловъ!».

На зовъ его появился бравый унтеръ-офицеръ.

— Обыскать его!.. указалъ на меня пальцемъ помощникъ.

Бравый унтеръ-офицеръ подошелъ ко мнѣ и началъ ощупывать мои карманы.

— Не такъ,—скомандовалъ помощникъ.—Раздѣть его!..

— Помилуйте,—протестовалъ я:—меня къ вамъ привели не съ улицы, а изъ частнаго дома; тамъ меня обыскивали... Увѣряю васъ, у меня ничего нѣтъ при себѣ, кромѣ вотъ...

Я досталъ изъ кармановъ кошелекъ съ деньгами, портсигаръ, двѣ пачки папиросъ и положилъ на столъ.

— Не разсуждать! Тутъ фанаберіи не допускаются!—грозно крикнулъ помощникъ.—Когда начальство приказываетъ, арестантъ долженъ повиноваться!.. Таковъ законъ!.. Таковъ порядокъ!..

Дѣлать было нечего, я началъ раздѣваться.

— Много ли у васъ, баринъ, денегъ?—шепотомъ спросилъ меня унтеръ-офицеръ, помогая мнѣ снять сюртукъ.

— Рублей 14.

— Такъ попросите г. помощника, чтобы онъ выдалъ вамъ ваши 14 рублей на руки, а не оставилъ ихъ на храненіе въ конторѣ.

— Потрудитесь сосчитать мои деньги въ кошелькѣ; тутъ ровно 14 рублей, и если можно, оставьте ихъ при мнѣ.

— Хорошо. Сейчасъ сосчитаю...

— Впрочемъ,—проговорилъ онъ вслѣдъ затѣмъ,—можно и не обыскивать арестанта. Проведи его, Михайловъ, во внутренній дворъ. Ужъ вы меня извините,—добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—одну пачку папиросъ я долженъ конфисковать у васъ. Съ моей стороны это большое вамъ снисхожденіе, что оставляю вамъ наполненный портсигаръ и цѣлую нетронутою пачку. Имѣю право все отнять. У насъ не клубъ и не трактиръ. Курить воспрещается. Только нельзя же всегда закона придерживаться. Понимаю, что тяжело у насъ арестанту,—ну, и мирволишь ему немножко.

Унтеръ-офицеръ улыбнулся и помогъ мнѣ надѣть сюртукъ. Когда мы очутились съ нимъ на крыльцѣ, онъ протянулъ руку и произнесъ:

— На чаекъ съ вашей милости за совѣтъ... Вѣдь заслужилъ... Ей-ей, заслужилъ... Потому, безъ моего наставленія, плохо пришлось бы вамъ, баринъ.

— Ну, чѣмъ же плохо? Обыскали бы и отпустили.

— Хе, хе, хе... усмѣхнулся унтеръ-офицеръ. — Видно, новичекъ вы, баринъ, и нашихъ порядковъ не знаете. Вы думаете, помощникъ оставилъ бы вамъ деньги и папиросы? Нѣтъ... шалишь... Этого обычая, чтобы кому либо мирволить, у насъ нѣтъ. Все бы у васъ отобрали, какъ есть все... Потому, законы строги, и мы ихъ соблюдать должны!.. А какъ бы вы, баринъ, безъ денегъ обошлись у насъ? Вамъ за мѣсто-то заплатить надобно... А покурить, ежели человѣкъ привыченъ, тоже хочется... Какъ же можно безъ денегъ тамъ?..

— За какое мѣсто заплатить?—спросилъ я.

— За какое мѣсто?.. Извѣстно: за мѣсто въ камерѣ... У насъ, слава Богу, народу много... Всѣ мѣста заняты... Не заплатишь за мѣсто, будешь подъ нарами валяться...

— Неужели на всѣхъ мѣста не хватаетъ?—удивился я.

— Куды!—развелъ унтеръ-офицеръ руками.—У насъ камеры тысячи на двѣ народу, а теперь на лицо больше четырехъ тысячъ арестантовъ... Да что!.. Черезъ мѣсяцъ и за шесть тысячъ перевалитъ... Въ лѣтнее время у насъ всегда тѣснота—страсть, потому, извѣстно, навигація...

— У кого же мнѣ мѣсто купить?

— У арестантовъ... Заплатишь,—тебѣ и дадутъ мѣсто на нарахъ... Народъ потѣснится, и будетъ тебѣ мѣсто...

Онъ опять усмѣхнулся и заискивающе-добродушно вторично выставилъ правую руку для подачки. Я вручилъ ему двугривенный, онъ взялъ его двумя пальцами, попробовалъ согнуть его; потомъ попробовалъ то же самое сдѣлать зубами. Меня это удивило.

— Настоящій,—произнесъ унтеръ-офицеръ, опуская, наконецъ, монету въ карманъ.—А то въ послѣднее время ихъ у насъ больно много фальшивыхъ развелось... Если будете у арестантовъ деньги мѣнять, смотрите въ оба...

Онъ открылъ предо мною вторую калитку и впустилъ во внутренній дворъ.

Я очутился среди громадной толпы арестантовъ, которая обступила меня со всѣхъ сторонъ. Большинство заключенныхъ были съ бритыми головами и въ ножныхъ кандалахъ. Слухъ мой былъ пораженъ звономъ цѣпей, который произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Какъ вкопанный, я остановился на одномъ мѣстѣ, не отваживаясь сдѣлать шага впередъ. Множество глазъ уставились на меня не то съ любопытствомъ, не то насмѣшливо...

— Новенькій...

— Красная дѣвица!..

— Добро пожаловать, баринъ... Просимъ нами не побрезговать...

— За какія художества?

— Куда путь держишь? Далеко ли погонятъ?..

— Одолжи папиросочку...

Всѣ эти отрывочныя фразы одновременно раздались въ моихъ ушахъ. Вдругъ изъ толпы вынырнула маленькая, плюгавенькая фигурка съ жиденькою, рыжею бородкою, слезящимися глазками и огромнымъ-преогромнымъ, краснымъ носомъ. Фигурка была одѣта въ цивильное платье. Она подбоченилась, откашлялась и, положивъ правую руку мнѣ на плечо, произнесла:

— Имѣю честью рекомендоваться: отставной майоръ Хапаловъ... За многіе труды на пользу отечества несправедливо лишенъ чиновъ, орденовъ и обреченъ на далекое путешествіе въ хладныя мѣста Сибири... Другой на моемъ мѣстѣ упалъ бы духомъ и возропталъ... Но я, сударь, человѣкъ стойкій, и къ тому философъ... Духомъ не падаю и не ропщу... Но пока это къ дѣлу не относится... О сихъ матеріяхъ важныхъ мы еще съ вами побесѣдуемъ, а пока считаю своею нравственною обязанностью взять васъ подъ свою защиту... Будьте благонадежны, сударь, кого майоръ Хапаловъ беретъ подъ свою защиту, тотъ можетъ быть спокоенъ... Никто не посмѣетъ дотронуться до него пальцемъ... Вижу, что имѣю дѣло съ благороднымъ человѣкомъ... Ничего, не падайте духомъ... Берите примѣръ съ меня... Мы вамъ погибать не дадимъ... Руку, товарищъ по несчастью, руку...

Онъ сначала потрясъ мою руку, потомъ обхватилъ меня за талію и громко произнесъ:

— Дорогу отставному майору и его любезнѣйшему гостю.

Толпа со смѣхомъ разступилась, и въ сопровожденіи моего новаго защитника я направился впередъ.

— Счастливы вы, сударь, что я случайно очутился въ толпѣ при вашемъ прибытіи,—продолжалъ на ходу надъ самымъ моимъ ухомъ отставной майоръ Хапаловъ.—Какъ благородный человѣкъ и дворянинъ, смѣю васъ увѣрить, что каторжная команда не пощадила бы васъ. Она бы дала вамъ почувствовать себя... А теперь—шабашъ; она знаетъ, что вы подъ защитою майора Хапалова, и пальцемъ васъ тронуть не посмѣетъ. Оно, конечно, это, такъ сказать, долгъ мой—защитить человѣка моего сословія...

— Я вамъ очень благодаренъ,—пробормоталъ я.

— Не благодарите... Терпѣть не могу благодарностей... А вы мнѣ лучше скажите, имѣются ли у васъ капиталы. Надѣюсь, вы не оставили наличныя суммы ваши на храненіе въ конторѣ?

Его слезящіеся глазки испытующе уставились на меня.

— Деньги при мнѣ,—отвѣтилъ я.

— А осмѣлюсь спросить, какъ велики ваши капиталы.

— У меня 14 рублей...

— Маловато у васъ денегъ-то, сударь. Вамъ тутъ предстоятъ значительные расходы. Надо вамъ купить у господъ дворянъ мѣсто, — рублей въ 10 обойдется. Вамъ надо немедленно выложить мнѣ три желтенькихъ... Вы, впрочемъ, не подумайте, что это я въ свою пользу... Ни-ни, ни Боже мой... Я это цѣликомъ въ артель

внесу... Это—чтобы вамъ никто никакой обиды не учинилъ, чтобы васъ, значитъ, въ товарищество приняли. Безъ этого никакъ нельзя... Затѣмъ надо и майданщику на угощеніе копеекъ 60... Это за чистку камеры, а то вамъ самимъ придется... И еще нѣкоторые расходы, но уже мелкіе... А васъ куда повезутъ?—закончилъ онъ вопросомъ.

— Въ губернскій городъ N.

— Въ N? Вчера была отправка туда. Вамъ, значитъ, до слѣдующей отправки придется здѣсь недѣльки двѣ пожить. Мало, очень мало у васъ денегъ. Не знаю, какъ и доживете у насъ такъ долго на такія скудныя средства. Но, можетъ быть, у васъ имѣются знакомые, которые не откажутся помочь вамъ, у которыхъ вы бы могли перехватить презрѣннаго металла?

— Знакомые у меня есть, только не знаю, какъ извѣстить ихъ о мѣстѣ моего заключенія, и вообще какимъ образомъ снестись мнѣ съ ними.

— О, что до этого, то не безпокойтесь: у насъ здѣсь на этотъ счетъ просто. Сейчасъ я вамъ доставлю нѣсколько открытыхъ писемъ, черкните, кому знаете, чтобы пришли къ вамъ. Сегодня же письма будутъ отправлены, и завтра увидитесь со своими знакомыми, если только они пожелаютъ явиться къ вамъ.

— А если ихъ не допустятъ?

— Допустятъ, не безпокойтесь. Лишь бы не поскупились... Это не какой нибудь губернскій замокъ, а колымажный... Здѣсь съ деньгами можно жить, какъ въ раю. Мы васъ, сударь, и водочкою сейчасъ угостимъ; имѣется она у насъ въ изобиліи, хе, хе, хе...

— Не пью.

— Не пьете? Не хорошо... Вотъ за это я васъ одобрять не могу... А въ преферансикъ играете?

— Играю.

— Ну, слава Магомету хоть за это: пулечку составимъ... Вы не тужите, скучать вамъ не дадимъ; лишь бы только ваши знакомые не отказались снабжать васъ презрѣнными, но необходимыми, хе, хе, хе... Есть у насъ на Руси мѣста, гдѣ и съ деньгами жить нельзя... Слыхали, вѣроятно, про знаменитую централку въ Харьковѣ... Тамъ—строго! Ну, а здѣсь—ничего... Были бы только деньги: жить можно... Сами убѣдитесь, сударь...

Разговаривая, мы прошли первый внутренній дворъ, и очутились во второмъ и послѣднемъ. Кучки арестантовъ, попадавшіяся навстрѣчу, не обращали на насъ никакого вниманія. Каждая кучка занималась своимъ дѣломъ. Одна играла въ орлянку; другая, усѣвшись въ кружокъ на землю, играла въ стуколку; третья — чинила свое нижнее бѣлье, полураздѣтая; четвертая кучка, растянувшись на землѣ, грѣла свои спины на солнышкѣ... И на второмъ дворѣ, какъ и на первомъ, большинство арестантовъ были съ бритыми головами, въ ножныхъ кандалахъ. Лица у нихъ были суровыя, стро-

гія, злыя. Только изрѣдка на какомъ нибудь лицѣ замѣчалось нѣчто, похожее на улыбку. Помимо казеннаго одѣянія съ «классическимъ» бубновымъ тузомъ на спинѣ, попадались изрѣдка арестанты, одѣтые въ пиджакахъ, сшитыхъ по послѣдней модѣ, но въ большинствѣ случаевъ у счастливыхъ обладателей пиджаковъ совершенно отсутствовала приличная обувь. Они или просто босикомъ прогуливались по двору, или же щеголяли въ казенныхъ котахъ на босую ногу.

Мы вошли въ дворянскую камеру. Это была длинная, высокая комната. Направо отъ входа и напротивъ, вдоль стѣнъ, были устроены нары. Въ серединѣ стоялъ длинный, некрашенный столъ, окруженный длинными же скамейками. Въ правомъ углу, высоко, почти у самаго потолка, былъ нарисованъ на стѣнѣ красками червонный валетъ, весьма искусно сдѣланный. Громадная камера имѣла всего одно окно, выходившее въ переулокъ и снабженное частою рѣшеткою. Мимо окна прохаживался взадъ и впередъ часовой, мѣрные шаги котораго раздавались въ камерѣ. Камеру наполняло человѣкъ 50—60 арестантовъ. Почти всѣ они были одѣты въ своихъ собственныхъ платьяхъ. Несмотря на то, что двери камеры были открыты настежь и стекла въ единственномъ окнѣ были выбиты, дымъ отъ папиросъ, сигаръ и трубокъ до того сгустилъ воздухъ, что сдѣлалъ его невозможнымъ для дыханія. Съ перваго раза я не могъ разобраться въ этомъ мракѣ. Когда глаза мои нѣсколько освоились съ царствовавшей въ камерѣ полутьмою, я началъ вглядываться въ окружавшія меня лица и прислушиваться къ раздававшимся вокругъ меня голосамъ.

Главнымъ образомъ обратилъ на себя мое вниманіе субъектъ въ военномъ мундирѣ, безъ погонъ, сидѣвшій за столомъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова атлетъ. Высокій, стройный, съ курчавыми волосами темно-пепельнаго цвѣта, съ открытымъ веселымъ лицомъ, онъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Только позднѣе, когда я успѣлъ поближе присмотрѣться къ этому атлету, первое благопріятное впечатлѣніе изгладилось, и я инстинктивно сторонился отъ него. Дѣйствительно, что-то холодное, жесткое было въ его металлическомъ взглядѣ, чѣмъ-то страннымъ вѣяло отъ его пренебрежительной улыбки, и какъ-то зловѣще раздавался его сухой, непріятный голосъ. Онъ сидѣлъ прямо противъ входа и держалъ въ рукахъ засаленную колоду картъ, готовясь сдавать ихъ. При нашемъ появленіи, онъ бросилъ карты на столъ и весело произнесъ:

— Новичокъ?

— Такъ точно, капитанъ, новичокъ, — отвѣтилъ Хапаловъ. — Г.г. дворяне,—продолжалъ онъ торжественно,— имѣю честь ввести въ наше общество новаго члена.

«Г.г. дворяне» повскакали съ своихъ мѣстъ, окружили меня со

всѣхъ сторонъ и съ наглою безцеремонностью стали меня оглядывать и осматривать.

— Давно ли съ воли?—спросилъ атлетъ, подавая мнѣ руку.

Я не понялъ его вопроса.

— Давно ли свободы лишены?.. вольной волюшки?

— Дня три назадъ...

— Только?.. Значитъ, вы еще подъ слѣдствіемъ состоите?.. Куда же васъ поведутъ на слѣдствіе? Далеко ли?

— Не состою подъ слѣдствіемъ... Просто препровождаюсь на родину, подъ надзоръ полиціи...

— Гдѣ же васъ судили? Здѣсь, въ Москвѣ?

— Нигдѣ не судили, административнымъ порядкомъ...

— Такъ вы, значитъ, того... изъ политическихъ?

Я утвердительно кивнулъ головою.

— Не хорошо... Не дворянское это дѣло... Тоже вѣдь выдумали... Мельчаетъ наше дворянство и забываетъ свой долгъ... Не хорошо... Совсѣмъ не хорошо... Что жъ вы на меня такъ смотрите?.. Думаете вѣрно: самъ-то мошенникъ, а о долгѣ толкуетъ... Ну, да,—ну, да!.. Я мошенникъ!.. Грабитель!.. А все-таки—дворянинъ-съ... Столбовой, батюшка, дворянинъ-съ! Хоть меня двадцать разъ лишай этого достоинства, а я все-таки останусь дворяниномъ!.. Потому, мой отецъ, мой дѣдъ, мой прадѣдъ!.. Понимаете ли вы это... потомственный!.. А вы вотъ... Не хорошо!.. Не зачѣмъ нашему брату—дворянину за одно съ поповичами вязаться.

— Обо всемъ этомъ, капитанъ,—перебилъ его Хапаловъ,—вы еще успѣете переговорить съ новичкомъ, пока же надобно его пристроить...

— Дѣло,—согласился капитанъ.—Позвольте отрекомендоваться,—обратился онъ ко мнѣ,—по свободному выбору дворянства, состою старостою этой камеры... Какъ сами изволите видѣть, помѣщеніе у насъ тѣсное... Но что же прикажете дѣлать?.. Не валяться же вамъ подъ нарами... Потѣснимся еще и дадимъ подобающее мѣсто... Но вы должны съ своей стороны тоже оказать намъ вѣжливость и подѣлиться съ нами вашею казною... Грабить васъ мы не желаемъ... Выложите десять цѣлкачей, и мы вамъ отведемъ приличное дворянину мѣсто...

— Нельзя ли разсрочить взносъ?—перебилъ Хапаловъ капитана.—У нашего товарища по несчастью весьма мало наличныхъ, но онъ надѣется въ скоромъ времени разбогатѣть... У него имѣются знакомые, которые не откажутся помочь ему... Мы имъ сейчасъ напишемъ...

— Думаете ли вы, что ваши знакомые не обманутъ вашихъ ожиданій?—обратился ко мнѣ капитанъ.

— Полагаю, что не обманутъ...

— Этого мало... Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Пожалуй, увѣренъ...

— Въ такомъ случаѣ, внесите немедленно пять рублей, а остальные внесете при первой получкѣ...

Я подалъ ему требуемую сумму.

— А вотъ ваше мѣсто,—указалъ мнѣ капитанъ на край нары, у самаго окна.—Тутъ немножко дуетъ, но это ничего: воздухъ за то лучше...

Прошло три дня... Все это время я почти безвыходно провелъ въ камерѣ. Какъ ни были мнѣ антипатичны «дворяне» съ «капитаномъ» во главѣ, но выходить на тюремный дворъ и искать знакомства съ обитателями другихъ камеръ я не отважился. Угрюмыя, сосредоточенно злыя лица закованныхъ въ кандалы съ бритыми головами арестантовъ наводили на меня такой страхъ, что я положительно боялся выходить на тюремный дворъ безъ провожатаго. Когда на второй день моего водворенія въ «Колымажномъ» меня вызвали въ контору на свиданіе съ знакомымъ, я, несмотря на то, что меня сопровождалъ надзиратель, не безъ внутренняго трепета проходилъ мимо арестантовъ, которые встрѣчали и провожали меня (какъ мнѣ казалось) злыми взглядами.

Въ теченіе этихъ трехъ дней я успѣлъ за то присмотрѣться къ жизни «дворянской» камеры. Большинство ея обитателей составляло мѣщанство. Такъ какъ начальство «Колымажнаго двора» само не занималось размѣщеніемъ арестантовъ по камерамъ и, принимая партію, по одиночкѣ пропускало ихъ на тюремный дворъ, предоставляя самимъ арестантамъ выбирать камеры и водворяться въ нихъ по своему усмотрѣнію, то многіе арестанты изъ мѣщанъ покупали себѣ мѣста въ дворянской камерѣ. Впрочемъ, если начальство не занималось сортированіемъ и размѣщеніемъ арестантовъ, сами арестанты размѣщались по камерамъ съ нѣкоторою системою.

Аристократію «Колымажнаго» составляли осужденные на каторгу и бродяги, не помнящіе родства. Они занимали самую большую камеру, которая и называлась «каторжною». Они ни за что не пускали къ себѣ мелкихъ воришекъ, находившихся подъ слѣдствіемъ и препровождавшихся для допроса или для очныхъ ставокъ въ другіе города. Точно также послѣдніе не братались и не водили знакомства съ голытьбою «золоторотцевъ», препровождавшеюся на родину за безписьменность. Такимъ образомъ, кромѣ «дворянской» камеры, существовали еще: «каторжная», «воровская», «подслѣдственная» и «жульническая». Въ то время, когда аристократія «Колымажнаго» ни за что не пускала къ себѣ мелкихъ мошенниковъ и жуликовъ, господа дворяне, напротивъ, съ удовольствіемъ открывали двери своей камеры для всякаго арестанта, если только онъ былъ въ состояніи заплатить за мѣсто. «Дворяне» пользовались нѣкоторыми льготами противъ другихъ арестантовъ. Имъ, напримѣръ, офиціально разрѣшалось выписывать изъ тюремной лавочки

табакъ 2-го сорта, по 1/4 фунта въ недѣлю на человѣка. Кромѣ того, они были освобождены отъ вѣчнаго торчанія въ ихъ камерѣ надзирателя. Привилегіи эти привлекали денежныхъ арестантовъ, которые съ удовольствіемъ уплачивали относительно довольно дорого за мѣсто, чтобы имѣть возможность пользоваться табакомъ и не видѣть передъ собою вѣчно торчащее въ другихъ камерахъ начальство. По этой самой причинѣ, несмотря на малое количество дворянъ, дворянская камера была переполнена.

Главную роль въ камерѣ игралъ вышеупомянутый капитанъ. На его обязанности лежало слѣдить за спокойствіемъ и благочиніемъ. Если возникали споры изъ-за картъ, онъ авторитетно разрѣшалъ ихъ, причемъ, надо замѣтить, далеко не отличался безпристрастіемъ. Въ сущности, онъ былъ главою компаніи, которая обыгрывала всѣхъ арестантовъ-новичковъ, и въ случаѣ, если послѣдніе бунтовались за явно шуллерскіе пріемы его сподручныхъ,— онъ являлся со своимъ авторитетомъ и разрѣшалъ споръ въ пользу шуллеровъ. При существовавшей тюремной дисциплинѣ противъ его рѣшеній протестовать нельзя было.

Послѣ «капитана» весьма важную роль въ камерѣ игралъ «майданщикъ». Онъ завѣдывалъ хозяйственною частью камеры. Черезъ него выписывались всѣ съѣстные и другіе продукты. Въ сопровожденіи надзирателя онъ каждое утро отправлялся въ тюремную лавочку за покупками. Самоваръ и карты тоже находились подъ его вѣдѣніемъ.

Майданщикъ и «капитанъ» были облечены властью офиціально, «по свободному выбору дворянства», какъ выражался капитанъ. Но были и другія лица, которыя играли видную роль въ камерѣ. «Майданщикомъ» при мнѣ былъ Петерсонъ, обрусѣвшій англичанинъ. Ему было не больше 26—27 лѣтъ. За различныя преступленія онъ былъ раза три, четыре по отбытіи тюремнаго заключенія высланъ за границу, но каждый разъ возвращался назадъ, творилъ новыя кражи, и опять попадался. Въ послѣдній разъ онъ былъ доставленъ на «Колымажный дворъ» еще въ началѣ зимы, но не былъ препровожденъ съ первымъ этапомъ къ границѣ потому, что, добившись «майдана» въ дворянской камерѣ, онъ зажилъ припѣваючи, и всякій разъ, когда наступало время для дальнѣйшей его отправки, онъ притворялся больнымъ, и при помощи взятокъ ему удавалось оставаться. Въ тюрьмѣ говорили, что за время своего пятимѣсячнаго заключенія на «Колымажномъ» Петерсонъ, несмотря на большія взятки, которыя ему приходилось давать, все-таки успѣлъ накопить, въ качествѣ «майданщика», болѣе тысячи рублей.

Не малую роль въ камерѣ игралъ и Хапаловъ. Его авторитетъ главнымъ образомъ зиждился на его умѣньи добывать водку, которою онъ торговалъ, продавая ее по рублю и дороже за бутылку. При этомъ надо замѣтить, что тюремная водка была самаго низ-

шаго качества и имѣла отвратительный вкусъ. На «Колымажный» обыкновенно доставлялся контрабандный 90% спиртъ, который Хапаловъ разводилъ водою и, чтобы придать своей водкѣ побольше крѣпости, онъ сыпалъ въ нее много перцу, а иногда настаивалъ ее на горчицѣ. Арестанты съ удовольствіемъ платили за эту бурду по рублю и больше за бутылку. Хапаловъ увѣрялъ меня, что его заработокъ на водкѣ очень ничтоженъ, что добывать спиртъ ему дорого стоило. Помимо торговли водкою, у Хапалова была еще одна спеціальность. Когда приводили въ «Колымажный» новую партію арестантовъ, Хапаловъ встрѣчалъ ее на первомъ дворѣ и, присматриваясь къ новичкамъ, инстинктивно угадывалъ о состояніи ихъ капиталовъ. Онъ немедленно знакомился съ денежными новичками и водворялъ ихъ въ «дворянской» камерѣ; за это онъ, съ одной стороны, получалъ съ новичка отъ рубля до трехъ, а съ другой— ему отсчитывался извѣстный процентъ съ суммы, которая получалась камерою въ уплату за мѣсто.

Помимо этихъ трехъ главныхъ лицъ, составлявшихъ какъ бы администрацію камеры, никто изъ остальныхъ арестантовъ замѣтной роли не игралъ.

Я сидѣлъ на порогѣ камеры и издали присматривался къ ближайшей группѣ каторжниковъ, которая усѣлась на дворѣ въ кругъ и играла въ карты. Играли арестанты не на деньги, а на носки. Выигрывшій отсчитывалъ по носамъ товарищей болѣе или менѣе значительное количество ударовъ толстою, засаленною и грязною колодою картъ. Вообще на подобное зрѣлище, нельзя сказать, чтобы было пріятно смотрѣть; но на этотъ разъ я слѣдилъ за игрою съ интересомъ, и мнѣ ужасно хотѣлось, чтобы хоть одинъ разъ выигралъ маленькій, смѣшной субъектъ, съ подслѣповатыми глазками, котораго всѣ очень обижали, когда доходила очередь до его картофелеобразнаго носа. Его били выигравшіе по носу съ какимъ-то остервенѣніемъ и злобою, а онъ все продолжалъ подставлять свой носъ и, щуря свои подслѣповатые глазки, приговаривалъ:

— Постойте же... и я васъ... и я васъ!..

— Ну, это мы еще посмотримъ,—обыкновенно отвѣчали ему товарищи со смѣхомъ,—а пока подставляй-ка свою картофелину...

И онъ продолжалъ подставлять свой носъ, стоически перенося боль.

Но вотъ счастье ему улыбнулось, и колода картъ очутилась въ его рукахъ. Съ блаженною улыбкою онъ приблизился къ здоровому, широкоплечему арестанту.

— Я же тебя!..—произнесъ онъ фальцетомъ.—Держись!..

— Безъ разговоровъ... На, отсчитывай...

Широкоплечій арестантъ подставилъ ему свой носъ.

— Такъ, такъ, миленькій... Настала же моя очередь... блаженно улыбался обладатель картофелеобразнаго носа, стоя надъ своимъ

товарищемъ съ высоко поднятою рукою, но не думая еще ударить его.

— Что же ты, чортъ!..—терялъ терпѣніе широкоплечій арестантъ.

— А ты не торопись... Дай собраться съ силами...

— Начинай...

Въ голосѣ его послышалась угроза.

— И начну... И окончу... Сполна получишь!.. Сполна!..

Прошла нѣкоторая пауза. Смѣшной субъектъ все еще продолжалъ стоять съ высоко поднятою колодою картъ въ правой рукѣ, наслаждаясь выжидательною позою товарища. Кругомъ послышался ропотъ.

— Что-жъ ты?!..

— Начинай!..

— Начинай, чортъ!..

Но онъ все продолжалъ стоять и блаженно улыбаться.

— Такъ ты вотъ каковъ?..—угрюмо произнесъ старый арестантъ.—Мало тебѣ, что выигралъ и щелкать будешь... Тебѣ еще и помучить насъ?!.. Такъ вотъ же тебѣ, лягушка проклятая!..

Онъ размахнулся и изо всѣхъ силъ ударилъ его по затылку.

Ударъ этотъ послужилъ сигналомъ для прочихъ арестантовъ, которые набросились на смѣшного субъекта со всѣхъ сторонъ и начали осыпать его тяжеловѣсными ударами...

— Караулъ!.. Бьютъ!.. Убиваютъ!..—запищала жертва, выпуская изъ рукъ колоду картъ, которая разсыпалась по землѣ.

На крикъ его прибѣжалъ надзиратель и рознялъ арестантовъ.

— Такъ его и надо, изверга!.. послышалось надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я обернулся. Рядомъ со мною стоялъ мой товарищъ по камерѣ, молодой человѣкъ лѣтъ 18—19. Это былъ весьма блѣдный юноша, съ большимъ выпуклымъ лбомъ, свѣтлыми волосами, съ едва пробивающимися усиками.

— Чѣмъ же онъ извергъ?—спросилъ я.

— Помилуйте,—взволновался блѣдный юноша,—это настоящій звѣрь!.. Вы не смотрите, что съ виду онъ кажется такимъ жалкимъ, несчастнымъ... Это—извергъ!.. Знаете ли вы, что онъ сдѣлалъ нѣсколько дней назадъ?.. Раздобылъ гдѣ-то кошку... живую кошку... Привязалъ онъ ее крѣпко къ доскѣ и началъ гвоздемъ тыкать ей въ глаза. Одинъ глазъ таки успѣлъ окончательно выколоть ей... Счастье—арестанты сбѣжались на ея жалобное мяуканье и освободили отъ дальнѣйшихъ мученій... Досталось же ему за это, мерзавцу,—окончилъ блѣдный юноша съ волненіемъ.

Послѣ этого разсказа мнѣ стало понятно, почему арестанты съ такою злобою били смѣшного субъекта колодою по носу, и почему они такъ накинулись на него, когда онъ, въ свою очередь, собирался насладиться мученіемъ товарищей.

Блѣдный юноша и заинтересовалъ меня и понравился мнѣ. Я еще раньше замѣтилъ его въ камерѣ, но такъ какъ онъ вѣчно сидѣлъ въ своемъ углу задумавшись и не принималъ никакого участія въ жизни камеры, то заговаривать съ нимъ мнѣ до сихъ поръ не приходилось. Теперь же я воспользовался случаемъ и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— Давно вы здѣсь?—спросилъ я его послѣ нѣкотораго молчанія.

— Давно... очень давно... Зимовалъ здѣсь.

— Зимовали?

— Да, зимовалъ. Я былъ сюда доставленъ по закрытіи навигаціи и, такимъ образомъ, долженъ былъ остаться на всю зиму.

— Небось, проскучали порядочно...

— Конечно, нельзя сказать, чтобы тутъ весело было... Но при моемъ положеніи лучше здѣсь еще прожить, чѣмъ отправиться въ дальнѣйшій путь... Вѣдь тамъ еще хуже будетъ...

Онъ грустно улыбнулся, и болѣзненный вздохъ вырвался изъ его груди.

— Вѣдь меня отсюда на каторгу...

Я невольно впился глазами въ блѣднаго юношу. Мнѣ стало безконечно жаль его. Онъ стоялъ предо мною съ поникшею головою, и я напрасно старался встрѣтиться съ его взглядомъ, чтобы прочесть въ глазахъ, какого рода преступленіе совершилъ онъ.

— Васъ поражаетъ, что при моей молодости я успѣлъ уже натворить нѣчто страшное, за что меня посылаютъ на каторгу?—словно угадавъ мои мысли, заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.— Да... мое преступленіе дѣйствительно ужасно... Я вѣдь Зиновьевъ изъ N... Теперь вамъ, конечно, все извѣстно.

Я вторично впился въ него взглядомъ, и наши глаза встрѣтились. Никогда я не забуду его взгляда: столько было въ немъ горя и мольбы... Онъ долго и упорно смотрѣлъ на меня, и я видѣлъ, какъ дрожали его губы, и какъ усиленно онъ дышалъ. Онъ, повидимому, старался опять заговорить, и ему было это тяжело. Наконецъ онъ превозмогъ свое смущеніе и продолжалъ:

— Неужели моя фамилія вамъ незнакома?.. Неужели вы ничего не знаете обо мнѣ?.. Вѣдь я на всю Россію знаменитъ...

Я отрицательно покачалъ головою.

— То-то... Вы потому отъ меня не бѣжите, что не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло... Это, однако-жъ, довольно странно... Я былъ увѣренъ, что мое имя гораздо популярнѣе... Какъ бы то ни было, я отъ васъ скрывать не желаю... Я тотъ самый Зиновьевъ, который убилъ отца своего...

Юноша какъ-то дико посмотрѣлъ на меня, и я невольно отступилъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Ага!..—горько усмѣхнулся онъ.—Теперь вы вспомнили... Теперь вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло... Я вамъ противенъ... Вы

ужасаетесь моего преступленія.. Идите же своею дорогою... Я вамъ не навязываюсь...

Онъ печально опустилъ голову и выразилъ желаніе удалиться. Я схватилъ его за руку и удержалъ.

— Чего вамъ нужно отъ меня?..—пытаясь вырвать свою руку, съ горечью произнесъ онъ. — А... понимаю... Вамъ угодно узнать подробности моего преступленія? Ваше любопытство возбуждено... Но вѣдь это, съ вашей стороны, не хорошо... Мнѣ трудно объ этомъ разсказывать... тяжело...

Голосъ его упалъ, и на глазахъ появились слезы. Мнѣ стало его невыразимо жаль. Я понялъ, что преступленіе, имъ совершенное, гнететъ его совѣсть и не даетъ ему покоя. Мнѣ захотѣлось приласкать этого юнаго преступника.

— Я васъ ни о чемъ разспрашивать не намѣренъ. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашего преступленія. Мнѣ просто васъ жаль.

— Не жалѣйте меня. Я этого не заслуживаю, — перебилъ онъ меня.

— Какое мнѣ дѣло до вашего преступленія!—продолжалъ я, не выпуская его руки.—Тутъ всѣ преступники, и всѣ равны. Вѣрьте, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія заглядывать въ ваше прошлое. Тутъ мы всѣ отбываемъ наказаніе, и слѣдовательно всѣ несчастны. Чтобы легче было переносить заключеніе, мы должны другъ друга поддерживать.

Онъ посмотрѣлъ на меня благодарными глазами, полными слезъ, и я почувствовалъ, какъ рука его задрожала въ моей.

— Это первое слово сочувствія, которое я слышу, съ тѣхъ поръ, какъ меня арестовали,—чуть слышно произнесъ онъ.—Благодарю васъ. Вы не можете себѣ представить, какъ это пріятно изстрадавшейся душѣ моей. Но я не могу теперь продолжать съ вами разговоръ... Не могу... Вы меня извините... Не могу...

Онъ насильно высвободилъ свою руку изъ моей и отошелъ прочь.

Я слѣдилъ за нимъ глазами и видѣлъ, какъ шатаясь онъ подошелъ къ нарѣ, взобрался на нее и улегся внизъ лицомъ. По сильному вздрагиванію всего его тѣла я понялъ, что онъ плакалъ.

Въ теченіе двухъ дней юный преступникъ избѣгалъ меня. При случайныхъ встрѣчахъ онъ отводилъ глаза или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня. Мнѣ казалось, что за послѣдніе два дня онъ еще больше поблѣднѣлъ и осунулся. Въ первое время я старался почаще попадаться ему на глаза, думая, что въ концѣ концовъ онъ перестанетъ чуждаться меня. Но замѣтивъ, что онъ систематически избѣгаетъ меня, я наконецъ вынужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго знакомства съ нимъ и въ свою очередь оставилъ его въ покоѣ, совершенно прекративъ преслѣдовать его своимъ любопытствомъ.

Былъ восьмой часъ вечера. За большимъ столомъ капитанъ съ обычною флегмою наблюдалъ за игравшими въ штоссъ, отъ поры

до времени дѣлая вслухъ замѣчанія игравшимъ. Петерсонъ держалъ банкъ. Ему страшно не везло, и онъ злился.

— Хоть бы веревку отъ повѣшеннаго достать,—произнесъ онъ со вздохомъ.—Третій банкъ проигрываю... шутка ли...

— Когда тебя повѣсятъ,—отвѣтилъ ему одинъ изъ партнеровъ,—я непремѣнно постараюсь раздобыть кусочекъ веревки!

— Ну, братъ, шалишь! Меня никогда не повѣсятъ. А изъ-подъ тебя мнѣ, пожалуй, можетъ достаться веревка на счастье.

— Нынче вѣшать совсѣмъ перестали,—вздохнулъ капитанъ.—Да вотъ вамъ и примѣръ: ужъ онъ ли не заслужилъ веревки?

Капитанъ указалъ на стоявшаго особнякомъ Зиновьева.

— Помилуйте, родного отца убилъ. А и судьи, вмѣсто того, чтобы изъять его изъ употребленія и тѣмъ самымъ доставить намъ возможность подѣлиться его веревкою, оставили этакое сокровище въ живыхъ, — хе, хе, хе! Нѣтъ, нынче что-то перестали вѣшать... А жаль, очень жаль...

Играющіе захохотали надъ плоскою шуткою капитана и обернулись въ сторону Зиновьева. Послѣдній задрожалъ всѣмъ тѣломъ и съ опущенною головою, шатаясь, удалился.

Часа черезъ три, когда я лежалъ съ закрытыми глазами на своемъ мѣстѣ и, ворочаясь съ боку на бокъ, напрасно старался заснуть, кто-то тихонько подкрался ко мнѣ, легъ рядомъ и сдавленнымъ шепотомъ произнесъ надъ самымъ моимъ ухомъ:

— Вы не спите еще?

Я открылъ глаза и въ полу-тьмѣ узналъ Зиновьева.

— Нѣтъ, не сплю,—отвѣтилъ я.

— А я вамъ не помѣшаю?

— Нѣтъ, не помѣшаете.

— Вы меня извините,—продолжалъ онъ тѣмъ же сдавленнымъ шепотомъ,—а я желаю съ вами переговорить...

— Сдѣлайте одолженіе.

Нѣкоторое время онъ лежалъ неподвижно и молча.

— У меня къ вамъ просьба,—произнесъ онъ наконецъ.—Вы ее исполните?

— Если только это будетъ возможно.

— Невозможнаго тутъ ничего нѣтъ... Вотъ маленькій крестикъ... Я получилъ его отъ матери... Когда будете на свободѣ, перешлите его моей сестрѣ въ N... Напишите ей, чтобы помолилась обо мнѣ... Я... я...—понизилъ онъ еще больше свой голосъ,—рѣшился умереть...

— Что за мысли?..—прервалъ я его, схвативъ за руку.

— Зачѣмъ же жить? Слыхали намедни, даже и они жалѣютъ, что меня въ живыхъ оставили... Что жизнь мнѣ подарили... А мнѣ она... эта жизнь... ни къ чему... Я вѣдь отца моего убилъ... Положимъ... да что объ этомъ толковать... Вотъ сестру теперь жалко...

Ей теперь съ мачихою жить приходится... Еще хуже прежняго ей достанется... Бѣдная... такъ вы вотъ крестикъ не забудьте.

Онъ сунулъ мнѣ въ руки завернутый въ бумажку маленькій золотой крестикъ, поспѣшно всталъ и удалился.

Долго послѣ ухода Зиновьева я не могъ заснуть. Въ ушахъ моихъ раздавался его сдавленный шепотъ, а передъ глазами стояло его блѣдное, молодое лицо. Только подъ самое утро, когда дневной свѣтъ началъ пробиваться черезъ окно, вѣки мои сомкнулись, и я впалъ въ тяжелый сонъ. Разбудилъ меня необычайный шумъ въ камерѣ. Когда я открылъ глаза, то былъ изумленъ наплывомъ начальства, начиная съ караульнаго офицера и кончая смотрителемъ съ его двумя помощниками.

— Обыскъ!—промелькнуло у меня въ головѣ. Но скоро я убѣдился, что причина появленія начальства была другая. Надзиратели положили что-то на столъ. Я подошелъ поближе и увидалъ, что это «что-то» было бездыханное тѣло Зиновьева.

Ночью, когда всѣ спали, онъ удавился тонкимъ шнуркомъ.

С. Литвинъ.

ЯЗЫКЪ МОЙ—ВРАГЪ МОЙ.

(Три разсказа изъ слѣдственныхъ дѣлъ Тайной канцеляріи).

I.

Семилѣтняя преступница.

АЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ въ теченіе многолѣтняго своего существованія расплодила у насъ повсемѣстно ябедниковъ, шпіоновъ и доносчиковъ во всѣхъ классахъ общества. Ихъ весьма вѣрно охарактеризовалъ императоръ Петръ III, въ манифестѣ объ уничтоженіи Тайной канцеляріи (21-го февраля 1762 года), говоря, что ея существованіе «злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавало способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или злостнѣйшими качествами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей». «Ненавистное израженіе слово и дѣло не должно отнынѣ значить ничего, а мы запрещаемъ — не употреблять онаго никому; а если кто отнынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники».

И по старинной пословицѣ, вѣроятно, современной учрежденію Тайной канцеляріи—доносчику первый кнутъ; но до самаго ея

упраздненія подъ кнуты попадали оговоренные, жертвы личной злобы доносчиковъ.

Приводимый ниже разсказъ, заимствованный изъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла, показываетъ, что даже малолѣтнія дѣти не избѣгали застѣнковъ этого страшнаго учрежденія.

Въ Москвѣ, въ Мѣщанской слободѣ, за Сухаревой башней, въ приходѣ Наталіи и Адріана, въ 1760 годахъ существовала шелковая фабрика дворянина Петра Евреинова. Рабочіе, изъ его крѣпостныхъ, помѣщались въ особой «людской избѣ», въ родѣ казармы, тѣсно, грязно, безъ различія пола и возраста. Къ рабочимъ захаживали иногда на ночевку нхъ знакомые и, по милосердію христіанскому, разный бродячій людъ, странники и странницы. Они замѣняли фабричнымъ газеты, оплачивая за почлегъ и за хлѣбъ, за соль, розсказнями разныхъ былей и небылицъ, доставлявшихъ въ зимнія сумерки большое развлеченіе фабричнымъ.

Въ числѣ рабочихъ жилъ въ людской избѣ нѣкій Яковъ Ивановъ, тридцатилѣтній вдовецъ, съ семилѣтнею дочерью Татьяной, тоже работавшею на фабрикѣ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми, при размоткѣ шелка. Работа была по силамъ и по способностямъ малютки. Отецъ ее любилъ и берегъ; остальные рабочіе обходились съ Танюшей ласково, напрасно не обижали, и жила она въ избѣ, какъ домашній котенокъ, въ зимнюю пору, въ часы отдыха, сидя на печкѣ, мурлыкая пѣсни, слушая непонятные ей разговоры взрослыхъ, а чаще всего—почивая сладкимъ сномъ.

Однажды, на святкахъ, пришла ночевать въ избу знакомая всѣмъ фабричнымъ старушка-странница. Между прочей болтовней разсказала она и о недавней кончинѣ государыни императрицы Елисаветы Петровны, о томъ, какъ эту кончину предсказывала всему Питеру извѣстная юродивая старица Ксенія, и какъ на бѣлую грудку государыни покойницы спустился голубь, невѣдомо откуда влетѣвшій въ парадную опочивальню... Заключила странница свои розсказни поминовеніемъ царицы, пожеланіемъ здравія ея преемнику, государю Петру Θеодоровичу, супругѣ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ и наслѣднику Павлу Петровичу; при каждомъ имени старуха крестилась широкимъ крестомъ, и слушатели слѣдовали ея примѣру. Слушала и Танюшка, разиня ротъ и не спуская глазъ съ разсказчицы. Понимала она черезъ пятое на десятое, но нѣкоторыя слова западали ей въ память; почему-то особенно понравились ей слова странницы: «помяни, Господи, Павла Петровича», и повторяла ихъ дѣвочка, обыкновенно, оставаясь одна, стараясь подражать интонаціи старухи, т. е. такъ же втягивая въ себя воздухъ и какъ бы всхлипывая.

На той же фабрикѣ Евреинова работалъ, но въ общей избѣ не жилъ, крестьянинъ Иванъ Ивановъ, пятидесятилѣтній, одинокій вдовецъ, типъ истаго фабричнаго, отъявленный пьяница, задорный во хмелю и неугомонный, покуда его не побьютъ. Никто изъ то-

варищей съ нимъ не ладилъ главнымъ образомъ за его нахальство и попрошайничество то на выпивку, то на похмелье. Всѣ святки отъ самаго Рождества 1761 до новаго 1762 года Иванъ Ивановъ безъ просыпа пьянствовалъ; пропилъ все, что у него было цѣннаго, выканючилъ у другихъ рабочихъ у кого сколько могъ и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось пить. Пропьянствовавъ весь первый день новаго года, Иванъ 2-го января проснулся съ головною болью и неутолимою жаждой, съ озлобленіемъ на всѣхъ трезвыхъ, а главное на тѣхъ, у которыхъ были деньги. Воровать боялся: поймаютъ — вздуютъ; просить не у кого... «Развѣ толкнуться къ Якову Иванову?»—и за эту мысль пьяница ухватился, какъ утопающій за соломинку. Побрелъ онъ въ людскую избу; тамъ ни души... только Танюшка сидитъ на печкѣ, свѣсивъ ноги и болтая ими.

— Отецъ гдѣ?—спросилъ Иванъ.

— Ушелъ куда-то, дяденька.

— Давно ли?

— А не знаю, я спала...

— Можетъ, скоро придетъ; я подожду...

— Подожди.

Сѣлъ Иванъ къ столу и, словно въ дремотѣ, опустилъ на него свою трещавшую отъ вина голову. Танюшка, между тѣмъ, соскучившись и припомнивъ слова странницы, сперва шепотомъ, а потомъ громче да громче, стала повторять: «помяни, Господи, Павла Петровича». Пьяница началъ вслушиваться, потомъ, пошатываясь, подошелъ къ печкѣ.

— Ты кого это поминаешь, тараканъ запечный?

— Павла Петровича,—отвѣчала дѣвочка, улыбаясь.

— А кто же онъ такой?

— Павелъ Петровичъ.

— Да померъ онъ, что ли?

— Почемъ я знаю, живъ али померъ. Помяни, Господи...

— А ты откуда взяла такія рѣчи, а?—напустился на нее Иванъ.— Понимаешь ты, дура голова, что за это самое съ твово тятьки шкуру сдерутъ... Понимаешь?

Испуганная дѣвчонка изумленно смотрѣла на него.

— Чего пялишь глаза-то? Заживо поминать царскую особу все равно, что не пріемли имени Божія всуе... Понимаешь ты, глупая сорока?

Въ это время въ избу вошелъ отецъ Танюшки, Яковъ.

— Ты чего тутъ разглагольствуешь?—угрюмо обратился онъ къ непрошенному гостю.—Чего ты къ ребенку пристаешь? За что онъ на тебя накинулся, Танька?

— Дяденька говоритъ «шкуру сдеру...»,—отвѣчала та, всхлипывая.

— Что-о? Ахъ, ты, чортовъ сынъ, рожа ты пьяная! Да я тебя самого...

— Погоди, нишкни, сперва выслухай. Даешь мнѣ пять алтынъ, и дѣлу конецъ, и я знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю. Не дашь—пеняй на себя...

— А ты сперва опомнись, пьяница безпросыпный! Денегъ я тебѣ не дамъ.

— Не дашь? Ну, ладно... Не давай, не нужно, наплевать... А Таньку свою унимай, чтобы она такого не говорила... неподобающаго, да Павла Петровича заживо не поминала! А пять алтынниковъ ты мнѣ дай попріятельски, а не то я за тобой «царское слово» закричу... Мнѣ, милый человѣкъ, присяга—дороже всякихъ денегъ! Вотъ какой я есть человѣкъ.

— Ты не человѣкъ, а какъ есть—свинья! Присталъ къ ребенку, меня стращать вздумалъ... Ступай, проспись, дурацкая голова, не доводи меня до грѣха.

— Яковъ Ивановъ, слушай, послѣднее мое слово... Даешь пять алтынъ?

— Пошелъ вонъ, вотъ тебѣ мое послѣднее слово! — отвѣчалъ Яковъ и, взявъ Ивана за плечи, вытолкнулъ его изъ избы и заперъ дверь на засовъ.

Раздраженный пьяница явился въ фабричную контору и объявилъ тамъ, чтобы его «по самонужнѣйшему дѣлу» отправили въ канцелярію мануфактуръ-коллегіи.

Въ канцелярію мануфактуръ-коллегіи, помѣщавшуюся въ Кремлѣ, Ивановъ, въ сопровожденіи хожалаго, пришолъ въ часы неприсутственные. Сторожъ, получивъ его съ рукъ на руки, посадилъ въ какой-то чуланъ, давъ ему, по его убѣдительной просьбѣ, ломоть хлѣба и кувшинъ воды.

На другой день, 3-го января, часовъ въ десять, Иванъ, совершенно уже отрезвившійся, былъ введенъ въ присутствіе канцеляріи и дословно передалъ свой разговоръ съ Яковомъ Ивановымъ, умолчавъ о пяти алтынахъ.

— Почему же ты обратилъ такое вниманіе на слова Татьяны?— спросилъ первоприсутствующій.

— Потому, ваше высокородіе, осмѣлюсь доложить, что этихъ неподобныхъ словъ она ни о комъ иномъ, опричь какъ о благовѣрномъ цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, говорить не могла. Нашего барина зовутъ Петромъ, дѣтей у него нѣтъ, онъ холостъ. Я оченно кротко и вѣжливо сказалъ отцу Танькиному, Якову Иванову: «уйми ты дочь, чтобъ не врала», а онъ меня ругать зачалъ.

— Это мы уже слышали, — перебилъ его одинъ изъ чиновниковъ. — А ты, Иванъ Ивановъ, знаешь, чему за ложный извѣтъ подвергаешься?

— Я, ваше высокородіе, говорю, какъ передъ Истиннымъ!—онъ

размашисто перекрестился.—Какъ вѣрноподданный государя императора Петра Θеодоровича, я не могъ слышать злобныхъ рѣчей о его сынѣ Павлѣ Петровичѣ.

— Ладно; помолчи. Никому не говорилъ объ этомъ, окромя насъ?

— Никому, ваше высокородіе.

Первоприсутствующій приказалъ вывести Иванова и сказалъ, обратясь къ секретарю:

— Его надобно будетъ при рапортѣ отправить въ Тайную контору.

— Но доносъ самъ по себѣ такъ нелѣпъ, что, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ вниманія. Семилѣтняя дѣвчонка, сама не понимая, что говоритъ...

— Совершенно съ вами согласенъ; но входить въ разбирательство доноса не наше дѣло. Мы обязаны сдѣлать докладъ Тайной конторѣ, иначе всѣ можемъ быть обвинены въ потворствѣ.

Написали рапортъ и отправили Ивана Иванова въ Преображенское. Въ Тайной конторѣ его заставили отъ слова до слова повторить свое показаніе.

Въ самый крещенскій сочельникъ, 5-го января, на фабрику Евреинова нежданно-негаданно пришли два солдата съ капраломъ. Послѣдній, представивъ какую-то бумагу управляющему, потребовалъ, чтобы тотъ сдалъ ему дочь рабочаго, крѣпостную г. Евреинова, дѣвку Татьяну Яковлеву. Управляющій повелъ солдатъ въ людскую избу. Отецъ Танюшки, Яковъ Ивановъ, былъ дома, а Танюшка рѣзвилась гдѣ-то на дворѣ. Работъ на фабрикѣ не было. При извѣстія, что солдаты пришли за его дочерью, Яковъ обомлѣлъ.

— Мою Танюшку въ Тайную контору! Господа служивые, да это какая нибудь ошибка. Дочери моей семь лѣтъ.

— У насъ въ бумагѣ прописано: дочь Якова Иванова, Татьяна, семи лѣтъ!—пояснилъ капралъ.

— Да въ чемъ же, родные мои, могла она провиниться? Она безвыходно дома сидитъ...

— Въ чемъ виновата, про то начальство вѣдаетъ, а мы по ней посланы.

— Голубчики, да неужто-жъ ее къ допросу?

— Надо полагать. Да чего же ты трусу празднуешь? Небойсь, выпустятъ.

— Такъ позвольте и мнѣ идти съ вами.

— Никакъ этого не можно: о тебѣ въ бумагѣ ничего не прописано. Придетъ время — вызовутъ и тебя.

— Да я не въ контору, а только провожу дочурку до Преображенскаго.

— Ты не конвойный, провожать ее не за чѣмъ, — строго замѣтилъ капралъ.—Гдѣ же дочка-то? Зачѣмъ ты въ сундукъ полѣзъ?

Открывъ свой сундучишко, Яковъ побрякалъ деньгами, причемъ лицо капрала пріятно осклабилось, да и солдаты перестали глядѣть

хмуро... Имъ и капралу перепала малая толика. Послѣ того Яковъ связалъ въ узелокъ бѣльишко Танюшки, досталъ теплую коцевейку, потомъ вышелъ во дворъ, откуда вскорѣ вернулся съ дочерью.

— Гулять, гулять пойдемъ!—говорилъ онъ ей, одѣвая малютку, и Танюшка видимо была довольна. Капралъ и солдаты, задобренные отцовскою благостынею, смотрѣли на дѣвочку почти съ участіемъ. Скоро одѣлся Яковъ и, перекрестясь, вышелъ съ дочерью изъ избы. Дорогою онъ попеременно то велъ ее за руку, то несъ на рукахъ; весело болтая и грызя пряникъ, купленный ей отцомъ, дѣвочка шла въ вертепъ пытокъ, стенаній и слезъ, какъ овца на убой. Когда приблизились къ Преображенскому, капралъ велѣлъ Якову поотстать. Крестилъ и цѣловалъ свою дочурку бѣдный отецъ, не чувствуя, какъ слезы градомъ катятся у него изъ глазъ. Расплакалась и Танюшка. Ласками и обѣщаньями, что онъ сейчасъ пріидетъ, отцу удалось ее успокоить, и дѣвочка спокойно вошла въ зданіе Тайной конторы. Ее ввели въ присутствіе, и чиновники, сидѣвшіе за столомъ, невольно приподнялись съ мѣстъ, чтобы взглянуть на подсудимую, маленькую, тщедушную дѣвочку, ростомъ до высоты стола, край котораго доходилъ до ея подбородка. Приводимъ дословно подлинный допросъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Таня,—отвѣчала дѣвочка, смотря съ любопытствомъ на раззолоченное зерцало.

— Сколько лѣтъ?

— Не знаю, дяденька.

— Ты крѣпостная г. Евреинова? Ну, говори же: крѣпостная!

— Крѣпостная,—повторила Танюшка.

— И глупая дѣвочка?

— Глупая.

Чиновники съ невольною улыбкою переглянулись.

— Припомни-ка, Танюшка,—продолжалъ оберъ-секретарь (Хрущовъ),—говорила ты слова: «Помяни, Господи, Павла Петровича».

Дѣвочка, глупо смѣясь, законфузилась.

— Ну, ну, говори. Сказывала ты эти слова?

— Помяни, Господи, Павла Петровича! — пролепетала она крестясь.

— Ладно. Зачѣмъ ты ихъ говорила?

— Это когда царица умерла, и голубокъ прилетѣлъ, такъ бабушка и сказала: «Помяни, Господи!».

— А-а, — произнесъ Хрущовъ. — Понимаете, господа? Дѣвочка слышала, какъ поминали въ Бозѣ почившую государыню Елисавету Петровну, и переврала имена.

— Ты хотѣла сказать: Елисавету Петровну, а сказала: Павелъ Петровичъ? Такъ?—спросилъ секретарь Прокофьевъ.

— Такъ. Помяни, Господи...

— Училъ тебя кто нибудь это говорить, или ты по своей глупости говорила?

— По глупости говорила.

— Отецъ былъ тогда въ избѣ?

— Нѣтъ, тяти не было, а Иванъ былъ. Какъ тятя пришелъ, такъ сталъ Ивана гнать; поругались они, Иванъ и ушелъ... а я на печкѣ сидѣла.

— Ты правду говоришь?

— Правду.

— Если лжешь,—пояснилъ секретарь,—то съ тобою поступлено будетъ по указамъ.

— По указамъ,—машинально повторила дѣвочка.

— Писать и читать умѣешь?

— Нѣ! Тятя говоритъ, что когда большая выросту...

Давъ свое показаніе, преступница, разинувъ ротъ, уставилась на зерцало: очень ужъ ее занималъ раззолоченный орелъ и рѣзныя ножки.

— А тятя скоро придетъ?—спросила она оберъ-секретаря.

— Скоро, скоро! — сказалъ Хрущовъ съ улыбкою и велѣлъ сторожу увести малютку покуда въ свою каморку. Сторожъ былъ семейный.

— И смѣхъ, и грѣхъ! — сказалъ секретарь по уходѣ малютки.

— Если бы моя воля, — отозвался Хрущовъ, — я бы велѣлъ доносчика батожьемъ попарить. Отъявленный негодяй! Доносъ на семилѣтняго ребенка, слабоумнаго, который и самъ не понимаетъ, что говоритъ?

— Она-то не понимаетъ, — замѣтилъ одинъ изъ членовъ, — но слышала, какъ взрослые говорили. А эти фабричные—бѣдовый народъ, первые мятежники! Отца этой дѣвчонки допросить надо. Она съ его словъ говоритъ...

— Полно вамъ, Игнатій Өедоровичъ,—возразилъ Хрущовъ.—По-вашему, пожалуй, надобно всю фабрику Евреинова поголовно перебрать. За Яковомъ Ивановымъ мы пошлемъ, конечно; того порядокъ дѣлопроизводства требуетъ.

— Артемій Семеновичъ,—обратился къ нему секретарь.—Вѣдь Татьяна Иванова не совершеннолѣтняя, а въ градскихъ законахъ...

— Законы мы, сударь, всѣ твердо знаемъ, и что Танька — несовершеннолѣтняя, видимъ. Но примите во вниманіе то обстоятельство, что о доносѣ Ивана Иванова намъ формально сообщаетъ канцелярія мануфактуръ-коллегіи; наша контора подвѣдомственна Тайной канцеляріи въ Петербургѣ. Пренебречь изслѣдованіемъ дѣла мы не смѣемъ; рѣшеніе наше должны представить на утвержденіе Тайной канцеляріи, графу Александру Ивановичу Шувалову. Но оставить извѣтъ безъ послѣдствій—значитъ идти самимъ подъ судъ.

Отецъ Танюшки, словно убитый ходилъ неподалеку вадъ и впе-

редъ около тайной конторы. Прошелъ часъ, другой, третій... Терпѣнія, наконецъ, не хватило, онъ рѣшился вызвать капрала. Скромная благостыня бѣднаго фабричнаго могла лишь на время смягчить сердце гарнизоннаго ликтора. На всѣ разспросы отца о дочери онъ отвѣчалъ неохотно и сурово; гривенникъ отомкнулъ уста капрала, и онъ, подъ строжайшимъ секретомъ, сообщилъ Якову Иванову, что дочь его подъ арестомъ, на квартирѣ у сторожа.

— Только ни видѣть ее, ни говорить съ ней ни подъ какимъ видомъ невозможно. Да ты не горюй, милый человѣкъ, вѣрно самъ скорехонько къ намъ попадешь. Ступай подобру-поздорову къ себѣ на фабрику.

— Да съ Танькой-то что будетъ?—заплакалъ Яковъ.

— Будетъ цѣла. Чего нюнить? Пытать эдакую махонькую не будутъ.

Между тѣмъ въ каморкѣ сторожа Танюшка сидѣла на полу съ двумя ребятишками, лѣтъ шести и трехъ, и вмѣстѣ съ ними перебирала какіе-то пестрые лоскутки. Нашла забаву и обо всемъ забыла; но къ вечеру заблажила, расплакалась, стала проситься къ тятькѣ. Жена сторожа, видя, что ласки не берутъ, прикрикнула, раза три шлепнула... Утихла дѣвчонка.

Черезъ три дня въ Тайную контору былъ приведенъ отецъ Танюши. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ отрицательно, о «важныхъ словахъ» дочери отозвался незнаніемъ. «Слыхала она, можетъ быть, какъ изъ нашихъ фабричныхъ кто нибудь, придя съ панихиды по государынѣ покойной, поминалъ ее»,—пояснилъ онъ,—«дитя глупое, безъ всякаго умыслу, повторило, да имена спутало».

Того же мнѣнія были и всѣ судьи. По снятіи допроса, Якову Иванову прочитанъ указъ: «о чемъ онъ въ Тайной конторѣ разспрашиванъ и что показалъ, о томъ ему, будучи въ Тайной конторѣ подъ карауломъ, съ колодниками и караульными солдатами разговоровъ однюдь не имѣть и колодниковъ, кто по какимъ дѣламъ содержится, отнюдь же не выспрашивать; тако-жъ, будучи на свободѣ, нигдѣ ни съ кѣмъ, ни подъ какимъ видомъ, разговоровъ потому-жъ не имѣть и никому ни чрезъ что не сообщать; ежели онъ по сему не исполнитъ, и за то учинена ему будетъ смертная казнь».

— И Танюшку сказнятъ?—воскликнулъ Яковъ блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ и падая на колѣни.—Ваше высокородіе, смилуйтесь хоть надъ младенцемъ-то!!..

— Да и ты не умнѣе дочери!—засмѣялся секретарь, читавшій указъ.—Если ты съ кѣмъ нибудь объ этомъ дѣлѣ будешь болтать, тогда тебѣ за то можетъ быть учинена смертная казнь. Понялъ?

— Никому объ этомъ дѣлѣ не говорить?

— Ни въ арестантской, ни на волѣ...

— Ваше высокородіе,—не вставая съ колѣнъ, взмолился Яковъ:—осмѣлюсь спросить: Танюшка въ арестантской?

— Нѣтъ,—успокоилъ его Хрущовъ,—она на квартирѣ у сторожа.

— Ежели она сдуру про это дѣло сболтнетъ? — съ ужасомъ сказалъ Яковъ.—Явите милость божескую: посадите ее въ одинъ казематъ со мной...

— Въ общую-то арестантскую? Тоже выдумалъ!

— А что же?—замѣтилъ Хрущовъ,—пожалуй, можно посадить ихъ обоихъ въ секретный нумеръ?

— Незаконно будетъ,—возразилъ одинъ изъ членовъ.—Можетъ произойти стачка. Уже и то послабленіе, что Татьяна не въ арестантской.

— Такъ-то такъ, а все же... Ну, слушай,—обратился Хрущовъ къ Якову:—даешь ты клятву со своей Танюшкой ни слова не говорить про это дѣло?

Яковъ учащенно сталъ креститься на образъ.

— Да скорѣй себѣ языкъ откушу, а ей строго-настрого накажу молчать, а ежели она только у меня пикнетъ—изувѣчу, убью!.. А то за глупое слово и я, и она живота лишимся!..

— Жалѣючи тебя и твою дѣвочку,—сказалъ Хрущовъ,—я велю помѣстить васъ въ особую камеру. Говори съ дочерью, что хочешь, но про это дѣло ни гугу!.. Слышишь?

Якова, видимо довольнаго судьбой, вывели изъ комнаты присутствія.

Хотя угроза смертною казнію была лишь обычною юридическою формулою того времени, но помѣщеніе Якова въ отдѣльную камеру было для него истиннымъ благодѣяніемъ. Что нужды, что въ этой камерѣ какъ бы мертвечиной пахло, что въ стѣну были ввинчены ржавые кандалы, что на нарахъ замѣтны были плохо замытыя кровавыя пятна...

Прошло нѣсколько дней, когда наконецъ члены московской Тайной конторы постановили «по дѣлу о произнесеніи семилѣтней дѣвочкой неприличныхъ словъ (?!)» такое рѣшеніе:

«Отца подсудимой Якова Иванова и доносчика Ивана Иванова изъ-подъ караула освободить. Хотя Татьяна по малолѣтству своему и совершенной глупости показанныя слова выговаривала, что ей и отпустительно, но дабы впредь она страхъ имѣла и таковыхъ и другихъ неприличныхъ словъ врать не отваживалась, — разсуждается: высѣчь ее лозами, какими обыкновенно малолѣтніе наказываются».

Танюшка, ея отецъ и негодяй доносчикъ просидѣли подъ карауломъ еще двѣ недѣли, въ ожиданіи отвѣта Тайной канцеляріи изъ Петербурга. Отвѣтъ, полученный московскою Тайною конторою 26 января, гласилъ слѣдующее:

... «хотя Тайная контора мнѣніемъ своимъ о учиненіи рѣченной дѣвкѣ Татьянѣ за произнесеніе нѣкоторыхъ словъ (о коихъ по экстракту явно) наказаніе лозами и представляетъ, но, понеже въ

этихъ словахъ важности никакой не зависитъ; къ тому же, какъ изъ разспроса ея оказалось, что она тѣ слова говорила безъ умысла съ глупости своей, что отъ роду ей еще семь лѣтъ, а въ градскихъ законахъ напечатано: «аще седьми лѣтъ отрокъ или бѣсный убіетъ кого, не повиненъ есть смерти»,—чего ради, въ силу оныхъ градскихъ законовъ, того наказанія оной дѣвкѣ не чинить; о свободѣ же ея и двороваго вышеписаннаго Евреинова человѣка Иванова и объ отдачѣ ихъ въ домъ помянутаго Евреинова попрежнему—быть по мнѣнію Тайной конторы»...

Согласно этому указу, разумному и милостивому, отецъ, дочь и доносчикъ были выпущены изъ арестантскихъ Преображенскаго.

Все пошло прежнимъ, обычнымъ порядкомъ: Яковъ Ивановъ и Танюшка работали, Иванъ Ивановъ пьянствовалъ, но доносами болѣе не промышлялъ, раскаиваясь въ извѣтѣ своемъ на Танюшку. Пьяница разсчитывалъ, что его наградятъ деньгами за усердіе и похвальную преданность правительству, но обманулся въ расчетѣ!..

II.

Русскій преторіанецъ.

Одиннадцать мѣсяцевъ, — съ іюля 1762 до іюня 1863 года,— гвардія наша пробыла въ Москвѣ вмѣстѣ съ только что вступившею на престолъ императрицею Екатериною II. По окончаніи блестящихъ празднествъ коронаціи, государыня оставалась въ первопрестольной столицѣ для поклоненія святынямъ, для посѣщенія Троицко-Сергіевской лавры и Новаго Іерусалима. Съ половины іюня войска начали по частямъ возвращаться въ Петербургъ. Древняя столица готовилась отдохнуть отъ праздниковъ и отъ гостей, не совсѣмъ спокойныхъ. Важничали и кичились офицеры, отвоевавшіе престолъ Екатеринѣ, чванились и гордились гвардейскіе солдаты, изъ которыхъ каждый считалъ себя если не главнымъ виновникомъ, то ступенью восшествія Екатерины на тронъ. Надоѣли они москвичамъ своими розсказнями, а пуще того навязчивостью и разными требованіями. Гвардейцы держали себя въ Москвѣ, какъ бы въ завоеванномъ городѣ: правда, безчинствъ особенныхъ они себѣ не позволяли, но обходились съ жителями уже слишкомъ безъ чиновъ.

Жилъ тогда за Сухаревой башней, по Спасской улицѣ, въ домѣ купца Мозжухина, уволенный въ 1762 году изъ Преображенскаго полка сержантомъ Ѳедоръ Караваевъ, съ женою Марьею. Происходилъ онъ изъ церковнаго чина; на службу поступилъ еще при государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1739 году, а по увольненіи изъ полка въ лейбъ-гвардіи Московскій батальонъ проживалъ очень скромно на вольной квартирѣ, человѣкъ былъ не пьющій и на хорошемъ счету у начальства.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи, съ 18 на 19 іюня, когда мирная чета Караваевыхъ уже готовилась ко сну, кто-то сильно постучался у ихъ дома подъ окномъ. Караваевъ окликнулъ: кто тамъ?

— Я, я, — отвѣчалъ басистый голосъ — Степанъ Власовъ, зять вашъ.

— Чего полуночничаетъ?—сердито проворчалъ Караваевъ, одѣваясь.—Нашелъ время по гостямъ ходить! Я, Марьюшка, выпровожу его,—обратился онъ къ женѣ,—ты не безпокойся!

Онъ вышелъ во дворъ, отворилъ калитку и впустилъ зятя. Степанъ былъ выпивши, но «въ силѣ» и въ памяти.

— Не прогнѣвайся, — сказалъ Караваевъ гостю:—мы съ женой уже спать легли; не ждали такого поздняго посѣщенія.

— Днемъ-то въ караулѣ стоялъ, да пяти часовъ смѣнился,—заговорилъ Власовъ,—только таперича къ вамъ поспѣлъ; проститься зашелъ съ вами и съ Марьей Петровной.

— Спитъ моя Марья Петровна,—сухо отвѣчалъ тесть нецеремонному зятю,—и ты не прогнѣвайся, въ избу я тебя не пущу. Хочешь что мнѣ сказать, такъ и здѣсь на крыльцѣ поговоримъ.

Присѣлъ онъ съ гостемъ на ступенькахъ крыльца. Ночь была темная, и полупьяному Власову не видно было, что лицо тестя хмурится, и говоритъ онъ съ зятемъ сквозь зѣвоту.

— Я нонѣ все по гостямъ ходилъ, — продолжалъ тотъ.—Былъ у нашего майора Текутьева. Онъ о тебѣ вспоминалъ, когда ты у него въ ротѣ служилъ... Хвалилъ тебя очень... Отъ него пошелъ къ Петру Петровичу Воейкову.

— Къ нему-то какъ попалъ?

— Къ Воейкову-то? Эге, да онъ меня по милости своей жалуетъ, не оставляетъ...

— Куда неоставленіе его было,—усмѣхнулся Караваевъ,—когда при покойномъ государѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ Воейковъ вамъ уши рубилъ да прикладами васъ билъ. «Штурму-то» помнишь, какъ мы царицѣ присягали? Рогожинъ Егоръ въ строю стоялъ, когда Воейковъ на проппективу выѣхалъ, выругалъ насъ, какъ ни есть хуже: «зачѣмъ де, такъ и такъ, идете, очертя голову, измѣнники, подлецы!», а Рогожинъ его съ лошади ссадилъ за то, что Воейковъ незадолго передъ тѣмъ ухо ему отрубилъ.

— Времена перемѣнчивы, другъ любезный, — возразилъ Власовъ,—нынѣ Рогожинъ къ Воейкову въ гости ходитъ и тотъ содержитъ его въ своей милости... И мы съ Воейковымъ имѣемъ компанію, да и еще кой съ кѣмъ. Нашъ Петръ Петровичъ—душа человѣкъ, присягѣ вѣренъ... Ему царица никакихъ милостей не оказала, только на службѣ оставила; ничего... Онъ почище иныхъ прочихъ, измѣнщиковъ. Пассекъ—камергеръ, Баскаковъ — камерюнкеръ—измѣнщики окаянные, живутъ себѣ, веселятся! Ну, и наплевать, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. «Мы оставлены,—

сказывалъ мнѣ Воейковъ,—и очень прекрасно! Мы за это вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ намѣрены государыню живота лишить!»

— Тссъ!—шикнулъ зятю перепуганный Караваевъ:—ты врать ври, да мѣру знай. Тебя за такія слова, знаешь, куда упекутъ? Не поздоровится.

— Да, только не намъ! Я, вѣдь, тоже не дуракъ; не одинъ я въ этомъ намѣреніи: опричь Воейкова, съ нами въ компаніи есть господа и въ голубыхъ и въ алыхъ лентахъ... не шути съ нами, мы и гвардію-то всю по боку, да и на нашей улицѣ будетъ праздникъ! А, что, тестюшка, нельзя ли кваску попить?

— Посиди, вынесу!—отвѣчалъ Караваевъ, ни живъ, ни мертвъ, уходя въ избу.

— Что, еще сидитъ?—спросила его жена.

— Квасу проситъ. Ты одѣвшись, Марьюшка, вынеси ему кувшинъ—я боюсь, дурака, одного оставить; онъ можетъ набѣдокурить! Что говорить-то, ежели бы ты слышала... Волосъ дыбомъ! Государыню живота лишить хочетъ...—шепнулъ онъ женѣ...

— Господи, спаси и помилуй! — ужаснулась она, крестясь на образъ.—Да, можетъ, онъ пьянъ?

— Пьянъ-то пьянъ; но знаешь пословицу: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ... Вынеси ты ему квасу-то, авось отвяжется.

Вышла Караваева на крыльцо. Власовъ, какъ вѣжливый гвардеецъ, увидя Караваеву, поднялся со ступеньки.

— Любезнѣйшей тещѣ, Марьѣ Петровнѣ, наше нижайшее! Извините, что безпокою...

— Кушай на здоровье!

Пыхтя и отдуваясь, Власовъ прильнулъ губами къ кувшину, жадно глотая кисловатый квасъ. Взявъ пустой кувшинъ, теща ушла въ избу, а за нею и Караваевъ; оба надѣялись, что неугомонный зятюшка оставитъ ихъ въ покоѣ. Но нашъ гренадеръ, занявъ выгодную позицію, и не думалъ объ отступленіи. Въ сѣняхъ раздались его тяжелые шаги, и онъ ввалился въ избу.

— Тестюшка почтенный, дражайшая Марья Петровна! Ужъ такъ и быть, я у васъ переночую!.

— Да вѣдь мы тебя не звали!—угрюмо сказалъ хозяинъ.—Да и какія тутъ ночевки! Тебѣ въ караулъ идти надо-ть.

— Въ караулъ мнѣ идти въ пять часовъ, а таперича еще и полуночи нѣтъ. Такъ ужъ вы позвольте!—заключилъ гость, снимая мундиръ.

Хозяйка дала ему подушку и одѣяло; Власовъ расположился на скамьѣ.

— Слушай, Степанъ,—сказалъ ему тесть сердито.—Ты дурь-то изъ головы повыкинь, что мнѣ говорилъ...

— Ахъ, оставь!—махнулъ Власовъ рукой.—Я тебѣ сказалъ, какъ

родному, а ты помалкивай и никому ни гугу! Пассеку, Баскакову—лафа; Орловы по горло золотомъ засыпаны, а намъ шиши! Нѣтъ, врешь! Подавай намъ, что слѣдуетъ, а это не модель! Мы почище лейбъ-кампаніи... Мы — своя компанія... Воейковъ не хуже иного прочаго... А ты молчи!

Тутъ гость захрапѣлъ и уснулъ глубокимъ сномъ.

— Что, Марьюшка, хорошъ суприз?— шепнулъ Караваевъ женѣ.—Спьяна ли онъ вретъ, али и вправду что злое на умѣ держитъ, только пропадемъ мы съ тобой ни за полушку...

— Полно, Ѳедя,—успокоила жена,—это онъ впьянѣ городитъ. Слышалъ, что офицеры обижаются, вотъ съ ихъ голоса и запѣлъ...

— И мы съ тобой пѣтухами запоемъ, матушка! Знать объ умыслѣ на жизнь царицы и не донесть—за это, по закону, голову долой! Зять, зять,—но я присяжный человѣкъ и заповѣди Господни помню. Жаль дурака, а донести на него непремѣнно слѣдуетъ.

— Погоди до утра,—уговаривала жена,—авось проспится! А ежели и утромъ тѣ же рѣчи страшныя будетъ говорить, тогда—твоя воля, донеси по командѣ. Ложись съ Богомъ спать: утро вечера мудренѣе...

— Какой тутъ сонъ! Я глазъ не сомкну, у меня голова кругомъ идетъ... Эхъ, не было печали, да черти накачали... Спи, ежели хочешь!

— Охъ, родненькій, да и я весь сонъ перегуляла.

Сѣлъ мужъ съ женой въ уголокъ, поглядывая то на спящаго, то на оконца въ ожиданіи утренней зари. Въ пятомъ часу любезный зятюшка проснулся. Не успѣлъ, какъ говорится, глаза продрать и встать на ноги, какъ обратился къ хозяину:

— Тестюшка, родной мой, въ походъ идемъ сегодня, въ Питеръ; далъ бы ты мнѣ на дорожку свое благословеніе да денегъ полтинку, ась?

— Ну, Степанъ, не взыщи: денегъ у насъ нѣтъ.

— Родному-то зятю? Полно, дружище, не говори пустого. Марья Ивановна, у тебя материнское сердце...

— Ей-ей, денегъ у насъ нѣтъ, Степанъ... Хоть обыщи.

— Богъ съ вами, на нѣтъ и суда нѣтъ. Такъ толкнитесь къ сосѣдямъ, занять можно. Я опосля отдамъ, да не то, что полтину, а на сотнѣ рублевиковъ не постою...

— Сходи къ сосѣду-сержанту, Ивану Николаевскому,—сказалъ Караваевъ женѣ.—Надобно-жъ отвязаться.

— Что дѣлать, тестюшка, — продолжалъ нецеремонный зять.—Свой своему поневолѣ другъ.

— А ежели ты намъ другъ, такъ ты и послушайся: не говори своихъ злодѣйскихъ рѣчей... Что вчера ты болталъ?

— Тссъ, ни гугу, не твоего ума дѣла: рѣшено и аминь!

— Да ты все помнишь, что ночью говорилъ?

— А то нѣтъ, что ли? Конечно, все помню. Только ты не проболтайся кому, а мы дѣло обработаемъ, и попадетъ вашъ Степанъ въ знать, что и рукой не достать!

— Рукой-то не достать и до висѣлицы!—сердито буркнулъ тесть.— Ты лучше опомнись, образумься.

— Слово мое твердо! — ломался Власовъ, — и отступиться отъ того, что начато, не могу, хоть ты мнѣ колъ на головѣ теши...

Пришла Караваева отъ сосѣда и брякнула на столъ серебряной мелочи на полтину.

— За это спасибо, Марья Ивановна,—сказалъ Власовъ, убирая монеты въ свой кошелекъ.—Видитъ Богъ, съ лихвою отдамъ...

— Какъ знаешь, Степанъ; ступай съ Богомъ...

— За безпокойство простите. Свои люди—сочтемся,—любезничалъ нахалъ.—А ты, тестюшка, куда собираешься?

— Зятюшку проводить!—злобно отвѣчалъ Караваевъ, надѣвая мундиръ.—Жена, выйди-ка въ сѣнцы на минутку, — мигнулъ онъ Марьѣ.

— Пойду къ Текутьеву, — шепнулъ онъ ей, — дуракъ не унимается...

— Твоя воля, батюшка... Только ты дочку-то нашу, рожденіе свое пожалѣлъ бы. Попроси майора, чтобы онъ Степана не погубилъ...

— Да ужъ я знаю, какъ сказать, не учи.

Вышелъ въ сѣни и Власовъ.

— Не гостинцу ли мнѣ на дорогу дать хотите?—спросилъ онъ по свойственной ему деликатности.—Не надобно, не безпокойтесь; я и такъ очень вами доволенъ.

Тесть и зять вышли на Спасскую улицу. Напоминаніе жены Караваева о ихъ бѣдной дочери поколебало его въ намѣреніи донести на зятя. Дойдя съ нимъ до церкви Троицы на Листахъ, Караваевъ, крестясь, остановился у часовни. Прохожихъ за раннимъ временемъ почти не было на улицѣ.

— Слушай, Степанъ,—сказалъ Караваевъ зятю,—отступись ты, ради Христа, отъ своихъ злыхъ замысловъ, а ежели что за другими знаешь, принеси государынѣ повинную: она тебя не токмо простить, но, можетъ быть, еще и наградитъ...

— Я этого не слушаю,—запальчиво отвѣчалъ Власовъ,—и ты мнѣ больше объ этомъ не говори. Главное дѣло, о моихъ разговорахъ никому ни гугу.

— Быть такъ; прощай, женѣ кланяйся.

Караваевъ вернулся домой, Власовъ пошелъ своею дорогой.

Придя домой, тесть призадумался надъ рѣшеніемъ роковаго вопроса: доносить, или нѣтъ? Погубить зятя, или гибнуть самому? Раскроется дѣло долго ли, коротко ли; притянутъ къ Іисусу. Можно запереться: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; но «правда у Петра и Павла», какъ зачнутъ пытать, такъ тутъ не только на зятя,—на отца родного наговоришь все, что заплечнымъ мастерамъ угодно...

Иногда человѣка тянетъ къ гибели какая-то сила, чистая или

нечистая. Часу въ седьмомъ кто-то постучался у дверей избы Караваева. Трухнулъ сержантъ, отворяетъ—опять Власовъ!

— Однако, Степанъ, нѣтъ тебѣ угомону сегодня! Не за деньгами ли опять?

— Нѣтъ, тесть любезный, а хочу я тебя попросить, не сходишь ли къ Текутьеву: онъ тебя помнитъ и хвалитъ... Замолви ему словечко, чтобы онъ въ Питерѣ милостями своими меня не оставилъ...

— Да вѣдь онъ тебя такъ жалуетъ?

— Жаловать-то жалуетъ, а все же, какъ ты попросишь, оно вѣрнѣе будетъ.

Зло взяло Караваева на зятя-нахала: самъ въ петлю лѣзетъ. Одѣлся старикъ опять и пошелъ вмѣстѣ съ зятемъ къ Текутьеву. Послѣдняго, несмотря на раннюю пору, онъ не засталъ дома: майоръ уѣхалъ въ полковую канцелярію. Выходя изъ дверей, Караваевъ замѣтилъ Власова, расхаживавшаго въ огородѣ. Рѣшился тесть на послѣднюю попытку отговорить зятя отъ сумасбродныхъ замысловъ... Тотъ и руками и ногами.

— Не слушаю я тебя, миновать того дѣла не хочу, а ты знай—молчи. Въ этомъ дѣлѣ я не одинъ; въ нашемъ согласіи кавалеровъ четыре персоны: Петръ Петровичъ Воейковъ, Воронцовъ...

— Какой Воронцовъ?

— Про то я знаю; да насъ, гренадеровъ, человѣкъ восемь, и Егоръ Рогожинъ съ нами. Разъ, какъ мы въ томъ согласіи были, одинъ изъ кавалеровъ и спрашиваетъ: «какимъ лучше способомъ государыню живота лишить?» А другой ему въ отвѣтъ: «какимъ то способомъ учинить, ваше превосходительство лучше меня знаете». Положили на томъ, чтобы государыню здѣсь же, въ городѣ, когда она въ Петербургъ поѣдетъ, застрѣлить. Коли-бъ она тѣмъ своимъ походомъ не упредила [1]), то, конечно, самимъ дѣломъ исполнилось бы здѣсь въ нею. Удастся ли мнѣ къ Воронцову сходить и согласиться въ томъ, а то, ежели меня съ Рогожинымъ за то, что мы у Текутьева въ пьянствѣ содержались, въ другіе полки выпишутъ, мы и знать о томъ не будемъ!.. Ты меня не отговаривай: что задумано, то и учинимъ, а государынѣ живой не быть. Мнѣ за то обѣщанъ кафтанъ.

Слушая зятя, Караваевъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и сталъ торопливо прощаться съ нимъ.

— Смотри же,—сказалъ Власовъ,—объ всемъ, что я тебѣ говорилъ, никому ни гугу, слышишь?

— Вотъ тебѣ крестъ, что чего говорить не слѣдуетъ, того не скажу!—отвѣчалъ Караваевъ.

Съ огорода Текутьева онъ опрометью бросился къ сосѣду своему, баталіонному сержанту Ивану Заварзину, и сообщилъ о су-

[1]) Екатерина выѣхала изъ Москвы 14 іюня.

ществованіи заговора и своемъ намѣреніи донести на злоумышленниковъ. Послѣднее Заварзинъ одобрилъ. Придя вмѣстѣ съ нимъ домой и объяснивъ женѣ о своемъ непреложномъ рѣшеніи, Караваевъ поручилъ ее Заварзину подъ покровительство, а самъ, благословясь, отправился къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову.

Не легкое дѣло было добраться до такой важной персоны и добиться разговора съ ней съ глаза на глазъ. Орловъ внимательно выслушалъ Караваева и тотчасъ же приказалъ дежурному своему адъютанту отыскать и привести двухъ гренадеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, Степана Власова и Егора Рогожина. Заговорщиковъ скоро нашли, и Орловъ отправилъ ихъ къ московскому главнокомандующему, графу Петру Семеновичу Салтыкову, при письмѣ, въ которомъ писалъ, что посылаемыхъ гренадеровъ и сержанта Караваева надлежитъ спросить о важномъ дѣлѣ. «Но какъ оное дѣло», наставлялъ Орловъ, «въ важныхъ терминахъ состоитъ, и надлежитъ оное изслѣдовать весьма секретнымъ образомъ, такъ, чтобъ не токмо о томъ, но ниже и о нихъ никто знать не могли».

Когда Власовъ увидалъ тестя, то самъ перепугался не меньше, чѣмъ Караваевъ при его разсказахъ. Не смѣя сказать ни слова при конвойныхъ, онъ только яростно взглянулъ на доносчика, но тесть невозмутимо выдержалъ этотъ взглядъ и вмѣстѣ съ заговорщикомъ пошелъ къ графу Салтыкову.

Герой семилѣтней войны, по прочтеніи письма графа Алексѣя Григорьевича, несмотря на всю полноту и старческую одышку, засуетился, забѣгалъ по кабинету и приказалъ ввести къ нему Караваева.

— Ты его сіятельству доносилъ?—сурово спросилъ онъ, высоко поднявъ брови и пристально въ него всматриваясь.

— Такъ точно, ваше сіятельство; дѣло секретнѣйшее...

— Такъ и молчи, покудова я тебя не допрошу, и до того времени никому ни слова. Не по злобѣ ли оговариваешь?

— Никакъ нѣтъ; Власовъ мнѣ родной зять...

— Ну, это, мой любезный, еще не порука за вашу дружбу. Разсадить ихъ, каждаго порознь подъ караулъ,—обратился графъ Салтыковъ къ адъютанту,—и ночью отвезти въ Преображенскъ, точно также на трехъ отдѣльныхъ подводахъ. Ступай!—мотнулъ онъ головой Караваеву.

Во второмъ часу ночи арестанты были привезены въ Преображенское, резиденцію бывшей Тайной канцеляріи, нынѣ переименованной въ Тайную контору. Туда же на другой день утромъ прибылъ и графъ Салтыковъ. Допросъ начался съ Караваева, разсказавшаго все, уже извѣстное читателямъ. По прочтеніи даннаго показанія Караваеву оно было дополнено обычною формулою: «если сказалъ что ложно, или о чемъ утаилъ, а впредь отъ кого въ томъ, или чрезъ что ни есть, изобличенъ буду, за то подвергну себя смертной казни».

Увели Караваева, ввели Власова. Выраженіе лица графа Салтыкова, угрюмое при допросѣ доносчика, теперь сдѣлалось гнѣвно, въ голосѣ звучала злобная нотка. Отвѣты Власова заключались въ слѣдующемъ:

— Въ службѣ состою лѣтъ двадцать; началъ ее въ армейскихъ полкахъ; лейбъ-гвардіи въ Преображенскій переведенъ въ 1752 году; родомъ изъ крестьянскихъ дѣтей вотчины помѣщика Ивана Дубенскаго, села Настасова (Симбирской губерніи, Алатырскаго уѣзда). На нонѣшней недѣлѣ стоялъ на караулѣ въ домѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка майора Тимоѳея Текутьева. Третьяго дня, ночью, приходилъ къ тестю пьяный, ночевалъ у него; по утру просилъ полтину денегъ опохмелиться... Все это вѣрно, но никакихъ дерзкихъ рѣчей, что мнѣ со словъ Караваева читали,—не говорилъ и ничего не знаю!

— Стало, онъ на тебя показалъ облыжно?—сердито крикнулъ графъ Салтыковъ.

— Не говорилъ я такихъ рѣчей.

Отвѣты потребованнаго вслѣдъ затѣмъ Егора Рогожина были еще короче:

— На службѣ съ 1737 года, въ гвардіи съ 1741; родомъ изъ поповскихъ дѣтей. Ни компаніи, ни разговоровъ со Власовымъ никогда никакихъ не водилъ.

На другой день, 20 іюня, Караваеву съ Власовымъ дана была очная ставка; каждый оставался при своемъ. Спрашивали привезенныхъ изъ Москвы жену Караваева и сержанта Ермолая Заварзина: они подтвердили показанія Караваева дословно. Точно также теща на очной ставкѣ съ зятемъ уличала его... Ясно, что Караваевъ не могъ выдумать своего доноса и стакнуться съ свидѣтелями.

21 іюня графъ Салтыковъ приказалъ отвести Власова въ застѣнокъ, куда пришелъ и самъ. Заплечный мастеръ со своимъ помощникомъ приготовилъ плети—по тогдашнимъ понятіямъ радикальное средство доводить преступниковъ до полнаго сознанія. Ввели Власова.

— Будетъ намъ, соколикъ, сказочку про бѣлаго бычка разсказывать,—встрѣтилъ его графъ Салтыковъ,—у тестя ты говорливъ, а здѣсь молчокъ? Такъ не прогнѣвайся и перестань дурака строить. Ребята, зачинай!—заключилъ графъ, обращаясь къ палачамъ.

Моментально палачъ и его прислужники стащили съ Власова кафтанъ и камзолъ; помощникъ палача взвалилъ гренадера себѣ на плечи. Размахнулся заплечный мастеръ, плеть свистнула разъ, другой; при третьемъ Власовъ застоналъ. Но стонъ не слово; еще, еще...

— Отцы родные!—крикнулъ Власовъ,—отпустите душу на покаяніе, всю правду скажу...

По знаку графа Салтыкова, палачъ опустилъ плеть, помощникъ его сбросилъ съ плечъ окровавленнаго Власова.

— Говорилъ ты тестю непотребныя рѣчи?

— Доподлинно не помню, безмѣрно пьянъ былъ; можетъ, что и говорилъ, только запамятовалъ...

— Припомни. На другой день вытрезвился?

— Нѣтъ, пуще вчерашняго пьянъ былъ...

По знаку графа, палачъ влѣпилъ Власову опять нѣсколько плетей, посердитѣе первыхъ. Тесть, присутствовавшій при этомъ «пристрастномъ допросѣ», сказалъ графу, что зять, при приходѣ къ нему ночью, а не на другой день, былъ выпивши, но «въ силѣ и полномъ сознаніи». Когда говорили на огородѣ, Власовъ былъ трезвъ. Допрашиваемый кричалъ дикимъ голосомъ, скрежеталъ зубами, но къ прежнему показанію прибавилъ только, что утромъ напился пьянъ на деньги, взятыя у тестя. Власова вывели изъ застѣнка, а въ одиннадцатомъ часу вечера того же 21 числа іюня графъ Салтыковъ отправилъ къ императрицѣ въ Петербургъ докладъ о допросахъ, съ приложеніемъ экстракта слѣдствія.

Давъ Власову отдохнуть и отлежаться четыре дня, графъ въ среду 25 іюня приказалъ привести его опять въ застѣнокъ. Увидя палача и плети, гренадеръ поблѣднѣлъ и затрясся, какъ осиновый листъ.

— Что, пріятель,—сказалъ графъ съ усмѣшкой:—видно, правда-то у тебя ужъ больно далеко въ нутро запряталась? Жаль, а надобно ее оттуда опять повыщелкать...

— Ваше сіятельство,—взмолился Власовъ,—я сущую правду показалъ.

— Говорилъ или нѣтъ? Молчишь? Ну, ребята!..

Опять плети, вопли, крики... Вмѣстѣ съ брызгами крови выбили изъ гренадера въ дополненіе къ прежнему признанію слѣдующія слова:

— Пьянъ былъ, ничего не помню, а ежели что и сказалъ, то и самъ не знаю, откуда у меня взялись такія мысли и слова!

— И этакихъ беспросыпныхъ пьяницъ въ гвардіи держать!—съ негодованіемъ сказалъ Салтыковъ, когда увели Власова.

— Вы изволили слышать изъ доноса, ваше сіятельство,—сказалъ секретарь,—что штабъ и оберъ-офицеры—Текутьевъ и Воейковъ, сами этого негодяя изволятъ потчевать...

Салтыковъ задумался. Въ день присяги императрицѣ Екатеринѣ, въ прошломъ году, и Текутьевъ и Воейковъ были противъ ея избранія на престолъ; Воейковъ ругалъ и билъ солдатъ, когда они шли къ Казанскому собору. Ихъ бы сыскать? Но безъ разрѣшенія государыни этого сдѣлать нельзя. Ограничиваясь лишь наличными преступниками, Власовымъ и Рогожинымъ, графъ Петръ Семеновичъ приказалъ подъ рукою навести о нихъ справки въ полку. Отзывы начальства объ обоихъ гренадерахъ были далеко не одобрительные, да и изъ самыхъ обстоятельствъ дѣла было ясно, что тотъ и другой пьяницы и врали... Худую траву изъ поля вонъ.

Государыня не замедлила отвѣтомъ. Къ этому «государственному дѣлу» она отнеслась съ обычнымъ здравомысліемъ и необычайною снисходительностью. Преступленіе, за которое при блаженной памяти Петрѣ Великомъ, Аннѣ Іоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, виновные подверглись бы лютой казни, либо урѣзанію языка и вырыванію ноздрей,—было, по мнѣнію Екатерины, «вздорнымъ враньемъ», не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Преображенскій гренадеръ—спившійся съ кругу негодяй, явленіе, конечно, обидное въ рядахъ перваго полка русской гвардіи. Свидѣтель переворота 28 іюня 1762 года, онъ вообразилъ себѣ, что онъ, какъ и всѣ гвардейскіе солдаты, вершитель судебъ отечества и участи самой императрицы. Въ пьянствѣ ему полѣзали въ голову всякія дурачества и вмѣстѣ съ нимъ мысль о цареубійствѣ...

2 іюля графъ Салтыковъ получилъ слѣдующее собственноручное письмо императрицы.

«Графъ Петръ Семеновичъ! Понеже гренадеръ Власьевъ [1])—человѣкъ худого состоянія и съ тестемъ и съ тещею не въ ссорѣ, а они оба на него доказываютъ, то надлежитъ его признавать за обличеннаго въ произношеніи дерзкихъ и ложныхъ словъ и сослать его подъ карауломъ въ дальній сибирскій гарнизонъ въ солдаты, съ тѣмъ приказаніемъ, чтобы изъ того полка ни подъ какимъ видомъ сюда опять не присыланъ былъ. А если Рогожинъ состоянія худого, то выслать его изъ гвардіи въ отдаленные напольные полки, а если онъ хорошаго состоянія, то оставить въ гвардіи, а станется, что Власьеву въ пьянствѣ его имя первое пришло въ память, и онъ его назвалъ, и не болѣе вѣру въ томъ имѣть можно, какъ и о томъ, что Власьевъ на Петра Воейкова всклепалъ.

«Московскаго баталіона сержанту Караваеву прикажите выдать пятьдесятъ рублей. Я сіе сама пишу по той причинѣ, что писать некому; я изъ Царскаго Села сюда въ Ораніенбаумъ на однѣ сутки пріѣхала съ самой малой свитой. Я получила рапортъ вашъ о исполненіи запечатанныхъ и вамъ врученныхъ мной указовъ; я надѣюсь, что уже всѣ выѣхали; желаю вамъ здравствовать и остаюсь къ вамъ всегда доброжелательная Екатерина. Іюня 25 дня 1763 года» (помѣта: полученъ 2 іюля).

Въ тотъ же самый день, когда было получено это письмо, графъ Салтыковъ приказалъ учинить слѣдующее:

«1) Гренадера Степана Власова, который обличился въ произношеніи дерзкихъ и ложныхъ словъ, послать сибирскаго гарнизона въ Якутскій полкъ въ солдаты; для того, подъ карауломъ изъ обрѣтающихся здѣсь полевыхъ или гарнизоннаго полковъ капрала одного и солдатъ двухъ человѣкъ, отправить его прямо на земскихъ двухъ подводахъ въ Сибирскую губернскую канцелярію при указѣ,

---

[1]) Екатерина вмѣсто Власовъ пишетъ Власьевъ.

съ тѣмъ, чтобы онъ, Власовъ, изъ того полка въ Якутскъ отправленъ былъ подъ надлежащимъ карауломъ на подводахъ же, какія тамъ есть, немедленно, съ выдачею ему до Якутска надлежащаго числа кормовыхъ денегъ, и изъ Якутска и изъ того полка никуда ни для чего, а особливо въ Москву и Санктъ-Петербургъ, ни подъ какимъ видомъ его не отлучать и не посылать, а употреблять его только въ тамошніе, да и то дальніе, караулы и посылки; чего ради, для той посылки, чрезъ посланный изъ Сенатской конторы указъ показанныхъ капрала и солдатъ двухъ человѣкъ потребовать отъ Военной конторы; о дачѣ-жъ отъ Москвы до Тобольска двухъ, да возвратно онымъ капралу и солдатамъ до Москвы одной, ямскихъ подводъ, въ Ямскую контору послать указъ, а на оныя подводы прогонныя и оному Власову для пропитанія его въ пути до Тобольска кормовыя деньги надлежащее число выдать изъ имѣющейся въ бывшей Тайной конторѣ расходной суммы, о чемъ расходчику той бывшей конторы дать извѣстіе, и о содержаніи его въ пути и посланному за нимъ капралу дать надлежащую инструкцію.

«2) Лейбъ-гвардіи-жъ гренадера Егора Рогожина, до котораго по дѣлу вины и дальняго подозрѣнія хотя и не находится, но, какъ онъ при слѣдствіи, такъ и изъ обстоятельствъ дѣла видится человѣкъ состоянія не воздержнаго,—исключа изъ гвардіи, написать въ имѣющіеся въ Оренбургѣ полевые полки и для того отослать его въ Военную контору при указѣ затѣмъ, чтобы оная при случившейся тогда оказіи отправила его отъ себя за надлежащимъ присмотромъ.

«3) Лейбъ-гвардіи Московскаго баталіона сержанта Караваева, жену его Марью Петрову, также того же баталіона сержанта Заварзина, которыхъ по слѣдствію вины не оказалось, изъ-подъ караула освободить и оному Караваеву, въ силу вышеупоминаемаго именнаго ея императорскаго величества указа, денегъ пятьдесятъ рублей выдать изъ вышепредписанной же имѣющейся въ бывшей Тайной конторѣ расходной суммы; о чемъ расходчику той бывшей конторы дать извѣстіе-жъ; всего того къ ея императорскому величеству отъ него, генералъ-фельдмаршала, въ извѣстіе отправить всеподданнѣйшій рапортъ. (Подписалъ) Графъ Салтыковъ».

Пьяная болтовня Власова, сотканная изъ дерзкаго бахвальства, пьянаго бреда и глупаго самомнѣнія, была лжива и нелѣпа... Въ одномъ только пьяница, думая солгать, сказалъ правду—выклянчивъ у тестя полтинникъ, онъ обѣщалъ ему возвратить деньги сторицею: такъ оно и сбылось! Караваевъ въ награду за свой доносъ получилъ отъ монаршихъ щедротъ пятьдесятъ рублей... Процентъ хорошій за выданный полтинникъ!

П. Каратыгинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЕ О М. О. МИКѢШИНѢ.

ПОЗНАКОМИЛСЯ съ Михаиломъ Осиповичемъ Микѣшинымъ въ 1863 году [1]). Онъ въ то время имѣлъ казенную квартиру въ зданіи адмиралтейства, гдѣ ему отвели помѣщеніе для мастерской, такъ какъ онъ лѣпилъ для морского вѣдомства нѣкоторыя фигуры на носовыя части кораблей. Въ той же мастерской онъ лѣпилъ и памятникъ Екатеринѣ Второй, стоящій теперь противъ Александринскаго театра. Все его помѣщеніе состояло изъ двухъ комнатъ: одной, очень большой, которая служила ему мастерской, а въ другой онъ помѣщался самъ. Сюда я заходилъ иногда къ нему около полудня, когда зналъ, что найду его непремѣнно дома.

Однажды, когда я былъ у него, къ нему въ мастерскую пріѣхалъ покойный великій князь Константинъ Николаевичъ съ адмираломъ Грейгомъ осмотрѣть производившіяся имъ работы. Когда великій князь уѣхалъ, въ кабинетъ вмѣстѣ съ Микѣшинымъ вошелъ молодой, флотскій лейтенантъ, котораго Микѣшинъ мнѣ отрекомендовалъ Николаемъ Михайловичемъ Барановымъ. Поговоривъ немного, Микѣшинъ предложилъ намъ позавтракать съ нимъ. А завтракъ у него въ тотъ день состоялъ изъ жареныхъ сосисекъ съ капустой. Микѣшинъ вообще очень мало ѣлъ и былъ неприхотливъ на счетъ вкуса. Вскорѣ послѣ завтрака уѣхалъ и Барановъ. Когда онъ вышелъ, Микѣшинъ спросилъ меня:

— Что вы скажете объ этомъ молодомъ лейтенантѣ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ?

---

[1]) Поводы, вызвавшіе мое знакомство съ Микѣшинымъ, уже были разсказаны въ моихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1895 годъ, и потому я не буду повторять ихъ.

— Меня поразила,—отвѣтилъ я,—во-первыхъ, худоба его, а, во-вторыхъ, страшная энергія, которая у него пробивается во всемъ— во взглядѣ, жестахъ и въ разговорѣ.

— Вы угадали,—сказалъ Микѣшинъ, засмѣявшись:—вотъ припомните мое слово, что лѣтъ черезъ двадцать мы съ вами будемъ все тѣми же, чѣмъ и теперь, а онъ будетъ парить въ высотахъ, недосягаемыхъ для насъ съ вами.

Пророчество Микѣшина, какъ извѣстно, исполнилось: Николай Михайловичъ Барановъ, теперь сенаторъ, въ короткое время составилъ себѣ блестящую карьеру.

Въ то же время, около полудня, къ Микѣшину приходили нѣкоторые его друзья, напримѣръ: Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, Шенкъ, отецъ довольно извѣстнаго нынѣ музыканта, завѣдывавшій въ то время экипажнымъ заведеніемъ театровъ. Но въ особенности его въ то время осаждали южные славяне: болгары, сербы и черногорцы, которые во множествѣ ютились въ Петербургѣ. Микѣшинъ, очень сочувствовавшій славянскимъ движеніямъ, принималъ ихъ охотно; но мнѣ эти люди не нравились.

Когда случалось мнѣ быть у Микѣшина одному, то нашъ разговоръ всегда вертѣлся около какихъ-то не то философскихъ, не то мистическихъ предметовъ. То мы разбирали съ нимъ русскія былины, то толковали о гипнотизмѣ, то о предметахъ художественныхъ. Первое время Микѣшинъ любилъ спрашивать мое мнѣніе о его произведеніяхъ, какъ скульптурныхъ, такъ и живописныхъ. Будучи всегда немного наивнымъ, я относился къ его вопросамъ совершенно искренно и откровенно высказывалъ свое мнѣніе, которое не всегда было лестно для автора. Разумѣется, Микѣшину моя критика не особенно нравилась. Иногда онъ пробовалъ защищаться, объясняя мнѣ, почему онъ сдѣлалъ такъ, а не иначе; но затѣмъ мало-по-малу пересталъ обращаться къ моей откровенности.

Я же, съ своей стороны, замѣтивъ, что своей критикой произвожу на него дурное впечатлѣніе, старался быть болѣе сдержаннымъ и отдѣлываться, такъ сказать, общими мѣстами. Микѣшинъ въ своихъ живописныхъ произведеніяхъ часто обращался къ русскимъ былинамъ и изображалъ тѣхъ героевъ, о которыхъ въ нихъ говорится. Я ему замѣтилъ однажды, что онъ рисуетъ древнихъ богатырей черезчуръ однообразно, и, кромѣ того, въ выраженіи ихъ лицъ нѣтъ никакого движенія, всѣ они какъ будто въ маскахъ, а не живые люди. Это замѣчаніе очень ему не понравилось, и на этотъ разъ онъ уже не пытался оправдывать своей манеры рисунка. Кромѣ былинъ, Микѣшинъ очень любилъ аллегорическія картины, которыя, къ сожалѣнію, часто ему не удавались, такъ, напримѣръ, я помню одну картину, въ которой въ аллегорической формѣ онъ хотѣлъ изобразить всеобщую воинскую повинность. Онъ нарисовалъ женщину въ древне-русскомъ костюмѣ, которая должна была изобра-

жать Россію. Эта женщина протянула руку съ мечемъ совершенно горизонтально, а подъ ея рукою и подъ мечемъ стоятъ въ рядъ три или четыре фигуры, изображающія различныя сословія. Мысль его заключалась въ томъ, что воинская повинность уравниваетъ состоянія. Фигуры изобразилъ онъ такъ геометрически правильно, что уже для аллегоріи по-моему этотъ рисунокъ совсѣмъ не годился. Другіе рисунки на разныя эпохи царствованія Александра II точно также были по мысли и по исполненію неудачны и не интересны. На вопросъ Микѣшина, какъ мнѣ нравятся аллегорическія фигуры, я, наученный уже опытомъ, отвѣтилъ коротко:

— Да, недурно.

— Ужъ я по тону, какъ вы это сказали, вижу, что мои работы вамъ не нравятся,—сказалъ Микѣшинъ, засмѣявшись.

— Собственно не ваша работа мнѣ не нравится,—отвѣчалъ я,—но я вообще не люблю аллегорическихъ картинъ.

Однажды вздумалось ему для академической выставки нарисовать довольно большую картину масляными красками, изображавшую молодую дѣвушку, которая, держа одною рукой мертваго младенца, а въ другой лопату, бѣжитъ въ вечернихъ сумеркахъ по полю, вѣроятно, съ намѣреніемъ закопать мертваго младенца. Пока я разсматривалъ картину, я чувствовалъ, что у меня въ головѣ вертится какая-то старая и давно знакомая мысль. Наконецъ память моя просвѣтлѣла, и я, обращаясь къ Микѣшину, сказалъ:

— Послушайте, Микѣшинъ, вѣдь это не больше, какъ иллюстрація къ той пѣснѣ, которую играютъ всѣ шарманщики, ходящіе съ кларнетомъ. Я даже припоминаю первый куплетъ, а именно:

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ...

Я этотъ куплетъ не прочелъ, а пропѣлъ, стараясь подражать козлиному голосу кларнета. Микѣшинъ, сидѣвшій за столомъ, что-то работая, вскочилъ съ своего мѣста, совершенно взбѣшенный.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ,—только что передъ вами у меня былъ Шенкъ и тотъ сказалъ то же самое. Но вотъ вамъ крестъ, что, рисуя эту картину, я ни разу не вспомнилъ ни о шарманкахъ, ни о той пѣсенкѣ, которую вы сейчасъ пропѣли.

— Но чѣмъ же я виноватъ, Михаилъ Осиповичъ, эта пѣсня придетъ всякому въ голову, кто только ни взглянетъ на вашу картину. Я бы на вашемъ мѣстѣ не выставлялъ ея въ академіи.

— Такъ для чего же я ее рисовалъ?—спросилъ онъ.

— Оставьте у себя,—отвѣтилъ я:—и, можетъ быть, найдется какой нибудь любитель, который купитъ ее, хотя бы ради того, чтобы имѣть у себя работу извѣстнаго художника Микѣшина.

Случилось такъ, что президентъ академіи художествъ, великій князь Владиміръ Александровичъ, посѣтившій эту выставку наканунѣ открытія, былъ пораженъ картиной Микѣшина и приказалъ ее убрать съ выставки. Микѣшинъ былъ крайне смущенъ такимъ своимъ пораженіемъ, и, понимая это, я уже не возобновлялъ разговора объ этомъ предметѣ.

Микѣшинъ былъ очень красивъ собою; онъ былъ высокаго роста и атлетическаго сложенія. Но онъ недовольствовался тою красотой, которую ему дала природа, а старался еще увеличить ее. Для этого къ нему каждый день приходилъ парикмахеръ, который завивалъ ему локоны и такъ, чтобъ одинъ локонъ отдѣлялся отъ другихъ и падалъ ему на лобъ. На его рабочемъ столѣ, прямо противъ него, всегда стояло довольно большое зеркало. Съ боку на маленькомъ кругломъ столикѣ находилось другое зеркало подъ прямымъ угломъ къ первому. Работая или разговаривая, Микѣшинъ постоянно поглядывалъ то въ одно, то въ другое зеркало и руками расправлялъ свои локоны. Такое женское кокетство во взросломъ мужчинѣ мнѣ ужасно не нравилось, но, конечно, я никогда не рѣшался заикнуться объ этомъ. Впослѣдствіи, женившись и посѣдѣвъ, Микѣшинъ уничтожилъ свои локоны и носилъ волоса щеткой, что́ шло къ нему гораздо болѣе.

Бывши у него какъ-то за годъ до его смерти, я спросилъ его, видалъ ли онъ тѣхъ силачей, которые показываются въ циркѣ.

— Конечно, нѣтъ,—презрительно произнесъ онъ.—Что мнѣ ихъ смотрѣть, когда я могу какого нибудь Пытлявинскаго посадить на одну ладонь, а другою прикрыть его такъ, что духу его не останется.

Хотя по росту и его сложенію можно было предполагать, что онъ довольно силенъ, но все-таки я выразилъ сомнѣніе къ его словамъ.

— Вы не вѣрите? — спросилъ онъ.

— Не то, чтобы совсѣмъ не вѣрю, но думаю, что вы немножко преувеличиваете свои силы,—отвѣчалъ я.

— А вотъ кстати у меня есть тутъ свидѣтели, которые вамъ могутъ подтвердить, что не такъ давно еще понадобилось перетащить рояль изъ одной комнаты въ другую; чтобы не звать народа, я подошелъ къ роялю, приподнялъ его слегка за одинъ конецъ, чтобы примѣриться къ тяжести, а потомъ полѣзъ подъ него, взвалилъ къ себѣ на плечи и совершенно одинъ перенесъ его въ другую комнату, а въ нашемъ роялѣ не менѣе пятнадцати пудовъ вѣса. Да посмотрите на мои руки,—сказалъ онъ, засучивая рукава рабочей блузы.—Вѣдь это цѣлыя машины!

Дѣйствительно, его руки казались такими, что имъ могли бы позавидовать атлеты, которые показываются въ циркѣ.

— И вотъ какъ судьба шутитъ надъ людьми,—продолжалъ Микѣшинъ, — съ этими-то ручищами я долженъ выдѣлывать такіе тонкіе и мелкіе рисунки.

Я уже говорилъ выше, что когда бывалъ у Микѣшина одинъ, то наши разговоры вертѣлись большею частью на предметахъ отвлеченныхъ, причемъ Микѣшинъ всегда высказывался съ наилучшей стороны по своимъ взглядамъ на разнаго рода предметы.

За годъ до его смерти я однажды, пріѣхавъ къ нему, засталъ его за работой памятника Екатеринѣ Второй, предназначенный для города Екатеринодара. Микѣшинъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. На небольшой твердой подушкѣ, лежащей передъ нимъ, положенъ былъ квадратный кусочекъ толстой провощенной матеріи цвѣта того темно-коричневаго воска, изъ котораго вылѣплена была вся модель памятника, стоявшаго тутъ же посреди кабинета.

Этотъ кусочекъ матеріи предназначался для изображенія знамени и на немъ Микѣшинъ вырѣзывалъ теперь изъ тончайшей пластинки воска двухглаваго орла.

У одного окна его помощникъ вырѣзывалъ также изъ воска буквы для хартіи или манифеста, изображеннаго на памятникѣ.

Я сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ передъ столомъ, и мы перекидывались иногда разными замѣчаніями обо всемъ, что придетъ въ голову.

— Вы помните, Аркадій Васильевичъ,— обращается ко мнѣ, между прочимъ, Микѣшинъ,—что когда-то очень давно вы разсказывали мнѣ, что видѣли на рынкѣ во Флоренціи, какъ одинъ торговецъ, держа за ноги, внизъ головой, живую курицу, ощипывалъ ее, весело болтая при этомъ со своимъ сосѣдомъ?

— Какъ же не помнить? Конечно, помню!

— Вотъ видите ли! Вы были очевидцемъ этой сцены, и я знаю о ней только по вашему разсказу, а между тѣмъ она вотъ всю жизнь сидитъ въ моей головѣ, и я точно самъ вижу и какъ будто сегодня, какъ эта несчастная курица мечется, рвется, кричитъ среди ужаснѣйшихъ страданій, которымъ ее подвергалъ этотъ негодный итальянецъ!..

— Да, это было ужасно видѣть...

— Вы не пробовали остановить это варварство?

— Я тогда ни слова не зналъ еще поитальянски, такъ какъ пріѣхалъ туда всего за недѣлю; думалъ было указать какому нибудь полисмену, но таковою не оказалось...

— Вотъ и толкуйте послѣ этого о нашемъ прогрессѣ, цивилизаціи, культурѣ и прочемъ,—замѣтилъ Микѣшинъ,—когда человѣкъ не только не вышелъ изъ состоянія животнаго, но стоитъ гораздо ниже всякаго животнаго. Развѣ какое нибудь животное способно на подобную безполезную жестокость? Да никогда!

— Это вѣрно.

— А знаете ли, что этотъ вашъ проклятый итальянецъ (я всегда вспоминаю о немъ съ прибавленіемъ слова проклятый) все-таки пригодился мнѣ однажды!

— Это какъ?

— А вотъ послушайте! Было это въ Саратовской губерніи, куда я былъ приглашенъ поставить иконостасъ въ одной церкви. Однажды, послѣ утренняго чая, пошелъ я прогуляться и забрелъ довольно далеко, до какой-то водяной мельницы, около которой, какъ это всегда бываетъ, сдѣлана была запруда. Еще издали я увидѣлъ, что на берегу запруды сидитъ какая-то барыня и съ нею дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, и обѣ онѣ удятъ рыбу. Я остановился невдалекѣ отъ нихъ и сталъ наблюдать. Барыня ловила очень удачно, чуть не каждую минуту вытаскивая по рыбкѣ, которую срывала съ крючка и бросала въ небольшое жестяное ведро, стоявшее около нея. У дѣвочки работа не такъ спорилась, но когда ей случалось вытащить рыбку, то она съ восторженнымъ громкимъ крикомъ бросала удочку на землю, срывала трепещущую рыбу съ крючка, показывала ее матери и затѣмъ также бросала ее въ то же ведро. Обѣ онѣ были одѣты въ свѣжія ситцевыя платья, съ широкополыми соломенными шляпами на головахъ и на фонѣ зелени и водяной мельницы представляли довольно красивую картину, на которую я невольно залюбовался. Идиллія, не правда ли?

— Да, картинка недурненькая!

— И вотъ,—продолжалъ Микѣшинъ,—какъ разъ въ эту минуту, представился мнѣ вашъ итальянецъ, ощипывающій живую курицу. Я не утерпѣлъ и подошелъ къ рыболовкамъ.

— Вы позволите мнѣ присѣсть тутъ?—спрашиваю барыню.

Она взглянула на меня, отвѣтила на поклонъ и очень любезно просила не церемониться. На видъ ей было лѣтъ за тридцать, а дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцать. Я посидѣлъ нѣсколько минутъ молча, потомъ говорю барынѣ:

— Есть у меня одинъ пріятель, который видѣлъ, какъ на рынкѣ, во Флоренціи, торговецъ ощипывалъ живую курицу, держа ее за ноги, внизъ головой. Отъ страшныхъ мученій курица, разумѣется, кричала, рвалась, металась, но торговецъ нисколько этимъ не смущался и, весело болтая съ своимъ сосѣдомъ, продолжалъ терзать несчастную курицу.

— Боже мой, какой ужасъ! — воскликнула барыня, а дѣвочка смотрѣла на меня, разинувъ свой ротикъ и вытаращивъ глаза, какъ бы не вѣря тому, что я разсказывалъ.

Нужно вамъ замѣтить, что, разсказывая о дикомъ итальянцѣ, я машинально смотрѣлъ въ ведро на издыхавшихъ тамъ рыбъ и, между прочимъ, замѣтилъ одного довольно крупнаго окуня, который хотя еще и двигался немного, но, уже лежа на боку, едва шевелилъ жабрами, а главное изо рта у него торчало что-то красное, какая нибудь часть внутренностей, вырванныхъ наружу при выниманіи крючка.

Когда барыня выразила свой ужасъ при моемъ разсказѣ о же-

стокомъ итальянцѣ, я взялъ изъ ведра искалѣченнаго окуня и, держа его на ладони предъ ея глазами, сказалъ:

— Сударыня! А развѣ это не ужасъ,—то, что вы дѣлаете? Посмотрите на этого окуня: вы поймали его на крючекъ и, чтобы освободить крючекъ для новой ловли, просто вырвали его со всѣми внутренностями несчастнаго окуня. Онъ еще живъ, задыхается въ водѣ этого ведра и, чтобы кое-какъ дышать, сосетъ собственныя внутренности, разорванныя и вывороченныя наружу... Я не знаю, чье положеніе лучше, кто меньше или больше страдалъ: та ли курица, которую живую ощипывалъ грубый и необразованный итальянецъ, или этотъ окунь (кстати, онъ, кажется, заснулъ, ну, и слава Богу), которому образованная и, повидимому, чувствительная русская барыня доставила такую долгую и мучительную смерть?

Если бы вы видѣли, что сдѣлалось съ моей барыней, когда я это высказалъ ей! Несмотря на жаркое утро, она поблѣднѣла, на глазахъ ея показались слезы, и она такъ ошалѣла (я не могу подъискать другаго, болѣе приличнаго слова), что, казалось, готова была сквозь землю провалиться. Дочь ея, стоявшая передъ нами, также смотрѣла на меня недоумѣвающими глазами. Она, какъ еще слишкомъ молоденькая, не уразумѣла сути того, что я говорилъ, но все-таки видно было, что моя рѣчь и на нее произвела сильное впечатлѣніе. Замѣтивъ, что мои слова упали на не совсѣмъ безплодную почву, я рѣшился прибавить еще одно соображеніе.

— Если ужасенъ поступокъ дикаго итальянца съ курицей,— сказалъ я,—то его, конечно, условно можно оправдать именно его необразованностью и дикостью. Но вотъ, нѣсколько минутъ назадъ, когда я молча наблюдалъ, какъ вы удили, ваша миленькая дочь подошла къ вамъ съ жалобой, что рыбки срываются у нея съ крючка, и на это вы дали ей совѣтъ не торопиться выдергивать удочку, а дать рыбѣ время хорошенько проглотить крючекъ. Когда же рыбка хорошо проглотитъ крючекъ, то вынуть его изъ нея нельзя иначе, какъ разорвавъ и выворотивъ всѣ внутренности рыбы, вотъ какъ у этого окуня, котораго я вамъ показывалъ. Какъ вы думаете: хорошій совѣтъ вы дали вашей дочери? Совѣтъ доброй матери, заботящейся о нравственности своей дочери, совѣтъ христіанки, старающейся внушить ребенку любовь ко всему живому?

— Да вы совсѣмъ въ проповѣдь пустились!—перебилъ я Михаила Осиповича.

Онъ улыбнулся.

— Ей-Богу, такъ, я ни слова не прибавляю. Стихъ тогда на меня такой нашелъ, да и варварство этой барыни, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о вашемъ итальянцѣ, возбудили во мнѣ потребность высказаться.

— Ну, чѣмъ же кончилась бесѣда съ нею?

— А тѣмъ, что она, слушая меня, начала молча ломать свою

удочку и рвать лесу на мельчайшіе кусочки, потомъ, покончивъ со своею, сдѣлала то же самое съ удочкой своей дочери и все это бросила въ воду. Ведерцо съ рыбами, между которыми нѣкоторыя еще были живы, она велѣла дочери опрокинуть въ запруду, и когда дочь вернулась съ пустымъ ведромъ, она сказала ей:

— Маня! сегодня мы послѣдній разъ въ жизни ловили рыбу. Ты поняла все, что говорилъ этотъ господинъ?

— Поняла, мамочка.

— Хорошо мы съ тобой поступали?

Дѣвочка ничего не отвѣтила, но на ея глазахъ блеснули слезинки и, знаете ли, что эти слезинки были лучшею наградою изъ всѣхъ, какія только я получалъ въ своей жизни. Для меня это была такая счастливая минута, какихъ немного бываетъ.

— Продолжали вы знакомство съ этою дамой?

— Нѣтъ. Она очень благодарила меня за сдѣланный урокъ, оправдываясь тѣмъ, что дѣйствовала необдуманно, по рутинѣ, по примѣру другихъ, но что съ этого дня она будетъ внимательно слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и въ особенности за воспитаніемъ дочери.

— Вы заставили меня убѣдиться,—говорила она,—что мы даемъ своимъ дѣтямъ совершенно фальшивое воспитаніе. Съ одной стороны, теоретически, мы учимъ ихъ быть честными, добрыми, правдивыми, а на дѣлѣ пріучаемъ ихъ къ неправдѣ, жестокости и лжи. Вы открыли мнѣ глаза, и я безконечно благодарна вамъ за это,—прибавила она.

— Такъ вы и разстались?

— Да. Она ужасно приставала, чтобы я сказалъ, кто я такой, просила посѣтить ее въ усадьбѣ, но я не хотѣлъ портить сдѣланнаго впечатлѣнія, отказался отъ знакомства и не сказалъ ей своего имени. Такъ мы и разстались.

Микѣшинъ помолчалъ немного, продолжая работать, а потомъ улыбнулся и, откинувшись на спинку кресла, сказалъ:

— А вѣдь странное сочетаніе обстоятельствъ: какой-то звѣрь итальянецъ, ощипывающій на вашихъ глазахъ курицу, черезъ много лѣтъ отразился на далекомъ Востокѣ, послуживъ причиной перевоспитанія цѣлаго семейства, можетъ быть, цѣлаго поколѣнія... Не правда ли?

— Да, и жаль, что такіе случаи встрѣчаются рѣдко. Тутъ дѣло не въ итальянцѣ, а въ вашей впечатлительности. Я многимъ разсказывалъ этотъ случай съ курицей, но никто его не принялъ такъ близко къ сердцу, какъ вы.

Микѣшинъ снова улыбнулся.

— Мои занятія, — сказалъ онъ, — такого рода, что поневолѣ даютъ много времени для размышленій. Вотъ сидишь, напримѣръ, надъ этимъ двуглавымъ орломъ, а самъ думаешь Богъ знаетъ о

чемъ. Есть время пофилософствовать и посудить обо всемъ, что встрѣчаешь въ жизни. И, знаете ли, къ чему я пришелъ въ концѣ концовъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Къ тому, что человѣкъ, даже образованный, въ нравственномъ отношеніи стоитъ куда ниже самаго послѣдняго животнаго!

— Н-ну? Съ этимъ можно поспорить...

— Нѣтъ, Аркадій Васильевичъ, не поспорите! Вотъ, въ pendant къ разсказу о барынѣ-рыболовкѣ, замѣтьте—барынѣ образованной, я вамъ разскажу о поступкѣ одной собаки, и тогда вы рѣшите, кто изъ нихъ былъ нравственно выше. Было это въ Ташкентѣ, гдѣ мнѣ пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ. Я нанималъ отдѣльный флигель, стоявшій среди сада, у одного полковника, занимавшаго главный домъ. Садъ отдѣлялся отъ улицы невысокимъ заборомъ, вдоль котораго посажены были кусты. Черезъ садъ протекалъ небольшой арыкъ. Вы знаете, что такое арыкъ?

— Знаю: канавка съ проточною водой?

— Ну, да. Вотъ, однажды, я сижу у себя на террасѣ и кейфую, такъ какъ по случаю сильнѣйшей жары невозможно было работать и даже читать было трудно. Сижу такъ, развалясь въ креслѣ, курю сигару и безцѣльно смотрю на улицу. Только вижу: проходитъ мимо какой-то солдатикъ, остановился у нашего забора, осторожно, черезъ кусты, оглядѣлъ нашъ садъ и видя, что никого нѣтъ (а меня онъ не замѣтилъ, такъ какъ я былъ прикрытъ кустами, росшими около моей террасы), перебросилъ къ намъ черезъ заборъ какую-то штуку, потомъ другую и спѣшно ушелъ. Хотя меня и разбирало любопытство посмотрѣть, что онъ бросилъ, но жарища была такая ужасная, и я отъ нея такъ размякъ, что отложилъ это до того времени, когда въ состояніи буду подняться съ кресла. Нужно вамъ сказать, что у моего домохозяина, полковника, были три собаки: два прекрасныхъ, породистыхъ дога, еще годовалые и потому довольно буйные, и какая-то несчастная маленькая дворняжка, которая сама явилась неизвѣстно откуда, ее изъ состраданія не прогоняли, и она поселилась жить. Въ благодарность за гостепріимство она очень усердно охраняла домъ и въ сущности была гораздо полезнѣе хозяину, чѣмъ его дорогіе доги.

Только вотъ, и вижу, эта дворняжка, лежавшая гдѣ-то подъ кустомъ и замѣтившая, должно быть, что солдатъ что-то перебросилъ къ намъ, встала изъ своего логовища, перепрыгнула черезъ арыкъ и перебѣжала къ тому мѣсту, гдѣ лежали штуки, переброшенныя солдатомъ. Черезъ минуту, гляжу, наша Филька, какъ ее звали, бѣжитъ назадъ и держитъ во рту что-то крупное, чего издали я не могъ разглядѣть. Добѣжавъ до арыка, она остановилась и стала бродить взадъ и впередъ, выбирая мѣсто поуже, такъ какъ тяжесть того, что она держала во рту, мѣшала дѣлать ей свобод-

ный прыжокъ. Наконецъ, она понатужилась, перескочила арыкъ благополучно, не выронивъ того, что держала въ зубахъ, и скрылась въ своемъ логовищѣ. Прошло минуты двѣ или три, Филька опять бѣжитъ къ забору, покопалась тамъ нѣсколько времени и возвращается назадъ со второю штукой во рту. У арыка произошла та же сцена: Филька искала болѣе удобнаго мѣста для прыжка и, выбравъ его, перескочила арыкъ и скрылась въ свое логовище.

— Что бы такое это было?—думалъ я. Но встать и посмотрѣть положительно не имѣлъ силы.

Такъ прошло съ четверть часа. Чего не могли сдѣлать мои глаза, то сдѣлали уши: я разслышалъ со стороны, гдѣ пріютилась Филька, сильный пискъ щенятъ или котятъ. Вслѣдъ затѣмъ Филька выбѣжала и, направившись къ кухнѣ, начала царапать въ дверь, подымаясь для этого на заднія лапы и при томъ лаяла.

Кухарка отворила дверь.

— Чего ты, оглашенная, говоритъ, разлаялась тутъ! Пошла вонъ!

Но Филька не уходила: то хватала кухарку за подолъ и тянула ее къ себѣ, то отбѣгала отъ нея по направленію къ своему логовищу, потомъ возвращалась и снова тянула за подолъ, прыгала, лаяла и всѣми мѣрами старалась дать понять, чтобы кухарка шла за нею. Но кухарка не понимала и стояла въ дверяхъ, отталкивая Фильку ногами и ругая ее.

Тогда ужъ я рѣшился прійти на помощь Филькѣ.

— Послушайте!—крикнулъ я кухаркѣ.—У Фильки есть щенята, должно быть. Слышите, какъ они пищатъ. Пойдите, посмотрите и покормите ихъ молокомъ.

— Какія у нея щенята? Откуда?—въ недоумѣніи спрашивала кухарка.

— Какой-то солдатъ сейчасъ перебросилъ ихъ къ намъ черезъ заборъ съ улицы. Я самъ видѣлъ. А Филька перетащила ихъ къ себѣ.

Кухарка заинтересовалась и пошла за Филькой.

— Ахъ, ты, Господи!—воскликнула она.—Да вѣдь это котята!

— Котята? — спрашиваю.

— Да, два котенка. Слѣпые еще.

— Такъ дайте имъ тепленькаго молока. Они вѣрно голодны.

— Да на что, говоритъ, намъ котятъ? Лучше утопить ихъ, пока слѣпые.

— Нѣтъ, пожалуйста, не троньте и покормите ихъ. Когда полковникъ вернется, то пусть и рѣшитъ, что съ ними дѣлать,—заступился я.

Баба послушалась меня и принесла тарелку молока. Тутъ ужъ я не выдержалъ и, преодолѣвъ свою лѣнь, всталъ и осторожно подошелъ къ логовищу Фильки, чтобъ посмотрѣть чрезъ кусты, какъ она будетъ распоряжаться кормленіемъ.

Котята пищали и ползали, отыскивая пищи. Филька начала подталкивать ихъ къ тарелкѣ то мордой, то лапой. Но, понятно, что хотя она дотолкала ихъ до самой тарелки, слѣпые котята не могли понять, что имъ надо дѣлать.

Филька нѣсколько времени смотрѣла на нихъ, видимо соображая, что дѣлать дальше. Наконецъ, она надумалась: взяла одного котенка за шиворотъ, приподняла и сунула мордой въ молоко; котенокъ сейчасъ же началъ съ жадностью лакать. Видя, что хлопоты ея съ первымъ котенкомъ увѣнчались успѣхомъ, Филька взяла другого и также сунула его мордой прямо въ молоко.

Накормивъ котятъ, она легла около тарелки и подобрала котятъ къ своему брюху, придерживая ихъ лапами. Сытые котята заснули, и Филька лежала съ ними, какъ родная мать.

Черезъ часъ времени вернулся полковникъ со своими догами. Эти молодыя и буйныя собаки начали бѣгать и скакать по всему саду и, разумѣется, скоро наткнулись на котятъ. Видъ этихъ звѣрковъ возбудилъ ихъ хищность, и они разорвали бы котятъ, но Филька вскочила и, несмотря на то, что была такъ мала, что свободно проходила подъ брюхо каждаго дога, не испугалась ихъ нападеній и съ яростью защищала своихъ пріемышей. Она лаяла, кидалась на договъ и кусала ихъ съ такимъ ожесточеніемъ, что одному окровянила ухо. Онъ завизжалъ отъ боли и убѣжалъ, а за нимъ послѣдовалъ и другой.

Тогда я пошелъ къ полковнику, разсказалъ ему все, вотъ какъ теперь вамъ, и просилъ пощадить котятъ и оставить ихъ на воспитаніе Фильки. Полковникъ заинтересовался этимъ и согласился со мною.

Съ того дня Филька начала буквально воспитывать своихъ котятъ. Когда они запищатъ, она сейчасъ суетъ ихъ морды въ молоко. Если молока нѣтъ готоваго, она бѣжитъ въ кухню требовать его у кухарки, которая научилась понимать ея маневры. Когда котята прозрѣли и стали бѣгать и играть, Филька зорко слѣдила за ними, и если который отбѣжитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, по ея мнѣнію, она загоняетъ его назадъ, а непослушнаго тащитъ за шиворотъ. Спала она всегда съ ними, прижавши обоихъ къ своему брюху.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ котята выросли въ большихъ кошекъ и, несмотря на то, не выходили изъ новиновенія Фильки: куда она, туда и эти кошки.

Полковникъ игралъ на віолончели. Случалось иногда, что Филька со своими кошками была въ комнатахъ, когда полковникъ принимался играть. Почему-то его игра производила на одну изъ кошекъ такое впечатлѣніе, что она начинала мяукать, визжать и потомъ бросаться съ мѣста на мѣсто, какъ угорѣлая. Разумѣется, полковникъ прерывалъ игру и прогонялъ ее. Филька это замѣтила, и впредь, какъ только полковникъ брался за віолончель, она сама

загоняла эту кошку въ болѣе отдаленную комнату и, улегшись на порогъ, караулила ее и не пускала выйти все время, пока полковникъ игралъ. Что вы скажете на все это?

— Да что же сказать? Между животными, тѣмъ болѣе между собаками, которыя уже сжились съ человѣкомъ, попадаются иногда очень умные экземпляры...

— Нѣтъ, Аркадій Васильевичъ, не то,— перебилъ меня Микѣшинъ:—тутъ дѣло не въ умѣ, а въ той высокой нравственности, которую выказала эта собаченка Филька. Люди, то-есть владѣлецъ котятъ, приказавшій забросить ихъ, вѣроятно, какой нибудь офицеръ, и солдатъ, исполнившій его приказаніе, выказали большую жестокость, большую неправду, большую безнравственность, такъ сказать. А вотъ простая собаченка, которой мы отказываемъ въ правѣ имѣть душу, показываетъ, что у нея не только есть душа, но при томъ душа далеко выше человѣческой. Она почуяла, вѣроятно, своимъ тонкимъ обоняніемъ, что солдатъ бросилъ къ намъ живыхъ существъ, и не медля побѣжала осмотрѣть ихъ. Найдя двухъ безпомощныхъ котятъ, она, несмотря на природное отвращеніе собакъ къ кошкамъ, сжалилась надъ безпомощностью этихъ несчастныхъ, перетащила ихъ къ себѣ, накормила и пригрѣла у своей груди. Вникните въ этотъ поступокъ сравнительно съ тѣмъ, что мы, люди, совершаемъ почти ежедневно безсмысленно жестокаго, и вы увидите, что животныя далеко выше насъ нравственно.

— Но вѣдь не всѣ же дѣлаютъ то, что сдѣлала ваша Филька,— возразилъ я.

— Да, не всѣ, это правда. Но зато другіе не дѣлаютъ и того зла, которое дѣлаемъ мы.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ я,—то, что вы разсказали мнѣ о барынѣ и о собакѣ,—очень любопытно, и я, съ вашего позволенія, хотѣлъ бы это описать.

Микѣшинъ оставилъ работу, откинулся на спинку кресла и, ударивъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, воскликнулъ:

— А вамъ же не позволю! А ни-ни!

— Что такъ?

— Да очень просто: вы думаете, что я безграмотный, и что писать только вы умѣете?

— Нѣтъ, я этого не думаю. Но я думалъ, что вы или не предполагаете написать, а если и предполагали, то будете откладывать со дня на день, и никогда не напишите, какъ это уже случалось со многими вашими проектами...

Микѣшинъ разсмѣялся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—эти случаи я опишу, даже иллюстрирую ихъ и издамъ отдѣльною брошюркой для народа...

— Вамъ и книги въ руки. Но только смотрите! Я теперь не дамъ вамъ покоя и, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ буду спрашивать: Михаилъ Осиповичъ! а готова ли брошюра о собакѣ?

— Хорошо, спрашивайте. Вамъ не придется и двухъ разъ спросить объ этомъ...

И онъ напророчилъ: не только двухъ разъ, но даже и одинъ разъ мнѣ не пришлось спросить его. Въ началѣ декабря я тяжко захворалъ, такъ что не только ѣхать къ Микѣшину, но и написать ему не могъ, а девятнадцатаго января онъ внезапно скончался отъ порока сердца. Его смерть не только даетъ мнѣ право, но даже нравственно обязываетъ теперь сохранить эти два прелестные его разсказа.

Есть люди, которые, сами не имѣя никакихъ достоинствъ или заслугъ, но обладая большимъ честолюбіемъ, или вѣрнѣе, тщеславіемъ, стараются примазаться къ лицамъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ, чтобы пользоваться, такъ сказать, отъ нихъ свѣтомъ, какъ луна пользуется свѣтомъ отъ солнца. Когда существовалъ клубъ художниковъ, то мнѣ приходилось наблюдать такихъ людей очень часто. Они старались знакомиться съ болѣе выдающимися артистами-художниками, музыкантами, чтобы имѣть право говорить въ своемъ кругу:

— Да, я знаю Микѣшина или Горбунова; мы съ нимъ пріятели—на ты.

И дѣйствительно, такіе господа старались улавливать удобныя минуты преимущественно за ужиномъ и предлагали выпить артисту или художнику съ ними на брудершафтъ. Микѣшинъ, какъ человѣкъ очень добродушный, часто попадался на эту удочку и не умѣлъ отдѣлаться отъ такихъ навязчивыхъ пріятелей. Поэтому онъ говорилъ на «ты» со многими лицами, которыхъ едва зналъ и съ трудомъ припоминалъ. Однажды, за ужиномъ, въ клубѣ, какой-то господинъ, замѣтивъ мои хорошія отношенія къ Микѣшину, сталъ подбивать меня, чтобъ я выпилъ брудершафтъ съ Микѣшинымъ, надѣясь, вѣроятно, при этомъ примазаться и самому, но я принадлежу къ числу людей, которые очень туги на новое знакомство, и не люблю излишней фамильярности; поэтому на предложеніе этого господина, котораго я очень мало зналъ, я отвѣтилъ отказомъ, сказавъ, что я вовсе не нуждаюсь въ брудершафтѣ съ Микѣшинымъ. Сосѣдъ мой не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и видя, что отъ меня ему будетъ мало пользы, рѣшился самъ сдѣлать попытку. Придравшись къ какому-то случаю, онъ поднялъ бокалъ и предложилъ Микѣшину выпить съ нимъ на брудершафтъ. Хотя Микѣшинъ взглянулъ на него съ удивленіемъ и недоумѣніемъ, и хотя я слегка подталкивалъ его и отрицательно качалъ головой, стараясь внушить ему, чтобъ онъ не дѣлалъ этого; но Микѣшинъ былъ такъ слабъ или деликатенъ, что не сумѣлъ отказать этому нахалу, и хотя почти совсѣмъ не зналъ его,—выпилъ съ нимъ брудершафтъ, и съ той минуты они стали говорить другъ другу «ты».

На другой или на третій день я былъ у Микѣшина.

— Скажите, пожалуйста, Аркадій Васильевичъ, —спросилъ онъ меня,—что это за франтъ, который сидѣлъ рядомъ съ вами, съ которымъ я выпилъ брудершафтъ.

— Я рѣшительно не знаю, — отвѣтилъ я: — видѣлъ его только нѣсколько разъ у насъ въ клубѣ.

— Вотъ и я тоже видать-то его видалъ, только до сихъ поръ не знаю, кто онъ такой.

— Такъ зачѣмъ же вы пили съ нимъ брудершафтъ?—спросилъ я.—Хотя я васъ старался отклонить отъ этого всевозможными знаками; но вы, кажется, не поняли меня.

— Какъ не понять? Очень хорошо понималъ. Но только я въ подобныхъ случаяхъ дѣлаюсь совсѣмъ дуракомъ и не умѣю отказывать.

— Напрасно,—замѣтилъ я,—это ужъ лишняя слабость. Прямо сказали бы, что вы пьете брудершафтъ только со старыми пріятелями, а его вы совсѣмъ не знаете.

— Но такой отвѣтъ совершенно бы сконфузилъ его,—сказалъ Микѣшинъ, — а я этого боялся... Вотъ мы съ вами сколько лѣтъ знакомы, находимся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, а до сихъ поръ не пили еще брудершафтъ.

— И никогда не будемъ,—отвѣтилъ я.

Микѣшинъ удивленно на меня взглянулъ и какимъ-то обиженнымъ тономъ спросилъ:

— Это отчего?

— Да потому, Михаилъ Осиповичъ,—отвѣтилъ я,—что слово «ты» влечетъ за собою какія-то черезчуръ простыя и грубоватыя отношенія. Я понимаю говорить «ты» старому школьному товарищу; но говорить это слово человѣку, съ которымъ познакомишься уже въ зрѣломъ возрастѣ, нѣтъ никакой причины. Развѣ нельзя быть дружными, взаимно уважать и любить другъ друга безъ такого наружнаго проявленія своихъ добрыхъ отношеній? А между тѣмъ, слово вы невольно сдерживаетъ и заставляетъ быть болѣе деликатнымъ и осторожнымъ въ своихъ словахъ, а это, въ свою очередь, ведетъ къ болѣе прочнымъ и дружескимъ отношеніямъ.

— А вѣдь вы правы,—воскликнулъ Микѣшинъ, положивъ карандашъ, которымъ, не помню, что-то рисовалъ, и откинувшись на спинку кресла.—Мнѣ самому это приходило въ голову, такъ какъ брудершафтъ нисколько не улучшаетъ отношеній. И когда ко мнѣ подходитъ такой невольный брудершафтникъ, то мнѣ часто хочется сказать ему: убирался бы ты, братецъ, къ чорту!

Тутъ кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о гремѣвшемъ нѣкогда въ Петербургѣ клубѣ художниковъ. Этотъ клубъ былъ учрежденъ художниками и первое время помѣщался въ залахъ академіи художествъ, потомъ переѣхалъ на собственную квартиру въ

Большой Морской, а оттуда въ Троицкій, переулокъ, въ домъ, бывшій Руадзе. Пока этотъ клубъ помѣщался въ академіи и потомъ въ Большой Морской, его дѣла шли блистательно не въ смыслѣ денежномъ, а въ томъ отношеніи, что это былъ единственный клубъ не только въ Петербургѣ, но, можетъ быть, во всей Европѣ, который достигъ того идеала, о которомъ только могли мечтать всѣ другіе наши клубы. Членами его были исключительно художники, музыканты и литераторы. Тутъ они знакомились и сообщались между собой, какъ въ добромъ семействѣ. Карты были вовсе изгнаны изъ программы увеселеній. А лучшими вечерами считались тѣ, когда собравшіеся члены, безъ всякой предвзятой, заранѣе обдуманной программы, приглашали кого нибудь изъ присутствующихъ, напримѣръ, Ивана Ѳедоровича Горбунова разсказать что нибудь, или Дарью Михайловну Леонову — спѣть какой нибудь романсъ, или еще какого нибудь артиста — сыграть что нибудь на рояли. Нѣкоторые художники въ это время занимались рисованіемъ съ натуры или фантазировали сами. И такимъ образомъ подобные вечера проходили совершенно посемейному, никого не стѣсняя, и всегда заканчивались веселымъ ужиномъ.

Иногда клубъ устроивалъ особенные праздники, между которыми въ особенности славились его маскарады. Это были единственные маскарады въ Петербургѣ, которые не напоминали похоронныхъ процессій, а были одушевляемы самымъ горячимъ и искреннимъ весельемъ. Маскированные иногда экспромтомъ сочиняли какія нибудь сцены, которыя тутъ же приводились въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, я помню, однажды двое нарядились въ костюмы изъ балета «Два вора» (Робертъ и Бертрамъ), а третій былъ одѣтъ въ форму жандарма. Эти два вора дѣйствительно воровали, вытаскивая изъ кармановъ платки или обирая у барынь вѣера, а жандармъ старался ихъ поймать. Они разыгрывали эту импровизированную сцену такъ ловко, единодушно и весело, что заняли собою весь вечеръ, увеселяя всю публику.

Иногда на небольшой сценѣ клуба ставились живыя картины или маленькія сцены изъ болѣе извѣстныхъ литературныхъ произведеній, какъ, напримѣръ: бесѣда Димитрія Самозванца съ Мариной Мнишекъ изъ трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ» или сцены изъ «Скупого рыцаря» Пушкина. Такъ какъ живыми картинами завѣдывали художники и сами работали декораціи и другія приспособленія, то, конечно, подобныхъ картинъ никто никогда не видалъ поставленными такъ изящно и художественно. Все это дѣлалось не за плату, а просто изъ любви къ искусству, и дышало, поэтому, такою художественною вѣрностью, которой едва ли можно достигнуть на сценѣ театра. Все это продолжалось такъ хорошо до тѣхъ только поръ, пока руководство дѣла находилось въ рукахъ художниковъ и литераторовъ. Но, къ сожалѣнію, средства клуба были очень огра-

ничены, и онъ началъ должать. Чтобъ поправить обстоятельства, рѣшено было допускать въ члены не только однихъ лицъ такъ называемыхъ вольныхъ профессій, но такъ же чиновниковъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, и лицъ другихъ профессій, какъ, напримѣръ, дантистовъ, требуя отъ нихъ только рекомендаціи двухъ старыхъ членовъ. Касса клуба черезъ это нѣсколько увеличилась: это правда; но за то клубъ началъ терять постепенно ту жизненность, которою онъ до сихъ поръ славился. Если прежде, какъ я сказалъ выше, на обыкновенныхъ собраніяхъ, артисты выходили на сцену не по обязанности, а добровольно, по приглашенію товарищей, то теперь имъ стало это неудобно дѣлать. Вновь нахлынувшіе члены, не понимая духа клуба, но пользуясь своей многочисленностью, стали требовать отъ артистовъ, чтобъ они выходили на сцену... Бывало, начнутъ вызывать, положимъ, Горбунова, и какъ бы онъ ни прятался въ другія комнаты, не будучи въ тотъ вечеръ расположенъ парадировать, его все-таки вызывали, и онъ долженъ былъ выходить, чтобы только успокоить расходившуюся публику. Вечера въ клубѣ перестали быть для него отдыхомъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени, и потому онъ сталъ пріѣзжать все рѣже и рѣже. То же самое стало повторяться и съ другими артистами и художниками, которые, въ свою очередь, стали избѣгать посѣщенія клуба, зная что тамъ ихъ заставятъ работать насильно, не справляясь, расположены ли они къ этому или нѣтъ. Эти новые члены успѣли также втереться въ дирекцію клуба, такъ что одно время въ числѣ членовъ правленія не было ни одного художника или артиста, и эти лица еще болѣе испортили дѣло. Они больше всего стали заботиться объ увеличеніи кассы и для этого начали устроивать платные вечера; а такъ какъ даромъ ни одинъ изъ артистовъ не хотѣлъ уже работать, то правленіе стало приглашать антрепренеровъ для устройства спектаклей за плату. Такимъ образомъ клубъ художниковъ изъ симпатичнаго домашняго учрежденія мало-по-малу превратился въ какой-то шато-кабакъ и совершенно потерялъ свой первоначальный характеръ.

Микѣшинъ, бывшій однимъ изъ учредителей клуба и его пожизненнымъ членомъ, былъ крайне огорченъ такимъ его перерожденіемъ и въ свою очередь также пересталъ туда ѣздить. Онъ выразилъ свое негодованіе тѣмъ, что нарисовалъ на полулистѣ бумаги трехъ членовъ правленія, изъ которыхъ ни одинъ не принадлежалъ къ артистическому міру, сдѣлавъ надпись: «Засѣданіе соединеннаго комитета нехудожниковъ». Паденіе этого клуба, которому Микѣшинъ пожертвовалъ такъ много любви и труда, всегда составляло больное мѣсто его души; и какъ только заикнешься бывало о клубѣ и чѣмъ нибудь помянешь его, онъ всегда съ отчаяніемъ махнетъ рукой и скажетъ:

— Охъ! уже не говорите мнѣ объ этомъ клубѣ; повѣрьте, что

я до сихъ поръ чуть не плачу о немъ, какъ о потерѣ своего близкаго родственника.

Года за два до кончины Микѣшина и открытія Нижегородской выставки, мнѣ привелось съѣздить въ Нижній Новгородъ. Я былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Нижнемъ Новгородѣ нѣтъ приличнаго памятника величайшему изъ людей въ Россіи—Минину. Въ кремлѣ, въ небольшомъ скверѣ, извозчикъ показалъ мнѣ памятникъ, состоящій изъ невысокаго каменнаго обелиска, и на пьедесталѣ его начертаны имена съ одной стороны Минина, съ другой Пожарскаго. Это все, чѣмъ Нижній Новгородъ, такъ прославленный Мининымъ, заплатилъ ему. Вернувшись въ Петербургъ, я разсказалъ объ этомъ Микѣшину, и это его ужасно возмутило.

— Помилуйте!—сказалъ онъ,—теперь, когда Нижній Новгородъ готовится къ большому торжеству, устроивая всероссійскую выставку, и вдругъ онъ не имѣетъ порядочнаго памятника такому великому лицу, какимъ былъ Мининъ? Пріѣдутъ къ намъ иностранцы на выставку и, конечно, первымъ дѣломъ постараются взглянуть на памятникъ великаго гражданина и, вѣроятно, будутъ не мало удивлены, найдя простой кладбищенскій обелискъ.

— Знаете что, Михаилъ Осиповичъ,—сказалъ я,—составили бы вы проектъ памятника Минину. Барановъ теперь здѣсь; можетъ быть, онъ возьмется выхлопотать сооруженіе памятника къ открытію выставки.

— Да вѣдь я теперь спѣшно занятъ,—отвѣтилъ Микѣшинъ,—но впрочемъ попробую.

— Сдѣлайте хоть только небольшой эскизъ,—предложилъ я,—потомъ можно будетъ разработать подробнѣе.

— Что же, попытаемъ,—сказалъ Микѣшинъ:—заѣзжайте ко мнѣ завтра утромъ.

На другой день утромъ, часовъ около одиннадцати, я заѣхалъ къ Микѣшину. Онъ, подойдя къ одному пюпитру, откинулъ листъ синей бумаги,которымъ былъ прикрытъ картонъ,стоявшій на пюпитрѣ.

— Что вы скажете на это?—спросилъ онъ.

Къ своему великому изумленію, я увидѣлъ на картонѣ нарисованный красками проектъ памятника Минина. Проектъ этотъ состоялъ изъ трехъ частей. Внизу нѣчто въ родѣ часовни, надъ часовней высился дикій необдѣланный камень, а на этомъ камнѣ стояла бронзовая фигура Минина, лѣвой рукой упирающагося на саблю, а вытянутою правою рукой державшаго на подушкѣ шапку Мономаха.

— Когда вы успѣли это сдѣлать?—спросилъ я, пораженный неожиданностью.

— Сегодня ночью,—спокойно отвѣтилъ онъ.—Вчера вы ушли отъ меня въ два часа. Послѣ вашего ухода до шести часовъ я занимался еще своей работой, а въ шесть часовъ засѣлъ за памятникъ и вотъ закончилъ его только утромъ, незадолго до вашего пріѣзда.

Для меня это была совершенно непостижимая быстрота работы.

— Послушайте, Михаилъ Осиповичъ,—сказалъ я:—одѣвайтесь скорѣе и поѣдемте сейчасъ же къ Баранову.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Микѣшинъ,—мнѣ неудобно къ нему ѣхать, такъ какъ въ послѣднее время мы почему-то разошлись съ нимъ. А если хотите, то отвезите сами этотъ проектъ и покажите ему.

Я такъ и сдѣлалъ. Проектъ этотъ Баранову въ общемъ понравился; но онъ сдѣлалъ только одно серіозное и дѣльное замѣчаніе, именно: что помѣщеніе дикой скалы надъ архитектурнымъ зданіемъ противорѣчитъ основнымъ правиламъ художества. Это замѣчаніе я передалъ Микѣшину, который черезъ нѣсколько дней составилъ новый проектъ, въ которомъ указанный Барановымъ недостатокъ былъ устраненъ.

Генералъ Барановъ передалъ проектъ Микѣшина въ Нижегородскую городскую думу, которая отнеслась къ этому дѣлу очень сочувственно и ассигновала на памятникъ десять тысячъ рублей, разсчитывая остальныя деньги собрать по подпискѣ. Но не знаю, по какой причинѣ министръ внутреннихъ дѣлъ подписку не разрѣшилъ, и такимъ образомъ этотъ памятникъ Минина, затѣянный мною и Микѣшинымъ, не осуществился.

Я думаю, что мнѣ удалось этими разсказами о Микѣшинѣ хоть немного обрисовать его обликъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова хорошій человѣкъ, всегда искренній, часто даже во вредъ себѣ. Помню случай: когда на Забалканскомъ проспектѣ былъ поставленъ памятникъ Славы, то великій князь Николай Николаевичъ Старшій, спросилъ Микѣшина, какъ ему нравится этотъ памятникъ. Микѣшинъ, не смущаясь тѣмъ, что памятникъ былъ проектированъ военнымъ министерствомъ, не побоялся отвѣтить великому князю такимъ образомъ:

— Ваше высочество,—сказалъ онъ,—еслибъ вы разбудили меня ночью и заставили бы немедля же составить проектъ, то я лѣвою ногой составилъ бы болѣе подходящій къ данному случаю.

Великому князю такой отвѣтъ, конечно, не особенно понравился, и онъ объ этомъ замѣтилъ Микѣшину.

— Простите меня, ваше высочество,—сказалъ онъ, низко поклонившись:—но правда, тѣмъ болѣе въ искусствѣ, для меня всего дороже. Какимъ былъ я въ колыбели, такимъ сойду и въ могилу.

Въ своей молодости Микѣшинъ увлекся тогдашнимъ общимъ увлеченіемъ нашего общества къ коммерческимъ предпріятіямъ. Какіе-то евреи побудили его однажды покупать старые казенные корабли, которые продавались оптомъ за очень недорогую цѣну, съ тѣмъ, чтобы, разобравъ такой корабль на его составныя части, продавать полученный матеріалъ, въ особенности всѣ мѣдныя части. Микѣшинъ увлекся этимъ дѣломъ и далъ свои деньги евреямъ, такъ какъ самъ ничего не понималъ въ подобныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ.

Евреи, конечно, воспользовались этимъ и подъ его именемъ производили разные неблаговидные гешефты. Кончилось это дѣло тѣмъ, что Микѣшинъ не только ничего не выигралъ, но потерялъ свои деньги и еще остался долженъ въ казну около восьмидесяти тысячъ. Этимъ неудавшимся предпріятіемъ онъ былъ поставленъ совершенно въ безвыходное положеніе. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ прибѣгнуть къ милосердію императора Александра Второго. Государь въ то время жилъ въ Царскомъ Селѣ. Микѣшинъ поѣхалъ туда, добился аудіенціи у государя и откровенно разсказалъ ему все дѣло.

— Не стыдно ли тебѣ,—сказалъ государь,—марать свое имя какими-то предпріятіями, въ компаніи съ жидами. Хорошо, за прежнія твои заслуги я прикажу снять съ тебя этотъ долгъ казнѣ; но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ты никогда болѣе ни въ какія коммерческія дѣла не вступалъ. Ты видишь самъ, что эти дѣла не по тебѣ. Обладая такимъ прекраснымъ талантомъ, ты можешь наживать деньги совершенно спокойно и ничѣмъ не рискуя. Дай мнѣ слово, что съ этой минуты ты ничѣмъ не будешь заниматься, кромѣ своего художества.

Микѣшинъ нѣсколько разъ передавалъ мнѣ объ этомъ эпизодѣ и всегда съ благодарными слезами о такой милости императора, котораго иначе не называлъ, какъ своимъ благодѣтелемъ. И, разумѣется, до самой смерти своей онъ крѣпко держалъ слово, данное государю.

Разумѣется, Микѣшинъ, какъ и всѣ мы грѣшные, имѣлъ свои недостатки и объ одномъ изъ нихъ, чисто женскомъ кокетствѣ, я уже упоминалъ выше. Могу къ этому прибавить его страсть, ни на чемъ не основанную,—казаться малороссомъ.

Когда справлялся какой-то юбилейный праздникъ въ память Шевченка, Микѣшинъ взялся нарисовать для этого праздника портретъ Шевченки во весь ростъ. Онъ его изобразилъ въ простонародномъ костюмѣ, въ видѣ бандуриста. Портретъ онъ рисовалъ самъ, а аксесуары только намѣтилъ и для отдѣлки ихъ пригласилъ помощника. Когда однажды я пріѣхалъ къ нему, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и лѣпилъ изъ воска фигуру для памятника Екатерины Второй, который было предположено поставить въ Екатеринодарѣ, а помощникъ его сидѣлъ на другомъ концѣ комнаты и отдѣлывалъ бандуру. Микѣшинъ иногда взглядывалъ на его работу и давалъ ему свои указанія; но почему-то ему вздумалось говорить съ помощникомъ помалороссійски. Я думалъ сначала, что художникъ малороссъ, плохо знающій русскій языкъ; но потомъ оказалось, что онъ не только прекрасно говорилъ порусски, но даже совсѣмъ не былъ малороссомъ. Между тѣмъ Микѣшинъ, почти ни слова не зная помалороссійски, надрывался, чтобы дѣлать свои замѣчанія на этомъ языкѣ; примѣрно такимъ образомъ:

— Слухай, панъ!.. О-то... эта!

Онъ навѣрно хотѣлъ сказать сторона, но не могъ подобрать слова помалороссійски.

— Что такое?—спросилъ помощникъ.

— Это. Я баю... продолжалъ Микѣшинъ, дѣлая неимовѣрное усиліе, чтобы припомнить подходящее малороссійское слово...

— Да говорите, пожалуйста, порусски,—замѣтилъ помощникъ,—я ничего не понимаю, что вы хотите сказать.

Но Микѣшинъ, желая поддержать свое достоинство, не унялся и все-таки продолжалъ свою нескладную малороссійскую рѣчь; а помощникъ, безнадежно опустивъ свою руку, слушалъ его, также усиливаясь хоть что нибудь понять. Это была очень комичная сцена, тѣмъ болѣе, что Микѣшинъ къ своимъ потугамъ говорить на незнакомомъ ему языкѣ относился очень серіозно. Если не ошибаюсь, онъ былъ уроженецъ Смоленской губерніи; иногда онъ называлъ себя бѣлоруссомъ; а почему иногда казалось ему, что онъ малороссъ, я совершенно не понимаю.

Мое знакомство съ Микѣшинымъ продолжалось около тридцати лѣтъ, и весь этотъ промежутокъ времени никогда не пробѣгала между нами какая нибудь черная кошка. Видѣлись мы съ нимъ не особенно часто, такъ какъ оба постоянно были заняты своими дѣлами. Но когда мы встрѣчались, гдѣ бы то ни было, Микѣшинъ всегда относился ко мнѣ съ самымъ радушнымъ участіемъ, я бы могъ сказать—родственнымъ, еслибъ только дѣйствительно родные могли подавать этому примѣръ.

А. Эвальдъ.

ЕПИСКОПСКІЙ ГОРОДЪ ВЛОЦЛАВСКЪ.

Исторія Влоцлавска. — Значеніе епископовъ въ его исторіи. — Епархіальные синоды. — Привилегіи. — Упадокъ и постепенное возрожденіе города. — Его промышленное и торговое значеніе въ настоящее время. — Внѣшность города. — Оживленность и благоустройство. — Странный порядокъ. — Отсутствіе учебныхъ заведеній. — Причины и слѣдствія этого. — Древности и достопримѣчательности. — Каѳедральный соборъ. — Исторія его постройки и перестройки и описаніе. — Каплица пресв. Дѣвы. — Астрономическій чертежъ Коперника. — Гробница епископа Петра Мошинскаго. — Ризница, архивъ и библіотека. — Пѣніе. — Звоны. — Костелъ св. Виталиса и духовная семинарія. — Приходскій костелъ. — Монастырь о.о. реформатовъ. — Лютеранская кирка. — Синагога. — Наши заключительныя pia desideria.

ЛОЦЛАВСКЪ, попольски Włocławek, лежитъ на лѣвомъ, довольно возвышенномъ въ этомъ пунктѣ, берегу Вислы, при впаденіи въ нее небольшой рѣчки Згловіончки[1]. По актамъ мѣстнаго соборнаго капитула, городъ основанъ старшимъ сыномъ короля Болеслава Кривоустаго Владиславомъ II (1139—1148), который, назвавъ его своимъ именемъ, завѣщалъ въ пользу крушвицкихъ епископовъ[2]. Послѣдніе избрали его своею резиденціею и, переселившись, между 1156 и 1160 гг., изъ Крушвицы,

---

[1]) Она отдѣляетъ городъ отъ Зазамча, нынѣшняго предмѣстья Влоцлавска.

[2]) Впрочемъ, Мартинъ Галлъ въ своей хроникѣ основаніе Влоцлавска относитъ еще къ болѣе отдаленному времени. Юдиеь, жена короля Владислава-Германа, — разсказываетъ онъ, — будучи долгое время неплодною, по совѣту духовенства, послала цѣнные дары св. Идзи, патрону женщинъ во Франціи. По предстательству и молитвѣ этого святого она родила 20 августа 1086 г. сына, которому дано имя Болеславъ. Въ благодарность Богу за это чудо, по ходатайству Юдиеи, Владиславъ-Германъ рѣшилъ основать городъ при р. Вислѣ, давъ ему свое имя — Владисла-

стали именоваться куявскими [1]). Съ этихъ поръ Влоцлавскъ началъ быстро возвышаться. Его значеніе заключалось уже и въ то время въ торговлѣ главнымъ образомъ хлѣбомъ и въ могуществѣ своихъ владѣтелей. Могущество влоцлавскихъ епископовъ состояло не только въ родственныхъ связяхъ съ первѣйшими сановниками государства и въ огромныхъ доходахъ съ обширныхъ помѣстій [2]), но и въ той роли, какую они играли во внутренней политикѣ Польши [3]). Даже самое постоянное пребываніе ихъ въ городѣ не могло не отражаться выгодно на его матеріальныхъ интересахъ. Богатства, значеніе политическое и общественное, связи, давали возможность прежнимъ епископамъ вообще, а куявскимъ въ особенности, окружать себя великолѣпіемъ и многочисленнымъ дворомъ. Къ несчастію, находясь почти въ самомъ центрѣ странъ, постоянно подвергавшихся нашествіямъ не подалеку жившихъ поморянъ, пруссовъ, а впослѣдствіи тевтонскихъ рыцарей и шведовъ, Влоцлавскъ, какъ городъ, принадлежавшій духовенству, извѣстному своимъ богатствомъ, и притомъ совершенно беззащитный, привлекалъ къ себѣ вниманіе хищниковъ и часто былъ разоряемъ. Особенно много претерпѣлъ онъ отъ тевтонскихъ рыцарей. Они довели его почти до полнаго упадка. Въ такихъ случаяхъ тѣ же епископы, совмѣстно съ королями, приходили на помощь, и городъ скоро оправлялся до новаго нападенія. Такъ, по положенію о воинской повинности 1459 года, Влоцлавску было разрѣшено доставлять на войну всего только 6 вооруженныхъ человѣкъ, тогда какъ сосѣдній городъ Брестъ-Куявскій выставлялъ 30 воиновъ. Сигизмундъ I даровалъ жителямъ его привилегію на безпошлинную торговлю всякими товарами по сушѣ и водѣ и учредилъ въ городѣ нѣсколько ярмарокъ. Сигизмундъ II Августъ,

---

вовъ, по латыни Vladislavia. Какъ бы то ни было, въ древнѣйшихъ польскихъ дипломахъ Влоцлавскъ называется: Владиславъ (Vladislavia), или старый Владиславъ (Antiqua Vladislavia). Когда и почему городъ сталъ называться Влоцлавскомъ (Włocławek, у Кленовича—Włodsławek), неизвѣстно. Названіе Влоцлавскъ далъ ему въ 1866 г. бывшій учредительный комитетъ въ царствѣ Польскомъ.

[1]) Впослѣдствіи наименованіе это измѣнялось еще три раза: послѣ построенія собора они стали называться влоцлавскими, съ половины XVI ст. влоцлавскими и поморанскими и съ 1818 г., согласно буллѣ папы Пія VII («Ex imposita nobis...») влоцлавскими или калишскими, или куявско-калишскими.

[2]) До конца прошлаго столѣтія влоцлавскіе епископы владѣли свыше чѣмъ 160 помѣстьями и нѣсколькими городами.

[3]) Во время безкоролевья 1576 г., когда извѣстный архіепископъ и примасъ Якопъ Уханскій держалъ сторону цесаря Рудольфа, предсѣдателемъ на съѣздѣ въ Ендржеевѣ былъ куявскій епископъ Станиславъ Карнковскій (1567—1581). Онъ же, въ февралѣ 1577 г., благословилъ брачный союзъ Стефана Баторія съ Анною Ягелонкою и короновалъ Стефана въ Краковѣ. На этомъ же съѣздѣ было предоставлено куявскимъ епископамъ, какъ первымъ послѣ архіепископа и примаса, право коронованія польскихъ королей (этимъ правомъ впослѣдствіи воспользовался епископъ Станиславъ Домбскій, короновавшій короля Августа II). Многіе изъ нихъ переходили на гнѣзненскую архіепархію, становились примасами королевства.

подтвердивъ эту льготу, разрѣшилъ Влоцлавску пользоваться преимуществами древней польской столицы Гнѣзно и освободилъ весь край отъ платежа мостового и гробельнаго сбора [1]). Епископъ Станиславъ Карнковскій въ 1577 г., въ числѣ всевозможныхъ привилегій для горожанъ, учредилъ «общество стрѣлковъ», въ которомъ участвовало много купцовъ и фабрикантовъ изъ другихъ даже городовъ. Цѣль его была пріучить жителей къ стрѣльбѣ и обучить ихъ ловкости. Разъ въ годъ устроивались состязанія. Кто на нихъ одерживалъ побѣду, тотъ провозглашался «стрѣлецкимъ королемъ» и въ теченіе цѣлаго года освобождался отъ всякихъ городскихъ повинностей, и, сверхъ того, получалъ для своихъ нуждъ безплатно дрова изъ епископскихъ лѣсовъ [2]). Съ XV столѣтія Влоцлавскъ служитъ мѣстомъ собранія епархіальныхъ синодовъ, или съѣздовъ духовенства. Такихъ синодовъ до сихъ поръ извѣстно болѣе 20 [3]). На нихъ обсуждались разные вопросы, касавшіеся вѣры и церковнаго управленія, и постановленія ихъ дѣлались обязательными для всей епархіи [4]). XVI вѣкъ и первая половина XVII—наиболѣе блестящій періодъ въ исторіи Влоцлавска. Онъ, развиваясь все болѣе и болѣе, окончательно принимаетъ характеръ церковнаго города. Евреи, напримѣръ, долгое время не смѣли здѣсь селиться, такъ что промышленность находилась въ рукахъ мѣстнаго христіанскаго населенія. Численность соборнаго клира достигла небывалыхъ размѣровъ. Онъ состоялъ изъ 8 прелатовъ, 18 канониковъ, изъ которыхъ одинъ ежегодно выбирался въ коронный трибуналъ, 4 исповѣдниковъ, 6 миссіонеровъ, 8 псаломщиковъ и 20 викаріевъ [5]). Память объ этомъ періодѣ сохранилась въ старинномъ городскомъ гербѣ. На городской печати 1641 г. (sigillum civitatis antiquae Vladislaviae) видимъ ворота съ тремя башнями, изъ коихъ на средней, болѣе высокой, епископская митра. Но вотъ вторгаются въ городъ новые враги — шведы въ 1657 г., грабятъ, жгутъ и опустошаютъ его. Тщетны были попытки Августа II поддержать городъ. По ходатайству крайне обѣднѣвшихъ влоцлавянъ, онъ, въ 1713 г., къ числу

---

[1]) За проѣздъ черезъ мосты и плотины.

[2]) Напечатано у М. Боруцкаго «Ziemia kujawska». Влоцлавскъ, 1883—1884, 299—304.

[3]) Въ 1402 г., 1418, 1478, 1487 (?), 1499, 1516, 1532, 1537, 1539, 1544, 1551, 1568, 1579, 1586, 1590, 1607, 1612, 1613, 1621, 1628, 1634 и 1641. Авторъ статьи о Влоцлавскѣ въ «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1877 г., № 17, и въ «Памятной книжкѣ Варшавской губерніи на 1891 г.» синодъ 1568 г. ошибочно считаетъ первымъ въ этой епархіи, быть можетъ, потому, что труды предшествовавшихъ синодовъ не изданы.

[4]) А не «для всего края», какъ думаетъ авторъ описанія Влоцлавска въ «Памятной книжкѣ Варшавской губерніи на 1891 г.», перепечатаннаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 94, за тотъ же годъ).

[5]) Въ настоящее время, по высочайше утвержденному 14 (26) декабря 1865 г. штату, онъ состоитъ изъ 4 прелатовъ, 8 канониковъ и 6 викаріевъ.

Видъ города Влоцлавска.

прежнихъ ярмарокъ прибавилъ еще восемь новыхъ. Но и эта мѣра не дала желаемыхъ результатовъ. Духовные же владѣтели Влоцлавска среди наставшихъ потомъ политическихъ бурь лишены были возможности сдѣлать что нибудь для облегченія участи своей столицы. Въ 1795 г. владычество ихъ окончилось. Настали прусскія времена. Во Влоцлавскѣ насчитывалось въ началѣ настоящаго столѣтія всего на всего 188 домовъ и въ томъ числѣ только 10 каменныхъ. Только со времени организаціи нынѣшняго царства Польскаго, когда правительство взяло подъ свою опеку города, Влоцлавскъ началъ прогрессивно подниматься. Статистическія данныя поясняютъ намъ, что ростъ города начинается главнымъ образомъ съ 1835 г. Въ промежутокъ 1845—1864 г.г., когда замѣчалось наибольшое движеніе въ хлѣбной торговлѣ и въ денежныхъ оборотахъ, во Влоцлавскѣ появилось нѣсколько значительныхъ фабрикъ и заводовъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ здѣсь уже было 410 каменныхъ домовъ и 250 деревянныхъ, 11.953 д. населенія, въ томъ числѣ 3.074 еврея [1]), такъ что съ 1879 г. городу данъ отдѣльный полицеймейстеръ. Въ настоящее время число народонаселенія превышаетъ 20.000 д., и Влоцлавскъ, будучи однимъ изъ важнѣйшихъ въ краѣ хлѣбныхъ рынковъ, ростетъ съ каждымъ годомъ. Этому способствуетъ выгодное въ торговомъ отношеніи положеніе города между Варшавою (176 вер.) и Торномъ (56 вер.) при большой судоходной рѣкѣ и линіи Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги. Обиліе же оборотныхъ капиталовъ, находящихся въ рукахъ мѣстныхъ богатыхъ купцовъ, предпринимателей и банкировъ, содѣйствуетъ развитію торговли и промышленности. Поэтому удивительно, что Влоцлавскъ со времени упраздненія существовавшаго въ немъ отдѣленія бывшаго польскаго банка не имѣетъ отдѣленія государственнаго банка, тогда какъ Плоцкъ, торговые обороты котораго смѣшно было бы и сравнивать съ влоцлавскими, давно таковое имѣетъ.

Современный Влоцлавскъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Улицы—прямыя и довольно широкія. Застроены по большей части каменными домами, часто въ 3—4 этажа, подчасъ очень красивой архитектуры [2]). Конечно—мощеныя, въ большинствѣ случаевъ съ асфальтовыми тротуарами. Таковы, напримѣръ, улица Широкая (Szeroka), идущая отъ площади Стараго рынка къ новому базару, на которой сосредоточены лучшіе магазины и лавки въ городѣ, и продолженіе ея—аллея, напоминающая собою въ миніатюрѣ,

---

[1]) Воруцкій, «Ziemia kujawska», 298.

[2]) Напримѣръ, епископскій дворецъ—на набережной, бывшій соляной магазинъ, построенный, какъ говорятъ, французами; тамъ же—домъ банкира Левинскаго и зданіе уѣзднаго управленія — на Широкой улицѣ, дома-особняки еврейскихъ богачей—на аллеѣ и вокзалъ.

конечно, варшавскую Уяздовскую аллею, ведущая къ вокзалу желѣзной дороги. Площади стараго рынка и новаго базара, гдѣ происходитъ торгъ съѣстными припасами, помѣстительны и опрятны. На старомъ рынкѣ — лучшая въ городѣ гостинница «Подъ тремя коронами» (во Влоцлавскѣ—нѣсколько хорошихъ гостиницъ), а на новомъ базарѣ — недавно открытый артезіанскій колодецъ, снабжающій городъ вкусною водою. Нѣтъ во Влоцлавскѣ недостатка и въ

Древній костелъ св. Виталиса во Влоцлавскѣ.

скверахъ. Кромѣ прекрасной набережной и аллеи, о которыхъ мы уже упоминали, любимыхъ мѣстъ прогулокъ влоцлавянъ,—есть обширные скверы на новобазарной площади и у вокзала. Привлекаетъ публику и маленькая веранда при городскомъ театрѣ въ улицѣ Цыганка (Cyganka) [1]). Лѣтомъ же, въ праздники, можно видѣть

[1]) По части увеселеній во Влоцлавскѣ, кромѣ театра, есть еще гребное общество (яхтъ-клубъ), устроивающее отъ времени до времени гонки и вечера.

цѣлыя компаніи горожанъ съ узелками и корзиночками съ провизіею въ рукахъ, направляющихся по плашкоутному мосту за Вислу на плоцкую сторону, на живописную гору св. Готарда, въ зеленѣющій тамъ лѣсъ, подышать чистымъ воздухомъ. Въ городѣ всюду видны порядокъ и чистота, свидѣтельствующіе о заботливости и внимательномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ мѣстныхъ властей. Глядя на это, какъ-то невольно припоминаешь Плоцкъ съ его разбитыми мостовыми и тротуарами, запущенными скверами и еле-еле мерцающими фонарями. А, вѣдь еще такъ не давно, всего шесть-семь лѣтъ назадъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ, по благоустройству, губернскихъ городовъ въ краѣ...[1]). Но если даже на солнцѣ существуютъ пятна, то тѣмъ болѣе найдутся они въ Влоцлавскѣ. Ежели въ городахъ, гдѣ нѣтъ канализаціи, приходится мириться съ практикующеюся системою спуска нечистотъ по рейнштокамъ, или канавкамъ, вдоль тротуаровъ въ ближайшую рѣку, то для этой операціи все же назначаются опредѣленные часы. Въ Плоцкѣ, напримѣръ, 2 — 5 часовъ утра, и тогда ни одинъ горожанинъ не осмѣлится носа на улицу высунуть... Во Влоцлавскѣ же, какъ мы замѣтили, спускъ нечистотъ по рейнштокамъ производится во всякое время, и ночью, и утромъ, и вечеромъ...

Но что еще болѣе поразило насъ во Влоцлавскѣ, такъ это — отсутствіе учебныхъ заведеній. Съ переводомъ отсюда въ Калишъ, нѣсколько лѣтъ тому, шестикласснаго реальнаго училища болѣе чѣмъ двадцатитысячное населеніе осталось съ однѣми начальными школами (римско-католическая духовная семинарія, какъ спеціальное учебное заведеніе, въ счетъ не идетъ).

Правда, существуютъ два частные женскіе пансіона съ гимназическимъ курсомъ: г-жи Асписъ — шестиклассный и г-жи Езерской—четырехклассный, но ихъ далеко недостаточно... Ну, а что для подростающаго мужского населенія?.. Желающихъ пособить горю, то-есть открыть частныя учебныя заведенія мужскія и женскія, разумѣется, нашлось бы довольно, да только, только... Что же?— спроситъ иной благодушный читатель, не знакомый съ мѣстными порядками [2]). Отвѣтимъ ему словами дѣдушки Крылова:

«Басню эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить»

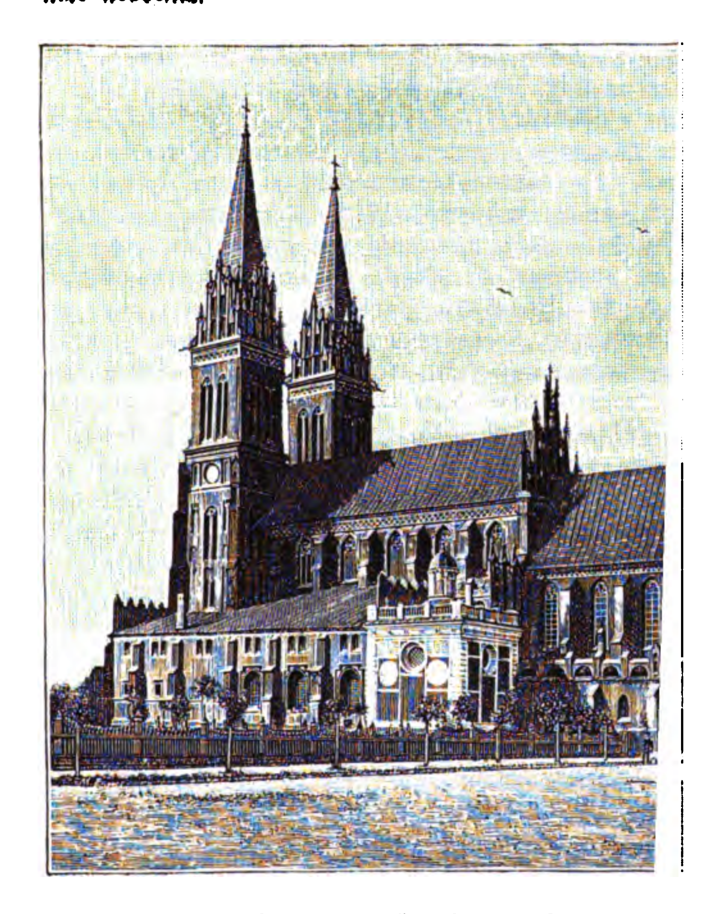
(гусей изъ подлежащаго вѣдомства—разумѣется)... Но фактъ остается фактомъ: многимъ родителямъ приходится или отказывать своимъ дѣтямъ въ образованіи или посылать ихъ за границу!.. Къ послѣднему средству обыкновенно и прибѣгаютъ. Но, къ сожалѣнію, оно доступно только людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ...

---

[1]) Не желая быть голословными, сошлемся хотя бы на замѣтку объ этомъ въ «Варшавскаго Дневникѣ», № 279, 1896 г.

[2]) Писано въ самомъ концѣ 1896 года.

Переходя, затѣмъ, къ обзору мѣстныхъ истори‹
ковъ, мы должны оговориться, что послѣ постигп
опустошеній, конечно, не могло въ немъ сохранить
количества ихъ. Зато тѣ, которые сохранились, і
разряду замѣчательныхъ. Это—памятники древняго
ные костелы.



Каѳедральный соборъ во Влоцлавс

Во главѣ ихъ стоитъ каѳедральный. Первоі
выстроенъ у самой Вислы, на мѣстѣ маленька
извѣстно кѣмъ и когда построеннаго костела,—
ломъ Годзембою (1216—1252). Чехи и тевтонскі
совершенно его разрушили, при чемъ великій м
ордена, подъ опасеніемъ смертной казни за о
отстроивать храмъ. И только въ 1340 году еп
лянчевскій (1323—1365) приступилъ къ постр

въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Вислы, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ теперь. Постройка тянулась очень долго, такъ что въ половинѣ XV вѣка, при епископахъ Владиславѣ Опоровскомъ (1434—1449) и Яковѣ Сенненскомъ (1464—1473), оканчивалась еще внутренняя отдѣлка зданія. Преемники ихъ тоже прикладывали руки къ украшенію и увеличенію храма, впрочемъ, не всегда удачно. Разныя пристройки и прибавки къ зданію снаружи и изнутри часто портили первоначальный стиль его и не гармонировали съ цѣлостью солидной постройки. Наконецъ, многое съ вѣками приходило въ разрушеніе и требовало исправленій, такъ что обновленіе собора, и при томъ обновленіе капитальное, почти совершенная перестройка, сдѣлалось наконецъ необходимымъ. И вотъ, когда нынѣшній варшавскій римско-католическій архіепископъ Викентій-Теофилъ Попель, въ 1875 году, вступилъ въ управленіе куявско-калишскою епархіею, первымъ его дѣломъ было возбудить вопросъ о реставраціи собора. Благая мысль епископа нашла поддержку въ членахъ соборнаго капитула, а средства на первыхъ порахъ были найдены путемъ продажи чаши XVI вѣка за 44.000 рублей. Въ слѣдующемъ году было приступлено къ дѣлу. Первоначальная довольно скромная смѣта впослѣдствіи возросла до очень крупной суммы, особенно когда было рѣшено замѣнить безобразныя и не отвѣчающія цѣлому, грушевидной формы, башни двумя стройными башнями, гармонирующими съ величественнымъ памятникомъ древней архитектуры. Въ 1883 году, епископъ Попель былъ перемѣщенъ въ Варшаву. Преемникъ его, теперешній епископъ, Александръ-Казиміръ Бересневичъ, энергично продолжалъ начатое дѣло. Онъ исходатайствовалъ отъ казны на производство работъ 50.000 рублей, а когда эта сумма оказалась недостаточною, испросилъ у правительства разрѣшеніе на сборъ добровольныхъ пожертвованій по епархіи. Начатая въ 1885 году монументальная перестройка (даже фундаменты въ нѣсколькихъ мѣстахъ были перемѣнены), по планамъ инженеръ-архитекторовъ: г. Стрыенскаго изъ Кракова, К. Войцѣховскаго изъ Варшавы и г. Ольшаковскаго, мѣстнаго уѣзднаго инженеръ-архитектора, подъ наблюденіемъ г. Войцѣховскаго, была благополучно доведена до конца, и 10-го мая (новаго стиля) 1896 года послѣдовало торжественное освященіе (consecratio) собора.

Въ настоящемъ своемъ видѣ влоцлавскій каѳедральный соборъ представляетъ великолѣпное сооруженіе и производитъ на зрителя сильное впечатлѣніе своими грандіозными размѣрами. Замѣчательно хороши фронтонъ и двѣ его башни въ готическомъ стилѣ, около 35 саженъ высоты каждая. На башняхъ помѣщены гербы епископовъ-строителей, Попеля и Бересневича, и двое часовъ—съ боемъ и солнечные. Другіе замѣчательные солнечные часы находятся на наружной стѣнѣ, примыкающей съ юга къ собору каплицы Пресвятой Дѣвы. Преданіе приписываетъ ихъ Копернику. Извѣстно, что ве-

ликій астрономъ воспитывался сначала во Влоцлавск
прелата Луки Васельроде. По преданію, Коперникъ
вармійскаго каноника, навѣстилъ Влоцлавскъ и са
солнечные часы со знаками зодіака и начерталъ н
дующіе стихи:

Hic Tibi cum signis spectantur nodus et umbra
Quae tria quid doceant commemorare libent;
Utra notat, dextra, quota cursitet hora dici
Hincque monet, vitam sic properare tuam.
Ast in quo signo magni lux publica mundi
Versetur, mira nodulus arte docet.
Si vis scire dies, quot quilibet occupat horas,
In medios media, sede locatos habes.

Разумѣется, что съ тѣхъ поръ какъ чертежъ, т
надъ нимъ, неоднократно реставрировались. При
стройкѣ собора чертежъ помѣщенъ въ особомъ кр
нимъ вдѣланъ въ стѣну для симметріи другой, так
кругъ съ изображеніемъ на немъ карты старой и
ской епархіи, составленной по изслѣдованію покойн
лата Зенона Ходынскаго.

Внутри зданіе дѣлится вдоль на три части. Ср
отъ боковыхъ пятью арками съ каждой сторон
вверху стрѣльчатые своды. Къ боковымъ примык
пристройки съ каплицами. Десять большихъ окон
съ каждой стороны, достаточно освѣщаютъ средн
Продолженіе средней части храма составляетъ об
rium. Онъ значительно ниже самаго храма. Надъ
ляющею, помѣщено колоссальное распятіе съ фиг
размѣровъ—Божіей Матери, апостола Іоанна и двух
находится величественный главный алтарь въ гот
освѣщаемый тремя грандіозными окнами. Изъ них
манія заслуживаетъ среднее, надъ алтаремъ, укра
ною старинною, XIII—XIV вѣковъ, живописью на
сохранившеюся донынѣ и вызывающею справ
археологовъ [2]). Тутъ же, у алтаря,—мѣста для
капитула и епископская каѳедра изящной рабо
сообразно мысли его реставраторовъ внутри ещ
ченъ, есть, напримѣръ, предположеніе [3]) росписат
на манеръ живописи Матейко въ краковскомъ М

[1]) Сооруженъ по рисунку архитектора г. Войцѣховскаг
ковскихъ. Замѣчателенъ былъ и прежній алтарь, разобранн
тины, украшавшія его,—работы Варѳ. Стробеля (XVII вѣк
размѣщены на стѣнахъ каплицы св. Іосифа.

[2]) Собѣщанскаго, напримѣръ «Wiadomości historyczne
dawnéj Polsce», т. I, Варшава, 1847, 295.

[3]) «Kurjer Warszawski», № 180, 1896 г.

тѣмъ не менѣе нѣкоторыя каплицы даже теперь поражаютъ богатствомъ своей отдѣлки [1]). Въ каплицахъ помѣщаются прекрасные надгробные памятники куявскихъ епископовъ: Матвѣя и Збылута Голянчевскихъ, Петра изъ Бнина Лодзя-Мошинскаго (1484—1493), Кжеслава Куросвенскаго (1494—1503), Яна Карнковскаго († 1538), Луки Гурки (1539—1542), Яна Тарновскаго (1600—1603) и др. Особенно хорошъ памятникъ епископа Петра изъ Бнина, поставленный ему его другомъ Филиппомъ Калимахомъ. Онъ изъ краснаго мрамора. Состоитъ изъ таблицы съ рельефнымъ изображеніемъ покоящагося въ святительскомъ одѣяніи и митрѣ епископа. Въ правой рукѣ у него евангеліе, а въ лѣвой посохъ. Въ ногахъ — щитъ съ гербомъ Лодзь (лодка). Ниже таблицы, по бокамъ, двѣ небольшія фигуры въ священническихъ одеждахъ. Между ними надпись:

Petro de Bnino Vladislaviensi
Pontifia (?) Religioso et Sapienti,
Positum
Procuratione Calimachi,
Experientis amici concordissimi.
Anno MCCCCLXXXXIII [2]).

Это превосходное произведеніе искусства Собѣщанскій согласенъ признать за работу самого Вита Ствоша [3]), а глубокій знатокъ влоцлавской старины, достопочтенный прелатъ о. Станиславъ Ходынскій, считаетъ гробницу эту произведеніемъ одного изъ учениковъ славнаго Ствоша [4]), но безусловно, прибавимъ, самаго талантливаго.

При влоцлавскомъ соборѣ имѣются, достойныя вниманія ризница, архивъ и библіотека. Подробное описаніе ихъ могло бы дать обильный матеріалъ для отдѣльной статьи.

Изъ предметовъ, находящихся въ ризницѣ, упомянемъ: золотую дароносицу, даръ епископа Матвѣя Лубянскаго (1631—1641), серебряную вызолоченую чашу, подарокъ епископа Опоровскаго, и ковчегъ для хра-

---

[1]) Великолѣпная каплица св. Мартина (XVI вѣка) описана подробно въ журналѣ «Przegląd katolicki» за 1884 г. (№№ 28, 29 и 30) о. Станиславомъ Ходынскимъ.

[2]) Рисунокъ памятника, заимствованный изъ собранія К. Стрончинскаго († 29 октября 1896 г.), помѣщенъ Собѣщанскимъ въ I т. «Wiadom. histor.», стр. 219.

[3]) Витъ Ствошъ (Wit Stwosz), имя котораго такъ извѣстно въ Западной Европѣ и мало кому знакомо у насъ, знаменитый рѣзчикъ-артистъ, живописецъ и скульпторъ, по происхожденію полякъ, родился въ Краковѣ въ 1447 г. Въ началѣ XVI ст. переселился въ Нюренбергъ и тамъ умеръ въ 1542 г. Лучшія его произведенія въ Краковѣ: алтарь Богоматери, изъ дерева, въ Маріацкомъ костелѣ (самый точный снимокъ съ него въ альбомѣ «Swiat w obrazach», изд. редакц. «Dziennik'a Polskiego» во Львовѣ (1896), и кенотафій короля Казиміра Ягелловича, изъ порфира, въ соборѣ на Вавелѣ.

[4]) «Katedra włocławska« («Wędrowiec», 1896, № 19).

ненія мощей, въ формѣ продолговатой шкатулки,
по голубому эмалевому фону вырѣзаны позолоченн
ста и апостоловъ. Достался изъ крушвицкой каоед
въ которую былъ пожертвованъ Мечиславомъ I и
Домбровскою [1]).

Въ каоедральномъ архивѣ находится много пс
ментовъ, начиная съ XIII в. Съ 1881 г. они изд
въ сборникѣ «Monumenta historica diec. Vladislav
поръ вышло 12 выпусковъ [2]).

Не уступаетъ архиву въ богатствѣ и библіотек
здѣсь замѣчательны св. Писаніе и миссалы XIV и
писанные на пергаментѣ, съ изображеніями [3]).

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одной особенно
собора — о пѣніи въ немъ. Такого прекраснаго п
стойнаго величественнаго храма, намъ нигдѣ не
шать, не исключая и Варшавы. Такая постановк
дѣлаетъ честь директору каоедральныхъ хоровъ, к
скому. Но не малую помощь оказываетъ въ этом
ходный органъ работы Я. Спигеля изъ Рейхталя
вленный въ 1893 году [4]).

Хорошій церковный звонъ—та же музыка. Вс
Ростовѣ Великомъ, устроенные о. А. Израилевым
боръ можетъ похвастать и своими колоколами въ
родства звука. Изъ нихъ самый большой Іероним
начально на отказанныя епископомъ Іеронимомъ
(† 1600), по духовному завѣщанію, 1000 зл. Его
ливали съ добавленіемъ вѣса, въ послѣдній ра
Виситъ на южной башнѣ. Вѣситъ 6.680 фунтовъ.
Бенедиктъ—самый старый, даръ епископа Збылу
Вѣситъ около 500 фунт.; Викентій—около 2.500
шенный многочисленными фигурами, даръ еписко
рембскаго (1503—1513), перелитъ епископомъ Мат
и часовые колокола XVII ст., одинъ 600 фунт.,
другой башнѣ, со стороны Вислы, — колоколъ и
подъ именемъ Яна, перелитъ въ 1892 году, вѣс

[1]) Настоящая ризница, какъ бы она ни была богата,
ной, въ которой находились и такіе предметы, какъ сосудъ,
за сорокъ слишкомъ тысячъ рублей!

[2]) Часть ихъ помѣщена въ пятитомномъ изд. покойна
«Dzieje ziemi kujawskiej, oraz akta historyczne do nich słu

[3]) Миссалъ XVI в., открытый не такъ давно о. Ст. Х
журн. «Śpiew Kościelny» (1896, № 1).

[4]) Подробное описаніе въ «Przegl. Katol.», 1893 г., № 43
w kośc. catedral. włocławskiem» въ «Śpiew Kościeln.», 189

[5]) Подробная исторія ихъ разсказана прел. С. Ходынс
Karol.» за 1892 г., № 42.

Черезъ площадь, на которой разбитъ скверъ, — другой древній костелъ—св. Виталиса. Построенъ въ 1330 году епископомъ Матвѣемъ Нолинчевскимъ, изъ кирпича, безъ штукатурки снаружи, въ готическомъ стилѣ. Зданіе очень небольшое. Отличительною чертою его древности служитъ уклоненіе алтарной части въ лѣвую сторону. Своды — стрѣльчатые, въ средней части храма покрыты звѣздами. Костелъ этотъ нѣкогда былъ больничнымъ, а теперь онъ семинарскій, такъ какъ примыкаетъ къ зданію, въ которомъ помѣщается духовная семинарія.

Влоцлавская духовная семинарія одна изъ древнѣйшихъ въ Польшѣ. Тридентскій соборъ возложилъ на епископовъ обязанность заводить при каѳедрахъ школы для приготовленія молодыхъ людей къ священническому служенію. Поэтому, въ 1568 году, на синодѣ, бывшемъ во Влоцлавскѣ, епископъ Станиславъ Карнковскій предложилъ основать семинарію. На содержаніе ея епископъ выдѣлилъ изъ своихъ имѣній фольварокъ съ двумя деревнями и предоставилъ право свободнаго помола на мельницахъ епископскаго города Влоцлавска, да шесть настоятелей монастырей платили ежегодно по 100 злотъ. Преемники епископа Карнковскаго, сообразно съ потребностями, заботились объ увеличеніи заведенія, о лучшей постановкѣ въ немъ образовательной и воспитательной части и объ изысканіи средствъ на его содержаніе. Число учащихся, незначительное на первыхъ порахъ, постепенно стало возростать [1]). Преподавателями назначены духовныя лица съ высшимъ образованіемъ. При епископѣ Павлѣ Волицкомъ (1615—1622) былъ выстроенъ для семинаріи особый домъ. Епископъ Константинъ-Фелиціанъ Шанявскій (1706 — 1720) отдалъ въ 1719 г. семинарію подъ управленіе монастырской корпораціи миссіонеровъ св. Викентія а Paulo и передалъ ей костелъ св. Виталиса. Миссіонеры руководили заведеніемъ съ большою пользою для дѣла въ теченіе 145 лѣтъ. При епископѣ Валентіи Бонча-Томашевскомъ (1837—1850) семинарія перешла въ нынѣшнее помѣщеніе [2]), которое не такъ давно увеличено новою пристройкою. Нынѣ семинарія находится подъ управленіемъ такъ называемаго свѣтскаго духовенства (т. е. не монашествующаго) и пользуется всѣми правами, какія у насъ предоставлены этимъ учебнымъ заведеніямъ въ силу послѣдняго (1883) конкордата съ римскою куріею.

Третій костелъ, приходскій, во имя св. Іоанна Крестителя, стоитъ, какъ мы уже упомянули, на набережной Вислы, на углу узкой улочки, ведущей къ рынку. Его закоптѣлыя, мѣстами полуразбитыя

---

[1]) Въ 1823 г. число семинаристовъ возросло уже до 40; въ настоящее время оно доходитъ до 50.

[2]) Боруцкій, «Ziem. Kujaws.», 278—280; Стан. Ходынскій, «Krótka wiadom. histor. o biskup. Włocławskiem» («Przeg. Katol.», 1894 г., № 31).

кирпичныя стѣны, безъ всякихъ украшеній, странной формы и безъ всякаго порядка разбросанныя по стѣнамъ ниши свидѣтельствуютъ о его древности. Кто его построилъ и когда—неизвѣстно. Согласно актамъ визитаціи епископа Іеронима Роздражевскаго, 1582 года, костелъ этотъ построенъ въ 1538 году. Освятилъ его въ въ 1540 году Янъ Дзядускій, епископъ-суффраганъ куявскій, впослѣдствіи епископъ перемышльскій. Однако, его долго не могли окончить. Въ 1580 году, возведена башня надъ главнымъ входомъ, и повѣшены на ней колокола, а маленькая башенка на костельной крышѣ поставлена только въ 1710 году. Зданіе покоится на низкихъ стрѣльчатыхъ сводахъ. Двѣ большія каплицы, пристроенныя къ нему съ сѣвера (въ 1565 году) и съ юга (въ 1635 году), и сильно выдвинутый къ улицѣ главный алтарь (фундація богатаго мѣщанина Андрея Рогали, 1622 года) придаютъ костелу форму креста. Въ костелѣ, вмѣстѣ съ каплицами, девять алтарей и всѣ разнаго стиля. Въ старину каждый изъ нихъ имѣлъ своего опекуна въ средѣ мѣстныхъ цѣховыхъ. Въ настоящее время, когда населеніе Влоцлавска такъ разрослось, костелъ св. Яна сталъ очень малопомѣстительнымъ.

Есть во Влоцлавскѣ на Бржеской (Brzeska) улицѣ еще костелъ при монастырѣ францисканцевъ, иначе называемыхъ реформатами. Построилъ его, между 1624—1626 годами, епископъ Андрей Липскій (1623 — 1631) [1]). Въ 1657 году шведы разграбили монастырь, при чемъ не обошлось и безъ пролитія крови. Одного монаха умертвили въ самомъ храмѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ таблица, помѣщенная въ монастырскомъ коридорѣ. Костелъ довольно тѣсный и темный. Подворье его обведено стѣною съ катакомбами. Не мало тутъ надгробныхъ памятниковъ. Надписи на многихъ изъ нихъ уничтожены, а древность тѣхъ памятниковъ, на которыхъ онѣ еще сохранились, не восходитъ далѣе второй половины XVIII ст. Тутъ погребены, по большей части, представители аристократическихъ фамилій.

На той же самой улицѣ существовалъ и еще одинъ костелъ, во имя св. Войцѣха. Онъ не принадлежалъ ни къ числу монастырскихъ, ни къ числу приходскихъ, но имѣлъ своего отдѣльнаго священника. Этотъ костелъ былъ переданъ лютеранской общинѣ, и на его мѣстѣ недавно воздвигнута прекрасная каменная помѣстительная лютеранская кирка съ высокою готическою башнею. Здѣсь замѣчательны картины, особенно запрестольный образъ «Молитва Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду», и хорошъ органъ.

Небольшая православная церковь, помѣщающаяся въ началѣ Бржеской улицы, почти противъ каѳедральнаго собора, въ чистен

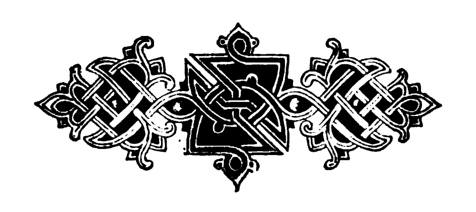
[1]) Авторъ описанія Влоцлавска въ «Памятн. кн. Варшавск. губ.» на 1 какъ кажется, не бывавшій въ этомъ городѣ, пишетъ, что костелъ этотъ «' лютеранская церковь»!...

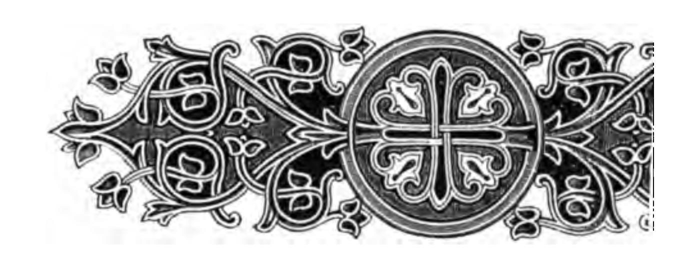
комъ деревянномъ домѣ, вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ мѣстнаго православнаго населенія, численность котораго очень не велика, тѣмъ болѣе, что стоящіе въ городѣ войска, если не ошибаемся, имѣютъ свои походныя церкви.

Изъ храмовъ нехристіанскихъ исповѣданій заслуживаетъ упоминанія чудесное каменное зданіе еврейской синагоги, на Жабьей (Żabia) улицѣ, въ мавританскомъ стилѣ, построенное въ 1854 году.

На этомъ мы закончимъ свой очеркъ и, разставаясь съ Влоцлавскомъ, пожелаемъ ему отъ души дальнѣйшаго роста и преуспѣянія, памятуя, что развитіе городовъ говоритъ о культурѣ населенія, а культура населенія свидѣтельствуетъ о его мощи духовной.

Г. А. Воробьевъ.





СТОЛКНОВЕНІЕ ГУБЕРНАТОРА СЪ СЕКРЕТАРЕМ

Эпизодъ изъ провинціальной жизни тридцат

I.

Прекращеніе холеры въ Твери.—Губернаторскія афиши.—Гнѣвъ и подозрѣнія губернатора.—Секретное распоряжені консисторіи.—Объясненіе съ ключаремъ собора.—Новая Молебенъ, крестный ходъ и панихида.—Торжест

ТРАШНАЯ азіатская гостья, совсѣмъ покинуть Тверь, въ ченіе двухъ длинныхъ и знойн цевъ 1831 года успѣла похит крайней мѣрѣ, во всемъ город ста осталось всего трое бол здоравливали.

Немудрено, что губернато вичъ Тюфяевъ увидѣлъ въ лость и покровительство Бож и захотѣлъ «достойно» воз торжественнымъ молебствіемъ и крестнымъ хо Печатными афишами, составленными въ сил ныхъ выраженіяхъ и расклеенными по улиц зывалъ «всякаго званія» жителей «вкупѣ соед предъ алтаремъ Всевышняго, у подножія гро

---

[1]) На основаніи архивныхъ данныхъ святѣйшаго сино

наго князя Михаила Тверскаго и изліять Господу Богу благодарственное моленіе за прекращеніе минувшаго зла». «Не до конца Богъ прогнѣвается!»—заключалъ начальникъ губерніи свое пламенное воззваніе къ тверякамъ: «караетъ Господь и милуетъ!»...

Днемъ общаго молебствія и крестнаго хода онъ назначалъ 9 августа, но въ порывѣ религіознаго чувства забылъ предварительно снестись о томъ съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, хотя въ афишахъ и оповѣстилъ гражданъ, что молебенъ и ходъ назначены по сношенію гражданскаго съ духовнымъ начальствомъ.

Въ Твери въ это время не было на лицѣ архіерея. Только что назначенный тогда, по смерти архіепископа Амвросія, преосвященный Григорій Постниковъ (впослѣдствіи петербургскій митрополитъ) еще не успѣлъ пріѣхать. Высшимъ епархіальнымъ мѣстомъ была консисторія. Къ ней-то и обратился Кириллъ Яковлевичъ, прося ее сдѣлать зависящее распоряженіе касательно предположеннаго имъ религіознаго торжества.

Губернаторское отношеніе получено было въ консисторіи 8 августа въ два часа дня. Но такъ какъ день былъ субботній и неприсутственный, то и никого изъ членовъ консисторіи въ ней не оказалось. Въ присутствіи находился одинъ секретарь консисторіи, титулярный совѣтникъ Корвинъ-Литвицкій. Занятый распоряженіями по двумъ экстреннымъ высочайшимъ указамъ: о рожденіи великаго князя Николая Николаевича и о вновь назначенномъ тверскомъ архіепископѣ Григоріи, онъ поручилъ своему помощнику доложить отношеніе начальника губерніи членамъ въ ихъ домахъ.

При докладѣ обнаружилось, что консисторія не могла выполнить губернаторское предложеніе въ виду того, что въ воскресенье 9 августа и безъ того назначено было два торжественныхъ молебна—передъ обѣдней въ память взятія Нарвы и послѣ обѣдни по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени императрицы Александры Θеодоровны великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ; совершеніе еще третьяго публичнаго молебна казалось консисторіи совсѣмъ неудобнымъ. Къ тому же, назначать и совершать новый крестный ходъ motu proprio консисторія не имѣла права въ силу синодскаго указа отъ 20 декабря 1771 года. Въ такомъ смыслѣ и данъ былъ отвѣтъ губернатору, доставленный къ нему почему-то въ седьмомъ часу слѣдующаго утра, когда вѣсть объ отказѣ успѣла уже довольно распространиться по городу и произвесть не малое смущеніе.

Отвѣтъ консисторіи безконечно возмутилъ ничего подобнаго не ожидавшаго губернатора.

Какъ! отвѣтъ этотъ подрывалъ престижъ его, какъ начальника губерніи: весь городъ зналъ уже о сдѣланномъ имъ распоряженіи, и вдругъ оно не осуществится... Вѣдь это подрывъ начальническаго авторитета!... Мало того: народъ уже настроенъ афишами въ извѣст-

номъ направленіи и навѣрно съ нетерпѣніемъ ждетъ молебств
Если же молебенъ не состоится, то можно опасаться народнаго во
ненія, возмущенія... Да и кто, наконецъ, можетъ запретить благо
дарить Господа Бога, сколько, когда и кому того пожелается?!
Нѣтъ, отказъ консисторіи—положительно возмутительное дѣло!...

Такъ думалъ разгнѣванный начальникъ губерніи, вертя и комкая въ рукахъ злополучное консисторское отношеніе. И чѣмъ болѣе останавливался онъ на немъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя оскорбленнымъ и тѣмъ сильнѣе горячился и выходилъ изъ себя. Вдругъ его осѣнила новая мысль.

Ужъ не скрывается ли здѣсь злого умысла?—подумалъ онъ.— Мудренаго ничего нѣтъ. Вѣдь секретарь консисторіи, полякъ, еще и прежде замѣченъ былъ въ явномъ противленіи его требованіямъ. Это было всего два мѣсяца тому назадъ. Въ Осташковѣ тогда вспыхнуло народное волненіе по случаю принимавшихся тамъ мѣръ противъ холеры. Для успокоенія толпы онъ предложилъ консисторіи предписать осташковскому духовенству молебствовать объ избавленіи отъ холеры и былъ вполнѣ увѣренъ, что консисторія приметъ его предложеніе, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для него къ нему явился секретарь Корвинъ-Литвицкій и началъ представлять разныя возраженія. Правда, возраженія эти онъ, губернаторъ, опровергъ тогда же; тѣмъ не менѣе, въ дѣйствіяхъ секретаря замѣтны были не только духъ преобладанія и закоснѣлаго подьяцизма, но и злой умыселъ—произвесть смуту... Конечно, и теперь отказъ консисторіи его же, секретаря, дѣло. Такъ объ этомъ, слышалъ онъ, говорятъ и въ городѣ... Да и кому въ самомъ дѣлѣ желать смуты, какъ не поляку въ угоду своимъ собратьямъ-мятежникамъ? Безспорно, въ этомъ полякѣ гнѣздятся преступныя мысли... Не даромъ же и въ народѣ заговорили, когда началась холера въ Твери, что вся болѣзнь происходитъ отъ отравы воды въ рѣкахъ и колодезяхъ поляками. Какъ ни нелѣпы эти слухи сами по себѣ, однако въ нихъ есть своего рода доля правды...

Разстроенное воображеніе рисовало губернатору одну другой мрачнѣе картины срама его, гибельнаго народнаго бунта и даже бѣгства ненавистнаго секретаря (Тюфяевъ былъ теперь окончательно убѣжденъ, что отказъ—его дѣло) въ мятежные польскіе предѣлы.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей онъ отдалъ полиціи секретное предписаніе не выпускать изъ виду секретаря консисторіи и слѣдить за нимъ, чтобы онъ не выѣзжалъ изъ города. На духовенство ж
онъ рѣшился подѣйствовать другимъ путемъ, рѣшилъ попросту в
нудить у него согласіе и на молебенъ и на крестный ходъ. Съ э
цѣлью утромъ того же 9 августа, до начала обѣдни, онъ поз
къ себѣ ключаря собора и вмѣстѣ члена консисторіи, прот
Михаила Іоаннова. Но предоставимъ рѣчь самому губернато
«Позвавъ къ себѣ ключаря (писалъ онъ министру внут

дѣлъ), я спрашивалъ: можно ли по желанію частныхъ лицъ отправлять сколько бы то ни было благодарственныхъ молебновъ и можно ли въ дома поднимать столько же разъ иконы?

«Отвѣтъ былъ: можно.

— «Слѣдовательно, вправѣ и я требовать молебствія для всего города и поднятія иконъ?

«Отвѣтъ: вправѣ.

«Основываясь на семъ, я потребовалъ, чтобы было и молебствіе и крестный ходъ, и что ежели сего не будетъ, то для успокоенія народа я возьму съ налоя икону и понесу ее самъ около города. Вслѣдствіе этого благоразумный ключарь далъ мнѣ обѣщаніе».

Нѣтъ сомнѣнія, что оригинальная угроза губернатора дѣйствительно должна была произвесть впечатлѣніе на ключаря и побудить его сдѣлаться «благоразумнымъ». Но еще болѣе напугали его, а вслѣдъ за нимъ и остальныхъ членовъ консисторіи, тѣ угрозы, какими наполнено было втерое отношеніе губернатора на имя консисторіи, переданное имъ тогда же лично ключарю.

«Поспѣшаю дать знать консисторіи, — писалъ губернаторъ въ немъ,— что въ религіи нашей нѣтъ запрещеній благодарить Бога, когда кто пожелаетъ или когда нужда того потребуетъ (sic). Молебствія сего ожидаютъ 20.000 обрадованнаго народа. Если не будетъ онаго учинено, и если чрезъ то будетъ нарушено спокойствіе, то виновные, само собою разумѣется, подвергнутся строгому по законамъ преслѣдованію. Но прежде того, при малѣйшемъ движеніи народа, я приму мѣры, извѣстныя консисторіи, о чемъ вмѣстѣ съ симъ доношу его императорскому величеству». Въ концѣ же отношенія губернаторъ собственноручно прибавилъ: «при семъ покорнѣйше прошу увѣдомить меня сего же числа, кто первый подалъ сію возмутительную мысль отказать мнѣ, и кто подписалъ и скрѣпилъ опредѣленіе о томъ?».

Напуганные члены консисторіи тутъ же въ соборѣ, куда собрались они для совершенія двухъ торжественныхъ молебновъ, рѣшили уступить силѣ и угрозамъ.

На дворцовой площади, на особо приготовленномъ для того мѣстѣ, совершено было третье молебствіе съ водосвятіемъ, а послѣ него состоялся и крестный ходъ, причемъ процессія заходила на одно холерное кладбище и даже отслужила тамъ по усопшимъ панихиду, несмотря на то, что поминовеніе умершихъ въ воскресные и праздничные дни церковными уставами запрещалось и обыкновенно не производилось даже по коронованнымъ особамъ.

По словамъ губернатора, всѣ были преисполнены за то благодарности; и хотя во все время молебствія и крестнаго хода шелъ безпрерывный дождь, тѣмъ не менѣе стеченіе народа было многочисленное, и никто не подвергся никакому болѣзненному припадку: вѣра спасла всѣхъ. «Надобно было видѣть признательность на-

рода,—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—онъ про:
и слезами свое благодареніе».

Такимъ образомъ желаніе губернатора было
того, къ вящшему торжеству его, по его требова
консисторіи, очевидно, сдѣлавшейся болѣе «благор
чивою, подобное же моленіе, крестный ходъ и
шены были духовенствомъ въ заволжской и за
города въ воскресенье 16 августа, хотя въ этотъ
былъ и положенный по табели благодарственны
жденіи великой княжны Екатерины Михаиловны

Казалось бы, что вмѣстѣ съ этимъ долженъ
весь инцидентъ. На самомъ же дѣлѣ каша тольк
и все описанное нами было лишь прелюдіей къ
разыгралась вслѣдъ затѣмъ...

II.

**Донесеніе о происшедшемъ. — Разсмотрѣніе дѣла въ святѣ
новленіе комитета министровъ.— Высочайшій выговоръ гу
къ преосвященному Григорію.**

Съ одной стороны, самъ губернаторъ поспѣши
шедшемъ министру внутреннихъ дѣлъ для докл
ратору, причемъ выставлялъ виновникомъ всег
сторіи и къ слову прибавлялъ, что «случай се
которымъ изъ духовенства открыть ему (губерн
кретаря сего страждетъ епархія, и никто не смѣе
мнѣнію, что между всѣмъ духовенствомъ будет
Богъ избавитъ ихъ отъ него и, если вѣрить слу
стѣ съ тѣмъ и отъ разорительныхъ платежей
магу». Вообще же начальникъ губерніи не с
краски для обрисовки личности своего врага, как
кретарь, и въ заключеніе своего донесенія м
жался: «отношенія консисторіи ко мнѣ секрета
явно означаетъ предварительную мѣру осторож
вѣтственности, какъ то свойственно злодѣйском
въ то же время другія исходящія онъ скрѣпл

Съ другой стороны, консисторія, вынужде
первоначальное постановленіе (чего по закону
дѣлать) и совершить другія противозаконныя
чинный ходъ и проч., и затѣмъ поставленная
писываться по поводу новыхъ настоятельных
совъ раздраженнаго губернатора, увѣдомила о
Григорія и просила у него «архипастырской з
ей губернаторомъ безвинно видимыхъ угрозъ»

отвѣтила, что въ своемъ распоряженіи она вовсе не находитъ ничего возмутительнаго, и что первое ея постановленіе состоялось по согласному рѣшенію присутствующихъ: соборнаго ключаря, мироносицкаго и семеновскаго протоіереевъ и срѣтенскаго іерея; эти лица и подписали постановленіе; не подписали его только первоприсутствующій архимандритъ Михаилъ, ректоръ семинаріи (которому по дальности разстоянія его мѣстожительства, за Волгою въ монастырѣ, отъ консисторіи дѣло совсѣмъ не докладывалось), да больной соборный протоіерей Іоаннъ Алексѣевъ.

Наконецъ, секретарь консисторіи, по обязанности своей должности и изъ ряда выходящимъ обстоятельствамъ дѣла, донесъ о немъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, князю П. С. Мещерскому.

Такимъ образомъ, почти одновременно въ синодъ поступили три донесенія о происшествіяхъ 8 и 9 августа, при чемъ губернаторское донесеніе передано было синоду по особому высочайшему повелѣнію чрезъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа.

Синодъ постарался возможно объективно и безпристрастно отнестись къ дѣлу.

Разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, онъ пришелъ къ заключенію, что неправа была отчасти и консисторія, такъ какъ, во-первыхъ, постановила свое рѣшеніе безъ общаго совѣщанія, а путемъ подачи голосовъ по домамъ каждымъ членомъ отдѣльно, слѣдствіемъ чего, быть можетъ, и было не совсѣмъ зрѣлое ея постановленіе, а, во-вторыхъ, обнаружила непонятную медлительность въ отвѣтѣ начальнику губерніи. За это синодъ сдѣлалъ ей замѣчаніе. Но главнымъ образомъ виноватъ былъ въ происшедшемъ замѣшательствѣ и столкновеніи духовнаго съ гражданскимъ начальствомъ самъ губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ К. Я. Тюфяевъ. Синодъ находилъ его виновнымъ въ томъ, что онъ, не входя еще ни въ какія сношенія съ консисторіей, уже опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе, что молебенъ и крестный ходъ назначены по сношенію гражданскаго съ духовнымъ начальствомъ; что, получивъ затѣмъ отказъ консисторіи, мотивированный довольно уважительными причинами, вынудилъ страхомъ у консисторіи исполненіе своего желанія, «между тѣмъ, какъ это желаніе его приличнѣе и гораздо съ большимъ впечатлѣніемъ для народа могло быть исполнено на другой или третій день, тѣмъ паче, что тогда въ городѣ было еще трое больныхъ»; что въ явное противорѣчіе высочайшему указу 16 августа 1802 года («не простирать власти своей далѣе предписанныхъ предѣловъ») позволилъ себѣ неоднократно требовать отъ консисторіи, не подчиненнаго ему мѣста, разныя объясненія, сопровождая свои требованія неприличными угрозами, и, наконецъ, что оскорбилъ высшее епархіальное управленіе, какъ этимъ, такъ и тѣмъ, что назвалъ ея распоряженіе «возмутительною мыслію».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ синодъ постановилъ: «всѣ сіи

неблаговременныя, самовластныя и оскорбительныя для духовнаго епархіальнаго начальства дѣйствія тверскаго гражданскаго губернатора сообщить на разсмотрѣніе правительствующему сенату. А дабы между тѣмъ не могъ онъ (губернаторъ), по изъясненію тверскаго преосвященнаго, въ отсутствіе его запугать консисторію и поставить ее въ затруднительное положеніе, какъ губернаторъ уже и сдѣлалъ это, опубликовавъ объявленіе о крестномъ ходѣ до учиненія съ нею предварительнаго сношенія, а угровами побудилъ присутствующихъ отправить молебенъ и крестный ходъ,—то предоставить г. синодальному прокурору увѣдомить г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и просить его объ удержаніи губернатора отъ подобныхъ неумѣстныхъ распоряженій, поставя ему на видъ, что если бы отъ неотправленія означеннаго молебнаго пѣнія, крестнаго хода и панихиды въ Твери могло случиться народное волненіе, то въ семъ случаѣ вина пала бы на самого губернатора по той причинѣ, что означенное волненіе произошло бы не отъ опредѣленія консисторіи, а отъ его объявленія о молебствіи и приглашенія на оный народа, безъ предварительнаго надлежащаго соглашенія съ духовнымъ начальствомъ.

«Что же касается извѣта губернатора на секретаря консисторіи П. Корвинъ-Литвицкаго, что якобы отъ него страждетъ епархія и пр., и опасенія, какъ бы сей секретарь не скрылся въ мятежническія польскія мѣста, то, не видя въ бумагахъ губернатора никакихъ поводовъ къ такому извѣту и опасенію, кромѣ однихъ безъименныхъ слуховъ и кромѣ одного собственнаго его подозрѣнія, и, сверхъ того, усматривая, что секретарь Корвинъ-Литвицкій четырьмя, бывшими до настоящаго, тверскими преосвященными рекомендованъ хорошо, поручить также г. оберъ-прокурору отнестись къ г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не угодно ли ему будетъ, по отношенію къ извѣту на секретаря Корвинъ-Литвицкаго, потребовать отъ г. губернатора, чтобы онъ представилъ по порядку мѣстному епархіальному начальству, какія онъ имѣетъ на то доказательства, безъ каковыхъ доказательствъ, по закону, никакой доносъ силы и дѣйствія имѣть не можетъ. А касательно подозрѣнія предписать ему, губернатору, отмѣнить означенное секретное за секретаремъ наблюденіе, буде не имѣетъ другихъ законныхъ къ тому побужденій, такъ какъ Корвинъ-Литвицкій легко можетъ имѣть нужду выѣхать иногда изъ Твери и по порученіямъ отъ начальства.

«За всѣмъ симъ, хотя губернаторъ не изъяснилъ, отъ кого именно онъ слышалъ о злоупотребленіяхъ секретаря и не представилъ никакихъ доказательствъ на свои обвиненія, святѣйшій синодъ по возмо
ности оныхъ и потому, что обвиненія происходятъ отъ начальн
губерніи, признаетъ справедливымъ предписать тверскому архі
скопу указомъ, чтобы онъ, обративъ съ сего же времени особ
вниманіе на дѣйствія сего секретаря, принялъ удобнѣйшія п

трѣнію своему мѣры къ точному дознанію: справедливы ли и до какой степени всѣ, выраженные губернаторомъ, извѣты, и чтобы о послѣдующемъ неопустительно донесъ святѣйшему синоду, учинивъ всѣ зависящія отъ него распоряженія къ истребленію зла, ежели что подобное дѣйствительно было доселѣ допущено и наблюденіемъ его будетъ нынѣ открыто.

«Впрочемъ,—заключалъ святѣйшій синодъ,—не приводя сего въ исполненіе, поручить г. синодальному оберъ-прокурору представить о семъ на высочайшее усмотрѣніе».

Горячій поборникъ правды и законности, императоръ Николай Павловичъ строго взглянулъ на это дѣло и приказалъ препроводить его въ комитетъ министровъ, чтобы приняты были мѣры, дабы губернаторъ не выходилъ изъ границъ власти и приличія.

Комитетъ оказался солидарнымъ съ мнѣніемъ синода. Дѣйствія губернатора онъ призналъ одни — оскорбительными для духовной власти, другія—стѣснительными для секретаря консисторіи, всѣ же вообще — самовластными и неприличными, а потому постановилъ: «сдѣлать за нихъ губернатору Тюфяеву именемъ его императорскаго величества строгій выговоръ».

Государь утвердилъ это постановленіе.

Такъ печально кончилась для Тюфяева первая половина начавшейся драмы. Самъ онъ принялъ высочайшій выговоръ, какъ глубокое несчастіе, посланное ему судьбой, но виновнымъ себя все-таки не призналъ.

«Ваше высокопреосвященство,—писалъ онъ между прочимъ архіепископу Григорію въ свое оправданіе,—извольте убѣдиться, что въ отношеніяхъ моихъ къ консисторіи не было и нѣтъ ни одной черты, которая бы имѣла хоть тѣнь оскорбленія. Какъ христіанинъ, васъ увѣряю, что и на мысль не входило мнѣ оскорблять епархіальное начальство. Напротивъ, все здѣшнее духовенство видитъ мое непритворное къ нему уваженіе, и я пользуюсь его расположеніемъ. Вопросите всѣхъ и каждаго, всѣ подтвердятъ слова мои... Вопросите и о секретарѣ, когда перестанетъ онъ быть секретаремъ, и вы услышите болѣе, нежели я слышалъ и слышу»...

Особенно досадно ему было то, что секретарь, видимо, хвалился одержанною побѣдой надъ губернаторомъ, приписывая ее своей «силѣ». Тюфяевъ не могъ перенести этого и поклялся жестоко отомстить виновнику всѣхъ своихъ бѣдъ. Случай къ тому представился тогда же.

III.

Постановленіе комитета министровъ касательно губернатор
Слабость ихъ аргументаціи. — Нѣчто къ біографіи Корвинъ-
пытная записка о не менѣе любопытныхъ записочкахъ. -
Литвицкомъ двухъ бывшихъ ректоровъ Тверской семинаріи
щихъ консисторіи. — Заключительное мнѣніе преосвященнагс
святѣйшаго синода. — Постановленіе комитета м

Строго обошедшись съ губернаторомъ, комитет
сательно «извѣтовъ» его на секретаря консисторіи
доставить разсмотрѣніе ихъ надлежащему судебн
бовавъ предварительно на нихъ ясныя доказате
натора. Исполненіе послѣдняго поручено было пре
горію съ предписаніемъ обратить особенно бдите
дѣйствія секретаря.

Надъ головою Корвинъ-Литвицкаго собиралис
грозныя тучи... Тюфяеву представлялась полна
лидными аргументами въ конецъ раздавить нена
вѣка. Очевидно, онъ и имѣлъ эту цѣль, но пов
умѣло, что не только не достигъ ея, но еще ухит
ричный выговоръ...

Слишкомъ довѣрчивый къ слухамъ вообще,
рить имъ еще болѣе въ силу своей настроен
желанія отмстить секретарю, Тюфяевъ построил
ихъ доказательствъ исключительно почти на сл
вается общимъ голосомъ особъ не только дух
скихъ»... «Я не слыхалъ о немъ (секретарѣ)
какъ самыхъ невыгодныхъ»... «Это говорятъ в
и въ этомъ сомнѣваться не должно»... Вотъ
у губернатора его положеній. Понятно, что с
кона такая аргументація не имѣла никакого зн
Корвинъ-Литвицкому, слишкомъ тридцать лѣт
бумажныхъ дѣлъ и искусившемуся во всякихъ
ничего не стоило опровергнуть ихъ простою сс
словность и на статьи закона, запрещающія
безъименныхъ свидѣтелей.

Лучше другихъ обосновывалъ Тюфяевъ цент
ихъ обвиненій—обвиненіе секретаря во взяточ
платежей,—писалъ онъ,—я сказалъ очень скр
какъ называютъ, алчность къ пріобрѣтенію з
шее, но приличнѣйшее наименованіе». И затѣм
дующія доказательства.

По его словамъ, Корвинъ-Литвицкій въ 18
Тверь въ рубищѣ. Въ описываемое же время

димецъ владѣлъ въ Корчевскомъ, Бѣжецкомъ и Весьегонскомъ уѣздахъ болѣе или менѣе значительными недвижимыми имѣніями, дворовыми и ревизскими душами. Въ самой Твери у него было два хорошихъ дома, изъ которыхъ одинъ стоилъ около 5.000 рублей, а другой болѣе 30.000 рублей, имѣлъ экипажи и проч. Жилъ онъ вообще богато, вполнѣ на барскую ногу. Дѣтей обучалъ разнымъ наукамъ и языкамъ, для чего держалъ нѣмку-гувернантку, нанималъ француза-учителя и другихъ учителей. Кромѣ того, два раза въ недѣлю приглашалъ къ нимъ фортепіанщика и танцмейстера, платя каждому изъ нихъ по 1 рублю 50 копеекъ за урокъ. Старшую дочь свою онъ воспитывалъ въ бывшемъ тверскомъ пансіонѣ, несмотря на то, что годичная плата тамъ была не менѣе 500 рублей.

«Жалованья секретарь получаетъ 300 или 350 рублей, — недоумѣвалъ губернаторъ,—откуда же ему такое достояніе?» Естественно, что отъ тѣхъ «платежей, отъ которыхъ страждетъ вся епархія». А что это такъ, то въ этомъ увѣряетъ де «краткая записка о маловажныхъ источникахъ, по коимъ секретарь тверской духовной консисторіи Корвинъ-Литвицкій получаетъ съ разныхъ лицъ духовнаго званія деньги». Записка эта гласитъ слѣдующее:

«1) Каждый посвящающійся въ какое бы то ни было духовное званіе, какъ-то: священника, діакона, дьячка и пономаря, при начатіи дѣла, приходитъ къ секретарю и приноситъ сколько можетъ, но не менѣе рубля серебромъ, за чтò получаетъ отъ него записочку къ повытчику консисторіи, чтобы сдѣлать докладъ, чтò тотчасъ послѣ того и исполняется.

2) «Когда дѣло просителя должно уже быть представлено къ слушанію присутствующимъ консисторіи, то проситель вновь приходитъ къ секретарю и опять приноситъ ему, но не менѣе рубля серебромъ, получаетъ другую записочку, по коей дѣло представляется къ слушанію.

«3) Выходящій въ священника или діакона для полученія билета на женитьбу вновь является къ секретарю и, подаривши его деньгами, получаетъ записочку, по коей означенный билетъ выдается.

«4) Новопроизведенный, по пріѣздѣ послѣ женитьбы, является къ секретарю и приноситъ деньги, но не менѣе цѣлковаго рубля, получаетъ записочку, по коей дѣлается тотчасъ распоряженіе объ отправленіи его къ посвященію.

«5) Новопосвященный, по пріѣздѣ отъ владыки, опять является къ секретарю и приноситъ то же, какъ и выше изъяснено, для отправленія его для обученія Божественному служенію и, получивъ записочку, удовлетворяется въ своей просьбѣ.

«NB. Сіе правило у секретаря постоянное, и никто изъ онаго исключенія имѣть не можетъ, и надобно сказать, что безъ вышеупомянутыхъ записочекъ ни малѣйшаго производства чинено быть не можетъ.

«6) При представленіи метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ, что̀ бываетъ въ годъ два раза, отъ священнослужителей каждаго прихода постоянно посылается или однимъ изъ нихъ приносится лично извѣстная довольно значительная сумма, смотря по приходу.

«7) При представленіи годовыхъ отчетовъ изъ духовныхъ правленій каждогодно повытчику въ непремѣнную обязанность вмѣняется присылать или самому лично представлять секретарю извѣстную имъ значительную сумму, равно какъ и благочиннымъ, представляющимъ отчеты о свѣчной суммѣ прямо въ консисторію.

«8) Сверхъ сего, каждый благочинный, кромѣ, можетъ быть, губернскихъ, постоянно доставляетъ секретарю консисторіи дань.

«NB. Сіи источники вынуждаемыхъ секретаремъ платежей—непремѣняемые. Здѣсь не говорится еще объ особенныхъ дѣлахъ, изъ коихъ ни одно также не можетъ имѣть движенія и пользы для просителя, если секретарь не получитъ требуемаго».

«Объ источникахъ его пріобрѣтеній,—добавлялъ губернаторъ,—я бы могъ еще прибавить то, что говорятъ слухи, но они сами по себѣ откроются, когда секретарь удалится отъ должности, и когда благоугодно будетъ приступить къ удостовѣренію о нихъ. Обращеніе секретаря съ духовенствомъ поражаетъ умъ и душу; я слышалъ отъ одного вѣры достойнаго человѣка (какъ оказалось потомъ, отъ купца первой гильдіи М. А. Ванчакова), что онъ, бывъ по какому-то случаю у секретаря, нашелъ стоящаго предъ нимъ на колѣняхъ и обливающагося слезами какого-то священника, который во все время разговора, описывавшаго мнѣ сію жалостную сцену съ секретаремъ, не перемѣнялъ своего унизительнаго положенія»...

Вообще, «что такое есть въ епархіи секретарь консисторіи, полагаю (заключалъ губернаторъ), можно имѣть ясное представленіе отъ бывшаго первоприсутствующаго консисторіи, ректора Михаила, и даже отъ нынѣшняго Арсенія, несмотря на кратковременность его здѣсь пребыванія».

Послѣдніе отозвались въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ о своемъ бывшемъ сослуживцѣ. Но общій тонъ ихъ отзывовъ былъ не совсѣмъ благопріятенъ для него. Арсеній, только-что возведенный въ санъ тамбовскаго епископа, отозвался, что, по кратковременности своего пребыванія въ Твери, онъ не могъ составить о секретарѣ понятія, а потому и не можетъ противъ него ничего сообщить, кромѣ «общаго слуха о его притязательности». Другой же бывшій первоприсутствующій, епископъ оренбургскій Михаилъ, писалъ, что во время его служенія въ Твери дѣйствительно доходили до него жалобы отъ четырехъ или пяти духовныхъ лицъ на медлительное производство ставленническихъ дѣлъ и вмѣстѣ якобы на отяготительныя требованія платы за оное производство. «Впрочемъ,—оговаривался онъ,—сіи жалобы относились къ канцеляріи консисторіи вообще; именно же на секретаря консисторіи жалобъ я не слыхалъ. Подо-

зрѣвать секретаря во взяточничествѣ можно развѣ потому, что разное движимое и недвижимое имущество его,—сколько то извѣстно мнѣ,—не могло быть пріобрѣтено однимъ жалованьемъ, которое онъ получаетъ по своей должности. Но какъ не извѣстно мнѣ, что изъ его имущества принадлежитъ собственно ему и что его женѣ, которая происходитъ изъ княжескаго рода, то и въ прописанномъ полнаго убѣжденія не имѣю». А ргорос епископъ Михаилъ отмѣчалъ, что при разсужденіи о дѣлахъ, докладывавшихся присутствію, случалось, что секретарь вступалъ, какъ съ нимъ, такъ и съ другими присутствующими въ такія состязанія, которыя обнаруживали въ немъ нечистоту намѣреній и побужденій...

Но Корвинъ-Литвицкій не смутился ни представленными губернаторомъ доказательствами, ни отзывами своихъ бывшихъ сослуживцевъ. Вооружившись цѣлымъ арсеналомъ бумагъ и бумаженокъ—подорожными, заемными письмами, копіями съ различныхъ актовъ, квитанціями, частными письмами и т. п., онъ въ пухъ и прахъ разбивалъ губернаторскія доказательства и въ свою очередь пространно доказывалъ, что онъ не пришелъ, а пріѣхалъ въ Тверь и при томъ въ собственной повозкѣ, что пріѣхалъ не въ рубищѣ, а имѣлъ довольно платья хорошаго, холостому его тогдашнему состоянію приличнаго, какъ-то: шубу опашную енотовую, стоимостью въ 350 рублей, другую легкую шубку въ видѣ сюртука тоже въ 350 рублей, третью шубку или шлафрокъ зимній цѣною въ 65 рублей, два мундира самаго тонкаго сукна и т. д. и т. д.; что всѣ его имѣнія и дома стоятъ въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ оцѣнивалъ ихъ губернаторъ; что они куплены имъ въ разное время на деньги отчасти его собственныя, отчасти же занятыя у жены, бывшей княжны Энгалычевой, у коллежскаго ассессора Боркова и въ Тверскомъ общественномъ призрѣніи...

Какъ бы не довольствуясь представленными письменными доказательствами, Корвинъ-Литвицкій въ подтвержденіе своихъ словъ ссылался еще на цѣлый рядъ живыхъ свидѣтелей и между прочимъ на бывшихъ тверскихъ архіепископовъ Серафима, Филарета, Іону и Амвросія, которые де коротко знали его долгую безпорочную и усердную службу и не разъ награждали ее. Вообще юридически онъ искусно доказывалъ свое alibi.

Что же касается наиболѣе компрометировавшаго его документа, выше приведенной «краткой записки», то онъ совершенно устранялъ ее, «яко никѣмъ не подписанную и потому не заслуживающую довѣрія». Самъ преосвященный Григорій хотя нашелъ ее «примѣчательною», однако не далъ ей дальнѣйшаго хода, поелику она, какъ онъ выражался, заключала въ себѣ такіе предметы, для приведенія коихъ въ ясность надлежало бы взять въ допросъ все духовенство Тверской епархіи и всѣхъ служащихъ въ тверской консисторіи и духовныхъ правленіяхъ безъ исключенія, что̀ онъ не имѣлъ права дѣлать, да

это было бы и безполезно, потому что, бывъ употреблена въ разсмотрѣніе, она вела бы не столько къ открытію истины, сколько къ искушенію и грѣху сказать неправду изъ опасенія отвѣтственности, такъ какъ дающій взятки не менѣе подлежитъ отвѣтственности, какъ принимающій».

Вообще же преосвященный посмотрѣлъ на дѣло болѣе съ нравственной, чѣмъ строго юридической точки зрѣнія, а потому и склонился болѣе на сторону губернатора, чѣмъ секретаря. Сопоставляя и сравнивая между собою губернаторскія показанія и объясненія секретаря, онъ нашелъ послѣднія «частію имѣющими видъ справедливости», но «большею частью сомнительными» и «недостаточными», а по поводу одного довольно хитраго и тонкаго вычисленія секретаремъ его доходовъ и расходовъ остроумно замѣтилъ, что если даже предположить, что онъ жилъ однимъ воздухомъ, то и тогда нельзя съ нимъ согласиться. «Офиціальныхъ жалобъ на него я не имѣлъ,—заключалъ преосвященный Григорій свое донесеніе (отъ 7 декабря 1833 года) святѣйшему синоду,—кромѣ одной отъ подсудимаго священника села Острецова, Василія Семенова, который приходилъ ко мнѣ и говорилъ, что секретарь не только вымучилъ отъ него болѣе тысячи рублей, но и донынѣ не перестаетъ тѣснить его медленностью рѣшенія касающагося до него дѣла; но поелику сей священникъ жаловался мнѣ только на словахъ и на жалобу свою не имѣлъ доказательствъ, и поелику онъ судился по многимъ дѣламъ и въ сіе самое время былъ подъ судомъ по важному доносу, то жалобу его оставилъ я безъ разсмотрѣнія. Офиціально спрашивать я не имѣлъ права никого; изъ приватныхъ же спросовъ моихъ, которые не могли быть настоятельны, и которые я дѣлалъ въ бытность свою въ Твери ставленникамъ, получилъ я довольно убѣдительную мысль только ту, что тверское духовенство дѣйствительно боится секретаря, ибо когда я спрашивалъ, не было ли имъ какого притѣсненія по консисторской канцеляріи, то спрошенные никогда не давали отвѣта свободно, но всегда заминались и уже по нѣкоторомъ настояніи говорили: «нѣтъ», или: «кажется, нѣтъ». По дѣламъ консисторскимъ особой медлительности я не замѣтилъ... Впрочемъ, дѣло сіе началось въ одно время съ переведеніемъ меня въ Тверскую епархію, а въ сіе время я не зналъ еще въ Тверской епархіи никого и потому не могъ употребить въ посредство для наблюденія за секретаремъ ни одного человѣка; прибылъ я въ Тверскую епархію, спустя уже почти цѣлый годъ, а в продолженіе сего времени секретарь своимъ осторожнымъ поведеніе удобно могъ предупредить, какія могли дойти до меня на него лобы; наконецъ, по прибытіи моемъ въ епархію, я долженъ только еще узнавать людей, какъ новый человѣкъ, и дѣйств отношеніи къ секретарю осторожно, ни съ кѣмъ не могъ объя о немъ свободно. Принимая все сіе въ соображеніе, полага

таря Корвинъ-Литвицкаго касательно законности пріобрѣтеннаго имъ имущества признать въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ отъ должности секретаря тверской консисторіи отрѣшить».

12-го мая 1834 года, синодъ, по странной случайности, въ составѣ тѣхъ самыхъ іерарховъ (митрополитовъ Серафима, Филарета и Іоны), на которыхъ ссылался въ свое оправданіе Корвинъ-Литвицкій, постановилъ уволить его, какъ сомнительнаго, отъ должности и самое дѣло его передать на разсмотрѣніе свѣтскому суду.

Свѣтскій судъ совершенно иначе отнесся къ дѣлу. Взглянувъ на него исключительно съ юридической точки зрѣнія, правительствующій сенатъ, а затѣмъ комитетъ министровъ, признали извѣты бывшаго губернатора Тюфяева на бывшаго же секретаря консисторіи Корвинъ-Литвицкаго недоказанными, а потому и неосновательными, и постановили сдѣлать первому строгій выговоръ, а послѣдняго на основаніи тома XIV уголов. стат. 107 отъ суда и взысканія учинить свободнымъ.

Государь, 19-го декабря 1838 года, утвердилъ этотъ приговоръ.

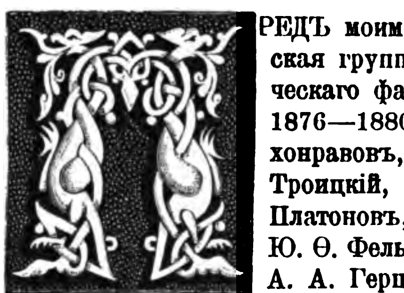
Такимъ образомъ Корвинъ-Литвицкій сумѣлъ обѣлить себя по должности секретаря консисторіи. Но онъ не сумѣлъ того же сдѣлать, когда члены тверскаго духовнаго попечительства возбудили противъ него дѣло, обвиняя его въ разнаго рода проступкахъ по должности секретаря этого попечительства. И тотъ же сенатъ, который нашелъ недоказанными извѣты губернатора Тюфяева, наоборотъ призналъ основательными доводы членовъ тверскаго попечительства, а потому постановилъ «учинить бывшему секретарю Корвинъ-Литвицкому строжайшій выговоръ со внесеніемъ онаго въ формуляръ».

Таковъ былъ финалъ этого довольно характернаго для описываемаго времени событія.

Д. Д. Соколовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. И. БУСЛАЕВѢ.

I.



РЕДЪ моими глазами находится фотографическая группа профессоровъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета 1876—1880 годовъ: С. М. Соловьевъ, Н. С. Тихонравовъ, Н. А. Сергіевскій, В. И. Герье, М. М. Троицкій, Н. А. Поповъ, А. М. Иванцовъ-Платоновъ, В. Ѳ. Коршъ, А. И. Чупровъ, Ю. Ѳ. Фелькель, И. В. Цвѣтаевъ, А. И. Шварцъ, А. А. Герцъ, Ѳ. И. Буслаевъ, И. Ѳ. Миллеръ, В. Г. Зубковъ, Г. А. Ивановъ, А. Л. Дювернуа, П. Г. Виноградовъ, В. О. Ключевскій, Н. И. Стороженко, Ф. Ѳ. Фортунатовъ... Сколько среди этихъ моихъ незабвенныхъ наставниковъ извѣстныхъ, пріобрѣтшихъ заслуженную славу въ русской наукѣ и литературѣ именъ!.. Семнадцать лѣтъ прошло съ того времени, когда была снята имѣющаяся у меня и моихъ товарищей выпуска 1880 года фотографическая группа, а между тѣмъ многихъ изъ нашихъ бывшихъ руководителей на пути высшаго образованія давно уже нѣтъ въ живыхъ. С. М. Соловьевъ скончался еще тогда, когда я былъ студентомъ четвертаго курса. За нимъ послѣдовали: А. А. Герцъ, Ю. Ѳ. Фелькель, Н. А. Поповъ, А. Д. Дювернуа, Н. А. Сергіевскій, А. М. Иванцовъ-Платоновъ, Н. С. Тихонравовъ, наконецъ Ѳ. И. Буслаевъ. Нѣтъ уже почти половины профессорскаго состава нашего времени. Въ каждые два года неумолимая смерть уносила кого либо изъ корпораціи профессоровъ второй половины семидесятыхъ годовъ, смотря на то, что почти всѣ изъ скончавшихся были въ пер моего студенчества, повидимому, въ расцвѣтѣ своихъ силъ и,

лось, еще долгіе годы могли служить дѣлу науки и университетскаго образованія. Да... знаешь неумолимый законъ природы—жить и рано или поздно умереть; но при каждой новой вѣсти объ утратѣ того или другого наставника той поры, когда весело пѣлось «Gaudeamus igitur»..., невольно болѣзненно сжимается сердце и надрывается грудь. Нетрудно было въ послѣдніе годы предвидѣть, что близокъ часъ и глубокоуважаемаго Ѳ. И. Буслаева, но когда появилось въ печати извѣстіе о его смерти, тяжело стало на душѣ, навернулись на глаза слезы. Припомнились вдохновенныя лекціи покойнаго, припомнились его авторитетныя рѣчи въ личной бесѣдѣ, его благородныя и гуманныя дѣйствія... и мучительная тоска затуманила взоръ.

Не знаю, оттого ли, что я, будучи студентомъ, съ самымъ живѣйшимъ интересомъ относился къ профессорскимъ лекціямъ, внимательно ихъ слушалъ и изучалъ, или въ пору студенчества особенно сильно вліяли на умъ молодого человѣка впечатлѣнія школы, или, можетъ быть, по какимъ либо инымъ причинамъ, только ни одни событія моей жизни такъ ярко и наглядно не возстають въ моей памяти, какъ событія университетской жизни. И обо всѣхъ моихъ профессорахъ сохранились въ душѣ яркія и прочныя воспоминанія. Вотъ предо мною, какъ живой—старецъ-патріархъ С. М. Соловьевъ съ его серьезною задумчивою рѣчью, авторитетно раздававшеюся въ такъ называемой «Словесной внизу» аудиторіи. Вотъ соратникъ по предмету С. М—ча—Н. А. Поповъ, бодрый обыкновенно, живой, веселый, истинно русскій человѣкъ по характеру и убѣжденіямъ. Звучно раздавалась его бойкая, но плавная рѣчь, простая, безъ ораторскихъ пріемовъ и эффектовъ, но понятная для всѣхъ и одушевленная. Любили Н. А—ча студенты, въ особенности за то, что онъ, будучи деканомъ факультета, старался, по возможности, удовлетворить просьбу каждаго, успокоить тѣхъ, кто обращались къ нему по различнымъ студенческимъ дѣламъ, и не затруднялся, во многихъ случаяхъ, быть ходатаемъ за студентовъ «въ минуту жизни трудную». Нельзя забыть краснорѣчивыхъ богословскихъ лекцій Н. А. Сергіевскаго, читавшаго апологію христіанства, во всеоружіи научныхъ знаній, а также не менѣе краснорѣчивыхъ и увлекательныхъ чтеній по церковной исторіи А. М. Иванцова-Платонова... Нельзя забыть А. А. Герца — перваго по времени въ Россіи профессора теоріи и исторіи искусствъ; ученѣйшаго знатока славяновѣдѣнія А. Л. Дювернуа, добрѣйшаго старика Ю. Ѳ. Фелькеля, который для слушателей былъ живымъ типомъ нѣмецкаго благодушнаго профессора прежняго времени... Никогда не забудется такой колоссъ русской науки, какимъ былъ Н. С. Тихонравовъ, товарищъ Ѳ. И. Буслаева по преподаваемой наукѣ—русской словесности.

Но нужно ли говорить, что въ ряду университетскихъ профессоровъ образъ Ѳ. И., его лекціи и профессорская дѣятельтельность особенно сильно запечатлѣлись въ душѣ? Нужно ли говорить, что

недавняя смерть его вызвала особенно горестное чувство утраты и желаніе разсказать хотя что либо изъ того, что сохранилось о немъ въ благодарномъ воспоминаніи? Намъ кажется, что прямой долгъ учениковъ покойнаго профессора подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями о его преподаваніи, которыя они имѣютъ. Наше общественное развитіе въ значительной мѣрѣ совершается подъ вліяніемъ дѣятельности передовыхъ личностей въ сферѣ науки и литературы. До смерти ихъ общество испытываетъ это вліяніе непосредственно—изъ ихъ рукъ; послѣ смерти оно живетъ впечатлѣніями отъ возвышеннаго образа этихъ личностей.

Такіе великіе ученые, каковъ Ѳ. И. Буслаевъ, нарождаются рѣдко. Ихъ не особенно много и въ тѣхъ странахъ, которыя справедливо могутъ гордиться успѣхами своей цивилизаціи; о насъ нечего и говорить. Справедливо, что въ послѣднее время плеяда русскихъ ученыхъ подвинула впередъ науку русской словесности. Но какой отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго, можно дать на вопросъ: занялъ ли какой либой русскій ученый высокое мѣсто Ѳедора Ивановича, имѣетъ ли онъ такой же авторитетъ въ области науки, какой давно уже пріобрѣлъ покойный? Работы Буслаева достойно и праведно обезсмертили его имя. Гдѣ имѣетъ мѣсто познаніе русскаго языка и словесности, тамъ съ уваженіемъ произносится имя Буслаева. Не надо, однако, забывать, что Ѳ. И. дѣйствовалъ не въ одной только сферѣ ученой; онъ былъ педагогомъ въ высшей школѣ. Будущему его біографу предстоитъ задача: выяснить личность Буслаева въ исторіи русской науки, какъ ученаго и профессора. Только тогда, когда дѣятельность его освѣтится съ этихъ обѣихъ сторонъ, тогда мы будемъ имѣть возможность составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе объ этомъ крупномъ научномъ и общественномъ дѣятелѣ.

И для будущаго біографа Ѳ. И., намъ кажется, работа во второмъ отношеніи будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ первомъ. Матеріалъ для оцѣнки ученыхъ трудовъ Буслаева въ высшей степени осязателенъ: онъ заключается въ его изслѣдованіяхъ, монографіяхъ и статьяхъ. Гораздо менѣе можно найти матеріала для оцѣнки профессорской дѣятельности Ѳ. И., и притомъ самый матеріалъ для этого будетъ имѣть весьма значительные пробѣлы. Рѣшить вопросъ, какимъ былъ Буслаевъ, какъ руководитель на научномъ полѣ русской словесности и русскаго языка своихъ слушателей, не такъ-то легко,—здѣсь, кромѣ книжнаго матеріала, сочиненій и лекцій, надо имѣть подъ руками живое свидѣтельство, личныя показанія его слушателей, отзывы и мнѣнія его учениковъ, которые слушали лекціи, изучали ихъ и вообще находились въ соприкосновеніи съ личностью профессора. Голоса этихъ людей и ихъ разнообразныя впечатлѣнія никоимъ образомъ не могутъ быть обойдены; скажемъ болѣе: при сужденіи о профессорской дѣятельности Ѳ. И. Буслаева

они должны быть поставлены на видное мѣсто. Чѣмъ больше будетъ сообщено сужденій о немъ бывшихъ его учениковъ, тѣмъ, по нашему мнѣнію, лучше. Будущій біографъ покойнаго сумѣетъ разобраться въ нихъ. Бѣда грозитъ дѣлу тогда, когда въ данномъ случаѣ совсѣмъ нѣтъ матеріала. Преподаваніе есть дѣло живое, летучее, съ трудомъ поддающееся какой бы то ни было фиксаціи. Профессоръ въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою артиста на сценѣ, который игру свою не можетъ сохранить для потомства. Мы всѣ знаемъ, что великіе артисты играли, въ тѣхъ или другихъ роляхъ, превосходно, вызывали необыкновенный восторгъ зрителей, очаровывали ихъ своей декламаціей. Но повторить, вновь воспроизвести игру и пѣніе великихъ артистовъ, нѣтъ никакой возможности. Это не то, что музыкальное произведеніе композитора, которое можетъ быть повторяемо ad libitum, не литературная пьеса, всегда готовая къ услугамъ читателей, не картина, созерцать которую могутъ не только современники, но и отдаленные потомки... Достойное выдающагося профессора чтеніе лекцій есть искусство, но образъ его умираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ прозвучитъ послѣднее слово лекціи, оставляя только извѣстное впечатлѣніе въ умахъ слушателей. Не должны ли они, въ виду этого, повѣдать объ этомъ впечатлѣніи обществу, которое не можетъ относиться равнодушно къ знаменитымъ представителямъ отечественной науки.

Вотъ поэтому я счелъ своимъ долгомъ, въ краткихъ словахъ, передать нѣсколько воспоминаній о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ профессорѣ. Считаю при этомъ необходимымъ сдѣлать ту оговорку, что онъ былъ именно такимъ профессоромъ, какимъ я его изображаю, въ то время, когда я его слушалъ (1876—1877 гг., а затѣмъ 1878—1880 гг.), а, во-вторыхъ, я, разумѣется, передаю лишь субъективныя свои впечатлѣнія, основанныя тѣмъ не менѣе на вѣрныхъ фактическихъ данныхъ.

Еще будучи на школьной гимназической скамьѣ, я, какъ и другіе мои товарищи, зналъ о Буслаевѣ и его авторитетномъ значеніи въ области русской литературы и русскаго языка. По его руководству мы изучали въ старшихъ классахъ грамматику русскаго языка, по его хрестоматіи памятники древнерусской литературы. Со словъ своихъ наставниковъ мы привыкли съ уваженіемъ относиться къ къ корифеямъ русской науки, въ томъ числѣ и къ имени Буслаева; тѣмъ болѣе, что при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ мы привыкли обращаться къ трудамъ Буслаева и въ нихъ находить указанія, противъ которыхъ не было и не могло быть возраженій; такъ что въ этомъ случаѣ знаменитое греческое изреченіе о Сократѣ: αὐτὸς ἔφη (самъ сказалъ), примѣнялось, какъ нельзя болѣе. То же было, какъ я узналъ позднѣе, поступивъ въ университетъ, и во всѣхъ другихъ гимназіяхъ. Неудивительно поэтому, что всѣ филологи первокурсники, недавніе гимназисты, съ большимъ нетерпѣніемъ

желали услышать живое слово ученаго, имя котораго представляетъ собой гордость русской науки.

Къ филологамъ присоединились и многіе студенты другихъ факультетовъ... Какъ сейчасъ помню, одинъ изъ нихъ, медикъ, все хлопоталъ о томъ, чтобы поближе сѣсть къ профессорской каѳедрѣ и внимательно выслушать лекцію Ѳ. И., такъ какъ ему дали порученіе его бывшіе гимназическіе товарищи, поступившіе на филологическій факультетъ Кіевскаго университета, непремѣнно и подробно отписать о Буслаевѣ и томъ впечатлѣніи, которое производятъ его лекціи...

II.

Былъ ясный осенній день. Солнце своими косыми лучами освѣщало такъ называемую «Словесную» аудиторію. Она была переполнена массою студентовъ, стекшихся послушать знаменитаго ученаго. Для нѣкоторыхъ на скамьяхъ не хватило мѣстъ; они толпились у дверей, поближе къ каѳедрѣ. Я занялъ свое мѣсто заранѣе и не безъ волненія ожидалъ появленія Буслаева. Не могу не замѣтить, что, поступивъ въ университетъ, я въ первыя же недѣли постарался послушать почти всѣхъ профессоровъ разныхъ факультетовъ, о которыхъ говорили, или я читалъ, какъ о талантливыхъ представителяхъ науки. На первомъ курсѣ нашего факультета лекцій было, сравнительно, немного, и такимъ образомъ являлась полная возможность посѣщать другіе факультеты, чѣмъ я и пользовался и бывалъ въ восхищеніи, когда случалось (чаще всего у юристовъ) слушать блестящую декламацію выдающагося профессора и упиваться музыкою его рѣчи... По моему мнѣнію, наслажденіе такою музыкою (разумѣется, при надлежащемъ пониманіи красоты содержанія лекціи), употребляя выраженіе Горація—evehit ad deos. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ состоялась первая лекція Буслаева (въ концѣ сентября), я успѣлъ уже послушать выдающихся университетскихъ ораторовъ. «Какъ-то прочитаетъ Буслаевъ?» думалъ я, тѣмъ болѣе, что мнѣнія о немъ, какъ о профессорѣ, студентовъ старшихъ курсовъ были неодинаковы—одни изъ нихъ восхваляли Ѳ. И., другіе на свѣтлый фонъ восхваленій набрасывали тѣни.

Наконецъ, желанная минута наступила. На каѳедрѣ появился Буслаевъ, и не успѣлъ онъ еще сѣсть, какъ громъ рукоплесканій огласилъ аудиторію... Для меня этотъ пріемъ былъ университетскою новинкой; нѣсколько секундъ я стоялъ пораженный грохотомъ аплодисментовъ, а затѣмъ присоединился къ общему чествованію... Находившіеся въ коридорѣ студенты, узнавъ, кому аплодируютъ, сами стали рукоплескать во весь размахъ, а Ѳ. И. съ его прекрасной, добродушной улыбкой раскланивался на всѣ стороны.

Стоило одинъ разъ въ жизни видѣть Буслаева, чтобы потомъ его образъ напечатлѣлся въ душѣ навсегда. Высокаго роста, сановитаго сложенія, представительной наружности, онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему въ то время шелъ 58-й годъ, но живость и энергія, присущія его характеру, не допускали и мысли о преклонномъ возростѣ профессора. Не обыкновенно благородно было выраженіе его лица, обширный умъ выражали его глубоко лежавшіе глаза, открытое высокое чело вполнѣ гармонировало съ правильнымъ оваломъ лица, шла къ нему и небольшая бородка темныхъ съ просѣдью волосъ. Мнѣ извѣстно нѣсколько портретовъ Буслаева, но ни одинъ изъ нихъ не передаетъ, какъ слѣдуетъ, оригинала: вся подвижность, вся эффектность, если позволительно такъ выразиться, физіономіи Ѳ. И—ча на портретахъ утрачивается. Буслаевъ обладалъ прекрасными изящными манерами, безукоризненною, на англійскій ладъ, деликатностью въ обращеніи, «расшаркивался», какъ шутливо говорили иногда о немъ студенты передъ университетскими служителями, одѣвался щеголевато и производилъ вообще самое симпатичное впечатлѣніе. Но что обаятельнѣе всего было въ немъ, чего не передастъ никакая фотографія, никакой портретъ: когда онъ былъ оживленъ, то все лицо свѣтилось особою духовною красотой.

Занявъ свое мѣсто на каѳедрѣ, Ѳ. И. началъ лекцію, и я былъ очарованъ ею, превратился весь въ слухъ, ловилъ каждое слово лектора. Что меня болѣе всего поразило, такъ это то обстоятельство, что способъ чтенія Буслаева не походилъ на чтеніе другихъ краснорѣчивыхъ профессоровъ. Тамъ было искусство, здѣсь естественность, тамъ декламація, здѣсь какъ бы простой разсказъ, тамъ отдѣлка фразы, здѣсь какъ бы шероховатости, недомолвки, отсутствіе работы надъ конструкціей рѣчи. И въ то же время умѣнье задѣть за живое слушателей, приковать ихъ вниманіе къ предмету лекціи, не дать имъ возможности скучать и утомляться. О великихъ артистахъ часто употребляется выраженіе: они живутъ на сценѣ. Вполнѣ справедливо о Ѳ. И. можно сказать: онъ жилъ на каѳедрѣ. Я не знаю, изложилъ ли онъ когда либо десятокъ другой фразъ спокойнымъ, безстрастнымъ, докторальнымъ тономъ? Едва ли. Пока онъ говорилъ, онъ былъ одушевленъ, и это одушевленіе выражалъ движеніями лица, глазъ, головы, разнообразными характерными жестами. Я увѣренъ, что ученики Буслаева, слушавшіе его много лѣтъ тому назадъ, не забыли жестовъ и движеній глубокоуважаемаго наставника своего; такъ они были оригинальны, внезапны и выразительны.

Нечего и говорить, что Ѳ. И. Буслаевъ не читалъ своихъ лекцій съ тетрадки и не раскладывалъ на столикѣ каѳедры подробнаго конспекта. Для тѣхъ, кто не знаетъ, трудно себѣ представить, какимъ оживляющимъ и освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на

студентовъ чтеніе viva voce. Къ сожалѣнію, профес
приняли и усвоили себѣ такую манеру чтенія, не
Немало, въ мое время, было такихъ, которые имѣли
спекты, которые незамѣтнымъ образомъ переходил
между тѣмъ чтеніе живымъ голосомъ имѣетъ за с
лаетъ университетскія лекціи привлекательными.
когда професоръ является на каѳедру съ увѣсист
которой можно спѣшно читать, какъ по книгѣ. Рѣ
нется, какъ шумный потокъ съ крутой горы. Не р
изнесенныхъ фразъ, не успѣешь сообразить толь
читаннаго, запомнить ходъ мыслей. И чѣмъ тру
свойствамъ предметъ, тѣмъ болѣе даетъ себя зн
пріятномъ смыслѣ, спѣшное чтеніе. Въ 1879—188
году на одномъ изъ факультетовъ Московскаго у
открытъ приватный курсъ интереснѣйшей науки
филологовъ, но и для естественниковъ и юристов
чилось? Несмотря на весь интересъ, возбужда
предмета, и на серьезное желаніе хорошенько в
путь въ раскрытіе истинъ новой для насъ наук
нуждены ретироваться съ нововведеннаго курса.
вать-доцентъ), вооружившись толстою тетрады
редъ съ быстротою курьерскаго поѣзда. Я въ т
нографировать свободно по 110 словъ въ минуту
лектора. Что же потомъ? Лекція была кое-какъ
сятое выслушана, но за симъ оказалось, что въ
лось, связующія представленія и понятія улету
цѣльнаго нѣтъ. Прибавлять ли къ этому, что на
дить не стоило; съ успѣхомъ можно было навер
не спѣша и основательно прочитывая дома то
графія.

Ѳ. И. Буслаевъ, читая лекцію, имѣлъ подъ р
замѣтки, гдѣ были необходимыя цитаты, планъ
въ остальномъ онъ говорилъ свободно и переда
стерски. Не допуская ни малѣйшаго преувеличені
возможности выразить такъ, какъ бы это хотѣл
искусства Буслаева читать лекціи, я скажу, что
поддерживать въ своей аудиторіи самое интен
интересъ къ дѣлу Ѳ. И. имѣлъ не многихъ соп
повторяю, у него тѣсною неразрывною связь
смыслъ фразы съ внѣшнимъ ея выраженіемъ! В
разсказываетъ, какъ въ апокрифахъ изображен
видѣ того суда, который вершили византійскіе
дая на тронѣ, окруженные многочисленною св
лается величавымъ и серьезнымъ, голосъ прин
ную торжественную интонацію, жесты вполнѣ

мету рѣчи... Черезъ минуту рѣчь идетъ о томъ, какъ немилосердные ангелы влекутъ грѣшниковъ въ огненную рѣку... Физіономія профессора, движенія, звукъ и интонація голоса совершенно измѣняются... Вы какъ бы слышите въ голосѣ его страшные крики суровыхъ исполнителей казни и затѣмъ вопли ввергаемыхъ въ огненную рѣку несчастныхъ... Наказаніе исполнено; Ѳ. И. въ такихъ случаяхъ умолкалъ и дѣлалъ паузу, причемъ взоръ его былъ устремленъ вдаль... Черезъ пять-шесть секундъ голосъ его звучалъ снова такъ или иначе, смотря по предмету и характеру изложенія. Въ одномъ изъ его курсовъ, прослушанныхъ мною, большой отдѣлъ былъ посвященъ трактату объ апокрифическихъ сказаніяхъ на Востокѣ, Западѣ и у насъ. Предметъ—весьма спеціальный и сухой; но посмотрите, какъ онъ былъ изложенъ Ѳ. И—чемъ! Не только съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ я его лекціи; но нарисованныя имъ картины изъ апокрифовъ сильно потрясли мое воображеніе. Я помню, какъ Буслаевъ разсказывалъ, какъ (по апокрифу) душа грѣшника по млечному пути (Kuhstrasse—нѣмецкихъ апокрифовъ) идетъ, идетъ—пробирается въ свѣтлый-пресвѣтлый рай... Что можетъ быть проще этого факта? А между тѣмъ въ изложеніи профессора онъ принималъ въ высшей степени наглядный характеръ... Какъ ярко онъ умѣлъ выразить и голосомъ, и движеніями лица, и жестомъ, осторожную, робкую, трепетную поступь неувѣреннаго въ себѣ созданія... Вдругъ съ высоты небеснаго свода, когда уже видны лучи райскаго сіянія, летитъ несчастная душа стремглавъ въ бушующую адскимъ огнемъ рѣку мученій... Моментъ паденія изображенъ былъ поразительно...

— Звѣздочка упала... да... звѣздочка упала съ неба, говоритъ народъ... да такъ говоритъ народъ... быстро продолжалъ свою рѣчь Буслаевъ,.. и затѣмъ, громко и медленно отчеканивая каждое слово, заключалъ: «а по воззрѣнію апокрифа бѣдная грѣшная душа упала съ райскаго пути въ преисподнюю, гдѣ ее поджидаютъ ангелы немилостивые».

Какъ превосходно, въ отношеніи изложенія, былъ переданъ Ѳ. И. апокрифъ о плачѣ земли... «Растужилася, расплакалася мать сыра земля передъ Господомъ Богомъ: тяжелъ-то мнѣ, Господи, вольный свѣтъ»... Такъ начинается духовный стихъ о плачѣ земли, разобранный Буслаевымъ.

Нужно было покойному профессору выразить быстроту дѣйствія, порывистость его, онъ самъ порывался всею своею фигурой впередъ, простиралъ руки... Сколько разъ студенты повторяли одну изъ фразъ Ѳ. И., произнесенныхъ имъ, когда онъ говорилъ о египетскихъ апокрифахъ: «Ампу бѣжитъ, Бату за нимъ», имитируя всю живость и наглядность, съ какими Буслаевъ передалъ, повидимому, эту незначительную фразу. Бѣгство и преслѣдованіе были выражены столь образно, что поразили слушателей. Вообще лекціи

Ѳ. И. давали изобильный матеріалъ для собесѣдова
филологовъ между собою. Много, конечно, толкова
и формѣ ихъ, немало и о своеобразныхъ особеннос
Вспоминались многія картины, нарисованныя выпу
многія фразы, запечатлѣвшіяся въ умѣ слушателе
тамъ яркій слѣдъ... Словомъ, среди студентовъ то
жденій о «милѣйшемъ» Ѳедорѣ Ивановичѣ была безд
мѣси шутливаго элемента относились филологи
пріемамъ и манерамъ Буслаева, къ нѣкоторымъ ка
стямъ» его; но таково, разумѣется, свойство мол
чивой и смѣшливой... Да и самъ Ѳ. И. любилъ въ
воспользоваться «смѣшнымъ», конечно, къ дѣл
тѣмъ не менѣе иногда остроумною шуткой, иногда
сравненіемъ, иногда анекдотомъ, возбуждалъ въ
ческій смѣхъ, освѣжавшій серьезное настроеніе.
я не хочу сказать, что элементъ шутки долженъ
ностью университетскихъ лекцій; многіе професс
намека на «смѣшное» въ своихъ чтеніяхъ, и тѣмъ
прекрасно; но Ѳ. И. любилъ, гдѣ находилъ удобнь
шуткой, и мы должны отмѣтить это свойство его

Смотря по характеру рѣчи, Буслаевъ оживл
иными движеніями и жестами. Вотъ онъ говор
важномъ и торжественномъ, чело его омрачается,
нимается вверхъ и какъ бы грозитъ; вотъ его сл
либо презрѣннаго и отвратительнаго—посмотрите,
чувство гадливости на необыкновенно подвижно
онъ сказалъ о чемъ либо поразительномъ, случи
и смотрите—откинулся на спинку кресла, и въ г
тано недоумѣніе...

Размѣры нашей замѣтки, къ сожалѣнію, не
сказанное иллюстрировать примѣрами; но надѣемс
нимаютъ насъ: жизнь, самая одушевленная, жи
каѳедрѣ... вотъ главное свойство чтенія лекцій Ѳ
виду: это свойство не было дѣломъ искусства, у
и т. п.,—оно было естественнымъ проявленіем
таланта незабвеннаго нашего наставника; иначе
талъ и читать не могъ. Въ минуты особенна
представлялъ собою вдохновеннаго жреца науки.

III.

Своеобразнаго способа изложенія лекцій д
Записанныя за нимъ лекціи не могутъ дать пон
собѣ, а между тѣмъ онъ, по нашему мнѣнію, им
ченіе въ университетскомъ преподаваніи. Уже

чаній о подвижности и живости характера Ѳ. И. можно видѣть, что спокойное, плавное, размѣренное и догматическое изложеніе мыслей было ему не по душѣ. Онъ излагалъ ихъ въ формѣ бесѣды: задавалъ вопросы, давалъ на нихъ отвѣты, варіировалъ одну и ту же мысль въ разныхъ выраженіяхъ, возбуждалъ сомнѣнія и недоумѣнія въ умѣ слушателей, затѣмъ разрѣшалъ ихъ и т. д. Видимо онъ хотѣлъ, чтобы аудиторія не воспринимала только готовое, а мыслила, умственно работала вмѣстѣ съ профессоромъ. Отъ этого-то изложеніе лекцій Буслаева казалось на первыхъ порахъ пестроватымъ и какъ бы мозаичнымъ. Но слушатели во все время пребыванія на лекціи работали головою. Кто не читалъ серьезныхъ научныхъ книгъ, тотъ не пойметъ насъ; кому же приходилось это дѣлать и притомъ часто, тѣ знаютъ, какъ иногда медленно подвигается процессъ чтенія, какъ съ каждой страницей появляются все новыя и новыя трудности, которыя надо побѣждать. Приходится читать научную статью или монографію, обложившись необходимыми пособіями, и иногда изъ-за одной страницы сто разъ прибѣгать къ нимъ. Здѣсь самый процессъ воспріятія мыслей даетъ возможность совершать серьезную и трудную умственную работу. Позволю себѣ привести, по этому случаю, авторитетное мнѣніе глубокоуважаемаго бывшаго наставника нашего В. И. Герье, которому такъ много обязаны мы въ научномъ развитіи своемъ во дни университетскаго ученія. «Многія научныя сочиненія, сказалъ онъ, гораздо легче выучить сознательно и основательно, чѣмъ также прочитать»... Выслушавъ эти слова, я въ тотъ же день записалъ ихъ въ памятную книжку и потомъ много разъ на дѣлѣ испыталъ справедливость высказанной мысли. Представьте себѣ, что лекціи профессора и есть серьезно-научная книга по своему значенію и цѣли,— и вы поймете, какъ отъ умѣлаго чтенія лекцій зависитъ приносимая ими студенчеству польза. Только совершенно безпечный господинъ могъ сидѣть на лекціи Буслаева и не шевелить мозгами. Бывало, отправляясь въ университетъ, я впередъ могъ предвидѣть, что изъ обязательныхъ и необязательныхъ лекцій, которыя сегодня придется слушать, иногда на разныхъ факультетахъ, однѣ пройдутъ, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда, другія пролетятъ, какъ блестящій метеоръ, какъ пестрый калейдоскопъ, а иныя дадутъ работу мышленію. Къ такимъ лекціямъ принадлежали чтенія профессоровъ (называю здѣсь только умершихъ): Соловьева, Сергіевскаго, Иванцова, Тихонравова, Буслаева... Ѳ. И. понялъ, въ чемъ успѣхъ педагогической дѣятельности профессора. Зная его способъ чтенія, понимаешь несостоятельность скороспѣлыхъ заявленій относительно университетскихъ лекцій, которыя иногда можно встрѣтить въ печати. Нѣкоторымъ кажется, что время изложенія науки съ каѳедры прошло, что чтеніе лекцій—пережитокъ прежняго времени, когда, за недостаткомъ книгъ, аудиторія записывала дик-

тантъ профессора. Но это мнѣніе ошибочно. У хо
соровъ происходитъ не простая передача идей и
телямъ, а умственная работа всѣхъ присутствующи
бенности замѣчалось на лекціяхъ Ѳ. И.

Другое качество чтеній Буслаева заключалос
вести рѣчь выпукло и образно. Онъ не скупился
гуры, антитезы, аналогіи и параллелизмы, не чу
ныхъ выраженій и вообще избѣгалъ сухого, отв
При чтеніи лекцій, тамъ, гдѣ это было нужно, он
ренія, поясненія, примѣчанія, комментаріи, то, что
вится подъ чертой. Ѳ. И. умѣлъ постепенно вво
шателей изъ преддверія въ глубину великаго и с
своей науки. Все, что для спеціальной монографіи
нимъ, то для студентовъ, недостаточно знакомыхъ
и методами научнаго изслѣдованія и изложенія,
догматическаго чтенія.

Слушая Ѳ. И. Буслаева не изрѣдка, не отры
таго въ десятое, а не пропуская ни одной лекц
мываться въ то, что онъ сказалъ, нельзя было не
методъ. Онъ умѣлъ удовлетворять той научно
такъ сильно ощущается въ пору университетска
дойти, такъ сказать, до корня вещей. Читаешь в
интересующему тебя предмету и остаешься неу
Хочется знать философскій, обобщающій взгляд
ской словесности, какъ великаго живого организм
Ѳ. И. умѣлъ своимъ чтеніемъ въ значительной
рить научной жаждѣ. Его лекціи были критич
явленій словесности и литературныхъ теорій,
онѣ освѣщали сущность литературнаго развиті
пріемамъ и формамъ научнаго изслѣдованія, а та
ченія научныхъ законовъ и правиламъ постано
учныхъ задачъ.

Въ своихъ лекціяхъ Буслаевъ имѣлъ обыкно
за другою научныя задачи и разрѣшать ихъ. В
онъ былъ мастеромъ большой руки. Какъ основ
вилъ вопросъ о происхожденіи народной поэзі
русскихъ былинъ, объ извѣстной теоріи Бенфе
денія письменности назваться произведеніемъ сл
драмы (по Аристотелю), объ эстетикѣ въ литера
дѣвъ за живое слушателей, Ѳ. И. предлагалъ
теоріи для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ,
ріи и въ заключеніе высказывалъ свои взгляд
вѣскими доводами и соображеніями. Когда я сл
третьемъ курсѣ, то рѣдкая лекція его проходи
задачъ, требовавшихъ для рѣшенія большой и

Скажу при этомъ, что, во-первыхъ, въ своихъ сужденіяхъ Ѳ. И. старался держаться самыхъ новѣйшихъ взглядовъ, выработанныхъ въ наукѣ... «И мои «Очерки» [1],—сказалъ онъ однажды,—теперь совершенно устарѣли».. Во-вторыхъ, его мнѣніямъ придавала вѣсъ его громадная ученость, изумительная эрудиція. Слава его, какъ ученаго, была велика... Передъ нами на каѳедрѣ находился не кто нибудь изъ обыкновенныхъ, хотя бы и талантливыхъ смертныхъ. Кто могъ сравниться съ Буслаевымъ въ знаніи и пониманіи преподаваемой имъ науки не только въ Московскомъ, но и въ другихъ университетахъ?

Всѣ, кто читалъ сочиненія Ѳ. И. Буслаева, знаютъ, что изложеніе ихъ запечатлѣно особымъ, если такъ можно выразиться, поэтическимъ колоритомъ. Вслѣдствіе этого и чтеніе ихъ необыкновенно пріятно и легко. Несомнѣнно, что содержаніе научныхъ работъ Ѳ. И. было спеціальное, ученое; но онъ умѣлъ придать изложенію такую художественную и занимательную форму, что излагаемыя имъ мысли воспринимаются весьма свободно, и чтеніе доставляетъ истинное удовольстіе. Зная такое свойство сочиненій Буслаева, я рекомендовалъ его многимъ, интересовавшимся древнерусскою словесностью. Спеціальныя темы его изслѣдованій вначалѣ пугали приступавшихъ къ чтенію; но достаточно было имъ прочитать страницу—другую текста, чтобы потомъ съ увлеченіемъ перечитать всѣ его сочиненія, да еще выразить сожалѣніе, что Ѳ. И. вообще написалъ въ теченіе своей жизни небольшое число сочиненій. Такъ, между прочимъ, его изложеніе очень трудныхъ предметовъ словесности вліяло на женщинъ. Несклонныя, какъ извѣстно, къ чтенію спеціальныхъ трудовъ по той или иной наукѣ, онѣ прямо таки поглощали томы сочиненій Буслаева: такъ живо, доступно и главное—поэтично они были изложены. Въ такой же мѣрѣ отличались поэтическимъ характеромъ и лекціи Ѳ. И. Искусство излагать предметъ изученія такимъ образомъ, т. е. поэтическимъ языкомъ, весьма трудно. Буслаевъ имъ владѣлъ, что легко провѣрить, перечитавъ его лекціи. Каждая страница ихъ, въ данномъ отношеніи, подкрѣпляетъ сказанное нами. Отчего же научные труды Ѳ. И. изложены поэтическимъ стилемъ? Оттого, что онъ обладалъ поэтическимъ складомъ ума; онъ не отдѣлялъ литературы отъ искусства, и вслѣдствіе этого его лекціи отличались широтой воззрѣній на словесность, какъ на одно изъ проявленій творчества народнаго духа.

Мы не беремъ на себя задачи разсмотрѣть содержаніе лекцій Буслаева. Наша цѣль весьма скромная—передать только нѣкоторыя черты характера профессорской его дѣятельности. Поэтому намъ остается добавить нѣсколько словъ объ отношеніи Ѳ. И. къ студентамъ.

---

[1]) Т. е. «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства».

Отношенія эти были запечатлѣны чувствомъ любви и снисхожденія. Всѣ, кто обращались къ нему съ просьбами, не получали отказа. Несмотря на утомленіе послѣ чтенія лекцій, Буслаевъ давалъ во время антракта объясненія всѣмъ обращавшимся къ нему и окружавшимъ его студентамъ, увлекался и иногда, стоя въ коридорѣ или въ раздѣвальной комнатѣ, читалъ чуть ли не цѣлыя лекціи... Такъ, я помню, однажды, послѣ двухчасоваго (съ перерывомъ) чтенія, онъ, спрошенный о чемъ-то, началъ свой отвѣтъ и заговорился со студентами на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ какое могла быть прочитана цѣлая лекція. Былъ третій часъ; въ это время лекціи на нашемъ факультетѣ прекратились; въ сборной комнатѣ — ни души, кромѣ кучки студентовъ, среди которыхъ стоитъ профессоръ и ораторствуетъ...

Будучи въ университетѣ, я, при всемъ желаніи, а иногда необходимости попросить у профессора объясненія, отказывалъ себѣ въ этомъ. Мнѣ казалось совѣстно утомленнаго лекціей наставника безпокоить вопросами въ короткій промежутокъ его отдыха. Но на одной изъ лекцій Буслаевымъ были предложены разнородныя темы для курсоваго сочиненія; онъ сказалъ, что желающіе могутъ посѣщать его на квартирѣ для полученія надлежащихъ объясненій и наставленій. Этимъ я воспользовался и время отъ времени бывалъ у Ѳ. И., слушалъ его бесѣды, запечатлѣвалъ ихъ въ умѣ и записывалъ въ памятную книжку.

Въ первый разъ я былъ у него съ вопросомъ: какую тему избрать для курсоваго сочиненія...

— Откуда вы родомъ?—спросилъ меня Буслаевъ.

— Изъ Курска...

— А-а... «Мои ти куряне свѣдоми кмети»... Отлично. Вамъ писать о «Словѣ о полку Игоревѣ»... непремѣнно... Ну, разсказывайте, нѣтъ ли у васъ какихъ либо преданій объ Игорѣ, его походѣ или Ярославнѣ?

Я сказалъ, что въ Путивлѣ есть развалины древней стѣны, на которой, по мѣстному сказанію, Ярославна оплакивала своего мужа.

— Знаете ли чтò,—сказалъ Буслаевъ,—часто бываетъ такъ, что преданія возникаютъ въ извѣстной мѣстности подъ вліяніемъ книжнаго разсказа. Такъ и здѣсь. Преданіе о стѣнѣ Ярославны могло составиться подъ вліяніемъ «Слова о полку Игоревѣ», черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ самаго событія... Вообще,—прибавилъ онъ,—къ преданіямъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью.

И привелъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ его мысль.

Я, разумѣется, согласился съ мнѣніемъ Ѳ. И.; но замѣтилъ, что въ Путивлѣ находили древніе предметы еще дотатарскаго періода. Такъ, напримѣръ, въ городѣ былъ найденъ камень, на которомъ сохранилась высѣченная надгробная надпись, изъ которой видно, что камень былъ положенъ въ 1205 году надъ могилой князя Ва-

силія Георгіевича. Нѣсколько таких камней съ надписями были сравнительно недавно разобраны жителями на постройку зданій...

Буслаевъ задумался и сказалъ:

— Да, много еще работы предстоитъ у насъ въ Россіи для собранія и обнародованія памятниковъ народной жизни и творчества. Я всегда говорилъ и говорю своимъ ученикамъ: будете жить въ провинціи, работайте въ свободное время въ этомъ направленіи...

Своевременно было подано нами Ѳ. И—чу курсовое сочиненіе. Онъ явился на экзаменъ съ ними и нѣкоторыхъ, на основаніи достоинства поданныхъ работъ, отпустилъ безъ экзамена и поставилъ имъ высшій баллъ. Вообще же говоря, онъ экзаменовалъ студентовъ снисходительно... Существовалъ, впрочемъ, среди студенческой братіи разсказъ о томъ, что если Буслаевъ замѣчалъ, что знанія отвѣчающаго на экзаменѣ весьма поверхностны и слабы, то гаваривалъ, будто бы:

— Вотъ, видите ли, цѣлый годъ играли на билліардѣ, а теперь и не можете отвѣтить, какъ слѣдуетъ...

Передававшіе этотъ разсказъ указывали на то, что почему-то Ѳ. И. именно игру на билліардѣ считалъ главнымъ препятствіемъ для надлежащаго усвоенія курса.

. . . .

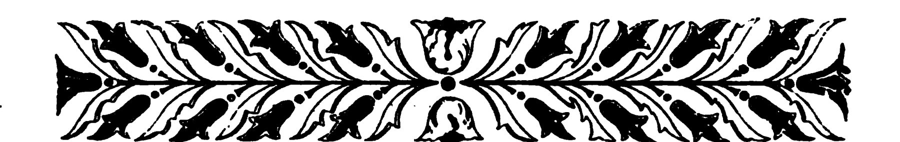
Считаю своимъ долгомъ сказать, что Буслаевъ радушно принималъ къ себѣ тѣхъ студентовъ, которые имѣли желаніе заниматься какими либо научными вопросами, и позволялъ пользоваться имѣвшимися у него рукописями и весьма рѣдкими книгами. Нѣкоторое время и я имѣлъ возможность работать у него, и, право, бывало совѣстно, когда великій ученый и знаменитый профессоръ, зная только то, что̀ вы студенты, употреблялъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать возможность вамъ выполнить, какъ слѣдуетъ, задуманную работу.

Заговоривъ объ этомъ предметѣ, позволю себя помянуть здѣсь благодарнымъ словомъ и незабвеннаго Н. С. Тихонравова. Ему хотѣлось, чтобы студенты (я говорю о своемъ времени) непремѣнно писали курсовыя сочиненія (на 2-мъ курсѣ) по стариннымъ рукописнымъ книгамъ, бывшимъ въ изобиліи у него. И онъ въ наше распоряженіе предоставлялъ лучшія комнаты своей ректорской квартиры. Придешь, бывало, въ назначенные часы въ квартиру Н. С., а тамъ уже всѣ парадные покои заняты столами, за которыми засѣдаютъ студенты. Предъ ними фоліанты старинныхъ рукописныхъ книгъ, письменныя принадлежности и тетради. И во время занятій какая поразительная тишина, благопріятствовавшая работѣ, была наблюдаема въ домѣ! Когда нужно было, горничная безшумно проходила, открывала осторожно и закрывала двери, а студенты углублялись въ памятники литературной старины, пріобрѣтенные умѣлою рукою Тихонравова, и плодомъ занятій этихъ являлись болѣе

или менѣе дѣльныя курсовыя сочиненія — и что̀ самое цѣнное — составленныя не изъ вторыхъ рукъ, а по первоисточникамъ.

Да, яркимъ свѣточемъ науки былъ Ѳ. И. Буслаевъ, и воспоминанія о немъ его учениковъ согрѣты теплотой благодарнаго чувства. Въ краткой замѣткѣ я не могъ передать тѣхъ его рѣчей и наставленій, которыя приходилось мнѣ внимательно выслушивать и запечатлѣвать въ умѣ. Тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что вліяніе ихъ было въ высшей степени благотворно, такъ какъ могущественнымъ образомъ влекло къ наукѣ. Говорятъ, что почти предсмертныя слова Ѳ. И. были: школьное обученіе пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлью всей моей жизни. И свою любовь къ наукѣ незабвенный наставникъ влагалъ въ умы и сердца своихъ учениковъ словомъ, дѣломъ и примѣромъ своей жизни.

А. Танковъ.



КЪ БІОГРАФІИ В. А. КАРАТЫГИНА.

(Страница изъ исторіи русскаго театра Николаевской эпохи).

ЛИЧНОСТЬ Василія Андреевича Каратыгина, какъ сценическаго дѣятеля, была уже неоднократно предметомъ спеціальныхъ біографій и изслѣдованій, такъ какъ этимъ замѣчательнымъ артистомъ справедливо гордится наша сцена. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью познакомить читателей съ новыми данными, касающимися послѣднихъ годовъ жизни В. А., извлеченными изъ богатаго документальной исторіей театра, общаго архива министерства императорскаго двора.

Къ началу 40-хъ годовъ талантъ Каратыгина былъ на зенитѣ своей славы. По свидѣтельству современниковъ (главнымъ образомъ Бѣлинскаго) этотъ талантъ былъ совершенно особаго типа. Извѣстно, что какъ въ сценическомъ искусствѣ, такъ и въ литературѣ, есть двоякаго рода дарованія: одни изъ нихъ создаются природой, являются результатомъ самобытнаго творчества, другія вырабатываются глубокимъ изученіемъ предмета, строгимъ анализомъ всѣхъ его деталей. И то и другое дарованіе артиста обнаруживается тотчасъ, когда мы подвергнемъ его игру подробному и основательному разбору, комбинируя всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя возбуждались въ нашей душѣ. В. А. принадлежалъ къ второму разряду артистовъ. Игра его всегда возбуждала удивленіе зрителя, который, видя необыкновенную выработанность въ исполненіи роли, невольно подчинялся артисту и за этимъ подчиненіемъ рѣшительно не въ состояніи былъ оріентироваться во всесторонней оцѣнкѣ артиста. Такимъ образомъ, можно сказать, что Каратыгинъ принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ техниковъ сценическаго искусства и, благодаря этому, легко могъ браться за совершенно противоположныя по характеру роли. Въ дирекціи театровъ онъ пользовался значительнымъ вѣсомъ. Помимо личныхъ заслугъ его по сценѣ, онъ былъ извѣстенъ двору и, быть можетъ, въ силу этого обстоятельства

пользовался особеннымъ благоволеніемъ тогдашняго директора театра, А. М. Гедеонова. Въ нашихъ матеріалахъ сохраняется не лишенная интереса офиціальная переписка дирекціи о послѣднихъ годахъ жизни Каратыгина. Въ 1842 г. истекъ срокъ контракта, заключеннаго В. А. съ театральнымъ управленіемъ. По этому поводу Каратыгинъ обратился къ Гедеонову съ письмомъ, въ которомъ, соглашаясь остаться на службѣ дирекціи, просилъ въ виду «трудности занимаемаго имъ амплуа» «отличить его отъ товарищей», сравнивъ его по получаемому имъ содержанію съ «первыми артистами прочихъ труппъ». Въ то время министромъ двора былъ свѣтлѣйшій князь П. М. Волконскій. Препровождая къ нему настоящее письмо, Гедеоновъ съ своей стороны подкрѣплялъ его различными данными фактическаго свойства и давалъ собственное заключеніе ходатайству артиста. Оказывается, что по высочайшему повелѣнію, объявленному кабинету его величества 19-го мая 1840 года, В. А. былъ пожалованъ пенсіею въ 1.143 рубля 69 коп. сер. въ годъ, вслѣдствіе чего выслуживалъ два года «въ благодарность», получая одновременно отъ дирекціи поспектакльныя по 35 рублей 71 к. за представленіе и по ежегодному полному бенефису. «При оставленіи артистовъ перваго амплуа по надобности на службѣ послѣ пожалованныхъ пенсіоновъ,—объяснялъ директоръ,— дирекція по прежнему правилу назначаетъ имъ то же самое содержаніе, какое производилось имъ до пенсіоновъ. На семъ основаніи служатъ нынѣ актеры русской драматической труппы Брянскій и Сосницкій, которымъ производится жалованье по 1.142 руб. сер. въ годъ, поспектакльнаго 35 рублей 70 коп. за представленіе и по одному ежегодному полному бенефису. Актеръ Каратыгинъ, занимая первое амплуа въ драмахъ и трагедіяхъ, соединенное вообще съ большею въ роляхъ трудностью, по сравненію съ помянутыми артистами, дѣйствительно заслуживаетъ отличіе; и какъ дальнѣйшее оставленіе его при театрѣ, сколько по отличному таланту его, такъ и по всегдашнему усердію, совершенно для дирекціи полезно, но которое, однако же, не вправѣ сама собою опредѣлить противу существующихъ правилъ въ отличіе Каратыгина,—изъятія, то и имѣю честь» и т. д. [1]). Министръ потребовалъ справку, на какихъ условіяхъ Каратыгинъ намѣренъ остаться при театрѣ. Условія эти, особенно по сравненію съ нынѣшними, часто превышающими министерскій окладъ, поражаютъ своею скромностью. Каратыгинъ просилъ четыре тысячи рублей ассигн. (1.657 р. сер.), включительно съ полнымъ бенефисомъ и, сверхъ того, получаемую имъ обыкновенно поспектакльную плату. «Если же дирекція,—замѣчалъ артистъ,— оставитъ ему бенефисъ попрежнему, то онъ проситъ назначить ему жалованья 2.800 рублей, то-есть за вычетомъ изъ четырехъ тысячъ рублей полнаго сбора въ Александринскомъ театрѣ, составляющаго 1.200 рублей» [2]) Изъ представленія, сопровождавшаго эти требованія къ министру, мы видимъ, что Гедеоновъ еще торговался съ Каратыгинымъ, предлагая ему вмѣсто 4.000—2.500, однако, думается мнѣ, болѣе для проформы и очистки совѣсти, чѣмъ серьезно.

---

[1]) Общій архивъ министерства императорскаго двора. Оп. 8—935, д. № 189.
[2]) Тамъ же.

Въ сущности онъ былъ убѣжденъ въ необходимости удержать Каратыгина при театрѣ, какъ артиста талантливаго и полезнаго, о чемъ при каждомъ удобномъ случаѣ напоминалъ князю Волконскому. Любопытны его доводы относительно удовлетворенія ходатайства Каратыгина. «Милость сія, оказанная въ настоящемъ случаѣ въ награду артисту достойнѣйшему,—замѣчаетъ директоръ,—послужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, что вообще и русскіе сценическіе таланты, возвышающіе свой отечественный театръ, всегда были и будутъ причастны таковому же монаршему вниманію, какъ и нѣкоторые изъ первыхъ артистовъ труппъ иностранныхъ, изъ которыхъ имѣютъ нынѣ добавочное жалованье изъ кабинета по французской труппѣ гг. Аѳганъ и Дюфуръ, кои при всемъ ихъ талантѣ не могутъ еще равняться съ талантомъ Каратыгина, достигнувшимъ, по словамъ самихъ артистовъ, первокласснаго европейскаго достоинства» [1]). Какъ слѣдовало ожидать, отвѣтъ министра получился удовлетворительный. Государь лично зналъ Каратыгина, рѣдко когда пропускалъ его бенефисы и при докладѣ о немъ повелѣлъ заключить съ нимъ контрактъ на три года, съ добавочнымъ жалованьемъ 1.657 руб. въ годъ изъ суммъ кабинета. Одновременно заключили контрактъ и съ женою В. А., Александрой Михайловной Каратыгиной, урожденной Колосовой [2]).

Прошло четыре года. Нервный и впечатлительный В. А. замѣтно старѣлъ, а двадцатипятилѣтняя неустанная дѣятельность на подмосткахъ требовала нѣкотораго отдыха. Въ мартѣ 1845 года онъ пишетъ Гедеонову: «Ваше превосходительство, милостивый государь Александръ Михайловичъ. Контора дирекціи сообщила мнѣ приказаніе вашего превосходительства спросить у меня, согласенъ ли я по истеченіи срока моего контракта (19-го мая сего года) продолжать впредь службу и на какихъ именно кондиціяхъ? Любя душою драматическое искусство, находясь при театрѣ безпрерывно въ теченіе 25-ти лѣтъ и вотъ уже 12-й годъ подъ лестнымъ начальствомъ вашего превосходительства, признаюсь, не желалъ бы оставлять еще сцены, если вашему превосходительству угодно будетъ, во-первыхъ, исходатайствовать мнѣ отпускъ за границу сколько для поправленія здоровья моего семейства, столько для того, чтобы посмотрѣть иностранные таланты, съ пользою для себя, какъ и для сцены, причемъ если возможно не лишать меня и жалованья; во-вторыхъ, ежегодный зимній бенефисъ, которымъ я до сихъ поръ пользовался, несмотря на всю его выгоду, находя во многихъ отношеніяхъ для себя затруднительнымъ и неудобнымъ, я покорнѣйше бы просилъ ваше превосходительство оставить мой день въ пользу дирекціи, а вмѣсто онаго увеличить жалованье мое въ 6.000 рублей, оставивъ при мнѣ получаемую мною понынѣ поспектаклыную плату и только по истеченіи новаго контракта, если почему либо я долженъ буду прекратить службу, назначить мнѣ по примѣру иностранныхъ артистовъ un bénéfice de retraite. Труды, способности и поведеніе мое извѣстны вашему превосходительству и, если вы найдете, что

---

[1]) Общій архивъ министерства императорскаго двора. Оп. 3—935, д. № 189.

[2]) Тамъ же.

я стою просимаго мною вознагражденія, то справед
датайство вашего превосходительства вполнѣ обнаде:
въ успѣхѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.»
эта просьба была уважена. Предварительно, однако,
целяріи министра двора (извѣстный В. И. Панаевъ) г
валъ узнать, до какой суммы простирались ежегодн
Каратыгину поспектакльныя деньги, и получилъ в
за 287 спектаклей, сыгранныхъ съ участіемъ Кара
ченіе 1842—1844 г.г., онъ получилъ 10.248 р. 77 к
целяріи было сообщено, что Каратыгинъ проситс
сячный отпускъ за границу, и наконецъ послѣдо
министра: «Высочайше повелѣно исполнить, и не в
гимъ производить во время шестимѣсячнаго отпуск
держаніе въ уваженіе отличнаго его таланта» [2]). В
театральное начальство оказалось на высотѣ своего
того, что оно подписало контрактъ съ Каратыгин
(какъ извѣстно, контрактъ истекалъ 19-го мая 1845
его еще рекомендательными письмами ко всѣмъ рус
вителямъ при иностранныхъ дворахъ: барону Мейе
линѣ, барону Бруннову въ Лондонѣ, графу Медему
Киселеву въ Парижѣ, Бутеневу въ Римѣ и графу
Неаполѣ. Приводимъ образецъ такой рекомендаціи,
1845 г. (къ барону Мейендорфу), за подписью сам
«Monsieur le Baron! M-r Karatiguinne, artiste du thé
St. Pétérsbourg, qui vient d'obtenir un congé à l'étr
je le recommende personnellement à V. Ex.; quoiqu
suffis pour lui assurer de votre part l'accueil le p
me fais un plaisir de solliciter en sa faveur vot
éclairée, certain de vous être agréable en vous offr
connaître plus particulièrement un artiste dont s'en
titre notre scène nationale» [3]).

Затѣмъ наши свѣдѣнія молчатъ о Каратыгинѣ
Въ это время знаменитый трагикъ успѣлъ побыв
вернуться благополучно на родину и съ тѣмъ же
жать свое сценическое поприще. Въ январѣ 1848
окончательно въ отставку. Сейчасъ мы увидимъ,
причины побуждали его это дѣлать, но пока онъ
разстроеннымъ здоровьемъ. Гедеоновъ теперь къ н
ложенъ, чѣмъ прежде. Хотя онъ и спрашиваетъ
нужно дать Каратыгину бенефисъ, нынѣшнею ли
слѣдуетъ», по окончаніи контракта, т. е. около 19
но тутъ же замѣчаетъ, что «о намѣреніи своемъ
трактъ или нѣтъ», артистъ обязанъ былъ «пре
письменно до истеченія срока контракта своего в
мѣсяцевъ, т. е. ноября 19-го». Князь Волконскі
этимъ мнѣніемъ, и по докладѣ Николаю Павлов
слѣдующій отвѣтъ: «Государь императоръ изволи

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Общ. арх. мин. имп. дв. Оп. 3—935, д. № 189.
[3]) Тамъ же.

противу воли никого не удерживаетъ, но при томъ повелѣть изволилъ замѣтить г. Каратыгину, что на основаніи контракта слѣдовало ему просить объ увольненіи въ ноябрѣ, за шесть мѣсяцевъ до срока. Слѣдующій ему по контракту бенефисъ дать также на основаніи контракта по окончаніи срока» [1]). Когда эта резолюція была сообщена по принадлежности, В. А. страшно испугался и написалъ государю письмо:

«Августѣйшій монархъ! Государь всемилостивѣйшій! Припадаю къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества съ сокрушеннымъ сердцемъ! Ужасная мысль, что я могъ прогнѣвить великаго государя и благодѣтеля моего, не отступно терзаетъ меня и лишаетъ спокойствія, но да позволитъ мнѣ великодушный и правосудный повелитель мой облегчить удрученную душу мою чистосердечною исповѣдью, какъ бы передъ лицомъ Создателя! Невыразимо счастливъ буду я, если найду чрезъ то хотя малѣйшее извиненіе моему поступку. Осыпанный щедротами вашего императорскаго величества, отличенный вниманіемъ начальниковъ, вознагражденный благосклонностью публики, въ теченіе 28 лѣтъ, могъ ли я легкомысленно, безъ крайняго прискорбія и внутренней борьбы, отказаться отъ своей блестящей и завидной участи? Но Богъ, ущедрившій меня земными благами, какъ человѣка, послалъ мнѣ тяжкія испытанія, какъ отцу: я лишился трехъ сыновей; единственная дочь моя выходитъ замужъ за иностранца, человѣка, повидимому, достойнаго, но котораго я знаю весьма недавно [2]); онъ уѣзжаетъ за границу, увозитъ послѣднее дѣтище мое, а съ нею все мое счастіе и надежду! Могъ ли я рѣшиться отпустить ее одну на произволъ судьбы? Въ состояніи ли бы я былъ, отецъ осиротѣлый, съ прежнимъ усердіемъ и добросовѣстностью исполнять мою должность, гдѣ необходимо душевное спокойствіе? Всегдашнимъ желаніемъ моимъ было оставаться до истощенія на службѣ вашего императорскаго величества, но судьбѣ угодно было опредѣлить иначе! Я и жена моя съ сердечнымъ сокрушеніемъ принуждены будемъ на время оставить святое отечество, престарѣлыхъ матерей нашихъ, чтобы слѣдовать за дочерью на чужбину и, можетъ быть, преждевременно умереть съ горести, что я неумышленно лишился милостей моего великаго государя! Августѣйшій монархъ! Чадолюбивый отецъ многочисленнаго и благословеннаго семейства! Воззрите милосерднымъ родительскимъ окомъ на глубокую скорбь несчастнаго отца! Возвратите мнѣ монаршее благоволеніе ваше, единственную цѣль всѣхъ моихъ желаній, отраду всей жизни моей, и теплыя молитвы мои сторицею вознесутся къ престолу всевышняго о благоденствіи всего августѣйшаго дома вашего императорскаго величества [3]). «На это князь Волконскій по порученію государя отвѣчалъ Каратыгину 29-го января за № 380.

«Г. актеру россійской труппы Василію Каратыгину.

«Государь императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго письма ва-

---

[1]) Общ. арх. мин. имп. дв. Оп. 6—938, д. № 337.

[2]) Дочь Каратыгина вышла замужъ за бывшаго пѣвца С.-Петербургской итальянской оперы Гуаско.

[3]) Общ. арх. мин. имп. дв. Оп. 6—938, д. № 337.

шего, высочайше повелѣть изволилъ объявить вамъ, что его величество нисколько не гнѣвается на васъ, чему служитъ доказательствомъ всемилостивѣйшее, безусловное разрѣшеніе бракосочетанія дочери вашей. На назначеніе же вамъ бенефиса вмѣсто мая мѣсяца въ нынѣшнемъ еще карнавалѣ, высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику сіе было бы не согласно съ вашимъ контрактомъ» [1]).

Тѣмъ временемъ политическія обстоятельства измѣнились не въ пользу Каратыгина. Русскимъ подданнымъ воспрещенъ былъ выѣздъ за границу, особенно въ мятежную Францію, гдѣ разыгрывались теперь страшныя картины народнаго волненія, окончившіяся іюльской монархіей. В. А. поневолѣ долженъ былъ остаться дома и попрежнему продолжать свою артистическую дѣятельность. Однако, на запросъ директора объ условіяхъ службы онъ выговорилъ себѣ нѣкоторыя льготы, впрочемъ принятыя начальствомъ. «Такъ какъ единственно семейныя причины, побуждавшія меня преждевременно оставить службу, по случаю заграничныхъ событій,—объяснялъ онъ въ письмѣ къ Гедеонову (4-го апрѣля 1848 г.), отдалились на неопредѣленный срокъ, то я съ всегдашнимъ моимъ усердіемъ готовъ снова посвятить себя на то поприще, на которомъ я такъ щедро былъ осыпанъ милостью монарха и отличенъ благоволеніемъ начальства и публики. Всепокорнѣйше прошу ваше пр-ство только объ одномъ, чтобы мнѣ дозволено было служить, не заключая контракта, даже соображаясь съ домашними моими обстоятельствами, я могъ всегда располагать собою, предваряя дирекцію за два мѣсяца впередъ о прекращеніи моей службы, и тогда ваше пр-ство соблаговолите назначить мнѣ послѣдній бенефисъ, слѣдующій мнѣ по существующему нынѣ со мною контракту, срокъ котораго оканчивается 18-го сего мая» [2]). «Изъ послѣдующаго мы узнаемъ, что В. А. удалось-таки побывать за границей и вернуться оттуда въ октябрѣ 1850 года. Затѣмъ онъ съ возростающимъ успѣхомъ служитъ два съ чѣмъ-то года и умираетъ послѣ кратковременной болѣзни 13-го марта 1853 года. Смерть его производитъ глубокое впечатлѣніе на русское общество. Не только печать, артисты, публика, оплакиваютъ преждевременную кончину, но и самъ государь выраженіемъ своего сочувствія вдовѣ служитъ примѣромъ общаго настроенія. На похоронахъ Каратыгина присутствуетъ нѣсколько тысячъ народа. Въ современныхъ газетахъ описанъ слѣдующій случай, показывающій, насколько знаменитый трагикъ пользовался извѣстностью и любовью среди публики. Одинъ изъ шедшихъ за гробомъ напрасно старался къ нему приблизиться, толпа народа оттѣсняла его. Видя, что ему трудно будетъ подойти, онъ рѣшился обратиться къ какому-то, судя по одеждѣ, купцу или мѣщанину, который несъ гробъ. «Позвольте,— сказалъ онъ: — пропустите, покойникъ былъ мнѣ знакомый».—«Эхъ, батюшка,—отвѣчалъ купецъ,—онъ былъ намъ всѣмъ знакомъ!»—и не уступилъ своего мѣста. Можетъ быть, въ виду этого сочувствія общества и желая чѣмъ нибудь ознаменовать память своего мужа, вдова Каратыгина просила дирекцію назначить бенефисъ, слѣдовавшій покойному по контракту съ 1845 по 1886 г., но имъ не полученный. При этомъ

[1]) Тамъ же.
[2]) Общ. арх. мин. имп. дв. Оп. 6—938, д. № 837.

она объявляла, что дочь ея и она сама жертвуетъ этимъ бенефисомъ въ пользу высочайше учрежденнаго общества посѣщенія бѣдныхъ, съ правомъ удержать ¹/₃ сбора, «на пособіе тѣмъ бѣднымъ семействамъ, которымъ помогалъ мужъ ея при жизни своей, и которыя не могутъ принять помощи изъ другихъ рукъ». Началась переписка. Гедеоновъ, докладывавшій это дѣло министру (въ то время уже графу Адлербергу), поставилъ на разрѣшеніе три вопросныхъ пункта: 1) слѣдуетъ ли назначить испрашиваемый вдовою Каратыгина, какъ наслѣдственный, бенефисъ, полагавшійся мужу ея, по контракту 19-го мая 1845—1848 годовъ, послѣднимъ только передъ оставленіемъ имъ театра, а не по смерти; ибо при полученіи послѣ 1845 года окладного жалованья въ 6.000 рублей въ суммѣ этой заключались уже и ежегодные бенефисы, которые Каратыгинъ имѣлъ прежде и отъ которыхъ отказался, замѣнивши ихъ ежегодною окладною денежною суммою; 2) по увольненіи Каратыгина въ 1850 году въ безсрочный заграничный отпускъ, когда служба его почти прекращалась, помянутаго бенефиса ему дано не было, и при вторичномъ поступленіи на службу послѣ отпуска въ условіяхъ ангажемента о бенефисѣ ничего не говорилось; 3) если на назначеніе бенефиса сего послѣдуетъ приказаніе, то испрашиваю о разрѣшеніи дать его въ удобный день въ маѣ мѣсяцѣ, ибо въ первые дни послѣ открытія спектаклей (на Пасхѣ), по постановленію дирекціи, бенефисовъ не назначается, и притомъ слѣдуетъ ли таковой бенефисъ дать отъ имени вдовы, какъ наслѣдственный послѣ мужа, или отъ лица дирекціи въ почетъ памяти артиста, украшавшаго отечественный театръ своимъ рѣдкимъ талантомъ, съ предоставленіемъ, какъ желаетъ вдова Каратыгина, сбора въ пользу общества посѣщенія бѣдныхъ, за удержаніемъ ¹/₃ для отдачи ей, на то пособіе, о коемъ говорится въ письмѣ ея» [1]). Рѣшеніе министра было краткое и благопріятное для дѣла. «Высочайше повелѣно дать бенефисъ, не по праву, котораго нѣтъ, а въ память отличнаго таланта покойнаго Каратыгина и въ пользу его вдовы, предоставляя ей распорядиться по своему усмотрѣнію приходомъ» [2]). Затѣмъ начались переговоры о программѣ спектакля. Вдова просила, между прочимъ, дать два первые акта драмы «Смерть Ляпунова», въ которой на мѣсто Каратыгина вышелъ бы актеръ Максимовъ и сказалъ похвальное слово въ память умершаго, сочиненія г. Кукольника [3]), а вся русская труппа въ заключеніе вышла бы поблагодарить публику, посѣтившую этотъ спектакль. Кромѣ того, такъ какъ государь милостиво дозволилъ ей распорядиться сборомъ съ этого бенефиса по ея усмотрѣнію, то она проситъ напечатать на афишѣ, что этимъ бенефисомъ она жертвуетъ въ пользу бѣдныхъ. Въ этомъ видѣ ходатайство Каратыгиной встрѣтило возраженія дирекціи. Ге-

---

¹) Общ. арх. м. имп. дв. Оп. 6—938, д. № 337.

²) Тамъ-же.

³) «Смерть Ляпунова», быть можетъ, потому обратила вниманіе вдовы Каратыгина, что была послѣднею пьесой, въ которой долженъ былъ участвовать покойный, но отмѣненной по случаю его болѣзни (см. Записки П. А. Каратыгина, Спб., 1880, стр. 316).

деоновъ прежде всего замѣчалъ, что авторъ пь(
нова», С. А. Гедеоновъ, не желая по личнымъ
нему, директору, подать поводъ къ неизбѣжнь
страстіи въ выборѣ пьесы, какъ со стороны д
мой г-жи Каратыгиной, просилъ объ исключені
става предполагаемаго спектакля. Затѣмъ, до
чтеніе «стиховъ и тирадъ» въ память умерша
если они будутъ «одобрены цензурою», Гедеоно
вался въ умѣстности поклона артистовъ публик
вдовой. «Подобные случаи,—замѣчалъ директор
старыхъ годахъ, но въ продолженіе моего дв
вленія не случалось» [1]). Наконецъ, онъ проти
объ афишахъ послѣднему высочайшему повел
мнѣнію, взаимно исключаютъ другъ друга. Все
роны министра слѣдующую резолюцію: «Вы(
декламировать стихи въ похвалу умершаго Ка
печатать въ афишахъ, что сборъ съ бенефиса
рекціи въ память отличнаго таланта умершаг
предоставляется въ пользу бѣдныхъ. Выборъ п
соглашенію вдовы Каратыгина съ дирекціею
русская труппа выступила на сцену съ покло
чайшаго соизволенія не послѣдовало» [2]). Межд
никъ 10 мая адресовалъ Гедеонову слѣдующе

«М. г. А. М. По приказанію вашего превосх
высочайшему соизволенію и желанію вдовы I
ставленную мною по случаю посмертнаго въ
нефиса, сцену подъ заглавіемъ: «Встрѣча у гроб
почтительнѣйше представить на благоусмотр
дительства. Къ сему долгомъ считаю присово
Александрой Михайловной Каратыгиной прочи
вполнѣ одобрена» [3]).

Вотъ это произведеніе, кстати публикуем(

Встрѣча у гроба Тальм

Сцена на случай, въ память таланта В
Каратыгина.

Д. Л.

Русскіе путешественники {

Дѣйствіе въ Парижѣ на кладбищѣ Père la Chais(
Декорація: кладбище, на авапъ-сценѣ надгробный

Первый путешественникъ [съ букетом

Вотъ, наконецъ, и знаменитое кладбище, гд
гихъ великихъ людей. Тутъ много дорогого д
дорогое водится въ этой землѣ [4]). Сегодня де

---

[1]) Общ. архивъ м. имп. д. Оп. 6—938, д. № 337.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Подчеркнуто карандашомъ, и сдѣланъ на пол

гробница его; любопытно: вспомнитъ ли хоть одинъ французъ про великаго актера, хотя живыя воспоминанія о немъ не должны еще угаснуть [1]). Художники всѣхъ искусствъ оставляютъ послѣ себя долговѣчные памятники своего существованія; не молчно свидѣтельствуютъ безсмертныя произведенія объ истлѣвшихъ творцахъ своихъ; иного ни колыбели, ни могилы не доищешься, а произведенія живутъ и обновляются изученіемъ милліоновъ, жаждущихъ просвѣщенія и образованія; имя, напримѣръ, Рафаэля уже вѣрно круглымъ счетомъ, по крайней мѣрѣ, сто разъ поминается ежедневно на пространствѣ всего образованнаго міра. А бѣдный актеръ [2]), что оставляетъ онъ послѣ себя? Воспоминанія, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тускнутъ и наконецъ становятся достояніемъ біографическихъ лексиконовъ. Вся ихъ будущность—сегодня; вся пора славы ихъ—вечеръ представленія [3]). Лекéнъ, Тальма, Гаррикъ, Кинъ, Дмитревскій [4]), Яковлевъ... историческіе призраки, которыхъ всякій можетъ возобновлять въ своемъ воображеніи, какъ ему угодно. О нихъ говорятъ, какъ о іероглифахъ, безъ сочувствія. Вотъ лучшее доказательство. Свѣжая память Тальмы уже забыта [5]). На могилу его пришелъ бросить цвѣтокъ гость далекій, котораго, можетъ быть, самъ Тальма считалъ варваромъ и въ простодушномъ невѣдѣніи называлъ то казакомъ, то калмыкомъ. Миръ праху твоему, великій художникъ и, неувядающая слава твоему имени! (бросаетъ букетъ на гробницу).

(Входитъ второй путешественникъ).

ПЕРВЫЙ [глядя на гробницу].

О суетное самолюбіе людей! Надгробную доску Тальмы оно исчертило темными именами ничтожества; а между тѣмъ чувство простительное; кому не захочется хотя однимъ именемъ прожить подолѣе подъ сѣнію неумирающей, хотя и чужой, славы. Меня самого подмываетъ [6]) написать свое имя; подобрать бы только мѣстечко... [разсматривая надписи] Ого! нѣтъ, тутъ уже не одно самолюбіе; тутъ будто въ прихожей у знатнаго вельможи расписались въ визитахъ своихъ именитые гости... Что это? Рашель... А возлѣ родное имя: Василій Каратыгинъ! О сколько и какихъ воспоминаній проснулось въ признательной душѣ моей. Въ признательной, да! Потому что Каратыгинъ много участвовалъ въ образованіи моего сердца. Высокія благородныя чувства въ его художнической игрѣ принимали тѣло и устанавливались въ молодомъ воображеніи, какъ живыя существа, а не призраки, навѣянные наукой и чтеніемъ! Отрадное чувство разлилось въ душѣ моей при мысли, что я опять увижу, услышу его...

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ [тихо].

Вѣрно, до него не дошли петербургскія новости [громко]. Конечно гробница Тальмы возбудила въ васъ такія пріятныя размышленія...

---

[1]) Тѣ же знаки.
[2]) Тѣ же знаки.
[3]) Тѣ же знаки.
[4]) Тѣ же знаки.
[5]) Тѣ же знаки.
[6]) Подчеркнуто карандашемъ, и на поляхъ поставленъ знакъ вопроса.

ПЕРВЫЙ.

Боже мой, русскій! У гробницы перваго французскаго трагика!.. Какая встрѣча! Странное чувство! И не знакомы, а будто родные. Хорошо намъ, тамъ, сидя въ Петербургѣ, говорить: ахъ, какъ бы скорѣе за границу, въ Парижъ!.. А много ли такихъ съ деревянными сердцами, чтобы, проживъ годокъ, хоть бы въ самомъ Парижѣ, не стосковались по своей холодной родинѣ. Не помню, гдѣ читалъ я, что тоска по родинѣ—болѣзнь. Не знаю, какъ другіе, а я боленъ, рѣшительно боленъ; я знаю, что, когда я сяду на пароходъ, чтобы ѣхать въ Россію, я выздоровѣю, непремѣнно выздоровѣю, потому что я большой чудакъ, потому что я опять заговорю по русски, опять обниму родныхъ и друзей,—предупреждаю васъ, я чудакъ [1]... Я услышу музыку Глинки, увижу живопись Брюлова, игру Каратыгина!..

ВТОРОЙ.

А въ какой роли?

ПЕРВЫЙ.

Странный вопросъ! Мало ли знаменитыхъ ролей у Каратыгина! Онъ былъ представителемъ всѣхъ школъ и умѣлъ подслушивать вкусъ публики, требованія времени и, не унижая искусства, облагораживать даже уклоненія драмъ отъ строгаго изящнаго стиля. Не знаю, удалось ли вамъ слѣдить за его успѣхами, которые, къ удивленію, давно уже достигли апогея и теперь все еще не упадаютъ ни на волосъ. Случалось ли вамъ видѣть старинную драму Кребильона: «Атрей и Тіестъ»?

ВТОРОЙ.

Нѣтъ!

ПЕРВЫЙ.

Пожалѣйте! Атрей подаетъ брату чашу съ кровью Тіестова сына, своего племянника; не правда ли, картина отвратительная? А Каратыгинъ былъ изященъ. Вспомнимъ «Короля Лира»! Тотъ же классическій Каратыгинъ въ самой романтической драмѣ новаго міра поражаетъ васъ ужасомъ страшной правды, и я увѣренъ, что многимъ казалось, что буря, сопровождающая рѣчи стараго чудака, воетъ за правду! Или Жоржъ въ чудовищной драмѣ «Жизнь игрока», Карлъ Мооръ въ «Разбойникахъ», «Гамлетъ», Людовикъ XI, Антоній, Кинъ, Донъ-Карлосъ, Фингалъ, Лейстеръ въ «Маріи Стюартъ», этотъ, какъ его, въ этой драмѣ «Честь или Смерть», или въ «Кларѣ д'Обервиль»... Не хватитъ памяти на одно исчисленіе безконечнаго репертуара Каратыгина, и вездѣ, всегда онъ выходилъ побѣдителемъ. Согласитесь: не всѣ ли тутъ школы, не вся ли тутъ драма стараго и новаго міра? Наконецъ, прибавьте родъ патріотическій. Конечно, этотъ родъ легче другихъ, въ особенности, когда придется говорить русскому сердцу; на все доброе, на все прекрасное оно чуть не выпрыгнетъ изъ широкой груди; молодое, удалое, оно и бьется какъ-то иначе; я говорю не про тѣхъ, которыхъ мы видимъ здѣсь, въ Парижѣ, или по всѣмъ возможнымъ минеральнымъ водамъ Европы... Эти господа лѣчатся. Нѣтъ, я говорю про настоящее, здоровое русское сердце, въ которомъ ключемъ кипитъ святая любовь къ святому отечеству; о, съ этими легко, отрадно говорить

[1]) Слова подчеркнуты, и на поляхъ поставленъ знакъ вопросъ.

актеру, каково же было Каратыгину бесѣдовать съ нами... Сами подумайте! Онъ за одно восторгался съ своими слушателями, и стихъ въ устахъ его гремѣлъ громомъ, опалялъ молніей!.. Не знаю, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить, но я какъ-то расположенъ сегодня къ искренности и скажу вамъ откровенно; я объѣхалъ всю Европу для изученія искусства и, признаюсь вамъ, нигдѣ, нигдѣ я не встрѣчалъ другого Каратыгина. Наша сцена можетъ смѣло гордиться его геніальнымъ талантомъ. Онъ надолго еще будетъ служить ей украшеніемъ...

ВТОРОЙ.

Увы! Ваша надежда не можетъ исполниться...

ПЕРВЫЙ.

Это почему?

ВТОРОЙ.

Удивляюсь, какъ вы не знаете еще...

ПЕРВЫЙ.

Вы меня пугаете! Говорите, ради Бога!..

ВТОРОЙ.

Его не стало...

ПЕРВЫЙ.

Вы шутите [1])!

ВТОРОЙ [вынимаетъ пукъ писемъ].

Желалъ бы, чтобы слова мои были шуткой, но вотъ письма. Читайте сами [подаетъ одно изъ писемъ].

ПЕРВЫЙ [читаетъ].

«Съ 12-го на 13-е марта Василій Андреевичъ Каратыгинъ въ часъ по полуночи оставилъ навсегда русскую сцену и свѣтъ Божій»... Не вѣроятно, глазомъ не вѣрю...

ВТОРОЙ.

Вотъ нѣсколько писемъ... во всѣхъ та же печальная вѣсть!

ПЕРВЫЙ.

Страшно! Право страшно! Съ его здоровьемъ, съ его сложеніемъ, въ его лѣта... Рано! Слишкомъ рано!..

Нѣтъ Каратыгина!.. Печали тяжкій стонъ
Въ ушахъ моихъ невольно раздается,
Въ глазахъ темнѣетъ... Взоръ слезою омраченъ,
И передъ памятью моей, какъ въявѣ сонъ,
Тѣнь незабвенная неслышимо несется...
Давно ли? Господи! Съ живымъ огнемъ въ очахъ,
Съ животворящей рѣчью на устахъ
Предъ нами онъ стоялъ, могучій, величавый,
Увѣнчанный тридцатилѣтней славой!
И русскимъ геніемъ могли гордиться мы.
Первослужитель русской Мельпомены
Соперникъ счастливый и Кина и Тальмы!
То былъ алмазъ безцѣнной русской сцены.
Онъ палъ — и разлилась на сценѣ пустота,
Я слышу, какъ театръ нашъ русскій запираютъ...

(Послѣ непродолжительнаго молчанія)

[1]) Слово подчеркнуто, и на поляхъ поставленъ знакъ вопросительный.

Нѣтъ, не ропщите, дерзкія уста:
Таланты на Руси не умираютъ.

Эту пьесу Гедеоновъ представилъ министру
11-го мая и тутъ же опредѣлялъ составъ спектак
денія Кукольника, предполагалось поставить еп
свои сани не садись»[1]), сцену сумасшествія Офел
въ заключеніе дивертисментъ, составленный изъ п
русской пляски». Но въ результатѣ вышло ина
торъ театровъ получилъ извѣщеніе, что госуд
всеподданнѣйшему ему докладу гр. Адлерберга,
представленіе въ бенефисъ въ память таланта
гина написанной г. Кукольникомъ сцены «Встрѣ
тѣмъ болѣе, «что декорація должна изображать
этой сцены высочайше повелѣно «продекламиро
хотвореніе г. Бенедиктова на смерть Каратыги
чество изволилъ читать въ 67 номерѣ «Сѣверно
тельно, въ указанномъ номерѣ появилось не
стихотвореніе названнаго автора въ старо-класс
водимъ изъ него наиболѣе удачныя строфы:

Изнемогаетъ... Палъ: такъ ломитъ кедръ гр
Онъ палъ! Съ его чела вамъ смотритъ смер
Спускаютъ занавѣсъ. Какъ бурные порывы,
Летятъ со всѣхъ сторонъ и крики и призы
«Его! его! Пусть намъ онъ явится! Сюда!!»
Нѣтъ, люди, занавѣсъ спустилась навсегда!
Кулисы вѣчности задвинулись. Не выйдетъ!
На этой сценѣ міръ его ужъ не увидитъ!
Нѣтъ! Смерть, которую такъ вѣрно онъ не
Во всемъ могуществѣ изображалъ для васъ,
Содѣлала его въ единый мигъ случайный
Адептомъ выспреннимъ своей послѣдней та

Наконецъ, 21-го мая, въ Александринско
давно ожидаемый спектакль. Онъ заключался в
гдѣ «по просьбѣ вдовы Каратыгина игралъ
въ С.-Петербургъ московскій актеръ Щепкинъ
лета», изъ декламаціи стиховъ Бенедиктова,
сани не садись» и въ вокальномъ дивертисме
грѣтый печатью, бенефисъ сошелъ вполнѣ
такль,—доносилъ по начальству Гедеоновъ,
«Не въ свои сани не садись», приняты были
мымъ расположеніемъ. По прочтеніи стиховъ
Каратыгина много апплодировали, и по окон
два раза г. Бенедиктовъ. Сборъ простирался вс

Въ заключеніе, актриса А. М. Каратыги
ныхъ выраженіяхъ письменно благодарила г
ей и памяти ея мужа милость...

Баронъ

[1]) Одну изъ первыхъ пьесъ А. Н. Островскаго.
[2]) Общій архивъ мин. иностр. дѣлъ. Оп. 9—938, д

НАПОЛЕОНЪ ВЪ ЛОМЖѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

НТЕРЕСЪ къ личности Наполеона до сихъ поръ не ослабѣлъ во Франціи; лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени этотъ необыкновенный человѣкъ овладѣлъ умомъ и воображеніемъ французовъ, служитъ поразительное обиліе воспоминаній о немъ, появляющихся во Франціи и находящихъ себѣ сбытъ и огромный кругъ читателей. Судьба Наполеона слишкомъ близко соприкасалась съ судьбою Россіи не только во дни могущества «маленькаго капрала», но и обусловила собою направленіе русской политики послѣ его паденія; поэтому многое изъ печатающагося о немъ во Франціи не можетъ не интересовать и русскаго читателя. Въ особенности его должно интересовать все, имѣющее хоть малѣйшее отношеніе къ великой эпопеѣ 1812 года. Въ виду этого, быть можетъ, не безъ любопытства прочтется разсказъ о проѣздѣ Наполеона черезъ Ломжу во время его бѣгства изъ Россіи въ 1812 г., напечатанный въ «Revue Hebdomadaire» г. Е. Лунинскимъ и составленный на основаніи письма ломжинскаго префекта [1]) Лазоцкаго, написаннаго имъ одному изъ своихъ друзей въ декабрѣ 1812 года и сохранившагося въ семейныхъ бумагахъ Лазоцкихъ. Разсказъ этотъ не лишенъ значенія не только для обрисовки тѣхъ условій, при которыхъ Наполеону приходилось уѣзжать изъ Россіи, но и для характеристики отноше-

---

[1]) Съ созданіемъ Варшавскаго герцогства оно было раздѣлено на шесть департаментовъ, во главѣ которыхъ стояли префекты.

нiй польскаго общества къ русскимъ, а французовъ къ постигшимъ ихъ бѣдствiямъ.

Послѣ пятинедѣльнаго пребыванiя въ Москвѣ, императоръ вмѣстѣ со своими войсками, надломленными отъ усталости, направился къ Смоленску, но при извѣстiи, что непрiятель занялъ Минскъ и Волковискъ, попытался ускользнуть отъ него по Виленской дорогѣ и совершилъ трагическiй переходъ черезъ Березину. Передъ этими двумя соединившимися противниками, зимою и Кутузовымъ, императоръ оказался вскорѣ полководцемъ безъ войскъ. Онъ не простился съ ними, какъ дѣлалъ это въ дни побѣдъ: онъ покинулъ ихъ тайкомъ, 6 декабря, въ Сморгони. Три дня спустя, онъ прибылъ въ Ломжу и остановился на почтовомъ дворѣ.

Префекту Лазоцкому было сообщено, что Коленкуръ, оберъшталмейстеръ (grand écuyer) императора, прiѣхалъ въ Ломжу, что онъ хочетъ немедленно видѣть его, и что онъ желаетъ также, чтобы Лазоцкiй принесъ ему двѣ бутылки хорошаго вина. Въ городѣ еще ничего не было извѣстно о пораженiи Наполеона. Французскiе мародеры, покрывавшiе всѣ дороги, тщательно скрывали истину, чтобы не уронить престижъ Наполеона. Извѣстiе о прiѣздѣ Коленкура показалось неправдоподобнымъ префекту, велѣвшему отвѣтить, что его нѣтъ дома. Когда затѣмъ ему вторично прислали приказанiе немедленно явиться, онъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, послалъ для справокъ нѣкоего Вичковскаго; послѣднiй встрѣтилъ на улицѣ офицера, по фамилiи Вансовичъ, какъ разъ направлявшагося къ префекту. Вансовичъ состоялъ при Наполеонѣ въ качествѣ переводчика и хорошо зналъ Лазоцкаго. Тщетно онъ уговаривалъ послѣдняго пойти представиться Коленкуру; префектъ отказывался, говоря, что не получилъ приказанiй встрѣчать Коленкура. Тогда Вансовичъ раскрылъ Лазоцкому тайну, что подъ именемъ Коленкура скрывается самъ императоръ, и что онъ приказываетъ ему явиться и послать въ Варшаву курьера съ распоряженiемъ, чтобы для него были приготовлены тридцать восемь лошадей, разставленныхъ смѣнами до самой столицы. Лазоцкiй крайне удивился, наскоро одѣлся и поспѣшилъ на почту. Такъ какъ императоръ принималъ въ то время мѣстнаго коменданта и военнаго комиссара, ему пришлось ожидать въ передней комнатѣ, въ обществѣ дивизiоннаго генерала Лефевра, адъютантовъ и мамелюка Рустана.

Наконецъ, настоящiй Коленкуръ ввелъ его къ «маленькому капралу». Въ тотъ день императоръ былъ въ егерской формѣ, и на немъ не было другихъ орденовъ, кромѣ звѣзды съ крестомъ; онъ былъ выбритъ, и его бѣлье очень свѣжо, но костюмъ былъ поношенъ.

Префектъ подвинулся впередъ и остановился въ трехъ шагахъ отъ него. Императоръ отрывисто спросилъ у него о его фамилiи,

происхожденіи и, вспомнивъ вдругъ о времени, ушедшемъ на его поиски, спросилъ, гдѣ его нашли. Лазоцкій рѣшилъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія при помощи лести, и такимъ образомъ покончить всѣ недоразумѣнія. Онъ отвѣтилъ, не смущаясь:

— Меня нашли въ управленіи префектуры, гдѣ я распоряжался на счетъ конвоя для вашего величества и посылки курьера, чтобы въ различныхъ мѣстахъ были приготовлены лошади.

— Какъ, вы объявили о проѣздѣ императора?—спросилъ Наполеонъ.

— Нѣтъ, государь, я объявилъ о проѣздѣ оберъ-шталмейстера, и какъ разъ въ этотъ моментъ я узналъ, что подъ этимъ именемъ ѣдете вы. Вы видите меня совершенно смущеннымъ тѣмъ, что я представляюсь вамъ безъ мундира.

— А кто вамъ сказалъ обо мнѣ?—снова спросилъ императоръ.

Этотъ вопросъ далъ возможность снова прибѣгнуть къ лести, и префектъ не упустилъ представившагося случая.

— Государь, всѣ тѣ, кто приближался къ вашему величеству, немедленно узнавали васъ; и я самъ, никогда не видѣвши васъ, тѣмъ не менѣе узналъ васъ по портрету вашего величества, находящемуся въ каждомъ домѣ.

Лесть была принята милостиво. Императоръ улыбнулся и проявилъ очаровательное расположеніе духа. Разсматривая положеніе вещей съ военной точки зрѣнія, онъ понялъ значеніе ломжинской національной гвардіи, и узнавъ, что въ общемъ она плохо вооружена и снаряжена, распорядился о доставленіи изъ Гродна оружія. Ломжа въ то время сильно пострадала отъ прохода войскъ. Что не попало въ руки французовъ, было взято казаками. Магазины были пусты, жители лишились своихъ лошадей и большей части скота. Нечего было привозить на рынокъ, у булочниковъ и рестораторовъ не было припасовъ, всѣ толѣги находились въ рукахъ солдатъ. Когда русскіе расположились бивакомъ въ трехъ лье отъ Ломжи, напуганные жители думали лишь о томъ, какъ бы спасти свое имущество и свою жизнь, убѣгая на прусскую территорію, и даже не помышляли о защитѣ, опасаясь вызвать пожары и рѣзню.

Тщетно искали болѣе чѣмъ въ продолженіе получаса яицъ и хлѣба для императора, проголодавшагося и терявшаго терпѣніе. Наконецъ, явился Вансовичъ, съ гордостью принесшій двѣ бутылки мадеры, найденныя, по его словамъ, въ погребѣ префекта. Ихъ раскупорили; Наполеонъ выпилъ рюмку, налилъ другую, обмакнулъ въ ней крендель и спросилъ ѣсть.

Лазоцкій приказалъ приготовить у себя ужинъ, но отъ холода—тридцать градусовъ по Реомюру — живность и говядина промерзли. Наконецъ, нѣкто Вирцбицкій сжалился надъ августѣйшимъ гостемъ города и прислалъ котлетъ; вскорѣ затѣмъ поваръ префекта приготовилъ теплый супъ, бифштексовъ, сосисокъ и каплуновъ. На-

полеонъ пригласилъ Лефевра и Коленкура сѣсть рядомъ съ нимъ, и всѣ трое поѣли съ аппетитомъ. Рустанъ, не забывавшій себя, откладывалъ половину блюдъ въ сторону, приговаривая громко: «вотъ это для государя, а это для его любимца». Мамелюкъ, сынъ пустыни, переброшенный на западъ, онъ стряхнулъ съ себя мусульманскій фанатизмъ, привязался къ Наполеону и служилъ для него камердинеромъ и шутомъ. Онъ самъ называлъ себя любимцемъ Наполеона, умѣя соединять продѣлки клоуна съ восточною хитростью.

Когда ужинающіе утолили свой голодъ, Рустанъ отложилъ въ сторону жаренаго индюка, отставилъ бутылки съ недопитымъ виномъ и на замѣчанія, что это вино предназначено для императора, отвѣчалъ: «Я моложе, чѣмъ мой государь, и болѣе нуждаюсь въ старомъ винѣ, чѣмъ онъ».

Лазоцкій возразилъ шутя:

— А что скажетъ Магометъ, увидѣвъ, что вы пьете вино?

— Онъ закроетъ глаза,—отвѣчалъ Рустанъ съ чисто восточною гримасой.

Послѣ трехчасоваго отдыха въ Ломжѣ Наполеонъ приказалъ готовиться къ отъѣзду и оставилъ на столѣ, въ видѣ платы, тридцать луидоровъ.

Обледенѣвшая дорога была скользка, луна освѣщала снѣгъ, небо было чисто. Аттила вѣка поднялся въ старую карету, установленную на старыя сани; усѣвшись въ ней, онъ наклонился къ Лазоцкому, чтобы поблагодарить его, и укутался въ зеленую бархатную шубу, подбитую великолѣпнымъ соболемъ и отдѣланную серебряными украшеніями. Рустанъ, кромѣ того, накрылъ его красною шинелью и уложилъ его ноги въ мѣховой мѣшокъ. По лѣвую сторону императора помѣстился оберъ-шталмейстеръ. У лошадей сталъ конвой изъ девяти департаментскихъ жандармовъ. Въ послѣдній разъ мелькнуло строгое выбритое лицо съ пронизывающими глазами. Тронулись по дорогѣ въ Варшаву.

Въ другихъ саняхъ помѣстился Вансовичъ, а въ третьихъ генералъ Лефевръ и мамелюкъ, забившійся въ солому и повторявшій какъ бы машинально:

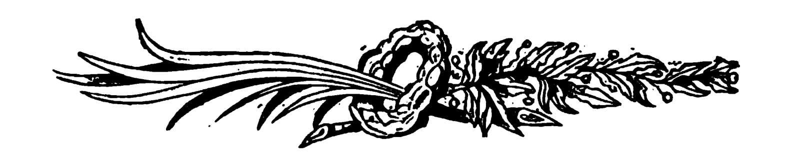
— Ну, поѣзжайте же, ну!

Лазоцкій проводилъ императора до Мястковa, границы своего департамента. Тамъ онъ хотѣлъ откланяться Наполеону, но послѣдній крѣпко спалъ, и никто не осмѣлился разбудить его. Поэтому онъ попросилъ Вансовича извинить его передъ императоромъ и вернулся въ Ломжу, благодаря Бога, что удалось такъ легко отдѣлаться отъ великаго монарха. Извѣстія о войнѣ съ русскими, распространявшіяся французами, были столь положительны, что самъ Лазоцкій былъ убѣжденъ, что видѣлъ передъ собою побѣдителя Александра. Такъ какъ сообщенія въ то время были крайне затруднительны,

потребовалось много времени для того, чтобы истина стала извѣстною, а пока населеніе провинцій довѣрчиво взирало на звѣзду «корсиканца». Французы пользовались этимъ, разсказывая, что они побили русскихъ на берегахъ Березины, взяли въ плѣнъ девять тысячъ человѣкъ, захватили шесть знаменъ и двѣнадцать пушекъ. Всѣ радовались торжеству освободителя Польши. Самъ Наполеонъ, неизмѣнно спокойный, не обнаруживавшій ни огорченія, ни стыда, сдѣлалъ де-Прадту въ Варшавѣ слѣдующее признаніе:

— Я сдѣлалъ двѣ ошибки: во-первыхъ, отправившись въ Москву, а затѣмъ—оставшись тамъ слишкомъ долго, но отъ великаго до смѣшнаго лишь одинъ шагъ.

Н. Шильдеръ.



ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ БУСЛАЕВЪ.

(Некрологъ).

ОДИНЪ ЗА ДРУГИМЪ сходятъ въ могилу былые дѣятели русской науки, съ именами которыхъ неразрывно связано понятіе о расцвѣтѣ въ нашемъ отечествѣ широкихъ и плодотворныхъ областей знанія. Въ числѣ надгробныхъ крестовъ, осѣнившихъ за послѣднее время столичныя кладбища, особенную признательность и умиленіе вызываетъ тотъ свѣжій крестъ на кладбищѣ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, на коемъ значится имя академика Ѳедора Ивановича Буслаева, скончавшагося 31-го іюля сего года. Врядъ ли найдется какой русскій образованный человѣкъ, для котораго это дорогое имя не служило бы напоминаніемъ тѣхъ дней, когда онъ впервые научился понимать и сознательно любить языкъ своего народа, творчество и исторію этого народа. «Имя г. Буслаева уже теперь становится почетнымъ историческимъ именемъ, — писалъ въ своей «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпинъ. Въ привѣтствіяхъ, какія были вручены и высказаны ему по поводу его юбилея (1888 г.) отъ ученыхъ учрежденій, какъ Московскій и Петербургскій университеты и Академія Наукъ, отозвалось то представленіе о его ученыхъ заслугахъ, какое внушается обзоромъ его многочисленныхъ работъ по изученію русскаго языка, старой русской письменности, народной поэзіи и наконецъ стараго русскаго искусства. Рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени одушевлена возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки». Эта мѣткая оцѣнка, произнесенная еще при жизни Буслаева знатокомъ русской исторической науки, не страдаетъ никакими преувеличеніями, никакимъ реторическимъ па-

фосомъ. Воистину имя Буслаева уже давно стало историческимъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова, и вѣсть о его кончинѣ отозвалась щемящею болью въ сердцахъ русскихъ образованныхъ людей.

Обозрѣть въ краткомъ некрологѣ всю учено-литературную дѣятельность покойнаго, поставить его самого на надлежащее мѣсто въ ряду современныхъ ему дѣятелей и на фонѣ протекшей исторической жизни, не представляется возможнымъ. Достаточно, если въ настоящей замѣткѣ будутъ изображены главныя свѣдѣнія его жизни, указаны его наиболѣе существенные труды въ ихъ хронологической послѣдовательности и отмѣчено, подъ воздѣйствіемъ какихъ фактовъ и въ какой средѣ сложился его возвышенный образъ. То личное, которое въ каждомъ некрологѣ, въ каждомъ біографическомъ очеркѣ, написанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ грустной вѣсти объ утратѣ дорогого человѣка, является чрезвычайно важнымъ и цѣннымъ, читатели найдутъ въ напечатанныхъ выше «Историческаго Вѣстника» интересныхъ «Воспоминаніяхъ о Ѳ. И. Буслаевѣ» г. Танкова, гдѣ покойный профессоръ Московскаго университета представленъ его бывшимъ слушателемъ въ образѣ живого человѣка, со всей его плотью и кровью.

Ѳ. И. Буслаевъ родился 13-го апрѣля 1818 г. въ г. Керенскѣ, Пензенской губерніи, гдѣ его отецъ занималъ небольшое мѣсто въ земскомъ судѣ. Потерявъ рано отца, онъ остался на рукахъ матери, которая переѣхала на постоянное жительство въ губернскій городъ, гдѣ, пользуясь хорошимъ достаткомъ, оставшимся ей послѣ отца, зажила вдвоемъ съ сыномъ, не зная нужды и печали. Но этимъ спокойнымъ днямъ не суждено было долго длиться, и молодая вдова черезъ два года послѣ смерти перваго мужа вышла вторично замужъ. Отчимъ маленькаго Буслаева былъ человѣкъ неважной нравственности, кутила и мотъ, который успѣлъ въ короткое время совершенно разорить свою семью и внести сюда горе и матеріальное лишеніе. Холерный 1830 годъ положилъ конецъ безпутной жизни этого человѣка, который не остерегся заразы и скончался, оставивъ жену съ нѣсколькими уже малолѣтними дѣтьми на рукахъ и почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. «Ничто такъ не скрѣпляетъ дружбу, какъ страданіе вдвоемъ,—говоритъ Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Вѣстникъ Европы» 1890—1892 гг.),—и въ это скорбное, безнадежное время я сталъ для матушки не только горячо любящимъ сыномъ, но и задушевнымъ искреннимъ другомъ, съ которымъ она вмѣстѣ страдала и проливала горькія слезы. Несчастіе сильно способствуетъ развитію дѣтей. Будучи только двѣнадцати лѣтъ, я уже чувствовалъ и поступалъ, какъ взрослый, когда дѣло касалось моей злополучной матери».

Такимъ образомъ, изъ этихъ словъ мы наглядно убѣждаемся, что товарищеское сближеніе съ матерью на почвѣ домашняго горя

служить для двѣнадцатилѣтняго Буслаева т
мировался его характеръ и складывался его
бящей матери, ея вліяніе на воспитаніе сын
витіе сослужили Буслаеву добрую службу: ей
какъ своимъ первоначальнымъ образованіемъ
ученой карьеры словесника. Женщина прост
тера, любящаго сердца и высокой нравств
яснымъ умомъ понимала все значеніе въ жи
рошаго образованія и потому не пожалѣла с
вить въ провинціальной глуши сыну все ну
просвѣщеннымъ человѣкомъ. Сначала она по
ную гимназію, гдѣ по окончаніи всѣхъ четь
годичныхъ классовъ онъ отдается ею въ дома
изъ лучшихъ преподавателей пензенской ду
приготовленія къ университетскому экзамену
формальнымъ ходомъ воспитанія сына, она
попеченіями его духовнаго развитія и за стѣ
нія. Въ этихъ видахъ она совмѣстно съ ним
мится съ имѣвшейся у нихъ въ домѣ библіо
сыномъ исторію русской литературы на налич
весности и пріучаетъ его къ охотѣ чтенія ка
веденіи, такъ и легкихъ. Выборъ чтенія, судя
Буслаева, былъ въ его распоряженіи очень бо
ліотекѣ, обрѣтались и разные «Сонники», «Б
«Уложеніе Алексѣя Михайловича», и собраніе
Долгорукова, Жуковскаго, и наконецъ «Полярн
Послѣднее изданіе было для молоденькаго гим
христоматія современной русской литературы,
наставительная и столько же плодотворная сво
обаяніемъ» въ интересахъ его «нравственнаго
При содѣйствіи же матери Буслаевъ еще на
познакомился въ рукописи съ «Горе отъ ума»
въ родительскомъ домѣ впервые пришелъ въ
ряннаго рая» Мильтона, которымъ зачитывал
годы своей жизни.

Такое препровожденіе времени въ сообщест
ложило прочный фундаментъ въ образованіи
въ немъ уже въ молодыхъ годахъ любовь
весности и родному языку. Но рядомъ съ
благотворно повліяла на ходъ его умственна
ская гимназія, которую Буслаевъ и до старос
съ чувствомъ любви и глубокой признательн

Это дореформенное учебное заведеніе рис
наго академика привлекательными красками,
серьезными интересами, и основательными

ности по русской словесности и по нѣмецкому языку, и любовью къ писательству, которое было въ то время чрезвычайно распространено среди гимназистовъ, а что всего важнѣе—бодрымъ и здоровымъ взглядомъ на жизнь и на предстоящій трудовой путь. «И какъ же мы любили свою милую гимназію! — восклицаетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».—Въ «неурочное» время, т. е., когда не сидѣли мы смирно на скамьяхъ передъ учителемъ, считали мы ее своею собственностью, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому что тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти... Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя похожденія». Общеніе съ товарищами, взаимная самопомощь и постоянный серьезный обмѣнъ мыслей оказали Буслаеву также не мало пользы. «Большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ,—говоритъ онъ,—по способу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководства и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или что нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія».

По окончаніи гимназіи, Буслаевъ еще остался на годъ въ Пензѣ, причемъ мать пригласила въ домъ для приготовленія сына къ университетскому экзамену и для пополненія его образованія одного изъ лучшихъ семинарскихъ мѣстныхъ преподавателей, Львова, кандидата Московской духовной академіи, который и прошелъ съ своимъ ученикомъ курсы латинскаго и греческаго языковъ, а также ознакомилъ его съ первыми основаніями философіи. Въ этотъ періодъ времени Буслаевъ также сошелся съ жившими въ домѣ нѣсколькими семинаристами, которые въ значительной степени содѣйствовали расширенію круга его гимназическихъ познаній. Такимъ образомъ, школьное обученіе покойнаго академика состояло изъ двухъ, приведенныхъ въ стройный порядокъ и организованныхъ бдительными попеченіями его матери, періодовъ — гимназическаго и семинарскаго, которые, въ связи съ домашнимъ воспитаніемъ, пробудили въ немъ любовь къ наукѣ, сдѣлавшейся для него уже въ раннемъ возростѣ предметомъ и цѣлью жизни.

Молодой Буслаевъ, стремясь матеріально скрасить дни бѣдности горячо любимой матери, желалъ сдѣлаться медикомъ, усматривая въ медицинской профессіи болѣе обезпеченный и вѣрный для того времени кусокъ хлѣба, но сердце родительское въ данномъ случаѣ оказалось болѣе чутко, и мать Буслаева рѣшительно воспротивилась намѣреніямъ сына. Она понимала, что медицинскія науки и практическія обязанности доктора не найдутъ въ натурѣ сына и складѣ его ума плодотворной почвы для своего развитія, почему и настояла, чтобъ онъ готовился къ поступленію въ Московскій университъ по

словесному (нынѣ историко-филологическому) факультету. Насколько мать правильно понимала призваніе сына и зорко предвидѣла его будущій жизненный путь, видно изъ слѣдующаго ея письма къ московскимъ родственникамъ въ бытность Буслаева въ университетѣ. «Боюсь, не охладилъ бы онъ васъ,—писала она,—онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ; и его, кромѣ наукъ, ничто, кажется, не разгорячитъ».

Поступивъ въ 1834 г., по сдачѣ предварительнаго экзамена, на словесный факультетъ казеннокоштнымъ студентомъ, Буслаевъ поселился въ тогдашнемъ общежитіи при университетѣ и зажилъ тою содержательною и полною научныхъ интересовъ студенческою жизнью тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, которые уже столько разъ были описаны въ нашей литературѣ.

Блестящій составъ тогдашней университетской молодежи, въ который попалъ и съ которымъ соприкасался 16-ти-лѣтній студентъ Буслаевъ, можетъ быть лучше всего рекомендованъ перечисленіемъ именъ, составившихъ себѣ въ нашемъ отечествѣ громкую репутацію выдающихся общественныхъ дѣятелей. Тутъ были—Ю. Ѳ. Самаринъ, А. Ѳ. Бычковъ, М. Н. Катковъ, П. Н. Кудрявцевъ, Эминъ, графъ И. Д. Деляновъ, А. Н. Поповъ, князь Черкасскій и многіе другіе.

Что касается преподавательскаго персонала, то таковой, за время студенчества Буслаева, раздѣлялся на три категоріи. Первая состояла изъ стариковъ, бывшихъ профессорами съ начала столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли студентовъ своею оригинальностью и причудами. На ихъ лекціяхъ, а въ особенности у Каченовскаго, молодежь, съ Ю. Самаринымъ во главѣ, Богъ знаетъ что творила и школьничала до упаду. Представителемъ второй категоріи былъ извѣстный профессоръ И. Давыдовъ, читавшій теорію словесности по руководству Блера, которое онъ стремился перестроить на новыхъ основаніяхъ Шеллинговой философіи. Давыдовъ, презиравшій старую до-Петровскую письменную словесность, а также народные элементы словесности, конечно, не могъ дать новаго направленія умственнымъ интересамъ Буслаева, и являлся въ его глазахъ лишь комментаторомъ къ тому, что имъ было пріобрѣтено на урокахъ въ пензенской гимназіи. Однако, именно этому профессору онъ былъ обязанъ знакомствомъ съ изслѣдованіемъ Вильгельма Гумбольдта «О сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ», оказавшимъ впослѣдствіи рѣшающее вліяніе на ходъ его ученыхъ розысканій. Къ третьей категоріи профессоровъ, которые уже всецѣло могутъ считаться непосредственными учителями и руководителями Буслаева, должно отнести—Надеждина, Погодина, Шевырева и Крюкова; но и изъ числа этихъ особенно приходится, по оказанному вліянію на направленіе научныхъ симпатій молодого студента, отмѣтить Шевырева и Погодина.

Вспоминая впослѣдствіи лекціи Шевырева въ первый же годъ

студенчества, Буслаевъ такъ опредѣляетъ ихъ вліяніе на ходъ своихъ собственныхъ занятій: «...Лекціи Шевырева производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почуялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его. Чтобъ дать вамъ понятіе о силѣ животворнаго дѣйствія, оказаннаго на меня Степаномъ Петровичемъ въ его филологическихъ наблюденіяхъ и анализахъ, достаточно будетъ сказать, что они воодушевляли меня и были положены въ основу моихъ грамматическихъ и стилистическихъ изслѣдованій, когда я работалъ надъ составленіемъ моего сочиненія «О преподаваніи отечественнаго языка».

Что касается Погодина, то вліяніе его на Буслаева было также очень велико и обрисовано послѣднимъ въ «Воспоминаніяхъ» слѣдующимъ образомъ: «На старшихъ курсахъ Погодинъ читалъ намъ уже настоящій свой предметъ—исторію Россіи. Въ этихъ лекціяхъ больше всего заинтересовалъ меня вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русовъ. Я обратился къ Михаилу Петровичу съ просьбою указать мнѣ какое нибудь руководство для изученія древнихъ нѣмецкихъ нарѣчій. Онъ назвалъ мнѣ грамматику Якова Гримма и велѣлъ обратиться за этимъ сочиненіемъ къ профессору Рѣдкину, читавшему тогда въ Московскомъ университетѣ энциклопедію и философію права. Такимъ образомъ изъ устъ Погодина въ первый разъ услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей. Погодину же я обязанъ великою благодарностью и за то, что онъ первый научилъ меня читать и разбирать наши старинныя рукописи, во множествѣ собранныя въ его такъ называемомъ древлехранилищѣ». Разсказавъ, какъ онъ работалъ подъ руководствомъ Погодина, Буслаевъ отмѣчаетъ, что во время этихъ занятій онъ ознакомился на образцахъ, по оригиналамъ, съ разными почерками стариннаго письма: съ уставнымъ, полууставнымъ и съ скорописью, мудрые завитки которой профессоръ училъ его разбирать по складамъ.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что Буслаевъ, будучи студентомъ, сильно интересовался раскрывавшимися знаніями и всецѣло поглощенъ былъ своею научною подготовкой къ возможной будущей ученой карьерѣ. Такъ, когда однажды посѣтившая его въ Москвѣ мать застала сына за составленіемъ по черновому наброску лекціи Погодина и попросила ознакомить ее съ содержаніемъ прочитаннаго профессоромъ, Буслаевъ незамѣтно для себя воодушевился до такой степени, что перешелъ въ роль настоящаго лектора,

принявъ осанку, жесты и голосъ Погодина. «Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любуется—и, наконецъ, не вытерпѣла, расхохоталась, обнимаетъ и цѣлуетъ. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую каѳедру»,—вспоминалъ впослѣдствіи Буслаевъ свои студенческія занятія.

Избравъ себѣ отдѣленіе славянорусское, онъ, по желанію Давыдова, перевелъ «Общую грамматику» Дю-Саси, въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера, на русскій языкъ и добавилъ сюда русскія и церковно-славянскія грамматическія подробности. Этотъ трудъ былъ одобренъ факультетомъ и предназначенъ даже къ напечатанію; но это почему-то не состоялось, и въ настоящее время работа Буслаева хранится въ рукописномъ отдѣлѣ Румянцевскаго музея. Точно также и по желанію Шевырева имъ былъ составленъ большой трудъ: «Систематическій сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ, или полныхъ, грамматикъ Греча и Востокова и церковно-славянской Добровскаго».

Съ такимъ наличнымъ запасомъ обширныхъ свѣдѣній по филологіи окончилъ въ 1838 году курсъ Буслаевъ, вполнѣ подготовленный по складу своихъ дарованій и научнымъ симпатіямъ къ тому, чтобы рано или поздно вторично переступить порогъ Московскаго университета, но уже въ качествѣ претендента на каѳедру и и руководителя молодежи.

Сейчасъ же, по окончаніи курса, Ѳедоръ Ивановичъ былъ рекомендованъ инспекторомъ студентовъ домашнимъ учителемъ къ московскому аристократу, барону Боде, приготовлять старшаго сына Боде въ пажескій корпусъ и заниматься съ меньшими дѣтями русскимъ языкомъ. Сохраняя мѣсто въ этомъ горячо любившемъ его аристократическомъ семействѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, осенью 1838 года, занялъ должность сверхштатнаго учителя въ младшихъ классахъ 2-й московской гимназіи; но педагогика въ среднемъ учебномъ заведеніи не удовлетворяла его и была ему въ тягость. На счастье Буслаева, извѣстному вельможѣ Николаевскаго времени, попечителю Московскаго округа, графу Строганову, потребовался учитель для сопровожденія его дѣтей за границу и, главнымъ образомъ, въ Италію. Баронъ Боде, хорошо знакомый съ графомъ Строгановымъ, указалъ ему на Буслаева, какъ на молодого человѣка, могущаго вполнѣ удовлетворить его взыскательнымъ требованіямъ. Вслѣдствіе этого онъ покидаетъ учительство въ гимназіи и на два года, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и выгодныхъ условіяхъ, получаетъ своего рода ученую командировку за границу. Графъ Строгановъ, сблизившись съ учителемъ дѣтей, успѣваетъ его полюбить, имъ заинтересовывается и, такимъ образомъ, является въ его жизни тѣмъ третьимъ элементомъ (первымъ должно считаться вліяніе матери, вторымъ—профессоровъ Погодина и Шевырева), который оказываетъ послѣднее и, пожалуй, наиболѣе сильное давленіе на развитіе въ

немъ вкуса къ археологическимъ занятіямъ и любви къ древней письменности. Въ этомъ отношеніи пребываніе въ Италіи, этой странѣ классическихъ памятниковъ, было какъ нельзя болѣе полезно Буслаеву; онъ, съ книгами въ рукахъ, получаетъ здѣсь полную возможность, съ одной стороны, провѣрять накопленныя знанія на многочисленныхъ археологическихъ остаткахъ, а съ другой—пользоваться въ своихъ научныхъ занятіяхъ указаніями высокообразованнаго графа Строганова, который значительно содѣйствуетъ расширенію умственныхъ горизонтовъ своего домашняго учителя и, такъ сказать, энциклопедичности его познаній. Графъ Строгановъ указывалъ ему на полезныя для него книги, знакомилъ его съ методами археологическихъ изслѣдованій, а равнымъ образомъ побуждалъ его хотя нѣсколько, по крайней мѣрѣ, по газетамъ, учиться понимать ходъ современныхъ политическихъ явленій Европы. Насколько послѣднее было необходимо молодому кандидату университета и насколько онъ вообще былъ далекъ отъ вопросовъ живой дѣйствительности, видно хотя бы изъ слѣдующей выдержки его заграничнаго дневника: «Я весь поглощенъ былъ монументальностью Италіи и постольку же мало обращалъ вниманіе на ея жителей, какъ и на разнообразныя красоты ея природы. Впрочемъ, и сами итальянцы имѣли для меня нѣкоторый интересъ, но только по отношенію къ изучаемымъ мною памятникамъ искусства и вообще старины. Мнѣ казалось, что жители этой страны и существуютъ теперь для того только, чтобы охранять завѣтныя сокровища великаго прошедшаго въ своихъ городахъ и услужливо показывать и пояснять ихъ иностранцамъ».

Знакомство съ Дантомъ, Тассомъ, исторіею Италіи Ботта, оказало самое благотворное вліяніе на развитіе въ немъ эстетическаго вкуса и еще болѣе побудило его полюбить литературные и историческіе памятники народовъ; встрѣча же въ Римѣ съ отечественнымъ скульпторомъ Пименовымъ, граверомъ Іорданомъ, посѣщеніе мастерскихъ Иванова и Бруни, окончательно предопредѣлили эстетичность его будущихъ занятій. Особенно важное значеніе имѣло для него знакомство съ Іорданомъ: онъ страстно полюбилъ гравюры, въ особенности старинныя, и на всю жизнь сдѣлался завзятымъ коллекціонеромъ.

Послѣ двухъ почти лѣтъ самой пріятной и полезной жизни въ Италіи, Буслаевъ съ грустью и тоскою покинулъ эту страну и возвратился въ Москву. По дорогѣ онъ старался въ наиболѣе крупныхъ центрахъ просвѣщенія заводить ученыя знакомства, сближаться съ представителями гуманитарныхъ знаній, въ особенности съ филологами и словесниками. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе для его послѣдующихъ научныхъ занятій было знакомство въ Варшавѣ съ извѣстнымъ польскимъ ученымъ Линде, который работалъ въ то время надъ своимъ объемистымъ и столь извѣст-

нымъ словаремъ. Линде не поскупился на указанія молодому русскому ученому методовъ и пріемовъ своихъ лингвистическихъ изысканій, и эти указанія, въ пятидесятыхъ годахъ, особенно пригодились Буслаеву, какъ разноколиберный матеріалъ для его большой грамматики.

По возвращеніи въ Москву, онъ былъ оставленъ графомъ Строгановымъ въ качествѣ личнаго секретаря и, кромѣ того, получилъ мѣсто учителя словесности и русскаго языка въ 3-й гимназіи. Но педагогика въ тѣсномъ и практическомъ смыслѣ слова не была его призваніемъ, и онъ тяготился своимъ положеніемъ учителя гимназіи. Это угнетенное состояніе духа, на которое, вдобавокъ, имѣли неблагопріятное вліяніе дурныя отношенія къ начальству гимназіи, побудило его въ 1846 г. проститься съ преподавательскою дѣятельностью, какъ равно и съ секретарствомъ у Строганова.

Онъ женился на дѣвицѣ изъ дома Сиротининыхъ, обзавелся собственнымъ хозяйствомъ и къ концу того же 1846 г. былъ принятъ, несмотря на отсутствіе ученой степени, въ преподавательскій составъ университета, для замѣщенія оставшейся вакантной каѳедры профессора Давыдова. Впослѣдствіи Буслаевъ любилъ говорить, что онъ былъ первымъ въ Россіи приватъ-доцентомъ. Сближеніе, впрочемъ, съ университетомъ началось для Ѳедора Ивановича еще раньше. Уже съ 1842 г. онъ былъ прикомандированъ къ каѳедрѣ Шевырева и долженъ былъ прочитывать представляемыя послѣднему студентами сочиненія, оцѣнивать ихъ работы и сообщать имъ распоряженія Шевырева въ его отсутствіе. Но прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшей жизни Буслаева, нельзя не отмѣтить того важнаго значенія для его дѣятельности, какъ ученаго лингвиста и изслѣдователя русской фонетики, которое имѣло его почти пятилѣтнее пребываніе у графа Строганова въ качествѣ секретаря.

Попечитель округа, замѣчая выдающіяся способности своего секретаря, пожелалъ въ интересахъ послѣдняго, чтобъ онъ ознакомился обстоятельнѣе съ педагогическою и дидактическою литературою, собранною въ большомъ количествѣ въ его библіотекѣ. Особенно онъ рекомендовалъ ему изученіе классическаго труда Дистервега, а также Магера. Когда Буслаевъ пріобрѣлъ въ этихъ областяхъ достаточныя познанія, графъ Строгановъ сталъ давать ему разныя порученія, имѣвшія предметомъ распространеніе и водвореніе надлежащаго метода въ обученіи русскому языку и словесности въ училищахъ и гимназіяхъ Московскаго округа. Въ этихъ цѣляхъ Буслаевъ составлялъ циркуляры, а иногда и цѣлыя брошюры, которыя въ напечатанномъ видѣ были разсылаемы по округу, напримѣръ, объ обученіи азбукѣ по звуковому методу, о преподаваніи элементарной грамматики и т. д. Работа въ такомъ направленіи дала возможность Буслаеву сдѣлаться знатокомъ русской и церковно-славянской этимологіи и синтаксиса, что, въ связи съ изу-

ченіемъ «Грамматики нѣмецкаго языка» Якова Гримма, помогло ему въ 1844 г. выступить съ замѣчательнымъ трудомъ «О преподаваніи отечественнаго языка», въ 2 томахъ, не потерявшимъ значенія и для нашихъ дней.

Это изслѣдованіе дѣлится на двѣ части; первая посвящена дидактическимъ вопросамъ преподаванія и имѣетъ цѣлью расширить гимназическій курсъ русскаго языка указаніями филологической науки; вторая—наиболѣе важная—есть рядъ изслѣдованій и замѣчаній о свойствахъ, содержаніи и исторической судьбѣ русскаго языка. Здѣсь впервые примѣнены къ отечественному языку сравнительное языкознаніе и историческій методъ, послѣ чего въ филологическихъ изысканіяхъ судебъ русскаго языка наступила уже новая эра, начало которой было именно положено упомянутымъ трудомъ Буслаева. Взявъ въ основаніе своей работы сравнительный и историческій методъ Гримма, онъ примѣняетъ его къ толкованію русскаго языка, его звуковъ и формъ, дѣлаетъ попытку создать исторію народнаго языка и извлекаетъ отсюда матеріалы для военнаго, юридическаго, религіознаго и семейнаго быта русскаго народа и для опредѣленія его языческаго и христіанскаго взгляда на природу.

Трудъ Буслаева, явившійся откровеніемъ для своего времени, былъ чрезвычайно сочувственно встрѣченъ всѣми, кому были дороги судьбы русскаго просвѣщенія, и только знаменитый баронъ Брамбеусъ, при содѣйствіи вторящихъ голосовъ Греча и Булгарина, осыпалъ молодого ученаго насмѣшками, руганью и злословіемъ.

Въ это же время Буслаевъ выступаетъ сотрудникомъ «Москвитянина», помѣщая здѣсь отъ времени до времени рецензіи и мелкія замѣтки.

Съ 1847 г. онъ открылъ свои лекціи русскаго языка и словесности въ Московскомъ университетѣ, которымъ и была почти сплошь посвящена вся его дальнѣйшая научная дѣятельность, до 1881 г., когда онъ не нашелъ возможнымъ продолжать лекторство въ стѣнахъ дорогого ему учебнаго заведенія и вышелъ въ отставку. Здѣсь не приходится распространяться, каково было значеніе Буслаева для студентовъ, какъ профессора и наставника — объ этомъ говорится въ «Воспоминаніяхъ» г. Танкова. Намъ остается только ознакомиться съ дальнѣйшими немногочисленными фактами его не сложной и удивительной по простотѣ жизни и отмѣтить дальнѣйшее развитіе его ученой дѣятельности.

Вся жизнь Буслаева была исключительно наполнена трудами на пользу русской филологической науки и на пользу изученія нашей старинной словесности, а также былеваго эпоса. За этимъ мало что остается для упоминанія съ фактической стороны въ некрологѣ.

Читая въ университетѣ и погруженный въ кабинетныя занятія, онъ не сторонился, однако, и литературныхъ кружковъ Мо-

сквы, гдѣ одинаково всѣми, и тогдашними западниками, и словесниками, привѣтствовался, какъ желанный и дорогой гость. Но, вращаясь въ литературной средѣ, онъ любилъ ея представителей, какъ частныхъ лицъ, какъ людей близкихъ родной ему отросли знанія—словесности; политическія же ихъ убѣжденія, ихъ общественное profession de foi, его мало интересовали, и онъ не вникалъ въ эту сторону ихъ жизни. Такъ, состоя членомъ кружка Грановскаго и будучи близкимъ человѣкомъ къ Кудрявцеву, Соловьеву, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дружилъ и съ Аксаковыми, Хомяковымъ и прочими славянофилами. Характеризуя себя въ своихъ «Воспоминаніяхъ», онъ говоритъ по вопросу о принадлежности къ той или другой политико-общественной группѣ слѣдующее: «Принадлежать къ какой либо партіи было противно моему нраву и обычаю... Я умѣлъ сохранить свою независимость въ борьбѣ западниковъ и славянофиловъ; точно также оставался потомъ въ нейтральномъ положеніи между консерваторами и либералами. Я думалъ, что если какой нибудь принципъ разлагается на двѣ противоположности, то каждый изъ нихъ легко можетъ дойти до безсмысленности и зловредныхъ крайностей. Поэтому я сочувствовалъ многому, что находилъ существеннымъ и цѣннымъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ обѣихъ враждующихъ партій, устраняя отъ себя безразсудныя и опрометчивыя увлеченія той и другой».

Являясь въ нашей литературѣ представителемъ научно-эстетической критики, онъ, конечно, не всегда встрѣчалъ сочувствіе со стороны представителей русскаго реализма пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, которые подчасъ слишкомъ сурово и жестоко подходили къ нему съ мѣркою современности, забывая, что Буслаевъ не общественный дѣятель въ широкомъ смыслѣ слова, а только жрецъ науки, но науки не сухой и схоластической или готовой подлаживаться къ вліятельнымъ требованіямъ сильныхъ міра сего, а проникнутой горячею любовью къ родному народу, его историческимъ судьбамъ и памятникамъ.

Ровное и однообразное теченіе жизни Буслаева было нарушено предложеніемъ ему въ 1859 г. со стороны графа Строганова переѣхать на жительство въ Петербургъ для чтенія лекцій наслѣднику-цесаревичу, Николаю Александровичу. Охотно принявъ это лестное предложеніе, профессоръ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ успѣлъ привязать къ себѣ царственнаго ученика, развить въ немъ любовь къ родной словесности и историческимъ памятникамъ и сохранить отъ этого недолгаго времени самыя лучшія воспоминанія на всю жизнь и сознаніе прекрасно выполненной задачи.

Важнымъ моментомъ въ жизни Буслаева было приглашеніе его (вмѣстѣ съ Галаховымъ) начальникомъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевымъ, принять участіе въ преобразованіи преподаванія русскаго языка и словесности въ этихъ за-

веденіяхъ. Слѣдствіемъ занятій по этому вопросу было составленіе имъ руководящихъ для военныхъ гимназій и училищъ книгъ— «Исторической грамматики русскаго языка» и «Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языка».

Въ теченіе своей профессуры Буслаевъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ учеными цѣлями за границу и всегда придавалъ, въ противность покойному Тихонравову, чрезвычайно важное значеніе въ жизни русскаго ученаго общенія съ представителями западно-европейской культуры. Состоя профессоромъ университета, онъ принималъ дѣятельное участіе въ жизни и другихъ ученыхъ обществъ— «Общества любителей словесности», «Древней письменности», а также былъ избранъ членомъ академіи наукъ.

Въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ профессоръ овдовѣлъ, а въ 1868 г. онъ вступилъ во вторичный бракъ. Таковы главнѣйшіе факты жизни этого замѣчательнаго ученаго. Какъ читатели легко могутъ убѣдиться сами, факты эти не многочисленны и не сложны, но не въ нихъ заключается интересъ его біографіи. Онъ покоится въ его ученыхъ трудахъ и въ томъ значеніи, которое послѣдніе имѣли для развитія русскаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

О его первомъ трудѣ уже сказано достаточно. Второю его капитальною работою была магистерская диссертація, представленная университету въ 1848 г. подъ заглавіемъ «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» и составившая настоящее событіе въ области русской историко-филологической науки. Характеризуя этотъ трудъ черезъ сорокъ лѣтъ, покойный Котляревскій утверждалъ, что въ цѣломъ изслѣдованіе г. Буслаева доселѣ не замѣнено ничѣмъ лучшимъ и остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ «опытовъ исторіи языка», понимаемой не внѣшнимъ образомъ, а въ связи съ движеніемъ жизни и исторіи. Прилагая и къ настоящей работѣ пріемы критическаго изслѣдованія, выработанные нѣмецкою наукою, Буслаевъ приходитъ къ выводу, что славянскій языкъ еще задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей; что въ то время, какъ готскій переводъ Ульфилы сохраняетъ языческія преданія для выраженія христіанскихъ идей, переводъ славянскій отличается бо̀льшею чистотою этого выраженія, вслѣдствіе отстраненія намековъ на языческій, дохристіанскій бытъ, что когда въ языкѣ готскаго перевода замѣчается бо̀льшее развитіе государственныхъ понятій, переводъ славянскій относится къ той порѣ народной жизни, когда въ языкѣ господствовало еще во всей силѣ понятіе о семейныхъ отношеніяхъ и проч.

«Диссертація Буслаева,—говоритъ г. Пыпинъ,—была въ нашей литературѣ совершенною новостью; это былъ первый опытъ примѣнить сравнительное и историческое языкознаніе къ древностямъ славянскаго языка, откуда извлекалась бытовая картина такой далекой поры, на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука».

Тотъ же сравнительно-критическій методъ (
слаевымъ и къ послѣдующимъ его трудамъ вт
нія народной словесности, быта и миѳологіи. I
довъ относятся «Дополненія и прибавленія» к
рова» съ объясненіями стараго языка и нарс
представленій, сочиненіе «Русскія пословицы
ская поэзія XVII вѣка» и, наконецъ, цѣлый ря
области русской старины, впослѣдствіи собран
изданіе «Историческіе очерки народной словес
(два большихъ тома). Въ первомъ томѣ этого
изслѣдованія по народной поэзіи: сначала—гл
метомъ поэзію въ связи съ языкомъ и народны
изученіе славянской поэзіи сравнительно съ п
довъ (германскаго, скандинавскаго); далѣе—нап
вянскихъ племенъ вообще, и, наконецъ—русс
разсматриваются народные элементы древне-ру
искусства.

Принимая для своихъ ученыхъ работъ мет
слаевъ сближался съ нѣмецкимъ ученымъ и в
подобно ему, фантазіей, чутьемъ возстановлялъ с
удачно находилъ въ научныхъ положеніяхъ
фантазіи и такимъ образомъ успѣвалъ извлека
сто разрозненнаго матеріала живыя, яркія кр
картинъ былого доисторическаго времени. Хара
русской науки со стороны Буслаева, Пыпинъ
ляетъ ее: «Въ сочиненіяхъ г. Буслаева сказалис
обладаніе пріемами нѣмецкой филологической
дешифрировать затемнившійся и забытый смы
нія, и то совсѣмъ новое у насъ отношеніе к
только не допускалась мысль о «снисхожденіи
ныхъ понятій и поэзіи, но требовалось къ ни
гдѣ произведенія народной поэзіи излагались
такимъ же признаніемъ ихъ достоинства, како
лучшимъ произведеніямъ искусственной лите
шимъ, если еще не съ большимъ сочувствіем
кія нравственныя начала, лежащія въ ихъ о
ихъ поэтическаго стиля, съ живою образностьи
ная поэзія не можетъ и равняться. Г. Бусл
тельно раскрывать привлекательныя стороны
созданій, какъ до того времени не было еще
тературѣ. Установленіе этого новаго отношені
и поэзіи, кромѣ многихъ въ спеціально-нау
ныхъ изслѣдованій, составляетъ капитальную
которая должна быть высоко оцѣнена въ ис
народности».

Вслѣдъ за «Очерками» въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появился цѣлый рядъ статей Буслаева, имѣющихъ то или другое отношеніе къ народной словесности, древней письменности и археологіи, большинство которыхъ вошло въ составъ отдѣльнаго изданія «Народная поэзія», являющагося какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ «Очерковъ». Это послѣднее изданіе, появившееся въ 1887 г. по предложенію Академіи Наукъ, помимо своего научнаго значенія, важно для характеристики ученой добросовѣстности Буслаева въ томъ именно отношеніи, что здѣсь онъ не остановился передъ сознаніемъ своихъ прежнихъ ошибокъ и увленій. «Изученіе народности,—говоритъ онъ въ предисловіи,—значительно расширилось въ объемѣ и содержаніи, и соотвѣтственно съ новыми открытіями установились иныя точки зрѣнія, которыя привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ называемая Гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, что признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія».

Сознавая такимъ образомъ несовершенство принятаго имъ для изслѣдованія русской жизни метода, Буслаевъ рѣшается окрестить свои работы и изслѣдованія скромнымъ именемъ «Матеріаловъ для исторіи науки по изученію старины и народности». Оставляя въ настоящемъ случаѣ въ сторонѣ вопросъ о совершенствѣ или несовершенствѣ Гриммовскаго метода, принятаго въ основаніе работъ Буслаевымъ, отмѣтимъ только, что если даже согласиться съ ученымъ въ скромной номенклатурѣ его трудовъ «матеріалами», то и въ такомъ случаѣ значеніе этихъ матеріаловъ настолько велико и имѣло такое вліяніе на ходъ дальнѣйшаго изученія нашей народной жизни и любовнаго ея освѣщенія, что заслуга Буслаева передъ родною землей по всей справедливости должна считаться громадною. Онъ навсегда записалъ свое имя золотыми буквами на скрижали исторіи нашего просвѣщенія и самосознанія, и память о немъ никогда не изгладится въ сердцахъ признательныхъ ему грядущихъ поколѣній.

Кромѣ «Народной поэзіи», въ восьмидесятыхъ же годахъ Буслаевымъ было издано собраніе статей подъ заглавіемъ «Мои досуги» изъ путешествій на западѣ и очерковъ по исторіи литературы и искусства, а еще ранѣе того имъ было отпечатано изданіе «Толковаго апокалипсиса» по рукописямъ VI—XVII вѣка, съ атласомъ въ 400 рисунковъ, представляющее чрезвычайно важный вкладъ въ исторію русскихъ лицевыхъ изображеній.

Послѣдніе годы Буслаевъ провелъ въ т
страданіяхъ и уже не былъ въ состояніи
трудамъ. Первымъ ударомъ для него было
тѣмъ въ началѣ текущаго года у него откры
няя болѣзнь—ракъ, которая и привела его к
на дачѣ, въ селѣ Люблинѣ, 31 іюля, въ 11 ч
длилась собственно въ теченіе многихъ дней,
были для него тихи и покойны.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія К. Д. Кавелина. Томъ I. Монографіи по русской исторіи. Съ портретомъ автора, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями профессора Д. А. Корсакова. Спб. 1897.

Ъ 1859 года, то-есть почти въ теченіе сорока лѣтъ, не было издаваемо сочиненій К. Д. Кавелина,—этого нѣкогда столь извѣстнаго ученаго русскаго историка и юриста, проводника либеральныхъ воззрѣній въ наше общество, неустаннаго борца противъ крѣпостнаго права, друга и заступника молодаго, учащагося поколѣнія и крестьянства, своеобразнаго мыслителя и глубоко-честнаго общественнаго дѣятеля. Въ 1859 году, еще при жизни автора, напечатаны въ Москвѣ четыре небольшіе томика его сочиненій, изданные Солдатенковымъ и Щепкинымъ; въ это собраніе вошло все, что было написано Кавелинымъ до 1858 года включительно; не вошла въ него только его «Записка объ освобождении крестьянъ», составленная въ 1855 году и главнѣйшій принципъ которой—освобожденіе крестьянъ съ землею посредствомъ выкупа—легъ въ основаніе «Положеній» 19-го февраля 1861 года: въ то время «Записка» не могла появиться въ печати.

Съ 1859 года до конца жизни (К. Д. Кавелинъ скончался 3 мая 1885 г.), Кавелинъ написалъ и напечаталъ очень много, по крайней мѣрѣ въ четверо больше того, что вошло въ московское изданіе его сочиненій, — и все это до сихъ поръ оставалось, такъ сказать, подъ спудомъ, погребеннымъ въ старыхъ журналахъ, газетахъ, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ (весьма, впрочемъ, немногихъ)

изданіяхъ и даже рукописяхъ. Люди, лично знавшіе Ка
вавшіеся его статьями, нерѣдко съ большимъ трудомъ
производя для того утомительныя экскурсіи въ покры
газетъ и журналовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, забытыхъ н
ственныхъ и частныхъ библіотекъ, — но и то могли по
Новыя поколѣнія восьмидесятыхъ и девяностыхъ годов
весьма смутное представленіе, знаютъ о немъ очень нем
то больше изъ устъ профессоровъ русской исторіи, ист
права гражданскаго. Для нихъ Кавелинъ, въ большинст
безъ лица», одна изъ тѣхъ неопредѣленныхъ ученых
упоминаются въ учебникахъ и курсахъ—Кавелинъ чело
пагандистъ просвѣтительныхъ идей, Кавелинъ—публици
Немногіе изъ людей этого поколѣнія знаютъ, что проф
минаемый въ университетскихъ лекціяхъ, принадлежал
ной плеядѣ подвижниковъ русскаго просвѣщенія, котор
немъ «людей сороковыхъ годовъ»; не многіе изъ нихъ
и дѣятельность неразрывно связаны съ такими именами,
новскій и Тургеневъ съ одной стороны и съ лучшими п
нофильства—съ другой, и что онъ былъ однимъ изъ са
телей въ вопросѣ объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ
чинъ столь малаго знакомства съ Кавелинымъ новых
безъ сомнѣнія, является отсутствіе по возможности по
неній: Бѣлинскаго, Грановскаго, Тургенева — знают
собранія ихъ сочиненій, и эти изданія вызываютъ ста
недавно послѣднее изданіе сочиненій Грановскаго соз
графій о немъ и дало поводъ г. Чешихину написать о
и интересную книгу.

Настоящее изданіе сочиненій Кавелина, которое
исключительно благодаря энергіи и заботамъ Л. З.
именно, главнымъ образомъ, задачу дать возможность
лѣніямъ, людямъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годов
велина, какъ знаютъ его немногіе изъ остающихся
никовъ, эти «орлы изъ стаи славной»—люди сороковы
его люди позднѣйшихъ общественныхъ формацій,— п
сятыхъ годовъ. Другая задача изданія—дать возможн
Кавелина, имѣть въ рукахъ, если не безусловно все им
нѣйшее изъ написаннаго.

Изданіе разсчитано на четыре тома, по 30-ти листо
восьмушку, въ два столбца. Первый вышедшій то
монографіи по русской исторіи, съ 1847 года по 187
состоятъ изъ публицистическихъ статей, открываясь «
освобожденіи крестьянъ и представляя публикѣ въ
въ одно цѣлое статей Кавелина по общественнымъ
по 1885 годъ, за знаменательныя тридцать лѣтъ «со
сіи (histoire moderne, какъ говорятъ французы), урав

ключемъ для пониманія теперешней, окружающей насъ, дѣйствительности. Третій томъ посвященъ статьямъ о наукѣ и философіи, четвертый — монографіямъ по правовѣдѣнію и этнографіи.

Уже первый томъ дастъ больше, чѣмъ было обѣщано. Во-первыхъ, въ немъ не 30, а слишкомъ 35 печатныхъ листовъ, то-есть болѣе 550 двойныхъ страницъ убористой, четкой печати; во-вторыхъ, къ нему приложены: 1) портретъ Кавелина, очень хорошо исполненный фототипіей, г. Классеномъ, и живо изображающій Кавелина 26-ти-лѣтнимъ молодымъ профессоромъ Московскаго университета, во вторую половину сороковыхъ годовъ; 3) примѣчанія прекрасно характеризуютъ Кавелина-человѣка; fac-simile подъ его портретомъ и эпиграфъ къ біографическому очерку, — и тотъ и другой изъ писемъ его къ сестрѣ, Софьѣ Дмитріевнѣ Корсаковой; первый относится къ 1842 году, второй—къ 1879 году. Въ письмѣ 1842 года, Кавелинъ, въ то время находившійся противъ своего желанія на службѣ въ Петербургѣ, заявляетъ сестрѣ о томъ противорѣчіи, какое существуетъ между его умственными и нравственными стремленіями и окружающей его дѣйствительностью; въ письмѣ 1879 г., подъ вліяніемъ страшнаго семейнаго несчастія — смерти высокодаровитой дочери, Софьи Константиновны Брюловой († 1877 г.), а затѣмъ и жены († 1879 г.), Кавелинъ писалъ: «Топи жизнь въ дѣятельности, не задумывайся надъ личными вопросами—вотъ мой девизъ издавна, а то сердце лопнетъ. Когда умрешь.., останутся для людей мысли, дѣла, труды — то, что человѣкъ произвелъ умственнаго, сердечнаго, нравственнаго для другихъ. Этимъ его будутъ поминать, а если и забудется имя, то дѣло останется для другихъ, хотя бы и забылось, отъ кого оно пошло». Такъ смотрѣлъ Кавелинъ на свои житейскія задачи и такъ понималъ онъ свое личное участіе въ общей, коллективной жизни людей. Мы не имѣемъ возможности войти въ настоящей рецензіи въ любопытныя подробности, для разъясненія такого самопониманія Кавелина. Посильное рѣшеніе тому мы дали въ біографическомъ очеркѣ Константина Дмитріевича при разсматриваемомъ томѣ его «Сочиненій». Замѣтимъ здѣсь только, что имя Кавелина не забудется никѣмъ, кому дѣйствительно дороги просвѣщеніе и умственное и нравственное преуспѣяніе земли Русской, — не забудется именно благодаря тому, что онъ произвелъ умственнаго, сердечнаго, нравственнаго для другихъ, а произвелъ онъ очень много. Въ сочиненіяхъ его собраны итоги его умственныхъ произведеній, а его сердечныя, нравственныя дѣла составляли сущность его жизни. Ихъ разскажетъ когда нибудь потомству его подробная біографія.

Въ вышедшемъ первомъ томѣ сочиненій собрано двадцать семь разсужденій, критическихъ статей, рецензій и замѣтокъ Кавелина по русской исторіи; большинство изъ нихъ перепечатано изъ изданія сочиненій 1859 года, потому что до этого года Кавелинъ писалъ преимущественно по русской исторіи, и лишь четыре являются въ теперешнемъ изданіи вновь, какъ написанныя имъ въ 1860-хъ годахъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ настоящее время возможность вполнѣ выяснить себѣ историческія воззрѣнія Кавелина. Но этотъ важный вопросъ мы принуждены оставить открытымъ до появленія по крайней мѣрѣ второго тома его «Собранія сочиненій», такъ какъ истори-

ческія воззрѣнія Кавелина неразрывно связаны съ его
скими, общественными, философскими и юридически
являлась архивною стариной, а живою дѣйствительно
прошлое, и комментаріемъ къ современной политич
жизни; живою, преемственною цѣпью явленій соединял
настоящимъ, дополняя одно другое, взаимно объясняя
боко и широко понималъ онъ исторію, стремясь най
теперешней общественности основныя начала и выясни
принципы общественнаго развитія и прогресса. Познак
рическаго Вѣстника» лишь съ главнѣйшими изъ ст
I-мъ томѣ.

Онъ открывается статьей, надѣлавшей при своемъ
много шуму,—«Взглядомъ на юридическій бытъ древн
ющей въ сжатой формѣ выводы университетскихъ чте
русскаго права въ Московскомъ университетѣ за 184
высказываетъ необходимость общей, руководящей идеи
исторіи и предлагаетъ стройную теорію развитія внут
Россіи путемъ постепенной эволюціи личности изъ перво
семейнаго быта славяно-русскихъ племенъ. Эта теорія
въ цѣломъ рядѣ ученыхъ монографій, образовала въ
особую школу, извѣстную подъ именемъ «школы родов
которой, по справедливости, является Кавелинъ. «В
бытъ» прочно поставилъ Кавелина среди «западников
ющему значенію въ исторіи русскаго общественнаго р
дилъ реформѣ Петра Великаго, и этимъ самымъ воз
«славянофиловъ». Противникомъ Кавелина еще ран
динъ, представитель «стараго» направленія въ русско
его профессоръ, отрицавшій всякій философскій, тео
разработкѣ и въ пониманіи русской исторіи.

Разборъ историческихъ трудовъ Погодина, изд
(стр. 95—252), и критика славянофильскихъ воззрѣ
марину (стр. 67—96) и въ разборѣ двухъ сборниковъ
689—746) — еще болѣе выясняютъ намъ теоретич
въ области русской исторіи и его критическіе пріем
ванія. Возражая своимъ противникамъ, Кавелинъ п
выступавшаго на ученое поприще другаго крупнаг
родового быта»—С. М. Соловьева, цѣлымъ рядомъ соч
(стр. 253—508).

Въ пятидесятыхъ годахъ замѣчается измѣненіе
ніяхъ Кавелина. Будучи въ отмѣченныхъ выше ста
преимущественно историкомъ-теоретикомъ, онъ, под
графіей, изученія современнаго намъ быта русскаго
переходитъ на реальную, бытовую почву, дѣлая бол
ламъ, ранѣе западниковъ подмѣтившихъ многія быт
народа, и во главѣ ихъ сельскую общину. Начиная

Кавелинъ является страстнымъ сторонникомъ общиннаго начала, что ясно выражается въ его разборѣ книги Б. Н. Чичерина, одного изъ крайнихъ послѣдователей «школы родового быта», — «Объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ» (стр. 507—570).

Еще болѣе приближается Кавелинъ къ славянофиламъ въ своихъ историческихъ воззрѣніяхъ шестидесятыхъ годовъ, выражая ихъ въ двухъ монографіяхъ: «Краткій взглядъ на русскую исторію» 1863—1864 года и «Мысли и замѣтки о русской исторіи» 1866 года (стр. 569—676). Онъ признаетъ въ этихъ статьяхъ: православіе, какъ самобытное выраженіе русскаго народнаго самосознанія, самодержавную верховную власть, какъ развитіе вотчинно-хозяйственныхъ общественныхъ основъ великорусскаго племени, и бытовыя и культурныя особенности русской народной массы. Но въ двухъ основныхъ пунктахъ славянофильскаго ученія, Кавелинъ не могъ попрежнему быть солидаренъ съ нимъ, а именно: 1) въ вопросѣ вѣроисповѣдномъ, составляющемъ сущность славянофильства, и 2) въ признаніи важнаго историческаго значенія для Россіи реформы Петра Великаго. Но и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ Кавелинъ сходился съ славянофилами, онъ былъ самобытенъ. Онъ по своему понималъ и православіе, и самодержавіе, и народность—въ высокомъ, идеальномъ ихъ значеніи; но онъ никогда не закрывалъ глаза передъ неприглядными сторонами русскаго религіознаго и политическаго пониманія и передъ низкою культурой русскаго крестьянина.

Вотъ три главнѣйшихъ фазиса историческихъ воззрѣній Кавелина, которые проходятъ передъ читателемъ I-го тома его сочиненій въ цѣломъ рядѣ монографій и изслѣдованій, написанныхъ въ теченіе двадцати шести лѣтъ. Историкъ мыслитель и историкъ критикъ попреимуществу, Кавелинъ по синтетическому складу своего ума представилъ въ этихъ статьяхъ столько важныхъ обобщеній въ области русской исторіи, далъ столько детальныхъ и спеціальныхъ указаній для разработки частныхъ ея вопросовъ, что не только спеціалистъ-ученый, но каждый образованный и мыслящій человѣкъ, мы въ томъ увѣрены, не разъ будетъ обращаться къ I-му тому его «Сочиненій» за совѣтами и указаніями при своихъ размышленіяхъ о прошлыхъ и настоящихъ судьбахъ русскаго народа.

Д. Корсаковъ.

А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 1897.

«Смерть выдающагося общественнаго или государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокіе брызги воды, широкіе, волнующіе круги... а затѣмъ все сомкнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которой все скрыто, все забыто»...

Холодное и лѣнивое любопытство, сопровождающее дѣятеля при жизни, тотчасъ послѣ смерти взрывъ чувства скорби «менѣе долговѣчной, чѣмъ башмаки матери Гамлета», потомъ равнодушіе и полнѣйшее забвеніе—таковы наши отношенія къ выдающемуся дѣятелю. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ,

исчезаетъ самая память о немъ, при имени его у насъ
кого представленія, и намъ приходится потирать голову
кто это?»

Такой участи не избѣгъ и Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ,
скихъ тюремныхъ больницъ за время съ 1829 года
когда-то гремѣвшее въ Москвѣ, да не только въ Москв
кому москвичу, съ генералъ-губернатора до послѣдняго
вопросъ, знаетъ ли онъ Гааза, отвѣчалъ: «Да какъ ж
знать: вся Москва его знаетъ. Онъ помогаетъ бѣдны
мами»... А между тѣмъ, не прошло еще полвѣка, а и
умѣніе у большинства, извѣстно лишь очень немноги
совсѣмъ, если бы А. Ѳ. Кони не пришлось совершенно
съ данными, относящимися къ дѣятельности Гааза. А.
Гааза, и за это открытіе нужно благодарить г. Кони
Ѳ. П. Гаазу, должны быть близки и дороги обществу,
вершенно погрязнуть въ низменной суетѣ эгоистически

Исторія жизни Ѳ. П. Гааза имѣетъ двоякій интер
Общій интересъ ея въ томъ, въ чемъ вообще интересъ
какъ Францискъ Ассизскій, какъ нѣкоторые святые.
о нихъ, скажемъ словами г. Кони, утѣшеніе для тѣхъ,
дать минуты малодушнаго невѣрія въ возможность и о
справедливости на землѣ. Исторія жизни Ѳ. П. Гааза
въ жизни христіанскаго идеала: любви къ людямъ. «С
счастію,—писалъ Гаазъ своему воспитаннику,—не въ
вымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми.
мать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться тр
томъ и дѣломъ, словомъ любить ихъ, причемъ, чѣ
любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно т
сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрер
ствіи». «Торопитесь дѣлать добро! — завѣщалъ Гаазъ
прощать, желайте примиренія, побѣждайте зло добр
всегда говоритъ дѣятельное христіанство. И истинно
Петровичу Гаазу пришлось сталкиваться съ христіа
(Въ борьбѣ съ формальнымъ христіанствомъ — содерж
христіанина). Любопытнѣйшіе эпизоды изъ этой борь
94, 95 стр. и 104 и 105 стр. книжки г. Кони. Но
могли остановить истинной христіанской дѣятельност
выраженію Пастера, кончался для Ѳ. П. тамъ, гдѣ на

Біографія Ѳ. П. Гааза интересна, потому что инт
которой онъ дѣйствовалъ, какъ членъ московскаго по
комитета. Въ исторіи дѣятельности Ѳ. П. по тюрем
поучительны столкновенія стремленій Гааза внести хр
дѣло съ формализмомъ чиновничества, убивающимъ вс

Ѳ. П. Гаазъ вступилъ въ должность члена тюр
дующими убѣжденіями: «Между преступленіемъ, несч

тѣсная связь,—трудно, а иногда и невозможно отграничить одно отъ другого и что отсюда вытекаетъ и трoякаго рода отношеніе къ лишенному свободы. Необходимо справедливое, безъ напрасной жестокости, отношеніе къ виновному, дѣятельное сострадание къ несчастному и призрѣніе больного». Такія убѣжденія были не по плечу людямъ, стоявшимъ у тюремнаго правленія. «За виновнымъ отрицались всѣ человѣческія права и потребности, больному отказывалось въ дѣйствительной помощи, несчастному въ участіи». На борьбу съ этимъ порядкомъ вещей и выступилъ Ѳедоръ Петровичъ, боролся онъ съ нимъ всю свою жизнь, не покладая рукъ. Мы не станемъ передавать исторіи этой борьбы, отсылая читателя къ книгѣ г. Кони, но мы не можемъ не остановиться на одномъ эпизодѣ этой борьбы: эпизодъ этотъ покажетъ, до какой жестокости и черствости доходилъ формализмъ—основа тогдашняго порядка вещей, стѣна, отдѣляющая чиновника отъ человѣка.

Нужно сказать, что ссыльные въ то время препровождались, человѣкъ по 6—10 на желѣзномъ прутѣ. На этотъ прутъ, имѣвшій ушко и запиравшійся замкомъ, нанизывались запястья, желѣзныя кольца, въ которыхъ были руки арестантовъ. Ничѣмъ не обшитое желѣзо колецъ лѣтомъ сжигало, а зимой отмораживало руки арестантовъ. С. В. Максимовъ со словъ арестанта записалъ: «лѣтомъ цѣпь суставы ломитъ, зимой отъ нея всѣ кости ноютъ; въ нашей партіи цѣпь настыла, холоднѣе самого мороза стала, и чего-чего мы на переходѣ не напринимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, таково маятно и больно, и не въ людскую силу, и не въ лошадиную!»... Гаазъ забилъ тревогу, видя мученія арестантовъ, подавалъ массу записокъ съ предложеніемъ обшивать кожей наручни. И тутъ пришлось столкнуться ему съ формализмомъ. «Г. Капцевичъ, въ ослѣпленіи служебнаго самолюбія, указывалъ, что обшивка наручниковъ кожей или сукномъ ослабитъ ихъ и создастъ пустоту, удобную для снятія ихъ, и сомнѣвался, чтобы наручникъ могъ производить холодъ, ибо желѣзо, согрѣваясь отъ голой руки и отъ рукава кафтана, не должно мерзнуть».

Любопытно было бы, если бы г. Кони, говоря о тюремныхъ порядкахъ 20-хъ годовъ, приводилъ параллели изъ современнаго положенія: тогда было бы видно, какіе успѣхи сдѣлалъ нашъ формализмъ.

Блестящая статья А. Ѳ. Кони, печатавшаяся въ началѣ этого года въ «Вѣстникѣ Европы», была въ свое время замѣчена прессой. Съ рѣдкимъ у насъ единодушіемъ сдѣлана была оцѣнка этой статьи. Кажется, нѣтъ ни одного періодическаго изданія, которое не эксплуатировало бы этой статьи въ болѣе или менѣе пространныхъ извлеченіяхъ изъ нея, знакомя читателя съ личностью Гааза. Выпущенная отдѣльною книжкой, статья эта найдетъ, безъ сомнѣнія, широкое распространеніе въ средѣ нашей интеллигенціи. Намъ, кажется, что еще бóльшее распространеніе должна получить книжка г. Кони среди тѣхъ темныхъ людей, бѣдняковъ, отверженцевъ общества, на службу которымъ положилъ свою жизнь Гаазъ: вѣдь для нихъ, не забывшихъ Гааза, воспоминаніе о святомъ докторѣ драгоцѣннѣе, чѣмъ для нашего общества, которое, «оставаясь вѣрнымъ себѣ, не сохранило памяти о Гаазѣ». Въ народной средѣ книжка г. Кони принесла бы дѣйствительную пользу, а для того, чтобы можно было

пустить эту книжку въ народъ, нужно немногое: нужно сдѣлать небольшія измѣненія въ формѣ, не вездѣ доступной простому народу, и выпустить дешевымъ изданіемъ. Щ.

Ѳ. В. Тарановскій. Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава. 1897.

Настоящая книга представляетъ тщательную и кропотливую разработку первоисточниковъ для разрѣшенія вопроса о предѣлахъ и формахъ примѣненія магдебургскаго права въ западно-русскихъ городахъ литовской эпохи, главнымъ образомъ за XVI—XVII столѣтія. Изслѣдованія въ этомъ родѣ требуютъ большого научнаго самоотверженія, ибо часто въ нихъ мало замѣтные и незначительные результаты достигаются только цѣною обильной затраты тяжелаго и скучнаго труда; между тѣмъ лишь на основаніи подобныхъ неблагодарныхъ для авторовъ монографій и можетъ наука установлять сколько нибудь достовѣрныя положенія, приходить къ надежнымъ общимъ выводамъ. Въ указанномъ смыслѣ книга г. Тарановскаго, отнюдь не могущая разсчитывать на читателей неспеціалистовъ и доставить автору широкую извѣстность или популярность, достойна тѣмъ не менѣе всеобщаго сочувствія и благодарности, въ особенности потому, что является добросовѣстнымъ и солиднымъ трудомъ, весьма убѣдительно обосновывающимъ рѣшеніе поднятаго въ немъ спорнаго и сложнаго вопроса. Это не фельетонъ, изъ котораго нечего извлечь наукѣ, а научный вкладъ, изъ котораго не состряпать легковѣснаго фельетона. Исходною точкой изслѣдованія служитъ автору различеніе двоякаго рода памятниковъ магдебургскаго права Рѣчи Посполитой, именно, подлинныхъ первоисточниковъ съ одной и частныхъ популярно-юридическихъ сборниковъ съ другой стороны, а главною задачею—выясненіе взаимныхъ отношеній заимствованнаго магдебургскаго (нѣмецкаго городскаго) права и исконныхъ мѣстныхъ обычаевъ западной Руси. Современная наука не даетъ ей устойчиваго разрѣшенія. Профессоръ Антоновичъ полагаетъ, что заимствованія касались только городскаго устройства, общими же руководящими нормами являлись мѣстные обычаи, профессоръ Владимірскій-Будановъ, напротивъ, думаетъ, что дѣйствующее право русскихъ городовъ всецѣло основывалось на источникахъ заимствованнаго права, вытѣснявшихъ мѣстные обычаи, а профессоръ Кистяковскій считаетъ, что магдебургское право было дѣйствующимъ правомъ русскихъ городовъ черезъ посредство частныхъ популярно-юридическихъ сборниковъ, но измѣнялось подъ вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права, которое дѣйствовало наряду съ нимъ и нерѣдко даже его оттѣсняло. Разборъ фактическихъ данныхъ, особенно архивныхъ судебныхъ актовъ, перепечатанныхъ въ выдержкахъ на заключительныхъ страницахъ книги (187—201) въ видѣ приложенія, приводитъ г. Тарановскаго къ убѣжденію въ правильности послѣдняго мнѣнія, т. е. высказаннаго Кистяковскимъ, причемъ новый изслѣдователь обставляетъ эту мысль стройною мотивировкой и обогащаетъ ее нѣсколькими новыми подробностями. Вторая и бо́льшая часть книги посвящена подробному анализу источниковъ главнѣй-

шихъ частно-юридическихъ сборниковъ, принадлежащихъ Гроицкому и Щербичу, и общей характеристикѣ ихъ историко-политическаго и юридическаго значенія. Общій выводъ автора состоитъ въ томъ мнѣніи, что магдебургское право привилось въ западно-русскихъ городахъ цѣлымъ процессомъ усвоенія, но не законодательнымъ путемъ, а путемъ судебной практики, питавшейся изъ частныхъ популярно-юридическихъ сборниковъ, причемъ, насколько можно судить изъ его очень осторожныхъ словъ на стр. 55, вспомогательную роль играло не заимствованное право, но мѣстный обычай. Послѣднее мнѣніе, если мы вѣрно поняли мысль автора, представляется намъ a priori невѣроятнымъ: все говоритъ въ пользу той мысли, что вспомогательное (субсидіарное) значеніе имѣло заимствованное право, а не мѣстное, хотя бы значеніе и объемъ перваго неизмѣримо превосходили значеніе и объемъ втораго. Такъ было, напримѣръ, и въ Германіи при усвоеніи въ ней римскаго права. Нельзя въ заключеніе не замѣтить, что у насъ какъ-то мало обращено вниманія на любопытнѣйшее совпаденіе по времени и сходство этихъ двухъ процессовъ усвоенія: вытѣсняемое римскимъ правомъ въ Германіи нѣмецкое обычное право какъ бы передвигается на востокъ, причемъ способъ его укорененія на новой почвѣ, популярная литература и полуученая адвокатура,—совершенно тотъ же, что и способъ укорененія въ Германіи вытѣсняющаго его права римскаго. В. В. Н.

Николай Никольскій. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до второй четверти XVII вѣка (1397 — 1625). Томъ первый. Выпускъ I. Объ основаніи и строеніяхъ монастыря. Спб. 1897.

Авторы описаній монастырей главнѣйшею своею цѣлью ставятъ обыкновенно прославленіе обители, вслѣдствіе чего рѣчь ихъ носитъ набожно-панегирическій характеръ, а историческая правда отступаетъ на задній планъ, предоставляя свое мѣсто витійству и назиданію. Такой своеобразный методъ, конечно, нельзя считать ни естественнымъ, ни желательнымъ, потому что подобная «исторія»—очень сомнительнаго свойства и никакого значенія не имѣетъ. А между тѣмъ многоглаголивое велерѣчіе только препятствуетъ правильно и по достоинству оцѣнить ту мѣру значенія и вліянія, какое оказали наши монастыри на всѣ стороны древне-русской жизни. Мы имѣемъ рядъ голыхъ положеній,— постоянно повторяемыхъ и въ учебникѣ, и въ серьезномъ трактатѣ, и въ бѣглой замѣткѣ,—о значеніи монастырей, какъ центровъ книжнаго ученія, о колонизаторской роли сѣверныхъ обителей, о вліяніи монастырскаго склада жизни на народную массу и т. д., но не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ такого рода «общія мѣста» — отчасти апріорнаго построенія, отчасти голословны, и во всякомъ случаѣ еще не настолько провѣрены и не такъ серьезно обоснованы, чтобы можно было опираться на нихъ съ полнымъ довѣріемъ.

И если немалое количество описаній, построенныхъ по указанному шаблонному типу, не могло удовлетворить серьезной любознательности и почти не приносило пользы наукѣ, но тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ трудъ, авторъ котораго едва ли не впервые примѣнилъ строго-научный методъ тамъ,

гдѣ въ немъ настояла большая надобность, и гдѣ такъ
встрѣтить.

Г. Никольскій поставилъ своею цѣлью разсмотрѣть,
небольшой землянки преп. Кирилла выросла и обстро
нѣйшихъ обителей Заволжскаго края, какъ расширяли
шалось хозяйство, какое при этомъ она имѣла управ
были въ ней порядки монашеской жизни, какъ отправ
женіе и въ чемъ выражались умственные и духовны
Авторъ такимъ образомъ начертилъ широкую програм
вающую всѣ нервы монастырскаго организма; необхо
рукахъ автора всѣ средства къ лучшему выполненію с
скій не остановился предъ громаднымъ трудомъ—подв
разсмотрѣнію весь сырой матеріалъ, какой даетъ для
лѣвшій (хотя и не въ полномъ видѣ) архивъ его. Это п
цѣнность всякому положенію автора — тѣмъ болѣе, ч
архивными данными привлечено все то, что было выск
литературѣ по этому вопросу. Въ общемъ, примѣчанія
по принятому обычаю отнесь всю предварительную раб
ныхъ вопросовъ хронологическаго и топографическа
вляютъ собою рядъ небольшихъ изслѣдованій, которыя
полненіемъ и въ то же время прочнымъ фундаментомъ
стѣ выводовъ.

Въ настоящемъ томѣ, кромѣ исторіи основанія мон
дробное описаніе церквей и жилыхъ помѣщеній: внѣп
внутренняго убранства, предметовъ утвари, иконъ и т.
скій храмъ, болѣе замѣчательныя келліи, всѣ иконо
каждая хозяйственная постройка, описана и въ архите
ческомъ отношеніи съ такою подробностью, что, каж
придирчивости трудно было бы указать пропускъ ил
чательныхъ выводахъ г. Никольскій соблюдаетъ боль
этомъ онъ самъ оговариваетъ, что высказано имъ въ
нія и что онъ считаетъ несомнѣнною истиной. Впроче
догадки авторъ довольно скупъ, предпочитая «non m
ношеніи выводовъ.

Книга издана роскошно: текстъ обильно обставл
ненными рисунками и чертежами (свыше 50). Въ прил
документовъ; болѣе важные (напримѣръ, «Краткое жи
печатаны съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

Слѣдующіе томы, гдѣ будетъ изложена исторія
стыря, должны представить еще болѣе высокій нау
остается пожелать г. Никольскому съ успѣхомъ заве
которое значительно обогатитъ нашу церковно-исто
восполнитъ немало пробѣловъ.

Карлъ Лампрехтъ. Исторія германскаго народа. Томъ третій. Часть пятая. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896.

Русскій переводъ книги Лампрехта[1])—надо отдать ему въ этомъ отношеніи полную справедливость—энергично слѣдуетъ за появленіемъ нѣмецкаго оригинала. Лежащій передъ нами томъ заключаетъ въ себѣ два послѣдніе нѣмецкіе томика, изъ которыхъ послѣдній сравнительно очень недавно появился въ обращеніи. Онъ заключаетъ въ себѣ: книгу четырнадцатую (Габсбурги при Максимиліанѣ; экономическія и соціальныя измѣненія отъ XIV до XVI вѣка; гуманизмъ въ нѣмецкой жизни, наукѣ и искусствѣ), книгу пятнадцатую (Лютеръ; крестьянская война; религіозная борьба до Аугсбургскаго мира) и книгу шестнадцатую (экономическая и культурная исторія Германіи въ вѣкъ реформаціи; возстаніе Нидерландовъ; протестантизмъ и контръ-реформація въ Германіи до 1608 года; унія и лига; тридцатилѣтняя война). Въ оригиналѣ этого тома тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, что и въ предыдущихъ: глубокое вниманіе къ экономическимъ условіямъ быта, оригинальная постановка многихъ вопросовъ, часто оригинальныя и удачныя характеристики—это сторона положительная; неумѣренно приподнятый тонъ изложенія, стремленіе быть самостоятельнымъ чаще, чѣмъ нужно, неумѣренная увѣренность въ остроуміи и глубокомысліи всѣхъ своихъ домысловъ—сторона отрицательная. Что касается до перевода, мы не замѣтили въ немъ на этотъ разъ рѣзкихъ недосмотровъ; но, къ сожалѣнію, не замѣтили и стремленія облегчить, сдѣлать болѣе пріятнымъ для русскаго читателя нѣсколько высокопарный языкъ оригинала и его непомѣрно длинные періоды; напротивъ, мѣстами переводчикъ еще болѣе затрудняетъ его, а корректоръ раздражаетъ ошибками. Точно жерновъ ворочается въ головѣ, когда читаешь, напримѣръ, такую глубокомысленную, но тяжело выраженную характеристику Эразма Роттердамскаго: «его прошлое съ его разнообразными личными отношеніями и его сатирическая [2]) манера высказыванія своихъ взглядовъ [3]) давали ему съ этаго [4]) времени возможность сдѣлаться ученымъ и литературнымъ оракуломъ Европы. Чѣмъ болѣе его слабое здоровье вынуждало его къ регулярной жизни и къ постоянному пребыванію въ Базелѣ, чѣмъ сильнѣе онъ страдалъ въ послѣдніе свои годы отъ увеличивающейся слабости, тѣмъ болѣе онъ становился, такъ сказать, чистымъ разумомъ, тѣмъ болѣе увеличивалась холодность его ума и его отвращеніе къ волевой дѣятельности [5]). Живъ уединенно, хотя и пользуясь славой вблизи и вдали, онъ ушелъ изъ этаго міра, подобный какому-то абстракту» (стр. 136).

---

1) Рецензію на I томъ ея см. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., LVIII, 857—859; на II—ibid., 1896 г., LXIII, 1009—1011.

2) Почему-то пропущенъ другой эпитетъ оригинала: geistreich.

3) Понѣмецки все же легче: sich zu äussern.

4) Эта опечатка проходитъ по всей книгѣ.

5) Понѣмецки значительно легче и понятнѣе: seine Abneigung gegen Bethätigung des Willen.

Иныя опечатки возбуждають даже сомнѣніе: корректоръ ли, полно, виноватъ въ нихъ? Почему, напримѣръ, Эобанъ Гессъ нѣсколько разъ подъ рядъ (см. стр. 140—141) называется Кобанъ Гессъ? Не принялъ ли переводчикъ нѣмецкое E (оригиналъ напечатанъ готическимъ шрифтомъ) за C?

Хотя г. Николаевъ въ новой исторіи и болѣе силенъ, чѣмъ въ среднихъ вѣкахъ, все же переводъ Лампрехта будетъ не изъ лучшихъ изданій Солдатенкова.

А. К.

Султанъ и державы. Препод. (?) Малькольма Макъ-Колля, каноника въ Рипонѣ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1897.

Заинтересовавшихся заглавіемъ книги и довѣрившихся ея изящной и внушительной внѣшности ожидаетъ полное разочарованіе. Трудно понять, кому могутъ быть интересны статьи каноника Макъ-Колля, представляющія изъ себя «добросовѣстную, но совершенно не заслуживающую довѣрія» (это характерное выраженіе стоитъ на стр. 261 разбираемаго русскаго перевода) болтовню, въ которой самымъ непостижимымъ образомъ перепутаны площадныя ругательства по адресу султана, жалостныя причитанія надъ судьбой армянъ, безконечныя выписки изъ донесеній дипломатовъ и парламентскихъ рѣчей, непонятныя безъ комментарія для русскаго читателя колкости и похвалы англійскимъ государственнымъ людямъ и пространныя разъясненія той мысли, что соглашеніе съ Россіею могло бы быть при извѣстныхъ условіяхъ выгодно Англіи, и что поэтому Россія должна какъ можно скорѣе и уступчивѣе идти на встрѣчу такому соглашенію. Ребяческое хвастовство мнимымъ могуществомъ Англіи, ребяческое представленіе о задачахъ международной политики современныхъ государствъ, ребяческіе нападки на Турцію и султана и наивнѣйшее обсужденіе современныхъ событій на основаніи то поверхностныхъ апріорныхъ соображеній, совершенно устарѣлыхъ документальныхъ данныхъ, наполняютъ всю книгу и сообщаютъ ей характеръ несноснѣйшаго пустословія. Можно, пожалуй, допустить, что вошедшіе въ нее фельетоны (книга составлена изъ плохо связанныхъ между собой отдѣльно появившихся газетныхъ статей) представляли какой нибудь минутный интересъ въ англійской журналистикѣ, но трудно повѣрить, чтобы они сохранили его въ перепечаткѣ даже для соотечественниковъ автора. Для русскаго же читателя вся книга во всѣхъ отношеніяхъ безполезна, тѣмъ болѣе, что написана крайне вяло и безцвѣтно, а переведена очень не важно. Затрудняемся понять, чѣмъ собственно могли руководиться ея переводчикъ и издатель, затрачивая трудъ и деньги на выпускъ въ свѣтъ въ столь изящномъ видѣ русскаго перевода пустѣйшихъ политическихъ статей ограниченнаго и безличнаго джинго.

В. В. Н.

Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Пер. съ 2-го нѣмецкаго изданія подъ ред. Э. Радлова. Изд. А. Ф. Пантелѣева. Спб. 1896.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, несомнѣнно, одинъ изъ любопытнѣйшихъ людей, выдвинутыхъ на историческую сцену реформаціоннымъ движеніемъ въ Германіи. Широкая, страстная натура, скорѣе рыцарь меча, чѣмъ рыцарь пера,

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ воплощалъ въ себѣ всѣ характерныя стороны движенія, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ выдающихся событіяхъ своего времени: съ перомъ въ рукѣ выступалъ онъ противъ папства и клира, съ мечемъ въ рукѣ боролся онъ за свободу противъ Вюртембергскаго герцога. Политическіе идеалы Гуттена не были понятны его современникамъ: это, впрочемъ, неудивительно, если вспомнить, когда совершилось объединеніе Германіи, бывшее мечтой Гуттена. Вообще рѣдко можно найти такую характерную для своего времени личность, біографія котораго такъ тѣсно сливалась бы съ исторіей эпохи. Книга Штрауса—одна изъ лучшихъ историческихъ книгъ. Строгая научность изложенія, блестящій художественный талантъ автора—качества, рѣдко, встрѣчающіяся вмѣстѣ. Нельзя не одобрить русскаго перевода этой книги, выполненнаго довольно тщательно. Щ.

Przewodnik Illustrowany po Warszawie, Lodzi i okolicach fabrycznych. Warszawa. Nakladi i druk Emila Skiwskiego. 1897.

Въ мало-мальски толково составленномъ и при томъ недорогомъ по цѣнѣ путеводителѣ всегда и всюду встрѣчается потребность. Только что выпущенный въ свѣтъ г. Скивскимъ «Иллюстрированный путеводитель по Варшавѣ, Лодзи и фабричнымъ окрестностямъ» удовлетворитъ самымъ придирчивымъ требованіямъ. За 15 копеекъ предлагается изящно изданный томикъ (въ малую 8-ку) въ 400 слишкомъ страницъ, въ картонажѣ, съ 68 рисунками и нѣсколькими планами. Рисунки (фототипіи) — виды Варшавы, Лодзи и Ченстохова — отчетливы, такъ что съ этой стороны «Przewodnik» можетъ даже замѣнить альбомы Варшавы и Лодзи. Планы составлены обстоятельно (особенно планъ Варшавы). Текстъ, пересыпанный множествомъ объявленій, кромѣ разнообразныхъ свѣдѣній справочнаго характера, сообщаетъ историческія свѣдѣнія о Варшавѣ и Лодзи и достопримѣчательностяхъ этихъ городовъ. Когда мы дождемся подобныхъ путеводителей для своихъ городовъ, хотя бы для Петербурга и Москвы?.. Г. А. Воробьевъ.

Русскіе путешественники-изслѣдователи. Русскіе мореплаватели. В. Головнинъ (Въ плѣну у японцевъ). О. ф.-Коцебу (Плаваніе на «Рюрикѣ»). Невельскій (Присоединеніе Амурскаго края). Обработано по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Лялиной. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе Девріена. Спб. 1897.

Это уже не первая книга, въ которой г-жа Лялина задается хорошей цѣлью—знакомить наше юношество съ любопытной дѣятельностью нашихъ путешественниковъ-изслѣдователей. Нельзя отказать сюжету лежащей передъ нами книги въ поучительности. Она даетъ молодому читателю много новыхъ для него свѣдѣній, правда, уже немного старыхъ для нашего времени, какъ, напр., свѣдѣнія о японцахъ, которыя можно почерпнуть изъ описанія путешествія Головнина. Читается книга легко. Всѣ эти качества позволяютъ смѣло рекомендовать ее для чтенія нашему юношеству. Какъ и всѣ изданія Девріена, и это очень хорошо. Правда, за хорошее изданіе берутся хорошія деньги, и это жаль: книга, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ того, чтобы ее прочелъ и средній небогатый читатель, не только дѣти богатыхъ родителей. П. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Морлей о Маккіавелли. Большого шума надѣлала въ Англіи недавно прочитанная въ Оксфордѣ лекція о Маккіавелли и его знаменитой книгѣ «Il. Principe» Джономъ Морлеемъ; теперь она вышла отдѣльною брошюрой [1]) и возбуждаетъ горячую полемику. Консервативные органы съ Saturday Review во главѣ, конечно, разносятъ литературный этюдъ одного изъ вождей радикальной партіи, увѣряя, что въ немъ нѣтъ ни одного живого слова, а либералы, напротивъ, превозносятъ его до небесъ, и «Chronicle» говоритъ: «главное достоинство всего, что пишетъ Морлей объ исторіи, и литературѣ заключается въ его умѣніи отыскать человѣчную ноту и освѣтить разсматриваемый имъ предметъ съ нравственной, серьезной его стороны, уже не говоря о блестящемъ его изложеніи; такова и монографія о Маккіавелли, которая не только представляетъ очеркъ итальянской политики XV и XVI столѣтій, но критическій анализъ самой теоріи, связанной съ именемъ Маккіавелли». Критикъ англійскаго отдѣла «Cosmopolis» Фридрихъ Гринвудъ, котораго нельзя заподозрѣть въ радикализмѣ, такъ какъ онъ извѣстный торійскій публицистъ, посвящаетъ цѣлую статью, озаглавленную «Маккіавелли въ современной политикѣ» [2]), лекціи Морлея и прямо говоритъ, что уже давно въ Англіи не видывали такого замѣчательнаго политическаго памфлета; то же высказываетъ и авторитетный голосъ «Academy». Дѣйствительно, лекція Морлея во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательна, хотя трудно представить себѣ болѣе рази-

---

[1]) Machiavelli, the Romanes Lecture, 1897, by John Morley. London.

[2]) Machiavelli in modern politics, by Fredrick Grienwood. Cosmopolis. August.

тельнаго контраста, чѣмъ тотъ, который существуетъ между лекторомъ, прозваннымъ всей Англіей «честнымъ Джономъ», и предметомъ его лекціи, создателемъ того, что принято называть, по его имени, маккіавелизмомъ. Первый всюду и всегда, въ литературѣ, журналистикѣ, парламентѣ и министерской дѣятельности, пламенно поддерживалъ теорію о преобладаніи нравственнаго начала въ политикѣ, а послѣдній рѣзко это отрицалъ въ своей книгѣ, которая по словамъ Морлея, «долго бросала роковую тѣнь на политическихъ дѣятелей Запада, пугая, подстрекая, отравляя, путая и сбивая съ толку ихъ умъ и совѣсть парадоксами и софизмами». Какъ и слѣдовало ожидать, Морлей отнесся очень рѣзко къ маккіавелизму, но въ виду безпристрастія, отличающаго его, какъ историка, онъ мягко, даже сочувственно отзывается о самомъ Маккіавелли. Для него это не исчадье ада, не изобрѣтатель измѣны, лицемѣрія и всякаго рода преступленій, какъ нѣкогда утверждали многіе писатели, въ томъ числѣ Маколей, а просто итальянскій патріотъ и флорентинскій республиканецъ XV и XVI столѣтій, для котораго выше всего была идея о государствѣ, и который, по вѣрному опредѣленію Поля де-Сенъ-Виктора, «смотрѣлъ на человѣческія дѣла, какъ натуралистъ, и формулировалъ законы успѣха, не осуждая и не одобряя ихъ». Поэтому онъ одинаково всѣмъ представителямъ власти даетъ одинъ совѣтъ: монархамъ истреблять враговъ монархизма, аристократамъ—представителей свергнутыхъ династій, демократамъ — аристократовъ. Этотъ апостолъ силы, давящей право, однако, былъ честнымъ патріотомъ, безъ всякихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, и возставалъ противъ всякаго рода нечестія, окружавшаго его, а потому судить о немъ можно только съ точки зрѣнія его среды и времени. Такъ и дѣлаетъ Морлей, предостерегая даже порицателей Маккіавелли, чтобъ «они, осуждая Маккіавелли за открытую защиту лицемѣрія, не впали незамѣтно въ своего рода лицемѣріе», такъ какъ, по его словамъ, нѣтъ писателя, на котораго бы такъ свирѣпо нападали и въ то же время котораго такъ усердно изучали, такъ упорно брали въ примѣръ, какъ авторъ «Il Principe». Но въ чемъ состоитъ его ученье? Морлей мастерски резюмируетъ его въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Его обвиняли въ непослѣдовательности, потому что въ «Князѣ» онъ излагаетъ условія, при которыхъ неограниченный государь, достигшій власти, благодаря своему генію и счастливымъ обстоятельствамъ, можетъ сохранить эту власть безопасно для себя и на благо своихъ подданныхъ, а въ «Разсужденіяхъ» онъ разсматриваетъ условія, при которыхъ самоуправляющееся государство можетъ сохранить свою свободу. Но тутъ и тамъ проповѣдуемые имъ коренные принципы одинаковы. Въ обоихъ случаяхъ спасительныя средства одни: увѣренность въ себѣ, сила, ловкость, хитрость, и главное отсутствіе полумѣръ, а также одна цѣль — сохраненіе государства, одно мѣрило—интересъ государства. «Князь» имѣетъ предметомъ одну задачу, а «Разсужденія» другую, но мотивъ политическихъ стремленій одинъ,—всегда и вездѣ онъ стоитъ за преобладаніе свѣтской государственной власти, за основаніе политики на государственномъ интересѣ, за матеріальную силу, какъ руководящій принципъ. Ясный умъ, незыблемая воля, непреодолимая энергія и могучая сила—вотъ что спасаетъ государство, все равно, монархическое ли оно, или республиканское. Онъ упорно отвергаетъ внесенное христіанствомъ въ

міръ чувство смиренія и покорности, а также среднев
ствѣ невидимыхъ, таинственныхъ силъ надъ человѣч
здравый расчетъ, мужество, рѣшимость и человѣческа
пришедшій въ развалины міръ. Единственное мѣрило—
Когда дѣло идетъ о спасеніи монархіи, или республики
маніе на право, или справедливость, на милосердіе, и
или позоръ, а отложивъ всѣ соображенія идти тѣмъ пу
странѣ ея существованіе и независимость». Затѣмъ
обсужденію маккіавелизма съ нравственной точки
при настоящихъ обстоятельствахъ и въ настоящее в
быть основано на противоположномъ нравственномъ н
цевъ вотъ къ какому онъ приходитъ выводу относитель
«Il Principe» не можетъ занять мѣста среди великихъ
которые идеализировали понятіе о государствѣ, очелов
и возвысили граждан до осуществленія своей дѣяте
телей, всѣхъ достоинствъ. Если же онъ еще представ
вымершимъ типомъ, если имѣетъ до сихъ поръ громадн
что энергія, сила и твердая воля попрежнему сопроти
тролю совѣсти, права и человѣчности».

— **Мартинъ Лютеръ, какъ типъ мужика.** Въ
terly Review» помѣщена блестящая характеристи
съ общественной и политической точекъ зрѣнія [1]. А
саннаго, какъ всѣ статьи въ этомъ старѣйшемъ англі
зрѣніи, смотритъ на Лютера не какъ на богослова,
и основателя лютеранской церкви, а какъ на великую
внѣ всякихъ религіозныхъ догматовъ. «Лютеръ самъ,—
на настоящій ключъ къ вѣрному познанію его характе
мужикъ и сынъ мужика!». Это совершенно справедли
и главнымъ образомъ мужикъ, и можно прибавить,
manissimus. Съ самаго начала своей жизни и до
отличался мужицкимъ характеромъ и тономъ. Его ум
менныхъ, бурныхъ страстей, недисциплинированный
на все человѣческое и божественное дышатъ матеріа
мужицкія: неутомимая энергія, незыблемая твердо
мужество. Одинаково и недостатки у него мужицкі
бовь къ крайностямъ, слѣпое довѣріе и упорная под
самоувѣренность, узкая субъективность и ограниче
кругозора. Онъ всегда говорилъ, какъ истый мужик
критическаго ума и культурнаго блеска. Но онъ в
тѣмъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, которымъ говорили ег
него нѣмецкій языкъ. Никогда на свѣтѣ не было
совѣстнаго полемиста, какъ Лютеръ; его обычными
ніяхъ были насмѣшка, клевета, брань и извращ

[1] Martin Luther. Quarterly Review, july.

способовъ возбудить народныя страсти самый дѣйствительный — ругань, а въ искусствѣ ругаться никто никогда не превосходилъ Лютера. Нѣтъ ни одного писателя, который съ такой могучей силой, какъ онъ, бичевалъ самою грубою и грязною бранью; у него аргументы замѣнялись удивительною амальгамой сильныхъ и вульгарныхъ выраженій, а въ его глазахъ протестъ совпадалъ съ самыми ругательными, оскорбительными фразами. Но если Лютеръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ мужикомъ, то мужикомъ-титаномъ. Весь міръ ждалъ чего-то новаго, когда онъ явился, и всѣ поняли, что эта высокодраматическая фигура была тѣмъ предопредѣленнымъ вождемъ великой революціи, которому суждено пошатнуть могучее зданье католицизма и создать новую эпоху въ исторіи человѣчества. Въ его величіи, въ его титаническомъ величіи нельзя сомнѣваться». Столь же образно и рельефно, какъ характеристику Лютера, въ видѣ типа мужика-титана, англійскій публицистъ рисуетъ и великія заслуги, оказанныя имъ всему человѣчеству въ качествѣ создателя реформаціи, преобразователя католицизма и провозвѣстника французской революціи, однимъ словомъ, освободителя человѣческаго ума и совѣсти отъ всякихъ стѣснявшихъ его вѣками узъ. При этомъ онъ очень мѣтко указываетъ, что это интеллектуальное освобожденіе Лютеромъ человѣчества настолько было радикально, что сбрасывая иго продавцовъ индульгенцій, онъ самъ, того не замѣчая, ковалъ орудіе для уничтоженія и другого ига, созданнаго узкимъ пониманіемъ его реформы.

— Еще о пороховомъ заговорѣ. Недавно іезуитскій патеръ Джерардъ переполошилъ любителей историческихъ легендъ брошюрой, подъ заглавіемъ: «Чѣмъ былъ пороховой заговоръ?», и въ ней онъ, повидимому, очень логично и документально опровергалъ передаваемый до сихъ поръ всѣми англійскими историками драматическій разсказъ о подкопѣ парламента Гаемъ Фоксомъ, но одинъ изъ нихъ, и самый авторитетный, профессоръ Гардинеръ, отвѣтилъ смѣлому разрушителю легендъ цѣлой объемистой книгой, подъ тѣмъ же заглавіемъ, но безъ вопросительнаго знака [1]). Почтенный ученый очень подробно и основательно показываетъ, что легенда вполнѣ права, что заговоръ Гая Фокса, подкопъ парламента, даже пресловутый фонарь Фокса и другіе эпизоды популярной исторіи, достовѣрные факты, а всѣ усилія современнаго іезуита очистить своихъ предковъ отъ участія въ этомъ преступномъ дѣлѣ и взвалить его вину на тогдашняго перваго министра, протестанта лорда Сольсбери — мыльный пузырь, лопнувшій при первомъ прикосновеніи здравой, серьезной исторической критики. По единодушному мнѣнію всѣхъ англійскихъ рецензентовъ, давно не появлялось такого образцоваго историческаго изслѣдованія, какъ этотъ новый трудъ Гардинера, который слѣдуетъ шагъ за шагомъ за своимъ противникомъ и разбиваетъ одинъ изъ его аргументовъ за другимъ, пока, наконецъ, изъ воздвигнутаго имъ зданія не остается и камня на камнѣ, а напротивъ, въ прахъ разбита имъ, повидимому, историческая легенда возстаетъ, какъ фениксъ въ прежней своей романической красотѣ. Главный тезисъ патера Джерарда, что вовсе не существовало католическаго заговора при содѣйствіи іезуитовъ съ

[1]) What Gunpawoder plot was, by Samuel Gardiner. London. 1897.

цѣлью убить короля и подорвать зданье парламента, въ день его открытія, а что это была хитрая выдумка лорда Сольсбери для поддержанія своей пошатнувшейся власти и побужденія короля Якова принять энергичныя мѣры противъ католиковъ,—падаетъ самъ собой при возстановленіи Гардинеромъ двухъ историческихъ фактовъ: во-первыхъ, Сесилю не нужно было хлопотать объ утвержденіи своей власти, такъ какъ онъ находился въ то время въ апогеѣ своего могущества и только что получилъ титулъ лорда Сольсбери, а, во-вторыхъ, за годъ до пороховаго заговора Яковъ согласно взглядамъ своего перваго министра прибѣгнулъ къ самымъ крайнимъ строгостямъ противъ католиковъ. Наконецъ, по тщательному изученію всѣхъ документовъ, Гардинеръ не нашелъ ни малѣйшаго доказательства, чтобъ Сесиль зналъ ранѣе о существованіи заговора и, какимъ бы то ни было образомъ, принималъ въ немъ участье, подстрекая заговорщиковъ. Напротивъ роль іезуитовъ въ этомъ заговорѣ очевидна, и Гардинеръ хоть очень осторожно и сдержанно, но фактически доказываетъ, что одинъ изъ нихъ, патеръ Гранвей, прямо благословилъ одного заговорщика Бэтса и заранѣе отпустилъ ему грѣхи, а другой патеръ Гарнетъ настолько былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, что католическое духовенство въ Англіи прямо называло его измѣнникомъ своей родины и, несмотря на то, что онъ былъ казненъ, и что іезуитскій орденъ всячески хлопочетъ о немъ, католическая церковь не возводитъ его въ святые, принявшіе мученическій вѣнецъ за вѣру. Что касается до подробностей самаго заговора съ его извѣстною романтическою обстановкой, то Гардинеръ легко, на основаніи безспорныхъ документальныхъ свѣдѣній и логическихъ доводовъ, разбиваетъ противника, хотя и признаетъ, что «онъ задалъ ему немало крупныхъ орѣховъ, которые трудно было разгрысть». Особенно вѣскими казались аргументы Джерарда относительно физической невозможности сдѣлать подкопъ подъ зданіе парламента на основаніи топографическихъ условій мѣстности, но Гардинеръ съ планами въ рукахъ подтверждаетъ, что это было возможно, и возстановляетъ совершенно наглядно планъ дѣйствія заговорщиковъ. При этомъ нѣкоторые изъ аргументовъ іезуитскаго патера шатки до смѣшнаго, такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что нельзя было дѣлать подкопа, такъ какъ некуда было выбросить мусора, а Гардинеръ саркастически замѣчаетъ: «не такъ-то трудно было выбросить мусоръ, когда ночи были темны, а рѣка протекала у самаго сада, находившагося при домикѣ, взятомъ на аренду заговорщикомъ Перси». Насколько легкомысленъ въ своихъ доводахъ защитникъ іезуитовъ, Гардинеръ приводитъ любопытный примѣръ: онъ серьезно доказываетъ, что Перси, который, по его мнѣнію, игралъ роль шпіона и подстрекателя заговорщиковъ, по распоряженію Сесиля, былъ двоеженцемъ, и основываетъ это обвиненіе на документальномъ свидѣтельствѣ, что одна его жена жила въ Лондонѣ, а другая въ Варвикширѣ, но оказывается, что это была одна и та же женщина, которую только два раза арестовали, прежде въ Лондонѣ, гдѣ она жила съ дѣтьми, а потомъ въ Варвикширѣ, куда она уѣхала къ брату, послѣ освобожденія отъ перваго ареста. Также не выдерживаетъ серьезной критики и обвиненіе Джерардомъ Сесиля въ поддѣлкѣ протоколовъ процесса заговорщиковъ; однимъ словомъ, Гардинеръ побѣдоносно защитилъ одну изъ самыхъ

романическихъ легендъ англійской исторіи, и къ его чести надо прибавить, что, поражая пристрастные аргументы іезуитскаго патера и доказавъ, что пороховой заговоръ дѣйствительно имѣлъ религіозную католическую подкладку, почтенный историкъ относится очень безпристрастно и даже сочувственно къ личностямъ самихъ заговорщиковъ. «Всякій искренній изслѣдователь,—говоритъ онъ,—прочитавъ всѣ касающіеся къ дѣлу документы, придетъ къ убѣжденію, что это были люди честные, храбрые до невозможности и безъ всякихъ личныхъ цѣлей».

— **Двухсотлѣтній юбилей Петровской недѣли въ Заандамѣ.** Голландскій городокъ Заандамъ, отстоящій отъ Амстердама въ 12 минутахъ ѣзды, праздновалъ въ продолженіе семи дней, отъ 18-го до 25-го августа, двухвѣковую годовщину исторической недѣли, проведенной тамъ Петромъ Великимъ въ 1697 году. Гвоздемъ устроенныхъ по этому случаю торжествъ, подъ руководствомъ мѣстнаго бургомистра, ванъ-Тинена, было открытіе мраморной доски, съ золотой надписью поголландски и порусски о пребываніи Петра Васа (или мастера), какъ называютъ саандамцы Петра Великаго, за 200 лѣтъ тому назадъ, въ этомъ маленькомъ городкѣ; доска вдѣлана въ каменномъ футлярѣ, надъ стариннымъ деревяннымъ покосившимся домикомъ, въ двухъ маленькихъ комнатахъ котораго когда-то жилъ великій заандамскій плотникъ. Конечно, западная печать откликнулась на этотъ юбилей, и во второй августовской книжкѣ «Nouvelle Revue» напечатана статья голландскаго публициста Эдуарда ванъ-Біемы «Петръ Великій въ Заандамѣ въ 1697 году»[1]). Подробному разсказу о Петровской недѣлѣ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, и о послѣдующихъ посѣщеніяхъ Заандама Петромъ, авторъ предпосылаетъ картинку этого мирнаго голландскаго уголка и очеркъ исторіи домика Петра Великаго, составляющаго его главную славу. Этотъ домикъ былъ построенъ въ 1632 г. Герритомъ Кистомъ и долго оставался въ рукахъ его наслѣдниковъ, но послѣ послѣдняго его посѣщенія Петромъ въ 1717 году, онъ былъ совершенно забытъ до 1781 г., когда его посѣтилъ великій князь Павелъ Петровичъ съ женой, австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II и королемъ шведскимъ. Въ 1785 г. домикъ былъ купленъ за 178 флориновъ А. Вергувомъ, который собиралъ деньги съ посѣтителей, но въ 1799 году онъ пришелъ въ такую ветхость, что хозяинъ рѣшилъ сломать его, и сохраненіемъ этого историческаго памятника обязаны Бюльзингу, который изъ чувства уваженія къ памяти великаго царя, столь популярнаго въ Заандамѣ, купилъ домикъ за 200 флориновъ и сдѣлалъ необходимыя поправки, которыя вскорѣ покрылись входною платой. Король голландскій, Людовикъ, братъ Наполеона, хотѣлъ поставить памятникъ Петру и привести въ лучшій видъ его домикъ, но этотъ проектъ остался безъ исполненія, а Наполеонъ, посѣтивъ историческій домикъ въ 1811 г., повидимому, не вынесъ большого впечатлѣнія. Въ 1818 г. король голландскій, Вильгельмъ I, пріобрѣлъ домикъ у Бюльзинга за 6.000 флориновъ и подарилъ его своей невѣсткѣ, будущей королевѣ, Аннѣ Павловнѣ, первымъ дѣломъ которой было выстроить каменный

---

[1]) Pierre le Grand à Saandam en 1697, par Edouard van Biema. Nouvelle Revue. 15 août.

футляръ надъ ветхимъ зданіемъ, съ открытыми аркадами. Несмотря на это, оно очень пострадало отъ наводненія въ 1825 г. Послѣ смерти королевы Анны Павловны, домикъ перешелъ, по ея завѣщанію, къ принцу нидерландскому Генриху, который выстроилъ деревянный футляръ, а отъ него къ королю Вильгельму III, который подарилъ его императору Александру III, а теперь онъ составляетъ личную собственность императора Николая II, приказавшаго въ 1895 году окружить его новымъ каменнымъ футляромъ. Переходя къ пребыванію Петра Великаго въ Заандамѣ въ 1697 г., ванъ-Біема приводитъ подлинную выписку изъ метрической книги, хранящейся въ заандамскомъ архивѣ, и въ которой пасторъ Петри записалъ на полѣ одной изъ страницъ, подъ 1 сентябремъ 1697 года: «18 августа, два дня послѣ Троицы, утромъ въ 8 часовъ, царь, или великій князь Московіи, Петръ Алексѣевичъ прибылъ въ Сардамъ инкогнито, на маленькомъ суднѣ, изъ Кельна, въ сопровожденіи шести московцевъ, и жилъ въ продолженіе восьми дней у кузнечнаго работника Боя Тизена на Кримбенборгѣ; потомъ онъ пошелъ на суднѣ въ Амстердамъ, куда прибыло его большое посольство; онъ ростомъ въ 7 футовъ; одѣвается, какъ простой сардамскій работникъ, работаетъ плотникомъ на адмиралтейской верфи, и большой любитель кораблей». Выйдя на берегъ въ Керкеракѣ, Петръ увидалъ въ толпѣ Геррита Киста, который долго работалъ въ Россіи, въ качествѣ кузнеца, подошелъ къ нему и объявилъ, что хочетъ у него остановиться; какъ удивленный голландецъ ни протестовалъ, говоря, что его жилище слишкомъ мало и просто для царя, но, наконецъ, пришлось согласиться, и онъ отвелъ неожиданному гостю часть своего домика, гдѣ жила одна вдова, которая уступила за 7 флориновъ свое помѣщеніе, состоявшее изъ одной комнаты, чердака и чулана. Четверо сопровождавшихъ Петра лицъ помѣстились въ домѣ Якова ван-ден-Линдена въ Цильверпадѣ, а для того, чтобъ отвлечь вниманіе толпы, удивленной ихъ одеждой, онъ выдалъ себя и своихъ товарищей за простыхъ плотниковъ, искавшихъ работы. На слѣдующій день онъ купилъ у вдовы Улэ на верхней плотинѣ значительное количество плотничьихъ инструментовъ и поступилъ подъ именемъ Петра Михайлова на верфь Листа Тнвизума Рогге на Ботенсамѣ. Цѣлый день онъ работалъ, предлагая въ свободныя минуты всевозможные вопросы по-нѣмецки своему мастеру. Вечеромъ онъ навѣстилъ родственниковъ голландцевъ, которыхъ зналъ въ Москвѣ и Архангельскѣ: у Маріи Гитмансъ онъ выпилъ пинту можевеловой водки и ужиналъ у жены Іоганна Ринзена, корабельнаго мастера въ Россіи. На третій день, вторникъ, царь купилъ у Вильгельма Гарменсума, корабельнаго мастера, гребной ялботъ за 40 флориновъ и двѣ пинты пива, которыя они вмѣстѣ роспили въ кабачкѣ на Овертумѣ, а затѣмъ обѣдалъ у вдовы Вильгельма Муша, которой онъ послалъ 500 флориновъ послѣ смерти мужа. Свободное время онъ посвятилъ осмотру канатныхъ, парусныхъ и бумажныхъ фабрикъ, а также маслянаго завода. Хотя онъ самъ и его свита уже перемѣнили свою русскую одежду на туземную, но общее любопытство ему надоѣдало и достигло апогея, когда получилось письмо отъ одного саандамца, жившаго въ Россіи, о поѣздкѣ въ Голландію царя, и его легко узналъ брадобрей Помпъ по указаннымъ примѣтамъ: большому росту, судорожному

движенію головы и родинкѣ на правой щекѣ. Особенно мальчишки не давали покоя Петру и всегда слѣдовали за нимъ толпой, а когда онъ, купивъ однажды сливъ, далъ нѣкоторымъ изъ нихъ, но не всѣмъ, то обдѣленные подняли скандалъ, стали его громко бранить, засыпать грязью и забрасывать каменьями, такъ что онъ долженъ былъ скрыться въ гостиницѣ «Трехъ Лебедей». Узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, голландское правительство издало строгій приказъ, грозя подвергнуть тяжелой карѣ всякаго, кто будетъ приставать, или дѣлать непріятности знатнымъ чужестранцамъ, которые хотѣли сохранить инкогнито. Въ среду Петръ посѣтилъ богатаго купца Корнелиса Кальфа, но отказался отъ обѣда, боясь встрѣтить слишкомъ много гостей, а когда бургомистръ Юръ просилъ позволенія прислать ему рыбу, приготовленную поголландски, то онъ велѣлъ отвѣтить черезъ переводчика, что его напрасно принимаютъ за царя, который еще не пріѣхалъ. Однако именитый горожанинъ, Мейнертъ Бломъ, сумѣлъ проложить себѣ дорогу къ Петру, снискалъ его довѣріе, катался съ нимъ на парусной лодкѣ и показалъ ему крахмальный заводъ и только-что отстроенную мельницу, которая была названа по имени царя. Возвратясь изъ этой послѣдней экскурсіи, Петръ вошелъ въ лавку Крелиса Нумена и купилъ кусокъ бумазеи, которая, его увѣряли, предохраняетъ отъ ревматизма. Въ четвергъ, пріѣхали изъ Амстердама богатые купцы, Гутманъ и Іонгъ, изъ которыхъ первый бывалъ въ Архангельскѣ, и, убѣдившись, что русскій плотникъ дѣйствительно царь, имѣли съ нимъ продолжительную бесѣду. Разставшись съ ними, онъ купилъ у Дирка Стаффельса яхту за 450 флориновъ, самъ своими руками придѣлалъ къ ней бугшпиртъ и съ помощью Геррита Муша катался на ней по рѣкѣ. Но толпа не переставала ему надоѣдать, и онъ часто кулаками прокладывалъ себѣ дорогу. Чтобъ не быть предметомъ общаго любопытства, онъ отказался отъ приглашенія на спускъ корабля, выстроеннаго на верфи Корнелиса Кальфа, и наконецъ пришелъ въ такую ярость отъ постояннаго безпокойства, что, въ воскресенье, сѣлъ на свою яхту и, несмотря на бурную погоду, пошелъ въ Амстердамъ, котораго и достигъ въ 4 часа дня. Этимъ кончилась петровская недѣля въ Саандамѣ, но черезъ нѣсколько дней онъ ночью вернулся туда на яхтѣ за своими вещами, а затѣмъ во время своего пребыванія въ Амстердамѣ часто посѣщалъ Саандамъ, гдѣ могъ уже пользоваться бо̀льшей свободой, благодаря принятымъ городскимъ начальствомъ мѣрамъ для сдержанія толпы. Между прочимъ, онъ ходилъ на яхтѣ на встрѣчу торговому флоту, возвращавшемуся изъ Гренландіи, провелъ одну ночь въ домѣ Блома, кутилъ три дня на ярмаркѣ, дружески братаясь на этотъ разъ съ горожанами, и наконецъ едва не погибъ на рѣкѣ, такъ такъ вздумалъ въ бурю поднять паруса на яхтѣ, которую тотчасъ перевернуло, и онъ съ трудомъ спасся изъ волнъ. Прежде своего отъѣзда въ Англію онъ принялъ депутацію отъ евреевъ, которые просили доступа въ Россію, откуда они были удалены, и предлагали за это 100.000 флориновъ, въ то время громадную сумму, но Петръ отказалъ имъ, характеристично сказавъ ихъ краснорѣчивому ходатаю, филантропу и ученому, Николасу Витсену: «Вы знаете образъ мыслей моего народа и евреевъ; я благодарю ихъ за предложеніе, но принять его не могу, и скажите имъ отъ меня, что еслибъ они утвердились въ Россіи, то не-

смотря на ихъ вполнѣ справедливую славу обманщиковъ, проводящихъ всю Европу въ торговыхъ дѣлахъ, я боюсь, что мои подданные вскорѣ перещеголяютъ ихъ въ этомъ искусствѣ». 21-го мая 1698 года, на возвратномъ пути въ Россію, Петръ снова заѣхалъ въ Саандамъ, катался на лодкѣ, осмотрѣлъ табачную фабрику и обѣдалъ у Кальфа, съ именитыми купцами. По прошествіи девятнадцати лѣтъ, Петръ еще разъ посѣтилъ Саандамъ, сначала одинъ, а потомъ съ женою, при чемъ онъ показалъ ей свое скромное старое жилище и, по словамъ легенды, не только заплатилъ домовладѣльцу Кисту остававшійся за нимъ должекъ, но и подарилъ ему серебряный кубокъ. По возвращеніи изъ Франціи, онъ въ послѣдній разъ заѣзжалъ 30 августа въ свой любимый Саандамъ, который, спустя двѣсти лѣтъ, еще свято хранитъ память о своемъ державномъ плотникѣ.

— Письма Дефо. Англійская комиссія историческихъ рукописей дѣятельно занимается печатаніемъ драгоцѣннаго матеріала, хранящагося въ аристократическихъ замкахъ, и послѣ Бельвора, Гатфильда, Килькени, Ридаля и Мельборна наступила очередь Вельбека, принадлежащаго герцогу Портланду. Найденныя тамъ бумаги и переписка Роберта Гарлея, лорда Оксфорда, перваго министра королевы Анны, относящіяся къ десятилѣтію отъ 1701 по 1711 годъ, вошли въ четвертый томъ изданія комиссіи [1]) и возбуждаютъ значительный интересъ, благодаря тому, что въ этомъ сборникѣ впервые напечатаны письма къ Гарлею извѣстнаго писателя и памфлетиста, Дефо. Уже давно біографы автора «Робинсона Крузо» и между прочимъ Лесли Стивенъ выражали подозрѣніе, что онъ находился на службѣ правительства и дѣйствовалъ въ качествѣ агента вигскаго министерства во время присоединенія Шотландіи къ Англіей, но Дефо такъ умѣло скрылъ этотъ темный эпизодъ своей жизни, что онъ до сихъ поръ оставался невыясненнымъ. Онъ же самъ увѣрялъ въ своей «Исторіи соединенія Шотландіи съ Англіей», что онъ только изъ личнаго любопытства поѣхалъ въ Шотландію и тамъ убѣдившись, что соединеніе служило на благо обѣимъ странамъ, содѣйствовалъ его успѣху, а потому презрительно опровергалъ, какъ клевету, слухъ о томъ, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ какой нибудь партіи. Теперь же оказывается, что онъ не только ѣздилъ въ Шотландію, какъ агентъ Гарлея, но ранѣе по его же порученію объѣзжалъ графства западной и средней Англіи. Его письма, донесенія и доклады, впервые увидѣвшіе свѣтъ, благодаря исторической комиссіи, составляютъ драгоцѣнный матеріалъ, какъ для исторіи того времени, такъ для біографіи и характеристики Дефо. Повидимому, первое знакомство съ Гарлеемъ остроумнаго сатирика совпало съ его освобожденіемъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ за свой памфлетъ «Короткое средство отдѣлаться отъ сектантовъ» въ 1703 году, и хитрый министръ, понявъ всю пользу, которую онъ могъ извлечь отъ дѣятельности такого способнаго и блестящаго агента, поручилъ ему прежде всего посѣтить различныя мѣстности Англіи, съ цѣлью узнать мнѣнія избирателей въ главнѣйшихъ городахъ и мѣстечкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «распространять всюду идеи мира, умѣренности и спокойствія». Пови-

---

[1]) The manuscripts of his grace the duke of Portland. Preserved at Welbeck Abbey. Vol. IV. Historical manuscript commission. London. 1897.

димому, Дефо успѣшно исполнилъ эту задачу, и первый министръ въ 1706 году послалъ его уже въ Шотландію съ цѣлью разузнать о положеніи партій, образовавшихся противъ соединенія Шотландіи съ Англіей, всячески расположить народъ къ этой государственной мѣрѣ и успокоить мѣстную церковь увѣреніями, что противъ нея не замышлялось ничего дурного. Дефо въ этомъ дѣлѣ, какъ и прежде, оказалъ значительныя услуги Гарлею, хотя послѣдній, какъ видно изъ постоянныхъ жалобъ Дефо, очень плохо ему платилъ, и онъ ловко разыгралъ роль апостола мира въ Шотландіи, печатая въ то же время свой знаменитый журналъ «Обозрѣніе» и тщательно скрывая свои отношенія къ первому министру, съ которымъ онъ переписывался не прямо, а черезъ двухъ его лондонскихъ агентовъ. Конечно, подобная шпіонская дѣятельность не дѣлаетъ чести писателю, да еще сатирику, который за свои сочиненія подвергался тюремному заключенію и выставленію у позорнаго столба, но, какъ на смягчающія обстоятельства, надо указать, что онъ въ то время находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, имѣлъ жену и шестерыхъ дѣтей, да, кромѣ того, еще тогда не пользовался литературною славой и не написалъ «Робинсона Крузо» и другихъ своихъ романовъ, обезпечившихъ его существованіе съ общественной и литературной точекъ зрѣнія. Что касается до литературной стороны писемъ Дефо къ Гарлею, то она очень замѣчательна, и въ нихъ попадаются такія юмористическія фразы, какія, конечно, никогда нельзя встрѣтить въ офиціальныхъ бумагахъ.

— Литературная царица XVIII вѣка. Много уже писали о пресловутомъ салонѣ г-жи Жофренъ и его блестящей буржуазной хозяйкѣ, но, несмотря на извѣстные труды Сенъ-Бева, Гонкура, Бонома, Коломбея, Лескюра, Муи и Торнези, все еще находятся охотники изучать «Царство улицы Сентъ-Онорэ». Подъ этимъ характеристическимъ заглавіемъ графъ Пьеръ Сегюръ [1]) написалъ объемистую монографію, въ которой не только собралъ все, что было извѣстно до сихъ поръ о г-жѣ Жофренъ, но и сообщилъ немало новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ неизданныхъ семейныхъ бумагъ героини и ея дочери маркизы Ферте-Имбо. Прежніе біографы знаменитой меценатки довольствовались изображеніемъ ея салона и почти исключительно изучали ея старость, когда она переписывалась съ Екатериной II, разыгрывала роль «маменьки» польскаго короля Станислава-Августа и въ полномъ смыслѣ слова царила въ своемъ царствѣ улицы Сентъ-Онорэ, но Сегюръ впервые рисуетъ картину всей жизни этой литературной царицы XVIII вѣка, и постепенно знакомитъ насъ съ хорошенькой, веселой, но необразованной Терезой Родэ, которая провела свое дѣтство въ скромной буржуазной средѣ, у ея отца, рѣзчика на деревѣ, и бабушки, торговки Шемино, потомъ съ молодой женой стараго богатаго фабриканта зеркалъ, Жофрена, и наконецъ съ хозяйкой салона, гремѣвшаго во всей Европѣ. Кромѣ того, онъ также впервые рядомъ съ державной повелительницей этого курьезнаго царства подробно изображаетъ

---

[1]) Le Royaume de la rue Saint-Honoré. Madame Geoffrin et sa fille, par Pierre de Segur. Paris, 1897.

и «дофинку», т. е. ея дочь, маркизу Де-Ла-Ферте-Имбо, о которой до сихъ поръ говорилось очень мало и фигура которой вполнѣ стушевалась передъ грандіозной тѣнью ея матери. Хотя Сегюръ принадлежитъ къ циклу пламенныхъ панегиристовъ г-жи Жофренъ и повторяетъ старую, избитую пѣснь о томъ, что ея салонъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ былъ олицетвореніемъ французскаго ума, соединяя утонченный блескъ свѣтскаго лоска съ смѣлостью философской глубины, но онъ обставилъ свои диѳирамбы такой массой достовѣрныхъ и вполнѣ безпристрастныхъ свѣдѣній о царствѣ улицы Сентъ-Онорэ, что можно наконецъ разобраться въ этой кучѣ гиперболъ, нагроможденныхъ болѣе ста лѣтъ, сначала лицами, заинтересованными въ поддержаніи ими же созданной искусственной славы, а потомъ добродушными, довѣрчивыми распространителями чудовищной рекламы. Это развѣнчиванье псевдо-литературной царицы XVIII вѣка уже началось въ французской журналистикѣ, и критики «Revue des Deux Mondes» Ренэ Думикъ и «Journal des Debats» Арведъ Баринъ, очень остроумно и вѣрно доказываютъ, что г-жа Жофренъ была та же г-жа Журденъ Мольера, съ ея буржуазными инстинктами и невѣжествомъ, а ея пресловутый салонъ, казавшійся издали интеллектуальнымъ царствомъ былъ только говорильней и кассой вспомоществованій для второклассныхъ литераторовъ. Дѣйствительно, одно изъ самыхъ отличительныхъ чертъ прошедшаго вѣка было умѣнье создавать искусственныя репутаціи путемъ литературныхъ рекламъ, и не только къ этому средству мусированія прибѣгали невѣжественныя представительницы французской буржуазіи, какъ г-жа Жофренъ, но и такія могучія свѣтила политическаго міра, какъ Фридрихъ Великій и Екатерина II. Поэтому необыкновенный успѣхъ салона г-жи Жофренъ объясняется очень легко безъ всякаго навязыванія ей никогда не существовавшихъ геніальныхъ способностей. Случайно попавъ, благодаря сосѣдству, въ настоящій салонъ умной, но развратной маркизы Тенсенъ, матери Д'Аламбера, богатая, буржуазная, едва грамотная г-жа Жофренъ, задумала устроить въ своемъ домѣ такой же салонъ, и надо отдать ей справедливость, что она всецѣло предалась этой задачѣ, благодаря чему и успѣла достичь такого грандіознаго успѣха. Она никого и ничего въ сущности не любила—ни мужа, ни дѣтей, ни друзей, ни даже литературу, съ которою такъ носилась, она не кокетничала, не выказывала пристрастія ни къ туалетамъ, ни къ путешествіямъ, ни къ роскошной обстановкѣ, а думала и заботилась объ одномъ своемъ салонѣ. Она хотѣла сдѣлать его средоточіемъ литераторовъ и поставила на своемъ: она радушно принимала литераторовъ, ласкала и кормила ихъ, содержала на свой счетъ Мармонтеля, меблировала квартиру Дидеро, помогала деньгами Д'Аламберу и многимъ другимъ, дала сто тысячъ золотыхъ на изданіе Энциклопедіи и т. д., а литераторы рекламировали ее, превозносили до небесъ, создали ей славу и провозгласили ее царицей. При этомъ она всегда и во всемъ выказывала истинно буржуазный, здравый смыслъ: такъ понимая, что съ первоклассными писателями ей трудно будетъ возиться, она держалась отъ нихъ вдалекѣ, хотя поддерживала съ ними хорошія отношенія въ видахъ рекламы и украшала свой салонъ только второклассными авторами, съ которыми она могла распоряжаться свободно.

Поэтому мы не видимъ въ этомъ царствѣ улицы Сентъ-Онорэ ни Вольтера, ни Руссо, ни Монтескье, а за то въ немъ кишатъ Морлэ, Тома, Рейналь, Бернаръ, Бюринье, Мейранъ, Гольбахъ, Гальяни, Мармонтель и т. д. Конечно, бывали въ ея салонѣ и настоящія литературныя звѣзды, какъ Дидро, Д'Аламберъ, Гельвецій, но большинство его завсегдатаевъ принадлежали, по словамъ Вольполя, къ числу псевдоумниковъ и псевдоученыхъ, очень скучныхъ, педантичныхъ и дерзкихъ въ своемъ самомнѣніи. Эти-то вѣрноподданные литературной царицы XVIII вѣка, составляя общество взаимнаго самопрославленія, и создали ей ту колоссальную репутацію, которая устояла болѣе ста лѣтъ, и если этой репутаціи суждено наконецъ лопнуть, какъ мыльному пузырю, то нельзя не признать, что чудовищная вѣковая реклама бросаетъ пятна на тѣхъ литераторовъ, которые ее создали съ корыстною цѣлью пользоваться подачками буржуазной меценатки, а не на добродушную хозяйку пресловутаго салона улицы Сентъ-Онорэ.

— Столѣтняя годовщина паденія Венеціанской республики. Юбилеи слѣдуютъ на западѣ одинъ за другимъ, но не отличаются однообразіемъ, и вслѣдъ за веселыми торжествами наступаютъ печальныя, траурныя годовщины. Къ послѣднимъ принадлежитъ недавно исполнившееся столѣтіе съ уничтоженія Наполеономъ въ 1797 году Венеціанской республики, и конечно, итальянскіе патріоты съ грустью вспоминаютъ объ этой печальной страницѣ въ ихъ исторіи. Извѣстный венеціанскій историкъ и публицистъ, Помпео Мольменти, даже издалъ по этому случаю цѣлую книгу [1]), въ сущности сборникъ статей, прежде появившихся въ журналахъ, о горячо любимой имъ Венеціи, о ея славномъ прошедшемъ и печальномъ настоящемъ. Авторъ такъ преданъ и такъ горячо любитъ свою родину, что для него въ ея исторіи нѣтъ ничего дурного, и онъ одинаково восторгается всѣми чертами Венеціанской республики—и дожами, и Совѣтомъ Десяти, и даже инквизиторами. «Никакое исчезнувшее правительство, говоритъ онъ, не достойно такой любви и такого сожалѣнія, какъ наша республика. Прошло сто лѣтъ, много на свѣтѣ перемѣнилось политическихъ формъ: на нашихъ глазахъ пали королевства и республики, возстановилось могущество униженныхъ націй и исчезли, нѣкогда могучія, государства; цѣною своей крови народы пріобрѣли новыя права, много ошибокъ исправлено, много заблужденій разсѣялось, и однако среди этого шумнаго движенія впередъ, если мы бросимъ взглядъ назадъ, то Венеціанская республика представится намъ такимъ правительствомъ, которое болѣе всего стремилось къ справедливости и ненавидѣло зло». И однако, по словамъ Мольменти, сто лѣтъ не перестаютъ поносить и злословить эту бѣдную республику не только историки, но и беллетристы; первымъ нашъ авторъ еще прощаетъ ихъ грѣхъ, такъ какъ они руководятся политическими страстями, но онъ никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что драматурги и романисты, упорно изображаютъ Венецію во времена дожей въ самыхъ мрачныхъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ. А въ сущности пламенный венеціанскій патріотъ

---

[1]) Venezia, nuovi studi di storia è d'arcte, di Pompeo Molmenti, Firenza, 1897.

увѣряетъ, что никогда не существовало менѣе романтичнаго правительства, чѣмъ эта осыпаемая клеветами республика, которая болѣе обезпечивала счастье и спокойствіе своего народа, чѣмъ какія бы то ни было правительства на свѣтѣ. Онъ вспоминаетъ, что когда сто лѣтъ тому назадъ Бонапартъ приказалъ посадить въ тюрьму венеціанскихъ инквизиторовъ, то въ роковой темницѣ Подъ Кровлями, гдѣ согласно легендамъ предавали пыткѣ политическихъ узниковъ, нашлось только четыре арестанта, приговоренныхъ за обыкновенныя уголовныя преступленія. Мольменти доказываетъ, что всѣ эти исторіи о шпіонахъ, палачахъ и жестокихъ брави, о засадахъ, похищеніяхъ, доносахъ и убійствахъ, изобрѣтены любителями легендъ и нимало не походятъ на настоящую Венецію, ту Венецію, которую создали поэты: Викторъ Гюго, Манцони и Байронъ, говорившій, что Венеція въ настоящемъ была чуднымъ сномъ, а въ прошедшемъ ужаснымъ кошмаромъ. Насколько нелѣпы и неосновательны исторіи, разсказываемыя о старой Венеціи, доказывается между прочимъ, по словамъ ея страстнаго обожателя, тѣмъ простымъ фактомъ, что грозный судъ инквизиторовъ, играющій столь выдающуюся роль во всѣхъ романахъ и драмахъ, былъ созданъ лишь въ 1539 г., спустя много послѣ тѣхъ временъ, къ которымъ относятъ большинство этихъ драмъ и романовъ. Правда, самъ Мольменти сознается, что венеціанская исторія XIV и XV столѣтія имѣетъ два трагическіе эпизода, которые дѣствительно могли бы дать богатую тему для фантазіи поэта, именно эпизоды Марино Фальеро и двухъ Фоскари. «Но и тутъ писатели, говоритъ Мольменти, извратили истину; они представляютъ Марино Фальеро какимъ-то итальянскимъ Брутомъ, который за попытку освободить народъ отъ тираніи патриціевъ и возстановить въ Венеціи эру свободы былъ убитъ на Лѣстницѣ Великановъ, а, не говоря о томъ, что эта лѣстница была построена сто лѣтъ послѣ него, выходитъ на повѣрку, что согласно самымъ достовѣрнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, старый дожъ дѣйствовалъ лишь изъ личнаго самолюбія и хотѣлъ, воспользовавшись народнымъ недовольствомъ, обезпечить за своей семьей княжескую власть въ Венеціи. Что касается до Джокона Фоскари, то единственная вина венеціанскаго правительства заключалась въ излишнемъ снисхожденіи къ нему; въ Навплію и Канею онъ былъ изгнанъ за обыкновенныя преступленія, не имѣющія романическаго характера, а въ Кандію онъ былъ заточенъ за измѣну, состоявшую въ томъ, что онъ вступилъ въ переговоры съ Турціей». Такъ же легендарны убійства Франциска Карарскаго и его сыновей въ венеціанскихъ тюрьмахъ въ 1506 году, смертная казнь въ 1507 году одного булочника, который дѣйствительно былъ приговоренъ, но потомъ признанъ невиновнымъ, и несправедливая казнь графа Карманьолы, который былъ низкимъ измѣнникомъ. Во всѣхъ архивахъ венеціанской республики Мольменти нашелъ только одинъ случай несправедливой казни, именно Фоскарини, о которомъ составилась легенда, что онъ, спасаясь изъ спальни своей любовницы, искалъ убѣжища въ испанскомъ посольствѣ, предпочелъ смертную казнь, какъ политическій измѣнникъ, обличенію женщины. По словамъ Мольменти, эта легенда несправедлива, любовь въ этой исторіи не играла никакой роли, но дѣйствительно Фоскарини былъ казненъ за измѣну, а послѣ

его смерти оказалось, что онъ былъ вполнѣ невиновенъ. Тогда Совѣтъ Десяти поставилъ въ церкви св. Евтихія надгробный камень, съ надписью, гласившей, что Фоскарини былъ невиновенъ, а его судьи впали въ роковую ошибку. «Это единственный примѣръ въ исторіи», прибавляетъ нашъ авторъ, находящій даже въ ошибкахъ венеціанской республики причину къ похвалѣ, и затѣмъ онъ продолжаетъ свою апологію, слѣдя шагъ за шагомъ за событіями венеціанской исторіи. Онъ указываетъ, что одна его родина послѣ эпохи возрожденія продолжала жить среди общаго истощенія итальянскихъ городовъ, а если, достигнувъ до XVIII столѣтяя, онъ вынужденъ признать быстрый упадокъ излюбленной республики, то все-таки настаиваетъ на томъ, что правительство дожей продолжало отечески заботиться о безопасности, добрыхъ нравахъ и общественномъ порядкѣ до той роковой минуты, когда сто лѣтъ тому назадъ исчезла венеціанская республика подъ ударами Наполеона.

— Людовикъ XVIII и г-жа Дю-Кайла. Эрнестъ Бертенъ въ «Journal des Debats» рисуетъ любопытный портретъ послѣдней фаворитки Людовика XVIII на основаніи недавно вышедшихъ мемуаровъ маршала Кастелана и другихъ, по его словамъ, достовѣрныхъ источниковъ[1]). Въ первый разъ король увидалъ ее въ 1819 г., когда его фаворитомъ былъ Деказъ; урожденная Зоя Талонъ, г-жа Дю-Кайла разводилась въ то время съ мужемъ и, добившись аудіенціи у короля, она бросилась передъ нимъ на колѣни, умоляя, чтобъ ей оставили дѣтей. «У меня также хотятъ отнять моего ребенка», отвѣчалъ Людовикъ XVIII, и Дю-Кайла, несмотря на всю ея хитрость, не могла понять, что подъ ребенкомъ король разумѣлъ министра полиціи, котораго остальные члены кабинета хотѣли удалить, боясь его чрезмѣрнаго вліянія на Людовика. Но ея слезы и красота тронули короля, онъ обѣщалъ исполнить ея желаніе и сдержалъ свое слово. Вскорѣ Деказъ былъ дѣйствительно отправленъ въ почетную ссылку, посланникомъ въ Лондонъ, а когда онъ, вернувшись въ Парижъ черезъ девять мѣсяцевъ, прямо отправился въ Тюльери, то его уже не допустили въ королевскіе апартаменты. Тамъ уже царила г-жа Дю-Кайла, ревниво охранявшая свою власть. Людовикъ XVIII всегда нуждался въ какой нибудь псевдопривязанности и легко переходилъ отъ одного фаворита къ другому. Извѣстно, что до этой новой фаворитки его милостями пользовались одна женщина г-жа Де-Бальби, и трое мужчинъ Д'Аварэ, Де-Блака и Деказъ. Первая долго водила за носъ короля въ эпоху эмиграціи, и онъ объяснялъ всѣ ея связи кокетствомъ до той минуты, какъ она родила близнецовъ отъ Аршамбо Де-Перигора. Тогда онъ послалъ ей сказать, что «на жену цезаря не должно падать даже подозрѣнье», а она дерзко отвѣчала: «во-первыхъ, я не жена цезаря, во-вторыхъ, вы не цезарь, въ-третьихъ, вы знаете, что не въ состояніи ни ревновать, ни возбуждать ревность». Король разстался съ этой откровенной особой и до г-жи Дю-Кайла довольствовался фаворитами, но когда эта любезная, ловкая, льстивая, красивая, хотя уже не молодая женщина

[1]) «Louis XVIII и Madame du Cayla, par Ernest Bertin», Journal des Debats, 10 juillet.

стала увѣрять короля, что она любитъ его, несмотря на его старость и болѣзнь, то онъ поддался обману и сталъ считать себя снова счастливымъ, какъ во времена г-жи де-Бальби. Не имѣя возможности иначе отвѣчать на ея любовь, онъ окружалъ ее всякаго рода вниманіемъ: онъ писалъ ей по нѣсколько разъ въ день, игралъ съ ней въ шахматы по 4.000 франковъ за ставку, которую она одинаково получала въ случаѣ выигрыша или проигрыша, выстроилъ ей прекрасный замокъ и по средамъ, въ день, въ который она посѣщала дворецъ, паролемъ было всегда ея имя и названіе одного изъ городовъ, въ которыхъ она когда-то жила. Г-жа дю-Кайла была какъ бы рождена для своей роли и легко переносила всѣ непріятности и насмѣшки, дошедшія до апогея, когда узнали при дворѣ, что король нюхалъ табакъ, насыпавъ его не на руку, а на грудь своей фаворитки. Ей все было нипочемъ, и она хладнокровно вела свои интриги съ цѣлью увеличить свое богатство, укрѣпить свое вліяніе и окружить себя бо́льшими и бо́льшими почестями. Она смѣняла и назначала министровъ, такъ по ея милости король забылъ Деказа; герцогъ Ришелье, человѣкъ прямой, искренній, долженъ былъ подать въ отставку, а глава ультра-консерваторъ Вилель образовалъ кабинетъ и удержалъ власть до смерти короля, который желалъ и дѣлалъ только то, что она приказывала. Хотя офиціально Карлъ X вступилъ на престолъ только въ 1824 году, но въ сущности онъ уже царствовалъ на горе Франціи съ 1821 г., и все благодаря г-жѣ Дю-Кайла, которая сумѣла помирить короля съ нелюбимымъ братомъ и доставить побѣду реакціонной политикѣ послѣдняго. Насколько сильно было ея вліяніе надъ дряхлымъ, ослабѣвшимъ физически и умственно старикомъ, доказываетъ тотъ фактъ, что когда онъ умиралъ, то дочь Людовика XVI, герцогиня ангулемская, славившаяся своей святостью, просила г-жу Дю-Кайла уговорить короля причаститься, и гордая фаворитка любезно исполнила ея желаніе.

— Байронъ и Шелли на Женевскомъ озерѣ. Женевское озеро, столь тѣсно соединенное съ славными именами Вольтера, Руссо и Гиббона, сохраняетъ и память о двухъ великихъ поэтахъ девятнадцатаго вѣка—Байронѣ и Шелли. Казиміръ Стріенскій возстановляетъ на страницахъ «Revue Encyclopédique» [1]) эту мало извѣстную страницу изъ жизни двухъ друзей, которые впервые встрѣтились въ Женевѣ въ 1816 году, среди красотъ природы, воспѣтыхъ ими съ одинаковымъ энтузіазмомъ, хотя Байронъ относился къ нимъ, какъ эгоистъ, а Шелли, какъ пантеистъ. Эта встрѣча не была случайная, а имѣла романичную причину. Шелли и Мэри Годвинъ, которая спустя нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалась его женой, пріѣхали въ Швейцарію не одни, а съ дочерью перваго мужа Мэри Годвинъ, Кларой Клермонтъ, съ которой она обращалась, какъ съ сестрой. Эта молодая дѣвушка влюбилась въ Лондонѣ въ Байрона и подъ предлогомъ, что онъ достанетъ ей дебютъ на сценѣ какого нибудь театра, посѣщала его; когда же онъ поѣхалъ въ Женеву и отказался взять ее съ собой, то она подбила поѣхать съ ней туда Шелли и Мэри, которые не знали

[1]) Souvenirs du Lac Leman: Byron et Shelley, par Casimir Strienski, «Revue Encyclopedique», 10 juillet.

о ея знакомствѣ съ авторомъ «Чайльдъ Гарольда». Какъ бы то ни было, эта троица явилась въ Сешеронъ, противъ котораго находится вилла Діодатти, гдѣ жилъ Байронъ съ своимъ докторомъ Полидори, а потомъ поселилась рядомъ съ этою виллой въ Монталегрѣ, вѣроятно, по инициіативѣ Клары. На первыхъ же дняхъ случился романическій эпизодъ: однажды, рано утромъ, въ виноградникахъ, отдѣляющихъ вилу Діодатти отъ Монталегра, нашли маленькую туфлю Клары, которая сохраняется доселѣ въ школѣ въ Колоньи. Но Шелли и Мэри, повидимому, не шокировало легкомысленное поведеніе красавицы, и когда впослѣдствіи у нея родилась дочь, которую Байронъ назвалъ Алегрой, вѣроятно, въ память Монталегра, т. е. горы Алегры, то они взяли ее къ себѣ. Живя рядомъ, оба поэта очень скоро сошлись, и ихъ дружба поддерживалась до трагической смерти Шелли. Байронъ считалъ своего новаго друга высшимъ существомъ и человѣкомъ самымъ нѣжнымъ, любезнымъ и наименѣе презирующимъ изъ всѣхъ, кого онъ зналъ. «Полный деликатности и до крайности безкорыстный,Шелли,—писалъ онъ послѣ его смерти,—обладалъ геніемъ и рѣдкою простотой: онъ составилъ себѣ идеалъ красоты, благородства и возвышенной правды и всегда оставался вѣренъ этому идеалу». Съ своей стороны Шелли выражалъ менѣе энтузіазма къ Байрону, но искренно отзывался о немъ; например, онъ писалъ Ли-Гунту: «У лорда Байрона много благородныхъ качествъ, но у него надо вырвать гложущій его ракъ аристократизма». Шелли не могъ не осуждать поэта, который иногда высказывалъ эгоистичныя и вульгарныя мысли, хотя и признавалъ, что Байронъ нарочно придавалъ себѣ худшія свойства, чѣмъ тѣ, которыми наградила его природа, и былъ одаренъ необыкновеннымъ поэтическимъ геніемъ. Въ сущности они имѣли мало общаго, и сначала ихъ, повидимому, сдружила только общая страсть къ водѣ. Они купили пополамъ лодку и 23-го іюня 1816 года предприняли цѣлое путешествіе по Леману, которое продолжалось восемь дней и сдѣлалось историческимъ, потому что они едва не погибли, благодаря поднявшейся бури. Этотъ послѣдній эпизодъ описанъ не только обоими поэтами, но еще и третьимъ, случайно видѣвшимъ съ берега ихъ борьбу съ стихіей, именно Ламартиномъ; такимъ образомъ, Женевское озеро играетъ роль не только романическую, но и трагическую въ существованіи автора «Дона Жуана», воспѣвшаго, какъ его улыбки, такъ и роковыя морщины. Сначала экскурсія совершалась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: друзья, взявшіе съ собой двухъ гребцовъ и слугу, то шли на веслахъ, то на парусахъ, приставали къ берегу въ самыхъ живописныхъ или интересныхъ мѣстахъ, соединенныхъ съ памятью о Руссо, къ которому Шелли питалъ особый культъ, останавливались на ночь въ маленькихъ гостиницахъ, а на зарѣ снова продолжали свой путь. Такъ посѣтили они Нернье, Ивуаръ, Мельери и Евіанъ, гдѣ, видя бѣдныхъ жителей, въ лохмотьяхъ, Шелли воскликнулъ: «Контрастъ между подданными сардинскаго короля и гражданами независимой швейцарской республики доказываетъ воочію, какъ гибельно дѣйствуетъ деспотизмъ». Но на третій день поднялась буря, и такія громадные сѣдые валы стали кидать лодку со стороны на сторону, что нельзя было ни держать паруса, ни грести, ни править рулемъ: каждую минуту поэтамъ грозила смерть, и только чудомъ они спаслись въ Сенъ-Гингольфскую

бухту. Вотъ какъ Байронъ разсказывалъ потомъ Муррею объ этой бурѣ: «Однажды насъ съ Шелли и еще тремя людьми застала гроза на лодкѣ, близъ скалъ Сенъ-Гинголъфа. Шелли не умѣетъ плавать, и я, скинувъ одежду, сказалъ, чтобъ онъ сдѣлалъ то же, взялъ въ одну руку весло и спокойно дозволилъ мнѣ спасти его. Но онъ отвѣчалъ съ полнымъ хладнокровіемъ: «Я не хочу, чтобъ вы заботились о мнѣ; вамъ достаточно будетъ дѣла и спасать самого себя». Шелли въ своемъ описаніи этого эпизода подтверждаетъ слова Байрона: «Въ виду смерти я ощутилъ смѣсь различныхъ чувствъ, среди которыхъ страхъ занималъ очень мало мѣста; еслибъ я былъ одинъ, то страдалъ бы менѣе, но я зналъ, что Байронъ попытается меня спасти, и мнѣ казалось большимъ униженіемъ, что онъ будетъ рисковать своею жизнью для моего спасенія». А съ берега случайно смотрѣлъ на эту сцену борьбы двухъ англійскихъ поэтовъ съ разъяренной стихіей французскій поэтъ, и вотъ что говоритъ о ней Ламартинъ: «На пустынныхъ скалахъ Мельери меня застала гроза съ ливнемъ и страшными порывами вѣтра. Я искалъ защиты подъ выдающимся утесомъ, гдѣ уже ранѣе меня пріютился старый нищій изъ Женевы. Неожиданно я услышалъ на водѣ въ близкомъ разстояніи голоса людей, находившихся въ опасности, и при блескѣ молніи я увидѣлъ въ маленькой яхтѣ красиваго молодаго человѣка, съ чужеземнымъ выраженіемъ лица и въ странномъ костюмѣ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ и одною рукой держалъ веревку отъ паруса, а другою руль; четверо людей гребли изо всей силы, и потъ градомъ валилъ съ нихъ. Юноша, хотя блѣдный и съ развѣвавшимися волосами, казалось, болѣе восхищался грозною сценой бури, чѣмъ заботился о своей опасности. «Кто же это бросаетъ перчатку небу и бурѣ?» — воскликнулъ я невольно, а женевскій нищій отвѣтилъ: «Я знаю — кто; это — англійскій лордъ, который сочиняетъ книги». Спустя нѣсколько дней, я прочиталъ въ «Journal de Genève», что молодой и великій поэтъ, по имени Байронъ, подвергся въ этотъ вечеръ большой опасности во время бури на морѣ». Проведя ночь въ Сенъ-Гинголъфѣ, оба поэта продолжали свою экскурсію уже по зеркальной поверхности Лемана и посѣтили Шильонъ, Кларанъ, Вевей, Уши и Лозанну, гдѣ Байронъ сорвалъ на память вѣтку акаціи въ саду того дома, въ которомъ жилъ нѣкогда Гиббонъ, а Шелли записалъ въ свой дневникъ: «Я не послѣдовалъ его примѣру, боясь оскорбить болѣе великое и священное имя Руссо, память о безсмертныхъ произведеніяхъ котораго не оставила въ моемъ сердцѣ мѣста для воспоминаній о такомъ холодномъ и безстрастномъ смертномъ, какъ Гиббонъ; никогда я не чувствовалъ себя въ такомъ расположеніи смѣяться надъ предразсудками, какъ въ эту минуту, когда «La Nouvelle Heloise» и Кларанъ, «Римская имперія» и Лозанна вынуждали меня сравнивать Руссо и Гиббона».

— Воспоминанія о Петефи. Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти величайшаго венгерскаго поэта Петефи, и хотя написано о немъ сотни книгъ и брошюръ, но до сихъ поръ еще не появилось полной, обстоятельной его біографіи. Недавно вышелъ трехтомный трудъ Золтана Ференци, изданный главнымъ литературнымъ обществомъ Венгріи «Кисфалуди», и въ него вошло все, что въ продолженіе многихъ лѣтъ могъ собрать почтенный авторъ, и воспоминанія, замѣтки и документы о популярномъ героѣ-поэтѣ его

родины, но все-таки это не біографія въ строгомъ смыслѣ этого слова, хотя и послужитъ, конечно, богатымъ матеріаломъ для настоящаго біографа, когда такой найдется. Во всякомъ случаѣ, благодаря добросовѣстнымъ, кропотливымъ изысканіямъ Ферензи, можно теперь прослѣдить шагъ за шагомъ всю жизнь Петефи отъ дня его рожденія, 31-го декабря 1823 года до его исчезновенія въ битвѣ подъ Сенсваромъ, 31-го іюля 1849 года. Хотя каждый малѣйшій фактъ его недолгаго существованія подвергнутъ авторомъ самому тщательному критическому анализу, но большинство его романтичныхъ эпизодовъ сохранили свой интересъ, несмотря на то, что исчезло не мало мнеических легендарныхъ мелочей. Оказывается, напримѣръ, что онъ родился не въ новый годъ, какъ увѣряли, а въ 12 часовъ наканунѣ, то-есть съ 30 на 31 декабря, и что его отецъ, настоящая фамилія котораго была Петровичъ, былъ не мясникомъ, а богатымъ продавцемъ скота, который, однако, благодаря несчастнымъ обстоятельствамъ, разорился, и дѣтство Александра протекло среди постоянныхъ странствій изъ города въ городъ. Въ Азедѣ онъ нѣсколько времени посѣщалъ первоначальную школу и тамъ, по его собственнымъ словамъ, впервые сталъ писать стихи, впервые влюбился и впервые заявилъ желаніе сдѣлаться актеромъ. Послѣднее обстоятельство имѣло очень печальныя послѣдствія: учитель Петефи, узнавъ о его постоянныхъ посѣщеніяхъ театра, довелъ это до свѣдѣнія его отца, который отличался крутымъ нравомъ и подвергъ бѣднаго мальчика такому жестокому тѣлесному наказанію, что тотъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и послѣ многочисленныхъ неудачныхъ попытокъ добыть себѣ кусокъ хлѣба сценическою дѣятельностью поступилъ семнадцати лѣтъ въ солдаты. Но тяжелая казарменная жизнь оказалась не по сэрдцу и не по силамъ Петефи, хотя онъ искалъ утѣшенія въ поэзіи; тяжелая болѣзнь спасла его отъ неизбѣжнаго дезертирства, а когда онъ оправился, то ухаживавшій за нимъ докторъ помогъ ему добиться увольненія изъ военной службы. На короткое время онъ вернулся къ отцу, но потомъ снова сталъ скитаться и наконецъ, чтобъ окончить свое образованіе, поступилъ въ Высшую школу въ городѣ Папа, гдѣ его товарищами были знаменитый актеръ Орлай и еще болѣе знаменитый раманистъ Іокай. Замѣчательно, что эти три друга, покончивъ со школой и вступивъ на арену практической жизни, рѣшили сдѣлаться Орлай—писателемъ, Іокай—артистомъ, а Пефери—актеромъ, но судьба совершенно перепутала ихъ призванія. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ и столь же неудачныхъ попытокъ сдѣлаться актеромъ, Петефи посвятилъ себя литературѣ и издалъ томъ стихотвореній, который не имѣлъ успѣха, хотя многія изъ вошедшихъ въ него произведеній доставили ему неувядаемую славу и мало-по-малу сдѣлали его имя популярнымъ въ Венгеріи. Къ этому времени относится любовь Петефи къ Етелькѣ Суапо; она была своячиницей его друга и отличалась удивительной красотой, но, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ, она вскорѣ умерла отъ болѣзни сердца, и поэтъ пришелъ въ такое отчаянье, что едва не сошелъ съ ума. Онъ написалъ въ память ея цѣлый томъ чудныхъ элегій подъ заглавіемъ «Листья кипариса», и многіе годы въ день ея смерти посѣщалъ ея могилу, которую орошалъ жгучими слезами. Это, однако, не мѣшало ему влюбляться въ другихъ женщинъ, и

наконецъ онъ женился на Юліи Сцендрей, при самой романической обстановкѣ. Богатые родители молодой дѣвушки не хотѣли выдать ее замужъ за бѣднаго поэта, и онъ увезъ ее съ помощью своего друга, графа Телеки, который уступилъ ему для свадьбы и медоваго мѣсяца свой замокъ. Популярность Петефи, какъ поэта, достигла до апогея, когда онъ сдѣлался поэтомъ народнаго движенія 1848 года, и его «Talpa Magyar» стала венгерской «Марсельезой». Естественно онъ поступилъ волонтеромъ въ республиканскую армію и за первые подвиги храбрости произведенъ въ капитаны и назначенъ адъютантомъ къ генералу Бему, но его пылкая натура не могла мириться съ военной дисциплиной, и Ферензи приводитъ много любопытныхъ анекдотовъ объ его столкновеніяхъ съ начальниками. Однако его военная карьера и вмѣстѣ съ нею жизнь неожиданно прекратилась 31 іюля 1849 г. въ небольшой стычкѣ съ русскими подъ Сегесваромъ. Тѣло его не было узнано среди труповъ товарищей и покоится въ общей могилѣ; поэтому долго Венгрія не вѣрила, что ея великій двадцатишестилѣтній поэтъ погибъ такъ преждевременно, и ходили слухи то о томъ, что онъ въ плѣну у русскихъ, то что его видѣли въ различныхъ уголкахъ Европы. Даже появлялось нѣсколько лже-Петефи, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ убитъ въ Сеневарѣ, и Ферензи приводитъ цѣлую массу достовѣрныхъ доказательствъ, безспорно подтверждающихъ этотъ печальный фактъ.

— Исторія шведской печати. Въ Стокгольмѣ вышелъ второй и послѣдній томъ обширнѣйшаго труда библіотекаря королевской библіотеки, Бернгарда Лунштедта о настоящемъ и прошедшемъ прессы въ Швеціи [1]). Авторъ подробно и обстоятельно описываетъ каждое періодическое изданіе, выходившее или выходящее на его родинѣ, разсказываетъ его исторію и всѣ условія нынѣшняго его существованія, если оно продолжаетъ пользоваться. Первая газета въ Швеціи «Hermes Gothicus» стала выходить въ 1624 году въ Стренгнесѣ, и ея экземпляръ, хотя не полный, хранится въ стокгольмской королевской библіотекѣ. Но настоящимъ создателемъ періодической шведской печати былъ король Густавъ II, который, отправляясь въ Пруссію въ іюнѣ 1626 года, приказалъ секретарю государственнаго архива извлекать интересныя новости изъ писемъ, получаемыхъ на имя короля отъ различныхъ лицъ, и печатать еженедѣльный ихъ сводъ. Изъ этого скромнаго начала мало-по-малу развилась шведская пресса, въ которой принимали участіе лучшіе писатели, такъ первые литературные опыты Тегнера появились въ «Lunds Weekoblad», а поэтъ Кельгренъ былъ редакторомъ «Stockholms Posten». Цензура была установлена съ 1676 года, и Карлъ XI въ 1682 году былъ такъ недоволенъ нѣкоторыми газетными статьями, что приказалъ Оксенстирнѣ не дозволять появленія ни одной печатной строчки, безъ предварительнаго просмотра. «Sofrosyne», газета, издававшая для дамъ, была запрещена въ 1815 году, послѣ полуторагодового существованія, а ея издатель оштрафованъ въ 800 талеровъ, благодаря тому, что въ ней появилось письмо, въ которомъ разсказывалось о необыкновенной перемѣнѣ, произведенной въ одномъ государѣ (Александрѣ I) г-жей Крюденеръ.

---

[1]) Sveriges Periodiska Litteratur. Bibliografi utarbetad af Bernhart Lundstedt. II. 1645—1894. Stockholm. 1897.

— **Апостолъ русофобіи въ Англіи и воспоминанія англичанъ о Крымской войнѣ.** Въ послѣдніе годы русофобія значительно уменьшается въ Англіи, но во времена лорда Пальмерстона и лорда Биконсфильда она находилась въ апогеѣ, и ея главнымъ апостоломъ былъ Дэвидъ Уркгартъ. Этотъ добродушный, мирный шотландскій джентельмэнъ вдругъ воспылалъ неудержимой злобой къ Россіи, которую онъ считалъ исчадіемъ ада, и столь же пламенною любовью къ Турціи, посвятилъ всю свою жизнь изложенію своихъ идей въ парламентѣ, членомъ котораго онъ состоялъ, въ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, наконецъ имѣлъ такое сильное вліяніе на общественное мнѣніе въ Англіи, что только недавно оно стало освобождаться отъ навѣянной имъ русофобіи. Только-что появилась біографія его жены [1]), которая была сестрою лорда Карлингфорда и питала культъ къ своему мужу. Эта странная, но честная и искренно убѣжденная въ правотѣ своихъ идей, личность выступаетъ очень рельефно. Авторъ книги, мистриссъ Бишопъ, разсказываетъ, какъ Уркгартъ сдѣлался ненавистникомъ Россіи, и такъ какъ этотъ разсказъ основанъ на собственномъ письмѣ Уркгарта къ епископу Вильберфорсу, то достовѣрность его несомнѣнна. Оказывается, что этотъ другъ Турціи былъ въ юности ея заклятымъ врагомъ и принималъ участіе волонтеромъ въ войнѣ за независимость Греціи, но передъ возвращеніемъ въ Англію съ востока онъ случайно провелъ ночь въ турецкомъ лагерѣ. Сидя у бивачнаго огня, онъ прислушивался къ разговорамъ турецкихъ солдатъ, и его поразилъ разсказъ одного изъ нихъ, какъ русскіе въ 1828 году окружили маленькую турецкую крѣпость до объявленія войны. «Отчего же вы не помѣшали ихъ обходному движенію?» спросилъ Уркгартъ и получилъ въ отвѣтъ: «Мы не могли стрѣлять въ нихъ, такъ какъ война не была объявлена». Уркгартъ не поцеремонился сказать, что считаетъ подобное поведеніе безсмысленною глупостью, но турецкій солдатъ вскочилъ, бросился къ своему ружью и, поцѣловавъ его, воскликнулъ: «Если я сражаюсь этимъ ружьемъ безъ благословенія Божія, то я нахожусь на службѣ у дьявола». Эти слова такъ подѣйствовали на Уркгарта, что онъ вдругъ понялъ весь позоръ своей дѣятельности на востокѣ, гдѣ онъ, самъ того не сознавая, игралъ роль пирата. По крайней мѣрѣ онъ такъ самъ выражается въ своемъ письмѣ къ епископу Вильберфорсу и прибавляетъ: «я не могу выразить всего, что я перечувствовалъ въ ночь послѣ этого разговора, и если бы поблизости находился компетентный судъ, то я пошелъ бы туда и просилъ бы меня судить, какъ преступника, а на слѣдующее утро я пришелъ къ убѣжденію что единственнымъ средствомъ искупить мою вину было посвятить всю свою жизнь на то, чтобъ убѣдить моихъ соотечественниковъ и всю Европу, раздѣлявшихъ мои прежнія идеи, въ ихъ незаконности и нечестивости». Онъ такъ и поступилъ, а его энергичныя старанія расположить общественное мнѣніе Англіи въ пользу Турціи и возстановить его противъ Россіи увѣнчались удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сдѣлался апостоломъ русофобіи, и самъ Дизраели, по словамъ жены Уркгарта, черпалъ у ея мужа матеріалъ для своей восточной политики. Однако надо отдать справедли-

---

[1]) Memoir of mistriss Urguhart, by M. C. Bischop. London. 1897.

вость этому другу Турціи, который доходилъ въ своей любви ко всему турецкому до распространенія турецкихъ бань въ Англіи, что онъ не только не подстрекалъ англичанъ къ Крымской войнѣ, но даже отговаривалъ отъ нея политическихъ дѣятелей, принципіально возставая противъ всѣхъ кровопролитій. Но онъ своей русофобской проповѣдью такъ удачно подготовилъ почву, что его усилія удержать Англію отъ войны оказались тщетными, и Крымская кампанія, въ которой онъ въ сущности былъ виноватъ болѣе всѣхъ, принесла безконечный вредъ его родинѣ въ матеріальномъ и политическомъ отношеніяхъ. До сихъ поръ еще не вполнѣ выяснены всѣ печальныя и мрачныя стороны военной дѣятельности англичанъ въ Крыму, и постоянно появляются новыя воспоминанія лицъ, служившихъ тогда въ англійской арміи и флотѣ, такъ недавно появились: дневникъ генерала, сэра Чарлса Виндгама[1]) и письма адмирала, сэра Леопольда Гита[2]). Первый подробно описываетъ неудачный штурмъ англичанами Редана, 8-го сентября 1855 года подъ его начальствомъ и объясняетъ свое пораженіе недостаткомъ подкрѣпленій; его небольшой отрядъ находился подъ убійственнымъ огнемъ русскихъ, а всѣ его просьбы о присылкѣ свѣжихъ силъ оставались безъ отвѣта, такъ что наконецъ онъ самъ отправился за подкрѣпленіемъ, а затѣмъ произошла между англичанами паника и безпорядочное отступленіе. Хотя французы увѣряли, что за подобный поступокъ у нихъ разстрѣляли бы начальника отряда, но высшіе англійскіе военные авторитеты высказались въ пользу Виндгама. Что же касается до книги адмирала Гита, то въ ней рисуется яркая картина всѣхъ административныхъ безпорядковъ, которые имѣли такое гибельное дѣйствіе на положеніе англійской арміи и флота во время Крымской кампаніи.

— Смерть Альфреда Арнета. Въ концѣ іюля умеръ первый изъ современныхъ историковъ Австріи—Альфредъ фонъ-Арнетъ. Родившись въ Вѣнѣ въ 1819 году, онъ поступилъ еще юношей на государственную службу, но исключительно занимался въ продолженіе всей своей жизни историческими трудами. Первымъ его крупнымъ сочиненіемъ была «Біографія фельдмаршала графа Гвидо Штремберга», а затѣмъ онъ напечаталъ «Принцъ Евгеній Савойскій» въ трехъ томахъ и «Исторію Маріи-Терезіи» въ десяти томахъ. Назначенный вице-директоромъ императорскаго австрійскаго архива, онъ издалъ многотомную переписку Маріи-Терезіи съ своей дочерью Маріей-Антуанетой, Іосифомъ II и т. д. Въ 1848 году онъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія въ Франкфуртѣ, а въ 1869 году пожизненнымъ членомъ палаты господъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ директоромъ государственнаго австрійскаго архива и открылъ его для всѣхъ ученыхъ изслѣдователей; его примѣру послѣдовали начальники всѣхъ европейскихъ архивовъ. Кромѣ того, онъ былъ сначала членомъ, потомъ вице-предсѣдателемъ и наконецъ предсѣдателемъ академіи наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ его всѣ любили, всѣ уважали. Нѣсколько

---

[1]) The Crimean diary and letters of lieut.-general sir Charles Ash Windham. London. 1897.

[2]) Letters from the Black-Sea during the Crimean war, by admiral sir Leopold Heath. London. 1897.

лѣтъ тому назадъ, онъ напечаталъ свои мемуары подъ заглавіемъ: «Изъ моей жизни».

— Бисмаркъ въ отставкѣ. Очень кстати въ настоящую минуту, когда бисмарковская политика снова воскресаетъ въ Германіи, и императоръ Вильгельмъ окружаетъ себя креатурами желѣзнаго канцлера, появился первый томъ обширнаго труда I. Пенцлера «Князь Бисмаркъ со времени его отставки» [1]). Авторъ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ панегиристовъ создателя современной Германской имперіи, обѣщаетъ собрать и напечатать всѣ рѣчи, депеши и письма Бисмарка, а также навѣянныя имъ журнальныя статьи съ той минуты, какъ по его собственному циничному выраженію: «его повелитель далъ ему въ ухо»— до настоящей минуты. Всего будетъ пять громадныхъ томовъ этого сборника историческихъ матеріаловъ, а первый изъ нихъ обнимаетъ эпоху отъ 20-го марта 1890 года по 11-е февраля 1891 года, то-есть, то время, когда высказываемыя опальнымъ канцлеромъ мнѣнія отличались сравнительной умѣренностью. Впрочемъ, судя по диѳирамбамъ, которые расточаетъ ему въ каждой своей фразѣ Пенцлеръ, его не приведутъ втупикъ самыя рѣзкія крайности, до которыхъ впослѣдствіи доходилъ Бисмаркъ въ борьбѣ то тайной, то открытой съ своимъ бывшимъ ученикомъ и его новымъ курсомъ. Въ глазахъ этого почтеннаго нѣмца его кумиръ не только величайшій политическій геній, но и человѣкъ непогрѣшимый, который всегда дѣйствовалъ лишь для общаго блага и жертвовалъ ему своимъ личнымъ интересомъ; поэтому Пенцлеръ лѣзетъ изъ кожи, чтобы доказать всегдашнюю правоту своего героя, который, по его словамъ, представляется солнцемъ безъ малѣйшихъ пятенъ и всегда былъ правъ во всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ, не только находясь у дѣлъ, но и въ отставкѣ. Этотъ упорный оптимистъ такъ увѣренъ въ безупречности всего высказаннаго Бисмаркомъ со времени его опалы, что онъ добросовѣстно приводитъ самыя противорѣчивыя его заявленія, предоставляя читателямъ разобраться, какъ имъ угодно, въ этомъ лабиринтѣ лжи. Конечно, благодаря этому, увеличивается историческое достоинство его труда, но врядъ ли скажетъ спасибо своему наивному панегиристу апостолъ теоріи желѣза и огня. Особенно интересны въ виду настоящихъ усложненій восточнаго вопроса всѣ собранныя въ одно цѣлое мнѣнія Бисмарка по этому предмету и его объясненія своей политики относительно Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Въ этихъ объясненіяхъ онъ доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ дипломатическаго лицемѣрія и цинично увѣряетъ, что онъ всегда сочувствовалъ Россіи, что на конгрессѣ онъ былъ болѣе русскимъ, чѣмъ нѣмцемъ, и что въ сущности исполнялъ только роль секретаря графа Шувалова, который былъ виновенъ во всемъ. Не менѣе любопытны объясненія Бисмарка относительно его соціальной политики: совершенно забывая, какъ онъ самъ нѣкогда кокетничалъ съ Лассалемъ, и что ему принадлежитъ честь введенія въ Германіи всеобщей подачи голосовъ, желѣзный канцлеръ въ отставкѣ гнѣвно возстаетъ противъ рабочаго класса и попытки Вильгельма мирно разрѣшить соціальный вопросъ, тогда какъ, по его

---

[1]) Fürst Bismarck nach seiner Entlassung, von Joh. Penzler. Erster Band. Leipzig. 1897.

мнѣнію, противъ мятежнаго меньшинства можно только дѣйствовать путемъ самой жестокой реакціи. Въ противорѣчіи между его принципами и мыслями императора по этому предмету онъ видитъ главную причину своей опалы, которая въ сущности теперь уже не имѣетъ никакого смысла въ виду того, что бывшій ученикъ Бисмарка перещеголялъ своего учителя въ реакціонной бисмарковщинѣ. Чѣмъ кончится взятый Вильгельмомъ новѣйшій курсъ, въ сущности имѣющій компасомъ старую бисмарковскую теорію желѣза и огня, покажетъ ближайшее будущее, но эти рѣзкіе шаги назадъ, по словамъ профессора Рейнгольда въ знаменательной рѣчи, недавно произнесенной имъ въ Висбаденѣ, «создали въ Германіи коалицію всѣхъ недовольныхъ и перевели въ лагерь оппозиціи почти всю націю».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Царь Василій Шуйскій съ братьями въ Гостынинѣ въ 1612 году.

Въ 1892 году на страницахъ «Русской Старины» (т. LXXIV, стр. 678—680) была напечатана наша замѣтка подъ заглавіемъ «Гостынинскій замокъ, мѣсто пребыванія въ Польшѣ царя Василія Шуйскаго съ братьями въ 1611—1612 гг.». Теперь дополняемъ ее нижеслѣдующими тремя актами, касающимися смерти знатныхъ московскихъ плѣнниковъ. Акты эти открыты въ 1845 году въ бумагахъ гостынинскаго гродскаго суда, снаряженною бывшимъ совѣтомъ управленія царства Польскаго комиссіею для изслѣдованія и описанія мѣстныхъ древностей. Два изъ нихъ на польскомъ языкѣ, и приводимъ ихъ въ переводѣ, а третій на языкѣ латинскомъ и печатаемъ его въ подлинникѣ.

I. Actum in castro Gostinensi Sabbatho in crastino festi S. Mathei, Apostoli et Evangelistae A. D. 1612. Regnante Seren. Sigismundo III. Rege Poloniae et Sueciae.

Славной памяти высокородный усопшій Василій Шуйскій, который былъ (какъ о томъ носится слухъ) великимъ царемъ московскимъ и который вмѣстѣ съ высокородными: Димитріемъ—гетманомъ, Иваномъ—подскарбіемъ, Шуйскими, князьями московскими, родными братьями, по приказанію его королевскаго величества короля польскаго, отосланы на жительство въ Гостыньскій каменный замокъ, во время староства высокороднаго е(го) м(илости) господина Юрія Гарвавскаго, въ то время старосты Гостыньскаго, при коихъ е. в(-іе) господинъ Збигневъ Бобровницкій, придворный короля его величества, приста-

вомъ состоитъ, здѣсь, въ замкѣ Гостыньскомъ, дня, то-есть, въ субботу послѣ (праздника) св. Матѳея, апостола и евангелиста, въ своемъ помѣщеніи, въ каменной комнаткѣ, надъ каменными воротами, Господу Богу душу свою отдалъ. Жилъ онъ около лѣтъ 70.

II. Actum in Castro costinensi, Feria quinta ante festum S. Michaelis Archangeli proxima, A. D. 1612.

Славной памяти усопшій, высокородный Димитрій Шуйскій, великій гетманъ московскій, который вмѣстѣ съ высокородными: Василіемъ, царемъ московскимъ, и Иваномъ, подскарбіемъ, Шуйскими, родными братьями, по приказанію короля его величества, отосланы на жительство въ Гостыньскій замокъ, во время староства высокороднаго господина Юрія Гарвавскаго, старосты Гостыньскаго, при которыхъ приставомъ былъ высокородный Збигневъ Бобровницкій, придворный короля его величества, дня, то-есть въ четвергъ предъ св. Михаиломъ, настоящаго года, 1612, въ комнатѣ, въ помѣщеніи своемъ каменномъ нижнемъ, со стороны виноградника, въ присутствіи высокородной Катерины, княгини, супруги своей, и прочихъ слугъ московскихъ, умеръ и душу свою Господу Богу отдалъ.

III. Actum in castro Gostynensi, die Dominica. S. Catharinae Virginis et Martyris. A. D. 1612.

Generosa olim Catharina Szujska, consors olim Dimitri Szujski, ducis moscovitici, piæ memoriæ, quæ Catharina vocabatur, kneina, quæ, die hodierna, videlicet die Dominico Festi S. Catharinæ Virginis et Martyris in castro praesenti Gostynensi murato, in hypocausto inferiori, versus vineam, seu sylvam, in dextram partem intrando arcem muratam circa fenestram angularem portis seu pontis, in mansione, seu sessione sua, ex mandato Sacrae Serenissimae Regiæ Majestatis habita, hora una cum medianto (?) meridiem, in presentia Generosi Ioannis Szujski, dicti kniaź Iwan Lewin, sui germani, ancillarumque et famulorum suorum existens, detenta infirmitate magnae intumescentiæ, cum pia memoria, ultimam diem vitae suæ clausit, valeditisque vivis, tempore capitaneatus Magnifici Georgis Garwawski, Capitanei loci praesentis, castri Gostinensis, nec non generosi Zbigniewi Bobrownicki, Curatoris, vulgo Przystawp, aulici Sacrae Regiæ Majestatis.

Здѣсь же, кстати, приведемъ и подробный перечень имущества, оставшагося послѣ Шуйскихъ.

Послѣ царя Василія:

Образъ Божіей Матери, обложенный серебромъ и (обогнутый по сторонамъ) мѣдью.

Шкатулка съ дукатами и талерами.

Серебряныя ложка и вилка,— получены подъ Смоленскомъ.

Одежда королевскаго жалованья:

золотистая епанча,
кафтанъ шелковый, красный,
кафтанъ голубой,
шапка черная, лисья,
шапка вишневаго цвѣта, суконная, отороченная черною лисицей,

шуба изъ голубаго сукна, на лисьемъ мѣху,
шуба бобровая, съ бѣлыми обшивками,
кафтанъ на куньемъ мѣху,
кафтанъ съ 12-ю серебряными кованными пуговицами,
пуговицы золотистыя въ количествѣ девяти штукъ,
одежда бархатная, красная и желтая,
бокалъ серебряный, вызолоченный внутри,—подарокъ Льва Сапѣги, подъ Смоленскомъ,
ложка серебряная, подаренная тамъ же паномъ Балабаномъ,
блюдо серебряное,
тарелокъ оловянныхъ четыре,
тарелочка оловянная,
умывальникъ оловянный,
два котелка—мѣдный и желѣзный.

Послѣ царскаго брата, князя Димитрія:
крестъ золотой съ мощами внутри, украшенный драгоцѣнными каменьями
образъ Божіей Матери,
ковчежецъ (съ мощами) золотой,
вѣнецъ золотой съ драгоцѣнными каменьями,
перстень золотой съ рубиномъ и смарагдомъ,
печать гравированная, а вокругъ нея рубины и жемчугъ,
перстень золотой съ солнечными часами на печаткѣ,
перстень съ желѣзною печатью,
перстень золотой, гладкой съ бриллiантомъ въ серединѣ,
перстень золотой съ смарагдомъ и печатью,
перстень мѣдный,
нѣсколько перстней поменьше.

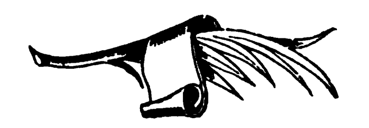
Сверхъ того, послѣ князя Димитрія осталось въ шкатулкѣ—
двѣсти рублей московскихъ и
дукатовъ золотыхъ «двѣсти безъ одного».

Послѣ невѣстки царской, жены Димитрія, Екатерины:
цѣпочка золотая,
перстень золотой,
кольцо обручальное съ драгоцѣнными камнями,
крестъ золотой,
образъ св. Николая въ золотомъ окладѣ;

Одежда—королевскій подарокъ:
платье шелковое,
кафтанъ изъ зеленаго атласу,
шуба суконная, на пуху, вишневаго цвѣта,
двѣнадцать пуговицъ на серебряныхъ петлицахъ, крючки — золоченые,
кафтанъ красный, подбитый соболями, съ золотыми петлицами,
епанча изъ голубаго сукна, на зеленой подкладкѣ,
пуховая постель,

два одѣяла;
платье скарлатное (червленое) съ 15-ю золочеными пуговицами,
много (другихъ) платьевъ,
одѣяла, подбитыя соболями,
тѣлогрѣйка,
шуба горностаевая,
шапочка женская изъ краснаго атласа съ золотою прошивкою,
нарукавники золотые съ драгоцѣнными каменьями, рубинами и смарагдами,
полотно,
бархатъ,
шапочка черная, бархатная съ золотыми застежками,
шкатулка съ цѣнными бездѣлками: кольцами и драгоцѣнными каменьями,
три серебряныя чарки для вина,
поддонники и двѣ серебряныя ложки,
чарки оловянныя три,
два оловянные жбана,
тарелки,
блюда,
котловъ мѣдныхъ пять,
умывальникъ оловянный,
лохань мѣдная,
три таза,
ночной горшокъ—мѣдный,
приборъ со стаканами,
часы съ боемъ, съ музыкою,
ящикъ съ тарелками и блюдами,
двѣ кареты и
денегъ —
девяносто три рубля, да
ефимковъ, гривенниковъ и алтынниковъ около трехъ рублей.

Сообщилъ Г. А. Воробьевъ.



СМѢСЬ.

Открытіе памятника Н. И. Пирогову. 3-го августа, съ большою торжественностью совершено было открытіе памятника Н. И. Пирогову, воздвигнутаго въ Москвѣ на Дѣвичьемъ полѣ, между зданіями хирургической и терапевтической клиникъ. Зданія обѣихъ клиникъ украшены были національными флагами и гербами Москвы, а порталъ, ведущій въ клиники, былъ декорированъ тропическими деревьями. Памятникъ окружалъ обширный четырехъугольный помостъ, устланный краснымъ сукномъ, съ высокими мачтами по угламъ, на которыхъ развѣвались огромные флаги. Съ четырехъ сторонъ спускались гирлянды зелени, а по угламъ рѣшетки, окружающей монументъ, высились купы лавровыхъ деревьевъ. Мѣсто торжества съ 11-ти часовъ утра окружала масса публики. Въ началѣ 12-го часа дня, на помостѣ передъ памятникомъ началась панихида, совершенная профессоромъ богословія въ Московскомъ университетѣ Н. А. Елеонскимъ съ мѣстнымъ духовенствомъ, при хорѣ пѣвчихъ. За богослуженіемъ находились: попечитель Московскаго учебнаго округа Н. П. Боголѣповъ, помощникъ попечителя В. Д. Исаенковъ, членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія А. П. Разцвѣтовъ, ректоръ университета П. А. Некрасовъ, деканъ и профессора медицинскаго и другихъ факультетовъ, военно-медицинскій инспекторъ Л. А. Заусцинскій, московскій городской голова князь В. М. Голицынъ, депутаты отъ различныхъ медицинскихъ обществъ и учрежденій, нѣкоторые изъ иностранныхъ ученыхъ, прибывшихъ на международный съѣздъ врачей, супруга и сынъ покойнаго Н. И. Пирогова, врачи клиникъ и московскихъ больницъ и посторонніе лица. Въ концѣ панихиды профессоръ

П. А. Елеонскій произнесъ приличное торжеству слово. По окончаніи богослуженія предсѣдатель комитета по сооруженію памятника, профессоръ П. И. Дьяконовъ, обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой изложилъ ходъ дѣла по постройкѣ манумента Н. И. Пирогову. 3-го января 1891 года состоялось, по ходатайству общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки для сооруженія памятника знаменитому русскому хирургу. Немедленно по полученіи этого разрѣшенія общество избрало изъ своей среды комитетъ по постройкѣ памятника изъ слѣдующихъ лицъ: Н. В. Склифосовскаго, Ѳ. Ѳ. Эрисмана, П. И. Дьяконова, Е. А. Осипова и Е. А. Покровскаго. Комитетъ открылъ повсемѣстно въ Россіи подписку на сооруженіе памятника, и составленіе проекта памятника поручилъ академику В. І. Шервуду. Впослѣдствіи составъ комитета измѣнился: изъ него выбыли Н. В. Склифосовскій, Е. А. Осиповъ, Ѳ. Ѳ. Эрисманъ и Е. А. Покровскій, а на мѣсто ихъ вступили въ члены комитета А. А. Бобровъ, Ф. И. Синицынъ и А. Н. Маклаковъ. Покойный В. І. Шервудъ и указанные имъ подрядчики, бронзовыхъ работъ Е. Ф. Вишневскій и гранитныхъ работъ Н. А. Захаровъ, отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ дѣлу и, согласившись на самое скромное вознагражденіе, дали возможность комитету довести до конца начатое дѣло. Всѣ работы по сооруженію памятника велись подъ наблюденіемъ В. І. Шервуда, котораго въ послѣднее время, по случаю его болѣзни, замѣнилъ его сынъ, архитекторъ В. В. Шервудъ. Когда подписка дала 12.000 рублей, необходимыхъ для изготовленія бронзоваго изображенія Н. И. Пирогова и подножія къ нему, комитетъ обратился къ его императорскому высочеству московскому генералъ-губернатору великому князю Сергѣю Александровичу съ просьбою исходатайствовать всемилостивѣйшее соизволеніе его императорскаго величества государя императора на сооруженіе памятника. 19-го января 1895 г. послѣдовало высочайшее разрѣшеніе государя императора построить на собранныя деньги памятникъ Н. И. Пирогову по проекту, представленному академикомъ В. І. Шервудомъ. Послѣ этого приступлено было къ работамъ. Сборъ же пожертвованій продолжался до самаго послѣдняго времени и въ общемъ далъ сумму вмѣстѣ съ процентами на нее въ 13.462 рубля 86 копеекъ. За ничтожнымъ исключеніемъ деньги эти даны русскими врачами. Памятникъ, однако, не могъ бы быть готовъ въ настоящее время, если бы не оказана была помощь правленіемъ Московскаго университета и московской городской думой. Первое выдало комитету 500 рублей, а дума ассигновала 1.600 рублей на окончательную отдѣлку памятника. Весь расходъ по устройству памятника составляетъ 15.600 рублей. Указывая на то, что въ подпискѣ на памятникъ участвовали почти исключительно врачи, профессоръ замѣтилъ, что такимъ образомъ первый памятникъ русскому врачу сооруженъ на средства русскаго врачебнаго сословія. Рѣчь свою П. И. Дьяконовъ закончилъ словами: «Комитетъ, выполнивъ посильно возложенную на него обществомъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова задачу, передаетъ новый памятникъ императорскому Московскому университету. Пусть старѣйшій разсадникъ просвѣщенія въ Россіи, нашъ дорогой университетъ, присоединитъ къ прочимъ своимъ сокровищамъ это изображеніе одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ сыновъ; пусть питомцы уни-

верситета смотрятъ на вдохновенное лицо Н. И. Пирогова, и поучаются, подобно ему, безкорыстно и самоотверженно служить правдѣ и наукѣ». При этихъ словахъ съ памятника спало покрывало, и глазамъ присутствовавшихъ предстало бронзовое изваяніе Н. И. Пирогова. Памятникъ воздвигнутъ между терапевтическою и хирургическою факультетскими клиниками. Онъ устроенъ на кирпичномъ фундаментѣ, причемъ цоколь его облицованъ полевымъ гранитомъ, а пьедесталъ финляндскимъ гранитомъ. Самый памятникъ отлитъ изъ бронзы. Н. И. Пироговъ представленъ сидящимъ въ креслѣ съ зондомъ въ правой рукѣ и черепомъ въ лѣвой; задумчивое лицо его обращено кверху. Съ четырехъ сторонъ пьедестала придѣланы 4 бронзовыхъ вѣнка, внутри которыхъ на мѣдныхъ доскахъ помѣщены выписки изъ различныхъ сочиненій Н. И. Пирогова. По всѣмъ угламъ пьедестала поставлены бронзовыя же вазы съ обвитыми вокругъ нихъ змѣями. Вокругъ памятника, на основаніи изъ финляндскаго гранита, установлена массивная чугунная литая рѣшетка. Высота всего монумента 3 сажени 1¼ аршина, а высота бронзоваго изображенія Н. И. Пирогова — 1 сажень. Въ числѣ надписей на памятникѣ красуются тѣ трогательныя слова, которыя сказаны были Н. И. Пироговымъ по поводу избранія его почетнымъ гражданиномъ Москвы: «Можетъ ли быть что̀ нравственно выше того, когда родина даетъ званіе почетнаго гражданина одному изъ своихъ сыновъ и притомъ не за блестящіе подвиги на бранномъ полѣ, не за матеріальныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности. Представители г. Москвы, удостоивъ меня званія почетнаго гражданина, какъ будто осуществили завѣтную мечту моей юности, когда я готовился посвятить всю мою дѣятельность исключительно Москвѣ, мѣсту моего рожденія и воспитанія». На пьедесталѣ находятся еще три слѣдующія надписи: 1) «Даже желая отъ всей души сдѣлаться истыми спеціалистами, мы не должны забывать, что и для этого необходимо общечеловѣческое образованіе». 2) «Я положилъ себѣ за правило при первомъ моемъ вступленіи на каѳедру ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ, и если не сейчасъ же, то потомъ и немедля открывать передъ ними сдѣланную мною ошибку, будетъ ли она въ діагнозѣ или лѣченіи болѣзни». 3) «Отдѣлить учебное отъ научнаго въ университетѣ нельзя. Но научное и безъ учебнаго все-таки свѣтитъ и грѣетъ. А учебное и безъ научнаго, какъ бы ни была заманчива его внѣшность, только блеститъ». Послѣ рѣчи предсѣдателя комитета по сооруженію памятника, предъ открытымъ монументомъ сказалъ слѣдующее слово ректоръ Московскаго университета профессоръ П. А. Некрасовъ: «Торжество открытія памятника Н. И. Пирогову, являясь праздникомъ всей русской медицинской науки, имѣетъ особенное значеніе для Московскаго университета. Это торжество наполняетъ всѣхъ, кому дорогъ Московскій университетъ, чувствами нравственнаго удовлетворенія и признательности тѣмъ, кто устроилъ этотъ праздникъ. Устроители памятника Н. И. Пирогову подносятъ въ даръ Московскому университету многознаменательное художественное украшеніе. Оно будетъ напоминать о славномъ питомцѣ Московскаго университета, соединившемъ въ себѣ родное просвѣщеніе съ европейскою образованностію. Это счастливое соединеніе дало намъ въ лицѣ Н. И. Пирогова одного изъ русскихъ богатырей,

воодушевленнаго свѣтлыми идеалами, самоотверженно послужившаго царю и отечеству на ратномъ полѣ въ качествѣ хирурга, на каѳедрѣ профессора и на поприщѣ административно-педагогическомъ, и оставившаго намъ въ своихъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ великіе и добрые завѣты. Пусть это художественное изображеніе Н. И. Пирогова направляетъ, возвышаетъ и укрѣпляетъ духъ настоящихъ и будущихъ питомцевъ Московскаго университета, возбуждая ихъ къ добрымъ подвигамъ. За этотъ прекрасный даръ приношу отъ имени императорскаго Московскаго университета глубокую благодарность, какъ комитету по сооруженію памятника Н. И. Пирогову, такъ и всѣмъ просвѣщеннымъ виновникамъ настоящаго торжества, вложившимъ свою лепту или свой трудъ въ это украшеніе». Послѣ рѣчи ректора университета началось возложеніе на памятникъ вѣнковъ. Изъ зданія клиники двинулась къ монументу процессія депутацій отъ различныхъ учрежденій съ вѣнками въ рукахъ. Первымъ возложенъ былъ огромный лавровый вѣнокъ съ пальмовыми вѣтвями и живыми цвѣтами отъ Московскаго университета. Затѣмъ слѣдовали вѣнки: отъ университета св. Владиміра—«Попечителю Н. И. Пирогову»; отъ императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны (лавровый); «Великому хирургу и общественному дѣятелю Н. И. Пирогову — отъ общества русскихъ врачей его имени»; отъ факультетской хирургической клиники (Московскаго университета)—«Незабвенному учителю»; отъ глазной клиники; отъ психіатрической клиники Московскаго университета—«Геніальному врачу, великому учителю и воспитателю»; отъ московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ—«Великому русскому врачу»; отъ московскаго физико-медицинскаго общества; отъ военныхъ врачей московскаго округа—«Великому хирургу, благородному мыслителю»; отъ врачей московскихъ тюремныхъ больницъ—«Великому русскому врачу и хирургу»; отъ общества врачей Восточной Сибири; отъ общества ярославскихъ врачей; отъ общества кременчугскихъ врачей—«Великому русскому хирургу и мыслителю»; отъ общества нѣмецкихъ врачей въ С.-Петербургѣ; отъ врачей московской Яузской больницы, Маріинской, Голицынской, Второй городской, Бахрушинской и отъ больницы имени императора Александра III въ Москвѣ; отъ евреевъ г. Москвы—«Великому русскому врачу и гуманисту»; отъ родныхъ покойнаго и др. Всѣ вѣнки были или металлическіе, или изъ живыхъ цвѣтовъ, зелени и лавровъ. По возложеніи вѣнковъ, въ аудиторіи факультетской хирургической клиники состоялось торжественное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Дьяконова, посвященное памяти Н. И. Пирогова. Первая рѣчь подъ заглавіемъ «Памяти Н. И. Пирогова» произнесена была профессоромъ А. А. Бобровымъ. Сдѣлавъ очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Пирогова, профессоръ въ заключеніе своей рѣчи высказалъ, что таланты Н. И. Пирогова крайне разносторонни. «Въ каждое дѣло онъ влагалъ свою душу и неутомимую энергію, онъ вдумывался въ каждое явленіе, въ каждый фактъ и подвергалъ ихъ тонкому анализу глубокаго ученаго. Онъ былъ выразителемъ лучшихъ стремленій своего времени, всегда предпочиталъ духъ формѣ и живую мысль мертвой буквѣ; онъ училъ уважать въ другомъ, начиная съ дѣтскаго возраста, человѣческое достоинство, училъ видѣть въ наукѣ не просто одинъ сборникъ знаній, а мощное средство

дѣйствовать и на нравственную сторону учащихся». Затѣмъ, профессоръ Л. Л. Левшинъ, какъ представитель военно-ученаго медицинскаго комитета и главнаго военно-медицинскаго управленія и московскаго хирургическаго общества, сказалъ рѣчь «О заслугахъ въ хирургіи, въ особенности отечественной, Н. И. Пирогова». Далѣе директоръ императорскаго клиническаго института профессоръ Н. В. Склифосовскій произнесъ рѣчь, вызвавшую особенно горячіе знаки одобренія. Послѣ этихъ рѣчей прочитана была телеграмма отъ министра народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова слѣдующаго содержанія: «Сожалѣю, что по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ не могу присутствовать при открытіи памятника знаменитаго хирурга и философа, педагога Пирогова. Онъ дорогъ всѣмъ намъ, какъ великій русскій ученый, а мнѣ въ особенности, какъ сынъ Москвы сыну Москвы, какъ воспитанникъ университета, коего и я воспитанникъ, какъ сослуживецъ по званію попечителя учебнаго округа. Честь, слава и благодарность инициаторамъ сооруженія памятника. Графъ Деляновъ». Далѣе слѣдовали привѣтственныя рѣчи различныхъ депутацій. Профессоръ Кутеповъ сказалъ привѣтствіе отъ военно-медицинской академіи, въ которомъ указалъ на заслуги Н. И. Пирогова предъ академіей и военной медициной. Слѣдующее привѣтствіе произнесено было представителемъ Кіевскаго университета, деканомъ юридическаго факультета, профессоромъ А. В. Романовичъ-Славатинскимъ, который говорилъ, что для университета св. Владиміра Н. И. Пироговъ былъ дорогъ и будетъ памятенъ не только, какъ великій русскій мыслитель, но и какъ попечитель, управлявшій Кіевскимъ учебнымъ округомъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Представитель Казанскаго университета профессоръ И. М. Догель въ своемъ привѣтствіи высказалъ, что какъ всадникъ на берегахъ Невы (памятникъ Петру Великому) говоритъ о значеніи ознакомленія Россіи съ Западной Европой, такъ памятникъ Пирогову указываетъ Западу на необходимость ознакомленія его съ Россіей. Этотъ памятникъ представляетъ великій, замѣчательный актъ, свидѣтельствующій, что и среди славянскихъ народовъ могутъ являться такіе великіе умы, какъ Пироговъ, достигающіе высоты, на которой обыкновенно видѣли только геніальныхъ людей романскаго и германскаго племени. Свое привѣтствіе профессоръ заключилъ словами Пушкина: «Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!». Отъ Харьковскаго университета сказано было привѣтствіе деканомъ медицинскаго факультета Н. И. Кульчицкимъ. Далѣе произнесены были привѣтствія: отъ института топографической анатоміи и оперативной хирургіи Московскаго университета Ф. А. Рейномъ; отъ госпитальной хирургической клиники докторомъ Зыковымъ; отъ института оперативной хирургіи Томскаго университета профессоромъ А. А. Введенскимъ; отъ Бахрушинской больницы; отъ общества врачей Восточной Сибири, которое открываетъ въ Иркутскѣ хирургическую лѣчебницу съ постоянными кроватями въ память Н. И. Пирогова; отъ общества курскихъ врачей; отъ военныхъ врачей московскаго военнаго госпиталя и общества военныхъ врачей въ Москвѣ; физико-медицинскаго общества. Затѣмъ, прочтено было множество телеграммъ: отъ Варшавскаго университета; Юрьевскаго университета; медицинскаго совѣта военно-медицинской академіи; управленія Одесскаго учебнаго округа;

Кавказскаго учебнаго округа, отъ профессора Грубе и многочисленныхъ медицинскихъ обществъ и учрежденій по всей Россіи и медицинскихъ изданій. Между прочимъ было прочитано письмо отъ г. Безобразова, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе предоставить, по случаю настоящаго торжества, въ своемъ подмосковномъ имѣніи 4-мъ врачамъ-хирургамъ помѣщеніе на лѣтнее время. Профессоръ А. М. Макѣевъ возбудилъ вопросъ о созданіи дома имени Н. И. Пирогова, въ которомъ могли бы имѣть помѣщенія московскія медицинскія общества для своихъ занятій и для своихъ библіотекъ. Профессоромъ П. И. Дьяконовымъ были прочитаны телеграммы, полученныя изъ разныхъ концовъ обширнаго отечества; были также привѣтственныя телеграммы иностранныхъ ученыхъ. Въ числѣ телеграммъ находились депеши отъ варшавскаго и юрьевскаго университетовъ, отъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ управленія Одесскаго учебнаго округа, отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, отъ заслуженнаго профессора Н. Н. Новацкаго и др. Много телеграммъ было получено изъ Петербурга и Москвы, отъ медицинскихъ провинціальныхъ обществъ, отъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Телеграммы получались въ теченіе всего дня.

Работы по сооруженію памятника императору Александру II въ кремлѣ Московскомъ. Въ неособенно далекомъ будущемъ въ художественномъ мірѣ предстоитъ завершеніе долгихъ, трудныхъ и цѣнныхъ работъ по сооруженію памятника императору Александру II въ Москвѣ. Несомнѣнно также, что памятникъ этотъ—какъ по идеѣ, такъ и по исполненію—займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду наиболѣе важныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ обѣихъ частяхъ свѣта, и поэтому ознакомленіе съ положеніемъ работъ въ настоящее время будетъ вполнѣ умѣстно. Терраса памятника, облицованная метлахскимъ кирпичемъ и радомскимъ песчаникомъ, почти совсѣмъ готова. Остается только расшить швы и промыть кирпичъ, для чего въ настоящее время уже поставлены лѣса. Бронзовыя двери, узорныя и рельефныя, предназначенныя для того, чтобы закрывать три входа въ террасу, уже изготовлены, и въ скоромъ времени будетъ приступлено къ ихъ установкѣ на мѣсто. Начатыя въ прошломъ году, окружающія террасу памятника, кованныя изъ сѣраго гранита лѣстницы и цоколь въ нынѣшнемъ году были закончены, равно какъ и барьеръ правой стороны изъ метлахскаго камня, который дѣлается теперь на лѣвой сторонѣ и будетъ оконченъ не позже половины іюля. Для полнаго окончанія этихъ частей недостаетъ только плитъ сѣраго гранита, которыя будутъ служить покрытіемъ барьера; онѣ должны быть доставлены на постройку обществомъ «Гранитъ», въ Гангэ, къ 1-му августа текущаго года Галлерея была закончена вчернѣ еще въ прошломъ году; въ настоящее время производится ея окончательная зачистка и флаутированіе песчаника, причемъ $^2/_3$ этой работы теперь уже исполнены. Трехцвѣтный полированный полъ изъ свѣтлосѣраго, земнозеленаго, почти чернаго и темнорозоваго гранита уже настланъ во всей галлереѣ. Галлерея покрыта еще въ прошломъ году бетонными сводами системы Монье. Въ текущемъ строительномъ періодѣ они покрываются сверху водонепроницаемымъ слоемъ для предохраненія отъ дѣйствія мороза мозаики, которою они будутъ покрыты снизу. Мозаика эта представляетъ со-

бою разноцвѣтный орнаментъ съ тридцатью тремя медальонами — портретами русскихъ государей, начиная отъ Владимира Святого и кончая императоромъ Николаемъ I. Она была заказана комитетомъ двумъ венеціанскимъ фабрикамъ—«Venezia Murano» и «Societa Musira Veneziana»; двѣсти квадратныхъ метровъ ея уже доставлены на постройку, а остальная часть, за исключеніемъ портретовъ, находится въ дорогѣ. Изъ Венеціи прибыли мастера-спеціалисты, которые приступили къ постановкѣ мозаики на мѣстѣ. Всѣ работы по доставкѣ и постановкѣ мозаики, согласно условію, должны быть закончены къ 1-му августа 1897 года. Надъ галлереею въ прошломъ году поставлены желѣзныя стропила, и къ зимѣ были изготовлены на фабрикѣ Хлѣбникова: чисто бронзовый, отливной узорный, вызолоченный чрезъ огонь конекъ, и вчернѣ—мѣдная черепичная кровля, въ настоящее время половина черепицъ (свыше 10.000) окисляется подъ цвѣтъ зеленой бронзы, а другая половина золотится чрезъ огонь; по окончаніи этихъ работъ, будетъ немедленно приступлено къ установкѣ конька и къ покрытію кровли «въ узоръ» двуцвѣтной черепицы. Всѣ эти работы, по условію, должны быть окончены къ 15-му іюля 1897 года. Все, что сказано о галлереѣ, относится и до обоихъ боковыхъ сводовъ; относительно послѣднихъ слѣдуетъ еще замѣтить, что круглыя, окаймленныя сіяніемъ прапорцы для ихъ кровель,— одинъ съ изображеніемъ герба города Москвы — Георгія Побѣдоносца, а другой съ изображеніемъ герба царствующаго дома Романовыхъ—грифона съ мечемъ и щитомъ,— уже вылѣплены профессоромъ скульптуры, А. М. Опекушинымъ, отлиты изъ алебастра и въ недалекомъ будущемъ будутъ исполнены тѣмъ же художникомъ изъ бронзы и вызолочены чрезъ огонь для постановки на мѣсто. Всѣ эти работы должны быть закончены профессоромъ Опекушинымъ, согласно условію, къ 1-му августа 1897 года. Переходя къ серединѣ памятника, слѣдуетъ замѣтить, что она состоитъ изъ двухъ различныхъ частей: изъ средней большой сѣни и находящейся подъ нею статуи съ пьедесталомъ. Большая сѣнь будетъ исполнена изъ полированнаго темнорозоваго гранита съ бронзовыми украшеніями, темнозеленаго цвѣта съ золотою бликовкой. Въ прошломъ году было устроено подъ сѣнь огромное восьмигранное основаніе съ четырьмя лѣстницами изъ полированнаго гранита; въ нынѣшнемъ году приступлено къ сооруженію средней сѣни, весь матеріалъ для которой въ видѣ огромныхъ (иногда до 650 пуд. вѣсомъ) обдѣланныхъ и полированныхъ кусковъ гранита уже доставленъ изъ Гангэ на мѣсто работъ. Постройка сѣни, начатая весною, въ настоящее время исполнена уже приблизительно въ количествѣ двухъ третей, такъ что теперь ставятся замковые камни арокъ, а равно камни угловыхъ пилястръ; слѣдовательно, для окончательнаго возведенія каменныхъ частей сѣни остается только сдѣлать своды и вѣнчающій карнизъ. Всѣ эти работы, согласно условію, должны быть окончены къ 1-му августа 1897 года. Бронзовыя украшенія изготовляются въ Петербургѣ на фабрикѣ Берто; около двухъ третей ихъ доставлено на постройку, и часть ихъ поставлена уже на мѣсто. Всѣ работы по изготовленію и постановкѣ на мѣсто бронзы, согласно условію, должны быть закончены къ 1-му сентября 1897 года. Къ постановкѣ мозаики въ парусахъ и куполѣ главной сѣни будетъ приступлено тотчасъ по окончаніи ихъ устройства. Желѣзныя стропила

высокой четырехгранной, пирамидальной крыши средней сѣни были изготовлены еще къ осени прошлаго года и временно собраны на дворѣ фабрики Хлѣбникова для монтировки на нихъ вчернѣ бронзовой кровли. Эта кровля будетъ имѣть узоры слабаго рельефа, фонъ между которыми заштрихуется черной эмалью, а самые узоры будутъ вызолочены черезъ огонь; такимъ образомъ, кровля средней сѣни будетъ представлять собою какъ бы колоссальный парчевой шатеръ. Работа эта должна быть окончена къ 15-му іюля 1897 года. Большой бронзовый золоченый двуглавый орелъ въ настоящее время лѣпится профессоромъ Опекушинымъ и, согласно условію, долженъ быть имъ сданъ для постановки на мѣсто къ 1-му сентября 1897 года. Полированный гранитный полъ для площади памятника между средней сѣнью и галлереей въ настоящее время большею частью доставленъ съ завода, и настилка его будетъ начата тотчасъ же по снятіи лѣсовъ средней сѣни; матеріалъ для наружныхъ уступовъ этой части площади изъ полированнаго темнозеленаго гранита весь доставленъ на постройку и теперь ставится на мѣсто. Пьедесталъ для статуи изготовляется теперь на заводѣ общества «Гранитъ» и будетъ доставленъ въ Москву въ половинѣ августа текущаго года. Что касается самой статуи, въ ростъ въ Бозѣ почившаго императора, то она была изготовлена профессоромъ Опекушинымъ около двухъ лѣтъ тому назадъ. Нынѣшнею весною профессоромъ Опекушинымъ закончено въ глинѣ исполненіе той же статуи въ колоссальную проектную величину, вышиною въ семь аршинъ, какъ то требуется для памятника въ натурѣ; по окончаніи этой работы имъ было начато изготовленіе съ нея гипсовой модели, съ тѣмъ, чтобы приступить къ отливкѣ ея изъ бронзы. Статуя изъ бронзы въ проектную величину должна быть доставлена на постройку, согласно условію, въ сентябрѣ 1897 года; теперь же г. Опекушинъ обѣщаетъ ее доставить въ февралѣ будущаго года. Всѣ контрактные сроки, слѣдовательно, приноровлены такъ, чтобы постройка всего памятника вчернѣ была закончена къ будущей зимѣ и чтобы на весну будущаго года осталась только одна зачистка наружныхъ частей.

Археологическія находки. Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года въ городѣ Пирятинѣ Полтавской губерніи, въ «За́мкѣ» (такъ называется древняя часть города), крестьянинъ, производя рубку дровъ въ сараѣ, замѣтилъ серебряныя монеты небольшихъ размѣровъ, съ выпуклыми изображеніями фигуръ и словъ. Одна монета была продана мѣстному любителю коллекціонеру, который и сохранилъ ее. Монета, по словамъ «Кіевлянина», оказалась римскою, прекрасной сохранности; на одной сторонѣ ея—лицевой—находится выпуклое изображеніе головы съ прядями небольшихъ волосъ и лентой или вѣнкомъ, идущимъ ото лба вокругъ волосъ. Кругомъ головы выпуклый кружокъ, отстоящій на нѣкоторомъ разстояніи отъ краевъ монеты. Надписей на лицевой сторонѣ нѣтъ. На обратной сторонѣ монеты, въ кружкѣ, составленномъ изъ близко стоящихъ другъ возлѣ друга точекъ, находится также выпуклое изображеніе воина, несущаго на плечахъ какую-то фигуру, а въ правой рукѣ держащаго небольшую статую съ пальмовою вѣткой въ рукѣ; сзади фигуры сверху внизъ идетъ надпись Caesar. Крестьяне приносили небольшія серебряныя монеты и изъ другихъ мѣстъ Пирятинскаго уѣзда. Такъ, изъ Слѣпородскихъ хуторовъ, отстоя-

щихъ отъ Пирятина на разстояніи 7, 8 или 10 верстъ, принесено нѣсколько серебряныхъ монетъ, изъ числа которыхъ одна оказалась императора Антонина Пія, а другая—императора Траяна. На первой, на лицевой сторонѣ, вокругъ головы, обвитой лентой, сохранилась надпись, но не вся; легко можно прочитать ANTONINUS AUG..., а на обратной сторонѣ—изображеніе человѣка со шлемомъ на головѣ и копьемъ въ рукѣ. На второй монетѣ, вокругъ головы императора, обвитой отъ лба къ затылку лентой, сохранилась надпись: CAESAR TRAIAN HAD... На оборотной же сторонѣ—изображеніе женщины, въ римскомъ одѣяніи, опирающейся лѣвою рукой на подставку или копье, а правою поддерживающею складку одежды, вокругъ фигуры можно разобрать: P... M... P... Cos. III. На третьей монетѣ, потертой и нѣсколько неясной на лицевой сторонѣ, на обратной находится надпись, неполная, состоящая изъ слѣдующихъ буквъ: CON AV... IIII cos. Такимъ образомъ районъ находокъ римскихъ монетъ, столь часто попадающихся на правой сторонѣ Днѣпра, въ бассейнѣ рѣкъ Роси, Стугны, Тясмина и пр., теперь значительно долженъ быть расширенъ; находки римскихъ монетъ въ Пирятинскомъ уѣздѣ, въ Лохвицкомъ, Лубенскомъ и Роменскомъ (въ трехъ послѣднихъ уѣздахъ онѣ были констатированы не особенно давно) составляютъ собою то связующее звено, которое соединяетъ находки римскихъ монетъ Днѣпровскаго бассейна съ Донскимъ (Харьковской губерніи).

Чествованіе Ѳ. И. Колесова. Скромное чествованіе полувѣковой службы Ѳ. И. Колесова, о которой было напечатано въ «Смѣси» «Историческаго Вѣстника» за августъ мѣсяцъ, происходило 31-го іюля въ помѣщеніи книжнаго магазина «Новаго Времени». Почтенный юбиляръ, по обыкновенію, былъ и въ этотъ знаменательный для него день на своемъ обычномъ посту, полагая, что даже юбилейный его личный день, какъ не табельный, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отдыха и бездѣйствія. Поздравить г. Колесова и пожелать ему силъ и здоровья на продолженіе его дѣятельности еще въ теченіе многихъ лѣтъ заходило въ этотъ день въ магазинъ множество народа. Въ числѣ посѣтителей, главная масса которыхъ состояла изъ обычныхъ кліентовъ магазина, можно было замѣтить многихъ ученыхъ, писателей, лицъ высокопоставленныхъ. Другіе привѣтствовали юбиляра телеграммами и письмами, которыхъ накопилось въ этотъ день около стола г. Колесова цѣлая груда. Телеграммы были получены отъ гг. Суворина, Балобановой, Бильбасова, Верещагина, Гейнце и Литвина, В. Кривенко, В. Крылова, Кочетова, Лейкина, Немировича-Данченко, А. Чехова, Ярцева и многихъ другихъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ телеграмма г. Бильбасова, гдѣ авторъ Екатерины II писалъ: «Сердечно поздравляю васъ съ полувѣковымъ служеніемъ вашимъ на пользу русской книги. Съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаю ваши добрые мнѣ совѣты по поводу первой моей книги, изданной въ 1863 году. Кто любитъ русскую книгу, тотъ не можетъ не уважать васъ, какъ старѣйшаго въ Россіи книжника». Телеграмма гг. Гейнце и Литвина гласила: «Патріарху русскаго книжнаго торговаго дѣла шлютъ свой привѣтъ и самыя искреннія сердечныя поздравленія для васъ и для насъ всѣхъ знаменательнаго дня». Изъ числа телеграммъ не отъ міра писательскаго особенною теплотою дышало привѣтствіе вице-адмирала Казнакова. Его телеграмма гласила: «Отъ души привѣтствую

многоуважаемаго юбиляра, любезностью котораго я такъ часто пользовался. Жизнь ваша, какъ жизнь безупречнаго и честнаго труженика, можетъ быть примѣромъ для молодежи. Да хранитъ васъ Богъ еще на многіе годы и да пошлетъ вамъ утѣшеніе въ будущемъ».

Еще болѣе лестная оцѣнка и выраженіе сердечныхъ чувствъ заключались въ многочисленныхъ письмахъ, адресованныхъ въ этотъ день на имя юбиляра. Отмѣтимъ изъ числа этихъ письменныхъ выраженій сочувствія письма гг. Вейнберга, Григоровича, Кони, Пѣшковой-Толивѣровой и Леонтьева-Щеглова.

Г. Вейнбергъ пишетъ: «Примите мое сердечное поздравленіе съ 50-ти-лѣтнею годовщиною вашей дѣятельности. Чуть ли не ²/₃ этого времени знаю я васъ, близко знакомъ съ этою дѣятельностью и отъ души привѣтствую васъ въ качествѣ русскаго литератора, потому что и на самомъ себѣ испыталъ и на другихъ видѣлъ ваше горячо сочувственное, вполнѣ просвѣщенное отношеніе къ литераторному міру, которому такъ часто приходится становиться въ соприкосновеніе съ міромъ книгопродавческимъ, пользоваться его услугами, указаніями и т. п. Но вы не ограничивались этимъ. Вы неоднократно приходили и въ чисто-матеріальномъ отношеніи на помощь русскому труженику-писателю, по мѣрѣ силъ выводили его изъ тяжелаго положенія, въ которое онъ такъ часто попадаетъ, — и никогда въ этихъ случаяхъ не руководились никакими интересами, кромѣ чисто-литературныхъ и сердечныхъ. Вы, однимъ словомъ, и глубокій знатокъ своего дѣла, и безукоризненный исполнитель его, и прекрасный человѣкъ. Что касается до послѣдняго, то прекраснымъ человѣкомъ вы, конечно, останетесь до конца своей жизни, на которую имѣете полное право оглянуться съ отраднымъ сознаніемъ, что никогда и ни въ чемъ не измѣнили своему нравственному долгу. А какъ исполнителю его въ будущемъ—дай вамъ Богъ еще долго сохранить физическія силы, которыя помогали бы вамъ работать также честно и усердно, какъ работали вы до сихъ поръ. Я не сомнѣваюсь, что многіе мои собратья по литературѣ съ удовольствіемъ присоединились бы къ тому, что высказано въ этомъ письмѣ». Какъ бы въ подтвержденіе настоящихъ словъ мы читаемъ въ слѣдующихъ письмахъ — Д. В. Григоровича: «Сегодня вернувшись изъ Бидъ-Галя, узналъ изъ газетъ о вашемъ юбилеѣ и спѣшу отъ всего сердца поздравить васъ, пожелать вамъ возможнаго счастія и долгой жизни, чтобы пробуждалось къ вамъ еще долгое время то чувство истиннаго уваженія, которое испытываетъ каждый, кто васъ знаетъ»; А. Ѳ. Кони: «Позвольте и мнѣ принести вамъ искреннее поздравленіе съ днемъ пятидесятилѣтія вашей дѣятельности на поприщѣ книжнаго дѣла, столь нужнаго для нравственнагоо и умственнаго развитія нашего общества. Вы отдали ему всю вашу жизнь, и путь вашъ не всегда былъ усѣянъ розами. Ѳто, безъ сомнѣнія, отразилось и на вашемъ здоровьи, которое внушало серьезныя опасенія всѣхъ знавшихъ васъ этою весною. Пускай же оно станетъ крѣпко и неизмѣнно и еще надолго дастъ вамъ силы съ любовью служить своему дѣлу. Желая вамъ всего хорошаго, прошу васъ вѣрить моей душевной преданности и глубокому уваженію»; г-жи Пѣшковой-Толивѣровой: «Сегодня исполнилось 50 лѣтъ вашего служенія на книжномъ поприщѣ. Срокъ не малый и дѣятельность не легкая! Но я увѣрена, что вы, вспоминая сегодня этотъ большой про-

межутокъ времени и многія трудности, вспоминая также и много отраднаго. Въ этотъ большой промежутокъ времени вы встрѣчались съ лучшими представителями нашей науки и литературы и съ еще большимъ числомъ тружениковъ, которымъ вы помогали и совѣтами и тѣмъ, чѣмъ бываетъ живъ человѣкъ. Позвольте мнѣ, какъ принадлежащей къ средѣ послѣднихъ, поблагодарить васъ и пожелать прежде всего здоровья, а также полнаго счастія на много, много лѣтъ»; г. Леонтьева-Щеглова: «Одинъ ученый сказалъ, что «первая хорошая книга для чтенія нерѣдко опредѣляетъ всю жизнь человѣка!» И эту первую хорошую книгу для чтенія я получилъ изъ рукъ вашихъ, когда много лѣтъ тому назадъ съ дѣдомъ моимъ и добрымъ знакомымъ вашимъ, барономъ В. К. Клодтомъ, зашелъ въ Гостиный дворъ, въ книжный магазинъ Ѳ. И. Колесова... Какая собственно то была книга, я теперь позабылъ — но, должно быть, это была очень хорошая (дурной вы не могли предложить!), потому что вскорѣ послѣ того я не только засѣлъ усиленно читать, но и... пошелъ писать, то-есть сдѣлался господиномъ сочинителемъ. И — о непостижимая связь событій! — послѣдняя книга моего сочиненія была издана подъ зоркимъ покровительствомъ все того же... Ѳ. И. Колесова! Такимъ образомъ, добрѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ какъ бы счастливо сталъ на двухъ крайнихъ пунктахъ моей жизни — и вы поймете, съ какимъ искреннимъ волненіемъ и живою признательностью привѣтствую я нынѣ дорогого Ѳедора Ивановича въ его новомъ, такъ сказать, «юбилейномъ изданіи».

Сердечною теплотою также дышатъ письма сенатора Герке, гг. Генкеля, Губинскаго, профессора Демьяненкова, Савурскаго и др.

Кромѣ этихъ выраженій сочувствія, чествованіе г. Колесова было отмѣчено и болѣе осязательными знаками вниманія. Такъ сослуживцы его по книжному магазину «Новаго Времени» и его отдѣленій поднесли ему роскошный серебряный бюваръ превосходнѣйшей работы, при чемъ однимъ изъ служащихъ въ магазинѣ было произнесено прочувствованное слово; Одесское отдѣленіе книготорговой фирмы прислало отдѣльный подарокъ. Редакція журнала «Игрушечка» подарила ему массивную чайную ложку, прекраснаго рисунка, д-ръ Симоновъ — серебряное перо и карандашъ, г. Коломнинъ — изящную и дорогую вещицу для письменнаго стола, г. Марксъ — роскошное изданіе «Фауста» въ дорогомъ переплетѣ, г. Мартыновъ — юбилейное изданіе С. Т. Аксакова. Депутація книготорговцевъ съ гг. Карбасниковымъ и Ледерле во главѣ, принеся коллективное поздравленіе юбиляру, объявила о присужденіи ему обществомъ книготорговцевъ и издателей почетнаго жетона по случаю полувѣковой дѣятельности, который, однако, ко дню юбилея не успѣлъ быть изготовленъ.

† **Ѳ. И. Буслаевъ.** Въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ скончался, 31-го іюля, въ 11 часовъ вечера, ординарный академикъ императорской академіи наукъ, заслуженный профессоръ и почетный членъ Московскаго университета Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, выдающійся изслѣдователь русскаго языка, старой русской письменности, народной поэзіи и древняго русскаго искусства. Труды всей его жизни были посвящены изслѣдованіямъ родной старины, и въ этой области онъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ, явившись главнымъ представителемъ новаго движенія въ нашихъ этнографическихъ и фило-

логическихъ изслѣдованіяхъ, начавшагося въ 50-хъ годахъ. Покойный родился 13-го апрѣля 1818 года, въ Керенскѣ, Пензенской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ секретаремъ въ уѣздномъ судѣ. Рано потерявъ отца, онъ провелъ дѣтскіе и отроческіе годы въ Пензѣ. Его первоначальнымъ образованіемъ руководила мать, затѣмъ онъ учился въ пензенской гимназіи, въ которой нѣкоторое время его учителемъ по русской словесности былъ Бѣлинскій. Кончивъ гимназическій курсъ, Ѳ. И. поступилъ въ 1834 году въ Московскій университетъ на историко-филологическій (тогда «словесный») факультетъ. Въ университетѣ онъ своимъ талантомъ и трудолюбіемъ обратилъ на себя вниманіе бывшаго въ то время попечителемъ Московскаго университета, графа С. Г. Строгонова. Окончивъ университетскій курсъ въ 1838 году, Буслаевъ былъ назначенъ сверхштатнымъ учителемъ во вторую московскую гимназію, но въ слѣдующемъ году оставилъ эту должность, принявъ приглашеніе графа Строгонова сопровождать его въ заграничномъ путешествіи въ качествѣ домашняго учителя дѣтей графа. Зависимое положеніе домашняго учителя имѣло свои неудобства, которыя вознаграждались, впрочемъ, внимательнымъ отношеніемъ къ молодому педагогу со стороны графа Строгонова. Кромѣ того, заграничное путешествіе доставило покойному возможность изучить сокровища науки и искусства въ Италіи, гдѣ преимущественно было проведено время путешествія. Ѳ. И. пробылъ за границею въ Германіи, Франціи и Италіи два года. По возвращеніи, въ 1841 году, онъ занялъ мѣсто учителя въ 3-й московской гимназіи и вскорѣ блестяще выступилъ въ качествѣ писателя и ученаго на литературномъ поприщѣ. Въ 1842 году онъ былъ прикомандированъ въ помощники профессорамъ И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву для просмотра письменныхъ работъ студентовъ. Къ этому времени и относится начало его литературной дѣятельности въ видѣ нѣсколькихъ статей и рецензій въ «Москвитянинѣ». Первая книга покойнаго «О преподаваніи отечественнаго языка», появившаяся въ печати въ 1844 году, произвела большое впечатлѣніе. Авторъ задался цѣлью — освѣжить и расширить гимназическій курсъ отечественнаго языка сообразно съ указаніями филологической науки и блестяще исполнилъ эту задачу, примѣнивъ къ изслѣдованію русскаго языка сравнительное языкознаніе и историческій методъ и снабдивъ свой трудъ цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ изслѣдованій и замѣчаній о свойствахъ, содержаніи и исторической судьбѣ русскаго языка. Въ январѣ 1847 года Буслаевъ приглашенъ былъ читать въ Московскомъ университетѣ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, сравнительную граматику и исторію русскаго языка. Въ слѣдующемъ году онъ защитилъ диссертацію на степень магистра, избравъ темой для дисертаціи: «Вліяніе христіанства на славянскій языкъ». Этотъ трудъ, имѣя болѣе археологически-бытовой или культурный характеръ, чѣмъ строго формально-лингвистическій, явился однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ опытовъ исторіи языка, которые понимались авторомъ, по отзыву Котляревскаго, не внѣшнимъ образомъ, а въ связи съ движеніемъ жизни и исторіи. Диссертація эта, по словамъ А. Н. Пыпина, «была въ нашей литературѣ совершенною новостью—это былъ первый опытъ примѣнить сравнительное и историческое языкознаніе къ древностямъ славянскаго языка, откуда извлекалась бытовая картина той далекой поры,

на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ никогда еще не покушалась русская наука». Послѣ защиты диссертаціи Буслаевъ былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русскаго языка въ Московскомъ университетѣ, затѣмъ въ 1852 году въ качествѣ авторитетнаго спеціалиста приглашенъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Галаховымъ, управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для преобразованія преподаванія русскаго языка и словесности въ этихъ заведеніяхъ. Въ это время были составлены покойнымъ «Историческая граматика русскаго языка» (1858 года) и «Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка» (въ 1861 году). Въ послѣдней книгѣ памятники русской письменности, изъ которыхъ многіе появились въ печати въ первый разъ, были напечатаны съ сохраненіемъ стараго правописанія. Въ 1859 году, Ѳ. И. былъ приглашенъ преподавать русскій языкъ и литературу покойному наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу до 31-го декабря 1860 года. Въ этотъ годичный періодъ имъ были прочтены сто лекцій, изъ которыхъ шестьдесятъ уцѣлѣли въ спискѣ, теперь находящемся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ (№ 3.192), а оригиналы въ полномъ составѣ хранятся въ кабинетѣ почившаго государя императора Александра III. Въ 1861 году, покойный издалъ въ двухъ большихъ томахъ собраніе своихъ прежнихъ и новыхъ трудовъ по русской старинѣ и народности: «Историческіе очерки русской народной словесности и народности» — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ въ русской этнографіи, и затѣмъ выпустилъ рядъ работъ, посвященныхъ попреимуществу древнему русскому искусству. Изъ нихъ назовемъ: «Русскіе духовные стихи» («Русская Рѣчь», 1861 года), «Русскій богатырскій эпосъ» («Русскій Вѣстникъ», 1862 года), «Слѣды русскаго богатырскаго эпоса въ миѳическихъ представленіяхъ индоевропейскихъ племенъ» («Филологическія Записки», 1862 и 1863 гг.), «Общія понятія о русской иконописи» (1866 года), «Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи» («Русскій Вѣстникъ» 1872 — 1873 года), «Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣчествѣ» («Русскій Вѣстникъ» 1873 года), «Клинообразныя подписи Ахеменидовъ» («Русскій Вѣстникъ» 1873 года), «Странствующіе повѣсти и разсказы» («Русскій Вѣстникъ», 1874 года), образцы письма и украшеній изъ Псалтыри XV вѣка (изданы въ 1881 году) и капитальный трудъ по изученію лицевого (снабженнаго картинами) русскаго стараго Апокалипсиса. Работая на ученомъ поприщѣ, Буслаевъ не забылъ и русское учащееся юношество. Имъ составленные «Русская хрестоматія, памятники древне-русской литературы и народной словесности» (1870 года) и «Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою» (1-е изд. 1869 года)—разошлись въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, выдержавъ рядъ послѣдовательныхъ изданій.

Въ 1881 году, Ѳ. И. прекратилъ свою профессорскую дѣятельность въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ занималъ каѳедру русскаго языка и словесности, будучи съ 1861 года докторомъ русской словесности, и всецѣло отдался литературнымъ трудамъ, конечно, постольку, поскольку позволяли ему силы. Въ послѣдніе годы онъ издалъ новыя собранія своихъ работъ, разсѣянныхъ по журналамъ и сборникамъ (наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ Ѳ. И. былъ въ «Архивѣ» Калачова) и посвященныхъ какъ этнографіи, такъ и об-

щимъ вопросамъ литературы и современной жизни. Имъ изданы «Мои досуги» (два тома, 1886 года), «Народная поэзія—историческіе очерки» (Спб., 1887 года), «Мои воспоминанія» («Вѣстникъ Европы», 1890—1892 гг. и сборникъ «Починъ» 1896 года). За время своей 40-лѣтней дѣятельности покойный составилъ драгоцѣнную библіотеку, изъ состава которой въ 1893 году уступилъ рукописное собраніе (98 №№), высоко цѣнимое спеціалистами, императорской Публичной библіотекѣ, а собраніе фамильныхъ бумагъ, переписку со многими учеными и курсы собственныхъ лекцій пожертвовалъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи.

Послѣдніе два года Ѳ. И. провелъ въ тяжкихъ страданіяхъ. Онъ лишился зрѣнія, затѣмъ подкралась къ нему тяжелая внутренняя болѣзнь (ракъ). Все лѣто онъ тяжело страдалъ, едва собравшись съ силами переѣхать на дачу въ Люблино, гдѣ его и не стало. Похороны покойнаго состоялись 3-го августа. Отпѣваніе тѣла было совершено послѣ заупокойной литургіи въ университетской церкви профессоромъ богословія протоіереемъ Н. А. Елеонскимъ, соборнѣ, при участіи хора пѣвчихъ. На гробъ умершаго ученаго были возложены вѣнки: отъ императорской академіи наукъ, отъ Московскаго университета, отъ города Москвы, отъ историко-филологическаго факультета, общества любителей россійской словесности, отъ московской 3-й гимназіи и отъ бывшихъ учениковъ (серебряный). При отпѣваніи присутствовали: попечитель Московскаго учебнаго округа Н. П. Боголѣповъ, помощникъ попечителя В. Д. Исаенковъ, ректоръ Московскаго университета П. А. Некрасовъ, деканы факультетовъ и профессора, представители общества любителей россійской словесности, императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, педагогическій персоналъ 3-й московской гимназіи съ директоромъ Л. I. Лавровскимъ во главѣ, много бывшихъ учениковъ и почитателей памяти Ѳ. И. Буслаева и студенты. Отдать послѣдній долгъ почившему профессору прибылъ также московскій городской голова князь В. М. Голицынъ, возложившій лично вѣнокъ. Изъ храма гробъ вынесли на рукахъ сослуживцы и почитатели памяти покойнаго. Печальная процессія направилась въ сопровожденіи многихъ изъ присутствовавшихъ лицъ въ Новодѣвичій монастырь по Моховой, Воздвиженкѣ, Поварской, Новинскому бульвару и чрезъ Плющиху по Дѣвичьему полю. Противъ квартиры покойнаго была совершена литія. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ у св. воротъ процессія была встрѣчена монастырскимъ духовенствомъ. Гробъ былъ отнесенъ къ могилѣ, приготовленной сзади алтаря соборнаго храма, рядомъ съ могилой романиста М. Н. Загоскина и недалеко отъ могилы профессора Московскаго университета А. Л. Дювернуа. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу, профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти Ѳ. И. Буслаева. Могильный холмъ былъ украшенъ вѣнками. («Нов. Вр.», № 7699; «Моск. Вѣд.», №№ 210, 211, 212; «Русск. Вѣд.», № 212; «Нов.», № 212).

† **В. I. Шервудъ.** 9-го іюля, въ Москвѣ, скончался одинъ изъ маститыхъ русскихъ художниковъ, академикъ портретной живописи, Владиміръ Іосифовичъ Шервудъ. Покойный пользовался извѣстностью не только выдающагося живописца, но и талантливаго скульптора и архитектора. Покойный родился въ 1833 году въ селѣ Іслѣевѣ, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Отецъ

его, родомъ англичанинъ, былъ вызванъ императоромъ Павломъ I, какъ искусный инженеръ-технологъ, для устройства водяныхъ путей, соединяющихъ Балтійское и Каспійское моря. Ему полюбилась Россія; онъ женился тутъ на малороссіянкѣ, и сынъ его не только родился и воспитался въ Россіи, но и всю жизнь оставался однимъ изъ самыхъ искреннихъ горячихъ русскихъ патріотовъ. Оставшись пятилѣтнимъ сиротой, онъ былъ опредѣленъ въ московское сиротское межевое училище, гдѣ архитектуру преподавалъ П. П. Зыковъ, которому Владиміръ Іосифовичъ былъ много обязанъ изученіемъ первыхъ основъ архитектуры. Первымъ его опытомъ на художественномъ поприщѣ было устройство декорацій для спектакля въ названной школѣ. При содѣйствіи Зыкова онъ былъ затѣмъ переведенъ въ архитектурную дворцовую школу, руководимую профессоромъ архитектуры Ѳ. Ѳ. Рихтеромъ. Будучи еще мальчикомъ, покойный самостоятельно рисовалъ уже портреты акварелью; въ дворцовой же школѣ, подъ вліяніемъ хорошихъ коллекцій, античныхъ статуй и эстамповъ, онъ началъ компановать какъ архитектурные, такъ и фигурные сюжеты. Рихтеръ хлопоталъ отправить юношу въ академію художествъ, но неудачно. Тогда Владиміръ Іосифовичъ былъ переведенъ въ Московское училище живописи, ваянія и зодчества. Окончивъ здѣсь курсъ по художественному классу и получивъ въ 1857 году отъ академіи художествъ званіе свободнаго художника пейзажной живописи, покойный исполнялъ самыя разнообразныя работы: рисовалъ орнаменты, архитектурные рисунки, пейзажи и портреты. Благодаря случайнымъ знакомствамъ съ иностранцами, онъ сталъ получать заказы русскихъ жанровъ за границу и въ началѣ 60-хъ годовъ, по приглашенію Чарльза Диккенса, отправился въ Англію писать портреты съ его семьи. Тамъ Владиміръ Іосифовичъ пробылъ пять лѣтъ, писалъ портреты, пейзажи, жанры, изучалъ акварельную живопись и дѣлалъ архитектурные проекты. Вернувшись въ Москву, онъ написалъ много портретовъ, между прочимъ, портреты А. В. Станкевича, В. И. Герье, Б. Н. Чичерина, Кетчера, Тютчева, князя В. А. Долгорукова и др. За картину «Бесѣда Христа съ Никодимомъ», написанную въ это время, покойный получилъ отъ академіи художествъ званіе классного художника третьей степени, въ 1869 году за портреты — званіе класснаго художника первой степени, а черезъ три года — званіе академика за портретъ И. Е. Забѣлина. Занимаясь живописью, Владиміръ Іосифовичъ не забылъ и архитектуры. Бывшій директоръ московскаго Строгановскаго училища г. Бутовскій заказалъ ему проектъ зданія музея школы въ русскомъ стилѣ; когда же былъ объявленъ конкурсъ на постройку въ Москвѣ историческаго музея, его проектъ былъ награжденъ первой преміей и избранъ для постройки зданія. Каждый залъ музея былъ скомпанованъ покойнымъ въ стилѣ, соотвѣтственномъ его назначенію, для чего Владиміръ Іосифовичъ пользовался указаніями профессоровъ С. М. Соловьева и Ѳ. И. Буслаева, а также самостоятельно изучалъ стиль каждаго періода нашей архитектуры. Несмотря на то, что этотъ трудъ покойнаго былъ одобренъ академіей, проектъ Шервуда не былъ осуществленъ. Имъ представлялись также на конкурсы проекты зданія Верхнихъ торговыхъ рядовъ и зданія Московской городской думы. Во время составленія проекта музея, покойный занялся скульптурой. Первой удачной попыткой его

въ этомъ родѣ явилась фигура Баяна. Затѣмъ онъ сдѣлалъ рядъ бюстовъ (профессора С. М. Соловьева и др.) и позже составилъ нѣсколько проектовъ памятниковъ. По его проекту сооружены памятники «Плевненскимъ героямъ» въ Москвѣ и императору Александру II въ Самарѣ и Казани, генералу Ѳ. Ѳ. Радецкому въ Одессѣ, наконецъ, Н. И. Пирогову въ Москвѣ, до открытія котораго Владиміру Іосифовичу не удалось дожить всего нѣсколько дней. Изъ другихъ многочисленныхъ художественныхъ работъ покойнаго можно назвать картину «Пожаръ Москвы въ 1812 г.» и рисунокъ блюда, поднесеннаго императору Александру II во время коронованія. Помимо того, Шервудъ выступалъ довольно много и въ печати; немало онъ сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» недавно напечаталъ свой капитальный трудъ «Опытъ изслѣдованія законовъ искусства: живопись, скульптура, архитектура и орнаментика (1894 г., кн. 7—12; 1895 г., кн. 1—2). Немало потрудился онъ, и какъ общественный дѣятель, долгое время состоя гласнымъ московской городской думы, и особенно живое участіе принималъ въ разрѣшеніи вопроса о городской канализаціи («Нов. Вр.», № 7676; «Моск. Вѣд.», № 188; «Русск. Вѣд.», № 189; «Нов.», № 190).

† **А. Н. Буховцевъ.** 25-го іюля, въ Швейцаріи, скончался извѣстный музыкальный педагогъ, Александръ Никитичъ Буховцевъ. Покойный, насколько извѣстно, учился въ Воронежской гимназіи, но потомъ задумалъ избрать музыкальную карьеру. Пріѣхавъ въ Москву, онъ сталъ брать уроки у А. И. Дюбюка и, получивъ значительную подготовку, поступилъ въ Московскую консерваторію, въ классъ Н. Г. Рубинштейна, гдѣ и пробылъ около двухъ лѣтъ. Убѣдившись въ отсутствіи настоящаго виртуознаго таланта, покойный не пожелалъ гнаться за полученіемъ консерваторскаго диплома и вышелъ до окончанія полнаго курса, отдавшись съ того времени педагогической дѣятельности. Достаточно владѣя двумя иностранными языками — французскимъ и нѣмецкимъ, — онъ перевелъ на русскій языкъ нѣсколько музыкально-педагогическихъ сочиненій и самъ написалъ нѣсколько книжекъ; одна изъ нихъ — «Объ употребленіи педали въ фортепьянной игрѣ», составленная въ сотрудничествѣ съ С. И. Танѣевымъ, — переведена на французскій и нѣмецкій языки. Сверхъ того, покойному принадлежитъ еще обширное такъ называемое «инструктивное» изданіе выбора фортепьянныхъ пьесъ для преподаванія, напечатанное у различныхъ издателей. Давая много частныхъ уроковъ, А. Н. Буховцевъ, кромѣ того, состоялъ уже много лѣтъ инспекторомъ музыки въ Николаевскомъ женскомъ институтѣ. За послѣднія лѣтъ десять онъ проводилъ вакаціонное время обыкновенно за границей, гдѣ дополнялъ и развивалъ свои взгляды на музыкальное преподаваніе посредствомъ знакомствъ и обмѣна мыслей съ наиболѣе извѣстными педагогами Германіи и Франціи. Въ прежнее время покойный помѣщалъ иногда свои музыкальныя замѣтки въ различныхъ газетахъ. Скончался онъ лѣтъ около 50-ти отъ роду («Русск. Вѣд.», № 180).

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ.

Еще о Разинскихъ кладахъ.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 616), со словъ «Волгаря» сообщено, что нѣкто г. Ящеровъ, имѣя въ рукахъ какое-то рукописное сказаніе, намѣревается отыскать въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи сорокъ (?) кладовъ, зарытыхъ, будто бы, Стенькой Разинымъ, но Нижегородская архивная комиссія, послѣ разрѣшенія императорской археологической комиссіи производить г. Ящерову раскопки,—препятствуетъ ему въ этомъ.

Послѣ отъѣзда моего изъ Нижняго я не могу утвердительно сказать, было ли по этому поводу особое засѣданіе Нижегородской комиссіи и какъ она формулировала свой отказъ г. Ящерову, но знаю хорошо, что точно такое же «рукописное сказаніе», которое находится въ рукахъ г. Ящерова, имѣется также и въ архивѣ Нижегородской комиссіи (въ рукописномъ отдѣлѣ, въ папкѣ № 1). Это—не что иное, какъ «кладная запись»[1]), данная неизвѣстнымъ лицомъ какимъ-то пріятелямъ своимъ: «Мурахину и Купреяну Вилякову и другу... милому», и хотя въ концѣ ея существуетъ помѣтка: «1650 года», а затѣмъ отъ времени нѣкоторыя слова стерлись, но, судя по скорописи, бумагѣ (бѣлая) и особенно языку и оборотамъ рѣчи, трудно повѣрить, чтобы она была написана въ этомъ именно году. Это будетъ тѣмъ болѣе сомнительно, что цифры года поставлены не славянскими буквами, а арабскими знаками, чего, какъ извѣстно, въ Россіи въ XVII столѣтіи еще не употреблялось. Но допуская даже происхожденіе этой записи въ 1650 году, нельзя сказать утвердительно, что она принадлежитъ Степану Разину, который, какъ извѣстно, разгуливалъ по Волгѣ лишь въ 1667—1672 годахъ. Надо думать, что запись эта позднѣйшаго происхожденія или же, въ крайнемъ предположеніи, составляетъ недавній списокъ съ записи прежняго времени. Вотъ она въ выдержкахъ и съ исправленіемъ орѳографіи подлинника.

«Другу милому. Предъявляю я тебѣ кладны и выходы, самъ ты, мой другъ, это знаешь: въ лѣсахъ, въ крѣпкихъ мѣстахъ, на рѣкѣ Алаторѣ, на Суходолѣ, на сухихъ падчихъ (?) вершинахъ проведена была плотина къ мару [2]), въ томъ мару поклажа пивной котелъ денегъ; отъ мара до сосны 80 саженъ, у той сосны—два куба (?), одинъ на востокѣ, а два на западъ; отъ той сосны до избы 50 саженъ. Изба моя на западъ солнца, а двери на полудень. Какъ взойдешь въ избу, повороти на лѣвую сторону; тутъ въ углу пивной котелъ серебра, въ другомъ (углу?)—тоже; въ чуланномъ углу надъ перерубомъ—3 пуда и 30 фунт. жемчугу. Среди избы, подъ перерубомъ—кубъ, на кубѣ—складни

---

[1]) Пріобрѣтенная покойнымъ предсѣдателемъ Нижегородской комиссіи А. С. Гацисскимъ у какого-то крестьянина за 50 коп.

[2]) Маръ, т. е. курганъ, искусственное возвышеніе.

золотые и весьма дорогіе табакерка (и) часы [1]; въ другой горницѣ напротивъ положено безъ счету... Отъ сѣней избы на полдень маръ четвероугольный. Въ немъ собраны ратовищи отъ рогатинъ. Въ огородѣ на рѣкѣ Алатырѣ... въ концѣ средней гряды выходъ. Въ томъ выходѣ 4 осьмины золота да хомуты и ружье, и посуда седебряная, и образа жемчужные... На той грядѣ по конецъ стоитъ сосна, у той сосны кубъ на сѣверную сторону, а примѣты той сосны: (въ нее) врѣзано Распятіе и образъ Богоматери... Противъ мару привязана лодка... въ ней двѣ четверти серебра, а другая лодка въ Кочкарскомъ болотѣ— мѣдь съ серебромъ, да еще у молодаго дуба у зеленаго, на лѣвомъ берегу, отъ воды отмѣрить 3 аршина, положенъ сундукъ арабскаго золота, а его взялъ я у арзамасскаго воеводы; и еще взялъ дочь барышню, и никому иному надругаться не давалъ и поѣхалъ я на дуванъ, а ей обѣщанье далъ, что если благополучно возвращусь, то ее отпущу въ отечество съ награжденіемъ. А она, не дождавшись меня, бѣжала и навязала въ платокъ легкаго сокровища 25 тысячъ. Услыхала меня, что я ѣду, залегла въ наклепую липу въ дупло. Но я ее догналъ съ собаками и изрубилъ тутъ въ мелкіе кусочки и положилъ оное сокровище съ нею въ землю. А зарылъ ее между дорогъ и навалилъ камень; на немъ сдѣлалъ знакъ валька, что платья моютъ. Съ оной печали поѣхалъ я на дуванъ, и на томъ дуванѣ не было мнѣ устали. Проѣхалъ я мимо села Смолина и снялъ съ колокольни колоколъ, привезъ его домой и насыпалъ въ оный серебра съ мѣдью и кабацкое ведро жемчугу, которое обѣщано было моей красавицѣ, и положилъ (все это) подъ наклепую [2] березу, которая одѣла вѣтвями рѣку Алатырь.

«Да у трехъ сосенъ (въ 4 саж. отъ березы на сѣверную сторону) пивной котелъ трехполочный... мѣди... не досыпанъ казной, а докладалъ серебряною посудою... Посреди двора представленъ мельничный камень ребромъ, а нижкой на зимній восходъ. Подъ нимъ казны безъ счету, что я не ношенками носилъ, а возами возилъ. Насупротивъ моего двора озеро... въ него пущена вода изъ Алатыря... тутъ я плавалъ на епанчахъ и насыпалъ въ оныя (т. е. епанчи) казны безъ счета... На самомъ мысу, противъ полуденъ стоятъ дубъ и береза на... проверчена и вколоченъ въ нихъ рычагъ и повѣшенъ на ономъ пивной котелъ денегъ, въ которомъ (т. е. котлѣ) я на 70-ть человѣкъ брагу варилъ.

«Кругъ моего двора топи и болота трясучія и непроходимыя. Ѣдучи отъ Арзамаза на правой сторонѣ за Галевымъ боромъ (гдѣ жилъ Калина Голявинъ)... были Калиновый боръ и Клюковское болото... и Косая поляна, гдѣ въ двухъ верстахъ былъ мордвинъ Рузанъ»... съ которымъ составитель кладной записи побратались, помѣнялись крестами и ходили другъ другу въ гости «по тропеночной тропѣ». И вотъ по этой тропѣ, указываетъ онъ, «въ правой рукѣ на соснѣ вырѣзалъ статую медвѣжью харю, которая пальцемъ указывала на поклажи, а по другую сторону противъ лица хари, въ 30-ти саженяхъ, на полуденную сторону положенъ кубъ серебра»...

---

[1]) Уже по одному этому видно, что кладная запись не могла быть написана въ XVII столѣтіи.

[2]) Развѣсистая, навислая.

«Колодезь мой былъ въ полугорѣ къ Алатырю, и въ немъ опущенъ кубикъ золота и залитъ воскомъ чистымъ, ярымъ, а закрытъ былъ берестомъ и наваленъ чугунною доскою. Входъ къ оному колодцу—каменная лѣстница, и гдѣ мои горницы были, отъ оныхъ тропа до колодца 15 саж. выстлана камнемъ; а гдѣ дворы были, тутъ все подъ порогами на землѣ выстлано камнемъ, также и гдѣ окно—все выстлано... На дворѣ отъ воротнихъ столбовъ въ восьми саж. двѣ стоговыя ямы. Изъ оныхъ земля вытаскана на четвертоугольный маръ и въ оныхъ (ямахъ) поклажа: въ одной положенъ кубъ, въ другой—тоже, (отъ нихъ) отмѣрить аршинъ въ четырехъ мѣстахъ — въ сторонахъ положено по кубу серебра»...

Далѣе, называя друга своего «куманекъ мой любезный», составитель записи повѣствуетъ, что у него было 12-ть дворовъ, изъ нихъ только на 4-хъ дворахъ была «вся поклажа». «На лѣтнемъ же убѣжищѣ на среднемъ дворѣ, на нущѣ (?), на Васильѣ, на Шивцѣ тутъ я вино сидѣлъ... избы были на сѣверную сторону... гряды были концами на полуденную сторону... Оныя избы были на высокомъ мѣстѣ, на бугрѣ... Погребъ былъ въ полугорѣ, а въ немъ поклажи: четыре куба по угламъ. Противъ запруды моей маръ и воономъ (мару) два кувшина: въ одномъ серебро, а въ другомъ золото—счетомъ 25 тысячъ. Дороги мои были на арзамасскую сторону, и по правую сторону ко Арзамасу у дороги въ сторонѣ маръ каменный, а у того мара въ сторонахъ два куба: одинъ на полудень, а другой на лѣтній восходъ—на аршинъ отъ мару...

«И повѣрь мнѣ, любезный куманекъ, эту казну взялъ три раза: Макарьевскую ярмарку разбивалъ, обозы нагребалъ, да авлина (?) татарина разбилъ—37-мь тысячъ взялъ да коня стоялова и посуды серебряной; еще Троицкій городъ разбилъ, обозъ насыпалъ; Спасскій городъ разбилъ, — безъ казны государственной отбылъ; Богомоловскій монастырь разбилъ, взялъ въ немъ мѣди 77-мь тысячъ, (взять-то) взялъ, и съ того года на меня бѣды и напасти пришли... и оная казна положена среди средняго двора»...

Этимъ запись кончается. Можно ли по этимъ примѣтамъ найти мѣстность и опредѣлить 40 кладовъ именно въ Лукьяновскомъ уѣздѣ,—предоставляемъ судить читателямъ.

П. Юдинъ.